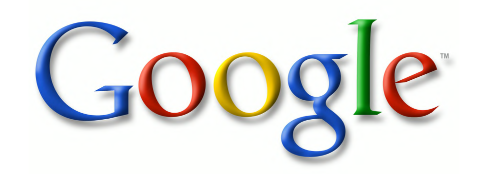
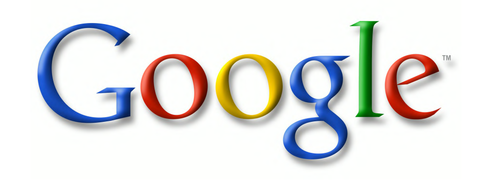

Google

VE RI
TAS

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ.

ПЕРВЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ II.

ГОДЪ XXX. — ТОМЪ CLXXVI. — 9/21 ІЮНЯ 1866.

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ
ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКИХЪ НАУКЪ.

ПЕРВЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ II.

ІЮНЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Галерная, 20.

1866.

Въ типографіи Ф. С. Сущинскаго.
На углу Могилевской и Канонерской, № 7/2.

I.

СМУТНОЕ ВРЕМЯ

МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА.

«Źródło tey sprawy, z którego następuiące płynęli potoki, wprawdzie *tajemne rady* skrycie chowane być maią i nie trzeba odkrywać tego, coby na potym przestrzedz nieprzyiaciela miało *).»

(Рукоп. библіот. Красинск. В. 1. 8).

I.

НАЗВАНЫЙ ЦАРЬ ДИМИТРІЙ.

ГЛАВА ВТОРАЯ **).

I.

Прибытіе Димитрія въ Москву. — Встрѣча за городомъ и торжественный въѣздъ. — Димитрій въ Кремлѣ и народные о немъ толки.

Давъ приказаніе, чтобъ въ Москвѣ не было у него враговъ, Димитрій выѣхалъ изъ Тулы и прибылъ въ Серпуховъ. Онъ ѣхалъ медленно, отовсюду стекался къ нему народъ всякого зва-

*) «Источникъ этого дѣла, изъ котораго потекли послѣдующіе ручьи, по правдѣ заключается въ *тайныхъ умышленіяхъ*, старательно скрываемыхъ, и не слѣдуетъ дѣлать извѣстнымъ того, что можетъ на будущее время предостеречь непріятеля». *(Слова, сказанныя въ польскомъ сенатѣ на сеймѣ, 1611 г., по поводу вопросовъ, касавшихся смутнаго времени).*

**) См. предъидущ. въ т. I, отд. I, стр. 1.

нія и состоянія; онъ останавливался, говорилъ съ народомъ, расспрашивалъ подробно о его житьѣ-бытьѣ, обѣщалъ льготы. Онъ понималъ, что въ Московскомъ государствѣ новый царь долженъ показаться милостивымъ и дать народу надежду, что при новомъ государѣ будетъ лучше, чѣмъ при прежнемъ было. Въ Серпуховѣ, онъ снова остановился на короткое время. Привезли изъ Москвы огромный шатеръ: въ немъ можно было помѣстить нѣсколько сотъ человѣкъ. Въ Московскомъ государствѣ тогда всѣ щеголяли шатрами, и, какъ наступаетъ лѣто, богатый человѣкъ выѣзжаетъ въ поле, разбиваетъ нарядный шатеръ: тамъ онъ веселится и пируетъ съ друзьями. Шатеръ, привезенный Димитрію, раздѣлялся на нѣсколько отдѣленій въ видѣ комнатъ; одна изъ нихъ, просторнѣе другихъ, была столовою; внутренность обита была золототканными матеріями. Снаружи этотъ шатеръ былъ разукрашенъ пестро: въ него входили четырьмя входами въ видѣ воротъ; на верху его были возвышенія въ видѣ башенъ. Разомъ съ шатромъ пріѣхала изъ Москвы царская кухня съ огромнымъ запасомъ живности, пряностей, винъ, меда; привезли столовую драгоцѣнную посуду, ѣхала многочисленная прислуга, везли царскія дорогія кареты, пригнали изъ царской конюшни до 200 лошадей. На лугу, не далеко отъ берега Оки, устроенъ былъ шатеръ. Въ немъ молодой царь давалъ первый пиръ. День тогда былъ ясенъ и тихъ. Въ столовой шатра угощалъ Димитрій бояръ, окольничихъ, думныхъ дьяковъ, пріѣхавшихъ изъ Москвы. Тутъ же были и поляки, провожавшіе Московскаго государя на свое наслѣдіе. Пріѣхавшіе били царю челомъ, желали здравія и приносили по обычаю подарки: собольи мѣха, серебрянныя и золотыя вещи. Царь также ихъ отдаривалъ. Здѣсь узналъ онъ, что Ѳедора и Маріи нѣтъ на свѣтѣ, а ихъ родные и пріятели вывезены изъ столицы. Внутренно онъ былъ доволенъ, что Годуновыхъ извели, и приблизилъ къ себѣ убійцъ, а наружно сожалѣлъ о погибели Годуновыхъ и показывалъ видъ, что готовъ помиловать лютѣйшихъ враговъ своихъ.

Отпировавъ на славу, Димитрій двинулся изъ Серпухова къ Москвѣ торжественнымъ поѣздомъ, въ великолѣпной каретѣ, въ сопровожденіи множества знатныхъ особъ [1]). Онъ прибылъ въ село Коломенское и тамъ еще разъ остановился.

Опять раскинули шатеръ на пространномъ лугу, окаймляющемъ Москву-рѣку. Продолжала стоять прекрасная погода. Народъ всѣхъ сословій и состояній изъ Москвы повалилъ туда.

---

[1]) Borsza. — Petricii, 84.

Шли попы, монахи, гости, посадскіе люди поклониться царю своему; съ москвичами, толпою приходили и крестьяне изъ селъ. Это была, по старинному русскому обычаю, почетная встрѣча государю; она всегда отправлялась на нѣкоторомъ разстояніи отъ столицы. Такъ дѣлалось въ былыя времена выборныхъ князей: всегда, бывало, князя встрѣчаютъ жители за городомъ. Всѣхъ допускалъ къ себѣ Димитрій, со всѣми обходился равно любезно, равно царски-милостиво. Царю подносили подарки, кто одежды, кто мѣха, кто золото, серебро, жемчугъ, дорогіе камни, а иные хлѣбъ-соль. Димитрій принималъ хлѣбъ-соль отъ бѣдняковъ съ особеннымъ чувствомъ и расположеніемъ. Онъ говорилъ: «я не царемъ, не великимъ княземъ у васъ буду — я хочу быть отцомъ у васъ; все прошлое забыто; что вы служили измѣнникамъ Борису и его дѣтямъ, я того во вѣки не помяну; буду любить васъ; — только и буду жить, что для пользы и счастья моихъ любезныхъ подданныхъ» [1]).

Тутъ онъ разсказывалъ свои похожденія: вездѣ по дорогѣ онъ такъ поступалъ; это очень нравилось народу: ему вѣрили; его разсказы казались правдоподобными, а кто зналъ что нибудь такое, что не сходилось съ разсказами царя, долженъ былъ на тотъ разъ прикусить языкъ.

Бояре кланялись ему и говорили: «иди, великій государь, на свой прародительскій престолъ въ царствующій градъ. Великій государь, спасенный Богомъ! пріими свое наслѣдіе, радуйся и веселись вмѣстѣ съ вѣрнымъ твоимъ народомъ; враги твои исчезли яко прахъ. Нѣтъ болѣе мыслящихъ тебѣ злое — всѣ готовы служить и прямить тебѣ, своему истинному государю [2]).»

Тутъ пришли къ нему нѣмцы, служившіе у Бориса. «Не прогнѣвайся, великій государь — говорили ихъ офицеры — мы стояли противъ тебя на войнѣ; насъ обязывалъ долгъ присяги Борису: онъ былъ тогда царемъ; теперь, когда вся земля русская тебя признала государемъ, мы также вѣрно готовы служить тебѣ!» Они говорили искренно, думали такъ, какъ прилично думать иноземцамъ наемникамъ; для нихъ не было сердечныхъ побужденій къ странѣ, куда ихъ забросила судьба; для нихъ все нравственное достоинство состояло въ точномъ выполненіи денежныхъ условій. Димитрій понялъ это, обошелся съ ними не только безъ сухости и безъ досады, но еще съ любезностью, и улыбаясь сказалъ: «вы служили вѣрно Борису, сражались противъ меня храбро; когда войско перешло на мою

---

[1]) Petr., 176.

[2]) Petr. 176.

сторону подъ Кромами, вы не пошли за нимъ, а воротились къ Борису. Вы не знали нашихъ дѣлъ. Если вы, вступивши теперь ко мнѣ на службу, будете такъ же вѣрны и мнѣ, какъ были вѣрны Борису, я буду вамъ довѣрять и любить васъ. Кто держалъ знамя на Добрынской битвѣ?»

Тотъ, кого нужно было, выступилъ изъ толпы. Димитрій положилъ ему руку на голову и сказалъ: «мнѣ памятно твое знамя! Вы, нѣмцы, чуть меня не схватили, и насилу мой конь унесъ меня. Онъ былъ тогда страшно раненъ, мой бѣдный конь! онъ здѣсь со мною, и до сихъ поръ еще не выздоровѣлъ. Онъ унесъ меня тогда и спасъ. Еслибъ вы, нѣмцы, тогда меня взяли, вы бы убили меня?»

Нѣмецъ почтительно поклонился и сказалъ: «Благодареніе Богу, что ваше величество ушли тогда отъ бѣды. Да сохранитъ Богъ ваше величество отъ всякихъ опасностей [1])!»

Всѣ казались довольны и веселы, и русскіе и нерусскіе, и знатные и простые. Но всеобщее торжество уже начало отравляться предзнаменованіями. Когда небо было совершенно безоблачно, надъ грудами московскихъ церквей и домовъ замѣчали какую-то мглу. Не всѣ это видѣли, но были такіе, что увидали и чувствовали то, что̀ для другихъ глазъ было недоступнымъ [2]).

Гонцы бѣгали взадъ и впередъ; въ городѣ происходили приготовленія къ торжественному въѣзду новаго государя.

20 іюня утромъ, Димитрію подвели коня самаго лучшаго, какой былъ въ царской конюшнѣ, и убрали его сбруею самою драгоцѣнною, какую Богданъ Бѣльскій могъ отыскать въ царской оружейной палатѣ. Димитрія окружили бояре, окольничьи и думные люди. Одинъ другого старался перещеголять, и одеждами, и конями, и конскою сбруею.

Начался въѣздъ. Съ Серпуховской дороги онъ вступалъ въ городъ по Зарѣчью. Прежде всего народъ увидѣлъ польскія роты; ихъ оружіе и латы были вычищены съ особеннымъ стараніемъ и блистали противъ солнца. Онѣ держали свои копья остріями вверхъ; между ними ѣхали трубачи и барабанщики и играли на своихъ инструментахъ. За ними слѣдовали стрѣльцы по два въ рядъ пѣшкомъ, чинно и важно; потомъ везли царскія кареты; яркія краски блистали на покровахъ, закрывавшихъ ихъ входы; въ каждой каретѣ запряжено было по шести отличныхъ лошадей. За каретами ѣхали верхомъ дворяне, дѣти

---

1) Buss. 36.

2) Ник., 70.

боярскіе, въ своихъ праздничныхъ кафтанахъ; ихъ воротники, вышитые золотомъ и усаженные жемчужинами, сверкали противъ солнца подвижною искристою линіею. Позади ихъ гремѣли накры и бубны, московская военная музыка. Потомъ слѣдовалъ также верхомъ длинный рядъ русскихъ служилыхъ; за ними несли церковныя хоругви, а потомъ шло духовенство въ сверкающихъ золотомъ ризахъ; каждый держалъ образъ или евангеліе; въ концѣ духовнаго ряда несли четыре образа: Спасителя, Божіей Матери и св. московскихъ чудотворцевъ, богато изукрашенные золотомъ и жемчугомъ. За этими образами ѣхалъ новый первопрестольникъ русской церкви, вмѣсто сверженнаго Іова, еще не посвященный въ этотъ санъ, но уже назначенный царемъ. Передъ нимъ несли посохъ. Вслѣдъ за нареченнымъ патріархомъ народъ увидѣлъ давно жданнаго царя, чудесно спасеннаго Провидѣніемъ. Онъ былъ въ золотномъ платьѣ; одинъ воротникъ или ожерелье цѣнился, какъ говорятъ современники, до 15,000 злотыхъ. Онъ былъ окруженъ боярами и окольничьими, какъ большое дерево малыми отпрысками, по выраженію народныхъ пѣсенъ о царѣ. За царемъ слѣдовала пестрая толпа казаковъ, волжскихъ, яицкихъ, донскихъ и запорожскихъ, пришедшихъ на дорогѣ служить новому царю [1]). За ними ѣхали поляки, татары; наконецъ, безчисленное множество народа бѣжало съ радостными лицами. На улицахъ, по окнамъ и по крышамъ домовъ, даже по вершинамъ церквей, пестрѣли толпы посадскихъ и пришедшихъ изъ волостей крестьянъ; приходили не только изъ сосѣднихъ, но изъ далекихъ посадовъ и уѣздовъ на великій неслыханный праздникъ русскій: они встрѣчали своего царя законнаго, погибшаго и обрѣтеннаго; имъ тогда казалось, что, послѣ долгихъ лѣтъ обмана, невзгодъ и насилія, наступили ясные дни надеждъ и благополучія... Шумныя восклицанія раздавались, какъ только Димитрій въ своемъ поѣздѣ равнялся съ тою или другою громадою народа. «Вотъ онъ! — кричали русскіе, — нашъ батюшка кормилецъ! Богъ его чудесно спасъ и привелъ къ намъ! Сколько бѣдъ и напастей онъ перетерпѣлъ, голубчикъ! ахъ, ты праведное солнышко наше! взошло ты, ясное, надъ землею русскою, царь нашъ государь Димитрій Ивановичъ! Богъ тебя сохранилъ доселѣ, сохрани тебя Господи и напредки!» Такъ кричалъ русскій народъ, а Димитрій, обращаясь на обѣ стороны, восклицалъ: «Боже, сохрани мой вѣрный народъ въ добромъ

[1]) Хроногр. Пог. № 1451. — Разск. іез. Савиц. въ Esame critico. — Борша.

здоровьѣ! молитесь Богу за меня, мое прироженье, мой народъ любезный, вѣрный!»

Поѣздъ наконецъ дошелъ до Москвы-рѣки и поѣхалъ по мосту, который былъ устроенъ изъ досокъ, положенныхъ на бочкахъ, плотно связанныхъ между собою. Когда передніе проѣхали, и царь вступилъ на мостъ, вдругъ поднялся вихрь, вздулась пыль столбомъ и всѣ принуждены были закрывать глаза и придерживать на головахъ шапки. «Господи Боже, — восклицали многіе — что̀ это! ужъ не бѣду ли какую нибудь пророчитъ! Господи помилуй, Господи помилуй!»

Димитрій проѣхалъ въ ворота, стоявшіе при концѣ моста, называвшіеся водяными. Поѣздъ очутился въ Китайгородѣ. Передъ глазами былъ Кремль. Димитрій снялъ шапку, перекрестился и громко воскликнулъ: «Господи Боже! благодарю тебя: ты сохранилъ мнѣ жизнь и сподобилъ увидѣть градъ отцовъ моихъ и мой народъ возлюбленный.» По щекамъ его текли слезы. Весь народъ съ нимъ плакалъ. Оглушительно разливался колокольный звонъ. Димитрій подъѣхалъ къ лобному мѣсту. Многочисленное собраніе духовенства изо всѣхъ церквей московскихъ ожидало царя съ образами и хоругвями. Церковное пѣніе оглашало воздухъ; но въ то самое время польскіе музыканты заиграли на трубахъ, заколотили литавры и заглушили церковное пѣніе. Это явленіе показалось народу неладнымъ. Русскія уши не привыкли, чтобъ мірскіе звуки забавы прерывали пѣніе духовенства и молитву.

Димитрій сошелъ съ коня, приложился къ крестамъ и образамъ. Тутъ замѣтилъ кое-кто, особенно монахи, что онъ дѣлалъ это не совсѣмъ такъ, какъ долженъ былъ дѣлать природный московскій человѣкъ; для благочестивыхъ москвичей въ наклоненіи головы, въ колебаніи руки, творящей крестное знаменіе, въ изгибахъ тѣла при земныхъ поклонахъ, были черты, по которымъ узнавали истаго-православнаго: иноземцу черезъ чуръ трудно было эти черты усвоить [1]). Но народное сердце на этотъ разъ извинило своего новообрѣтеннаго царя. «Онъ былъ въ чужой землѣ — говорили русскіе — его сохранили и привели къ намъ иноземцы, а иноземцы не знаютъ нашего русскаго обычая.»

Димитрій въѣхалъ въ Кремль, сошелъ съ коня близъ Успенскаго собора, вошелъ въ храмъ, принялъ благословеніе отъ духовенства, приложился къ иконѣ Божіей Матери и другимъ иконамъ, къ мощамъ московскихъ святителей; отслужилъ молебенъ, а потомъ отправился въ Архангельскій соборъ къ гробамъ своихъ прародителей. Бояре окружали его; народъ толпился за нимъ.

---

[1]) Is. Mass. 76.

Онъ пришалъ къ гробу Ивана Грознаго. «О мой родитель! — говорилъ онъ — я оставленъ тобою въ изгнаніи и гоненіи, но я уцѣлѣлъ отеческими твоими молитвами.» Его слезы лились на гробъ Грознаго, и никто не могъ въ тѣ минуты допустить сомнѣнія, чтобъ это былъ не сынъ Ивановъ. Изъ Архангельскаго собора царь отправился въ Благовѣщенскую придворную царскую церковь. Тамъ, послѣ молебна, протоіерей Терентій произнесъ ему привѣтственное слово [1]).

Послѣ посѣщенія церквей, Димитрій вступилъ во дворецъ, и тутъ еще разъ принималъ поздравленія какъ бы съ новосельемъ. Во все продолженіе пути Димитрія, и послѣ того цѣлый день до вечера, безъ умолку гремѣли всѣ московскіе колокола и такъ сильно, что, по выраженію іезуитовъ, ѣхавшихъ въ свитѣ новаго царя, можно было, казалось, оглохнуть [2]). Особенно поражалъ своимъ густымъ звукомъ огромный колоколъ въ пятьдесятъ пять футъ шириною и въ пятнадцать футъ вышиною, приводившій въ изумленіе иноземцевъ. Строгимъ ревнителямъ православнаго благочестія не понравилось, что въ церковь съ Димитріемъ входили иноземцы, поляки, нѣмцы, угры. Стало инымъ казаться, что тутъ оскверненіе святыни. Но были и такіе либералы, что смотрѣли на это безъ волненія, не находили тутъ ничего дурного. Въ самомъ дѣлѣ это была неновость, какъ иные тогда толковали. Царь Иванъ Грозный самъ предлагалъ Антонію Поссевину посмотрѣть русское богослуженіе въ Успенскомъ соборѣ, а во время свадьбы короля Магнуса съ племянницею царя, католическій священникъ, сопровождавшій короля, находился въ церкви, гдѣ происходило вѣнчаніе. Конечно, наибольшее число было такихъ, что не обратили вниманія на этотъ фактъ, очень естественный въ томъ положеніи, въ какомъ находился Димитрій. Иноземцы отнюдь не знали, что въ христіанской землѣ непозволительно входить въ храмъ христіанамъ, какими они себя сами признавали.

Послѣ всего вышелъ на Красную площадь Богданъ Бѣльскій и взошелъ на Лобное мѣсто; его окружало нѣсколько знатныхъ особъ. Безчисленное множество народа тѣснилось въ страшной давкѣ, чтобъ услышать, что̀ теперь скажетъ этотъ человѣкъ, который былъ съ дѣтства такъ близокъ къ Димитрію. «Православные! — сказалъ Бѣльскій — благодарите всемогущаго Бога за спасеніе нашего солнышка, истиннаго государя царя Димитрія Ивановича. Какъ бы васъ лихіе люди ни смущали, ничему

---

[1]) Напеч. въ Акт. Арх. Ком., т. II.

[2]) Ciampi, Esame critico. — Grevenbruch, 95.

не вѣрьте. Это истинный сынъ царя Ивана Васильевича. Во увѣреніе я цѣлую передъ вами животворящій крестъ и святого Николу чудотворца». Онъ снялъ съ шеи образъ, гдѣ было распятіе, и сверхъ того изображеніе Николая чудотворца (вѣроятно складни), поцѣловалъ, и продолжалъ: «святой Никола чудотворецъ помогалъ ему до сихъ поръ во всѣхъ его бѣдахъ, и къ намъ привелъ его. Берегите жъ его, любите его, почитайте и служите ему прямо безъ хитрости, ни на что не прельщаясь!» Народъ разразился восклицаніями: «Боже, сохрани нашего царя Димитрія Ивановича! Дай ему, Господи, здоровья и долгоденственнаго житія, и покори подъ ноги его всѣхъ враговъ и супостатовъ, которые не вѣрятъ ему и не желаютъ ему добра [1])!»

Тогда въ народѣ объясняли спасеніе Димитрія такимъ образомъ (какъ это записалъ одинъ англичанинъ, который не могъ почерпнуть своихъ свѣдѣній ни откуда кромѣ народной молвы или отъ тогдашнихъ москвичей): когда Богданъ Бѣльскій былъ удаленъ отъ двора при царѣ Өедорѣ, ему сообщали обо всемъ, что̀ дѣлается въ Москвѣ, его друзья [2]); и, по этимъ извѣстіямъ, онъ, сообразивъ, что Борисъ замышляетъ истребить Димитрія, вошелъ въ сношеніе съ матерью его; мальчика подмѣнили: на его мѣсто подставили сына какого-то священника, который былъ однихъ лѣтъ съ царевичемъ и очень похожъ на него. Этотъ поповъ сынъ и воспитывался подъ именемъ царевича, и однажды, когда онъ игралъ съ дѣтьми, ему перерѣзали горло (по извѣстію англичанина, кажется смѣшавшему то, что онъ слышалъ, судя по тому, что въ лѣтописяхъ въ этомъ событіи играетъ роль ожерелье) какъ будто случайно, желая разрѣзать шейное ожерелье. Тѣло царевича въ продолженіе трехъ дней стояло всенародно; всѣ думали, что это Димитрій, а настоящій царевичъ между тѣмъ проживалъ въ неизвѣстности. Дальнѣйшія коловратности его судьбы не дошли до ушей иноземца [3]). Такимъ образомъ, видно, что въ Московскомъ государствѣ изъяснялось спасеніе царевича гораздо сходнѣе съ извѣстными народу обстоятельствами углицкаго убійства, чѣмъ разсказывалъ въ Польшѣ объ этомъ спасеніи тотъ, кто назвался Димитріемъ.

---

[1]) Petr. 176.

[2]) Дьякъ Андрей Щелкаловъ и Андрей Clyskenine (Клешнинъ?).

[3]) Smith, 45 — 46.

II.

Первые дни царствованія Димитрія въ Москвѣ.—Заговоръ Шуйскаго.—Пріѣздъ матери. — Царское вѣнчаніе.

Въ первые дни послѣ своего воцаренія, Димитрій занялся дѣлами и тотчасъ показалъ склонность къ реформамъ, какъ обѣщалъ въ Путивлѣ. Онъ началъ со внѣшности. Видно было, что онъ нахватался пріемовъ иноземной образованности и счелъ ее выше московской, но не успѣлъ взвѣсить условій ея съ разныхъ сторонъ. Явилось подражаніе польскому строю. Боярская дума была переименована въ сенатъ; членовъ думы новый царь окрестилъ названіями польскихъ чиновъ. Сенатъ раздѣлилъ онъ на двѣ половины: духовныхъ особъ и думныхъ людей. Явились званія великаго дворецкаго, подскарбія, мечника, крайчаго, подчашаго, печатника [1]). Видно, однако, что онъ подходилъ къ этимъ нововведеніямъ не быстро и хотѣлъ соблюдать постепенность. Такимъ образомъ, сразу введено только немногое похожее на польское. Тогда возвысились тѣ, что были въ опалѣ при Годуновыхъ, и тѣ, что приставали къ Димитрію сначала и сдавали ему города, и изгнанники, воротившіеся съ нимъ изъ Польши, и тѣ, наконецъ, въ комъ онъ замѣчалъ расположеніе ко введенію иноземныхъ обычаевъ. Въ думѣ засѣли, между прочимъ, прежніе воеводы сѣверскихъ городовъ Рубецъ Мосальскій, кн. Татевъ, кн. Кашинъ, кн. Долгорукій-Роща, а дьякъ Сутуповъ, сдавшійся въ Путивлѣ, получилъ званіе печатника. Бѣльскій возведенъ въ санъ великаго оружничаго. Гаврило Пушкинъ, такъ отважно вступившій въ Москву съ грамотою, сдѣланъ думнымъ дворяниномъ. Дьякъ Власьевъ, дипломатъ прежняго времени, упорно стоялъ за Бориса, и явился къ Димитрію только въ Тулѣ, но Димитрій полюбилъ его особенно за то, что онъ былъ образованный человѣкъ. Во многіе города назначены новые воеводы; надобно было поддержать воротившихся изъ ссылки и своихъ наградить, и тѣмъ самымъ царь удерживалъ въ повиновеніи край. Онъ перемѣнилъ придворную прислугу, отставилъ долго служившихъ Годуновымъ и назначалъ тѣхъ, которымъ могъ болѣе довѣрять; притомъ ввелъ въ число придворной челяди уроженцевъ изъ польскихъ владѣній, которые съ нимъ пріѣхали. Они были и живѣе и смышленѣе московскихъ людей и умѣли читать и писать.

Онъ отправилъ за матерью князя Михаила Скопина-Шуй-

---

[1]) Собр. гос. гр. II, 210.

скаго, юношу двадцати лѣтъ, котораго наименовалъ мечникомъ. Его сопровождали дворяне. Они должны были привезти инокиню Мареу, находившуюся въ ссылкѣ въ пустынѣ на Выксѣ за Череповцемъ.

24 іюля, былъ посвященъ патріархомъ Игнатій. Освященный соборъ уже привыкъ повиноваться: въ такихъ случаяхъ воля царская и прежде была исполняема.

Димитрій отлагалъ царское вѣнчаніе до пріѣзда матери. Поляки совѣтовали ему поспѣшить, полагали, что послѣ вѣнчанія онъ получитъ въ глазахъ народа значеніе неприкосновеннаго помазанника божія, и, слѣдовательно, будетъ тверже на престолѣ. Но царь зналъ народные обычаи: уваженіе къ родителямъ, особенно къ матери, русскіе считали первою добродѣтелью: этимъ вниманіемъ онъ надѣялся понравиться народу.

Между тѣмъ, пока еще не пріѣхала мать, пока еще не успѣли съѣхаться изъ ссылки гонимые Борисомъ, которые должны были увеличить число царскихъ приверженцевъ, Василій Шуйскій сталъ уже устроивать ему гибель. Онъ призналъ его истиннымъ сыномъ Грознаго тогда, когда еще живы были Годуновы; ему представился удобный случай ихъ низвергнуть и уничтожить; теперь — ихъ не стало, и Шуйскому къ достиженію престола препятствіемъ оставался одинъ Димитрій; одного его нужно было устранить. Погибни Димитрій: вѣнецъ будетъ на головѣ Василія. Князь Мстиславскій не захочетъ быть царемъ; Василій былъ ближайшимъ преемникомъ московскихъ царей. Его двое братьевъ не могли быть ему соперниками: они были моложе его. Но еще невозможно было явно предъ всею землею стать противникомъ признаннаго имъ самимъ царя. Шуйскій разсчелъ, что сперва нужно отравить пылкія минуты народнаго восторга, бросить въ народѣ сомнѣніе о царственномъ происхожденіи Димитрія и указать на такія стороны въ его поведеніи, которыя возбуждали бы тайное неудовольствіе въ московскихъ людяхъ. Его замысламъ должны были помогать поступки поляковъ, сопровождавшихъ Димитрія: въ первые же дни, какъ только размѣстились въ Москвѣ, они стали дѣлать хозяевамъ насилія и безчинства, особенно обращались нагло съ женщинами [1]. И вотъ, какъ только новый царь устроился во дворцѣ московскихъ государей, Василій Шуйскій, при пособіи брата Димитрія, принимаетъ въ домъ свой знакомыхъ торговыхъ людей; на челѣ ихъ былъ нѣкто по имени Өедоръ Коневъ. Шуйскій даетъ имъ наставленіе, чтò говорить и какъ говорить, пору-

---

[1]) Petricii, 81. — Grevenbr., 33.

часть разсѣять въ народѣ мысль, что вступившій на престолъ отнюдь не истинный сынъ царя Ивана, а Гришка Отрепьевъ, какъ прежде говорили о немъ Борисъ и патріархъ Іовъ: «онъ достигъ престола обманомъ и будетъ царствовать на бѣду Московскому государству; онъ уже и теперь приблизилъ къ себѣ иноземцовъ, тотчасъ по своемъ пріѣздѣ позволилъ некрещенымъ входить въ церковь, разставилъ Литву въ Москвѣ, самъ во всемъ держится иноземнаго обычая, онъ уже измѣнилъ православію; онъ подосланъ Сигизмундомъ и польскими панами; у него съ ними поставленъ уговоръ — искоренить святую православную вѣру, раззорить церкви, построить вмѣсто ихъ костелы и ропаты; и хочетъ онъ истребить старые боярскіе роды, чтобъ не было ему помѣхи въ злыхъ его умыслахъ.» Однимъ словомъ, нужно было воскресить все то, что было писано Борисомъ и патріархомъ Іовомъ противъ Димитрія, да еще и своего прибавить. Прежде, всему дурному про Димитрія приказывали вѣрить, и народъ не вѣрилъ; теперь приказываютъ этому не вѣрить, — Шуйскій хочетъ, чтобъ народъ этому началъ вѣрить. Разъ уже обнаружилось недовѣріе къ тому, что говорила власть; казалось, легко народу войти во вкусъ къ такому недовѣрію, хотя бы та же власть была въ иныхъ рукахъ, какъ скоро есть поводъ недовѣрять. Гришку проклята церковь; при малѣйшемъ сомнѣніи, что сидящій на престолѣ можетъ быть Гришка, проклятый соборомъ, страхъ долженъ былъ овладѣть народомъ. Если Московское государство управляется проклятымъ человѣкомъ, то проклятіе, его поразившее, падетъ на всю землю. Такимъ путемъ должно было идти нерасположеніе къ Димитрію. Шуйскій, понимавшій характеръ людей, приглянувшись къ Димитрію, конечно понялъ, что въ остальномъ самъ Димитрій поможетъ его планамъ. То былъ только начатокъ интриги; Шуйскій надѣялся быстро вести ее далѣе. По свидѣтельству современника голландца [1]), оказалось по суду надъ Василіемъ Шуйскимъ, что онъ назначалъ днемъ низверженія царя 25 августа, слѣдовательно полагалъ два мѣсяца на подготовку заговора. Но Θедоръ Коневъ и товарищи разболтали объ этомъ тамъ, гдѣ не нужно, сказали не столько, сколько нужно, и попались; ихъ привели къ Басманову, стали допрашивать и пытать; они прямо показали на Шуйскихъ. Тотчасъ и Шуйскихъ взяли за-приставы. Это было 23 іюня. Димитрій по дѣлу, касавшемуся его чести и престола, отстранилъ себя отъ суда и приказалъ разбирать дѣло и судить Шуйскихъ собранію изо-всѣхъ сословій. Это явленіе было не-

[1]) Is. Mass. 78.

обычно въ Московскомъ государствѣ. Здѣсь царь казался какъ бы самъ подсудимымъ, принялъ на себя долгъ оправдываться противъ тѣхъ обвиненій, которыми хотѣлъ Шуйскій очернить его въ народѣ. Потеря дѣлъ этого суда — незамѣнимая потеря для исторіи; тогда бы многое открылось изъ того, что теперь остается темнымъ. Неизвѣстно, какъ поставилъ себя тогда Шуйскій: отрицалъ ли онъ только свое соучастіе съ Коневымъ и его товарищами въ распространеніи дурныхъ слуховъ о царѣ, или же ему приходилось обличать царя въ самозванствѣ. Русскія лѣтописи говорятъ послѣднее: будто бы явившись въ это собраніе, Шуйскій смѣло сказалъ всѣмъ въ глаза: «я знаю, что ты не царскій сынъ, а законопреступникъ и растрига Гришка Отрепьевъ [1])!» Нѣкоторые иностранцы говорятъ, что Димитрій долженъ былъ предъ этимъ собраніемъ отстаивать себя, и убѣдилъ всѣхъ своими доводами и краснорѣчіемъ [2]). Какъ бы то ни было, все собраніе было на сторонѣ царя, и никто, ни изъ бояръ, ни изъ простыхъ, не склонился тогда на сторону Шуйскихъ, а всѣ кричали противъ нихъ [3]). Дѣло становится понятнымъ, если сообразить извѣстія современниковъ, что Димитрій привезъ съ собой въ Москву и показывалъ народу бывшаго чудовскаго монаха Гришку Отрепьева, о которомъ впослѣдствіи говорятъ, что это былъ не настоящій Гришка, а другой подъ его именемъ. Димитрію стоило показать всему судному собранію этого Гришку, и такимъ образомъ уничтожалось подозрѣніе, и Василій Шуйскій явно оказывался преступникомъ. Судъ былъ коротокъ надъ нимъ. 25 іюня, судное собраніе осудило Василія на смерть, а братьевъ его въ ссылку. Казнь должна была совершиться на Красной площади въ тотъ же или на другой день. Стеченіе народа было огромное. Многимъ было жаль Шуйскаго: у его знатнаго рода были свои пріятели. Михайло Глѣбовичъ Салтыковъ и Петръ Ѳедоровичъ Басмановъ находились у него приставами. Обвиненнаго вывели на площадь; тамъ стояла плаха, въ плаху былъ воткнутъ топоръ; подлѣ плахи былъ палачъ. Стрѣльцы стали плотнымъ кругомъ. Басмановъ приказалъ читать приговоръ. Въ немъ отъ имени царя говорилось народу: «сей великій бояринъ князь Василей Ивановичь Шуйскій измѣняетъ мнѣ великому государю царю и великому князю Димитрію Ивановичю всеа Русіи, разсѣваетъ про меня недобрыя рѣчи, остужаетъ меня со всѣми вами, съ бояры и князи и дворяны и дѣти боярскіе и

---

[1]) Врем. XVI, 30.
[2]) Esam. crit., 189. — De Thou, IV, 460.
[3]) Ник., 71.

гостьми и со всѣми людьми великаго Россійскаго государства, называя меня не Димитріемъ, а Гришкою Отрепьевымъ; и за то онъ, князь Василій, довелся смертной казни.» Русскія лѣтописи говорятъ, что Василій поступилъ здѣсь безстрашно, приблизился къ плахѣ, перекрестился, и, обратившись къ народу, сказалъ: «умираю за вѣру и за правду!» Честолюбивому Шуйскому, ожидавшему смерти, ничего болѣе не оставалось въ утѣшеніе, какъ умереть со славою мученика за правду.

Онъ подступилъ къ плахѣ; палачъ снялъ съ него кафтанъ, хотѣлъ снимать даже и рубашку, прельстившись ея блестящимъ воротомъ, унизаннымъ жемчужинами. Шуйскій не давалъ ему, говорилъ, что хочетъ въ ней Богу душу отдать. Вдругъ изъ Кремля скачетъ вѣстовой, даетъ знакъ, чтобъ остановились. Онъ прискакалъ на мѣсто, и объявилъ, что царь, по своему милосердію, не желаетъ проливать крови даже важныхъ преступниковъ, даруетъ Шуйскому жизнь и замѣняетъ смертную казнь ссылкою въ Вятку [1]). Тогда Басмановъ воскликнулъ къ народу: «вотъ, какого милосердаго государя даровалъ намъ Господь Богъ! что своего измѣнника, который на животъ его посягалъ— и того милуетъ!» Народъ отвѣчалъ громкимъ желаніемъ здравія и многолѣтія милосердому царю. «Возможно ли послѣ этого— говорили тогда между собою московскіе люди — чтобъ онъ былъ не истинный царевичъ? Кто же можетъ такъ дѣлать, кромѣ истиннаго царскаго сына?» Василія, Димитрія и Ивана Шуйскихъ съ ихъ семьями повезли въ ссылку, а дома и вотчины ихъ взяли въ казну, по издавно заведенному въ московской землѣ обычаю [2]). Русскіе лѣтописцы (Аврамій Палицынъ, Никоновская лѣтопись) говорятъ, что, прежде чѣмъ Шуйскій сталъ возмущать народъ, были казнены за непризнаніе Димитрія царевичемъ дворянинъ Петръ Тургеневъ и Ѳедоръ Колачникъ. Когда ихъ вели на смерть, послѣдній кричалъ, что русскіе приняли антихристова слугу; народъ не сочувствовалъ обоимъ и кричалъ: «по дѣломъ васъ осудили, умирайте!» Такъ какъ между воцареніемъ Димитрія и арестомъ Шуйскихъ прошло всего три или четыре дня, а помилованіе Шуйскаго объявлено съ заявленіемъ, что царь не хочетъ проливать крови, то, вѣроятно, казнь этихъ двухъ лицъ случилась до пришествія Димитрія, и осудили ихъ бояре, можетъ быть, и съ одобреніемъ Димитрія, но тайнымъ;

---

1) Is. Mass. 79.

2) Petr. 187. — Buss., 40. — Врем. XVI, 30. — Сказан. еже содѣяся. Чтен. 1847, 9. — Маржер. Сказ. о сам. III, 28. — De Thou, XIV, 460—462. — Esame critico, 189. — Petricij, 85. — Лѣт. о мят., 96. — Никон. лѣт., 71. — Grevenbr. 27.

иначе выдумали бы иной поводъ для царскаго милосердія Шуйскому. Не могъ бы рѣшиться объявлять народу новый царь, что онъ не хочетъ проливать крови, когда кровь была уже имъ пролита; да вѣроятно, объ этихъ казняхъ упомянули бы иностранцы.

Необыкновенно милостиво поступилъ Димитрій съ однимъ архіереемъ, не хотѣвшимъ признать его царемъ наравнѣ съ другими. То былъ астраханскій владыка Ѳеодосій. Получивъ патріаршую грамоту, онъ усердно проклиналъ Гришку Отрепьева, а между тѣмъ въ народѣ астраханскомъ, какъ и повсюду, увеличивалось расположеніе къ Димитрію. Наконецъ, не стало Годунова; передалось Димитрію войско; пришли вѣсти въ Астрахань, что все Московское государство признаетъ обрѣтеннаго законнаго наслѣдника; тогда народъ взбунтовался, разграбилъ владычній дворъ, сбросилъ съ раската кое-какихъ владычныхъ людей; самого владыку изругали непотребными словами и повезли въ Москву вмѣстѣ съ воеводою, Михайломъ Богдановичемъ Сабуровымъ, упорнымъ годуновцемъ. Владыку привели къ царю на глаза. «Астраханскій владыка! — сказалъ ему царь — за что ты меня, прироженаго царя, называешь Гришкою Отрепьевымъ?» Владыка отвѣчалъ ему съ достоинствомъ: «Намъ вѣдомо теперь только то, что ты царствуешь; Богъ тебя знаетъ, кто ты таковъ и какъ тебя зовутъ; но прироженый Димитрій царевичъ убитъ въ Угличѣ.» Царь не велѣлъ ему дѣлать никакихъ обидъ и отпустилъ съ миромъ [1]).

18 іюля, прибыла давно жданная царица инокиня Марѳа. Дано знать о ея приближеніи Димитрію. Онъ выслалъ ей лошадей къ Троицѣ. Оттуда она ѣхала въ Москву. Димитрій выѣхалъ встрѣчать ее въ Тайнинскомъ. Вся Москва повалила за царемъ. Зрѣлище было очень любопытное: всѣмъ хотѣлось посмотрѣть, какъ будетъ встрѣчать мать сына, котораго не видала съ младенчества и должна была столько времени притворно увѣрять всѣхъ, что его нѣтъ на свѣтѣ, — какъ будетъ привѣтствовать сынъ мать, которой не видѣлъ съ дѣтства и не смѣлъ заочно назвать матерью. Царицу везли въ каретѣ. Димитрій подъѣхалъ къ ней верхомъ; карета остановилась. Царь быстро соскочилъ съ лошади, бросился къ каретѣ. Марѳа отворила полу занавѣса, закрывавшаго бокъ кареты; сынъ бросился ей въ объятія; оба зарыдали и повисли другъ у друга на шеѣ. Такъ пробыли они четверть часа предъ множествомъ народа. Потомъ карета двинулась; но царь не сѣлъ на своего аргамака, шелъ

---

[1]) Житіе Ѳеод. Астрах. рук. И. П. Библіот.

пѣшкомъ подлѣ кареты нѣсколько верстъ, а потомъ уже подъ самой Москвой сѣлъ на коня и уѣхалъ впередъ, чтобы снова встрѣтить мать при ея въѣздѣ въ Кремль. Колокола звонили по всей Москвѣ, когда въѣзжала царица; ликовалъ народъ въ праздничныхъ нарядахъ съ веселыми лицами; тысяча голосовъ поздравляло царицу съ возвратомъ изъ долгого и грустнаго заточенія. «Боже нашъ, Боже нашъ! — восклицали москвичи, — какъ дивно и неизреченно Господь Богъ устрояетъ судьбу человѣческую!» Рѣдкій въ ту минуту не плакалъ отъ умиленія. Никто въ народѣ не сомнѣвался, что на московскомъ престолѣ настоящій сынъ царя Ивана; всѣмъ казалось, что только настоящаго Димитрія могла такъ встрѣтить родная мать, увидѣвши въ первый разъ послѣ разлуки съ дѣтства.

Еще больше увѣрился народъ въ этомъ, когда услышалъ, какъ Димитрій послѣ того обходится съ матерью. Ее помѣстили въ Вознесенскомъ монастырѣ; покой для нея убрали съ большимъ удобствомъ тогдашней жизни. Димитрій каждый день посѣщалъ ее, и сидѣлъ съ нею по нѣсколько часовъ. При людяхъ онъ оказывалъ ей величайшее уваженіе и заботливость. При началѣ каждаго важнаго дѣла онъ испрашивалъ ея родительскаго благословенія. Ея имя поминалось въ церквахъ прежде царскаго, и самая присяга на вѣрность была произносима ей и сыну [1]).

Одинъ за другимъ возвращались изъ заточенія сосланные Борисомъ, и всякое такое возвращеніе было праздникомъ народу и славою царю. Пріѣхали дяди Димитрія Нагіе. Возвращены Романовы. Димитрій показалъ большое сочувствіе къ этой семьѣ: не только живые Романовы были возвращены и осыпаны почестями, даже кости погибшихъ въ заточеніи трехъ братьевъ онъ приказалъ перевести въ Москву [2]). Такой чести не было еще ни для кого въ Московскомъ государствѣ. Страдалица Ксенія Ивановна, жена Θедора, была вывезена изъ Толвуйскаго заточенія, а сынъ Михаилъ изъ Бѣлаозера; мать соединили съ сыномъ; возвратили имъ вотчины; и они уѣхали въ Ипатьевской монастырь подлѣ Костромы, основанный однимъ изъ предковъ ихъ гонителя, царя Бориса. Филаретъ Никитичъ пріѣхалъ изъ Сійскаго заточенія къ почестямъ и славѣ. Онъ уже чуялъ близость своего освобожденія за нѣсколько мѣсяцовъ, какъ только разнесся слухъ, что появился Димитрій Ивановичъ въ предѣлахъ

---

[1]) Никон. 71. — Petricii, 88. — Grevenbr. 90. — Petrei, 177. — Bussov. 37. — Врем. XVI, 31. — Рук. Арх. И. Дѣлъ Польск. 26. — Паэрле, 34. — The Russ. Imp. 84. — De Thou, XIV, 463.

[2]) Хроногр. Археогр. Ком. — Голик. Доп. I, 226.

Московскаго государства. Тогда Воейковъ, его суровый приставъ, доносилъ Борису, что «старецъ Филаретъ невѣдомо чего смѣется, перестадъ заниматься монашескими дѣлами, говоритъ все о мірскихъ дѣлахъ, о птичьей охотѣ да о собакахъ, грозитъ старцамъ, что скоро съ ними справится.» Когда не стало Годуновыхъ и Димитрій воцарился—тогда стало понятно о чемъ смѣялся старецъ Филаретъ и почему грозилъ старцамъ [1]). Тотчасъ по возвращеніи, по желанію Димитрія, его посвятили въ санъ митрополита Ростовскаго. Иванъ Никитичъ Романовъ посаженъ въ сенатъ съ боярскимъ званіемъ.

Іюля 30, совершено царское вѣнчаніе въ Успенскомъ соборѣ по обычному чину, какой наблюдался въ прежнія царствованія въ подобныя торжественныя минуты. Отъ дворца до Успенскаго собора устлали путь красною матеріею; сверху ея постлали золототканный персидскій алтабасъ. Этотъ путь былъ священный: никто не смѣлъ перейти его; вельможи должны были смотрѣть за этимъ. Этою дорогою долженъ былъ шествовать царь въ золототканной одеждѣ, усаженной съ верху до низу жемчугами и дорогими каменьями. Благовѣщенскій протопопъ Терентій шелъ впереди его и кропилъ ему путь крестообразно. Въ соборѣ, предъ обѣдней, патріархъ съ обычными церемоніями возлагалъ на царя бармы, вѣнецъ и давалъ ему въ руки скипетръ и государственное яблоко. Вѣнецъ Димитрію былъ нарочно для этого случая изготовленъ; онъ отличался богатствомъ больше тѣхъ вѣнцовъ, которыми вѣнчались на царство прежніе цари. Патріархъ сажалъ царя на возвышенномъ мѣстѣ посреди церкви, съ двѣнадцатью ступенями. Клиръ пѣлъ многолѣтіе царю. Всѣ поздравляли царя. Потомъ совершилась литургія. Въ концѣ литургіи царь причащался святыхъ таинъ, а потомъ патріархъ совершилъ надъ нимъ помазаніе великимъ мгромъ. По окончаніи обряда, Димитрій, окруженный окольничьими (получившими отъ того и названіе свое на Руси, что въ церемоніяхъ шли *около* царя), по устланному пути ходилъ въ Архангельскій соборъ; тамъ поклонялся гробамъ отцовъ и праотцовъ; оттуда въ Благовѣщенскій, и на выходѣ изъ послѣдняго шелъ по средней главной лѣстницѣ дворца. Окольничьи съ золотой мисы осыпали царя золотыми монетами, нарочно для этого случая вычеканенными, и бросали ихъ въ народъ. Іезуитъ Черниковскій восхвалилъ это торжество произнесеніемъ латинской рѣчи, непонятной для русскихъ. Пиръ данный царемъ, по отеческому обычаю, завершилъ праздникъ. Бархатные и златоглавные ковры,

---

[1]) А. И. II, 38.

которыми устилались пути, куда долженъ былъ ходить царь, были изорваны въ куски народомъ: каждый хотѣлъ пріобрѣсть себѣ кусочикъ на память великаго событія[1]). Изъ царскихъ вѣнчаній, до сихъ поръ бывшихъ на Руси, ни одно еще не казалось народу до такой степени достойнымъ долгой памяти, по странной судьбѣ вѣнчавшагося царя.

III.

Черты царствованія Димитрія. — Его распоряженія. — Его частная жизнь. — Любовь къ иностранцамъ. — Религіозный либерализмъ. — Завоевательные планы.

Для русской земли это царствованіе какъ будто обѣщало хорошій поворотъ жизни. Во многомъ оно казалось продолженіемъ лучшихъ дѣлъ начала Борисова царствованія, во многомъ этотъ царь и велъ себя и думалъ не такъ какъ прежніе цари, и хотѣлъ не того, чего другіе. Онъ былъ очень дѣятеленъ. Каждый день онъ присутствовалъ въ сенатѣ, имъ самимъ устроенномъ, самъ разбиралъ дѣла, часто самыя мелочныя, и удивлялъ думныхъ людей бѣглостію своихъ способностей. Случалось, какой нибудь вопросъ озадачивалъ думныхъ людей, и они никакъ не могли рѣшить его умомъ своимъ; вдругъ царь съ легкой ироніей говорилъ: «что тутъ вы нашли труднаго?» и въ нѣсколько минутъ обсуждалъ и разрѣшалъ недоразумѣнія. Намъ, къ сожалѣнію, очень мало осталось отъ внутреннихъ распоряженій его времени; послѣдующія бурныя времена вообще истребили тогдашнее дѣлопроизводство. Важными памятниками его царствованія остаются распоряженія, относительно холопства. При Борисѣ было въ обычаѣ записывать въ кабалы, что продающій себя отдавался не только одному хозяину, но и дѣтямъ его; такимъ образомъ, все потомство по волѣ предка осуждалось на рабство. Димитрій воспретилъ такого рода кабалы. Холопъ могъ поэтому быть холопомъ только тому, кому отдавался, и тѣмъ самымъ подходилъ къ наемнику, служившему господину по взаимному соглашенію. Сверхъ того постановлено было, что помѣщики, которые не кормили крестьянъ во время голода, теряли право на удержаніе ихъ на своихъ земляхъ; и вообще подтверждено прежнее правило, что на бѣглыхъ крестьянъ не давать суда далѣе пяти лѣтъ, послѣ этого срока уже законно расторгается сама собою обязанность бѣглаго къ помѣщику[2]). Вообще

[1]) Маржер. Сказ. о Дим. Сам. III, 87. — Wassenb. 19. — De Thou, XIV, 463—464.
[2]) А. И. II, 77, 78. — А. Э. II, 96.

въ управленіи Димитрія видно было желаніе дать народу сколько возможно болѣе льготы. Установлено было, чтобъ вездѣ судопроизводство было безплатное, и вообще правящимъ лицамъ строго запрещалось брать посулы, а поэтому имъ удвоено содержаніе; объявлено, что царь принимаетъ отъ людей всѣхъ званій и сословій безразлично челобитныя: всѣмъ доставлялась возможность объясняться съ царемъ по своимъ дѣламъ лично, и для этого назначены два дни въ недѣлю, въ среду и субботу. Для того, чтобы при сборѣ податей не было прижимокъ и злоупотребленій, Димитрій установилъ (неизвѣстно — вездѣ, или въ нѣкоторыхъ мѣстахъ), чтобы общины сами приносили то, чѣмъ были обложены; такъ остякамъ велѣно было самимъ доставлять свой ясакъ, вмѣсто того, чтобъ къ нимъ ѣздилъ чиновникъ [1]). Но подобныя льготы дарованы были вогуламъ при Борисѣ.

Чтобы разлить благосостояніе въ народѣ, торговля была объявлена свободною какъ русскимъ, такъ и иностранцамъ. Всѣмъ позволено свободно заниматься промыслами и ремеслами. Уничтожены всякія стѣсненія къ выѣзду изъ Россіи, ко въѣзду въ государство и къ переѣздамъ внутри государства. «Я не хочу никого стѣснять — говорилъ онъ — мои владѣнія для всѣхъ во всемъ должны быть свободны.» Англичане того времени находятъ, что онъ былъ первый государь, въ Европѣ, который сдѣлалъ свое государство до такой степени свободнымъ [2]). Многимъ казалось это раззорительнымъ. Димитрій на это говорилъ: «напротивъ, я обогащу свободною торговлею свое государство, и вездѣ разнесется добрая слава о моемъ имени и моемъ государствѣ [3]).» Одинъ современникъ италіанецъ говоритъ, что мать Димитрія ходатайствовала о свободной торговлѣ между Московскимъ царствомъ и Польшею въ благодарность полякамъ, что они помогли ея сыну овладѣть престоломъ [4]). Вѣроятно, Димитрій изъ политики покрывалъ благороднымъ предлогомъ свои поступки, какъ будто дѣлалъ изъ угожденія матери. Царь покровительствовалъ народному труду собственнымъ примѣромъ. Вопреки обычаямъ прежнихъ царей, которые послѣ сытныхъ обѣдовъ укладывались спать, Димитрій, пообѣдавши, выходилъ одинъ пѣшкомъ въ городъ, заходилъ въ разныя мастерскія, толковалъ съ мастерами, осматривалъ ихъ работы, говорилъ ласково со встрѣчными. Такого рода неслыханная прежде доступность царя

---

1) А. И. II, ibidem.
2) Smith., 41.
3) Ibid.
4) Nero Giraldi. — Ciampi, Esam. crit. 58.

въ обращеніи съ подданными соблазняла тѣхъ, у которыхъ укоренилось понятіе, что чѣмъ лицо важнѣе, тѣмъ оно должно быть неповоротливѣе, тѣмъ оно больше требовало, чтобъ другіе за него дѣлали, ему служили, для него жили. Никто лучше Димитрія не ѣздилъ верхомъ. Люди, съ дѣтскихъ лѣтъ привыкшіе къ верховой ѣздѣ, удивлялись его ловкости и искусству. Не то, что прежніе цари: тѣхъ, бывало, вели подъ руки, ради ихъ величія, а когда они садились на лошадь, то имъ скамьи подставляли; а къ Димитрію подведутъ ретиваго, необъѣзженнаго жеребца: онъ быстро бросится къ нему, схватитъ одной рукою за поводъ, другою за сѣдло, вмигъ вскочитъ на него, и неукротимое животное ходитъ подъ нимъ послушно. Любилъ онъ охоту, держалъ рѣдкихъ собакъ и соколовъ. Ловили медвѣдей и содержали въ подгородныхъ селахъ для царской потѣхи. Тоже дѣлалось и при прежнихъ царяхъ: Иванъ Васильевичъ любилъ медвѣжьи травли; но тогда царь стоялъ вдали и любовался, какъ подданные потѣшаютъ его съ опасностію собственной жизни. Димитрій, напротивъ, самъ потѣшалъ подданныхъ своею ловкостію и первый бросался на лютаго звѣря. Русскіе невольно любовались такою удалью, хотя и признавали, что удаль и подвижность не сходились съ признаками божественной неприступности царственнаго сана.

Любилъ онъ толковать о томъ, чтобы дать народу образованіе, которое понималъ во внѣшнихъ признакахъ, видѣнныхъ имъ въ Польшѣ. Сходясь со своими вельможами, онъ часто замѣчалъ, что они ничего не знаютъ, ничего не видали, ничему не учились, и объявлялъ, что позволяетъ всѣмъ путешествовать по Европѣ; совѣтовалъ имъ посылать туда дѣтей присмотрѣться къ жизни образованныхъ обществъ, заохочивалъ ихъ къ чтенію и познаніямъ, такъ-какъ и самъ любилъ читать и говорить о томъ, что̀ вычиталъ. Онъ готовился основать въ Москвѣ университетъ [1]).

Димитрій былъ нрава чрезвычайно вспыльчиваго, легко приходилъ въ неистовство, и не одна палка въ рукахъ его ходила по спинамъ дьяковъ и придворныхъ, когда тѣ не измѣняли своихъ московскихъ привычекъ обращенія, отъ которыхъ царь хотѣлъ ихъ отучить [2]). Трудно было ему сдерживаться, царствуя надъ такимъ народомъ, у котораго въ ту эпоху битье считалось необходимымъ для вразумленія, какъ воздухъ для дыханія; да и въ томъ обществѣ, гдѣ онъ нанюхался цивилизаціи, мало могъ онъ увидѣть у сильныхъ людей поучительныхъ примѣровъ подчиненія поры-

[1]) Bussov. 38. — Petr. 179.
[2]) Is. Mass. 83.

вовъ страсти благоразумію; но посердившись немного, онъ тотчасъ же успокоивался, былъ совсѣмъ незлопамятенъ, и чрезвычайно добръ и щедръ. Щедрость его казалась даже мотовствомъ. Никто, попросивши у него милости, не уходилъ безъ удовлетворенія. Всѣмъ служилымъ было удвоено содержаніе: кто получалъ прежде десять рублей, тому дано по двадцати; кому была тысяча, тому двѣ [1]). Во всѣхъ городахъ въ государствѣ приказано было переверстать земли для помѣстнаго оклада, и всѣмъ помѣщикамъ удвоили надѣлъ земли [2]). Такимъ образомъ, до новаго года онъ истратилъ до 7 съ половиною милліон. руб. [3]). Сумма покажется огромною, если вспомнить, что Московское государство получало всѣхъ доходовъ, за исключеніемъ сибирскихъ мѣховъ, около полутора милл. руб. въ годъ. Но тутъ слѣдуетъ сообразить, что, увеличивая жалованье, онъ способствовалъ благосостоянію служилаго и земледѣльческаго класса, и тѣмъ самымъ возможности на будущее время содѣйствовать увеличенію государственныхъ доходовъ; притомъ эти затраты не сопровождались новыми налогами. Въ казнѣ московскихъ государей лежали громадныя сокровища, накопленныя въ разныя времена исключительными способами. Царь Иванъ Грозный всѣ свои казни сопровождалъ отнятіемъ имуществъ у опальныхъ и копилъ себѣ казну. Въ то время, какъ онъ посадилъ на престолъ Симеона, то приказалъ этому подставному царю обобрать монастырскія богатства, а потомъ, принявши вновь правленіе, оставилъ у себя награбленное, а монастырямъ выдалъ новыя жалованныя грамоты [4]). Сверхъ того правительство захватывало часто монополію разныхъ товаровъ, запрещая покупать ихъ и продавать, прежде чѣмъ поступитъ ихъ достаточно въ царскую казну. Въ послѣднее время казна царская обогатилась отборомъ въ казну богатствъ Годуновыхъ и ихъ свойственниковъ. Такимъ образомъ, въ распоряженіи царя было много наличныхъ суммъ, которыя онъ могъ тратить, не производя разстройства въ отношеніяхъ доходовъ къ расходамъ. Въ числѣ потраченныхъ Димитріемъ суммъ были платежи долговъ, сдѣланныхъ Иваномъ, и вознагражденія за несправедливо отнятыя достоянія. Димитрій многимъ возвращалъ имѣнія, отнятыя царемъ Иваномъ. Неудивительно, что новый царь, поставивши себѣ задачею загладить по возможности отцовскія несправедливости, поневолѣ долженъ былъ вначалѣ

---

[1]) Собр. гос. гр. II, 261.

[2]) Хроногр. Арх. Ком.

[3]) Собр. гос. гр. ibidem.

[4]) Gorsey. Bond. 179.

своего царствованія сдѣлать чрезвычайныя затраты. Пользовались его щедростію поляки: они забирали жалованье впередъ, пропивали, проигрывали, а потомъ жаловались на царя, что мало имъ даетъ. По свидѣтельству одного изъ нихъ, корму имъ давали такъ много, что они продавали, и находилось много такихъ, что, получивъ свое, не хотѣли отслуживать выпрошеннаго впередъ.

Выказываясь непамятозлобивымъ, готовымъ прощать оскорбленія, Димитрій твердилъ, что не хочетъ преслѣдовать своихъ зложелателей. «У меня два способа царствовать и укрѣпиться на престолѣ — говорилъ онъ — или милосердіемъ и щедростію, или суровостію и казнями; я избралъ первый способъ; я въ сердцѣ своемъ далъ Богу обѣщаніе не проливать крови подданныхъ, и я исполню его [1].» Замѣчательно, что кудрявая фраза о двухъ способахъ царствованія цѣликомъ встрѣчается въ современной рѣчи пана Гербурта, произнесенной на польскомъ языкѣ. Видно, что она была ходячею политическою сентенціею въ Польшѣ, и Димитрій часто рисовался своею цивилизаціею, повторяя то, чего онъ наслышался въ Польшѣ. Въ октябрѣ, онъ возвратилъ изъ ссылки Шуйскихъ, приблизилъ ихъ къ себѣ по прежнему, и Димитрій думалъ, что это дѣло милосердія привяжетъ къ нему этотъ родъ. Царь довольствовался тѣмъ, что Василій Шуйскій съ роднею далъ ему клятву въ вѣрности. Василій казался благодарнымъ, преданнымъ и тайно положилъ впередъ работать для своихъ цѣлей поосторожнѣе. Не только Шуйскіе, но и Годуновы и ихъ приверженцы, сосланные при началѣ царствованія, получили прощеніе, а Иванъ Годуновъ сдѣланъ воеводою въ Сибири. Когда кто нибудь, желая подслужиться Димитрію, заговаривалъ дурно о Борисѣ, Димитрій замѣчалъ: «вы кланялись ему, когда онъ былъ живъ, а теперь, когда онъ уже мертвъ, вы хулите его; пусть бы кто другой говорилъ о немъ дурно, а не тѣ, которые его выбрали; онъ былъ похититель, но развѣ не признали его всѣ царемъ [2])?» Борисъ не допускалъ Василія Шуйскаго жениться. Борисъ боялся, чтобъ Василіевы потомки или онъ самъ, ради потомства, не извели съ престола Бориса и его потомства. Съ тою же цѣлію запрещалось жениться Мстиславскому. Димитрій объявилъ, что всѣ свободно могутъ жениться и самъ побуждалъ Шуйскаго и Мстиславскаго выбрать себѣ невѣстъ. Оба выбрали родственницъ царицы матери. Мстиславскій женился на двою-

---

[1]) Собр. госуд. гр. II, 261.

[2]) Smith, 40.

родной сестрѣ ея, а Шуйскій обручился съ Маріею княжною Буйносовой-Ростовской. Бракъ былъ отложенъ до царскаго брака. Этотъ бракъ долженъ быть неровный по лѣтамъ: невѣстѣ Шуйскаго было менѣе двадцати, Шуйскому за пятьдесятъ лѣтъ. Свадьбу Мстиславскаго праздновали съ большимъ великолѣпіемъ. Царица-мать и царь были на свадьбѣ, веселились вмѣстѣ со всѣми цѣлыхъ два дни. Были и другія свадьбы знатныхъ особъ; новобрачные приглашали царя; царь не отказывалъ, посѣщалъ ихъ домы, пировалъ за урядъ съ подданными. Время было такое веселое, какого не помнила Москва: тамъ богатая свадьба, тамъ новоселье, тамъ просто пиръ. По городу, то и дѣло, летали пестроубранныя сани съ золотными коврами, подбитыми бобромъ, со множествомъ бубенчиковъ; всѣ одѣвались въ золото да соболи, украшали себя жемчугомъ да камнями; самый незнатный стыдился выходить въ люди не нарядившись. Царь любилъ, чтобъ его подданные ходили нарядно и веселились.

Случалось, царь устраивалъ охоту близъ самой Москвы и съ своими придворными скакалъ за выпущенными нарочно лисицами да волками, красуясь породистостью коня и статностью своей осанки, и народъ высыпалъ изъ Москвы любоваться на своего царя-молодца. И то было веселье народу.

Димитрій былъ человѣкъ нрава веселаго и хотѣлъ, чтобъ вокругъ его все веселилось; любилъ довольство, и хотѣлъ, чтобъ въ народѣ его было довольство. Свобода торговли, промысловъ и обращенія въ самое короткое время произвела то, что въ Москвѣ все подешевѣло: людямъ небогатымъ становились доступны предметы житейскихъ удобствъ, тогда какъ прежде могли ими щеголять бояре и богачи. Въ добавокъ, прошедшій годъ былъ урожаенъ; хлѣбъ дешевъ. Москва стала измѣнять свой суровый характеръ. Въ государствахъ такого строя, какъ московское, нравы и склонности государей часто передаются громадѣ подвластныхъ. Всѣ тогда знали, что Димитрій любитъ веселиться, что у него послѣ заботъ и трудовъ идетъ обѣдъ съ музыкой, послѣ обѣда пляска. Тоже стало входить и въ жизнь народа. Теперь уже не преслѣдовались забавы, какъ бывало въ старые годы; веселые скоморохи съ волынками, домрами и накрами могли какъ угодно тѣшить народъ и представлять свои «дѣйства»; не чинили тогда наказанія ни за зернь (карты), ни за тавлеи (шашки). Въ корчмахъ наряжались въ хари, гулящія женки плясали и пѣли веселыя пѣсни. Разсказываютъ, что веселый царь былъ охотникъ до женскаго естества, и Михайло Молчановъ, убійца Ѳедора Борисовича, доставлялъ ему за деньги особъ прекраснаго пола въ баню. Петръ Басмановъ участво-

валъ также въ этихъ удовольствіяхъ. Послѣ царя пользовались тѣми же женщинами его любимцы. Даже хорошенькихъ монахинь соблазняли на грѣхъ, и, послѣ смерти Димитрія, осталось до 30 женщинъ, которыя сдѣлались беременны послѣ посѣщенія царской бани [1]). Но московскіе люди охотнѣе извиняли тайный развратъ, какъ извиняли его въ Иванѣ Васильевичѣ, чѣмъ явное нарушеніе наружныхъ условій благонравія. Все, что прежде дѣлалось тайкомъ, съ оглядкой, теперь совершалось явно, къ соблазну благочестивыхъ хранителей прадѣдовскаго приличія.

Ему была душна суровая, чопорная, постная, московская Русь. Ему тяжело было жить во дворцѣ царей; онъ выстроилъ себѣ два деревянные дворца ближе къ Москвѣ-рѣкѣ у самаго ската, недалеко отъ житнаго двора. Эти дворцы примыкали другъ къ другу: одинъ былъ для царя, другой для его будущей царицы. Внутри дверные замки и гвоздики были позолочены, потолки превосходной рѣзной работы раскрашены, печки зеленыя изразцовыя съ серебряными рѣшетками, стѣны покрыты блестящими тканями; передняя комната, большая, была обита голубою персидскою матеріею, а на окнахъ и дверяхъ висѣли золототканыя занавѣси; сѣдалища обиты были черною тканью съ золотыми узорами; столы были покрыты златоткаными скатертьми. За нею были три комнаты, обитыя золотными тканями съ разными узорами въ каждой комнатѣ для разнообразія. Большія сѣни предъ переднею комнатою уставлены были всевозможнѣйшею затѣйливою серебряною посудою съ разными изображеніями звѣрей, птицъ, баснословныхъ боговъ, и прочее. Кто-то изъ иноземцевъ удружилъ ему: сдѣлалъ мѣдное изваяніе цербера съ тремя головами и устроилъ такъ, что челюсти могли то раскрываться, то закрываться, а во время движенія издавали звукъ. Это изображеніе поставлено было у самого входа. Царь думалъ, что оно будетъ забавлять его подданныхъ, но оно стало соблазнять ихъ: нѣкоторымъ представлялось, что изъ него исходить дымъ и пламень [2]).

Не нравилось это все боярамъ, а особенно не по сердцу имъ было предпочтеніе полякамъ, съ которыми царь былъ знакомъ болѣе, чѣмъ съ другими европейцами. У ревнителей отечественной старины была ненависть противъ всего иностраннаго, неправославнаго и не московскаго. Всѣ предшествовавшіе цари за расположеніе въ меньшей степени къ иноземцамъ подвергались нареканіямъ. Ивану Васильевичу охотнѣе прощались безчеловѣчія и вар-

---

[1]) Is. Mass. 32.

[2]) Hist. Russ. Monum. II, 164. — Хроногр. Арх. Ком.

варства, чѣмъ дружба съ Англіей. Когда Борисъ затѣялъ отдать дочь свою за датскаго королевича, его близкіе родственники негодовали, и даже, когда этотъ царь поѣхалъ навѣстить умиравшаго зятя, многіе кричали: «это недостойно царскаго величества; православный царь не долженъ навѣщать нехристя нѣмца». Димитрій поступалъ такъ, какъ никто до него не поступалъ, и на каждомъ шагу оказывалъ уваженіе къ иноземцамъ. Онъ самъ любилъ ходить въ польскомъ платьѣ лучше чѣмъ въ русскомъ; за обѣдомъ, по обычаю польскихъ пановъ, у него была музыка, чего не дѣлалось при прежнихъ царяхъ, исключая однажды при Борисѣ. Онъ любилъ пышность, но польскую, а не московскую, и безъ нужды не соблюдалъ завѣтныхъ обрядовъ, сопровождавшихъ царскую жизнь. Говоря по-русски, онъ нерѣдко ввертывалъ польскіе обороты и поговорки. Съ перваго раза видно было, что онъ сильно пропитался польскимъ образомъ обращенія. Онъ ни передъ кѣмъ не стѣснялся, но въ тоже время показывалъ видъ, что зазнаваться полякамъ въ Москвѣ не дастъ. Отрядъ, проводившій Димитрія въ Москву, остался у него на службѣ. Сами бояре, подлаживаясь къ сочувствію царя, просили объ этомъ. Служилыхъ поляковъ помѣстили въ посольскомъ дворѣ. Воины они были хорошіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ народъ буйный и своевольный; въ ихъ отечествѣ радовались, что избавились отъ нихъ, когда они не слишкомъ умѣли обуздывать свои страсти. Случилось однажды, они повздорили съ московскими людями: какой-то полякъ Липскій оскорбилъ московскаго человѣка; тогда его схватили и повели по улицамъ, подгоняя кнутомъ, по московскому обычаю. Этого рода обращеніе не понравилось польскимъ шляхтичамъ; они оскорбились и всѣ вышли изъ посольскаго двора съ обнаженными саблями, напали на русскихъ; сдѣлалась драка; нѣсколькихъ убили, нѣсколькихъ ранили. Москвичи жаловались, что гости, живучи у нихъ, осмѣливаются нападать на нихъ съ оружіемъ. Димитрій послалъ къ полякамъ съ такими словами: «выдайте виновныхъ, которые нападали на моихъ подданныхъ съ оружіемъ; иначе я прикажу подвести пушки и истребить васъ всѣхъ отъ мала до велика съ дворомъ, гдѣ вы живете.» Поляки дали такой отвѣтъ: «неужели это награда намъ за кровавыя услуги наши царю? Насъ этимъ не устрашите; пусть мы станемъ мучениками; но пусть помнитъ царь, что у насъ есть король: узнаетъ онъ о нашей судьбѣ, узнаютъ и братья наши въ Польшѣ; мы, какъ прилично рыцарямъ, готовы защищаться, пока всѣ не погибнемъ!» Димитрій отозвался съ похвалою о ихъ мужествѣ, но повторилъ требованіе и уже ласковѣе, обѣщалъ оставить въ живыхъ ви-

новныхъ, но не хотѣлъ, чтобъ ихъ поступки прошли безъ наказанія: того требовала справедливость; нужно было проучить поляковъ и успокоить своихъ русскихъ подданныхъ. Рыцарство выдало троихъ забіякъ. Димитрій выдумалъ имъ наказаніе необычное: заперъ ихъ въ одну изъ кремлевскихъ башенъ, гдѣ натыканы были остроконечные колья и положены вверхъ остріемъ косы, вверху надъ ними были по стѣнамъ придѣланы узкія лавки; на эти лавки посадили виноватыхъ поляковъ. Они тамъ пробыли сутки, сидя на корточкахъ; нельзя было имъ ни лечь, ни задремать: каждую минуту грозила имъ опасность свалиться. Такія мѣры не обуздали жолнѣрскаго своевольства; жалобы и столкновенія были безпрестанныя. По сказанію самихъ поляковъ современниковъ[1]), соотечественники ихъ, живучи въ Москвѣ, оскорбляли жителей и дѣломъ и языкомъ, притѣсняли хозяевъ тѣхъ домовъ, гдѣ помѣщались, брали у нихъ безплатно припасы, вымучивали деньги, пьянствовали, развратничали, безчинствовали, бѣгали по улицамъ съ угрозами и похвалками на москвичей, задѣвали и били встрѣчнаго поперечнаго, чтобъ показать, что никого не боятся.

Димитрій былъ также благосклоненъ и къ другимъ иноземцамъ, жившимъ въ Россіи. Онъ былъ милостивъ къ нѣмцамъ, которыхъ такъ оцѣнилъ за вѣрность Борису. Онъ приглашалъ въ Россію нѣмцевъ, ремесленниковъ, торговыхъ и служилыхъ, и благоволилъ къ Густаву, сыну Эрика XIV, жившему въ Московскомъ государствѣ, изгнанному шведскому королевичу; не смотря на вражду къ этому принцу Сигизмунда польскаго короля, онъ держалъ его въ чести и не лишалъ того, что было дано ему Борисомъ. Долго Московское государство было для Европы заповѣдною землею; если торговецъ пріѣзжалъ туда, то не иначе, какъ принятый на царское имя, и ѣхалъ за приставами. Столѣтія проходили, говоритъ полякъ современникъ, и трудно было даже птицамъ летать въ Московское государство, а въ это время не только купцы — мелкіе шинкари стали ѣздить туда[2]).

Димитрій не казался очень прилежнымъ къ благочестію. Онъ зналъ хорошо священное писаніе, любилъ приводить изъ него примѣры и тексты, опирался на него въ своихъ сужденіяхъ о текущихъ дѣлахъ. Но ему не приходилась по нраву та строгая исключительность, которая, по понятіямъ тогдашняго благочестія, требовалась отъ настоящаго православнаго, осо-

---

[1]) Petricii, 85.

[2]) Lubienicki, Poloneut. 157.

бенно отъ царя православнаго. Димитрій говорилъ безъ околичностей съ духовными и мірскими: «у васъ въ церкви только обряды, а смыслъ ихъ укрытъ; только въ томъ поставляете благочестіе, что посты сохраняете, иконы чествуете, мощамъ поклоняетесь, а никакого понятія не имѣете о существѣ вѣры, не знаете догматовъ: ваши попы и архіереи невѣжды и не учатъ народъ; вы лицемѣрно славитесь своимъ благочестіемъ и считаете себя самымъ праведнымъ народомъ въ мірѣ, называете себя новымъ Израилемъ, а живете не похристіански, недостойны высокаго о себѣ мнѣнія; вы развратны, злобны, мало любите ближняго, мало расположены дѣлать добро.» Онъ укорялъ ихъ за религіозный фанатизмъ и доказывалъ, что недостойно христіанъ и безразсудно презирать иновѣрцевъ. «Чтожъ такое латинская и лютеранская вѣра? — говорилъ онъ — такая же христіанская, какъ и греческая: и они во Христа вѣруютъ [1])!» Когда ему говорили о семи соборахъ и неизмѣняемости соборныхъ опредѣленій, онъ замѣчалъ: «если было семь соборовъ, то почему же не можетъ быть и восьмого, и десятаго и болѣе [2])? Пусть всякій вѣритъ по своей совѣсти. Я хочу, чтобы въ моемъ государствѣ всѣ иновѣрцы отправляли богослуженіе по своему обряду.» Онъ хотѣлъ построить церковь католическую въ Москвѣ для солдатъ иноземцевъ и вообще для проѣзжающихъ въ Москву изъ католическихъ странъ. Вельможи стали возражать. Димитрій говорилъ имъ: «они христіане и вполнѣ заслуживаютъ этого вниманія; почему же протестантамъ дозволено было прежде построить свою церковь [3])? И для нѣмцевъ-тѣлохранителей я позволю пастору говорить проповѣди въ Кремлѣ, чтобъ не ходить имъ далеко въ нѣмецкую слободу.» И не смотря на ропотъ, онъ дозволилъ пріѣхавшимъ съ нимъ іезуитамъ Черниковскому и Савицкому отправлять въ Кремлѣ римскокатолическое богослуженіе. Съ ними онъ совѣтовался о распространеніи просвѣщенія въ Московскомъ государствѣ; по его порученію одинъ изъ нихъ писалъ къ Антонію Поссевину и просилъ доставить печатную славянскую Библію и другія религіозныя печатныя книги. Царь хотѣлъ распространить чтеніе св. писанія. Поссевинъ нашелъ только служебникъ, новый завѣтъ и маленькій катихизисъ, печатанные для далматовъ, и обратился къ тогдашнему тосканскому герцогу, который занимался печатаніемъ книгъ на разныхъ языкахъ; онъ просилъ его обратить

---

[1]) Хроногр., 485.
[2]) Хроногр. хран. въ Арх. Комм.
[3]) Esame critic. 190.

вниманіе на изданіе славянскихъ книгъ для Московскаго государства. Разумѣется, главная цѣль у кардинала была — введеніе римскаго католичества и подчиненіе папѣ русской церкви.

Димитрій не любилъ монаховъ, которыхъ зналъ по опыту: обвинялъ ихъ въ тунеядствѣ, смѣло грозилъ посягнуть на ихъ достояніе, велѣлъ сдѣлать опись монастырскихъ имѣній, говорилъ, что хочетъ оставить имъ только необходимое для содержанія, а все прочее отберетъ въ казну. По этому поводу онъ замѣтилъ: «лучше пусть пойдутъ ихъ богатства на защиту святой вѣры и христіанскаго жительства отъ невѣрныхъ!»

Присматриваясь къ обстоятельствамъ, Димитрій долженъ былъ приходить къ убѣжденію, что дѣло европейскаго образованія въ Московскомъ государствѣ слѣдовало начинать съ покоренія Крыма. До тѣхъ поръ, пока у Московскаго государства будетъ подъ бокомъ это хищническое гнѣздо, изъ котораго почти каждый годъ дѣлались набѣги, доходившіе иногда вплоть до Москвы, для обитателей Московскаго государства не было безопасности, и слѣдовательно нельзя было думать о внутреннихъ преобразованіяхъ. Димитрій представилъ сенату, что Россія находится въ бѣдственномъ положеніи отъ безпрестанныхъ набѣговъ татаръ; лучшія земли остаются незаселенными, украинное поселеніе загоняется въ плѣнъ, а потомъ приходится выкупать дорого плѣнныхъ; невѣрные обогащаются, а русскій народъ въ бѣдности; лучше разомъ рѣшиться на смѣлое дѣло, покорить варваровъ и сдѣлать ихъ безвредными, чѣмъ томиться и страдать отъ безпрестанныхъ развореній. Ему представлялась возможность освободить отъ турецкаго ига восточныхъ христіанъ и пріобрѣсти въ исторіи безсмертную славу себѣ и своему народу. Въ тѣ времена, папы указывали на это блестящее призваніе Московскому государству; Димитрій неизбѣжно долженъ былъ захватить въ Польшѣ мысль о такомъ призваніи Московскаго государства, и теперь, сдѣлавшись царемъ этой страны, восхищался надеждою, что ему суждено исполнить это указаніе судебъ. Въ этихъ видахъ онъ дѣлалъ приготовленія къ войнѣ съ турками и замышлялъ склонить къ содѣйствію западныя страны.

Съ самаго прибытія въ Москву, война съ турками и татарами не сходила у него съ языка. Дѣятельно работали на пушечномъ дворѣ, дѣлали новыя пушки, мортиры, ружья [1]). Тамъ подвизались пріѣзжіе иностранцы. Самъ царь часто туда ѣздилъ, самъ пробовалъ новое оружіе. Онъ устраивалъ военные маневры, которые вмѣстѣ были и потѣхою и упражненіемъ. Въ

---

[1]) Bussov. 39.

этихъ играхъ онъ сбрасывалъ съ себя царственное достоинство, работалъ за урядъ съ прочими, не сердился, когда его въ давкѣ толкали и сбивали съ ногъ, даже, когда онъ получалъ удары. Такихъ примѣрныхъ сраженій онъ устраивалъ нѣсколько. Зимою на льду Москвы-рѣки онъ построилъ крѣпость; польская рота должна была брать ее. На окнахъ сдѣланы были изображенія чудовищъ, знаменовавшихъ татарскую силу, которую царь намѣревался побѣждать. Московскіе люди испугались этихъ чудовищъ: они имъ напоминали чертей. Лѣтомъ и осенью строилъ онъ земляныя укрѣпленія и приказывалъ однимъ брать, другимъ защищать, чтобъ такимъ образомъ познакомить своихъ служилыхъ съ искусствомъ овладѣвать укрѣпленіями [1]). Близъ села Вяземы онъ устроилъ зимою изъ снѣгу крѣпость; но сдѣлалъ ту ошибку, что раздѣлилъ стороны по народностямъ: русскіе должны были защищать, а поляки и нѣмцы брать. Вмѣсто оружія слѣдовало употреблять снѣжные комки. Димитрій съ иноземцами взялъ крѣпость, полонилъ воеводу, и съ похвальбою сказалъ: «вотъ такъ я завоюю Азовъ, и возьму въ плѣнъ татарскаго царя!» Послѣ этой игры слѣдовало угощеніе. Димитрій велѣлъ играть музыкантамъ; раздались пѣсни, полились напитки; но тутъ одинъ бояринъ сказалъ ему тихонько: «царь, у нѣмцовъ снѣгъ въ комкахъ былъ очень твердъ; нашимъ фонари подъ глазами поставили; князья и бояре разсердились; у нихъ у каждаго по острому ножу за поясомъ: какъ бы кровавой пирушки не вышло изъ этого!» Димитрій долженъ былъ осторожнѣе обращаться съ такими потѣхами. Русскіе оскорблялись, когда иноземцы, будучи въ ихъ землѣ, слишкомъ явно гордились преимуществами своего воспитанія и гласно честили русскихъ невѣждами и варварами. Димитрій хотѣлъ, чтобъ между ними было согласіе, чтобъ иноземцы были снисходительны къ русскимъ, а русскіе сознавали бы преимущества иноземцевъ. Это было невозможно [2]).

Предполагаемая война съ мусульманскимъ міромъ была главнымъ поводомъ его внѣшнихъ политическихъ сношеній. Самъ онъ безъ союзниковъ не могъ отважиться на такую борьбу. Прежде всего ему нужно было содѣйствіе Польско-Литовской Рѣчи Посполитой. Онъ могъ надѣяться на нѣмецкаго императора, владѣтеля венгерскихъ земель, не разъ испытавшихъ на себѣ наплывъ грозной и многолюдной турецкой силы; въ послѣднее время, всѣ приглашенія къ союзу противъ Турціи отъ

---

1) Is. Mass. 81.

2) Bussov. 41. — Petr. 181.

него исходили; и Димитрій, казалось, былъ ему давно желаннымъ союзникомъ. Богатая Венеція должна была пособлять этому союзу деньгами и своимъ флотомъ, въ надеждѣ утвердить свое надломленное господство въ Архипелагѣ. Но Димитрій съ особеннымъ сочувствіемъ думалъ о союзѣ съ Генрихомъ IV французскимъ [1]). Этого государя онъ уважалъ болѣе всѣхъ, слушалъ съ участіемъ разсказы объ немъ отъ француза Маржерета, хотѣлъ завязать съ нимъ дружескія сношенія и намѣревался отправить къ нему посольство послѣ своей свадьбы. Было много такого, что̀ привлекало его къ Генриху; казалась подобною судьба французскаго государя его собственной судьбѣ: также точно онъ добылъ оружіемъ престолъ, также былъ великодушенъ ко врагамъ, какимъ хотѣлъ казаться московскій государь; Димитрій сочувствовалъ желанію Генриха даровать какъ можно болѣе удобствъ жизни и благосостоянія своимъ подданнымъ. Какъ Генрихъ, бывши въ душѣ протестантомъ, долженъ былъ уживаться съ католическими подданными и увертываться отъ католическаго фанатизма, такъ и Димитрій, съ своимъ широкимъ и свободнымъ взглядомъ на религію, долженъ былъ сживаться съ исключительностію древнихъ народно-религіозныхъ понятій въ своемъ царствѣ, да въ добавокъ избавляться отъ покушеній іезуитовъ набросить на него свои сѣти.

Но отложивши сношенія съ отдаленною Франціею, онъ вступилъ въ сношеніе по вопросу о войнѣ противъ Турціи съ Польшею и съ папою, главою католическаго міра. Казалось, общіе интересы должны были расположить Польшу къ союзу; Польша должна была получать одинаковыя выгоды съ Московскимъ государствомъ въ предполагаемой войнѣ. Польскія владѣнія равномѣрно опустошались татарами, какъ и московскія; обѣ страны находились въ состояніи безпрерывной войны съ Крымомъ, и должны были въ равной степени истощать свои жизненныя силы и свою дѣятельность на постоянную защиту своихъ южныхъ границъ; на окраинахъ обѣихъ странъ были казаки, которые столько же могли быть полезны для государства, если ихъ правильно употребить на войну съ турками, веденную ими и безъ того набѣгами, сколько и гибельны, если, допустивъ существованіе казаковъ, стѣснять ихъ стремленіе извнѣ, и тѣмъ самымъ дать поводъ обратиться внутрь. Опытъ предыдущей исторіи уже показалъ, что Рѣчь Посполитая и Московское государство, предоставленныя собственнымъ одиночнымъ силамъ, не могли обезопасить своихъ предѣловъ отъ невѣрныхъ, тѣмъ бо-

---

[1]) Marger. 96.

лѣе, что одна страна не только не помогала другой противъ татаръ, но въ пагубномъ заблужденіи каждая думала обратить въ свою пользу бѣдствія другой; пора была опомниться и понять, что всякій разъ, когда одна изъ этихъ странъ возбуждала татаръ противъ соперницы, въ тоже время она дѣлала вредъ самой себѣ или приготовляла его на будущее время. Только при взаимномъ содѣйствіи можно было и той и другой избавиться отъ неизбѣжнаго зла. Папы издавна, по старому преданію, хотѣли подвинуть христіанство противъ мусульманскаго востока и всегда были бы рады такому союзу. Со времени завоеванія Константинополя турками, крестовый походъ сдѣлался стереотипною фразою у римскаго двора. Но, къ сожалѣнію, и папа и Сигизмундъ прежде всего надѣялись осуществить иного рода виды на Димитрія: папа разсчитывалъ посредствомъ его покорить Россію своей духовной власти, а Сигизмундъ надѣялся, что московскій государь, возведенный на престолъ при помощи поляковъ и расположенный въ добавокъ жениться на полькѣ, будетъ покорнымъ васалломъ польскаго короля. И съ тѣмъ и съ другимъ Димитрій долженъ былъ увертываться. Зоркіе взоры святого отца, римскихъ кардиналовъ, папскаго нунція въ Польшѣ, католическихъ епископовъ и іезуитовъ не переставали слѣдить за ходомъ дѣлъ въ Московіи и за ея новымъ государемъ. Какъ только Димитрій усѣлся въ Москвѣ, папа Павелъ V прислалъ къ новому царю поздравительную грамоту, писанную въ іюлѣ, напоминая, что онъ уже принялъ католическую вѣру, побуждалъ сохранять ее, поучалъ, что онъ станетъ сильнѣе молитвами, чѣмъ оружіемъ, а совѣты благочестивыхъ мужей будутъ ему полезнѣе совѣтовъ крѣпкихъ въ браняхъ вождей. Въ тоже время святой отецъ хвалилъ Сигизмунда за оказанное расположеніе къ Димитрію и просилъ напередъ не забывать дѣлъ церкви, когда будетъ вести дѣла съ Московскимъ государствомъ. Въ письмахъ къ краковскому епископу Мацѣіовскому, родственнику Мнишка, святой отецъ просилъ этого прелата содѣйствовать съ своей стороны воеводѣ во вліяніи, какое тотъ имѣетъ на Димитрія. Въ Римѣ вѣрили, что для обращенія въ католичество Россіи достаточно, если царь этой страны принялъ эту вѣру. «Мы узнали — было сказано въ этомъ письмѣ — что Димитрій не только съ дѣтства напитанъ римскокатолической религіей, но и возгорѣлся истинною любовью къ Богу и преданъ римской церкви. Съ твоимъ благоразуміемъ, ты поймешь, какъ это полезно для католической церкви. Мы несомнѣваемся, что если Димитрій, какъ надѣемся, пребудетъ твердъ, то и всѣ московиты будутъ приведены къ лону святой римской церкви. Этотъ народъ, какъ

мы узнали, безконечно предань своимъ государямъ» [1]). Папа писалъ къ Мнишку въ выраженіяхъ самыхъ льстивыхъ, наиболѣе способныхъ плѣнить его высокомѣріе, приписывалъ обращеніе Димитрія заботамъ воеводы, прославлялъ его благоразуміе и способности. «Самъ знаешь — было сказано въ письмѣ его — что наше давнее желаніе — привести народъ московскій, издавна отпадшій отъ католической религіи и блуждающій во тьмѣ, въ лоно святой церкви. Обрати всѣ помышленія твои, все разумѣніе твое на великое дѣло славы божіей, на спасеніе ближнихъ, чтобы московиты присоединились къ римской церкви. Употреби все стараніе, и все прилежаніе, чтобъ ревность къ вѣрѣ Димитрія не только утвердилась, но умножилась и исполнилась, и будетъ тебѣ слава предъ людьми и вѣчное спасеніе у Бога на небеси [2]).» Папа писалъ къ королю, похвалялъ его за расположеніе къ Димитрію во время его пребыванія въ польскихъ владѣніяхъ. Святой отецъ выражался такъ: «Такъ какъ Димитрій, будучи изгнанникомъ въ Польшѣ, принялъ католическую вѣру и, сколько мы думаемъ, хранитъ ее, то этимъ путемъ, надѣемся, введется она въ Московское государство. Уже и теперь не мало принесено пользы отъ твоего покровительства. Это мы тебѣ замѣчаемъ для того, чтобъ ты и на будущее время помогалъ нашему дѣлу?» Король въ совѣтъ писалъ ему утѣшительное извѣстіе, что Димитрій не измѣняетъ своему обѣщанію и покровительствуетъ католикамъ въ своемъ государствѣ [3]).

Въ августѣ, папа, не зная образа мыслей Димитрія, отправилъ въ Польшу племянника нунція Рангони, Александра Рангони, съ тѣмъ, чтобъ онъ ѣхалъ въ Московію лично поздравить Димитрія и переговорить съ нимъ о дѣлѣ вѣры. Онъ повезъ довѣрительныя письма отъ святого отца къ Димитрію, гдѣ папа извѣщалъ московскаго царя, что поручаетъ послу говорить съ московскимъ государемъ откровенно [4]). Въ Польшѣ, лучше знали ненависть московскихъ людей къ католичесгву, чѣмъ въ Италіи, и не совѣтовали ѣхать въ Московское государство папскому послу. Самъ Сигизмундъ былъ противъ этого. Когда въ Римѣ узнали, что король не хочетъ отправки посла, то также запретили нунцію посылать его [5]). Сообразили, что лучше узнать мысли Димитрія отъ его посла, когда онъ пришлетъ его въ Польшу. Но

---

[1]) Hist. Russ. Mon. 62.
[2]) Ibid. 63.
[3]) Рукоп. Имп. П. Библ. Hist. Polon. IV. N. 119.
[4]) Hist. Russ. Monum., II. 64.
[5]) Ibid. 79—80.

папскій нунцій, не дождавшись запрещенія изъ Рима, послалъ племянника въ Москву. Молодой Рангони пріѣхалъ въ столицу и былъ принятъ отлично: его встрѣтили за нѣсколько верстъ съ пушечными выстрѣлами, съ колокольнымъ звономъ, съ трубами, литаврами, съ большимъ стеченіемъ нарядно одѣтыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, какъ вообще встрѣчали знатныхъ пословъ. Димитрій сдѣлалъ ему пышный пріемъ, сидя на тронѣ, окруженный духовными и свѣтскими сановниками, изумилъ итальянца и его свиту блестящимъ богатствомъ золотыхъ сосудовъ и одеждъ, обиліемъ медовъ и винъ. Онъ поговорилъ съ нимъ наединѣ. Что онъ говорилъ, осталось тайною, но невидно, чтобы Рангони вывезъ что нибудь утѣшительное; напротивъ, его выпроводили какъ можно скорѣе подъ предлогомъ, что москвитяне не привыкли къ такимъ посѣщеніямъ и уже толкуютъ пріѣздъ Рангони въ дурную сторону [1]).

Въ сентябрѣ, святой отецъ написалъ письмо къ Димитрію, гдѣ доказывалъ, что одна только есть истинная вѣра, ведущая къ спасенію — римская, по благословенію Христа, давшаго власть апостолу Петру, основанная на камнѣ, которую не одолѣютъ врата адовы, и только на ней, какъ на твердомъ камнѣ, могутъ незыблемо стоять земныя царства [2]).

Въ ноябрѣ, Димитрій писалъ къ нунцію письмо, не упоминалъ вовсе объ этомъ сентябрскомъ письмѣ св. отца, ссылался только на письмо папы къ нунцію въ Польшѣ. Нунцій прислалъ къ нему латинскую библію новаго изданія и напоминалъ съ своей стороны, чтобъ онъ торопился соединить греческую церковь съ римской [3]). Но и эти уловки не привели Димитрія къ тому, чтобъ рѣшительно высказаться такъ, какъ бы хотѣлось папѣ. Въ концѣ 1605 года, Димитрій отправилъ къ папѣ своего домашняго іезуита Андрея Савицкаго. Въ грамотѣ, которую онъ повезъ, не было и намека похожаго на обѣщаніе вводить католичество въ русской землѣ, не говорилось и о собственномъ принятіи римской вѣры, не было даже увѣреній въ особенномъ расположеніи царя къ католичеству. Вмѣсто чего нибудь подобнаго, царь говоритъ: «возложа надежду на божію помощь и покровительство, мы намѣрены проводить жизнь не въ праздности и не въ бездѣйствіи; стараться о святой церкви и христіанствѣ, и обратить оружіе наше вмѣстѣ съ силами императора римскаго на враговъ святого креста; а такъ какъ для

[1]) Ibid. 53—54.

[2]) Hist. Russ. Mon. II, 68.

[3]) Собр. гос. гр. I, 219.

всего христіанства—естественныя причины въ этой войнѣ, то мы, приступая къ ней, съ полнотою души уповаемъ, что Богъ дастъ намѣренію нашему свое благословеніе, ибо оно будетъ полезно всѣмъ прочимъ христіанамъ; поэтому мы надѣемся, что ваше святѣйшество одобрите его, и просимъ убѣдительно ваше святѣйшество, по вашему значенію у императора римскаго, убѣдить его величество—не заключать съ турками мира, но войти въ общій съ нами совѣтъ о продолженіи войны противъ нихъ [1]).» Послѣ отъѣзда Савицкаго, папа не оставлялъ Димитрія и письмами, и нарочными, и 5 марта Димитрій написалъ снова письмо, кажется, уже послѣднее въ своей жизни къ папѣ, гдѣ ни болѣе, ни менѣе, какъ только благодарилъ за вниманіе, оказанное къ нему во время его борьбы съ измѣнниками, потомъ за поздравленія по поводу обрученія съ Мариною и наиболѣе за выраженное расположеніе и добрые совѣты, клонящіеся къ славѣ божіей, благосостоянію христіанскаго общества и процвѣтанію Московской имперіи. Въ заключеніе, онъ извѣщалъ, что графъ Александръ Рангони вѣроятно сообщалъ ему о пріемѣ его, и разсыпался въ похвалахъ высокимъ качествамъ этого господина. Категорически высказанной готовности сдѣлать то, чего добивались папы, не было и въ этомъ письмѣ, какъ въ предъидущемъ [2]).

Эти посланія доказываютъ, что Димитрій вовсе не имѣлъ намѣренія исполнять то, что обѣщалъ когда-то въ Краковѣ —вводить католическую вѣру, даже и не считалъ себя принявшимъ ее лично. Отвѣтъ святого отца на письмо царя отъ 5 марта, уже не заставшій Димитрія въ живыхъ, показываетъ тоже: папа хотя и говоритъ ему о великомъ полѣ для жатвы, но замѣчаетъ, что іезуитъ сообщалъ ему не такія утѣшительныя вещи, какихъ онъ ожидалъ, и совѣтовалъ отдалить отъ себя еретиковъ и слушаться благочестивыхъ мужей. Въ тоже время, какъ ни побуждалъ его въ своихъ безпрестанныхъ письмахъ нунцій изъ Польши, Димитрій не отвѣчалъ ему ни малѣйшими намеками на согласіе вводить католичество въ своей землѣ, хотя въ наказѣ, данномъ Савицкому, хлопоталъ предъ лицомъ папы о дарованіи кардинальской шапки нунцію Рангони, котораго называлъ своимъ пріятелемъ. Однимъ словомъ, папа и нунцій писали ему о распространеніи католичества, а онъ имъ о войнѣ съ турками, показывая какъ будто, что прежде нужно сдѣлать что нибудь для этого вопроса, а потомъ уже говорить о другомъ.

---

[1]) Собр. гос. гр. II, 243.

[2]) Письмо Димитрія, сообщенное г. Миндлофомъ.

Сигизмундъ, вскорѣ послѣ вѣнчанія Димитрія, прислалъ посланника своего Александра Корвина-Гонсѣвскаго съ поздравительною грамотою, очень короткою, гдѣ поручалось вѣрить посланнику и словамъ его наказа. Какъ только разнесся слухъ, что ѣдетъ польскій посланникъ въ Москву, дворяне изъ Ржевы Володимеровой и Зубцова пріѣхали къ нему на дорогу и говорили: «мы выѣхали нарочно бить челомъ и воздать хвалу его величеству королю, вашему государю, и всей Польшѣ за то, что нашъ прироженый государь Димитрій Ивановичъ укрывался отъ бѣды въ земляхъ королевскихъ, никакого насильства не потерпѣлъ у васъ, въ добромъ здоровьѣ пріѣхалъ въ Москву и сѣлъ на престолѣ предковъ своихъ.» Когда онъ пріѣхалъ въ Москву, и тамъ ему заявляли такую же благодарность, какъ будто вся земля русская согласилась говорить одно и тоже: «Дай Богъ много лѣтъ здравствовать королю Сигизмунду! — говорили русскіе — дай Богъ, чтобъ и впередъ было между нами и вами братское согласіе [1])!»

Гонсѣвскій, прежде всего — какъ говорится: не въ бровь, а въ глазъ, — припомнилъ Димитрію, что король въ его несчастіи и униженіи оказывалъ ему любовь, пособлялъ и помогалъ въ отысканіи отеческаго наслѣдія, сколько было возможно, и теперь готовъ оказывать прямую любовь, если отъ Димитрія будетъ видѣть взаимность. Затѣмъ онъ сообщилъ Димитрію отъ имени короля по секрету, что распространяется слухъ, будто Борисъ живъ: проявился въ Украинѣ и Литвѣ, во владѣніяхъ королевскихъ, какой-то Алешка; родился онъ отъ иноземца, крещенъ въ дѣтствѣ Борисомъ въ греческую вѣру, служилъ въ крестовыхъ дьякахъ, потомъ въ приказахъ стрѣлецкомъ и казенномъ; и вотъ что разсказываетъ этотъ Алешка: когда Димитрій былъ еще въ Путивлѣ, волшебники, которыхъ Борисъ держалъ при себѣ и довѣрялъ имъ, сказали ему, что пока Борисъ будетъ сидѣть въ Москвѣ, то не оборонится отъ Димитрія, но еслибъ онъ на время выѣхалъ изъ московской земли въ чужую, а сынъ его Ѳедоръ сдѣлался бы царемъ, то онъ бы могъ удержать за собою царство и оборониться отъ враговъ; тогда Борисъ опоилъ какого-то человѣка похожаго на себя, велѣлъ положить въ гробъ и распустилъ молву, будто Борисъ умеръ: не зналъ этого даже и сынъ его, — и тотъ думалъ, что отецъ умеръ; знали тайну только Борисова жена да Семенъ Годуновъ; самъ Борисъ, набравши золота, серебра и разныхъ драгоцѣнностей, подъ видомъ торговаго человѣка, уѣхалъ въ Англію и тамъ теперь на-

[1]) Supplem., 437.

ходится. Король, какъ услышалъ объ этомъ, велѣлъ узнать, дѣйствительно ли такъ, какъ говорилъ Алешка. А между тѣмъ ему извѣстно, что многіе люди не преданы Димитрію въ Московскомъ государствѣ, и поэтому онъ велѣлъ своимъ украиннымъ воеводамъ быть на всякій случай наготовѣ для обороны московскаго государя: имъ будетъ приказано выступить, куда окажется нужно, по грамотѣ Димитрія.

Ясно было, что король хотѣлъ увѣрить московскаго государя, что его дѣло шатко и зависитъ отъ милости и покровительства польскаго короля. Обрисовавши такимъ образомъ положеніе Димитрія, посланникъ Сигизмунда домогался, чтобъ Димитрій помогалъ королю, за его расположеніе, противъ шведскаго короля Карла, отнявшаго престолъ у Сигизмунда. Отъ московскаго государя требовалось: когда придутъ послы отъ шведскаго короля, то ихъ задержать и отослать къ польскому королю; да еще хотѣлъ Сигизмундъ, чтобы проживающій въ Россіи шведскій королевичъ Густавъ, сынъ Эрика, не пользовался пріютомъ и честію; чтобъ польскимъ служилымъ людямъ выплачено было жалованье; чтобъ торговымъ людямъ изъ Польши и Литвы предоставлена была свободная торговля, и, наконецъ, чтобы дозволено было возвратиться семейству Хрипуновыхъ, которое убѣжало въ Литву, спасаясь отъ Бориса.

Димитрій положительно согласился на свободную торговлю купцовъ литовскихъ и на возвращеніе Хрипуновыхъ, потому что первое предоставлялось не только литовскимъ, но и всѣмъ вообще иноземнымъ купцамъ въ его государствѣ, а второе потому, что всѣмъ измѣнникамъ во времена Борисовы само собою можно было смѣло возвращаться въ отечество, когда въ немъ царствуетъ государь, низвергшій Бориса. Относительно прочаго, Димитрій сразу показалъ, что не хочетъ играть подначальной роли у Сигизмунда, и что его нельзя принудить какимъ-нибудь страхомъ. «Мы увѣрены — отвѣчалъ онъ — что Бориса нѣтъ въ живыхъ, и намъ не угрожаетъ ни откуда опасность; но мы вообще благодаримъ за предостереженіе и за готовность помогать въ случаѣ, еслибъ явилось что нибудь враждебное; о шведскихъ послахъ тогда станемъ совѣщаться и думать съ королемъ Сигизмундомъ, когда эти послы пріѣдутъ. Густава же я держу у себя не такъ какъ шведскаго королевича, а такъ какъ смышленаго человѣка. Что̀ же касается до шведскаго Карла, то я готовъ послать ему суровый отзывъ.» Гонсѣвскій, по порученію короля, напомнилъ ему объ исполненіи условій, которыя лежали въ шкатулкѣ у Боболи. Димитрій заявилъ, что не король Сигизмундъ посадилъ его на московскій престолъ, а Московскаго го-

сударства народъ самъ призналъ его, увидавши законнаго наслѣдника своихъ государей, слѣдовательно и нельзя требовать отъ него жертвъ въ видѣ вознагражденія. Онъ давалъ согласіе стараться всѣми силами, чтобъ устроилось вѣчное соединеніе Московскаго государства съ Польскимъ для чести и благополучія обоихъ народовъ, но отказывалъ строить костелы и вводить католическое духовенство, особенно іезуитовъ, во вредъ отеческой вѣрѣ. Довольно было терпимости, которая оказывалась всѣмъ вообще иновѣрцамъ въ государствѣ: всякое явное покушеніе на введеніе католичества или подчиненіе русской церкви римскому первосвященнику возбудило бы противъ царя подданныхъ, погубило бы его самого преждевременно и никакой пользы не принесло бы католичеству. Онъ объявилъ, что исполняетъ свое обѣщаніе жениться въ Польшѣ и хочетъ сочетаться бракомъ съ дочерью Сендомирскаго воеводы. Обѣщаніе дѣйствительно исполнилось буквально, конечно къ тайному неудовольствію короля Сигизмунда, который разсчитывалъ отдать свою сестру за московскаго государя. Что касается до отдачи Смоленска и Сѣверской земли, Димитрій объявилъ тогда, что это совершенно невозможно: Москва не дозволитъ этого никогда. Но такъ какъ въ Польшѣ находилась невѣста царя, то онъ разсудилъ, что не слѣдуетъ раздражать Сигизмунда до тѣхъ поръ, пока ее не отпустятъ къ нему; онъ объявилъ, что, вмѣсто этихъ земель, изъ любви и расположенія къ польскому королю, впослѣдствіи поможетъ ему при нуждѣ денежною суммою, но не опредѣлилъ въ какомъ размѣрѣ. Конечно, это говорилось безъ твердаго намѣренія сдѣлать, или съ надеждою повернуть со временемъ вопросъ иначе, чтобъ, повидимому, исполнить обѣщаніе, но такъ, что исполненіе будетъ выгоднѣе для Московскаго государства, чѣмъ для Польши [1]). «Прежде, сказалъ Димитрій, мнѣ нужно удостовѣриться, въ какой любви и въ какомъ союзѣ будемъ мы находиться съ польскимъ королемъ. А теперь пока мы видимъ, что король убавляетъ нашъ титулъ и именованіе [2]).»

Димитрій потребовалъ, чтобъ въ грамотахъ, писанныхъ на его имя, его именовали бы не только великокняжескимъ, но царскимъ титуломъ, который онъ по справедливости имѣетъ отъ предковъ; онъ переводилъ *царскій* титулъ на латинскій языкъ и требовалъ, чтобъ его писали *цесаремъ;* да еще прилагалъ къ своему титулу эпитетъ: *непобѣдимый*, по образцу польскому. Это было заявлено потому, что польскій король начиналъ обращаться

---

[1]) Рук. Библ. Красин. В, 3.
[2]) Собр. гос. гр. II. 216.

съ нимъ какъ съ васалломъ, и Димитрій хотѣлъ на первыхъ порахъ не дозволить ему дальнѣйшихъ шаговъ въ этомъ родѣ: требованіемъ высокаго титула онъ хотѣлъ прекратить притязанія Сигизмунда, ибо императорскій титулъ ставилъ его по значенію выше польскаго короля; вмѣстѣ съ тѣмъ чрезъ это онъ хотѣлъ не дозволить польскому королю и полякамъ смотрѣть свысока на политическое значеніе Московскаго государства и строить на его счетъ честолюбивые планы. Но чтобъ до поры до времени не раздражать польскаго короля, онъ, чрезъ племянника папскаго нунція Александра Рангони, сообщалъ, что хотя и требуетъ цесарскаго титула и не перестанетъ его требовать, однако не намѣренъ вступать изъ-за него въ войну: онъ принужденъ такъ поступать ради своихъ подданныхъ, ибо распространился слухъ, будто бы онъ хотѣлъ отдать королевству Польскому часть земель своихъ; надобно же противными поступками разсѣять эти слухи [1]).

IV.

Посольство въ Польшу дьяка Аѳанасья Власьева. — Обрученіе съ Мариною Мнишекъ.

Осенью Димитрій выслалъ въ Польшу посломъ Аѳанасія Власьева. Посолъ этотъ повезъ королю грамоту и подарки; ему было поручено совершить по католическому обряду обрученіе съ панной Мариною и препроводить ее съ отцомъ въ Москву. Съ нимъ поѣхало до двухсотъ подводъ, на которыхъ повезли подарки несметной цѣны; ихъ провожало до сорока дворянъ, кромѣ прислуги. Посольство это прибыло въ Краковъ 29 октября и остановилось въ домѣ воеводы. Черезъ два дни явились къ нему королевскіе паны съ поздравленіемъ о прибытіи. Значеніе его было особенно важно: кромѣ того, что онъ былъ посолъ и представлялъ лицо государя своего въ политическомъ отношеніи какъ всякій посолъ, онъ долженъ былъ представлять его лицо какъ жениха. Посолъ явился къ сендомирскому воеводѣ, объявилъ ему подарки отъ нареченнаго зятя — коня въ-яблокахъ (что̀ считалось достоинствомъ), верховой приборъ съ золотою цѣпью вмѣсто поводьевъ, оправленную дорогими камнями булаву, мѣха расшитые золотомъ, персидскіе ковры и разныя дорогія вещицы, да живого соболя, живую куницу, трехъ кречетовъ. 4 ноября пригласили посла къ королю Сигизмунду. На этомъ первомъ пред-

[1]) Щерб. VII, 18, 48. — Рук. Библ. Красин. ibid.

ставленіи посолъ представилъ царскую довѣрительную грамоту, потомъ долженъ былъ по своему наказу, излагать предложеніе о войнѣ съ турками. Власьевъ сказалъ:

«Божіею милостію, великій государь царь и великій князь Димитрій Ивановичъ, всея Русіи самодержецъ, вамъ великому государю, пріятелю и сосѣду своему королю Сигизмунду, велѣлъ говорити: За грѣхи всего христіанства, по несогласію государей христіанскихъ, непріятель святого креста султанъ турецкій овладѣлъ многими христіанскими странами, и наипаче Греціею, гдѣ есть корень и глава всякаго благочестія, благословеннымъ Виѳлеемомъ, гдѣ изволилъ родиться Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій и Слово, священнымъ Назаретомъ и Галилеею и Поморскою страною и Іерусалимомъ, самымъ святымъ градомъ, гдѣ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, сотворивши многія чудеса, принялъ вольную страсть и смерть за спасеніе наше и въ третій день воскресъ: всѣ эти священныя мѣста видимъ понынѣ въ суровыхъ рукахъ измаильтянъ; наша святая православная христіанская вѣра повсюду попираема и унижена; христіане какъ стадо безъ пастыря; злобная власть невѣрныхъ повсюду простирается и распространяется, покоряетъ многія христіанскія государства и ничѣмъ ненасытима пребываетъ. Нынѣ доходитъ до нашего царскаго величества вѣсть, что непріятель всего христіанства и креста святого турецкій султанъ у Рудольфа императора римскаго въ Венгерской землѣ покорилъ области и замки и во многихъ другихъ мѣстахъ правовѣрнымъ христіанамъ чинится утѣсненіе. О семъ мы, великій государь Димитрій Ивановичъ, искренно сожалѣемъ и усердно Бога просимъ и о томъ намѣрены промышлять, чтобъ намъ, всѣмъ государямъ христіанскимъ, быть между собою въ дружбѣ, любви и соединеніи, дабы нашимъ, великихъ государей, стараніемъ христіанство освободилось отъ бусурманства и рукою нашею было возвышено, а невѣріе бы упадало. А вамъ, великому государю королю Жигимонту, напоминаемъ и съ любовію объ этомъ извѣщаемъ и желаемъ отъ васъ узнать: какова будетъ ваша мысль о такихъ важныхъ дѣлахъ, дабы вамъ, великому государю, пріятелю и сосѣду нашему, помыслить объ этомъ, и намъ, великому государю, объявить мысль свою чрезъ нашего подскарбія и намѣстника Муромскаго думнаго дьяка и отписать объ этомъ: какъ ваше помышленіе о томъ, чтобъ нашимъ государскимъ стараніемъ христіанство было освобождено отъ ихъ рукъ невѣрныхъ [1]).

Исправивши посольство, Власьевъ представилъ королю по-

---

[1]) Рукоп. Имп. Публ. Библ. Hist. Pol. IV. № 119.

дарки собственно отъ себя: соболей, три коня съ приборомъ, брилліантовый перстень и лукъ съ колчаномъ и стрѣлами съ золотой оправою.

О сватовствѣ не говорилось на этомъ первомъ представленіи; дѣло частное отложено было до другого раза.

На другой день, король пригласилъ русскихъ на балъ. Самъ посолъ не присутствовалъ на немъ, отговорившись нездоровьемъ.

8 ноября было второе представленіе. Московскій посолъ объявилъ о желаніи своего государя отъ его имени такими словами:

«Мы, великій государь цесарь и великій князь всея Руси самодержецъ, били челомъ и просили благословенія у матери нашей великой государыни, чтобъ она дозволила намъ, великому государю, соединиться законнымъ бракомъ, ради потомства нашего цесарскаго рода, и пожелали взять себѣ супругою великою государынею въ вашихъ преславныхъ государствахъ дочь сендомирскаго воеводы Юрія Мнишка, потому что, когда мы находились въ вашихъ государствахъ, панъ воевода Сендомирскій нашему цесарскому величеству оказалъ великія услуги и усердіе и намъ служилъ, и ты бы, государь, братъ нашъ король Сигизмундъ, позволилъ сендомирскому воеводѣ и его дочери ѣхать къ нашему цесарскому величеству, и для братской любви самъ бы ты, великій государь, былъ у нашего цесарскаго величества въ Московскомъ государствѣ.»

9 ноября пріѣхала невѣста съ матерью изъ Самбора, въ сопровожденіи своихъ родственниковъ.

12 числа былъ день обрученія. Оно совершалось въ каменномъ домѣ ксендза Фирлея. Въ приготовленную залу прибылъ король Сигизмундъ съ сыномъ Владиславомъ и сестрою, носившею титулъ шведской королевны. Кардиналъ Бернардъ Мацѣіовскій съ двумя прелатами стоялъ въ драгоцѣнномъ церковномъ облаченіи и готовился священнодѣйствовать. За нимъ стояла толпа церковниковъ, одѣтая въ блестящихъ стихаряхъ. Двое пановъ, воевода сѣрадзскій Александръ Конецпольскій и каштелянъ гнѣзненскій Пржіемскій, ввели посла. За нимъ двое служителей московитянъ несли шолковый коверъ, на которомъ должны стоять обручаемые. Посолъ поклонился Сигизмунду, а Сигизмундъ не привсталъ и даже не приподнялъ шапки, которая, по тогдашнему обыкновенію, была у него на головѣ. Этимъ, какъ многими другими выходками, король польскій хотѣлъ постоянно показывать, что считаетъ себя выше и важнѣе московскаго государя. Королевичъ Владиславъ, напротивъ, снялъ шапку. Откланявшись всей королевской семьѣ, посолъ сталъ на своемъ мѣстѣ.

Тогда двое пановъ, воевода ленчицкій Липскій и каштелянъ

малогоскій Олесницкій, привели невѣсту. Марина одѣта была въ бѣлое алтабасовое платье, унизанное жемчугомъ и драгоцѣнными камнями; на головѣ у нея была безцѣнная корона, съ которой по распущеннымъ чернымъ волосамъ скатывались внизъ нитки жемчугу, перемѣшаннаго съ каменьями. Королевна стояла близъ Марины и была ad actum, какъ называлось. Король стоялъ рядомъ съ кардиналомъ. Двое особъ стояло близъ пословъ, двое близъ Марины, и составляли ассистенцію. Посолъ началъ рѣчью; она не была длинна: въ ней онъ только изложилъ, что царь послалъ просить ему въ супруги дочь воеводы сендомирскаго. Онъ окончилъ рѣчь свою обращеніемъ къ Мнишку, и просилъ его благословенія. Потомъ говорилъ красносложенную рѣчь канцлеръ Левъ Сапѣга, который тогда въ Рѣчи Посполитой славился искуствомъ ладно и складно говорить. На рѣчь его далъ отвѣтъ Липскій, воевода ленчицкій, и расхваливалъ качества московскаго царя такими словами: «невозможно достойно прославить признательность и благоразуміе царя; онъ, разъ принявши намѣреніе, въ воспоминаніе радушія, оказаннаго ему воеводою сендомирскимъ и почтительнаго пріема при дворѣ его величества, теперь вступаетъ въ супружество съ дочерью пана воеводы.» Послѣ этихъ рѣчей говорилъ рѣчь кардиналъ: онъ вспомнилъ несчастное состояніе Москвы, когда московитяне хотѣли даже за моремъ и у сосѣдей отыскивать себѣ государя; наконецъ, Богъ далъ имъ царя настоящаго, природнаго. Кардиналъ сказалъ: «признательный за благодѣянія, оказанныя ему въ Польшѣ королемъ и націею, царь Димитрій обратился къ его милости королю со своими честными желаніями и намѣреніями, и чрезъ тебя, посла своего, проситъ руки вольной шляхтянки, дочери сенатора знатнаго происхожденія; царь желаетъ показать этимъ благодарность и расположеніе къ польской націи. Въ нашемъ королевствѣ люди вольные; не новость панамъ, князьямъ, королямъ, монархамъ, а равно и королямъ польскимъ искать женъ себѣ въ домахъ вольныхъ шляхетскихъ; теперь такое благословеніе осѣнило Димитрія, великаго князя всей Русіи и васъ, подданныхъ его царскаго величества, ибо онъ заключаетъ союзъ съ королемъ государемъ нашимъ и дружбу съ королевствомъ нашимъ и вольными чинами.»

Въ рѣчи кардинала проглядывало тоже, какъ и у Сигизмунда, желаніе дать замѣтить, что Димитрій, облагодѣтельствованный Польшею, обязанъ помнить благодѣянія и считать себя ниже польскаго короля, а свою націю ниже польской.

По окончаніи этой привѣтственной рѣчи запѣли: *Veni Creator*. Всѣ стали на колѣни, кромѣ посла и шведской королевны.

Кардиналъ, обратившись къ Маринѣ, произнесъ текстъ псалма: «Слыши, дщи, и виждь, и приклони ухо твое и забуди домъ отца твоего.» Этимъ онъ намекалъ на то, что она уходитъ въ чуждую землю; онъ сравнивалъ посла со слугою Авраама, который посылалъ въ чужую землю своего раба за невѣстою своему сыну Исааку. Кардиналъ, по обряду обрученія, спросилъ посла: «не обѣщалъ ли царь прежде кому либо?» — «А почему я знаю! онъ мнѣ этого не говорилъ», — сказалъ посолъ. Этотъ отвѣтъ развеселилъ всѣхъ. Паны ассистенты объяснили ему, что кардиналъ спрашиваетъ объ этомъ потому, что такъ слѣдуетъ по обряду. Власьевъ на это замѣчаніе удивилъ поляковъ своимъ простодушнымъ отвѣтомъ: «коли бъ кому обѣщалъ, такъ бы меня сюда не слалъ!» Кардиналъ по римско-католическому обряду сказалъ: «говори за мною, посолъ!» — и началъ говорить полатыни; Власьевъ сталъ-было говорить за нимъ и удивилъ поляковъ, когда произносилъ правильно, и показалъ, что латинскій языкъ ему знакомъ, но потомъ не хотѣлъ продолжать и сказалъ: «я имѣю говорить паннѣ Маринѣ, а не ваша милость.» Онъ проговорилъ Маринѣ обѣщаніе отъ имени царя, а Марина — царю отъ своего имени. Когда пришло до перемѣны перстней, посолъ бережно вынулъ изъ маленькой коробочки перстень съ алмазомъ, величиною въ большую вишню, и далъ кардиналу; кардиналъ надѣлъ его на палецъ невѣстѣ, и, взявши отъ нея другой перстень, хотѣлъ надѣть на палецъ послу; но Власьевъ не осмѣлился не только что надѣть его себѣ на палецъ, даже дотронуться до него голыми руками, а взялъ его черезъ платокъ и спряталъ въ коробочку. Далѣе кардиналъ хотѣлъ связывать имъ руки: Власьевъ не считалъ себя достойнымъ прикоснуться голой рукой до руки царской невѣсты и потому обернулъ себѣ руку платкомъ, который приказалъ нарочно подать для этого. Насилу ассистенты принудили его дать Маринѣ руку, доказавши ему, что онъ здѣсь не своимъ лицомъ дѣйствуетъ, а изображаетъ своего государя. Какъ обрядъ окончился, капелланы кардинала приняли коверъ, на которомъ стояли обрученные; а посолъ выкупилъ его за сто червонныхъ. Это означало вознагражденіе за обрядъ.

Послѣ обрученія, всѣ пошли въ столовую къ обѣду. Посолъ шелъ за королемъ, а за нимъ сорокъ московскихъ дворянъ несли подарки невѣстѣ. Вмѣсто мачихи невѣсты, которая была тогда нездорова и не явилась къ обрученію, отбирала ихъ бабка Марины, пани Тарлова. Прежде всего отданъ былъ подарокъ отъ будущей свекрови, царицы Мароы Ѳедоровны: образъ святой Троицы, оправленный богато золотомъ съ камнями. Потомъ слѣдовало двадцать девять нумеровъ подарковъ отъ царя. Подарки

эти были очень драгоцѣнны и затѣйливы. Кромѣ разныхъ сортовъ матерій, венеціанскихъ бархатовъ, турецкихъ атласовъ и ста двадцати пяти слитковъ фунтовъ жемчугу, бросались въ глаза кое-какія искусно обдѣланныя вещи: такъ, поляки засмотрѣлись на золотые часы, на которыхъ сверху стояло изображеніе слона съ башнею; эти часы были тѣмъ замѣчательны, что выдѣлывали разныя «штуки московскаго обычая»: били въ бубны, играли на флейтахъ и на двѣнадцати трубахъ такъ громко, что оглушили присутствовавшихъ, а въ концѣ всего ударили два часа, какъ тогда было это время дня. Обращало на себя вниманіе изображеніе корабля, сдѣланное съ чрезвычайнымъ искусствомъ и прелестію изъ золота съ каменьями и жемчугами. Затѣмъ разсматривали съ любопытствомъ золотого вола: фигура эта раскрывалась, и въ срединѣ ея укладывался домашній приборъ. Нравился полякамъ и серебряный позолоченый человѣкъ, сидящій на оленѣ съ коралловыми ногами, стоявшемъ на верху большаго сосуда, сдѣланнаго изъ цѣльнаго дорогого камня въ видѣ птицы съ крыльями. Любовались они и серебрянымъ пеликаномъ, пронзающимъ клювомъ собственное сердце, чтобъ кровью накормить дѣтей, и золотою павою съ красиво распущеннымъ хвостомъ: у ней перья дрожали какъ у живой птицы. Кромѣ того, очень красивою показалась имъ запона съ жемчужиною, величиной съ грушу; далѣе, перстень, чарки: золотая, коралловая, гіацинтовая, крестики, золотое перо съ лаллами. «Вотъ истинно царскіе подарки!» — всѣ говорили въ одинъ голосъ.

Самъ посолъ отъ себя прибавилъ подарки: персидскій коверъ съ вытканными съ обѣихъ сторонъ золотыми фигурами. Потомъ онъ явилъ подарки отъ царя воеводѣ; изъ нихъ дороже и нагляднѣе былъ опять конь съ приборомъ: объ этомъ послѣднемъ, разумѣется, посолъ только заявилъ здѣсь словесно.

Послѣ пріема подарковъ, начался обѣдъ. Стоялъ столъ, который заворачивался двумя краями. Посрединѣ сѣлъ король; близъ него, на правомъ углу, помѣстилась нареченная царица московская; на лѣвомъ, королева и королевичъ Владиславъ; напротивъ сидѣли кардиналъ и папскій нунцій. Посла посадили подлѣ царской невѣсты; но надобно было поломаться, чтобъ посадить его: москвичъ упирался и говорилъ, что недостоинъ обѣдать за однимъ столомъ съ царственными особами; онъ боялся, чтобъ ему не было за это чего нибудь отъ царя; въ Москвѣ этого не предвидѣли и въ наказѣ не написали. Когда, наконецъ, его таки-убѣдили сѣсть, онъ остерегался, чтобъ своею одеждою не коснуться одежды своей будущей государыни. Въ продолженіе обѣда онъ не ѣлъ. Король чрезъ пана Войну спросилъ его: что

значитъ, что онъ ничего не ѣстъ? Посолъ отвѣчалъ: «негодится холопу ѣсть съ государями.» Послѣ такого отвѣта, ему воевода сендомирскій замѣтилъ, что онъ теперь носитъ на себѣ лицо своего государя. Посолъ отвѣчалъ: «благодарю его величество короля, что меня угощаетъ во имя моего государя, но мнѣ не пристало ѣсть за столомъ такого великаго государя, короля польскаго, и ея милости королевны шведской; я и тѣмъ доволенъ, что смотрю на обѣдъ такихъ высокихъ особъ»! Полякамъ казался такой способъ уваженія къ царственнымъ особамъ дикимъ и черезчуръ раболѣпнымъ. Но и Марина ничего не ѣла за обѣдомъ. Когда по польскому обычаю предъ обѣдомъ носили тазы съ умывальникомъ и подавали умывать руки, посолъ не сталъ мыть рукъ, ибо не намѣревался ѣсть за столомъ; но онъ не отказался пить, когда пили за здоровье: отречься ему отъ такого питья значило бы отрекаться отъ желанія здоровья и благополучія. По польскому обычаю, пили за столомъ круговую, обращаясь съ чаркою другъ къ другу. Король послалъ своего подчашаго къ Маринѣ; тотъ говорилъ поздравленіе, а король, привставши со стула, пилъ; потомъ царица послала своего подчашаго къ королю: онъ проговорилъ поздравленіе, а Марина въ это время, вставши, пила. Потомъ королевна пила, обращаясь къ царицѣ, царица къ королевичу, королевичъ къ послу, а посолъ, когда ему приходилось пить, обратившись къ кардиналу, всталъ со стула, сталъ за стуломъ и выпилъ изъ другой чарки. Потомъ царица пила за здоровье царя, обращаясь къ послу, а посолъ, когда ему пришлась очередь пить, снова сталъ за своимъ стуломъ и пилъ, обращаясь къ королевичу. Въ той же залѣ были еще столы гораздо подлиннѣе: направо обѣдали духовные и свѣтскіе сенаторы, а налѣво разные старосты, королевскіе дворяне и съ ними двадцать человѣкъ московскихъ дворянъ, пріѣхавшихъ съ посломъ. Поляки съ омерзѣніемъ глядѣли, какъ московскіе люди брали руками изъ мисъ кушанье и посылали горстями въ ротъ.

Пиръ продолжался до ночи. Въ другихъ покояхъ обѣдали дамы и придворные обоего пола. Когда подавали сласти (wety), воевода подарилъ королю, королевичу и королевнѣ сосуды, а московскій посолъ подарилъ отъ себя Маринѣ вышитый золотомъ коверъ и сорокъ соболей. Послѣ обѣда заиграла превосходная музыка; коронный и литовскій маршалки двора «учинили пляцъ»: начались танцы. Король протанцовалъ съ Мариною; четыре знатныхъ пана служили имъ; потомъ король далъ знакъ послу, чтобъ онъ пригласилъ на танецъ царицу, но посолъ не смѣлъ прикоснуться къ своей государынѣ,—говоря, что онъ недостоинъ; ца-

рица танцовала съ королевичемъ и съ королевной. Марина была дивно мила и прелестна въ тотъ вечеръ, въ коронѣ изъ драгоцѣнныхъ камней въ видѣ цвѣтовъ; москвичи и поляки равно любовались ея [1]) стройнымъ станомъ, быстрыми изящными движеніями и роскошными черными волосами, развѣвавшимися по бѣлому серебристому платью. Послѣ танцевъ, когда всѣ сѣли по мѣстамъ, воевода сендомирскій, взявъ за руки дочь, сказалъ ей: «Марина, иди сюда, пади къ ногамъ его величества короля, государя нашего милостиваго, твоего благодѣтеля, и благодари его за великія его благодѣянія!» Король, сидѣвшій до этого времени, всталъ; воевода съ дочерью упали къ его ногамъ; король, наклонившись, поднялъ Марину, снялъ съ себя шапку, потомъ надѣлъ ее снова на голову и говорилъ: «поздравляю тебя, Марина, съ этимъ достоинствомъ, даннымъ тебѣ отъ Бога для того, чтобы ты своего супруга, чудесно тебѣ отъ Бога дарованнаго, приводила къ сосѣдской любви и постоянной дружбѣ съ нами, для блага нашего королевства; ибо если тамошніе люди прежде сохраняли согласіе и сосѣдственное дружество съ коронными землями, то тѣмъ болѣе теперь долженъ укрѣпиться союзъ пріязни и добраго сосѣдства. Не забывай, что ты воспитана въ королевствѣ польскомъ, здѣсь получила ты отъ Бога свое настоящее достоинство; здѣсь твои милые родители, твои кровные и друзья; сохраняй же миръ между обоими государствами и веди своего супруга къ тому, чтобъ онъ дружелюбіемъ и взаимнымъ доброжелательствомъ вознаградилъ отечеству твоего родителя то расположеніе, какое испыталъ здѣсь. Слушайся приказаній и наставленій своихъ родителей, уважай ихъ, помни о Богѣ, живи въ страхѣ божіемъ, и будетъ божіе благословеніе надъ тобою и надъ твоимъ потомствомъ, если Богъ тебѣ даруетъ его, чего мы тебѣ желаемъ. Люби польскіе обычаи и старайся о сохраненіи дружелюбія и пріязни съ народомъ польскимъ.» Сигизмундъ снова снялъ шапку, перекрестилъ Марину; она снова упала къ ногамъ короля и заплакала; и отецъ ея кланялся въ ноги королю своему. Потомъ также прощались они съ королевичемъ и съ королевной шведской. По окончаніи прощальной церемоніи, Олесницкій и Ваповскій отвели Марину къ ея мачихѣ; туда ее проводила королевна, и еще разъ прощалась съ ней дружелюбно. Король уѣхалъ въ зàмокъ, воевода провожалъ съ почтеніемъ посла царскаго, представлявшаго лицо государя до самой кареты; а потомъ секретарь Мнишка и нѣсколько близкихъ друзей сендомирскаго воеводы проводили его

---

[1]) CIII, 65.

до самаго дома въ королевской каретѣ. Немедленно посланъ былъ нѣкто Липницкій въ Москву съ извѣстіемъ о совершившемся обрученіи.

На другой день посла пригласили слушать отвѣтъ. Рѣчь прочиталъ ему отъ имени короля канцлеръ литовскій Левъ Сапѣга. Онъ объявилъ, что о дѣлахъ, относящихся до взаимной войны противъ турокъ для защиты всего христіанства, надобно подумать и посовѣтоваться съ сеймомъ, такъ какъ это предпріятіе очень важное; а относительно брака московскаго государя съ дочерью сендомирскаго воеводы, король очень радуется и поздравляетъ московскаго государя. Посолъ высказалъ неудовольствіе, во-первыхъ, за то, что въ отпускной грамотѣ московскій государь назывался просто великимъ княземъ господаремъ, а во вторыхъ — оскорбительно показалось для русскаго то, что Марина, будущая царица московская, падала къ ногамъ польскаго короля. На послѣднее отвѣчалъ Сапѣга, что она до тѣхъ поръ подданная его величества, пока находится въ его королевствѣ, и притомъ она чувствуетъ благодѣянія, оказанныя ей королемъ. Послу московскому ничего болѣе не оставалось, какъ только пока довольствоваться этимъ объясненіемъ [1]).

На слѣдующій день посолъ подносилъ подарки брату царской невѣсты и бабкѣ ея; а 23 ноября царица выѣхала въ Промникъ; тутъ, при ея выѣздѣ изъ города, собралось огромное множество любопытнаго народа, желавшаго посмотрѣть на польку, которая будетъ московскою царицей. Посолъ и Мнишекъ проводили ее до Промника, воротились оба въ Краковъ, и въ тотъ же вечеръ король давалъ великолѣпный балъ, куда приглашенъ былъ и посолъ. Но какъ его ни ласкали — онъ все-таки жаловался, что король убавляетъ достоинство московскаго царя, не хочетъ давать ему императорскаго титула, который естъ одно и тоже, что царскій; а поляки хотѣли увѣрить его, что московскій государь издавна назывался только великимъ княземъ.

V.

Недоразумѣнія, связанныя съ бракомъ Димитрія. — Посольство Безобразова въ Польшу. — Недовольство противъ Димитрія въ Польшѣ.

Посолъ выѣхалъ изъ Кракова, 8 декабря, въ Слонимъ, и тамъ рѣшился дожидаться пріѣзда воеводы, чтобъ провожать его

[1]) См. Relacya o poselstwie W. Kn. Dim. do króla I. M. r. 1605. Рук. Имп. Публ. Библ. Польск. Ист. IV, № 119.

до Москвы. Межъ тѣмъ все должно было указывать Димитрію, что тамъ, гдѣ онъ искалъ любви, не было ничего, кромѣ личныхъ видовъ, и на него смотрѣли, какъ на средство къ достиженію извѣстныхъ цѣлей: Мнишки — богатства и значенія, Сигизмундъ — униженія Московіи передъ Польшей, а духовные и вообще католики — введенія католичества въ Московскомъ государствѣ. Когда посолъ еще былъ въ Краковѣ, выcланъ былъ въ Польшу новый посланникъ, полякъ реформатской вѣры Янъ Бучинскій, одинъ изъ двухъ братьевъ, приближенныхъ Димитрію особъ. Онъ, вмѣстѣ съ дворяниномъ Михайломъ Толченовымъ, везъ двѣсти тысячъ злотыхъ, обѣщанныхъ воеводѣ по его требованію, пятьдесятъ тысячъ его сыну, старостѣ саноцкому, да царской невѣстѣ разные подарки, въ томъ числѣ золотыя посудины, жемчужныя четки, золотую цѣпь со ста-тридцатью бриллiантами, и бриллiантовый гербъ. Но тотъ же Бучинскій везъ воеводѣ предложенія, которыя мало соглашались съ католическими видами. Димитрій требовалъ заранѣе, чтобъ его будущая супруга получила разрѣшеніе отъ папскаго легата причаститься отъ русскаго патріарха, чтобъ она ходила въ греческую церковь, постилась бы въ среду и ѣла въ субботу мясо, не открывала бы волосъ, ибо замужней женщинѣ ходить съ открытыми волосами казалось для русскихъ предосудительнымъ и противнымъ вѣрѣ. За этимъ онъ предоставлялъ Маринѣ содержать свое благочестіе, какъ ей будетъ угодно. Вмѣстѣ съ тѣмъ Бучинскій долженъ былъ сообщить требованіе, чтобы, послѣ обрученія, Марина, во всѣхъ пріемахъ, пользовалась уваженіемъ, какъ царственная особа. Послѣднее требованіе заявлено было противъ новыхъ высокомѣрныхъ выходокъ короля Сигизмунда и польскихъ пановъ, которымъ чрезвычайно хотѣлось, чтобы Димитрій смотрѣлъ на себя, какъ на получившаго корону по милости Польши, и, слѣдовательно, какъ на обязаннаго признавать надъ собою ея первенство [1]). Когда Липницкій извѣстилъ царя, что обрученіе совершилось, Димитрій отправилъ съ Бережицкимъ еще часть суммы сто-тысячъ злотыхъ, которую воевода задолжалъ королю; остальное Димитрій обѣщалъ заплатить скоро. Кромѣ того, Мнишекъ, не стѣсняясь у посла Аѳанасія бралъ деньги, и, по его роспискѣ, набиралъ товаровъ у московскихъ купцовъ въ Люблинѣ на царскій счетъ; сверхъ того, онъ взялъ у московскаго купца деньгами четырнадцать тысячъ, потомъ набралъ суконъ на четыре тысячи восемьсотъ злотыхъ, да еще мѣховъ у купца Ильи на 2,600, а у купца Ѳедора на 3,000 злотыхъ [2]).

---

[1]) Собр. гос. гр. II, 228.

[2]) Ibid. 242.

Димитрій, любя Марину пламенно, очень мало видѣлъ отъ нея взаимности. По удаленіи своемъ изъ Польши, онъ безпрестанно писалъ къ ней; она ему не отвѣчала; онъ все извинялъ ей, надѣялся, что когда онъ станетъ царемъ, тогда будетъ счастливѣе и въ любви; писалъ онъ къ ней страстныя письма и изъ Москвы, ставши царемъ, но отвѣта ему не было; наконецъ, даже когда она стала его обрученною невѣстою, и тогда не прислала ему Марина письма съ Липницкимъ, который отъ посла привезъ извѣстіе объ обрученіи! Воевода писалъ только къ царю отъ 15 декабря съ тономъ огорченія за медленность Бучинскаго, когда тотъ не успѣлъ привезти ему денегъ: «Я живу здѣсь въ Краковѣ — говорилъ онъ — съ большими издержками; расходится дурная молва о моихъ недостаткахъ; люди про меня поговариваютъ и то и другое; время идетъ, а я живу въ огорченіи и съ ущербомъ моего здоровья. Для того, чтобы обрядъ обрученія былъ совершенъ съ пышностію, я принужденъ былъ набирать у купцовъ въ долгъ, надѣясь заплатить изъ суммы, которую мнѣ привезетъ Бучинскій; а онъ до сихъ поръ не привозитъ.» Мнишекъ здѣсь говоритъ неправду; онъ получалъ у посланника деньги и у купцовъ товары, слѣдовательно не могъ терпѣть отъ медленности Бучинскаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ Мнишекъ коснулся въ письмѣ и вотъ чего: «Есть (писалъ онъ) у вашей царской милости непріятели, которые распространяютъ о поведеніи вашемъ молву; хотя у болѣе разсудительныхъ эти слухи не имѣютъ мѣста, но я, отдавши вашему величеству сердце и любя васъ какъ сына, дарованнаго мнѣ отъ Бога, прошу ваше величество остерегаться всякихъ поводовъ; и такъ какъ дѣвица дочь Бориса живетъ вблизи васъ, то, по моему и благоразумныхъ людей совѣту, постарайтесь ее удалить и отослать подалѣе [1]).» Такимъ образомъ, причиною холодности Марины могла быть въ послѣднее время, если не ревность любви, которой она не имѣла къ Димитрію, то досада самолюбія, оскорбленнаго слухами, что тотъ, который совершенно палъ къ ея ногамъ, увлекается, хотя временно, иною женщиною. Отношенія Димитрія къ Ксеніи остаются тайною. Русскіе и нѣкоторые иноземные источники говорятъ, что онъ дѣйствительно имѣлъ связь [2]). Изъ письма

---

[1]) Собр. гос. гр. II, 243.

[2]) У Bussov. 35: Die Tochter wurd ins Jungfrauen Kloster verstossen und dem Demetrius hernach zur Concubin zugefahrt.

У Петрея, 177: Boris Phedor. Tochter Axinia, die er zu sich holen liess und seine Unzucht mit ihr etliche Tage übete und da er ihr gnug übte, liess er ihr die Haaren abschnitten und ins Kloster stossen, etc.

Мнишка мы можемъ заключать несомнѣнно то, что тогда ходили слухи о близкихъ отношеніяхъ Димитрія къ Ксеніи. Извѣстно только одно, что бѣдную сироту постригли подъ именемъ Ольги и отвезли во Владимиръ.

Бучинскій привезъ воеводѣ желанныя деньги 3 января 1605 г. Мнишекъ, такимъ образомъ, кромѣ того, что перебралъ у посланника и у купцовъ, получилъ чистыми деньгами 200,000 злотыхъ, а сыну его, старостѣ саноцкому, Бучинскій привезъ въ подарокъ 50,000 злотыхъ [1]); еще сверхъ того везъ на уплату долговъ Юрія Мнишка сто тысячъ Безобразовъ. Димитрій хотѣлъ, чтобъ тесть ѣхалъ скорѣе; посылалъ письмо за письмомъ, приказывалъ послу торопить воеводу. Ему хотѣлось жениться въ мясоѣдъ, и онъ домогался, чтобъ невѣста была въ Москвѣ по крайней мѣрѣ за недѣлю до масляницы. Но воевода ломался; не смотря на то, что уже получилъ отъ короля обезпеченіе отъ всякихъ тяжбъ и позвовъ, которые могли бы остановить его и замедлить поѣздку, онъ уѣхалъ въ свой Самборъ вмѣсто того, чтобъ ѣхать скорѣе въ Москву. Аѳанасій Власьевъ, живучи въ Слонимѣ, 13 декабря [2]) писалъ къ Мнишку: «Великому государю, его цесарскому величеству, въ томъ великая кручина, и чаю надо мною за то велитъ опалу свою и казнь учинити, что вы долго замѣшкались.» Онъ жаловался, что «люди и лошади, стоя на границѣ, проѣдаются,» и говорилъ «чтобы воеводѣ одноличо ѣхать наспѣхъ, чтобы можно было доѣхать до Москвы за недѣлю до масленицы, и тѣмъ бы показать свою службу къ великому государю, и себя и лошадей не пожалѣть.»

Надѣясь, что Марина будетъ наконецъ отвѣчать его сердечнымъ желаніямъ, Димитрій выправилъ въ январѣ знатныхъ бояръ Михайла Нагого, Василья Васильевича Мосальскаго, Андрея Воейкова для встрѣчи невѣсты [3]). Власьевъ подождалъ недѣлю и еще разъ послалъ къ воеводѣ письмо, гдѣ умолялъ ѣхать скорѣе, хотя бы съ невеликими людьми, въ Москву, оставя другія дѣла свои [4]). Но Мнишекъ не отвѣчалъ послу, не писалъ и къ

Изъ «Иного сказ. о Самозв.»: «а дщерь повелѣ въ живыхъ оставити, дабы ему лѣпоты ея насладитися; еже и бысть.»

Въ Никонов., напротивъ (70), не упоминается объ этомъ, но говорится, что Ксенію прямо услали въ монастырь во Владимиръ.

Lubienski: «Filiam ipsius (principis Hoduni) invitam et scelus detestantem privatae libidini seposuerat.»

[1]) Дневн. Мар.

[2]) Собр. гос. гр. II, 253.

[3]) Ibid. II, 254.

[4]) Ibid. 256.

царю; не писала къ нему ни строчки и невѣста. День уходилъ за днемъ. Димитрій выходилъ изъ себя отъ досады, и когда получилъ отъ Аѳанасія Власьева присланный обручальный перстень, то считалъ себя уже до нѣкоторой степени вправѣ уже не просить, а требовать отъ Марины вниманія, и говорилъ, что теперь она должна бы была къ нему писать.

Требованія, сообщенныя Бучинскимъ относительно будущаго поведенія Московской царицы, подали поводъ къ недоразумѣніямъ. Католичество, начиная отъ святого отца и кончая ксендзами іезуитами, думало видѣть въ бракѣ Московскаго царя съ польской панной орудіе для разрѣшенія вѣкового дѣла — присоединенія Руси къ западной церкви. Папа, поздравляя ее съ обрученіемъ и, по обычаю, желая ей дожить весело до спокойной и счастливой старости и увидѣть сыновъ сыновей своихъ даже до четвертаго поколѣнія, писалъ къ ней: «мы отъ твоего супружества ожидаемъ великой пользы для католической церкви; ты дочь благороднаго отца, родилась, выросла и воспиталась въ благочестіи и въ похвальномъ наученіи; нынѣ, когда тебѣ даровалъ Богъ соединиться бракомъ съ такимъ государемъ, то достоитъ намъ ожидать отъ твоего величества всего, чего можно ждать отъ благородной женщины, согрѣтой ревностію къ Богу и помнящей божія къ себѣ благодѣянія вмѣстѣ съ возлюбленнымъ сыномъ нашимъ супругомъ твоимъ Димитріемъ, великимъ и могущественнымъ государемъ. Ты должна стараться всѣми силами, чтобы богослуженіе католической религіи и наука святой апостольской римской церкви были приняты вашими подданными въ вашемъ государствѣ и водворены прочно и незыблемо. Это твое первое и главнѣйшее дѣло [1].» Послѣ того какъ римская пропаганда ожидала себѣ такого блестящаго преуспѣянія отъ брака Димитріева, непріятно должно было отозваться католическому духовенству требованіе Димитрія, чтобъ его супруга причащалась въ русской церкви и соблюдала ея уставы; — иными словами: онъ требовалъ, чтобъ она приняла восточное православіе. Что касается до позволенія ей соблюдать какое угодно благочестіе, то это не показывало въ немъ особой любви къ папизму: это была только свобода совѣсти, которую онъ проповѣдывалъ своимъ подданнымъ и предоставлялъ въ своемъ государствѣ не однимъ католикамъ, но вообще всѣмъ разновѣрцамъ. Нунцій Рангони отъ 3 февраля писалъ Димитрію: «какъ я ни стараюсь услужить вашему величеству, но къ сожалѣнію представляются мнѣ затрудненія, при которыхъ я не могу сдѣлать

[1]) Hist. Russ. monum. II, 71.

вамъ угоднаго относительно вашей августѣйшей невѣсты: это дѣло требуетъ власти больше той, какую я имѣю, и болѣе зрѣлаго обсужденія; я не сомнѣваюсь въ томъ, что ваше величество, при вашемъ мудромъ смыслѣ и неизмѣнномъ благочестіи, разсудите объ этомъ дѣлѣ внимательнѣе и силою своей самодержавной власти, которой никто не долженъ противиться, отстраните всѣ затрудненія, не допустите превратнаго толкованія законовъ и насилій въ важномъ дѣлѣ, отъ которыхъ могутъ произойти большія недоразумѣнія [1].»

При римскомъ дворѣ, получивши требованія Димитрія, догадались, что Московскій государь обращается совсѣмъ не туда, куда ожидали вести его честные отцы; тамъ не находили дозволительнымъ, чтобъ Марина содержала обряды греческой церкви. Кардиналъ Боргезе писалъ къ нунцію въ февралѣ 1606 года: «пусть Марина остается непремѣнно при обрядахъ латинской церкви, иначе самъ Димитрій будетъ находить новыя оправданія своего упорства [2]». Въ самомъ дѣлѣ, московскій государь не только уклонялся отъ обѣщаній сдѣлать католическую религію господствующею въ своемъ государствѣ, но еще ободрялъ и поощрялъ ревность къ православной восточной вѣрѣ въ польскихъ владѣніяхъ, и послалъ грамоту львовскому собору съ соболями на триста рублей: это вниманіе, какъ сама грамота гласила, было оказано потому, что онъ видѣлъ духовенство и прихожанъ этой церкви несомнѣнно непоколебимыми въ истинной правой христіанской вѣрѣ греческаго закона [3]. Это дѣлалось во время самаго сильнаго разгара католической и уніатской пропаганды и было явнымъ доказательствомъ, что царь московскій не отстаетъ отъ своихъ предшественниковъ и готовъ ободрять ревность православныхъ подданныхъ короля Сигизмунда и Рѣчи Посполитой, для противодѣйствія тому, что̀ Сигизмунду такъ хотѣлось навязать его собственнымъ подданнымъ.

Католическая церковь имѣла уже важныя причины къ недовольству тѣмъ, на кого надѣялась: напрасно, какъ оказывалось, она возсылала объ успѣхахъ его молитвы, также какъ и онъ напрасно на нее полагалъ надежды въ дѣлѣ войны съ невѣрными. Правда, святой отецъ поощрялъ Сигизмунда въ союзѣ съ Московскимъ государемъ дѣйствовать противъ татаръ и пользоваться его тогдашнимъ рвеніемъ къ турецкой войнѣ. Но на всеобщую войну противъ турокъ начинали уже смо-

---

[1]) Собр. гос. гр. II, 267.

[2]) Hist. Russ. mon. II, 85.

[3]) Собр. гос. гр. II, 280.

трѣть какъ на дѣлю почти невозможное: это была запоздалая пѣсня Европы, которую всѣ заводили на разные голоса, и никто не былъ въ состояніи кончить; развѣ только въ Московскомъ государствѣ Димитрій могъ искренно вѣрить въ возможность склонить и соединить къ такому предпріятію государей. Римско-католическая пропаганда надѣялась въ то время дѣйствовать въ Турціи инымъ путемъ. Посолъ короля французскаго Солиньякъ писалъ, что открывается надежда на позволеніе со стороны падишаха допустить іезуитовъ въ турецкую имперію [1]). Іезуиты слишкомъ въ себя вѣрили, и на нихъ въ Европѣ много полагалось надежды. Тогдашніе ихъ успѣхи въ Китаѣ и Японіи, представляемые въ Европѣ въ преувеличенномъ и далекомъ отъ правды видѣ, побуждали принимать за чистую монету ихъ увѣренія, что стоитъ только имъ войти въ Турцію,— магометанство падетъ безъ войны, а вмѣстѣ съ нимъ искоренится и ненавистная восточная схизма. Такимъ образомъ, въ видахъ римско-католической церкви было не поднимать войны противъ турецкаго правительства, напротивъ, поддѣлаться къ нему въ дружбу. Поэтому Сигизмундъ и польскіе чины также холодно принимали этотъ проектъ войны противъ невѣрныхъ, даромъ, что въ то время казаки, своими морскими походами на Турцію и счастливымъ взятіемъ Варны въ 1605 г., раздражали мусульманскій міръ, а татары въ отместку опустошали южные предѣлы Рѣчи Посполитой, и, казалось, очень кстати было Польшѣ искать союзника противъ Турціи. Сигизмунда и польскихъ пановъ раздражало то, что Димитрій вовсе не хочетъ быть васалломъ Польши, покорнымъ слугою польскаго короля. На перекоръ желанію короля и пановъ заставить Московское государство служить Польшѣ, онъ не только не хотѣлъ исполнять данныя въ Краковѣ унизительныя условія, но требовалъ себѣ цесарскаго титула, и тѣмъ показывалъ, что считаетъ себя выше польскаго короля по достоинству, а свою страну могущественнѣе и сильнѣе Рѣчи Посполитой; не показывалъ охоты дѣйствовать по внушенію польской политики, а напротивъ, самъ призывалъ Польшу содѣйствовать ему, какъ будто находилъ, что лучше будетъ, если Польша станетъ соображать свои выгоды съ видами и пользою Московскаго государства.

За Власьевымъ, который дожидался своенравнаго сендомирскаго воеводы, прибыли въ Польшу гонецъ Иванъ Безобразовъ съ извѣстіемъ, что царь пошлетъ въ Польшу большихъ пословъ о важныхъ дѣлахъ; въ граматѣ своей, царь опять титуловалъ

---

[1]) Es. Crit. 53.

себя цесаремъ и нарочно, какъ бы для того, чтобъ дразнить высокомѣріе Сигизмунда и пановъ, придавалъ къ своему титулу эпитетъ «непобѣдимый». Но Димитрій не зналъ, чтò за лицо онъ посылаетъ въ Польшу. Безобразова представилъ Димитрію Василій Шуйскій. Чтобъ скрыть тайну, которая была уже у него съ Шуйскимъ, Безобразовъ просилъ не посылать его; а Шуйскій, въ присутствіи царя, обошелся съ Безобразовымъ грубо и выбранилъ его по принятымъ обычаямъ, показывая царю видъ, будто вовсе не расположенъ къ этому человѣку; а потомъ, внушалъ Димитрію, что Безобразовъ человѣкъ способный къ этому дѣлу, не слѣдуетъ ему давать поблажки, а должно принудить его ѣхать. Безобразовъ поѣхалъ въ Польшу, какъ будто нехотя, поневолѣ. Онъ пріѣхалъ въ Краковъ, отдалъ по обычаю грамоту, потомъ сказалъ Сапѣгѣ литовскому канцлеру, что у него есть тайное дѣло и сообщить его онъ можетъ только ему наединѣ. Сапѣга остался съ нимъ съ глазу на глазъ. Безобразовъ объявилъ, что его послали тайно бояре московскіе, Шуйскіе, Голицыны и другіе. «Они слезно жалуются на его величество короля — говорилъ Безобразовъ — намъ онъ далъ въ цари-государи человѣка *подлаго* происхожденія, вѣтреннаго; мы не можемъ долѣе терпѣть его тиранства, распутства и своевольства; онъ ни въ какомъ случаѣ недостоинъ своего сана; они думаютъ, какъ бы его свергнуть, и желали бы, если бъ въ Московскомъ государствѣ сдѣлался государемъ сынъ Сигизмунда королевичъ Владиславъ. Вотъ, чтò мнѣ довѣрили бояре тайно передать его величеству королю Сигизмунду!» — Такъ говорилъ Безобразовъ.

Канцлеръ сообщилъ объ этомъ Сигизмунду, а потомъ, при другомъ тайномъ свиданіи съ Безобразовымъ, далъ ему такой отвѣтъ: «Его величество очень жалѣетъ, что этотъ человѣкъ, котораго король считалъ истиннымъ Димитріемъ, сѣлъ на престолъ и обходится съ вами тирански и непристойно; его величество отнюдь не хочетъ загораживать вамъ дороги: вы можете промышлять о себѣ. Чтò же касается до королевича Владислава, то король не такой человѣкъ, чтобъ его увлекала жажда властолюбія; желаетъ онъ, чтобъ и сынъ его сохранилъ ту же умѣренность, предаваясь во всемъ волѣ божіей [1]).»

Въ то самое время является изъ Москвы въ Польшу шведъ и также съ тайнымъ порученіемъ. Онъ сказалъ вотъ что:

«Царица московская, инокиня Марѳа Ѳедоровна, мать покойнаго Димитрія, черезъ свою воспитанницу нѣмку Розновну сообщила мнѣ, для передачи его величеству королю, что на пре-

---

[1]) Рук. Жолк. 15—16. Д. польск. арх. И. Д. № 30.

стоитѣ московскомъ царствуетъ теперь вовсе не ея сынъ, а обманщикъ; она, изъ своихъ видовъ, хотя и признала его за сына, а теперь сообщаетъ, что этотъ обманщикъ растрига хотѣлъ было выбросить изъ углицкой церкви гробъ настоящаго ея сына, какъ ложнаго Димитрія; ей, какъ матери, стало очень жалко; коекакъ хитростію она помѣшала этому, и ея сына кости остались нетронутыми [1].»

По всѣмъ вѣроятіямъ, этотъ шведъ говорилъ также, какъ и Безобразовъ, по наущенію бояръ, которые втайнѣ уже ткали тогда заговоръ на жизнь своего Димитрія.

Неизвѣстно, знала ли инокиня Марѳа то, что говорилось отъ ея имени.

Пановъ огорчала настойчивость Димитрія и неподатливость ихъ патріотическимъ видамъ; и они обнаруживали явное недовѣріе къ его подлинности. Въ особенности кричалъ противъ московскаго государя познанскій воевода Гостойскій; онъ говорилъ такъ, а многіе ему вторили:

«За великое королевское благодѣяніе онъ воздаетъ теперь зломъ; еслибъ король ему не помогалъ, то много бы получилъ отъ Бориса; а отъ него нечего ожидать. Въ одной грамотѣ своей пишетъ, что желаетъ совокупиться съ нами противъ турецкаго султана, а въ другой грозитъ его величеству королю; хочетъ, чтобъ его именовали цесаремъ, да еще непобѣдимымъ. Ни одинъ христіанскій государь этого не дѣлаетъ. Еслибъ кто другой его писалъ непобѣдимымъ, такъ это было бы не диво, а то самъ себя такимъ считаетъ; это слово одному Богу подобаетъ. Такъ поганцы дѣлаютъ некрещеные, которые не знаютъ всемогущества божія; и онъ видно его не знаетъ: передъ Господомъ Богомъ несется; за то его Богъ свергнетъ съ престола; и надобно всему свѣту указать, что̀ это за человѣкъ, и самой москвѣ, его подданнымъ; да не такіе они простаки, чтобы не видѣли, что̀ онъ съ ними можетъ сдѣлать, когда не чувствуетъ благодѣяній его величества короля.»

Эти слова переданы были Димитрію письменно Яномъ Бучинскимъ, секретаремъ его, который тогда находился въ Польшѣ. Дурные слухи о Димитріѣ распускали тѣ жолнѣры, что у него служили и воротились въ Польшу: «Этотъ человѣкъ — говорили они — наобѣщалъ намъ много-много, а заплатилъ намъ скудно, и нашихъ братьевъ насильно не отпускаетъ отъ себя въ отечество.» Бучинскій въ защиту московскаго государя уличалъ этихъ жолнѣровъ во лжи и доказывалъ, что они получали слишкомъ

---

[1]) Рукоп. Жолк. 17—18.

много, болѣе чѣмъ сколько выслужили, но все пропили и проиграли въ карты; а что́ нѣкоторые не выпущены изъ Москвы, такъ это случилось оттого, что царь не знаетъ, съ чѣмъ будетъ отпущенъ посолъ его. Но меньше вѣрили тогда Бучинскому, чѣмъ клеветникамъ, пришедшимъ изъ московской службы, и кричали: «Вотъ! хочетъ воевать съ турками и татарами, а служилыхъ рыцарскихъ людей не жалуетъ!» Нѣкоторые русскіе, какъ, напримѣръ, уволенный въ отечество Хрипуновъ и еще не успѣвшій уѣхать, говорили полякамъ: «уже на Москвѣ узнали, что́ царствуетъ не настоящій Димитрій, а обманщикъ.» Хрипуновъ между прочимъ сообщалъ это Боршѣ, который, воротившись въ Польшу на время, поддался увѣщаніямъ Бучинскаго — ѣхать въ Москву снова, — на погибель, какъ оказалось [1]).

Такое мнѣніе составлялось о московскомъ царѣ въ Польшѣ, когда онъ торопилъ Мнишка ѣхать въ Москву. Принимая съ удовольствіемъ желаніе бояръ промѣнять своего царя на сына польскаго короля, Сигизмундъ сохранялъ наружную дружбу съ Димитріемъ и готовилъ къ нему посольство. Для этого выбранъ былъ родственникъ Мнишка Николай Олесницкій и, уже бывшій посланникомъ у Димитрія, Гонсѣвскій.

VI.

Козни и заговоры противъ Димитрія въ Москвѣ. — Его легкомысліе. — Интриги въ его пользу въ Польшѣ противъ Сигизмунда.

Димитрій продолжалъ дѣятельно готовиться къ важнымъ предпріятіямъ; по всѣмъ областямъ Московскаго государства собирали и везли хлѣбные и боевые запасы къ Ельцу для весенняго похода; велѣно было дѣтямъ боярскимъ быть наготовѣ съ оружіемъ и выступить въ походъ тотчасъ по просухѣ. Царь сдѣлалъ вызовъ къ хану крымскому: онъ послалъ къ нему въ подарокъ остриженный тулупъ, приказавши объяснить, что съ наступленіемъ весны онъ точно такимъ образомъ острижетъ крымскую орду [2]). Въ тоже время, онъ не страшился задирать Швецію, и, сообразно слову, данному польскому королю, послалъ къ правившему Швеціею подъ именемъ короля Карла IX, герцогу зюдерманландскому, похитившему шведскій престолъ у племянника своего Сигизмунда, совѣтъ—добровольно уступить Си-

---

[1]) Собр. гос. гр. II, 261. 263.

[2]) Ів. Масс. 85.

гизмунду неправедно присвоенную корону, объявлялъ, что вступилъ въ дружескій союзъ съ польскимъ королемъ и грозилъ, въ случаѣ отказа, соединить свои силы съ силами своего союзника для возвращенія ему шведскаго престола. «Передъ твоими глазами — писалъ онъ къ Карлу IX — свѣжій и печальный примѣръ надъ похитителемъ престола нашего Борисомъ Годуновымъ. Богъ не оставляетъ безъ наказанія измѣнниковъ нашихъ [1].» Онъ даже думалъ-было напасть на Нарву и отнять ее у шведовъ; но бояре ему отсовѣтывали начинать преждевременно ссоры разомъ со многими сосѣдями. Съ вѣрою, что онъ посланъ судьбою для свершенія великихъ дѣлъ, Димитрій мечталъ о распространеніи Московскаго государства на всѣ стороны: показывая себя передъ шведскимъ королемъ союзникомъ Сигизмунда III, онъ думалъ, на будущее время, завоевавши Крымъ при помощи Польши, овладѣть самою Польшею и присоединить ея русскія земли къ русской московской державѣ [2]. Эти воинственныя планы и мечты были не по сердцу тогдашнимъ думнымъ людямъ, которые скорѣе боялись неудачъ и раззореній Московскому государству отъ этихъ войнъ, чѣмъ восхищались надеждами пріобрѣтеній; и чѣмъ горячѣе Димитрій говорилъ о славѣ и усиленіи Московскаго государства, тѣмъ больше вооружалъ противъ себя. Не дремалъ его заклятый врагъ Василій Шуйскій. Научила его бѣда; воротившись изъ ссылки въ концѣ октября, онъ теперь велъ заговоръ осторожно. Однимъ слухомъ, что царь не настоящій Димитрій, а обманщикъ, невозможно было произвести переворота. У народа всегда былъ готовъ отвѣтъ: а зачѣмъ родная мать и всѣ бояре его признали? Надобно было напирать на поступки Димитрія и представлять ихъ опасными вѣрѣ, обычаямъ и благосостоянію Московскаго государства. Изъ первыхъ, кромѣ его родни, сошлись съ нимъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ, князь Куракинъ, Михайло Игнатьевичъ Татищевъ. Вѣроятно къ соумышленникамъ, также въ числѣ первыхъ, пристали кое-кто изъ важныхъ духовныхъ сановниковъ: это видно изъ того, что, впослѣдствіи, Шуйскій нашелъ себѣ сильную поддержку въ освященномъ соборѣ. Царя ненавидѣли тогда особенно казанскій митрополитъ Гермогенъ и коломенскій епископъ Іосифъ, строгіе противники общенія православныхъ съ иновѣрцами: они порицали царя за легкость въ дѣлахъ религіи и не одобряли его женитьбы; они утверждали, что Марину, какъ еретичку, по правиламъ церкви, слѣдуетъ крестить. Этимъ, вѣроятно, восполь-

---

[1]) Рук. Имп. Публ. Библ. Польск. истор. IV, № 119.

[2]) Ia. Mass. 99. — Bibl. Kras. ręk. B. 1. 4.

зовался Василій и сошелся съ ними. Въ то время Димитрій стягалъ къ Москвѣ войска съ сѣвера; готовясь воевать съ Турціею и Крымомъ, онъ уже отправилъ нарядъ въ Елецъ, чтобъ спустить его по Дону, а самъ только дожидался невѣсты, чтобъ послѣ свадьбы тотчасъ выступить съ войскомъ въ походъ. Шуйскій надѣялся заранѣе склонить на свою сторону кое-кого изъ головъ, сотниковъ и пятидесятниковъ. Самъ Шуйскій допускалъ къ себѣ въ домъ для совѣщаній только немногихъ, самыхъ близкихъ и надежныхъ, и говорилъ имъ такія рѣчи:

«Мы признали разстригу царевичемъ только ради того, чтобъ избавиться отъ Бориса; мы думали: онъ молодецъ; будетъ, по крайней мѣрѣ, хранить нашу вѣру и обычаи земли нашей. Мы обманулись. Что̀ это за царь? Какое въ немъ достоинство, когда онъ съ шутами да съ музыкантами забавляется, непристойно пляшетъ да хари надѣваетъ! Это скоморохъ! Онъ любитъ больше иноземцевъ, чѣмъ русскихъ, совсѣмъ не приленженъ къ церкви, позволяетъ иновѣрцамъ некрещенымъ съ собаками входить въ православную церковь и осквернять святыню храма Господня, не наблюдаетъ постовъ, ходитъ въ иноземномъ платьѣ, обижаетъ духовенство, хочетъ у монастырей отобрать достояніе. Вотъ, арбатскихъ пановъ выгналъ изъ домовъ и помѣстилъ тамъ нѣмцевъ; водится съ латынами и лютерами, ѣстъ-пьетъ съ ними, нечистыми, да еще теперь женится на полькѣ! Этимъ дѣлается безчестье нашимъ московскимъ дѣвицамъ! Развѣ у насъ не нашлось бы ему изъ честнаго боярскаго дома невѣсты и породистѣе и красивѣе этой еретички! А что будетъ, какъ онъ женится на полькѣ? Польскій король станетъ нами помыкать; мы будемъ въ неволѣ у поляковъ. Вотъ онъ теперь хочетъ, въ угоду польскому королю, воевать со шведами, и послалъ уже въ Новгородъ мосты мостить; да еще хочетъ воевать съ турками. Онъ раззоритъ насъ; кровь будетъ литься, а ему народа не жаль, и казны ему не жаль: сыплетъ нашею казною нѣмцамъ да полякамъ. Вотъ, уже сколько теперь онъ растратилъ; что же дальше будетъ! Если мы останемся съ нимъ, то дойдемъ до конечнаго раззоренія и станемъ притчею во языцѣхъ! Но паче всего, онъ намѣревается вѣру святую искоренить и ввести проклятую латинскую вѣру [1]).»

Шуйскій зналъ, однако, что всего, чѣмъ можно возстановить народъ противъ Димитрія, еще недостаточно. Московскій народъ привязанъ къ нему. Шуйскій отложилъ исполненіе умысла до того времени, когда съѣдутся свадебные гости. Это было сдѣ-

---

[1]) Petric. 184. — Bussov. 44.

лано вѣрно, разсчетливо и благоразумно: Шуйскій понялъ, что если съѣдутся шляхтичи, то не утерпятъ, чтобъ не оскорбить народности и вѣры; тогда можно скорѣе возбудить народъ. Кромѣ того, Шуйскій разсчитывалъ, что царь много истратилъ казны и бросилъ полякамъ; когда пріѣдутъ Мнишки и его свита, можно будетъ ограбить поляковъ и воротить потраченное съ лихвою. Шуйскій былъ очень скупъ и потому съ его точки зрѣнія стоило соображать время возстанія съ возможностію возвратить въ казну то, что оттуда улетѣло.

Сообщники Шуйскаго разными путями набирали людей для заговора; ропотъ противъ Димитрія распространялся между дворянами, гостьми и стрѣльцами. Въ январѣ 1606, составился умыселъ убить царя. По извѣстію современника [1]), убійцею царя Димитрія готовился быть за подкупъ Андрей Шерефединовъ, тотъ самый, который вмѣстѣ съ Молчановымъ извелъ царя Өедора Борисовича съ матерью. Заговорщики, 8 января, проникли-было ночью во дворецъ; но сдѣлался шумъ; они бѣжали. Было открыто, что Шерефединовъ замышлялъ убійство. Онъ пропалъ безъ вѣсти. Одинъ стрѣлецъ донесъ Басманову, что его товарищи кричали, что царь попираетъ вѣру и обычаи земли русской, что онъ не Димитрій, а обманщикъ. Произвели розыскъ. Нашли семерыхъ виновными.

Тогда царь приказалъ собраться стрѣльцамъ на задній дворъ безъ оружія. Онъ вышелъ въ сопровожденіи Мстиславскаго, Нагихъ, Басманова, нѣсколькихъ поляковъ, находившихся на царской службѣ, окруженный аллебардщиками; всѣ, увидѣвши государя, по московскому обычаю, разомъ сотворили земной поклонъ съ открытыми головами; царь не могъ удержаться отъ смѣха и сказалъ: «Умны!» Потомъ, онъ сѣлъ на высшей ступени дворцовой лѣстницы и говорилъ:

«Мнѣ очень жаль, что вы грубы, и нѣтъ любви въ васъ. Покуда вы будете заводить смуты и дѣлать бѣдствіе землѣ? Она и такъ страдаетъ: что̀ же, вы ее хотите развѣ довести до конечнаго распаденія? Вспомните измѣнниковъ Годуновыхъ; какъ они истребили знатные роды въ землѣ нашей и овладѣли неправедно царскимъ престоломъ. Какую кару земля понесла! Меня одного сохранилъ Богъ и избавилъ отъ смертоносныхъ козней, а вы ищете меня погубить и ухищряетесь всякими способами произвести измѣну. Въ чемъ вы можете обвинить меня, спрашиваю я васъ? Вы говорите, что я не истинный Димитрій; обличите меня, и тогда вольны меня лишить жизни. Моя мать и

---

[1]) Is. Mass. 84.

эти бояре мнѣ свидѣтели. Какъ могло быть, чтобы кто нибудь, не будучи истиннымъ, овладѣлъ такимъ могущественнымъ государствомъ безъ воли народа? Богъ не допустилъ бы до этого. Я жизнь свою ставилъ въ опасность не ради своей высоты, а затѣмъ чтобъ избавить народъ, упавшій въ крайнюю нищету и неволю, подъ управою и гнетомъ гнусныхъ измѣнниковъ. Меня къ этому призвалъ божій перстъ. Могучая рука помогла мнѣ овладѣть тѣмъ, что мнѣ принадлежитъ по праву. Я васъ спрашиваю: зачѣмъ вы зло умышляете на меня? Говорите прямо; говорите свободно передо мною: за что̀ вы меня не любите?»

Толпа залилась слезами; всѣ попадали на землю и говорили:

«Царь государь, смилуйся! Мы ничего не знаемъ; покажи намъ тѣхъ, что насъ передъ тобой оговариваютъ.»

Царь приказалъ Басманову, и тотъ вывелъ семерыхъ. Царь сказалъ: «Смотрите; вотъ, они повинились и показываютъ, что вы всѣ зло мыслите на вашего государя!»

Онъ вошелъ во дворецъ. Стрѣльцы бросились на семерыхъ и руками, безъ оружія, безъ палокъ, растерзали ихъ на клочки. Ярость ихъ была такъ велика, что они кусали виновныхъ зубами: одинъ въ неистовствѣ откусилъ ухо и жевалъ его. По окончаніи такой казни, царь снова вышелъ на крыльцо и расточалъ убѣжденія въ томъ, что онъ истинный Димитрій.

Толпа опять поклонилась въ землю и кричала: «помилуй насъ, государь!»

Этимъ окончилась сцена. Стрѣльцы разошлись, а изъ Кремля на страхъ народу повезли полную телѣгу кусковъ человѣческихъ тѣлъ [1]).

Съ тѣхъ поръ страшно было заикнуться, что царь — не истинный Димитрій. Народъ готовъ былъ строже всякой верховной власти наказывать враговъ государя; особенно ревностно преслѣдовали за оскорбленіе царскаго имени казаки. Не даромъ ихъ храбрый атаманъ Корела расхаживалъ по Москвѣ и чудилъ, говоря, что онъ презираетъ блага міра сего; онъ шатался, ничего не дѣлая, между тѣмъ многое имѣлъ возможность услышать и узнать, а его молодцы по-свойски расправлялись съ недоброжелателями Димитрія [2]). Тогда — говоритъ современникъ — отъ злыхъ враговъ казаковъ и холопей всѣ умные только плакали, не смѣя слова сказать; только назови кто царя растригою, тотъ и пропалъ. Такъ погибали монахи и міряне. Нѣкоторыхъ утопили. Самъ царь никого не казнилъ, казался мило-

---

[1]) Is. Mass. 84—85.

[2]) Is. Mass. 78.

ствымъ и кроткимъ государемъ, готовымъ все простить, все забыть, а между тѣмъ судъ народной толпы уничтожалъ его враговъ. Но къ его несчастію, пропадали только самые менѣе опасные; тотъ врагъ, отъ котораго все исходило, находился близъ него, пользовался его расположеніемъ и велъ заговоръ такъ искусно, что никто изъ попавшихся въ руки народу не могъ указать на главнаго заводчика [1]).

Но Димитрій, надѣясь на любовь народа, побаивался однако тайнаго убійства, и въ январѣ 1606 г., именно послѣ того, какъ открытъ былъ заговоръ между стрѣльцами, составилъ около себя изъ нѣмцевъ стражу подъ названіемъ алебардщиковъ, потому что они были вооружены алебардами. Ихъ было три дружины; одна подъ начальствомъ француза Якова Маржерета: эта дружина вооружена была алебардами съ позолоченымъ изображеніемъ русскаго орла, съ древками, обтянутыми бархатомъ и увитыми по бархату серебряною проволокою съ висящими золотыми и серебряными кисточками. Это была самая богатая дружина. У ней нарядное платье былъ бархатный плащъ съ золотымъ позументомъ, а буднишнее суконное. Другою дружиною начальствовалъ ливонецъ Кнутсонъ: у ней были алебарды съ царскимъ гербомъ: на обѣихъ сторонахъ лезвія; платье носила она суконное темнофіолетоваго цвѣта съ красными камковыми рукавами и такого же цвѣта штаны, а кафтанъ былъ обшитъ бархатными снурками. Третья — подъ начальствомъ Альберта Вандемана, котораго прозвали паномъ Скотницкимъ; это былъ нѣмецъ, обжившійся въ Польшѣ; у его дружины кафтаны и штаны были обшиты зеленымъ бархатомъ и зеленые рукава. Каждая дружина состояла изо ста человѣкъ, и должна была по очереди содержать караулъ у дворца [2]).

Между тѣмъ царь съ каждымъ днемъ легкомысленнѣе дѣлалъ выходки, нарушавшія обычаи. Московитяне, по предразсудку, не ѣли телятины; Димитрій не только любилъ ее и приказалъ подавать, но русскій лѣтописецъ говоритъ, что онъ даже подавать ее велѣлъ на столъ въ великій постъ; кажется, справедливѣе принять указаніе Маржерета, который это событіе относитъ къ 20 апрѣля [3]), когда уже постъ миновалъ, тѣмъ болѣе, что Димитрій не рѣшался еще нарушать отеческихъ постовъ, какъ это видно изъ описаній обѣдовъ, даваемыхъ иноземцамъ по постнымъ днямъ. Какъ бы то ни было, только Шуйскій за

---

[1]) Авр. Палиц. 27.

[2]) Bussov, Chronic. 40.

[3]) Марж. 20.

столомъ началъ доказывать Димитрію, что ѣсть телятины не слѣдуетъ. Царь никогда не препятствовалъ возражать себѣ, напротивъ—охотно вступалъ въ споры и состязанія. Въ разговоръ вмѣшался Татищевъ, тутъ же обѣдавшій, и въ жару спора сказалъ царю что-то дерзкое. Димитрій вспылилъ и приказалъ отправить Татищева въ ссылку въ Вятку; однако потомъ опомнился и оставилъ его при всѣхъ его почестяхъ. Но Татищевъ былъ мстителенъ, и этотъ поступокъ утвердилъ его еще болѣе въ рѣшимости такъ или иначе погубить Димитрія. Около этого времени поссорился Димитрій съ Семеномъ Бекбулатовичемъ, котораго самъ возвратилъ изъ печальной ссылки. Слѣпой новокрещенецъ предался весь молитвѣ и сдѣлался очень набоженъ; услышавъ, что Димитрій не слишкомъ церемонно обращается съ религіозными обрядами и обычаями народной святыни, онъ началъ вопіять, что погибаетъ православіе, что царь хочетъ обратить всѣхъ въ латинство, и что православные должны заранѣе промышлять и стоять за вѣру. Димитрій узналъ объ этомъ и сослалъ его въ Бѣлозерскій монастырь, гдѣ его постригли [1]).

Воеводѣ сендомирскому извѣстно было многое, чтò касалось до его нареченнаго зятя, и можетъ быть оттого-то онъ и медлилъ поѣздкою, что раздумье его брало: ему сообщали и то, что пріѣзжалъ шведъ извѣщать отъ имени старой царицы, что въ Москвѣ царствуетъ не родной сынъ ея, а самозванецъ. Конечно, Мнишка собственно мало безпокоило то, кѣмъ на самомъ дѣлѣ былъ его зять: съ него довольно было, что онъ царствовалъ и былъ признаваемъ за царя; но его безпокоила мысль о непрочности такого царствованія, и эта мысль должна была входить ему въ голову безпрестанно. Недѣли проходили; царь, казалось, сидѣлъ на престолѣ твердо и посылалъ къ нему письмо за письмомъ. «Мы посылали къ вамъ — писалъ Димитрій отъ 29 января — Слонскаго, Горемыку, Свирскаго, Липницкаго, Горскаго, Склинскаго съ нашими письмами, и по настоящее время не получали отъ васъ никакого извѣстія, къ великому нашему удивленію и недоумѣнію» [2]). Не было и на это письмо отвѣта. Потерявши терпѣніе, Власьевъ самъ наконецъ пріѣхалъ въ Самборъ. Наступила и прошла масляница; насталъ великій постъ. Димитрій все еще имѣлъ терпѣніе, послалъ остальной долгъ воеводы королю и писалъ ему, чтобъ, по крайней мѣрѣ, если воевода съ невѣстой пріѣдутъ въ Московское государство въ постъ, то пусть пріостановятся

[1]) Ник. 73. — Акт. Эксп. I, 96.
[2]) Собр. гос. гр. II, 266.

у Можайска [1]). Вѣроятно, царь боялся, чтобъ поляки, въѣхавъ въ Москву въ постъ и не соблюдая поста, не приводили въ соблазнъ москвичей. Но Мнишекъ сообщалъ послу, что онъ можетъ пріѣхать развѣ спустя нѣсколько недѣль послѣ пасхи. Ясно было, что воевода увертывается, что у него что-то на умѣ. Дѣйствительно, Мнишекъ разсчитывалъ, что если пройдетъ долгое время и царь московскій останется цѣлъ и невредимъ, то, значитъ, слухи о намѣреніяхъ его свергнуть ложны и можно будетъ къ нему ѣхать. Димитрій выходилъ изъ терпѣнія. Высланные для встрѣчи бояре съ толпою слугъ ждали уже долго и напрасно. Димитрію было досадно, если они возвратятся безъ дѣла. Онъ писалъ Мнишку такъ: «Ваша милость приведете насъ наконецъ къ такимъ намѣреніямъ, которыя были бы для васъ непріятны; насъ еще удерживаетъ достоинство наше и любовь къ вашей дочери, найяснѣйшей паннѣ невѣстѣ нашей. Ваша милость должны были бы принимать во вниманіе, что, пропустивши зимній путь, вы не можете иначе къ намъ пріѣхать, какъ послѣ зеленыхъ святокъ, по причинѣ трудныхъ переѣздовъ и половодья, которое не скоро спадаетъ, и если бы такъ случилось, то сомнительно, чтобъ вы насъ застали въ столицѣ, потому что послѣ пасхи мы намѣрены двинуться къ обозу и тамъ провести цѣлое лѣто [2]). Но, спустя нѣсколько дней, царь получилъ извѣстіе, что Мнишекъ выѣхалъ изъ Самбора, 2 марта. Вспыльчивый Димитрій легко успокоился; любовь взяла свое; 13 марта писалъ онъ снова дружеское письмо къ Мнишку и извинялся: «Хотя мы писали къ вамъ черезъ Денбицкаго и Склинскаго съ досадою, но Богъ видитъ, что это происходило не отъ злого сердца, а, напротивъ, отъ скуки по вашей дочери и изъ любви къ ней и ко всему дому вашей милости [3]).»

Въ знакъ возврата расположенія, царь послалъ воеводѣ для уплаты его нѣкоторыхъ долговъ 13,324 талера и 5,204 рубля [4]). Мнишекъ получилъ эти деньги, благодарилъ за нихъ, но жаловался на посла Аѳанасія Власьева, что онъ его торопитъ, а ѣхать такъ быстро трудно, потому что онъ ѣдетъ съ дамами и притомъ самъ страдаетъ болѣзнію.

Наружно казалось, что гонецъ за гонцомъ ѣздятъ отъ Димитрія въ Польшу только по дѣламъ любви, но тутъ дѣлалось также иного рода дѣло. Король Сигизмундъ надѣялся устроить

---

1) Ibid. II, 277.
2) Ibid. II, 281.
3) Ibid. II, 283.
4) Ibid. II, 224.

изъ московскаго государя орудіе для видовъ польской политики. Димитрій, въ противность ему, рылъ яму подъ нимъ самимъ въ Польшѣ. Король Сигизмундъ неоднократнымъ нарушеніемъ правъ свободнаго народа и самовластными поступками собиралъ противъ себя въ Польшѣ недовольную партію: тогда она уже значительно возросла и была, такъ сказать, наканунѣ того времени, когда ей пришлось разразиться бурнымъ «рокошемъ.» Димитрій зналъ это, соображалъ и завелъ тайныя сношенія съ недовольными. Между врагами Сигизмунда начала бродить мысль низвергнуть Сигизмунда и возвести на польскій престолъ Димитрія. Его вѣротерпимость и либерализмъ располагали къ нему польскихъ разновѣрцевъ, недовольныхъ іезуитскимъ направленіемъ короля Сигизмунда. Письма отъ разныхъ лицъ посылались въ Москву съ изъявленіемъ желанія, чтобъ Димитрій сдѣлался польскимъ королемъ. Впослѣдствіи открылось, что одинъ изъ родственниковъ Мнишковъ, Станиславъ Стадницкій, который въ слѣдующемъ году оказался ярымъ врагомъ Сигизмунда, сносился съ Димитріемъ. Онъ былъ первый, который въ 1606 году гласно отрекался отъ повиновенія Сигизмунду, объявлялъ его лишеннымъ престола и требовалъ сейма для новой элекціи: тогда у него и у нѣкоторыхъ другихъ было намѣреніе предложить преемникомъ Сигизмунду Димитрія. Между недовольными образомъ дѣйствія Сигизмунда распространилось подозрѣніе, будто Сигизмундъ, вообще показывавшій расположеніе къ нѣмцамъ, женившись, противъ воли поляковъ, на австрійской принцессѣ, сестрѣ умершей своей прежней жены, хочетъ отдать Рѣчь Посполитую австрійскому дому. Непріязнь къ этому дому, которая у поляковъ соединялась всегда съ непріязнію славянъ къ нѣмцамъ, располагала противниковъ Сигизмунда, въ предупрежденіе опасности, грозившей имъ отъ соединенія съ Австріею, искать соединенія съ Московскимъ государствомъ. И прежде не разъ мысль объ этомъ соединеніи являлась на политическомъ горизонтѣ Рѣчи Посполитой: теперь, это казалось болѣе чѣмъ когда нибудь умѣстнымъ, когда на московскомъ престолѣ царствовалъ государь, который провелъ юность въ Польшѣ, знакомъ съ польскими обычаями, и притомъ женится на полькѣ. Очень жаль, что намъ неизвѣстны подробности переговоровъ съ Димитріемъ, оставшихся безплодными по причинѣ его, неожиданной для польскихъ друзей, кончины. Несомнѣнно, что, весною 1606 года, въ польскомъ сенатѣ, сторонники Сигизмунда провѣдали уже о замыслахъ замѣнить шведскаго принца московскимъ. Левъ Сапѣга въ собраніи сенаторовъ говорилъ такъ: «Находятся у насъ такіе люди, которые входятъ въ тайныя со-

глашенія съ московскимъ государемъ: я укажу на одного изъ краковской академіи: онъ писалъ къ московскому государю, что теперь наступаетъ время пріобрѣсть польскую корону. Если такія посланія будутъ летать къ нему изъ польскаго королевства, то едва ли можно ожидать чего нибудь хорошаго отъ дружбы съ нимъ. Онъ обѣщаетъ намъ союзъ; но нѣтъ никакой надежды, никакого ручательства въ его искренности. Онъ говоритъ, что собираетъ войско на невѣрныхъ, но какъ скоро между нами есть такія особы, что съ нимъ злоумышляютъ, какъ тутъ ему вѣрить! Притомъ и то еще слѣдуетъ замѣтить, что онъ присылалъ къ намъ такихъ пословъ, которыхъ бы въ его собственномъ государствѣ посадили на колъ, если бы они тамъ говорили то, что здѣсь. Димитрій требуетъ цесарскаго титула и говоритъ, будто его предку, кіевскому князю Владиміру Мономаху, данъ былъ такой титулъ отъ греческихъ императоровъ. Если такъ, то скорѣе польскому королю принадлежитъ этотъ титулъ, чѣмъ ему, потому что польскій король владѣетъ Кіевомъ. Понятно, что Димитрій умышленно для того и добивается цесарскаго титула, чтобъ потомъ лучше домогаться кіевскаго княженія.» Другіе свѣтскіе и духовные сенаторы также изъявляли недовѣріе и опасенія. «Я не порицаю кумовства съ московскимъ государемъ — говорилъ Барановскій, плоцкій епископъ — только надобно быть съ нимъ очень осторожнымъ; а то какъ бы изъ этого не вышло вреда и непріятностей для Рѣчи Посполитой.» Луцкій епископъ сказалъ: «онъ обѣщаетъ помогать намъ противъ Швеціи; пусть же дозволитъ провести наши войска въ Швецію черезъ свое государство и дастъ имъ продовольствіе, а не то опасно; наши войска пойдутъ въ Швецію, а онъ съ своею силою нападетъ на владѣнія короля!» Видно было, что уже тогда ему не вѣрили и боялись его [1]). Впослѣдствіи, по миновавіи рокоша противъ Сигизмунда, стало несомнѣнно, что Гришка Отрепьевъ, какъ тогда называли Димитрія поляки со словъ московскихъ людей, будучи царемъ, такъ далеко простиралъ свои планы, что затѣвалъ низвергнуть Сигизмунда и сѣсть на его престолъ, и многіе изъ поляковъ были съ нимъ въ соумышленіи. Тогда подозрѣвали и самого сендомирскаго воеводу, и не безъ основанія. Честолюбивый воевода, конечно, былъ бы радъ возвышенію своего зятя и своей дочери и, безъ сомнѣнія, не стѣснился бы преданностью королю; не уступилъ же онъ Сигизмунду за свою дочь его сестрѣ чести быть московской государыней.

---

[1]) Bibl. Kras. ręk. B. I, 4.

VII.

Пріѣздъ Мнишка. — Увеселенія.

Марина съ отцомъ переѣхала границу не прежде 8 апрѣля, близъ Баѣва. Русскіе вельможи встрѣтили ихъ. Съ Мнишками ѣхало нѣсколько семей, большею частію родственники Мнишка: были съ нимъ Адамъ и Константинъ Вишневецкіе, Стадницкіе, Тарлы и другіе; съ каждымъ по нѣскольку десятковъ человѣкъ, а съ болѣе важными, какъ напримѣръ, съ Вишневецкимъ, со старостою саноцкимъ сыномъ Мнишка, со старостою красноставскимъ братомъ Мнишка — нѣсколько сотъ прислуги; всего было свиты въ обозѣ 1969 человѣкъ, и, сверхъ того, болѣе трехсотъ человѣкъ служителей. Все это ѣхало болѣе, чѣмъ на двухъ тысячахъ лошадей. Вездѣ, при дурной погодѣ, тысячи московскаго народа строили имъ мосты и гати. Вездѣ въ московской землѣ встрѣчали ихъ священники и народъ съ хлѣбомъ и солью, а въ городѣ Красномъ встрѣтили ихъ тѣ, что давно уже были высланы на встрѣчу и дожидались ихъ около трехъ мѣсяцевъ съ княземъ Васильемъ Михайловичемъ Мосальскимъ и дядею царя Михайломъ Александровичемъ Нагимъ. Въ Смоленскѣ, десятки тысячъ народа толпами шли на встрѣчу; дворяне Смоленской земли подносили хлѣбъ-соль, дарили соболей. Здѣсь Марина пробыла три дни. Путешественники, однако, иногда во время дороги лишены были всѣхъ удобствъ, при своей многочисленности: паны должны были помѣщаться въ бѣдныхъ хижинахъ, а другіе, за неимѣніемъ помѣщенія, останавливались въ разбитыхъ палаткахъ, не смотря на холодное время. 19 Апрѣля, въ день пасхи по русскому календарю, путешественники достигли Вязьмы. Отсюда воевода отдѣлился отъ дочери, поѣхалъ скорѣе, и 24 апрѣля прибылъ въ столицу. Дочь его еще оставалась въ дорогѣ.

Царь приказалъ устроить великолѣпную встрѣчу и роскошный пріемъ своему тестю; онъ желалъ теперь изъявить ему признательность за гостепріимство, которое испыталъ у него въ Самборѣ. Устроили нарочно мостъ на канатахъ, безъ свай; на концѣ его поставили тріумфальныя ворота, такъ чтобъ воевода, какъ только переѣдетъ рѣку, чувствовалъ свое величіе. Версты за двѣ отъ города выѣхалъ ему на встрѣчу Басмановъ; съ нимъ поѣхало тысячи полторы дворянъ и дѣтей боярскихъ. Самъ Басмановъ, другъ и собесѣдникъ Димитрія, одѣлся на этотъ разъ не въ русское, а въ гусарское платье, вышитое зо-

лотомъ. Съ нимъ повели четырехъ отличнѣйшихъ лошадей, осѣдланныхъ въ богатѣйшія сѣдла, оправленныя золотомъ; одна служила для пана воеводы, другая для его брата, а двѣ остальныя для его родственниковъ. Отъ тріумфальныхъ воротъ до помѣщенія, назначеннаго Мнишку въ бывшемъ домѣ Борисовомъ въ Кремлѣ, уставлены были въ два ряда дворяне и дѣти боярскіе въ нарядныхъ платьяхъ. Говорятъ, что царь находился между ними инкогнито. Тутъ же увидалъ Мнишекъ и земляковъ — польскую роту, служившую у царя съ своимъ начальникомъ Домарацкимъ. Въ такомъ торжественномъ величіи, привѣтствуемый народомъ, при громѣ веселой музыки, въѣзжалъ воевода сендомирскій въ столицу Московскаго государства. Въ своемъ отечествѣ онъ былъ одинъ изъ многихъ; здѣсь онъ долженъ былъ почувствовать себя первымъ; только царь и дочь его были выше его; равнаго ему не было между невѣнчанными особами. За нимъ ѣхала его свита, состоявшая изъ четырехсотъ слишкомъ человѣкъ.

Какъ только вошелъ Мнишекъ со своими приближенными въ приготовленныя палаты, тотчасъ явились стряпчіе съ блюдами; одни несли кушанье, другіе напитки. Такъ слѣдовало по русскому хлѣбосольству: гость пріѣхалъ; надобно было тотчасъ его угостить; принесли, между прочимъ, много разнообразныхъ сортовъ пироговъ, но поляки не нашли ихъ вкусными, потому что, по великорусскому обычаю, они готовились безъ соли. По придворному этикету, важный гость не представлялся въ тотъ же день: предполагалось, что ему надобно отдохнуть съ дороги. Поэтому Мнишекъ не увидѣлся съ царемъ въ день своего пріѣзда; только являлся къ нему князь Иванъ Ѳедоровичъ Хворостининъ поздравить съ благополучнымъ прибытіемъ. Поляки видѣли въ этотъ день царя только мимоходомъ, когда онъ проѣхалъ верхомъ въ бѣлой одеждѣ къ своей матери, въ Вознесенскій монастырь; за нимъ шли его нѣмецкіе алебардщики и ѣхали верховые; его провожалъ князь Иванъ Ѳедоровичъ Хворостининъ.

На другой день, 25 апрѣля, отъ бывшаго Борисова дома, гдѣ помѣщался воевода, до царскаго дворца стояли въ два ряда стрѣльцы въ полномъ нарядѣ съ оружіемъ. Воеводѣ подвели, для пріѣзда къ царю, татарскаго бахмата съ богатою позолоченною сбруею, которую цѣнили до десяти тысячъ злотыхъ. Онъ пріѣхалъ съ своею роднею; его провожалъ отрядъ дворянъ. Въ сѣняхъ, пановъ встрѣтили бояре и ввели въ золотую палату, гдѣ полъ былъ устланъ персидскими коврами. Царь сидѣлъ на тронѣ; этотъ тронъ былъ большое серебряное кре-

сло подъ балдахиномъ, составленнымъ изъ четырехъ щитовъ, положенныхъ крестообразно; сверху на щитахъ былъ шаръ, а на немъ драгоцѣнное изображеніе орла; надъ спинкой самаго кресла была икона Богородицы въ золотомъ окладѣ съ дорогими камнями. Балдахинъ, въ три локтя вышиною, утверждался на колоннахъ, по которымъ отъ щитовъ сверху внизъ спадали и вились нитки крупнаго жемчугу съ камнями; вниманіе поляковъ привлекъ между ними одинъ большой камень величиною въ грецкій орѣхъ. Близъ колоннъ два, а по другимъ извѣстіямъ, четыре, лежащіе, серебрянные, до половины вызолоченые льва держали золоченые на серебряныхъ ножкахъ подсвѣчники, на которыхъ стояли два грифа: одинъ держалъ кубокъ, другой — мечъ; они касались колоннъ; тронъ былъ поставленъ на возвышеніи съ тремя ступенями, покрытыми золотымъ ковромъ. По сторонамъ его стояло четверо рындъ въ мѣховыхъ шапкахъ, въ бѣлыхъ одеждахъ и бѣлыхъ сапогахъ, съ желѣзными бердышами въ рукахъ; ихъ груди обвивали крестообразно положенныя черезъ плеча золотыя цѣпи. По лѣвую сторону сидящаго царя, стоялъ князь Шуйскій (названный Димитріемъ, но, вѣроятно, это былъ Михайло Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій, произведенный въ санъ великаго-мечника), въ бархатномъ кафтанѣ темнокаштановаго цвѣта съ золотыми цвѣтами, подбитомъ соболями; онъ держалъ обѣими руками обнаженный мечъ съ богатою рукоятью, на которой былъ золотой крестъ. Близъ него стоялъ страпчій, сынъ Аѳанасія Власьева, съ царскимъ платкомъ. Самъ царь былъ одѣтъ въ одеждѣ, сверху донизу унизанной жемчугами; на шеѣ отложное ожерелье было усажено алмазами и рубинами; на груди у него висѣлъ большой яхонтовый крестъ; на головѣ—царскій вѣнецъ; въ правой рукѣ царь держалъ скипетръ. По правую сторону отъ царя, сидѣли духовные, составлявшіе освященный соборъ, которыхъ Димитрій сдѣлалъ тогда членами созданнаго имъ сената: патріархъ Игнатій сидѣлъ ближе всѣхъ къ царю на чернобархатномъ креслѣ, въ черной бархатной рясѣ, унизанной въ ладонь шириною жемчугами и драгоцѣнными камнями, по разрѣзу и по подолу; правою рукою онъ держалъ посохъ съ золотою верхушкою; передъ нимъ стоялъ служка съ блюдомъ, на которомъ лежалъ крестъ и былъ поставленъ серебрянный сосудъ со святою водою. За духовными на правой сторонѣ отъ трона, а также на лѣвой сторонѣ близко отъ трона и прямо противъ трона на скамьяхъ, покрытыхъ персидскими ковровыми полавочниками, сидѣли бояре, окольничьи и думные дворяне; только по самой срединѣ, противъ трона, оставлено было мѣсто для прохода, и около него

нѣсколько пустыхъ лавокъ было приготовлено для гостей, которымъ давался пріемъ. За этимъ мѣстомъ стояли толпою дворяне, стряпчіе, жильцы и предводители польской дружины, находившейся на службѣ у Димитрія. Такое зрѣлище представилось воеводѣ и его роднымъ, когда они вошли въ залу.

Мнишекъ сталъ посреди залы, поклонился, потомъ подошелъ ближе къ царю и говорилъ рѣчь: «Не знаю, удивляться ли мнѣ, или радоваться, видя ваше величество на этомъ престолѣ! Могу ли я безъ удивленія смотрѣть на того, кого столько лѣтъ считали мертвымъ, а теперь видятъ окруженнаго величіемъ?» Мнишекъ сталъ въ рѣчи своей размышлять о странной игрѣ человѣческаго счастія, о непостижимости промысла, который однихъ возвышаетъ, другихъ понижаетъ; восхвалялъ доблести Димитрія, его храбрость на войнѣ, терпѣніе, съ какимъ онъ во время похода переносилъ стужу и всякія лишенія; но самая большая добродѣтель царя московскаго, по его словамъ, была та, что онъ женится на Маринѣ. Онъ говорилъ: «Ваше величество, осыпавъ меня и золотомъ и серебромъ, избрали супругою себѣ мою дочь; ни громкій титулъ царя, ни высокая почесть не измѣнили вашего намѣренія; вы пріобрѣли право на такія похвалы, какихъ не можетъ выразить ни поэзія, ни исторія. Я не столько самонадѣянъ и смѣлъ, чтобъ быть равнодушнымъ къ моему возвышенію; но если вспомнить, какъ воспитана дочь моя, съ какимъ стараніемъ внушены были ей съ колыбели всѣ добродѣтели, приличныя ея званію, то смѣло могу назвать васъ моимъ зятемъ. Дочь моя, продолжалъ Мнишекъ, родилась въ свободной странѣ, гдѣ отецъ ея занимаетъ почетное мѣсто въ сенатѣ, гдѣ каждый шляхтичъ можетъ достигнуть высшихъ достоинствъ. Одна добродѣтель украшаетъ царей и сильныхъ земли, ведетъ человѣка на небеса и соединяетъ съ Богомъ. Мнѣ остается молить, чтобъ Всевышній благословилъ этотъ союзъ для счастія и благоденствія русской вашей державы [1].»

Димитрій былъ растроганъ, впродолженіи рѣчи плакалъ какъ бобръ, по выраженію поляка [2]), безпрестанно бралъ у своего стряпчаго платокъ и отиралъ себѣ глаза. Послѣ рѣчи воевода подошелъ къ рукѣ. «Цѣлую съ благоговѣніемъ руку — сказалъ онъ — руку, которую я жалъ нѣкогда съ нѣжнымъ участіемъ хозяина къ злополучному гостю!» За воеводою допущены были къ рукѣ родные Мнишка, давніе пріятели Димитрія: братъ его, староста красноставскій, сынъ его староста саноцкій, князь

¹) Паэрле, 43.
²) Rz. Polsk. Hist. Russ. Monum. 163.

Константинъ Вишневецкій и староста луковскій Павелъ Мнишекъ [1]). Димитрій ничего не говорилъ. Такъ слѣдовало по обычаямъ. За него отвѣчалъ Аѳанасій Власьевъ, великій секретарь.

По окончаніи цѣлованья руки, воевода сѣлъ противъ трона; сзади, на пустыхъ лавкахъ, помѣстились другіе поляки: всѣ подходили цѣловать руку царскую по списку одинъ за другимъ, потомъ садились. Посидѣвши немного такимъ образомъ съ гостьми, царь всталъ; за нимъ всѣ встали. Патріархъ и духовные вышли впередъ и стали въ сѣняхъ, обратившись лицомъ къ палатѣ. Царь подозвалъ воеводу къ трону и просилъ его на обѣдъ, а Басмановъ отъ имени царя приглашалъ обѣдать прочихъ пановъ и дворянъ польскихъ. Стали выходить. Двое бояръ повели царя подъ руки, передъ нимъ несли государственное яблоко (державу); шествіе направлялось въ церковь. Патріархъ съ духовенствомъ благословлялъ идущихъ; онъ давалъ цѣловать крестъ и Мнишку; за воеводою и прочіе паны подошли ко кресту; и имъ патріархъ далъ цѣловать крестъ. Ревностнымъ поборникамъ православія это не понравилось.

Всѣ вошли въ церковь — судя по описанію — въ Благовѣщенскій соборъ. Царю принесли другую корону, полегче. Воевода и поляки стояли въ переходѣ, окружающемъ церковь, и присматривались съ любопытствомъ къ московскому богослуженію. Православные паны, вѣроятно, входили въ самую церковь. По окончаніи литургіи, царь вышелъ изъ церкви и сѣлъ на паперти; подлѣ него сѣлъ воевода. Царь хотѣлъ показать, что ведетъ дружескую бесѣду съ тестемъ. Это продолжалось нѣсколько минутъ.

Вставши, царь повелъ воеводу въ свой деревянный дворецъ; паны пошли за ними. Димитрій показывалъ свое недавно оконченное жилище. Поляки хвалили вкусъ царя и убранство дома. Потомъ пошли въ столовую обѣдать въ большомъ каменномъ дворцѣ.

Предъ столовой залой, обитой персидскою голубой тканью, находились сѣни; въ нихъ поразило поляковъ множество дорогой золотой и серебряной столовой посуды: чарокъ, кубковъ, братинъ, стопъ, золотыхъ и серебрянныхъ, вложенныхъ одна въ другую, и въ особенности семь или восемь серебрянныхъ бочекъ съ золотыми обручами, величиною въ сельдяные бочонки. На окнахъ и дверяхъ столовой красовались золототканные занавѣсы; дорогими коврами устилался весь полъ. Великолѣпный поставецъ вокругъ столба, стоявшаго посрединѣ залы, пышно

---

[1]) Паэрле, 44.

сверкалъ множествомъ посуды, затѣйливой работы; львы, единороги, драконы, олени, грифы, змѣи, ящерицы, лошади, всевозможнѣйшія фигуры, бросались въ глаза полякамъ. Изъ серебряннаго съ позолотою сосуда, величиною въ человѣческій ростъ, лилась кранами вода въ три таза одинъ надъ другимъ; но, противъ обычая поляковъ, мывшихъ руки предъ обѣдомъ, московскіе люди совсѣмъ этого не сдѣлали. Столовъ было уставлено три большихъ и одинъ маленькій; два стояло подъ угломъ съ третьимъ, а напротивъ третьяго за маленькимъ столикомъ, серебряннымъ, покрытымъ золотною скатертью, сидѣлъ царь на высокомъ сѣдалищѣ, обитомъ черною матеріею съ золотыми полосами. По правую руку отъ царя сидѣли думные люди; налѣво отъ него, за другими столами, обѣдалъ воевода и съ нимъ паны. Прямо противъ царя, за большимъ столомъ, сидѣли дворяне, и между ними посольская свита; ихъ разсадили такъ, что московскіе люди и поляки сидѣли въ перемежку одинъ съ другимъ. Поляковъ поразило то, что никому не подали тарелокъ, кромѣ четыремъ важнѣйшимъ панамъ. Царь замѣтилъ, что таковъ обычай, и даже подача тарелокъ четыремъ панамъ была уже его нарушеніемъ. Передъ гостьми не клали хлѣба, но царь самъ разрѣзывалъ бѣлые хлѣбы и посылалъ каждому подачку съ солью. Куски хлѣба, говоритъ очевидецъ, были очень велики и служили намъ тарелками. Стряпчіе начали носить кушанья въ серебряныхъ мисахъ и полумискахъ; ихъ ставили предъ гостями такъ, что одна посудина стояла отъ другой на локотѣ. Изъ этихъ мисокъ и полумисковъ гости должны были ѣсть жидкое ложками, а прочее руками. День былъ тогда постный, и царь угощалъ поляковъ рыбными кушаньями. Въ заключеніе, начали носить множество пирожныхъ. Стольники наливали вино, медъ, пиво въ драгоцѣнные кубки, чарки, чаши. Сначала церемонія питья совершалась такъ: стольники подносили царю, слегка кланяясь и не снимая шапокъ, въ которыхъ служили; царь выпивалъ самъ и отсылалъ всѣмъ гостямъ по чаркѣ; выпивши царскую присылку, каждый гость уже свободно принимался за питье, которое стояло въ чрезвычайномъ изобиліи. Многимъ панамъ, какъ вообще многимъ иноземцамъ, бывавшимъ въ Москвѣ, нравились тогда ставленные ягодные меды. Но московской кухни никто не хвалилъ. Еще не кончился обѣдъ, какъ уже воеводѣ сдѣлалось дурно отъ нея; онъ вышелъ изъ-за стола; его провели въ царскіе покои; пиръ продолжался безъ него. Тогда, для потѣхи гостямъ, царь велѣлъ призвать лопарей, которые на ту пору случились въ Москвѣ; они привезли обычную годовую дань. Ихъ, числомъ двадцать человѣкъ, ввели въ залу, въ народныхъ одеж-

дахъ изъ оленьихъ шкуръ, съ луками и стрѣлами. Царь объяснялъ полякамъ, что̀ это за народъ, ка̀къ далеко на сѣверѣ живетъ, чему покланяется, какія у него понятія. Въ заключеніе обѣда, принесли полумисокъ сливъ, и царь раздавалъ ихъ каждому стольнику изъ своихъ собственныхъ рукъ; это означало почесть и вниманіе отъ царя за ихъ службу во время стола. Обѣдъ кончился вечеромъ. Царь ушелъ въ свой дворецъ, гдѣ былъ уже воевода. Гости разъѣхались по своимъ помѣщеньямъ; а воеводу уже поздно проводили до его дома по крытымъ переходамъ, соединявшимъ царскія зданія въ Кремлѣ.

На другой день, гости обѣдали у себя, отъ царскаго стола, а послѣ обѣда воевода и другіе паны прибыли въ царскій деревянный дворецъ. Тамъ, въ передней комнатѣ, играло сорокъ человѣкъ музыкантовъ пана Стадницкаго. Русскіе — говоритъ полякъ очевидецъ — очень любовались этою музыкою. Князь Вишневецкій и сынъ Мнишка танцовали. Стольники разносили напитки. Царь ушелъ отъ гостей и чрезъ нѣсколько минутъ явился снова въ нарядномъ гусарскомъ уборѣ, въ сафьянныхъ башмакахъ, въ красныхъ шароварахъ; на немъ былъ надѣтъ золотоглавный жупанъ, а сверху накинутъ малиновый бархатный плащъ, унизанный по краямъ жемчугомъ. Повеселившись съ гостями, онъ ушелъ опять и явился въ московской одеждѣ, въ разшитомъ золотомъ кафтанѣ со множествомъ жемчуга и камней, подбитомъ дорогими соболями; на головѣ у царя была большая соболья шапка. Это переодѣванье рѣзко выказывало особенность характера царя Димитрія, склонность рисоваться и казаться, которая невольно прорывалась во всѣхъ его поступкахъ. Басмановъ между тѣмъ распоряжался угощеніями, занималъ гостей и заохочивалъ ихъ веселиться. Вечеромъ воевода посѣтилъ царскую мать въ Вознесенскомъ монастырѣ, а потомъ возвратился опять во дворецъ къ ужину. Былъ приготовленъ роскошный сто̀лъ. Ужинали у царя и паны и бояре; много пили; музыка играла; паны танцовали, а московскіе люди на нихъ поглядывали: одни любовались этими непривычными пріемами жизни, другіе скорбѣли о такомъ нечестіи, несогласномъ съ монашескою тишиною и восточною неприступностью, чего требовало отъ царскаго жилища нравственное понятіе. Шуйскіе веселились съ царемъ, и царь, простодушный и довѣрчивый, не догадывался и не подозрѣвалъ, что̀ въ головѣ у этихъ собесѣдниковъ. Утренняя заря застала гостей среди плясокъ, пѣсенъ, смѣховъ и веселости, и всѣ разъѣхались уже днемъ. Музыканты пана Стадницкаго получили въ эту ночь отъ щедраго царя двѣ тысячи злотыхъ за свой трудъ.

На слѣдующій день, 27 апрѣля, проспавшись отъ ночной пирушки, царь занимался дѣлами, а вечеромъ опять съѣхались къ нему польскіе паны, и опять роскошный ужинъ, опять попойка, музыка, танцы, пѣсни, веселье. Въ одинъ изъ слѣдующихъ затѣмъ дней, 28 и 29, царь пригласилъ воеводу и пановъ на охоту за городъ, и ѣхалъ верхомъ вмѣстѣ съ воеводою и Василіемъ Шуйскимъ. Въ подгородномъ селѣ Мамоновѣ были нарочно приготовлены звѣри; былъ между ними огромный медвѣдь, привезенный изъ далекихъ лѣсовъ сѣверовостока. «Не хочетъ ли кто сразиться съ этимъ медвѣдемъ?» — спросилъ царь, обратившись къ гостямъ. Никто не рѣшился; можетъ быть, и находились бы храбрецы, да видѣли, что царь хочетъ самъ показать свою удаль, и для того уступили изъ вѣжливости. Выпустили медвѣдя; царь бросился на него съ рогатиною и такъ ударилъ, что топорище рогатины переломилось; медвѣдь упалъ; царь въ мгновеніе отсѣкъ ему голову. Московскіе люди кричали ему похвалы и съ гордостію указывали полякамъ на неустрашимость, молодечество и силу своего царя. Послѣ такихъ забавъ, царь пригласилъ гостей обѣдать. Столъ былъ приготовленъ въ обширныхъ богатоубранныхъ шатрахъ; вечеромъ всѣ разъѣхались въ городъ съ веселыми криками.

VIII.

Въѣздъ Марины въ Москву. — Поведеніе поляковъ. — Пріемъ родственниковъ Марины и пословъ короля Сигизмунда. — Приготовленія къ свадьбѣ.

Шатры, гдѣ обѣдали гости съ царемъ послѣ подвига съ медвѣдемъ, были приготовлены для царицы и для ея поѣзда. Когда воевода съ передними панами прибылъ въ Москву, нареченная царица находилась въ Вяземѣ, гдѣ стоялъ дворецъ Бориса. Это былъ обширный дворъ, обведенный рвомъ, огороженный деревяннымъ частоколомъ съ шестью башенками, съ заостренными верхами[1]); въ немъ находился царскій домъ со службами и каменная церковь, очень красивая, съ богатымъ иконостасомъ и утварью. Тутъ пробыла Марина три дня, потомъ выѣхала, и, доѣхавши за нѣсколько верстъ отъ Москвы, остановилась въ приготовленныхъ для нея шатрахъ, тѣхъ самыхъ, гдѣ угощалъ царь пановъ послѣ медвѣжьей травли. Здѣсь собственно для нея былъ раскинутъ особый нарядный шатеръ, а около него много дру-

[1]) Hist. Russ. Mon. 162.

гихъ обширныхъ шатровъ для помѣщенія ея свиты. Весь этотъ станъ устроенъ былъ такъ, что снаружи купа шатровъ казалась замкомъ; она обведена была полотняною стѣною; натянутое на длинныхъ шестахъ полотно изображало башни, разставленныя по стѣнѣ. Марина съ своимъ поѣздомъ прожила въ этихъ шатрахъ цѣлыхъ два дни. Гости и купцы пріѣзжали изъ Москвы поклониться будущей государыни и подносили ей подарки, тѣ— дорогіе сосуды, другіе — богатыя матеріи. Въ это время въ Москвѣ приготовляли ей почетный въѣздъ, на день 3 мая. Наканунѣ того дня, воевода пріѣхалъ изъ Москвы къ дочери, чтобъ съ нею вмѣстѣ участвовать въ торжественномъ въѣздѣ.

Разомъ съ Мариной ѣхавшіе къ московскому государю послы Рѣчи Посполитой, Олесницкій и Гонсѣвскій, поѣхали впередъ и достигли Москвы прежде нареченной царицы. Они переправились черезъ Москву-рѣку по мосту, устроенному на лодкахъ; за рѣкою увидѣли приготовленные для царицы шатры. По выгону стояла и бѣгала пестрая толпа народа и русскихъ и поляковъ; ѣздили верхомъ, бѣгали пѣшкомъ; вездѣ суета, крикъ... Пословъ встрѣтили князь Григорій Константиновичъ Волконскій и дьякъ Андрей Ивановъ и объявили, что назначены приставами къ нимъ. Имъ привели царскихъ коней. Когда они ѣхали въ Москву, стрѣльцы стояли въ строю и отдавали имъ честь. Такъ, пріѣхавши въ столицу, они со всею посольскою свитой прибыли на посольскій дворъ.

Вслѣдъ за послами ѣхалъ обозъ Марины, а потомъ ѣхала и сама Марина. Поѣздъ переѣхалъ по тому же мосту на лодкахъ [1]) и остановился у шатровъ, раскинутыхъ на зеленѣвшемъ лугу. На мосту стояло человѣкъ сто барабанщиковъ и трубачей; гудѣли въ литавры, бубны, сурьмы. Такого рода національная музыка казалась иностранцамъ собачьимъ воемъ или кошачьимъ мяуканьемъ. Тысяча всадниковъ стояла въ строю около этихъ шатровъ. Польская нимфа, какъ называетъ ее современникъ, сѣла въ шатрѣ на богатомъ креслѣ; ее окружили ея дамы и кавалеры. Подъѣхала къ шатру великолѣпная карета; за нею верхомъ бояре и думные дворяне въ драгоцѣнныхъ нарядахъ. За каждымъ ѣхала толпа слугъ также красиво одѣтая. Они оставили конюхамъ своихъ коней, блиставшихъ серебромъ и золотомъ своихъ сбруй при яркомъ весеннемъ солнцѣ, вошли въ шатеръ и били челомъ новой государынѣ. На челѣ ихъ Мстиславскій, какъ самый важнѣйшій членъ боярской думы или сената. Всѣ приносили ей поздравленіе съ пріѣздомъ, кланялись до земли;

[1]) На Дѣвичьемъ-Полѣ.

въ заключеніе, Мстиславскій объявилъ, что его цесарское величество, ея женихъ, прислалъ за нею карету, просилъ сѣсть и ѣхать въ свою столицу. Всѣ поздравлявшіе царицу вышли изъ шатра безъ шапокъ и стояли съ почтеніемъ, пока царица не сядетъ въ карету. Въ другомъ шатрѣ поздравляли съ пріѣздомъ Мнишка и подвели ему въ подарокъ коня со сбруею: чепракъ, узда, нагрудникъ, наколѣнки, стремена — все было разукрашено золотомъ, сверхъ того поднесли футляръ съ двѣнадцатью золотыми чарками и разными драгоцѣнными мелочами, цѣною, какъ говорили, на сто тысячъ злотыхъ. Царица, сопровождаемая Мстиславскимъ, сѣла въ подвезенную къ шатру карету, запряженную двѣнадцатью бѣлыми въ яблокахъ лошадьми. Отъ шатровъ, откуда вышла царица, дорога лежала прямо къ Земляному городу. До самаго города по лугу стояли рядами стрѣльцы въ красныхъ суконныхъ кафтанахъ съ бѣлыми перевязями на груди, и держали длинныя ружья съ красными ложами; далѣе, стояли въ два ряда конные стрѣльцы и дѣти боярскіе; на одной сторонѣ были съ луками и стрѣлами, на другой съ ружьями, привязанными къ сѣдламъ; они также были одѣты въ красные кафтаны. Потомъ стояло двѣсти польскихъ гусаръ, подъ начальствомъ Домарацкаго, на конахъ съ пиками, у которыхъ древка были раскрашены красною краскою, а близъ острія были привязаны бѣлые значки. Поѣздъ долженъ былъ ѣхать между рядами этихъ воиновъ. Поляки били въ литавры и играли на духовыхъ военныхъ инструментахъ. Вступивши въ Москву, поѣздъ слѣдовалъ чрезъ Земляной городъ, потомъ въѣхалъ Никитскими воротами въ Бѣлый, оттуда въ Китай-городъ, на Лобное мѣсто, и наконецъ въ Кремль. Прежде всѣхъ ѣхали тѣ дворяне и дѣти боярскіе, которые высылаемы были на границу и три мѣсяца проводили въ нуждѣ и лишеніяхъ, дожидаясь государыни. Потомъ шли пѣшіе польскіе гайдуки или стрѣлки, числомъ триста; за плечами у нихъ были ружья, а при бокѣ сабли. Они были одѣты въ голубые жупаны съ серебрянными нашивками и съ бѣлыми перьями на шапкахъ-магиркахъ: народъ былъ рослый на подборъ. Они играли на трубахъ и били въ барабаны. За ними ѣхало двѣсти польскихъ гусаръ сендомирскаго воеводы, по десяти человѣкъ въ рядъ, на статныхъ венгерскихъ коняхъ, съ крыльями за плечами, съ позолоченными щитами, на которыхъ виднѣлись изображенія драконовъ, и съ поднятыми вверхъ копьями; на однихъ изъ этихъ копій были бѣлые, на другихъ красные значки. За ними вели, по однимъ извѣстіямъ, трехъ, по другимъ, двѣнадцать лошадей, отличной породы, посланныхъ въ даръ невѣ-

стѣ [1]). За ними слѣдовали паны, сопровождавшіе воеводу: здѣсь были князь Вишневецкій, Тарлы, трое Стадницкихъ, (Мартинъ, Андрей и Матьяшъ), Любомирскій, Нѣмоевскій, Лаврины и другіе, каждый со своей ассистенціей; и каждый хотѣлъ выказаться предъ многочисленною толпою своимъ нарядомъ, нарядомъ слугъ и убранствомъ лошадей. Сзади всѣхъ ихъ ѣхалъ верхомъ Мнишекъ въ малиновомъ кафтанѣ, опушенномъ соболемъ, въ шапкѣ съ богатымъ перомъ; шпоры и стремена были золотыя съ бирюзою. За Мнишкомъ слѣдовалъ арапъ, одѣтый по-турецки. Потомъ, за отцомъ ѣхала дочь въ каретѣ, запряженной десятью лошадьми, всѣ бѣлой масти съ черными яблоками. На козлахъ не сидѣли, но каждую лошадь велъ за узду особый конюхъ, и всѣ десять конюховъ были одѣты одинаково. Карета снаружи была окрашена красною краскою съ серебряными накладками, колеса ея были позолочены, а внутри она была обита краснымъ бархатомъ. Въ ней, на подушкахъ, по краямъ унизанныхъ жемчугомъ, въ бѣломъ атласномъ платьѣ, вся осыпанная каменьями и жемчугами, сидѣла Марина вдвоемъ со старостиной сохачевскою, которая помѣщалась противъ нее. Подлѣ самой кареты шло шесть лакеевъ въ зеленыхъ кабатахъ и штанахъ и въ красныхъ въ-накидку плащахъ, а поодаль, по обѣимъ сторонамъ кареты, шли нѣмецкіе аллебардщики московскаго царя, и московскіе стрѣльцы. За каретой, въ которой сидѣла Марина, ѣхала другая карета, ея собственная, въ которой она прибыла изъ Польши; ее везли восемь лошадей бѣлой масти; карета была снаружи обита малиновымъ бархатомъ, а внутри краснымъ золотоглавомъ; въ ней устроены были четыре стула для сидѣнья съ подушками. Возницы были одѣты въ жупанахъ и ферезеяхъ краснаго атласа; вся сбруя на лошадяхъ была краснаго бархата; карета была пустая. За нею слѣдовала третья карета, запряженная восемью сѣрыми лошадьми; упряжь была бархатная съ серебрянною позолоченою накладкою, а возницы одѣты въ черныхъ бархатныхъ жупанахъ, на которые накинуты были красныя атласныя ферезеи. Тамъ сидѣли четыре знатныя дамы (княгиня Коширская, Тарлова, Гербуртова и Казановская). За этой каретой слѣдовали два брожка (родъ коляски, съ высокимъ верхомъ), въ которыхъ тоже сидѣли дамы: одинъ, изъ рѣзнаго дерева, позолоченый, обитъ былъ краснымъ бархатомъ: возницы въ зеленыхъ атласахъ; а другой обитъ былъ чернымъ бархатомъ: возницы были одѣты въ черныя бархатныя ферезеи; каждый везли шесть лошадей. За ними ѣхало нѣсколько каретъ, гдѣ си-

---

[1]) Масс. 89.

дѣли старушки и женская прислуга Марины. За всѣми этими каретами шла толпа московскаго народа всякого званія, высыпавшая изъ столицы глядѣть на церемонію. Когда поѣздъ въѣхалъ на Лобное мѣсто, вся площадь пестрѣла разнообразными восточными нарядами; тутъ были и персы, и грузины, и арапы, турки и татары, которыхъ всегда можно было найти въ торговой Москвѣ; ихъ разставили нарочно для того, чтобъ они увеличивали разнообразіе. Вдоль Кремля отъ Фроловскихъ до Никольскихъ воротъ играли музыканты и пѣсельники пѣли хоромъ польскую пѣсню: W każdym czasie, tak w szczęściu jako i nieszczęściu [1]). Музыка сопровождалась боемъ въ литавры и бубны [2]). Такъ въѣхала карета Марины въ Кремль и остановилась у Вознесенскаго монастыря. Здѣсь ей приготовлено было помѣщеніе до брака. Тамъ жила мать Димитрія, будущая ея свекровь. Слѣдовало по обычаямъ края, чтобъ невѣстка прежде пріѣхала къ ней и поселилась у новой своей матери [3]). Инокиня Мароа встрѣтила ее, какъ хозяйка, съ радушіемъ. Другія кареты разъѣхались по тѣмъ помѣщеніямъ, которыя были имъ отведены. Царь былъ во все продолженіе торжественнаго въѣзда въ толпѣ народа и вслѣдъ за невѣстою пріѣхалъ въ Вознесенскій монастырь, гдѣ имѣлъ съ ней первое свиданіе послѣ долгой разлуки [4]).

Пріѣздъ Марины и съ нею огромной польской свиты отозвался не совсѣмъ радостнымъ впечатлѣніемъ на многихъ изъ москвичей. Поляковъ развели по квартирамъ въ городѣ, брали для этого домà не только у гостей и торговыхъ людей, но и у дворянъ и даже у самыхъ бояръ; такъ Нагіе должны были принять къ себѣ гостей [5]). Неизвѣстно, сочтено ли было это повинностью домовладѣльцевъ — службою царю, или выплачены имъ деньги, но во всякомъ случаѣ многимъ было непріятно вторженіе въ домъ людей, различныхъ по образу жизни и нравамъ, въ особенности когда изъ этихъ гостей было много наглыхъ, готовыхъ на разнаго рода своевольства и безпутства. Непріятно показалось москвичамъ, когда они увидѣли, что поляки, пріѣхавшіе въ свитѣ Марины, стали вынимать изъ своихъ повозокъ ружья, пистолеты и сабли; у иного было по пяти, по шести ружей [6]). Москвичи обращались къ нѣмцамъ и спрашивали: развѣ

1) Niemcew. II, 376.
2) Grevenbr. 34.
3) Grevenbruch, 35.
4) Hist. Russ. Mon. II, 99. — Diar. Niemojewski. — Is. Mass. 89—90. — Bussov. 43.
5) Палицынъ, 26.
6) Bussov. 43. — Petric. 183.

въ вашихъ заморскихъ земляхъ на свадьбу ѣздятъ съ оружіемъ? Шляхтичи смотрѣли съ высокомѣріемъ на русскихъ: подобно всѣмъ западнымъ иноземцамъ, они считали ихъ варварами, племенемъ ниже другихъ и по вѣрѣ и по образованію; обычаи московскіе казались для нихъ отвратительными, а на себя они смотрѣли какъ на цивилизаторовъ. Другіе иноземцы, какъ, напримѣръ, нѣмцы, въ этомъ отношеніи были сдержаннѣе и не всегда высказывали, что̀ думали, но умѣли помолчать и притаиться. Поляки же, съ ихъ живымъ характеромъ, съ ихъ склонностію высказываться и ставить себя выше тѣхъ, съ кѣмъ имѣли дѣло, нарочно пользовались случаемъ заявлять о своемъ превосходствѣ. Въ особенности теперь это было неизбѣжно: они гордились тѣмъ, что царь на ихъ сторонѣ, что они нѣкоторымъ образомъ дали московской землѣ царя. Еще не доѣхавъ до Москвы, на дорогѣ они заводили ссоры съ жителями: въ Можайскѣ посольскіе люди вышли покупать пиво, хотѣли заставить шинкаря взять литовскія деньги, и за это завелась такая ссора, что между московскими людьми и поляками дошло до ножей. Съ самыми послами возникло недоразумѣніе за требованія корма, и Аѳанасій Власьевъ написалъ довольно колкое письмо къ посламъ, а тѣ отвѣчали ему такимъ же, котораго смыслъ, повидимому, выражалъ мысль: мы-де не боимся твоего государя..... Тотчасъ же по въѣздѣ въ Москву поляки такъ были невоздержны въ рѣчахъ, такъ заносчивы и высокомѣрны, что врагамъ царя легко было бросить въ народѣ мысль, будто въ этотъ разъ польскіе послы пріѣхали для того, что царь хочетъ отдать Литвѣ часть государства по Смоленскъ. Эти толки распространились и объ нихъ донесли царю. «Не только Смоленска — сказалъ царь въ собраніи думныхъ людей своихъ, — одной пяди земли русской я не отдамъ къ Литвѣ [1]).»

На другой день, 3 мая, царь самъ хотѣлъ осадить высокомѣріе своихъ союзниковъ. Онъ назначилъ торжественный пріемъ пословъ короля Сигизмунда и родныхъ Марины. Мѣсто для пріема было приготовлено неизвѣстно въ какой палатѣ изъ двухъ — въ грановитой или золотой; современные источники говорятъ, только, что это происходило въ обычной палатѣ [2]). Царь сидѣлъ на тронѣ, въ бѣлой одеждѣ съ бѣлыми разводами, усаженной жемчугами и камнями; на груди у него висѣли золотыя цѣпи; тронъ у него по прежнему былъ серебрянный съ позолотою. Патріархъ съ духовенствомъ, бояре и думные люди сидѣли въ

---

[1]) Никон. 73.
[2]) Hist. Russ. Monum. II, 166.

такомъ же порядкѣ, какъ во время пріема Мнишка; тѣ же рынды, тотъ же мечникъ съ обнаженнымъ мечемъ; одинъ изъ думныхъ держалъ то яблоко, то скипетръ, и попеременно подавалъ то и другое царю въ руки. Прежде ввели родственниковъ будущей царицы; на челѣ ихъ былъ Мартинъ Стадницкій, дворецкій царицы (гофмейстеръ, ochmistrz); онъ говорилъ царю отъ имени всѣхъ такую рѣчь:

«Ближніе по крови и весь дворъ ея величества обрученной невѣсты вашего царскаго величества, чрезъ меня, приноситъ низкій поклонъ вашему царскому величеству. Въ настоящія времена упадка царствъ христіанскихъ, Богъ на страхъ невѣрнымъ даровалъ христіанамъ утѣшеніе въ томъ, что, подвергнувши ваше величество искушеніямъ, которыми обычно укрѣпляетъ своихъ избранниковъ, восхотѣлъ соединить ваше царское величество родственнымъ союзомъ съ народомъ, мало различнымъ отъ вашего народа по языку, обычаямъ, и отъ вѣковъ равнымъ по силѣ, великодушію, храбрости и мужеству, и чрезъ посредство дома сенатора королевства Польскаго, о которомъ нѣтъ нужды распространяться, ибо ваше величество привелъ Богъ лично видѣть домъ и значеніе его милости пана воеводы сендомирскаго у его величества короля, испытать его умъ, совѣтливость, проницательность и способность приносить пользу другимъ и себѣ, его связи съ важнѣйшими особами, а болѣе всего — довѣріе и милость короля, которыми панъ воевода пользуется болѣе всѣхъ въ Польскомъ королевствѣ. Изъ такого знатнаго дома вашему величеству угодно было избрать себѣ подругу жизни. Да не удивляется никто этому браку московскаго государя съ польскою дѣвицею: Богъ изъ давнихъ временъ являлъ такую волю надъ вашимъ государствомъ. Прадѣдъ вашего величества имѣлъ супругою дочь Витольда, а мать вашего блаженной памяти родителя развѣ не была Глинская? Были-ль какія-нибудь несчастія отъ такихъ союзовъ предкамъ вашего величества? И мы, при милости божіей, уповаемъ на счастливый исходъ этого дѣла. Самъ Господь Богъ чудотворно обратилъ сердце вашего царскаго величества къ тому народу, съ которымъ роднились предки ваши. Теперь угаснутъ притворство и недовѣріе между поляками и русскими, прекратятся жестокія и варварскія кровопролитія между нами, и взаимныя силы обоихъ народовъ съ благословенія божія обратятся съ успѣхомъ противъ невѣрныхъ. Этого желаемъ не только мы, но всѣ христіанскіе народы того желаютъ. Пусть же Господь Богъ, ниспославшій силу вашему величеству, даруетъ вамъ спасительные совѣты и возвыситъ могущество вашего престола, дабы ваше величество, изшедши отъ страны полуночныя,

ниспровергли луну и пріобрѣли бы славу въ краяхъ полуденныхъ, а въ столицѣ предковъ вашихъ узрѣли бы въ изобиліи и чести свое потомство!»

Ему отвѣчалъ Аѳанасій Власьевъ приличною дружескою рѣчью отъ лица государя [1]). Потомъ пригласили на аудіенцію пословъ.

Они пріѣхали въ Кремль верхомъ и встали съ лошадей, по приглашенію приставовъ, у царскаго двора; чрезъ дворъ надобно было идти пѣшкомъ. Предъ входомъ стояли въ два ряда алебардщики подъ предводительствомъ француза Маржерета. Тамъ встрѣтилъ ихъ старый Мнишекъ; послы предувѣдомили его, что желаютъ повидаться съ нимъ, прежде чѣмъ будутъ допущены къ царю. Онъ сказалъ, что слышалъ, будто царь не хочетъ принимать королевской грамоты, потому что въ ней его титулуютъ великимъ княземъ, а не цесаремъ. Послы просили воеводу, чтобъ онъ ходатайствовалъ у царя и постарался, какъ родственникъ, наклонить его къ уступкамъ. Воевода сказалъ, что, судя по настроенію царя, онъ мало надѣется на успѣхъ, и отошелъ. Прежде, будучи еще въ Польшѣ, онъ самъ въ письмѣ къ Димитрію убѣждалъ его быть умѣреннѣе въ поддержкѣ своего достоинства; теперь онъ сталъ уже такъ близокъ къ царю, что интересы послѣдняго становились ему дороги. Послы вошли. Окольничій Григорій Микулинъ съ товарищемъ представлялъ пословъ царю. Этотъ окольничій провозгласилъ, что послы королевскіе Николай Олесницкій и Александръ Гонсѣвскій челомъ бьютъ великому государю Димитрію Ивановичу, цесарю великому князю всей Русіи и всѣхъ татарскихъ царствъ и иныхъ подчиненныхъ московскому царству государствъ государю, царю и обладателю. Олесницкій извѣстилъ, что король Сигизмундъ III посылаетъ ему поздравленіе, изъявляетъ братскую любовь и желаетъ всякого счастья *великому князю* московскому. Какъ только услышалъ Димитрій, что Олесницкій именуетъ его только великимъ княземъ и не называетъ цесаремъ, тотчасъ приподнялся съ мѣста, посмотрѣлъ вверхъ и далъ знакъ одному изъ бояръ, чтобъ тотъ снялъ съ его головы корону. Это значило, что онъ хочетъ самъ вступить въ преніе съ послами. Но онъ не помѣшалъ окончить Олесницкому рѣчи. Олесницкій, проговоривши что̀ нужно, подалъ Власьеву грамоту короля. Власьевъ подошелъ съ нею къ царю, показалъ надпись на оберткѣ; царь обмѣнялся съ нимъ потихоньку словами; потомъ Аѳанасій Власьевъ отошелъ съ не-

---

[1]) Hist. Russ. Mon. II, 167.

распечатанною грамотою отъ царя, подошелъ къ посламъ и, отдавая грамоту, сказалъ:

«Николай и Александръ, послы отъ его величества Сигизмунда короля польскаго и великаго князя литовскаго къ его величеству непобѣдимому самодержцу! Вы вручили намъ грамоту, на которой нѣтъ титула цесарскаго величества; эта грамота писана отъ его величества короля къ какому-то князю всей Руси. Его величество цесарь на своихъ государствахъ, а вы везите эту грамоту и отдайте его величеству королю своему.»

Олесницкій взялъ грамоту и отвѣчалъ:

«Я принимаю съ надлежащимъ почтеніемъ грамоту въ томъ видѣ, въ какомъ далъ ее въ руки Аѳанасія Ивановича, и возвращу ее королю, которымъ ваше величество пренебрегаете, когда не хотите принимать его грамоты. Это первый случай во всемъ христіанскомъ мірѣ, чтобъ монархъ не оказывалъ справедливаго уваженія къ королевскому титулу, признаваемому много столѣтій всѣми государствами свѣта, и не принималъ королевской грамоты. Ваше господарское величество не воздаете должнаго его величеству королю и Рѣчи Посполитой, сидя на томъ престолѣ, на которомъ вы посажены, при дивномъ содѣйствіи божіемъ, милостію польскаго короля и помощію польскаго народа. Ваше господарское величество слишкомъ скоро забыли эти благодѣянія и оскорбляете не только его королевское величество, всю Рѣчь Посполитую, насъ пословъ его величества, но и тѣхъ честныхъ поляковъ, которые стоятъ предъ лицомъ вашего величества, и все отечество наше. Мы не станемъ болѣе излагать цѣли нашего посольства и просимъ приказать проводить насъ къ нашему помѣщенію.»

Царь отвѣчалъ на эту колкую рѣчь такъ:

«Неприлично монархамъ, сидя на тронѣ, вступать въ разговоры съ послами; но насъ приводитъ къ тому уменьшеніе титуловъ со стороны польскаго короля. Недавно былъ у насъ посланникъ; онъ и теперь въ новомъ посольствѣ къ намъ; мы уже толковали съ нимъ объ уменьшеніи нашего титула. Повторяю прежнее: мы не князь, не господарь, не царь, мы императоръ на своихъ пространныхъ государствахъ. Мы приняли этотъ титулъ отъ самого Бога и пользуемся имъ не на словахъ, какъ нѣкоторые дѣлаютъ, а на самомъ дѣлѣ; ибо ни ассирійскіе, ни мидійскіе монархи, ни римскіе цесари не имѣли болѣе справедливаго права на свой титулъ, какъ мы. Не только мы не были княземъ или господаремъ, но, по милости божіей, имѣемъ подъ собою служащихъ намъ князей, господарей и даже царей. Нѣтъ намъ равнаго въ краяхъ полуночныхъ; здѣсь нами

повелѣваетъ одинъ Богъ; и мы сами такъ себя именуемъ, и всѣ монархи и императоры писали къ намъ съ такимъ титуломъ; только его величество король уменьшаетъ нашу честь; и мы свидѣтельствуемся Богомъ, что не отъ насъ, а отъ вины польскаго короля можетъ возникнуть вражда и кровопролитіе между нами!»

Олесницкій отвѣчалъ:

«Ваше величество замѣтили, что неприлично монархамъ, сидя на тронѣ, вступать въ разговоры съ подданными. Это правда. Но и посламъ неприлично входить въ разговоры, несообразные съ данною имъ инструкціею. Я хотя на краснорѣчіе не такъ способенъ, какъ ваше величество, но если этого требуется, то я буду защищать достоинство короля и Рѣчи Посполитой, какъ прилично поляку, человѣку изъ свободнаго народа. Если король не даетъ вашему господарскому величеству императорскаго титула, то потому что никто изъ предковъ его величества не давалъ его предкамъ вашего величества; это доказывается коронными и литовскими метриками; да и сами бояре ваши — люди старые, знаютъ, что другого титула не давалось кромѣ того, какимъ мы называемъ васъ отъ имени короля. Ваше величество не посылали для того нарочныхъ пословъ, а хотя и сообщали объ этомъ предметѣ чрезъ посланника нашего старосту велижскаго, потомъ же чрезъ посла вашего величества Аѳанасья Власьева, но ведется обычай, что если монархъ пожелаетъ чего нибудь новаго отъ другого монарха, то посылаетъ нарочныхъ пословъ, и тогда получаетъ требуемое, если справедливаго требуетъ. Ваше величество должны бы знать это. Потомъ староста велижскій пріѣзжалъ сюда за другимъ дѣломъ, и ваше господарское величество хотя заявили ему объ этомъ, но въ его волѣ было доложить и не доложить объ этомъ королю. Аѳанасій Власьевъ посыланъ былъ также совсѣмъ за другимъ дѣломъ. Сверхъ того, такой предметъ—дѣло сейма; а съ тѣхъ поръ, какъ вы на престолѣ, король еще не собиралъ сейма. Его королевское величество хотя и управляетъ обширными государствами, но безъ дозволенія коронныхъ чиновъ не можетъ своевольно уничтожить или постановить что нибудь новое. Напрасно ваше господарское величество такъ горячитесь за этотъ титулъ и вступаете въ несогласіе съ его величествомъ королемъ; я свидѣтельствуюсь предъ Богомъ, предъ вашимъ господарскимъ величествомъ и предъ думными боярами, что ваше господарское величество, а не его величество король, нашъ государь милосердый, подадите поводъ къ кровопролитію, если ему суждено

произойти за титулъ. Впрочемъ, мы теперь ничего болѣе не просимъ, кромѣ отпуска!»

Царь говорилъ:

«Я знаю, какъ назывались наши предки, и могъ бы доказать письменно, но теперь не мѣсто. Мы прикажемъ думнымъ боярамъ говорить съ вами объ этомъ, и тогда покажется, какимъ титуломъ писались предки наши. Но король уменьшеніемъ нашего титула оскорбляетъ не только насъ, но и самого Бога и все христіанство. Ну что́, если бы кто нибудь не назвалъ васъ паномъ Олесницкимъ или не хотѣлъ бы именовать васъ этимъ именемъ? Не подняли бы вы голоса? Вотъ такъ и я... Нѣтъ моего полнаго титула на письмѣ — не возьму его. Мы уже объявили польскому королю, что онъ имѣетъ въ насъ брата и такого друга, какого у Польши до сихъ поръ не было. Но теперь намъ приходится отъ польскаго короля остерегаться болѣе, чѣмъ отъ какого другого невѣрнаго монарха. Сеймъ у васъ окончился: я это знаю; васъ съ сейма отправили ко мнѣ, да и то еще вы не скоро выѣхали. И то я знаю, что кое-какіе изъ вашихъ совѣтуютъ его величеству королю не давать мнѣ титула. Впрочемъ, мы не считаемъ удобнымъ состязаться съ вами объ этомъ.»

Олесницкій сказалъ:

«И мы не хотимъ вдаваться въ дальнѣйшіе разговоры, ибо ваше господарское величество ссылаетесь на своихъ старыхъ бояръ, которымъ поручите съ нами говорить о титулѣ; отлагаемъ это до разговоровъ съ ними; но есть у насъ еще другія порученія отъ короля его величества.»

Послы, сказавши это, отходили, показывая видъ, что хотя имѣютъ еще что-то сказать, да къ сожалѣнію не могутъ, потому что московскій государь не хочетъ ихъ слушать. Но царь сказалъ Олесницкому:

«Панъ староста малогосскій! Я помню доброжелательство ваше ко мнѣ въ земляхъ его королевскаго величества вашего государя; вы оказывали ко мнѣ расположеніе; поэтому не какъ послу, а какъ нашему пріятелю, я желаю оказать честь въ моемъ государствѣ: подойдите къ рукѣ моей, не какъ посолъ.»

Онъ протянулъ руку. Олесницкій отвѣчалъ:

«Я очень благодаренъ за милость вашего господарскаго величества, но вы допускаете меня къ рукѣ, не какъ посла; я этого не могу сдѣлать, и прошу ваше господарское величество не гнѣваться. Ваше господарское величество знали меня въ Польшѣ расположеннымъ къ вамъ другомъ и слугою, а его королевское

величество пусть знаетъ меня за своего вѣрнаго подданнаго и доблестнаго слугу.»

— Подойдите, пане малогосскій! — повторилъ царь.

— Я не могу этого сдѣлать!—отвѣчалъ Олесницкій, и поворотился назадъ.

Тогда царь закричалъ: «Подойдите, какъ посолъ!»

— Подойду, — отвѣчалъ Олесницкій, — если ваше господарское величество возьмете грамоту его величества короля.

Царь произнесъ: «Возьму.»

Тогда оба посла подошли къ рукѣ. Дьякъ Власьевъ взялъ грамоту и читалъ передъ царемъ, а потомъ далъ такой отвѣтъ посламъ:

«Хотя подобной грамоты безъ полнаго титула и не слѣдовало принимать, но теперь наступаетъ время радости для цесарскаго величества; по этой причинѣ его цесарское величество устраняетъ непріятное дѣло на счетъ того, что его титулъ неправильно написанъ, и принимаетъ какъ королевскую грамоту, такъ равно и васъ пословъ. Но возвратившись къ королю вашему государю, извольте сообщить, чтобъ онъ не писалъ такихъ грамотъ безъ цесарскаго титула. Его цесарское величество именно приказалъ отвѣчать вамъ, что впередъ ни отъ короля государя вашего, ни отъ кого другого онъ не приметъ грамоты безъ цесарскаго титула. Теперь же извольте сообщить порученіе, какое далъ вамъ Сигизмундъ король вашъ.»

Олесницкій припомнилъ, что царь посылалъ Власьева къ королю относительно Марины, и сказалъ:

«Такъ какъ при обрученіи, которое совершено было посланникомъ вашего господарскаго величества Аѳанасіемъ Ивановичемъ съ вельможною панною Мариною Мнишковною, воеводянкою сендомирскою, присутствовалъ лично король съ сыномъ своимъ королевичемъ Владиславомъ и сестрою королевною шведскою, такъ и теперь въ ознаменованіе своего братскаго доброжелательства и расположенія изволилъ послать насъ, пословъ своихъ, на бракосочетаніе вашего господарскаго величества и приказалъ намъ быть на немъ вмѣсто своей особы.»

Олесницкій началъ, а Гонсѣвскій кончилъ рѣчь: изложилъ, что царь присылалъ Аѳанасія Власьева изъяснить королю желаніе взаимнаго содѣйствія къ освобожденію изъ рукъ невѣрныхъ христіанскихъ народовъ, а потомъ присылалъ гонца съ извѣстіемъ, что пошлетъ объ этомъ нарочныхъ пословъ въ Польшу. «Есть вещи, сказалъ Гонсѣвскій, о которыхъ слѣдуетъ условиться и сойтись предварительно. Его величество король поручилъ намъ переговорить объ этомъ съ боярами вашего го-

сподарскаго величества, которыхъ ваше господарское величество изволите назначить, чтобы потомъ ваше господарское величество посламъ своимъ, которыхъ изволите послать, могли дать достаточную инструкцію, дабы не тратить времени и дабы послы могли не только словами, но и дѣломъ довести это предпріятіе до конца, къ великой чести Всевышняго Бога, къ утвержденію крѣпкой дружбы между его королевскимъ величествомъ и вашимъ господарскимъ величествомъ, къ неувядаемой славѣ обоихъ народовъ, надъ которыми Господь Богъ поставилъ васъ, помазанниковъ своихъ, къ утѣшенію всего христіанства и къ упадку и вѣрной погибели невѣрныхъ бусурманскихъ ордъ.»

Послѣ изложенія предмета своего посольства, послы сѣли на указанное имъ мѣсто. Аѳанасій Власьевъ далъ отвѣтъ сначала на рѣчь Олесницкаго, что «за королевское позволеніе отпустить вельможную панну Марину къ непобѣдимому самодержцу, его цесарское величество благодаритъ и будетъ пословъ жаловать своею царской милостью.» Потомъ онъ отвѣчалъ на рѣчь Гонсѣвскаго, что царь «прикажетъ боярамъ переговорить съ послами о государскихъ дѣлахъ.»

Слѣдовало, по дипломатическому обычаю, царю спросить о здоровьѣ короля. Послы сказали Аѳанасію Власьеву:

«Обычай таковъ, что московскіе государи спрашивали о здоровьѣ короля, вставши съ своего мѣста.»

Царь услышалъ это, и, не вставая съ мѣста, спросилъ:

«Въ добромъ ли здоровьѣ его величество король государь вашъ?»

Тѣ отвѣчали:

«Отъѣзжая изъ Кракова, мы оставили его величество короля нашего въ добромъ здоровьѣ и въ благополучномъ царствованіи. Но ваше господарское величество извольте спрашивать о здоровьѣ его величества короля, вставши съ мѣста.»

— Панъ малогосскій! сказалъ Димитрій, у насъ такой былъ обычай, что мы когда услышимъ и узнаемъ о здоровьѣ его королевскаго величества, тогда только съ мѣста встаемъ для принесенія благодарности Богу.

Онъ приподнялся и сказалъ: «Радуемся доброму здоровью его королевскаго величества, нашего друга.»

Потомъ послы являли подарки по реестру, которые представлялись собственно отъ пословъ: это были золотыя цѣпи, нѣсколько рострухановъ и ковровъ и нѣсколько лошадей. Послѣ объявленія подарковъ подходили къ рукѣ по очереди посольскіе дворяне и привѣтствовали царя. Въ заключеніе, Аѳанасій Власьевъ сказалъ посламъ: «Его цесарское величество жалуетъ васъ

своимъ обѣдомъ.» Пословъ провели прежнимъ порядкомъ. Они уѣхали на свой посольскій дворъ, а чрезъ нѣсколько часовъ явился къ нимъ царскій чашникъ Василій Бутурлинъ, за нимъ шла толпа слугъ; она несла множество кушаньевъ и напитковъ въ серебрянныхъ позолоченыхъ сосудахъ [1]).

Требованіе титула не было однимъ тщеславіемъ сидѣвшаго на московскомъ престолѣ; оно дѣлалось по политическимъ соображеніямъ. Въ тотъ вѣкъ отъ титула зависѣло и значеніе государя и его державы. Сигизмундъ и вообще польское королевство хотѣли воспользоваться исключительными обстоятельствами вступленія на престолъ тогдашняго царя. Надобно было противостоять этимъ стремленіямъ. Оставить домогательство титула, значило бы дать поводъ полякамъ дѣлать московской державѣ новыя униженія. Но неловко было царю видѣть предъ собою оскорбленное лицо гостя, который нѣкогда былъ къ нему привѣтливъ въ то время, когда царь былъ изгнанникомъ. Размолвка съ польскимъ посольствомъ поставила бы въ затруднительное положеніе и Мнишка и всю его родню, омрачила бы свѣтлость свадебнаго праздника. Димитрію въ такихъ обстоятельствахъ, въ какихъ онъ былъ, нельзя было не уступить. Онъ уступилъ, не безъ достоинства: собственная его свадьба была довольно законнымъ предлогомъ, чтобы отсрочить толки о титулѣ. Нѣкоторые русскіе посмотрѣли на эту уступку неблагосклонно: являлось опасеніе, чтобъ Димитрій на дальнѣйшее время не сталъ дѣлать еще болѣе уступокъ. По своему горячему характеру, Димитрій заговорилъ съ послами такимъ языкомъ, послѣ котораго снисхожденіе казалось уже очень рѣзкимъ. Сама по себѣ эта временная уступка съ надлежащею оговоркою можетъ быть и не была бы сочтена предосудительною, если бы при этомъ не обвиняли царя въ поблажкѣ полякамъ за то, что онъ дозволилъ такой толпѣ чужеземцевъ разгоститься въ московской столицѣ.

Марина, живучи въ Вознесенскомъ монастырѣ, чувствовала себя неловко на своемъ новосельѣ. У ней не было католическаго священника; ей сказали, что не только каждый день, да и въ праздники нельзя ей слушать своей обѣдни. Ей нельзя было ѣздить даже къ отцу. Ее помѣстили въ монастырѣ на нѣсколько дней, какъ будто на затворничество, для того; чтобъ народъ думалъ, что молодая царица, пріѣхавши въ Москву, прежде всего знакомится съ православною вѣрою. Ходили толки, что она крестится въ православную вѣру. Не такъ сама Ма-

---

[1]) Hist. Russ. Mon. 99 — 104.

рина, какъ ея женская свита тяготилась этимъ положеніемъ: шляхтянки, пріѣхавшія съ нею, плакали, говорили, что онѣ въ неволѣ, что съ ними, Богъ знаетъ, что станется въ дикой странѣ, и бѣгали изъ монастыря въ помѣщеніе паньи старостины сохачевской слушать католическое богослуженіе, какъ единственную отраду въ своемъ злополучіи. Когда принесли Маринѣ кушать, она послала къ Димитрію сказать, что не можетъ ѣсть московскихъ яствъ. Царь тотчасъ послалъ ей польскаго повара и приказалъ отдать ему ключи отъ кладовыхъ и погребовъ. Для развлеченія царицы, царь приказалъ въ Вознесенскій монастырь входить польскимъ музыкантамъ и пѣсельникамъ; это необычное въ строѣ московской жизни нарушеніе тишины монастыря оскорбляло благочестивыхъ москвичей.

Въ воскресенье, четвертаго мая, Димитрій давалъ великолѣпный обѣдъ родственникамъ Марины въ новомъ домѣ своемъ; тамъ, по обыкновенію, послѣ обѣда были танцы и музыка.

Въ понедѣльникъ, мая пятаго, Димитрій пріѣхалъ къ Маринѣ и поднесъ ей въ подарокъ шкатулку съ разными вещами; говорятъ, что тамъ было тысячъ на пятьсотъ злотыхъ. Марина не знала, что съ этимъ дѣлать, и раздаривала своимъ соотечественницамъ. Въ тоже время, онъ послалъ воеводѣ еще сто тысячъ злотыхъ и великолѣпныя сани, обитыя пестрымъ бархатомъ съ краснымъ покрываломъ; былъ при нихъ коверъ, подбитый соболями; кôзлы окованы были серебромъ; оглобли увиты бархатомъ; въ сани была запряжена бѣлая лошадь, а у хомута ея висѣло сорокъ соболей. Въ этихъ саняхъ воевода долженъ былъ ѣхать во дворецъ въ день вѣнчанія. Димитрій объявилъ своей невѣстѣ, что, прежде совершенія желаннаго брака, онъ намѣренъ короновать ее на царство, такъ чтобъ она сдѣлалась царицей московскою еще будучи дѣвицей, и слѣдовательно, независимо отъ правъ по браку. Неизвѣстно, что навело его эту мысль—честолюбіе ли Марины и отца ея подѣйствовало на царя, или влюбленный до страсти юноша хотѣлъ всѣми способами проявлять свою любовь къ Маринѣ, и его сердце выдумало это.

Въ ночь со вторника на среду, Марину перевезли въ приготовленныя для нея царицыны палаты, убранныя золотными коврами и соединенныя переходами съ деревяннымъ дворцомъ царя [1]). Выбрали для этого нарочно время ночное, чтобъ менѣе было давки. Царица проѣхала сквозь два ряда царской иноземной стражи и стрѣльцовъ; передъ ея каретою и за каретою несли зажженные факелы.

[1]) Grevenbr. 35.

IX.

Бракосочетаніе Димитрія.

Наступилъ четвергъ, 8 мая, день, когда назначено было коронованіе Марины, а потомъ брачное вѣнчаніе. Было объявлено, что всякія работы въ городѣ прекращаются на этотъ день. Съ утра стали съѣзжаться въ Кремль всякіе начальные люди въ щегольскихъ золотныхъ нарядахъ; у кремлевскихъ входовъ заняли караулъ съ ружьями въ рукахъ стрѣльцы, одѣтые въ малиновые кафтаны. Народъ отовсюду толпами валилъ къ Кремлю. Это былъ день, когда, по обычаямъ церковнымъ, не вѣнчали: слѣдующій день былъ пятница да еще праздникъ перенесенія мощей святого Николая — святого особенно уважаемаго на Руси. Можетъ быть, патріархъ, будучи грекомъ, дозволилъ это отступленіе, потому что на востокѣ не наблюдается такъ строго, какъ на Руси, выборъ дней для брака; притомъ вѣнчаніе должно было произойти до вечерни, слѣдовательно до пятничнаго и праздничнаго богослуженія. Могло быть и то, что окружавшіе царя тайные враги, и духовные и свѣтскіе, нарочно потакали его нетерпѣливости и подстрекали его пренебречь обычаемъ, чтобъ потомъ раздражать народъ противъ него. Не смотря на это нарушеніе дня, бракосочетаніе торжественно произошло съ точнымъ сохраненіемъ всѣхъ завѣтныхъ обычаевъ старинной русской свадьбы. Были назначены всѣ чины свадебные: дружки, тысячскій, свахи. Двѣ боярыни, Мстиславская и Екатерина, жена Димитрія Шуйскаго, повели Марину; она была наряжена въ русское платье, бархатное вишневаго цвѣта съ рукавами, до того усаженное жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, что трудно было различить цвѣтъ матеріи; на ногахъ у ней были сафьянные сапоги съ высокими каблуками, унизанные жемчугомъ; голова была убрана золотою съ каменьями повязкою, переплетенною съ волосами по польскому образцу. Говорили, что эта повязка стоила семьдесятъ тысячъ рублей — большая сумма для того времени [1]); сверху царица была закрыта фатою. Ее ввели въ столовую избу и посадили на возвышенное мѣсто; предъ нею былъ столъ съ караваемъ и сыромъ. Протопопъ со крестомъ благословилъ ее при входѣ. Когда посадили невѣсту, дали знать жениху, и Димитрій пришелъ окруженный боярами и своими свадебными чинами. Его съ обычными на свадьбѣ церемоніями

---

[1]) Mass. 92.

посадили возлѣ невѣсты. Онъ былъ во всемъ царскомъ нарядѣ, въ царскомъ вѣнцѣ; на немъ была мантія густо унизанная жемчугомъ и камнями по малиновому бархату. За нимъ несли скипетръ и яблоко. Прежде совершился обрядъ обрученія: новобрачные обмѣнялись кольцами. Такимъ образомъ, самъ Димитрій не призналъ достаточнымъ обрученія, совершеннаго Власьевымъ за него по обряду римскокатолической церкви. Въ этой палатѣ не дозволено было находиться никому изъ поляковъ, кромѣ воеводы сендомирскаго; прочіе родственники и польскіе гости ждали въ золотой палатѣ, сидя на скамьяхъ, покрытыхъ богатыми полавочниками. По окончаніи обрученія, царя и царицу повели въ грановитую палату по пути, устланному сукномъ и бархатомъ. Самъ Мнишекъ былъ нѣсколько въ тревожномъ состояніи; дурная примѣта должна была его безпокоить: когда онъ въѣзжалъ во дворецъ въ великолѣпныхъ саняхъ, присланныхъ ему царемъ наканунѣ, вдругъ бѣлый конь, который везъ сани, упалъ. «Будетъ несчастье!» — поговаривали тогда.

Царь сѣлъ на престолъ; скипетръ и державу держали близъ него; одинъ изъ приближенныхъ, молодой князь Курлятевъ, стоялъ съ обнаженнымъ мечемъ, и четыре рынды въ своихъ бѣлыхъ парчевыхъ платьяхъ поднимали вверху бердыши. Подлѣ царя было пустое мѣсто. Царица остановилась. Къ ней подошелъ бояринъ и сказалъ:

«Найяснѣйшая и великая государыня цесарева и великая княгиня Марина Юрьевна всеа Руси! Божьимъ праведнымъ судомъ, за изволеніемъ найяснѣйшаго и непобѣдимаго самодержца великаго государя Димитрія Ивановича, божіею милостію цесаря и великаго князя всеа Руси и многихъ государствъ государя и обладателя, его цесарское величество изволилъ васъ, найяснѣйшую великую государыню взяти себѣ въ цесареву, а намъ въ великую государыню; божіею милостію, ваше цесарское обрученіе совершилось нынѣ, и вамъ бы, найяснѣйшей и великой государынѣ нашей, по божіей милости и изволенію великаго государя нашего его цесарскаго величества, вступити на свой цесарскій маестатъ и быти съ нимъ, великимъ государемъ, на своихъ преславныхъ государствахъ.»

Бояринъ, произносившій эту рѣчь, былъ Василій Шуйскій; онъ исправлялъ въ свадебномъ чинѣ важнѣйшее званіе тысячскаго, когда втайнѣ уже вырылъ глубокую яму подъ царственной четой. Съ довѣріемъ къ тому, кто ее рылъ, эта чета, въ упоеніи величія, не подозрѣвала, чѣмъ кончится ея короткая блестящая жизнь показа и тщеславія. Протопопъ благословилъ Марину крестомъ. Марина сѣла на тронное мѣсто; ее подводили подъ

руки — подъ правую отецъ, а подъ лѣвую княгиня Мстиславская. Тогда велѣлъ царь позвать литовскихъ пословъ и родственниковъ панны Марины, ожидавшихъ въ золотой палатѣ. Всѣ усѣлись на своихъ мѣстахъ такимъ же порядкомъ, какъ бывало при аудіенціяхъ; но свадебные чины должны были стоять.

Между тѣмъ, въ Успенскомъ соборѣ, окольничій Колычевъ и думный дворянинъ Микулинъ устраивали чертожное мѣсто посрединѣ собора; на немъ должны были сидѣть новобрачные. Когда доложили царю, что все готово, онъ приказалъ принести знаки царскаго достоинства. Конюшій Михайло Нагой, братъ царицы Мареы, принесъ ихъ; это были: крестъ, корона и діадема. Царь цѣловалъ каждый знакъ по очереди, потомъ давалъ ихъ цѣловать царицѣ, и въ заключеніе отдали ихъ протопопу, а тотъ положилъ ихъ на блюдѣ, покрылъ пеленою, поднялъ надъ головой и понесъ въ церковь. Звонили въ колокола.

Проводивши священника въ соборъ, конюшій воротился и сказалъ, что все готово. Тогда пришли въ церковь стольники, стряпчіе, ближніе родственники воеводы и послы. Потомъ царь съ царицею пошли вмѣстѣ рука объ руку; царя подъ правую руку велъ сендомирскій воевода; царицу подъ лѣвую — княгиня Мстиславская. Протопопъ кропилъ передъ ними путь св. водою для предохраненія отъ порчи. По обѣимъ сторонамъ царственной четы шло по двое рындъ въ бѣлыхъ кафтанахъ, въ высокихъ шапкахъ, съ серебрянными топорами на плечахъ [1]). За царственными особами шли поѣзжане — свадебные чины, а за ними двое бояръ [2]) несли государственные знаки: скипетръ и державное яблоко. За ними слѣдовали бояре, окольничьи и вообще думные люди, всѣ одѣтые въ золототканные кафтаны, въ высокихъ шапкахъ; за ними нѣкоторые поляки. Впускали въ церковь только знатнѣйшихъ, а изъ поляковъ, только пословъ и родственниковъ Марины [3]). Церковь заперли. Отъ грановитой палаты до Успенскаго собора разставленные стрѣльцы и иноземные тѣлохранители берегли путь. По тогдашнему вѣрованію, боялись дурного вліянія отъ того, если кто во время вѣнчанія перейдетъ путь, по которому шли новобрачные.

Новобрачныхъ встрѣтили многолѣтіемъ. Царь приложился къ иконамъ и святымъ мощамъ; за нимъ пошла прикладываться царица, поддерживаемая воеводою и княгинею Мстиславскою;

---

[1]) Żelanski.

[2]) Василій Васильевичъ Голицынъ и Петръ Ѳедоровичъ Басмановъ.

[3]) Такой порядокъ шествія означенъ въ свадебномъ чинѣ. Иностранцы говорятъ, что царь пришелъ въ церковь впередъ, а царица за нимъ особенно.

передъ нею шли дружки, за нею свахи; чтобъ достать до иконъ, подкладывали ей подъ ноги колодочки. Польки, не знавшія обычаевъ, соблюдаемыхъ у православныхъ, цѣловали иконы и мощи въ уста, вмѣсто того, чтобъ цѣловать въ руки. Объ этомъ пошли толки; русскіе находили тутъ оскорбленіе святыни.

По окончаніи цѣлованія образовъ и мощей, царь и царица подошли къ патріарху, который сидѣлъ на своемъ мѣстѣ; онъ благословилъ ихъ и самъ возвелъ на чертожное мѣсто, поставленное посрединѣ собора. На это мѣсто вело двѣнадцать ступеней; на вершинѣ его стоялъ царскій тронъ весь золотой, персидской работы, осыпанный каменьями [1]); передъ нимъ золотною тканью обитая колодочка. По правую сторону отъ него, стояло мѣсто для патріарха, обитое чернымъ бархатомъ, а по лѣвую небольшой золотой стулъ для царицы; обитая краснымъ бархатомъ колодочка была у ней подъ ногами. Отъ всѣхъ трехъ сѣдалищъ чертожнаго мѣста протянуты были узкіе бархатные ковры, отъ государя и царицы — малиноваго цвѣта, а отъ патріарха — чернаго; по обѣимъ сторонамъ отъ этихъ трехъ ковровъ стояли скамьи, покрытыя полавочниками; на нихъ усѣлись архіереи и архимандриты. По правой сторонѣ отъ чертожнаго мѣста стали бояре и думные люди, по лѣвую боярыни. Царь говорилъ патріарху рѣчь, излагалъ, что онъ пріемлетъ супругу и желаетъ, чтобъ она была коронована царскимъ чиномъ. Патріархъ отвѣчалъ одобрительною рѣчью. Послѣ этихъ рѣчей, духовные архіерейскаго сана носили и подавали патріарху одинъ за другимъ знаки царскаго достоинства: сначала крестъ, потомъ бармы и діадему, а наконецъ корону. Патріархъ давалъ цѣловать крестъ, возложилъ на царицу руку, говорилъ молитвы, возлагалъ бармы и діадему, и, наконецъ, корону. Торжество коронаціи окончилось многолѣтіемъ, а потомъ духовныя власти, за ними бояре и боярыни, дворяне и всѣ, находившіеся въ храмѣ, поздравляли царицу. Патріархъ, во время многолѣтія и поздравленій, сидѣлъ рядомъ съ царемъ на чертожномъ мѣстѣ. Во время сидѣнія царя съ царицею на чертожномъ мѣстѣ, Димитрій приказалъ Шуйскому поправить себѣ ноги и положить одну ногу на другую, а потомъ тоже сдѣлать Маринѣ. Увидѣвъ это, послы польскіе говорили: «такого поруганія не дѣлаютъ у насъ государи и послѣднему дворянину! Благодареніе всемогущему Богу, что мы родились въ свободной землѣ, которую Богъ наградилъ правами [2])!»

---

[1]) По извѣстію современника (Żelanski) въ немъ было по 600 штукъ алмазовъ, рубиновъ, сапфировъ и бирюзы.

[2]) Паэрле, 53.

Послѣ обряда коронованія, царь и царица сошли съ чертожнаго мѣста; царь сталъ на своемъ обычномъ царскомъ мѣстѣ близъ столба, а царица въ придѣлѣ Димитрія Солунскаго со свахами и боярынями. Послѣ херувимской, царь и царица подходили къ царскимъ дверямъ. Патріархъ возложилъ на Марину Мономахову цѣпь, а потомъ въ свое время Марина была причащена святыхъ таинъ вмѣстѣ съ государемъ и помазана на царство.

Тотчасъ по окончаніи обѣдни совершилось брачное вѣнчаніе. Находившіеся въ соборѣ удалились, остались только самые знатнѣйшіе, и въ томъ числѣ паны. По окончаніи обряда, царь съ царицей выходили, и, при дверяхъ, князь Мстиславскій изъ мисы, которую держалъ казначей Головинъ, осыпалъ новобрачныхъ золотыми монетами; брали ихъ изъ мѣшка, который держалъ казенный дьякъ Меншой Булгаковъ. Это были большія португальскія монеты и малыя съ двуглавымъ орломъ, нарочно сдѣланныя для этого случая. Двое дьяковъ, любимцы царя, Аѳанасій Власьевъ и Богданъ Сутуповъ, бросали ихъ въ народъ; москвичи чуть не дрались за нихъ между собою. Поляки, бывшіе тутъ, хотѣли также пріобрѣсть что нибудь, но имъ, по сознанія нѣкоторыхъ изъ свиты посольской, доставалось вмѣсто монетъ нѣсколько палочныхъ ударовъ. Только простымъ казалось позволительнымъ ловить эти деньги. Увидя стоявшихъ знатныхъ пановъ, Димитрій приказалъ бросить въ нихъ горсть червонцевъ; но паны не только не стали ихъ ловить на лету, а когда къ одному изъ нихъ случайно два червонца упали на шапку, полякъ хладнокровно сбросилъ ихъ какъ соръ [1]).

Вышедши изъ церкви, самъ царь сказалъ посламъ: «сегодня мы не можемъ пригласить васъ на пиръ; мы очень устали отъ продолжительной церемоніи, но завтра пожалуйте къ намъ къ столу.» Въ самомъ дѣлѣ, въ церкви обрядъ продолжался нѣсколько часовъ, и когда вышли, уже былъ вечеръ. Сами послы и паны родственники, не привыкшіе къ долгому стоянію на ногахъ, потеряли было терпѣніе и требовали стульевъ; но Аѳанасій Власьевъ сказалъ имъ отъ имени царя, что въ церкви нельзя сидѣть; самъ царь сидѣлъ только по поводу коронованія. Не смотря на то, паны не вытерпѣли и садились, а другіе прислонялись спиною къ образамъ. Объ этомъ тотчасъ начались толки; русскіе тутъ увидали оскорбленіе церкви. Паны отправились домой, а вслѣдъ за ними пріѣхалъ стольникъ и

---

[1]) Hist. Russ. Mon. II, 172.

привезъ имъ множество разнородныхъ кушаньевъ и напитковъ въ золотыхъ и серебряныхъ сосудахъ.

Новобрачныхъ повели въ столовую избу, посадили на прежнемъ мѣстѣ вдвоемъ и стали подавать кушанья. Когда подали третье кушанье, къ новобрачнымъ поднесли жареную курицу; дружко, обернувши ее скатертью, провозгласилъ, что время вести молодыхъ. Сендомирскій воевода и тысячскій Василій Шуйскій проводили ихъ до постельной комнаты. Это было уже вечеромъ. Брачный праздникъ не остался безъ зловѣщаго предзнаменованія: у царя изъ перстня на пальцѣ выпалъ дорогой камень, и не могли отыскать его [1]).

X.

Пять дней послѣ свадьбы. — Пиры. — Споры съ послами. — Толки въ народѣ. — Презрѣніе царя къ доносамъ. — Привидѣніе.

Настала пятница; былъ день святителя Николая. Съ утра заиграли трубы, заколотили въ бубны и накры; зазвонили колокола по всей Москвѣ. Пушкари палили изъ наряда ради царской радости. Государь отправился въ мыльню, по русскому обычаю, но безъ жены.

Послы ожидали, что ихъ позовутъ къ обѣду и заранѣе сказали приставамъ, что они желаютъ, чтобъ ихъ посадили за однимъ столомъ съ царемъ, за тѣмъ что они представляютъ лицо короля Сигизмунда: какъ бы самъ Сигизмундъ былъ на свадьбѣ у московскаго царя. Немного времени спустя явился къ нимъ дьякъ Грамотинъ и отъ царскаго имени приглашалъ пословъ на-хлѣбъ на-соль.

— Мы не сомнѣваемся, сказалъ Олесницкій, что будемъ пожалованы прилично нашему званію, какъ послы короля, брата государя вашего, мѣстомъ за собственнымъ его столомъ.

Грамотинъ отвѣчалъ:

— Никому невозможно сидѣть за однимъ столомъ съ нашимъ цесаремъ, кромѣ его самого и царицы нашей.

— И у насъ — сказалъ Олесницкій — не сидѣли никогда послы за однимъ столомъ съ королемъ, но, по случаю обрученія, король, изъ братской дружбы, почтилъ вашего посла мѣстомъ у стола своего, вопреки прежнимъ обычаямъ, будучи увѣренъ, что и великій государь вашъ также поступитъ; и намъ строго при-

---

[1]) Żelanski.

казано, чтобъ мы этого домогались и иначе не поступали. Донеси объ этомъ думнымъ боярамъ и намъ сюда отвѣтъ принеси черезъ часъ. Если бы намъ не было указано такое мѣсто, какимъ король почтилъ посланника вашего государя, то намъ пришлось бы назадъ уѣзжать. Лучше заранѣе узнать.

Грамотинъ сказалъ: «Сообщу государю и принесу отвѣтъ.»

Черезъ часъ онъ воротился, проговорилъ цѣлый титулъ царскій, приглашалъ отъ имени царя къ столу, и сказалъ:

— Думные бояре назначили тебѣ, пане малогоскій, мѣсто близъ самаго царскаго стола, но за другимъ столомъ, противъ того, какъ и вашъ король почтилъ посланника его цесарскаго величества Аѳанасія; а тебѣ, староста велижскій, будетъ мѣсто у другого стола, по прежнимъ обычаямъ, но будетъ вамъ чести больше чѣмъ прежнимъ посламъ.

Послы отвѣчали, что староста велижскій, какъ второй посолъ, соглашается сидѣть на обычномъ мѣстѣ, гдѣ сидѣли прежніе послы; а Олесницкій, старшій посолъ, требуетъ непремѣнно, чтобъ его посадили за однимъ столомъ съ царемъ, а не за отдѣльнымъ.

На томъ и разошлись. Грамотинъ ушелъ, не сломивши упорства пословъ. Чрезъ полчаса пріѣхалъ къ нимъ Аѳанасій Власьевъ и сказалъ: «Его цесарское величество, по братской дружбѣ къ брату своему, жалуя васъ, пословъ его, посылалъ къ вамъ думнаго дьяка Ивана Грамотина звать на свою царскую радость къ столу своему и указывалъ вамъ мѣста по достоинству вашему, какъ посламъ брата своего; но вы тѣхъ мѣстъ не принимаете, и одинъ изъ васъ хочетъ сидѣть непремѣнно за однимъ столомъ съ цесаремъ, за тѣмъ что я сидѣлъ за однимъ столомъ съ королемъ; но это дѣло сталось потому, что у васъ и цесарскій посланникъ и папскій сидятъ за однимъ столомъ съ королемъ, такъ и меня не приходилось въ иномъ мѣстѣ посадить; а нашъ цесарь не только не меньше папы и цесаря римскаго, а еще поболѣе. У нашего преславнаго цесаря каждый попъ, какъ у васъ папа!»

Эта рѣзкая выходка должна была, повидимому, вывести изъ терпѣнія пановъ; но они удержали гнѣвъ свой, и только объяснили, что король Сигизмундъ посадилъ Аѳанасія съ собою, не по прежнимъ обычаямъ, какъ всегда обращались съ московскими послами, а по особой братской любви къ настоящему московскому государю. «Допустивши Аѳанасія до чести равной съ посланниками цесарскимъ и папскимъ, король, говорили послы, увѣренъ былъ, что за эту честь, если бы не только двоихъ, но десять пословъ прислалъ онъ изъ Польши въ Москву, то

московскій государь всѣхъ бы десять посадилъ съ собою за столъ!»

Власьевъ не сталъ входить въ дальнѣйшія пренія, но сухо и рѣшительно спросилъ: «желаютъ ли послы ѣхать къ цесарю.»

— Не поѣдемъ! также рѣшительно отвѣчали послы; мы не довольны тѣми мѣстами, которыя ты намъ объявилъ отъ имени государя своего.

И они не поѣхали. Пиръ начался въ грановитой палатѣ безъ нихъ. Приглашены были всѣ родственники Марины. Въ золотой палатѣ угощали другихъ поляковъ изъ свиты Марины и офицеровъ отряда, находившагося въ Москвѣ на службѣ. Было тамъ человѣкъ полтораста. Мнишекъ какъ увидѣлъ, что пословъ нѣтъ, и освѣдомился, чтò за причина, скрѣпя сердце, сказалъ царю: «если посламъ его королевскаго величества не оказать чести, какъ они требуютъ именемъ короля, то и я не могу быть за столомъ!» Царь не поколебался и остался на своемъ. Мнишекъ вышелъ изъ залы.

Пиръ продолжался до вечера.

Для царственныхъ особъ устроено было возвышеніе; на немъ, при двухъ концахъ узкаго въ два съ половиною аршина длиною столика поставлены два сѣдалища: одно, побольше — для царя, другое, поменьше — для царицы, такъ что супруги должны были сидѣть аршина на полтора одинъ отъ другого. Передъ этимъ столикомъ висѣли часы въ бронзовой оправѣ и стояли три подсвѣчника съ свѣчами; а на лѣвой сторонѣ отъ столика находился фонтанъ, который, однако, не такъ искусно былъ устроенъ, чтобъ выбрасывать воду на долгое время. На обѣ стороны отъ царскаго сѣдалища поставлены были столы; на правой — должны были сидѣть русскія госпожи, за ними далѣе бояре; на лѣвой — воевода, родственники царицы, а далѣе нѣкоторые русскіе сановники и польскіе гости. Позади этихъ столовъ было еще два ряда столовъ одинъ за другимъ, покрытыхъ полотняными скатертями; послѣдній рядъ примыкалъ къ стѣнѣ. Передъ столами стояли лавки, покрытыя суконными полавочниками. Гостей разсаживали по списку, сообразно достоинству каждаго; были приглашены къ обѣду дворяне, дьяки, гости и иноземные купцы. Царь вошелъ, одѣтый въ русское платье; съ нимъ вошла царица въ польскомъ. На головѣ у царя была огромная мѣховая шапка, которую съ него тотчасъ сняли, и онъ остался въ маленькой тафьѣ, усаженной жемчугами. На головѣ у царицы была корона. Вмѣстѣ съ царственною четою вошли въ залу двое духовныхъ съ причетникомъ, который несъ святую воду. Священникъ прочиталъ молитву и

покропилъ св. водою столъ. День былъ постный. Подавали вареныхъ и жареныхъ осетровъ, бѣлугъ, бѣлорыбицъ, судаковъ. Рыба, по большей части соленая, варилась и жарилась въ меду, посыпалась шафраномъ, запекалась въ пироги. Послѣ рыбныхъ кушаньевъ подавались разныя сласти: медовыя печенья, сахаръ, который ставили на столъ головами, корица, которую клали длинными прутьями, варенья изъ разныхъ ягодъ и квашеные арбузы. То были обычныя лакомства московскаго обѣда, но кромѣ того за столомъ у Димитрія подавались конфекты и мороженыя, приготовленныя польскими поварами. Пышность сочеталась съ неопрятностію. Тарелки, ложки, кубки были золотыя, но нечистыя; тарелокъ не перемѣняли въ продолженіе всего обѣда; московскіе господа ѣли руками и раскидывали по полу объѣдки. Стольники безпрестанно наливали гостямъ напитки. Прежде всего пили водку, потомъ вина, пивà и меды. Обильно разливалось любимое поляками венгерское вино, до этого времени бывшее рѣдкостію въ Москвѣ. Государь московскій щеголялъ передъ иноземцами своими ягодными медами. При концѣ стола принесли три большихъ сосуда съ отборнымъ медомъ: царь пилъ медъ, черпая хрустальною чаркою, гостямъ раздавалъ пить золотыми. Два раза во время стола гости вставали отвѣчать на заздравныя чаши государя: одинъ разъ въ половинѣ пира, другой въ концѣ, и тутъ всѣ получали по чаркѣ меда изъ царскихъ рукъ. Не всѣмъ тогда нравились и меды, а московское пиво иноземцы вообще находили отвратительнымъ. За царицею постоянно стояли двѣ госпожи: ея родственница пани Тарлова и княгиня Мстиславская. Во все продолженіе пира, играли музыканты, пріѣхавшіе съ послами Стадницкими изъ Польши, а на дворѣ безъ умолку гремѣли трубы и бубны, и разливался перезвонъ большого колокола. Вечеромъ, собрались родные и близкіе царицы въ деревянномъ дворцѣ и тамъ до поздней ночи танцовали, пѣли пѣсни, тѣшились музыкою. Мнишекъ появился, но только для того, чтобъ выразить соболѣзнованіе о томъ, что царь вступаетъ въ непріятную размолвку съ послами королевскими, и тотчасъ ушелъ, извиняясь нездоровьемъ.

На другой день, въ субботу, съ самаго разсвѣта загремѣли трубы, бубны, раздалась стрѣльба. Послѣ обѣдни, патріархъ, а за нимъ духовенство, потомъ бояре, думные люди, дворяне, а за ними гости и купцы, поздравляли царя и царицу и подносили подарки. Царственная чета приглашала ихъ къ обѣду. Были въ числѣ поздравлявшихъ лопари, подносили свои рысьи мѣха и оленьи шкуры, которыя полякамъ показались собачьими. Послѣ русскихъ подданныхъ приносили поздравленія польскіе

офицеры и товарищи-жолнёры. Ихъ также пригласили къ обѣду. По окончаніи поздравленій пріѣхалъ къ царю Мнишекъ. Передъ тѣмъ его посѣщали королевскіе послы и поручили ему уговорить царя, своего зятя, дать имъ мѣсто за царскимъ столомъ. Воевода разсыпалъ свое краснорѣчіе, умоляя царя не доходить, ради обрядовъ, до вражды съ королемъ и дружественною польскою націею. Царь истощалъ противные доводы. Наконецъ, оба сошлись на томъ, что надобно дать старшему послу мѣсто подлѣ самаго царскаго стола, но за особеннымъ, только такъ примкнутымъ къ первому, чтобъ они казались однимъ столомъ. «Но теперь — сказалъ царь — я не могу пригласить пословъ: уже поздно; наступаетъ время обѣда; пусть завтра.» Воевода не остался обѣдать, извиняясь нездоровьемъ. Отчасти онъ въ самомъ дѣлѣ чувствовалъ себя нездоровымъ, отчасти затруднялся неулаженнымъ недоразумѣніемъ съ послами. Обѣдъ былъ торжественный, многолюдный и великолѣпный. Царь былъ одѣтъ въ русскомъ, царица въ польскомъ платьѣ. Послѣднее не понравилось многимъ русскимъ. Царь и царица ничего почти не ѣли. Для нихъ былъ изготовленъ домашній обѣдъ въ деревянномъ дворцѣ съ близкими особами; но на этомъ оффиціальномъ пирѣ они должны были прикасаться къ заздравнымъ чашамъ, и царь, между прочимъ, провозгласилъ здоровье польскихъ жолнѣровъ, благодарилъ за прежнюю службу, приглашалъ вновь къ себѣ на службу, кому угодно изъ прибывшихъ поляковъ, назначалъ жалованья на годъ по сто злотыхъ на гусарскаго коня и обѣщалъ дать тотчасъ впередъ за четыре четверти, да сверхъ того дарилъ имъ по штукѣ золотной матеріи и по сорока соболей. Конечно, нашлось довольно охотниковъ на такія выгодныя условія, и, выходя изъ пиршества, поляки хвастали предъ русскими, что царь Димитрій любитъ больше поляковъ, чѣмъ своихъ; а тѣ русскіе, что слышали отъ нихъ такія рѣчи, принимали ихъ къ сердцу и негодовали какъ на поляковъ, такъ и на царя своего.

На слѣдующій день, въ воскресенье, опять въ Кремлѣ загремѣли трубы. Послы отправились представлять новобрачной четѣ подарки отъ короля и отъ себя, но съ твердою рѣшимостію не обѣдать у царя, если имъ не дадутъ мѣстъ по желанію. Ихъ пригласили въ этотъ день не въ торжественныя палаты, а во дворецъ, построенный для царицы; они прошли, черезъ двѣ-три комнаты, въ покой, обитый краснымъ бархатомъ и устланный ковромъ изъ сѣрой бобровой шерсти; тамъ нашли царя, сидящаго вмѣстѣ съ Мариною. Онъ одѣтъ былъ въ красный бархатный (кобенякъ) опашень, усаженный жемчугомъ,

опушенный соболями; изъ-подъ распахнутыхъ полъ его виднѣлся бархатный край кафтана, усаженнаго жемчужинами съ изображеніями орловъ съ коронами надъ ними; на шапкѣ былъ пукъ перьевъ съ запоной; а сапоги у него были красные бархатные, подкованные. Царица одѣта была въ платье польскаго покроя изъ драгоцѣнной матеріи того времени, называвшейся телеемъ (которая цѣнилась тогда выше золотныхъ). Около нея сидѣли только дамы ея родственницы и нѣсколько русскихъ боярынь. Тутъ былъ и воевода. Послы поздравили царя и царицу и поднесли подарки и отъ короля и отъ себя. Подарки эти отъ короля состояли изъ кубковъ, рострухановъ, раковинъ, серебрянныхъ изображеній деревьевъ и виноградныхъ вѣтвей, корабля съ серебряною пушкою; отъ себя послы поднесли ей чарку съ жемчугомъ, бриліантами и рубинами, два ожерелья изъ алмазовъ и рубиновъ, бриліантовыя серги и золотую цѣпь съ каменьями и жемчугами. Послѣ обычныхъ привѣтовъ, Аѳанасій Власьевъ сказалъ имъ:

— Его цесарское величество зоветъ васъ, пословъ его величества короля, къ столу хлѣба-соли ѣсть.

— Мы очень рады сдѣлать угодное государю и не пренебрегаемъ хлѣбомъ-солью, дожидаемъ уже нѣсколько дней этого, и готовы были находиться при столѣ его, но государь не хотѣлъ дать одному изъ насъ мѣста съ собою, какъ его королевское величество посадилъ за своимъ столомъ посланника его Аѳанасія. Это причиною, что хотя ваше господарское величество прежде приглашали насъ на хлѣбъ на соль, а мы не были; и теперь намъ неприлично быть, если ваше господарское величество не почтите въ насъ особу его королевскаго величества и не укажете мѣста за однимъ столомъ съ собою.

Димитрій отвѣчалъ имъ на эту рѣчь:

— Я короля польскаго на свадьбу къ себѣ не просилъ. Иначе съумѣлъ бы почтить мѣстомъ васъ въ особѣ его величества; только вы сядете за мой столъ какъ послы.

Олесницкій хотѣлъ было возражать, но царь обратился къ воеводѣ, отвелъ его въ сторону, поговорилъ съ нимъ; потомъ воевода подошелъ къ посламъ и тихо сталъ ихъ убѣждать, чтобъ они не спорили о мѣстахъ. Послы ссылались на свою инструкцію. Мнишекъ сказалъ:

— Не держитесь слишкомъ строго инструкціи на этотъ разъ, чтобъ не привести въ затрудненіе другихъ дѣлъ его величества и Рѣчи Посполитой. Я увѣряю ваши милости, что теперь можно очень многое у него вытребовать для пользы короля и Рѣчи Посполитой.

Послѣ усильныхъ просьбъ со стороны Мнишка, Олесницкій сказалъ наконецъ:

— Сами собою мы не смѣемъ отступить отъ инструкціи; но если его господарское величество дастъ намъ письменное свидѣтельство къ королю, что мы не хотѣли отступать отъ инструкціи и дѣлаемъ это по увѣреніямъ и обѣщаніямъ съ его стороны, что отъ этого произойдетъ много пользы для Рѣчи Посполитой и его величества короля; а твоя милость, панъ воевода, заступишься за насъ предъ королемъ, чтобы не казалось, что мы хотѣли тѣмъ унизить достоинства его королевскаго величества, тогда примемъ мѣсто, которое, какъ панъ воевода говоритъ, намъ назначено, не желая приводить въ затрудненіе дѣла его величества короля и Рѣчи Посполитой.

Пиръ въ этотъ день былъ въ грановитой или въ столовой палатѣ (кажется, въ грановитой [1]). Посолъ Олесницкій сѣлъ на правой сторонѣ отъ царя близъ самой особы его, но за особеннымъ столомъ; прислуживалъ ему стольникъ. За царскимъ столомъ на серебрянныхъ сѣдалищахъ сидѣли Димитрій и Марина. И царь и царица были одѣты въ этотъ день въ платье польскаго покроя, съ коронами на головахъ. По правую руку отъ царицы сидѣли знатныя госпожи польскія и русскія; но столы разставлены были такъ, что русскимъ приходилось сидѣть спиной къ царю, тогда какъ иноземцы сидѣли къ нему лицомъ [2]). Обѣдъ продолжался нѣсколько часовъ съ разнообразными церемоніями, принятыми при московскомъ дворѣ. Царь нѣсколько разъ посылалъ въ золотыхъ чаркахъ разные напитки гостямъ, а стольники, поднося ихъ, говорили: «его цесарское величество жалуетъ тебя!» Подавали тринадцать перемѣнъ мясныхъ кушаньевъ; тутъ были жареные тетерева, обложенные лимономъ, заячья голова съ мелкоискрошеннымъ мясомъ подъ нею, баранина въ борщѣ, курица съ бѣлою кислою подливкою, курица съ желтою подливкою, пироги съ бараниной, пироги съ свинымъ саломъ, пироги съ яйцами, съ творогомъ, огромные медовые пироги, начинка съ бараньею внутренностію, крошеное легкое съ крупою и съ медомъ, перцомъ да шафраномъ, кушанье называемое по-московски «мѣхъ». Затѣмъ слѣдовали, по обычаю, сласти: разныя варенья, печеный съ медомъ хлѣбъ, также хлѣбъ кусками, политый сотовымъ медомъ, и длинные прутья корицы. Музыка гремѣла въ продолженіе всего обѣда. Мнишекъ не садился за столъ, но, снявши шапку, стоялъ предъ

[1]) Ник. лѣт. 118. — Собр. гр. II, 293.

[2]) Grevenbr. 47.

царемъ и царицею. Всѣ смотрѣли съ удивленіемъ на это униженіе старика, который въ прошедшіе дни то и дѣло, что жаловался на нездоровье. Мнишекъ былъ въ восторгѣ, дождавшись возвышенія своей крови, видя корону на головѣ дочери.... Также знатная пани Тарлова весь обѣдъ стояла за Мариной и прислуживала ей. Димитрій, при громѣ музыки, провозгласилъ чашу за здравіе его королевскаго величества, и послы должны были сойти со своихъ мѣстъ и получить изъ царскихъ рукъ для испитія—заздравную чашу. Замѣчательно, что, послѣ этого длиннаго обѣда, когда послы ушли въ свое помѣщеніе, имъ еще принесли обильный ужинъ. Но полякамъ очень не нравились московскія безсольныя кушанья; иные находили, что ихъ нельзя въ ротъ взять. При концѣ обѣда, Димитрій приказалъ явиться въ залу посламъ, которыхъ отправлялъ въ Персію; они какъ будто приходили передъ отъѣздомъ на прощаньѣ ударить челомъ царю и царицѣ. Это онъ сдѣлалъ для того, чтобъ показать свое великолѣпіе и дружбу съ сосѣдними государствами. «Я—говорилъ онъ — посылалъ пословъ къ королямъ французскому и англійскому, въ Венецію и къ итальянскимъ князьямъ!» По окончаніи пира, Димитрій ушелъ въ свой деревянный дворецъ; поляки провожали его по переходамъ; онъ остановился вновь на дворѣ; тогда накрапывалъ дождикъ; надъ нимъ и надъ его супругой держали китайчатый балдахинъ; вынесли сорокъ двѣ пары кречетовъ: ими издавна щеголяли передъ иноземцами московскіе государи. Димитрій показывалъ ихъ полякамъ и замѣтилъ: «я уже триста паръ послалъ такихъ польскому королю.» — «Неправда — замѣтили между собою поляки — не посылалъ, а такъ только для магнифиценціи выдумываетъ [1])!»

Въ понедѣльникъ былъ опять пиръ и уже совсѣмъ на польскій образецъ. И царь и царица были одѣты по-польски; поляки прислуживали; изъ русскихъ было только двое: князь Василій Рубецъ-Масальскій и Аѳанасій Власьевъ. Послѣ обѣда были танцы. Димитрій, въ богатомъ нарядѣ, началъ танецъ съ царицею; потомъ танцовалъ воевода. Марина танцовала чрезвычайно изящно: никто изъ дамъ не могъ сравниться съ нею по живости движеній и по благородству осанки [2]). Танцующіе прежде всего попарно подходили къ царской рукѣ, а потомъ шли танцовать, снявши шапки. Только послы танцовали въ шапкахъ въ знакъ своего величія, но снимали ихъ, когда случалось въ танцахъ проходить мимо царя. Всѣ кланялись, когда, танцуя, проходили

---

[1]) Diar. Niemojewsk.

[2]) Cilli, 70.

мимо царя и царицы. Балъ продлился до солнечнаго заката. Царь объявилъ, что въ слѣдующее воскресенье будетъ за городомъ устроенъ турниръ, и польскіе паны въ восхищеніи ожидали дня, когда они будутъ ломать рыцарскія копья въ честь новобрачныхъ.

Тогда случилось вотъ что: въ этотъ же самый день къ царскому столу подавалась телятина; нашлись изъ царскихъ поваровъ такіе, что не захотѣли себя поганить приготовленіемъ яства, по ихъ мнѣнію, запрещеннаго церковью. Они вышли на площадь, роптали предъ народомъ. Это приходилось кстати, потому что уже многое соблазняло москвичей.

Въ эти веселые дни по всей Москвѣ былъ необычный шумъ: по улицамъ московскимъ поляки скакали на лошадяхъ, стрѣляли изъ ружей на воздухъ, пѣли пѣсни, танцовали... Въ Кремлѣ между соборами устроенъ былъ струбъ; на немъ гремѣло тридцать четыре трубача и тридцать четыре человѣка били въ бубны и накры [1]). Крикъ, вопль, говоръ неподобный! — восклицаетъ лѣтописецъ [2]). Благочестивые люди крестились и отплевывались отъ этой бѣсовщины. «О, какъ огнь не сойдетъ съ неба и не попалитъ сихъ окаянныхъ!» — говоритъ одно современное описаніе. Привыкшіе жить со звономъ колоколовъ, обращаться безпрестанно между монаховъ и монахинь, видѣть нравственное достоинство жизни въ одномъ монастырѣ, — москвичи съ омерзеніемъ смотрѣли вообще на мірское веселье. Если они сами предавались веселости и часто очень грязной, то все-таки признавали это грѣхомъ; притомъ свои пріемы были для нихъ привычны, а чужіе бросались въ глаза: ихъ соблазняло то, что люди плясали, играли и еще утверждали, что эти забавы не противны Богу. Въ понятіи московскихъ людей, обычаи страны слились въ одно съ церковными; многое, что не имѣло никакого отношенія къ церковному строю, почиталось ими за установленія святыхъ отецъ. И вотъ, раздались такіе толки, разсѣваемые агентами Шуйскаго: «Что̀ это за царь! по всему видно, что онъ не настоящій сынъ Ивана: обычаевъ старинныхъ не держится, ѣстъ телятину, въ церковь ходитъ не такъ прилежно, какъ прежніе цари, и передъ образами не очень низко поклоны кладетъ, въ баню не ходитъ; хоть каждый день бани топятся, а онъ со своей еретичкой-женой спитъ, да такъ, не обмывшись, и въ церковь идетъ, а за собою ведетъ поляковъ, а они собакъ вводятъ въ церковь: святыня оскверняется.... Нѣтъ, онъ не можетъ

---

1) Grevenbr. 38. — Petr. 187.

2) Сказан. еже сод.

быть истинный Димитрій!» Нашлись и такіе, что стали вспоминать добрымъ словомъ царя Бориса. «Вотъ — говорили — царь былъ, такъ царь: родной отецъ!»

Подслушали подобныя рѣчи, схватили одного крикуна, донесли царю. Сначала Димитрій, по своей вспыльчивой натурѣ, думалъ сурово поступить съ возмутителемъ и подвергнуть его обычной пыткѣ, чтобъ развѣдать, откуда онъ получилъ внушеніе говорить такъ въ народѣ, а потомъ одумался, и когда сказали ему, что говорившій былъ пьянъ, Димитрій посовѣтовался съ боярами, можетъ быть тайными своими врагами, которые желали его усыпить, а можетъ быть и съ друзьями, вторившими его собственнымъ желаніямъ. Царь не велѣлъ трогать его. «Что за бѣда! — говорилъ онъ — пьяный болталъ! а хоть бы и трезвый, то я не хочу безпокоить себя всякою глупою болтовнею.» Поляки, напротивъ, тогда же совѣтовали ему не пренебрегать этимъ; они подозрѣвали, что кроется заговоръ, и предостерегали царя. Царь не слушался, говорилъ, что народъ его любитъ, что онъ силенъ какъ нельзя болѣе, и не хочетъ думать ни о чемъ кромѣ удовольствій и забавъ. Говорятъ, что въ эти дни Димитрію было странное предзнаменованіе. Онъ лежалъ на постели и увидѣлъ, что къ нему подходитъ фигура старика: царь вскочилъ: привидѣніе исчезло; царь спрашивалъ у стоявшихъ на караулѣ; никто не видалъ, чтобъ кто нибудь приходилъ къ царю. Димитрій легъ на постель и черезъ часъ опять увидѣлъ, что къ нему приближается старикъ и говоритъ: «ты государь добрый, но за несправедливости и беззаконія слугъ твоихъ царство твое отымется отъ тебя.» Видѣніе исчезло. Димитрій позвалъ Бучинскаго, своего довѣреннаго, и разсказалъ, что̀ съ нимъ было. Бучинскій сталъ порицать безнравственность русскаго народа, приписывалъ ее невѣжеству въ дѣлѣ христіанской вѣры, и, какъ протестантъ, сталъ доказывать, что все спасеніе зависитъ отъ того, когда царь самъ приметъ и распространитъ въ государствѣ истинную вѣру, то есть реформатство. Объ этомъ событіи впослѣдствіи разсказывалъ служившій въ царской иноземной гвардіи шотландецъ Жильбертъ своимъ землякамъ на родинѣ [1]). Но Димитрія не столько тревожило это видѣніе, сколько успокоивало другое предсказаніе: какой-то магикъ, астрологъ или гадатель, увѣрилъ его, что ему суждено царствовать тридцать четыре года.

Веселье продолжалось между тѣмъ по прежнему во дворцѣ. Во вторникъ пиръ былъ въ покояхъ царицы. Здѣсь все было

---

[1]) Milton, 59.

по-польски, такъ что когда послы вошли туда, то замѣтили, что посуда, мебель, одежды, прислуга и пріемы — все было такъ точно, какъ обычно бывало въ Краковѣ у польскаго короля. Музыка гремѣла. Напитки лились. Послѣ обѣда, по обычаю, танцовали. Гости были веселы и довольны.

XI.

Ночное совѣщаніе заговорщиковъ. — Легкомысліе поляковъ. — Новыя предостереженія царю. — Послѣдній балъ.

Когда царь въ упоеніи любви знать не хотѣлъ ни о какой опасности, въ ночь со вторника на среду въ домѣ Шуйскаго собирались званые гости. Кромѣ нѣкоторыхъ бояръ и думныхъ людей, которые съ нимъ уже были въ соумышленіи, приглашено было нѣсколько сотниковъ и пятидесятниковъ изъ войска, которое стянулось къ Москвѣ, чтобъ итти къ Ельцу; были тутъ кое-кто изъ гостей и торговыхъ людей. Василій Шуйскій излагалъ имъ общее дѣло въ такомъ смыслѣ: «Съ самаго начала я говорилъ, что царствуетъ у насъ не сынъ царя Ивана Васильевича, а Гришка разстрига Отрепьевъ; и за то я чуть было головы не потерялъ. Меня Москва тогда не поддержала! Но пусть бы онъ былъ не настоящій, да человѣкъ хорошій; а то видите сами, до чего доходитъ! Онъ женился на полькѣ и возложилъ на нее вѣнецъ; некрещеную ввелъ въ церковь и причастилъ! Раздалъ казну русскую польскимъ людямъ, и насъ всѣхъ отдастъ имъ въ неволю. И теперь они уже дѣлаютъ, что хотятъ; грабятъ насъ, ругаются надъ нами, насилуютъ насъ, святыню оскверняютъ... Собираются за городомъ съ нарядомъ и съ оружіемъ будто на потѣху, а въ самомъ дѣлѣ затѣмъ, чтобъ насъ, бояръ и думныхъ людей, извести, забрать въ свои руки столицу; а потомъ придетъ изъ Польши большое войско, и поработятъ насъ, и станутъ искоренять вѣру и разорять церкви божіи. Если мы теперь же не срубимъ деревца, то оно скоро выростетъ подъ небеса, и все Московское государство пропадетъ до конца! и тогда наши малыя дѣтки въ колыбели станутъ вопить и плакать и жаловаться къ Богу небесному на отцовъ своихъ, что они во время не отвратили неминуемой бѣды. Либо намъ погубить злодѣя съ польскими людьми, либо самимъ пропадать. Теперь, пока еще ихъ немного, а насъ много, и они помѣщены одни отъ другихъ далеко, пьянствуютъ и безчинствуютъ безпечно, теперь, можно собраться

въ одну ночь и выгубить ихъ, такъ что они не спохватятся на свою защиту.»

Собранные не долго раздумывали; Шуйскій чрезъ своихъ агентовъ давно подготовилъ себѣ партію, и люди этой партіи были теперь у него. «Мы на все согласны! — сказали они — мы присягаемъ вмѣстѣ жить и умирать! будемъ тебѣ, князь Василій Ивановичъ, и вамъ, бояре, послушны; одномышленно спасемъ Москву отъ еретиковъ безбожныхъ. Назначь намъ день, когда дѣло дѣлать!»

Шуйскій сказалъ:

«Я для спасенія вѣры православной готовъ теперь принять надъ вами начальство. Ступайте и подберите людей, чтобъ были готовы. Ночью съ пятницы на субботу, чтобъ были отмѣчены домы, гдѣ стоятъ поляки..... Утромъ рано въ субботу, какъ услышите набатный звонъ, пусть всѣ бѣгутъ и кричатъ: что поляки хотятъ убить царя и думныхъ людей, а Москву взять въ свою волю; и такъ, по всѣмъ улицамъ, чтобъ кричали. Народъ услышитъ, бросится на поляковъ; а мы тѣмъ временемъ, какъ будто спасать царя, бросимся въ Кремль, и покончимъ его тамъ [1]). Если не удастся и мы пострадаемъ, то купимъ себѣ вѣнецъ непобѣдимый и жизнь вѣчную; а когда будемъ спасены, то вѣра христіанская будетъ спасена во вѣки [2]).»

Въ заключеніе, Шуйскій и бояре надавали всѣмъ множество обѣщаній; сулили дворянамъ города въ управленіе, повышенія по службѣ; гостямъ и торговымъ людямъ льготы. Положили, чтобъ послѣ низверженія самозванца не мстить никому и не поминать стараго.

У Шуйскихъ были большія помѣстья и вотчины; изъ нихъ они вызвали нарочно своихъ людей какъ будто для того, чтобъ видѣть царскую свадьбу [3]), и они были имъ помощниками. Для исполненія замысла достаточно было и нѣсколькихъ сотъ человѣкъ при безпечности царя. Бывшіе съ Шуйскимъ имѣли у себя пріятелей и слугъ, которые были готовы итти за ними. Гости и торговые люди разсѣявали ненависть къ полякамъ между торговымъ людомъ; дворяне—между дворянами и дѣтьми боярскими, прибывшими въ войскѣ въ Москву. Всего войска, конечно, нельзя было возмутить: его было, говорятъ, подъ Москвою тысячъ до восемнадцати. Шуйскій разсчелъ, что нужно только, чтобъ народъ пустился бить поляковъ; а это было легко.

---

[1]) Petr. 186.

[2]) Сказ. еже сод. Чт. 1847, № 9. 28.

[3]) Piaseck. 240.

Это отвлечетъ народъ отъ Кремля; а какъ раздѣлаются съ царемъ, тогда можно будетъ именемъ оскорбляемой вѣры, при пособіи духовенства, увѣрить народъ въ справедливости убійства.

Между тѣмъ поляки помогали врагамъ царя. Шуйскій заранѣе сдѣлалъ вѣрный разсчетъ на характеръ и нравы поляковъ, которые должны были пріѣхать въ Москву съ Мариной. Онъ не ошибся. Поляки при каждомъ удобномъ случаѣ высокомѣрно выставляли свое превосходство и съ презрѣніемъ отзывались о московскихъ обычаяхъ. Получивъ отъ царя предложеніе вступить въ службу съ хорошимъ жалованьемъ, они хвастались этимъ и кричали: «ваша казна вся перейдетъ въ наши руки!» Другіе гордо побрякивали саблями, кричали: «мы вамъ дали царя, Москвѣ!» Эти выходки вызывали со стороны московскихъ людей раздраженія, ссоры и драки. Въ пьяномъ разгулѣ поляки бросались на женщинъ среди улицъ, вытаскивали ихъ изъ каптановъ (экипажъ), врывались въ дома, гдѣ замѣчали красивую хозяйку или дочекъ. Особенно наглы были гайдуки и слуги пановъ, пріѣхавшіе съ ними во множествѣ. Слѣдуетъ замѣтить, что они считались только поляками: это были русскіе и большею частію православные, потому что въ то время въ южныхъ провинціяхъ Польши не только простые люди, но даже многіе паны не успѣли еще потерять предковской вѣры. Но московскіе люди съ трудомъ могли признать въ нихъ единовѣрцевъ, по разности обычаевъ и обыденныхъ пріемовъ жизни, входившихъ, по московскимъ понятіямъ, въ область предписываемаго религіею. Когда вспомнимъ, что польское правительство то и дѣло, что издавало распоряженія о прекращеніи своевольствъ въ южныхъ областяхъ, то не трудно понять, почему прибывшіе съ панами отличались въ Москвѣ такимъ буйствомъ. Когда еще тогдашній царь былъ претендентомъ и находился въ Польшѣ, когда между панами было разномысліе: помогать ли ему или нѣтъ — многіе склонялись къ желанію не мѣшать Димитрію набирать полки въ Польшѣ именно въ надеждѣ сбыть въ Московское государство безпокойныхъ удальцовъ и забіякъ изъ польскихъ провинцій. Неудивительно, если эти гультаи успѣли раздражить противъ себя туземцевъ даже самыхъ преданныхъ и вѣрныхъ царю Димитрію [1]).

Утромъ въ среду, послѣ совѣщанія, каждый изъ заговорщиковъ сходился съ пріятелями, знакомыми, и вербовалъ ихъ въ число

---

[1]) Хроногр. Арх. Ком. — Petrei, 186, 187. — Bussov. 46. — Сказ. еже сод. Чтен. 1847. № 9. — Степ. Кн. рук. Арх. Ком. — Diar. Niemojewsk. — Hist. Russ. Mon. II, 172. — Grevenbr. 39. — Mass. 94.

соучастниковъ. Они сновали по городу и по рынку, толкались въ народныхъ сходкахъ и возбуждали народъ противъ поляковъ. Въ это время изъ Кремля повезли большія пушки; только огромную царь-пушку тогда не двинули съ мѣста [1]). Пушки везли за Срѣтенскія ворота. Тамъ уже множество рабочихъ рукъ насыпали валъ и строили струбъ: надобно было сдѣлать примѣрную крѣпость, для потѣхи; царь прикажетъ однимъ брать, а другимъ защищать. Подобныя забавы были уже не въ первый разъ, но никогда еще не затѣвались онѣ въ такомъ большомъ размѣрѣ какъ теперь. Димитрій хотѣлъ удивить всѣхъ на этотъ разъ. Въ то же время велѣно было приготовлять на полѣ обѣдъ и попойку для народа: царь хотѣлъ, чтобъ всѣ веселились. Поляки толковали и хлопотали о рыцарскомъ турнирѣ въ честь новобрачной царственной четы. Это было кстати заговорщикамъ. «Смотрите, говорили они народу, что это затѣваютъ нехристи! это они собираются извести всѣхъ бояръ и московскихъ людей, которые сойдутся на ихъ проклятое игрище; однихъ перебьютъ, а другихъ перевяжутъ; и дворянъ и дьяковъ и гостей и всѣхъ лучшихъ людей возьмутъ и отвезутъ королю въ Польшу; а потомъ придетъ сюда большое королевское войско и поворитъ насъ, и станутъ искоренять истинную православную вѣру и вводить еретичество—скверную и проклятую вѣру латинскую и лютерскую, на погибель душъ христіанскихъ. Запасайтесь, братцы, оружіемъ, чтобъ не даться въ руки невѣрныхъ.» Нѣкоторымъ не говорили о царѣ ничего; другимъ же хулили царя. «Развѣ не видно, что онъ еретикъ: повѣнчался съ еретичкой-полькой, и некрещеную причащалъ; съ поляками бражничаетъ, пляшетъ и обычаю нашего не держится, въ платьѣ польскомъ ходитъ. Онъ съ ними заодно; его поляки сюда прислали, чтобъ вѣру нашу истинную искоренить и насъ въ польскую неволю отдать!»

Большая часть слушавшихъ такія рѣчи не имѣла еще вражды къ царю и готова была служить ему; но поляковъ за ихъ наглости побить — была не прочь.

Между тѣмъ во дворцѣ занялись дѣлами. Пословъ пригласили на совѣщаніе съ боярами о дѣлѣ, касавшемся войны съ невѣрными. Но у бояръ было на умѣ другое: они знали, что изъ совѣщаній съ поляками ничего не выйдетъ; пышнофразистая рѣчь Олесницкаго не привела ихъ въ восторгъ. Послы не предлагали ничего, а, изливши свои чувства, ждали предложенія отъ бояръ. По этому поводу зложелатель поляковъ Татищевъ

---

[1]) Сказ. еже сод. Чт. 1847, № 9, стр. 23.

сказалъ: «быть можетъ, король хочетъ насъ только вывѣдать, а потомъ ничего не дѣлать; такъ это ложь и обманъ будетъ.» Послы не вдались въ объясненія по поводу этихъ словъ, но поспѣшили затереть ее фразами и разошлись.

Послѣ этого совѣщанія послы отправились къ Тарлу обѣдать. Царица въ тотъ день давала пиръ московскимъ боярамъ и боярынямъ. Она была одѣта по-русски и старалась привлечь къ себѣ гостей своею любезностію. Въ ея наружности, въ ея обращеніи, чрезвычайной внимательности къ собесѣдникамъ, простотѣ, соединенной съ сознаніемъ величія, было столько обаятельнаго, что самые враги, дышавшіе противъ нея злобою, проникались къ ней уваженіемъ [1]).

Къ вечеру въ этотъ день, показались признаки страшной тучи, находившей на беззаботную веселость царственной четы и гостей ея. Паны, пировавшіе у Тарла, окончивши обѣдъ, принялись танцовать. Вдругъ прибѣжалъ къ нимъ кто-то и сказалъ, что москвичи собираются толпою на князя Вишневецкаго. Какой-то гайдукъ этого князя пьяный повздорилъ съ москвичемъ и ударилъ его; тотъ закричалъ; сбѣжались москвичи и поляки. Послѣдніе, разумѣется, уступили и ушли, а москвичи, разжигаемые заговорщиками, горячились; собралась толпа и кричала: «бить Литву!» Послы, находившіеся на обѣдѣ, сейчасъ уѣхали на посольскій дворъ, а прочіе паны остались и продолжали веселиться. Вечеромъ, дѣйствительно, толпа народа сошлась близъ квартиры Вишневецкаго, и поляки боялись нападенія; но обошлось безъ драки. Послы отправили къ царю извѣстить о своей опасности, а царь прислалъ къ нимъ Бучинскаго и сказалъ чрезъ него: «Я такъ укрѣпилъ свое государство, что ничего не можетъ случиться противъ моей воли.» Чрезъ нѣсколько часовъ снова царь послалъ къ нимъ сказать тоже и успокоить ихъ. Старый Мнишекъ и сынъ его перепугались еще болѣе и собрали въ свой дворъ всю пѣхоту, съ которой пріѣхали. Послы поставили стражу на посольскомъ дворѣ; вся ихъ челядь собралась и держала караулъ.

На другой день, въ четвергъ, все стало спокойно. У католиковъ былъ праздникъ «божьяго тѣла»; поляки, забывши вчерашній страхъ, начали праздновать. Тогда царю подали челобитную на какого-то поляка, который будто бы обезчестилъ на улицѣ русскую знатную дѣвушку. Царь приказалъ сдѣлать строгій розыскъ. Обвиняемаго поляка стали пытать; онъ ни въ чемъ не признался; по слѣдствію оказалось, что на этотъ разъ

---

1) СШ 71.

доносъ былъ несправедливъ. Между тѣмъ въ городѣ узнали объ этомъ дѣлѣ; заговорщики кричали: «Поляки безчинствуютъ, и нельзя найти ни суда, ни управы на нихъ; царь ихъ покрываетъ!» Поляки весь день стрѣляли на воздухъ холостыми зарядами, одни для потѣхи, а другіе думали этимъ дать знать москвичамъ, что они умѣютъ обороняться. Эти выстрѣлы пугали народъ, а заговорщики указывали народу на безчинство и на угрозы польскихъ людей [1]). Волненіе распространялось болѣе и болѣе, смѣлѣе становились уличные крики, подозрительнѣе выглядывали лица изподлобья на каждаго проходившаго поляка. «Берегитесь, говорили тогда полякамъ нѣмцы, москвичи недоброе затѣваютъ на васъ, хотятъ васъ побить.» Нашлись и русскіе, которые пришли съ доносомъ на своихъ къ Басманову. Басмановъ доложилъ царю. «Я этого слушать не хочу! не терплю доносчиковъ! сказалъ царь, и буду наказывать ихъ самихъ!»

При дворѣ между тѣмъ шли приготовленія къ воскресному празднику: Марина затѣяла маскарадъ, и царскій домъ обставляли лѣсами для какихъ-то потѣхъ, вѣроятно для иллюминаціи.

Ночью, съ четверга на пятницу, караульные въ Кремлѣ схватили шестерыхъ человѣкъ подозрительнаго свойства: они пробирались тайкомъ въ царскій дворъ; трехъ караульные положили на мѣстѣ, а трехъ поймали; ихъ подвергли пыткѣ, но ничего не могли отъ нихъ добиться, и замучили. Въ эту ночь сдѣлался морозъ, вредный для овощей.

Наступила пятница. Люди толковали о морозѣ, который былъ въ прошедшую ночь. «Это не къ добру!» —говорили въ Москвѣ; а друзья царя, предчувствуя бѣду, видѣли въ этомъ явленіи дурное предзнаменованіе для него. Москва съ каждымъ часомъ высказывалась. Нѣмецкіе капитаны ясно видѣли, что въ ней созрѣло что-то гоозное, и не смотря на прежнія царскія запрещенія являться съ доносами, рѣшились подать Димитрію письменный извѣтъ, гдѣ изложили, что замѣчаютъ въ столицѣ измѣну, и надобно, какъ можно скорѣе, принять мѣры. Царь не сталъ читать и сказалъ: «Это все вздоръ!» Его сильно успокоивало предсказанія о тридцатичетырехлѣтнемъ царствованіи.

Пріѣхалъ къ царю тесть и говорилъ:

— Опасность очевидна! Жолнѣры пришли ко мнѣ сегодня и говорятъ, что вся Москва поднимается на поляковъ. Заговоръ несомнѣнно существуетъ.

Царь отвѣчалъ:

---

[1]) The bloody Massacre.

— Удивляюсь, какъ это ваша милость дозволяете приносить себѣ такія сплетни.

— Осторожность не заставитъ пожалѣть о себѣ никогда, а ваша милость будьте осторожны! сказалъ Мнишекъ.

Царь на это сказалъ:

— Ради Бога, панъ-отецъ, не говорите мнѣ объ этомъ больше. Иначе — мнѣ это будетъ очень непріятно. Мы знаемъ, какъ управлять государствомъ; нѣтъ никого, кто бы могъ что нибудь противъ насъ сказать. Да еслибъ мы увидали что нибудь дурное — въ нашей волѣ такого жизни лишить. Ну, да для вашего успокоенія, я прикажу стрѣльцамъ ходить съ оружіемъ по тѣмъ улицамъ, гдѣ поляки стоятъ.

Еще разъ Басмановъ далъ совѣтъ не пренебрегать опасностію и сейчасъ же принять мѣры. Царь не вѣрилъ и его предостереженіямъ; но схваченные въ Кремлѣ ночью и замученные пытками люди заставили его однако нѣсколько призадуматься. Димитрій сказалъ: «хорошо, я сдѣлаю розыскъ; дознаемся, кто противъ меня мыслитъ зло.» Но отложилъ это до субботы послѣ обѣда [1]). Въ этотъ же самый день онъ разгнѣвался на казанскаго митрополита Гермогена, который раздражилъ его хуленіемъ за то, что онъ допустилъ Маринѣ вѣнчаться въ церкви, не принявши напередъ православной вѣры. Шуйскій распоряжался, безъ вѣдома царя, по-своему, войскомъ; головы и сотники были съ нимъ въ соумышленіи; вмѣсто того, чтобъ итти къ Ельцу, какъ хотѣлъ царь, Шуйскій въ продолженіе предыдущихъ дней задерживалъ войско въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Москвы, а отряду въ числѣ трехъ тысячъ приказалъ подойти къ самой Москвѣ, какъ показываетъ современникъ [2]). Вечеромъ въ пятницу этотъ отрядъ долженъ былъ занять всѣ ворота Бѣлаго города, чтобъ во время замышляемаго переворота никто не могъ убѣжать изъ тѣхъ, кому слѣдовало быть убитымъ или задержаннымъ. Поляки, до сего дня безпечные, въ пятницу уже стали безпокоиться и бросались покупать порохъ на случай нападенія. Но въ лавкахъ имъ не продавали пороха [3]). Москвичи, напуганные заговорщиками, толковавшими, что потѣха въ воскресенье за Срѣтенскими воротами замышляется съ дурною цѣлію, убѣждались въ справедливости этихъ разсказовъ, когда увидали, что поляки хотятъ запасаться порохомъ.

Царь, ничѣмъ не тревожась, отгоняя всякое подозрѣніе, со-

---

[1]) Żelanski.

[2]) Is. Mass. 92.

[3]) Grevenbr. 38.

звалъ вечеромъ гостей въ новый дворецъ. Сорокъ человѣкъ музыкантовъ грянули на своихъ инструментахъ; начались танцы; молодые пахолята Марины въ польскомъ платьѣ прислуживали. У входа дворца стояло по обыкновенію сто очередныхъ нѣмецкихъ аллебардщиковъ на караулѣ, а по другимъ извѣстіямъ сто стрѣльцовъ и часть царской гвардіи [1]). Василій Шуйскій именемъ царя приказалъ имъ разойтись по домамъ и оставить только тридцать, а по другимъ—двадцать четыре [2]) человѣка. Не смѣя ослушаться князя, который такъ близокъ къ царю, аллебардщики ушли; близъ дворца осталось только около тридцати человѣкъ. Царь ничего не зналъ объ этомъ, и былъ особенно въ хорошемъ расположеніи духа въ тотъ вечеръ. Веселились до ночи. Толковали, какъ бы роскошнѣе и затѣйливѣе устроить на воскресенье праздникъ съ турниромъ и маскарадомъ. Наконецъ, гости разошлись. Въ сѣняхъ дворцовыхъ легли пахолята и съ ними нѣсколько музыкантовъ; прочіе ушли въ свои помѣщенія. Царь отправился спать къ женѣ, въ ея новопостроенный и еще не оконченный дворецъ, соединенный съ царскимъ новымъ дворцомъ переходомъ [3]).

XII.

17-ое мая. — Убійство Димитрія.

Заговорщики не спали. Шуйскій еще до свѣта разослалъ нѣкоторыхъ, назначивъ кому гдѣ быть: одни должны быть готовы на Красной площади, чтобъ итти на дворецъ, другіе — по улицамъ въ назначенное время волновать народъ. Дождались солнечнаго восхода. Это было самое удобное время: москвичи были тогда по обыкновенію всѣ на ногахъ, а гости, утомленные обычными ночными забавами, должны были спать по своимъ квартирамъ. Домà, на которые надобно было нападать, отмѣтили.

Разсвѣло. Шуйскій приказалъ отворить тюрьмы и выпустить заключенныхъ. Имъ роздали топоры и мечи [4]). Съ солнечнымъ восходомъ ударили въ набатъ въ церкви святаго Иліи на Новгородскомъ дворѣ на Ильинкѣ. Потомъ зазвонили также въ сосѣднихъ церквахъ, а потомъ ударили въ большой *полошной* ко-

---

[1]) Grevenbr. 38.
[2]) Żclanski.
[3]) Petric. 113.
[4]) Petric. 112.

колоколъ, въ который всегда били на тревогу. Звонъ распространялся отъ одной церкви до другой, и въ короткое время по всѣмъ московскимъ церквамъ раздался зловѣщій набатъ. Въ иныхъ мѣстахъ звонили, не зная въ чемъ дѣло, звонили потому, что другіе звонятъ. Народъ бѣжалъ со всѣхъ сторонъ въ Китай-городъ. Главные руководители, Шуйскій, Татищевъ, Голицыны, были на коняхъ; съ ними толпилось на Красной площади до двухсотъ человѣкъ заговорщиковъ. «Чтò за тревога?» — спрашивали толпы. Заговорщики кричали народу: «литва собирается убить государя и перебить бояръ; идите бить литву!» Быстро разнеслась по Москвѣ неясная вѣсть: одни узнали, что литва кого-то хочетъ убить; тѣмъ послышалось имя царя, а этимъ имя бояръ; другіе слышали, что царя кто-то хочетъ убить, — и спрашивали: «кто убиваетъ царя?» — «Литва!» — кричали въ отвѣтъ заговорщики. — «Идите на литву, бейте литву, берите животы себѣ!» Народъ бросался въ разныя стороны на поляковъ, многіе съ мыслію, что въ самомъ дѣлѣ они защищаютъ царя: другіе изъ ненависти къ полякамъ за ихъ своевольства и съ желаніемъ свергнуть чужеземное иго; а иные, какъ то случается въ самомъ справедливомъ дѣлѣ, просто изъ одной страсти къ грабежу. Шуйскій, освободившись отъ народной толпы, поѣхалъ въ Кремль: въ одной рукѣ у него былъ крестъ, а въ другой мечъ. За нимъ ѣхали и бѣжали заговорщики съ ружьями, обнаженными саблями, съ копьями, топорами и рогатинами.

Набатный звонъ разбудилъ царя, лежавшаго близъ молодой жены. Онъ поспѣшно вскочилъ, накинулъ кафтанъ, не сталъ тревожить царицы и побѣжалъ по коридору въ свой дворецъ. Вошедши въ сѣни, увидѣлъ онъ Димитрія Шуйскаго,—этотъ, вѣроятно, забѣжалъ впередъ, чтобъ обмануть царя и не дать ему уйти впору. «Чтó это за звонъ?» спросилъ Димитрій.—«Пожаръ въ городѣ!»—сказалъ Шуйскій. Было въ обычаѣ, что царь самъ ѣздилъ на пожаръ. Димитрій направился опять въ покои жены, вѣроятно на короткое время, чтобъ успокоить жену, потомъ ѣхать на пожаръ. Набатный звонъ раздавался уже въ Кремлѣ у него надъ ухомъ. Онъ слышалъ крики на дворѣ, воротился во дворецъ и столкнулся съ Басмановымъ. «Поди узнай, чтò это такое», — сказалъ царь. Басмановъ отворилъ окно, увидалъ предъ собою разъяренную вооруженную толпу; она бѣгомъ спѣшила во дворъ и уже наполняла дворъ. Басмановъ спрашивалъ изъ окна: «чтò вамъ надобно? чтò это за тревога.»

Толпа закричала: «отдай намъ своего царя вора. Тогда поговоришь съ нами!»

Басмановъ бросился къ Димитрію и закричалъ: «Ахти мнѣ,

государь! Самъ виноватъ! Не вѣрилъ своимъ вѣрнымъ слугамъ! Бояре и народъ идутъ на тебя!»

Тутъ проскочилъ мимо аллебардщиковъ, стоявшихъ на лѣстницѣ, казенный дьякъ Тимоѳей Осиповъ и явился передъ царемъ. Вѣроятно его пропустили, потому что онъ былъ безъ оружія. Онъ сказалъ:

«Ну, безвременный цесарь, проспался ты? Выходи давать отвѣтъ людямъ. Велишь себя именовать непобѣдимымъ цесаремъ, что Богу противно и грубно. А ты не цесарь; ты воръ, разстрига Гришка Отрепьевъ, чернокнижникъ, еретикъ, обругатель православной вѣры.»

Онъ сталъ было поражать царя словами св. Писанія, но Басмановъ разсѣкъ его саблею. Этотъ дьякъ былъ извѣстенъ по своей набожности и постничанью; онъ хмѣльного въ ротъ не бралъ. Онъ соблазнился особенно тѣмъ, что Димитрій вѣнчался съ Мариною, и православнымъ людямъ приходилось давать крестное цѣлованіе еретичкѣ латинской вѣры. Осиповъ хотѣлъ принять мученическій вѣнецъ за правду, исповѣдался, причастился св. Таинъ и пошелъ на обличеніе разстриги [1]).

Тѣло дьяка выбросили за окно.

Толпа подходила къ крыльцу.

— Запирайте двери, мои вѣрные аллебардщики, не пускайте! кричалъ Димитрій.

Но онъ, какъ видно, не зналъ, что аллебардщиковъ только тридцать человѣкъ, и они не могли удержать толпы. Кромѣ ихъ было во дворцѣ человѣкъ двадцать съ небольшимъ слугъ да музыкантовъ — народъ все невоинственный. Шуйскій слѣзъ съ коня, поцѣловалъ двери Успенскаго собора, а потомъ указалъ толпѣ заговорщиковъ на дворецъ и сказалъ:

«Кончайте скорѣе съ воромъ Гришкою Отрепьевымъ! Если вы не убьете его, — онъ намъ всѣмъ головы сниметъ.»

Аллебардщики стали было у входа; но по нимъ дали нѣсколько выстрѣловъ. Они увидали, что не въ силахъ защищаться. Половина побросала оружіе и разбѣжалась; пятнадцать поднялись по лѣстницѣ въ сѣни и пропустили за собою толпу, которая бросилась на лѣстницу.

«Государь спасайся! — сказалъ Басмановъ — а я умру за тебя!» Но царь безстрашно выступилъ впередъ въ сѣни и закричалъ! «Подайте мнѣ мой мечъ!»

Но тотъ, кто носилъ званіе великаго мечника и хранилъ его мечъ, не явился съ этимъ мечемъ къ своему царю.

---

[1]) Хронографы. — Іа. Масс. 95.

Аллебардщики стояли въ сѣняхъ съ своимъ оружіемъ. Царь выхватилъ у одного изъ нихъ Вильгельма Шварцгофа аллебарду, подступилъ къ наружнымъ дверямъ и закричалъ толпѣ:

— Я вамъ не Борисъ!

Изъ толпы выстрѣлили. Димитрія не зацѣпила пуля. Басмановъ выступилъ впередъ, заслонилъ царя собою, сошелъ нѣсколько ступеней въ низъ по лѣстницѣ и говорилъ къ боярамъ: «Братья, бояре и думные люди! побойтесь Бога, не дѣлайте зла царю вашему, усмирите народъ, не безславьте себя!»

На него кинулся Михайло Татищевъ, сказалъ ему крѣпкое слово [1]), а потомъ ударилъ Басманова длиннымъ ножемъ прямо въ сердце. Басмановъ покатился съ лѣстницы. Другіе выбросили трупъ Басманова на показъ народу.

Димитрій, притворивши дверь, высунулся изъ нея, началъ махать аллебардою на обѣ стороны и кое-кого зацѣпилъ. Но заговорщики стали стрѣлять. Димитрій отступилъ. Двери заперли. Сильнымъ натискомъ и ударами топоровъ заговорщики выломали ихъ. Царь съ аллебардщиками ушелъ въ переднюю комнату и тамъ заперся. Заговорщики стали ломать слѣдующую дверь. Царь бросилъ аллебарду, схватилъ себя за волосы, побѣжалъ по переходу къ женинымъ покоямъ, но съ той стороны пробраться было невозможно; сѣни и входъ съ другой стороны царицыныхъ покоевъ были заняты толпою. Царь не вошелъ къ женѣ, а только черезъ окно, закричалъ къ ней: «мое сердце, здрада (измѣна)!» и бѣжалъ, по однимъ извѣстіямъ, въ каменный дворецъ, по другимъ, назадъ въ деревянный и заперся въ угольной комнатѣ, гдѣ онъ обыкновенно купался [2]). Выхода не было. Онъ глянулъ въ растворенное окно, увидалъ вдали стрѣльцовъ на караулѣ. Тутъ ему пришла мысль выскочить въ окно, спуститься по лѣсамъ, приставленнымъ къ стѣнамъ ради предполагаемой иллюминаціи, и отдаться подъ защиту народа. «Еслибъ ему удалось — говоритъ иностранецъ [3]) — благополучно соскочить и уйти — онъ бы избавился отъ бѣды; народъ перебилъ бы господъ заговорщиковъ; народъ не зналъ о заговорѣ, слышалъ, что поляки хотятъ убить царя и бросился, поэтому, бить поляковъ, даже многіе изъ тѣхъ, что бросились тогда въ Кремль, думали, что они идутъ спасать царя отъ поляковъ.» Димитрій прыгнулъ изъ окна, но споткнулся на лѣсахъ и оборвался на землю [4]). Отъ окна до земли было очень высоко: тридцать фу-

[1]) Oscula matrem tuam in vulvam et principem tuum in penem.

[2]) Grevenbr. 40.

[3]) Is. Mass. 96.

[4]) Żelanski.

товъ. Царь разбилъ себѣ грудь, вывихнулъ ногу, зашибъ голову [1]), и лишился на время чувства.

Заговорщики сломали другую дверь, пробѣжали по комнатамъ дворца, и никого не нашли. Они отняли у аллебардщиковъ ихъ брошенное оружіе и приставили къ нимъ стражу. Толпа бросилась въ каменный дворецъ, хватала все, что ни попадалось подъ руки — золото, серебро, жемчугъ, платья; обдирали обои, ломали мебель; другіе старались спрятать себѣ въ карманъ что нибудь изъ общей добычи. Искали царя, и не находили его.

Между тѣмъ Марина пробудилась отъ набатнаго звона и крика, вскочила, не нашла близъ себя мужа, поняла, что происходитъ что-то странное, надѣла юбку и съ растрепанными волосами бросилась изъ своихъ комнатъ. Догадавшись въ чемъ дѣло, она бѣжала въ безпамятствѣ въ нижніе покои каменнаго дворца подъ своды и сначала безсознательно хотѣла укрыться въ какомъ-то темномъ закоулкѣ. Но ей одинокой стало страшно въ этомъ убѣжищѣ. До нея долеталъ трескъ выстрѣловъ, набатный звонъ, грозные крики толпы [2]). Постоявши немного въ этомъ мѣстѣ, Марина выскочила оттуда, поднялась вверхъ и наткнулась на толпу москвичей, бѣгавшихъ по дворцу и по переходамъ. Ее не узнали, столкнули съ лѣстницы и не обратили на это вниманія. Когда толпа пробѣжала, она скоро ушла назадъ въ свой дворецъ къ придворнымъ дамамъ [3]). Всѣ онѣ стояли вмѣстѣ въ странномъ ожиданіи. Изъ мужчинъ былъ одинъ только юноша, пажъ Марины, Осмольскій. Двери заперли. Осмольскій сталъ у дверей съ саблею и говорилъ, что только по его трупу злодѣи доберутся до царицы. Заговорщики разломали двери. Осмольскаго положили ружейными выстрѣлами и изрубили въ куски. Придворныя дамы Марины сбились въ кучку. Одна изъ дамъ, старуха пани Хмѣлевская, пораженная нечаянно пулею, направленною въ Осмольскаго, лежала, истекая кровью.

Московитяне, говоритъ иностранный современникъ [4]), тотчасъ какъ увидѣли женщинъ, такъ и показали, что они народъ безстыдный, неимѣющій понятія о чести, стыдѣ и приличіи.

— Говорите, польскія.... гдѣ царь? гдѣ полька его царица?

Гофмейстерина сказала въ отвѣтъ:

— Вамъ лучше это знать, гдѣ вы его дѣли; мы за нимъ не караулимъ.»

---

[1]) Grevenbr. 41.

[2]) Petr. 114.

[3]) Буссовъ (стр. 49) и за нимъ Петрей (стр. 90) говорятъ, будто Марина спряталась подъ платье своей полнотѣлой охмистрины (гофмейстерины).

[4]) Petrei, 190.

— А! — закричали москвичи — Вотъ мы васъ всѣхъ!... И они стали дѣлать разныя непристойности [1]). Такія сцены были, конечно, въ порядкѣ вещей, послѣ того какъ Шуйскій такъ былъ не разборчивъ въ выборѣ сообщниковъ, что, для умноженія ихъ числа, выпустилъ изъ тюрьмъ преступниковъ. Но тутъ прибѣжали старшіе бояре и стали разгонять толпу; — не то, чтобъ у нихъ дѣйствовало человѣколюбіе и состраданіе, говоритъ полякъ современникъ [2]), а они боялись истреблять знатныхъ поляковъ и женщинъ, чтобъ потомъ не навлечь войны и мщенія отъ Польши. Шуйскій разсчитывалъ, что если половину поляковъ и побьютъ москвичи, за то бояре оберегутъ нѣкоторыхъ и потомъ будутъ представлять это къ своему оправданію.

Бояре приказали всѣмъ идти за ними, отвели ихъ въ особый покой и приставили къ нимъ стражу.

Въ то время раздались крики:

«Нашли, нашли еретика!»

Царь, упавши, лежалъ нѣсколько времени безъ чувствъ; его поднялъ одинъ аллебардщикъ, Вильгельмъ Фирстенбергъ, и потомъ подбѣжали къ нему стрѣльцы, отлили водою и отнесли на каменный фундаментъ сломаннаго, по приказанію Димитрія, Борисова деревяннаго дома. Такимъ образомъ, ему приходилось, окровавленному, бороться со смертію и молить себѣ защиты и спасенія на томъ мѣстѣ, гдѣ, безъ малаго за годъ, не вымолили себѣ жизни Борисова жена и ея сынъ. Царь долго не могъ придти въ себя, только жалобно стоналъ отъ боли. Наконецъ, собралъ силы, и, увидя, что его окружаютъ стрѣльцы, говорилъ имъ:

«Обороните меня отъ злодѣевъ Шуйскихъ, Христа ради! мои милые, православные! Ведите меня къ міру на площадь передъ Кремль. Я васъ вознесу выше всѣхъ.... и боярскихъ жонъ и дѣтей отдамъ вамъ въ неволю, и все ихъ имущество ваше будетъ!»

Стрѣльцы обѣщали. Вдругъ заговорщики, отыскавши слѣдъ пропавшей было для нихъ жертвы, бросились туда съ ружьями, рогатинами и топорами. Они яростно кричали. Стрѣльцы закрыли своего царя, стали въ строй и дали залпъ. Нѣсколькихъ дворянъ положили. Это до того отбило у другихъ охоту лѣзть на Димитрія, что заговорщики отступили и готовы были разбѣжаться. Тутъ много было народа вовсе неспособнаго жертвовать собою. Но Василій Шуйскій остановилъ ихъ.

---

[1]) Nudabunt equina pudenda sua.

[2]) Petricii, 115.

«Развѣ вы думаете, что спасетесь? — говорилъ онъ — это не таковскій человѣкъ, чтобъ забылъ обиду! Дайте ему волю, такъ онъ запоетъ иную пѣсню: онъ передъ своими глазами всѣхъ васъ замучитъ. Это не простой воръ, — это змій свирѣпый! Задушите его, пока онъ еще въ ямѣ, а какъ выползетъ, то намъ горе, и женамъ нашимъ и дѣтямъ.»

Заговорщики послушались совѣта и опять было приступили. Стрѣльцы приложились къ ружьямъ. Тогда кто-то закричалъ:

«Когда такъ, идемъ же въ стрѣлецкую слободу, побьемъ ихъ стрѣльчихъ и стрѣльчатъ, если они, б.....ы дѣти, не хотятъ выдать вора, обманщика, злодѣя!»

— Дѣло! идемъ! — закричали другіе.

И заговорщики поспѣшно повернулись, показывая видъ, что спѣшатъ въ стрѣлецкую слободу. Любовь къ женамъ и дѣтямъ, говоритъ современникъ [1]), пересилила всѣ приманки, которыми склонить ихъ надѣялся царь. Они, поговоря между собою, разступились и оставили Димитрія одного.

Бояре и заговорщики подошли къ нему, подняли и понесли въ деревянный дворецъ какъ бы для допроса. Недавно еще нарядный и опрятный дворецъ теперь былъ страшно окровавленъ и загрязненъ. Въ сѣняхъ лежали трупы убитыхъ музыкантовъ и нахолятъ. Аллебардщики стояли безоружные подъ стражею, и не смѣли поворотить языка. Имъ сказали московскіе люди: если пикните — то и пропали. Димитрій посмотрѣлъ на нихъ жалобно, вздохнулъ и прослезился. Его унесли въ другую комнату. Когда толпа всходила на лѣстницу, Вильгельмъ Фирстенбергъ не утерпѣлъ, вошелъ за думными людьми и пробрался въ ту комнату, куда внесли царя. Онъ хотѣлъ дать ему понюхать какого-то спирту, чтобъ поддержать въ немъ сознаніе [2]). Но кто-то изъ толпы ударилъ его аллебардою и повалилъ мертваго къ ногамъ Димитрія.

«Эти собаки-иноземцы — говорили тогда — и теперь не оставляютъ своего воровскаго государя! Надобно ихъ всѣхъ побить!» Но знатные бояре не попустили перебить иноземцевъ.

Принялись за Димитрія. «Еретикъ ты окаянный! кричали заговорщики: что?! удалось тебѣ судить насъ въ субботу?» Онъ Сѣверщину хотѣлъ отдать Польшѣ», кричали одни. «Латинскихъ поповъ привелъ!» говорили другіе. «За чѣмъ взялъ нечестивую польку въ жену и некрещеную въ церковь пустилъ!» кричали третьи. «Казну нашу московскую въ Польшу вывозилъ!» замѣ-

---

[1]) Паэрле, 82.

[2]) Grevenbr. 41.

чали четвертые[1]). Сорвали съ Димитрія кафтанъ и надѣли на него дырявую гуньку. «Смотрите! говорили москвичи, каковъ царь-государь, всея Руси самодержецъ! Вотъ такъ царь!» — «О, у меня такіе цари на конюшнѣ есть!» сказалъ какой-то бояринъ. Тотъ тыкалъ ему пальцемъ въ глаза, другой щелкалъ его по носу, третій дергалъ за ухо...

Одинъ ударилъ его въ щеку и сказалъ: «Говори, б.....ъ сынъ, кто ты таковъ? кто твой отецъ? какъ тебя зовутъ? откуда ты?»

Димитрій говорилъ: «Вы знаете, я царь вашъ и великій князь Димитрій, сынъ царя Ивана Васильевича. Вы меня признали и вѣнчали на царство. Если теперь еще не вѣрите, спросите у моей матери — она въ монастырѣ; спросите ее, правду ли я говорю; или вынесите меня на лобное мѣсто и дайте говорить.»

Тогда князь Иванъ Голицынъ крикнулъ во всеуслышаніе: «Сейчасъ я былъ у царицы Мареы; она говоритъ, что это не ея сынъ: она признала его поневолѣ, страшась смертнаго убійства, а теперь отрекается отъ него!» Эти слова были тотчасъ же переданы изъ окна стоявшей толпѣ. Шуйскій между тѣмъ ѣздилъ верхомъ на дворѣ и тутъ же подтверждалъ, что единственный сынъ царицы Мареы убитъ въ Угличѣ, а другого сына у ней не было. Онъ торопилъ поскорѣе убить вора. Ему нужно было, покончивъ съ Димитріемъ, остановить народное буйство противъ поляковъ.

— Винится ли злодѣй? — кричала толпа.

— Винится! — отвѣчали изъ дома.

— Бей, руби его! — раздалось въ толпѣ.

— Что̀ долго толковать съ еретикомъ! — сказалъ дворянинъ Григорій Валуевъ — вотъ я благословлю этого польскаго свистуна!

Онъ выстрѣлилъ въ Димитрія изъ короткаго ружья, которое у него было подъ армякомъ. Пуля убила его сразу. Тогда москвичи бросились на трупъ и били его палками, камнями, топтали ногами, кололи ножами... А потомъ обвязали ему веревкою ноги, зацѣпили еще иначе срамнымъ образомъ[2]), и, стащили съ лѣстницы; трупъ былъ до того обезображенъ, что не только нельзя было распознать въ немъ знакомыхъ чертъ, но даже замѣтить человѣческаго образа. Его потащили изъ Кремля черезъ Спасскія ворота. У Вознесенскаго монастыря толпа остановилась и вызвала царицу Мареу.

---

[1]) Żelanski.

[2]) Grevenbr. 41: transmisso per pudenda fune.

«Говори, царица Мароа, твой ли это сынъ?» спрашивали ее. Свирѣпые взоры и дикіе голоса показывали царицѣ, какого отвѣта отъ нея хотѣли [1]).

По одному извѣстію [2]) Мароа отвѣчала: «Не мой!»

По другому [3]), она сказала загадачно:

«Было бъ меня спрашивать, когда онъ былъ живъ; а теперь, какъ вы его убили, уже онъ не мой!»

Какъ бы то ни было, убійцы признали, что мать отреклась отъ него, и успокоивали совѣсть свою. Тѣло положили на Красной площади на маленькомъ столикѣ длиною въ аршинъ. За нимъ притащили за ноги трупъ Басманова и положили внизу, такъ что ноги Димитрія свѣшены были на грудь Басманова. «Ты любилъ его живого, пилъ и гулялъ съ нимъ вмѣстѣ: не разставайся съ нимъ и послѣ смерти,» — сказали московскіе люди. Тогда прискакалъ изъ Кремля одинъ дворянинъ и показывалъ народу маску; ее нашли во дворцѣ: Марина, какъ сказано было, приготовляла маскарадъ. «Вотъ смотрите! — кричалъ дворянинъ — это у него такой богъ, а святые образа лежали подъ лавкою!» Маску положили трупу на грудь. Кто-то досталъ дудку, вѣроятно, взявши у убитаго музыканта, и всадилъ въ ротъ мертвому царю. «Подуди-ка! Ты любилъ музыку; мы тебя тѣшили — теперь ты насъ потѣшь!» Другой кто-то вынулъ копѣйку и положилъ на трупъ. «Это ему плата, какъ скоморохамъ даютъ,» — говорилъ москвичъ. Толпа потѣшалась около трупа. Приходили и такіе, что не были при убійствѣ, и задавали удары мертвецу; они хотѣли приложить руку къ умерщвленію еретика, какимъ считали его по внушенію Шуйскаго и его соумышленниковъ. Пришедшій на другой день къ этому тѣлу иноземецъ насчиталъ на немъ двадцать одну рану [4]).

---

[1]) Petricii. 116.

[2]) Diar. Niemojewski.

[3]) Hist. Russ. Monum. II, 113. Вѣрнѣе извѣстіе Нѣмоевскаго, бывшаго однимъ изъ польскихъ гостей въ Москвѣ. Вѣроятно, еслибъ Мароа дала такой двусмысленный отвѣтъ, онъ бы дошелъ и до него, тѣмъ болѣе, что, сообщавши прямой отрицательный отвѣтъ, онъ замѣчаетъ, что царица или испугалась, или какъ говорили, была уже прежде въ соумышленіи съ заговорщиками: видно по всему, что это событіе не мало интересовало Нѣмоевскаго.

[4]) Is. Mass. 100.

XIII.

Продолженіе 17-го мая. — Расправа съ поляками и уловка іезуитовъ. — Объясненіе съ послами. — Рѣзня на Никитской улицѣ.

Въ то время какъ разыгрывалась такая трагедія съ трупомъ Димитрія, московскій народъ билъ поляковъ. Когда заговорщики приступали ко дворцу, вооруженная толпа окружила дворъ, гдѣ помѣщался Мнишекъ съ сыномъ, чтобъ не дозволить воеводѣ подать помощь зятю; онъ, вѣдь, какъ было сказано, заранѣе предчувствуя бѣду, собралъ къ себѣ во дворъ свою команду. Дворъ этотъ, построенный Борисомъ, находился недалеко отъ дворца; задняя часть двора была огорожена деревянною оградою, а другая, обращенная ко дворцу, каменною стѣною; у стѣнъ навалены были кучи камня, извести и песку.

Воевода и бывшіе съ нимъ поляки услыхали набатный звонъ и неистовые крики, схватились за оружіе, но увидѣли, что москвичи уже ворвались въ примыкавшій къ этому дому другой корпусъ. Тамъ жили музыканты и пѣсенники. Москвичи ненавидѣли музыку, считали ее дьявольскимъ навожденіемъ, и безъ сожалѣнія истребляли этихъ людей, которые пріѣхали соблазнять благочестивое жительство древней Москвы. Потомъ принялись доставать Мнишка. На кучи камней взмостили три пушки, а внизу поставили двѣ маленькія пушечки, чтобъ разбивать стѣну; но не стрѣляли еще изъ нихъ, оставляя такую стрѣльбу на дальнѣйшее время, а пока стали пускать во дворъ черезъ стѣны и заборъ каменья и стрѣлы. Одна стрѣла чуть не попала въ воеводу. Удальцы становились подъ заборомъ, а другіе взлѣзали имъ на плечи, чтобъ такимъ образомъ перелѣзть во дворъ. Поляки не рѣшались, что̀ имъ дѣлать: одни совѣтовали защищаться и стрѣлять по москвичамъ. «Что же, говорили они—развѣ намъ отдаваться на зарѣзъ, какъ стаду?» Другіе представляли, что всякая непріязненная выходка только раздражитъ москвичей, и совѣтовали уйти въ глубокій подвалъ, откуда трудно будетъ ихъ доставать. Но посреди этой суматохи подъѣзжаютъ къ воротамъ бояре и кричатъ: «Панъ воевода! вышли къ намъ на разговоръ своего лучшаго человѣка.» Воевода не посмѣлъ отворить воротъ, думалъ, что, быть можетъ, ихъ нарочно выманиваютъ, и приказалъ одному изъ своихъ служителей Гоголинскому перелѣзть черезъ стѣну; его подсадили и спустили къ москвичамъ. Москвичи повели его къ думнымъ людямъ. Это было уже послѣ окончанія дѣла съ царемъ. Ми-

хайло Татищевъ сказалъ ему: «Кончилось господство обманщика, хищника не-царской крови, котораго привелъ къ намъ твой панъ; жена его жива и будетъ отдана отцу со всею челядью; твой панъ по справедливости стоитъ такой же участи, потому что отъ него пошли намъ бѣды и кровопролитія, но Богъ сохранилъ его до сего часа отъ народной злобы; благодарите Бога! Теперь опасность миновала, и если хотите быть цѣлы, сидите тихо, не беритесь за оружіе, не дразните народа, а то бѣда вамъ будетъ!» Гоголинскій принесъ печальную вѣсть воеводѣ, что зятя его нѣтъ въ живыхъ. Вслѣдъ затѣмъ приставили караулъ къ помѣщенію Мнишка и отогнали толпу, хотѣвшую овладѣть дворомъ и грабить.

Еслибъ поляки не предвидѣли на себя нападенія, то ихъ всѣхъ легко было бы истребить. Но важные паны собрали свою свиту во дворы, и съ ними москвичамъ приходилось повозиться.

Толпа удальцовъ напала на дворъ, гдѣ помѣщался хорунжій перемышльскій Станиславъ Тарло, въ Китай-городѣ. Туда къ женѣ его набѣжало много женщинъ съ дѣтьми и дѣвушекъ. Прислуги у него было болѣе двадцати человѣкъ; сверхъ того къ нему прибѣжалъ панъ Любомирскій съ двѣнадцатью человѣкъ прислуги. Ворота были заперты. Москвичи потребовали, чтобъ имъ отворили и отдали оружіе; за то они обѣщали не дѣлать надъ поляками ничего худого. Смѣльчаки хотѣли было отвергнуть это предложеніе и защищаться, но женщины и дѣти начали жалобно кричать; тогда разсудили, что отстаиваться въ чужой землѣ отъ туземцевъ невозможно, и согласились. Потребовали, чтобъ москвичи поклялись, что не будутъ никого убивать и оскорблять. Москвичи присягнули именемъ святой Троицы. Ихъ впустили и отдали оружіе. Тогда чернь, разсуждая, что не грѣхъ нарушить присягу, данную божіимъ именемъ тѣмъ, которые въ Бога не такъ вѣруютъ, какъ слѣдуетъ, начала всѣхъ ихъ обирать и бить: убили двадцать трехъ человѣкъ служителей; другихъ переранили; добрались до самихъ господъ. Пани Тарлова бросилась къ мужу и стала закрывать его собою. Ее отколотили, окровавили ей обѣ руки, но москвичей тронула ихъ супружеская вѣрность: они не стали убивать ни ее, ни мужа, а надѣлили ударами, обобрали и раздѣли до нага. Съ ней была вдова пани Гербуртова: и ее тоже отколотили до крови и обнажили. Быть можетъ, этимъ бы не кончилось, и въ концы концовъ перебили бы всѣхъ, но тутъ прискочили бояре и разогнали толпу, а самихъ господъ съ оставшеюся прислугою, большею частію женскаго пола, увели. Они шли нагишемъ по ули-

цамъ; привели ихъ въ такомъ видѣ въ Кремль, и тамъ одѣли въ такой уборъ, въ какомъ, по выраженію очевидцевъ, и найподлѣйшій человѣкъ въ Польшѣ не ходитъ [1]). Впослѣдствіи іезуиты разсказывали, что ихъ спасеніе совершилось чудодѣйственно, помощью Божіей Матери, потому что пани пообѣщалась, если жива останется, сходить на богомолье въ Ченстохову [2]). Вмѣстѣ съ Тарломъ взятъ былъ и Любомирскій, который, какъ сказано, соединился съ нимъ заранѣе въ одномъ домѣ [3]).

Оттуда часть этой толпы бросилась къ Стадницкимъ. Они помѣщались на Варваркѣ, противъ дома Романовыхъ. Стадницкіе заперлись. Москвичи покусились сломать ворота, но не могли одолѣть ихъ, потому что поляки съ забора поражали ихъ выстрѣлами. Тогда москвичи бросились къ церкви (Максима Исповѣдника), звонили напропалую и созывали толпу. Народъ сбѣгался. Взмостили двѣ пушки на домъ Романовыхъ и оттуда хотѣли стрѣлять изъ нихъ во дворъ, гдѣ были Стадницкіе. Но тутъ прибѣжали посланные отъ бояръ и разогнали толпу [4]).

Между тѣмъ другая толпа, неистовствовавшая надъ Тарломъ, напала на домъ, гдѣ помѣщался ксендзъ Францискъ Помасскій, самборскій пробощъ, пріѣхавшій съ Мнишками. Онъ носилъ титулъ королевскаго духовника; не былъ онъ іезуитъ, но другъ іезуитскаго ордена. У него былъ походный алтарь. Когда москвичи ворвались къ нему, онъ служилъ обѣдню; толпа мужчинъ и женщинъ слушала ее. Ворота были заперты. Москвичи, не докричавшись, чтобъ имъ отворили, разломали ихъ силою. Часть слушавшихъ обѣдню, въ тревогѣ, пустилась бѣжать; москвичи гонялись за ними: иныхъ сразу положили мертвыми, иныхъ переколотили и изранили. Другіе остались со священникомъ и хотѣли защищаться. Но священникъ сказалъ имъ: «отоприте двери и впустите ихъ; положимъ нашу надежду на Бога, и если насъ перебьютъ, то умремъ съ достоинствомъ!» Москвичи вбѣжали въ домовую церковь, начали бить вправо и влѣво всѣхъ, потомъ добрались до алтаря, сорвали съ священника служебныя одежды и отколотили его такъ, что онъ лишился чувствъ; на третій день послѣ того онъ умеръ отъ побоевъ. Родной братъ его былъ убитъ тутъ же. Чернь ободрала одежды съ алтаря, взяла сосуды, образа изуродовала и поругалась надъ ними [5]).

---

1) Hist. Russ. Mon. II, 120.
2) Annuae Soc. Jesu. 1607, 726.
3) Petric. 122.
4) Petric. 124.
5) Petric. 128.

Счастливѣе обошлось отцамъ іезуитамъ. Ихъ было тогда въ Москвѣ четверо; изъ нихъ двое священниковъ, а двое братій. Одинъ священникъ съ братьями скрылся у сосѣдей между польскими купцами: изъ нихъ одинъ былъ католикъ, а другіе православные. Католикъ укрылъ ихъ. Другой іезуитъ-священникъ былъ позванъ въ далекую часть города къ польскимъ жолнѣрамъ служить обѣдню. Когда по Москвѣ раздался зловѣщій звонъ, въ тотъ домъ, гдѣ служилъ священникъ обѣдню, набѣжало до двухсотъ человѣкъ поляковъ; изъ нихъ много было православныхъ и еретиковъ, т. е. реформатовъ и аріанъ. Когда москвичи разломали ворота, то, наученные отцомъ іезуитомъ, они взяли со стѣнъ дома образа, и, приложивъ къ груди, выступили противъ москвичей; тѣ, какъ увидали образа своей вѣры, такъ и руки опустили и закричали: «Это наши! это истинные христіане!» Они стали подходить къ нимъ и прикладываться къ образамъ. Такъ спасли себя эти поляки, благодаря хитрости отца іезуита [1]). Москвичи были особенно злы на брата Марины, старосту саноцкаго, Станислава, за то, что люди его безчинствовали въ Москвѣ. Но онъ собралъ заранѣе людей съ оружіемъ въ свою квартиру, находившуюся въ домѣ, принадлежавшемъ нѣкогда Степану Годунову и послѣ ссылки его отданномъ Голицыну. Черезъ улицу былъ посольскій дворъ. Поставлены были стрѣльцы для охраненія. Приставы, находившіеся при польскихъ послахъ, объявили народу, что пословъ никакъ нельзя трогать, и москвичи не рѣшались напасть на старосту саноцкаго.

На другой сторонѣ посольскаго двора помѣщались Казановскіе. Къ нимъ прибѣжало много поляковъ, какъ только заслышали бѣду, въ томъ числѣ панъ Домарацкій, бывшій начальникомъ польскаго отряда у Димитрія. Они умоляли пословъ взять ихъ въ свой дворъ, но послы не рѣшились на это явно: они боялись, чтобъ народная толпа, узнавши, что послы укрываютъ не принадлежащихъ къ посольству, не бросилась бы и на ихъ дворъ; но въ угожденіе соотечественникамъ сдѣлали отверстіе въ заборѣ, чтобъ изъ дома, гдѣ жили Казановскіе, поляки могли бы перелѣзать въ посольскій дворъ. Толпа, ограбивши и побивши въ сосѣднихъ дворахъ поляковъ, напала на домъ Казановскихъ. Примѣтили, что оттуда люди съ пожитками убѣгаютъ чрезъ отверстіе въ заборѣ въ посольскій дворъ. Бросились не допускать ихъ. Но посольскіе слуги стали на кровлѣ конюшни и прицѣлились въ толпу, чтобъ заставить ее отступить и дать время пробраться своимъ. Москвичи только издали метали въ стоя-

[1]) Annuae Societ. Jesu. 1608, 1626.

щихъ на конюшнѣ каменьями. Но никого не ранили. Казановскіе со всѣми, которые у нихъ были, успѣли пробѣжать въ отверстіе; только одного слугу пана Доморацкаго догналъ москвичъ предъ самою дирою и застрѣлилъ, а потомъ прикончилъ умирающаго рогатиною. Но за это ему съ конюшни тотчасъ же послали пулю въ лобъ. Какъ увидѣли москвичи своего мертвымъ, разъярились и собрались напасть на посольскій дворъ, не разсуждая болѣе, что посольскихъ людей трогать не велѣно. Но тутъ прискакалъ бояринъ Борисъ Нащокинъ и приказалъ именемъ боярской думы разойтись. Толпа повиновалась; ограбили, однако, все имущество Казановскихъ и убили двадцать двухъ человѣкъ, не успѣвшихъ за прочими убѣжать черезъ отверстіе въ посольскій дворъ.

Нащокинъ съ товарищемъ, подъѣхавши къ посольскому двору, закричалъ, что хочетъ говорить съ послами. Къ нему вышелъ Гонсѣвскій и сталъ на воротахъ. Оба думные сидѣли на лошадяхъ; за плечами у нихъ были колчаны со стрѣлами и луки, при бокахъ сабли. Нащокинъ сдѣлалъ привѣтствіе и сказалъ:

«Князь Θедоръ Ивановичъ Мстиславскій, князья Василій и Димитрій Ивановичи Шуйскіе и другіе бояре, и мы, товарищи ихъ, вамъ, посламъ отъ Сигизмунда короля польскаго и великаго князя литовскаго, велѣли сказать: въ государствѣ вашего государя извѣстно было, что, по смерти Ивана Васильевича, царя и государя нашего, малолѣтняго сына Димитрія, по причинѣ злыхъ людей, не стало на свѣтѣ. Не скоро послѣ того монахъ Григорій, Богдановъ сынъ, будучи дьякономъ, впалъ въ чернокнижіе и убѣжалъ отъ наказанія въ Литву, государство вашего государя, и тамъ назвался царевичемъ Димитріемъ Ивановичемъ, обманулъ и васъ и насъ, а люди ваши вошли съ нимъ въ московскіе предѣлы; тогда міръ нашъ взбунтовался, и, какъ царя Бориса Θедоровича не стало, принялъ къ себѣ царемъ; и онъ, будучи на государствѣ, вороваль, безчинствовалъ, хотѣлъ вѣру нашу христіанскую искоренять и ввести еретическую вѣру. А царица, которую онъ называлъ своею матерью, объявила боярамъ, и всѣ, узнавши его, не хотѣли болѣе того терпѣть, и убили его. Воръ уже не живъ. Но вы, какъ прибыли отъ государя и ото всей земли своей послами, то не бойтесь никакой бѣды: бояре приказали строго васъ охранять, а васъ велѣли остеречь, чтобъ вы къ старостѣ саноцкому и людямъ его и къ другимъ не вмѣшивались, потому что они не съ вами, а вы не съ ними пришли. Они съ воеводою сендомирскимъ сюда пріѣхали, хотѣли Москву заѣсть, и всякія обиды чинили русскимъ людямъ.»

На эту рѣчь отвѣчалъ Гонсѣвскій такими словами:

«Правда, было у насъ извѣстіе, что, послѣ великаго государя вашего Ивана Васильевича, остался сынъ Димитрій, и слышали мы, что Борисъ приказалъ его тайно убить. Но когда явился этотъ человѣкъ въ нашихъ государствахъ, то доказывалъ, что онъ истинный Димитрій Ивановичъ, и что Богъ его чудесно избавилъ отъ смерти. Люди наши, какъ прежде жалѣли, слыша о смерти Димитрія, такъ потомъ радовались, увидя его живого; а ваши люди и думные бояре посадили его на государствѣ. Теперь, какъ ты говоришь, узнали вы, что онъ не истинный Димитрій, и убили его. Намъ до этого дѣла нѣтъ: пусть вамъ Богъ помогаетъ по правдѣ вашей! Мы, послы, увѣрены въ своей безопасности, ибо не только въ христіанскихъ, но и въ бусурманскихъ государствахъ охраняютъ безопасность пословъ. Впрочемъ, благодаримъ бояръ за расположеніе. Что же касается до старосты саноцкаго и другихъ людей, подданныхъ его королевскаго величества, которые пріѣхали съ воеводою сендомирскимъ, то они сюда прибыли не на войну, не съ тѣмъ, чтобъ овладѣть Москвою, а на свадьбу, будучи приглашены тѣмъ, кто у васъ былъ государемъ и вами самими чрезъ посла вашего; они не имѣли ни малѣйшей догадки о томъ, чтобъ это былъ не истинный Димитрій, не дѣлали никакихъ безчинствъ. Если же кто нибудь изъ низшаго званія людей сдѣлалъ что нибудь дурное — никто за виновныхъ не стоитъ; но нельзя же всѣмъ терпѣть за одного. Поблагодарите же бояръ за ихъ расположеніе и передайте отъ имени нашего желаніе, чтобъ они постарались остановить пролитіе крови людей его величества короля нашего, ни въ чемъ невинныхъ и обезпеченныхъ миромъ. Сохрани Богъ, если станутъ ихъ мучить передъ нашими глазами; тогда мы не только не можемъ удержать нашей челяди, но и сами не станемъ смотрѣть на пролитіе крови нашихъ братьевъ, а должны будемъ съ ними всѣ умирать; а что изъ этого впередъ можетъ выйти, думные бояре могутъ сами легко разсудить.»

Когда Нащокинъ принесъ эти слова боярамъ, Мстиславскій, Шуйскіе и другіе съ большимъ рвеніемъ побѣжали по улицамъ останавливать кровопролитіе. Шуйскій побѣжалъ въ Бѣлый-городъ, гдѣ, какъ услышалъ, москвичи бились съ Вишневецкимъ.

Князь Константинъ Вишневецкій помѣщался въ Бѣломъ-городѣ во дворѣ Стефана господарича молдавскаго, не далеко отъ стѣны, близъ одной изъ воротныхъ башенъ. Услышавъ тревогу, онъ собралъ свою дружину, которая состояла у него изъ четырехсотъ человѣкъ слишкомъ, и хотѣлъ проникнуть въ

Кремль на помощь царю и воеводѣ, соображая, что они въ опасности. Но ему пришлось скоро повернуть назадъ: за многолюдствомъ нельзя было пробиться туда. Притомъ по улицамъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были сдѣланы рогатки и навалены бревна [1]). Городскія ворота, сосѣднія съ его домомъ, были заперты; князь догадался, что москвичи хотятъ не выпустить поляковъ изъ города. Онъ выстроилъ свою конную дружину частію на улицѣ передъ дворомъ, а частію въ самомъ дворѣ и объявилъ, что надобно защищаться до послѣдней капли крови, если москвичи нападутъ на нихъ. Москвичи напали. Вишневцы храбро отбивались. Но прибывали свѣжія толпы москвичей. Скоро Вишневецкій увидѣлъ, что невозможно держаться съ лошадьми въ тѣсномъ мѣстѣ и завелъ всю свою дружину во дворъ. Москвичи ворвались во дворъ, овладѣли службами — но въ главномъ домѣ заперлась дружина Вишневецкаго и стрѣляла по нимъ безпрестанно, то появляясь въ окнахъ и дверяхъ, то быстро исчезая. Вишневцы какъ будто насмѣхались надъ москвичами: вышвырнутъ какую нибудь золотую вещицу или одежду изъ окна; чернь бросится на нее; а изъ оконъ по ней дадутъ залпъ и положатъ многихъ. Раза три они появлялись на переходахъ и показывали видъ, какъ будто сдаются. Москвичи бросаются на крыльцо; тогда вишневцы пустятъ по толпѣ сорокъ или пятьдесятъ зарядовъ и кладутъ москвичей десятками. Москвичи достали пушку, но пушкарь у нихъ былъ такъ неискусенъ, что навелъ очень низко и какъ выпалилъ, то повалилъ своихъ. Однако, толпа все болѣе и болѣе прибывала; заняли вблизи башню и оттуда начали пускать стрѣлы и пули. Поляки увидѣли, что какъ они ни храбрятся, а все-таки до нихъ доберутся. На выручку имъ прибѣжалъ Василій Шуйскій и съ нимъ Иванъ Никитичъ Романовъ; они разогнали народъ. Шуйскій закричалъ, что если поляки сдадутся, то имъ не будетъ ничего дурного и въ увѣреніе поцѣловалъ крестъ, снявши съ груди. Тогда Вишневецкій, полагаясь на крестное цѣлованіе, приказалъ своей дружинѣ положить оружіе. Шуйскій вошелъ въ домъ и заплакалъ, какъ оглянулъ кругомъ мѣсто битвы и увидѣлъ убитыхъ москвичей, которые напрасно рвались овладѣть воинственнымъ княземъ. Вишневецкаго со всею храброю его челядью отвели въ домъ Татищева. Лучшихъ лошадей, лучшія вещи они успѣли захватить съ собою; остальное было ограб-

---

[1]) Is. Mass. 94.
[2]) Is. Mass. 97.

лено [1]). Самъ Шуйскій провожалъ ихъ и охранялъ отъ народной ярости и мщенія за множество русскихъ, убитыхъ въ свалкѣ.

Поляки говорятъ, что ихъ самихъ погибло очень мало, а москвичей очень много. Одни полагаютъ (преувеличенно), число убитыхъ русскихъ до трехсотъ, другіе — до четырехсотъ; а тѣ, которые не знали мѣры желанію прихвастнуть этимъ дѣломъ храбрости, — даже до тысячи [2]). Вишневецкій потерялъ по однимъ — девятнадцать [3]), по другимъ — семнадцать человѣкъ [4]).

Но самая отчаянная рѣзня происходила на Никитской улицѣ въ Бѣломъ-городѣ. Здѣсь по преимуществу помѣщались какъ пріѣхавшіе съ царицею, такъ и состоявшіе на службѣ у Димитрія; тамъ было ихъ нѣсколько сотъ въ одной улицѣ; да и въ сосѣднихъ улицахъ помѣщались поляки. Многіе, не вѣря грозящимъ предзнаменованіямъ, спокойно спали. На нихъ напали по одиначкѣ, не давши имъ сойтись вмѣстѣ. «Великій государь — кричали имъ — приказываетъ у васъ взять оружіе.» За это обѣщали полякамъ пощаду. Поляки отдавали имъ оружіе. Тогда чернь разсѣкала ихъ пополамъ, распарывала имъ животы, отсѣкала руки и ноги, выкалывала глаза, обрѣзывала уши и ноздри, замучивала ихъ до смерти, а потомъ ругалась надъ ихъ трупами: привязывали къ столбамъ, къ столамъ, ставили и клали для своей забавы въ смѣшныя положенія. Другіе поляки, увидавши, что москвичи не милуютъ тѣхъ, которые имъ сдаются добровольно, стали защищаться и доставались на убой не иначе, какъ положивши нѣсколько человѣкъ. Въ числѣ десяти офицеровъ Димитріева польскаго войска погибъ и Борша, оставившій дневникъ Димитріева похода въ Москву: онъ палъ съ оружіемъ, застрѣленный въ сѣняхъ чужого дома, куда убѣжалъ изъ своего [5]). Старуха Тарлова, старостина сохачевская, спряталась на чердакъ въ своей квартирѣ со слугами, а сынъ ея вмѣстѣ съ Самуиломъ Баллемъ сталъ было обороняться. Москвичи требовали выдачи оружія. Тѣ было послушались, но только что Баллъ отдалъ свое оружіе, какъ толпа бросилась на него и изрубила въ куски. Молодой Тарло, видя что сдача не поможетъ, сталъ обороняться и остался живъ, потому что додержался до тѣхъ поръ, пока бояре не разогнали народъ.

Охмѣленная кровью, толпа москвичей всякаго возраста, воз-

---

1) Ibid.
2) Hist. Russ. Mon. II, 174. — Petricii, 126.
3) Petric. 126.
4) Hist. Russ. Mon. II, 174.
5) Petricii, 127. — Hist. Russ. Mon. II, 177.

буждаемая набатнымъ звономъ, бѣгала по улицамъ и неистово кричала: «бей, рѣжь, бей, рѣжь литву. Перенимай, не допускай до Кремля. Они хотѣли царя и бояръ извести!» Впереди были отчаянные сорвиголовы, прежніе разбойники, убійцы, воры, получившіе теперь свободу и право вдоволь дѣлать то, къ чему располагала ихъ натура, опачканные кровью, съ обнаженными ножами, дубьемъ, рогатинами; они однимъ видомъ своимъ наводили страхъ и омерзѣніе [1]).

Разсказываютъ, что одинъ полякъ, человѣкъ зажиточный, пробужденный тревогой, вскочилъ съ постели, убѣжалъ въ погребъ и зарылся въ песокъ. У него въ рукахъ былъ кошелекъ съ сотнею золотыхъ монетъ. Москвичи напали на домъ его, изрубили прислугу, искали хозяина, забрались въ погребъ и увидали голову поляка изъ кучи песка. Тотъ бросилъ имъ кошелекъ съ деньгами, божился, что не сдѣлалъ ничего ни противъ царя, ни противъ земли русской, и просилъ не убивать его, а отвести въ Кремль: тамъ онъ оправдается, если въ чемъ нибудь его подозрѣваютъ. Полякъ не зналъ въ чемъ дѣло, слышалъ, что москвичи обвиняютъ поляковъ въ злоумышленіи на царя, и думалъ найти защиту въ царѣ, не воображая, что царя нѣтъ уже на свѣтѣ. Ему обѣщали, вывели и повели въ Кремль, вѣроятно также какъ и полякъ, не зная, что сдѣлалось съ царемъ. На бѣду его встрѣчается другая толпа москвичей; увидали они поляка и закричали: «бей его, б...... сына!» Полякъ былъ не изъ храбраго десятка — упалъ къ ногамъ ихъ и вопилъ: «помилуйте, не убивайте ради Христа, ради пресвятой дѣвы Маріи, ради святого Николая чудотворца!» Но въ отвѣтъ на эти вопли одинъ москвичъ ударилъ его саблею. Полякъ, истекая кровью, вырвался, и опять упалъ на землю и кричалъ: «москвичи! вы называетесь христіане, въ Бога вѣрите, — окажите христіанское милосердіе надъ невиннымъ! у меня жена, дѣти въ Польшѣ, пощадите меня!» Москвичи было остановились, но тутъ на бѣду его пробѣгала другая толпа, и, завидя плачевную сцену, съ ожесточеніемъ напала на него и изрубила [2])....

Шуйскій и его соумышленники до самаго полудня бѣгали по городу, разгоняли народъ и спасали поляковъ. На Покровкѣ, случилось имъ напасть на одинъ осажденный чернымъ народомъ домъ; они разогнали толпу, цѣловали крестъ во увѣреніе, что поляковъ не будутъ истреблять, когда они положатъ оружіе. Шуйскій въ знакъ примиренія обнялъ и поцѣловался съ поля-

---

[1]) The bloody massacre, 151.

[2]) Petrei, 123. — Bussow.

комъ, котораго выслали его земляки изъ своей осады [1]). Въ видахъ Шуйскаго вовсе не было истреблять гостей: онъ направилъ народъ на нихъ только для того, чтобъ помѣшать народу подать помощь царю въ Кремлѣ, и убійствомъ поляковъ, любимыхъ Димитріемъ, сдѣлать москвичей вообще соучастниками убійства Димитрія, дать видъ дѣлу, что низверженіе и смерть царя есть дѣло общее, земское, всенародное. Но когда Димитрія не было уже на свѣтѣ, онъ искренно спасалъ поляковъ, чтобы послѣ имѣть передъ польскимъ правительствомъ оправданіе и отклонить мщеніе Рѣчи Посполитой.

Вмѣстѣ съ пріѣхавшими поляками и ихъ слугами пострадали иностранные купцы, заѣхавшіе въ Москву съ цѣлію нажиться посредствомъ торговли, по случаю свадебнаго торжества. Пріѣхавшіе итальянцы, нѣмцы, были ограблены и потеряли свое имущество, кромѣ того, что еще прежде набрали у нихъ ко двору на большія суммы и послѣ не заплатили, потому что не хотѣли отвѣчать за вора [2]).

Обезображенныя тѣла не убирались цѣлый день. Лужи крови стояли на улицахъ. Люди гуляли и веселились, дрались за добычу, продавали ее. Этотъ день для многихъ былъ днемъ великаго благополучія. Иные до того времени были совсѣмъ нищіе, а теперь набрали денегъ, мѣховъ, золотыхъ вещей, жемчугу, богатыхъ одеждъ. Пьяные хвастались и кричали: «Нѣтъ на свѣтѣ сильнѣе и грознѣе московскаго народа! Цѣлый свѣтъ насъ не одолѣетъ! нашему народу счета нѣтъ! теперь пусть всѣ передъ нами молчатъ, кланяются намъ, въ ногахъ у насъ валяются!» — «Да, говорили потихоньку слышавшіе эти похвалки нѣмцы, вы храбры и мужественны, когда васъ сотня идетъ на пять человѣкъ; тогда вы совершаете великія дѣла и получаете большую честь, особенно когда ваши непріятели лежатъ на постели въ теплой комнатѣ [3])!» Ночью настала такая тишина, что казалось живой души въ городѣ не было [4]). Москва опомнилась. Убійцы, пропивши часть имущества, награбленнаго у замученныхъ поляковъ, лежали мертвецки пьяные. Но не всѣ жители были съ одинаковыми чувствами: иные приложили руки къ душегубству надъ поляками, потому что думали, что идутъ защищать царя и бояръ, какъ вдругъ узнали, что царя убили не поляки, а бояре, и теперь остолбенѣли отъ

---

1) Is. Mass. 97.
2) The bloody massacre, 14.
3) Petr. 196. — Buss. 53.
4) The bloody massacre, 15.

ужаса и недоразумѣнія. Другіе не участвовали въ убійствѣ, были даже такіе, что спасали поляковъ отъ злобы своихъ соотечественниковъ. Одинъ изъ Мнишковъ, Янъ Мнишекъ, братъ Юрія, староста красноставскій, обязанъ жизнію своему хозяину, который спряталъ его.

На другой день стали отвозить тѣла за городъ: тамъ хоронили ихъ безъ гробовъ, безъ христіанскихъ обрядовъ, однихъ сваливали въ глубокія могилы, другихъ бросали въ болото и заваливали навозомъ; тѣхъ, которые лежали неподалеку отъ Москвы рѣки, стаскивали въ воду.

Число погибшихъ поляковъ одни считаютъ болѣе четырехъ сотъ (388 по именному списку, и сверхъ того были слуги, которые не вошли въ списокъ) [1]). И москвичей погибло столько же, а можетъ быть и болѣе.

Тогда велѣно было собирать оставшихся поляковъ и приводить на земскій дворъ. Имъ составляли реестръ, въ которомъ записывали ихъ имена и должности. Слугъ, у которыхъ господа уцѣлѣли, отдавали имъ, а тѣмъ, у которыхъ господа были побиты, размѣстили по квартирамъ, дали имъ содержаніе и одежды, потому что они всѣ почти были ограблены до ниточки. Изъ нихъ сто пятьдесятъ человѣкъ людей шляхетскаго достоинства, служившіе царю и царицѣ, отправлены были на посольскій дворъ и отданы посламъ. «Надобно честь отдать москвитянамъ, говорили послы; всякому, кто называлъ себя посольскимъ, давали пощаду и приводили на посольскій дворъ, только облупливали ихъ до ниточки.» Всѣмъ полякамъ, служившимъ у бывшаго государя, объявили, что они будутъ отправлены въ отечество, но знатнѣйшіе паны будутъ оставлены до тѣхъ поръ, пока бояре не объяснятся съ польскимъ правительствомъ и не узнаютъ расположенія короля Сигизмунда. Назначенныхъ къ отправленію было до 600 человѣкъ, но вѣроятно, кромѣ слугъ. Имъ однако не возвращали лошадей, а погнали пѣшкомъ и на скудномъ содержаніи.

Бояре, чтобъ показать, что они не потакаютъ народному грабежу и насиліямъ, приказывали доставлять въ казну ограбленное у поляковъ; но это приказаніе худо исполнялось. Нѣсколько лошадей и каретъ дѣйствительно было доставлено, потому что ихъ украсть было трудно, а ручныя вещи никто не думалъ отдавать, а отыскать ихъ для отдачи по принадлежности было невозможно: удалые молодцы тотчасъ же спустили ихъ, а потомъ онѣ переходили въ третьи и четвертыя руки.

---

[1]) Hist. Russ. Mon. II, 177. — Bibl. Krasin. B. 3.

XIV.

Поруганіе надъ трупомъ Димитрія. — Слухи въ народѣ, и сожженіе трупа.

Обезображенныя и обнаженныя тѣла убитаго царя и Басманова лежали субботу и воскресенье. Москвичи ругались надъ ними и приговаривали: «ахъ, ты разстрига, б...... сынъ! сколько ты зла натворилъ въ нашей землѣ! всю царскую казну промоталъ, вѣру нашу хотѣлъ искоренить!» Его помазали дегтемъ и всякою дрянью. Московскія женщины ругались надъ нимъ самымъ безстыднѣйшимъ образомъ. Наконецъ, велѣно было прибрать оба трупа. Басманова выпросили родственники и похоронили у Николы Мокраго. Тѣла Димитріева не кому было выпросить, и не дали бы его. Его считали чернокнижникомъ, отступникомъ. Говорили, когда онъ лежалъ на площади, то въ полночь слышны были около него бой бубновъ, играніе на сопѣляхъ, пѣніе пѣсенъ. «Это—говоритъ нашъ хронографъ—бѣсы приносили честь любящему ихъ растригѣ и радовались о пришествіи своего угодника!» Другіе говорили, что около тѣла его ночью показывались изъ-подъ земли огоньки; когда караульные подходили, огонекъ исчезаетъ, а потомъ, какъ отойдутъ, огонекъ опять появляется. Въ понедѣльникъ его свезли въ убогій домъ. Но только-что его вывезли, какъ поднялась ужасная буря, сорвала кровлю съ башни на Кулишкахъ и разломала деревянную стѣну у Калужскихъ воротъ на Замоскворѣчьи. Похожее явленіе бури случилось при въѣздѣ его въ Москву; въ воображеніи народномъ эти событія совпадали между собою какъ-то странно. Толпа любопытныхъ шла за нимъ. Его бросили въ яму, куда складывали нищихъ, замерзшихъ и опившихся. Но вдругъ по Москвѣ разнесся слухъ, что тѣло его невидимою силою вышло изъ той ямы и очутилось на просторномъ мѣстѣ; надъ нимъ видали двухъ голубковъ: только что подойдутъ къ нему, голубки исчезаютъ; только что отойдутъ — опять появляются и сидятъ на тѣлѣ. Велѣли зарыть поглубже въ землю. Прошло семь дней, и вдругъ тѣло убитаго царя очутилось невредимо на кладбищѣ, въ четверти версты отъ убогаго дома. Это извѣстіе потрясло всю Москву. «Ну, видно (говорили москвичи), онъ не простой былъ человѣкъ, когда земля его тѣла не принимаетъ! Онъ колдунъ, учился у лопарей колдовать, а они такое средство знаютъ, что сами себя велятъ убить, а потомъ оживутъ [1]).» — «Онъ, говорили иные, въ Польшѣ продалъ бѣ-

---

[1]) Petrei, 194.

самъ душу и написалъ рукописаніе: бѣсы обѣщали его сдѣлать царемъ, а онъ обѣщалъ тогда отъ Бога отступиться [1].» — «Да не самъ ли онъ бѣсъ? — говорили нѣкоторые: онъ явился въ человѣческомъ видѣ, чтобъ смущать христіанъ и творить себѣ смѣхъ и игрушку съ тѣхъ, которые отпадутъ отъ христіанской вѣры.» Иные говорили, что онъ мертвецъ, нѣкогда жившій, а потомъ умершій и оживленный бѣсовскою силою на горесть христіанству.

Шуйскій старался поддерживать эти толки, чтобъ заглушить толки другого рода. Въ тѣ дни, когда тѣло Димитрія лежало на площади, были ночью морозы; и въ этомъ нашли соотношеніе съ Димитріемъ. «Пока тѣло его не будетъ уничтожено, не избыть бѣды московской землѣ!» говорили въ Москвѣ.

Несчастное это тѣло вырыли, провезли опять черезъ Москву и сожгли за Серпуховскими воротами, на мѣстѣ называемомъ Котлы, въ томъ срубѣ, который строилъ покойникъ, чтобъ доставить своимъ подданнымъ увеселительное зрѣлище западно-рыцарскаго турнира и примѣрныхъ битвъ. Разсказывали, что не съ разу поддалось огню тѣло волшебника. Бросили его въ огонь — обгорѣли руки и ноги, а тѣло самое не сгорѣло; донесли объ этомъ Василію Шуйскому, уже царю; тогда по царскому повелѣнію его изрубили въ куски и опять бросили въ огонь [2]). Потомъ пепелъ собрали, всыпали въ пушку и выстрѣлили изъ этой пушки, обративъ ее въ ту сторону, откуда онъ пришелъ въ Москву. «Вотъ теперь — говорили москвичи — онъ не встанетъ, и не надѣлаетъ намъ бѣды?»

Вторая часть нашего труда: «Царь Василій Шуйскій и Воры», покажетъ, какъ ошиблись въ этомъ случаѣ московскіе люди.

Н. Костомаровъ.

---

[1]) Хроногр. Погод. 1456.
[2]) Żelanski.

(Продолженіе въ слѣдующей книгѣ).

II.

ПЕРВАЯ ЭПОХА

ПРЕОБРАЗОВАНІЙ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I.

(1801 — 1805 г.).

НАРОДНОЕ ПРОСВѢЩЕНІЕ *).

Суды воюютъ съ преступленьемъ,
Но со страстьми и заблужденьемъ
Одни писатели въ войнѣ.....
Крыловъ.

Императоръ Александръ, при самомъ вступленіи на престолъ, торжественно изъявивъ намѣреніе «управлять по законамъ и по сердцу Великой Екатерины», не могъ оставить безъ вниманія выраженную въ Наказѣ ея высокую истину, что «са-

---

*) Настоящая статья составляетъ особую главу того же составляемаго авторомъ обширнаго труда: *«Исторія Императора Александра I и Россіи въ его время»*, откуда уже сдѣлано было заимствованіе въ нашемъ первомъ томѣ (Мартъ 1866. Отд. I, стр. 155). — Обѣщаніе редакціи продолжить приложеніе къ первой статьѣ не можетъ быть ею исполнено по нежеланію лицъ, владѣющихъ рукописями гр. П. А. Строганова, откуда были почерпнуты главныя объясненія къ государственнымъ реформамъ, задуманнымъ въ первую эпоху пяти лѣтъ царствованія императора Александра I.
Ред.

мымъ надежнымъ средствомъ сдѣлать людей лучшими и предупредить преступленія есть разумное воспитаніе». Съ одной стороны, личный примѣръ мудрой монархини, наставницы Александра отъ самой колыбели, съ другой — внушенія Лагарпа, поселили въ душѣ юноши, предназначеннаго къ престолу, благотворную мысль, что матеріальное и нравственное преуспѣяніе всякого народа состоитъ въ прямой связи съ его просвѣщеніемъ. Конечно, императоръ Александръ не увлекался пламенною любовью къ высокому дару божію — наукѣ, не окружалъ себя учеными и не велъ переписки съ иностранными литераторами, подобно Фридриху и Екатеринѣ. Самое убѣжденіе его въ пользѣ народнаго образованія не устояло въ борьбѣ съ политическими идеями, имъ усвоенными въ послѣдніе годы его жизни. Тѣмъ не менѣе однакоже, благодаря ему, было сдѣлано много по части просвѣщенія въ Россіи.

Еще при Петрѣ Великомъ, который «ввелъ къ намъ европейскую науку и далъ ей пріютъ на окраинѣ обширнаго государства въ новосозданной академіи наукъ [1]», знаменитый Лейбницъ предложилъ основать въ Россіи нѣсколько университетовъ, совѣтуя преимущественно обратить вниманіе на Москву, и за тѣмъ — на Астрахань, Кіевъ и Петербургъ [2]. Ломоносовъ убѣдительно доказывалъ необходимость учредить университетъ въ Петербургѣ. Въ 1755 году, достойная дочь Петра, Елисавета, по проекту русскаго мецената, Ивана Ивановича Шувалова, основала первый русскій университетъ, въ Москвѣ. Порицатели Россіи и всего русскаго находили неумѣстнымъ учрежденіе высшихъ ученыхъ и учебныхъ заведеній въ такомъ государствѣ, гдѣ еще не было школъ для обученія грамотѣ. Но если бы у насъ повели дѣло иначе и начали съ учрежденія низшихъ училищъ, то откуда бы могли получить свѣдѣнія о мѣстныхъ обстоятельствахъ различныхъ областей страны? Да и кто-бы исполнилъ проектъ общаго народнаго образованія [3]? Слѣдовательно, основаніе университетовъ въ Россіи было не роскошью, а насущною потребностью науки. Впрочемъ, также несомнѣнно и то, что нельзя ограничиться исключительною заботою о высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и предоставить развитіе низшихъ училищъ ихъ собственной судьбѣ.

---

[1]) М. Сухомлиновъ. Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи, въ царствованіе императора Александра I. Журналъ Министерства народнаго просвѣщенія. Октябрь, 1865.

[2]) П. Пекарскій. Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ. I, 25 и пр.

[3]) H. Storch. Russland unter Alexander dem Ersten. VI, 201.

При учрежденіи московскаго университета, предполагали не принимать крѣпостныхъ людей, ни въ университетъ, ни въ гимназіи — «потому что науки считаются *благородными* занятіями». Ломоносовъ, отстаивая право каждаго русскаго, получать высшее образованіе, ссылался на необходимость въ свѣдущихъ людяхъ. «Будтобы сорокъ алтынъ — писалъ онъ — толь великая и казнѣ тяжелая была сумма, которой жаль потерять на пріобрѣтеніе ученаго природнаго россіянина, а лучше выписывать». Такіе доводы были убѣдительны; еще убѣдительнѣе былъ примѣръ самого Ломоносова: рѣшено — предоставить высшее образованіе всѣмъ сословіямъ [1]).

Императрица Екатерина II поручила составить проектъ основанія училищъ, на всемъ пространствѣ Имперіи, особенной коммисіи, подъ предсѣдательствомъ графа Петра Васильевича Завадовскаго. По плану, начертанному коммисіей и утвержденному государинею, предполагалось учредить во всѣхъ уѣздныхъ городахъ «малыя народныя училища», изъ двухъ классовъ, для первоначальнаго образованія дѣтей всѣхъ сословій, а въ губернскихъ — «главныя народныя училища», изъ четырехъ классовъ, для обученія молодыхъ людей всѣхъ состояній, не только математическимъ, естественнымъ и словеснымъ наукамъ, но отчасти и изящнымъ искусствамъ. Для высшаго же образованія хотѣли основать университеты въ Пензѣ, Екатеринославѣ, Черниговѣ и Псковѣ. Общій надзоръ за ходомъ народнаго просвѣщенія былъ порученъ *Главному правленію училищъ*. Всѣ предположенныя учебныя заведенія долженствовали быть основаны на счетъ приказовъ общественнаго призрѣнія, но какъ суммы, состоявшія въ вѣдѣніи приказовъ, оказались недостаточны, то главныя (губернскія) училища были открыты только въ немногихъ городахъ; учрежденіе-же университетовъ отложено на неопредѣленное время [2]).

По восшествіи на престолъ императора Александра I, распоряженія правительства по части народнаго просвѣщенія вообще относились: во-первыхъ, къ основанію и преобразованію учебныхъ и ученыхъ заведеній; во-вторыхъ, къ распространенію научныхъ свѣдѣній; и въ третьихъ, къ поощренію занятій науками, литературою и художествами. Министру народнаго просвѣщенія были подчинены: Главное правленіе училищъ, Академія наукъ, Россійская академія и всѣ учебныя заведенія, кромѣ предоставленныхъ попеченію вдовствующей императрицы, либо состоявшихъ въ управленіи другихъ особъ или мѣстъ; ему же

---

[1]) М. Сухомлиновъ, Матеріалы для ист. образ. въ Россіи и т. д.

[2]) Тамъ же.

поручены: типографіи казенныя и частныя, цензура, публичныя библіотеки, музеи, кабинеты естественной исторіи и всякія учрежденія на пользу наукъ [1]).

Первымъ министромъ народнаго просвѣщенія былъ графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій. Сынъ казака, уроженецъ черниговской губерніи, Завадовскій учился сперва въ домѣ своего дѣда, малороссійскаго подкоморія (судьи) Ширяя, потомъ — въ оршинскомъ іезуитскомъ училищѣ, и наконецъ въ кіевской духовной академіи: тамъ развилась въ немъ любовь къ классическимъ латинскимъ писателямъ, имѣвшая большое вліяніе на обработку его слога. Молодой Завадовскій считался однимъ изъ лучшихъ дѣльцовъ малороссійской глуховской коллегіи и обратилъ на себя вниманіе Румянцова-Задунайскаго, который взялъ его въ свой штатъ и ввѣрилъ ему свою секретную канцелярію. Императрица Екатерина, получая ясныя, хорошо написанныя донесенія фельдмаршала, знала, что ихъ составлялъ правитель его канцеляріи, и Завадовскій былъ представленъ ко двору. По заключеніи Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, Завадовскому, въ 1775 году, повелѣно быть при императрицѣ «у принятія челобитень и для прочихъ дѣлъ». Завадовскій, въ цвѣтѣ лѣтъ, одаренный счастливою наружностью, ловкій, находчивый, возбуждалъ вниманіе и зависть царедворцевъ: одни видѣли въ немъ опаснаго соперника Потемкину, съ нетерпѣніемъ ожидая, чтобы новый любимецъ фортуны замѣнилъ всесильнаго временщика; другіе не могли спокойно переносить быстрое превращеніе выскочки-украинца въ вельможу. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, Завадовскій былъ назначенъ сенаторомъ, предсѣдателемъ главнаго правленія училищъ и главнымъ директоромъ банковъ, и пожалованъ графомъ римской имперіи. Императоръ Павелъ возвелъ его въ графское достоинство Россійской имперіи, но впослѣдствіи отставилъ отъ службы, за неисправности въ банкѣ, ввѣренномъ его управленію [2]). Императоръ Александръ I, въ день восшествія на престолъ, снова призвалъ графа Завадовскаго къ государственной дѣятельности и поручилъ ему сперва коммисію составленія законовъ, а потомъ министерство народнаго просвѣщенія. При Завадовскомъ, благодаря усиліямъ правительства и жаждѣ къ наукѣ народа, устремившагося на встрѣчу образованію, было сдѣлано по этой части гораздо болѣе въ восемь лѣтъ, нежели во все предшествовавшее столѣтіе.

---

[1]) Манифестъ объ учрежденіи министерствъ, 8 сентября 1802 года (Полн. Собр. Закон. т. XXVII. № 20,406).

[2]) Указъ 8 ноября 1799 года.

Товарищъ министра просвѣщенія, извѣстный писатель и филологъ Михаилъ Никитичъ Муравьевъ, былъ однимъ изъ наставниковъ великаго князя Александра Павловича и вмѣстѣ съ Лагарпомъ имѣлъ большое вліяніе на образованіе ума и сердца царственнаго питомца. Бесѣдуя съ юнымъ Александромъ, Муравьевъ ставилъ въ примѣръ будущему властителю Россіи Марка-Аврелія, который, «будучи преисполненъ любовью къ человѣчеству, посвятилъ себя его пользамъ и заставилъ римлянъ позабыть о потерѣ свободы». Онъ убѣждалъ юношу, отъ самой колыбели предназначеннаго къ престолу, въ необходимости уваженія къ законамъ, въ благотворномъ вліяніи просвѣщенія, въ пользѣ свободы изслѣдованія, въ превосходствѣ разумнаго убѣжденія надъ грубою силою. Таковъ же былъ характеръ и послѣдующей дѣятельности Муравьева. По словамъ Батюшкова: «Муравьевъ, какъ человѣкъ государственный, какъ попечитель московскаго учебнаго округа, принималъ живѣйшее участіе въ успѣхахъ университета, которому въ молодости былъ обязанъ своимъ образованіемъ. Онъ имѣлъ обширныя свѣдѣнія во всѣхъ отрасляхъ наукъ, зналъ древніе языки, соединялъ въ себѣ дарованія съ искренностью и кротостью. При встрѣчѣ съ нимъ казалось, что снова посѣтилъ землю одинъ изъ тѣхъ свѣтильниковъ философіи, которые нѣкогда рождались подъ счастливымъ небомъ Аттики, для разлитія умозрительной и практической мудрости, для утѣшенія и назиданія человѣчества краснорѣчивымъ словомъ и краснорѣчивѣйшимъ примѣромъ [1].» Карамзинъ, въ заключеніе предисловія къ сочиненіямъ Муравьева, пишетъ: «страсть его къ ученію равнялась въ немъ только съ страстью къ добродѣтели [2].» Не смотря на любовь свою къ древней классической литературѣ, Муравьевъ признавалъ важное значеніе математики, исторіи и естественныхъ наукъ, и будучи наставникомъ великихъ князей, составилъ для нихъ «Краткое начертаніе Россійской Исторіи» и нѣсколько статей «О россійскомъ землеописаніи». По его мнѣнію: «историкъ долженъ, не ограничиваясь безплоднымъ и утомительнымъ начертаніемъ сраженій, обращать преимущественно вниманіе на событія, способствовавшія успѣхамъ народнаго просвѣщенія, либо замедлявшія ходъ его; въ особенности же достойны вниманія наблюдателя: нравы, образъ мыслей, повѣрья и обычаи общества».... [3]). Непродолжительное управленіе Муравьева московскимъ учебнымъ окру-

---

[1]) Рѣчь о вліяніи на языкъ легкой поэзіи.
[2]) Сочиненія М. Н. Муравьева. Изд. 1810 года. Т. I. Предисловіе.
[3]) Сочиненія М. Н. Муравьева.

гимъ, съ 1803 по 1807 годъ, ознаменовалось: полезными преобразованіями, приглашеніемъ русскихъ ученыхъ и вызовомъ изъ-за границы профессоровъ на вакантныя каѳедры; открытіемъ при университетѣ ученыхъ обществъ, и въ числѣ ихъ знаменитаго «Общества исторіи и древностей россійскихъ [1]).» Не забудемъ также, что Муравьевъ оцѣнилъ вполнѣ важность ученаго предпріятія Карамзина — созданія русской исторіи, и вліяніемъ своимъ сдѣлалъ для него доступными драгоцѣнные матеріалы, послужившіе основаніемъ его сочиненію [2]).

Вмѣстѣ съ учрежденіемъ министерства народнаго просвѣщенія, въ 1802 году, возобновился вопросъ объ основаніи университетовъ въ Россіи, и въ первомъ-же совѣщаніи коммисіи училищъ академики Озерецковскій и Фуссъ приняли на себя составленіе проектовъ о выборѣ пунктовъ для университетовъ и опредѣленіи учебныхъ округовъ. Изъ поданныхъ впослѣдствіи обоими профессорами мнѣній, Главное управленіе училищъ предпочло проектъ Фусса, наиболѣе согласный съ идеями князя Чарторыскаго, который предложилъ учредить школы: приходскія, уѣздныя, губернскія и университеты, избравъ для послѣднихъ города: Москву, Петербургъ, Казань, Дерптъ, Вильну и Харьковъ. Для устройства университетовъ въ общей связи съ прочими училищами, Главное правленіе приступило къ разбору общаго плана народнаго образованія, составленнаго, подъ руководствомъ коммиссіи училищъ, правителемъ дѣлъ ея Василіемъ Назаровичемъ Каразинымъ, начавъ обсужденіе этого труда съ университетскаго устава и поручивъ разсмотрѣть его по частямъ членамъ главнаго управленія: Фуссу, Озерецковскому, Янковичу де-Миріево и Клингеру. Тогда же графъ Завадовскій предложилъ прочимъ членамъ, Чарторыскому и Потоцкому, заняться проектомъ устава для виленскаго университета; уставы же казанскаго и харьковскаго университетовъ положено составить на основаніи устава московскаго университета, измѣнивъ его сообразно съ мѣстными потребностями. Избѣгая односторонности сужденій, Главное правленіе училищъ сочло нужнымъ войти въ сношеніе съ лицами, могшими доставить основательныя и точныя свѣдѣнія объ иностранныхъ университетахъ. Извѣстный умомъ и наблюдательностью графъ д'Антрèгъ (d'Entraigues) сообщилъ правленію свои замѣчанія о лейпцигскомъ университетѣ, гдѣ онъ былъ пораженъ рѣзкою противоположностью между глубокою ученостью профессоровъ и невѣже-

---

[1]) Шевыревъ. Исторія Императорскаго Московскаго университета. 341 — 353.

[2]) М. Сухомлиновъ, Матеріалы для ист. образ. въ Россіи и т. д.

ствомъ студентовъ: по мнѣнію д'Антрѐга, это происходило отъ замѣны публичныхъ курсовъ приватными лекціями за опредѣленную плату: профессоры, получая скудное жалованье, обратились къ частному вознагражденію, и чтобы умножить число своихъ слушателей, стали читать лекціи не на латинскомъ, а на нѣмецкомъ языкѣ. Отъ этого, съ одной стороны, студенты, переставъ заниматься латинскимъ языкомъ, лишились возможности изучать науки по лучшимъ источникамъ, а съ другой — требованіе платы за слушаніе лекцій сдѣлало университетъ недоступнымъ для бѣдныхъ людей. Въ образованіи русскихъ университетовъ принялъ особенное участіе гёттингенскій профессоръ Мейнерсъ, какъ сообщеніемъ своихъ мыслей М. Н. Муравьеву, съ которымъ велъ постоянную переписку, такъ и своими сочиненіями по исторіи образованія, именно: 1) Ueber die Verfassung und Verwaltung deutscher Universitäten (объ устройствѣ и управленіи нѣмецкихъ университетовъ) и 2) Geschichte der Entstehung und Entwickelung der hohen Schulen unsers Erdtheils (исторія происхожденія и развитія высшихъ европейскихъ училищъ). По мнѣнію Мейнерса, университетскіе курсы должны имѣть преимущественно теоретическій характеръ; примѣненіе-же къ практикѣ усвоенныхъ студентами свѣдѣній надлежитъ предоставить послѣдующей дѣятельности обучающихся. Преподаваніе университетскихъ профессоровъ должно быть свободно отъ всякой повѣрки, и даже пребываніе попечителей въ тѣхъ городахъ, гдѣ находятся университеты, весьма вредно, потому что попечитель, постоянно живя въ университетскомъ кругу, не можетъ устранить себя отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла университета. При основаніи русскихъ университетовъ, въ началѣ царствованія Александра I, попечители учебныхъ округовъ, будучи, вмѣстѣ съ тѣмъ, и членами главнаго правленія училищъ, были обязаны имѣть постоянное пребываніе въ столицѣ и посѣщать ввѣренные имъ округи одинъ разъ въ два года, чтò, по мнѣнію Мейнерса, было полезнѣе безвыѣзднаго проживанія попечителей въ округахъ. Касательно университетскихъ правъ и преимуществъ, Мейнерсъ считалъ справедливымъ учрежденіе суда изъ профессоровъ, разбирающаго проступки студентовъ, но возставалъ противъ образованія университетовъ въ видѣ отдѣльныхъ корпорацій. Онъ совѣтовалъ не допускать избранія профессоровъ на вакантныя кафедры, посредствомъ баллотировки, опасаясь пристрастія лицъ принимающихъ въ ней участіе. И дѣйствительно, такое опасеніе было основательно въ отношеніи къ нѣмецкимъ профессорамъ, которые, преимущественно читая приватныя лекціи и стараясь привлечь

къ себѣ какъ можно болѣе слушателей, иногда руководились своекорыстнымъ разсчетомъ устранить даровитаго соперника; но у насъ, въ Россіи, при чтеніи безплатныхъ курсовъ, выборъ профессоровъ по баллотировкѣ не могъ подать повода къ подобнымъ злоупотребленіямъ.

Стараясь доказать необходимость свободы ученія, Мейнерсъ отвергалъ — и вступительные экзамены, и назначеніе возраста для молодыхъ людей, принимаемыхъ въ студенты. Въ особенности же онъ старался развить мысль о призваніи университета, «образовать не только умъ, но и сердце молодыхъ людей, и укрѣплять ихъ нравственно, пріучая къ собственному надзору за своими поступками». По его мнѣнію, любознательность и трудъ были лучшими стражами чистоты нравовъ.

Учрежденіе *коммисіи училищъ*, впослѣдствіи получившей названіе *Главнаго училищъ правленія*, было рѣшено въ негласномъ комитетѣ сотрудниковъ государя: графа Кочубея, Новосильцова, князя Чарторыскаго и графа Строганова. Императоръ Александръ I, въ первые же дни по своемъ вступленіи на престолъ, принявъ намѣреніе преобразовать народныя училища, желалъ знать мнѣніе о томъ своего бывшаго наставника Лагарпа. Въ проектѣ, составленномъ Лагарпомъ, было предложено учредить комитетъ народнаго образованія, поставя во главѣ его министра, непосредственно докладывающаго государю о важнѣйшихъ дѣлахъ своего вѣдомства. Центральное управленіе, ему подчиненное, долженствовало имѣть отрасли на всемъ пространствѣ Имперіи и инспекторовъ, по выбору отъ дворянства, для наблюденія за ходомъ преподаванія. По мнѣнію Лагарпа, слѣдовало снабдить школьными учителями всѣ селенія, что — конечно, по недостатку въ такихъ людяхъ трудно вездѣ, и особенно въ Россіи, но не начавъ ничего, нельзя ничего достигнуть (si on ne commence rien, on n'arrivera à rien), и только лишь со временемъ можно исполнить эти предположенія. Тогда же Лагарпъ изъявилъ желаніе получить обстоятельныя свѣдѣнія о состояніи учебной части въ Россіи.

При обсужденіи задуманныхъ императоромъ Александромъ преобразованій, сотрудники государя изъявили мнѣніе, что наши училища представляли картину чрезвычайной пестроты. По словамъ ихъ, народное образованіе требовало удобнѣйшаго и легчайшаго распространенія наукъ, такъ, чтобы самыя необходимыя свѣдѣнія сдѣлались доступны для всѣхъ гражданъ. Но, кромѣ

того, общество нуждается въ людяхъ обладающихъ спеціальными познаніями, для пріобрѣтенія коихъ служатъ особыя училища: артиллерійское, инженерное, морское, горное, юридическое, и проч. Такъ были устроены учебныя заведенія во Франціи. Государь, одобривъ эти идеи, сказалъ однакоже, что мы находимся въ иныхъ обстоятельствахъ, и что у насъ были многія старинныя учрежденія, къ коимъ надлежало примѣнить новыя [1]).

Въ составѣ коммисіи училищъ, подъ управленіемъ министра народнаго просвѣщенія, первоначально находились: тайные совѣтники князь Чарторыскій и графъ Потоцкій, генералъ-маіоры Клингеръ и Хитровъ, академики Озерецковскій и Фуссъ; правителемъ дѣлъ былъ назначенъ коллежскій совѣтникъ Каразинъ. Главною цѣлью коммисіи было поставлено учрежденіе университетовъ [2]).

Въ послѣдствіи повелѣно, чтобы Главное правленіе училищъ состояло изъ попечителей учебныхъ округовъ и другихъ членовъ по высочайшему назначенію [3]), и потому, кромѣ помянутыхъ лицъ, еще поступили членами правленія: товарищъ министра народнаго просвѣщенія и попечитель московскаго округа Муравьевъ, попечитель с.-петербургскаго округа Новосильцовъ, сенаторъ Свистуновъ, тайный совѣтникъ Янковичъ де-Миріево и попечитель казанскаго округа дѣйствительный статскій совѣтникъ Румовскій.

Въ числѣ членовъ главнаго правленія училищъ наиболѣе вліятельнымъ, по довѣрію къ нему государя, былъ князь Адамъ Чарторыскій, товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ и попечитель виленскаго учебнаго округа: послѣднюю должность занималъ онъ цѣлыя двадцать лѣтъ съ 1803 по 1823 годъ. Ему принадлежитъ планъ устройства учебныхъ заведеній Имперіи, вошедшій въ число важнѣйшихъ матеріаловъ при начертаніи системы народнаго просвѣщенія. Что-же касается до распоряженій его по университету и округу, то, по собственному сознанію Чарторыскаго, занятія его въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и постоянное пребываніе въ Петербургѣ, Москвѣ и за границею не дозволяли ему входить въ подробности училищнаго устройства [4]). Главною заботою его было давать округу общее направленіе и ходатайствовать о щедромъ удовлетворе-

---

[1]) Изъ частныхъ записокъ.

[2]) Именной указъ сенату, отъ 8-го сентября 1802 г. (Полн. Собр. Закон. т. XXVII, № 20,407).

[3]) Указъ объ устройствѣ училищъ, отъ 24 января 1803 года. (Полн. Собр. Закон. т. XXVII, № 20,597).

[4]) Alexandre I et le prince Czartoryski. 337.

ніи вещественнымъ потребностямъ ввѣреннаго ему округа [1]). Посѣщая лишь изрѣдка виленскій университетъ, князь Чарторыскій дѣлалъ распоряженія, обличающія просвѣщенный взглядъ его на потребности современнаго образованія. Отлагая изложеніе принятыхъ имъ мѣръ до общаго обзора его дѣятельности по учебной части, замѣтимъ, что существеннымъ условіемъ для успѣшнаго хода просвѣщенія Чарторыскій признавалъ правильное устройство училищъ и опредѣленную связь между ними, какъ между частями стройнаго цѣлаго [2]). Къ сожалѣнію, народное образованіе для Чарторыскаго было не *цѣлью*, съ достиженіемъ которой возвысилось-бы нравственное и матеріальное состояніе народа, а *средствомъ* для полонизаціи жителей края, коихъ огромное большинство, и тогда, какъ и теперь, состояло изъ русскихъ. Чарторыскій, будучи однимъ изъ представителей аристократической касты, надѣялся воспользоваться ея превосходствомъ въ образованіи и въ вещественныхъ способахъ надъ неразвитою массою народа для распространенія предѣловъ Польши, которая, по его понятіямъ, должна была заключать въ себѣ не только собственно-польскія области, но и Литву, Бѣлоруссію и даже значительную часть Малороссіи съ Кіевомъ — второю колыбелью русскаго государства. Напрасно императоръ Александръ старался убѣдить его въ несбыточности такихъ плановъ, увѣряя, что никакая логика въ мірѣ не заставитъ русскихъ отказаться отъ своихъ правъ на Литву, Волынь и Подолію [3]). Чарторыскій, по его собственному

---

[1]) Кромѣ экстраординарныхъ суммъ, отпущенныхъ на содержаніе виленскаго университета и учебнаго округа, штатная сумма сего университета 105,000 рублей серебромъ равнялась по курсу 1802 года 147,000 рублей ассигнаціями, слѣдовательно превышала штатную сумму, назначенную для каждаго изъ прочихъ университетовъ семнадцатью тысячами рублей; впослѣдствіи же, вмѣстѣ съ пониженіемъ курса, различіе между штатными суммами виленскаго и прочихъ университетовъ сдѣлалось еще значительнѣе.

Вызванные изъ Вѣны въ виленскій университетъ профессоры медицинскихъ наукъ, Іоганнъ Петеръ Франкъ и сынъ его Іосифъ, были приглашены на слѣдующихъ условіяхъ: Петеру Франку назначено жалованье ежегодно 6,000 рублей серебромъ и дана удобная квартира; въ случаѣ болѣзни, которая не позволила бы ему исполнять должность профессора, обѣщана ему пенсія въ три тысячи рублей серебромъ, а, въ случаѣ его смерти, обѣимъ его дочерямъ, до замужства, пенсія, каждой въ пятьсотъ рублей серебромъ. Младшему Франку назначено жалованья 2,000 рублей серебромъ и дана удобная квартира; онъ долженъ былъ наслѣдственно занять одну изъ двухъ каѳедръ отца своего съ жалованьемъ въ годъ по 3,000 рублей серебромъ. Путевыя издержки отъ Вѣны до Вильны обоихъ профессоровъ были приняты на счетъ университета (Періодическое сочиненіе объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія. IX, 200—201).

[2]) М. Сухомлиновъ, Матеріалы для ист. образ. въ Россіи и т. д.

[3]) Alexandre I et le prince Czartoryski. 208 — 209.

сознанію, вступилъ въ русскую службу единственно для возстановленія самобытной Польши, и вѣрнѣйшимъ средствомъ къ тому считалъ введеніе въ народныя школы польскаго языка преимущественно предъ русскимъ. Въ уставахъ училищъ виленскаго округа, подъ названіемъ «словесность» разумѣлась не русская, а польская словесность, да и всѣ науки тамъ излагались на польскомъ языкѣ; въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ преподаватель польской грамматики состоялъ въ спискѣ старшихъ учителей, а преподаватель русскаго языка считался младшимъ — наравнѣ съ учителями иностранныхъ языковъ и рисованія [1]). Католическое духовенство принимало дѣятельное участіе въ полонизаціи страны. По его опредѣленію, заведены были школы при всякой приходской церкви и при всякомъ монастырѣ. Священникамъ (ксендзамъ) поставлено было въ обязанность: «пріобрѣтать довѣренность учащихся» и «быть посредниками между учителями и родителями своихъ воспитанниковъ [2]).» Въ такомъ положеніи находился виленскій учебный округъ подъ управленіемъ князя Чарторыскаго.

Совершенно иной характеръ представляетъ намъ дѣятельность члена главнаго правленія училищъ и попечителя харьковскаго университета, графа Северина Осиповича Потоцкаго. Посвятивъ себя всецѣло пользѣ Россіи, онъ оказалъ незабвенныя заслуги краю, въ которомъ было поручено ему водворить просвѣщеніе. Потоцкій, одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, считалъ для себя призваніемъ распространять науки и привлекать достойныхъ дѣятелей во ввѣренной ему учебный округъ. Приглашая въ Россію иностранныхъ ученыхъ, онъ старался преимущественно замѣщать вакантныя кафедры природными русскими и успѣвалъ въ томъ; съ самого открытія университета туда поступили снискавшіе своими послѣдующими трудами громкую извѣстность: Рижскій, Тимковскій, Осиповскій, и потомъ — Успенскій. Графъ Потоцкій, не живя постоянно въ Харьковѣ, являлся тамъ въ важнѣйшія минуты университетской жизни, говорилъ рѣчи исполненныя достоинства и сочувствія къ наукѣ, содѣйствовалъ связи университета съ обществомъ, принималъ участіе въ рѣшеніи научныхъ вопросовъ и заботился объ учрежденіи минералогическаго кабинета, и вообще объ учебныхъ пособіяхъ университета. По словамъ про-

---

[1]) Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія. I, 58 — 59. Уставъ виленскаго университета.

[2]) Сборн. постановл. I, 430 — 431 и 444. Уставъ приходскихъ училищъ въ губерніяхъ Волынской, Кіевской и Подольской.

фессора Сухомлинова: «Если бы идеалы были возможны въ дѣйствительной жизни, Потоцкаго слѣдовало бы назвать идеаломъ попечителя, какъ понималось это званіе первымъ уставомъ русскихъ университетовъ.... Не вмѣшиваясь во всѣ нити администраціи, не нарушая автономіи, безъ которой университетская жизнь тоже, что тѣло безъ души, Потоцкій, достойный вождь университета, открылъ ему способы къ развитію ученой дѣятельности и былъ дѣйствительнымъ представителемъ его въ главномъ правленіи училищъ [1]).»

Генералъ-маіоръ Ѳедоръ Ивановичъ Клингеръ, сперва директоръ перваго кадетскаго корпуса, а потомъ членъ главнаго правленія училищъ, попечитель дерптскаго учебнаго округа, былъ извѣстенъ своими литературными трудами на нѣмецкомъ языкѣ. Весьма замѣчательно, что литераторъ, сдѣлавшись педагогомъ, и вѣроятно опасаясь вліянія на молодежь своихъ сочиненій, отличающихся необузданною энергіей и мрачнымъ взглядомъ на жизнь, самъ заботился о запрещеніи ихъ впуска въ Россію.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Степанъ Яковлевичъ Румовскій, выбранный Ломоносовымъ по экзамену изъ учениковъ невской семинаріи — «взятъ въ службу академіи наукъ студентомъ въ 1748 году», имѣя отъ роду 16 лѣтъ. Слушая лекціи Ломоносова и заслуживъ его одобреніе своими дѣльными отвѣтами, Румовскій былъ посланъ въ Берлинъ къ знаменитому Леонарду Эйлеру и по возвращеніи въ Петербургъ опредѣленъ профессоромъ астрономіи, а потомъ назначенъ вице-президентомъ академіи наукъ. Румовскій совершилъ путешествія для астрономическихъ наблюденій въ Селенгинскъ и Колу и написалъ нѣсколько мемуаровъ, заслужившихъ похвалу иностранныхъ ученыхъ. Въ званіи члена Россійской академіи, онъ трудился надъ составленіемъ академическаго словаря, собиралъ матеріалы для грамматики и занимался, въ продолженіи тридцати лѣтъ, редакціей календаря академіи наукъ. Въ 1803 году, Румовскій, будучи назначенъ членомъ главнаго правленія и попечителемъ казанскаго округа, уже семидесяти лѣтъ отъ рода, дѣятельно трудился, вмѣстѣ съ академиками Озерецковскимъ и Фуссомъ, надъ разсмотрѣніемъ учебныхъ руководствъ и усердно исправлялъ должность попечителя. При немъ были вызваны изъ-за границы, для занятія въ университетѣ каѳедръ, знаменитые германскіе ученые: естествоиспытатель и поэтъ Броннеръ; профессоръ Бартельсъ, о которомъ Лапласъ сказалъ, что считаетъ его первымъ математикомъ, потому что онъ былъ учителемъ Гаусса,

---

[1]) М. Сухомлиновъ, Матеріалы для исторіи образ. въ Россіи и т. д.

и профессоръ астрономіи въ краковскомъ университетѣ Литтровъ: послѣдній, совершивъ съ чрезвычайными затрудненіями долгій путь изъ Кракова въ Казань, заботился только объ отправленныхъ имъ туда книгахъ, говоря, что «не можетъ жить безъ своей библіотеки, а жалованьемъ доволенъ такимъ-же, какое получали прочіе астрономы и профессоры математики.» Такая умѣренность скромнаго ученаго тѣмъ болѣе замѣчательна, что другіе иностранцы усердно хлопотали о большихъ окладахъ. Для преподаванія восточныхъ языковъ былъ призванъ изъ Ростока профессоръ Френъ и др. [1]).

Академикъ Николай Яковлевичъ Озерецковскій, уроженецъ московской губерніи, учился въ Троицкой лаврѣ и въ петербургской академической гимназіи, и довершилъ свое образованіе въ страсбургскомъ и лейденскомъ университетахъ, получивъ въ послѣднемъ ученую степень доктора медицины. Онъ путешествовалъ по Россіи для научныхъ изслѣдованій, издалъ Зоологію — сочиненіе весьма замѣчательное въ то время, когда естествознаніе находилось въ младенчествѣ, и въ должности члена главнаго правленія училищъ, по порученію начальства, занимался разсмотрѣніемъ учебныхъ руководствъ и редакціей оффиціальнаго журнала, подъ названіемъ: «Періодическое изданіе объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія.»

Академикъ Николай Ивановичъ Фуссъ, базельскій уроженецъ, изучалъ математику въ тамошнемъ университетѣ, подъ руководствомъ Бернулли, который рекомендовалъ его своему другу Эйлеру, искавшему себѣ помощника по должности профессора математики. На двадцать второмъ году отъ роду, Фуссъ получилъ мѣсто адъюнкта, а спустя восемь лѣтъ — ординарнаго профессора по высшей математикѣ; въ 1800 году, будучи избранъ непремѣннымъ секретаремъ академіи наукъ, оставался въ сей должности двадцать пять лѣтъ, до самой смерти. Въ 1802 году, поступивъ членомъ въ коммисію училищъ, Фуссъ принесъ существенную пользу своими трудами по устройству учебной части [2]).

Въ числѣ лицъ, имѣвшихъ вліяніе на успѣхи народнаго образованія въ Россіи, занималъ не послѣднее мѣсто членъ главнаго правленія училищъ, тайный совѣтникъ Ѳедоръ Ивановичъ Янковичъ де-Миріево, сербъ по происхожденію, русскій по языку и вѣрѣ, вызванный въ Россію, по указанію императора Іосифа II, императрицею Екатериною, въ 1782 году, для устройства на-

---

1) Тамъ же.
2) Тамъ же.

родныхъ школъ. Кромѣ того, Янковичъ занимался изданіемъ учебниковъ, картъ, и проч. [1]).

Положеніе объ устройствѣ учебныхъ заведеній въ Россіи, составленное главнымъ правленіемъ училищъ и высочайше утвержденное 24 января 1803 года, заключало въ себѣ:

Во первыхъ, *Правила о заведеніи училищъ*, которыя, состоя въ вѣдѣніи министра, были поручены главному управленію, съ раздѣленіемъ ихъ вообще на четыре разряда: приходскія, уѣздныя, губернскія или гимназіи и университеты. Учреждены учебные округи, съ университетами для преподаванія высшихъ наукъ; кромѣ существовавшихъ прежде трехъ университетовъ, Московскаго, Виленскаго и Дерптскаго, назначено учредить еще три: въ Петербургѣ, Казани и Харьковѣ, послѣдній въ уваженіе значительныхъ пожертвованій, сдѣланныхъ дворянствомъ и прочими сословіями Харьковской губерніи. За тѣмъ — предположено, по мѣрѣ способовъ, основать университеты: въ Кіевѣ, Тобольскѣ, Устюгѣ-Великомъ и другихъ мѣстахъ. Каждый изъ учебныхъ округовъ, заключающій въ себѣ училища нѣсколькихъ губерній, былъ подчиненъ попечителю, который, по этому званію, былъ однимъ изъ членовъ главнаго правленія училищъ. Каждому изъ университетовъ дано собственное правленіе изъ профессоровъ, подъ предсѣдательствомъ ректора, избираемаго ихъ общимъ собраніемъ.

Во вторыхъ, *Правила о распоряженіяхъ по учебной части*, коими опредѣлены предметы преподаванія въ училищахъ.

Въ третьихъ, главныя основанія управленія училищъ *по хозяйственной части* [2]).

Въ 1803 и 1804 годахъ, высочайше утверждены штаты университетовъ и подвѣдомственныхъ имъ училищъ.

На каждый изъ четырехъ университетовъ, въ С.-Петербургѣ [3]), Москвѣ, Казани и Харьковѣ, назначено ежегодно по 130,000 рубл. [4]), всего же . . . . . 520,000 р.

---

[1]) Θедоръ Ивановичъ Янковичъ де-Миріево, или народныя училища въ Россіи при императрицѣ Екатеринѣ II, А. Воронова.

[2]) Полн. собр. зак. т. XXVII, № 20597.

[3]) Въ Петербургѣ, для приготовленія молодыхъ людей въ учители гимназій, устроено въ 1804 году отдѣленіе предположеннаго университета, подъ названіемъ «Педагогическаго Института».

[4]) Въ составъ учебныхъ округовъ вошли губерніи:

Въ *Московскій:* Московская, Смоленская, Калужская, Тульская, Рязанская, Владимірская, Костромская, Вологодская, Ярославская и Тверская.

На содержаніе 42 гимназій, въ округахъ сихъ университетовъ, по 5,250—5,750—6,250 рублей на каждую [1]), всего-же:	245,600 р.
На содержаніе 405 уѣздныхъ училищъ въ тѣхъ-же округахъ, по 1,250—1,410—1,600 рублей на каждое, всего	563,450 »
На содержаніе Виленскаго университета [2]) назначено ежегодно по	105,000 руб. сереб.
Каждой гимназіи виленскаго округа по	5,300 »
Каждаго изъ уѣздныхъ училищъ . .	2,520 »
Всего-же на виленскій округъ, кромѣ содержанія положеннаго университету, ежегодно	91,756 р. 46 к. с.
На содержаніе Дерптскаго университета [3]) ежегодно по	126,000 »

Въ *Виленскій:* Виленская, Гродненская, Витебская, Могилевская, Минская, Волынская, Подольская и Кіевская.

Въ *Дерптскій:* Лифляндская, Эстляндская, Финляндская и Курляндская.

Въ *Харьковскій:* Слободско-Украинская (Харьковская), Орловская, Курская, Воронежская, Черниговская, Полтавская, Николаевская (Херсонская), Екатеринославская и земли Донскихъ и Черноморскихъ казаковъ.

Въ *Казанскій:* Казанская, Вятская, Пермская, Нижегородская, Тамбовская, Саратовская, Пензенская, Астраханская, Кавказская, Оренбургская, Симбирская, Тобольская и Архангельская.

Въ *С.-Петербургскій:* С.-Петербургская, Псковская, Новгородская, Олонецкая и Архангельская.

(Именной указъ сенату, отъ 24 января 1803 года. Полн. Собр. Закон. т. XXVII, № 20598).

[1]) Всѣ гимназіи и уѣздныя училища, за исключеніемъ губерній: Остзейскихъ, Финляндской, Виленской, Гродненской, Минской, Волынской и Подольской, отнесены, по штату содержанія, къ тремъ разрядамъ. Положено отпускать:

на гимназію	1	разряда по	6,250 рубл.
— —	2	— —	5,750 »
— —	3	— —	5,250 »

Къ первому разряду принадлежали гимназіи: въ Архангельскѣ, Вологдѣ, Вяткѣ, Иркутскѣ, Олонецкѣ, Перми, Петербургѣ и Тобольскѣ.

Ко второму: въ Витебскѣ, Владимірѣ, Калугѣ, Костромѣ, Курскѣ, Могилевѣ, Москвѣ, Новгородѣ, Оренбургѣ, Орлѣ, Псковѣ, Смоленскѣ, Твери, Тулѣ и Ярославлѣ.

Къ третьему: въ Астрахани, Воронежѣ, Екатериноградѣ, Екатеринославлѣ, Казани, Кіевѣ, Нижнемъ Новгородѣ, Пензѣ, Полтавѣ, Рязани, Саратовѣ, Симбирскѣ, Симферополѣ, Тамбовѣ, Харьковѣ, Херсони, Черниговѣ и въ земляхъ Донскихъ и Черноморскихъ казаковъ.

(Полн. собр. закон. т. XXVII, № 20666).

[2]) Уставъ Виленскаго университета и училищъ виленскаго округа. (Полн. собр. закон. т. XXVII, № 20765).

[3]) Уставъ Импер. Дерптскаго университета, 12 сентября 1803 года. (Періодич. сочиненіе объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія, № IV).

Каждой изъ четырехъ гимназій дерптскаго округа [1]) по . . . . 7,750 р.

Каждаго изъ тридцати уѣздныхъ училищъ . . . . 2,400 »

Кромѣ того на содержаніе и разъѣзды пятнадцати смотрителей уѣздныхъ училищъ, каждому по . . . . 1,000 »

Всего-же на дерптскій округъ, кромѣ суммы, положенной на содержаніе университета, назначено ежегодно по . . . . 118,000 » [2]).

Вообще на ежегодное содержаніе всѣхъ училищъ, состоявшихъ въ вѣдѣніи министра народнаго просвѣщенія, было ассигновано около двухъ милліоновъ рублей. Независимо отъ штатныхъ суммъ, императоръ Александръ подарилъ въ 1802 году Московскому университету знаменитый кабинетъ княгини Яблоновской, купленной у наслѣдниковъ ея государемъ и заключавшій въ себѣ богатое собраніе различныхъ рѣдкостей, моделей машинъ, монетъ и проч. [3]). Въ апрѣлѣ 1803 года пожаловано Дерптскому университету, на постройки и на покупку книгъ и другихъ учебныхъ пособій, 267,000 рублей, а Виленскому — всѣ строенія и земли, прежде принадлежавшія іезуитамъ въ Вильнѣ [4]), и въ октябрѣ того-же года 70,000 рублей серебромъ [5]).

Въ 1805 году, послѣдовало повелѣніе объ учрежденіи сельскихъ приходскихъ школъ, въ коихъ преподавателями назначено быть священникамъ, дьяконамъ и причетникамъ, свободнымъ отъ исполненія церковныхъ требъ [6]), но это распоряженіе, какъ и должно было ожидать, неимѣло удовлетворительныхъ послѣдствій. Кромѣ церковныхъ требъ, достаточно было заботы нашимъ духовнымъ лицамъ о вседневномъ пропитаніи для отнятія у нихъ всякой возможности къ просвѣщенію своей паствы. Да и вообще при императорѣ Александрѣ I почти вовсе не существовало приходскихъ школъ, и только лишь въ Петербургѣ учрежденіе ихъ шло съ такимъ успѣхомъ, что въ продолженіи года тамъ было основано 20 приходскихъ училищъ [7]).

---

[1]) Митавская гимназія получала содержаніе отъ курляндскаго дворянства.

[2]) Общій штатъ для гимназій и училищъ въ дерптскомъ округѣ. (Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія. I, штаты и приложенія. 4—5).

[3]) H. Storch. Russland unter Alexander dem Ersten. I. 139. — Шевыревъ. Исторія Импер. Московскаго университета. 315.

[4]) H. Storch. I, 195—196.

[5]) Періодическое сочиненіе объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія. V, 45.

[6]) Сенатскій указъ, отъ 31 января 1805 г. (Полн. собр. закон. т. XXVIII, № 21610).

[7]) H. Storch. II, 166—167.

Соревнуя своему государю, русскіе всѣхъ сословій на перерывъ содѣйствовали пользѣ наукъ и народному образованію. Нѣтъ возможности исчислить всѣ такія пожертвованія частныхъ лицъ, и потому ограничусь важнѣйшими.

Статскій совѣтникъ Павелъ Григорьевичъ Демидовъ, довершившій свое образованіе въ гёттингенскомъ университетѣ и въ фрейбергской академіи, благодѣтель своихъ крестьянъ, увлеченный — по словамъ его, примѣромъ государя, открывшаго свободный путь просвѣщенію въ Россіи, изъявилъ намѣреніе пожертвовать часть своего имущества — триста тысячъ рублей и ярославскія деревни, стоившія около полумилліона. Эти недвижимыя имѣнія и капиталъ въ сто тысячъ рублей были назначены Демидовымъ для учрежденія и содержанія въ Ярославлѣ высшаго училища, въ коемъ преподавались-бы университетскіе предметы. Остальныя-же деньги, двѣсти тысячъ рублей, онъ предложилъ раздѣлить по поламъ, и отдать сто тысячъ Московскому университету, а остальныя положить въ государственный банкъ для приращенія процентами, въ пользу предположенныхъ университетовъ въ Кіевѣ и Тобольскѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ изъявилъ желаніе, чтобы Московскій университетъ пользовался одними лишь процентами съ пожертвованнаго капитала, употребляя большую часть ихъ на содержаніе студентовъ, а остальные — на отправленіе достойнѣйшаго изъ нихъ въ лучшій иностранный университетъ. Кромѣ того, Демидовъ предоставилъ Московскому университету принадлежавшія ему: библіотеку, кабинетъ натуральной исторіи, богатый минцъ-кабинетъ и собраніе разныхъ художественныхъ рѣдкостей, всего на сумму болѣе 200,000 рублей. Императоръ Александръ, одобривъ всѣ распоряженія Демидова, повелѣлъ: во первыхъ, выбить золотую медаль, съ изображеніемъ лица Демидова и съ надписью, означающею его подвигъ; (эта медаль была вручена ему въ Москвѣ, въ общемъ собраніи сената); во вторыхъ, напечатать и обнародовать прошеніе Демидова [1]). Тогда же онъ удостоился получить высочайшій рескриптъ о пожалованіи его кавалеромъ 1-й степени ордена св. Владиміра.

Дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Безбородко ходатайствовалъ о заведеніи въ Нѣжинѣ гимназіи высшихъ наукъ, которой, онъ, сверхъ оставленныхъ по завѣщанію братомъ его княземъ Безбородко 210,000 рублей, изъявилъ желаніе уступить мѣсто съ садомъ въ городѣ Нѣжинѣ и жертвовать на вѣч-

---

1) Именной указъ сенату, отъ 6 іюня 1803 года. (Полн. собр. закон. т. XXVII, № 20785).

ныя времена ежегодно по 15,000 рублей, обезпечивъ уплату сей суммы имѣніемъ съ 3,000 душъ въ Малороссіи. Тогда-же графъ Безбородко всеподданнѣйше просилъ, чтобы устроенное имъ училище было названо: «Гимназія высшихъ наукъ князя Безбородко». Императоръ Александръ I, утвердивъ всѣ распоряженія просвѣщеннаго благотворителя, повелѣлъ: 1) «Поставить въ главномъ залѣ собранія сего училища бюсты обоихъ учредителей его, съ надписью, что сіе сдѣлано отъ насъ имъ въ память. Бюсты сіи — сказано въ указѣ сенату, будутъ залогомъ общей признательности къ толь похвальному подвигу, предпринятому ко благу отечества. 2) Предавъ тисненію прилагаемое при семъ прошеніе графа Безбородко, издать его во всенародное извѣстіе [1].» Въ тотъ же день, 29 іюля 1805 года, Безбородко былъ пожалованъ орденомъ св. Владиміра 1-й степени.

Дворянство Слободско-Украинской (Харьковской) губерніи ходатайствовало объ учрежденіи университета въ Харьковѣ и предложило на сей предметъ 400,000 рублей [2].

Дворянство Екатеринославской губерніи обязалось, въ пользу Харьковскаго университета, ежегодно вносить, въ продолженіи десяти лѣтъ, по десяти копѣекъ съ каждой ревизской души своихъ имѣній, что вообще составляло сумму болѣе 100,000 руб., и подарило гимназіи въ Екатеринославлѣ каменный домъ, стоившій до 12,000 рублей [3].

Дворянство Коропскаго, Сосницкаго, Нѣжинскаго и Стародубскаго уѣздовъ предложило въ пользу училищъ и другихъ общественныхъ учрежденій около 100,000 рублей [4].

Дворянство и духовенство Волынской губерніи пожертвовало для Кременецкой гимназіи до 200,000 рублей [5].

Московскіе купцы и мѣщане предложили устроить въ пожалованныхъ имъ, на учрежденіе богадѣльни, зданіяхъ бывшаго Андреевскаго монастыря, и содержать на свой счетъ коммерческое училище, назначивъ для того, изъ общественныхъ своихъ доходовъ, ежегодно 15,000 рублей, и изъявивъ готовность, въ случаѣ если бы эти деньги оказались недостаточными, прибавлять нужную сумму. Императоръ Александръ утвердилъ докладъ министра народнаго просвѣщенія о семъ предметѣ, вмѣстѣ съ планомъ училища на сорокъ человѣкъ, предварительно

---

[1]) Полн. собр. закон. т. XXVIII, № 21852.
[2]) Періодич. сочин. и проч. II, 175.
[3]) Періодич. сочин. и проч. VIII. 93 и X. 297.
[4]) Періодич. сочин. и проч. X. 300.
[5]) H. Storch. VIII. XXIV Lief. 98.

разсмотрѣннымъ и одобреннымъ въ совѣтѣ московскаго городскаго общества [1]).

Два бурятскихъ тайши и два шуленги (начальники племенъ) обратились къ иркутскому губернатору, съ просьбою прислать имъ учителя русской грамоты. Губернаторъ немедленно исполнилъ ихъ желаніе и снабдилъ ихъ книгами для первоначальнаго обученія, за что въ благодарность они внесли въ иркутскій приказъ общественнаго призрѣнія тысячу рублей [2]).

Въ 1804 году, по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, было 494 учебныхъ заведенія (изъ коихъ около ста преобразованныхъ по новому положенію), съ 33,484 учащимися. На содержаніе этихъ заведеній было отпущено правительствомъ 1,727,732 руб. Кромѣ того, на ученыя и учебныя заведенія, несостоявшія въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, именно: академіи художествъ и медико-хирургическую, кадетскіе корпуса и проч. отпущено 1,025,620 рублей, слѣдовательно на общественное образованіе вообще было издержано въ семъ году 2,753,350 рублей. Съ перваго взгляда эта сумма кажется недостаточною для своего важнаго назначенія, но должно принять во вниманіе, что въ то время учебную часть пересоздавали вновь, и что, при всѣхъ усиліяхъ министерства народнаго просвѣщенія, по 1805 годъ включительно, изъ состоявшихъ по штату 576 учебныхъ заведеній было открыто вновь всего 112 [3]).

Для образованія преподавателей былъ учрежденъ въ 1804 году педагогическій институтъ.

Еще при императрицѣ Екатеринѣ II, вмѣстѣ съ основаніемъ народныхъ школъ, положено устроить гимназію, въ коей воспитанники семинарій довершали-бы пройденный ими учебный курсъ, для пріуготовленія себя къ учительской должности. Въ 1803 году, Высочайше повелѣно учредить учительскую гимназію, которая, будучи преобразована по плану попечителя петербургскаго округа Новосильцова, должна была составить отдѣленіе Петербургскаго университета, подъ названіемъ педагогическаго института. Въ это заведеніе, назначенное для приготовленія молодыхъ людей въ учители губернскихъ гимназій, положено принимать учениковъ съ отличными дарованіями и съ достаточными свѣдѣніями въ словесныхъ наукахъ и иностранныхъ языкахъ. Воспитанники института содержались и обуча-

---

[1]) Полн. собр. зак. Т. XXVIII, № 21 207.
[2]) Періодич. сочин. и проч. VIII. 95.
[3]) H. Storch. VIII. 49—50 и IX. 39.

лись, въ продолженіи трехъ лѣтъ, на счетъ правительства[1]). Перестройка зданія прежней гимназіи стоила казнѣ около 20,000 рублей, жалованье служащимъ 18,700, содержаніе студентовъ 26,227 рублей, слѣдовательно, ежегодныя издержки на педагогическій институтъ простирались до 45,000 р.[2]).

Въ 1804 году, по плану попечителя с.-петербургскаго учебнаго округа, временно управлявшаго и харьковскимъ округомъ, Новосильцова, была учреждена въ Одессѣ «коммерческая гимназія», которая отличалась отъ прочихъ гимназій тѣмъ, что въ ней преподавались нѣкоторые предметы, спеціально полезные для образованныхъ негоціантовъ, именно: языки италіянскій и греческій, коммерческая географія, исторія коммерціи, коммерческое и морское право и бухгалтерія. На содержаніе гимназіи назначено было ежегодно по 6,500 рублей[3]).

Императоръ Александръ, принявъ во вниманіе, что въ отдаленныхъ отъ городовъ селеніяхъ, гдѣ нѣтъ врачей, неважныя болѣзни, отъ невѣжественнаго леченія, весьма часто содѣлывались смертельными, возложилъ на духовенство обязанность пріобрѣсть нѣкоторыя медицинскія свѣдѣнія, для поданія поселянамъ простой и близкой къ образу жизни ихъ помощи. Съ этою цѣлью было повелѣно синоду: во 1-хъ, отправлять по нѣскольку человѣкъ изъ духовныхъ училищъ въ медицинскіе институты, для образованія въ врачебной наукѣ, чтобы, по обученіи ихъ и возвращеніи въ епархіи, могли они сами преподавать ее въ духовныхъ училищахъ. Во 2-хъ, въ ожиданіи образованія сихъ учителей, медицинская коллегія должна была составить краткое, но ясное наставленіе о леченіи обыкновенныхъ простонародныхъ болѣзней и употребленіи такихъ лекарствъ, которыя могли бы быть удобно составляемы въ селеніяхъ, и напечатавъ достаточное число экземпляровъ этого сочиненія, доставить ихъ въ святѣйшій синодъ, для разсылки по духовнымъ училищамъ и приходскимъ церквамъ[4]).

Правительство обратило вниманіе на распространеніе необходимѣйшихъ свѣдѣній и въ недавно присоединенной Грузіи. По представленію генералъ-лейтенанта князя Циціанова послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ основаніи въ Тифлисѣ школы,

---

[1]) Высочайше утвержденный докладъ министра народнаго просвѣщенія, 16-го апрѣля 1804 года (Полн. собр. закон. Т. XXVIII. № 21,265).

[2]) Примѣрный штатъ педагогическаго института (Періодич. сочиненіе и проч. VI. 42—46).

[3]) Періодич. сочин. и проч. VI. 47—60.

[4]) Именной указъ святѣйшему синоду, отъ 17-го іюля 1802 года (Полн. собр. закон. Т. XXVII. № 20,334).

сперва для 25, а потомъ для 50 дворянъ, которыхъ назначено было обучать русскому и грузинскому языкамъ. По изученіи-же русскаго языка, лучшіе ученики, для довершенія ихъ образованія, отправлялись въ Московскій университетскій пансіонъ [1].

Императоръ Александръ, въ самомъ началѣ своего царствованія, возстановилъ российскую академію.

Это ученое общество было основано императрицею Екатериною II въ 1783 году, для содѣйствія успѣхамъ словесныхъ наукъ, и въ особенности для усовершенствованія русскаго языка. Великая монархиня не только приняла россійскую академію подъ свое покровительство, но участвовала сама въ трудахъ ея, подарила академіи каменный домъ и назначила на содержаніе ея ежегодно по 6,250 рублей. Императоръ Павелъ отмѣнилъ выдачу этой суммы и повелѣлъ отдать вновь учрежденному военно-сиротскому заведенію каменный домъ, принадлежавшій академіи, которая въ вознагражденіе получила деревянное строеніе на Васильевскомъ острову. Академія, утративъ прежнее значеніе, продолжала однакоже свои занятія. Императоръ Александръ, по представленію президента академіи, тайнаго совѣтника Нартова, повелѣлъ возобновить выдачу прежняго академическаго содержанія. Въ 1802 году, академія поднеся государю составленную трудами ея русскую грамматику, ходатайствовала объ отпускѣ денегъ на постройку новаго каменнаго дома. Государь немедленно приказалъ выдать 25,000 р., и домъ былъ оконченъ въ томъ же году. Тогда же приказано печатать на казенный счетъ всѣ сочиненія и переводы академіи, предоставляя въ ея пользу выручаемыя отъ продажи ихъ деньги [2].

Императоръ Александръ, находя, что прежній уставъ академіи наукъ не соотвѣтствовалъ современнымъ потребностямъ, что назначенная для содержанія ея сумма была недостаточна, и что самая дѣятельность ея отъ того ослабилась, повелѣлъ издать для сего ученаго общества новый уставъ и штатъ, сообразные съ предначертанною академіи цѣлью. На основаніи этого

---

[1] Высочайше утвержденный проектъ 25-го іюля 1803 года (Полн. собр. зак. Т. XXVII, № 20,864).

[2] H. Storch. I. 344—345.

устава, главнѣйшими обязанностями академіи наукъ было постановлено: «расширять предѣлы человѣческихъ знаній; совершенствовать и обогащать науки новыми открытіями; распространять просвѣщеніе; направлять, сколь возможно, познанія къ общему благу, приспособляя теорію на основаніи опыта къ практическому употребленію». Кромѣ этихъ обязанностей, общихъ съ другими академіями, она долженствовала «обращать свои труды въ пользу Россіи, распространяя познанія естественныхъ произведеній Имперіи и изыскивая средство къ умноженію тѣхъ изъ нихъ, кои составляютъ предметъ народной промышленности, а равно къ улучшенію фабрикъ, ремеслъ и художествъ, сихъ источниковъ богатства и силы государствъ.» (Ст. 1-я и 2-я.) Императоръ Александръ, желая, чтобы академія наукъ была въ дѣйствительности *русскимъ* ученымъ обществомъ, постановилъ, что «она должна образовать опредѣленное число молодыхъ людей изъ русскихъ подданныхъ, для пріуготовленія ихъ къ занятію ученыхъ степеней академіи» (статья 5). Академія была обязана: 1) ежегодно издавать томъ своихъ изслѣдованій, какъ на русскомъ, такъ и на латинскомъ, или другомъ изъ извѣстнѣйшихъ европейскихъ языковъ, а равно одинъ томъ записокъ, могущихъ принести практическую пользу, подъ названіемъ «Технологическаго Журнала» (ст. 9). 2) Поддерживать и распространять сношенія съ другими академіями и учеными обществами въ Европѣ (ст. 10). 3) Какъ пріобрѣтеніе основательныхъ свѣдѣній о географіи Россійской имперіи долженствовало быть однимъ изъ главныхъ предметовъ вниманія академіи, то ей назначено посылать, отъ времени до времени, астрономовъ и натуралистовъ, для путешествія по тѣмъ губерніямъ, коихъ географическое положеніе и естественныя произведенія еще недовольно извѣстны. Правительство изъявило намѣреніе содѣйствовать такимъ предпріятіямъ (ст. 11). 4) Академія должна была ежегодно предлагать задачи, по различнымъ наукамъ, и за рѣшеніе вопросовъ присуждать награды (ст. 12).

На содержаніе академіи наукъ, вмѣсто ежегодно получаемыхъ ею 53,298 рублей, назначено 120,000 рублей, и кромѣ того, особая экономическая сумма, въ которую должны были поступать: во 1-хъ, проценты съ 70,000 рублей, положенныхъ въ воспитательный домъ; во 2-хъ, деньги, выручаемыя съ продажи календарей и книгъ, а равно доходъ съ академической типографіи, и въ 3-хъ, остатки штатной суммы (ст. 122 и 124) [1].

---

[1]) Уставъ академіи наукъ, 25 іюля 1803 года (Полн. собр. закон. Т. XXVII. № 20,863).

Президентомъ академіи наукъ былъ назначенъ, 27-го февраля 1803 года, тайный совѣтникъ Новосильцовъ.

Для приготовленія молодыхъ людей по юридической части, вмѣсто бывшаго при сенатѣ «юнкерскаго института», несоотвѣтствовавшаго своей спеціальной цѣли, было учреждено «высшее училище правовѣдѣнія», предметъ котораго состоялъ въ окончательномъ образованіи по сей части студентовъ, окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ, либо въ университетахъ. Число кандидатовъ простиралось до 25 (ст. 1 и 2). Весь курсъ ученія долженъ былъ продолжаться три года (ст. 4). Съ самаго вступленія въ училище студенты считались состоящими на дѣйствительной службѣ и получали ежегодно по 300 руб. (ст. 5) [1].

Еще при императрицѣ Екатеринѣ II, были учреждены въ Петербургѣ и Москвѣ, при главныхъ военныхъ госпиталяхъ, медико-хирургическія школы, въ 1799 году переименованныя въ медико-хирургическія академіи и снабженныя учебными пособіями и средствами. Кромѣ того, въ 1783 году былъ основанъ въ Петербургѣ «медико-хирургическій институтъ», въ которомъ науки преподавались на нѣмецкомъ языкѣ, преимущественно для уроженцевъ остзейскихъ губерній. Но въ этомъ институтѣ не было ни библіотеки, ни анатомическаго театра, ни физическаго кабинета, ни ботаническаго сада, словомъ сказать — ни одного изъ тѣхъ богатыхъ средствъ, которыми обладали медико-хирургическія академіи. И потому окончившихъ курсъ въ институтѣ переводили для окончательнаго образованія въ Петербургскую медико-хирургическую академію. Это заставило медицинскую коллегію ходатайствовать о присоединеніи института къ академіи, на что послѣдовало Высочайшее соизволеніе съ увеличеніемъ прежней штатной суммы вдвое, именно до 60,000 руб. [2].

[1] Высочайше утвержденный докладъ министерства юстиціи, отъ 1-го августа 1805 г. (Полн. собр. зак. Т. XXVIII. № 21,860).

[2] Высочайше утвержденный докладъ медицинской коллегіи, отъ 29-го ноября 1802 г. (Полн. собр. зак. Т. XXVII. № 20,531).

Въ Петербургѣ, Москвѣ и Лубнахъ были заведены ветеринарныя школы (скотоврачебныя училища), и на содержаніе ихъ ежегодно ассигновано 68,445 руб., кромѣ 12,000 руб. отпущенныхъ на первоначальное устройство сихъ заведеній [1].

Императоръ Александръ I постоянно оказывалъ покровительство обществамъ, имѣвшимъ цѣлью распространеніе полезныхъ свѣдѣній. Въ числѣ ихъ были:

1) «Вольное общество любителей наукъ, словесности и художествъ», въ Петербургѣ, основанное 15 іюля 1801 года. Оно издавало сочиненія и переводы, по части политическихъ и словесныхъ наукъ [2].

2) «Литературно-практическое общество» (Litterarisch-praktische Bürgerverbindung) въ Ригѣ. Предметами его занятій были: изслѣдованія и открытія, могущія послужить къ улучшенію физическаго благосостоянія и къ сохраненію здоровья людей; важнѣйшія изысканія по метеорологіи, естественной исторіи, химіи, ботаникѣ, сельскому хозяйству, садоводству, гражданской архитектурѣ, и проч. наконецъ — все, клонящееся къ улучшенію земледѣлія, торговли и фабричной промышленности. Это общество, основанное въ 1802 году, было принято подъ Высочайшее покровительство въ началѣ 1803 года [3].

3) Императоръ Александръ «признавая труды *вольнаго экономическаго общества*, по намѣренію и послѣдствіямъ ихъ, достойными уваженія, и желая открыть путь вліянію ихъ на «пользу общую», повелѣлъ отпускать на издержки общества ежегодно по 1,000 рублей [4]. Вслѣдъ за тѣмъ по просьбѣ того же общества, для опытовъ его по земледѣльческой части, пожаловано ему мѣсто съ садомъ на Петровскомъ острову [5].

4) При Московскомъ университетѣ, въ бытность попечителемъ его Мих. Никит. Муравьева, основаны три ученыя общества: предметомъ занятій перваго изъ нихъ — «общества исторіи и древностей россійскихъ» — было изданіе древнихъ лѣтописей, относящихся къ Россіи; второе — «общество соревнова-

---

[1]) Полн. собр. закон. Т. XXVII. № 20,912.

[2]) Полн. собр. закон. Т. XXVII. № 20,946.

[3]) H. Storch. III. 132—140.

[4]) Именной указъ вольному экономическому обществу, отъ 13 апрѣля 1801 года (Полн. собр. закон. Т. XXVI. № 19,832).

[5]) Именной указъ с.-петербургскому военному губернатору, графу фонъ-деръ-Палену, отъ 30-го мая 1801 г. (Полн. собр. зак. Т. XXVI. № 19,896).

нія медицинскихъ и физическихъ наукъ» — имѣло въ виду распространять свѣдѣнія по этимъ наукамъ изданіемъ журнала на русскомъ и документовъ на латинскомъ языкѣ; третье «общество испытателей природы» предполагало, не ограничиваясь научными изысканіями, открыть такія произведенія, кои могли бы составить новую вѣтвь россійской торговли [1]).

Въ Москвѣ предполагалось учредить «общество земледѣлія и механическихъ художествъ». Оно должно было состоять изъ членовъ двухъ разрядовъ: въ первомъ — заплатившихъ единовременно за акцію общества тысячу рублей, а во второмъ — обязанныхъ ежегодно вносить въ кассу общества по тридцати рублей. Первыхъ предполагалось отъ ста до полутораста, а число вторыхъ не было опредѣлено уставомъ. Общество имѣло въ виду заниматься слѣдующими предметами: 1) рѣшать безотлагательно всѣ вопросы по земледѣлію, сельскому хозяйству, механическимъ художествамъ, а также по физикѣ и химіи. Такъ наприм., если-бы кто пожелалъ ознакомиться съ свойствами растенія, либо другого продукта своихъ имѣній, то, по требованію его, общество принимало на себя обязанность объяснить: названіе, свойства и употребленіе помянутаго продукта. 2) Слѣдить за всѣми иностранными нововведеніями въ сельскомъ хозяйствѣ и примѣнять ихъ на опытѣ въ Россіи. 3) Продавать сѣмена хлѣбовъ и овощей по умѣренной цѣнѣ. 4) Способствовать продажѣ сельскихъ произведеній, если кто пожелалъ-бы по этому предмету войти въ сношеніе съ обществомъ. 5) Приготовлять по заказу и продавать по дешевой цѣнѣ земледѣльческія и прочія машины. 6) Выписывать изъ-за границы книги и журналы, по части сельскаго хозяйства и ремеслъ, переводить лучшія сочиненія и издавать журналъ. Общество предполагало содержать: химика, минералога, ботаника, садовника, двухъ механиковъ, ветеринара и нѣсколько мастеровыхъ, для приготовленія въ школахъ, за сходную цѣну, кузнецовъ, слѣсарей, мѣдниковъ и другихъ рабочихъ.

Императоръ Александръ, желая поддержать это общество, повелѣлъ взять на свое имя пять акцій его [2]), но вообще число членовъ оказалось недостаточнымъ для исполненія обширныхъ предположеній общества, и оно не состоялось.

---

[1]) Шевыревъ. Исторія Императорскаго Московскаго университета. 349—352.
[2]) H. Storch. III. 141—145.

Императоръ Александръ, находя недостаточными средства назначенныя для содержанія академіи художествъ, при основаніи ея въ 1764 году, утвердилъ дополнительныя статьи къ уставу академіи и новый штатъ ея. Положено: во 1-хъ, содержать на счетъ казны, по прежнему, триста воспитанниковъ, но, вмѣсто раздѣленія ихъ на пять возрастовъ, составить четыре, по 75 человѣкъ. Во 2-хъ, черезъ каждые три года, принимать дѣтей отъ 8 до 9 лѣтъ, обученныхъ русской грамотѣ. Эти дѣти должны были оставаться шесть лѣтъ въ пріуготовительномъ училищѣ, а потомъ, въ продолженіи также шести лѣтъ, довершать образованіе въ академіи (статьи 1, 2, 3 и 4). Въ послѣднемъ году, воспитанникамъ назначено учиться италіянскому языку, съ тѣмъ, чтобы заслужившіе при выпускѣ золотую медаль отправлялись въ чужіе края на три года или болѣе, по усмотрѣнію академіи (ст. 7, 8 и 9). На содержаніе академіи, кромѣ прежней штатной суммы и 18,000 рублей, ежегодно жалованныхъ императоромъ Павломъ, на учрежденіе гравировальнаго ландшафтнаго класса, назначено еще по 60,000 руб. въ годъ, что̀ составило вообще 146,000 руб. [1]).

Президентомъ академіи художествъ былъ назначенъ извѣстный любовью къ изящнымъ искусствамъ графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ.

Многіе изъ тогдашнихъ профессоровъ и учениковъ академіи прославились своими произведеніями, какъ въ эту эпоху, такъ и въ послѣдующее время, именно: *по исторической живописи:* Угрюмовъ, Волковъ и Кипренскій; *портретные живописцы:* Левицкій, Боровиковскій, Щукинъ, Муанье и Варнекъ; *ландшафтные:* Щедринъ и Михаилъ Ивановъ; *декораторъ* Го́нзаго; *гравёры:* Галактіоновъ и Уткинъ; *ваятели:* Прокофьевъ, Мартосъ, Шубинъ, Θедоръ Щедринъ и Василій Якимовъ, отлившій памятникъ Суворову; *архитекторы:* Ворониxинъ, строитель Казанскаго собора; Захаровъ, давшій новый видъ адмиралтейству; Томонъ (Thomon), начертавшій планъ петербургской биржи и академіи наукъ, и Андрей Михайловъ, украсившій сѣверную Пальмиру многими великолѣпными зданіями [2]).

Для распространенія полезныхъ свѣдѣній, императоръ Александръ даровалъ свободу слова.

---

[1]) Именной указъ сенату, отъ 22-го октября 1802 г. (Полн. собр. зак. Т. XXVII, № 20,480).

[2]) Извлеч. изъ современныхъ періодическихъ изданій.

Еще при императорѣ Павлѣ, послѣдовалъ указъ: «Такъ какъ чрезъ вывозимыя изъ-за границы разныя книги наносится развратъ вѣры, гражданскаго закона и благонравія, то отнынѣ, впредь до указа, повелѣваемъ запретить впускъ изъ-за границы всякаго рода книгъ, на какомъ-бы языкѣ оныя ни были, безъ изъятія, въ государство наше, равномѣрно и музыку [1].» Тогда же повелѣно: запретить продажу типографскихъ буквъ частнымъ людямъ, неимѣющимъ привиллегій на содержаніе типографій [2]. Такія привиллегіи получались съ большимъ трудомъ и многія типографіи были запечатаны.

Чрезъ нѣсколько дней по восшествіи на престолъ императора Александра I, обнародованъ указъ, въ коемъ сказано: «желая доставить всѣ возможные способы къ распространенію полезныхъ наукъ и художествъ, повелѣваемъ: запрещеніе на впускъ изъ-за границы всякаго рода книгъ и музыки отмѣнить, равномѣрно запечатанныя частныя типографіи распечатать, дозволяя какъ привозъ иностранныхъ книгъ, журналовъ и прочихъ сочиненій, такъ и печатаніе оныхъ внутри государства [3].» Въ слѣдующемъ году повелѣно: во-первыхъ, допустить ввозъ иностранныхъ книгъ на основаніи тарифа 1782 года; во-вторыхъ, разрѣшить открытіе типографій во всѣхъ городахъ Имперіи и печатаніе книгъ на всѣхъ языкахъ, наблюдая только, чтобы въ печатаемыхъ сочиненіяхъ не было ничего противнаго законамъ Божіимъ и гражданскимъ, или ведущаго къ явному соблазну. Разсмотрѣніе книгъ, печатаемыхъ въ частныхъ типографіяхъ, было поручено директорамъ народныхъ училищъ, подъ надзоромъ губернаторовъ; въ типографіяхъ же, состоящихъ при ученыхъ обществахъ и казенныхъ мѣстахъ, цензура возлагалась на попеченіе и отвѣтственность начальниковъ этихъ заведеній; въ-третьихъ, церковныя книги долженствовали печататься въ синодальныхъ типографіяхъ, либо издаваться, съ высочайшаго разрѣшенія, отъ коммисіи народныхъ училищъ, и въ-четвертыхъ, цензуры всякаго рода, при портахъ и въ городахъ учрежденныя, велѣно упразднить [4]. Затѣмъ постановлено: всѣхъ, торгующихъ иностранными книгами, обязать подписками, чтобы они

---

[1]) Именной указъ сенату, отъ 18 апрѣля 1802 г. (Полн. бсор. закон. т. XXVI, № 19,387).

[2]) Именной указъ, объявленный генералъ-прокуроромъ, 18 апрѣля 1800 года. (Полн. собр. закон. т. XXVI, № 19,388).

[3]) Именной указъ сенату, отъ 31 марта 1801 года. (Полн. собр. закон. т. XXVI, № 19,807).

[4]) Именной указъ сенату, отъ 9 февраля 1802 года. (Полн. собр. закон. т. XXVII, № 20,139).

не продавали сочиненій противныхъ законамъ, подъ опасеніемъ строгаго взысканія [1]). Главный надзоръ за типографіями и цензура были поручены министру народнаго просвѣщенія [2]); впослѣдствіи-же цензура всѣхъ книгъ издаваемыхъ въ губерніяхъ, гдѣ учреждены университеты, возложена исключительно на сіи высшія учебныя заведенія [3]).

Въ 1804 году былъ высочайше утвержденъ составленный министромъ народнаго просвѣщенія графомъ Завадовскимъ, уставъ о цензурѣ. Главныя постановленія, въ немъ заключавшіяся, состояли въ слѣдующемъ: 1) Цензурный комитетъ, при разсмотрѣніи сочиненій, долженствовалъ наблюдать, чтобы въ нихъ не было ничего противнаго закону Божію, правительству, нравственности и личной чести кого либо изъ гражданъ. Цензоръ, одобрившій сочиненіе, противное сему предписанію, подвергался отвѣтственности, какъ нарушитель закона (ст. 15). 2) Если цензоръ найдетъ въ рукописи нѣкоторыя мѣста подлежащими запрещенію, то не дѣлаетъ самъ никакихъ поправокъ, а, отмѣтивъ такія мѣста, отсылаетъ рукопись къ издателю, чтобы онъ самъ измѣнилъ, либо исключилъ ихъ, и по исправленіи рукописи, одобряетъ ее къ напечатанію. — Ежели въ цензуру будетъ прислана рукопись, оскорбляющая личную честь гражданина, благопристойность и нравственность, то цензурный комитетъ, отказавъ въ напечатаніи таковаго сочиненія, оставляетъ его у себя. Если-же кто въ цензуру доставитъ рукопись, отвергающую бытіе Божіе, враждебную верховной власти, либо противную законамъ и общественному спокойствію, то комитетъ немедленно доноситъ о томъ правительству, для отысканія сочинителя и поступленія съ нимъ по законамъ (статьи 16, 18 и 19). 3) Впрочемъ, цензурный комитетъ, при разсмотрѣніи рукописей, руководствуется благоразумнымъ снисхожденіемъ, избѣгая всякаго пристрастнаго толкованія сочиненій, или мѣстъ въ нихъ, которыя, по какимъ либо мнимымъ причинамъ, окажутся подлежащими запрещенію. Когда мѣсто, подверженное сомнѣнію, имѣетъ двоякій смыслъ, то лучше истолковать его выгоднѣйшимъ для сочинителя образомъ, нежели его преслѣдовать. Скромное и благоразумное обсужденіе всякой истины, относящейся до вѣры, человѣчества, законовъ, управленія госу-

---

[1]) Именной указъ сенату, отъ 1 апрѣля 1802 г. (Полн. собр. зак. т. XXVII, № 20,210).

[2]) Манифестъ объ учрежденіи министровъ, отъ 8 сентября 1802 г. (Полн. собр. зак. т. XXVII, № 20,406).

[3]) Именной указъ сенату, объ устройствѣ училищъ, 24 января 1803 года. (Полн. собр. закон. т. XXVII, № 20,597).

дарственнаго, или какой-бы то ни было отрасли его, не только не подлежитъ и самой умѣренной строгости цензуры, но пользуется совершенною свободою печатанія, способствующею успѣхамъ просвѣщенія (статьи 21 и 22). 4) Цензура не должна задерживать рукописей, присылаемыхъ на разсмотрѣніе, и въ особенности журналовъ и другихъ періодическихъ изданій долженствующихъ выходить въ срочное время (ст. 23). Книги, выписываемыя книгопродавцами изъ-за границы, не разсматриваются цензурою, но каждый цензурный комитетъ, въ округѣ университету подвѣдомственномъ, обязываетъ торгующихъ иностранными книгами, чтобы они не продавали книгъ и эстамповъ, противныхъ постановленіямъ въ семъ уставѣ заключающихся. Тогда же, по докладѣ министра народнаго просвѣщенія, высочайше повелѣно: до открытія въ С.-Петербургѣ университета учредить въ сей столицѣ цензурный комитетъ [1].

Приведенныя нами главныя статьи цензурнаго устава ясно высказываютъ его направленіе, нисколько не враждебное успѣхамъ науки и литературы. По свидѣтельству современныхъ иностранныхъ писателей, тогдашніе цензурные комитеты, дѣйствуя не въ буквальномъ смыслѣ устава о цензурѣ, а въ снисходительномъ и просвѣщенномъ духѣ правительства, не возбуждали противъ себя ни малѣйшаго неудовольствія, и только лишь подчиненіе почтамтской цензурѣ заграничныхъ газетъ [2]) подавало поводъ къ жалобамъ на вздорожаніе ихъ отъ выписки по почтѣ. Но въ продолженіи всей лѣтней навигаціи періодическія изданія получались въ Петербургѣ мимо почтоваго управленія безъ цензуры, и къ тому-же это вѣдомство, при разсмотрѣніи иностранныхъ газетъ, нерѣдко пропускало даже такія статьи, которыя были ему враждебны, либо въ коихъ подвергались разбору важнѣйшія мѣры нашего правительства [3]).

Ученые и литераторы постоянно пользовались покровительствомъ и милостями императора Александра; ни одинъ изъ замѣчательныхъ трудовъ ихъ не оставался безъ поощренія. Еще въ юности, до вступленія на престолъ, Александръ Павловичъ оказывалъ вниманіе къ ученымъ сочиненіямъ на отечествен-

[1]) Уставъ о цензурѣ, отъ 9 іюля 1804 года. (Полн. собр. закон. т. XXVIII, № 21,388).

[2]) Указъ 17 сентября 1804 года.

[3]) H. Storch. VII, 390 — 397.

номъ языкѣ: въ числѣ многихъ примѣровъ тому была награда, полученная академикомъ Гурьевымъ, за переводъ съ собственными объяснительными замѣчаніями дифференціальнаго и интегральнаго сочиненія Кузена. Великій князь, назначивъ производить ему пенсію въ 500 рублей, удостоилъ его весьма лестнымъ рескриптомъ.

Впослѣдствіи, во все продолженіе своего царствованія, императоръ Александръ являлся покровителемъ наукъ и ученыхъ. Профессоръ Московскаго университета Страховъ получилъ на изданіе переведеннаго имъ сочиненія Бартелеми «Путешествія младшаго Анахарсиса» 6,000 рублей, а дѣйствительный статскій совѣтникъ Политковскій — на изданіе перевода сочиненія Смита: «О богатствѣ народовъ» (Recherches sur la nature et les causes de la richesse des nations) 5,000 рублей. Коллежскому ассесору Пфейферу отпущено на изданіе нѣмецкой коммерческой газеты 1,000 рублей. Въ продолженіе одного года (1802), выдано изъ кабинета его величества, на изданіе сочиненій и переводовъ, 160,000 рублей. Директоръ заемнаго банка Поспѣловъ, за переводъ на русскій языкъ Тацитовой исторіи, былъ награжденъ обращеніемъ въ пенсію получаемаго имъ содержанія, въ 2,000 рублей.—Знаменитый Карамзинъ, вмѣстѣ съ званіемъ «Исторіографа Имперіи», получилъ такую же пенсію [1].

Правительство, употребляя всевозможныя средства для собранія полезныхъ свѣдѣній, отправляло въ чужіе краи путешественниковъ, которымъ, большею частью, давались особыя порученія, по различнымъ отраслямъ землевѣдѣнія и промышленности.

Въ началѣ царствованія Александра I совершено русскими моряками первое кругосвѣтное плаваніе. Поводомъ къ тому было чрезвычайное затрудненіе снабжать необходимѣйшими потребностями колоніи россійско-американской компаніи. Доставка туда хлѣба, вина, и проч. производилась сухимъ путемъ, чрезъ Якутскъ и Охотскъ, и по значительному отдаленію сихъ пунктовъ сопряжена была съ необъятнымъ возвышеніемъ цѣны перевозимыхъ запасовъ. Такимъ образомъ въ Охотскѣ нельзя было купить пудъ муки дешевле пяти рублей, ведро горячаго вина доходило до 20, а иногда даже до 50 рублей, и т. д. Не менѣе затруднительно и ненадежно было сообщеніе Охотска съ россійско-американскими колоніями. И потому компанія, для избѣжанія сухопутной доставки чрезъ Охотскъ, рѣшилась, по плану составленному капитанъ-лейтенантомъ Крузенштерномъ и одо-

---

[1]) Изъ современныхъ періодическихъ изданій.

бренному министромъ морскихъ силъ, адмираломъ Мордвиновымъ и министромъ коммерціи графомъ Румянцевымъ, открыть сообщеніе съ своими колоніями морскимъ путемъ. Предполагалось отправить нужные запасы и вещи въ колоніи моремъ изъ Кронштадта, съ тѣмъ, чтобы, на обратномъ пути, вымѣнять часть мѣховъ въ Кантонѣ на китайскіе товары, которые могли быть проданы съ большою выгодою въ Россіи. Съ этою цѣлью были куплены въ Лондонѣ два корабля, стоившіе компаніи, вмѣстѣ съ мѣдною обшивкою и исправленіемъ ихъ, около 23,000 фунтовъ стерлинговъ (до 150,000 рублей серебр.), и одинъ изъ нихъ названъ «Надежда», а другой «Нева». Командирами ихъ были назначены капитанъ-лейтенанты Крузенштернъ и Лисянскій [1]. Правительство содѣйствовало этому предпріятію, выдавъ компаніи заимообразно 250,000 рублей, на восемь лѣтъ, по пяти процентовъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, положено отправить чрезвычайное посольство въ Японію, для открытія торговыхъ сношеній съ сею богатою страною. Посланникомъ назначили дѣйствительнаго статскаго совѣтника Резанова, въ званіи камергера двора его величества. Кромѣ богатыхъ подарковъ для наиболѣе вліятельныхъ лицъ Японіи, онъ взялъ съ собою нѣсколько японцевъ, кои, потерпѣвъ кораблекрушеніе въ 1793 году близъ Андреяновскихъ острововъ, находились въ Иркутскѣ. Какъ возвращеніе въ Россію корабля «Надежда», на которомъ находился Резановъ, могло замедлиться его посольствомъ, то всѣ издержки въ продолженіи плаванія этого корабля были приняты на счетъ правительства. Императоръ Александръ, желая воспользоваться благопріятнымъ случаемъ на пользу науки, приказалъ пригласить къ участію въ путешествіи многихъ ученыхъ, на весьма выгодныхъ для нихъ условіяхъ. Въ числѣ ихъ были Тилезіусъ (Tilesius) изъ Лейпцига и Хорнеръ (Horner) изъ Гамбурга: первый отправился въ качествѣ естествоиспытателя, а второй — астронома. Профессоръ гёттингенскаго университета Лангсдорфъ, прибывъ въ Копенгагенъ, также предложилъ экспедиціи свои услуги, по части естественныхъ наукъ. Русскіе корабли, отплывъ съ кронштадтскаго рейда 26 іюля ст. ст. 1803 года, достигли Фальмута 15 сентября, оставались тамъ до 23, прибыли къ

[1]) На кораблѣ «Надежда» находились: капитанъ-лейтенантъ Крузенштернъ, лейтенанты: Ратмановъ, Ромбергъ, Головачевъ и Левенштернъ, мичманъ Беллинсгаузенъ, штурманъ Каменщиковъ, гардемаринъ Бистромъ, докторъ Эспенбергъ. На кораблѣ «Нева»: капитанъ-лейтенантъ Лисянскій, лейтенантъ Арбузовъ, мичманы: Бергъ и Друсковскій, штурманъ Калининъ, докторъ Лабандъ.

острову Тенерифѣ 8 октября, и къ берегамъ Бразиліи 9 декабря. Тамъ оказалось, что мачты на «Невѣ» были очень плохи, и потому, для изготовленія новыхъ, Крузенштернъ оставался въ Бразиліи болѣе сорока дней. Снявшись съ якоря 23 января 1804 года, корабли направились къ югу, обогнули мысъ Горнъ, 20 февраля, и вошли въ Южный океанъ, но будучи тамъ встрѣчены бурными вѣтрами при пасмурной погодѣ, отдѣлились одинъ отъ другого. 25 апрѣля, корабль «Надежда» достигъ острова Нукагивы, куда спустя три дня прибылъ также и другой корабль. 6 мая, русскія суда отплыли въ дальнѣйшій путь и по достиженіи Оваиги, 26 мая, снова разлучились: Лисянскій съ «Невою» остался у Сандвичевыхъ островов, а Крузенштернъ продолжалъ плаванье къ берегамъ Камчатки и сталъ на якорь въ Петропавловской гавани 3 іюля. Прибытіе его имѣло благопріятныя послѣдствія для жителей всего полуострова: кизлярская водка упала въ цѣнѣ съ 20 на 6 рублей за штофъ; фунтъ сахару, прежде стоившій 7 рублей, продавался по полтора рубля, и т. д.

25 августа, Крузенштернъ и Резановъ, на кораблѣ «Надежда», отправились въ Японію, между тѣмъ какъ Лисянскій отплылъ отъ Сандвичевыхъ островов къ сѣверозападному берегу Америки, на островъ Кадьякъ. Капитанъ Крузенштернъ вытерпѣлъ три жестокихъ шторма и 26 сентября прибылъ въ Нангасаки, гдѣ оставался до 6 апрѣля 1805 года, занимаясь опредѣленіемъ географическаго положенія города и метеорологическими наблюденіями. Что-же касается до посольства въ Японію, то оно не имѣло успѣха. Японцы встрѣтили русскихъ недовѣрчиво и отказали посланнику въ необходимѣйшихъ удобствахъ жизни. Проходили дни за днями въ ожиданіи коммисаровъ отъ японскаго правительства, и наконецъ дѣло кончилось тѣмъ, что японцы не приняли подарковъ присланныхъ изъ Петербурга и отказались вести дальнѣйшіе переговоры. Капитанъ Крузенштернъ, оставя негостепріимные берега Японіи, поплылъ Японскимъ моремъ, опредѣлилъ на пути многіе пункты и 24 мая возвратился въ Петропавловскій портъ, откуда 23 іюня опять вышелъ съ своимъ кораблемъ въ море, для окончанія описи береговъ острова Сахалина, а 18 августа снова прибылъ въ Петропавловскъ. Здѣсь исправленіе корабля задержало Крузенштерна до 23 сентября. На пути къ китайскимъ берегамъ онъ выдержалъ нѣсколько штормовъ и 8 ноября пришелъ въ Макао; а 21 числа того-же мѣсяца, когда корабль «Надежда» уже изготовился къ выходу въ море, прибылъ къ нему корабль «Нева» съ богатымъ грузомъ пушныхъ товаровъ.

Капитанъ Лисянскій, по достиженіи Кадьяка, въ началѣ сентября 1804 года, покушался овладѣть островомъ Ситхою, и хотя былъ отбитъ дикими Колошами, однакоже усмирилъ ихъ и заложилъ на островѣ укрѣпленный портъ «Новоархангельскъ». Въ августѣ 1805 года, онъ вышелъ оттуда съ богатымъ грузомъ пушныхъ товаровъ въ Китай и прибылъ въ Макао, гдѣ нашелъ Крузенштерна съ кораблемъ «Надеждою». Часть мѣховъ привезенныхъ Лисянскимъ, была выгодно продано Китайцамъ.

28 января 1806 года, русскія суда отплыли отъ китайскихъ береговъ, а 3 апрѣля, во время густого тумана, разлучились. Лисянскій, обогнувъ мысъ Доброй-Надежды, рѣшился, не заходя на островъ св. Елены, продолжать путь въ Англію, пришелъ туда 4 іюля, пробывъ въ морѣ подъ парусами сряду 168 дней, и возвратился въ Кронштадтъ 12 іюля. Крузенштернъ, достигнувъ 22 апрѣля острова св. Елены, узналъ тамъ о разрывѣ Россіи съ Франціею, и потому, для избѣжанія встрѣчи съ французскими крейсерами, пошелъ кругомъ Шотландіи, прибылъ къ Копенгагену 21 іюля и возвратился въ Кронштадтъ 7 августа. Такимъ образомъ, первое кругосвѣтное плаваніе русскихъ моряковъ продолжалось три года. Во все это время не умеръ ни одинъ человѣкъ изъ экипажей обоихъ кораблей, да и больныхъ было очень мало. Экспедиція Крузенштерна, обогатившая науку многими открытіями и изслѣдованіями мало извѣстныхъ странъ, описана въ сочиненіи: «Путешествіе вокругъ свѣта въ 1803, 1804, 1805 и 1806 годахъ, на корабляхъ «Надежда» и «Нева», подъ начальствомъ капитанъ-лейтенанта Крузенштерна. С.-Петербургъ. 1809 года». Оно переведено и издано на англійскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, голландскомъ, шведскомъ, датскомъ и италіянскомъ языкахъ. Императоръ Александръ I щедро наградилъ всѣхъ участвовавшихъ въ экспедиціи. Всѣ офицеры были произведены въ слѣдующіе чины; сверхъ того, командиры судовъ получили орденъ св. Владиміра 3 степени и по 3,000 рублей пенсіи [1]); лейтенантамъ пожаловано по 1,000, а мичманамъ — по 800 рублей пенсіи. Иностранные ученые награждены пенсіями въ 300 червонныхъ. Нижніе чины выпущены въ отставку съ пенсіей отъ 50 до 75 рублей [2]).

---

[1]) Кромѣ того, капитанъ Лисянскій получилъ отъ россійско-американской компаніи единовременно 10,000 рублей. Экипажъ поднесъ ему золотую шпагу съ надписью: «благодарность команды корабля Нева».

[2]) Путешествіе вокругъ свѣта, въ 1803, 1804, 1805 и 1806 годахъ, на корабляхъ «Надежда» и «Нева». С.-Петербургъ. 1809.

Посольство, отправленное въ Китай, въ концѣ 1805 года, не имѣло успѣха. Русскій посланникъ, графъ Головкинъ, по прибытіи въ Ургу, былъ встрѣченъ тамошними областными начальниками съ предложеніями несовмѣстными съ достоинствомъ представителя великой державы, что заставило его возвратиться въ Иркутскъ. Тѣмъ не менѣе однакоже состоявшіе при посольствѣ ученые не оставались праздными. Адъюнктъ Редовскій совершилъ поѣздку въ Охотскъ, для изслѣдованія страны лежащей между Леною, Байкаломъ и Охотскимъ заливомъ. Адъюнктъ Клапротъ изучилъ Китай по туземнымъ источникамъ. Академикъ Шубертъ опредѣлилъ географическое положеніе многихъ пунктовъ. Такимъ образомъ, и это посольство послужило въ пользу науки [1]).

Итакъ, въ продолженіе первыхъ четырехъ лѣтъ царствованія Александра, ограждены были отъ произвола предшествовавшаго ему времени произведенія науки и литературы цензурнымъ уставомъ, составлено положеніе объ устройствѣ учебныхъ заведеній на всемъ пространствѣ Россійской Имперіи, преобразованы три и учреждены вновь два университета, основаны три высшихъ училища, 26 гимназій и 80 уѣздныхъ училищъ. Науки и художества были щедро ободряемы. Предприняты путешествія въ отдаленныя страны, обогатившія науку многими свѣдѣніями. Наконецъ, что всего важнѣе — проявилась во всѣхъ сословіяхъ русскаго народа жажда къ образованію — залогъ будущихъ успѣховъ: богатые приносили обильныя жертвы; прочіе возлагали съ усердіемъ лепту свою на алтарь народнаго просвѣщенія.

М. Богдановичъ.

---

[1]) H. Storch. VIII, XXIV Lief. 117—120.

III.

ИЗЪ БІОГРАФІИ

Н. М. КАРАМЗИНА.

Когда родилась, и какъ развилась мысль Карамзина писать русскую исторію? Эта мысль зародилась въ Карамзинѣ очень рано. Кажется, что она принадлежитъ къ числу самыхъ первыхъ, юношескихъ его замышленій и предположеній.

Въ письмѣ изъ Парижа, въ маѣ 1790 года, о засѣданіи французской академіи, по поводу Левекова чтенія, онъ выражаетъ такія мнѣнія о русской исторіи, которыя ясно доказываютъ, что онъ питалъ уже тайное желаніе писать ее, носилъ въ душѣ темный идеалъ ея, думалъ объ ней, и думалъ не теперь, по поводу встрѣчи съ Левекомъ, а прежде, въ Москвѣ, посѣщая лекціи университета, работая въ дружескомъ обществѣ, бесѣдуя съ друзьями. Многое, сказанное въ то время, было такъ сильно напечатлѣно въ душѣ его, что повторилось еще само собою, такъ сказать, черезъ 25 лѣтъ, даже въ предисловіи къ написанной уже исторіи. «Больно, но должно по справедливости сказать,» пишетъ Карамзинъ изъ Парижа, «что у насъ до сего времени нѣтъ хорошей россійской исторіи, то есть, писанной съ философскимъ умомъ, съ критикою, съ благороднымъ краснорѣчіемъ. Тацитъ, Юмъ, Робертсонъ, Гиббонъ — вотъ образцы! Говорятъ, что наша исторія сама по себѣ менѣе другихъ занимательна: не думаю; нуженъ только умъ, вкусъ, талантъ. Можно выбрать, одушевить, раскрасить; и читатель удивится, какъ изъ Нестора, Никона и проч. могло выйти нѣчто привлекательное, сильное,

достойное вниманіе не только русскихъ, но и чужестранцевъ. Родословная князей, ихъ ссоры, междоусобіе, набѣги половцевъ не очень любопытны: соглашаюсь; но зачѣмъ наполнять ими цѣлые томы? Что не важно, то сократить, какъ сдѣлалъ Юмъ въ англійской исторіи; но всѣ черты, которыя означаютъ свойство народа русскаго, характеръ древнихъ нашихъ героевъ, отмѣнныхъ людей, происшествія дѣйствительно любопытныя, описать живо, разительно, У насъ былъ свой Карлъ Великій: Владиміръ — свой Лудовикъ XI: царь Іоаннъ — свой Кромвель: Годуновъ — и еще такой государь, которому нигдѣ не было подобныхъ: Петръ Великій. Время ихъ правленія составляетъ важнѣйшія эпохи въ нашей исторіи, и даже въ исторіи человѣчества; его-то надобно представить въ живописи, а прочее можно обрисовать, но такъ, какъ дѣлалъ свои рисунки Рафаэль или Микель-Анджело *).»

Читая письмо парижское, видишь, что писавшій, молодой человѣкъ 23 лѣтъ, имѣетъ темное предчувствіе о своемъ будущемъ назначеніи.

Въ первыхъ повѣстяхъ Карамзина — въ «Бѣдной Лизѣ» и «Натальѣ, боярской дочери» (1792), опытный глазъ можетъ также подмѣтить черты, признаки расположенія къ старинѣ, занятій историческихъ. Такъ, во вступленіи къ «Бѣдной Лизѣ», Карамзинъ говоритъ: «Иногда на вратахъ (Симоновскаго) храма разсматриваю изображеніе чудесъ, въ семъ монастырѣ случившихся: тамъ, рыбы падаютъ съ неба для насыщенія жителей монастыря, осажденнаго многочисленными врагами; тутъ, образъ Богоматери обращаетъ непріятелей въ бѣгство. Все сіе обновляетъ въ моей памяти исторію нашего отечества — печальную исторію тѣхъ временъ, когда свирѣпые татары и поляки огнемъ и мечемъ опустошали окрестности россійской столицы, и когда несчастная Москва, какъ беззащитная вдовица, отъ одного Бога ожидала помощи въ лютыхъ своихъ бѣдствіяхъ.»

*) Эти превосходныя строки Карамзина, выразившаго свой взглядъ на исторію вообще и отечественную въ особенности, еще за 12 лѣтъ до начала своей колоссальной работы, когда и въ западной Европѣ мало было ученыхъ, которые были проникнуты подобными воззрѣніями, приводятъ намъ на память нѣсколько словъ Лудвига Бёрне, извѣстнаго нѣмецкаго публициста, сказанныхъ о нашемъ маститомъ историкѣ, когда его «Исторія Россійскаго государства» появилась въ первый разъ въ нѣмецкомъ переводѣ. Мнѣніе Бёрне о Карамзинѣ не многимъ извѣстно, а въ полномъ собраніи сочиненій нѣмецкаго поэта оно далеко спрятано, подъ № 76, въ числѣ его различныхъ афоризмовъ (3-е изд. ч. III, стр. 318—321. Stuttg. 1840). Мы позволимъ себѣ напомнить объ этомъ мнѣніи нашимъ читателямъ (см. ниже, въ приложеніи, стр. 180). *Ред.*

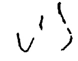
Во вступленіи къ «Натальѣ, боярской дочери», это расположеніе выразилось еще яснѣе: «Кто изъ насъ не любитъ тѣхъ временъ, когда русскіе были русскими; когда они въ собственное свое платье наряжались, ходили своею походкою, жили по своему обычаю, говорили своимъ языкомъ и по своему сердцу, тоесть говорили такъ, какъ думали? По крайней мѣрѣ, я люблю сіи времена; люблю на быстрыхъ крыльяхъ воображенія летать въ ихъ отдаленную мрачность, подъ сѣнію давно истлѣвшихъ вязовъ искать брадатыхъ моихъ предковъ, бесѣдовать съ ними о приключеніяхъ древности, о характерѣ славнаго народа русскаго, и съ нѣжностію цѣловать руки у моихъ прабабушекъ, которыя не могутъ насмотрѣться на своего почтеннаго правнука, не могутъ наговориться со мною.»

«Такимъ образомъ (конечно, понятнымъ для всѣхъ читателей), старая Русь извѣстна мнѣ болѣе, нежели многимъ изъ моихъ согражданъ и проч.»

Наконецъ, въ прощаніи съ публикою, при заключеніи Московскаго журнала (1793), неопредѣленное гаданіе получаетъ видъ уже твердаго намѣренія, хоть все еще въ далекомъ будущемъ:

....«Буду учиться, сказалъ Карамзинъ, буду пользоваться сокровищами древности, чтобы послѣ *приняться за такой трудъ*, который могъ бы остаться памятникомъ души и сердца моего, естьли не для потомства (о чемъ и думать не смѣю), то по крайней мѣрѣ для малочисленныхъ друзей моихъ и пріятелей.»

Карамзинъ, думая современемъ писать Исторію, знакомился исподволь съ ея задачею, читалъ, что къ ней относится, и никогда мысль эта его не оставляла.

Такъ, въ 1794 г., въ богатырской, такъ названной имъ, сказкѣ «Илья Муромецъ,» слышится, хоть и чуть-чуть, въ имени, въ нѣкоторыхъ словахъ, вѣяніе старины.

Въ 1797 г., въ записной книжкѣ Карамзина отмѣчено: «Іюня 12. Естьли Провидѣніе пощадитъ меня; естьли не случится того, что для меня ужаснѣе смерти.... займусь исторіею. Начну съ Джиллиса; послѣ буду читать Фергусона, Гиббона, Робертсона — читать со вниманіемъ и дѣлать выписки, а тамъ примусь за древнихъ авторовъ, особливо за Плутарха.»

Въ маѣ 1800 года, Карамзинъ писалъ къ Дмитріеву вотъ уже какъ: «Я по уши влѣзъ въ русскую исторію: сплю и вижу Никона съ Несторомъ.»

Въ одѣ на коронацію императора Александра, въ мартѣ 1801, онъ восклицаетъ торжественно:

Я въ храмъ исторіи иду
И тамъ дѣла Твои найду.

Въ примѣчаніи сказано: Авторъ занимается русскою исторіей.

«Вѣстникъ Европы» онъ начинаетъ издавать съ 1802 г., съ цѣлію между прочимъ наработать столько, чтобъ лѣтъ черезъ пять-шесть предаться исторіи.

Отъ 6 іюня, писалъ онъ къ брату: «Мнѣ хочется до того времени выдавать журналъ, пока будетъ у меня столько денегъ, чтобы жить безъ нужды, а также хотѣлось бы мнѣ приняться за трудъ важный — за русскую исторію, чтобы оставить по себѣ отечеству не дурной монументъ. Но все зависитъ отъ Провидѣнія. Будущее не наше.»

Такъ же объяснялъ онъ и Муравьеву изданіе Вѣстника Европы (см. ниже).

Въ Вѣстникѣ Европы, въ продолженіи 1802 и 1803 годовъ, мы встрѣчаемъ рядъ статей историческаго содержанія, которыя свидѣтельствуютъ о хорошемъ знакомствѣ автора съ источниками русской исторіи, съ изслѣдователями и важнѣйшими сочиненіями, съ иностранными путешественниками. Онъ вѣрно изображаетъ главныхъ дѣятелей, замѣчаетъ ошибки другихъ ученыхъ.

Пройдемъ ихъ по порядку. Первое мѣсто между ними занимаютъ:

Историческія воспоминанія и замѣчанія на пути къ Троицѣ. Это одна изъ самыхъ счастливыхъ статей Карамзина, которая сдѣлалась общимъ достояніемъ, оживила дорогу всѣмъ извѣстную, возбудила участіе къ разнымъ историческимъ вопросамъ. Главное лицо, на которое Карамзинъ привлекъ тогда общее вниманіе, это былъ Борисъ Годуновъ. Карамзинъ выставилъ ярко его достоинства и заставилъ усомниться въ его преступленіяхъ, преимущественно въ главномъ: убіеніи царевича Димитрія.

«Отъ того, что мы не имѣемъ порядочной исторіи, славныя и великія дѣла предковъ намъ мало извѣстны: но ихъ довольно для пера краснорѣчиваго.

«Умный историкъ долженъ разсказывать такіе анекдоты (свиданіе Іоанна съ Вассіаномъ Топорковымъ), ибо они любопытны и показываютъ образъ мыслей времени; но онъ имѣетъ еще и другую обязанность: разсуждать, и сказки отличать отъ истины.

«Подлѣ Успенскаго собора, вростаетъ въ землю маленькая, желѣзомъ крытая палатка, гдѣ погребена фамилія Годуновыхъ: царь Борисъ, супруга его, сынъ Θеодоръ и несчастная Ксенія. Кто не остановится тутъ подумать о чудныхъ дѣйствіяхъ вла-

столюбія, которое дѣлаетъ людей великими благодѣтелями и великими преступниками? Естьли бы Годуновъ не убійствомъ очистилъ себѣ путь къ престолу, то исторія назвала бы его славнымъ государемъ; и царскія его заслуги столь важны, что русскому патріоту хотѣлось бы сомнѣваться въ семъ злодѣяніи: такъ больно ему гнушаться памятію человѣка, который имѣлъ рѣдкій умъ, мужественно противоборствовалъ государственнымъ бѣдствіямъ и страстно хотѣлъ заслужить любовь народа! Но что принято, утверждено общимъ мнѣніемъ, то дѣлается нѣкотораго рода святынею; и робкій историкъ, боясь заслужить имя дерзкаго, безъ критики повторяетъ лѣтописи. Такимъ образомъ, исторія дѣлается иногда эхомъ злословія.... Мысль горестная! Холодный пепелъ мертвыхъ не имѣетъ заступника, кромѣ нашей совѣсти: все безмолствуетъ вокругъ древняго гроба! Глубокая тишина его прерывается только благословеніями или проклятіемъ идущихъ мимо и читающихъ гробовую надпись. Что, естьли мы клевещемъ на сей пепелъ; естьли несправедливо терзаемъ память человѣка, вѣря ложнымъ мнѣніямъ, принятымъ въ лѣтопись безсмысліемъ или враждою?... Но я пишу теперь не исторію; слѣдственно не имѣю нужды рѣшить дѣла, и признавая Годунова убійцею святого Димитрія, удивляюсь небесному правосудію, которое наказало сіе злодѣйство столь ужаснымъ и даже чудеснымъ образомъ.

«Всякой, кто знаетъ исторію отечества, кто умѣетъ цѣнить характеры и дѣла, будучи въ Лаврѣ, захочетъ видѣть эту смиренную палатку; устремитъ на нее глаза съ любопытствомъ; скажетъ: «вотъ чѣмъ должно кончиться земное властолюбіе!» и примолвитъ: «Богъ судитъ тайныя злодѣянія, а мы должны хвалить царей за все, что они дѣлаютъ для славы и блага отечества!»

Представивъ прекрасное обозрѣніе его царствованія, какого не было еще ни объ одномъ государѣ, и заключивъ его появленіемъ самозванца, Карамзинъ восклицаетъ: «весьма любопытная эпоха нашей исторіи, трудная, но весьма занимательная для ума историческаго. Онъ долженъ рѣшить важное сомнѣніе, не только для Россіи, но и для Европы; рѣшить не иначе, какъ собравъ довольное число вѣроятностей для произведенія моральнаго увѣренія. Хотя историкъ судитъ безъ свидѣтелей; хотя не можетъ допрашивать мертвыхъ: однакожъ истина всегда заранивает искры для наблюдателя безпристрастнаго; должно отыскать ихъ въ пеплѣ — и тогда происшествіе объясняется.»

Описаніе горы Волкуши передъ Лаврою, на которой Карамзинъ вообразилъ живо ополченіе Пожарскаго, шедшаго освобож-

дать Москву отъ поляковъ, и благословеніе воиновъ архимандритомъ Діонисіемъ, показываетъ ясно историческое настроеніе Карамзина. Кто, въ это время, способенъ былъ писать, или даже задумывать подобныя картины?

Такъ точно и во второй статьѣ своей: *«О случаяхъ и характерахъ въ россійской исторіи, которые могутъ быть предметомъ художествъ,»* Карамзинъ старается прежде всего возбудить вниманіе къ русской исторіи.

«Мысль задавать художникамъ,» пишетъ онъ къ г. N. N., «предметы изъ отечественной исторіи достойна вашего патріотизма и есть лучшій способъ оживить для насъ ея великіе характеры и случаи, особливо пока мы еще не имѣемъ краснорѣчивыхъ историковъ, которые могли бы поднять изъ гроба знаменитыхъ предковъ нашихъ и явить тѣни ихъ въ лучезарномъ вѣнцѣ славы. Таланту русскому всего ближе и любезнѣе прославлять русское, въ то счастливое время, когда монархъ и самое Провидѣніе зовутъ насъ къ истинному народному величію. Должно пріучить россіянъ къ уваженію собственнаго; должно показать, что оно можетъ быть предметомъ вдохновеній артиста и сильныхъ дѣйствій искусства на сердце. Не только историкъ и поэтъ, но и живописецъ и ваятель бываютъ органами патріотизма. Естьли историческій характеръ изображенъ разительно на полотнѣ или мраморѣ, то онъ дѣлается для насъ и въ самыхъ лѣтописяхъ занимательнѣе; мы любопытствуемъ узнать источникъ, изъ котораго художникъ взялъ свою идею, и съ большимъ вниманіемъ входимъ въ описаніе дѣлъ человѣка, помня, какое живое впечатлѣніе произвелъ въ насъ его образъ. Я не вѣрю той любви къ отечеству, которая презираетъ его лѣтописи, или не занимается ими; надобно знать, что̀ любить; а чтобы знать настоящее, должно имѣть свѣдѣнія о прошедшемъ.»

Изъ слѣдующихъ словъ Карамзина мы видимъ, что онъ хорошо знакомъ съ норманнами, и съ Рюрикомъ, и съ Олегомъ и съ Ольгою:

«Никто изъ древнихъ князей,» говоритъ онъ, «не дѣйствуетъ такъ сильно на мое воображеніе, какъ Святославъ... Сей герой любезенъ намъ и потому, что въ жилахъ его текла уже кровь славянская, и что онъ первый изъ русскихъ князей назывался именемъ языка нашего. Рюрикъ, Олегъ, Игорь, были иностранцы; Святославъ родился отъ славянки.» Карамзинъ называетъ его Суворовымъ древней Россіи.

«Не въ однѣхъ столицахъ заключенъ патріотизмъ; не однѣ столицы должны быть сферою благословенныхъ дѣйствій художества. Во всѣхъ обширныхъ странахъ россійскихъ надобно

питать любовь къ отечеству и чувство народное... Во Владимірѣ, въ Кіевѣ хочу видѣть памятники геройской жертвы, которою ихъ жители прославили себя въ 13 вѣкѣ. Въ Нижнемъ Новгородѣ глаза мои ищутъ статуи Минина, который, положивъ одну руку на сердце, указываетъ другою на московскую дорогу. Мысль, что въ русскомъ, отдаленномъ отъ столицы, городѣ дѣти гражданъ будутъ собираться вокругъ монумента славы, читать надпись и говорить о дѣлахъ предковъ, радуетъ мое сердце. Мнѣ кажется, что я вижу, какъ народная гордость и славолюбіе возрастаютъ въ Россіи съ новыми поколѣніями!... А тѣ холодные люди, которые не вѣрятъ сильному вліянію *изящнаго* на образованіе душъ, и смѣются (какъ они говорятъ) надъ *романическимъ патріотизмомъ*, достойны ли отвѣта? Не отъ нихъ отечество ожидаетъ великаго и славнаго; не они рождены сдѣлать намъ имя русское еще любезнѣе и дороже. Повторимъ истину несомнительную: въ девятомъ-на-десять вѣкѣ одинъ тотъ народъ можетъ быть великимъ и почтеннымъ, который благородными искусствами, литературою и науками способствуетъ успѣхамъ человѣчества въ его славномъ теченіи къ цѣли умственнаго и моральнаго совершенства.»

Въ статьѣ: «*О тайной канцеляріи*», Карамзинъ опровергая мнѣніе объ основаніи этого страшнаго судилища царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, задѣлъ Шлецера: «Могъ ли г. Шлецеръ, ученый критикъ и страстный любитель нашей исторіи, не усомниться въ истинѣ такого случая? Если и словесная критика важна въ исторіи, философическая еще важнѣе» (419). И потомъ: «Гдѣ же страхъ, произведенный тайной канцеляріей? Гдѣ онѣмѣніе лѣтописцевъ? спрашиваемъ у г. Шлецера; но онъ развертываетъ первый томъ Татищева, показываетъ намъ страницу 59, и мы оставляемъ въ покоѣ сего ученаго иностранца, достойнаго нашей искренней благодарности за то, что онъ во многихъ случаяхъ умною своею критикою способствуетъ основательности исторіи русской.»

Какъ мѣтко въ этой статейкѣ Карамзинъ опредѣляетъ характеры нашихъ старыхъ царей. Алексѣй Михайловичъ, говоритъ онъ, не казнилъ и не душилъ ихъ (бояръ), подобно Ивану Васильевичу, не боялся ихъ подобно Годунову, не равнялся съ ними, подобно Шуйскому, и царствовалъ смѣлѣе, надежнѣе своего родителя» (420).

Какъ вѣрно описываетъ онъ нашихъ лѣтописателей. «Лѣтописцы наши не Тациты: не судили государей; разсказывали не всѣ дѣла ихъ, а только блестящія—воинскіе успѣхи, знаки набожности и проч. Левъ не разѣвалъ челюстей за такими исто-

риками, и самый ужасный царь Иванъ Васильевичъ могъ съ удовольствіемъ читать описаніе своихъ побѣдъ, путешествій къ Троицѣ и въ другіе монастыри. Только славный бояринъ Курбскій не утѣшилъ бы его своими записками: за то сей достойный мужъ убрался въ Польшу, чтобы оставить намъ вѣрное, но едва вѣроятное изображеніе государя своего.» — «Однакожъ мы обязаны вѣчною благодарностію добрымъ монахамъ за русскія лѣтописи. Безъ ихъ труда исчезла бы и память старой Руси; они сохранили по крайней мѣрѣ нить случаевъ—и когда время Петра Великаго, и строгія, взятыя имъ мѣры противъ монаховъ отняли у нихъ не только охоту, но и самую возможность продолжать лѣтописи, исторія наша не обогатилась лучшими собраніями матеріаловъ.»

«Я чувствую великія дѣла Петровы и думаю: «счастливы предки наши, которые были ихъ свидѣтелями! однакожъ — не завидую ихъ счастію! Гораздо веселѣе жить въ то время, когда въ Преображенскомъ поливаютъ землю не кровію, а водою, для произведенія овощей и салата.» (425).

Статья о *Марфѣ Посадницѣ* изъ житія св. Зосимы показываетъ, что Карамзинъ знакомился уже и съ этими источниками русской исторіи. Въ заключеніе ея, онъ выражаетъ желаніе, «чтобъ когда нибудь искусное перо изобразило намъ *галлерею Россіянокъ*, знаменитыхъ въ исторіи или достойныхъ сей чести. Въ разсужденіи древности благоразумный авторъ ограничитъ себя Несторомъ... Галлерея наша открылась бы Ольгою и Гориславою; а среднія времена представили бы намъ изображеніе греческой княжны Софіи, супруги князя Іоанна (которой Россія обязана первыми искрами просвѣщенія), матери царя Ивана Васильевича, имѣвшей слабости, но весьма умной — первой супруги его, прекрасной и любезной Анастасіи — Маріи Годуновой, которой добродѣтель обуздывала иногда Бориса въ жестокостяхъ его поразительнаго характера — и трогательной невинной Ксеніи. Правда, что русскіе лѣтописцы, въ которыхъ должно искать матеріаловъ для сихъ біографій, крайне скудны на подробности; однакожъ умъ внимательный, одаренный *историческою догадкою*, можетъ дополнять недостатки соображеніемъ, подобно какъ ученый любитель древностей, разбирая на какомъ нибудь монументѣ старую греческую надпись, по двумъ буквамъ... угадываетъ третью, изглаженную временемъ, и не ошибается. Новѣйшая русская исторія имѣетъ также своихъ знаменитыхъ женщинъ; наименуемъ изъ нихъ Наталію Кириловну... Софію... Екатерину I. Не знаю, дозволитъ ли политика въ наше время философу-историку свободно и торжественно судить царствованія

Анны и Елисаветы; но умный живописецъ-авторъ можетъ въ легкихъ чертахъ представить ихъ личные характеры съ хорошей стороны и безъ лести. Наконецъ, не на одномъ тронѣ сочинитель долженъ искать лицъ для историческихъ портретовъ: онъ вспомнитъ, напримѣръ, сію графиню Головкину, которая добровольно промѣняла столицу на Сибирь, и годъ жила въ землянкѣ съ мертвымъ тѣломъ супруга. Такое геройство супружеской любви давно бы прославлено было въ цѣломъ свѣтѣ, если бы русскіе умѣли и любили хвалиться добродѣтелями русскихъ.» (387).

О московскомъ мятежѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича.

Авторъ искусно воспользовался извѣстными иностранными путешественниками и представилъ живую картину этого событія, далъ портреты главныхъ дѣйствующихъ лицъ.

«Исторія нашего отечества, подобно другимъ, описывая жестокія войны и гибельные раздоры, рѣдко упоминаетъ о бунтахъ противъ властей законныхъ: что̀ служитъ къ великой чести народа русскаго. Онъ кажется всегда чувствовалъ необходимость повиновенія и ту истину, что своевольная управа гражданъ есть во всякомъ случаѣ великое бѣдствіе для государства. Такимъ образомъ, народъ московскій великодушно терпѣлъ всѣ ужасы временъ царя Ивана Васильевича, всѣ неистовства его опричныхъ, которые, подобно шайкѣ разбойниковъ, злодѣйствовали въ столицѣ, какъ въ землѣ непріятельской. Граждане смиренно приносили жалобу, не находили защиты, безмолвствовали, и только въ храмахъ Царя Царей молили небо со слезами тронуть, смягчить жестокое сердце Іоанна.»

Выпишемъ одно примѣчательное мѣсто.

«Мятежъ кончился. Тогда столица увидѣла зрѣлище великое и рѣдкое въ лѣтописяхъ міра! зрѣлище, котораго описаніе останется на вѣки трогательнымъ въ нашей исторіи для всѣхъ сердецъ истинно-русскихъ, привязанныхъ къ добрымъ своимъ монархамъ.

«Объявили народу, что государь желаетъ говорить съ нимъ. Послѣ обѣдни—день былъ праздничный—царь Алексѣй Михайловичъ выѣхалъ изъ Кремля, сошелъ съ лошади и сталъ на возвышенномъ мѣстѣ.... Граждане со всѣхъ сторонъ тѣснились къ нему, громогласно изъявляя усердіе къ священной особѣ монарха. Подлѣ него стоялъ добрый и любимый бояринъ Никита Ивановичъ Романовъ-Юрьевъ. Государь съ ангельскою кротостію сказалъ купечеству и гражданству, что ему горестно было свѣдать все претерпѣнное ими отъ злыхъ чиновниковъ; что сіи

недостойные заслужили казнь, употребляя во зло священную власть закона, которая перешла наконецъ въ руки чистыя и непорочныя; что бояре добросовѣстные, заступившіе мѣсто Плещеева и Траханіотова, будутъ править и судить по уставу человѣколюбія и справедливости, что самъ онъ, не смотря на общую довѣренность къ симъ почтеннымъ людямъ, будетъ неусыпнымъ окомъ смотрѣть за всѣми частями правленія; что особенныя привилегіи и монополіи немедленно уничтожатся; что прежняя цѣна соли возстановляется; что выгода и благоденствіе гражданъ составятъ единственный предметъ его попеченій, и что онъ всѣми дѣлами своего царствованія желаетъ пріобрѣсти имя ему любезное: «имя отца народнаго»... Граждане *низко поклонились* царю, благодаря его за милость и желая ему здравія и долголѣтія, по обычаю русскихъ.... Тутъ великодушный царь обратилъ рѣчь на Бориса Ивановича Морозова, и сказалъ: «что не находя его совершенно правымъ, не находитъ и во всемъ виноватымъ, и, не требовавъ еще въ свое царствованіе никакой жертвы отъ гражданъ, надѣется, что они исполнятъ первую просьбу его и простятъ сего боярина, который, за что онъ ручается, заслужитъ впредь любовь и дружбу ихъ; что если они не хотятъ видѣть Морозова въ синклитѣ, то онъ исключитъ его изъ сего верховнаго совѣта, желая только, чтобы народъ не требовалъ головы человѣка, который былъ ему вторымъ отцомъ и наставникомъ»... Глаза чувствительнаго монарха наполнились слезами: онѣ составили неизъяснимо трогательное заключеніе его рѣчи, и самые тѣ, которые недавно еще свирѣпствовали какъ неистовые мятежники въ столицѣ, были поражены симъ зрѣлищемъ, упали на колѣна, цѣловали одежду царя, ноги его, и восклицали единогласно: *да будетъ что угодно Богу и тебѣ государю! Мы всѣ дѣти твои...* Сердечное удовольствіе изобразилось на лицѣ монарха, до сей минуты печальнаго. Онъ изъявилъ народу свою признательность; увѣщевалъ его быть кроткимъ и послушнымъ, увѣряя, что не забудетъ никогда своихъ царскихъ обѣщаній и вѣрно исполнитъ ихъ... Съ сими словами государь сѣлъ на коня и со всею свитою бояръ и царедворцевъ возвратился въ Кремль...

«Такое дѣйствіе монарха, внушенное ему чувствительнымъ сердцемъ, безъ сомнѣнія восхитительно. Дерзну сказать, что сія минута была едва ли не самою прекраснѣйшею изъ тридцати-двух-лѣтняго царствованія Алексѣя Михайловича — минута, въ которую онъ столь разительно доказалъ нѣжную дружбу свою къ воспитателю, и священное уваженіе *даннаго слова:* ибо ему легко было и другими средствами спасти Морозова. Одна пыл-

кая, юная душа могла такъ отважно поручить народу свое драгоцѣнное спокойствіе! Жить единственно для счастія подданныхъ, быть истиннымъ отцомъ народнымъ—сіи обѣты, подтвержденные царемъ въ минуту живѣйшаго чувства признательности, были, конечно, искренны и начертаны въ глубинѣ его сердца!... мысль плѣнительная!... Но для чего великая наука управлять государствами не есть одно съ прекрасными движеніями чувствительности?... Историкъ строгимъ саномъ своимъ обязанъ казаться иногда жестокосерднымъ, и долженъ осуждать то, что ему какъ человѣку любезно, но что бываетъ вреднымъ въ правленіи, ибо люди не Ангелы! Отирая сладкія слезы свои, онъ скажетъ, что здравая политика, основанная на опытахъ и знаніи человѣчества, предписывала царю Алексѣю Михайловичу совсѣмъ иные способы утушить мятежъ. *Мудрая верховная власть можетъ быть снисходительною, но никогда не требуетъ снисхожденія;* она прощаетъ, но не проситъ, и благодарность должна быть чувствомъ подданныхъ, а не монарха» (397).

«*Русскую старину*» Карамзинъ начинаетъ также изъявленіемъ сожалѣнія о маломъ знакомствѣ нашемъ съ исторіею: «Сообщаю анекдоты, говоритъ онъ, и разныя извѣстія о старой Москвѣ и Россіи, выбранныя мною изъ чужестранныхъ авторовъ, которые во время царей жили въ нашей столицѣ и которые не во всѣхъ библіотекахъ находятся. Думаю, что эта статья для многихъ читателей будетъ занимательна. Къ несчастію, мы такъ худо знаемъ русскую старину, любезную для сердца патріотовъ» (502).

Въ путешествіи вокругъ Москвы разсыпано много любопытныхъ свѣдѣній о первоначальномъ кораблестроеніи, о сподвижникахъ Петровыхъ, о городѣ Коломнѣ, и проч.

Къ числу если не историческихъ статей, то по крайней мѣрѣ историческихъ опытовъ можно причислить его повѣсть — *Мароу Посадницу*, которою Карамзинъ начинаетъ второй годъ Вѣстника. На нее должно смотрѣть, вмѣстѣ съ похвальнымъ словомъ Екатеринѣ, какъ на пробу пера, опытъ перестроить струны на другой ладъ, взять тономъ выше, что̀ тогда считалось необходимымъ для исторіи, которая не терпѣла простоты. Эта повѣсть имѣла успѣхъ не менѣе «Бѣдной Лизы». Вся молодежь твердила наизусть: раздался звонъ вѣчеваго колокола, и вздрогнули сердца въ Новгородѣ! Характеры, положенія, встрѣчи — все это было совершенно ново, необыкновенно, разительно. Украшенія, преувеличенія, идеализація, не бросалась тогда въ глаза читателямъ, такъ какъ нынѣ.

И въ другихъ статьяхъ Карамзина, не историческихъ, есть

слѣды короткаго знакомства съ главными вопросами русской исторіи, наприм. въ забавной статейкѣ о *Русской грамматикѣ гражданина Модрю*. Онъ говоритъ: ....«Знаетъ ли гражданинъ Модрю нашу исторію, думая, что русскіе истребили славянъ, и что языкъ славянскій остался единственно въ священныхъ книгахъ побѣдителей — «для того ли, говоритъ онъ, — что первые христіанскіе священники въ Россіи были славяне, или можетъ быть для того, что сей языкъ казался русскимъ выразительнѣе для богослуженія»?? Такое невѣжество едва вѣроятно... Гражданинъ Модрю воображаетъ, что горсть варяжскихъ храбрецовъ, которыхъ привелъ съ собою Рюрикъ, добровольно призванный славянами, уничтожила, такъ сказать, нравственное бытіе сего великаго народа, и что мы говоримъ нынѣ по-варяжски!! Сей ученый мужъ не знаетъ, что русскій языкъ есть славянскій, измѣненный временемъ, употребленіемъ и примѣсомъ нѣкоторыхъ чужихъ словъ! Не удалось ли ему слышать, что греческій императоръ Константинъ различаетъ ихъ въ своемъ твореніи? Правда, что въ его время назывался русскимъ языкъ норманскій: но онъ никогда не былъ народнымъ языкомъ въ Россіи. Князья варяжскіе сообщили намъ имя *Руси*, но славяне не приняли языка ихъ, и мы не видимъ ни малѣйшихъ слѣдовъ его въ нашемъ.»

Въ статьѣ: *О землетрясеніи въ Москвѣ въ 1802 году*, Карамзинъ воспоминаетъ съ подробностями изъ лѣтописей о землетрясеніи, случившемся въ Москвѣ при князѣ Васильѣ Васильевичѣ Темномъ (въ самый тотъ день, какъ ханъ татарскій отпустилъ его изъ плѣна).

Въ письмѣ *Сельскаго жителя* сообщаетъ онъ извѣстіе о винной торговлѣ.

Вообще, при всякомъ случаѣ Карамзинъ старался возбудить вниманіе къ русской исторіи, и укорять общество въ недостаточности знакомства съ нею.

Карамзинъ занимался ревностно русскою исторіею, знакомился ближе и ближе со всѣми источниками, усматривалъ случаи, черты, которыми воспользоваться можно съ успѣхомъ, и темное его желаніе, давнее намѣреніе опредѣлилось яснѣе, почувствовалось живѣе. Онъ часто говорилъ объ немъ, и однажды, въ счастливую минуту, завелъ рѣчь о любимомъ намѣреніи съ своимъ искреннимъ другомъ Дмитріевымъ, который, первый, имѣлъ счастіе указать ему и на литературное поприще. «Такъ

приступай къ дѣлу, медлить нечего», сказалъ Дмитріевъ. — «Я человѣкъ частный», отвѣчалъ Карамзинъ; — «безъ содѣйствія правительства не достигну желаемой цѣли; притомъ лишусь главныхъ доходовъ моихъ: шести тысячъ рублей, которые приноситъ мнѣ Вѣстникъ Европы.» — «Ты ничего не потеряешь, трудясь для славы отечества», отвѣчалъ Дмитріевъ; «пиши только въ С.-Петербургъ: я увѣренъ въ успѣхѣ». — «Тебѣ все представляется въ розовомъ видѣ», замѣтилъ Карамзинъ. Долго спорили они; наконецъ, послѣдній долженъ былъ уступить убѣдительному краснорѣчію своего друга, и сказалъ: «Пожалуй я напишу, но берегись, если откажутъ». — Письмо отправлено къ товарищу министра просвѣщенія, Михаилу Никитичу Муравьеву, воспитателю императора Александра, знаменитому покровителю просвѣщенія и первому попечителю Московскаго университета.

Но письмо къ счастію сохранилось. Мы помѣстимъ его здѣсь вполнѣ. Оно вѣрно изображаетъ намъ Карамзина въ эту рѣшительную минуту его жизни, сентября 28, 1803 года.

«Имѣя доказательства вашего ко мнѣ благорасположенія, а болѣе всего, увѣренный въ вашей любви ко славѣ отечества и русской словесности, беру смѣлость говорить вамъ о моемъ положеніи.

«Будучи весьма небогатъ, я издавалъ журналъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы *принужденною* работою пяти или шести лѣтъ купить независимость, возможность работать свободно и писать единственно для славы — однимъ словомъ, сочинять русскую исторію, которая съ нѣкотораго времени занимаетъ всю душу мою. Теперь слабые глаза не дозволяютъ мнѣ трудиться по вечерамъ и принуждаютъ меня отказаться отъ *Вѣстника.* Могу и хочу писать исторію, которая не требуетъ поспѣшной и срочной работы; но еще не имѣю способа жить безъ большой нужды. Съ журналомъ я лишаюсь 6,000 руб. доходу. Естьли вы думаете, милостивый государь, что правительство можетъ имѣть нѣкоторое уваженіе къ человѣку, который способствуетъ успѣхамъ языка и вкуса, заслужилъ лестное благоволеніе россійской публики, и котораго бездѣлки, напечатанныя на разныхъ языкахъ Европы, удостоились хорошаго отзыва славныхъ иностранныхъ литераторовъ: то нельзя ли при случаѣ доложить императору о моемъ положеніи и ревностномъ желаніи написать исторію не варварскую и не постыдную для Его царствованія? Во Франціи, богатой талантами, сдѣлали нѣкогда Мармонтеля *исторіографомъ* и давали ему пенсію, хотя онъ и не писалъ исторіи: у насъ, въ Россіи, какъ вамъ извѣстно, не много истин-

ныхъ авторовъ. Естьли галиматья, подъ именемъ *Корифея*, печатается на счетъ казны, естьли переводъ Анахарсиса удостоился вспоможенія отъ правительства: то для чего же, казалось бы, не поддержать автора, уже извѣстнаго въ Европѣ, трудолюбиваго и пылающаго ревностію ко славѣ отечества? Хочу не избытка, а только способа прожить пять или шесть лѣтъ: ибо въ это время надѣюсь управиться съ исторіею; и тогда я могъ бы отказаться отъ пенсіи: написанная исторія и публика не оставила бы меня въ нуждѣ. Смѣю думать, что я трудомъ своимъ заслужилъ бы профессорское жалованье, которое предлагали мнѣ дерптскіе кураторы, но вмѣстѣ съ должностію неблагопріятною для таланта.

«Сказавъ все и вручивъ вамъ судьбу моего авторства, остаюсь во ожиданіи вашего снисходительнаго отвѣта. Другаго человѣка я не обременилъ бы такою просьбою; но васъ знаю и не боюсь показаться вамъ смѣшнымъ. Вы же нашъ попечитель.....— Господинъ Чеботаревъ, ректоръ, предложилъ мнѣ быть членомъ Московскаго университета, — честь, которою я вамъ обязанъ, и за которую изъявляю искреннюю благодарность. Университетъ оживился. Публичныя лекціи привлекаютъ многихъ слушателей и безъ сомнѣнія распространяютъ вкусъ къ наукамъ.

«Съ душевнымъ высокопочтеніемъ имѣю честь быть,

милостивый государь,

вашимъ покорнымъ слугою

Николай Карамзинъ.»

Письмо послано 28 сентября 1802 г., и 31 октября состоялся Высочайшій указъ о назначеніи Карамзина исторіографомъ, съ жалованьемъ въ годъ по двѣ тысячи рублей ассигнаціями.

Карамзинъ выразилъ свою благодарность почтенному покровителю слѣдующимъ письмомъ, которое должно украшать біографію Муравьева:

«Вамъ единственно обязанъ я милостію государя и способомъ заниматься такимъ дѣломъ, которое можетъ быть славно для меня и не безславно для Россіи; къ сему одолженію вы присоединили еще всю нѣжность души кроткой, чувствительной, и тѣмъ возвысили цѣну его.... Какъ вамъ пріятно дѣлать добро, такъ сердцу моему сладостно быть на вѣки благодарнымъ.

«Прошу васъ, милостивый государь, изъявить великодушному монарху усердную и благоговѣйную признательность одного изъ его вѣрнѣйшихъ подданныхъ, который посвятитъ всю жизнь свою на оправданіе его благодѣянія.

«Графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ предлагалъ здѣшнему архиву иностранной коллегіи показывать мнѣ всѣ бумаги, имѣющія отношеніе къ россійской исторіи; но желаю пользоваться и другими библіотеками, наприм., древнею патріаршею и Троицкою, гдѣ хранятся многія лѣтописи: не нужно ли будетъ общимъ всемилостивѣйшимъ указомъ открыть для меня сіи источники?»

Желаніе Карамзина было немедленно исполнено, и Карамзинъ написалъ къ нему новое благодарственное письмо.

«Сердечно благодарю васъ за трудъ, который вы взяли на себя, доложить его величеству о моемъ желаніи пользоваться архивомъ и монастырскими бабліотеками. Хотя первый и былъ уже отворенъ для меня по благосклонному письму канцлера, но лучше имѣть право, нежели зависѣть отъ воли людей. Естьли Провидѣнію угодно, чтобы я съ честію совершилъ трудъ, мною предпринимаемый: то добрые россіяне узнаютъ съ чувствительностію, что вы были великодушнымъ и единственнымъ покровителемъ автора, усерднаго ко славѣ отечества.»

Отъ 18 февраля писалъ онъ къ Муравьеву: «Теперь раздѣлавшись съ публикою (онъ выдалъ послѣдніе два нумера Вѣстника въ одной книжкѣ), уже въ февралѣ 1804 года, занимаюсь единственно тѣмъ, что имѣетъ отношеніе къ исторіи.»

И принялся онъ читать, извлекать, соображать! До такой степени углубился въ свой предметъ, преимущественно на первыхъ порахъ, что сдѣлался несноснымъ даже для друзей своихъ. Такъ говорилъ мнѣ самъ Дмитріевъ. Онъ ни объ чемъ не могъ думать, ни объ чемъ не могъ говорить, ничего не могъ понимать, — кромѣ предмета своихъ занятій. Спалъ и видѣлъ только его, во снѣ и наяву.

Первое лѣто, какъ и слѣдующія, провелъ онъ въ Остафьевѣ, знаменитомъ селѣ (около Подольска) князя Андрея Ивановича Вяземскаго, на дочери котораго, Катеринѣ Андреевнѣ, предъ тѣмъ женился онъ 1804 г., января 8.

Огромный барскій домъ въ нѣсколько этажей возвышается на пригоркѣ; внизу, за луговиною, блещетъ обширный проточный прудъ; въ сторонѣ отъ него сельская церковь, осѣненная густыми липами. По другую сторону дома обширный, тѣнистый садъ.

Кабинетъ Карамзина помѣщался въ верхнемъ этажѣ въ углу, съ окнами, обращенными въ садъ. Ходъ былъ къ нему по особенной лѣстницѣ.

Я былъ тамъ, въ этомъ святилищѣ русской исторіи, въ этомъ славномъ затворѣ, гдѣ двѣнадцать лѣтъ съ утра до вечера си-

дѣлъ, одинъ одинехонекъ, знаменитый нашъ труженикъ надъ египетской работою, углубленный въ мысли о великомъ своемъ предпріятіи, съ твердымъ намѣреніемъ совершить его во что бы ни стало, — гдѣ онъ въ тишинѣ уединенія читалъ, писалъ, тосковалъ, радовался, утѣшался своими открытіями, — куда приносились къ нему любезныя тѣни Несторовъ, Сергіевъ, Сильвестровъ, Авраамiевъ,—гдѣ онъ бесѣдовалъ съ ними, спрашивалъ о судьбахъ отечества, слышалъ внутреннимъ слухомъ вѣщій ихъ голосъ, и передавалъ откровеніе златыми устами своими.

Голыя штукатуренныя стѣны, выкрашенныя бѣлою краскою, широкій сосновый столъ, въ переднемъ углу подъ окнами стоящій, простой деревянный стулъ, нѣсколько козловъ покрытыхъ досками, на которыхъ раскладены рукописи, книги, тетради, бумаги; не было ни одного шкапа, ни креселъ, ни дивановъ, ни этажерокъ, ни пюпитровъ, ни ковровъ, ни подушекъ. Нѣсколько ветхихъ стульевъ около стѣнъ въ безпорядкѣ.

«Все утвари простыя,
Все рухлая скудель:
Скудель, но мнѣ она дороже,
Чѣмъ бархатное ложе
И вазы богачей.»

На грязномъ полу, покрытомъ пылью и соромъ, сверкали мнѣ въ глаза бриллiанты, изумруды и яхонты, крупицы, упавшія отъ трапезы вдохновеннаго писателя.

Князь П. А. Вяземскій, въ отвѣтъ на мои запросы такъ описываетъ день Карамзина:

«Карамзинъ вставалъ обыкновенно часу въ 9-мъ утра, тотчасъ послѣ дѣлалъ прогулку пѣшкомъ или верхомъ во всякое время года и во всякую погоду. Прогулка продолжалась часъ. Возвратясь съ прогулки, завтракалъ онъ съ семействомъ, выкуривалъ трубку турецкаго табаку и тотчасъ послѣ уходилъ въ свой кабинетъ и садился за работу вплоть до самаго обѣда, т. е. до 3 или 4 часовъ. Помню одно время, когда онъ, еще при отцѣ моемъ, съ нами даже не обѣдывалъ, а обѣдалъ часомъ позднѣе, чтобы имѣть болѣе часовъ для своихъ занятій. Это было въ первый годъ, что онъ принялся за исторію. Во время работы отдохновеній у него не было, и утро его исключительно принадлежало исторіи и было ненарушимо и неприкосновенно. Въ эти часы ничто такъ не сердило и не огорчало его, какъ посѣщеніе, отъ котораго онъ не могъ избавиться. Но эти посѣщенія были очень рѣдки. Въ кабинетѣ жена его часто сиживала за

работою или за книгою, а дѣти играли, а иногда и шумѣли. Онъ, бывало, взглянетъ на нихъ улыбаясь, скажетъ слово, и опять примется писать.»

М. Погодинъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ

къ стр. 165.

Вотъ, отзывъ Лудовика Бöрне о Карамзинѣ и его трудѣ, на который мы указали выше. Бöрне именно оцѣнилъ въ нашемъ историкѣ то, что онъ давно считалъ своимъ идеаломъ.

«76. *Карамзина Исторія Россійскаго государства.*—Можно-ли книгу, состоящую изъ однихъ оглавленій, читать иначе, какъ съ неохотою и скукою? А имена королей составляютъ именно оглавленіе исторической книги ихъ народовъ. Вотъ, почему съ равнодушіемъ пробѣгаешь пустынныя чащи европейской исторіи, гдѣ не встрѣтишь ни тѣни, ни кровли, ни ночлега, который подкрѣпилъ бы усталаго изслѣдователя. Европейская исторія походитъ на домовую книгу сельскаго хозяйства, гдѣ государства измѣрены вдоль и поперегъ съ цѣлью собиранія податей, и люди записаны или отписаны, какъ то бываетъ при покупкѣ, мѣнѣ или смертныхъ случаяхъ. Кто не убѣгаетъ радостно въ тотъ иной край свѣта, гдѣ не слабая трость является хитростною опорою силы, а слабѣйшій умъ повинуется сильнѣйшему? Кто не поднимется охотно къ тому древнему времени, когда исторія человѣчества была живымъ источникомъ изъ природы, когда потоки народовъ прокладывали себѣ избранное ими ложе, а не заботясь о своихъ родословныхъ и граматахъ, продолжали начатый путь... Все это мы находимъ въ русской исторіи.

«Эту мысль можно было бы изложить въ ясныхъ и понятныхъ словахъ; но мы, грѣшники, вынуждены прибѣгнуть къ священному языку пророковъ, и, какъ Іезекіиль, говорить въ картинахъ. Русское государство, если сравнить его, какъ отдѣльнаго человѣка, съ его товарищами по дѣтскимъ играмъ, еще дитя; но медленность роста говоритъ и о продолжительности дѣтства; однако оно, какъ и Геркулесъ, еще въ колыбели, раздавило гигантскихъ змѣй, обхватывавшихъ Европу. Чѣмъ оно еще можетъ быть, довольно сказать, что оно въ Европѣ единственное восходящее свѣтило. Какъ бы кто ни былъ настроенъ, въ пользу или противъ, съ надеждою или страхомъ, но ни въ какомъ случаѣ

не слѣдуетъ быть равнодушнымъ, надобно всегда, даже съ потерею необходимаго сна, держать глаза открытыми и не дозволить себя убаюкать тѣмъ, которые, подобно жителямъ Везувія, спокойны потому что гора не дымитъ. Если въ странѣ чума, то бываютъ рады спасительной зимѣ, и за жизнь платятъ удовольствіями жизни. Въ человѣчествѣ никогда не было недостатка въ возвратномъ Геркулесѣ, стоитъ только переполниться Агіевымъ конюшнямъ.

«Уже это одно служитъ признакомъ величія народа, если онъ въ своей средѣ находитъ великаго историка; ибо каждый художникъ, если онъ и прикрашиваетъ, вдохновляется прекрасною дѣйствительностью. Карамзина «Исторія Россійскаго государства» мастерское произведеніе, достойное своего предмета. Распредѣленіе частей соотвѣтствуетъ цѣли, ясно и разумно. Перепутанная масса странъ и народовъ, изъ которыхъ мало по малу сложилось громадное государство, съ большимъ искусствомъ разобрана, и, сообразно своему значенію, болѣе или менѣе освѣщена. Слогъ благородный, сильный, и, гдѣ слѣдовало, живописный. Нѣтъ недостатка въ превосходныхъ разсужденіяхъ, но они вытекаютъ свободно изъ событій, а не приданы сочинителемъ въ видѣ высокопарныхъ вставокъ. Гдѣ требовала правда, Карамзинъ, если не такъ радостно, то тѣмъ не менѣе вѣрно, говорилъ объ ошибкахъ и пораженіяхъ своего народа, равно какъ и о его побѣдахъ и доблестяхъ. Особенно поражаетъ его откровенность, съ которою онъ тепло и одобрительно выставлялъ нѣкоторые принципы, отъ принятія которыхъ въ жизнь Россія еще такъ далека, не столько потому что правительству недостаетъ любви къ свободнымъ учрежденіямъ, сколько вслѣдствіе недостатка въ обществѣ чувства свободы. У него вездѣ показано, какъ власть смертныхъ слагается земнымъ образомъ, а не падаетъ съ неба. «Начало русской исторіи представляетъ намъ достойное изумленіе и можетъ быть безпримѣрное въ лѣтописяхъ событіе. Славяне добровольно уничтожаютъ свое древнее правленіе и требуютъ властителей у варяговъ, своихъ враговъ. Повсюду мечъ сильныхъ или замыслы честолюбцевъ приводили господство власти (ибо народы желаютъ законовъ, но боятся потери свободы): въ Россіи власть была основана съ всеобщаго согласія гражданъ....»

Таковъ короткій отзывъ иностранца о нашемъ историкѣ, который могъ быть вызванъ именно тѣми идеями, которыя направляли умъ Карамзина къ его будущему труду, и какъ онѣ высказываются въ вышеприведенномъ текстѣ его письма изъ Парижа (см. стр. 165). *Ред.*

IV.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СУДЬБА КРЫМСКИХЪ ТАТАРЪ.*)

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Въ настоящее время, все татарское населеніе Крыма состоитъ изъ 102,951 души обоего пола. Крымскій юртъ, нѣкогда грозный своими набѣгами, въ 1783 г. кончилъ свое существованіе, а въ 1861 г., на нашихъ глазахъ, его народъ перестал для насъ существовать и фактически: онъ оставилъ Крымъ и примкнулъ къ массѣ мусульманства въ Турціи.

За крымскими татарами сохранится теперь одно ихъ историческое значеніе, впрочемъ не маловажное для насъ по той роли, которая досталась вообще татарамъ въ нашей исторіи. Вопросъ о характерѣ монгольской образованности и о ея вліяніи въ свое время на судьбу нашего общества еще не исчерпанъ вполнѣ. Наши историки не много могли пользоваться туземными источниками при описаніи быта татаръ, а мы имѣемъ въ виду

*) Авторъ этой статьи молодой ученый, родомъ изъ крымскихъ грековъ, потомковъ древнихъ черноморскихъ колонистовъ, съ дѣтства былъ практически знакомъ съ языкомъ и бытомъ крымскихъ татаръ. Мы даемъ мѣсто написанному имъ изслѣдованію въ надеждѣ, что указанія опытныхъ оріенталистовъ окажутъ ему помощь къ дальнѣйшей и полнѣйшей разработкѣ исторіи Крыма, чрезвычайно важной и знаменательной для нашей отечественной исторіи. Всѣмъ извѣстно, какъ мало вниманія обращала на нее до сихъ поръ наша историческая литература, и какъ много терпитъ отъ этого наука о нашей прошедшей жизни. Н. Костомаровъ.

главнымъ образомъ воспользоваться именно тѣми мало извѣстными памятниками, которые сохранились въ древней татарской литературѣ.

Исторія крымскихъ татаръ, до мира въ Кучукъ-Кайнарджы (1774 г.), представляетъ въ себѣ два періода: 1) отъ пришествія татаръ въ Крымъ, до династіи гиреидовъ; и 2) отъ начала династіи гиреидовъ, до мира въ Кучукъ-Кайнарджы. Обратимся къ первому древнѣйшему періоду.

Чѣмъ было татарское племя до переселенія его въ Крымъ, и какіе оно принесло съ собою задатки для государственной жизни?

Монгольскій лѣтописецъ Менъ-хунъ описываетъ татаръ, въ древнѣйшую эпоху ихъ существованія, такъ: «Нынѣшніе татары весьма просты и дики, и не имѣютъ ни малѣйшаго устройства. При началѣ ихъ возвышенія, у нихъ не было вовсе письменъ: всякій разъ, когда надобно что повелѣть, они отправляютъ всюду посланца и даютъ ему на память только вырѣзанный приказъ. Татары презираютъ старость и уважаютъ бодрость; у нихъ не въ обычаѣ частыя ссоры и драки. Татары по большей части имѣютъ обычай не мыть рукъ и хватаются ими за рыбу и мясо: когда жиръ пристаетъ, то обтираютъ его о свои кафтаны. Платье ихъ не снимается и не моется до тѣхъ поръ, пока не износится.» Далѣе Менъ-хунъ говоритъ, что татары не умѣютъ даже различать весны отъ осени, и что годъ у нихъ считался по выростанію травы. Религія и священные обряды выражались въ гаданьѣ по бараньей лопаткѣ и въ почитаніи неба и земли за божество. Вообще всѣ старые лѣтописцы, показанія которыхъ приводить здѣсь было бы излишне, изображаютъ татаръ крайне грубымъ и невѣжественнымъ народомъ, какимъ они и были, какъ это мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, до самаго переселенія ихъ въ Крымъ. Матеріаловъ для подробнаго и обстоятельнаго изслѣдованія ихъ общественнаго быта сохранилась для насъ очень не много, но и тѣ произведенія восточныхъ историковъ, которыя дошли до насъ, даютъ намъ нѣкоторую возможность обрисовать его довольно вѣрно. Эти сочиненія слѣдующія: Шейбаніада, Рашидъ-Эддинъ и Абулгази. Всѣ три заключаютъ въ себѣ много любопытнаго; но всѣхъ важнѣе, безъ всякаго сомнѣнія, сочиненіе Абулгази. Онъ самъ былъ ханомъ, и кромѣ того, при составленіи своего труда, какъ говоритъ самъ, пользовался сочиненіями 17 предшествовавшихъ историковъ, а потому и можетъ внушать къ себѣ довѣріе болѣе другихъ. Его сочиненіе: «Родословная тюркскаго племени», не можетъ быть названо исторіей, ни даже лѣтописью; она ни больше

ни меньше какъ безсвязное повѣствованіе о *родахъ* и *ханахъ* безъ всякой хронологіи и географіи. Это общая черта восточной исторіографіи даже и послѣднихъ временъ, и ее конечно нельзя ставить въ укоръ Абулгази. Его книга однообразна, монотонна и даже скучна — но и самая жизнь описываемаго имъ племени однообразна какъ смѣна дня ночью, зимы лѣтомъ и т. д. Это сочиненіе важно однако въ томъ отношеніи, что отчетливо изображаетъ родовой бытъ тюркскаго племени и междоусобныя отношенія отдѣльныхъ родовъ. Какъ умный и наблюдательный человѣкъ, прочитавшій все, что ему было доступно, Абулъ-Гази-Багадуръ-ханъ имѣетъ для родового быта тюркскихъ племенъ такое же значеніе, какъ Юлій Цезарь и Тацитъ для родового быта племенъ романо-германскихъ, съ тою разницею, что Юлій Цезарь и Тацитъ въ своихъ сочиненіяхъ являются самостоятельными и опытными писателями, между тѣмъ какъ Абулгази только компиляторъ сочиненій своихъ предшественниковъ, безсвязно слагавшихъ изустныя народныя преданія о различныхъ родахъ тюркскаго племени.

Общественное устройство тюркскихъ племенъ состоитъ въ тѣснѣйшей связи съ родовымъ ихъ бытомъ и сходно съ тѣмъ строемъ, какой существовалъ, отъ II до V столѣтія и далѣе, въ западной Европѣ у племенъ романо-германскихъ. Необходимо потому разсматривать постепенное развитіе этихъ племенъ параллельно; при этомъ замѣтимъ, что источники для нашего предмета не такъ полны и не такъ опредѣленны, какъ источники для общественнаго устройства племенъ романо-германскихъ, и слѣдовательно послѣдними можно иногда объяснять первые. Впрочемъ, при этомъ мы не будемъ вдаваться въ большія подробности: достаточно указать на сходство одного быта съ другимъ лишь въ крупныхъ чертахъ.

У каждаго патріархальнаго народа есть высокое понятіе о происхожденіи своемъ изъ глубокой древности. Большая ихъ часть, отправляясь къ началу своего происхожденія, встрѣчаются на одномъ и томъ же праотцѣ, и этотъ праотецъ есть или Адамъ или Ной, или же дѣти котораго нибудь изъ двухъ. Тюркскія племена ведутъ свое начало отъ Іафета, у котораго былъ сынъ Тюркъ [1]). Отъ этого послѣдняго идетъ цѣлое потомство, между которымъ у Аланча-хана родилось два сына: Могулъ и Татаръ, а отъ нихъ пошли монгольское и татарское племя. Вотъ корень, изъ котораго выросли всѣ симетическія племена

---

[1]) Абулгази. — Шейбаніада.

и роды, и мы, выражаясь словами Абулгази, «покроемъ ихъ ковромъ молчанія».

Съ теченіемъ времени, тюркское и монголо-татарское племя раздѣлились на безчисленное множество отдѣльныхъ поколѣній [1]). Время шло, родственныя связи мало по малу ослабѣвали, каждое поколѣніе разложилось на отдѣльные роды; перечислять ихъ было бы трудно; эти роды теряли сознаніе кровнаго родства, стали другъ другу чужды, и, представляя собою какъ бы отдѣльныя небольшія государства или общины, были между собою въ постоянной враждѣ и воевали другъ съ другомъ. Значительная часть сочиненія Абулгази и Шейбаніады посвящена ихъ междоусобіямъ; послѣдствіемъ ихъ часто было насильственное сліяніе нѣсколькихъ родовъ въ одинъ подъ однимъ общимъ именемъ. Въ свою очередь, эти соединенные роды снова распадались на нѣсколько родовъ и снова входили въ составъ какого нибудь другого, и въ этомъ состоитъ вся исторія тюркскаго племени отъ самаго его начала до монархіи Чынгызъ-хана. Остановимся прежде всего на слѣдующемъ весьма важномъ вопросѣ: что̀ такое *родъ* у этого племени, въ чемъ заключалась его организація и въ чемъ наконецъ выражались отношенія его членовъ къ родоначальникамъ? «Германцы, говоритъ Тацитъ, выбираютъ королей (reges) изъ высшаго сословія и вождей (duces), которые отличались доблестью. Но власть королей небезгранична и непроизвольна; точно также и степень власти вождя опредѣляется личнымъ уваженіемъ къ нему». Точно то же было и у татаръ: правителями ихъ были ханы (короли, reges) и беи (duces), которые отличались наибольшею доблестью [2]). «Въ Галліи, говоритъ Юлій Цезарь, между всѣми общинами и селами составляются союзы (factiones), и въ этихъ союзахъ тотъ князь (princeps), кто пользуется наибольшимъ уваженіемъ». У нынѣшнихъ обитателей Киргизскихъ степей, мы видимъ тотъ же порядокъ, какой существовалъ у галловъ за 43 г. до Р. Х., т. е.

---

[1]) Эти поколѣнія слѣдующія:

1) Тюркскія:

Кыпчакъ (Донъ и Волга), Карлыкъ, Уйгуръ, Текрынъ, Кыргызъ и Кемкемгутъ, Урамъ-Катъ, Татаръ, Уйратъ, Туматъ Кераитъ, Хатай и Тургакъ.

2) Монголо-татарскія:

Меркытъ, Гконгыратъ, Инграсъ и Олько́нотъ, Карануть, Курласъ и Ильджыкытъ, Урнаутъ, Кунукмаръ, Эрлатъ и Келькытъ, Бадай и Кышлыкъ, Уйшунъ, Сульдусъ, Ильдуркынъ, Кенкытъ, Дурбанъ, Барынъ и Сулькутъ, Курлатъ и Буркутъ, Укланъ, Біяудъ и Джелаиры. (Абулгази). Этотъ голый перечень избавитъ насъ впослѣдствія отъ излишнихъ отступленій.

[2]) Абулгази.

во времена Юлія Цезаря. Проведемъ это сравненіе нѣсколько далѣе. Въ Германіи, даже до VII в., существовала двоякая форма общественнаго устройства. Первая форма выражалась въ *колѣнѣ*, т. е. обществѣ осѣдломъ, образовавшемся изъ собственниковъ, жившихъ другъ съ другомъ по сосѣдству и питавшихся произведеніями своихъ земель; второй видъ общественнаго устройства представляла *дружина*, т. е. общество, образовавшееся изъ воиновъ, собравшихся вокругъ вождя [1]). Безъ всякого сомнѣнія, и татары не могли питаться исключительно однимъ мясомъ и молокомъ и должны были заниматься до извѣстной степени и хлѣбопашествомъ, что конечно несовмѣстно съ безусловно-кочевымъ бытомъ. А потому и у татаръ, какъ и у германцевъ, существовало колѣно, неисключавшее извѣстной доли осѣдлыхъ элементовъ. Говоримъ: извѣстной доли, потому что и германское колѣно не было вполнѣ осѣдлымъ. Что же касается дружины, то сходство ея у татаръ и германцевъ очевидно: чтобы убѣдиться въ этомъ стоитъ только пробѣжать нѣсколько страницъ изъ Шейбаніады и Абулгази.

Важнѣйшими элементами монголо-татарскаго рода были: семейство и его глава, которые представляются намъ во всей своей нераздѣльности, какъ то было и у германцевъ. Абулгази говоритъ, что «во время Урузъ хана [2]) въ Иранскомъ юртѣ былъ удѣльный порядокъ, извѣстный у арабовъ подъ именемъ мюлюк-у-т-таваифъ, т. е. *удѣльные царьки*. Тюрки зовутъ это время правленіемъ черныхъ хановъ, т. е., въ каждомъ семействѣ каждый простолюдинъ былъ ханомъ, а потому въ каждомъ семействѣ былъ свой ханъ.» Однимъ словомъ, древнѣйшій бытъ тюрковъ, почти безъ малѣйшихъ уклоненій, представляетъ намъ тотъ же самый порядокъ вещей, какой существовалъ въ Европѣ до VII в. «Во владѣніяхъ главы семейства, говоритъ Гизо, жили: 1) собственная его семья, его дѣти, 2) вседьники и 3) рабы. Все это населеніе признавало надъ собою судъ главы семейства, и никакая публичная власть въ его дѣла не вмѣшивалась. Каждый у себя господинъ — это принципъ древняго общества Германіи». На основаніи этихъ фактовъ, французскій историкъ приходитъ къ такимъ критическимъ выводамъ: «Верховность въ германскомъ колѣнѣ для общихъ дѣлъ принадлежала собранію главъ семейства, а для внутреннихъ самому главѣ фамиліи, т. е. внутри колѣна существовала домашняя верховность, тѣсно свя-

---

[1]) Гизо. Ист. цив. во Фр.

[2]) Онъ покорилъ много родовъ и былъ могущественнымъ ханомъ (Родословная тюркс. племени).

занная съ собственностью. Домашняя верховность имѣла двоякое происхожденіе и двоякій характеръ; съ одной стороны, связи и привычки семейныя: глава-собственникъ былъ главою клана, его окружали родственники, какъ бы ни было отдаленно это родство, какъ бы ни были различны условія ихъ жизни; съ другой стороны, завоеваніе и насиліе: часть территоріи могла быть занята вооруженною рукою; побѣжденные лишались имущества и обращались почти въ рабство [1].» Мы имѣемъ полное основаніе приложить эти выводы и къ монголо-татарскому родовому быту, такъ какъ факты, на основаніи которыхъ Гизо дошелъ до нихъ, находятся, какъ мы видѣли, и въ быту монголо-татарскаго племени.

Въ началѣ второй половины XII ст., въ средней Азіи совершилось одно событіе, о которомъ татары и по настоящее время помнятъ хорошо: въ 1164 г. родился Чынгызъ-ханъ, а съ нимъ и мысль о кочевой монархіи. Онъ былъ сынъ незначительнаго хана Исукай-Багадура [2]). Всѣ роды, какъ мелкіе такъ и обширные, одинъ за другимъ пали подъ ударами грознаго завоевателя и вошли въ составъ его имперіи. Гордый и заносчивый, онъ со многими ханами не хотѣлъ даже и воевать, а просто посылалъ имъ приказы о добровольномъ повиновеніи. «Вѣчный Богъ, говорилъ онъ одному хану, даровалъ мнѣ владычество надъ землею; слава моя разносится среди народовъ міра! Ты, услышавъ эти слова мои отъ посла моего, покорись мнѣ и признавай меня верховнымъ государемъ. Если не сдѣлаешь этого, я выступлю съ многочисленнымъ войскомъ и разсчитаюсь съ тобой въ дружбѣ и враждѣ; тогда увидимъ, на чью голову Вѣчный Богъ возложитъ вѣнецъ величія, и кого покроетъ ковромъ ничтожества.» Чынгызъ-ханъ навелъ такой страхъ, что «многіе ханы, слыша о славѣ подвиговъ его, раскрывали коверъ сердца своего для принятія его благосклонности.» Соединивъ такимъ образомъ подъ своею державою все кочевое племя татаръ, онъ создалъ монархію, но эта монархія не имѣла и не могла имѣть какого нибудь внутренняго устройства, потому что всякій государственный порядокъ вещей былъ чуждъ татарскому племени. Правда, уже Урузъ-ханъ задумалъ нѣчто похожее на государство, но попытка его кончилась однимъ завоеваніемъ, и его государство разрушилось, какъ скоро онъ умеръ. Чынгызъ-ханъ былъ счастливѣе Урузъ-хана, и онъ съумѣлъ придать нѣкоторую прочность государственному строю. Покоривъ своей

---

[1]) Гизо, Истор. цивил. во Франц.

[2]) Абулгази.

власти всѣ татарскіе роды, онъ не нашелъ въ ихъ родовомъ быту данныхъ для своей цѣли, а потому ввелъ въ свою монархію, по примѣру другихъ, китайскіе порядки и главнымъ образомъ администрацію [1]). То, что въ этихъ порядкахъ было не въ духѣ подданныхъ Чынгыза, не могло его нисколько тревожить, такъ какъ монархія его была основана на началахъ завоеванія, вслѣдствіе чего всякій протестъ не имѣлъ никакого значенія. Что же касается до дѣйствовавшаго въ этой монархіи законодательства, то оно было дѣломъ самого Чынгыза. Мало соотвѣтствуя нравамъ татаръ, привыкшихъ жить въ простотѣ родового быта, и будучи слишкомъ жестоко [2]), оно представляло тѣмъ болѣе средствъ для новаго правительства.

Такимъ образомъ, умомъ и настойчивостью Чынгыза, возникшая кочевая монархія получила нѣкоторую организацію и законодательство. Дикому властителю извѣстны были всѣ условія, при которыхъ можетъ существовать эта едва еще установившаяся орда, а потому онъ завѣщалъ своимъ сыновьямъ свято сохранять ясу и нераздѣльность владѣній. Умирая, онъ раздѣлилъ управленіе монархіею между четырьмя сыновьями [3]), и, чтобы въ тоже время нагляднѣе показать имъ важность нераздѣльности государства, далъ имъ пукъ стрѣлъ и велѣлъ каждому ломать стрѣлы порознь и вмѣстѣ. Кромѣ того, Чынгызъ установилъ законъ престолонаслѣдія. Всѣ эти предписанія наслѣдниками его были нарушены: ясá утратила значеніе, монархія распалась на нѣсколько частей, равно какъ и порядокъ престолонаслѣдія измѣненъ, но мысль о покореніи всего міра уцѣлѣла. За осу-

---

[1]) Васильевъ, Ист. и древн. 218.

[2]) Вотъ образчики строгости законовъ Чынгызъ-хана, изложенныхъ въ его законахъ, называемыхъ ясá: Прелюбодѣй и изобличенный въ содоміи наказывался смертью. За ложь съ намѣреніемъ — смерть, за волхвованіе тоже самое. Кто слѣдитъ за поведеніемъ другого и помогаетъ одному спорящемуся противъ другого — тому смерть; кто мочится на пепелъ или въ воду, и тому смерть; кто возьметъ товаръ и три раза обанкрутится, и тому смерть; кто даетъ пищу полоненному безъ позволенія полонившаго — тому смерть; кто найдетъ бѣжавшаго раба и не возвратитъ по принадлежности, тому смерть. Кто хочетъ ѣсть животное, тотъ долженъ связать ему ноги, распороть ему брюхо и сжимать сердце, пока животное не умретъ — а кто зарѣжетъ животное, какъ рѣжутъ мусульмане — того зарѣзать самого. Если кто въ битвѣ или при отступленіи обронитъ свой вьюкъ, то ѣдущій сзади долженъ сойти съ коня, и, поднявъ упавшее, отдать его хозяину, — въ противномъ случаѣ смерть. Всякій начальствующій войскомъ долженъ повиноваться посланному государя, хотя бы онъ требовалъ живота. Кто изъ начальствующихъ войскомъ, помимо государя, обратится зачѣмъ бы то ни было къ кому нибудь другому — тому смерть. Безъ позволенія оставившій свой постъ предается смерти, и т. д. (Березинъ, Внутр. устр. улуса Джучіева).

[3]) Абулгази.

ществленіе ея взялся Угедей, ханъ Кипчакской Золотой орды. Сынъ его Бату-ханъ (Батый), покоривъ своей власти сѣверную и южную Русь, захватилъ и Таврическій полуостровъ въ 1237 г. Изгнавъ оттуда дикихъ кочевниковъ, половцевъ, печенѣговъ и др., онъ открылъ его для вторженія татаръ.

Первыми поселившимися на полуостровѣ были вѣроятно тѣже самые татары, которые пришли вмѣстѣ съ Бату-ханомъ для опустошенія южной Руси, а затѣмъ сюда начали переселяться и изъ Золотой орды. По преданіямъ, замѣняющимъ у татаръ всякія историческія свидѣтельства, переселеніе совершилось подъ предводительствомъ четырехъ начальниковъ рода, которые вмѣстѣ съ своими домочадцами и васаллами способствовали Бату къ очищенію полуострова. Эти четыре массы и по настоящее время извѣстны у татаръ подъ именемъ дордъ-оджахъ, т. е. четырехъ огнищъ, о которыхъ они сохраняютъ священныя воспоминанія. И теперь еще татаринъ, гордится если общественное мнѣніе признаетъ его происходящимъ отъ одного изъ четырехъ оджаховъ. Сохраняя объ этихъ оджахахъ священную память, татары сохранили и имена ихъ: 1) Ташлы, 2) Кулечъ, 3) Каинчы, и 4) Чолунчу. Такъ какъ у татаръ духовное званіе особенно почетно, то, по ихъ мнѣнію, и четыре огнища тоже духовнаго званія. Нѣсколько иначе объ этомъ событіи говорятъ письменныя свидѣтельства. Изъ нихъ видно, что Менгу-ханъ, повелитель Золотой орды, подарилъ, на полуостровѣ, племяннику своему, города Кафу и Крымъ, и слѣдовательно, начало татарскаго юрта въ Тавридѣ нужно считать съ Орамъ-Тимура, который и былъ племянникомъ Менгу-хана. Надобно полагать, что въ дѣйствительности было не такъ. Батыевъ погромъ и очищеніе полуострова случилось въ 1237 г., и слѣдовательно татары могли поселиться въ Тавридѣ въ этомъ же самомъ году; Менгу-ханъ извѣстенъ намъ подъ 1266 годомъ [1]), и могъ уже застать на полуостровѣ переселившихся татаръ. Татарскій юртъ на полуостровѣ возникъ въ первой половинѣ XIII в. и притомъ на началахъ болѣе государственныхъ. Границы татарскаго юрта на Таврическомъ полуостровѣ не заключали въ себѣ южной его части, такъ какъ она до пришествія татаръ и при нихъ еще была заселена плотно потомками греческихъ и генуэзскихъ выходцевъ; что же касается до степной части полуострова, то она вся была въ рукахъ татаръ. За предѣлами полуострова, послѣ батыева погрома, разливъ татарскаго племени занялъ все пространство сѣвернаго побережья Чернаго и Азовскаго морей. Отъ бере-

[1]) Сестренцевичъ-Богушъ, Ист. о Тавріи.

говъ же этихъ морей на сѣверъ, во внутрь материка, границы татаръ опредѣлить трудно, такъ какъ онѣ никогда постоянными не были и быть не могли. Обыкновенно полагаютъ предѣломъ ихъ кочевьевъ границы Польши, великаго княжества Кіевскаго, р. Міусъ и р. Самару. Все это не точно опредѣляемое пространство, населенное татарскихъ племенемъ, составляло одинъ сплошной юртъ, главнымъ управленіемъ котораго былъ внутри полуострова городъ Крымъ; по имени этого города и весь полуостровъ, какъ страна татарская, сталъ называться *Крымомъ*, или, какъ татары его зовутъ, — *Кырымъ* [1]).

---

[1]) О томъ, какимъ образомъ произошло нынѣшнее названіе полуострова, существуетъ много мнѣній. Одни думаютъ, что имя полуострова «Крымъ» есть искаженное имя кимвровъ, древнѣйшихъ обитателей его; другіе думаютъ, что оно есть испорченное имя Киммеріума, древнѣйшаго поселенія (греческаго), на мѣстѣ котораго возникла первая столица крымскихъ хановъ—Эски-Крымъ. Даже нѣкоторые думаютъ, что названіе Крыма произошло отъ Кримни, описываемаго Геродотомъ, упуская изъ виду, что Кримни лежалъ у моря, а Эски-Крымъ отстоитъ отъ него на 30 и болѣе верстъ. Туннанъ обращается къ догадкѣ и говоритъ, что слово *Крымъ*, означающее *крѣпость*, было усвоено городу, а отъ него уже и весь полуостровъ сталъ называться крымомъ. Съ Тунманомъ согласиться трудно потому, что значеніе, которое онъ придаетъ слову *Крымъ* — неправильно: крымъ — вовсе не значитъ крѣпость. Къ этимъ догадкамъ мы присоединимъ и свою. Можно думать, что названіе полуострова есть произвольное, принесенное самими татарами, а не передѣланное изъ прежняго. Слово «крымъ» означаетъ понятіе отвлеченное и не есть чисто татарское, но арабское, потому что татарскій языкъ для выраженія понятій отвлеченныхъ прибѣгаетъ къ посредству арабскаго — и значитъ *благодать*. Вникая въ значеніе именъ многихъ городовъ и мѣстъ Таврическаго полуострова находимъ, что татары любили переименовывать ихъ по своему, что слѣдовательно и имя столицы первыхъ хановъ дано ей татарами и имѣетъ значеніе произвольное. Мы видимъ, что многія мѣста на полуостровѣ носятъ такія имена, которыя явно указываютъ на свойство почвы, климата и мѣстоположенія. Достаточно для этого указать на: Бахче-сарай, Чатыръ-дагъ, Аюдъ-дагъ, Сары-керманъ, Соукъ-су, Чурукъ-су, Чардахлы и безчисленное множество другихъ, которые получили названіе или отъ качества климата и почвы или же мѣстоположенія, что легко могло случиться и съ именемъ столицы. Отчего нельзя допустить, что полудикій татаринъ Орамъ-Тимуръ, вышедшій изъ голыхъ песчаныхъ степей Азіи, получивъ въ подарокъ царство, не могъ назвать своей столицы, построенной въ живописной мѣстности, *благодатью?* Другая догадка еще болѣе можетъ подходить къ дѣлу или по крайней мѣрѣ имѣетъ больше убѣдительности, нежели всѣ приведенные. Извѣстно, что монголы и теперь называютъ Китайскую стѣну Саганъ-Керемъ. Если къ этому прибавить, что хребетъ Яйла какъ бы стѣною отдѣлялъ татаръ отъ южнаго берега, куда они хотѣли, но не могли проникнуть, то не трудно допустить, что столица, построенная у этого хребта могла назваться *стѣною*. Другія толкованія имени первой столицы хановъ намъ кажутся совершенно произвольными. Чтобы возразить тѣмъ, кто, по сходству «Крымъ» съ Кримни, Киммеріумъ и т. д., захочетъ произвести имя столицы отъ классическихъ именъ, достаточно указать на то, что Барбаро упоминаетъ о мѣстѣ (неподалеку отъ Дона) Кремукъ (una regione chiamata Cremuch), а на картѣ Фишера находимъ, на Кавказѣ, городъ Крымъ — стало быть, совершенно тожественный съ именемъ первой столицы хановъ. Что же ка-

Если нѣкоторые изслѣдователи внутренняго устройства Золотой орды, для своего предмета, между прочимъ, пользовались ярлыками хановъ позднѣйшихъ временъ, именно конца XIV и даже половины XVI ст., то мы тѣмъ болѣе имѣемъ основаній воспользоваться тѣмъ же матеріаломъ и для нашего предмета, потому что нѣкоторые изъ хановъ, какъ напр. Тимуръ-Кутлукъ и Саадетъ-гирей, ярлыки которыхъ послужили основаніемъ для историковъ, сидѣли на престолѣ крымскаго юрта. Ихъ выводы, относительно Золотой орды отдаленныхъ временъ, по ярлыкамъ временъ позднѣйшихъ, могутъ быть скорѣе ошибочны, между тѣмъ какъ выводы относительно того времени, къ которому относится матеріалъ, представляютъ гораздо больше возможности избѣжать ошибокъ — этихъ неразлучныхъ спутницъ всякихъ изслѣдованій о временахъ давноминувшихъ. Начнемъ съ государственной организаціи.

Говоря о кочевыхъ государствахъ, въ сущности деспотическихъ, мы обратимся прежде всего къ верховной власти. Чынгызъ-ханъ, построивъ свою монархію на началахъ завоеванія, былъ деспотъ, на ограниченіе власти котораго никто не могъ заявить притязаній. Въ своемъ государствѣ онъ одинъ былъ источникомъ каръ и милостей. Но со смертью Чынгыза умерла и безграничная власть хана. Мы уже замѣтили, что наслѣдники его въ числѣ прочихъ завѣщаній отца нарушили и завѣщаніе о престолонаслѣдіи, послѣдствіемъ чего было то, что верховная власть хана даже въ Золотой ордѣ начала терять свое значеніе и наконецъ стала деспотическою только въ принципѣ, а на самомъ дѣлѣ была далеко не такою. Въ крымскомъ юртѣ, ханы будучи подвластны ханамъ Золотой орды и притомъ восходя на престолъ не по наслѣдству, а по домогательству, не были деспотами даже и въ принципѣ. Тѣмъ не менѣе, крымскій ханъ стоялъ во главѣ юрта, какъ въ военномъ, такъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ.

Послѣ хана наибольшимъ значеніемъ въ крымскомъ юртѣ, какъ и въ Золотой ордѣ, пользовались чины, составлявшіе военную организацію юрта; и здѣсь и тамъ исключительная идея государства и цѣль государственной жизни состояли въ одномъ и томъ же—а именно въ войнѣ. «Видѣть скорбь своихъ враговъ, цѣловать и обнимать ихъ женъ и дочерей, говоритъ Тимуръ, гнать передъ собой ихъ стада»; или въ другомъ мѣстѣ: «обнимать прелестныхъ какъ луна и солнце, ѣздить на коняхъ, бѣгущихъ какъ ртуть, быстрыхъ какъ вѣтръ [1])» — это неизмѣнный девизъ

сается до слова *эски*, съ которымъ обыкновенно произносится имя города, то, означая «старый, древній», оно служитъ только эпитетомъ, напоминающимъ минувшую славу его, послѣ перенесенія столицы въ Бахчесарай.

[1]) Абулгази, Родосл. тюрк. плем.

крымскаго юрта. Главное начальство надъ соединенными силами и управленіе ими въ набѣгѣ принадлежало лицу, носившему титулъ: *огланъ*. Этотъ чинъ въ ярлыкахъ имѣетъ первое мѣсто [1]). *Туманъ* командовалъ десятью тысячами войска; *минникъ* тысячею; *юзъ* (башы) сотнею; *онъ* (башы) десяткомъ. Эти чины встрѣчаются часто въ семи ярлыкахъ, въ первый разъ напечатанныхъ Новиковымъ въ его Вивліоѳикѣ (въ 1787 г.). Достовѣрность этихъ ярлыковъ не подлежитъ сомнѣнію [2]). Войско раздѣлялось на два крыла: правое и лѣвое, и въ каждомъ крылѣ были особые предводители, какъ то видно изъ всѣхъ ярлыковъ. Въ этомъ состояла вся военная организація, какъ крымскаго юрта, такъ равно и Золотой орды, и, кажется, профессоръ Березинъ не совсѣмъ правъ, полагая, что кромѣ этихъ чиновъ, существовали еще и другіе, какъ напр. князь ратный, полчный, полководный и т. д. Всѣ эти чины въ семи ярлыкахъ встрѣчаются, но едва ли они не тѣ же самые, что и темный, тысячный и т. д., потому что семь ярлыковъ есть переводъ съ подлинныхъ татарскихъ, и переводчикъ, всего вѣроятнѣе, въ одномъ оглана назвалъ воеводою, въ другомъ княземъ ратнымъ, такъ точно какъ темнаго могъ назвать *высокимъ*, тысячнаго *среднимъ*, сотняго *нижнимъ*. Что же касается князей: улусныхъ, людскихъ — объ этомъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Затѣмъ, въ ярлыкахъ находимъ еще слѣдующіе чины: вельможа, начальникъ (даруга), волостной, городный, сельскій [3]). Очевидно, это люди, завѣдывавшіе гражданскимъ управленіемъ, но въ чемъ заключались обязанности ихъ въ частности, опредѣлить трудно. Можно думать, что обязанности ихъ были не постоянно однѣ и тѣ же; даже въ XVII в., казнадарь-ага, казначей, слѣдовательно, по роду службы, человѣкъ привязанный къ мѣсту, участвовалъ, при Islямъ-гиреѣ, въ походѣ противъ поляковъ. Не подлежитъ однако сомнѣнію то, что ханъ крымскій, какъ глава юрта, въ мирное время былъ окружаемъ правительствомъ изъ министровъ, секретарей, казначеевъ, имѣлъ и пословъ. Въ этомъ случаѣ онъ могъ подражать другимъ. Профессоръ Березинъ насчиталъ у персидскихъ монголовъ болѣе сорока государственныхъ чиновъ [4]). Подражая восточнымъ повелителямъ, крымскіе и золото-ордынскіе ханы содержали при дворѣ своемъ

---

[1]) Ярлыкъ Тимуръ-Кутлука, по изданію Березина.

[2]) Григорьевъ, «О достовѣрн. ханск. ярл.»

[3]) 1, 2, 4, 6, 7 ярл. Древ. Рос. Вивліоѳ. 11—20, 23—25.

[4]) Внутр. устр. улуса Джучіева, стр. 57.

даже штатъ охотниковъ. Такъ напр. въ ярлыкахъ находимъ: конюшихъ, сокольниковъ, барсниковъ, волчарей, ловчихъ и т. д.

Упомянемъ о системѣ налоговъ. Такъ какъ, и въ Золотой ордѣ и въ крымскомъ юртѣ, правительство имѣло характеръ хорошо организованной шайки, то и система налоговъ имѣла много общаго съ грабежомъ. Къ сожалѣнію, не извѣстенъ размѣръ этихъ налоговъ, а потому остается ограничиться только перечнемъ чиновныхъ лицъ, на которыхъ лежалъ сборъ податей и всякого рода поборовъ. Вотъ они: баскакъ [1]) или бакаулъ, что порусски значитъ: давитель [2]), таможникъ, раскладчикъ подушныхъ, заставщикъ, мостовщикъ, базарный, поборщикъ, пошлинникъ и пр. Кромѣ того въ ханскихъ ярлыкахъ исчислены съ нѣкоторою подробностью даже предметы налоговъ. Эти налоги были: подушные, ясачный оброкъ, бурловая тамга, амбарная подать[3]) и пр. Въ ярлыкахъ съ нѣкоторою подробностью говорится о податяхъ съ покоренныхъ народовъ, но такъ какъ крымскій юртъ не закрѣплялъ за собою побѣжденныхъ, кромѣ полоненныхъ, то эти сюда не относится. Что же касается вопроса: какъ расходовались государственные доходы? то вѣроятно, часть ихъ шла на удовлетвореніе государственныхъ нуждъ, часть же шла на лицъ, завѣдывавшихъ тою или другою отраслью государственнаго управленія.

Судъ и расправа крымскаго юрта, въ первомъ періодѣ, намъ неизвѣстны. Профессоръ Березинъ говоритъ, что въ Золотой ордѣ власть судебная и административная были смѣшаны, такъ точно какъ и различныя вѣдомства сосредоточивались въ вѣдѣніи одного лица[4]). Нѣтъ сомнѣнія, что то же самое было и въ Крыму. Можно только съ достовѣрностью сказать, что ясà Чынгыза утратила всякое значеніе, и судъ постепенно подчинялся вліянію магометанства.

Перейдемъ къ вопросу о сословіяхъ. Обыкновенно думаютъ что у татаръ сословій четыре: дворянское, духовное, народъ и рабы. Но, въ дѣйствительности, одно изъ этихъ сословій, именно дворянское, требуетъ нѣкоторыхъ поясненій. У большинства на-

---

[1]) 1 и 5 ярл.

[2]) Березинъ. Впрочемъ, отъ глагола *басмакъ*, давить, производить баскакъ кажется будетъ смѣло. Есть въ татарскомъ языкѣ другой глаголъ: кхакмакъ, бить, колотить. Если мы отъ обоихъ глаголовъ отбросимъ окончаніе *макъ*, означающее неопредѣленное наклоненіе, то получимъ наклоненіе повелительное, а соединивъ оба глагола въ этой формѣ вмѣстѣ, получимъ: бас-кхакъ=дави, бей; но и это толкованіе кажется будетъ произвольно.

[3]) Ярл. Тим. Кутл.

[4]) Внутр. устр. Улуса Джучіева.

родовъ, въ томъ числѣ и у татаръ, высшее сословіе имѣетъ двоякое происхожденіе: въ одномъ случаѣ, оно ведетъ свое начало отъ государства, отъ престола; въ другомъ, далеко предшествуетъ образованію государства и престола. Мы уже видѣли, что Чынгызъ-ханъ построилъ свою монархію на *родахъ*, что эти многочисленные роды, которымъ Абулгази посвятилъ все свое сочиненіе, одинъ за другимъ сливались въ одно цѣлое подъ скипетромъ этого счастливаго завоевателя. Но уму этого, во всякомъ случаѣ необыкновеннаго, человѣка были извѣстны условія, при которыхъ покоренный народъ можетъ мириться съ своимъ новымъ положеніемъ. Побѣдитель отнялъ у начальниковъ рода политическую верховность, и, присвоивъ ее себѣ, оставилъ за ними верховность домашнюю, вслѣдствіе которой, они по прежнему во внутреннихъ дѣлахъ рода были полноправными владѣтелями. Находясь въ васальныхъ отношеніяхъ къ побѣдителямъ, эти владѣтели по прежнему брали дань съ своихъ подвластныхъ. Такое же происхожденіе имѣютъ: князья улусные, князья ордынскіе, татарскіе и людскіе. Г. Березинъ говоритъ: «Самое вліятельное и довольно многочисленное сословіе въ ордѣ были дворяне. Въ чемъ заключались въ частности права разныхъ сословій — опредѣлить довольно трудно, потому что здѣсь было больше обязанностей, чѣмъ правъ [1])». Но вѣрнѣе будетъ сказать наоборотъ: въ ордѣ именно было больше правъ, нежели обязанностей. Членъ высшаго родоваго сословія пользовался правами уже и потому, что онъ былъ — или начальникъ рода, или же членъ его семейства. Та власть, которая присвоена ему обычнымъ правомъ, дѣлала его начальникомъ общины, а его обязанности предоставляла ему самому, такъ что въ сущности ему принадлежали только одни права. Если же онъ служилъ и цѣлямъ государственнымъ, то это составляло его частную обязанность, отъ которой ему вольно было отказаться, и оффиціальное право пользоваться возмездіемъ за службу, а, при извѣстныхъ условіяхъ, большими почестями. Такъ по крайней мѣрѣ было въ крымскомъ юртѣ даже въ XVI и XVII в., когда, повидимому, государство уже должно было обуздать родовое дворянство. Но этого не случилось, потому что со смертью Бату-хана (Батыя) послѣдовалъ рядъ ничтожныхъ хановъ, которые попадали на престолъ съ помощью высшаго дворянства, а потому и боялись посягать на его права. Такимъ образомъ, изъ двухъ видовъ дворянства одинъ былъ правительственный или государственный, и служилъ государству, другой, родовой, служившій самому себѣ; первый никогда не

---

[1]) Устр. улуса Дж. стр. 51.

пользовался особеннымъ значеніемъ — второй, какъ это мы увидимъ, далъ начало особаго рода феодальной системѣ и управлялъ судьбами крымскаго юрта.

Народъ татарскій, по характеру его народности, былъ свободный, и ни одинъ татаринъ не былъ рабомъ въ средѣ своего племени. Рабами у татаръ были военноплѣнные и притомъ не татарской расы. Духовное сословіе возникло въ XIII вѣкѣ, съ принятіемъ магометанства. Всякая религія, въ особенности если она построена на отвлеченной идеѣ и заключаетъ въ себѣ затаенный смыслъ и особенную цѣль, не сразу овладѣваетъ всѣми помыслами народа и въ особенности невѣжественнаго. Такъ случилось съ магометанствомъ и татарами. Западный путешественникъ Плано-Карпини, ѣздившій ко двору Бату-хана въ Золотую орду, описываетъ татаръ и ихъ религіозныя вѣрованія такъ: «Они вѣруютъ въ Бога, Творца всѣхъ вещей видимыхъ и невидимыхъ, который награждаетъ и наказуетъ людей по ихъ заслугамъ, но не воздаютъ ему почестей никакими молитвами и хвалами, никакимъ служеніемъ и обрядомъ. У нихъ есть идолы, сдѣланные изъ войлока, на подобіе человѣка, которыхъ они ставятъ по сторонамъ дверей своего жилья. Подъ тѣмъ же идоломъ есть нѣчто такое изъ той же матеріи, на подобіе сосцовъ, и они думаютъ, что сіе и хранитъ ихъ стада и даетъ имъ молоко и молодыхъ животныхъ. Другихъ идоловъ дѣлаютъ они изъ шелковыхъ матерій, и оказываютъ имъ великія почести. Нѣкоторые поставляютъ ихъ на покрытыя хорошо телѣги передъ дверью своихъ жилищъ, и если кто украдетъ что нибудь изъ сихъ телѣгъ, то безъ всякого помилованія такого убиваютъ. Начальники тысячи и ста человѣкъ всегда имѣютъ одного изъ такихъ идоловъ посреди своего жилища. Они приносятъ имъ первое молоко отъ овецъ и кобылъ, и когда начинаютъ ѣсть или пить что нибудь, то прежде подносятъ оное своимъ идоламъ, или когда заколятъ какое животное, то сердце приносятъ на блюдѣ идолу и оставляютъ оное до утра и тогда уже берутъ, и, сжаривъ, ѣдятъ. Они становятъ одного изъ сихъ идоловъ съ величайшимъ благоговѣніемъ предъ жилищемъ своего повелителя. Ему приносятъ въ жертву лошадей, на которыхъ потомъ никто ѣздить не смѣетъ, и другихъ животныхъ.» Это описаніе относится къ 1250 годамъ, потому что Бату, къ которому ѣздилъ Плано-Карпини, умеръ около 1255 г., и видно, что татары этого времени преданы были шаманизму въ сильной степени. Ибнъ-Батута говоритъ, что, во времена Узбека, въ Сараѣ столицѣ ханской, было до тринадцати однихъ соборныхъ мече-

тей и сверхъ того много другихъ [1]). Основываясь на этомъ одиночномъ фактѣ, профессоръ Березинъ утверждаетъ, что исламъ процвѣталъ въ ордѣ, и это процвѣтаніе было дѣломъ исторической подготовки. Но вышеприведенное мѣсто изъ сочиненія Плано-Карпини, очевидца, разрушаетъ всякое предположеніе объ исторической подготовкѣ. Невозможна историческая подготовка, когда татары половины XIII вѣка поклонялись чучеламъ и ставили ихъ предъ дверьми своихъ хановъ? Появленіе мечетей въ Сараѣ гораздо удобнѣе объяснить вѣротерпимостью ордынскихъ хановъ и торговыми сношеніями Сарая съ тогдашнимъ Востокомъ. Всего вѣроятнѣе, что мусульмане пріѣзжали сюда по торговымъ дѣламъ, оставались жить, и, пользуясь вѣротерпимостью хановъ, строили мечети [1]), и вели пропаганду.

Переселившіеся въ Крымъ татары, безъ сомнѣнія, исповѣдывали также шаманство, какъ и оставшіеся въ ордѣ, и если съ XIII вѣка между ними началъ прививаться исламъ, то онъ, на первыхъ порахъ, распространялся медленно и чисто внѣшнимъ образомъ. Первымъ магометанскимъ памятникомъ въ Крыму — памятникомъ не подлежащимъ никакому сомнѣнію, можно назвать старо-крымскую мечеть, изъ надписи которой видно, что она построена въ 1314 г. [3]). Древнѣе этого памятника во всѣмъ юртѣ не было. Если мы будемъ дѣлать выводы только на основаніи достовѣрныхъ фактовъ, то должны сказать, что тотъ порядокъ вещей въ крымскомъ юртѣ, который совмѣстенъ только съ магометанствомъ, начался не ранѣе половины XIV в. Новая религія создала и новое духовенство, которое, какъ въ ордѣ такъ и въ Крыму, составило особое почетное сословіе. Ханскіе ярлыки даютъ возможность познакомиться съ составомъ этого сословія. Главою духовнаго сословія или духовнымъ законодателемъ былъ муфти. Въ крымскомъ юртѣ, муфти, по государственному рангу, стоялъ тотчасъ послѣ хана. Казы, духовный судья. Въ Крыму онъ судилъ и гражданскія тяжбы. Мудерисъ [2]), наставникъ народа — въ Крыму завѣдывалъ школами. Шеихъ былъ настоятелемъ монастыря, софу, — отшельникъ.

Крымскій юртъ составился изъ татаръ, поселившихся на полуостровѣ и далеко за предѣлами его, послѣ батыевскаго погрома. На престолъ юрта посаженъ былъ Орамъ-Тимуръ племянникъ Менгу-хана повелителя Золотой орды. Въ 1261 г. крымскій юртъ раздвоился. Татары, кочевавшіе за предѣлами полу-

---

[1]) Journ. asiat. IV serie, 111; XVI, 198.

[2]) Такъ, по Гаммеру, Бибарсъ, султанъ египетскій, построилъ мечеть въ Крыму.

[3]) Запис. Од. общ. ист. и др.

острова, подъ предводительствомъ Ногая отдѣлились отъ татаръ крымскихъ и составили самостоятельную Ногайскую орду, кочевавшую между Дунаемъ и Кубанью и раздѣлявшуюся на четыре отдѣльныя орды или колѣна: Буджакъ, Джедисанъ, Джедишкуль и Джамбойлукъ; такъ что крымскій юртъ ограничился только однимъ полуостровомъ. Впрочемъ, ногайцы никогда не были съ татарами во враждебныхъ отношеніяхъ и не вели междоусобій, а составляли одно цѣлое, раздѣленное географическимъ положеніемъ. По крайней мѣрѣ нѣтъ примѣровъ сильныхъ враждебныхъ столкновеній. Татары и ногайцы совершали путь исторической жизни, совершенно при однихъ и тѣхъ же условіяхъ, въ одно время кончили политическое существованіе, и наконецъ, въ одно и тоже время, оставили Крымъ и переселились въ Турцію. Ногайцы признавали надъ собою верховную власть хана, который посылалъ имъ въ предводители своихъ сыновей; въ сущности, татары и ногайцы составляли одинъ юртъ, и подъ словомъ «крымскій-юртъ» надо подразумѣвать и тѣхъ и другихъ.

Исторія крымскаго юрта однообразна до чрезвычайности. Отношенія его къ сосѣдямъ представляютъ длинный рядъ набѣговъ и опустошеній, гдѣ къ тому оказывалась какая бы то ни была возможность. Въ половинѣ XIV в., крымскій юртъ достигъ высшей степени могущества, и въ 1357 г. считалъ себя обладателемъ даже Подоліи и Кіева. Между тѣмъ въ это время Кипчакская Золотая орда, подъ властью которой находился крымскій юртъ, достигла крайней степени своего ничтожества. Эпоха паденія наступила. Послѣ грознаго Узбека, усвоившаго уже съ магометанствомъ пріемы восточной цивилизаціи, царствовалъ братоубійца Джанибекъ, которому злодѣянія не помѣшали у восточныхъ историковъ прослыть такимъ же мудрымъ властителемъ, какъ и его отецъ; Джанибека умертвилъ его сынъ Бердибекъ въ 1357 г., а на другой годъ нашелся за отца мститель. Кульна, какъ говорятъ, сынъ Бердибека, убилъ отца, и съ тѣхъ поръ въ теченіе десяти лѣтъ перемѣнилось хановъ пятнадцать; ихъ было иногда по нѣскольку разомъ; они свергали другъ друга съ престола. Ханское достоинство упало до значенія жалкихъ куколъ, которыхъ честолюбцы стали возводить на престолъ, чтобы властвовать ихъ именемъ; части Кипчакской орды начали отлагаться и сложились въ самостоятельныя государства. Такимъ образомъ, въ срединѣ Золотой орды образовалось два ханства: одно на Волгѣ въ Сараѣ, другое, заложенное Мамаемъ, княземъ орды—между Волгой и Дономъ. Въ землѣ Мордовской (Пенз. губ.) отдѣлился отъ орды и сдѣлался самобытнымъ государемъ Тогай, основавшій свою столицу въ Наров-

чатѣ. Въ Булгарской землѣ утвердился Булатъ-Темиръ и положилъ начало Казанскому царству, а Сангай основалъ царство Астраханское. На Яикѣ возникла Яицкая орда съ городомъ Сарайчикомъ, а далѣе на востокъ выдѣлилась самобытная Шейбанская орда. Русское царство, поплатившееся временно своею самостоятельностью за свою разъединенность, воспользовалось распаденіемъ Золотой орды на части, и нанесло ей сильный ударъ на Куликовскомъ полѣ. Въ свою очередь и крымскій юртъ, пользуясь общимъ разстройствомъ Золотой орды, также отложился отъ нея.

Между тѣмъ, какъ все это происходило, событія въ Крыму шли въ слѣдующемъ порядкѣ. Тохтамышъ-ханъ, съ помощью Тамерлана, сѣлъ на престолъ Кипчака, но, обративъ свое оружіе противъ покровителя, принужденъ былъ оставить престолъ, на которомъ сѣлъ самъ Тамерланъ. Ханы въ Крыму какъ и въ ордѣ постоянно мѣнялись. Въ 1391 г. на престолъ крымскаго юрта возведенъ Тимуръ-Кутлукъ, служившій подъ начальствомъ Тамерлана, но царствованіе его продолжалось недолго; въ 1398 г., литовцы заставили его бѣжать изъ Крыму. Энергическій Тимуръ-Кутлукъ не унывалъ, и въ томъ же году заставилъ себя избрать ханомъ Золотой орды. Съ этихъ поръ крымскій престолъ сталъ пробнымъ камнемъ для значенія той или другой партіи: ханъ смѣнялся ханомъ, и это продолжалось безпрестанно. Неизвѣстный авторъ «Исторіи крымскихъ хановъ [1])» перечисляетъ ихъ иногда десятками. Съ XV в. этотъ порядокъ оканчивается, и внѣшняя исторія крымскаго юрта нѣсколько измѣняетъ свой характеръ. Само собою разумѣется, что съ измѣненіемъ государственнаго быта и внутренняя жизнь татаръ должна была измѣнить свой образъ.

Такъ открывается второй періодъ въ исторіи крымскаго юрта, отъ 1428 до 1774 г.

Надобно полагать, что въ первой половинѣ XV в. безпрерывная смѣна хановъ, междоусобія партій, орудіемъ которыхъ былъ тотъ или другой ханъ, частыя кровопролитія и постоянныя народныя волненія вынудили татаръ положить всему этому конецъ избраніемъ на престолъ болѣе способнаго хана. Такимъ былъ Девлетъ. Преданіе говоритъ, что когда крымскіе татары пожелали имѣть хана, непремѣнно происходящаго по прямой линіи отъ Чынгыза, то нѣкто Гирей (литвинъ), спасшій Девлета отъ смерти во время междоусобій и воспитавшій его какъ сына, пред-

[1]) Зап. Од. общ. ист. и др. т. I.

ставилъ своего питомца татарамъ, которые и избрали его. Когда Девлетъ, уже будучи ханомъ, спросилъ Гирея: какую онъ хочетъ награду за свою услугу, тотъ отвѣчалъ, что не желаетъ никакой другой кромѣ того, чтобы спасенный имъ Девлетъ приложилъ его имя къ своему и завѣщалъ бы своимъ потомкамъ дѣлать тоже самое. Признательный ханъ исполнилъ оригинальное желаніе своего воспитателя, и это обстоятельство послужило причиною тому, что вся династія Девлета получила имя *Гиреевъ* [1]).

Долговременное царствованіе Девлетъ-гирея (онъ царствовалъ 39 лѣтъ), конечно, показываетъ, что онъ вполнѣ удовлетворялъ желаніямъ татаръ. Съ внѣшней стороны прочность Девлета на престолѣ обезпечивалась положительнымъ ничтожествомъ Золотой орды, мирнымъ союзомъ съ Польшею и дружественными отношеніями съ Россіею [2]). Если Девлетъ-гирей и ходилъ войною, то только въ случаѣ нарушенія мира и догоговоровъ. Будучи настоящимъ основателемъ самостоятельности крымскаго юрта, Девлетъ-гирей не заботился о завоеваніяхъ, а все вниманіе обратилъ на внутреннее его благоустройство. Онъ старался пріучить татаръ къ осѣдлой жизни, къ мирнымъ занятіямъ ремеслами и торговлей, а потому дѣйствовалъ на смягченіе нравовъ татаръ всѣми возможными мѣрами, а главнымъ образомъ религіею. При немъ магометанство, надо полагать, окончательно утвердилось между татарами. Самъ Девлетъ, какъ набожный человѣкъ, по преданію, ѣздилъ въ Мекку ко гробу Магомета, за что и названъ хаджы, т. е. паломникъ. Это прозвище многіе, или почти всѣ писатели, принимаютъ за имя. Не смотря однако на свою набожность и сильную приверженность къ магометанству, Хаджы-Девлетъ-гирей отличался вѣротерпимостью къ иновѣрческимъ исповѣданіямъ, доходившею до величайшей кротости [3]). Онъ даже дѣлалъ христіанскимъ монастырямъ вспомоществованія, которыя Лызловъ, писатель XVII в. въ порывѣ христіанскаго увлеченія, называетъ жертвоприношеніями чудотворному образу Богородицы. Заботясь о водвореніи между татарами осѣдлости, ремеслъ и торговли, онъ былъ съ знаменитыми генуэзцами въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ и ставилъ ихъ татарамъ въ образецъ [4]). Промышленные генуэзцы, разумѣется, имѣли вліяніе на дикихъ татаръ, и тому есть доказательства.

---

[1]) Богушъ, Ист. о Тавр. т. II, стр. 227.
[2]) Шертныя грам. въ Зап. Од. общ. т. V.
[3]) Богушъ, т. II, 252.
[4]) Богушъ, т. II, 251.

Девлетъ-гирей, положившій начало новому порядку вещей, перенесъ и мѣстопребываніе свое въ новое мѣсто. По указанію отца своего, Худа-Берди-хана, онъ переселился въ Бахче-серай [1]), а Крымъ, столица кочеваго юрта, потерялъ съ того времени значеніе. Въ 1467 г., Девлетъ «оставилъ тѣсный домъ временной жизни и перешелъ въ широкій лугъ вѣчности [2]).»

Послѣ смерти Хаджы-Девлетъ-гирея на престолъ крымскаго юрта восходитъ одинъ изъ восьми сыновей его, Менгли-гирей. Его войны не относятся къ политической исторіи Крыма. Ограничимся изложеніемъ однихъ важнѣйшихъ событій въ Крыму, и уяснимъ на сколько они зависѣли отъ личнаго характера владыки и участія его въ дѣлахъ государства. Менгли-гирей, умный, энергическій, но вмѣстѣ коварный, вѣроломный и безпокойный, держался той политики, по которой можно было преслѣдовать свои цѣли и интересы, не разбирая средствъ. Его политика была совершенно противоположна миролюбивой политикѣ отца. Хаджы-Девлетъ-гирей хотѣлъ сдѣлать татаръ мирнымъ и осѣдлымъ народомъ—Менгли-гирей постоянно возбуждалъ ихъ дикій, воинственный духъ, и водилъ на кровавыя сѣчи. Его грубая и необузданная натура хотѣла совмѣстить въ себѣ два никогда несовмѣстимыя и непримиримыя качества: осѣдлаго властителя и хищнаго кочевника. Съ одной стороны, для постояннаго жительства на одномъ мѣстѣ, онъ строитъ роскошный дворецъ «Ашлама [3])» и заводитъ школы для образованія народа [5]); съ другой, онъ постоянно живетъ на конѣ, постоянно участвуетъ въ битвахъ и ходитъ за предѣлы Крыма. Онъ совершенно, помимо «гостей», раззорилъ Крымъ, и, потративъ въ постоянныхъ бояхъ много народу, вызывалъ изъ орды новыя массы переселенцевъ [5]).

Въ началѣ XV вѣка, османскіе турки достигли въ Европѣ высокой степени политическаго могущества и въ 1453 г. положили конецъ глубоко павшей Византіи. Могущественные турки, единовѣрные и единоплеменные татарамъ, основавъ Истамбулъ, какъ и ожидать того слѣдовало, получили большое вліяніе на ходъ дѣлъ въ татарскомъ Крыму. Знаменитая Генуэзская республика, единовѣрная Византія помогала грекамъ противъ турокъ при осадѣ Константинополя, а потому съ паденіемъ его турки должны были отомстить генуэзцамъ. Это обстоятельство поставило республику и Оттоманскую имперію во враждебныя

---

[1]) Неизв. авт. Ист. крым. Ханства.

[2]) Изъ надписи ханскаго кладбища въ Бахче-сераѣ.

[3]) Неизвѣстн. авт. Ист. крым. хан.

[4]) Надгроб. надписи въ Бахче-сараѣ.

[5]) Неизв. авт. Ист. крым. хан.

отношенія. Магометъ II, султанъ турецкій, прислалъ своего визиря Ахмета съ войскомъ и флотомъ, и въ 1475 г. осадилъ Кафу, главное поселеніе факторіи, а неблагодарный Менгли-гирей, восемь лѣтъ воспитывавшійся у генуэзцевъ, ворвался туда же и перерѣзалъ почти всѣхъ его жителей. Вслѣдъ за Кафою, торговыя поселенія генуэзцевъ сдавались одно за другимъ, и такимъ образомъ республика уничтожена. Сорокъ тысячъ жителей — генуэзцевъ, отвезено было въ Истамбулъ для заселенія опустѣвшей его части, болѣе двухъ тысячъ дѣтей взяты въ сераль, а около двухъ тысячъ семействъ перешло на Кавказъ. По уничтоженіи Генуэзской республики, весь южный берегъ Крыма сталъ провинціею Турціи, отчего и весь полуостровъ сдѣлался страною мусульманскою; христіанское населеніе очутилось въ положеніи рабовъ, потому что ни Херсонесской республики, ни монархій, произшедшихъ изъ нея въ Крыму, уже къ концу XV вѣка не существовало.

Въ паденіи Генуэзской республики для крымскаго юрта важно то, что Менгли-гирей, участвуя въ войнѣ, сначала какъ сторонникъ генуэзцевъ, а потомъ какъ союзникъ Турціи, долженъ былъ признать надъ собою верховную власть султана, потому что братья его, составивъ партію, хотѣли лишить его престола. Этотъ шагъ Менгли-гирея чрезвычайно важенъ въ томъ отношеніи, что онъ имѣлъ вліяніе на всю послѣдующую исторію крымскаго юрта. Договоръ по этому поводу состоялъ въ слѣдующемъ: 1) Хану предоставляется полная власть въ государствѣ, а также право жизни и смерти. Ханъ имѣетъ право содержать на счетъ султана стражу изъ четырехъ тысячъ человѣкъ, и право назначать и отрѣшать своихъ чиновниковъ. 2) Ханъ избирается народомъ изъ гиреевъ, по прямой линіи Чынгызъ-хана. 3) *Какъ верховный государь крымскаго юрта*, султанъ можетъ вести хана съ его народомъ на войну, давая конечно свое содержаніе; самъ же ханъ не имѣетъ права начинать войны и заключать мира. 4) Султанъ считается въ качествѣ калифа покровителемъ магометанской вѣры, кладбищъ и святыхъ мѣстъ; онъ имѣетъ исключительное право назначать и отрѣшать высшихъ духовныхъ лицъ; его имя должно упоминаться во время молитвъ въ мечетяхъ всенародно. Въ заключеніе всего, султанъ имѣетъ право содержать въ Козловѣ (Евпаторія) гарнизонъ войска [1]). Такимъ образомъ, самостоятельное существованіе Крымскаго юрта, начавшееся при Хаджы-Девлетъ-гиреѣ отдѣленіемъ отъ Золотой орды, кончилось при сынѣ его Менгли-гиреѣ,

[1]) Peyssonel, Traité sur le commerce de la mer Noire.

въ 1478 г., добровольнымъ подчиненіемъ верховному вліянію Оттоманской порты. Это верховное вліяніе, по которому султанъ не имѣлъ права вмѣшательства въ дѣла, касающіяся внутренняго управленія, скоро перешло въ полное подчиненіе. Со смертью Магометъ-гирея, сына Менгли-гирея, ханы на престолъ крымскаго юрта назначались всегда султаномъ, были его намѣстниками, онъ могъ смѣнять ихъ по своему произволу, и платилъ имъ жалованье.

Въ такомъ положеніи находилась политическая верховность крымскаго хана съ первой четверти XVI ст. Общій характеръ отношеній крымско-татарскаго юрта къ сосѣдямъ: литовцамъ, полякамъ, русскимъ, было хищничество и корыстолюбіе, доходившее до жадности. Татары не вели правильныхъ войнъ, а потому сосѣди боялись ихъ не какъ враговъ, съ которыми сладить нельзя, а какъ огня, отъ котораго трудно уберечься. Вѣрные своему призванію, они внезапно врывались въ предѣлы сосѣдей, жгли села, грабили скотъ и имущество, захватывали женъ и дочерей и обремененные добычею возвращались домой. И сами они жестоко поплачивались, но это не было ручательствомъ, что они не пріидутъ черезъ недѣлю снова и не принесутъ съ собою огня и опустошенія. Страхъ, наведенный ими на сосѣдей, установилъ оргинальный обычай давать дань. Если кто изъ сосѣдей не прислалъ условленной дани, то это принималось за вызовъ къ набѣгу. Поэтому мирныя отношенія татаръ къ кому бы то ни было представляютъ однообразный и длинный рядъ посольствъ и переписки о подаркахъ. Для образчика можно указать на отношенія къ литовцамъ. Менгли-гирей и Сигизмундъ были современники и жили въ ладахъ. Всѣ бумаги посольской канцеляріи литовскаго княжества, напр. за 1506 г., состоящія изъ граматъ одного къ другому, отъ первой и до послѣдней заключаютъ въ себѣ трактаты объ условленной дани и о подаркахъ. Здѣсь же и клятвы на счетъ того, что бы быть «пріятелемъ пріятелей и врагомъ враговъ [1].» Даже установились особенные термины для этихъ отношеній: литовскіе князья, предлагая ханамъ гостепріимство, въ грамотахъ своихъ выражались: *потнаго коня твоего разсѣдлаемъ;* въ свою очередь и ханы, когда увѣряли князей въ своей дружбѣ, то говорили: *всегда готовы сѣсть на коня противъ враговъ твоихъ, не садиться на коня противъ тебя* [2]). Съ такими и подобными граматами посольство ежегодно, а иногда по два и по три раза въ годъ, совершало свой обычный путь изъ Крыма въ

---

[1]) Сборн. кн. Оболенскаю.

[2]) Сборн. кн. Оболенскаго, стр. 29, 34.

Литву и обратно. Всякая свадьба при дворѣ хана отбывалась на счетъ друзей. Въ одной граматѣ Менгли-гирей пишетъ Сигизмунду: «зимою свадьба у насъ будетъ, меду надобно, а потому, по примѣру отца твоего, пришли тринадцать кадей, да и клячъ подъ него дать вели [1]);» а въ другой требуетъ для свадьбы же нѣсколько дорогихъ шубъ и всякой всячины [2]). Все это присылалось. Въ этомъ же самомъ заключались мирныя сношенія и съ другими сосѣдями; иначе изъ мирныхъ они сей же часъ дѣлались враждебными. Дружелюбныя грамоты и клятвы не нарушать мирныхъ отношеній нисколько не были помѣхой при первомъ удобномъ случаѣ совершить нападеніе и грабежъ.

Во внутреннемъ устройствѣ крымскаго юрта, обращаетъ на себя особенное вниманіе постепенное преобладаніе осѣдлыхъ элементовъ надъ кочевыми, подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій, государственная организація и видоизмѣненіе государственныхъ формъ также подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій; государственныя сословія, юридическій бытъ и ассимиляція подвластныхъ народовъ, и, наконецъ, вообще народная дѣятельность со всѣми ея проявленіями.

Въ настоящее время всякій, кто захочетъ сказать хоть что нибудь о прошедшей жизни крымскихъ татаръ, при той скудости матеріаловъ, какая ощущается относительно этого предмета, долженъ прежде всего обратиться къ весьма объемистому тому (160 лист.) татарскихъ актовъ, изданныхъ нашею Академіею наукъ въ подлинникѣ. Такъ какъ у насъ подобные документы мало доступны, то не лишнимъ будетъ познакомить читателей съ этими актами.

Академія наукъ не только позаботилась издать эти акты съ алфавитомъ собственныхъ именъ, но указала также на ошибки подлинниковъ и такимъ образомъ сдѣлала все, что можно ожидать отъ самаго безукоризненнаго изданія. Всѣ, содержащіеся въ изданіи Академіи наукъ, акты обнимаютъ собою время отъ 1584 г. до царствованія Алексѣя Михайловича включительно, и ихъ можно раздѣлить на три категоріи. Первая содержитъ въ себѣ длинный и однообразный рядъ грамотъ, въ которыхъ расточаются увѣренія въ мирѣ, дружбѣ и согласіи къ русскимъ царямъ, и которыя всегда оканчиваются просьбою и вымогательствомъ условной дани и подарковъ (тишъ). Вторая категорія содержитъ въ себѣ столь же однообразныя жалобы татаръ на казаковъ. Извѣстно, что русскіе цари, къ концу XVI вѣка, относились ко

---

[1]) Ibid., стр. 23.
[2]) Ibid., стр. 64.

всему казачеству, какъ къ своимъ подданнымъ, также и татары считали казаковъ за подданныхъ русскаго царя. Изъ казаковъ пограничные татарамъ были запорожскіе, донскіе и терскіе. Платя татарамъ тою же монетою, т. е. за набѣгъ набѣгомъ, эти казаки очень часто занимались «шалостями», врывались въ татарскіе предѣлы и грабили скотъ, иногда имущество, а иногда ходили сѣчься съ татарами. Зная хорошо нравы и обычаи татаръ, казаки знали, гдѣ и когда сдѣлать нападеніе, а потому большею частью успѣвали. Это сильно раздражало татаръ, и они обращались съ жалобами къ русскимъ царямъ, не упуская впрочемъ ни одного случая отомстить имъ. Такъ какъ обмѣнъ набѣгами былъ постоянный, то и жалобы не прерывались. Изложенныя на бумагѣ, онѣ попали въ архивъ, а изъ архива цѣликомъ въ изданіе Академіи наукъ. Къ третьей категоріи можно отнести увѣренія и обязательства не помогать полякамъ. Такимъ образомъ, весь томъ актовъ содержитъ въ себѣ матеріалы для безконечныхъ сношеній крымскаго юрта съ Россіею и представляетъ мало для его внутренняго быта; но, за то, они даютъ довольно данныхъ для ознакомленія съ государственной организаціею юрта. Изъ нихъ видно, что всѣ сановники и вообще всѣ власти имѣютъ право на такой подарокъ, который соотвѣтствуетъ ихъ значенію въ государствѣ, а такъ какъ третья часть академическихъ актовъ состоитъ изъ просьбъ о подаркахъ, то по нимъ можно перечислить почти всѣхъ государственные чины юрта.

Впрочемъ, выбору Академіи представлялся не одинъ только тотъ матеріалъ, который она напечатала. Тотъ же самый Архивъ иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ, откуда и Академія взяла изданный ею матеріалъ для исторіи крымскаго ханства, хранитъ у себя для той же самой исторіи еще бездну другихъ матеріаловъ. Это дѣла посольскаго приказа, которыя начинаются со временъ перваго хана династіи гиреидовъ и идутъ, не прерываясь, до послѣднихъ дней крымскаго ханства—т. е. отъ XV вѣка до XVIII включительно. Это обстоятельство побудило насъ не ограничиваться однимъ изданіемъ Академіи наукъ, и мы для составленія картины внутренняго быта крымскаго юрта въ послѣдній періодъ его существованія нашли себя вынужденными обратиться къ тѣмъ неизданнымъ памятникамъ, которые хранятся въ Московскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ.

Выше было сказано, что съ началомъ династіи гиреидовъ въ Крыму начинался и новый порядокъ вещей, но въ сущности это была только попытка ввести его, попытка, которая, конечно, легко могла бы осуществиться, если бы глава этой ди-

настіи, Хаджы-Девлетъ-гирей, имѣлъ достойныхъ себѣ преемниковъ. Но этого не случилось. Сынъ Девлета, Менгли-гирей, какъ мы видѣли, не сходилъ съ коня и постоянно ловилъ добычу за предѣлами полуострова, увлекая за собой массы татаръ на войну. Этотъ хищникъ былъ ханомъ до 1515 года. Послѣ смерти Менгли-гирея, ханомъ въ Крыму былъ сынъ его Магометъ-гирей, который разбоями и злодѣйствами далеко превосходилъ своего отца. Онъ, можно сказать, никогда не разсѣдлывалъ коня, и все царствованіе свое до 1523 г. провелъ въ набѣгахъ. Русскіе и въ особенности поляки трепетали при одномъ извѣстіи о его приближеніи. Вездѣ, куда онъ ни ходилъ, огонь и развалины обозначали его путь. Городъ Кафа былъ мѣстомъ сбыта военноплѣнныхъ, которыхъ свозили сюда сотнями тысячъ для распродажи [1]). При такихъ ханахъ, если у татаръ Девлета и заронилась какая нибудь мысль объ осѣдлости, то она испарялась скоро въ степяхъ. Въ это время кочевые элементы и хищничество составляютъ всю сущность крымскаго юрта. Въ половинѣ XVI в., татары съ своими стадами, изъ Крыму, ходили на кочевки къ Волгѣ, Уралу, на Кубань и Донъ [2]). Какъ сильны были въ это время кочевые элементы Крыма, это лучше всего видно изъ ярлыка Саадетъ-гирея, хана 1530 г. Какъ глава государственной организаціи юрта, обращаясь къ прочимъ ея членамъ, онъ перечисляетъ слѣдующіе чины: «Великаго улуса праваго и лѣваго крыла тьмой, тысячью, сотнею, десяткомъ (командующимъ) начальствующимъ угланамъ, бекамъ, внутреннихъ городовъ даругамъ и бекамъ, духовнымъ законовѣдцамъ, настоятелямъ, духовнымъ судьямъ, вѣдателямъ метрикъ, секретарямъ, старцамъ, отшельникамъ, сокольникамъ, барсникамъ, амбарщикамъ, тамошникамъ, вѣсовщикамъ, караульнымъ, заставщикамъ, ладейщикамъ и т. д. и т. д. Ясно, слѣдовательно, что устройство крымскаго юрта имѣетъ буквальное почти сходство съ устройствомъ Золотой орды, потому что перечисленные здѣсь чины тѣ же самые, что и въ ярлыкахъ Тохтамыша и Тимуръ-Кутлука. Даже оффиціальный тонъ и самыя выраженія ярлыка Саадетъ-гирея имѣютъ совершенное сходство съ ярлыками двухъ упомянутыхъ хановъ. Система государственныхъ налоговъ также одинакова съ золотоордынскою [3]).

Съ половины XVI вѣка, за дѣло введенія осѣдлости взялись тѣ же самые люди, которые водили татаръ и въ набѣги, т. е.

---

[1]) Богушъ, т. II, стр. 285.
[2]) Неизв. автор. Ист. крым. хан.
[3]) Сравни ярлыки: Саад.-гир., Тим. — Кут. и Тохт.

ханы. Такъ Саадетъ-гирей, получившій образованіе въ Истамбулѣ и привыкшій видѣть осѣдлый образъ жизни, будучи ханомъ крымскимъ, хотѣлъ видѣть то же самое и у татаръ. Какъ человѣкъ кроткаго нрава, онъ хотѣлъ этого достигнуть собственнымъ примѣромъ утонченности и вѣжливости, но презираемый татарами, какъ либералъ, онъ долженъ былъ покинуть престолъ и уѣхать обратно въ Турцію. Послѣ него въ томъ же духѣ дѣйствовалъ Сагибъ-гирей; убѣдившись въ безполезности такого способа, онъ началъ обуздывать кочевыя замашки татаръ топорами: онъ велѣлъ рубить колеса у арбъ всѣмъ, кто вздумаетъ выѣхать изъ Крыма на кочевки, и въ замѣнъ этого раздавалъ лѣсъ на постройку жилищъ [1]). Все это ясно показываетъ, что татары не были склонны къ осѣдлой жизни: насильственныя мѣры не достигали цѣли. Говоря строго, крымскіе татары до послѣдняго дня политическаго существованія не были народомъ осѣдлымъ. Лишь въ половинѣ XVII в. живущіе собственно на полуостровѣ, а главнымъ образомъ въ южной его части, осѣлись на одномъ мѣстѣ и стали жить какъ мирные граждане; но и этотъ фактъ нисколько не вытекаетъ изъ сознанія необходимости осѣдлой жизни или ея превосходства надъ кочевничествомъ: онъ явился слѣдствіемъ давленія внѣшнихъ причинъ, мало замѣтныхъ, но сильно дѣйствовавшихъ. Эти различныя внѣшнія причины можно свести къ двумъ главнымъ:

1. Съ началомъ централизаціи въ Россіи, Русское государство начало постепенно усиливать свое могущество и расширять предѣлы. Ничтожная Золотая орда развалилась на нѣсколько самостоятельныхъ царствъ, изъ нихъ Казанское и Астраханское скоро вошли въ составъ Россіи. Русское царство, расширяясь на востокъ, расширялось и на югъ: уже засѣка Бориса Годунова захватывала отдаленный Воронежъ. Въ половинѣ XVII вѣка, Русское царство раздвинулось на югозападъ и граничило предѣлами гетманства Богдана Хмельницкаго, а въ началѣ XVII вѣка оно захватило въ свои предѣлы Азовъ и имѣло границею Азовское море. Новыя владѣнія Россіи по мѣрѣ возможности колонизировались. Съ расширеніемъ Русскаго царства на югъ, поле для набѣговъ и грабежей крымскихъ татаръ постепенно уменьшалось: набѣги стали гораздо рѣже удачны, чѣмъ прежде. Съ уменьшеніемъ набѣговъ уменьшилась и добыча, съ уменьшеніемъ добычи уменьшились и средства къ существованію, а потому татары волею и неволею должны были заняться тѣмъ, что помимо набѣговъ даетъ средства къ существованію.

---

[1]) Неизв. авт. Ист. кр. хан.

2. Рядомъ съ этимъ, другія причины дѣйствовали на татаръ точно такимъ же образомъ. Когда въ концѣ XV в. крымскіе татары признали надъ собою верховную власть Турціи, то на первыхъ порахъ вліяніе ея, какъ исключительно верховное, безъ вмѣшательства въ дѣла внутренняго управленія не могло отразиться ни на государствѣ, ни на частной жизни. Но когда впослѣдствіи (1523 г.) власть Турціи надъ Крымомъ возрасла до того, что султаны по своему произволу возводили и низводили хановъ съ престола, то усилилось и вліяніе ея на государственное устройство крымскаго юрта. Но и это вліяніе какъ насильственное проявлялось болѣе оффиціальнымъ образомъ. Дѣйствительное вліяніе Турціи на Крымъ началось съ тѣхъ поръ, когда она развила свои государственныя формы до возможной, въ магометанскомъ государствѣ, степени. Крымскій юртъ, мало по малу лишаясь возможности дѣлать удачные набѣги и опустошенія, долженъ былъ рядомъ съ развитіемъ осѣдлой жизни татаръ, развить и государственныя формы, которыя бы соотвѣтствовали этой жизни—а въ этомъ отношеніи Турція была единственнымъ и притомъ близкимъ образцомъ. Съ другой стороны, крымскіе ханы, получая образованіе въ Турціи, очень сочувствовали ея государственнымъ порядкамъ. Къ такимъ людямъ относится Селимъ-гирей ханъ, одинъ изъ лучшихъ въ Крыму; онъ много способствовалъ введенію государственныхъ формъ Турціи [1]). Само собою разумѣется, что къ этому же времени относится и начало народной промышленности татаръ, въ послѣднее время крымскаго юрта, очень явственно выразившейся въ раціональномъ сельскомъ хозяйствѣ, торговлѣ, промышленности, мануфактурѣ и даже искусствѣ. Такъ что, въ половинѣ XVII в., сѣверные обитатели крымскаго юрта, будучи еще полудикими кочевниками, не мѣшали населенію полуострова, и въ особенности южной его части, вести совершенно противоположный образъ жизни. Съ этого времени, если у хановъ и проявлялось желаніе «садиться на коня», т. е. дѣлать наѣзды и опустошенія, что впрочемъ случалось безпрерывно, то они главнымъ образомъ брали съ собою ногайскихъ татаръ, и относительно жителей полуострова, въ особенности южной его части, довольствовались только обложеніемъ данью за право не выѣзжать на войну [2]). Это населеніе всегда принималось за ядро крымскаго юрта, потому что въ немъ находилось главное управленіе татарскаго государства; какъ въ кочевой, такъ и въ настоящій періодъ, на глазахъ его совер-

---

[1]) Мухамедъ-Риза. Ассебъ-о-сейяръ.

[2]) Peyssonnel.

шались всѣ тѣ перемѣны въ государствѣ, которыя болѣе или менѣе отражались на всѣхъ татарахъ, а потому ничего удивительнаго нѣтъ, если мы скажемъ, что обновленный государственный строй, будучи не совсѣмъ по вкусу ногайскимъ ордамъ, совершенно совпадалъ съ нравами и образомъ жизни обитателей полуострова.

Но какъ прежде, такъ и теперь, и до конца своего существованія, татарское государство продолжало отличаться исключительно военнымъ характеромъ, потому что война всегда составляла цѣль татарскаго государства. Оно по прежнему было хорошо организованною шайкою разбойниковъ, которую можно назвать государствомъ лишь на столько, на сколько она отвѣчала запросамъ вновь сложившейся народной жизни. Имѣя подъ рукой большую часть населенія сѣвернаго Крыма и главнымъ образомъ ногайскія орды, готовыя къ набѣгу ежеминутно, эта шайка никогда не переставала тревожить сосѣдей, на сколько это ей удавалось. Мы знаемъ, что даже въ половинѣ XVIII в. русскія войска, платя татарамъ набѣгомъ за набѣгъ, оставляли за собой въ Крыму пепелъ и развалины. Вотъ, довольно полная картина новаго государственнаго механизма крымскаго юрта въ XVII столѣтіи:

Ханъ [1];

какъ прежде, такъ и въ описываемую нами эпоху, ханъ стоялъ во главѣ государства. Онъ непремѣнно долженъ продолжать прямую линію отъ Чынгызъ-хана и принадлежать къ династіи гиреидовъ. Но когда избирательное начало замѣнилось обыкновеннымъ назначеніемъ султана, то и старшинство въ линіи утратило свое значеніе. За нимъ слѣдуетъ

Калга.

Важное значеніе его заключалось въ томъ, что онъ послѣ смерти хана, какъ вице-ханъ, имѣлъ право на престолъ, чего впрочемъ не соблюдали. Обыкновеніе назначать себѣ наслѣдниковъ ввелъ Менгли-гирей, который первый назначилъ калгу изъ своего же дома, т. е. изъ Гиреевъ [2]). Онъ командовалъ войсками.

---

[1]) Казарскій *каганъ*, татарскій ханъ и кханъ, есть то же самое, что и китайскій каанъ, упоминаемый Рашидъ-Эддиномъ, въ его «Введеніи о племенахъ монгольскихъ и турецкихъ».

[2]) Мухамедъ-Риза.

Нуреддинъ

былъ вторымъ наслѣдникомъ хана и происходилъ также изъ династіи гиреидовъ. Въ чемъ заключались его обязанности, въ точности неизвѣстно. За нуреддиномъ слѣдуютъ

Султаны.

Это царскіе сыновья, которыхъ обыкновенно было много. Значеніе ихъ въ государствѣ зависѣло отъ личнаго достоинства каждаго изъ султановъ. Болѣе способные посылаемы были къ ногайскимъ татарамъ въ качествѣ начальниковъ, неспособнымъ же къ такимъ должностямъ и вообще къ государственной службѣ, сообразно ихъ происхожденію, турецкій султанъ давалъ близъ Адріанополя удѣлы, и дворецъ чингызъ-серай былъ мѣстомъ ихъ жительства.

За тѣмъ слѣдуютъ ханскія матери, жены и дочери. Можетъ показаться страннымъ видѣть женщинъ въ числѣ государственныхъ чиновъ, но это нисколько не удивительно, если мы скажемъ, что правительство крымскаго юрта, будучи чѣмъ то въ родѣ алчнаго звѣря, получало отъ своихъ сосѣдей подачку за то, что будетъ сидѣть покойно на своемъ мѣстѣ и не будетъ дѣлать опустошительныхъ посѣщеній. По этому каждый членъ государственной шайки татаръ получалъ ежегодно опредѣленную подачку, которую вымогалъ у сосѣдей съ татарскою назойливостью. При такомъ свойствѣ, эта правительственная организація была самая обширная, и въ составъ ея входили не только матери и жены хана, но и его повара, садовники и т. д. Такимъ образомъ, эта длиннѣйшая вереница алчущихъ подачекъ шла въ слѣдующимъ порядкѣ:

Мать хана и другія жены его отца;
Мать калги — — —
Мать нуреддина — — —
Жены хана, калги и нуреддина;
Дѣти, сыновья; — — —
Дѣти, дочери; — — —
Воспитатели ихъ.

Легко представить себѣ обширность царствовавшаго дома, если мы скажемъ, что у каждаго калги и нуреддина было по нѣскольку женъ, отъ которыхъ они имѣли по нѣскольку дѣтей. Кромѣ того, весь придворный штатъ хана, въ смыслѣ полученія подачекъ, имѣлъ государственное значеніе, а потому мы

перечислимъ главныхъ его членовъ рядомъ съ чинами, составляющими правительство крымскаго юрта. Эти чины слѣдующіе [1]):

Ханъ-агасы;

въ документѣ, которымъ мы пользуемся [2]), противъ этой должности стоитъ: главнокомандующій войсками и управляющій гражданскою частью. Это несправедливо: ханъ-агасы никогда не командовалъ войсками, и обязанности его относились преимущественно къ гражданскому управленію. Этотъ чинъ въ Золотой ордѣ извѣстенъ былъ подъ именемъ «янакъ», т. е. приближенный хана, а войсками, какъ извѣстно, и въ Золотой ордѣ и въ Крыму [3]) до XVII в., командовалъ угланъ замѣненный потомъ калгою. Въ дѣлахъ посольскаго приказа ханъ-агасы извѣстенъ подъ именемъ близкаго человѣка (хана), что совершенно соотвѣтствуетъ значенію янакъ.

Дефтердаръ-ага;

обязанности его заключались въ ревизіи казенныхъ суммъ, и такимъ образомъ онъ былъ государственнымъ контролеромъ крымскаго юрта [4]).

Татъ-агасы;

обыкновенно думаютъ [5]) что это былъ директоръ ханскихъ лѣсовъ, но это не совсѣмъ вѣрно. Татъ-агасы былъ управляющимъ земель, извѣстныхъ въ дѣлахъ посольскаго приказа подъ именемъ «татскихъ». Эти земли были обитаемы христіанами и составляли удѣлъ хана [6]); названіе свое они получили отъ слова «татъ», которое означаетъ христіанъ и въ особенности грековъ.

Хазнадаръ-ага

былъ государственнымъ казначеемъ юрта.

---

[1]) Въ генералъ-губернаторскомъ архивѣ въ Одессѣ находится списокъ, составленный вскорѣ послѣ покоренія крымскаго юрта, въ которомъ перечисленно 14 государственныхъ чиновъ. Мы руководствуемся имъ для XVII ст., потому что онъ заключаетъ въ себѣ много чиновъ, о которыхъ упоминается и въ дѣлахъ посольскаго приказа. Въ оффиціальныхъ документахъ Крымскаго юрта о чинахъ упоминается рѣдко, а всегда выставляется личность, имя и размѣръ подарка.

[2]) Генер. губ. списокъ.

[3]) Ярлыкъ Саадетъ-гирея, у Березина.

[4]) Ген. губ. спис.

[5]) Ibid.

[6]) Ярлыкъ Менгли-гирея (не сына Хаджи-Девлета), хранящійся въ дѣлахъ Таврическ. двор. собр.

Актачы-бей;

по роду обязанностей, которыя онъ несъ, его можно назвать ханскимъ шталмейстеромъ.

Килярджы-башы

былъ гофмаршаломъ ханскимъ.

Капуджы-башы.

охранитель дверей хана или его адъютантъ. При этой неопредѣленности обязанностей должностныхъ людей юрта, капуджы-башы является иногда лицомъ съ административною властью. Какъ адъютантъ ханскій, онъ имѣлъ и товарищей, которые назывались:

Капуджыларъ-кахъясы.

Селердаръ-ага

былъ меченосцемъ ханскимъ, или лучше сказать начальникомъ меченосцевъ;

Килларъ-агасы

начальствовалъ надъ придворными нижними чинами;

Диванъ-эфенди

исправлялъ должность секретаря иностранныхъ дѣлъ;

Сыръ-кятепы

былъ секретаремъ внутреннихъ дѣлъ;

Хазне-кятепы

былъ секретаремъ государственнаго казначейства;

Зарыфъ-кятепы

былъ начальникомъ монетнаго двора [1]);

Аталыкъ

былъ обыкновенно воспитателемъ и дядькой при ханскихъ дѣ-

---

[1]) Ген. губерн. спис.

тяхъ, но иногда онъ былъ чрезвычайно важнымъ лицомъ въ юртѣ. Такъ напр., при Муратъ-гиреѣ, аталыкъ былъ, какъ это видно изъ дѣлъ посольскаго приказа, правителемъ всего государства [1]).

Ханъ-кулъ-ага

былъ начальникомъ ханскихъ рабовъ.

Байрамъ-ага,

какъ само слово показываетъ, былъ главнымъ распорядителемъ пиршествъ во время мусульманскихъ праздниковъ;

Балчы-башы

распоряжался обыкновенными пиршествами хана.

Въ перечисленіи чиновъ татарскаго юрта, мы не держимся никакого порядка. Это потому, что въ татарскомъ юртѣ и въ дѣйствительности не существовало никакой системы или классификаціи чиновъ. Такое отсутствіе всякого порядка доходило даже до того, что одинъ и тотъ же чинъ въ различныя время исправлялъ различныя обязанности.

Далѣе слѣдуютъ:

Хапу-агасы;

онъ также, подобно капуджы-башы, охранялъ двери ханскаго дворца, но былъ подъ его начальствомъ;

Серрачъ-башы

завѣдывалъ придворнымъ освѣщеніемъ.

Чашангыръ-башы

былъ лейбъ-поваромъ хана;

Ащы-башы

вѣроятно распоряжался ханскимъ обѣдомъ.

Хадымъ-ага,

по всей вѣроятности, начальствовалъ надъ служащими при дворѣ хана.

---

[1]) Стат. спис. 1681 г.

Игитъ-ага [1])

былъ старшій надъ придворными пажами (игитъ-оглу).

Размѣнный бей [2])

представлялъ хану иностранныхъ пословъ.

Можно было бы перечислить штатъ придворныхъ трубочистовъ, придворнаго гарема, штатъ ханскихъ садовниковъ, ханской охоты, но такъ какъ это болѣе любопытно, нежели важно, то мы и опускаемъ ихъ. Упомянемъ только о слѣдующихъ:

Начальникъ янычаровъ или капыклыковъ;

капыклыки составляли придворную стражу хана; она конвоировала его вездѣ, куда онъ ходилъ и уѣзжалъ, и была заведена въ подражаніе турецкимъ султанамъ.

Царскій казначей [3]),

надо полагать, былъ хранителемъ богатствъ хана, составлявшихъ его частную собственность; такъ точно какъ и

Царскій писарь [4])

завѣдывалъ письмоводствомъ хана по его частнымъ дѣламъ.

Землемѣръ;

эта должность ясно свидѣтельствуетъ, что въ крымскомъ юртѣ существовало измѣреніе земли, и въ ханскихъ ярлыкахъ оно встрѣчается очень рано. Въ дѣлахъ литовскаго посольскаго приказа находится ярлыкъ Менгли-гирея, который переведенъ на тогдашній литовскій языкъ. Въ этомъ ярлыкѣ одинъ татарскій чинъ названъ соотвѣтствующимъ ему литовскимъ чиномъ «коморника», который, какъ извѣстно занимался измѣреніемъ земель [5]).

Слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ чинѣ — это именно,

---

[1]) Дѣла польск. XVI и XVII в.
[2]) Стат. спис. 1681 г.
[3]) Посольск. приказ.
[4]) Ibid.
[5]) Сборн. кн. Оболенскаго, стр. 71.

Царскій конюшій [1]).

Судя по подарку, который онъ получалъ, значеніе его было немаловажно. Онъ всегда былъ назначаемъ изъ родовыхъ князей [2]).

Этимъ мы закончимъ перечень чиновъ, къ числу которыхъ слѣдовало бы еще отнести всѣхъ мурзъ крымскаго юрта;— они также получали отъ сосѣднихъ государей дань въ замѣнъ тѣхъ грабежей, которые бы они дѣлали въ противномъ случаѣ. Въ дѣлахъ посольскаго приказа всѣ они названы поименно, съ обозначеніемъ, кто сколько получалъ подарковъ. Въ длинномъ спискѣ государственныхъ чиновъ мы не упомянули о чинахъ, которымъ ввѣрены были судъ и администрація, но объ этомъ будетъ сказано ниже.

Изъ представленнаго здѣсь перечня чиновъ и должностей, составлявшихъ государственный механизмъ крымскаго юрта, видно, что, хотя этотъ механизмъ въ XVII в. и имѣетъ прежній характеръ, но тѣмъ не менѣе нельзя не замѣтить въ немъ нѣкотораго видоизмѣненія. Въ XVII в., крымскіе ханы обставили себя всѣми аттрибутами царской власти и роскоши восточныхъ государей, подражая турецкимъ султанамъ и ихъ правительству; это показываетъ, что новый порядокъ вещей нашелъ уже себѣ почву у тѣхъ самыхъ татаръ, которые изгнали изъ Крыму Саадетъ-гирея за его приверженность къ турецкимъ нравамъ и осѣдлой жизни. Обширный дворъ свидѣтельствуетъ, что крымскіе ханы, проводившіе жизнь на конѣ и за предѣлами полуострова въ постоянныхъ поискахъ добычи, начали предпочитать постоянную жизнь на одномъ мѣстѣ,—а преобразованное правительство, очевидно, говоритъ, что чисто кочевая форма правленія стала не совмѣстна съ новымъ порядкомъ и должна была уступить видоизмѣненному государственному строю. Въ доказательство того, что въ XVII в. кочевые элементы дали мѣсто преобладанію осѣдлой жизни, можно привести еще и то, что и калга и нурединъ—наслѣдники хана—имѣли свои особенные дворы и придворные штаты, значитъ, и у нихъ роскошь и удобства постоянной жизни составляли уже потребность [3]). Калга обыкновенно жилъ въ Акъ-мечетѣ (Симферополѣ), а ханъ въ Бахчесераѣ, гдѣ онъ имѣлъ роскошный дворецъ и понынѣ свидѣтель-

---

[1]) Во всѣхъ дѣлахъ посольск. прик.

[2]) Ibid.

[3]) Дѣла посольск. прик.

ствующій объ образѣ жизни его обитателей [1]), крымскихъ татаръ. Власть хана была деспотическая: онъ былъ глава государства и носилъ зеленую чалму, какъ глава и защитникъ церкви.

Мы уже видѣли, что въ Золотой ордѣ послѣ того какъ начало престолонаслѣдія было измѣнено, и вмѣсто старшаго въ родѣ, по прямой линіи Чынгызъ-хана, на престолъ восходилъ человѣкъ партіи, власть хана потеряла всякое значеніе, и прочность сидѣнія на престолѣ лишилась всякой гарантіи. Отъ этого, какъ неизбѣжное явленіе, происходило и то, что въ одинъ и тотъ же годъ на престолѣ сидѣло по нѣскольку хановъ, орудій различныхъ партій. Точно такимъ же значеніемъ пользовалась власть хана и въ Крыму, когда онъ находился подъ верховнымъ вліяніемъ Золотой орды. Послѣ Хаджы-Девлетъ-гирея и сына его Менгли-гирея, царствовавшихъ по тридцати слишкомъ лѣтъ [2]), во все время правленія этой династіи, т. е. до покоренія Крыма, ни одинъ ханъ не царствовалъ болѣе десяти лѣтъ. Случаи, когда ханы царствовали по году и по два весьма не рѣдки. Бывало, одинъ ханъ, свергнутый другимъ, черезъ годъ или два снова сидѣлъ на престолѣ, а еще черезъ годъ, снова свергнутый съ престола, вербовалъ партію для его завоеванія. Съ тѣхъ поръ, какъ со смертью Магометъ-гирея (въ 1523 г.), право назначать и отрѣшать хановъ перешло къ султану, всякій изъ гирейдовъ, кто умѣлъ искусно пресмыкаться передъ султаномъ, получалъ ханство и при первой опасности, грозившей ему внутри Крыма, оставлялъ его другому счастливцу, который въ свою очередь не могъ ручаться, что черезъ годъ или два онъ не будетъ въ необходимости умолять султана о возведеніи его на утраченный престолъ. Такъ напр., въ 1584 году, Магометъ-гирей сверженъ съ престола, а на его мѣсто восходитъ Газы-гирей; послѣ Газы-гирея былъ ханомъ Селяметъ-гирей [3]), а послѣ Селяметъ-гирея опять Магометъ-гирей. Ханъ Селимъ-гирей, отъ 1671 г. до 1692 г., былъ низвергаемъ съ престола и снова возводимъ на него четыре раза, а Девлетъ-гирей, отъ 1706 г. до 1724 г., успѣлъ пять разъ восходить и нисходить съ престола и въ послѣдній разъ попасть въ ссылку. Если мы будемъ продолжать примѣры, то прійдется перечислить положительно всѣхъ гирейдовъ. Случаи, когда одинъ претендентъ убивалъ другого нерѣдки: такъ напр., Девлетъ-гирей (1552 г.) убилъ Сагибъ-гирея и перерѣзалъ весь его родъ. Причина всего этого заключается въ

[1]) Ibid.

[2]) Впрочемъ оба восходили на престолъ по два раза.

[3]) Дѣла посольск. прик.

томъ значеніи, какимъ пользовалось въ крымскомъ юртѣ высшее сословіе.

Въ XVII в. это значеніе было громадно и представляло уже вполнѣ развитую и рѣзко обозначенную феодальную систему. Въ дикомъ состояніи народа, татаринъ могъ пріобрѣсти вѣсъ въ обществѣ первоначально чрезъ талантъ, а потомъ исключительно чрезъ богатство; богатство пріобрѣтается возможностію накоплять его, а эта возможность, при отсутствіи личнаго труда, можетъ представиться только тогда, когда есть земля съ населеніемъ, которое бы можно было употреблять какъ рабочую силу въ свою пользу. Но въ бытѣ татаръ это экономическое явленіе выразилось совершенно своеобразнымъ образомъ, по тѣмъ особеннымъ отношеніямъ, въ которыхъ стоялъ степной человѣкъ къ окружавшимъ его богатствамъ природы. И родъ, и государство, и верховность въ родѣ, а слѣдовательно, и въ государствѣ, у тюркскихъ племенъ берутъ начало въ тѣхъ отношеніяхъ, въ какихъ находились между собою отдѣльные люди въ пастушескомъ быту. Все, что связывало отдѣльныхъ людей и отдѣльныя семейства въ этомъ быту, заключалось въ *стадѣ*. Такъ какъ письменныхъ документовъ изъ такой эпохи не существуетъ ни у одного народа, то возьмемъ для образчика такъ называемое *сводное стадо* крымскихъ татаръ въ томъ его видѣ, въ какомъ застало его первое время русскаго господства. Не будучи уже единственнымъ средствомъ, связывающимъ людскія отношенія, это стадо сохранило однако первоначальное устройство, въ чемъ нѣтъ никакого сомнѣнія.

Въ тѣсномъ пастушескомъ смыслѣ, стадо составляется только тогда, когда одинъ человѣкъ (или семейство), самъ по себѣ или нѣсколько вмѣстѣ, могутъ соединить въ одно тысячу овецъ. Это стадо въ кочевомъ быту вмѣстѣ съ владѣльцами его переходитъ съ мѣста на мѣсто, ища травы. Оно носитъ названіе *отъ-ардъ* отъ татарскихъ словъ: *отъ* трава, и *арамакъ* искать. Наблюденіе за цѣлостью стада составляетъ интересъ каждаго. Такъ какъ эта, хотя и коллективная, но все таки небольшая единица подвергается опасности со стороны звѣрей и расхищенія, то поэтому потребность въ союзѣ переходитъ въ необходимость, и вмѣстѣ съ союзомъ стадъ соединяются и отдѣльные люди и семейства. Самый большій голосъ въ рѣшеніи вопросовъ, относящихся до союза, принадлежитъ тому, у кого наибольшій вкладъ; но онъ не можетъ быть деспотомъ, коль скоро недовольный можетъ отойти къ другому союзу. Нѣчто иное происходитъ въ тѣхъ случаяхъ, когда основателемъ союза является человѣкъ, у котораго свое собственное стадо, и который, кромѣ того,

прославился какъ хорошій распорядитель, удачно размножающій свой скотъ. Съ такимъ человѣкомъ всѣ охотно вступаютъ въ союзъ, и вотъ этотъ-то союзъ и заслуживаетъ полнаго вниманія. Въ совершенно установившемся видѣ этотъ союзъ имѣетъ слѣдующую организацію. Во главѣ союза стоитъ его основатель, а членами его считаются всѣ вкладчики. Десять соединенныхъ стадъ, въ каждомъ по 1,000 овецъ, составляютъ одно сводное, подъ общимъ именемъ *«кхошъ»*. Такъ какъ съ десятью тысячами (или тьмою) овецъ неудобно производить кормленіе на одномъ мѣстѣ, то весь кхошъ раздѣляется на малыя стада въ тысячу и менѣе овецъ. При каждомъ полномъ стадѣ находится по три человѣка: предводитель 10 [1]), предводитель 100 и 1,000. Они извѣстны подъ именемъ *чобанъ*. Тотъ, который отличается наибольшею расторопностью, дѣлается непосредственнымъ начальникомъ чобановъ своднаго стада и получаетъ титулъ *одаманъ*. Главное управленіе всѣми отдѣльными стадами сосредоточено въ кхошѣ, гдѣ находится главная кибитка союза, извѣстная подъ именемъ *отъ-авъ*. Тамъ живетъ начальникъ союза и верховный правитель кхоша. Служить въ кхошѣ считалось честью, а потому каждый вступалъ на службу охотно: титулъ одамана оставался за человѣкомъ и послѣ службы. Кхошъ вмѣстѣ съ стадами и союзомъ постоянно дѣлалъ передвиженія и останавливался тамъ, гдѣ находилъ это нужнымъ. Эта стоянка называлась *дурумъ*, отъ татарскаго слова *дурмакъ* стоять, а мѣсто зимовки называлось *кхышъ-лавъ* отъ «кхышламакъ» зимовать. Каждый кхошъ имѣлъ свой гербъ (тамга), которымъ клеймилъ неодушевленные предметы и животныхъ. Тѣ отношенія, въ какихъ находились союзники съ предводителемъ кхоша, дѣлали этого послѣдняго начальникомъ рода и кочевой общины, отъ которой онъ, за управленіе дѣлами кхоша, получалъ натурою извѣстную подать, сохранившуюся, какъ мы увидимъ, у ногайскихъ татаръ и до настоящей минуты. Съ теченіемъ времени, власть начальника рода и уваженіе къ нему общины мало по малу усиливались, и безъ сомнѣнія на этомъ сформировалась его домашняя верховность въ дѣлахъ общины. Это кошевое устройство перешло и въ *дружину*, когда явилась необходимость входить въ союзы противъ нападеній людей на людей, рода на родъ, и если справедливо то, что всѣ народы, прежде нежели дошли до послѣдней точки своего развитія, проходили и фазисъ пастушескаго быта, то этотъ переходъ и происхожденіе верховной власти присущи каждому народу. Что же касается соб-

---

[1]) Извѣстно, что пастухи всегда идутъ впереди овецъ.

ственно племенъ тюрко-татарскихъ, то мы должны сказать, что ихъ начальники рода вошли въ составъ монархіи Чынгызъ-хана съ полнымъ сознаніемъ своей верховности, въ предѣлахъ той или другой общины или рода, и это сознаніе они не утратили до самаго переселенія въ Крымъ. Не надобно думать, что Чынгызъ-ханъ былъ такой могущественный деспотъ, который могъ разрушить для своихъ цѣлей весь существовавшій до него порядокъ вещей: такимъ онъ является только подъ перомъ восточныхъ историковъ, за которыми иногда слѣдуютъ и писатели нашихъ временъ. Въ дѣйствительности выходитъ, что дикій политикъ слишкомъ потворствовалъ властолюбивымъ наклонностямъ покоренныхъ имъ начальниковъ рода. Онъ вошелъ въ родственныя связи почти со всѣми родами, по крайней мѣрѣ вліятельными, что видно изъ того, что онъ женился на дочеряхъ покоренныхъ начальниковъ рода и выдавалъ за нихъ собственныхъ дочерей. Этимъ отчасти объясняется и то, что у Чынгызъ-хана было 500 женъ [1]). Понятно, слѣдовательно, что завоеватель присвоилъ себѣ только верховную власть покоренныхъ родовъ и общинъ, оставивъ неприкосновенною ихъ домашнюю верховность.

Однимъ словомъ, этотъ кочевой феодальный порядокъ силою оружія былъ облеченъ въ форму монархіи. Такъ какъ въ этой монархіи значеніе и власть феодаловъ могли быть основаны преимущественно на владѣніи, то мы и остановимся на этомъ предметѣ. Власть феодаловъ надъ людьми не подлежитъ никакому сомнѣнію, но въ какихъ отношеніяхъ они были къ землѣ? Понятіе о землевладѣніи, какъ частной собственности, существовало уже и въ монархіи Чынгыза: ханъ могъ давать землю въ потомственную аренду [2]). Если земля жаловалась въ потомственное владѣніе за заслуги, то тѣмъ болѣе начальники рода, какъ находящіеся въ родственныхъ связяхъ съ ханами, считались собственниками извѣстнаго пространства земли, на правахъ вассаловъ. Извѣстно, какою ничтожною властью пользовались золотоордынскіе ханы въ XIII и XIV столѣтіяхъ: будучи орудіемъ высшаго сословія, они лишились всякой возможности посягать на права начальниковъ рода. Съ другой стороны, и та власть, какою пользовался Мамай, извѣстный въ русскихъ лѣтописяхъ подъ именемъ темника, т. е. начальника тьмы, показываетъ намъ, до чего иногда доходило значеніе людей высшаго сословія. Все это ясно говоритъ, что землевладѣніе составляло неотъемлемое

---

[1]) Абулгази.

[2]) Quatremère. Hist. des Mong. 143.

право начальниковъ рода, которому ханъ, какъ глава государства de jure, давалъ свою санкцію подобно тому, какъ это было и въ крымскомъ юртѣ. Само собою разумѣется, что владѣнія феодаловъ не имѣли и имѣть не могли строго опредѣленныхъ границъ, такъ точно какъ и жизнь свою они проводили не постоянно на одномъ и томъ же мѣстѣ. Совсѣмъ иной характеръ получила феодальная система, когда она перешла въ Крымъ и стѣснилась на небольшомъ его пространствѣ.

Что феодальная система въ Крыму была продолженіемъ, или лучше сказать, дальнѣйшимъ развитіемъ золотоордынской, это видно изъ того, что тѣ же самые роды, которые перечисляются въ Родословной Абулгази, находятся и въ Крыму. Всѣ эти роды съ теченіемъ времени утратили свое значеніе, и въ XVI в. на сцену появилось слѣдующихъ пять: Ширинъ, Баринъ, Кулукъ, Сулешъ и Мансуръ [1]). Кромѣ этихъ пяти родовъ было еще множество другихъ [2]), но такъ какъ роль ихъ въ юртѣ была второстепенная, то мы объ нихъ упоминать не станемъ. Что же касается до пяти родовъ, то они были полнымъ выраженіемъ татарской феодальной системы и держали въ рукахъ своихъ кормило правленія крымскаго юрта. Что князья пяти родовъ стояли во главѣ управленія юртомъ, о томъ говоритъ самъ Менгли-гирей въ своемъ ярлыкѣ къ великому князю литовскому Сигизмунду, подъ 1506 г. [3]).

Есть положительныя свѣдѣнія, что еще въ концѣ XV в. земля въ крымскомъ юртѣ подвергалась измѣреніямъ и слѣдовательно приведена была въ извѣстность. Это видно изъ того, что въ это время уже существовалъ государственный землемѣръ [4]). Онъ былъ необходимъ вслѣдствіе того, что съ этого времени земля начала отходить въ частное владѣніе опредѣленными паями. Татарскіе феодалы, владѣвшіе до сихъ поръ землею, какъ германцы алодами, т. е. безъ всякого систематическаго дѣленія и измѣренія, съ этихъ поръ, безъ сомнѣнія, стали владѣть точно опредѣленнымъ пространствомъ. Увеличившееся народонаселеніе Крыма [5]) могло быть побудительною причиною къ тому, что и сами феодалы, во избѣжаніе споровъ, пожелали знать точнѣе предѣлы своихъ владѣній.

Въ половинѣ XVI в., сохранившіеся документы относятся къ

---

[1]) Аргинъ, Баринъ, Мансуръ, Гкіятъ, Агишъ и пр.; всѣ они перечисляются въ дѣлахъ посольск. прик. въ XVI ст.

[2]) Дѣла посольск. прик. за 1582 г.

[3]) Сборн. кн. Оболенскаго, стр. 90, 52.

[4]) Ibid.

[5]) Неизвѣстн. авт. Ист. крым. хан.

частному землевладѣнію, какъ уже къ давно существующему факту. Такъ напр., въ 1552 г., Девлетъ-гирей, жалуя одному татарину землю для зимней кочевки, въ ярлыкѣ своемъ выражается такъ: «жалую тебѣ землю, востокъ которой *владѣнія* Мангытъ-Сулешъ, западъ которой Кыятъ-Агышъ, къ югу большая дорога, а къ сѣверу Мангытъ-Тукъ-Шеихъ [1].» Сказанное въ этомъ ярлыкѣ вполнѣ подтверждается и ярлыкомъ Мухаметъ-гирея, который также жалуетъ землю, «востокъ которой Кинеръ-Татыкъ, западъ владѣнія Казы-бея» и т. д., а изъ другого ярлыка того же хана видно, что пожалованная имъ земля граничила *владѣніями* Барынъ.

Мы уже имѣли случай указать на то поразительное сходство, которое существуетъ между родовымъ бытомъ романо-германскихъ и тюркскихъ племенъ, теперь должны сказать, что такое же точно существуетъ сходство и между феодальною системою обоихъ племенъ. Какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ феодализмъ родился среди родовой аристократіи.

Начало феодальной системы въ Крыму, при сравненіи, совпадаетъ во всѣхъ пунктахъ съ алодіальнымъ порядкомъ въ Европѣ. «Онъ (т. е. алодъ), говоритъ Гизо, обозначалъ такую землю, которой владѣтель не получалъ ни отъ кого, и которая не налагала на него никакихъ обязанностей. Первыми алодами были тѣ земли, которыя присвоивались въ разныхъ формахъ, безъ систематическаго раздѣленія, германскими побѣдителями, франками, бургундами и визиготами. Эти алоды были вполнѣ независимы: ихъ получали вслѣдствіе побѣды, по жребію.» Возьмемъ для сравненія родословную хоть яшлавскихъ беевъ; тамъ сказано: «Они, т. е. беи, произошли отъ древнѣйшихъ завоевателей Крыма и составляли въ немъ первѣйшую степень. Предокъ фамиліи Яшлавъ, Абакъ бей Кудалакъ, въ прошедшіе вѣка пришелъ съ Волги и привелъ съ собою подвластные ему народы, которыми всегда обладалъ, и которые служили подъ его знаменами. Въ Крыму онъ завоевалъ еврейскій городъ Кыркъ (нынѣ Чуфутъ-кале), неприступный по своему естественному положенію, со всѣми его землями, и поселился въ яшъ-ловѣ (молодой лѣсъ, поляна), между городомъ Кыркомъ и рѣкою Альмою, отчего и прозвался Яшлавъ. Потомки его и народъ распространились въ разныхъ мѣстахъ имъ пріобрѣтенныхъ [2])». Эта родословная основана на ярлыкѣ Батыръ-гирея, правившаго

---

[1]) Эти ярлыки, какъ говорилъ намъ ихъ владѣтель, скоро появятся въ печати.

[2]) Арх. Тавр. дворян. собран.

юртомъ съ 28 іюля 1637 г. [1]), и не подлежитъ сомнѣнію; изъ нея видно, что и крымскіе беи не получали земли ни отъ кого и были ея владѣтелями безъ всякихъ обязательныхъ отношеній къ кому бы то ни было. Впослѣдствіи, когда высшія сословія рѣшили положить конецъ смутамъ избраніемъ хана, то, съ признаніемъ надъ собою его верховной власти, и владѣнія ихъ, подобно европейскимъ алодамъ, неизбѣжно должны были принять характеръ бенефиціальный. Но высшія сословія съ своими владѣніями подчинялись чрезъ то волѣ хана. Въ этомъ отношеніи о татарскомъ феодализмѣ можно сказать то же самое, что говоритъ Бокль о французскомъ, т. е., что на права феодаловъ «наложенъ былъ характеръ давности, что увеличеніе слабости короны дало имъ возможность пользоваться въ своихъ ленахъ всѣми правами независимыхъ землевладѣльцевъ.» Царская санкція, какъ въ Европѣ, такъ и въ Крыму, была только одною формальностью, безъ фактическаго вмѣшательства въ дѣла феодала. Изъ ярлыка того же Батыръ-гирея видно, что феодалы владѣли землей *на правахъ частной собственности съ древнѣйшихъ временъ* [2]); что власть хана, какъ въ первомъ періодѣ крымскаго юрта, такъ и во второмъ, была одинаково слаба и ею, конечно, обусловливалась полноправность владѣльчества феодаловъ. Единственное уклоненіе татарской феодальной системы отъ европейской заключается въ томъ, что во Франціи напр., феодалы, отдѣляя свои интересы отъ интересовъ народа помогли централизаціи, которая при Людовикѣ XIV дошла до полнаго абсолютизма, между тѣмъ какъ татарскіе, стоявшіе постоянно за интересы народа, устраняли всякую мысль о централизаціи, и это было причиною, почему они удержали всецѣло власть и значеніе до самаго паденія крымскаго юрта. Перейдемъ къ вопросу: въ какихъ отношеніяхъ къ феодалу стояло населеніе, жившее въ предѣлахъ того или другого феода?

Въ вышеприведенной родословной васаллы, т. е. люди, живущіе въ предѣлахъ феода, названы *подвластными*. Въ ярлыкѣ Батыръ-гирея прямо говорится, что такому-то бею, такого-то округа, брать съ жителей его *какъ съ своихъ подданныхъ подати*, деньгами и вещами, со скота, овощей, съѣстныхъ припасовъ, съ винограднаго вина, съ недвижимыхъ имуществъ, съ душъ и вѣнчанныхъ (христіанскихъ) браковъ [3]). Этотъ ярлыкъ данъ даже и не одному изъ пяти знаменитыхъ родовъ, а князю

---

[1]) Дѣла посольск. прик.

[2]) Арх. Тавр. дворян. собр.

[3]) Ibid.

второй руки, и слѣдовательно можетъ указывать на права вассаловъ и феодаловъ въ Крыму вообще. Всѣ отрывочныя извѣстія, касающіяся этого предмета, свидѣтельствуютъ о подчиненности вассаловъ, какъ о фактѣ. Такъ напр. въ одномъ статейномъ спискѣ попадается такое мѣсто: «а жонка его Васька въ разспросѣ показала, что у нево мышлено давно убить Шабана изъ пистоля и въ тѣ поры были у стану приставъ Резванъ, да яшлавскіе татаровѣ: Алѣйко Юрга, да мула Шабановъ, да Темирко [1].» Выраженіе «яшлавскіе татаровѣ» очевидно доказываетъ, что эти татаровѣ были подвластные этой фамиліи.

Самостоятельность владѣльцевъ выражалась въ слѣдующемъ:

Всѣ первостепенныя фамиліи, и въ особенности пять знаменитѣйшихъ, имѣли свои точно разграниченныя владѣнія, которыя носили названіе бейликъ, т. е. княжество [2]. У каждаго бея пяти фамилій, въ центрѣ его владѣній, была своя столица. Въ 1531 г. Эски-Крымъ былъ резиденціею ширинскаго бея Бахтіара [3]. У этого бея былъ свой собственный дворъ, на подобіе ханскаго, свой диванъ, свой придворный штатъ, и, какъ полный владѣтель и верховный глава своего рода, онъ подобно хану имѣлъ своего калгу и нуреддина, избранныхъ дворянъ своей же фамиліи [4]. Право не брить бороды предоставлялось закономъ одному хану, но беи пяти фамилій присвоивали его и себѣ. Они могли также жениться на ханскихъ дочеряхъ: такъ въ 1582 г. сынъ ширинскаго бея былъ женатъ на дочери хана [5]. Какъ самостоятельные владѣтели, они имѣли и своихъ пословъ, которыхъ посылали къ иностраннымъ дворамъ за подарками. Эти подарки между прочимъ показываютъ какое значеніе въ юртѣ имѣли беи пяти родовъ. Вотъ сравненіе: кромѣ соболей, кунъ и вообще мягкой рухляди получали деньгами: царевны по 15 руб. и меньше, сынъ ханскаго калги 25 р., сынъ ширинскаго 150 р., сыновья хана 245, а ширинскій бей получалъ по 300 р. и болѣе. Даже зять его получалъ больше нежели царевны [6]. Подобно европейскимъ феодаламъ, беи взимали съ своихъ вассаловъ подати. О размѣрѣ этихъ податей мы можемъ судить только по ярлыку Менгли-гирея, хана въ 1711 г. Хотя и не существуетъ другихъ ярлыковъ, изъ которыхъ бы можно было видѣть размѣръ податей въ XVI и XVII в., но безъ сомнѣнія эти подати

---

[1] Стат. спис. 1684 г.
[2] Арх. Тавр. дворян. собр.
[3] Неизв. авт. Ист. крым. хан.
[4] Ibid. и Peyssonnel.
[5] Дѣла посольск. прик.
[6] Ibid.

и въ прошлое время были таковы же. Въ самомъ ярлыкѣ Менгли-гирея есть выраженія: на прежнемъ основаніи, на существовавшихъ до сего правилахъ; это даетъ основаніе думать, что размѣръ податей, какъ въ XVIII, такъ и въ XVII и даже XVI в., былъ одинъ и тотъ же. Ярлыкъ, который у насъ подъ рукой, данъ на имя яшлавскаго бея. По словамъ этого ярлыка, размѣръ податей и налоговъ въ пользу бея былъ слѣдующій: «за торгъ, производимый въ Чуфутъ-кале евреями и армянами, взыскивать нижеслѣдующее: если будутъ заниматься боемъ скота и продажею говядины, то съ каждой скотины взимать по шести акчы, съ каждой овцы и козы по одной акчы [1]). Если

---

[1]) Скажемъ нѣсколько словъ о денежныхъ знакахъ въ крымскомъ ханствѣ. Самая старая монета, т. е. монета перваго чекана относится къ 1284 г. и принадлежитъ Менгу-хану. (Френъ). Это конечно было въ то время, когда столица крымскаго ханства находилась въ Эски-Крымѣ, гдѣ, конечно, существовалъ и монетный дворъ. Развалины монетнаго двора въ Бахчесераѣ и по сю пору можно замѣтить на Салачикѣ (гдѣ Менгли-гирей дѣйствительно построилъ и дворецъ «Ашлама»), недалеко отъ того мѣста, гдѣ покоится прахъ миролюбиваго Хаджи-Девлетъ-гирея. Самая старая монета, чеканенная въ Бахчесераѣ, по словамъ Френа, относится къ 1652 г. Монетные знаки по цѣнности употреблялись въ торговлѣ въ слѣдующихъ видахъ:

Кисе	—	20,000 парà	—	500 грушей.
Юзлукъ	—	100 парà	—	$2^1/_2$ грушъ.
Экиликъ	—	80 парà	—	2 груша.
Ярмлыкъ	—	20 парà	—	$^1/_2$ груша.
Грушъ	—	40 парà	—	
Парà	—	2 акчы.		

Существовала еще въ оборотѣ монета извѣстная подъ именемъ аспра.

Такъ какъ акча, равняясь русской $^1/_4$ коп., составляла наименьшую монету, то она стала у татаръ въ Крыму нарицательнымъ именемъ денегъ, такъ точно, какъ русская деньга дала свое имя монетѣ вообще. По имени другой, тоже малостоющей монеты парà, татары называли монету также парà. Христіане же въ Крыму деньги вообще называли именемъ аспра. Такъ они зовутъ деньги и теперь, живя на берегу Азовскаго моря.

Кромѣ татарскихъ денегъ, въ Крыму обращались деньги и другихъ государствъ, какъ напр. Турціи, Голландіи и т. д. Турецкія акчы отличались вѣроятно отъ татарскихъ. На такое предположеніе наводитъ фирманъ Мустафы, турецкаго султана (1720), который, жалуя одному мусульманину 50 акчы пенсіи, 35 далъ турецкихъ, а остальныя додалъ татарскими. Мы не опредѣлили цѣнности монеты аспра. Въ одной описи поземельнымъ налогамъ находимъ мѣсто, гдѣ говорится, что 5 экиликовъ = 509 аспръ.

Изъ описи одному имѣнію, составленной въ 1755 г., послѣ смерти какого-то Шахъ-Тимура, можно показать отношеніе цѣнности монеты къ цѣнности вещей. Изъ этой описи видно, что: одна пилà стоитъ 1 грушъ, два бурава 2 груша, кафтанъ изъ шелковой матеріи, извѣстный у татаръ подъ именемъ хутна, стоитъ 20 грушъ, лошадь 60 грушъ, желѣзный заступъ 2 груша. Просо за $5^1/_2$ бешеръ (бешеръ = 10 пуд.) стоитъ 35 грушъ, пшеница въ зернѣ за одинъ бешеръ 5 грушъ и т. д. Изъ этой описи мы выбрали вещи, цѣнность которыхъ приблизительно опредѣлить можно и теперь. Если, такимъ образомъ, татаринъ платилъ феодалу за поле, которое можно обрабо-

въ Чуфутъ-кале будутъ доставляться съ посторонняго мѣста навьюченными лошадьми плоды и ленъ — съ христіанъ съ каждой лошади взыскивать по одной акчы, а если будутъ доставлять фрукты на двуколесныхъ подводахъ и разныя произведенія для продажи, то съ таковыхъ взыскивать по четыре акчы; а если кто изъ царскихъ подданныхъ будетъ возить съ Бельбека бочками вино, то съ каждой бочки взыскивать по пятнадцати акчы. Если кто изъ татскихъ жителей (т. е. армянъ, грековъ, грузинъ и вообще христіанъ) будетъ возить съ судовъ лѣсъ и купеческіе товары въ Өеодосію на наемныхъ фурахъ, то съ каждой подводы взыскивать по двѣ акчы. А если армяне и евреи и прочіе подданные будутъ возить вино изъ своихъ садовъ и виноградниковъ, то съ таковыхъ взыскивать по пятнадцати акчы (съ бочки). Кромѣ того, кто бы то ни былъ, если онъ купитъ вино на Альмѣ или Бельбекѣ и повезетъ въ подвѣдомственные намъ города и мѣстечки, то взыскивать съ бочки по сту акчы (вѣроятно уже въ пользу хана). Если евреи или армяне возьмутъ изъ своей среды дѣвицу, съ таковыхъ при каждой свадьбѣ взыскивать по одному батману меду (батманъ = 10 пуд.). За выдавленное на Альмѣ и Качѣ вино взыскивать по пятнадцати акчы (съ бочки). Если будутъ продаваться арбы (возы) для возки винограда, то съ каждой взыскивать по семи акчы [1].» Само собою разумѣется, что бей, привыкшій къ праздности и нѣгѣ и считавшій всякое занятіе за порокъ, не занимался самъ сборомъ этихъ податей, а имѣлъ для этого своихъ баскаковъ.

Подобно европейскимъ феодаламъ, беи первокласныхъ фамилій пользовались, хоть и не de jure, а de facto, правомъ личной войны, которая на практикѣ выражалась двоякимъ образомъ: во первыхъ, преслѣдуя личныя распри, они вели междоусобныя войны; во вторыхъ, изъ корыстныхъ видовъ дѣлали самовольные набѣги на сосѣдей. Одному изъ такихъ набѣговъ Тула обязана сожженіемъ [2]). Наконецъ, въ довершеніе сходства съ европейскими феодалами, татарскіе беи первостепенныхъ фамилій имѣли свои гербы, печати и другіе геральдическіе знаки; они ими тщеславились, какъ явными признаками древняго происхожденія. Беи имѣли также девизы, какъ напр.: «саатъ-якшы» т. е. въ добрый часъ, и т. п.

тать въ одинъ день, 840 акчы, изъ которыхъ каждые 80 составляютъ грушъ, то онъ платилъ подать довольно значительную.

[1]) Арх. Тавр. дворян. собр.

[2]) Дѣла посольск. приказ.

Нельзя обойти молчаніемъ еще одинъ фактъ, характеризующій татарскихъ феодаловъ. Когда Крымъ присоединенъ былъ къ Россіи, то тамъ найдено было много мелкихъ землевладѣльцевъ, участки которыхъ иногда не составляли даже и 3 десятинъ. Эти участки находились въ бейлыкахъ извѣстныхъ намъ знатныхъ родовъ и въ особенности въ феодахъ хана и султана, въ южномъ Крыму. Когда русское правительство, хотѣло даровать сословіямъ и владѣльцамъ то, чѣмъ они пользовались при независимомъ существованіи юрта, то дѣло дошло и до мелкихъ землевладѣльцевъ. Изслѣдованія коммиссіи, назначенной по этому поводу, пришли къ такому заключенію. Съ самыхъ отдаленныхъ временъ, татарскіе поселяне, васаллы крупныхъ землевладѣльцевъ, съ разрѣшенія своихъ сузереновъ, на извѣстныхъ условіяхъ занимали въ бейлыкахъ небольшое пространство земли для постояннаго пользованія. Дѣлалось это обыкновенно такимъ образомъ, что будущій мелкій собственникъ очищалъ въ лѣсу небольшой клочокъ земли и огораживалъ его плетнемъ или каменною стѣною. Занимались также мѣста между горъ и утесовъ — мѣста негодныя ни для пастбища, ни для распашки. Въ этихъ участкахъ мелкіе собственники разводили сады и виноградники и вообще занимались домоводствомъ, какъ настоящіе собственники. Участки эти назывались «чаыръ» и «кхурулу». Заключеніе коммиссіи правительство признало вѣрнымъ, а потому и даровало владѣтелямъ сихъ участковъ право быть собственниками. Эти участки существуютъ до сихъ поръ и переходятъ къ старшему въ родѣ. Нѣтъ надобности доказывать, что эти участки представляютъ собою оригинальную бенефиціальную систему татаръ, или лучше сказать, отростки феодальной системы; скажемъ только, что мелкіе владѣльцы получали на право владѣнія этими участками ярлыки отъ крупныхъ землевладѣльцевъ, подобно тому, какъ это дѣлалъ съ своими вселенниками Ахметъ-паша при Девлетъ-гиреѣ [1]).

Перейдемъ къ отношеніямъ высшаго сословія къ хану. Представителями высшаго сословія служили пять знаменитыхъ родовъ. Каждый глава пяти родовъ въ своемъ феодѣ или бейлыкѣ былъ неограниченнымъ деспотомъ, въ рукахъ котораго находились администрація и судъ. Для послѣдняго онъ получалъ отъ кади-аскера, т. е. государственнаго судьи, грамату [2]). Зависимость хану, какъ верховному повелителю, выражалась только въ томъ, что каждый феодалъ обязанъ итти съ нимъ на войну, да еще при этомъ весь его бейлыкъ долженъ

---

1) Дѣла посольск. прик.

2) Peyssonnel.

былъ заплатить на военныя издержки 1,000 піастровъ и двѣ телѣги сухарей. Война никогда не могла начинаться по волѣ одного хана, а для этого созывался совѣтъ изъ пяти беевъ, которые или сами являлись туда или же посылали своихъ пословъ. Разумѣется, на совѣтѣ перевѣсъ былъ всегда на сторонѣ пяти родовъ. Когда вопросъ рѣшался въ пользу войны, то каждый бей составлялъ изъ своихъ васалловъ отрядъ, предводителемъ котораго былъ самъ или его довѣренный. Остающіеся дома должны были снабдить оружіемъ и одеждою идущихъ на войну. Каждый отрядъ имѣлъ свой бунчукъ и байракъ (знамя). Первое мѣсто по военному рангу принадлежало шырынскому бею. Сводное войско татарскаго юрта могло доходить до 150 и 200 тысячъ. Если война начиналась по желанію хана, за его личный интересъ, то онъ обязанъ былъ продовольствовать на свой счетъ войска феодаловъ, изъявившихъ желаніе итти съ нимъ на войну [1]). Ясно, что война, начатая съ общею цѣлью, не могла быть дѣломъ хана. Выраженія: «такой-то царь или такой-то гетманъ попросилъ у хана войска,» не имѣютъ никакого смысла, коль скоро участіе татаръ въ той или другой войнѣ не представляетъ для феодаловъ никакихъ интересовъ. Пейсонель, писатель XVIII в. и очевидецъ всего происходившаго въ Крыму, говоритъ о феодалахъ какъ о блюстителяхъ народа и его интересовъ [2]). По его словамъ, всякая мѣра, которую ханъ позволялъ себѣ въ ущербъ народнымъ интересамъ, вызывала противъ него со стороны феодаловъ возмущенія, оканчивавшіяся низложеніемъ съ престола. Пейсонель не приводитъ въ доказательство достаточныхъ фактовъ. Но у насъ найдется ихъ довольно. Безъ сомнѣнія, частыя столкновенія феодаловъ съ ханами были по поводу войнъ и заключенія мира, а въ этомъ отношеніи дѣла посольскаго приказа даютъ достаточно свѣдѣній.

Каждый изъ беевъ пяти родовъ въ своемъ бейлыкѣ представлялъ собою хана, со всѣми аттрибутами царской власти, съ тою лишь разницею, что власть и престолъ хана были шатки, а бей не ожидалъ для себя опасности ни съ какой стороны. Всякое покушеніе со стороны хана обуздать феодала возстановляло противъ него всѣхъ беевъ крупныхъ землевладѣльцевъ и ихъ васалловъ. Это испыталъ Саадетъ-гирей, когда вздумалъ было обуздать шырынскаго бея: надменный бей, собравъ 20 тыс. васалловъ осадилъ дерзкаго хана и заставилъ его сойти съ престола и удалиться въ Турцію. Тоже самое испыталъ и преемникъ его

---

1) Родосл. Яшл. беевъ.

2) Traité sur le com. de la mere Noire.

Махметъ-гирей, и послѣдующіе за нимъ ханы не рѣшались останавливать беевъ, не смотря на настоянія Порты наказать мятежныхъ феодаловъ. Это могущество пяти родовъ хорошо было извѣстно русскимъ царямъ, а потому, въ сношеніяхъ съ юртомъ, они никогда не обходили ихъ. Въ одномъ статейномъ спискѣ находимъ такое мѣсто: «а по смерти ханова величества, или по перемѣнѣ ихъ черезъ тѣхъ пять родовъ непостоянство, мирные договоры всегда разрушаются, какъ то недавно и стало въ прошлыхъ годахъ: послѣ замиренія съ отцомъ его ханова величества, Адель-гирея, война всчалась великая отъ тѣхъ пяти родовъ при Селимъ-гиреѣ [1].» Если вспомнимъ, что Селимъ-гирей, котораго турецкій султанъ называлъ роднымъ отцомъ, четыре раза низвергаемъ былъ со престола, то согласимся, что пять родовъ распоряжались низведеніемъ хановъ съ полнымъ произволомъ и успѣхомъ. Сила всякого государственнаго договора исключительно зависѣла отъ нихъ. Такъ, въ 1681 году, русское посольство пріѣхало въ Крымъ заключить съ Мурадъ-гиреемъ мирный договоръ на 20 лѣтъ и между прочимъ опредѣлить границы юрта и Россіи. Ни со стороны хана, ни со стороны султана препятствій къ договору не было, и онъ былъ совершенъ. Но чтобы дать ему силу государственнаго акта, ханъ долженъ былъ созвать совѣтъ изъ пяти родовъ. И русскій дворъ, зная, что прочность договора зависитъ преимущественно отъ этихъ пяти родовъ, наказалъ посольству, чтобы на договорѣ непремѣнно шертовали и они. Съѣздъ состоялся въ лѣтнемъ мѣстопребываніи хана на р. Качѣ, но беи пяти родовъ, не будучи согласны съ смысломъ договора, отъ шерти отказались. Никакія убѣжденія русскихъ пословъ не помогли, и беи оставили за собой право дѣлать набѣги на русскіе предѣлы [2]. Они сами сносились съ русскими царями, слали къ нимъ своихъ пословъ съ граматами, на которыя, впрочемъ, не всегда получали отвѣты [3].

Такимъ образомъ, власть хана была ограничена до послѣдней степени; она находилась въ рукахъ олигархіи, нерѣдко переходившей и въ охлократію. Ханъ не имѣлъ права брать податей ни съ имѣній феодаловъ, ни съ имѣній ихъ васалловъ. Даже евреи, которые жили на земляхъ феодаловъ, не платили ему подушной подати. Ханъ въ крымскомъ юртѣ былъ тѣмъ же самымъ феодаломъ, какъ и беи пяти родовъ, съ тою только разницею, что ему по принципу принадлежала очень шат-

---

[1]) Ст. спис. за 1681 годъ.

[2]) Ibid.

[3]) Дѣла посольск. прик.

кая верховная власть. Какъ верховный глава юрта, ханъ получалъ только слѣдующіе доходы: пенсію отъ Турціи, таможенный сборъ, соляной сборъ, отъ гатмана[1]) Дубосаръ, отъ правителей Буджака и Каушанъ, отъ ногайскихъ сераскировъ и такъ называемыхъ медовыхъ денегъ—всего на сумму 120 т. піастровъ. Ханъ получалъ еще доходы какъ феодалъ юрта, но объ этомъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ. Такое неважное значеніе верховной власти хана было во все время династіи гиреидовъ. Только личныя достоинства того или другого хана и его хорошія отношенія къ султану снискивали ему нѣкоторое уваженіе высшаго сословія, но такіе случаи были рѣдки. Первостепенные беи, какъ напр., шырынскій, который и самъ претендовалъ на ханскій престолъ, всегда смотрѣли на хана враждебно, и, какъ блюстители законовъ государства и охранители народной воли, давали ему право только равнаго съ собою голоса. Ханы желали быть деспотами и наводить ужасъ, но имъ это не удавалось: «алмазы нитки рода Чынгызъ-хана» — такъ льстивый языкъ татаръ величаетъ династію гиреидовъ — «не цѣнились дорого и при первомъ случаѣ метались подъ ноги.»

Послѣ смерти бея одного изъ пяти родовъ, владѣтелемъ бейлыка дѣлался калга, непремѣнно старшій сынъ бея; послѣ смерти старшаго сына бея, владѣтелемъ бейлыка дѣлался нуреддинъ, или второй сынъ бея. Это продолжалось до послѣдняго сына бея, послѣ котораго бейлыкъ переходилъ къ старшему сыну старшаго сына бея и т. д. Все остальное поколѣніе бея, по прямой и боковой линіи, подъ общимъ именемъ «эмиръ-заде», т. е. дѣтей эмира-бея составляло дворянство въ общепринятомъ смыслѣ. Слово эмиръ-заде впослѣдствіи исказилось въ мирза, мурза, и подъ этимъ послѣднимъ именемъ поколѣніе родового дворянства извѣстно до настоящаго времени. Этихъ мурзъ нужно раздѣлить на два разряда: къ первому принадлежатъ прямые потомки владѣтельныхъ беевъ—именно дѣти, внуки, правнуки и т. д., жившіе въ предѣлахъ извѣстнаго бейлыка. Ко второму разряду принадлежали мурзы, уже выжившіе изъ родственныхъ связей съ родоначальникомъ бейлыка и составлявшіе татарскую шляхту. Къ этому же разряду можно причислить и тѣхъ мурзъ, которые ведутъ свое происхожденіе отъ ханскаго престола по пожалованію. Мурзъ пожалованныхъ было очень много. Искони былъ обычай освобождать отъ податей и налоговъ и дарить землю въ крѣпостное пользованіе. Онъ получилъ начало въ то еще время, когда земля не имѣла особенной цѣнности, и усвоенъ ханами какъ ихъ право

---

[1]) Гатманъ = правитель, комендантъ.

награждать услуги и заслуги. Пожалованные мурзы—это тѣ же золотоордынскіе тарханы: они даже въ XVI стол. носили имя тархановъ [1]). Такъ какъ весь Крымъ раздѣленъ былъ между высшимъ сословіемъ, то и не считалось предосудительнымъ, если ханъ свободныя коронныя земли и даже деревни отдавалъ въ крѣпостное пользованіе какому-нибудь безземельному мурзѣ. Этимъ объясняется то громадное количество крѣпостныхъ ярлыковъ, которые сохранились до нашего времени. Для того, чтобы безземельному мурзѣ получить удѣлъ, стоило только удостоиться чести подвести хану коня во время его параднаго выѣзда, и такой счастливецъ дѣлался землевладѣльцемъ. Надо полагать, что къ концу политическаго существованія юрта въ Крыму свободныхъ земель и деревень было очень мало. Изъ ярлыковъ, дошедшихъ до насъ видно, что они давались на *продолженіе владѣнія*. Это обыкновенно дѣлалось такимъ образомъ, что какъ скоро какой ханъ вступалъ на престолъ, то всѣ владѣльцы толпились у его порога и просили о перемѣнѣ ярлыковъ на владѣніе, и такъ какъ восшествія были очень часты, почти каждый годъ, то все бремя управленія юртомъ состояло иногда исключительно въ подписаніи новыхъ ярлыковъ. Случалось, что раболѣпный мурза, день тому назадъ пресмыкавшійся у ханскаго порога для полученія ярлыка, на другой день участвовалъ въ партіи, которая хотѣла низвести хана съ престола. Когда же хана низвергали, то новому хану предстояло тоже тяжелое бремя перемѣны ярлыковъ, какъ и его предшественнику [2]). Такимъ образомъ, ханы могли дарить: земли для кочевокъ [3]), колодцы [4]) и аулы [5]).

За тѣмъ былъ еще одинъ родъ дворянства, начало котораго совпадаетъ съ началомъ турецкаго вліянія. Крымскіе ханы, подражая турецкимъ султанамъ, завели у себя нѣчто въ родѣ турецкихъ янычаръ, составлявшихъ гвардію хана и охранявшихъ его особу во дворцѣ и при выѣздахъ. Это дворянство у татаръ извѣстно подъ именемъ капы-кулы, т. е. рабы у дверей. Капы-

---

[1]) Ярл. Саадетъ-гирея.

[2]) Тѣмъ не менѣе, ярлыки всецѣло сохраняли характеръ величія и мнимаго могущества хана. Обыкновенная ихъ форма такая: «Симъ священнымъ высочайшимъ султанскимъ указомъ и вензелевымъ ханскимъ именемъ, сіяющимъ славою монарха, повелѣваемъ и пр.», и за тѣмъ они оканчиваются такъ: «въ удостовѣреніе чего пожаловали сію счастливую и въ восторгъ приводящую грамоту, чтобы денно и нощно, утромъ и вечеромъ, съ дѣятельнымъ усердіемъ и рвеніемъ молился о долголѣтіи царствованія моего, и объ усугубленіи величія моего.» (Ярл. Девлетъ-гирея 1578 г.)

[3]) Ярл. Мухаметъ-гирея.

[4]) Ярл. Девлетъ-гирея.

[5]) Ярл. Селимъ-гирея и Менгли-гирея.

кулы составляли низшее дворянство и пользовались гораздо меньшимъ уваженіемъ нежели мурзы. Они не только не имѣли права добиваться женитьбы на ханскихъ дочеряхъ, но даже и мурзы считали для себя униженіемъ входить съ ними въ родственныя отношенія [1]). Исключеніе составляли только тѣ, которые пользовались особенною милостью хана и имѣли поэтому значеніе при дворѣ. Впослѣдствіи, потомство капы-кулы умножилось и составило цѣлую трибу. При дворѣ состояло ихъ столько, сколько это необходимо было для охраненія особы хана—остальные же надѣлены были поземельною собственностью, утверждавшуюся за тѣмъ или другимъ семействомъ на имя старшаго въ родѣ каждымъ ханомъ [2]).

Всѣ описанныя здѣсь сословія были военныя, потому что и весь народъ татарскій былъ постоянно вооруженнымъ войскомъ, готовымъ для войны и набѣговъ. Исключеніе составляло сословіе ученое или духовное (улемы). Оно никогда не ходило на войну и постоянно занималось дѣлами религіи и образованія народа. Въ качествѣ юристовъ, оно проектировало и редактировало различныя государственныя законоположенія. Во главѣ этого сословія стоялъ муфти, который по государственному рангу занималъ первое мѣсто послѣ царственныхъ особъ, а потому пользовался величайшимъ уваженіемъ всѣхъ сословій. Духовное сословіе состояло изъ четырехъ фамилій, владѣвшихъ поземельною собственностью, на которой находились мусульманскіе монастыри и гробницы святыхъ, служившихъ для народа предметомъ поклоненія. Главный монастырь былъ на р. Качѣ въ 15 верстахъ отъ Бахчесерая, гдѣ и по настоящее время хранится волосъ изъ бороды пророка. Каждая изъ этихъ фамилій имѣла свой монастырь, настоятелемъ которой (шеихомъ) былъ старшій въ родѣ [3]). Къ сословію улемовъ принадлежали: имамы, муллы, муэзины и вообще всѣ люди духовнаго чина.

Наконецъ, послѣднее и самое обширное сословіе въ крымскомъ юртѣ составляла громада народа. Не пользуясь никакимъ особеннымъ уваженіемъ, не будучи и унижено, сословіе это обязано было трудиться и для себя, и для дворянства, и для хана, и наконецъ для всего государства. Высшія сословія считали для себя униженіемъ заниматься чѣмъ бы то ни было, а потому обработку своихъ полей производили черезъ своихъ рабовъ или поручали своимъ васалламъ. Хорошій урожай, удачное теченіе дѣлъ

---

1) Peyssonnel.
2) Ibid.
3) Ibid.

васалла одинаково радовало и сузерена, потому что сей послѣдній во всемъ этомъ видѣлъ и собственное благополучіе. Низшее сословіе въ крымскомъ юртѣ представляется намъ народомъ, отданнымъ на волю и разграбленіе сословіямъ высшимъ. Едва успѣетъ какая-нибудь группа кочевыхъ людей образовать изъ себя аулъ для постояннаго жительства и домоводства, какъ незамѣтнымъ образомъ этотъ аулъ подпадаетъ подъ гнетъ какого-нибудь безземельнаго счастливца, подведшаго хану коня. Одинъ изъ такихъ получаетъ право на 11 рабочихъ дней[1]), другой право на извѣстную часть доходовъ[2]), а третій получаетъ въ безводномъ пространствѣ колодецъ, и, сидя надъ его отверстіемъ, взимаетъ пошлину за право водопоя[3]). Что же касается феодаловъ и въ особенности пяти родовъ, то, будучи верховными владѣтелями своего бейлыка, они добывали доходы съ своихъ подданныхъ по обычаю, ими же установленному, безъ всякого вмѣшательства со стороны хана. Они обработывали свою землю двояко: чрезъ рабовъ и васальнымъ порядкомъ, по которому установленъ былъ опредѣленный поборъ. Этотъ поборъ заключался въ слѣдующемъ: десятина съ зерна, съ сѣна, меду и т. д., т. е. десятая часть всевозможныхъ продуктовъ. Эта десятина и нынѣ у татаръ извѣстна и употребительна подъ именемъ «ушуръ.» Другого рода поборъ назывался и теперь называется «зекатъ» (милостыня), и состоялъ въ томъ, что васаллъ долженъ былъ давать сузерену 5% съ мелкаго скота, птицы и т. д. Существовала еще подать подъ именемъ «питиръ,» т. е. за упокой, но въ чемъ она заключалась — неизвѣстно. Кромѣ всего этого у татаръ существовалъ особенный способъ эксплоатаціи, извѣстный подъ именемъ «талака.» Онъ состоялъ въ томъ, что владѣлецъ, созвавъ своихъ васалловъ, дѣлалъ имъ извѣстное угощеніе и тѣмъ обязывалъ ихъ работать себѣ опредѣленное время сверхъ положеннаго обычаемъ, получившимъ какъ бы силу закона[4]). Талака особенно въ большомъ употребленіи была у духовенства. Татарское духовенство жило на счетъ подаяній народа, и, исполняя различныя требы, вымогало эти подаянія съ назойливостью.

Ханъ, какъ феодалъ, бралъ поборы съ своихъ подданныхъ, также какъ прочіе феодалы, но какъ повелитель страны, насылающій кары, или расточающій милости, считалъ для себя уни-

---

[1]) Ярл. Селимъ-гирея.

[2]) Ярл. Саадетъ-гирея.

[3]) Ярл. Девлетъ-гирея.

[4]) Талака и теперь существуетъ въ восточныхъ губерніяхъ Россіи и въ Малороссіи. (См. Гакстгаузена, Путешествіе по Россіи въ 1848 г.)

женіемъ завѣдывать собственной экономіей самому, а потому отдавалъ ее на откупъ. Откупщикъ давалъ столько, сколько слѣдовало ему по установленному обычаю, какъ леннику, но за то самъ выжималъ изъ народа все, что могъ. Откупная система, общая для Турціи и Крыма, была для народа тяжкимъ гнетомъ, и отъ того сердце народа никогда не лежало къ хану и оставалось холодно, когда онъ, покинувъ престолъ, долженъ былъ скитаться въ дебряхъ и трущобахъ. Въ числѣ этихъ ненавистныхъ народу откупщиковъ, при Шаганъ-гиреѣ, находимъ и русскаго купца изъ Калуги Хохлова [1]). Поборы, взимаемые для хана, какъ феодала, назывались ушуръ; вмѣсто 10-й части, какъ это брали обыкновенно феодалы, ханъ бралъ 8-ю долю со всѣхъ продуктовъ [2]). Сверхъ того взималась денежная плата: по два парà за каждую овцу, и по шести за каждую рогатую скотину, принадлежавшую иновѣрцамъ [3]). Кромѣ того за каждое поле, которое можно было обработать въ одинъ день [4])—по 340 акчы [5]). Кто владѣлъ садомъ или виноградникомъ, тотъ платилъ съ каждыхъ 200 шаговъ въ ширину и длину — по 500 аспръ [6]).

Такова была система татарскихъ податей въ Крыму. Феодалы, считая себя происшедшими отъ бѣлой кости, только одну войну признавали совмѣстною съ ихъ высокимъ достоинствомъ, а въ мирное время жили на счетъ своихъ васалловъ, въ противоположность съ ними происшедшихъ отъ черной кости. Владѣя громаднымъ пространствомъ земли, населенной трудолюбивымъ и покорнымъ народомъ, получая съ него подати и пр., татарскіе феодалы въ мирное время жили въ своихъ помѣстьяхъ и роскошныхъ дворцахъ (серай), убивая время въ забавахъ и взаимныхъ посѣщеніяхъ. Каждый феодалъ, по установившемуся обычаю, непремѣнно долженъ былъ имѣть: хорошаго борца, остроумнаго шута, какъ серна, уносчиваго коня и хорошую борзую собаку. Этотъ штатъ сопровождалъ празднаго феодала всюду, куда бы онъ ни поѣхалъ: на свадьбу ли, на народный ли праздникъ и т. д. Съѣхавшись въ одномъ мѣстѣ, счастливцы застав-

---

1) Арх. генер. шт. въ Петерб.

2) Ярл. Шаганъ-гирея, сохранен. Палласомъ въ его Bemerk. и пр.

3) Ibid.

4) У татаръ существовала слѣдующая мѣра земли:
Занъ = 3 русск. десят.
Белюкъ = $1/4$ зана.
Тахта = $1/8$ зана; и наконецъ самая меньшая мѣра, которую опредѣлить трудно, была: пай. (Тавр. арх. дв. соб.).

5) Ярл. Шаганъ-гирея.

6) Арх. Тавр. дв. собр.

ляли своихъ спутниковъ вступать въ состязаніе, и тотъ былъ въ восхищеніи, чей конь, собака или шутъ одерживали побѣду. «Блаженства этого ничтожнаго міра суть ни что иное, какъ запахъ розы»—говорили феодалы, а потому старались постоянно держать эту розу подъ носомъ, чтобы упиваться ея нѣжнымъ запахомъ. Что же касается до поколѣнія черной кости, то для него недоступны были такого рода земныя наслажденія, и оно, покорствуя предписаніямъ свыше, терпѣливо переносило свои лишенія, заботилось болѣе о блаженствахъ загробной жизни, обѣщанныхъ милостью и щедротами пророка, и составило себѣ иного рода философскую поговорку: «въ этомъ ничтожномъ мірѣ нѣтъ прочныхъ наслажденій.»

Сословіе рабовъ въ Крыму было довольно многочисленное и состояло исключительно изъ военноплѣнныхъ. Положеніе его, какъ мы въ своемъ мѣстѣ увидимъ, было безотрадное.

Международныя отношенія татаръ съ русскими главнѣйшимъ образомъ выражаются въ подаркахъ и грабежахъ. Татары подъ мирными отношеніями всегда понимали подарки и дань, а потому русское государство, чтобы избавить свои южные предѣлы отъ ихъ частыхъ нападеній, давало имъ подачки. Всѣ члены государственной организаціи, всѣ первостепенные беи, всѣ мурзы и мало-мальски замѣтные люди крымскаго юрта, за великое одолженіе сидѣть на мѣстѣ и не тревожить предѣловъ Россіи, получали отъ ея правительства опредѣленные подарки, состоявшіе въ деньгахъ и мягкой рухляди. Ежегодно, въ опредѣленное время, крымскій юртъ отряжалъ къ русскому двору посольство для взысканія дани. Ханъ, какъ глава юрта, посылалъ пять пословъ и безчисленное множество гонцовъ; калга и нуреддинъ по три посла. За тѣмъ матери хана и прочія жены его отца, жены хана, жены каждаго царевича, жены калги и нуреддина, ихъ дѣти и жены ихъ дѣтей, царскія дочери и вдовы царевичей — всѣ порознь имѣли своихъ пословъ и гонцовъ. За царственными особами слѣдуютъ беи пяти родовъ, беи второстепенныхъ родовъ и мурзы, которые также порознь посылали своихъ пословъ. Всѣ государственные чины, начиная отъ ханъ-агасы, царскаго садовника и до начальника придворныхъ музыкантовъ, также имѣли своихъ пословъ и гонцовъ. Всѣ эти послы и гонцы, соединясь вмѣстѣ, составляли татарское посольство и снабжались граматами. Первая была ханская, и въ ней расточались увѣренія въ томъ, что ханъ будетъ пріятелемъ пріятелей русскаго царя и непріятелемъ его непріятелей, и что онъ будетъ жить въ мирѣ и согласіи и не коснется русскихъ предѣловъ. Грамата оканчивается требованіемъ условленной дани,

За ханомъ пишетъ калга, за калгою нуреддинъ, и оба повторяютъ тоже самое, что содержится въ граматѣ хана, наконецъ требуютъ дани. За тѣмъ идутъ граматы царевичей, пяти родовъ, беевъ второстепенныхъ, мурзъ, государственныхъ сановниковъ и пр. и пр., въ которыхъ повторяются увѣренія въ любви и дружбѣ и требованія подарковъ. Всѣ послы, получивши граматы и выстроившись на Моравскомъ трактѣ [1]) въ длинную вереницу, держали путь въ Москву; тамъ они представлялись царю и правили каждый свое. Всѣхъ пословъ нужно кормить и обдарить. По установившемуся обычаю, русскіе цари принимали крымское посольство торжественно и отвѣчали хану тѣмъ же посольствомъ, которое везло съ собою условленные подарки и подробную имъ роспись. Русское посольство представлялось хану также торжественно. Посольства были большія, т. е. въ полномъ составѣ, и малыя [2]). Но для русскихъ царей и тѣ и другія были не выносимы, потому что повторялись ежегодно, а иногда и ежемѣсячно, Какъ скоро новый ханъ вступалъ на престолъ (а это случалось часто), то сейчасъ же отряжалось посольство къ царю съ извѣщеніемъ о важномъ событіи. Не полно написанный титулъ хана давалъ достаточный поводъ къ посольству. Если приближалось время большого посольства съ требованіемъ дани, то русскихъ царей извѣщали объ этомъ особымъ посольствомъ; если же почему нибудь подарки присланы не сполна, то для истребованія недостающихъ подарковъ отправлялось вновь посольство. Казачество постоянно тревожило татарскіе улусы, и жалобы на это русскимъ царямъ были предметомъ нескончаемыхъ сношеній.

Въ тоже время и татары нападали отдѣльными шайками и устраняли всякую возможность правильнаго преслѣдованія; изъ пяти вышедшихъ на поискъ татарскихъ шаекъ попадала иногда въ западню одна или двѣ, за то остальныя безнаказанно пригоняли въ Крымъ толпу плѣнныхъ и уносили съ собой добычу. Грабежъ, пожары и всякія опустошенія оканчивались тѣмъ, что ханъ снаряжалъ къ царю посольство съ грамотою, гдѣ увѣрялъ въ дружбѣ, мирѣ и согласіи, просилъ *о преданіи ссоръ забвенію* и напоминалъ своему даннику о подаркахъ. Татарскіе набѣги наводили ужасъ на сосѣдей. Но татары прибѣгали къ огню и крови только въ тѣхъ случаяхъ, когда этого требовала ихъ военная тактика и успѣхъ набѣга. Тамъ, гдѣ можно было обходиться безъ всякихъ ужасовъ, они ограничивались только захватомъ въ

---

[1]) Дѣл. Посольск. Прик.

[2]) Ст. спис. 1681 г.

плѣнъ жителей. Смотря на плѣнныхъ какъ на предметъ торговли, татары безъ надобности никогда не убивали ихъ, тщательнымъ образомъ пригоняли въ Крымъ и разсылали на рынки, если желающихъ выкупить по сходной цѣнѣ не оказывалось [1]).

---

[1]) Вотъ, какъ описываетъ Михалонъ Литванъ положеніе полоненныхъ его соотечественниковъ въ Крыму, и нѣтъ сомнѣнія, что и участь русскихъ военноплѣнныхъ была такая же:

«Хотя перекопцы — такъ Михалонъ называетъ крымскихъ татаръ — имѣютъ стада обильно плодящіяся, однако плѣнными рабами они богаче и потому снабжаютъ ими и другія земли. Корабли, приходящіе къ нимъ часто изъ-за моря, изъ Азіи, привозятъ имъ оружіе, одежды, лошадей, а отходятъ отъ нихъ нагруженные рабами. И всѣ ихъ рынки знамениты только этимъ товаромъ, который у нихъ всегда подъ руками, и для продажи, и для залога, и для подарковъ; и всякій изъ нихъ, имѣющій, по крайней мѣрѣ, коня, даже если въ самомъ дѣлѣ нѣтъ у него раба, но, предполагая, что можетъ достать ихъ извѣстное количество, обѣщаетъ по контракту кредиторамъ своимъ въ положенный срокъ заплатить за одежду, оружіе и живыхъ коней живыми же, но не конями, а людьми и при томъ нашей крови. И эти обѣщанія исполняются въ точности, какъ будто наши люди были у нихъ всегда на задворьяхъ. Поэтому одинъ еврей, мѣняло, сидя у единственныхъ упомянутыхъ воротъ Тавриды и видя безпрестанно безчисленное множество провозимыхъ туда плѣнниковъ нашихъ, спрашивалъ у насъ, остаются ли еще люди въ нашихъ странахъ или нѣтъ, и откуда такое ихъ множество. Такъ, всегда имѣютъ они въ запасѣ рабовъ не только для торговли съ другими народами, но и для потѣхи своей дома и для удовлетворенія своимъ наклонностямъ къ жестокости.

«Тѣ изъ этихъ несчастныхъ, которые посильнѣе, часто, если не дѣлаются кастратами, то клеймятся на лбу и щекахъ и, связанные или скованные, мучатся днемъ на работѣ, ночью въ темницахъ, и жизнь ихъ поддерживается небольшимъ количествомъ пищи, состоящей въ мясѣ дохлыхъ животныхъ, гнилымъ, покрытомъ червями, отвратительномъ даже для собакъ.

«Женщины, которыя понѣжнѣе, держатся иначе; нѣкоторыя должны увеселять на пирахъ, если умѣютъ пѣть или играть. Красивыя женщины, принадлежащія къ болѣе благородной крови нашего племени, отводятся къ Таласію, живущему въ раю.

«Также и другія продѣлки бываютъ съ этимъ родомъ людей. Именно, когда рабовъ выводятъ на продажу, то ведутъ ихъ на площадь гуськомъ, какъ будто журавлей въ полетѣ, цѣлыми десятками, прикованныхъ другъ къ другу около шеи, и продаютъ такими десятками съ аукціона, причемъ аукціонеръ кричитъ громко, что это рабы самые новые, простые, нехитрые, только что приведенные изъ народа королевскаго, а не московскаго. Московское же племя считалось у нихъ дешевымъ, какъ коварное и обманчивое.

«Этотъ товаръ цѣнится въ Тавридѣ съ большимъ знаніемъ и покупается дорого иностранными купцами для продажи по цѣнѣ еще большей отдаленнымъ народамъ чернаго племени, сарацинамъ, персіанамъ, индѣйцамъ, арабамъ, сирійцамъ и ассиріянамъ.

«Когда покупаются рабы, то осматриваются не только ихъ видимые члены и зубы, которые не должны быть рѣдки и черны, но и сокровенныя части тѣла, и если окажется какая нибудь бородавка, шишка, рубецъ, или другой скрытый порокъ или недостатокъ, слѣдуетъ тяжба. Но и при такой осмотрительности покупщиковъ, ловкіе торговцы и сводчики тѣмъ не менѣе ихъ иногда обманываютъ. Они не выводятъ просто мальчиковъ и дѣвочекъ, которыхъ считаютъ лучшими въ толпѣ плѣнниковъ, но

Всѣ чины государственной организаціи юрта и все высшее сословіе одѣвались на счетъ русскаго двора. Число соболей и кунъ, равно какъ и число рублей для каждаго чина или мурзы, было опредѣлено и требовалось съ такимъ нахальствомъ, что нерѣдко мурзы угрожали царямъ содрать съ его пословъ, если чего не достанетъ по уговору [1]). Въ 1648 году, царь предлагалъ хану запретить мурзамъ обращаться къ нему съ граматами и непосредственными просьбами о жалованьѣ, но ханъ этого сдѣлать не могъ [2]). Частыя посольства татаръ, состоя нерѣдко изъ ста человѣкъ, которыхъ нужно было прокармливать и одаривать, равнялись также набѣгу. Это вынудило русскихъ царей требовать уменьшенія числа членовъ посольства, но оно по прежнему состояло изъ цѣлаго отряда. При невозможности ограничить число пословъ, цари ограничивали ихъ содержаніе. Такъ напр., семь старшихъ пословъ получали въ день порцію меду, по одному хлѣбу и по два двуденежныхъ калача, а остальные только по хлѣбу [3]).

Крымскіе татары, питаясь и одѣваясь на счетъ международныхъ отношеній, на этотъ же счетъ строили и города и крѣпости. Въ 1592 г., татарское посольство требовало у русскаго царя деньги на постройку городовъ, тоже какъ обычной дани [4]), а въ 1631 г. укоряло его за то, что г. Перекопъ обветшалъ, и что, слѣдовательно, царь долженъ дать денегъ на подновленіе его [5]).

Нѣтъ сомнѣнія, что многіе города Крыма обязаны своимъ существованіемъ русскимъ деньгамъ.

Ѳ. Хартахай.

(Продолженіе впредь).

сначала откармливаютъ ихъ хорошенько, одѣваютъ въ шелкъ, бѣлятъ, румянятъ, чтобы подороже продать. Красивыя дѣвушки нашей крови покупаются иногда на вѣсъ золота и иногда тутъ же на мѣстѣ перепродаются съ барышомъ. Это бываетъ во всѣхъ городахъ полуострова, особенно въ Кафѣ. Тамъ цѣлыя толпы этихъ несчастныхъ невольниковъ отводятся съ рынка прямо на корабли. Этотъ городъ ненасытная и беззаконная пучина, кровь нашу пьющая, лежитъ на удобномъ для морской торговли мѣстѣ.»

[1]) Дѣла 1637 г.

[2]) Дѣла 1648 г.

[3]) Дѣла 1625 г.

[4]) Дѣла посольск. прик.

[5]) Ibid.

V.

НОВѢЙШАЯ ИСТОРІЯ

АВСТРІИ.

Anton Springer, Geschichte Oesterreichs seit dem Wiener Frieden, 1809. 2 Bde. Leipzig, 1863—1865.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

I.

Движеніе національностей.

Три фактора произвели въ Австріи внезапный переворотъ 1848 и 1849 годовъ: недовольство крестьянъ, тяготившихся крѣпостными отношеніями; стремленія къ свободѣ и самодѣятельности въ образованныхъ классахъ общества; наконецъ, броженіе національностей. Неразрѣшенный и выпущенный изъ рукъ правительствомъ крестьянскій вопросъ былъ готовымъ средствомъ, предлагающимъ свои услуги всякому, кто бы хотѣлъ его въ данную минуту употребить въ видахъ политической агитаціи, но онъ имѣлъ значеніе силы подземной, скрытной, которую надо было вызывать и угадывать. Яснѣе рисовались порывы австрійскаго либерализма, но и они не имѣли никакой опредѣленности, и были скорѣе отрицательнаго свойства, нежели положительнаго, то-есть, они обнаруживались въ холодномъ озлобленіи на весь

существующій порядокъ, въ неизлѣчимо презрительномъ и безконечно насмѣшливомъ къ нему отношеніи, безъ точной программы будущаго. Гораздо виднѣе, съ начала сороковыхъ годовъ, были вспышки пробуждавшагося съ неслыханною силою національнаго сознанія. Каждая изъ многочисленныхъ народностей стала искать своего нравственнаго, литературнаго и политическаго центра. Центровъ этихъ появилось множество, отъ нихъ расходились все шире и шире круги, которые пересѣкались и взволновали всю поверхность общества. Никто не подозрѣвалъ, что самая многочисленность этихъ центровъ и круговъ, самое этнографическое разнообразіе, могутъ, при извѣстныхъ условіяхъ, служить залогомъ устойчивости государственнаго союза и прочности державы. Для государственныхъ людей австрійскихъ стараго покроя, самъ фактъ, что народности добиваются правъ политическихъ, казался явленіемъ въ высшей степени безобразнымъ и поставленіемъ вверхъ дномъ всѣхъ общественныхъ понятій. Для болѣе поверхностныхъ наблюдателей, борьба народностей, возстающихъ другъ на друга и требующихъ развода, была равносильна распаденію Австріи, причемъ конечно не обращалось вниманіе на то, что иногда сами по себѣ нерасторжимы тѣ путы, которыми исторія перевязала одни народности съ другими, что иногда народностямъ, состоящимъ въ такихъ насильственныхъ бракахъ, нельзя ни осилить, ни выжить, ни поглотить, ни поработить другъ друга, такъ что по необходимости, послѣ безплодной борьбы, имъ придется позаботиться объ иной формѣ національныхъ отношеній, объ ассоціаціи на равныхъ правахъ, которая между народностями столь же возможна, какъ и между отдѣльными людьми. Такое рѣшеніе спора еще и нынѣ скрывается въ далекомъ будущемъ; лѣтъ двадцать тому назадъ оно и не предвидѣлось, а шла, разгораясь, упорная, ожесточенная борьба между племенами, для которой въ Австріи было больше, чѣмъ въ какой либо другой странѣ, матеріаловъ, въ чемъ можетъ убѣдить самый бѣглый взглядъ на ея этнографическую карту и на числовыя отношенія расъ [1]). Статистическія цифры и этнографическія карты выражаютъ собою одну только внѣшнюю сторону дѣла, онѣ не отдѣляютъ надлежащимъ образомъ чистыя племена отъ помѣсей, формы племенныя, первичныя, отъ про-

---

[1]) Въ 36 милліонахъ теперешняго населенія Австріи 23% нѣмцевъ, 19% чеховъ съ мораванами и словаками, 14% мадьяръ, 8% италіанцевъ, 8% русиновъ, 8% румынъ, 7% поляковъ, 5% сербовъ, 8% хорватовъ и словинцевъ или хорутанъ. Въ сороковыхъ годахъ, въ составѣ народонаселенія имперіи крупнѣе былъ представляемъ элементъ италіанскій, который, по численности, равнялся мадьярскому и составлялъ 14% цѣлаго.

изводныхъ, племена въ стихійномъ состояніи, не имѣющія своей исторіи и преданій, отъ историческихъ національностей. Въ вопросѣ о національностяхъ еще важнѣе нежели числовыя отношенія племенъ, ихъ размѣщеніе, ихъ расположеніе сплошными массами или чрезполосность, ихъ взаимное другъ на друга наслоеніе и въ особенности относительная степень ихъ культуры, отъ которой и зависитъ ихъ вліяніе на окружающую ихъ среду. Для уразумѣнія сложныхъ и въ высшей степени запутанныхъ отношеній между національностями въ Австріи особенно важно имѣть въ виду слѣдующія основанія ихъ классификаціи: а) дѣленіе національностей на относительно безкультурныя, крѣпкія почвѣ, но неспособныя распространяться и потому занимающія оборонительное положеніе, и на высоко-культурныя, съ выработанными историческими преданіями, и потому имѣющія движеніе наступательное; онѣ способны распространяться и наслаиваться на другія, но могутъ быть вытравляемы съ обнаженіемъ прикрываемой ими безкультурной подпочвы. Къ послѣднему классу національностей принадлежатъ италіанцы, которыхъ языкъ проникаетъ въ южный Тироль, держится въ Далмаціи и господствуетъ въ Истріи; нѣмцы въ отношеніи ко всѣмъ племенамъ и народамъ габсбургской монархіи, кромѣ италіанцевъ; мадьяры въ отношеніи къ южнымъ славянамъ и румынамъ. б) Второе дѣленіе національностей на вмѣщающіяся цѣликомъ въ предѣлахъ государства и потому не заинтересованныя непосредственно въ томъ, что происходитъ внѣ этихъ предѣловъ, и на подвластныя Австріи только нѣкоторыми своими частями, но собственно имѣющія внѣ ея свои національные центры. Изъ народовъ Австріи только мадьяры, чехо-мораво-словаки и славяно-хорваты умѣщаются цѣликомъ въ имперіи. Прочія племена и народы могутъ быть названы, такъ сказать, эксцентрическими; они подраздѣляются еще на слѣдующіе два вида: одни изъ нихъ ищутъ внѣ Австріи своего центра не только умственнаго, но и политическаго, такъ что могутъ быть удерживаемы въ составѣ имперіи только силою, причемъ ихъ національное сознаніе и наклонности діаметрально противоположны ихъ обязанностямъ, какъ подданныхъ имперіи; таковы италіанцы и поляки. Другія народности австрійскія эксцентрическія только въ умственномъ отношеніи, но не въ политическомъ, то-есть, по своимъ историческимъ преданіямъ и воспоминаніямъ они тянутъ куда нибудь въ даль, но по своимъ интересамъ тяготѣютъ къ австрійскому престолу, или по крайней мѣрѣ переносятъ это господство равнодушно, не мечтая отложиться. Къ послѣднему разряду слѣдуетъ отнести румынъ въ Буковинѣ, Венгріи и Трансильваніи,

и сербовъ въ Далмаціи, Славоніи и Банатѣ. Къ первому разряду принадлежатъ два племени, которыя, хотя въ умственномъ отношеніи эксцентрическія и входятъ въ составъ имперіи только относительно малыми своими частями, но отличаются тѣмъ, что, постоянно и никогда не мѣняясь, служили вѣрнѣйшими опорами правительства и проводниками государственнаго австрійскаго патріотизма: русины ($2^1/_2$ милліона въ Галиціи, $^1/_2$ милліона въ Буковинѣ и Венгріи) и нѣмцы. Соціальный вопросъ, понятная вражда прежняго крестьянина къ помѣщику, и надежда получить въ собственность крестьянскій надѣлъ, а потомъ и участіе въ панскихъ лѣсахъ и угодьяхъ, хотя имѣли при этомъ свое значеніе, но, впрочемъ, этимъ однимъ нельзя объяснять движеній въ какой нибудь національности. Съ національнымъ вопросомъ стоялъ въ связи и религіозный: греко-уніатское духовенство имѣло свои давнишніе разсчеты съ духовенствомъ римско-католическимъ. Наконецъ, это движеніе поддерживаемо было органами правительства на столько, на сколько оно помогало держать въ уздѣ поляковъ и парализировать всѣ ихъ фантазіи національно-политическія. Что касается до австрійскихъ нѣмцевъ, то роль ихъ и значеніе требуютъ болѣе подробной характеристики.

Нѣмцы представляютъ любопытный экземпляръ національности, которая прививается повсюду шибко, внѣдряется цѣпко промежъ иноземцами, запуская корни и колонизируясь, и превосходно умѣетъ создавать государства на чужбинѣ, но у себя дома не способна образовать одно связное политическое цѣлое. Большинство современныхъ государствъ и національностей суть ни что иное, какъ побѣги отъ германскаго корня, или соединенія въ разныхъ пропорціяхъ германской стихіи съ другими элементами; большинство народовъ считаютъ нѣмцевъ въ числѣ своихъ праотцевъ или своихъ учителей (мы сами только начинаемъ выходить съ недавнихъ временъ изъ-подъ ферулы нѣмецкой). Крѣпкія политическія построенія возникли на восточныхъ маркахъ (Австрія и Пруссія) на чисто славянской или славяно-мадьяро-румынской подпочвѣ; въ надменномъ сознаніи своего превосходства, нѣмецкіе ученые называютъ эти страны, пронизанныя нѣмецкими колоніями и покрытыя нѣмецкимъ культурнымъ пластомъ, die subgermanische Europa (Мендельсонъ, ученикъ Карла Риттера). Но сердцевина этого дуба, пускающаго столь могучія вѣтви, какъ будто бы испортилась и истлѣла; собственно нѣмецкое государство распалось само собою, разорванное увлекающими его въ противоположныхъ направленіяхъ партикуляризмами. Изъ всѣхъ германскихъ партикуляризмовъ, австрійскій отличался тѣмъ, что въ немъ всего болѣе отчужденія отъ интере-

совъ и культуры матери-Германіи. Въ исторіи Германіи, Австрія, начиная съ XVI вѣка, играла роль тормоза и становилась поперегъ всякому развитію, реформаціи и свободѣ мысли, попыткамъ конституціоннаго правленія и свободѣ политической. И въ умственномъ отношеніи она была самая отсталая изъ всѣхъ частей Германіи; весьма незначительна была ея лепта въ сокровищницу науки и искусства, которыми Германія прославилась на весь міръ въ нынѣшнемъ столѣтіи. Не смотря на свою отсталость, нѣмецкій элементъ занималъ первенствующее положеніе въ габсбургской державѣ; онъ имѣлъ, а отчасти имѣетъ и до сихъ поръ, значеніе цемента, связующаго всѣ части многоязычной монархіи, чему способствовали слѣдующія обстоятельства. Нѣмцы сильнѣе, во-первыхъ, численнымъ превосходствомъ; въ общемъ народонаселеніи имперіи ихъ 23%, количество, превышающее всякую иную національность порознь взятую. Конечно, если сложить всѣхъ славянъ Австріи, то ихъ выйдетъ вдвое болѣе нежели нѣмцевъ, но единство славянъ остается донынѣ не болѣе какъ мечтою воображенія, и со стороны интересовъ и со стороны языковъ. Нѣмецкій элементъ расположенъ сплошною массою только на западномъ концѣ имперіи ((въ эрцгерцогствѣ Австріи, Штиріи и Тиролѣ), и огибаетъ почти кольцемъ съ трехъ сторонъ чешское населеніе въ Богемія. Сгущенное на краю имперіи, племя нѣмецкое занимало какъ будто бы срединное положеніе, вслѣдствіе того, что столица государства, Вѣна, лежала въ странѣ нѣмецкой. Правомъ стариннаго владѣнія нѣмецкій языкъ утвердился съ давнихъ временъ въ оффиціальной сферѣ, какъ языкъ государственный, языкъ администраціи, такъ что по необходимости ему научились высшіе и средніе слои народонаселенія нѣмецкихъ областей. Посредствомъ администраціи нѣмецкая народность обогащалась ежегодно прирастающими къ ней тѣми семействами чиновниковъ ненѣмецкаго происхожденія, которые до мозга костей онѣмечивались въ весьма непродолжительное время, побывавъ въ горнилѣ государственной службы, и дѣлались потомъ ярыми черножелтыми государственными патріотами. Независимо отъ того, народность нѣмецкая имѣла поддержку въ тѣхъ безчисленныхъ по большей части городскихъ колоніяхъ, которыми точно разноцвѣтными пятнышками испещрены Галиція, Венгрія, Трансильванія. Съ своимъ сѣвернымъ антагонистомъ, пруссакомъ, нѣмецъ-австріецъ имѣетъ одну общую черту: *den Drang nach Osten*, вѣру въ свое историческое призваніе запускать корни на дальнемъ востокѣ, водружать свое знамя и звать своею родиною всякую пядь земли «wo die deutsche Zunge klingt». Выполненіе этого культурнаго призванія немыслимо безъ помощи го-

сударственности; вотъ, почему австрійскіе нѣмцы были всегда самыми ревностными австрійскими патріотами и приверженцами австрійской централизаціи; а такъ какъ требованія сей послѣдней совершенно противоположны требованіямъ германской централизаціи, то эта двойственность обязанностей, эта невозможность достигнуть одновременно двухъ разныхъ цѣлей, порождала взаимное отчужденіе Германіи отъ ея австрійскихъ частей. Первое условіе политическаго объединенія Германіи должно бы состоять въ отдѣленіи отъ нея всего ненѣмецкаго. Такой способъ въ примѣненіи къ Австріи равнялся бы уничтоженію ея какъ государства, распаденію ея на куски. Австрійскій нѣмецъ-германецъ, на восточной подкладкѣ, тогда бы только приложилъ руку къ политическому объединенію Германіи, если бы онъ могъ ввести туда же съ собою всю пеструю толпу народовъ славянскихъ, романо-валахскихъ, романо-италіанскихъ, мадьярскихъ, съ которыми онъ связанъ политически; въ такомъ случаѣ, онъ помѣстился бы на вершинѣ этой германской пирамиды, а вся остальная Германія служила бы ему подножіемъ. Со временъ Фридриха Великаго, и въ особенности послѣ вѣнскихъ трактатовъ, эти честолюбивые замыслы оставлены, надежды на господство рушились, политика Австріи сдѣлалась чисто консервативною, отстаивающею statu quo; Австрія превратилась въ оплотъ династическаго партикуляризма мелкихъ германскихъ государей, готовый къ услугамъ всякій разъ, когда эти государи встревожены завоевательными стремленіями Пруссіи. Неразвлекаемые національно-патріотическими затѣями великогерманцевъ, австрійскіе нѣмцы одушевлены почти поголовно самымъ правительственнымъ духомъ; они централизаторы; они легко мирятся съ отсутствіемъ гражданской свободы и нарушеніемъ ея гарантій, ради того политическаго преобладанія, которое досталось имъ въ удѣлъ. Ихъ оппозиція противъ злоупотребленій бюрократизма не бываетъ никогда серьезна и имѣетъ характеръ семейной ссоры, потому что австрійская бюрократія въ томъ видѣ, въ какомъ она теперь существуетъ, есть собственно ихъ кровное дѣтище и служитъ каналомъ, посредствомъ котораго нѣмецкій духъ просачивается въ отдаленнѣйшіе члены государства. Одного только они бы не были въ состояніи простить своему правительству, а именно уступокъ федеративному началу, попытокъ перенести центръ тяжести государства изъ Вѣны болѣе на востокъ. Ихъ отношеніе ко всѣмъ другимъ народностямъ Австріи, кромѣ одной италіанской, есть высокомѣрное, презрительное отношеніе народа-аристократа, который смотритъ на иноплеменниковъ менѣе развитыхъ культурно, какъ на людей низшей породы, и не предполагаетъ, чтобы когда либо могло

прекратиться состояніе, съ его стороны, культурнаго господства, съ ихъ стороны умственнаго холопства. Неистощимы были остроты, которыми нѣмецъ потѣшался надъ неуклюжестью мадьяра, надъ тупостью, двуличностью и низкими наклонностями чеха; съ другой стороны, понятно, что и ему платилось тою же монетою и что чехъ, напримѣръ, окрещивалъ все дурное и мерзкое эпитетомъ нѣмецкаго, и льнулъ къ культурамъ романскимъ, ненавидя все германское самымъ искреннимъ образомъ. Культура нѣмцевъ безспорно высока, но ихъ притязанія и спѣсь были еще выше, и можно было предвидѣть, что со временемъ они понесутъ самое чувствительное пораженіе. Реформы Іосифа II пробудили дремавшее въ славянахъ національное чувство; съ реформъ Іосифа II начинается возрожденіе славянъ. Это возрожденіе было сначала чисто литературное; съ появленіемъ его, стало очевидно, что нѣмцамъ неудастся обнѣмечить племена имперіи, что они могутъ только держать ихъ въ политической опекѣ, и то лишь до поры до времени, пока національное движеніе не сойдетъ съ литературной на политическую арену. Этотъ переходъ прежде всего сталъ совершаться у чеховъ въ началѣ сороковыхъ годовъ.

Съ конца прошедшаго столѣтія до двадцатыхъ годовъ нынѣшняго, робкія попытки чешскихъ патріотовъ, внушаемыя чистою любовью къ родному языку, ограничиваются только литературною выработкою формъ этого языка, безъ всякаго притязанія на своеобразность содержанія литературы, и безъ всякой надежды соперничать съ литературою нѣмецкою. Въ произведеніяхъ этихъ писателей, всѣ мысли нѣмецкія, слова только чешскія, и добиваются они простой только терпимости для чешской рѣчи со стороны государства. Но филологическія розысканія вели по необходимости къ вскрытію народной старины, а старина эта оказалась столь богатою, что способна была одушевить и преисполнить гордостью потомковъ. Новое поколѣніе болѣе смѣлыхъ дѣятелей является на сцену, въ томъ числѣ: Ганка, Шафарикъ, Колларъ, Челяковскій, Юнгманъ, Палацкій; въ тоже самое время (1817), открыта случайно краледворская рукопись, которая воодушевила безпредѣльнымъ энтузіазмомъ все молодое поколѣніе, какъ подлинный документъ ихъ древней самобытности культурной, какъ свидѣтель великой кривды, причиненной чехамъ отъ пришельцевъ. Національное чувство разыгралось до фанатизма и заявило себя сначала въ умственномъ отложеніи отъ нѣмцевъ, въ стремленіи скинуть съ себя всю нѣмецкую культуру и докопаться во всѣхъ отношеніяхъ до чисто родныхъ преданій, а такъ какъ эти преданія восходили къ вѣкамъ, въ которыхъ

народы славянскіе стояли ближе чѣмъ теперь другъ къ другу по нравамъ, устройству и языку, то творчество чеховъ въ наукѣ и искусствѣ получило съ этой же эпохи панславянскій характеръ. Ихъ историки (напр. Шафарикъ) противопоставили германскому міру громаду славянскихъ національностей, понимаемую какъ одно историческое цѣлое. Ихъ поэты (напр. Колларъ) возмечтали о великомъ призваніи славянскаго племени, о «литературной взаимности» славянъ между собою, за которою скрывалась задняя мысль образованія со временемъ общеславянскаго языка. Чѣмъ бѣднѣе было настоящее и дѣйствительное, тѣмъ склоннѣе были вожатые движенія забѣгать въ далекое будущее и фантазировать. Сама односторонность этого направленія мѣшала достиженію великихъ результатовъ въ наукѣ и искусствѣ, препятствуя относиться критически къ произведеніямъ родной почвы. Самый пламенный патріотизмъ не въ состояніи выростить въ одну минуту литературу способную соперничать съ передовыми европейскими, но онъ способенъ сообщить обществу такое настроеніе, при которомъ считается долгомъ систематически презирать иноземное, до небесъ превозносить родныхъ писателей и признавать преступленіемъ всякій критическій отзывъ, способный оборвать тотъ или другой изъ немногихъ листковъ вѣнца славы народной. Но если этотъ національный патріотизмъ былъ отчасти и вреденъ народному дѣлу въ своихъ чрезмѣрныхъ увлеченіяхъ, опьяняя и располагая къ самохвальству и самопревозношенію, то съ другой стороны онъ неудержимо влекъ чешскій національный вопросъ изъ области мысли въ сферу дѣлъ и политики. Сначала все ограничивалось панславистическими мечтаніями, въ которыхъ великія надежды возлагались на опору Россіи. Іюльская революція и польскій мятежъ 1830 года произвели перемѣну въ воззрѣніяхъ, обнаруживъ, какъ далеки славянскія племена и народы отъ братскаго единенія между собою; они заставили чешскихъ патріотовъ примкнуть къ общеевропейскому либерализму, отождествить національность вообще съ гражданскою свободою и прогрессомъ. Эта коалиція состоялась тѣмъ скорѣе и легче, чѣмъ менѣе ясны и опредѣленны были ея основанія и условія. Либерализмъ въ Австріи держался въ то время на степени платонической любви къ свободѣ, безъ программы и маршрута. Никакой программы онъ не могъ имѣть, въ противномъ случаѣ онъ бы навлекъ на себя тотчасъ преслѣдованія со стороны правительства. Если бы онъ имѣлъ опредѣленную программу, если бы онъ опирался на извѣстные матеріальные интересы, то, усвоивая эту программу, чешско-національная партія внесла бы тѣмъ самымъ раздоръ въ

свою среду и подверглась бы опасности распаденія. Но, по своей туманности, либерализмъ былъ отличнымъ союзникомъ для національнаго дѣла, привлекая на его сторону сочувствіе всѣхъ свободномыслящихъ людей, недовольныхъ порядкомъ вещей въ Австріи. Такъ какъ національное движеніе не задѣвало матеріальныхъ интересовъ и ставило на своемъ знамени по прежнему одинъ только языкъ, такъ какъ оно усвоило себѣ притомъ слегка либеральный и общегуманный оттѣнокъ, то оно получило обширное распространеніе и перешло въ систематически организованную агитацію, съ цѣлью сдѣлать этотъ языкъ органомъ жизни общественной во всевозможныхъ ея проявленіяхъ. Ничтожны, повидимому, и невинны были средства агитаціи: публичныя чтенія, балы и рессурсы, на которыхъ воспрещалось употреблять иностранные языки, основаніе, въ 1831, при открытомъ, въ 1818, чешскомъ музеѣ *Матицы* или издательскаго товарищества для распространенія общеполезныхъ дешевыхъ книгъ. Члены Матицы были главными проводниками агитаціи; по числу ихъ можно судить и о стремительности движенія: ихъ было 517 въ 1845 г. и 1657 въ 1846 г. Наконецъ, чешская народность создала себѣ органъ и въ журналистикѣ, и нашла весьма талантливаго представителя на этомъ поприщѣ въ лицѣ *Карла Гавличка*, сдѣлавшагося извѣстнымъ подъ именемъ Гавеля *Боровскаго*. Главная сила Гавличка заключалась въ томъ, что, ненавидя нѣмцевъ наравнѣ съ другими своими единоземцами, онъ не былъ подобно симъ послѣднимъ обязанъ нѣмцамъ своимъ образованіемъ. Изгнанный изъ пражской семинаріи, онъ поѣхалъ въ Россію, побывалъ въ Москвѣ и Кіевѣ, и вернулся послѣ двухъ лѣтъ (1845) на родину славянофиломъ, либераломъ, но больше всего чистѣйшимъ демократомъ, человѣкомъ мыслящимъ оригинально и способнымъ имѣть неотразимое вліяніе на массы. Сдѣлавшись издателемъ «Пражскихъ Новинъ», Гавличекъ обратилъ ихъ въ орудіе ускользающей отъ всякой цензуры пропаганды, умѣлъ давать совѣты народу и говорить объ австрійскихъ дѣлахъ, толкуя повидимому объ ирландцахъ, репилѣ и дѣлахъ европейской политики. Рѣшеніе, даваемое имъ всѣмъ современнымъ вопросамъ, было, по возможности, самое либеральное. Онъ стоялъ за религіозную свободу противъ іезуитовъ. Онъ превосходно понялъ всю важность крестьянскаго вопроса для чешской народности, и явился ревностнымъ поборникомъ ихъ освобожденія, внушая патріотамъ мысль о необходимости взять на себя починъ въ этомъ дѣлѣ. Поднятая изъ уничиженія учеными чешская національность считала въ рядахъ своихъ мѣщанство, молодежь, все среднее состояніе, къ ней стали примыкать и магнаты; если бы

удалось воодушевить за нее и крестьянъ, то торжество ея можно было бы считать обезпеченнымъ на вѣки.

Національное чешское движеніе, ограничивающееся пока попеченіями объ языкѣ, не въ силахъ было выйти за историческіе предѣлы Богеміи и Моравіи, увлечь за собою и сплотить въ одну массу одноплеменныхъ съ ними и одноязычныхъ словаковъ, занимающихъ верхнюю Венгрію. Явился словацкій сепаратизмъ, который сильно озадачилъ чеховъ. Судьбы этого сепаратизма слѣдующіе. Въ XV столѣтіи, чешскіе выходцы — табориты, подъ предводительствомъ Искры изъ Брандейса, поселились въ верхней Австріи, смѣшались съ туземцами и сообщили имъ свои религіозныя тенденціи и свой литературный языкъ. Такъ какъ главнымъ оружіемъ протестантской пропаганды былъ чешскій языкъ, то римскокатолическое духовенство старалось противопоставить ему въ XVIII столѣтіи мѣстное нарѣчіе, сообщивъ этому нарѣчію литературную обработку. Творцомъ этого новаго языка былъ священникъ *Бернолакъ*, отъ котораго и самъ языкъ, заимствованный отъ нитранскаго простонародія, получилъ названіе «берномачины». Римскокатолическая бернолачина существовала одновременно съ протестантскимъ чехизмомъ, который произвелъ двухъ величайшихъ представителей чешскаго возрожденія, родомъ словаковъ, Шафарика и Коллара. Въ сороковыхъ годахъ попытки мадьяризаціи пробудили между словаками реакцію въ національномъ духѣ. Само благоразуміе требовало, повидимому, отъ словаковъ, чтобы они примкнули къ братьямъ чехамъ и держали съ ними за одно, тѣмъ болѣе что чехи принялись горячо за словацкое дѣло, и завязались по этому поводу сношенія между чехомъ графомъ Львомъ Тупомъ и мадъяромъ Пульскимъ. Но проснувшійся словацкій патріотизмъ отплатилъ черною неблагодарностью чехамъ за ихъ небезкорыстное впрочемъ участіе. Словаки возмечтали о будущности болѣе блестящей, нежели та, которая бы имъ досталась въ удѣлъ, если бы они помѣстились въ хвостѣ чешскаго движенія. Если чехи фантазируютъ и гордятся своимъ XV столѣтіемъ, то почему бы и словакамъ не вспомянуть о своемъ полубаснословномъ Святоплукѣ? Менѣе образованные и развитые они утверждали, что у нихъ сохранились въ большей чистотѣ, чѣмъ у чеховъ, черты первобытной славянской природы и преданія гусситизма. Предводителями національнаго раскола явились Штуръ, Гурбанъ, Годжа; семейная распря усиливалась, принимая все большіе и большіе размѣры, когда событія 1848 г. пріостановили ее на нѣкоторое время и заставили и чеховъ и словаковъ соединиться политически въ виду общихъ національныхъ опасностей и враговъ.

Въ то самое время, когда на сѣверозападѣ Австріи попытки національнаго объединенія чехо-мораво-словакской группы славянъ потерпѣли рѣшительную неудачу, въ виду двухъ непріятелей, нѣмцевъ и мадьяръ, вслѣдствіе словакскаго сепаратизма, отсутствія прочной историко-традиціонной подкладки, — на югѣ Австріи произошло соединеніе въ одно цѣлое частей другой группы славянъ, которые не имѣли между собою никакихъ общихъ преданій и стояли по языку гораздо дальше одни отъ другихъ, нежели чехи и словаки. По узкой полосѣ вдоль южной границы имперіи, отъ Трансильваніи и Валахіи до Адріатическаго моря, расположились пестрою вереницею, перепутываясь между собою, самые разные народы славянскаго происхожденія: сербы, выходцы изъ Турціи, поселившіеся въ концѣ XVII столѣтія въ Банатѣ и Бачкѣ, хорваты, словинцы или хорутане, и сильно подчинившіеся италіанскимъ вліяніямъ далматы; эти отрасли съ древнѣйшихъ временъ были раздѣлены не только вѣрою, но и двумя или тремя азбуками, и распадались каждая на множество нарѣчій. Съ 1102 г., когда венгерскій король Коломанъ вѣнчался хорватскимъ королемъ, судьба связала политически эти народы съ венгерскою короною; соединеніе было свободное, для обѣихъ сторонъ безобидное, съ широкою долею мѣстнаго самоуправленія, и не возбуждало нареканій до тѣхъ поръ, пока держались крѣпко аристократическія основы венгерской конституціи, и пока мадьяры не заявили притязаній насильственно распространить свой языкъ между всѣми обитателями Венгріи. Тогда явилась реакція противъ этой мадьяризаціи, которая всего сильнѣе проявилась у хорватовъ, имѣла центромъ Загребъ и главнымъ представителемъ доктора Людевита *Гая*. Задача состояла въ томъ чтобы соединить подъ одно знамя всѣхъ южныхъ славянъ; всего проще было бы окрестить эту новую національность именемъ сербской, которое носило это племя въ старину, но имя: *сербъ* напоминало православіе и патронатъ Россіи, задѣвало религіозный вопросъ и могло показаться подозрительнымъ правительству. Вмѣсто него изобрѣтено новое слово: «иллиры» и «иллиризмъ», ничего не выражающее, и напоминающее только, что когда-то страны, заселенныя южноавстрійскими славянами, составляли обширную римскую провинцію Иллирикъ. Чѣмъ туманнѣе было понятіе вызываемое этою кличкою, тѣмъ легче было расчитывать на его распространеніе, и только одни православные сербы протестовали противъ него. Людевитъ Гай по направленію былъ чистый панславистъ, а по образу дѣйствій подражатель чеховъ (читальни, балы, изданіе политической газеты съ 1835 г., матица иллирская, національные костюмы). Начинанія

Гая не встрѣтили препятствій въ Вѣнѣ; они нашли тамъ даже поощреніе и покровительство, что дало поводъ предполагать, что иллирское возрожденіе было собственно дѣломъ вѣнскаго кабинета, который уже тогда, въ концѣ тридцатыхъ годовъ, задумалъ сдѣлать изъ него орудіе для ниспроверженія венгерской конституціи. Это предположеніе неосновательно; кабинетъ вѣнскій былъ крайне лѣнивъ, жилъ со дня на день и не питалъ никакихъ замысловъ заходящихъ въ далекое будущее. Дѣло объясняется проще: иллиризмъ имѣлъ вліятельнаго покровителя, въ лицѣ магната графа Янки Драшковича, и поддержку въ высшемъ римскокатолическомъ духовенствѣ, которое питало заднюю мысль воспользоваться иллиризмомъ для обращенія православныхъ въ католицизмъ. Лучшее доказательство того, какъ мало предвидѣлъ вѣнскій кабинетъ, какую практическую пользу можно извлечь изъ иллиризма, состоитъ въ томъ, что когда иллиризмъ прорвался изъ области литературной и вмѣшался въ венгерскую борьбу партій, тотчасъ правительство отказало ему въ своей милости и стало его преслѣдовать. Это событіе случилось въ 1843 и 1844 годахъ.

Тріединое королевство, отъ котораго судьба отшибла Далмацію, и которое ограничивалось, такимъ образомъ, тремя комитатами Славоніи (Сремъ или Сирмія, Пошега, Веречъ) и Кроаціею имѣло своего особаго бана, свой сеймъ, собирающійся въ Загребѣ, и свои старинныя свободы. Сеймъ хорватскій велъ свои разсчеты съ венгерскимъ, но эти споры отличались чисто земскимъ характеромъ. Чины загребскаго сейма стояли за федеративную связь *sociorum regnorum* Славоніи и Кроаціи; пресбургскіе и пештскіе политики доказывали, что обѣ короны суть *partes adnexae* и должны безусловно подчиняться постановленіямъ венгерскаго сейма. Венгерскіе историки и юристы доказывали, что портъ Фіуме долженъ принадлежать къ венгерской коронѣ непосредственно, а не къ Кроаціи, а также, что три комитата Славоніи носятъ это имя по ошибкѣ и суть составныя части Венгріи, потому что на основаніи историческихъ документовъ можно доказать, что Славоніею называлась въ старину теперешняя Кроація, а не узкій треугольникъ образуемый нижними частями Дравы и Савы. До сороковыхъ годовъ споръ былъ только между сепаратизмомъ областнымъ и централизаціею; съ тѣхъ поръ онъ измѣнился въ существѣ своемъ тѣмъ, что къ нему примѣшался національный вопросъ, который поставилъ въ иное положеніе партіи. Загребскій сеймъ 1840 г. въ первый разъ заговорилъ о притѣсненіи славянъ, потребовалъ употребленія иллирійскаго языка въ школахъ и въ оффиціальныхъ актахъ, озаботился основаніемъ народнаго театра въ Загребѣ. Въ 1842 г. на сеймѣ въ

Загребѣ и на такъ называемой реставраціи, то есть на выборахъ земскихъ сановниковъ на слѣдующіе три года, страсти разыгрались сильнѣе чѣмъ когда либо въ прежнее время, и дѣло дошло до потасовки и кровопролитія. Сеймовыя драки, насиліе и подкупы при выборахъ не новость въ Венгріи; крѣпкій кулакъ и громкій голосъ играли важную роль въ рѣшительныя минуты, когда требовалось избрать вицегеспана или депутата на сеймъ, но совершенно новы были знамена и лозунги партій, вступившихъ теперь въ состязаніе. До сихъ поръ дрались за лица, теперь за языки; театромъ борьбы былъ дворъ комитатскій. Съ одной стороны явилась мадьярская партія, группировавшаяся главнымъ образомъ вокругъ 24 шляхетскихъ общинъ Турополья (Türkenfeld — въ углу образуемомъ Савою и притокомъ ея Кульпою); съ другой, славянская партія, отстаивающая по старому употребленіе латинскаго языка при совѣщаніяхъ, и имѣющая въ своей средѣ обергеспана Зденчая и загребскаго епископа Гаулика — мадьяре и мадъяроны были побиты и прогнаны, всѣ земскія должности замѣщены иллирійскими патріотами, на сеймъ венгерскій избраны надежныя лица, которымъ предписано оспаривать до послѣдней возможности права мадъярскаго языка. Пораженное на голову меньшинство протестовало противу всѣхъ дѣйствій загребскаго сейма и засыпало своими жалобами Пештъ и Вѣну. Уничтоженія выборовъ оно не добилось, но оно достигло двухъ результатовъ: во первыхъ того, что вѣнскій кабинетъ отказался покровительствовать иллирійскому движенію, само слово иллиризмъ подверглось опалѣ, и Гай долженъ былъ переименовать свои ilirske narodne novine въ газету хорвато-славонско-далматскую; во вторыхъ, что вопросъ національный иллирійскій всплылъ во всей своей величинѣ на венгерскій сеймъ 1843 года.

II.

Прелюдія венгерской революціи.

Нашъ разсказъ о венгерскихъ событіяхъ остановился на началѣ сороковыхъ годовъ. Въ эту эпоху вѣра въ прочность венгерской конституціи была подкопана въ умахъ, всѣ сознавали необходимость кореннаго обновленія обветшалаго государственнаго устройства. Сеймики и сеймы собирались, толковали по прежнему, но изъ ихъ совѣщаній не выходило ничего путнаго. Жизнь проложила себѣ новые каналы, возникла новая сила, во-

оруженная органами независимыми отъ средневѣковаго конституціоннаго снаряда и взявшаяся рѣшать вопросы нерѣшимые законодательнымъ порядкомъ. Эта новая сила была политическая пресса, для которой открылся самый блестящій періодъ ея существованія. Кошутъ сталъ издавать Pesti Hirlap (пештскую газету) и пріобрѣлъ сразу громадное вліяніе смѣлостью нападеній на дворъ, умѣніемъ затрогивать струну національнаго чувства, богатствомъ фантазіи и восточною роскошью великолѣпнѣйшаго слога. Для противодѣйствія ему, Авреліанъ *Дешефи* основалъ другую газету *Vilag* съ болѣе консервативнымъ направленіемъ. Старый *Сечени*, нѣкогда первый любимецъ народа, теперь обогнанный болѣе смѣлыми соискателями любви народной, относился не безъ горечи къ популярному журналисту, всматривался не безъ страха въ темное будущее и бросалъ Кошуту перчатку въ книгѣ Kelet Nepe (народъ востока). На защиту Кошута поднимался Этвешъ. Все, что только было лучшаго и умнѣйшаго въ обществѣ венгерскомъ, принимало участіе въ великомъ сраженіи, за которымъ публика слѣдила съ лихорадочнымъ вниманіемъ. Бойцы вырастали въ бою, и съ каждою схваткою оружіе ихъ становились тоньше, пріемы благороднѣе. Первое мѣсто по громадному вліянію на публику принадлежало безспорно Кошуту.

Бѣдный венгерскій дворянинъ и кальвинистъ, подобно большей части средней шляхты (calvinista hit—madyar hit, кальвинская вѣра — мадьярская вѣра, говоритъ пословица), Людвигъ Кошутъ не получилъ многосторонняго литературнаго и научнаго образованія, подобно Этвешу или Салаю; онъ не имѣлъ средствъ подобно Сечени, Людвигу Батіани и другимъ магнатамъ изучить наглядно посредствомъ продолжительныхъ поѣздокъ за границу учрежденія передовыхъ народовъ западной Европы. Своимъ знакомствомъ съ пріемами парламентской оппозиціи, съ конституціоннымъ механизмомъ Франціи и Англіи, съ ходячими аксіомами либерализма, Кошутъ обязанъ былъ болѣе всего статьямъ аугсбургской Allgemeine Zeitung. Самъ онъ началъ свою общественную дѣятельность внѣ сейма и не въ службѣ по выборамъ, присматриваясь къ ходу дѣлъ со стороны; тяжкое заключеніе въ Мункачѣ не могло конечно усилить въ немъ любви къ старинной конституціи, не имѣющей достаточно силы, чтобы защитить свободу гражданъ. Чуждый преданій конституціонной политики, Кошутъ относился къ существующему критически, и рубилъ его сплеча, но не имѣлъ никакой опредѣленной программы дѣйствій, никакого яснаго идеала будущаго государственнаго устройства, какимъ ему слѣдуетъ быть послѣ преобразованія:

онъ былъ прежде всего озабоченъ ближайшею побѣдою, а не болѣе отдаленными ея послѣдствіями. Судя по статьямъ его, писаннымъ по настроенію минуты, можно было взять его то за поклонника сѣвероамериканцевъ, то за сторонника французскихъ демократовъ, то за адепта южногерманскихъ либераловъ. Подобно Сечени, онъ былъ немного централизаторъ; онъ мечталъ о томъ, чтобы сдѣлать изъ пештскаго комитата образцовый комитатъ, и изъ столичной прессы органъ заправляющій общественнымъ мнѣніемъ страны. Онъ былъ рѣшительный радикалъ и демократъ, но въ тоже время онъ щадилъ права мелкаго дворянства, относился къ нимъ съ большою терпимостью, и отстаивалъ комитатское устройство и самоуправленіе, хотя мысль о коренномъ обновленіи государственнаго строя не имѣла шансовъ восторжествовать по комитатамъ, а за точку опоры должна была взять самъ центръ. Тактика Кошута была скорѣе наѣздническая и озадачивала всѣ партіи; то онъ приводилъ въ недоумѣніе сеймовую оппозицію безпощаднымъ радикализмомъ нѣкоторыхъ своихъ предложеній и смѣлымъ попираніемъ традицій, то неожиданно онъ бралъ по другимъ вопросамъ сторону консерваторовъ. При такомъ отсутствіи общаго плана дѣйствій, Кошутъ не могъ образовать партіи, но сближался попеременно, смотря по обстоятельствамъ, со всѣми начальниками партій и коноводами народныхъ массъ, сражался вмѣстѣ съ ними и покидалъ ихъ столь же легко въ виду новыхъ комбинацій. Непослѣдовательности и противурѣчія въ его политикѣ были бы давно замѣчены и разоблачены, если бы не особый талисманъ, который заставлялъ читателей газеты забывать объ этихъ недостаткахъ и поддаваться слѣпо чарующему вліянію. Талисманъ этотъ заключался въ глубинѣ національнаго чувства, которое составляло въ Кошутѣ главную черту характера и главную движущую силу. Прежде всего на свѣтѣ и выше всякихъ политическихъ идеаловъ и общественныхъ устройствъ стояли у Кошута слава и вліяніе мадьярской націи. Съ раннихъ лѣтъ, съ польскаго движенія 1830 г., за которымъ Кошутъ слѣдилъ съ полнымъ участія вниманіемъ, онъ постигъ, какую роль могутъ играть въ политикѣ возбужденныя національныя страсти и научился заигрывать на нихъ съ неподражаемою виртуозностью, внося національный элементъ даже въ такіе предметы и вопросы, которые, повидимому, мало имѣли общаго съ національностью, напримѣръ въ область народнаго хозяйства. Австрія хлопотала (1841) о томъ, чтобы войти въ германскій таможенный союзъ. Тогда Кошутъ усвоилъ себѣ тѣ же идеи, которыя легли въ основаніе этого союза, и которыя заимствованы имъ у Франца Листа; любимою его темою сдѣлалась

мысль о необходимости отдѣлиться отъ Германіи таможенною линіею, дабы подъ ея защитою возрастить у себя національную фабричную промышленность. Кошутъ былъ безспорно великъ, какъ журналистъ; впослѣдствіи, когда (1844) обстоятельства заставили его покинуть это поприще, въ немъ обнаружилось еще одно громадное дарованіе. Оказалось, что это одинъ изъ величайшихъ ораторовъ, какихъ когда либо имѣла не только богатая краснорѣчивыми людьми Венгрія, но и вся Европа. Отъ природы онъ былъ снабженъ всѣми физическими средствами подобающими оратору, голосъ его былъ сильный и звучный, мимика превосходная, слогъ неистощимо богатый поэтическими образами. Сила его слова была столь велика, что всякое сопротивленіе замолкало, никто не могъ оставаться холоднымъ, и ораторъ дѣлался на нѣкоторое время неограниченнымъ владыкою сердецъ и воли слушающей его толпы. Его завистники объясняли секретъ его силы тѣмъ, что онъ всегда говоритъ въ духѣ толпы, принаравливается къ толпѣ. Въ этомъ упрекѣ есть доля истины; дабы увлечь слушателей, Кошутъ обыкновенно самъ прежде всего поддавался впечатлѣніямъ отъ окружающей его среды, и ему не разъ случалось оканчивать рѣчь свою заключеніями нисколько не похожими на вступительныя предложенія. Когда ему приходилось говорить о новомъ предметѣ, то онъ начиналъ рѣчь, колеблясь, ступалъ ощупью по неизвѣданной почвѣ, говорилъ неопредѣлительно, иногда несвязно и слѣдилъ зорко за движеніями толпы, чтобы попасть на настоящую дорогу. По возрастающимъ знакамъ одобренія онъ угадывалъ настроеніе слушателей и самъ настраивался по этому камертону, послѣ чего уже входилъ въ свою роль, завладѣвалъ предметомъ; рѣчь лилась неудержимымъ потокомъ все сильнѣе, смѣлѣе, блестящѣе, причемъ измѣнялось первоначальное отношеніе оратора къ слушателямъ, которыхъ ораторъ увлекалъ теперь за собою далеко за предѣлы круга ихъ воззрѣній и понятій. Въ концѣ рѣчи воодушевленіе оратора дѣлалось уже общимъ для всѣхъ, слушатели были внѣ себя отъ упоенія живымъ словомъ, въ состояніи высочайшаго энтузіазма. И съ перомъ въ рукахъ, и на трибунѣ, Кошутъ былъ вездѣ и всегда агитаторомъ, несомымъ на волнахъ народнаго движенія и угадывающимъ ихъ колебаніе, но не кормчимъ, направляющимъ корабль. Впослѣдствіи, послѣ несчастнаго исхода революціи, враги указывали на него, какъ на виновника движенія, а слѣдовательно и всѣхъ бѣдствій обрушившихся, на мадьярскій народъ, обвиненіе напрасное и несправедливое: Кошутъ какъ агитаторъ шелъ по стопамъ Сечени и другихъ; если онъ приложилъ руку къ ниспроверженію конституціи, то давно уже

эта конституція была подкопана другими руками — движеніе было неудержимое; оно нашло въ немъ только свое выраженіе, и произвело въ герои человѣка, который, при другихъ условіяхъ, никогда можетъ быть, какъ бы ни были велики его таланты, не всплылъ выше уровня толпы. Движеніе было глубокое и всеобщее, оно сказывалось въ безчисленномъ множествѣ признаковъ, въ ожесточенномъ спорѣ римскокатолическаго духовенства съ кальвинистами, возмущающемъ спокойствіе многихъ семействъ, о смѣшанныхъ бракахъ и о томъ, въ какой вѣрѣ воспитывать дѣтей отъ этихъ браковъ, въ странныхъ проектахъ, принимаемыхъ разными земствами, въ странныхъ постановленіяхъ, подобныхъ тому, которое состоялось въ собраніи пештскаго комитата о введеніи въ этомъ комитатѣ суда присяжныхъ помимо сейма; наконецъ, въ необыкновенно большомъ числѣ дракъ и разшибленныхъ головъ при выборахъ на сеймъ 1843 г. Въ иныхъ мѣстахъ, какъ напр. на югѣ, раздраженіе партій происходило отъ возбужденныхъ національныхъ ненавистей; въ большей части комитатовъ оно порождено было весьма существеннымъ для мелкаго дворянства вопросомъ объ обложеніи его податьми. Большинство комитатскихъ инструкцій вторило безъ разбора либеральнѣйшимъ изъ предложеній Кошутовой газеты и домогалось уничтоженія родовыхъ имуществъ, маіоратовъ, допущенія недворянъ къ земскимъ должностямъ и землевладѣнію, обязательнаго выкупа крестьянскихъ надѣловъ, сообщенія политическихъ правъ лицамъ, получившимъ высшее образованіе; но хотя въ передовыхъ своихъ представителяхъ обѣ партіи, и либеральная, и консервативная, давно порѣшили о необходимости распространенія податей на дворянство, въ пользу этой мѣры высказалось только 19 комитатовъ. Отъ убогой лапотной шляхты, отъ такъ называемыхъ «бочкорошей», которые въ концѣ концевъ рѣшали участь сеймиковъ и реставрацій, нельзя было конечно и ожидать, чтобы они съ сверхчеловѣческимъ самоотверженіемъ сами посягнули, такъ сказать, на свое политическое самоубійство, чтобы они согласились быть втоптанными въ одну общую массу съ прочими и открыть свои карманы побору, вытягивающему иногда послѣдній грошъ изъ кошелька. Даже самъ Сечени возбуждалъ грозный ропотъ, когда онъ публично защищалъ эту мѣру, Людвигъ Баттіани подвергался опасности быть побитымъ въ Эйзенбургѣ, самъ Деакъ, на всю Венгрію извѣстный своею прямотою и честностью, долженъ былъ отказаться отъ кандидатуры на родинѣ своей въ Заладѣ, дабы отклонить борьбу партій, могущую дойти до кровопролитія. Пульскій и многіе другіе либералы отказались отъ

званія депутатовъ, потому что не могли по совѣсти принять даваемыя имъ на этотъ счетъ инструкціи.

При столь бурныхъ предзнаменованіяхъ открытъ былъ 20 мая 1843 г. сеймъ въ Пресбургѣ, на которомъ съ перваго же разу внесенъ на столъ жгучій вопросъ о языкахъ. Побитая на голову въ Загребѣ партія мадьярская подала жалобу съ 1500 подписями на злоупотребленія при выборахъ и исключеніе туропольянъ. Графъ туропольскій Іосиповичъ оспаривалъ въ устной рѣчи законность выборовъ представителей «иллирійской» интриги. Сеймъ опредѣлилъ соединить оба предмета и жалобу туропольянъ и вопросъ о языкахъ и, рѣшалъ ихъ за одно. У хорватскихъ депутатовъ и грамоты были писаны полатыни, и инструкціи ихъ предписывали имъ употреблять только одинъ латинскій языкъ, что дало мадьярскимъ политикамъ поводъ ставить вопросъ такимъ образомъ, будто бы хорваты люди отсталые, жертвующіе живымъ языкомъ мертвому, и будто бы имъ не дѣлается никакого притѣсненія выведеніемъ изъ употребленія отжившей латыни. Этотъ дешевый способъ опровергать противниковъ былъ похожъ на обоюдоострое оружіе, которое легко могло бы быть обернуто противъ самихъ же мадьяръ, если бы хорваты собрались съ духомъ сдѣлать еще одинъ шагъ впередъ и заговорить поиллирійски, а не то полатыни. Не смотря на сопротивленіе предсѣдателя стола состояній — огромнымъ большинствомъ королевскаго персонала заключено 20 іюня въ этомъ столѣ ввести мадьярскій языкъ въ преподаваніе въ школахъ Кроаціи и Славоніи, по истеченіи десяти лѣтъ не допускать до общественныхъ должностей лицъ невладѣющихъ этимъ языкомъ, и считать какъ будто бы непроизнесеннымъ и небывалымъ каждое слово латинское на сеймѣ. Иначе поставился этотъ вопросъ въ столѣ магнатовъ, гдѣ епископъ Гавликъ явился весьма искуснымъ защитникомъ хорватовъ, между тѣмъ какъ противная сторона старалась объяснять иллиризмъ посредствомъ русской пропаганды. Выборы загребскіе были утверждены, не смотря на жалобу туропольянъ. Многіе изъ либеральнѣйшихъ магнатовъ, каковы Этвешъ, Сечени, высказались противъ насильственнаго введенія мадьярскаго языка у хорватовъ въ дѣлахъ ихъ внутренняго самоуправленія. Эта умѣренность дала поводъ къ исполненнымъ горечи нареканіямъ со стороны Бэоти, Сент-Кирали и другихъ рьяныхъ патріотовъ въ столѣ состояній, къ намекамъ на національный индифферентизмъ магнатовъ и на ихъ угодливость правительству. Между тѣмъ вѣсти о происходившемъ на сеймѣ въ Пресбургѣ взволновали всѣ комитаты Кроаціи и Славоніи и заставили ихъ осаждать своими жалобами вѣнскій кабинетъ. Вслѣдствіе этихъ жалобъ послѣдовалъ

императорскій рескриптъ въ примирительномъ духѣ, совѣтующій остаться при старомъ обычаѣ, при латыни въ сношеніяхъ съ хорватами, и отложить рѣшеніе вопроса до будущаго времени. Этотъ рескриптъ произвелъ неслыханное въ сеймовыхъ лѣтописяхъ Венгріи негодованіе и волненіе. При обсужденіи, его порядокъ былъ многократно нарушаемъ, посторонніе посѣтители и молодые юраты вмѣшивались въ ходъ совѣщаній, зала то тряслась отъ криковъ и рукоплесканій, то среди торжественной тишины дрожащимъ отъ волненія голосомъ подавали свои мнѣнія члены сейма. Всякій разъ, когда кто изъ хорватскихъ депутатовъ начиналъ говорить обращаясь къ персоналу: excellentissime domine, онъ былъ заглушаемъ возгласами: magyarul, не дававшими ему продолжать. Представленіе сейма императору было написано въ духѣ національной партіи, оправдывало постановленія 20 іюня и просило кромѣ того о писаніи всѣхъ рескриптовъ на мадьярскомъ языкѣ. Молодые юраты шумѣли въ Пресбургѣ столь сильно, что пришлось поставить гарнизонъ на военную ногу. Въ Загребѣ дошло до битвы на улицахъ между туропольянами и иллирійскою партіею. Казалось, что одного слова свыше достаточно для того, чтобы возгорѣлась домашняя война. Къ великому удивленію либеральной партіи, правительство ужаснулось послѣдствій рѣшимости и пошло на уступки. Новый рескриптъ обѣщалъ, что всѣ императорскіе указы, резолюціи, предложенія будутъ писаны помадьярски, заявлялъ, что для вящшаго согласованія Венгріи съ присоединенными къ ней странами языкъ сеймовый будетъ исключительно венгерскій; депутатамъ хорватскимъ данъ въ видѣ особой милости шестилѣтній срокъ, въ теченіе коего они могутъ подавать свои мнѣнія на латинскомъ языкѣ. Мадьяре были очень рады, но не особенно благодарны за это рѣшеніе, вынужденное силою обстоятельствъ, тѣмъ болѣе что правительство, вездѣ пассивно слѣдующее теченію, иначе поступало въ Пресбургѣ и иначе въ Загребѣ: въ коренной Венгріи потворствовало мадьярамъ, въ тоже самое время удаляло мадьяроновъ отъ должностей въ Кроаціи, осыпало наградами иллирійскихъ патріотовъ и оставляло безъ всякой защиты мадьярскую партію. Судя по послѣдствіямъ, можно было бы обвинять правительство въ дальновидномъ махіавелизмѣ, въ обдуманномъ поджиганіи страстей, но дѣло объясняется гораздо проще, совершенною неспособностью австрійскихъ министровъ къ какому бы то ни было послѣдовательному образу дѣйствія и предоставленіемъ ими будущаго на волю судебъ.

Вопросъ о языкахъ, упраздненный въ концѣ января 1844 г., былъ постоянною помѣхою законодательнымъ работамъ сейма и

обсужденію множества преобразовательныхъ проектовъ, которые въ сложности касались всѣхъ сторонъ государственнаго строя, и если бы прошли, то не оставили бы камня на камнѣ въ старой конституціи. Одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду этихъ проектовъ занималъ проектъ уголовнаго кодекса, отмѣняющій смертную казнь, вводящій судъ присяжныхъ, новое устройство тюремъ съ одиночнымъ (пенсильванскимъ) заключеніемъ и подчиняющій общегражданскимъ судамъ солдатъ. Непремѣнный общеевропейскій докладчикъ по части уголовнаго права и записной хвалитель либеральныхъ начинаній въ этой области, въ какой бы части свѣта они ни проектировались, Миттермайеръ превознесъ до небесъ это начертаніе, но суровая дѣйствительность далеко не соотвѣтствовала прекраснымъ мечтаніямъ. Можно было предвидѣть, что правительство не согласится ни за что на подведеніе солдатъ подъ гражданскую юрисдикцію. Пенсильванская система не заводится вдругъ безъ денежныхъ пожертвованій, по одному мановенію законодателя. Что касается до суда присяжныхъ, то его поддерживала даже не вся либеральная партія, потому что у самыхъ рѣшительныхъ радикаловъ являлись ·сомнѣнія, подготовлена ли почва къ воспріятію этого учрежденія въ странѣ, въ которой одинъ только тонкій слой народонаселенія — дворянство, пользуется правами политическими, огромное большинство народа состоитъ въ крѣпостной зависимости, а изъ общей массы выдѣляются полунѣмецкіе, замкнутые для общенародныхъ интересовъ города. Логика требовала преобразовать прежде всего само общество, сословныя отношенія классовъ, причемъ первымъ на очереди вопросомъ представлялся вопросъ о городахъ. Въ средѣ либеральной партіи давно уже господствовало мнѣніе о вопіющей несообразности городскаго представительства на сеймѣ, обладающаго однимъ собирательнымъ голосомъ отъ всѣхъ депутатовъ 49 вольныхъ городовъ королевства, и о необходимости предоставить городамъ до 16 голосовъ, — но либеральная партія обусловливала это расширеніе правъ преобразованіемъ городскаго общиннаго устройства въ демократическомъ духѣ, отмѣною цеховъ, уничтоженіемъ патриціата, который завелся по городамъ, заправлялъ ими полновластно, располагалъ выборами на сеймѣ и былъ столь узокъ, что, напримѣръ, въ Пештѣ, имѣющемъ до 70,000 жителей, считалось всего на все 120 избирателей. Оставить прежнее устройство городовъ, при усиленіи представительства ихъ на сеймѣ, значило бы добровольно усиливать ряды противниковъ, потому что всѣ 16 городскихъ голосовъ пошли бы цѣликомъ на поддержку консерваторовъ, реакціонеровъ, и не измѣнили бы никогда ни въ чемъ въ вѣрности вѣн-

своему правительству. Городскіе депутаты сочувствовали расширенію представительства, но всѣ въ одинъ голосъ протестовали противу реформы городовъ. Такимъ образомъ, проектъ объ устройствѣ городовъ, разсчитанный на пользу горожанъ, внесенъ былъ, помимо и вопреки депутатамъ отъ городовъ, въ столъ состояній, гдѣ защищать его взялся молодой человѣкъ досел неизвѣстный, но сдѣлавшійся потомъ весьма знаменитымъ какъ патріотъ, историкъ и ораторъ, Владиславъ Салай (Szalay). По его мнѣнію, вопросъ о городахъ не стбитъ, чтобы его подымать, если онъ поведетъ къ тому, чтобы невѣжественные кортесы, въ чьихъ рукахъ теперь лежатъ судьбы народа, подѣлились властію съ торгашескимъ мѣщанскимъ патриціатомъ. Цѣль патріотовъ должна состоять въ томъ, чтобы создать свободное, національное состояніе, какъ одно изъ звеньевъ того всеобщаго гражданства, въ которомъ должны распуститься всѣ сословія и классы, причемъ представительство сословій преобразится въ національное сословное представительное правленіе. Это искреннее раскрытіе затаенныхъ желаній либераловъ навело ужасъ на всю консервативную дворянскую партію, которая рѣшилась не протестовать противъ цѣлаго, но разбивать проектъ по частямъ, въ особенности въ томъ, что онъ заключалъ въ себѣ демократическаго, и по поводу чего могли бы возникнуть раздоры въ самомъ либеральномъ лагерѣ. Послѣ долгихъ споровъ либералы согласились съ большимъ трудомъ на подчиненіе городовъ надзору совѣта намѣстничества, но за то они провели начало подсудности городскимъ судамъ осѣдлыхъ въ городѣ землевладѣльцевъ изъ дворянъ. Когда дошло до статьи объ обложеніи тѣхъ же дворянъ податьми, тогда большинство отступилось отъ либераловъ, и споръ покончень тѣмъ, что податямъ должны подлежать только дворяне, занимающіеся торговлею или промышленностью. Изъ спора о реформѣ городовъ вытекалъ непосредственно вопросъ о евреяхъ, нелюбимыхъ крестьянами, но еще больше ненавидимыхъ горожанами по причинѣ ихъ наклонности къ лихвѣ, предпріимчивости и умѣнія скоро обогащаться. Съ трудомъ достигнуто ихъ допущеніе къ городскимъ выборамъ, но безъ всякого права занимать общественныя должности. Подъ конецъ преній, либералы могли убѣдиться, какъ мало могутъ они разсчитывать на постоянную поддержку со стороны дворянства, которое радо слушать ихъ, когда дѣло идетъ объ ограниченіи правительственной прерогативы, но становится тотчасъ на дыбы, коль скоро рѣчь заходитъ о предметахъ, касающихся или свободы отъ податей или ненарушимости земскаго самоуправленія. Подъ предлогомъ, что горожане руководствуются иногда узкими разсчетами бережливо-

сти, но съ заднею мыслью расширенія правъ сейма, сдѣлано было предложеніе, чтобы бюджеты городовъ предлагались сейму на просмотръ. Дворянство почуяло опасность отъ подобнаго примѣра для самого комитатскаго самоуправленія, и предложеніе было отвергнуто, не смотря на все краснорѣчіе ораторовъ либеральной оппозиціи.

Значительно обрѣзанный въ столѣ состояній, проектъ былъ окончательно изуродованъ въ столѣ магнатовъ. Магнаты устранили евреевъ отъ выборовъ, возвысили условія пользованія сословными правами до того, что этимъ путемъ былъ фактически возстановленъ патриціатъ, подчинили города совѣту намѣстничества, и предложили, чтобы каждымъ городомъ управлялъ на правахъ обергеспана назначаемый правительствомъ оберъ-инспекторъ. Либеральная партія была здѣсь побита своимъ же собственнымъ оружіемъ. Она предлагала централизацію, возвеличеніе власти сейма на счетъ самоуправленія. Она натолкнулась въ столѣ магнатовъ на консервативную партію, во главѣ которой стоялъ графъ Аппони, стремящуюся то же къ централизаціи, но къ централизаціи въ пользу правительства, къ сосредоточенію всей власти въ рукахъ вѣнскаго статсъ-канцлера. Не узнавъ въ искаженномъ проектѣ своего собственнаго дѣтища, столъ состояній отвергъ поправки, вслѣдствіе чего погребенъ послѣ напрасныхъ усилій и самъ вопросъ о городахъ.

За реформою городовъ шелъ вопросъ о реформѣ комитатскихъ собраній. Грубыя насилія и подкупы при выборахъ были до того возмутительны, что по сознанію всѣхъ партій они требовали строгаго укрощенія. Такъ какъ одни карательныя средства не служатъ еще гарантіями того, что выборы будутъ хороши, то либеральная партія, стремясь къ постепенному превращенію сеймиковъ изъ собраній дворянъ, являющихся туда по личному праву въ представительныя собранія, предлагала нѣкоторыя мѣры, издали подходящія къ этой цѣли, какъ-то, допущеніе къ выборамъ въ качествѣ избирателей недворянъ почетныхъ званій, духовныхъ, чиновниковъ, учителей, купцовъ и т. д., и разрѣшеніе выбирать во всѣ земскія должности, кромѣ вицегеспановъ и judices nobilium (Stuhlrichter), управляющихъ станами (processus), на которые дѣлятся комитаты, лицъ недворянскаго происхожденія. Столъ магнатовъ согласился съ наказаніями за злоупотребленія при выборахъ, исключилъ предложеніе о сообщеніи недворянамъ права выбирать, но далъ имъ неограниченное право быть выбираемыми во всѣ должности, даже въ вицегеспаны. Немного стоила эта, повидимому, крайне либеральная поправка: можно было предвидѣть, что дворяне

никогда не выберутъ недворянина. Столь же мало существенное, хотя многообѣщающее на видъ, было постановленіе, которое принято обоими столами о допущеніи недворянъ пріобрѣтать дворянскія недвижимыя имущества. Живое воображеніе патріотовъ усматривало въ этомъ законѣ начало новой эры гражданскаго равенства. Несторъ венгерскихъ государственныхъ людей, *Палочи* (Paloczy), утверждалъ, что этотъ законъ будетъ знаменательнѣйшимъ событіемъ послѣ битвы подъ Могачемъ; Сечени явился въ этотъ день въ полномъ парадномъ мундирѣ и во всѣхъ орденахъ. Можно было предсказать, что практическіе результаты этой мѣры будутъ ничтожны, пока существуютъ родовыя имущества и выкупъ ихъ родичами, пока стѣною между состояніями стоитъ свобода дворянина отъ всякихъ податей. Цѣлую жизнь воевавшій за обложеніе дворянъ податьми, Сечени надѣялся достигнуть той же цѣли окольными путями, предложивъ народный заемъ въ 100 милліоновъ гульденовъ на патріотическія предпріятія: дороги, канализацію Баната, созданіе народнаго музея, съ тѣмъ, чтобы долгъ этотъ погашаемъ былъ новою податью, наложенною на всѣ земли безъ различія, дворянскія и недворянскія. Дворянство поняло, куда мѣтилъ Сечени, поняло, что главный вопросъ не въ деньгахъ а въ принципахъ. Оно отвергло общую подать, взяло все бремя займа исключительно на себя, причемъ платежи на погашеніе этого долга изъ подати превратились въ добровольную субсидію. Столъ магнатовъ окончательно испортилъ это предложеніе, требуя, чтобы завѣдываніе этою кассою предоставлено было не сейму, а правительству; проектъ упалъ и остался безъ послѣдствій. Сеймъ закрытъ 13 ноября 1844, давъ въ результатѣ практической своей дѣятельности почти одни нули, и раскрывъ только во всей ея наготѣ несостоятельность существующаго порядка вещей. Реформа была неминуема; всѣ партіи сознавали необходимость подготовить къ ней умы посредствомъ послѣдовательной агитаціи. Въ этой агитаціи первое мѣсто принадлежитъ безспорно Кошуту.

Кошутъ поссорился въ 1844 г. съ собственникомъ газеты «Pesti Hirlap» и оставилъ редакцію, просилъ въ Вѣнѣ о разрѣшеніи издавать новую газету и получилъ отказъ отъ Меттерниха, послѣ чего онъ предался всецѣло осуществленію своихъ политико-экономическихъ идей. Королевство венгерское отдѣлено было искони отъ другихъ областей Австріи таможенною цѣпью и высокимъ протекціоннымъ тарифомъ. Таможенному соединенію съ Австріею мѣшали два соображенія: а) то, что тарифъ венгерскій зависѣлъ отъ сейма, но на общеавстрійское таможенное законодательство сеймъ не могъ бы имѣть ника-

кого вліянія; б) боязнь германизаціи, въ случаѣ если бы Австрія приступила къ цольферейну германскому.—На сеймѣ венгерскомъ были по вопросу о тарифѣ двѣ партіи: консерваторы отстаивали statu quo, а либералы обыкновенно высказывались въ пользу свободы торговли и пониженія пошлинъ. Въ сороковыхъ годахъ произошла перемѣна; либеральная партія изъ національныхъ видовъ ударилась въ самый крайній протекціонизмъ, стала защищать обособленіе Венгріи отъ Австріи, съ тѣмъ, чтобы возрастить у себя всѣ вѣтви промышленности и обойтись безъ обмѣна съ ненавистными нѣмцами. Въ 1843 г., возникло общество венгерской торговли съ капиталомъ въ 2,000,000 гульденовъ и съ цѣлью противопоставить австрійскому Тріесту венгерскую гавань Фіуме, создать національное кораблестроеніе и мореходство. Вскорѣ потомъ (1844) Кошутъ, Казимиръ Батіани и Вл. Телеки основали протекціонистское общество (Védegylet), котораго члены обязывались не покупать иностранныхъ произведеній, и къ которому тотчасъ приступило 60,000 человѣкъ. Мужчины стали одѣваться въ грубое сукно, которое до сихъ поръ носили одни степные жители; дочери магнатовъ стали наряжаться крестьянками. Патріотамъ мерещился венгерскій флагъ въ гаваняхъ Марсели и Ливерпуля, а Фіуме въ видѣ исполинскаго города, куда направляются караваны, нагруженные венгерскими продуктами. Миражъ разсѣялся вскорѣ какъ дымъ. Промышленность не создается вдругъ, гавани не строются на грошевыя нищенскія средства, которыми располагали венгерскія общества поощренія народной торговли и промышленности. Директоръ торговаго общества бѣжалъ за границу, оставивъ въ кассѣ дефицитъ. Венгрія не разбогатѣла, но карманы акціонеровъ опустѣли. Непосредственная цѣль усилій оказалась мечтою, но за то достигнута отчасти цѣль другая, дальнѣйшая, которая въ глазахъ Кошута и его сподвижниковъ составляла главное и самое существенное. Всѣ національныя усилія мадьяръ разбивались до сихъ поръ о сословную замкнутость состояній; требовалось отыскать такую общую идею, которая бы увлекла за собою всѣ классы и содѣйствовала ихъ политическому перевоспитанію, научивъ ихъ соединяться и группироваться массами.

Между тѣмъ, какъ Кошутъ занимался національно-экономическою агитаціею безъ опредѣленныхъ политическихъ цѣлей, прогрессивно-централизаціонная партія старалась выработать то, чего недоставало Кошуту — программу и идеалъ будущей конституціи. Органомъ ея сдѣлалась оставленная Кошутомъ «Pesti Hirlap», подъ редакціею Салая и при дѣятельномъ сотрудни-

чествѣ даровитаго Этвеша. Менѣе популярная, чѣмъ при Кошутѣ, эта газета бичевала безпощадно, не спуская никому, существующій порядокъ и закоренѣлые предразсудки. Домосѣдовъ-помѣщиковъ коробило, когда они узнавали изъ нея, что венгерцы не нація, а дворянская каста изъ полумилліона людей на $10^1/_2$ м. плебеевъ, что въ Венгріи нѣтъ правительства, а только анархія, нѣтъ законодательства, потому что нѣтъ отвѣтственности за нарушеніе законовъ, что теперешнее сеймованіе есть не болѣе какъ болтовня и бездѣліе, а корень зла лежитъ въ комитатскомъ устройствѣ, считавшемся до сихъ поръ палладіумомъ свободы. Для излеченія зла предлагалось ошляхетить весь народъ, ввести настоящее представительное правленіе, и сосредоточить власть, относя нѣкоторыя права комитатовъ къ сейму, а нѣкоторыя къ центральной администраціи съ поставленіемъ послѣдней подъ строгую отвѣтственность. Рѣчь шла очевидно о передѣлкѣ венгерской конституціи по образцу западно-европейскому, о перенесеніи Венгріи однимъ разомъ изъ глубины среднихъ вѣковъ въ XIX столѣтіе.

Усиленная дѣятельность либеральной оппозиціи пробудила отъ сна и произвела реакцію въ средѣ консервативной партіи, которая, сверхъ городовъ, считала въ рядахъ своихъ многихъ магнатовъ. Эта партія, во главѣ которой стоялъ теперь молодой человѣкъ, возведенный въ званіе гофканцлера, Георгъ Аппони, искала опоры въ правительствѣ и вошла въ тѣсную связь съ Меттернихомъ, женившимся на графинѣ Зичи. Она ненавидѣла комитатское устройство и стремилась къ централизаціи подобно либераламъ, но въ духѣ чисто правительственномъ, бюрократическомъ; она сознавала необходимость идти на встрѣчу опасности, и взять на себя починъ въ дѣлѣ преобразованія комитатовъ, подчиняя ихъ непосредственно правительственному авторитету, пока либеральная оппозиція не окрѣпла, пока съ нею въ раздорѣ мелкое дворянство. Извѣстно, что главныя лица въ комитатахъ суть назначаемые королемъ обергеспаны—должность почетная, титулярная; настоящими управителями комитата были два выборные вицегеспапа. Аппони воспользовался двумя вышедшими изъ употребленія старинными указами (послѣдній 1825 г.), обязывающими обергеспана имѣть дѣйствительную осѣдлость въ комитатѣ, для возобновленія политики Іосифа II, то есть для отставленія неудовлетворяющихъ этимъ условіямъ обергеспановъ и замѣненія ихъ правительственными администраторами. Мѣра эта, въ которой всѣ чаяли видѣть только начало коренной и энергической реформы, встрѣчена было неудержимымъ хохотомъ, когда оказалось, что она есть и альфа и омега «возрож-

денія отечества», и что вѣнскій кабинетъ ни о какихъ дальнѣйшихъ преобразованіяхъ слышать не хочетъ. «И такъ вся штука въ томъ, замѣчалъ Этвешъ, что найдутся въ Венгріи 52 человѣка, которые готовы будутъ, получая 4,000 гульденовъ оклада, поддерживать виды правительства, то есть дѣлать то, что дѣлали до сихъ поръ даромъ консерваторы!»—Администраторы, лишенные знамени и руководства, должны были искать приверженцевъ, вербовать въ свою сторону всякими неправдами мелкую шляхту, которая служила имъ неохотно, не безъ стыда и единственно изъ боязни, чтобы либералы не посягнули на ея привилегію. Кошутъ называлъ администраторовъ «мандаринами», и заклеймилъ этотъ образъ дѣйствія позорнымъ именемъ «крейсгауптманской политики». Либералы пріободрились и получили увѣренность, что имъ стóитъ только сказать, что они отступаются отъ обложенія дворянства податьми, и все дворянство послѣдуетъ за ними. Одно только обстоятельство безпокоило ихъ сильно, а именно хорватское движеніе, которое получало все бóльшіе и бóльшіе размѣры.

Хорваты заимствовали у мадьяръ тактику сихъ послѣднихъ, оставили латынь, завели въ совѣщаніяхъ и оффиціальныхъ актахъ хорватскій языкъ, и усвоили себѣ многія идеи либеральной оппозиціи венгерской, клонящіяся ко введенію настоящей представительной системы правленія. Мадьярская партія была все-таки сильна въ особенности въ загребскомъ комитатѣ, и одерживала перевѣсъ на выборахъ посредствомъ преданной ей бѣдной шляхты, являющейся поголовно въ собранія и весьма враждебной славянскому движенію. Та же шляхта являлась участвовать и въ сеймѣ тріединаго королевства. Для иллирійской партіи жизненный вопросъ состоялъ въ томъ, чтобы не допустить ее до личнаго участія въ сеймѣ королевства. Всѣ приготовленія были къ тому сдѣланы по соглашенію бана, вѣнскаго кабинета и иллирійскихъ патріотовъ. Когда, 29 сентября 1845 г., бывшій гусаръ и каммергеръ, а теперь банъ генералъ Галлеръ открылъ сеймъ кроатославонскій, толпы туропольянъ, явившіяся туда, увидѣли къ величайшему своему изумленію, что середина залы огорожена перилами, что за эти перилы пропускаются только приглашенные именными банскими билетами магнаты, и депутаты комитатовъ, капитуловъ и городовъ. Туропольяне были до того сбиты съ толку этимъ небывалымъ случаемъ, что промолчали, но на другой день графъ ихъ старикъ Іосиповичъ и тѣ не многіе мадьярскіе сторонники, которые имѣлись въ средѣ сейма, потребовали отъ Галлера отчета въ его противозаконныхъ дѣйствіяхъ. «Гдѣ я недавно стоялъ какъ свободный человѣкъ,

сказалъ одинъ изъ депутатовъ, тамъ возведены нынѣ рѣшетки, деревянныя правда, но стерегитесь, братья, чтобы онѣ не превратились завтра въ желѣзныя». Напрасно Галлеръ увѣрялъ, что перилы устроены только ради порядка, турополяне не допускали никого говорить, заглушая каждаго своими криками, а Іосиповичъ объявилъ, что онъ уступитъ развѣ передъ штыками. Тогда Галлеръ прибѣгъ къ послѣднему средству, вынулъ и прочиталъ императорскій рескриптъ, предписывавшій допускать къ голосованію только депутатовъ отъ юридическихъ лицъ и лицъ приглашенныхъ именными банскими билетами. Банъ оправдался, но кабинетъ былъ сильно окомпрометированъ, законность его распоряженій опровергаема. Не смотря на возраженія, сеймъ призналъ рескриптъ обязательнымъ, при побѣдныхъ кликахъ иллирійской партіи и при проклятіяхъ со стороны Іосиповича и турополянъ (krepali a ne żywili), которые оставили тотчасъ залу засѣданій. При совѣщаніяхъ очищеннаго такимъ образомъ сейма обнаружилось, что въ немъ есть двѣ партіи: одна чисто абсолютическая, слѣпо слѣдовавшая внушеніямъ кабинета (епископъ Гавликъ, баронъ Кульмеръ и др.) и либеральная (Кукулевичъ, Горватъ), которая, воюя съ мадьярами, сочувствовала многимъ ихъ начинаніямъ, изъ тріединаго королевства хотѣла образовать вторую Венгрію, требовала учрежденія для Кроаціи особаго совѣта намѣстничества и присоединенія къ ней военной границы. Мадьяре, съ своей стороны сильно обезпокоенные, посылали свои жалобы на загребскія происшествія, свои представленія и депутаціи въ Вѣну.

Между тѣмъ умеръ старый *палатинъ*, дядя императора, до того породнившійся со страною, что его называли въ Вѣнѣ старикомъ Рачочимъ. Мѣсто его занялъ сынъ его Стефанъ, человѣкъ молодой и свѣтски образованный, но не имѣющій никакихъ политическихъ способностей. Сильно упавшій въ общественномъ мнѣніи, вслѣдствіе своихъ политико-экономическихъ неудачъ, Кошутъ, котораго популярность даже Деакъ считалъ погибшею, сошелся теперь съ партіею реформы, съ Салаемъ и Этвешемъ. Напротивъ того, Сечени перешелъ открыто въ правительственный лагерь, къ чему его побуждалъ страхъ, внушаемый ему демагогическими затѣями «венгерскаго О'Коннеля» — Кошута. «Этотъ человѣкъ ввергнетъ насъ, говорилъ Сечени, въ такое положеніе, изъ коего не спасетъ и самъ Богъ». Подкрѣпленная именемъ Сечени, консервативная партія обнародовала свою одобренную въ Вѣнѣ программу, въ которой предложены великія и коренныя реформы: обложеніе дворянъ податьми, введеніе ипотеки, пересмотръ законовъ о наслѣдствѣ въ родовыхъ

имуществахъ, преобразованіе городскаго устройства, таможенное соединеніе Венгріи съ Австріей, введеніе новаго порядка сеймованія. Большинство этихъ предложеній было таково, что либеральная партія не могла сама ихъ не поддерживать, разница только въ томъ, что Аппони хотѣлъ эксплуатировать эти реформы въ интересахъ абсолютизма, между тѣмъ, какъ либералы хотѣли, чтобы онѣ пошли впрокъ свободѣ. Программѣ консерваторовъ либералы противопоставили въ началѣ 1847 года свою собственную программу мастерски начертанную опытнымъ перомъ Франца Деака, въ которой стояли тѣже реформы, но поведенныя дальше, глубже и съ прибавками, не совсѣмъ пріятными правительству: пожертвованіе дворянскими привилегіями, но съ расширеніемъ правъ низшихъ классовъ, свобода прессы, свобода ассоціацій. Обѣ партіи собирались съ силами для рѣшительной борьбы при выборахъ на предстоявшій сеймъ. Въ пештскомъ комитатѣ, передовомъ изъ передовыхъ, дворянство рѣшило, не смотря на протестъ совѣта намѣстничества, допустить въ избиратели honoratiores изъ недворянъ; этому-то новому контингенту обязанъ былъ Кошутъ тѣмъ, что его избрали депутатомъ огромнымъ большинствомъ голосовъ. Правительство не рѣшилось оспорить законность этого выбора. Съ другой стороны, Сечени отказался отъ своего мѣста въ столѣ магнатовъ и добивался того, чтобы его выбрали депутатомъ въ столъ состояній.

Сеймъ открытъ весьма торжественно въ Пресбургѣ, 12 ноября 1847 г., самимъ императоромъ лично, при неслыханномъ стеченіи народа не подозрѣвавшаго, что въ эту минуту въ послѣдній разъ сходятся дружелюбно старая Австрія съ старою Венгріею. Тронная рѣчь была произнесена въ первый разъ на мадьярскомъ языкѣ, что польстило народному самолюбію и вызвало неумолкающіе и восторженные крики одобренія. Хорошее впечатлѣніе произвели и предложенія короны, съ перечисленіемъ многихъ весьма существенныхъ реформъ. Пользуясь этимъ дружелюбнымъ настроеніемъ умовъ, консерваторы внесли проектъ благодарственнаго адреса императору. Но въ столѣ состояній засѣдали и заклятые враги Австріи, которые постарались разсѣять сладкія надежды на миръ. Кошутъ предложилъ включить въ адресъ жалобы на систему администраторовъ и на нарушенія конституціи; его вліяніе было столь сильно, что поправка принята слабымъ большинствомъ. Столъ магнатовъ отвергъ эту поправку, клонящуюся къ превращенію благодареній, въ «гравамины». Въ подобныхъ случаяхъ, обычай требовалъ, чтобы оба

стола вошли въ переговоры о согласованіи мнѣній, но для руководителя оппозиціи Кошута старыя преданія были ни почемъ.

По его внушенію, данъ магнатамъ язвительный отвѣтъ, что столъ состояній отказывается отъ подачи какого бы то ни было адреса. Столу магнатовъ брошена была такимъ образомъ перчатка; война закипѣла; оппозиція съ торопливою поспѣшностью внесла свои преобразовательные проекты, весьма мало разсчитанные на успѣхъ, но одинъ другого враждебнѣе правительству. Новый духъ вѣялъ въ собраніи съ неудержимою силою; предлагаемые вопросы получали совершенно новую и весьма знаменательную постановку, напримѣръ, вопросъ о податяхъ, внесенный депутатомъ *Семере*. Въ прежнее время ораторы ударяли главнымъ образомъ на самоотверженіе и патріотизмъ дворянства и начинали съ диѳирамбовъ, теперь могучій агитаторъ, быстрѣе чѣмъ кто либо другой подмѣчающій и выражающій собою настроеніе массъ, началъ съ угрозъ, съ предвѣщанія суда народнаго и кары, нависшей надъ забывающимъ свой долгъ состояніемъ, и эта рѣчь пóкрыта была рукоплесканіями. — «Нищенская привилегія свободы отъ податей не можетъ продолжаться, говоритъ ораторъ. Судьба стоитъ передъ венгерскимъ дворянствомъ въ видѣ Сивиллы съ девятью книгами. Если оно учинитъ теперь платежъ, то получитъ тайну спасенія свободы страны, безъ потери своего права первородства. Если оно замедлитъ, то три первыя книги будутъ преданы пламени, а вмѣстѣ съ ними и секретъ политической жизни дворянства, цѣна же остальныхъ книгъ останется та же самая. Если дворянство и тогда еще будетъ колебаться, то погибнутъ слѣдующія три книги, и съ ними секретъ конституціоннаго быта страны, а цѣна послѣднихъ книгъ, научающихъ условіямъ матеріальнаго благосостоянія, останется все-таки одна и та же. Если дворянство откажется купить и послѣднія книги, то и онѣ погибнутъ, а за свой платежъ, который мы все-таки будемъ принуждены сдѣлать, мы пріобрѣтемъ только великій гробъ для націи». — Предложеніе стола состояній объ обложеніи дворянъ податьми и объ обязательномъ для помѣщиковъ выкупѣ крестьянъ нашли противудѣйствіе въ столѣ магнатовъ, равно какъ и проектъ закона о языкахъ, поддерживаемый Кошутомъ, который, становясь съ страстнымъ увлеченіемъ на сторону Іосиповича и туропольянъ, склонялъ сеймъ къ самымъ крутымъ мѣрамъ въ отношеніи къ иллирійцамъ, ко введенію въ Славоніи мадьярскаго языка въ школѣ и канцеляріяхъ и къ удержанію латинскаго только въ Кроаціи.

Надежда на хорошій исходъ сейма исчезала съ каждымъ днемъ,

въ Вѣнѣ серьезно помышляли о его распущеніи. Партія Аппони сдѣлала послѣднее усиліе для предупрежденія столкновеній; плодомъ ея совѣтовъ былъ императорскій рескриптъ 1 февраля, въ которомъ императоръ удивлялся недовѣрію со стороны сейма, объяснялъ назначеніе администраторовъ временною и крайнею необходимостью, и давалъ свое слово возстановить обергеспановъ и соблюдать на будущее время конституцію. Этотъ рескриптъ былъ совершенною неожиданностью для Кошута, который впервый разъ остался въ меньшинствѣ, и, раздраженный скрываемыми отъ него переговорами съ Вѣною, сказалъ: «теперь будетъ война, и война до смерти».

Между тѣмъ, дѣла на сеймѣ шли все тише и тише, всеобщее вниманіе приковывали къ себѣ событія во Франціи, которыя грозили послужить сигналомъ всесвѣтной революціи. 1 марта 1848 года, прислушивающійся къ глухому гулу приближающихся волнъ, агитаторъ заключилъ рѣчь свою многозначительными словами: «есть минуты, когда законодательство обязано не только дѣлать реформы, но и устранять опасности». — 3 марта, Кошутъ уже перешелъ чрезъ Рубиконъ, уже стоялъ на чисто революціонной почвѣ. Въ знаменитой рѣчи, которую можно назвать крестинами революціи, указавъ на все безобразіе государственнаго порядка Австріи, на необходимость болѣе тѣснаго соединенія различныхъ народовъ габсбургской монархіи, онъ объявилъ, что цементомъ такого соединенія можетъ быть не штыкъ и не канцелярія, но конституціонизмъ, и предложилъ подать новый адресъ императору съ просьбою дать отвѣтственное министерство Венгріи и либеральную конституцію другимъ австрійскимъ областямъ. Революціонное движеніе охватывало уже и общество и сеймъ. Столъ состояній принялъ кошутовскій адресъ единогласно, но когда пришлось предложить его столу магнатовъ, оказалось, что некому созвать этотъ столъ, потому что встревоженные движеніемъ палатинъ, а за нимъ judex curiæ, таверникъ и даже персоналъ, уѣхали въ Вѣну за инструкціями. Это анормальное состояніе длилось не долго, вскорѣ пришли извѣстія о мартовской революціи въ Вѣнѣ; примѣру Вѣны послѣдовали и Пресбургъ и Пештъ. Въ то же самое время, независимо отъ вѣнскихъ событій, вскипала Прага, и начиналось чешское движеніе.

III.

Мартовская катастрофа.

Чѣмъ болѣе были озадачены и встревожены выжившіе изъ ума старики, засѣдавшіе въ статсъ-конференціи, вспыхнувшею въ Парижѣ революціею, тѣмъ больше старались они показать себя храбрыми на видъ и не идущими ни на какія уступки. Въ вѣнскихъ газетахъ появилась 4 марта полуоффиціальная статья, родъ правительственнаго манифеста, въ которой февральская революція объяснялась «заговоромъ учениковъ Бабёфа съ цѣлью подвести Францію подъ иго коммунизма.» Всѣ проэкты улучшеній и требованій, которые, какъ извѣстно, имѣлись въ весьма маломъ количествѣ, отложены по несвоевременности ихъ. Статсъ-канцлеръ велъ переговоры съ присланнымъ отъ прусскаго короля генераломъ Радовицемъ, и полагалъ, что слѣдуетъ созвать германскій дипломатическій конгрессъ въ Дрезденѣ, а между тѣмъ держаться политики невмѣшательства. Болѣе чуткости относительно опасностей минуты обнаружили члены царствующаго дома, которые съѣхались въ Вѣну и образовали родъ семейнаго совѣта. Многіе эрцгерцоги и въ особенности эрцгерцогини, равна какъ и многія вліятельныя лица изъ высшей аристократіи, совѣтовали взять на себя починъ правительственный въ дѣлѣ реформъ ради спасенія власти, но статсъ-конференція и статсъ-канцлеръ не рѣшались ни на что. Императора никто не спрошивалъ, никто объ немъ не заботился.

Между тѣмъ въ Вѣнѣ развязались у публики языки, то, что прежде говорилось въ тихомолку, теперь сказывалось громко на улицахъ, цензура перестала дѣйствовать, полиція робко оглядывалась. Безсиліе власти было очевидно, а такъ какъ предвидѣлось, что она дѣйствовать не начнетъ, то надлежало употребить понудительныя мѣры. Въ видѣ эпидемической лихорадки распространилась въ Вѣнѣ страсть подавать прошенія и адресы правительству. Всякое званіе, состояніе и общество сочиняли свой адресъ, книгопродавцы просили объ отмѣнѣ цензуры, промысловое общество вѣнское (Gewerbeverein) въ публичномъ засѣданіи выразило въ самыхъ мягкихъ и вѣрноподданническихъ формахъ свое желаніе, чтобы правительство тѣснѣе сблизилось съ состояніями и гражданами и постаралось возстановить прежнее довѣріе. Манифестантовъ была пропасть, недоставало только центровъ движенія; такимъ центромъ явилось нижнеавстрійское земское собраніе, котораго засѣданія должны были открыться 13 марта.

Либеральная партія въ этомъ собраніи намѣревалась подать прошеніе, заготовленное однимъ изъ членовъ его Шмерлингомъ, объ отмѣнѣ цензуры и введеніи карательной системы за преступленія печати, и адресъ о созваніи собранія депутатовъ отъ всѣхъ провинціальныхъ ландштендовъ съ предложеніемъ на обсужденіе имъ имперскаго бюджета. Эти адресы должно было подкрѣпить прошеніе, покрытое тысячами подписей, и составленное въ юридико-политическомъ читальномъ обществѣ (jurisch-politischer Leseverein). Это общество, основанное въ 1841 г., помимо сильнѣйшаго сопротивленія со стороны высшей полиціи, и тщательно стерегомое какъ притонъ фрондеровъ, критиковъ и злыхъ насмѣшниковъ, состояло большею частью изъ находящихся у правительства на дурномъ счету чиновниковъ, адвокатовъ, профессоровъ. Настоящіе революціонеры не водились въ этомъ остроумномъ кружкѣ, но за то члены были люди прогресса, проникнутые идеями западноевропейскаго и въ особенности французскаго либерализма и сильно чувствующіе культурный упадокъ Австріи, пренебреженіе всѣхъ культурныхъ интересовъ. Общество юридико-политическое высказало сильнѣе и рѣзче то самое желаніе, которое содержалось въ видѣ робкаго намека въ адресѣ ландштендовъ, и которое вело на практикѣ къ замѣнѣ абсолютизма конституціоннымъ режимомъ, а именно оно просило о «періодическомъ созываніи собранія, представляющаго собою всѣ земли монархіи, а равно всѣ классы и интересы, съ правомъ соизволенія на подати и контролированія финансовъ, а равно съ участіемъ въ законодательствѣ.» Послѣдняя редакція этого адреса принадлежитъ Александру Баху адвокату, который чрезъ четыре мѣсяца потомъ сдѣлался министромъ. Слухи объ адресѣ ланштендовъ произвели сильное впечатлѣніе даже въ лицахъ приближенныхъ къ Меттерниху. Жена Меттерниха устроила свиданіе мужа своего съ ландсмаршаломъ предсѣдателемъ ландштендовъ графомъ Монтекукколи; плодомъ свиданія былъ заготовленный проектъ рескрипта, въ которомъ императоръ изъявлялъ свою волю созвать отъ сословій всѣхъ провинцій по одному члену и привести ихъ въ *соприкосновеніе* съ особеннымъ комитетомъ отъ сословій для совѣщанія о мѣрахъ, требуемыхъ обстоятельствами минуты. Весьма сомнительно утолила бы жажду, возбужденную въ обществѣ, эта малеванная рѣчка, это картонное подобіе представительства. Рескриптъ остался въ портфелѣ, изданію его помѣшало появленіе на сценѣ новаго дѣятеля, который разстроилъ всѣ разсчеты, такимъ дѣятелемъ явились вѣнскіе студенты.

Извѣстно, что наука была въ загонѣ въ Австріи, университетскія каѳедры замѣщались плохо, людьми бездарными, низко-

поклонниками власти, не пользующимися авторитетомъ. Вездѣ, гдѣ есть стеченіе молодежи, образуются кружки; они существовали и въ Вѣнѣ въ формѣ буршеншафтовъ на подобіе товариществъ въ другихъ германскихъ университетахъ. По недостатку серьезныхъ предметовъ занятій и живого содержанія въ преподаваніи, молодежь университетская предавалась безпредѣльному радикализму, увлекалась статьями Струве и самыхъ крайнихъ южногерманскихъ соціалистовъ. Со студентами обходились какъ съ дѣтьми, а они мѣтили въ герои. Въ странѣ, съ представительными учрежденіями, съ опредѣлившимися партіями, незрѣлыя мнѣнія недоросшихъ юношей не имѣли бы никакихъ шансовъ успѣха, но въ Австріи не было ни партій, ни выдающихся личностей съ извѣстнымъ характеромъ, ни представительныхъ учрежденій, а только одна хаотическая масса, требующая свободы, свободы и еще свободы. Среди всеобщаго волненія, студенты не могли оставаться спокойными и рѣшились въ свою очередь подать адресъ правительству. Мысль эта родилась 7 марта и приведена къ исполненію 11-го. Студенты заявляли въ адресѣ готовность жертвовать жизнью за отечество, домогались свободы слова, печати, преподаванія и вѣроисповѣданія и заканчивали прошеніе темною фразою о реформѣ германскаго союза. Эта демонстрація показалась министрамъ опаснѣе другихъ; профессора созваны были въ университетъ; имъ приказано употребить все свое вліяніе на студентовъ для удержанія сихъ послѣднихъ отъ подачи адреса. Эту трудную задачу взяли на себя два преподавателя, пользовавшіеся бо́льшею нежели другіе популярностью: Эндлихеръ и Гые-Глюнекъ (Hye). Ихъ краснорѣчіе не имѣло успѣха, студенты съ трудомъ отказались отъ подачи прошенія лично и уполномочили къ этому дѣйствію Эндлихера и Гые. Они отправились тотчасъ во дворецъ (Burg), толкались тамъ во всѣ стороны понапрасну, получили уклончивый отзывъ отъ Коловрата, строгое внушеніе отъ эрцгерцога Людвига, наконецъ добились поздно вечеромъ того, что ихъ допустили по секрету задними ходами къ императору, который сказалъ имъ нѣсколько ласковыхъ словъ и отпустилъ ихъ безъ прямого отвѣта.

Слѣдующаго числа, 13 марта, Гые и Эндлихеръ нашли студентовъ еще хуже настроенными и менѣе сговорчивыми. Политическія требованія сдѣлались значительнѣе, тонъ рѣчей повысился цѣлою октавою, Меттернихъ и директоръ Седльницкій называемы были «измѣнниками и ворами», поговаривалось о томъ, чтобы ихъ прогнать. Напрасно Гые увѣщевалъ студентовъ именемъ отечества и всей Европы содѣйствовать благому дѣлу прогресса посредствомъ прилежнаго посѣщенія лекцій. Не обращая

вниманія на эти рѣчи студенты группировались въ аудиторіяхъ и на дворѣ построились колоннами и направились въ домъ земскаго собранія на Herrengasse, гдѣ безъ всякой помпы и парада открываемы были въ то самое время засѣданія ландштендовъ. Толпа шумѣла на дворѣ; поминутно заговаривалъ къ ней то тотъ, то другой изъ нѣсколькихъ незваныхъ ораторовъ. Сначала нѣкто лекарь Фишгофъ (изъ евреевъ) произнесъ импровизацію оканчивающуюся словами: «ура мадьяре! ура италіанцы!» Потомъ какой-то студентъ воспламенилъ всю публику чтеніемъ послѣдней рѣчи Кошута отъ 13 марта. Наскучивъ ожиданіемъ и разгорячившись, толпа рѣшилась войти въ личныя сношенія съ засѣдавшими на верху господами и взобралась по лѣстницѣ, грозя наводнить собою залу засѣданій ландштендовъ. Съ трудомъ удалось маршалу, по соглашенію съ ставшимъ во главѣ толпы Фишгофомъ, порѣшить дѣло тѣмъ, чтобы въ залу допущены были шесть гражданъ и шесть студентовъ для нагляднаго удостовѣренія о благонамѣренности членовъ земскаго собранія. Народъ согласился на эту сдѣлку и довольствовался вызываніемъ къ окошкамъ и рукоплесканіемъ болѣе популярнымъ изъ числа членовъ земства. Чрезъ нѣсколько времени разнеслась молва, что депутаты народа заарестованы въ залѣ, и что приближаются войска окружить домъ собранія. Публика пришла мгновенно въ ярость, подозрѣвая измѣну, вломилась въ запертыя двери, разбила окошки, наполнила залу земскаго собранія и напугала членовъ земства до того, что они заявили готовность ходатайствовать у императора объ исполненіи всѣхъ народныхъ желаній. Сказано — сдѣлано. Чрезъ нѣсколько минутъ, густая колонна съ членами ландштендовъ во главѣ и съ безконечнымъ хвостомъ нахлынула на бургъ, не встрѣтивъ никакихъ препятствій, никакихъ приготовленій къ удержанію скопища въ предѣлахъ порядка. Статсъ-конференція застигнута была въ расплохъ, одинъ Меттернихъ совѣтовалъ насильственныя мѣры, другіе члены колебались. Наконецъ, послѣ долгихъ переговоровъ заключено со стороны конференціи объ учрежденіи особаго комитета для разсмотрѣнія принесенныхъ просьбъ и представленія ихъ немедленно на усмотрѣніе императора. Дѣло шло, повидимому, на ладъ, когда все разстроила новая волна народа, одушевленная намѣреніями несравненно менѣе миролюбивыми нежели первая. Этотъ второй напоръ возбужденъ былъ стеченіемъ нижеслѣдующихъ обстоятельствъ.

Когда земство переговаривалось въ бургѣ съ правительствомъ, оставшіеся въ домѣ земства и на сосѣднихъ улицахъ народъ и студенты шумѣли и кричали: «pereat Metternich! вонъ Седль-

ницкій!» острили надъ солдатами, появившимися для возстановленія сообщеній въ окрестностяхъ бурга и передразнивали ихъ. Нашлись и болѣе рѣшительные смѣльчаки, которые стали ломать мебель въ домѣ земскаго собранія и бросать ее съ верхнихъ этажей на головы солдатамъ, при чемъ одинъ кусокъ попалъ въ находившагося при командѣ эрцгерцога Альбрехта. По приказанію ли сего послѣдняго или по собственному побужденію, солдаты отвѣчали двойнымъ залпомъ; потекла кровь. Тогда взволновался одинъ элементъ, державшійся пассивно, а именно богатое мѣщанство, возмущенное тѣмъ, что съ публикою, съ вѣрноподданными гражданами Вѣны, обращаются какъ съ бунтовщиками. Именитые люди изъ городского патриціата Арттаберъ, Горнбостль, пристали къ спрятавшемуся на дому городскому головѣ съ тѣмъ, чтобы онъ потребовалъ удаленія войска изъ столицы. Къ членамъ земства присоединились въ бургѣ офицеры такъ называемаго Bürgercorps (почетной стражи изъ зажиточныхъ городскихъ обывателей). На замѣчанія Меттерниха, который старался ихъ увѣрить, что этотъ *Strassenkrawall* возбужденъ французскими, польскими и швейцарскими революціонными эмиссарами, они отвѣчали громко: «das ist kein Krawall, sondern eine Revolution». Студенты домогались вооруженія, вытащили откуда-то старика ректора Іенуля и отправили его съ этимъ требованіемъ въ бургъ. Напуганный старикъ чуть не плакалъ и на колѣняхъ умолялъ эрцгерцоговъ согласиться на требуемое, изображая ужасныя послѣдствія отказа. Уступая наконецъ этому натиску со всѣхъ сторонъ, статсъ-конференція рѣшилась на великую въ ея глазахъ уступку—отмѣну цензуры. Изъ пріемной эрцгерцога Людвига, гдѣ она была въ сборѣ, Меттернихъ удалился въ близъ находившійся кабинетъ для начертанія проекта указа о свободѣ печати. Тотчасъ по уходѣ его раздались въ средѣ земства и даже между членами скамьи господъ громкіе крики о его отреченіи отъ должности, которые заставили его возвратиться. Никто его не защищалъ, не оправдывалъ; всѣми оставленный статсъ-канцлеръ съигралъ не безъ достоинства послѣдній актъ своей политической роли: «задача моей жизни состояла въ томъ, чтобы содѣйствовать съ моей точки зрѣнія благу монархіи; если думаютъ, что мое пребываніе на этомъ постѣ подвергаетъ это благо опасности, то оставленіе его не будетъ съ моей стороны самопожертвованіемъ». Неожиданное паденіе Меттерниха было само по себѣ столь великимъ и важнымъ результатомъ, что тотчасъ разнеслась въ народѣ молва, успокоившая мгновенно умы: «правительство на все согласно». Эрцгерцогъ Людвигъ разрѣшилъ вооруженіе студентовъ, кромѣ иностран-

цевъ. Вечеромъ въ сумерки студентская толпа, предводительствуемая факелоносцемъ, вмѣсто знаменщика, направилась въ городской цейхгаузъ разбирать покоившіеся тамъ палаши и ломанныя ружья. Городъ былъ освѣщенъ не только плошками въ окнахъ, но и сожигаемыми на городской чертѣ будками у заставъ для взиманія мыта. Ночью Меттернихъ уѣхалъ изъ Вѣны. Команда надъ войсками и даже надъ гражданскими властями въ столицѣ ввѣрена князю Виндишгрецу, что не мѣшало однако правительству быть совершенно безсильнымъ въ отношеніи малѣйшихъ уличныхъ демонстрацій. Образованъ смѣшанный комитетъ изъ членовъ отъ земства и именитыхъ горожанъ для принятія мѣръ по обстоятельствамъ времени.

На слѣдующій день, 14 марта, правительство, состоящее теперь изъ членовъ статсъ-конференціи, кромѣ Меттерниха и эрцгерцоговъ, пыталось взять назадъ или по крайней мѣрѣ ограничить данныя предъидущаго дня уступки, но, замѣтивъ признаки неудовольствія, согласилось и на свободу прессы и на учрежденіе національной гвардіи, одного только не могло оно переварить, а именно слова: *«конституція»*,—слова, а не самаго предмета, потому что самъ предметъ, преобразованіе Австріи изъ абсолютной монархіи въ ограниченную, было дѣломъ рѣшеннымъ. 15 марта, обнародовано, что ландштенды земель нѣмецкихъ и славянскихъ и центральныя конгрегаціи ломбардовенеціанскія должны прислать въ Вѣну къ 3 іюля депутатовъ, съ которыми императоръ будетъ совѣщаться въ дѣлахъ законодательства и администраціи. Эта прокламація не достигла цѣли. Разыгравшіяся народныя массы безъ предводителей и яснаго пониманія вопросовъ руководятся прежде всего словами, а несодержаніемъ этихъ словъ. Ходячая монета въ эту минуту было слово: «конституція», подъ которымъ всякій могъ понимать, что ему угодно, а этого то слова и не было въ прокламаціи. Опять начались заявленія неудовольствія, опять правительство уступило натиску. Въ 5 часовъ вечера, опубликованъ новый манифестъ, который на этотъ разъ удовлетворилъ вполнѣ и совершенно гражданъ Вѣны. Манифестъ этотъ гласилъ, что все нужное сдѣлано относительно созванія депутатовъ отъ всѣхъ земскихъ собраній и центральныхъ конгрегацій въ самоскорѣйшее время съ усиленнымъ представительствомъ городскаго состоянія и съ обращеніемъ вниманія на существующія областныя устройства, съ цѣлью достигнуть *конституціи отечества* (zum. Behufe des Constitution der Vaterlandes). Въ два дня, безъ всякихъ почти пожертвованій, народонаселеніе Вѣны очутилось такимъ образомъ какъ будто въ полнѣйшемъ обладаніи не только того, чего оно когда либо добивалось, но и того о чемъ

едва осмѣливалось мечтать, а въ сущности пребывало среди полнѣйшей и непроходимой анархіи. Люди, участвовавшіе въ мартовскомъ движеніи, величали его побѣдою интеллигенціи и спокойной рѣшимости; противники представляли съ другой стороны мартовскія событія дѣломъ однихъ только студентовъ, да евреевъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что студенты ускорили развязку, что между народными ораторами на улицахъ многіе принадлежали къ еврейскому племени, и что еврейскій элементъ игралъ важную роль въ событіяхъ, и служилъ чѣмъ-то въ родѣ проволоки, по которой съ большею быстротою расходились электрическіе удары революціи. Но нѣтъ сомнѣнія, что ни напоръ студентовъ, ни происки евреевъ, не повели бы ни къ чему, если бы, во-первыхъ, за ними не стояли густыя массы народа, жаждущія перемѣны, и еслибы, во-вторыхъ, правительство не было въ корняхъ своихъ подточено, такъ что оно висѣло на воздухѣ, держалось на одномъ только волоскѣ. Когда дунулъ вѣтеръ, оно и провалилось окончательно; старая Австрія безвозвратно унесена была мартовскою катастрофою, ни одно учрежденіе ея не уцѣлѣло, ни одинъ изъ бывшихъ главныхъ ея дѣятелей не остался у кормила правленія. Впослѣдствіи, миновалась буря, и сила обстоятельствъ возстановила единство государства и исчезнувшее въ сумятицѣ правительство, но это правительство, но эти люди и эти порядки уже совершенно новые; всѣ они выходятъ прямо и непосредственно изъ революціи.

Мартовская катастрофа отразилась тотчасъ во всѣхъ главныхъ пунктахъ имперіи. Народныя сходки собирались и адресы подавались въ Грацѣ, Иннспрукѣ, Загребѣ; только одна соціальная вражда крестьянъ къ помѣщикамъ помѣшала въ облитой недавно кровью Галиціи воскреснуть опять польскому движенію. Въ сѣверной Италіи вспыхнуло народное возстаніе противу австрійцевъ. Шесть мѣсяцевъ готовился встрѣтить его Радецкій, и, не смотря на то, оно настигло его въ расплохъ, такъ оно было широко и стремительно. 23 марта, австрійцы очистили Миланъ. За день предъ тѣмъ поднялась Венеція, и воскрешена республика св. Марка съ Даніиломъ Манином во главѣ. Хотя Венгрія обладала крѣпкимъ органомъ воли народной—сеймомъ, но въ эту минуту и сеймъ не былъ въ состояніи обуздать внѣконституціонные взрывы народныхъ страстей. Вѣковой разладъ сейма съ правительствомъ и пренебреженіе, оказываемое, не смотря на сеймъ, всѣмъ высшимъ культурнымъ интересамъ народа, отплачивались теперь самымъ чувствительнымъ образомъ. Студентъ пештскій былъ родной братъ вѣнскаго и по плохому образованію, которое онъ получалъ съ каѳедры, и по наклонностямъ; ценcур-

ный гнетъ тяготѣлъ въ полной силѣ и надъ венгерскими литераторами. На первый темный слухъ о событіяхъ въ Вѣнѣ студенты, юраты, журналисты, собиравшіеся въ оппозиціонномъ клубѣ (Radicalkör), пришли въ броженіе и затѣяли 14 марта подачу общенароднаго адреса сейму и колоссальный оппозиціонный банкетъ въ родѣ парижскаго. На другой день, народное самолюбіе мадьяръ задѣто было за живое полученными извѣстіями о революціи въ Вѣнѣ. Толпамъ, собравшимся на площади музея, прочитаны были требованія венгерскаго народа въ 12 пунктахъ, составленныя наскоро людьми, стоявшими во главѣ движенія (Васвари, поэтъ Петёфи, журналистъ Ирини, мадьяризированный нѣмецъ Гальбшу, превратившійся въ Даніила Ирани и написавшій потомъ исторію венгерской революціи). Наборщиковъ типографіи Ландерера заставили силою отпечатать какъ эти 12 пунктовъ, такъ и гимнъ къ свободѣ Петёфи; потомъ освобожденъ былъ заключенный въ крѣпости Будѣ за политическое вольнодумство писатель Станчичъ, и власть надъ городомъ Пештомъ вручена особому комитету безопасности изъ бургомистра Ротенбиллера, нѣкоторыхъ бывшихъ членовъ сеймовой оппозиціи и нѣсколькихъ горячихъ головъ изъ радикаловъ.

Между тѣмъ, въ Пресбургѣ, первымъ послѣдствіемъ вѣнской революціи было то, что упрямившіеся магнаты, не соглашавшіеся на предложеніе Кошута 3 марта о конституціи для цѣлой Австріи, сдѣлались совершенно пассивными и безгласными и дали свое соизволеніе на все, чего только требовалъ агитаторъ. Отправлена по Дунаю 15 марта депутація отъ сейма просить особаго отвѣтственнаго министерства для Венгріи, свободы печати, суда присяжныхъ, учрежденія національной гвардіи, уравненія вѣроисповѣданій. Вслѣдъ за депутаціею направилась туда же въ догонку на другомъ суднѣ толпа молодыхъ юратовъ. Оба судна причалили къ берегу въ Вѣнѣ въ ту самую минуту, когда провозглашалась всенародно die Constitution des Vaterlandes, и когда въ упоеніи побѣды сыпались цвѣты, развѣвались ленты, и вѣнскій людъ готовъ былъ обниматься и лобызаться со всѣми въ свѣтѣ народностями, какъ съ родными братьями. Пріѣзжіе мадьяре привѣтствуемы были какъ герои, провожаемы громкими криками. 16 марта, сеймовыхъ депутатовъ принималъ императоръ и далъ на все требуемое свое соизволеніе въ самыхъ общихъ выраженіяхъ. Потерявшіеся вѣнскіе придворные и члены кабинета обращались даже къ венгерскимъ политикамъ за наставленіемъ, что̀ дѣлать, и за совѣтомъ, но Этвешъ и Батіани сочли неумѣстнымъ вступаться въ вѣнскій кавардакъ (Wirrwarr): отклоняя всякіе запросы, они говорили исключительно только о дѣлахъ венгер-

скихъ. Когда депутація возвратилась въ Пресбургъ, 27 марта, съ обѣщаніемъ отвѣтственнаго министерства въ рукахъ, то она нашла огромную перемѣну и въ настроеніи умовъ и въ отношеніяхъ партій. Всякое равновѣсіе между двумя факторами законодательной власти было уничтожено. Столъ магнатовъ упалъ въ своемъ значеніи до нуля, переносилъ безропотно внушенія, упреки, напоминанія и представлялъ собою простую машину, прилагающую ко всему предлагаемому ей свое клеймо. Подъ предлогомъ, что времени не хватаетъ на исполненіе всѣхъ формальностей кодификаціи, рѣшено, по предложенію Кошута, что столъ состояній вправѣ дѣлать самъ постановленія, принимая ихъ на свою отвѣтственность и сообщая ихъ только для свѣдѣнія магнатамъ. Въ столѣ состояній не было тоже никакой устойчивости, Кошутъ почти царилъ полновластно, прежнія пренія уступили мѣсто его монологамъ; онъ предлагалъ законы, онъ ихъ мотивировалъ, онъ провозглашалъ и толковалъ результаты голосованія. Хотя самъ Кошутъ опредѣлилъ 18 марта значеніе сейма такимъ образомъ: «направлять благоразумно, не допускать, чтобы у насъ вырваны были изъ рукъ поводья, всѣмъ жертвовать, лишь бы только остаться во главѣ націи», но на практикѣ онъ понималъ эту задачу уже чисто по революціонному, то есть такимъ образомъ, чтобы мчаться безъ оглядки по вихрю на волнахъ движенія, не становясь ни на одну минуту поперегъ стремленію массъ. Сеймъ принялъ было либеральный проектъ Семере о печати и другой объ образованіи національной гвардіи изъ однихъ домовладѣльцевъ и землевладѣльцевъ. По убѣжденіямъ Кошута, проектъ закона о печати Семере оставленъ, потому что толпа сожгла его на площади въ Пештѣ, и въ національную гвардію допущены всякія лица безъ опредѣленнаго ценза. Еще податливѣе оказался Кошутъ по вопросу о евреяхъ. Первый опытъ новой свободы въ городахъ состоялъ почти вездѣ въ томъ, что горожане воспротивились допущенію евреевъ къ равноправности гражданской и политической; нѣкоторые города, напр. Темешваръ, выразили это отвращеніе въ пикантной формѣ: «свобода вѣроисповѣданія, но безъ евреевъ». У иныхъ, напр. въ Пресбургѣ, наступило просто-напросто побіеніе евреевъ. На другой день послѣ этого побіенія (21 марта), Кошутъ говорилъ на сеймѣ противъ евреевъ, укорялъ ихъ въ томъ, что они закоренѣлые суевѣры, ростовщики и обманщики простонародія, и сеймъ исключилъ ихъ изъ числа избирателей. Сеймъ находился постоянно подъ давленіемъ толпы, приходилъ въ смущеніе отъ слуховъ, что Петёфи идетъ на Пештъ съ 30,000 вооруженныхъ людей, и отъ извѣстій, что за Пештомъ во всѣхъ городахъ и комитатахъ прогнаны были админи-

страторы, установлены временные комитеты безопасности, разбиты австрійскіе орлы. Торопливо, безъ критики и совѣщаній, сеймъ принималъ въ нѣсколько часовъ самые сложные проекты законовъ и рѣшалъ мгновенно основные конституціонные вопросы, на которые потрачены были передъ тѣмъ десятки лѣтъ и труды цѣлыхъ поколѣній безъ достиженія результатовъ. Такимъ образомъ, прошли законъ объ обложеніи всѣхъ состояній податьми, оператъ о городахъ, преобразующій до корня городское управленіе, отмѣна родовыхъ имуществъ, законъ о предоставленіи всѣмъ депутатамъ сейма, отъ кого бы они ни были, отъ комитатовъ, городовъ или капитуловъ, по одному голосу поголовно, вмѣсто прежнихъ коллективныхъ голосовъ. Всего важнѣе былъ законъ о совершенномъ освобожденіи крестьянъ. Кошутъ постигнулъ со свойственною ему проницательностью, что весь успѣхъ революціи зависитъ отъ привлеченныхъ на ея сторону крестьянъ, и что въ настоящій моментъ помѣщики безсильны и не посмѣютъ даже возражать. 18 марта принятъ проектъ закона объ отмѣнѣ патримоніальныхъ судовъ и крестьянскихъ повинностей (урбарія) за уплатою помѣщикамъ обѣщаннаго въ будущемъ вознагражденія. Въ тоже время духовенство отказалось отъ десятинъ.

Такимъ-то образомъ, разсѣкались шибко гордіевы узлы общественныхъ вопросовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и обрываемы были всѣ листья многовѣкового дерева венгерской конституціи; мощная аристократія низвергнута и почти вырвана съ корнемъ, всѣ парламентскія преданія брошены и потоптаны, сеймъ превратился въ жалкій призракъ совѣщательнаго собранія и просился на покой, но прежде распущенія ему пришлось испытать немало тревогъ и хлопотъ по вопросу о венгерскомъ министерствѣ. 17 марта, Людвигъ Батіани получилъ отъ палатина предложеніе образовать первое министерство. Пештскіе клубисты, которыхъ мнѣнія оказывали сильное вліяніе на постановленія сейма, бросили первую мысль о необходимости сдѣлать это министерство самостоятельнымъ и отъ вѣнскихъ властей независимымъ во всѣхъ отрасляхъ управленія, не исключая войны, финансовъ и внѣшнихъ сношеній, что̀, при извѣстной неспособности императора управлять лично, равнялось совершенному почти отложенію отъ Австріи. Въ этомъ духѣ составленъ проектъ закона (22 марта), по которому упразднялись венгерская гофканцелярія и гоф-камера, учреждались министерства войны, финансовъ и государственный совѣтъ въ Пештѣ, и назначался венгерскій министръ иностранныхъ дѣлъ въ Вѣнѣ. Въ списокъ министровъ попали люди самыхъ противоположныхъ направле-

ній, Кошутъ рядомъ съ Сечени, Этвешъ, Деакъ и Эстергази. Съ этимъ спискомъ и съ урбаріальнымъ закономъ, палатинъ отправился въ Вѣну. Какъ ни упали духомъ государственные люди Австріи, все-таки они не рѣшились согласиться на мѣры равносильныя разчлененію Австріи по кускамъ; они рѣшились оставить представленія сейма безъ отвѣта и опустить дѣло въ длинный ящикъ. Но ни сеймъ, ни радикалы въ Пештѣ не намѣрены были долго выжидать; пошли сильнѣйшія демонстраціи, направленныя не только противъ двора, но и противъ сейма. Въ Пештѣ между горячими головами ходила мысль отложиться не только отъ монархіи, но и отъ сейма, созвавъ народный конвентъ. Вѣнскій дворъ собиралъ отовсюду мнѣнія, спрашивалъ совѣтовъ. Всего обстоятельнѣе вопросъ: что дѣлать?—разобранъ былъ въ запискѣ палатина или лучше сказать въ запискѣ отъ его имени составленной венгерцами консервативной партіи. Палатинъ предлагалъ три возможные образа дѣйствія: 1) или объявить всю страну на военномъ положеніи, отправить въ нее войска и поставить надъ нею коммиссара съ диктаторскою властью; 2) или вывести войска и, предоставивъ Венгрію ея судьбѣ, ждать спокойно, пока не кончится изверженіе вулкана, пока не подерутся крестьяне съ помѣщиками; 3) или, наконецъ, войти въ соглашеніе съ графомъ Батіани съ тѣмъ, чтобы онъ спасалъ, что можно спасти, а между тѣмъ, готовиться къ энергическому сопротивленію. Изъ всѣхъ трехъ золъ слѣдовало бы избрать послѣднее. Отъ возбужденія крестьянъ противъ помѣщиковъ палатинъ предостерегалъ правительство, во первыхъ, потому что безнравственно напускать одно сословіе народа на другое, во вторыхъ, что это напусканіе обрушилось бы на единственныхъ сторонниковъ Австріи, въ Венгріи — на консерваторовъ; въ третьихъ, что трудно дать крестьянамъ больше того, что имъ обѣщано постановленіемъ сейма 18 марта. Правительство согласилось съ мнѣніемъ палатина, но исполнило его совѣтъ въ половину и не такъ какъ слѣдуетъ, утвердило списокъ министровъ, поданный Батіани, но обрѣзало всѣ проекты и предложенія сейма, не условившись съ новыми министрами относительно ихъ образа дѣйствія. 29 марта прочитаны на сеймѣ среди гробового молчанія императорскія резолюціи. На освобожденіе крестьянъ императоръ соглашался, но такъ какъ отъ внезапнаго прекращенія обязательныхъ работъ могутъ пострадать интересы помѣщиковъ, промышленность и торговля, и даже странѣ можетъ угрожать голодъ, то сейму предлагалось обсудить вторично и обстоятельнѣе вопросъ о вознагражденіи помѣщиковъ. Что касается до министерскихъ портфелей, то отка-

зано было въ упраздненіи венгерской гоф-канцеляріи, государственныя имущества и таможенныя пошлины изъяты изъ вѣдѣнія венгерскаго министра финансовъ, часть доходовъ Венгріи должна была поступать въ вѣнскую гоф-камеру, а министерство войны поставлено подъ начало вѣнскаго военнаго министра. Когда прочитаны были эти резолюціи, то Батіани первый объявилъ, что онъ не берется на этихъ условіяхъ составить министерство, и только настоятельныя просьбы палатина убѣдили его остаться въ этой должности. Видно было, что правительство не сказало еще своего послѣдняго слова, палатинъ взялся хлопотать объ изъявленіи императоромъ полнаго согласія въ самое непродолжительное время на всѣ требованія сейма; между тѣмъ клубисты въ Пресбургѣ и Пештѣ производили самыя сильныя демонстраціи, сожигали императорскія резолюціи, пѣли пѣсни Петёфи, поговаривали о сложеніи съ престола лотарингскаго дома и о республикѣ. Палатинъ прибылъ въ Вѣну 30 марта и нашелъ тамъ полнѣйшую анархію, среди которой лица, окружающія императора, готовы были подписать, что угодно. Безъ совѣщанія съ австрійскими министрами, дворъ взялъ назадъ прежнія резолюціи и далъ высочайшее соизволеніе и на упраздненіе венгерской гоф-канцеляріи и на самостоятельность венгерскихъ министерствъ войны и финансовъ. Въ первый разъ венгерцы вполнѣ и совершенно удовольствовались, и Кошутъ могъ сказать вечеромъ въ засѣданіи сейма 31 марта: «я простой гражданинъ, сильный одною только правдою, но пути Провидѣнія поставили меня такъ, что однимъ мгновеніемъ руки могу я рѣшать о существованіи или несуществованіи габсбургскаго дома. Еще и теперь, если бы я сказалъ, что королевскій рескриптъ неудовлетворителенъ, кровь гражданъ полилась бы ручьями, но я этого не сдѣлаю, потому что возжигать пламя гражданской войны, было бы ужаснѣйшимъ преступленіемъ. Соизволеніе короля даетъ намъ въ руки средства осуществить самыя смѣлыя желанія». Очень скоро и почти безъ преній прошелъ на сеймѣ новый законъ о выборахъ, по которому къ участію въ выборахъ допущены всѣ прежніе избиратели, лица, получившія высшее образованіе, домовладѣльцы, ремесленники, купцы, лица, получающія до 100 гульденовъ обезпеченнаго дохода, всего на все около 1,200,000 человѣкъ. Избираемыми могли быть всѣ лица, достигшія 25 лѣтняго возраста и говорящія по мадьярски. Въ столѣ магнатовъ сдѣлана была попытка повысить цензъ для избирателей и понизить размѣръ суточныхъ денегъ, даваемыхъ депутатамъ (по 5 гульденовъ), но безуспѣшно. Труднѣе было рѣшить вопросъ о преобразованіи

комитатскаго устройства. Дворянство понесло столько жертвъ и потерей въ послѣднее время, что если бы его лишили преобладанія въ комитатскихъ собраніяхъ, то оно бы тотчасъ расплылось въ великой массѣ народа. Такъ какъ національное сознаніе всего сильнѣе было развито между низшимъ дворянствомъ, то даже крайніе радикалы колебались на счетъ совершеннаго уравненія дворянства въ правахъ съ простонародьемъ. Постановлено, наконецъ, что въ собраніяхъ комитатскихъ будутъ участвовать по прежнему всѣ дворяне поголовно, да кромѣ того, депутаты отъ крестьянскихъ общинъ въ неограниченномъ числѣ. Комитатское собраніе выбираетъ изъ среды своей судей безъ разбора званія и происхожденія. Законъ объ устройствѣ комитатовъ былъ послѣднимъ дѣйствіемъ венгерскаго сейма, который закрытъ 10 апрѣля, послѣ чего новые венгерскіе министры поспѣшили въ Пештъ устраивать администрацію.

Перейдемъ къ Богеміи. Вѣсть о февральской революціи въ Парижѣ потрясла всѣхъ на подобіе электрическаго удара и настроила умы на тонъ выжиданія. 11 марта начались первые признаки движенія, являющагося безъ плана, программы, предводителей, по неудержимой силѣ обстоятельствъ. Починъ движенія долженъ былъ принадлежать очевидно чешскому элементу, но люди, стоявшіе во главѣ чешскаго развитія, Шафарикъ, Палацкій, Штробахъ не годились въ вожатые, это были кабинетные ученые или служащіе, люди осторожные и весьма умѣренные. На первый разъ требовалось составить и подать адресъ. Первый вызовъ къ этому мѣропріятію сдѣлало общество «Репиля», собиравшееся до сихъ поръ въ тихомолку въ одной изъ гостинницъ, всплывшее теперь впервые на свѣтъ божій, и состоявшее изъ людей вполнѣ неизвѣстныхъ, изъ литераторовъ послѣдняго разбора, адвокатскихъ писцовъ и отставныхъ студентовъ, не могшихъ кончить курса. Это общество распространило рукописную безъименную прокламацію, въ которой сказывалось о необходимости вооруженій въ виду какого-то «нашествія извнѣ», и о какихъ-то «пролетаріяхъ, которые нагрянутъ подобно снѣжной лавинѣ»; прокламація приглашала публику для совѣщаній 11 марта вечеромъ въ Венцельсбадъ. Такъ какъ общество Репиля не имѣло въ средѣ своей никакихъ людей сколько нибудь презентабельныхъ, то оно рисковало быть поднятымъ на смѣхъ и ошиканнымъ. Съ трудомъ оно пріискало въ предсѣдатели собранія жирнаго и коренастаго трактирщика Фастера и въ ораторы нѣкоего Трояна, человѣка честнаго, но въ высочайшей степени пошлаго, скучнаго и извѣстнаго своею

неудержимою велерѣчивостью. Программу адреса составилъ выгнанный изъ службы чиновникъ Брауеръ, который поступилъ въ этомъ случаѣ съ толкомъ, исключилъ изъ программы организацію труда и разныя соціалистическія фантазіи, а вмѣсто того поставилъ давнишнія желанія національной партіи о соединеніи всѣхъ чешскихъ земель воедино, а равно объ освобожденіи крестьянъ и прекращеніи барщины (robot). Толпа любопытныхъ нахлынула въ назначенный часъ и наполнила улицы смежныя съ Венцельсбадомъ. Когда она убѣдилась, что нѣтъ ни войска, ни опасности, и что двери венцельсбадской залы открываются, то по тому же любопытству она проникла и туда. Оказалось, что собравшаяся компанія вовсе не дурна, и все сошло съ рукъ порядочнѣе, чѣмъ можно было ожидать. Несущаго какой-то вздоръ Фастера перебилъ Троянъ, которому никто не возражалъ, программа Брауера принята единогласно, назначенъ на скорую руку комитетъ для составленія адреса, послѣ чего и ораторъ и слушатели поспѣшили, какъ можно скорѣе, убраться во избѣжаніе отвѣтственности.

На другой день собраніе въ Венцельсбадѣ вошло въ число совершившихся фактовъ и показалось дѣломъ самымъ натуральнымъ. Изготовленіе адреса поручено адвокату и журналисту *Пинкасу*, либералу, чуждому національныхъ стремленій, который постарался дать адресу характеръ не національный, а чисто политическій и сообщить ему тонъ смягченный, умѣренный, подходящій къ умственному уровню средняго и высшаго мѣщанства. 14 марта, движеніе какъ будто бы пріостановилось и начались попытки реакціи. Бургомистръ, открывшій ратушу для совѣщаній членовъ адреснаго комитета, прогналъ ихъ вдругъ оттуда, и озаботился пріисканіемъ новаго комитета для выраженія вѣрноподданническихъ чувствъ, когда внезапно грянуло извѣстіе о вспыхнувшей въ Вѣнѣ революціи.

Съ этой минуты адресный комитетъ получилъ большую силу, и превратился въ настоящій комитетъ общественной безопасности, которому подчинились почти всѣ начальства городскія; адресъ Пинкаса покрывали тысячи подписей, всѣ надѣли національныя кокарды бѣлыя съ краснымъ, студенты занялись по примѣру своихъ вѣнскихъ камрадовъ образованіемъ академическаго легіона, движеніе сдѣлалось глубже и общнѣе, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, оно получило гораздо болѣе національную окраску, такъ какъ къ чешскому племени въ Прагѣ принадлежатъ почти все мелкое мѣщанство, работники и большинство студентовъ. Молодые чешскіе патріоты изъ членовъ Репиля, недовольные тѣмъ, что затѣянное ими, 11 марта, движеніе перешло въ руки комитета

не изъ нихъ составленнаго, а изъ людей крайне умѣренныхъ и національно безцвѣтныхъ, начали агитацію противъ адреса Пинкаса, доказывая, что онъ не соотвѣтствуетъ первоначально начертанной программѣ Брауера, одобренной публикою 11 марта. Они добились того, что депутаціи снаряжаемой въ Вѣну поручено подать императору оба документа и брауеровскій и пинкасовскій. Кромѣ того, сами ничего не подозрѣвая, они достигли еще одного важнаго результата: они разстроили своимъ вмѣшательствомъ завязывавшійся союзъ высшей аристократіи съ революціоннымъ движеніемъ. Либеральная партія чешскаго сейма, замѣчая свое безнадежное уединеніе среди движенія и опасаясь исхода затронутаго крестьянскаго вопроса, не прочь была сойтись съ адреснымъ комитетомъ для составленія и общимъ подписаніемъ всеподданнѣйшаго прошенія. По условію, состоявшемуся между графомъ Деймомъ и Пинкасомъ, рѣшено было, что комитетъ соберется и предприметъ торжественное шествіе въ Градчинъ, что онъ будетъ принятъ собравшимися чинами богемскаго сейма, и что сіи послѣдніе подпишутся на прошеніи in corpore. Бюргера, засѣдавшіе въ комитетѣ, полагали, что успѣхъ просимыхъ реформъ будетъ вполнѣ обезпеченъ тѣмъ, что къ прошенію присоединятся знатныя персоны; съ другой стороны, магнаты разсчитывали, поддерживая расширеніе правъ политическихъ народа, выиграть многое въ крестьянскомъ вопросѣ. Но когда въ дѣло вмѣшались чешскіе патріоты недовольные умѣренностью адреса по крестьянскому вопросу (eine humane Verbesserung der bäuerlichen Verhältnisse), то тотчасъ прерваны были всѣ сношенія. Дворянство не захотѣло, чтобы разыгравшейся толпѣ дана была отдаленная возможность заставить нѣкоторыхъ изъ наименѣе популярныхъ членовъ сейма повторить опасный скачекъ Мартиница и Славаты изъ оконъ ландесштубы.

19 марта отправилась наконецъ депутація въ Вѣну подъ предводительствомъ Фастера и Трояна, провожаемая благословеніемъ архіепископа, цвѣтами, колокольнымъ звономъ. Путешествіе коммиссіи исполнено было комическихъ эпизодовъ. Фастеръ грубилъ министрамъ, чтобы придать себѣ больше важности, наѣдался и напивался на торжественныхъ угощеніяхъ, на которыя онъ былъ приглашаемъ жителями столицы; Троянъ утомлялъ министровъ рѣчами, но оба не внушили высокаго понятія Коловрату и Пиллерсдорфу о своихъ довѣрителяхъ, сама двойственность представленныхъ прошеній возбуждала сомнѣнія; прошенія сданы были въ канцелярію и достались въ руки сѣдыхъ гофратовъ, которые и поспѣшили отписаться старымъ издавна заведеннымъ порядкомъ, что «Е. В. уважитъ», или что Е. В. удо-

стоитъ въ будущемъ своего благоусмотрѣнія», или что «Е. В. всемилостивѣйше даруетъ своимъ подданнымъ право ходатайствовать о своихъ нуждахъ законнымъ путемъ передъ престоломъ». Между тѣмъ въ Прагѣ революціонное настроеніе повысилось еще на нѣсколько ступеней; чехи обладали особымъ языкомъ, но къ своему несчастію не въ силахъ были доработаться вдругъ до національныхъ учрежденій, около которыхъ могли бы группироваться, но они постарались по крайней мѣрѣ о возсозданіи или лучше сказать объ изобрѣтеніи своего національнаго костюма. Творчество портныхъ и заимствованія должны были помочь недостатку историческихъ образцовъ; изъ польской таратайки, или контуша, русской шапки, турецкой сабли, высокихъ сапоговъ, мадьярскаго плаща составлена такъ называемая національная одежда, въ которую всѣ спѣшили пріоблечься. Среди этого маскарада явилась 27 марта депутація, которую пражане встрѣтили торжественно, но когда они узнали, какой рескриптъ везетъ съ собою депутація, то поднялась страшная буря, отъ которой Фастеръ спасалъ себя тѣмъ, что обругалъ товарищей «колпаками» и свалилъ на нихъ всю вину. Рѣшено отправить другую депутацію съ другимъ адресомъ, чистымъ подражаніемъ венгерскому, съ просьбою о представительномъ правленіи, отвѣтственномъ министерствѣ, національной гвардіи и соединеніи всѣхъ богемскихъ земель воедино. Люди мало извѣстные, но отличавшіеся своею заносчивостью, руководили движеніемъ и вынудили почти силою подписи у членовъ адреснаго комитета и у обербургграфа. Во главѣ депутаціи поставлены тотъ же Троянъ и тотъ же Фастеръ, запасшійся для большаго эффекта въ Вѣнѣ шестью парами національныхъ штановъ и шестью парами топанковъ (сапоговъ), купленными изъ фонда для пособія оставшимся безъ занятій работникамъ. Въ Вѣнѣ, и Коловратъ и Пиллерсдорфъ согласились на все, лишь бы отдѣлаться, и предоставили депутатамъ написать самимъ проектъ высочайшей резолюціи. Работу эту взялъ на себя Троянъ и привелъ ее къ блаполучному окончанію въ нѣсколько часовъ. Изъ проекта Трояна и вышла по его утвержденіи конституція Богеміи 8 апрѣля. Дикія вещи встрѣчались въ этомъ актѣ, и служитъ онъ доказательствомъ политической незрѣлости и того, кто его писалъ, и тѣхъ, которые его послали. Для осуществленія формы представительнаго правленія приглашены въ новый сеймъ, который долженъ былъ имѣть значеніе учредительнаго, прежніе ландштенды, представители городовъ, безъ показанія какихъ именно, профессора и депутаты отъ студентовъ, которые однако едва ли могли попасть въ сеймъ по

25 лѣтнему возрасту, требуемому отъ всѣхъ депутатовъ. За основаніе представительства отъ уѣздовъ взято старинное дѣленіе земли на приходы, Богемія должна была получить отвѣтственное министерство. Языки чешскій и нѣмецкій уравнены въ правахъ. Не смотря на всю свою незрѣлость, въ конституціи 8 апрѣля выражался одинъ несомнѣнный фактъ — совершенное почти отложеніе Чехіи отъ австрійской державы, разрывъ всякихъ реальныхъ связей и оставленіе одной только связи личной. Вѣра въ дальнѣйшее существованіе Австріи была потрясена до основанія, и насталъ, повидимому, часъ ея кончины.

Съ пожалованіемъ конституціи 8 апрѣля, адресному комитету слѣдовало бы самому упраздниться, но онъ видимо медлилъ и пріискивалъ себѣ занятія, чтобы дольше пользоваться властію, хотя обербургграфъ, которому этотъ комитетъ надоѣлъ, желалъ какъ можно скорѣе отъ него освободиться. Съ другой стороны, необходимо было поручить кому нибудь приготовительныя работы для будущаго сейма и составленіе проектовъ предполагаемыхъ реформъ. Такъ какъ прежній сословный сеймъ богемскій былъ весьма не популяренъ, то обербургграфъ Р. Стадіонъ поручилъ эти работы и изготовленіе проектовъ собранію изъ 24 именитыхъ назначенныхъ имъ гражданъ, въ числѣ коихъ были дворяне, крупные землевладѣльцы, представители промышленности и интеллигенціи, но не засѣдалъ ни одинъ студентъ, ни одинъ членъ Репиля, ни одинъ изъ мартовскихъ героевъ, что подрывало кредитъ собранія у радикаловъ. По поводу этого собранія, носившаго титулъ губерніальной коммисіи, готовилась борьба оппозиціи съ правительствомъ, для предупрежденія которой новой бургомистръ Праги, Штробахъ, предложилъ соединить воедино прежній адресный комитетъ съ губерніальною коммиссіею. Изъ этого соединенія вышло установленіе, названное по предложенію одного изъ студентовъ *народнымъ комитетомъ*, которое распространило власть свою на всю страну, признано оффиціально и исправляло въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ всѣ функціи временного правительства Богеміи.

IV.

Кому достанется богатое наслѣдство?

Мартовскій переворотъ въ Вѣнѣ, затѣянный людьми неизвѣстными, не выдвинулъ впередъ новыхъ дѣятелей, а только свелъ со сцены Меттерниха и Седльницкаго. Мѣста ихъ заняты

тотчасъ ихъ товарищами, людьми стараго режима, министерство образовалось подъ предсѣдательствомъ Коловрата изъ графа Фикельмона, Таафе, Кюбека и Пиллерсдорфа. Вскорѣ потомъ Коловратъ и Кюбекъ удалились отъ дѣлъ, президентомъ министровъ сдѣланъ графъ Фикельмонъ; въ кабинетъ вошли Филиппъ Краусъ, Занини, Зоммаруга. Можно было подивиться самоотверженію людей, рѣшившихся брать министерскіе портфели при столь отчаянныхъ обстоятельствахъ. Одна область отлагалась за другою, горизонтъ политическій съузился и ограничивался почти одною только городскою чертою столицы, но и въ этой столицѣ министры должны были считаться съ слѣдующими двумя силами: а) съ временнымъ городскимъ комитетомъ, занявшимъ мѣсто прежняго магистрата, мѣшающимся во всѣ дѣла государственныя и составленнымъ изъ именитыхъ горожанъ, членовъ ландштендовъ, членовъ юридико-политическаго общества и представителей университета; и б) съ уличною толпою, шумящею подъ окошками. Этотъ шумъ подъ окошками мѣшалъ министрамъ слышать раскаты грома, раздающіеся въ провинціяхъ. Занятые тѣмъ, чтобы прожить какъ нибудь со дня на день министры ни о чемъ другомъ и думать не могли. Такъ какъ, предѣлы дѣятельности правительства почти совпадали съ городскою чертою, то внѣ ихъ верховная власть сдѣлалась вещью ничьею, предметомъ безхозяйственнымъ, на землѣ лежащимъ, могущимъ перейти ко всякому, кто бы осмѣлился ее поднять, присвоить себѣ или полюбовно подѣлиться имъ съ другими соискателями. Первые дни послѣ побѣды принадлежали безкористному, чуждому всякихъ разсчетовъ упоенію свободою, и прошли въ братскомъ единеніи людей всѣхъ расъ и націй. Потомъ, когда первый пылъ прошелъ и началось обдумываніе основаній будущей организаціи, оказалось, что единственные претенденты на полученіе наслѣдства послѣ стараго францовскаго и меттерниховскаго порядка суть національности Австріи, что каждая національность стремится къ тому, чтобы устроиться политически, и что интересы ихъ не только не совпадаютъ, но во многихъ отношеніяхъ прямо противоположны между собою, что они перепутываются и перекрещиваются. Въ самомъ затруднительномъ положеніи нашлись австрійскіе нѣмцы, поставленные между двумя движеніями, австрійскимъ и общегерманскихъ, и отыскивающіе рѣшенія мудреной задачи, которая ничѣмъ не лучше отысканія квадратуры круга: *стараться быть политически германцами, не переставая быть и австрійцами.* Австрійскіе нѣмцы не были причастны началу германскаго движенія и оставались совершенно равнодушны къ этому движенію до знаменитаго Königs-

ritt'a Фридриха Вильгельма IV по улицамъ Берлина, 21 марта, и его прокламаціи о томъ, что «Пруссія распускается въ Германіи». Тогда въ жителяхъ Вѣны проснулось не то, чтобы ясное пониманіе германскаго вопроса, но старинная ненависть къ Пруссіи и воспоминаніе о томъ, что Габсбурги стояли нѣкогда въ теченіе многихъ вѣковъ во главѣ римсконѣмецкой имперіи; вспыхнулъ внезапно національный энтузіазмъ, который выразился прежде всего въ усвоеніи германскихъ цвѣтовъ. Исполинское черно-красно-золотое знамя повѣяло 2 апрѣля съ высотъ башни св. Стефана. Того же числа студенты и пѣвцы направились на бургъ и добились того, что императоръ Фердинандъ воткнулъ трехцвѣтное знамя на балконѣ бурга, собственною своею рукою. Всякій понималъ иное подъ этими цвѣтами, консерваторы—протестъ противъ Пруссіи, студенты—демократію и соціализмъ, масса народа — демонстрацію противу разныхъ славянскихъ притязаній. Первымъ результатомъ оживленія національно-нѣмецкихъ чувствъ была мысль о необходимости послать представителей въ пятидесятичленный нѣмецкій комитетъ собравшійся во Франкфуртѣ, полагающій основы политическаго объединенія Германіи и подготовляющій открытіе общегерманскаго парламента. Самъ комитетъ чувствовалъ себя въ неловкомъ положеніи, выбралъ для пополненія своего состава шесть человѣкъ прогрессистовъ изъ австрійцевъ, въ томъ числѣ и Паладкаго. Вмѣсто шести, вѣнское народонаселеніе нарядило до шестнадцати довѣренныхъ людей, которые приняли участіе во Франкфуртѣ въ постановленіяхъ о созваніи общегерманскаго парламента посредствомъ всеобщей, не стѣсняемой никакимъ цензомъ, подачи голосовъ. Вѣнское правительство смотрѣло далеко не благосклонно на учредительныя работы комитета пятидесяти, но оно боялось возбудить неудовольствіе въ Вѣнѣ и уступить Пруссіи первое мѣсто. Оно согласилось на производство выборовъ въ парламентъ, но заявило притомъ самымъ положительнымъ образомъ, что оно не подчиняется безусловно этому собранію, оставляетъ за собою полную независимость и право согласиться или не согласиться на каждое изъ постановленій будущаго германскаго народнаго собранія. Это рѣшеніе вопроса могло разсчитывать на поддержку огромнаго большинства народонаселенія столицы, которое увлекалось идеею единства Германіи, пока эта идея принадлежала къ области мечтаній, но вовсе не было намѣрено дѣлать ей пожертвованій, когда она переходила на практическую почву. Купцы и ремесленники пуще всего боялись упраздненія таможеннаго кордона на границахъ, чиновники были твердо увѣрены, что нѣмецкій языкъ

останется и въ будущемъ культурнымъ и оффиціальнымъ языкомъ монархіи, но никакъ не допускали, чтобы ихъ правительство сдѣлалось кому либо подначально. Зажиточные люди боялись распространенія республиканскихъ началъ въ Австріи вслѣдствіе связи Австріи съ Германіею. Почти вездѣ въ члены парламента выбраны надежные австрійскіе патріоты, и черножелтое знамя стало вновь пріобрѣтать потерянный имъ почетъ.

Когда вѣнскіе нѣмцы усвоили себѣ трехцвѣтныя германскія знамена и кокарды, ихъ единоплеменники въ Богеміи хотѣли послѣдовать тому же примѣру, но встрѣтили сильнѣйшее сопротивленіе со стороны чешской партіи, которая, хотя сама преисполнена была разныхъ панславистическихъ фантазій, но стала ихъ упрекать въ измѣнѣ государству и сепаратистическомъ отпаденіи отъ австрійской монархіи. Въ то же самое время (13 апрѣля), Палацкій, воспользовавшись обращеннымъ къ нему приглашеніемъ франкфуртскаго комитета пятидесяти, обнародовалъ свой отказъ отъ этого предложенія, отказъ, который получилъ весьма громкую извѣстность и по имени автора, уважаемаго чехами на подобіе патріарха, и по своимъ мотивамъ, такъ что онъ послужилъ на будущее время программою для дѣйствій національной чешской партіи по германскому вопросу. Историческими фактами Палацкій старался доказать, что Богемія была спаяна съ священною римскою имперіею болѣе слабою связью, нежели остальныя части имперіи, потомъ онъ указывалъ на необходимость существованія крѣпкой самостоятельной Австріи въ смыслѣ оплота противъ давленія, оказываемаго на Европу громаднымъ сѣверовосточнымъ колоссомъ. Мелкіе народы по Дунаю должны образовать одну сплошную массу, центръ коей долженъ находиться гдѣ нибудь вблизи этой водяной жилы. — *Если бы Австріи не было, то въ интересѣ Европы и всего человѣчества ее слѣдовало бы немедленно создать:* искрененъ или нѣтъ былъ этотъ австрійско-вѣнскій патріотизмъ въ Палацкомъ — это вопросъ спорный, но несомнѣнно, что статья его, написанная очень ловко, должна была произвести большой эффектъ и понравиться весьма многимъ: и руссофобамъ, которыхъ много въ Германіи, и консерваторамъ, и чиновникамъ австрійскимъ, и вѣнскимъ министрамъ. Послѣ этой статьи стало сомнительно, будутъ ли произведены въ Богеміи выборы въ нѣмецкій парламентъ. Вѣнскій кабинетъ сдѣлалъ распоряженіе о производствѣ выборовъ, но, встрѣтивъ сопротивленіе со стороны пражскихъ чеховъ, предоставилъ на волю народонаселенію Богеміи по округамъ приступить къ выборамъ или отъ нихъ воздержаться. Франкфуртскій комитетъ пятидесяти прислалъ съ

своей стороны для агитированія въ пользу нѣмцевъ своихъ депутатовъ Вехтера, Куранду и Шиллинга, которые не смѣли однако показываться публично, и, убѣдившись въ безсиліи своихъ единоплеменниковъ въ Прагѣ, должны были удалиться, ничего не сдѣлавъ. Въ ратушѣ на производство выборовъ записались всего на все три человѣка, что и дало поводъ чехамъ заявлять громогласно, что три только нѣмца обрѣтаются въ старинной чешской столицѣ. Пораженные нѣмцы могли утѣшаться только тѣмъ, что идея чешскаго единства нашла самый рѣшительный отпоръ въ мораванскомъ сепаратизмѣ. Брюннъ издавна гораздо сильнѣе тянулъ къ Вѣнѣ нежели къ Прагѣ, а такъ какъ мнѣніе брюнскаго народонаселенія имѣло вѣсъ рѣшительный на всю Моравію, то и вышло, что мораване питаютъ совершенное отвращеніе отъ чешской централизаціи и не хотятъ слышать о соединеніи Чехіи, Моравіи и австрійской Силезіи въ одно политическое тѣло.

Въ земляхъ короны венгерской, наслѣдіе послѣ старой системы должно было пойти въ раздѣлъ между мадьяръ, хорватовъ, сербовъ, словаковъ и румынъ. Извѣстно, что они не могли прійти къ соглашенію и подрались между собою, и что въ этой кровавой междоусобной войнѣ погибли конституціонныя свободы, обладаніе коими составляло предметъ желаній каждой изъ этихъ національностей. Въ виду печальнаго исхода междоусобной войны и окончательной побѣды восторжествовавшаго надъ всѣми бойцами абсолютизма, возникло и укоренилось мнѣніе, основанное на пословицѣ: is fecit cui prodest, что вся эта война была плодомъ интриги вѣнскаго двора и вѣнскихъ министровъ, что, соглашаясь на всѣ требованія венгерцевъ, они въ ту же самую минуту завязывали нити обширной интриги, напускали на мадьяръ южныхъ славянъ, что, за день до утвержденія перваго самостоятельнаго венгерскаго министерства (Батіани-Кошутъ), они возвели (23 марта) въ достоинство бана тріединаго королевства того полковника Іеллачича, котораго оружію принадлежитъ главная честь возстановленія австрійской монархіи въ прежнемъ ея могуществѣ. Эти обвиненія проистекаютъ отъ смѣшенія двухъ совершенно различныхъ моментовъ въ исторіи австрійской революціи и лишены всякого основанія. Если южные славяне ненавидѣли мадьяръ, то и къ нѣмцамъ они питали не меньшее отвращеніе. Тяжелый гнетъ прежней системы былъ имъ весьма памятенъ и чувствителенъ; пользуясь мартовскою катастрофою, и они также снарядили въ Вѣну депутацію съ цѣлью вынудить что нибудь для себя отъ поставленнаго въ безпомощное состояніе правительства. Общая радость отъ полу-

ченныхъ уступокъ была такъ велика въ мартѣ 1848 г., что она притупляла и стушевывала на первыхъ порахъ народныя вражды и склоняла всѣ національности брататься между собою и сближаться. Мадьярскіе либералы оказывались несравненно уступчивѣе прежняго; пештскій комитетъ издалъ прокламацію къ «братьямъ хорватамъ»; министерство Батіани торжественно заявило, что оно не питаетъ никакой вражды къ хорватскому языку и мѣстнымъ льготамъ; сербы посылали депутацію на сеймъ венгерскій просить о допущеніи на этотъ сеймъ ихъ карловицкаго митрополита и о расширеніи правъ православнаго вѣроисповѣданія. Первая хорватская депутація, отправившаяся въ мартѣ въ Вѣну подъ начальствомъ Гая, не думала вовсе объ отложеніи отъ Венгріи; она просила только о присоединеніи Далмаціи и адріатическаго поморья къ тріединому королевству, и питала надежду собственными силами устроиться со временемъ такимъ образомъ, чтобы не зависѣть ни отъ Вѣны, ни отъ Пешта, создать по теченію Дравы и Савы вторую Венгрію столь же свободную, но не мадьярскую, а хорватскую. Эта же депутація имѣла порученіе рекомендовать на вакансію бана, очистившуюся за выходомъ Галлера въ отставку и временно занимаемую епископомъ Гавликомъ, молодого полковника перваго гренцерскаго полка Іосифа Іеллачича, извѣстнаго по своему хорватскому патріотизму. Іеллачичъ былъ сынъ генерала, человѣкъ бѣдный, но хорошо воспитанный, добрый товарищъ и поэтъ (онъ писалъ стихи на нѣмецкомъ языкѣ). По старому обыкновенію должность бана поручаема была всегда военному, который соединялъ вмѣстѣ съ этою должностью командованіе войсками, поселенными по Военной-границѣ; хорватамъ нужно было имѣть на этомъ посту земляка и патріота. Іеллачичъ удовлетворялъ всѣмъ этимъ условіямъ, и хотя онъ не былъ извѣстенъ въ Вѣнѣ, но за него поручились епископъ Гавликъ и баронъ Кульмеръ, имѣвшіе большія связи при дворѣ. Правительство предупредило просьбу хорватской депутаціи, назначивъ его баномъ до предъявленія депутаціею ходатайства о немъ, причемъ главнымъ руководящимъ мотивомъ было желаніе сдѣлать угодное хорватамъ.

Движеніе сербовъ въ Банатѣ было болѣе національное, нежели хорватское, но столь же мало династическое. Какъ въ Кроаціи, такъ и здѣсь, національное антимадьярское направленіе выражалось въ двухъ партіяхъ староконсервативной и демократической. Староконсервативная партія основывала свои притязанія на пожалованныхъ *genti Rascianae* привилегіяхъ императора Леопольда I (1690, 1691 и 1695), при поселеніи сербовъ въ Ба-

натѣ, и домогалась установленія особаго сербскаго воеводы и сербскаго патріарха. Главное лицо въ этой партіи былъ карловицкій митрополитъ Осипъ *Раячичъ*, человѣкъ умный, осторожный и прежде всего озабоченный благосостояніемъ и интересами православной церкви. Демократическая либеральная партія питала болѣе смѣлые замыслы, мечтала о сербскомъ единствѣ, и намѣрена была превратить Австрію и Венгрію въ федераціи національностей съ тѣмъ, чтобы образовать когда нибудь въ будущемъ свое національное государство. Обѣ партіи добивались образованія сербской войводовины, то есть, административнаго отдѣленія отъ Венгріи, которое шло въ разрѣзъ со всѣми планами устанавливающейся мадьярской централизаціи и было съ трудомъ осуществимо, потому что сверхъ Бачки, Баната, части Военной границы и комитата Бараньи, сербы хотѣли вырвать еще изъ Славоніи Сирмій или Сремъ, для присоединенія къ своей территоріи, и свои притязанія основывали единственно только на своемъ разсѣленіи въ тѣхъ или другихъ частяхъ южной Австріи, въ которыхъ они были перемѣшаны съ нѣмцами, мадьярами и румынами, такъ что едва составляли половину народонаселенія. Символъ народнаго единства—православная церковь, составляетъ у сербовъ единственное знамя народнаго движенія, которое тогда только имѣетъ какіе-либо шансы успѣха, когда носитъ религіозный характеръ, то есть, когда во главѣ его стоитъ духовенство. Сербскіе либералы, которыхъ главнымъ центромъ былъ Новый-Садъ, сознавая эту необходимость рѣшились привлечь Раячича какими бы то ни было мѣрами на сторону движенія. Осаждаемый прошеніями, адресами, Раячичъ сдѣлалъ видъ, что уступаетъ по необходимости, вслѣдствіе оказываемаго на него давленія, и созвалъ народное сербское собраніе на 13 мая въ Карловицъ. Это собраніе имѣло скорѣе видъ вѣча или мірской сходки, нежели народнаго представительства, и отличалось своимъ священноцерковнымъ характеромъ. Руководителями совѣщаній были священники, постановленія дѣлались единогласно, Раячичъ поднятъ былъ на плечи присутствующими и провозглашенъ сербскимъ патріархомъ, въ то же время избранъ воеводою старый наполеоновскій солдатъ и бывшій адъютантъ маршала Мармона полковникъ грениеровъ Супликацъ. Конгрессъ разошелся, постановивъ слѣдующіе пункты: сербская нація должна быть свободна и независима подъ скипетромъ Австріи и подъ общею венгерскою короною; сербская войводовина образуется изъ Срема, Бараньи, Бачки, округа Чайкистовъ, Границы и Баната, и должна войти въ тѣснѣйшую связь съ тріединымъ королевствомъ; признана національная независимость румынъ; для исполненія этихъ

постановленій избранъ *отборъ* (комитетъ), которому дано полномочіе на установленіе временнаго сербскаго правительства.

Національныя отношенія сложились весьма оригинальнымъ образомъ въ Трансильваніи, въ которой надъ политически безправыми и порабощенными румынами, составляющими 58% всего народонаселенія, властвовали три націи, представляемыя на сеймѣ: мадъяре, секлеры и нѣмцы, или саксы. Мадъяре и секлеры тянули къ Пешту и Венгріи; саксы стояли крѣпко за особность Трансильваніи, поддерживали австрійское правительство и могли надѣяться на защиту и содѣйствіе со стороны губернатора и губерніума клаузенбургскаго. Наконецъ, румыны, начинающіе сознавать свое численное превосходство, имѣли твердую рѣшимость воспользоваться смутами въ Австріи, чтобы освободиться отъ своихъ владыкъ, или, по крайней мѣрѣ, чтобы получить въ качествѣ четвертой націи участіе въ представительствѣ на сеймѣ. Починъ этого румынскаго движенія принадлежалъ небольшому кружку профессоровъ, студентовъ, адвокатовъ. Подобно сербамъ, румынскіе либералы нашлись по своей немногочисленности вынужденными поставить себя тотчасъ подъ начало православной церкви и духовенства, которое съ своей стороны имѣло весьма опредѣленную программу, способную увлечь массы: улучшеніе быта крестьянъ и правà православнаго вѣроисповѣданія. Румынскіе агитаторы назначили народную сходку румынъ на 15 мая въ Балясфальва (Blasendorf). На эту сходку прибыло, по показаніямъ мадъяръ, 15,000, по показаніямъ румынъ, до 40,000 человѣкъ, въ томъ числѣ множество духовныхъ. По недостатку мѣста въ церкви и на площади, собраніе перешло за городъ, расположилось на открытомъ полѣ, два отряженные отъ губерніума коммиссара сообщили сходкѣ своимъ присутствіемъ нѣкоторый оффиціальный характеръ; надъ собраніемъ развѣвались австрійскія знамена; оно привѣтствовало своими криками: во-первыхъ, имя основателя Дакіи, императора Траяна, потомъ имя австрійскаго монарха. Постановленія сходки состояли въ слѣдующемъ: совершенное прекращеніе крѣпостной зависимости крестьянъ, размежеваніе полей, назначеніе жалованія отъ казны православному духовенству, признаніе румынской націи привилегированною наравнѣ съ тремя другими, съ правомъ посылать на сеймъ представителей, и учрежденіе народнаго румынскаго комитета подъ предсѣдательствомъ адвоката Барнутіу.

Сходка румынъ подѣйствовала на саксовъ и заставила ихъ депутатовъ сблизиться на сеймѣ съ мадъярами и секлерами, отступить отъ своихъ инструкцій и согласиться на постановленіе 30 мая о присоединеніи Трансильваніи къ коронѣ венгерской,

на что и послѣдовало императорское соизволеніе 18 іюня. Ни саксы, ни румыны не довольствовались этимъ соединеніемъ; посѣянныя сѣмена раздора должны были дать въ скоромъ времени чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ обильную жатву.

V.

Конституція 25 апрѣля 1848.

Послѣ мартовской катастрофы, настоящимъ владыкою столицы, а слѣдовательно и монархіи былъ людъ вѣнскій, какъ дѣловой такъ и рабочій, какъ учащійся такъ и гулящій, очень довольный своею побѣдою, полюбившій процессъ и обстановку уличнаго движенія, и желающій пользоваться въ полной мѣрѣ политическою свободою, неразличаемою имъ отъ безначалія. На первыхъ порахъ его занимало организованіе національной гвардіи, обученіе маршировкѣ и ружейнымъ пріемамъ, потомъ его заинтересовалъ вопросъ о германскихъ цвѣтахъ и о присоединеніи къ германскому гусударству, потомъ пришлось пріискивать новую пищу и новые предметы для народныхъ совѣщаній. Собираемы были сходки по поводу повышенія цѣнъ на квартиры домовладѣльцами, или по поводу корыстолюбія и притѣсненій торговцевъ, или по поводу наплыва въ столицу рабочихъ изъ провинцій. Большинство людей изъ простонародія, наскучивъ рѣчами, упражненіями въ краснорѣчіи на сходкахъ, искало болѣе шумныхъ удовольствій, ему нравились скопища на улицахъ, манифестаціи съ музыкою или кошачьи концерты, сопровождаемые мяуканіемъ, мычаніемъ и разбиваніемъ каменьями окошекъ. Настояла крайняя необходимость въ томъ, чтобы положить конецъ этому безобразію, становящемуся болѣе и болѣе опаснымъ, давъ какое-нибудь занятіе праздной толпѣ, направивъ мысли ея на какой-либо практическій вопросъ. Ближайшій изъ подобныхъ предметовъ былъ вопросъ о «конституціи отечества», обѣщанной 15 марта. Политически незрѣлое народонаселеніе не имѣло яснаго понятія о томъ, что̀ такое конституція. Для крестьянина она была тождественна съ прекращеніемъ недѣльной повинности, для рабочаго съ повышеніемъ рабочей платы, для ремесленника съ водвореніемъ цеховъ и изгнаніемъ изъ городовъ евреевъ. Даже у болѣе образованныхъ людей былъ страшный сумбуръ въ головахъ на счетъ существа конституціи и формъ ея, пригодныхъ для Австріи. Не уясненію, а затемнѣнію всякихъ здравыхъ понятій способствовали органы печати, кото-

рыхъ расплодилось вдругъ безчисленное множество. Прежній режимъ не подготовилъ публицистовъ, знаніе дѣлъ и общественныхъ отношеній встрѣчалось только у чиновниковъ, изъ которыхъ, по неумѣнію выражаться литературно, не могли выйти народные писатели и ораторы. Пресса очутилась въ рукахъ у записныхъ литераторовъ, людей безъ знанія и опытности, прикрывающихъ пустоту мыслей грубостью и рѣзкостью выраженій, преданныхъ большею частію крайнему радикализму и распространявшихъ въ публикѣ положенія, заимствованныя безъ всякой критики изъ катихизиса французскихъ и южногерманскихъ демократовъ, понятія о единой палатѣ, о всеобщей подачѣ голосовъ безъ ценза, о поставленіи власти исполнительной подъ законодательную. Слѣдовало опасаться, чтобы эти ученія, сообщаемыя малыми дозами, но ежедневно, не пустили корней и не надѣлали много зла. Въ виду этой опасности, министры рѣшились приступить немедленно къ сооруженію обѣщанной конституціи. Ихъ затрудняло то, что въ манифестѣ 15 марта трудъ составленія этой конституціи возложенъ на депутатовъ отъ областныхъ сеймовъ, но такъ какъ отъ манифеста 15 марта уже сдѣлано было отступленіе пожалованіемъ Богеміи конституціи 8 апрѣля, и такъ какъ нельзя было предполагать, чтобы конституція, выработанная депутатами областныхъ сеймовъ, построенныхъ на сословномъ началѣ, могла удовлетворить общественное мнѣніе Вѣны, настроенное крайне радикально, то министръ внутреннихъ дѣлъ Пиллерсдорфъ остановился на мысли о прямомъ пожалованіи конституціи императоромъ. Эта конституція, написанная Пиллерсдорфомъ, одобренная семейнымъ совѣтомъ изъ эрцгерцоговъ, и обнародованная 25 апрѣля, не отличалась оригинальностью: она цѣликомъ выкроена изъ бельгійской хартіи и исполнена грубѣйшихъ недостатковъ, которые должны были подрывать всякое довѣріе къ ея долговѣчности. Она умалчивала о Венгріи и Италіи и давала поводъ думать, что составитель считалъ отпаденіе обѣихъ этихъ частей отъ монархіи дѣломъ безвозвратно и окончательно рѣшеннымъ. За то вопреки надеждамъ, желаніямъ и правамъ хорватовъ, конституція включила Далмацію въ составъ земель, подлежащихъ дѣйствію конституціи. Отношенія между имперскимъ сеймомъ и провинціальными не были не только опредѣлены, но не затронуты, и оставались въ совершенной неизвѣстности. Демократамъ не могли нравиться усвоенная Пиллерсдорфомъ система посредственныхъ выборовъ въ нижнюю палату и само существованіе верхней палаты или сената, составленнаго изъ крупныхъ землевладѣльцевъ въ числѣ 150 чел., принцевъ крови и лицъ по назначенію императора, притомъ такъ какъ

число членовъ сената не было прямо опредѣлено, то можно было думать, что правительство оставляетъ за собою право располагать по своему усмотрѣнію большинствомъ голосовъ въ сенатѣ посредствомъ новыхъ на случай надобности назначеній.

Конституція 25 апрѣля не возбудила никакого сочувствія къ себѣ въ областяхъ, встрѣчена съ холоднымъ равнодушіемъ въ Богеміи, занятой своею конституціею 8 апрѣля и совершенно почти отложившейся отъ Вѣны; она не нашла также поддержки и въ вѣнскомъ народонаселеніи, которое прочло ее какъ любопытную новость и потомъ забыло объ ней по истеченіи 24 часовъ. Можетъ быть жители Вѣны заинтересовались бы новымъ для нихъ дѣломъ, если бы тотчасъ назначены были выборы, если бы началась по поводу этихъ выборовъ агитація, а потомъ торжественное открытіе законодательнаго собранія; но выборы виднѣлись вдали, и потому публика занималась ими гораздо менѣе, нежели сплетнями, демонстраціями и скандалами, которыя сдѣлались для нея насущною потребностью. Газеты обвиняли премьеминистра графа Фикельмона въ томъ, что онъ подкупленъ русскимъ золотомъ, толпа выгоняла изъ Вѣны монаховъ лигуріанцевъ и подчивала кошачьимъ концертомъ архіепископа или выбивала стекла въ юридикополитическомъ обществѣ, за его отсталость. Вскорѣ графъ Фикельмонъ испыталъ на себѣ лично всѣ неудобства распущенности уличной черни по случаю замѣщенія исправлявшаго должность военнаго министра, стараго и неспособнаго Занини, генераломъ *Балье-Латуромъ*. Выборъ былъ вполнѣ достойный и хорошій, графъ Латуръ зналъ отлично военное дѣло, былъ превосходный организаторъ; надо было радоваться, что человѣкъ знатный и съ вѣсомъ жертвуетъ собою, принимая министерскій портфель въ столь опасную минуту. Но въ глазахъ вѣнской прессы Латуръ показался аристократомъвыскочкою, смѣстившимъ плебея-служаку, а такъ какъ онъ приходился родственникомъ Фикельмону, то и рѣшено было сдѣлать противъ сего послѣдняго демонстрацію. 2-го мая данъ былъ ему кошачій концертъ. 3-го мая уличная толпа, при участіи національной гвардіи и студентскаго легіона, вломилась въ его квартиру, напугала его старуху жену, настигла его въ статсъ-канцеляріи и насолила ему до того, что измученный премье-министръ подписалъ и вручилъ самозваннымъ представителямъ народа свою отставку. Товарищи его держали себя совершенно пассивно, въ особенности Пиллерсдорфъ, который, ставъ во главѣ кабинета и не чувствуя себя достаточно сильнымъ, чтобы обуздать движеніе, рѣшился переносить съ безпримѣрнымъ долготерпѣніемъ всевозможныя непріятности.

Въ апрѣлѣ, уличные скандалы и демонстраціи были дѣломъ болѣе случайнымъ; въ началѣ мая, они получили совершенно правильную организацію; направленіе стали имъ давать устроившіяся управы разныхъ товариществъ, клубовъ и компаній. Студенты образовали свой комитетъ, который пріобрѣлъ большую популярность; для поддержанія дисциплины и порядка выбраны разными компаніями національной гвардіи свои совѣты. 13 мая, состоялось соглашеніе между студентскимъ комитетомъ и совѣтами отдѣленій и частей національной гвардіи, вслѣдствіе котораго они образовали одинъ центральный комитетъ, который сталъ заниматься всякими политическими вопросами, жалобами на правительство галиційскихъ поляковъ, критикою разныхъ частей конституціи 25 апрѣля, финансовыми дѣлами. Какъ ни было велико долготерпѣніе министровъ, но и они не могли вынести, чтобы національная гвардія превратилась въ совѣщательное собраніе. Пиллерсдорфъ отказался признать центральный комитетъ и воспретилъ (13 мая) національной гвардіи принимать въ немъ участіе. Тогда наступило повтореніе точь-въ-точь событій 13 марта. Студенты и національногвардейцы собирались 14 мая въ áулѣ университета, между тѣмъ, какъ правительство рѣшилось усилить караулы у городскихъ воротъ и въ бурсѣ. На слѣдующій день сходка въ áулѣ была еще многочисленнѣе и горячѣе, пришла мысль отправиться скопомъ на бургъ; студентскій легіонъ, національная гвардія, за ними народъ всѣхъ сословій, въ томъ числѣ и многія дамы, наполнили всѣ улицы, дворы, лѣстницы и корридоры. Ходили слухи, что на выручку братьямъ-студентамъ двинулись рабочіе изъ предмѣстьевъ и приближаются вооруженные чѣмъ ни попало. Наплывъ былъ такъ великъ, что не оказывалось никакой возможности противостоять ему. Военный министръ графъ Латуръ объявилъ, что онъ услалъ въ Ломбардію къ Радецкому всѣ войска, коими могъ располагать, что гарнизонъ слабъ числомъ, да и на него нельзя вполнѣ положиться. Министры подавали въ отставку, самозванные депутаты отъ народа не отпускали ихъ, не соглашались на отставку, но требовали, то признанія центральнаго комитета, то потомъ отмѣны закона о выборахъ, то отмѣны избирательнаго ценза и сената. Эти требованія не были заранѣе условлены и возрастали съ каждою минутою, министрамъ пришлось сдаться на капитуляцію. Пиллерсдорфу не дали даже просимой имъ отсрочки на нѣсколько часовъ и заставили его поздно ночью идти съ манифестомъ къ императору за подписью. Тяжела была для стараго императорскаго слуги эта минута. Придворные называли его дурнымъ совѣтникомъ и чуть-чуть не измѣнникомъ, женщины плакали, эрц-

герцоги совѣщались о томъ, какъ бы спасти лично государя и будущность династіи. При выходѣ изъ императорскихъ покоевъ, его окружила толпа докучливыхъ кліентовъ, изъ которыхъ одни провожали его до дому, уча и наставляя, какъ долженъ дѣйствовать конституціонный министръ, другіе отправились въ государственную типографію наблюдать за печатаніемъ манифеста. — Манифестъ этотъ отмѣнялъ приказъ 13 мая, постановлялъ, что караулы должны быть занимаемы и національною гвардіею и регулярными войсками, наконецъ, гласилъ слѣдующее: для наилучшаго упроченія конституціи посредствомъ учредительнаго собранія, постановляется, что въ первый имперскій сеймъ должна быть выбрана одна палата, при чемъ отъ избирателей не будетъ требуемо никакого ценза и вмѣстѣ съ тѣмъ устранится всякое сомнѣніе на счетъ неполноты народнаго представительства. Въ слѣдующіе дни министерство подало въ отставку, центральный комитетъ просилъ его остаться и по неимѣнію иного дѣла хотѣлъ было приступить къ разбору вопроса о правѣ на трудъ по теоріи Луи Блана, какъ вдругъ нежданная новость смутила всю столицу — узнали, что императора нѣтъ въ бургѣ, что онъ бѣжалъ отъ своихъ подданныхъ за Эннсъ и очутился въ Иннспрукѣ.

Величайшая тайна покрывала планъ этого бѣгства, объ немъ ничего не знали даже и министры. 17 мая, дворъ отправился гулять въ Шенбруннъ, по прибытіи туда, кучерамъ велѣно дальше ѣхать. До свѣдѣнія жителей Вѣны дошло это событіе 18 мая и произвело потрясающее впечатлѣніе; оно какъ рукою сняло весь напускной радикализмъ и заставило удариться изъ одной крайности въ другую. Любовь къ свободѣ уступила мѣсто любви къ порядку, долго сдерживаемыя и скрываемыя вѣрноподданническія чувства сказались теперь въ вѣнскомъ мѣщанствѣ съ удвоенною силою; всякій, на сколько могъ, полицействовалъ, отыскивая государевыхъ враговъ; въ тоже самое время, толпы боязливыхъ осаждали національный банкъ для обмѣна бумажекъ на звонкую монету, такъ что банкъ долженъ былъ ограничить выдачи въ одни руки 25 гульденами. Всѣ корпораціи, званія и классы (въ томъ числѣ даже и женщины) подписывали адресы и наряжали депутаціи просить императора возвратиться. Центральный комитетъ заявилъ готовность безусловно поддерживать всѣ мѣры министерства. Заведены констабли, усиленъ надзоръ за иностранцами, изданъ законъ о преступленіяхъ печати, національная гвардія подчинена военной командѣ, объявлено, что нарушители спокойствія будутъ судимы скоророѣшительнымъ судомъ (Standrecht, соотвѣтствующій нашему полевому). Былъ одинъ моментъ паническаго страха до того сильнаго, что народъ въ каждомъ словцѣ до-

искивался республиканской интриги и смѣшивалъ демократовъ со злодѣями, и что министерство могло безъ труда и войскъ скоро и окончательно обуздать движеніе и вырвать съ корнемъ паразитныя растенія революціи. Оно упустило этотъ моментъ и приступило къ рѣшительнымъ мѣрамъ, когда первое впечатлѣніе прошло, а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнилось настроеніе публики. Мѣщанство, опомнившись, нашло, что и безъ двора въ крайнемъ случаѣ живется; съ другой стороны, оно было оскорблено въ самолюбіи тѣмъ, что императоръ не повѣрилъ вѣрноподданническимъ заявленіямъ, не вернулся назадъ, что императорскія прокламаціи жаловались на анархію, извиняли добрыхъ жителей Вѣны только тѣмъ, что они сдѣлались жертвою происковъ злонамѣренныхъ анархистовъ. Прокламаціи подтверждали народу все пожалованное въ мартѣ, отзывались уклончиво о конституціи 25 апрѣля и умалчивали о народныхъ пріобрѣтеніяхъ 15 мая, изъ чего можно было заключить, что императоръ не признаетъ сихъ послѣднихъ. Извѣстно, что императоръ добръ и милостивъ, можно ли допустить, чтобы онъ самъ собою сталъ отказываться отъ своей подписи, сталъ сопротивляться желаніямъ народа? Очевидно, онъ состоитъ подъ вліяніемъ окружающей его среды, придворной клики, или такъ называемой *камариллы*. Это открытіе обрадовало всѣхъ какъ легчайшій способъ примирить вѣрноподданническія чувства съ либерализмомъ, и какъ возможность любить императора и дѣлать въ тоже время оппозицію. Найденное подходящее слово *камарилла* имѣло громадный успѣхъ, тѣмъ большій, чѣмъ менѣе его понимали въ публикѣ; одни говорили, что это названіе одного изъ вліятельныхъ государственныхъ людей меттерниховской школы, другіе понимали подъ этимъ словомъ или старую статсъ-даму Чибини, бывшую въ почетѣ у двора, или воспитателя теперешняго императора Франца-Іосифа—графа Бомбель, который сочинялъ инструкціи и прокламаціи. Всѣ газеты были наполнены съ 23 мая ѣдкими нападками на камариллу, когда воротились посланныя министерствомъ въ Иннспрукъ довѣренныя лица, начальникъ національной гвардіи графъ Гойосъ и Вильчекъ, и привезли устный отвѣтъ, что первымъ условіемъ возвращенія своей милости столицѣ императоръ ставитъ распущеніе академическаго легіона.

Академическимъ легіономъ тяготились многіе, конечно изъ людей болѣе пожилыхъ. Многіе уже находили, что возрастъ до 22 лѣтъ нельзя еще назвать зрѣлымъ, для дѣлъ государственныхъ, и что прямое назначеніе студента учиться, а не таскать ружье, судить, полицействовать или заниматься полюбовнымъ разбирательствомъ всякихъ споровъ, даже споровъ между супругами,

Къ тому наступили каникулы, чтеніе лекцій прекращено, и въ виду экстренныхъ обстоятельствъ послѣдовалъ рескриптъ министра народнаго просвѣщенія, освобождающій студентовъ на этотъ разъ отъ испытаній. Собрался 25 мая совѣтъ министровъ, въ засѣданіе коего приглашены исправляющій должность губернатора (Regierungs-Präsident) графъ Монтекукколи и профессоры Эндлихеръ и Гые, для обсужденія вопроса, какимъ образомъ запереть университетскія зданія, распустить легіонъ и выслать изъ столицы тѣхъ студентовъ, которые принадлежатъ къ числу иногородныхъ, временно пребывающихъ въ Вѣнѣ. Было заявлено мнѣніе, что слѣдовало бы дѣйствовать въ этомъ случаѣ внезапно, занять ночью университетъ войсками и объявить на другой день о распоряженіяхъ министерства. Монтекукколи нашелъ подобный образъ дѣйствія трусливымъ и недостойнымъ, и настоялъ на томъ, чтобы объявленіе о распущеніи легіона совершено было открыто, явно, среди бѣлаго дня. Конечно и этотъ способъ былъ бы хорошъ, еслибы имѣлась на готовѣ сила, способная подавить всякое сопротивленіе, но о пріисканіи таковой министры не позаботились. На другой день, 26 мая, когда начальникъ академическаго легіона графъ Коллоредо, а за нимъ Монтекукколи, явились успокоивать молодежь въ аулѣ, студенты отвѣчали прямымъ отказомъ въ послушаніи. На помощь имъ явились рабочіе изъ предмѣстьевъ густыми толпами, съ другой стороны войско расположено было у воротъ городскихъ и на площадяхъ, и кровопролитіе могло послѣдовать тотчасъ, немедленно. Тогда одному изъ присутствовавшихъ въ аулѣ пришла счастливая мысль предложить тотъ способъ, который употребляемъ уже былъ нѣсколько разъ и всегда удачно, а именно вмѣсто борьбы съ солдатами пойти скопомъ въ бургъ на министровъ. Предложеніе принято тотчасъ и исполнено, причемъ повторены точь въ точь и почти буква въ букву всѣ пункты программы 13 марта и 15 мая. Пиллерсдорфъ прижатый, такъ сказать, къ стѣнѣ, созвалъ совѣтъ министровъ и вступилъ въ переговоры съ депутаціею отъ народа, слѣдуя своему правилу: легализировать анархію, когда нѣтъ возможности ее осилить; въ тоже самое время, на улицахъ строились по парижскому примѣру баррикады, относительно крѣпости которыхъ господствовали самыя нелѣпыя представленія. Всякій, кто хотѣлъ, старъ и младъ, студентъ, писатель или гражданинъ, шелъ прямо въ комнату къ министрамъ съ совѣтами, требованіями или наставленіями, или печаталъ и приклеивалъ по угламъ улицъ плакаты. По мѣрѣ заявленія требованій, министерство все утверждало своими подписками: неприкосновенность студентскаго легіона, упраздненіе монастырей, введеніе подати подоходной и

для нищихъ, преданіе народному суду измѣнниковъ, образованіе подвижной національной гвардіи, посылки правительственныхъ коммиссаровъ въ провинціи для агитированія въ пользу новой конституціи, и отправку регулярныхъ войскъ на русскую границу. Министры обѣщали просить императора, чтобы онъ возвратился въ Вѣну или прислалъ намѣстника, обязались честнымъ словомъ не оставлять своихъ постовъ, дали студентамъ въ заложники графа Гойоса, и приказали войскамъ разойтись по казармамъ. На вопросъ о томъ, какъ возстановить порядокъ, Пиллерсдорфъ отвѣчалъ, что онъ за это не берется и предоставляетъ усмирить движеніе тѣмъ, которые его вызвали, вслѣдствіе чего, по предложенію бургомистра Бургомюллера, учрежденъ комитетъ въ родѣ временного полицейскаго управленія столицею изъ членовъ отъ думы, депутатовъ отъ всѣхъ компаній національной гвардіи, и студентскаго легіона (всего 100 человѣкъ), подъ громкимъ титуломъ: Auschuss der Bürger, Studenten und Garden für Sicherheit, Ordnung und Wahrung der Volksrechte, какъ учрежденіе ни отъ кого независимое. Пиллерсдорфъ поставилъ подъ защиту этого комитета всякое казенное имущество; комитетъ воспользовался тотчасъ своими правами, чтобы потребовать выдачи нѣсколькихъ походныхъ батарей, но съ упраздненіемъ баррикадъ справился не скоро и съ трудомъ, потому что строители этихъ «оплотовъ свободы», рабочіе, укрѣпили ихъ, на досугѣ разукрасили, и дорожили созданіемъ рукъ своихъ. Одна изъ баррикадъ, такъ называемая, императорская, была увѣнчана бюстомъ императора, на другихъ развивались нѣмецкія знамена. О защитникахъ баррикадъ пеклись жители, кормили ихъ и поили; понятно, что эти защитники не тяготились нисколько своимъ положеніемъ и не хотѣли его перемѣнять. Мало по малу очистились однако эти сооруженія, городъ получилъ свой обыкновенный видъ, и бурные дни закончены достойнымъ образомъ серенадою въ честь народнаго многострадальца Пиллерсдорфа, который слылъ теперь повсемѣстно человѣкомъ необходимымъ, и который не переставалъ наивно утверждать, что министерство дѣйствовало со строгою послѣдовательностью, и что конституція 25 апрѣля нисколько не потрясена обѣими майскими революціями.

Между тѣмъ какъ вѣнское министерство влачило со дня на день свое печальное и необезпеченное существованіе, въ ожиданіи учредительнаго собранія, въ которомъ въ силу всеобщей подачи голосовъ, безъ вѣдома о томъ вѣнскихъ демократовъ, преобладающими элементами должны были явиться лужицкій и славянскій, дворъ императорскій въ Иннспрукѣ осаждаемъ былъ просьбами, адресами, депутаціями. Всякая земля и всякій городъ

старались наперерывъ одни предъ другими переманить къ себѣ императора. Всего настойчивѣе добивалась этой чести Прага, которая не находила словъ довольно сильныхъ для выраженія своего негодованія по поводу неблагодарности жителей Вѣны и разсыпалась въ увѣреніяхъ своей приверженности императору. Въ тоже время губернаторъ (Gubernialpräsident) Левъ Тунъ, командующій въ Прагѣ войсками, князь Виндишгрецъ и другіе высшіе сановники рѣшили, послѣ совѣщанія между собою, что имъ слѣдуетъ отложиться отъ Вѣны и получать приказанія изъ одного только Иннспрука. Въ первый разъ въ этомъ случаѣ дворъ явилъ послѣ мартовской катастрофы примѣръ такта политическаго благоразумія: онъ не принялъ этого предложенія, маскировавшаго сепаратическія тенденціи, и оставилъ власти богемскія въ подчиненіи центральному вѣнскому правительству, хотя сіе послѣднее упало весьма низко.

VI.

Пражскій съѣздъ славянъ.

Первымъ плодомъ возрожденія всѣхъ почти славянскихъ народовъ въ нынѣшнемъ столѣтіи была мысль о единеніи всѣхъ славянъ, сначала только культурномъ, а потомъ и политическомъ. Мысль эта явилась вездѣ, но не въ одинаковой степени; она пускала самые глубокіе корни у тѣхъ племенъ, которыя по своей безпомощности, слабости, не развитости, нерасчитывали освободиться собственными своими силами, искали внѣшней поддержки и надѣялись получить ее отъ единоплеменниковъ;—сильнѣе мысль эта дѣйствовала у южныхъ славянъ, нежели у чеховъ, сильнѣе у чеховъ, нежели у русскихъ или у поляковъ. Долгое время она ходила по головамъ ученыхъ и поэтовъ, не переступая за порогъ ихъ кабинетовъ, но въ 1848 г. обстоятельства такъ сложились, что ей нельзя было не показаться на площади и не дать доказательствъ своей относительной зрѣлости и состоятельности. Славяне Австріи не могли оставаться пассивными зрителями того, какъ цѣлый міръ ходилъ кругомъ ихъ, какъ всколебалась вся Европа, какъ подымались нѣмцы, мадъяре, италіанцы, чтобы тѣснѣе сплотиться между собою. Самъ инстинктъ самосохраненія долженъ былъ заставить ихъ соединить свои силы въ виду общихъ враговъ для достиженія общихъ цѣлей, а такъ какъ у славянъ вообще нѣтъ недостатка ни въ пылкой, огненной фантазіи, ни въ наклонности воплощать тотчасъ

слово въ дѣло и рѣшать вопросы не полумѣрами, а наирадикальнѣйшимъ образомъ, то они пошли дальше своихъ ближайшихъ потребностей и опасностей, дальше предѣловъ своего размѣщенія въ Австріи и условій политическаго уклада Европы въ половинѣ XIX вѣка. Въ умахъ мерцала мысль панславянская; искушеніе было велико попробовать не удастся ли осуществить однимъ разомъ то, до чего додумались ученые и домечтались поэты; испытать, не разрѣшится ли всеобщее землетрясеніе взрывомъ, подобнымъ тому, который приподнялъ нѣкогда Альпы или Карпаты надъ площадью европейскаго материка; не выйдетъ ли изъ хаоса громадная всеславянская федерація, не преобразится ли вслѣдствіе сего видъ Европы, и не пойдетъ ли въ жизни европейской, послѣ романскаго и германскаго, полоса славянскаго развитія? Эти желанія получили осязательную форму прежде всего у южныхъ славянъ, болѣе другихъ нуждающихся въ помощи. Іеллачичъ слалъ поздравленія чешскому народному комитету, загребскій сеймъ приглашалъ къ себѣ въ гости чешскихъ депутатовъ и самъ заявилъ, что пошлетъ на сеймъ въ Прагу своихъ уполномоченныхъ. Первый призывъ славянъ на общій съѣздъ вышелъ отъ хорвата Ивана Кукулевича; тоже предложеніе распространялъ въ Прагѣ словацкій агитаторъ, проповѣдникъ Штуръ. Въ концѣ апрѣля, число лицъ, заявившихъ сочувствіе этому дѣлу, было уже столь велико, что 1 мая явилась въ Прагѣ прокламація, приглашающая братьевъ-славянъ съѣхаться въ Прагу на 31 мая для совѣщаній. Съѣздъ этотъ мотивированъ въ прокламаціи опасностью для самостоятельности австрійскихъ славянъ отъ франкфуртскаго парламента и нѣмцевъ, съ чемъ однако трудно было согласить дѣлаемый въ той же прокламаціи вызовъ славянъ, а не австрійцевъ, къ принятію участія въ съѣздѣ. Чехи, въ честь которыхъ выбрана мѣстомъ съѣзда Прага, поспѣшили записаться во множествѣ въ члены съѣзда; на спискѣ встрѣчались имена знаменитѣйшихъ чешскихъ аристократическихъ фамилій: Шварценберги, Гаррахи, Вальдштейны, Тунъ, Хотекъ, Коловратъ. Для успокоенія вѣнскихъ министровъ обнародовано объявленіе отъ патріотовъ-чеховъ, въ которомъ они увѣряли въ своей преданности династіи и ставили задачею конгресса только цѣлость и самостоятельность австрійскаго престола, а также равноправность національностей. Венгерскому министерству съѣздъ славянскій сильно не понравился; панславянской утопіи оно не боялось, но оно предвидѣло, что отъ съѣзда хорваты сдѣлаются еще упрямѣе и смѣлѣе. Оно и старалось чрезъ своего министра иностранныхъ дѣлъ въ Вѣнѣ Эстергази подѣйствовать на Пиллерсдорфа и убѣдить его сдѣ-

лать разныя уступки галицiйскимъ полякамъ. Расчетъ былъ тотъ, что поляки всего менѣе панслависты, что, удовлетворенные Пиллерсдорфомъ, они откажутся отъ съѣзда, послѣ чего съѣздъ можетъ провалиться; южные славяне были слишкомъ варвары, чехи слишкомъ буржуазны, только изъ однихъ поляковъ по ихъ культурѣ, богатымъ историческимъ преданіямъ, свѣжимъ несчастіямъ и общеевропейской извѣстности, могли выйти посредники между славянами и демократіею нѣмецкою или французскою. Эта попытка у венгерцевъ неудалась, поляки въ Галиціи сдерживаемые русинами не смѣли требовать многаго и настойчиво, Пиллерсдорфъ же готовъ былъ все дать, когда его къ тому принуждали, но вовсе не намѣренъ предупреждать чьи бы то ни было желанія. Поляки приняли дѣятельное участіе въ съѣздѣ, пріѣхало также много неавстрійцевъ славянъ изъ разныхъ странъ и мѣстъ, которые хотя и признаваемы были только гостями, но въ сущности попали въ число главныхъ руководителей конгресса. Лужичанинъ начерталъ программу занятій [1]); проекты важнѣйшихъ манифестовъ заготовляли сербъ изъ Бѣлграда Цахъ и познанскій полякъ д-ръ Либельтъ; душою предварительныхъ совѣщаній былъ рѣчистый русскій выходецъ Бакунинъ. Съѣздъ долженъ былъ раздѣлиться на три отдѣленія: южно-славянское, польско-русское и чехо-мораво-словакское. Совѣщанія должны были происходить по отдѣленіямъ, и потомъ рѣшенія вноситься въ общія собранія. Для управленія ходомъ работъ предполагалось нарядить комитетъ изъ 48 человѣкъ по 16 отъ каждаго отдѣленія, и выбрать предсѣдателя или старосту съѣзда. Открытіе съѣзда (3 іюня) сопровождалось необычайною торжественностью. Члены съѣзда въ числѣ 340 (237 чеховъ, моравянъ и словаковъ, 42 южныхъ славянъ, 67 русиновъ и поляковъ), послѣ обѣдни у алтаря апостоловъ Кирилла и Меѳодія въ Тейнской церкви, двинулись гуськомъ попарно чрезъ весь городъ на Софійскій островъ, гдѣ приготовленъ былъ залъ для засѣданій. Богаты и разнообразны были ихъ національные костюмы и вооруженіе, напоминающія востокъ. Хоръ пѣсенниковъ пѣлъ народные гимные; студенты и молодые люди, принадлежащіе къ чешскому отдѣленію національной гвардіи или къ такъ называемому швор-

---

[1]) Программа эта ставила четыре главные пункта для совѣщаній: 1) образованіе оборонительнаго союза австрійскихъ славянъ между собою; 2) отношеніе австрійскихъ славянъ къ австрійскимъ неславянскимъ племенамъ; образованіе изъ Австріи федеративнаго государства; мысль о созваніи съѣзда всѣхъ австрійскихъ народовъ въ Вѣнѣ; 3) отношеніе славянъ австрійскихъ къ славянамъ неавстрійскимъ и мѣры къ культурному ихъ сближенію между собою; 4) отношеніе племени славянскаго къ неславянскимъ въ Европѣ; протестъ противъ дѣйствій парламента франкфуртскаго.

носту, шли, звѣня и брякая въ тактъ оружіемъ. Великолѣпной обстановкѣ не вполнѣ соотвѣтствовалъ довольно ледяной пріемъ его со стороны пражской публики, въ которомъ обнаружилось болѣе любопытства, нежели настоящаго энтузіазма. Холодно было также первое засѣданіе, въ которомъ, послѣ нѣсколькихъ вступительныхъ словъ старосты съѣзда—Палацкаго, произнесено семь длинныхъ рѣчей на семи разныхъ славянскихъ языкахъ. Злые насмѣшники сказывали, будто бы для лучшаго пониманія другъ друга съѣхавшіеся были поставлены въ необходимость бесѣдовать между собою понѣмецки; это ложь и клевета, но всетаки несомнѣнно, что присутствовавшіе не вполнѣ другъ друга понимали, и что большинство членовъ съѣзда играло роль пассивныхъ фигурантовъ, присутствовало при обѣдняхъ по обрядамъ какъ греческому, такъ и латинскому, бывало на балахъ, удивляло публику красотою нарядовъ, но не вмѣшивалось въ самое дѣло, которое разбираемо было въ малыхъ кружкахъ немногими вожатыми славянскаго движенія.

Въ чешскомъ отдѣленіи, по предложенію словаковъ, состоялось слѣдующее постановленіе, шумное на видъ, но въ сущности пустое по невозможности его осуществленія. «Представители славянскихъ народностей вступаютъ на основаніи конституціонныхъ свободъ въ союзъ для охраненія своихъ національностей и готовы употребить всѣ средства, какія подобаютъ всякому обществу для защиты врожденныхъ ему правъ отъ притѣснителей.» Въ то же время хорваты и сербы ударились въ другую крайность и потребовали, чтобы съѣздъ вступился въ ихъ споръ съ мадьярами, и послалъ съ этою цѣлью депутацію въ Иннспрукъ, чрезъ что съѣздъ сошелъ бы съ высоты своей всеславянской задачи и получилъ бы самый узкій характеръ. Съѣздъ нашелся въ большомъ затрудненіи, между узкостью взгляда южныхъ славянъ и туманомъ, который напустили словаки; изъ этого затрудненія вывелъ его Либельтъ, предложивъ оставить всю заранѣе и съ трудомъ составленную программу и перенести работы на иную почву. По мнѣнію Либельта, рано еще строить всеславянскій союзъ, но слѣдуетъ только организовать въ пользу его постоянную агитацію, нарядить постоянный руководящій комитетъ, постановить, что славянскіе конгрессы должны собираться дважды въ году, обнародовать манифестъ къ народамъ Европы, наконецъ, подать императору австрійскому прошеніе съ изложеніемъ нуждъ и желаній каждаго народа славянскаго отдѣльно взятаго. Либельтъ былъ прежде всего демократъ, и его программа вполнѣ послѣдовательна съ точки зрѣнія отвлеченно-космополитической, съ которой національныя стремленія на столько уважительны, на

сколько они могутъ содѣйствовать торжеству демократическихъ принциповъ въ той ихъ формѣ, въ какой они записаны были на знамени европейской революціи 1848 года. Еще яснѣе была эта космополитичность въ предположенномъ Либельтомъ манифестѣ къ народамъ Европы, манифестѣ, который такъ составленъ, что его не затруднились бы подписать Маццини, Тьеръ, Леру и или Фрёбель. Этотъ манифестъ исходитъ изъ понятія державности народа, одобряетъ всякую форму правленія, когда она освящена волею народа, и заканчивается перечнемъ правъ человѣка. Демократическій тонъ предложенія Либельта понравился большинству съѣзда и былъ принятъ 7-го іюня; окончательная редакція манифеста поручена Палацкому. Какъ ни тяжело было степенному историку, консерватору въ душѣ и человѣку весьма положительному, писать подъ диктовку мечтателей-радикаловъ и ультра-демократовъ, однако онъ исполнилъ эту задачу, начавъ словами: свобода, равенство, братство, и окончивъ слѣдующимъ фейерверкомъ, переносящимъ насъ вдругъ изъ XIX вѣка въ райскую обитель, въ благодатную утопію: «мы, молодшіе, но не слабѣйшіе, появляясь опять на сценѣ Европы, предлагаемъ немедленно созвать всеобщій европейскій конгрессъ народовъ для разрѣшенія всѣхъ международныхъ вопросовъ, потому что, по нашему убѣжденію, свободные народы скорѣе придутъ между собою въ соглашеніе сами, нежели при посредствѣ состоящихъ на жалованіи дипломатовъ.» Редакція адреса къ императору съ изложеніемъ потребностей и желаній племенъ славянскихъ порознь взятыхъ предоставлена двумъ полякамъ: князю Любомірскому и Гельцелю. Чехи заявляли въ этомъ адресѣ, что они вполнѣ довольны конституціею 8 апрѣля, и просили только о соединеніи Моравіи съ Богеміею. Словаки въ сѣверозападной Венгріи просили о разрѣшеніи имъ имѣть свое народное собраніе. Именемъ словинцевъ или хорутанъ заявлено желаніе образовать изъ славянскихъ частей Истріи, Каринтіи, Краины и Поморья особое словинское королевство съ столицею Любляною. Трудно было помирить притязанія русинскія съ польскими; въ концѣ концовъ, по настоянію чеховъ, эта домашняя распря покончена полюбовно такимъ образомъ, что поляки обѣщали русинамъ равноправность обоихъ языковъ, русины отказались домогаться административнаго раздѣленія Галиціи на русинскую и польскую, оба же народа просили императора пожаловать Галиціи конституцію подобную чешской 8 апрѣля. Изъ всѣхъ актовъ славянскаго съѣзда одинъ только манифестъ къ народамъ Европы обнародованъ; опубликованію же остальныхъ, а равно приведенію къ окончанію затѣянныхъ работъ, помѣшалъ бунтъ, вспыхнув-

шій въ Духовъ день, 12 іюня, въ Прагѣ, и подавленный вооруженною силою, вслѣдствіе чего многіе члены съѣзда должны были или бѣжать, скрываться отъ ареста, или убираться по распоряженію военнаго начальства. Чехи приписывали это неблагополучное событіе проискамъ и подстрекательству враговъ славянства, стремящихся во чтобы то ни стало взорвать на воздухъ съѣздъ, когда шло на ладъ дѣло славянскаго единства. Что въ этихъ обвиненіяхъ есть извѣстная доля правды, доказывается слѣдующимъ обстоятельствомъ: одинъ изъ пріѣзжихъ, молодой словакъ Маркелъ Туранскій, обращавшій на себя вниманіе своею бѣлоснѣжною одеждою и окладистою бородою, оказался потомъ просто на просто агентомъ мадьярскимъ, подстрекалъ чеховъ къ бунту, далъ себя взять и обличалъ потомъ бунтовщиковъ. Съ другой стороны, хотя нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что уличный бунтъ разстраивалъ всѣ планы чеховъ руководителей съѣзда, нельзя не сказать, что самъ фактъ съѣзда, незавѣдомо о томъ для съѣзжавшихся, расположилъ пражское народонаселеніе къ возстанію, которое едва ли бы въ противномъ случаѣ имѣло мѣсто. Палацкій и его партія не имѣли никакого авторитета у радикаловъ, въ Прагѣ господствовала совершенная анархія. Народный комитетъ дискредитированный былъ безсиленъ; всякій имъ помыкалъ; за то вошли въ большую силу шворность или чешское отдѣленіе національной гвардіи и пражскіе студенты. Ежедневно собирались они пѣть пѣсни, эскортировать въ полномъ вооруженіи членовъ конгресса, присутствовать на торжественныхъ обѣдахъ по поводу конгресса. Они завидовали славѣ своихъ вѣнскихъ камрадовъ и съ жадностью внимали словамъ демократовъ-поляковъ, отзывавшихся героически о сдержанномъ образѣ дѣйствія старѣйшинъ чешскаго движенія, о ихъ дипломатичности и любви къ черножелтому цвѣту. Съ каждымъ днемъ росла самоувѣренность молодежи; войска, которымъ затѣи студентовъ не давали спать ни днемъ ни ночью, были озлоблены до послѣдней степени; въ добавокъ этими войсками командовалъ князь Альбертъ Виндишгрецъ, спѣсивый юнкеръ, аристократъ заплеснѣвшій въ предразсудкахъ своей касты, злѣйшій врагъ не только свободы, но и всѣхъ условій современнаго общественнаго быта, лицо, которому молва влагала въ уста слѣдующее изрѣченіе: «человѣкъ начинается только съ барона.» Между молодежью и солдатами, при такомъ настроеніи и тѣхъ и другихъ, не могло быть недостатка въ поводахъ къ столкновенію и къ насиліямъ. Студенты потребовали у Виндишгреца баттареи и 60,000 зарядовъ, и, получивъ отказъ, осыпали его ругательствами; 13 іюня, послѣ обѣдни, толпа, предводительствуемая студентами, направи-

лась мимо квартиры главнокомандующаго крикнуть ему: pereat! но была разогнана солдатами, что и дало поводъ къ построенію баррикадъ и къ открытому возмущенію. Оно длилось пять дней, кончилось полнымъ торжествомъ военной силы, но представило весьма много драматическаго интереса. Инсургенты дрались скверно, прятались за стѣнами и дѣйствовали въ разсыпную безъ плана, никого не слушаясь; жена Виндишгреца убита случайнымъ выстрѣломъ какого-то инсургента. Изъ Вѣны пріѣхали коммиссарами отъ правительства генералъ Менсдорфъ и гофратъ Клезанскій; они устроили родъ перемирія между сторонами, вслѣдствіе котораго инсургенты, получивъ увѣреніе въ томъ, что Виндишгрецъ будетъ смѣненъ, обѣщались упразднить баррикады, но нѣкоторые изъ числа ихъ, шальные безумцы, продолжали и послѣ перемирія перестрѣлку, что дало поводъ коммиссарамъ отказаться отъ посредничества, а Виндишгрецу приступить къ крутымъ и рѣшительнымъ мѣрамъ. Нѣсколько бомбъ и гранатъ брошенныхъ въ городъ, навели паническій страхъ на горожанъ и заставили городъ сдаться на капитуляцію безъ условій. Прага очутилась 17 іюня на военномъ положеніи подъ пятою побѣдоноснаго солдата.

Неисчислимы были послѣдствія этого событія. Во-первыхъ, оно положило конецъ панславянскому движенію и панславянскому вопросу. Единеніе не достигнуто, члены съѣзда разошлись, озлобленные другъ противъ друга и обвиняя себя взаимно. Поляки съ презрѣніемъ отзывались объ эгоизмѣ хорватовъ и о политической ограниченности чеховъ, не доросшихъ до идей западно-европейской демократіи; чехи и хорваты убѣдились, что имъ слѣдуетъ до поры до времени поддерживать императорскую власть. Вмѣсто одного колоссальнаго славянскаго міра, обнаружилось, что есть двѣ враждебныя партіи далеко не страшныя, когда онѣ въ разладѣ: революціонная и австро-славянская, изъ которыхъ послѣдняя упала до значенія простого орудія императорской власти. Она конечно расчитывала на то, что спасенная славянами династія будетъ имъ благодарна, что опершись на нихъ государство должно будетъ по необходимости ославяниться. Будущее показало, какъ жестоко обсчиталась эта партія, какъ скоро забываются услуги, и какъ легко покидаются орудія дѣйствія по минованіи въ нихъ надобности.

Вмѣстѣ съ тѣмъ похоронены основательно и окончательно чешская конституція 8 апрѣля, а также всѣ федералистическія идеи, всѣ мечты объ отдѣленіи отъ Вѣны и объ образованіи подъ скипетромъ Габсбурговъ самостоятельнаго чешскаго государства. Іюнь мѣсяцъ долженъ былъ ознаменоваться выборами

и въ вѣнскій рейстагъ и въ богемскій ландтагъ. Можно было предвидѣть, что оба собранія сцѣпятся другъ съ другомъ и поспорятъ славно между собою. Теперь, когда событія 13—17 іюня отсрочили на неопредѣленное время выборы въ сеймъ богемскій, даже завзятые чешскіе патріоты, которые бы въ противномъ случаѣ непремѣнно настаивали на томъ, чтобы никого не выбирать и не посылать въ рейсхсратъ, рады были, что есть мѣстечко, гдѣ можно свободно жаловаться на солдатъ и на Виндишгреца. Болѣе сепаратизма проявила теперь аристократія чешская, которой не понутру приходилось демагогическое настроеніе вѣнской публики. Губернаторъ графъ Левъ Тунъ стоялъ до послѣдней минуты за сеймъ богемскій и не хотѣлъ давать предписанія о выборахъ въ имперскій сеймъ, пока его не принудили категорическія предписанія Пиллерсдорфа.

Наконецъ, пражскія событія не только ободрили солдатъ, не только воодушевили ихъ воинственнымъ духомъ и показали въ первый разъ, какъ берутся приступомъ баррикады, но произвели въ самомъ обществѣ поворотъ въ мнѣніяхъ, породили культъ штыка, заставили поэтовъ (Грильпарцеръ, Морсано) апотеозировать солдата, какъ представителя внѣшняго могущества Австріи, и армію, какъ хранилище патріотизма и доблестей исчезнувшихъ въ раздѣлившемся гражданскомъ обществѣ. Въ то же самое время, Радецкій, утвердившись въ знаменитомъ четыреугольникѣ между Эчь и Минчіо, отражалъ съ успѣхомъ нападенія сардинскихъ войскъ и готовился изъ оборонительнаго положенія перейти въ наступательное, а кроатскій банъ Іеллачичъ пытался войти въ связи съ высшими кругами военной австрійской іерархіи. Такимъ образомъ, натягивались нити реакціи и сводились къ одному центру; въ ту минуту, когда они свяжутся въ одинъ узелъ, революціи австрійской положенъ будетъ неминуемо конецъ.

VII.

Крестьянскій вопросъ по областямъ и на имперскомъ сеймѣ.

Революціонный гвалтъ, шумъ и трескотня въ Вѣнѣ и Прагѣ, сраженія австрійскихъ войскъ въ Италіи и игра національныхъ страстей въ Венгріи, бросаются прежде всего въ глаза въ исторіи переворота 1848 г. и поглощаютъ всецѣло вниманіе поверхностнаго зрителя. Но эти факты, по наружности великіе и поразительные, суть не болѣе какъ снѣжная пѣна, выбрасывающаяся на берегъ ударами морской волны. Чтобы постигнуть силу удара

и законы колебаній самой волны, слѣдуетъ отъ столицъ и большихъ городскихъ центровъ перенести вниманіе на села, мѣстечки и провинціи, и посмотрѣть, что совершалось въ этихъ захолустьяхъ въ достопамятные мѣсяцы мартъ, апрѣль, май и іюнь бурнаго года 1848. Каждое село и каждый городокъ отпраздновали свою мартовскую катастрофу, стряхнули вѣковой гнетъ, вздохнули свободнѣе, прогнали притѣснителей. Какъ ни крошечны были порознь взятые всѣ эти эпизоды великаго момента, но если разсматривать ихъ въ сложности, то они пріобрѣтаютъ громадное значеніе и по своему безчисленному множеству, и потому что они обнаруживаютъ дѣятельное участіе въ движеніи элемента крестьянскаго, самаго крѣпкаго, устойчиваго, неподвижнаго, въ которомъ перемѣны происходятъ крайне медленно, разъ въ нѣсколько столѣтій. Крестьянинъ оказывался гораздо практичнѣе мѣщанина. Между тѣмъ, какъ мѣщанство мечтало о разныхъ подобающихъ идеальному человѣку свободахъ, добивалось признанія основныхъ правъ личности, а въ то же время давало себя исподоволь терроризировать демагогамъ и рабочему пролетаріату, крестьянинъ дѣйствовалъ какъ эгоистъ и имѣлъ одно только на умѣ: отмѣну крѣпостныхъ отношеній, освобожденіе отъ помѣщичьей расправы, пріобрѣтеніе своихъ сельскихъ участковъ по возможности даромъ въ полную собственность, и ни о чемъ больше не заботился. До тѣхъ поръ пока эти задачи не были рѣшены, крестьянинъ вторилъ революціи; по разрѣшеніи же крестьянскаго вопроса, и по своемъ удовольствованіи, онъ отсталъ отъ революціи, открывая дорогу реакціи. Вся работа революціи исчезла какъ дымъ: признаніе правъ человѣка, свобода мысли и слова, конституція; десять лѣтъ потомъ длилось праздненство реакціи и абсолютизма, но ни одна іота не выкинута изъ того, что сдѣлано по крестьянскому вопросу, который составляетъ такимъ образомъ единственный трофей движенія 1848 г. и самую «суть» совершившагося въ этотъ годъ переворота. Если свести итоги и взвѣсить эту одну удачу со всѣми другими неудачами, то нельзя не порадоваться окончательному результату расчета, потому что, въ этой одной удачѣ, содержалось въ сущности все остальное и пріобрѣтено прочное, незыблемое основаніе для болѣе надежнаго будущаго общественнаго развитія. Освобожденіе крестьянъ съ землею подрѣзало всѣ корни феодально-аристократическаго порядка, повело къ признанію всеобщей равноправности гражданской, проложило путь къ автономіи общинъ и областей и къ позднѣйшему водворенію представительной формы правленія, провозглашенной въ 1848 г., но не утвердившейся въ то время по совершенной незрѣлости къ ней на-

рода. Съ этой точки зрѣнія, ходъ крестьянскаго дѣла заслуживаетъ тщательнѣйшаго изученія, какъ фактъ самый капитальный. Этимъ дѣломъ занялись и разбирали его одновременно другъ отъ друга независимо областные сеймы мелкихъ австрійскихъ областей, дѣйствовавшіе въ усиленномъ сообразно обстоятельствамъ времени составѣ, и имперскій сеймъ, собравшійся въ Вѣнѣ въ іюлѣ мѣсяцѣ. Начнемъ нашъ обзоръ съ областныхъ сеймовъ.

Въ *верхней Австріи* (по ту сторону Эннса), земское собраніе изъ старыхъ ландштендовъ избрало 23 марта комитетъ для составленія проектовъ областного устройства, общиннаго устройства и закона о прекращеніи повинностей крестьянъ въ пользу помѣщиковъ. Къ членамъ, избраннымъ изъ среды земскаго собранія, должны были присоединиться въ комитетѣ депутаты неучаствовавшихъ въ ландштендахъ землевладѣльцевъ, городковъ и мѣстечекъ, наконецъ 12 человѣкъ выборныхъ отъ крестьянъ. 24 іюля открыто въ Линцѣ земское собраніе изъ старыхъ ландштендовъ и членовъ усиленнаго комитета. Возникъ вопросъ: на какихъ основаніяхъ производить голосованіе? Значительнымъ большинствомъ рѣшено, что новые члены имѣютъ голосъ не совѣщательный только, но и рѣшительный; однако вмѣстѣ съ тѣмъ отвергнутъ демократическій способъ представительства въ будущихъ земскихъ собраніяхъ, основаннаго на одной только цифрѣ народонаселенія, и постановлено при будущихъ выборахъ избирать депутатовъ по категоріямъ или главнымъ интересамъ. Предложена слѣдующая группировка: землевладѣніе, капиталъ и образованіе. Многіе находили, что это дѣленіе недостаточно обстоятельно, и предлагали раздѣлить землевладѣніе на мелкое и крупное и особымъ классомъ помѣстить рабочихъ. Было заявлено и противоположное мнѣніе о сокращеніи числа категорій и о дѣленіи только на города и села. Споры затягивались, а между тѣмъ депутаты отъ крестьянъ жаловались и настаивали на томъ, чтобы перейти къ крестьянскому вопросу и къ выкупу десятинъ. Тогда-то разыгрались страсти, и сеймъ раздѣлился на два лагеря: собственниковъ земли и десятинъ (въ томъ числѣ духовенства), и тяглыхъ. Первая партія выѣзжала на принципахъ, крестьянскіе депутаты слышать о принципахъ не хотѣли, вдавались въ мелочи, разъ на что нибудь согласившись, не затруднялись брать назадъ свое слово, съ тѣмъ, чтобы начинать опять все дѣло съизнова, ссылались на законы никому кромѣ ихъ неизвѣстные, на факты никѣмъ до сихъ поръ неслыханные, а рѣзкость споровъ и грубость выраженій съ ихъ стороны была такова, что напомнила времена крестьянскихъ войнъ. Не ограничиваясь общимъ, крестьянскіе депутаты потребовали именного

перечисленія всѣхъ тѣхъ повинностей, которыя подлежать выкупу. Съ трудомъ прошелъ принципъ о вознагражденіи за отмѣняемыя рабочія повинности и десятины, но когда дошло до вопроса о томъ, кто обязанъ платить это вознагражденіе? — то крестьяне заупрямились. Они готовы были бы и согласиться на вознагражденіе, если бы не имъ пришлось платить это вознагражденіе, а напримѣръ государству, которое они представляли себѣ въ видѣ богатаго капиталиста. Когда вопросъ рѣшенъ былъ противу нихъ большинствомъ, крестьяне пробовали положить конецъ собранію, уходя изъ него толпою, но и эта попытка имъ неудалась. Засѣданія длились долго, до 26 сентября, среди взаимныхъ пререканій, и собраніе закрыто не достигнувъ никакихъ практическихъ результатовъ; противъ его постановленій крестьяне верхнеавстрійскіе подали протестъ имперскому сейму.

Штирійскій сеймъ, собравшійся 13 іюня, поставилъ себѣ задачею подготовить только проекты законовъ для имперскаго сейма и состоялъ изъ 120 членовъ, въ томъ числѣ 30 крупныхъ землевладѣльцевъ, 30 представителей городовъ и промышленности и 30 депутатовъ отъ тяглыхъ крестьянъ. Крестьяне дали своимъ уполномоченнымъ странныя полномочія: «если депутаты будутъ голосовать противъ своихъ довѣрителей, то они будутъ обязаны удовлетворить всѣ убытки по такимъ-то статьямъ гражданскаго кодекса.» Крестьянскіе депутаты были мнительны, трепетали мести своихъ, и заявили сейму: имъ сказано, что они будутъ побиты на смерть, если не обдѣлаютъ дѣла по волѣ крестьянъ. Главный говорунъ съ ихъ стороны былъ нѣкто Шейхцеръ, типъ простолюдина-дипломата, прикидывающійся дурачкомъ, требующій, чтобы ему разъ десять повторяли одно и тоже, и отвертывающійся въ рѣшительныя минуты какою нибудь выходкою ни къ селу ни къ городу, или какою нибудь ничего не выражающею поговоркою: wass recht ist soll recht sein и т. под. И на этомъ сеймѣ крестьяне ссылались на небывалые законы, напримѣръ, на существующій будто бы указъ освобождающій ихъ отъ десятины, на вознагражденіе, которое имъ будто бы слѣдуетъ отъ правительства со временъ французской войны, старались разжалобить собраніе своею бѣдностью, указывали на монастырскія имѣнія какъ на средства вознагражденія помѣщиковъ. Когда эти способы не удались и положенъ выкупъ, то они пытались обрѣзать по возможности сумму выкупа, основать вычисленіе не на среднемъ доходѣ съ земли, но на самомъ меньшемъ доходѣ за послѣдніе годы или склонить собраніе, чтобы оно положило выкупной платежъ въ $1/4$ платимой крестьянами поземельной подати. Когда всѣ эти усилія оказа-

лись тщетными въ виду большинства собранія, состоящаго изъ соединенныхъ крупныхъ землевладѣльцевъ и городскихъ депутатовъ, тогда мужики стали говорить, что постановленія собранія необязательны, стали требовать закрытія его и распускать о немъ самые дурные слухи въ простонародіи. За то гораздо скорѣе и какъ по маслу пошли проекты областного и общиннаго устройства. Въ общинномъ проглядывало желаніе не ставить никакъ сельскаго батрачества на одну ногу съ зажиточными крестьянами и создать по возможности родъ привилегированнаго мужицкаго состоянія подобнаго городскому патриціату. Относительно евреевъ оставлены всѣ ихъ стѣсненія и ограниченія. Пренія оживились, когда дошло до новаго раздѣленія Штиріи на округи по языку и до образованія одного округа изъ земель населенныхъ преимущественно словинцами (Untersteiermark) изъ частей бывшихъ округовъ циллійскаго и марбургскаго. На образованіе словинскаго округа всѣ согласились, но когда возникъ вопросъ, на какомъ языкѣ должны рѣшаться дѣла на окружномъ сходѣ (Kreistag) словинскомъ, то крестьяне-нѣмцы стали требовать, чтобы на нѣмецкомъ, потому что «вендская рѣчь пригодна, когда нужно покупать воловъ или телятъ, но для болѣе высокихъ предметовъ она не годится.» Постановлено допустить оба языка. На послѣднемъ засѣданіи 17 августа, крестьяне дали осязательный доводъ своего партикуляризма и равнодушія къ государственнымъ интересамъ, прося, чтобы рекрутъ изъ штирійцевъ оставляли на мѣстѣ въ Штиріи, и жалуясь, что ихъ шлютъ въ нездоровыя страны, въ Мантуу, гдѣ они вымираютъ, такъ что во многихъ мѣстахъ крѣпкіе молодые парни совсѣмъ перевелись.

Въ *Моравіи*, въ послѣднихъ числахъ мая, собрался сеймъ преобразованный по новому начертанію, утвержденному вѣнскимъ министерствомъ, и состоящій изъ земскихъ сановниковъ, крупныхъ землевладѣльцевъ, представителей городовъ, сельскихъ общинъ и образованія. Славяне уравновѣшивались съ нѣмцами по числу голосовъ. Важнѣйшій предметъ совѣщаній составлялъ готовый проектъ объ отмѣнѣ рабочей повинности и десятинъ. Крестьянскіе депутаты торопили другихъ и старались провести полную и безусловную отмѣну всѣхъ повинностей. Съ одной стороны, они боялись, чтобы не прошла готовность къ пожертвованіямъ въ помѣщикахъ, возбужденная мартовскими событіями, съ другой, чтобы имъ не пришлось подѣлиться преимуществами отъ реформы съ бобылями, которые добиваются также надѣла землями изъ общей массы мірскихъ имуществъ. Когда оказалось, что желаніе крестьянъ не можетъ быть удовлетворено безъ

подробнаго анализа повинностей, тогда дѣла перемѣнились, и сами же крестьяне вдругъ открыли, что сеймъ не имѣетъ власти окончательнаго рѣшенія. Утомительные и безплодные споры объ основаніяхъ и порядкѣ выкупа заняли весь іюнь мѣсяцъ; они привели наконецъ къ неопредѣленному постановленію, что рабочія повинности и десятины отмѣняются за прямое вознагражденіе, и къ заключенію: основать моравскій ипотечный банкъ для совершенія при его посредствѣ выкупной операціи. 12 августа, сеймъ приступилъ къ преніямъ о проектѣ областного устройства, изготовленномъ П. Хлумецкимъ, проектѣ весьма замѣчательномъ какъ опытъ примиренія государственнаго единства съ ширикою автономіею областною. Моравскій сеймъ высказался рѣшительно противъ затѣй чеховъ о соединеніи всѣхъ чешскихъ земель воедино. Всеобщее одобреніе вызвало слова молодого оратора Эгберта Белькреди (аристократа по рожденію, но демократа по убѣжденіямъ, какъ онъ себя называлъ): «изъ кучи коронъ, перевязанныхъ пергаментами, должна образоваться одна корона — конституціоннаго государства.» Сильный споръ возникъ по вопросу о выборахъ. Проектъ предлагалъ такое распредѣленіе депутатовъ между городами и селами, чтобы на каждые 3,000 человѣкъ въ городахъ приходился одинъ депутатъ, и на 20,000 одинъ въ селеніяхъ. Противъ этого положенія вооружились совокупно и крестьяне и дворянство. Члены сейма пришли наконецъ къ слѣдующему полюбовному рѣшенію: не дѣлать различія между городомъ и селомъ и вездѣ взять за основную единицу при выборахъ 10,000 населенія. Въ составъ сейма включены три депутата отъ Ольмюцкаго университета въ воздаяніе заслугъ, оказанныхъ вообще университетами во время мартовской революціи.

Гораздо важнѣе и существеннѣе дѣятельности областныхъ земскихъ собраній по крестьянскому вопросу была дѣятельность сейма имперскаго отъ всѣхъ земель Австріи, кромѣ венгерскихъ; для уразумѣнія ея необходимо вспомнить обстоятельства, предшествовавшія и сопровождавшія открытіе этого сейма. Положеніе дѣлъ въ Вѣнѣ, начиная съ великихъ дней майскихъ до открытія сейма было слѣдующее.

Императоръ съ дворомъ пребывали въ Иннспрукѣ, туда же послѣдовали всѣ иностранные посланники и отставные австрійскіе дипломаты, министры и государственные мужи не у дѣлъ, которыхъ революція посадила на мель. Министерство должно было двоиться, туловище его оставалось въ Вѣнѣ, но нѣкоторые члены должны были поселиться въ Иннспрукѣ, а именно министръ иностранныхъ дѣлъ Вессенбергъ и министръ торговли

Доббльгофъ, котораго Пиллерсдорфъ послалъ туда разстраивать совѣты крутыхъ реакціонеровъ и не допускать рѣшеній, которыя бы могли воспламенить опять народныя страсти вѣнской демократіи. Въ самомъ министерствѣ не было единодушія. Военный министръ Латуръ отказался отъ участвованія въ совѣщаніяхъ министровъ, знать не хотѣлъ ни о чемъ происходящемъ въ Вѣнѣ, и занимался только военною администраціею, то-есть доставленіемъ Радецкому средствъ побѣждать въ Италіи. Въ министерствѣ по прежнему первенствующее положеніе занималъ Пиллерсдорфъ, который окупалъ ежедневно свою власть безусловною уступчивостью въ отношеніи къ вѣнскому «комитету безопасности», руководимому въ это время докторомъ Фишгофомъ, и хватался какъ за якорь спасенія за будущій сеймъ имперскій. Пиллерсдорфъ надѣялся, что стôитъ только дотянуть какъ нибудь до сейма, и тогда все пойдетъ хорошо. Препятствія сейму были теперь со стороны Иннспрука, со стороны двора, который держался мартовскихъ обѣщаній, но колебался признать майскія пріобрѣтенія. Наконецъ, и это препятствіе устранено изданіемъ манифеста 3 іюня, который долженъ былъ разсѣять всѣ подозрѣнія демократовъ относительно господства въ Иннспрукѣ враждебной народу камариллы. Въ манифестѣ было сказано: «Я не нашелъ затрудненія 16 мая назвать будущій рейхстагъ учредительнымъ и обѣщать соотвѣтствующіе тому выборы. Способъ и обстоятельства, сопровождавшія это признаніе, оскорбили меня глубоко, но я готовъ подтвердить данное, потому что оно служитъ для меня ручательствомъ того, что конституція, долженствующая доставить моей имперіи какъ духовное такъ и матеріальное могущество, будетъ какъ въ цѣломъ такъ и въ частяхъ дѣломъ законно выраженной всеобщей воли, съ которою я намѣренъ идти рука объ руку. Мое искреннѣйшее желаніе состоитъ въ томъ, чтобъ сдѣлалось возможнымъ открытіе имперскаго сейма въ Вѣнѣ — столицѣ моего правительства.» Съ изданія этого манифеста два вопроса занимали умы правительственныхъ людей: кто откроетъ сеймъ? какой будетъ порядокъ выборовъ? Ближайшій наслѣдникъ престола, братъ императора Францъ-Карлъ, не пользовался популярностью по причинѣ жены своей Софіи, подозрѣваемой въ реакціонныхъ интригахъ. Пиллерсдорфъ и Доббльгофъ настаивали на томъ, чтобы властью императорскаго намѣстника и *alter ego* облеченъ былъ дядя императора эрцгерцогъ Іоаннъ, безспорно умнѣйшее лицо во всей фамиліи. Вслѣдствіе ихъ настояній это порученіе дано было Іоанну, хотя трудно было согласить его съ избраніемъ того же Іоанна въ рейхсфервезеры Германіи со стороны франк-

фуртскаго парламента. 24 іюня, эрцгерцогъ Іоаннъ отпраздновалъ свой торжественный въѣздъ въ австрійскую столицу.

Такъ какъ въ числѣ пріобрѣтеній 16 мая была только отмѣна избирательнаго ценза и сената, а не самаго порядка выборовъ, то Пиллерсдорфъ рѣшилъ, что выборы произведены будутъ по двустепенной системѣ посредственнаго избиранія, то есть, что первоначально избираться будутъ выборные, которые уже потомъ выберутъ депутатовъ. Отъ участія въ выборахъ устранены рабочіе и лица, неимѣющія полугодовой по крайней мѣрѣ осѣдлости въ избирательномъ округѣ. Клубы, которые пустѣли по недостатку занятій и рады были всякому новому матеріалу для агитаціи, открыли походъ противъ всѣхъ этихъ распоряженій Пиллерсдорфа и успѣли вопервыхъ въ томъ, что министерство согласилось признать участвующими въ выборахъ всѣхъ *самостоятельныхъ* рабочихъ имѣющихъ 24 года отъ роду, вовторыхъ, дать столь широкое опредѣленіе слову *рабочій*, что только одна домашняя прислуга осталась внѣ этого класса. Но когда они потребовали еще и отмѣны самой системы выборовъ, т. е. замѣны посредственныхъ выборовъ прямыми, которые считались догматомъ вѣры демократическаго катихизиса 1848 г., то въ первый разъ у министерства хватило энергіи сказать рѣшительное нѣтъ; съ прямыми выборами общественное мнѣніе соединяло въ то время, безъ достаточной причины, понятіе о республиканскихъ затѣяхъ, слѣдовательно можно было предполагать, что усвоеніе ихъ вооружитъ дворъ противъ Вѣны и отсрочитъ на неопредѣленное время возвращеніе императора въ столицу. Выборы начались, но народный комитетъ безопасности не считалъ вовсе дѣла рѣшенными и потребовалъ ихъ кассаціи съ наряженіямъ новыхъ прямыхъ, въ полной увѣренности въ своемъ всемогуществѣ и въ невозможности отказа со стороны министровъ. Отказъ послѣдовалъ однако и породилъ непримиримое несогласіе между Пиллерсдорфомъ и демосомъ; комитетъ безопасности и демократическій клубъ рѣшились низвергнуть министра; напрасно онъ звалъ къ себѣ вліятельныхъ членовъ комитета, просилъ ихъ повременить, дождаться открытія сейма и тогда обвинить его въ чемъ угодно. 8 іюля комитетъ постановилъ почти единогласно: удалить всѣхъ министровъ, кромѣ Доббльгофа и Вессенберга, поручивъ Доббльгофу образовать новое министерство. Сверхъ всякаго чаянія эрцгерцогъ Іоаннъ тотчасъ же согласился на эти желанія, когда они были ему представлены депутатами комитета, и сказалъ имъ: «Я давно убѣжденъ въ несостоятельности министерства, и сдѣлаю все нужное; вы, господа, порядочные люди, заходите ко мнѣ во всякое время; я тоже чест-

ный человѣкъ». Никто не пожалѣлъ павшаго министра, дворъ и консерваторы видѣли въ немъ предателя, человѣка выслуживающагося у революціи; радикалы—чиновника прежняго режима, которому нельзя вѣрить; впослѣдствіи, когда прошли годы, измѣнились сужденія о его честности и добросовѣстности, но уваженіе къ нему какъ къ государственному мужу похоронено безвозвратно и навсегда. Эрцгерцогъ Іоаннъ въ торопяхъ передъ выѣздомъ во Франкфуртъ далъ устное порученіе Доббльгофу составить кабинетъ и возвратился только 19 числа, такъ что въ теченіе 10 дней (9—19) Австрія не имѣла собственно правительства. Въ новый кабинетъ вошли изъ прежнихъ министровъ, кромѣ Доббльгофа и престарѣлаго Вессенберга, Краусъ (финансовъ) и Латуръ (войны), а изъ свѣжихъ людей Горнбостль (торговля), Шварцеръ (общественныя работы) и Александръ Бахъ (юстиціи). Эти послѣднія лица вмѣстѣ съ Доббльгофомъ (внутреннія дѣла и вѣроисповѣданія) считались избранниками и представителями демократическаго элемента. Послѣдствія показали, до какой степени выборъ этотъ былъ неудаченъ. *Доббльгофъ* медлительный, тупой, дѣйствующій безцѣльно, на угадъ, не зналъ ни дѣлъ, ни лицъ, ни отношеній, и удивилъ впослѣдствіи сеймъ имперскій тѣмъ, что не могъ однажды сказать, кто состоитъ губернаторомъ въ Галиціи. *Горнбостль* былъ порядочный фабрикантъ и только. Бывшій фейерверкеръ, потомъ агентъ разныхъ промышленныхъ и торговыхъ обществъ, *Шварцеръ* попалъ въ кабинетъ какъ издатель газеты, которою онъ завѣдывалъ только хозяйственно; его же товарищи по печати издѣвались надъ нимъ говоря: «вотъ сидитъ пролетаріатъ въ кабинетѣ». Способнѣе всѣхъ былъ *Александръ Бахъ*, адвокатъ, вліятельный членъ бывшаго юридико-политическаго общества; но, поднимая его на своихъ плечахъ, вѣнскій демосъ не подозрѣвалъ, что онъ готовитъ врага революціи и будущаго министра реакціи. Расположеніе демоса Бахъ пріобрѣлъ тѣмъ, что былъ однимъ изъ агитаторовъ во время мартовскихъ дней, а потомъ держался осторожно въ сторонѣ, никому не навязываясь и выражаясь столь замысловато и двусмысленно, что каждая партія могла его считать своимъ человѣкомъ. Такъ напр., въ рѣчи своей 10 іюня онъ льстилъ и радикаламъ, повѣствуя о томъ, какъ заговорилъ народъ 26 мая «каменнымъ слогомъ баррикадъ», и обезоружилъ консерваторовъ тѣмъ, что толковалъ значеніе этого дня только заявленнымъ Вѣною безусловнымъ присоединеніемъ ея къ Германіи. Въ началѣ іюля стали съѣзжаться въ Вѣну первенцы всеобщей подачи голосовъ—представители державнаго народа; ранѣе другихъ прибылъ галиційскій контингентъ. На улицахъ Вѣны появились кучки

людей, одѣтыхъ въ сермяги и овчины, и которые потребляютъ мало мыла, непонимаютъ ни слова понѣмецки, покупаютъ лично провизію на базарахъ и принимаютъ всякія казармы за дворцы и всякаго капрала за вліятельнаго сановника государства. Ненависть галиційскихъ крестьянъ къ помѣщикамъ была столь велика, что даже въ чисто польскихъ округахъ выбраны депутатами только одни крестьяне; въ русинскихъ округахъ—крестьяне и уніатскіе священники. И въ другихъ областяхъ процентъ крестьянъ былъ весьма значителенъ въ общемъ итогѣ депутатовъ: въ верхней Австріи 13 крестьянъ на 16 депутатовъ, въ нижней Австріи 9 на 37, въ Штиріи 6 на 19. Относительно малое число крестьянъ изъ Богеміи (7 на 90) и изъ Моравіи (9 на 48) объясняется тѣмъ, что происходившая въ послѣднее время борьба національностей открыла нѣкоторыя общія точки соприкосновенія въ интересахъ между высшими и низшими классами, и что славянское сельское населеніе привыкло искать себѣ адвокатовъ между чешскими патріотами. Изъ общаго числа членовъ сейма (383) болѣе четверти (92) было такихъ, которые водили плугъ собственными своими мозолистыми руками. Крестьянъ было много, за то высшая аристократія блистала полнѣйшимъ своимъ отсутствіемъ. Только одна Галиція прислала нѣсколькихъ своихъ магнатовъ (Дзѣдушицкій, Любомірскій, Потоцкій, Борковскій), да галиційскіе крестьяне выбрали изъ благодарности бывшаго губернатора Галиціи Франца Стадіона, который держалъ ихъ сторону противъ помѣщиковъ: но изъ великихъ австрійско-нѣмецкихъ аристократическихъ именъ не было, кромѣ Стадіона, ни одного. Три четверти собранія состояли изъ врачей, адвокатовъ, профессоровъ, священниковъ и мелкаго дворянства (42). Классификація членовъ сейма по національностямъ давала печальные для нѣмцевъ результаты, отъ которыхъ радикальныя нѣмецкія газеты явились обведенными черною траурною каймою: на 383 члена числилось 190 славянъ, нѣсколько румынъ, италіанцевъ и только меньшая часть принадлежала племени нѣмецкому. И такъ, сила вещей брала свое, и, не смотря на германское знамя развѣвающееся съ башни св. Стефана, изъ-подъ культурнаго слоя проглядывала ненѣмецкая подкладка. Варвары преобладали и могли потребовать права гражданства для своей рѣчи. На первомъ же сходѣ депутатовъ, не имѣющемъ еще оффиціальнаго характера, 10 іюля въ императорскомъ манежѣ, отведенномъ для сейма, поднялся одинъ изъ русиновъ и именемъ своихъ товарищей потребовалъ переводчиковъ для перевода всѣхъ предложеній и постановленій на русинскій языкъ. — «Кто виноватъ, объяснялъ онъ худымъ нѣмецкимъ языкомъ, что гали-

ційскій мужикъ не знаетъ понѣмецки? только одни господа. Мужикъ не имѣетъ ни жилья, ни одежды, все отнято у него господами; ему нечѣмъ жить и недосугъ учиться».—Другой депутатъ изъ русиновъ заявилъ, что народъ выбралъ ихъ незнающихъ понѣмецки только потому, что они одни привержены къ династіи, а всѣ дворяне и священники—измѣнники». Натурально, что поляки отвѣчали тѣмъ, что галиційскіе крестьяне—орудіе реакціонной партіи, и споръ становился болѣе и болѣе рѣзкимъ, отходя отъ своего исходнаго пункта, пока наконецъ не согласились упразднить вопросъ безъ формальнаго разрѣшенія его, т. е. продолжать толковать понѣмецки, не обращая вниманія на непонимающихъ. При выборахъ въ предсѣдатели, обѣ національныя партіи пришли въ столкновеніе, вслѣдствіе котораго при выходѣ изъ сейма одинъ изъ чешскихъ ораторовъ Ригеръ былъ обруганъ и ошиканъ уличною публикою и подвергся весьма серьезной опасности. Президентомъ избранъ вѣнскій депутатъ адвокатъ Шмитъ, но при совершенной неспособности его руководить преніями, обязанности эти исправляли, чередуясь, два вицепрезидента славяне: чехъ Штробахъ и львовскій адвокатъ полякъ Смолька. Хотя большинство собранія состояло изъ новичковъ, но уже въ самомъ размѣщеніи депутатовъ по скамьямъ группами обозначились нѣкоторыя черты будущаго дѣленія на партіи. По правую сторону усѣлись чехи, руководимые Палацкимъ и Пинкасомъ. Палацкій обыкновенно молчалъ въ засѣданіяхъ, но давалъ въ тихомолку наставленія, какъ дѣйствовать, а ораторствовалъ способный молодой человѣкъ одаренный звучнымъ голосомъ Владиславъ Ригеръ. Близъ чеховъ сидѣла густая фаланга русинскихъ крестьянъ, вперяющая глаза въ своихъ священниковъ и повторяющая всѣ ихъ движенія, встающая, когда они вставали и необращающая вниманія на то, что тѣ или другіе товарищи хватаютъ ихъ за полы платья съ тѣмъ, чтобы держать ихъ на скамьяхъ. Центръ за министерскими мѣстами занимали тирольцы и черножелтые консерваторы—депутаты нѣмецкихъ коренныхъ областей Австріи. Въ политическихъ вопросахъ они вотировали всегда съ чехами, а въ національныхъ съ лѣвою стороною. Сзади за всѣми сидѣлъ одиноко Францъ Стадіонъ, ненавистный полякамъ за свои дѣйствія въ Галиціи, и радикаламъ-нѣмцамъ — какъ бюрократъ. Невдалекѣ отъ него также назади и тоже одиноко помѣщался Людвигъ Лёнеръ, врачъ, поэтъ, ловкій діалектикъ, нѣмецкій патріотъ и заклятой ненавистникъ славянъ вообще и въ особенности чеховъ. Вся лѣвая сторона принадлежала демократамъ радикаламъ и соціалистамъ, которые гонялись за популярностью, прислушивались къ мнѣнію вѣнскихъ

кружковъ и клубовъ, и часто бѣгали за совѣтомъ во время голосованія, выпытывая, которое изъ многихъ предложеній радикальнѣе. Съ ними за одно лѣвую сторону держали поляки и румынскіе крестьяне изъ Буковины. 22 іюля послѣдовало формальное, торжественное открытіе сейма рѣчью явившагося въ качествѣ императорскаго намѣстника — эрцгерцога Іоанна. Но эрцгерцогъ намѣстникъ, онъ же и рейхсфервезеръ германскій, долженъ былъ опять ѣхать во Франкфуртъ, а такъ какъ министерство только подъ тѣмъ условіемъ взяло на себя бремя управленія, если въ Вѣнѣ будетъ или императоръ или намѣстникъ, то оно сдѣлало сейму предложеніе (29 іюля) составить всеподданнѣйшій адресъ съ просьбою о возвращеніи монарха въ столицу, причемъ оно имѣло въ виду попасть въ двѣ цѣли: достичь возвращенія императора и упраздненія комитета безопасности. Такъ какъ этотъ комитетъ составлялъ главное препятствіе возстановленію добрыхъ отношеній между дворомъ и столицею, то можно было надѣяться, что сеймъ, ручаясь за спокойствіе столицы, возьметъ на себя и распущеніе комитета. Казалось бы дѣло столь несложное должно быть рѣшено просто, безъ преній, единогласно, тѣмъ болѣе, что въ сущности отсутствіе императора всѣмъ было въ тягость. Но министерство не расчитало, что въ собраніи пропасть ораторовъ, которые горятъ нетерпѣніемъ заявить свой независимый образъ мыслей, блеснуть либерализмомъ, самаго дешеваго свойства. «Время просить прошло, но, слышалось съ одной стороны, мы вправѣ требовать возвращенія императора во имя народа».—«Отъ насъ требуютъ гарантій спокойствія, неслось съ другой стороны,—но собственно намъ бы слѣдовало потребовать гарантій противъ проклятой камариллы, которая отдѣляетъ насъ тройною стѣною отъ императора». Предложенія посыпались одно другого рѣзче, оскорбительнѣе; къ счастію, декламаторскій пылъ прошелъ и уступилъ мѣсто страсти къ стилистикѣ. Всякій, кто могъ, сочинялъ проекты и читалъ ихъ во всеуслышаніе; предлагатели проектовъ адреса и поправокъ къ нему перебивали другъ друга, придирались за слова, за обороты фразы, и упражнялись въ теченіе трехъ длинныхъ засѣданій въ грамматическихъ тонкостяхъ; въ концѣ концевъ адресъ былъ кое какъ смастеренъ, отправленъ и достигъ своей цѣли: 12 августа императоръ прибылъ въ Вѣну среди громаднаго стеченія народа; онъ привѣтствовалъ встрѣчавшій его сеймъ словами: «Вы нашли, что необходимо, чтобы я пріѣхалъ, я исполнилъ мой долгъ и пріѣхалъ».

Сеймъ имѣлъ званіе учредительнаго, слѣдовательно первымъ его долгомъ должно было быть сочиненіе новой консти-

туціи, такъ какъ конституція 25 апрѣля оказалась жалкимъ мертворожденнымъ недоноскомъ. — Для исполненія этого долга сеймъ и выбралъ, 31 іюля, въ равномъ числѣ членовъ отъ всѣхъ 10 представляемыхъ на сеймѣ провинцій комитетъ для написанія конституціи, который долго мѣшкалъ, откладывалъ, обдумывалъ и не могъ ни до чего додуматься, потому что дѣло очевидно не клеилось въ его рукахъ, и среди господствовавшей въ сеймѣ умственной анархіи не было возможности остановиться ни на одной путной и правильной государственной идеѣ. Самъ сеймъ мало интересовался ходомъ этой работы; его вниманіе поглощено было вплоть до 7 сентября крестьянскимъ вопросомъ, котораго судьбами намъ слѣдуетъ теперь заняться. — 26 іюля, нѣкто Гансъ Кудлихъ силезецъ, младшій членъ сейма, докторантъ вѣнскаго университета, внесъ слѣдующее предложеніе: «Да будетъ угодно высокому собранію объявить: отнынѣ крѣпостныя отношенія отмѣнены съ всѣми вытекающими изъ нихъ правами и обязанностями, съ тѣмъ, что особо отъ сего будетъ опредѣлено, слѣдуетъ ли за это и какое именно вознагражденіе». Кудлихъ былъ рьяный радикалъ и горѣлъ желаніемъ доставить своему отечеству славу второй ночи 4 августа, похожей на ноту, въ которую французское дворянство великодушно принесло права свои въ жертву на алтарь отечества въ началѣ большой революціи. Кудлихъ былъ увѣренъ, что его предложеніе неуязвимо, безупречно, что оно выдержитъ всякую критику и можетъ быть тотчасъ превращено въ законъ. Оно и было выслушано среди рукоплесканій, но по внесенію его на очередь залежалось, оттѣсненное другими нетерпящими отлагательства дѣлами, напримѣръ, стилистическими упражненіями по адресу. Между тѣмъ по поводу его засуетились съ одной стороны крестьяне, съ другой стороны друзья Кудлиха и совѣтчики. Крестьянскіе депутаты получали ежедневно самыя непріятныя посланія отъ своихъ довѣрителей съ требованіями торопить рѣшеніе крестьянскаго вопроса; въ нѣкоторыхъ посланіяхъ содержались намеки на разныя насилія со стороны крестьянъ и угрозы сожженіемъ домовъ депутатовъ. Друзья и совѣтчики осаждали Кудлиха своими замѣчаніями, ставили ему на видъ, что онъ пропустилъ десятину, обошелъ разныя дани и повинности крестьянскія, о которыхъ неизвѣстно состоятъ ли они въ связи и превращаются ли вмѣстѣ съ крѣпостнымъ правомъ или нѣтъ, не упомянулъ о патримоніальныхъ судахъ. Молодой человѣкъ оторопѣлъ, узнавъ, что его предложеніе вызываетъ столько неожиданныхъ столкновеній, что можетъ провалиться, потому что въ немъ пропущены: laudemium, mortuarium, право пропинаціи,

обязанность ставить солому для господскихъ оленей и тому подобные барбаризмы. Въ угоду совѣтчикамъ и съ согласія друзей, Кудлихъ отступилъ отъ идеальной простоты прежней редакціи своего предложенія и составилъ новую съ поименованіемъ и главныхъ повинностей и отмѣны владѣльческаго суда, редакцію, которая по необходимости страдала неполнотою и передавала ключъ къ рѣшенію вопроса правой сторонѣ сейма. Намѣренія лѣвой стороны состояли въ томъ, чтобы обезпечить за собою честь почина въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ и держать обѣ стороны въ ожиданіи — крестьянъ, въ ожиданіи дарового пріобрѣтенія земли, — помѣщиковъ, въ ожиданіи вознагражденія, которое бы располагало ихъ къ разнымъ уступкамъ въ пользу радикализма. Но коль скоро предложеніе задалось спеціализированіемъ повинностей, то можно было предвидѣть, что участь его будетъ зависѣть отъ людей, болѣе знающихъ сельскій бытъ, нежели вѣнскіе радикалы, что вопросъ о вознагражденіи возбужденъ будетъ тотчасъ и безъ отсрочки.

8 августа, Кудлихъ взошелъ на трибуну мотивировать свое предложеніе, и обнаружилъ въ полномъ блескѣ свое краснорѣчіе: «Жаворонокъ свободы, говорилъ онъ, поетъ свою пѣсню, крестьянинъ-Прометей звенитъ своими цѣпями.... Дадикъ-те земледѣльцу рождественскій подарокъ (въ августѣ??).. Постановленіе сейма послужитъ тронною рѣчью державнаго народа... Скажите слово, которое вѣстникомъ мира пронесется съ оливковою вѣткою въ рукахъ по хижинамъ убогихъ, но раздастся громомъ во дворцахъ богачей». Однако, не смотря на всѣ рукоплесканія, наградившія оратора, сеймъ не сказалъ просимаго имъ слова; напротивъ того, одинъ за другимъ взбирались на трибуну безчисленные депутаты читать или поправки къ предложенію Кудлиха или совершенно новые проекты законовъ по крестьянскому вопросу; число какъ тѣхъ, такъ и другихъ, возрасло до 73. Оказалось, что крѣпостное право не ограничивается селеніями, что есть люди на крѣпостномъ правѣ, поселенные въ городахъ и мѣстечкахъ, что надобно опредѣлить, кто будетъ нести земскія повинности, исключительно лежавшія до сихъ поръ на помѣщикѣ, что надобно обезпечить сельскихъ пролетаріевъ — бобылей и батраковъ. Кромѣ того, собраніе замѣтило, что каждый изъ предлагающихъ поправки смотритъ на предложеніе съ своей провинціальной точки зрѣнія и вноситъ въ него такія особенности, которыя имѣютъ смыслъ въ примѣненіи къ его области, но не понятны другимъ областямъ. Такимъ образомъ, вопросъ не связывался въ узлы, но разсыпался и превращался въ груду сырыхъ матеріаловъ для про-

должительной кодификаціи. Оставалась одна надежда на возможность соединить всѣ поправки въ одинъ букетъ, что и попробовалъ сдѣлать 11 октября самъ Кудлихъ, давъ своему предложенію слѣдующую третью редакцію: «всѣ работы и всякіе десятинные сборы, равно какъ и всѣ тому подобныя натуральныя, денежныя и издѣльныя повинности домовладѣнія и землевладѣнія, вытекающія изъ крѣпостныхъ отношеній (Unterthänigkeitsverband), права собственности, отдѣленнаго отъ владѣнія (Obereigenthum, Dorf- und Schutz-Obrigkeit, Vogteiherrlichkeit) и крестьянской ленной зависимости (Lehensverband), со включеніемъ уплатъ за переходъ владѣнія одного лица къ другому, должны отнынѣ же прекратиться». Новая редакція демаскировала настоящія заднія мысли лѣвой стороны по крестьянскому вопросу: Кудлихъ предлагалъ поручить составленіе подробнаго положенія о крестьянахъ, съ принятіемъ въ соображеніе мѣстныхъ особенностей, спеціальной коммиссіи, которой и поручить рѣшеніе вопроса, нетребующаго особенной поспѣшности, слѣдуетъ ли и какой именно выкупъ въ пользу помѣщиковъ за права, которыхъ они лишаются. Намекъ Кудлиха, что вопросъ о вознагражденіи не интересуетъ особенно крестьянъ, возбудилъ подозрительность сихъ послѣднихъ, но и консерваторы не дали поймать себя на эту удочку и отнесли новую редакцію въ число безчисленныхъ терпѣливо выслушиваемыхъ поправокъ. 17 числа заключенъ пріемъ поправокъ и приступлено къ настоящимъ преніямъ, на участвованіе въ коихъ записалось 30 ораторовъ. Такъ какъ декламаціи надоѣли, и фактъ освобожденія крестьянъ былъ почти рѣшенъ жизнью, вслѣдствіе того, что со времени революціи крестьяне перестали работать на господъ и платить имъ оброки, то единственный интересный пунктъ преній заключался только въ выкупѣ; но именно по этому пункту у многихъ, напримѣръ, у чеховъ, недоставало духу сказать прямо, чего они хотятъ. Многіе изъ нихъ были противны выкупу, но такъ какъ они обязаны были слушаться своихъ вожатыхъ, которые стояли за выкупъ, то они обходили вопросъ, распространялись о святости собственности, о необходимости принять принципъ выкупа, намекая однако на то, что въ практическомъ примѣненіи помѣщики должны получить кое-что, извѣстную только частицу настоящей стоимости земель. Напротивъ того, польскіе помѣщики, не смотря на связи свои съ лѣвою нѣмецкою стороною и на то, что они старались всячески представить, будто надѣлъ крестьянъ землею совершился по ихъ доброй волѣ, и правительство присвоило себѣ только плоды того, что они сами порѣшили, требовали однако возможно большаго и непомѣрнаго

возвышенія оцѣнки крестьянскихъ участковъ. Утомительное повтореніе одного и того же, сопровождаемое историческими выкладками или юридическими комментаріями дѣлало пренія въ высшей степени скучными; они оживлялись порою, когда заговаривали лица, прямо и непосредственно заинтересованныя въ вопросѣ, языкомъ страсти, не сдерживаемой никакими соображеніями, когда напримѣръ заводилъ рѣчь какой нибудь крестьянинъ, рѣзко, грубо, сильно и безъ обиняковъ. Одинъ хорутанскій крестьянинъ дивился, что требуютъ выкупа кровопійцы-помѣщики, и домогался именного голосованія, дабы народъ могъ знать, кто его недоброжелатели. Моравакъ Биттнеръ не совѣтовалъ правительству, если оно хочетъ жить, назначать выкупной налогъ, предлагалъ помѣщикамъ, считающимъ себя обиженными даровою отмѣною крѣпостного права, апеллировать къ предкамъ, и отзывался, что головы лицъ, которыя голосовать будутъ за выкупъ, стоятъ не болѣе того, по чемъ вообще за человѣческія головы платятъ въ анатомическомъ театрѣ. Всеобщій смѣхъ вторилъ иногда ораторскимъ попыткамъ крестьянъ, но никто не смѣялся, когда рѣчь повелъ Капусцякъ, изъ Галиціи, съ пѣной у рта, съ огнемъ въ глазахъ и судорожно сжатыми кулаками, съ жестами сорвавшагося съ цѣпи раба-мстителя: «Да, дворянинъ обходился ласково съ мужикомъ, недѣлю заставлялъ работать, а въ воскресенье запиралъ въ хлѣву и накладывалъ цѣпи. Да, дворянинъ человѣколюбивъ, онъ ободряетъ измучившагося мужика хлыстомъ, а когда мужикъ говоритъ, что у него скотина слабая, не можетъ отработать урока, то дворянинъ кричитъ: такъ запрягися самъ съ женою! Въ трехъ стахъ шагахъ отъ господскаго дворца снимали мы наши шапки, а если у насъ было дѣло до барина, то мы должны были задабривать еврея, потому что еврей одинъ вправѣ бесѣдовать съ бариномъ, а бѣдный мужикъ невправѣ. На порогъ барскаго дома не позволялось ступить мужику, потому дескать что онъ воняетъ, и что баринъ не можетъ терпѣть мужицкаго поту». Само собою разумѣется, что подобныя выраженія вызвали точно такія же рѣзкости и съ противной стороны, и что крестьяне затряслись отъ гнѣва, когда депутатъ центра нѣмецъ Гельфертъ бросилъ въ нихъ слѣдующими словами: «Отмѣна крестьянскихъ повинностей безъ выкупа есть повтореніе легенды о св. Криспинѣ. У помѣщиковъ хотятъ украсть кожу, чтобы сдѣлать изъ нея сапоги для крестьянъ».

26 августа кончились пренія, и авторъ предложенія сказалъ послѣднее заключительное слово. Въ этотъ моментъ министерство, которое молчало въ теченіи преній, бросило свое слово на

вѣсы устами Баха. Бахъ заявилъ, что помѣщикамъ не слѣдуетъ ни гроша за личную свободу крестьянъ, но что и справедливость и политика требуютъ вознагражденія за снятіе съ поземельныхъ крестьянскихъ участковъ того, чѣмъ владѣющіе участками обязаны въ отношеніи къ помѣщикамъ. «Кабинетъ останется или падетъ, смотря потому, рѣшенъ ли будетъ утвердительно вопросъ о выкупѣ.» Эти слова были громовымъ ударомъ для лѣвой стороны, которая зашумѣла и взволновалась, предчувствуя побѣду противниковъ. Такъ какъ голосованіе должно было рѣшить судьбу и предложенія Кудлиха и всѣхъ 73 поправокъ, которыхъ никто не могъ всѣхъ упомнить и сообразить, то президенту Штробаху дано три дня на приведеніе всѣхъ этихъ поправокъ и проектовъ въ извѣстную логическую систему. 29 августа, предъ каждымъ депутатомъ лежала толстая печатная тетрадь, съ подлежащими рѣшенію 159 вопросами, раздѣленными на 20 главъ; работа добросовѣстная, но совершенно безполезная, такъ какъ и при систематизаціи вопросовъ трудно и почти невозможно было собранію оріентироваться въ этомъ лабиринтѣ. Послѣ тщетныхъ усилій выйти изъ затрудненія, постановлено предложить авторамъ проектовъ и поправокъ согласиться между собою относительно составленія своднаго предложенія, которое и будетъ постановлено первымъ на очереди. Цѣлую ночь продолжались совѣщанія, не достигая своей цѣли. Не въ интересѣ Кудлиха было дѣлать уступки, онъ и его друзья лѣвой стороны стояли на томъ, что вопросъ о выкупѣ долженъ быть отложенъ съ передачею его особой коммиссіи и понимали очень хорошо, что съ рѣшеніемъ въ томъ или другомъ смыслѣ этого вопроса, отъ нихъ отойдутъ всѣ крестьяне, которые только этимъ узломъ и связаны съ лѣвою стороною. Выкупъ они намѣрены были взвалить на государство, которое представлялось крестьянамъ какимъ-то страннымъ полумиѳическимъ существомъ. За то 25 депутатовъ центра и правой стороны сошлись, образовали коалицію и подписались на предложеніи Лассера, по которому постановлялся выкупъ, уплачиваемый помѣщикамъ, но не изъ имперской казны, а изъ образуемыхъ по каждой области порознь особыхъ провинціальныхъ фондовъ. 30 августа завязался въ засѣданіи сейма жаркій споръ, который изъ двухъ собирательныхъ предложеній, лассеровское или кудлиховское, поставить первымъ на очереди. Къ довершенію безпорядка, сбитые съ толку крестьяне, не понимая большей половины происходившаго и подозрѣвая измѣну даже и въ друзьяхъ, взяли на умъ, что Кудлихъ хочетъ ихъ надуть, и напали на него за вставленный имъ въ предложеніе латинскій терминъ *nexus subditalœ*. Суматоха была

столь велика, что Штробахъ прервалъ засѣданіе. Въ теченіе этого промежутка, всѣ партіи напустились на крестьянъ съ цѣлью привлечь ихъ къ себѣ: то ихъ наставлялъ русинскій священникъ Шашкевичъ, то ихъ уговаривалъ рьяный полякъ Сѣраковскій, то ихъ предостерегалъ какой-либо чехъ, такъ что они не знали, когда сидѣть, когда вставать, и были въ самомъ жалкомъ положеніи. Послѣ безконечно долгихъ совѣщаній рѣшено наконецъ, пустить первымъ предложеніе Лассера безъ всякихъ дальнѣйшихъ преній. Три первые пункта прошли (31 августа) единогласно: объ отмѣнѣ крѣпостного права, всякихъ различій между землями рустикальными и доминикальными, и всякихъ повинностей въ пользу помѣщиковъ. Крестьяне внѣ себя отъ восторга оставляли свои скамьи, чтобы жать руки на всѣ стороны своимъ доброжелателямъ. Но когда четвертый и пятый пункты, касающіеся выкупа, пущены были на голоса, тогда обнаружилось, что еще ничего существеннаго не сдѣлано, и что бой впереди. И крестьяне и лѣвая сторона поднялись и слышать не хотѣли о дальнѣйшемъ голосованіи. Нѣкоторые изъ коноводовъ лѣвой стороны пробовали выйти толпою изъ собранія, съ тѣмъ, чтобы прекратить засѣданіе, что имъ однако не удалось. Вопреки постановленію, состоявшемуся наканунѣ, опять открыты пренія по вопросу о выкупѣ, которыя повели только къ большему раздраженію обѣихъ сторонъ и къ измѣненію четвертаго пункта такимъ образомъ: «нѣкоторыя повинности отмѣняются безмездно, а нѣкоторыя за извѣстное вознагражденіе,» съ тѣмъ, чтобы по всѣмъ прочимъ пунктамъ продолжать голосованіе. Едва лишь, по упраздненіи четвертаго пункта, президентъ Штробахъ хотѣлъ пустить на голоса дальнѣйшіе, какъ вдругъ лѣвая сторона поднялась съ требованіемъ: всѣ остальные пункты, содержащіе спецификацію выкупныхъ повинностей, передать на разсмотрѣніе особой коммиссіи. Тогда у Штробаха терпѣніе лопнуло, и онъ объявилъ, что не можетъ предсѣдательствовать въ собраніи, которое сегодня постановляетъ одно, а завтра другое. Это средство подѣйствовало; большинство образумилось; Штробаха упросили занять опять предсѣдательское мѣсто, послѣ чего поставленъ, наконецъ, капитальный вопросъ въ слѣдующей формѣ: «предоставленіе приличнаго (billige) вознагражденія за всѣ тѣ службы и взносы, которыми владѣющіе землями обязаны были въ отношеніи къ собственникамъ этихъ земель.» 174 голоса оказались за вознагражденіе, 144 противъ, 36 устранили себя отъ голосованія. Всѣ остальные пункты прошли скоро и безъ задержекъ, въ томъ числѣ и пунктъ объ образованіи для выкупной операціи особыхъ провинціальныхъ фондовъ по областямъ. Пунктъ этотъ тѣснѣй-

шимъ образомъ былъ связанъ съ вопросомъ о централизаціи и свободѣ областей. Вся лѣвая сторона, сочувствующая централизаціи съ преобладаніемъ нѣмецкаго элемента, и многіе черножелтые консерваторы были противъ этого пункта, но его поддержали всѣ поляки и всѣ русины, и онъ прошелъ большинствомъ 224 противъ 125 голосовъ, что дало поводъ вѣнскимъ газетамъ скорбѣть о водвореніи федеративнаго государственнаго порядка.

Послѣ принятія собраніемъ предложенія Лассера, и предложеніе Кудлиха и всѣ поправки къ нему сдѣлались не интересны, и если подвергнуты голосованію, то только для очистки совѣсти и соблюденія формы. Смѣшныя обстоятельства сопровождали эту очистку. По недоразумѣнію, собраніе, голосуя по пунктамъ Кудлихово предложеніе, рѣшило утвердительно вопросъ о вознагражденіи помѣщиковъ отъ государства, въ противность своему прежнему постановленію о выкупныхъ провинціальныхъ фондахъ. Когда, по ликованію лѣвой стороны, большинство замѣтило свою ошибку, то оно тотчасъ поспѣшило исправить ее, отвергнувъ весь проектъ Кудлиха въ цѣломъ его составѣ большинствомъ 4 голосовъ. Предложеніе Лассера, утвержденное императоромъ, превратилось въ знаменитый законъ 7 сентября—первое важное и существенное дѣло имперскаго сейма, первое, но, можно сказать, и послѣднее. Опасенія лѣвой стороны оправдались вполнѣ; дни сейма были съ этой минуты сочтены. Какъ только дѣло крестьянское рѣшилось, тотчасъ крестьяне охладѣли къ дѣламъ сейма, и перестали заботиться обо всемъ, что съ тѣхъ поръ происходило въ императорскомъ манежѣ. Народная волна отхлынула, оставивъ пѣну на мели и очистивъ мѣсто реакціи, прежде нежели положено было начало осуществленію величавыхъ замысловъ о народоправствѣ и либеральной конституціи. Но какова бы ни была сила этой реакціи, можно было предвидѣть, что она не въ силахъ вычеркнуть хотя-бы одну іоту изъ закона 7 сентября, и что она не будетъ ни неизмѣримо глубока, ни безконечно продолжительна. Главные двигатели ея, дворяне и помѣщики, сами были сильно заинтересованы въ томъ, чтобы не возвратился старый порядокъ вещей францовской эпохи, при которомъ имъ самимъ приходилось жутко, и съ которымъ они прежде мирились только ради крѣпостного права.

(Продолженіе въ слѣдующей книгѣ).

VI.

МЫСЛИ И ЗАМѢТКИ

о

РУССКОЙ ИСТОРІИ.

С. Соловьева, Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Т. 13, 14, 15. М. 1864—66.

Н. Устрялова, Исторія Петра Великаго. Спб. 1858—63.

Съ каждымъ десятилѣтіемъ, а въ послѣднее время чуть ли не съ каждымъ годомъ, русская исторія выигрываетъ въ интересѣ, значеніи и важности. Мы начинаемъ серьезно сожалѣть, что знаемъ ее слишкомъ поверхностно и мало. Такія же сожалѣнія слышатся теперь нерѣдко и отъ европейскихъ историковъ и ученыхъ.

Когда-то исторія привлекала какъ любопытная сказка о старинѣ. Быль могла тогда безнаказанно перемѣшиваться въ ней съ небылицей. Исторія въ этомъ видѣ тѣшила воображеніе и подстрекала интересъ повѣстью о прошлыхъ временахъ и отдаленныхъ предкахъ.

Послѣ исторія стала поученіемъ и справкой. Чтò и какъ происходило прежде, служило указаніемъ и совѣтомъ въ практической дѣятельности. Исторія обратилась въ архивъ старыхъ политическихъ и государственныхъ дѣлъ, въ томъ числѣ и неоконченныхъ.

Напослѣдокъ, исторія дѣлается источникомъ и зеркаломъ народнаго самосознанія. На перепутьи двухъ періодовъ, въ межеумочное время, когда ходъ народной жизни оставляетъ привычное

вѣковое русло и ищетъ новыхъ путей, колеблясь между нѣсколькими, наивная справка съ дѣяніями предковъ не можетъ уже вразумить на счетъ того, что̀ и какъ дѣлать, да и нѣтъ уже больше того яснаго настроенія души, и того досуга, какіе необходимы, чтобъ восхищаться полуволшебной сказкой, художественнымъ сочетаніемъ исторической правды съ выдумкой. Торная дорога кончилась; предстоитъ идти цѣликомъ, наугадъ, ощупью, и тогда-то наступаетъ время глубокаго раздумья. Народная мысль разрѣшается въ цѣлый рядъ вопросовъ, догадокъ и предположеній, посреди которыхъ мало по малу и созрѣваетъ народное самосознаніе, единственный вѣрный руководитель на этой ступени развитія.

Но трудно и тяжко дается самосознаніе. Сначала исторія допрашивается подробно, но пристрастно, судьями, у которыхъ рѣшеніе готово заранѣе. Вопросы предлагаются ей нарочно такъ, чтобъ получить желанный отвѣтъ. Такіе отвѣты еще не исторія, не истина; по нимъ узнается не то, что было, а то, чего домогался, что хотѣлъ видѣть историкъ. Только впослѣдствіи, возмужавшее и окрѣпшее народное самосознаніе приходитъ къ правдѣ въ исторіи и вступаетъ на твердый путь въ практической жизни.

Русская исторія прошла всѣ эти фазисы, кромѣ самаго послѣдняго. Она являлась и сказаніемъ и поученіемъ. Событія и главные дѣятели разсматривались въ ней съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія; однако и до сихъ поръ наше народное самосознаніе еще не установилось. Кто скажетъ, что мы себя знаемъ и понимаемъ? Съ каждымъ новымъ шагомъ впередъ, мы, напротивъ того, по знаменитому слову Сократа, убѣждаемся болѣе и болѣе, что почти совсѣмъ себя не знаемъ. Наша мысль не въ соотвѣтствіи съ нашей вѣрой въ самихъ себя, въ нашу народную мощь, въ предстоящія намъ великія судьбы; наши взгляды на русскую исторію, наша оцѣнка историческихъ событій и дѣятелей Россіи оказываются, одни за другими, дѣтскимъ лепетомъ незрѣлой и нетвердой мысли, и забываются также легко, какъ возникаютъ. При кажущемся мирномъ и спокойномъ, отчасти даже сонномъ, строѣ нашей жизни, какой-то быстрый водоворотъ кружитъ нашу мысль, унося, одну за другой, всѣ слабыя попытки кристаллизировать наше народное самосознаніе въ сколько нибудь опредѣленныя формы.

Умственное наше безсиліе никогда, можетъ быть, не чувствовалось такъ глубоко, какъ теперь Россія, безъ малаго за двѣсти лѣтъ, круто двинутая на новый путь, теперь снова и также круто, хотя и въ иныхъ формахъ, поворачиваетъ въ дру-

гую колею. Цѣлый кругъ понятій и взглядовъ, нажитый въ минувшіе два вѣка, измѣняется. Точно будто поднимается завѣса и передъ глазами открываются новыя перспективы, которыхъ мы до тѣхъ поръ и не подозрѣвали. Примкнувъ къ семьѣ романскихъ и германскихъ народовъ, мы твердо увѣрились, что намъ предстоитъ и двигаться въ кругѣ идей и направленій, выработанныхъ ихъ жизнью и трудами; а на повѣрку оказывается, что общаго у насъ съ этими народами одни только свойственныя всѣмъ людямъ стремленія и задачи, все же остальное — вовсе не похоже на европейское, и мы, можетъ быть, болѣе чѣмъ когда либо предоставлены собственнымъ средствамъ и усиліямъ. Теряя наглядный образецъ, созерцаніемъ котораго лѣниво себя убаюкивали, мы теперь невольно начинаемъ спрашивать самихъ себя: что́ же мы такое, что насъ такими сдѣлало, и куда мы идемъ? Эти вопросы поднимаются у насъ теперь со всѣхъ сторонъ; во всемъ, что у насъ ни думается, ни дѣлается, видны попытки отвѣчать на эти вопросы. Въ литературѣ и искусствѣ одинаково слышится задача понять себя, уяснить себѣ смыслъ и значеніе нашего историческаго существованія.

Посреди этой заботы, на первый планъ естественно выдвигается изученіе русской исторіи. Событія и лица, казавшіяся намъ до сихъ поръ извѣстными и переизвѣстными, подвергаются новому изслѣдованію, возсоздаются въ искусствѣ, перерабатываются въ ученыхъ трудахъ. Изъ лаконическаго лѣтописнаго сказанія, изъ сухого свидѣтельства оффиціальнаго документа мы стараемся вызвать оживлявшій ихъ духъ, усиливаемся воскресить прошедшее во всей его животрепещущей правдѣ. Мы начинаемъ чувствовать, что происшествія, рѣшавшія судьбы русскаго народа, что лица, игравшія большую роль въ самыя знаменательныя эпохи нашей исторіи, подернуты какимъ-то туманомъ, не имѣютъ ярко очерченнаго образа, и вотъ, всѣ старанія направлены къ тому, чтобъ разогнать этотъ туманъ, сорвать таинственный покровъ. Въ какой степени удачны эти усилія — другой вопросъ; несомнѣнно только, что работа, вызванная новымъ оборотомъ нашей исторіи, идетъ впередъ, и, оглянувшись недалеко назадъ, нельзя не замѣтить, что уже произошла нѣкоторая перемѣна въ нашихъ взглядахъ на прошедшее, вѣрный признакъ, что народное самосознаніе зрѣетъ, что время его наступаетъ.

Петръ Великій и его эпоха не могли быть обойдены, или остаться незамѣченными при такомъ усиленномъ общемъ нашемъ стремленіи къ самосознанію. Не понявъ Петра, нельзя понять Россіи: онъ много для нея сдѣлалъ; его глубоко любили и глубоко ненавидѣли современники и потомки; слѣды его неизгладимы въ

русской исторіи; но для вѣрной оцѣнки Петра Великаго наше время едва ли не самое неблагопріятное. Мы всѣми путями порываемся выдти изъ того періода русской исторіи — періода заимствованій у Европы — который онъ собою открылъ и началъ. У его подножія еще идетъ горячій споръ объ историческомъ наслѣдствѣ, которое онъ по себѣ оставилъ. Къ Ивану Грозному, къ эпохѣ Самозванцевъ, къ Алексѣю Михайловичу, мы относимся спокойно и объективно; все это уже давно прошло, забыто, и мы почему-то наивно воображаемъ, что интересы и вопросы тѣхъ временъ давно исчезли безъ слѣда. Но Петръ какъ будто еще живъ и находится между нами. Мы до сихъ поръ продолжаемъ относиться къ нему какъ современники, любимъ его или нелюбимъ, превозносимъ выше небесъ или умаляемъ его заслуги; но число его поклонниковъ рѣдѣетъ, а число порицателей растетъ, по мѣрѣ того, какъ мы выходимъ изъ поставленныхъ имъ условій нашей народной жизни, и пока новый нашъ историческій путь не обозначится вполнѣ, мы все будемъ колебаться между старой и новой Россіей, видѣть въ совершающемся то возвратъ къ до-петровской старинѣ, то продолженіе его реформы. Много, много еще пройдетъ времени, пока для Петра наступитъ спокойный, безпристрастный, нелицепріятный судъ, который будетъ вмѣстѣ и разрѣшеніемъ вопроса о томъ, что мы такое и куда идемъ.

По какой-то счастливой случайности, профессоръ Соловьевъ окончилъ древнюю русскую исторію и перешелъ къ эпохѣ преобразованія именно въ то время, когда рядъ новыхъ коренныхъ законоположеній, пересоздающихъ внутренній строй Петровской Россіи, возбуждаетъ особенный интересъ къ дѣлу и эпохѣ Петра, и невольно ставитъ вопросъ: была ли его реформа благомъ для Россіи или ошибкой геніальнаго государя? Новый трудъ профессора Соловьева составляетъ продолженіе его «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ.» До сихъ поръ вышло только три тома, изъ которыхъ собственно два посвящены исторіи царствованія Петра; послѣдній томъ оканчивается полтавской битвой. Судя по этому, надо полагать, что исторія Петра займетъ еще по крайней мѣрѣ три тома. Какъ въ прежнемъ своемъ сочиненіи, такъ и въ новомъ, достойный ученый держится на строго исторической почвѣ. Трудъ его не апологія и не памфлетъ, а добросовѣстный фактическій разсказъ, перерываемый лишь изрѣдка взглядами и сужденіями самого автора. Къ свѣдѣніямъ, взятымъ изъ напечатанныхъ источниковъ, профессоръ Соловьевъ прибавляетъ множество новыхъ, почерпнутыхъ изъ архивовъ, что возвышаетъ ученое достоинство его замѣчательнаго труда. О высо-

комъ интересѣ новаго сочиненія профессора Соловьева нечего говорить; исторія Петра Великаго не можетъ не быть интересна въ высшей степени; но авторъ умѣлъ придать своей книгѣ особенную занимательность послѣдовательнымъ и яснымъ разсказомъ, искуснымъ расположеніемъ частей, отличной группировкой характеристическихъ подробностей. Рельефный матеріалъ, надъ которымъ онъ трудился, конечно, облегчалъ ему работу; но ему принадлежитъ несомнѣнная заслуга, что онъ съумѣлъ имъ прекрасно воспользоваться.

Другое сочиненіе, посвященное Петру Великому, принадлежитъ академику Устрялову. Оно, можно сказать, только начато. Въ 1858 году вышли три первые тома, содержащіе исторію Петра только до 1700 года, т. е. собственно до начала реформъ. Въ слѣдующемъ 1859 году изданъ особо шестой томъ, содержащій исторію царевича Алексѣя Петровича и слѣдственное дѣло о немъ; наконецъ, въ 1863 году вышелъ четвертый томъ (въ двухъ частяхъ), въ которомъ разсказъ доведенъ до конца 1706 года. Изъ этого видно, въ какихъ обширныхъ размѣрахъ задуманъ этотъ ученый трудъ. Книга профессора Устрялова богата критическими изслѣдованіями и драгоцѣннѣйшими матеріалами, изъ которыхъ много чрезвычайно любопытныхъ открыты ученымъ авторомъ и напечатаны впервые. Всякій, кому дорого имя Петра, дорога Россія, конечно, отъ всей души пожелаетъ, чтобъ авторъ выполнилъ свою программу до конца, въ томъ же объемѣ и съ тою же подробностію, какъ началъ.

Изъ числа сочиненій по русской исторіи, появившихся въ послѣдніе годы, исторіи царствованія Петра Великаго Соловьева и Устрялова — самыя крупныя и замѣчательныя. Всѣ безъ сомнѣнія уже знакомы съ ними, слѣдовательно передавать вкратцѣ ихъ содержаніе нѣтъ надобности, тѣмъ болѣе, что, какъ бы тщательно ни было составлено изъ нихъ извлеченіе, оно не можетъ замѣнить подлинниковъ, исполненныхъ животрепещущаго интереса.

Сообщая множество неизвѣстныхъ доселѣ фактовъ, выставляя происшествія и лица въ новомъ свѣтѣ, оба историка значительно подвинули впередъ разрѣшеніе существенныхъ вопросовъ не одной петровской эпохи, но и всей русской исторіи. До сихъ поръ, мы не умѣли связать между собою двухъ ея періодовъ, раздѣленныхъ Петромъ Великимъ, и не могли объяснить себѣ, какимъ образомъ родилась и выросла на древней русской почвѣ личность, подобная Петру. На петровскій періодъ русской исторіи мы смотрѣли какъ на что-то совершенно новое, неимѣющее ничего общаго съ предъидущимъ временемъ; въ самомъ

Петрѣ напрасно старались мы отыскать черты, родственныя съ прежними дѣятелями Россіи. Намъ представлялось, что у насъ въ эпоху Петра, словно въ волшебной сказкѣ или на сценѣ, страна, люди, нравы, понятія вдругъ исчезли безъ слѣда и смѣнились новыми.

Кромѣ насъ нѣтъ народа въ мірѣ, который бы такъ странно понималъ свое прошедшее и настоящее. Ни одинъ народъ не разрывается, въ своемъ сознаніи, на двѣ половины, совсѣмъ другъ другу чуждыя и ничѣмъ не связанныя. Подобно намъ, всѣ европейскіе народы переживали въ своей исторіи крутые перевороты, иногда по нѣскольку разъ; однако ни одинъ изъ нихъ не смотритъ на себя какъ на какіе-то два различные народа. Реформація, французская революція, существенно, коренно измѣнили старый бытъ и создали новый; но ни до-революціонная Франція, ни до-реформаціонная Германія, не отдѣлены въ глазахъ французовъ и нѣмцевъ такой непроходимой бездной отъ теперешняго ихъ быта, какъ отдѣлена, по нашимъ понятіямъ, древняя Россія отъ новой, Петровской. Норманнское завоеваніе было не только переворотомъ въ цѣломъ бытѣ Англіи, но даже внесло въ нее чуждые элементы, чужую національность; однако, не смотря но то, англичанинъ сознаетъ свою солидарность и связь съ Англіей до-норманнскаго періода. Одни мы, русскіе, лишены до сихъ поръ единаго народнаго сознанія. Теоретически, отвлеченно, мы понимаемъ, что преобразованная Россія и самъ Петръ не съ неба къ намъ упали; что было же что нибудь и прежде; что какъ нибудь Петръ и его реформа были подготовлены; знаемъ мы, что никакого завоеванія у насъ въ концѣ XVII вѣка не было, что страна и народъ теперь тѣ же самые, что и до Петра. Но все это представляется намъ какъ-то сухо, отвлеченно, книжно, мертво, входитъ въ нашу голову какъ-то холодно и безучастно, точно результатъ математической выкладки, выводъ изъ ряда посылокъ и умозаключеній. Въ непосредственномъ, живомъ сознаніи мы все продолжаемъ какъ-то двоиться, и эта половинчатость лежитъ тяжелымъ камнемъ на всемъ нашемъ нравственномъ существѣ и дѣятельности.

Въ этомъ удивительномъ психологическомъ фактѣ есть глубокій смыслъ. Раздвоенные въ народномъ сознаніи, мы не можемъ высвободиться изъ вопіющаго противурѣчія между нашимъ взглядомъ на самихъ себя и постепеннымъ, величавымъ ходомъ нашей исторіи. Событія идутъ у насъ какъ-то своимъ чередомъ, точно какъ будто помимо нашей воли и пониманія. Мы сильны инстинктами, неясными стремленіями, непосредственнымъ чув-

ствомъ, и слабы разумѣніемъ; наша мысль не умѣетъ какъ-то совпадать съ фактами и осилить нашу умственную разладицу.

Гдѣ источникъ этой умственной немощи? Онъ глубоко скрытъ въ вѣковой привычкѣ смотрѣть на себя чужими глазами, сквозь чужія очки. Толстый слой предразсудковъ, въ которыхъ мы не отдаемъ себѣ отчета, присутствія котораго даже не подозрѣваемъ, мѣшаетъ намъ понимать себя правильнымъ образомъ. Думать и учится мы стали поздно, гораздо позднѣе другихъ народовъ. Это дало намъ возможность пользоваться, безъ большихъ усилій, тѣмъ, до чего другіе народы дошли тяжкимъ трудомъ и горькимъ опытомъ. Но за то, мы не привыкли думать, и, принимая чужія мысли за свои, не выходимъ изъ духовнаго малолѣтства. Оттого, нашъ собственный опытъ остается не продуманнымъ и жизнь наша есть стихійная, неосмысленная. Наши взгляды, убѣжденія выведены нами не изъ насъ самихъ и не изъ нашей исторіи, а приняты цѣликомъ отъ другихъ народовъ. Оттого мы и не умѣемъ связать прошедшаго съ настоящимъ, и все, что ни говоримъ, ни думаемъ, такъ безплодно, въ такомъ вопіющемъ разладѣ съ совершающимися фактами и съ ходомъ нашей исторіи.

Наша умственная апатія и безсиліе также стары, какъ мы сами. Напрасно будемъ мы утѣшать себя мыслью, что они ведутъ свое начало отъ реформы Петра Великаго. Съ тѣхъ поръ, какъ мы себя помнимъ, наша мысль всегда была въ плѣну, находилась въ вѣчной кабалѣ, что не мѣшало фактамъ и событіямъ идти своимъ чередомъ, на основаніи указаній практики и потребностей. Правда, практическая наша жизнь и дѣятельность тоже часто, и даже очень часто, руководились посторонними элементами, вслѣдствіе нашего умственнаго рабства; но въ этой сферѣ чуждыя примѣси скоро давали себя чувствовать такъ сильно, что приходилось, волей-неволей, отъ нихъ отказываться и слушаться одного здраваго смысла и народныхъ инстинктовъ. Но въ области мысли и пониманія мы испоконъ-вѣка были покорными слугами другихъ, и наша жизнь шла своей дорогой, а голова — своей.

Сперва мы подпали подъ умственную опеку византійцевъ и оставались подъ ней чрезвычайно долго. Греки наводнили нашу страну, торговали въ ней, брали съ насъ дань. Старинные архивы константинопольскихъ патріарховъ, еслибъ они сохранились, повѣдали бы намъ любопытныя вещи и показали бы, какъ выгодна была для тогдашнихъ фанаріотовъ русская епархія. Мы не любили грековъ и считали ихъ хитрецами. Толстой, посланникъ нашъ въ Турціи при Петрѣ Великомъ, отзывается о нихъ

почти тѣми же словами, какъ и старинныя наши лѣтописи. Князья, подобные Ярославу I, люди практическіе, нетерпѣливо сносили господство грековъ и пытались замѣнить присылаемыхъ къ намъ изъ Греціи митрополитовъ своими ставленниками изъ русскихъ. Не смотря на эти попытки, полное, духовное владычество надъ нами грековъ продолжалось. Мы жили по греческимъ законамъ, питались греческой письменностью, наслаждались греческимъ искусствомъ и художниками, ѣздили въ Грецію, какъ позднѣе въ Парижъ. Это умственное господство надъ нами грековъ продолжалось чрезвычайно долго. Слѣды его тянутся, постепенно слабѣя, вплоть до Петра Великаго.

Съ Ивана III, Московскаго великаго князя, начинается мало по малу умственное наше порабощеніе литовско-польскому владычеству. Весьма замѣчательно, что и это духовное иго, подобно греческому, развивается въ обратномъ отношеніи къ политической силѣ и значенію владычествующаго элемента. Чѣмъ сильнѣе становится Московское государство въ отношеніи къ Литвѣ и Польшѣ, тѣмъ сильнѣе литовско-польская нравственная власть надъ нами. Высшей своей точки она достигаетъ въ XVII вѣкѣ и за тѣмъ постепенно ослабѣваетъ, но еще очень замѣтна даже въ царствованіе Екатерины II. Подобно грекамъ, литовцы и поляки стремились къ намъ толпами и пытались внести свои порядки даже въ нашъ государственный строй; но это имъ окончательно не удалось. Иванъ III, Иванъ Грозный, Борисъ Годуновъ, Ѳедоръ Никитичъ Романовъ, царь Алексѣй Михайловичъ были люди практическіе и отразили этотъ напоръ въ государственной сферѣ; но въ общественной жизни, въ литературѣ, въ нравахъ и одеждѣ, во всей области умственнаго развитія, мы приняли новое духовное ярмо безпрекословно, несли его также покорно, какъ прежде греческое.

Почти въ одно время съ литовско-польскимъ элементомъ, именно при Иванѣ III, начинаютъ водворяться у насъ элементы западно-европейскіе. Они усиливаются при Иванѣ IV, играютъ уже большую роль при Алексѣѣ Михайловичѣ, еще бо́льшую при Петрѣ Великомъ, и господствуютъ почти безгранично при Аннѣ Ивановнѣ. Со вступленіемъ на престолъ императрицы Елизаветы произошелъ переломъ, и съ тѣхъ поръ началась чрезвычайно медленная убыль этого новаго господства, что продолжается и до сихъ поръ. Въ теченіе этого длиннаго умственнаго и нравственнаго служенія третьему господину, которое еще не кончилось, повторилось, точь въ точь, тоже, что было прежде. Въ государственной и политической сферѣ мы, сравнительно, скоро очнулись и стали на свои ноги. Ни Петръ, ни Екатерина

II, въ самый разгаръ вторженія въ Россію иностранныхъ элементовъ и иностранцевъ, не жертвовали имъ русскими интересами, и вполнѣ самостоятельно представляли государство; но во всѣхъ другихъ сторонахъ русской жизни, начиная отъ покроя платья и оканчивая взглядами и убѣжденіями, иностранные элементы владычествовали у насъ безгранично, и мы являли собою все, что есть оскорбительнаго и отталкивающаго въ добровольной духовной кабалѣ. Чѣмъ сильнѣе и значительнѣе мы становились въ государственномъ и политическомъ смыслѣ, тѣмъ угодливѣе и раболѣпнѣе дѣлались передъ иностранцами въ умственномъ и нравственномъ смыслѣ. Въ царствованіе императора Александра I, невиданный политическій блескъ и слава идутъ рука объ руку съ небывалымъ у насъ до тѣхъ поръ духовнымъ закрѣпощеніемъ иностранному игу.

Въ утѣшеніе себя мы обыкновенно говоримъ, что были до сихъ поръ «въ наукѣ» у другихъ народовъ. Но это не совсѣмъ точно. Работая умственно разнымъ господамъ поочередно, мы въ дѣйствительности мало чему научились. Когда было намъ учиться: мы только идолопоклонничали! Учиться, значитъ узнавать и брать въ толкъ; это предполагаетъ извѣстную самостоятельность, а мы лишь повторяли чужія рѣчи, переводя ихъ на нашъ языкъ. Дѣйствительное серьезное ученіе можетъ начаться развѣ только теперь, когда мы стали догадываться, и то пока еще очень смутно, что пора наконецъ выдти изъ духовной кабалы, пора подумать хорошенько надъ тѣмъ, что мы твердимъ съ чужихъ словъ. Еслибъ мы учились серьезно и сознательно, развѣ были бы возможны наша теперешняя умственная и нравственная скудость, наше слабоуміе, невѣжество, вѣтренность, безалаберность и всяческое малолѣтство? Европейскіе народы тоже учились другъ у друга и теперь учатся безпрестанно; но находимъ ли у нихъ что нибудь подобное тому духовному самоотреченію, которому мы предавались то въ пользу грековъ, то въ пользу литвы и поляковъ, то въ пользу западныхъ европейцовъ? Нѣтъ, нигдѣ ничего подобнаго не бывало; по одному этому мы уже можемъ судить, какъ далеко ушло наше развитіе.

Теперь мы вступаемъ въ новый періодъ исторической жизни. Четвертый актъ самоотреченія для насъ больше невозможенъ; хотѣлось бы вѣрить, что онъ сдѣлался невозможнымъ, потому что мы стали зрѣлѣе; во всякомъ случаѣ и идолопоклонничать болѣе не передъ кѣмъ. Внутренній нашъ бытъ перестроивается кореннымъ образомъ, по указаніямъ потребностей и нуждъ, неимѣющимъ ничего общаго съ нашей умственной несостоятельностью. Теперь должна, кажется, наступить пора плодотворнаго

ученія и труда, пора серьезной провѣрки нашихъ взглядовъ и стремленій. Когда эта пора дѣйствительно наступитъ, мы должны будемъ, волей-неволей, глубоко вглядѣться въ смыслъ нашей исторіи, сличить наши историческія воззрѣнія съ живою лѣтописью, съ тѣмъ что мы теперь, во всѣхъ общественныхъ слояхъ и элементахъ. Много неожиданностей предстоитъ намъ на этомъ пути! Мы воображаемъ, что знаемъ и понимаемъ ходъ нашей прошедшей жизни; придется отказаться отъ этого заблужденія; придется убѣдиться, что мы задаемъ русской жизни, въ прошедшемъ и настоящемъ, вопросы, которыхъ она не ставила и не ставитъ, придаемъ ей краски, которыхъ она не имѣетъ, представляемъ себѣ событія и лица совсѣмъ не такъ, какъ они были въ дѣйствительности—все отъ того, что живемъ чужими мыслями, видимъ себя сквозь чужія очки. Въ нашей духовной природѣ, отъ нашей умственной бездѣятельности, образовался, незамѣтно для насъ самихъ, наростъ, который долженъ быть открытъ и разрѣшится только вслѣдствіе серьезной умственной работы и сознательнаго ученья. Уже теперь, благодаря трудамъ, подобнымъ исторіи профессора Соловьева и академика Устрялова, начинаютъ разоблачаться многіе предвзятые взгляды и историческіе миражи, результатъ старыхъ и новыхъ предразсудковъ, непровѣренныхъ мыслью и работой. Если мы не видимъ связи между древней и новой Россіей, не понимаемъ, какъ могла личность, подобная Петру, явиться въ исходѣ московскаго періода русской исторіи, то очевидно, что въ нашихъ историческихъ знаніяхъ долженъ быть большой пробѣлъ; видимо, что мы или не такъ смотримъ на Петра и его дѣло, или не такъ понимаемъ старую Россію, какъ слѣдуетъ, или, наконецъ, и наша оцѣнка Московской Руси и Петра и его преобразованія невѣрна. Простой здравый смыслъ приводитъ къ этому заключенію; ибо какъ бы ни была велика и могуча личность Петра, какъ бы отрицательно ни относилось его преобразованіе ко всему старому,—все же онъ родился въ томъ обществѣ, которое преобразовалъ, былъ дитя своего времени и обстоятельствъ, и въ этомъ смыслѣ какъ онъ такъ и его дѣло должны же были находиться въ органической связи съ той средой, изъ которой возникли и къ которой относились. Припомнимъ, что дѣло Петра пережило его и живетъ до сихъ поръ; было ли бы это возможно безъ органической связи нашего прошедшаго съ настоящимъ? А отсюда слѣдуетъ, что въ насъ, въ нашемъ незнаніи или ошибочныхъ взглядахъ, должна скрываться причина, почему мы ее не видимъ и не понимаемъ.

Историческія изслѣдованія оправдываютъ эти выводы вполнѣ.

Какъ только начали нѣсколько вникать во внутренній бытъ Россіи XVII вѣка и въ тогдашнее положеніе дѣлъ, тотчасъ же и оказалось, что тогдашній страшный хаосъ и безурядица должны были разрѣшиться такъ или иначе. Исчезло представленіе объ идеальномъ состояніи, которое Петръ будто бы Богъ вѣсть почему и зачѣмъ переломалъ на иностранный ладъ. Вообще, по мѣрѣ того какъ разработывалась русская исторія, идеалы оттѣснялись все болѣе и болѣе въ ту сѣдую старину, объ которой мы ничего не знаемъ и узнать не можемъ. Съ другой стороны, ближайшее знакомство съ Петромъ и его дѣлами снимаетъ съ него тяжкое обвиненіе въ платонической любви къ иностранцамъ, въ какомъ то чудовищномъ, небываломъ планѣ вынуть у своего народа живую душу и вдохнуть въ него чужую. Освобожденный отъ риторическихъ прикрасъ и ѳиміама похвальныхъ рѣчей и лести, Петръ является передъ нами живымъ человѣкомъ, съ ошибками, и удивительными дѣлами, съ недостатками и чертами генія, съ пороками и великими добродѣтелями. Сдѣлавшись изъ миѳа историческимъ лицомъ, Петръ выигрываетъ въ размѣрахъ и величіи. Голая историческая истина о немъ поражаетъ гораздо сильнѣе, чѣмъ вымыселъ, именно потому что походитъ больше на сказку, чѣмъ на правду—такъ она необыкновенна!

Не смотря однако на множество прекрасныхъ работъ и изслѣдованій по русской исторіи, на обнародованные, въ огромномъ числѣ, новые источники, она все еще также мало извѣстна и понятна, какъ и сама Россія. Въ русской исторіи поставлено множество вопросовъ, но пока все еще не хватаетъ силъ и средствъ разрѣшить ихъ: недостаетъ необходимѣйшихъ подготовительныхъ работъ. Кое-гдѣ открываются просвѣты; точнѣе опредѣляются нѣкоторыя задачи; рождаются догадки, болѣе или менѣе правдоподобныя, которыя и служатъ пока жалкой замѣной дознанной исторической нити, связующей, повидимому, безсвязные факты и эпохи. Все это только чаяніе будущихъ историческихъ трудовъ, черновыя замѣтки для программы будущей русской исторіи.

Въ какомъ же видѣ представляется, на основаніи скудныхъ указаній, общій ходъ русской исторіи? Гдѣ ея главные узлы? Какое значеніе важнѣйшихъ ея эпохъ и событій? На эти вопросы приходится уже теперь отвѣчать нѣсколько иначе, чѣмъ думалось еще недавно.

I.

Четыре года тому назадъ, праздновалось тысячелѣтіе нашего государственнаго существованія. Боже! сколько мы расточали остроумія, сколько глумились надъ собою по этому поводу! Тысячу лѣтъ прожили — такъ разсуждали мы — и чего достигли? Самыя неотложныя потребности гражданскаго общежитія и благоустройства еще удовлетворяются кой-какъ въ двухъ-трехъ центрахъ громаднаго нашего царства, а внѣ ихъ какъ будто вовсе не существуютъ. Сколько же столѣтій нужно намъ прожить еще, чтобъ стать хоть тѣмъ, чѣмъ была Европа въ XVIII вѣкѣ? а она между тѣмъ будетъ идти впередъ не по днямъ, а по часамъ.

Разсуждая такъ, мы сравниваемъ свое настоящее не съ своимъ же прошедшимъ, а съ постороннимъ образцомъ, который у насъ подъ глазами. Вотъ наша общая, всегдашняя ошибка зрѣнія, которая перепутываетъ всѣ наши понятія.

Представимъ себѣ колониста, который въ дикой глуши, раздѣленной огромными пространствами отъ жилыхъ и промышленныхъ центровъ, впервые заведетъ хозяйство. Какъ бы хорошо онъ ни повелъ свое дѣло, сколько бы ни создалъ удобствъ для своей ежедневной жизни, всѣ его успѣхи не выдержатъ никакого сравненія съ обстановкой городского и даже пригороднаго жителя, и мы, чтобъ справедливо оцѣнить его труды и усилія, должны будемъ сравнивать бытъ, созданный въ глуши, не съ лучшими образцами въ мірѣ, а съ тѣми условіями и обстановкой, посреди которыхъ бросила его судьба, и на перекоръ которымъ онъ съумѣлъ-таки заложить основанія устроенной и образованной жизни. Мы именно такіе колонисты *). Судя о томъ что мы сдѣлали, не по тому, что вообще можетъ человѣкъ сдѣлать хорошаго на свѣтѣ, а по тому, что мы могли сдѣлать при данныхъ обстоятельствахъ, мы были бы справедливѣе къ нашимъ предкамъ, а главное, почерпнули бы въ изученіи нашего прошедшаго силы на новый трудъ, тогда какъ теперь мы растрачиваемъ ихъ на безплодное и дешевое остроумничаніе. Вникая глубже въ дѣло, нельзя не изумляться, сколько

*) Изслѣдованіе покойнаго Ешевскаго: «Русская колонизація сѣверовосточнаго края», помѣщенное у насъ въ первомъ томѣ (мартъ. 1866. отд. I, стр. 211) подтверждаетъ вполнѣ эту мысль, и рисуетъ картины, подобныя которымъ можетъ представить развѣ дѣятельность сѣверо-американца, съ тѣмъ только отличіемъ, что послѣдній истреблялъ все иноплеменное, а мы вырывали массы у варварства и дарили ихъ цивилизаціи. *Ред.*

мы успѣли передѣлать въ такое, сравнительно, короткое время! Невольно приходишь къ мысли, что мы не только не лѣнились, а напротивъ, работали безъ устали. Чтобъ достигнуть того, чего мы достигли въ прожитые нами вѣка, нужны были чрезвычайныя, нечеловѣческія усилія.

Начнемъ съ того, что мы прожили не тысячу лѣтъ, а гораздо меньше. Раскроемъ первую нашу лѣтопись, которая писана, во всякомъ случаѣ, не позже XI вѣка. Составитель ея знаетъ малороссіянъ и перечисляетъ разныя отрасли этой вѣтви русскаго племени; называетъ сѣверо-западныя отрасли того же племени: кривичей (бѣлоруссовъ) и славянъ; упоминаетъ еще радимичей и вятичей, происшедшихъ отъ ляховъ; но замѣчательно, что великоруссовъ онъ вовсе не знаетъ. На востокъ отъ западныхъ русскихъ племенъ, гдѣ теперь живутъ великоруссы, обитаютъ, по лѣтописи, финнскія племена, частью существующія и теперь, частью уже исчезнувшія. Гдѣ же были тогда великоруссы? Объ нихъ въ перечисленіи племенъ, жившихъ въ теперешней Россіи, не упоминается ни слова. Еслибъ они существовали уже въ то время, когда составитель лѣтописи писалъ свои этнографическія замѣтки, то навѣрное онъ зналъ бы эту отрасль русскаго народа и упомянулъ бы объ ней. Изъ его совершеннаго молчанія слѣдуетъ заключить, что въ то время этой, теперь самой многочисленной и по исторической роли самой значительной вѣтви русскаго племени, еще не существовало. Съ другой стороны, мы знаемъ, что колонизація финнскаго востока началась съ XII вѣка. Такимъ образомъ, мы имѣемъ все основаніе предполагать, что великоруссы образовались въ особую вѣтвь не ранѣе XI вѣка. Съ того времени они успѣли сложиться въ сильное государство, занять и обрусить огромную территорію. Только на великорусской почвѣ прочно и крѣпко зародилось русское государство; только здѣсь мощные его ростки пробивались безпрестанно, пока имъ не удалось пустить глубокихъ корней въ Москвѣ. Въ Андреѣ Боголюбскомъ и Всеволодѣ, въ князьяхъ тверскихъ и рязанскихъ, слышатся зачатки государственности, осуществившіеся трудами и умѣньемъ московскихъ единовластителей, при благопріятныхъ обстоятельствахъ и въ единственно возможной тогда формѣ. Пока русская исторія не ступила на великорусскую почву, этой настойчивой, органической потребности объединиться въ государство не замѣтно, по крайней мѣрѣ въ такой степени. Разные народы приходятъ къ западно-русскимъ племенамъ, завоевываютъ ихъ и берутъ съ нихъ дань, господствуютъ надъ ними и потомъ исчезаютъ, или смѣняются другими господами. Варяжская дружина была не первая и не послѣдняя, при-

давшая западной Россіи извнѣ характеръ государства. Передъ варягами тоже дѣлали обры (авары) и хозары, послѣ нихъ литовцы и поляки. Лишь только внѣшніе властители сливались съ туземцами, какъ напр. варяги и литовцы, государство расползалось, и страна становилась добычей новыхъ завоевателей или пришельцевъ.

Исконная несамостоятельность западной Россіи, неспособность ея образовать единое сильное государство, рѣзко выдвигаетъ впередъ характеристическую особенность Великороссіи, которой главнѣйшая жизненная задача какъ будто исключительно въ томъ только и состояла, чтобъ создать и упрочить государство. Этой цѣли она приносила и приноситъ въ жертву лучшія свои силы. Глубокій смыслъ такого стремленія великоруссовъ заключается въ томъ, что Россія есть единственное свободное славянское государство.

Спрашивается: что́ же такое великоруссы? Откуда взялись они, когда до XI или XII вѣка они не существовали? Откуда взялся у нихъ этотъ удивительный смыслъ къ государству,—удивительный тѣмъ болѣе, что его, въ этой степени, не оказалось ни у одного изъ прочихъ славянскихъ народовъ?

Эти вопросы — основные, первые, не только въ русской исторіи, но и въ исторіи всего славянскаго племени. Къ сожалѣнію, они-то именно и разработаны всего слабѣе. Пока, мы должны довольствоваться одними догадками, по нѣкоторымъ намекамъ и отрывочнымъ указаніямъ.

Восточная отрасль русскаго племени образовалась частью изъ переселенцевъ изъ Малороссіи и сѣверо-западнаго края на финской землѣ, частью изъ обрусѣлыхъ финновъ. Русскіе переселенцы, подъ вліяніемъ новыхъ условій, на новой почвѣ, получили иной характеръ, отличный отъ первоначальнаго корня, отъ котораго отдѣлились; съ другой стороны, обрусѣвшія финскія племена внесли новую кровь, новые физіологическіе элементы въ младшую вѣтвь русскаго племени. Эта вѣтвь давно отличается отъ своихъ родичей замѣтными, выдающимися нравственными и физическими чертами, и слѣд. давно уже успѣла образоваться и получить свою особую физіономію. Къ тому времени, когда начало слагаться Московское государство, процессъ ея образованія уже вполнѣ совершился, новая племенная отрасль сложилась вполнѣ. Съ тѣхъ поръ, она только окрѣпала, политически объединялась, расселялась далѣе и далѣе, и поглощала финскія племена, что безостановочно продолжается и до сихъ поръ. Такимъ образомъ, въ какихъ нибудь три, четыре вѣка, возникло новое зерно для исторической жизни, завязался новый

историческій узелъ, и притомъ такъ крѣпко и прочно, что, не смотря на всѣ невзгоды, онъ разросся, въ слѣдующіе три, четыре вѣка, въ одно изъ сильнѣйшихъ государствъ въ мірѣ. Не медленности этого движенія надобно удивляться; напротивъ, изумительна крѣпость и мощь этого зародыша, который развивался и развивается такъ быстро. Говоря объ исторіи другихъ государствъ, существующихъ многія столѣтія, мы имѣемъ въ виду, иногда не отдавая себѣ яснаго отчета, исторію государственнаго существованія племени или народа уже сложившагося, имѣвшаго уже предъ тѣмъ опредѣленную физіономію; но исторія Русскаго государства есть вмѣстѣ исторія возникновенія и образованія цѣлой отрасли русскаго племени, которая составляетъ главное его зерно. Между тѣмъ и другимъ есть громадная, неизмѣримая разница!

Въ образованіи великорусской вѣтви, ея разселеніи и обрусѣніи финновъ состоитъ интимная, внутренняя исторія русскаго народа, оставшаяся доселѣ какъ-то въ тѣни, почти забытая; а между тѣмъ, въ ней-то именно и лежитъ ключъ ко всему ходу русской исторіи. Изучая ея пеструю внѣшнюю оболочку, мы постоянно, до позднѣйшаго времени, теряли изъ виду внутренній, господствующій въ ней фактъ, и конечно отъ того мало ее понимали.

На исторію постепеннаго разселенія великоруссовъ и постепеннаго обрусѣнія финновъ стали очень еще недавно обращать серьезное вниманіе. О древнѣйшемъ ея періодѣ письменныя свидѣтельства крайне скудны; для московской эпохи они уже гораздо обильнѣе; а за послѣдніе полтораста, двѣсти лѣтъ ее можно прослѣдить по документамъ, съ величайшей подробностью, — была бы только охота рыться въ архивахъ. Но самымъ важнымъ и любопытнымъ временемъ является именно начало колонизаціи и обрусѣнія финновъ, когда великорусская вѣтвь стала слагаться. Разъяснить, какъ это совершилось, можетъ только пристальное сравнительное изученіе нѣмыхъ памятниковъ старины; русскихъ и финскихъ — названій живыхъ урочищъ, языка, областныхъ нарѣчій и этнографіи, а за это дѣло едва-едва у насъ только принимаются, и то еще очень вяло. Соображая скудныя письменныя извѣстія съ позднѣйшимъ движеніемъ колонизаціи въ Россіи, видно, какъ замѣтилъ проф. Соловьевъ, что разселеніе направлялось, главнымъ образомъ, на востокъ, и происходило, повидимому, самыми различными путями и способами. Съ одной стороны, поселенія двигались изъ Новгорода, по сѣверу теперешней Великороссіи, къ Уралу; съ другой, заселялись внутреннія наши губерніи изъ Малороссіи. Какъ только завяза-

лись первые узлы или центры русскаго населенія въ этихъ странахъ, тотчасъ же стали выходить отъ нихъ новые поселки въ различныхъ направленіяхъ и самымъ различнымъ образомъ. Вольными дружинами заселялся, повидимому, преимущественно сѣверъ, изъ Новгорода. Весьма замѣчательно, что сѣверное населеніе и до сихъ поръ удерживаетъ своеобразный характеръ, напоминающій ихъ новгородское происхожденіе; въ гражданскомъ и общественномъ быту оно замѣтно выше, развитѣе. Князья, съ своей стороны, тоже выводили колоніи; впослѣдствіи, государственная колонизація получила правильный ходъ и громадные размѣры. Въ края, заселенные инородцами или подверженные вторженіямъ кочевниковъ, русское населеніе продвигалось подъ прикрытіемъ ряда крѣпостей, которыя отодвигались все дальше и дальше; въ другихъ мѣстахъ, какъ напр. въ Сибири въ XVII вѣкѣ, правительство заселяло край добровольными поселенцами, которые привлекались туда разными льготами. При помощи такихъ же льготъ заводила новыя поселенія и церковь, въ особенности монастыри. Могущественнымъ двигателемъ колонизаціи была также помѣстная система, особливо съ тѣхъ поръ, какъ стали даваться въ помѣстья незаселенныя земли (дикія поля); такимъ же двигателемъ явилось впослѣдствіи крѣпостное право, при помощи котораго, еще въ недавнее время, заселились Заволжская степь и Оренбургская губернія. Наконецъ, припомнимъ, что въ очень раннія времена, люди, изъ самыхъ различныхъ побужденій, оставляли общество, и основывали новыя поселенія, вдали отъ человѣческихъ обиталищъ. Съ одной стороны, благочестивые отшельники уходили въ пустыни и глушь лѣсовъ, чтобъ безъ помѣхи предаваться молитвѣ и созерцательной жизни: такъ возникли пустыни, скиты, обители и монастыри, сдѣлавшіеся впослѣдствіи центрами болѣе или менѣе многочисленнаго населенія. Съ другой стороны, все тяготившееся тогдашнимъ общественнымъ строемъ, повинностями, службами и притѣсненіями, все искавшее простора и разгула, бѣжало въ степь и основало независимыя казацкія общества. Бѣглыми людьми и крѣпостными, еще не очень давно, заселялись Новороссія и Кавказъ.

Совокупными дѣйствіями всѣхъ этихъ видовъ, колонизація Россіи подвигалась быстро. Пустыри и степи обращались въ заселенныя мѣста. Когда нибудь, точныя изслѣдованія возстановятъ этотъ процессъ постепеннаго распространенія русскаго племени по огромной территоріи, и это, конечно, будетъ одна изъ замѣчательнѣйшихъ и любопытнѣйшихъ страницъ русской внутренней исторіи.

Столько же интересна исторія постепеннаго поглощенія финн-

скихъ племенъ русскимъ. Если не ошибаемся, покойный Сенковскій первый обратилъ вниманіе на этотъ знаменательный фактъ. Наблюденіе это такъ поразило его, что великоруссы представились ему чуть ли не славянскимъ прививкомъ на финнскомъ корнѣ. Въ наше время Духинскій подхватилъ этотъ намекъ и обратилъ его въ орудіе цѣлей, не имѣющихъ ничего общаго съ наукой и исторической истиной. Для достиженія этихъ цѣлей, ему очень хочется доказать, что великоруссы не славяне, а монголы, туранцы. Г. Духинскій не заслуживаетъ чести опроверженія. Доказывать, что мы не по указу Петра или Екатерины называемся русскими, а были ими съ тѣхъ поръ, какъ себя помнимъ на великорусской почвѣ — значило бы унижать науку. Еслибъ даже фразистая замѣтка Сенковскаго была полной исторической истиной, — еслибъ великоруссы дѣйствительно были не что иное, какъ обрусѣвшіе финны, то и тогда ославянившійся инородческій элементъ, утратившій свой языкъ и самое воспоминаніе о своей первоначальной народности, слѣдовало бы причислить къ славянамъ; теперешніе жители саксонскаго королевства и нѣмецкаго поморья считаются же нѣмцами, хотя они, въ значительной степени,—онѣмеченные славяне; жители теперешней Греціи считаются же греками, не смотря на то, что въ нихъ много славянской примѣси; жители Ломбардіи — итальянцами, хотя они, собственно говоря, смѣсь нѣмцевъ (лангобардовъ) съ туземными жителями. А мысль Сенковскаго, вдобавокъ, не есть историческая истина. Мы знаемъ несомнѣнно, что финнскія племена обрусѣваютъ; но смѣшивались ли западно-русскіе переселенцы съ туземцами, или вытѣсняли ихъ и занимали ихъ мѣста, — этого мы не знаемъ. Если судить по позднѣйшему времени, то послѣднее гораздо вѣроятнѣе. Припущенники есть и теперь еще въ Башкиріи; многіе думаютъ, что еслибъ постепенное мирное вторженіе русскихъ въ Башкирію не было остановлено административными распоряженіями, то русскій элементъ значительно бы ослабилъ башкирскій въ мѣстахъ теперешнихъ поселеній этого народа. Въ Оренбургской губерніи много деревень съ чувашскими названіями, изъ которыхъ природные обитатели — чуваши — были совсѣмъ вытѣснены русскими припущенниками, когда послѣдніе усилились въ числѣ. Такимъ образомъ, мы не имѣемъ права утверждать положительно, что великоруссы — смѣсь финновъ съ западно-русскими поселенцами. Вѣрно только, какъ сказано выше, что массы финновъ обрусѣли, и что обрусѣніе ихъ продолжается и до сихъ поръ. Тамбовская и Пензенская губерніи — обрусѣвшая мордва: это обличаетъ наружный видъ тамошнихъ крестьянъ и геогра-

фическія названія. Вотяки (старинная водь) въ Вятской губерніи русѣютъ на нашихъ глазахъ; тоже замѣтно на Петербургской губерніи, гдѣ, по словамъ окрестныхъ чухонцевъ, еще около пятидесятыхъ годовъ, въ нѣкоторыхъ чухонскихъ деревняхъ женщины и дѣти совсѣмъ не понимали по-русски, а теперь и понимаютъ и говорятъ. Любопытныя свѣдѣнія о постепенномъ обрусѣніи чухонцевъ С.-Петербургской губерніи собраны покойнымъ профессоромъ С. Куторгой, во время его геологическихъ изслѣдованій здѣшней губерніи. Знакомые съ приволжскимъ краемъ (бывшей Низовской Землей) сообщаютъ наблюденія, сходныя, въ главныхъ чертахъ, съ свѣдѣніями покойнаго Куторги; тамъ еще до сихъ поръ можно, не справляясь съ историческими свидѣтельствами, видѣть на мѣстахъ старинное распредѣленіе финнскихъ племенъ и направленіе русской колонизаціи, можно отличить прежнее мѣстожительство двухъ вѣтвей мордовскаго племени — эрзы и мокши, съ ихъ столицами, Арзамасомъ и Моршанскомъ. Этнографическія изслѣдованія Тверской губерніи, по всей вѣроятности, повели бы къ любопытнымъ результатамъ относительно стариннаго распредѣленія сѣверныхъ финнскихъ племенъ. Къ сожалѣнію, мы пока очень равнодушны къ такого рода историческимъ вопросамъ, а между тѣмъ финнскія племена неудержимо обрусѣваютъ, и слѣды стариннаго быта изглаживаются безвозвратно и безслѣдно. По тому, что происходитъ теперь у насъ подъ глазами, чрезвычайно трудно составить себѣ понятіе о томъ, что и какъ дѣлалось въ началѣ колонизаціи, въ губерніяхъ, теперь совершенно русскихъ — Московской, Владимірской, Костромской, Ярославской. Считать ли большинство жителей этихъ губерній обрусѣвшими финнами, или русскими поселенцами, преимущественно изъ Малороссіи, — вотъ вопросъ чрезвычайно важный, но который, можетъ быть, навсегда останется неразрѣшеннымъ, по недостатку данныхъ; тогда какъ одно лишь разъясненіе этого вопроса можетъ вести къ правильному разрѣшенію другого, несравненно важнѣйшаго вопроса: опредѣляются ли отличія великоруссовъ отъ западнорусскихъ племенъ другой обстановкой жизни на новой почвѣ, въ теченіи вѣковъ, — или же постепеннымъ смѣшеніемъ поселенцевъ съ финнскими элементами. И то и другое предположеніе имѣетъ своихъ защитниковъ, но ни одно изъ нихъ не подкрѣплено пока серьезными и точными научными изслѣдованіями. Профессоръ С. Куторга указываетъ въ свѣдѣніяхъ, сообщенныхъ имъ Географическому Обществу, на много словъ, повидимому заимствованныхъ великорусскимъ нарѣчіемъ изъ финнскаго языка, такъ какъ они только въ финнскомъ языкѣ объясняются этимологически. Приведенныя имъ слова относятся къ земледѣлію и до-

машнему быту, изъ чего можно предполагать, что, съ этой стороны, русское племя подчинилось вліянію финновъ и позаимствовало отъ нихъ понятія и привычки, которыхъ оно не имѣло, или которыя были, по крайней мѣрѣ, менѣе развиты и вкоренены у нихъ, чѣмъ у финнскихъ племенъ. Но такой важный и рѣшительный выводъ очевидно не можетъ быть принятъ въ науку и возведенъ въ исторически-достовѣрный фактъ на основаніи бѣглыхъ путевыхъ замѣтокъ, собранныхъ въ одной губерніи. Только подробное изученіе великорусскаго нарѣчія сравнительно съ другими русскими и славянскими языками, и въ то же время съ финнскими, можетъ окончательно рѣшить этотъ вопросъ, около котораго, повторяемъ, сосредоточенъ весь интересъ древнѣйшей исторіи Великороссіи. Къ сожалѣнію, сколько мы знаемъ, на такого рода труды пока только указывается; никто, кажется, за нихъ еще не принимался, по крайней мѣрѣ они вовсе неизвѣстны.

Отъ этнографическихъ элементовъ, обратимся теперь къ культурѣ великоруссовъ.

Всѣмъ извѣстно, какое огромное, рѣшительное вліяніе имѣетъ на развитіе и историческія судьбы государства степень культуры, которую приносятъ съ собою переселенцы, образующіе въ новой странѣ господствующій элементъ. Живой примѣръ тому представляютъ древнія греческія колоніи, а въ настоящее время англійскія поселенія, раскинувшіяся почти по всему Земному шару.

Спрашивается: какую степень культуры принесли съ собою въ Великороссію переселенцы изъ западной Россіи? Вопросъ этотъ тоже вовсе не изслѣдованъ, даже едва затронутъ. Почти ничего не подготовлено для его изслѣдованія, и мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что значительные научные предразсудки и предъубѣжденія существенно мѣшаютъ и долго еще будутъ мѣшать правильному его поставленію, безъ чего успѣшная его разработка невозможна.

Одна изъ существенныхъ, коренныхъ ошибокъ, затемняющихъ дѣло, состоитъ, кажется, въ томъ, что, изслѣдуя древнѣйшій бытъ славянъ, мы безразлично сводимъ въ общіе результаты находимое у разныхъ славянскихъ народовъ; вслѣдствіе этого, въ нашемъ представленіи слагается одинъ общій типъ, одинъ общій уровень древнѣйшей славянской культуры, и этотъ-то типъ мы затѣмъ невольно и безсознательно одинаково приписываемъ всѣмъ славянскимъ народамъ, стоявшимъ, повидимому, на различной ступени развитія. Этимъ мы лишаемъ себя воз-

можности ясно и отчетливо различать то, что въ дѣйствительности могло быть весьма различно.

Колонизація Великороссіи изъ западной Россіи началась, какъ мы сказали, повидимому, въ XI или въ XII вѣкѣ, слѣдовательно, спустя какихъ нибудь полтора или два вѣка послѣ принятія христіанства при Владимірѣ. Это великое событіе было дѣломъ князя и меньшинства народа и шло, какъ всѣ великія реформы у славянъ, сверху внизъ; массы народа были погружены въ язычество; а исторія всѣхъ народовъ показываетъ, какъ медленно народныя вѣрованія переживаются въ массахъ и какъ туго водворялось въ нихъ христіанство, даже послѣ того, какъ оно было признано за господствующую вѣру. Цѣлые вѣка проходили, пока христіанство проникало въ ежедневный быть, внѣдрялось въ народные обычаи, нравы и убѣжденія. Мы знаемъ даже изъ исторіи, что церковь, для достиженія этого результата, не только энергически боролась съ языческими представленіями, но мудро и осторожно щадила языческіе предразсудки, исподоволь замѣняя ихъ христіанскими образами и, цѣлымъ рядомъ такихъ благоразумныхъ снисхожденій, переводя мало по малу языческія вѣрованія въ христіанскія, пока наконецъ первыя вовсе не изглаживались и исчезали передъ новымъ ученіемъ и истинами. На встрѣчу этимъ усиліямъ шло естественное стремленіе новообращенныхъ,—приспособить новое вѣроученіе къ своимъ укоренившимся представленіямъ, понять и усвоить его себѣ въ формахъ извѣстныхъ и обычныхъ. Такимъ образомъ, языческія представленія долго выражались и отчасти развивались подъ христіанскими формами, пока наконецъ духъ христіанства не упразднилъ языческое міросозерцаніе въ самомъ его основаніи.

Полутораста или двухсотъ лѣтъ, прошедшихъ со времени крещенія Руси при Владимірѣ до вѣроятнаго начала колонизаціи Великороссіи, было слишкомъ недостаточно, для совершеннаго перерожденія русскихъ язычниковъ. Культура не могла не быть тогда все еще по преимуществу языческой.

Какова могла быть степень этой культуры? При изслѣдованіи этого вопроса, ученые, намъ кажется, впадаютъ тоже въ важную ошибку, которая едва ли не есть главная причина безуспѣшности и безрезультатности всѣхъ поисковъ въ этой области, и безъ того чрезвычайно запутанной и темной. Чтобъ дорыться до первоначальныхъ нашихъ языческихъ представленій и вѣрованій, нужно проникнуть сквозь тѣ формы, въ которыя они облеклись подъ вліяніемъ новыхъ вѣрованій. Уже это одно, само по себѣ, чрезвычайно трудно, потому что, облекаясь въ новыя формы, язычество значительно измѣняется въ самомъ существѣ, о кото-

ромъ мы имѣемъ лишь самыя отрывочныя историческія свидѣтельства. Посреди такой сбивчивой и необыкновенно тонкой работы, воображеніе невольно разыгрывается. Стертыя и однообразныя черты, до которыхъ мы доискались, насъ не удовлетворяютъ; мы охотно приписываемъ скудость и блѣдность того, что нашли, дѣйствію времени, силѣ разрушающихъ вліяній и дополняемъ недостающее по нашему мнѣнію — цвѣтами нашей собственной фантазіи, воображаемъ, что за тѣмъ, что до насъ дошло, скрывается цѣлая развитая, полная система языческой миѳологіи и міросозерцанія, которыя впослѣдствіи утратились. Гриммъ открывалъ, по болѣе развитымъ и опредѣлившимся остаткамъ скандинавской миѳологіи, слѣды исчезнувшихъ такихъ же вѣрованій у остальныхъ германскихъ народовъ. Быть можетъ этотъ методъ не вполнѣ вѣренъ и въ примѣненіи къ германской миѳологіи; въ скандинавской миѳологіи могли полнѣе и отчетливѣе развиться, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, зародыши миѳологіи, которые у прочихъ германскихъ народовъ, при другихъ условіяхъ, не успѣли опредѣлиться и дошли до насъ въ этомъ начальномъ своемъ видѣ. Мы обращаемся съ данными славянской миѳологіи гораздо произвольнѣе и дурно подражаемъ Гримму. Смѣшивая миѳологическія данныя, собранныя у разныхъ славянскихъ народовъ, мы едва замѣчаемъ, что, судя по нѣкоторымъ указаніямъ, русскій олимпъ едва началъ слагаться около временъ Владиміра, и вѣроятно потому не удержался въ народной памяти. Въ западной Россіи припоминается еще Перунъ въ названіяхъ урочищъ и въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ; у бѣлоруссовъ сохранилось воспоминаніе о Волосѣ или Велесѣ, передѣланномъ въ Власія, какъ Святовидъ у сѣверныхъ славянъ преобразился въ святого Вита. Прочіе боги, которымъ, по лѣтописи, поклонялись въ западной Руси, не удержались въ народной памяти и занесены, кажется, отъ другихъ, славянскихъ и даже неславянскихъ народовъ. Вѣроятно поэтому они и исчезли безъ слѣда. Перунъ былъ богъ грома и молніи, Волосъ — богъ скота. Вотъ все, что мы объ нихъ знаемъ. Бѣднѣе миѳологію трудно себѣ представить. Намъ скажутъ: это потому, что памятники недостаточны, что христіанство тщательно истребляло слѣды язычества. Но въ западной Европѣ языческія воспоминанія удержались же въ народѣ, не смотря ни на что; у насъ литовцы и мордва до сихъ поръ сохранили, съ гораздо большей ясностью и опредѣленностью, древнія миѳологическія представленія, чѣмъ русскія племена. Сравнительно позднее водвореніе между этими народами христіанства не опровергаетъ этого вывода: успѣли же сохраниться въ народной памяти за-

падно-русскихъ племенъ Перунъ и Волосъ; если остальные языческіе боги исчезли, то это ничему другому приписать нельзя, какъ тому, что они либо только начали слагаться въ то время, когда были застигнуты христіанствомъ, либо заимствованы отъ другихъ народовъ не задолго до крещенія Руси при Владимірѣ.

Очень замѣчательно, что великоруссы не сохранили ни малѣйшаго воспоминанія о Перунѣ; есть только слѣды Волоса. Всѣ мѣстныя названія, всѣ обороты рѣчи, въ которыхъ поминается о Перунѣ, встрѣчаются теперь исключительно только у малороссіянъ и бѣлоруссовъ. Это подтверждаетъ, что колонизація Великороссіи началась уже послѣ принятія христіанства, когда воспоминаніе о языческихъ богахъ стало слабѣть. Волосъ удержался, можетъ быть, единственно потому, что былъ пріуроченъ къ православному календарю.

Миѳологическія божества являются у язычниковъ какъ плодъ уже извѣстнаго развитія. Характеръ божествъ, значеніе ихъ, большая или меньшая опредѣленность ихъ формы въ народныхъ понятіяхъ, даютъ мѣрило степени этого развитія. Судя по такимъ признакамъ, мы можемъ безошибочно заключить, что у русскихъ славянъ развитіе въ эпоху язычества стояло на весьма низкой ступени.

Впрочемъ, миѳологія еще не вполнѣ исчерпываетъ языческое міросозерцаніе. Неопредѣленность ея формъ доказываетъ только, что оно не успѣло сложиться въ ученіе, не перешло въ сознаніе. Замѣтимъ также, что богатая миѳологія предполагаетъ, между прочимъ, большую силу и живость фантазіи, которой одарены не всѣ народы, по крайней мѣрѣ не всѣ въ равной степени. Особенная осторожность необходима въ выводахъ и заключеніяхъ, когда рѣчь идетъ о славянахъ—племени, котораго развитіе, по всѣмъ видимостямъ, еще впереди, и призваніе въ исторіи еще не обозначилось. Поэтому, не дѣлая никакихъ окончательныхъ заключеній о томъ, почему слабые, едва намѣченные зачатки западно-русской миѳологіи совсѣмъ исчезаютъ на великорусской почвѣ, постараемся опредѣлить міросозерцаніе великоруссовъ, въ ту отдаленную эпоху, когда эта отрасль русскаго племени начала складываться.

Было время, когда этотъ вопросъ живо интересовалъ насъ. Обильные матеріалы для его изученія представляютъ бытовые народные памятники,—пѣсни, сказки, обряды, праздники, повѣрья, примѣты и проч. Какъ ни мало разработанъ этотъ матеріалъ, но общія и главныя черты древнѣйшаго міросозерцанія великоруссовъ выступаютъ изъ него очень ясно и выпукло. Насъ всегда поражалъ первобытный, непосредственный реализмъ, ко-

торымъ дышатъ эти остатки старины. Иносказаніе, символизмъ играютъ въ нихъ самую незамѣтную роль; антропоморфизмъ является въ очень слабыхъ, первичныхъ намекахъ и формахъ; первобытные, грубые факты, которые можно предполагать въ основаніи роскошно развившейся греческой миѳологіи и даже въ основѣ менѣе блестящей и поэтической миѳологіи германской, у великоруссовъ являются во всей своей первоначальной непосредственности. Мы думаемъ, что, въ этомъ смыслѣ, изслѣдованіе великорусскихъ языческихъ представленій было бы необходимымъ и лучшимъ введеніемъ къ греческой и германской миѳологіи, какъ картина міросозерцанія, которое и у грековъ и нѣмцевъ предшествовало миѳологическому періоду, но впослѣдствіи было ими, мало по малу, забыто и сохранилось только въ немногихъ, слабыхъ, едва понятныхъ намекахъ ихъ миѳологій. Ключъ къ этому первобытному міросозерцанію лежитъ въ нашихъ народныхъ повѣрьяхъ и праздникахъ, пріуроченныхъ къ днямъ и временамъ года. Разсматривая ихъ, мы найдемъ, что въ основаніи ихъ лежитъ первобытное, непосредственное поклоненіе предметамъ, явленіямъ и силамъ природы, при самыхъ слабыхъ зачаткахъ олицетворенія, послужившихъ у другихъ народовъ исходной точкой для дальнѣйшаго миѳологическаго развитія. На этой ступени культуры, человѣкъ подчиняется силамъ и явленіямъ природы вполнѣ, безусловно, безгранично. Каждый шагъ, каждое движеніе его, дома и внѣ дома, обставлены обрядами, точное соблюденіе которыхъ предохраняетъ отъ зла и напастей; никакое дѣйствіе, даже самое незначительное, не можетъ быть предпринято безъ соблюденія такого предохранительнаго и спасительнаго обряда. Вся жизнь, отъ колыбели до гробовой доски, совершается, такимъ образомъ, посреди непрерывныхъ обрядностей и ритуаловъ, и свободной инициативѣ человѣка не оставлено ни малѣйшаго простора. Къ этому главному, основному элементу древнѣйшаго языческаго міросозерцанія великоруссовъ, присоединяется поклоненіе умершимъ, которое переплетается съ поклоненіемъ силамъ и явленіямъ природы, поставлено въ зависимость отъ него и пріурочено ко временамъ года. Нельзя однако не замѣтить, что древнѣйшее поклоненіе предкамъ далеко неясно; чрезвычайно трудно различить въ дошедшихъ до насъ фактахъ первоначальную основу отъ позднѣйшихъ западно-русскихъ и вообще славянскихъ вліяній, а также отъ христіанскихъ представленій.

Народные бытовые памятники западно-русскаго населенія далеко не имѣютъ такого первобытнаго, непосредственно-реальнаго характера. Въ нихъ фантазія играетъ гораздо большую роль. Въ нѣкоторыхъ бѣлорусскихъ обрядовыхъ пѣснахъ встрѣ-

чаются поэтическія олицетворенія силъ и явленій природы, пріуроченныя къ именамъ святыхъ. Вообще, у западно-русскаго народа отношеніе къ природѣ болѣе поэтическое и болѣе свободное; нѣтъ того поглощенія человѣка обрядомъ, какъ у великоруссовъ. Послѣдніе ограждаютъ себя имъ на каждомъ шагу отъ зловредныхъ вліяній и силъ; у малороссовъ и бѣлоруссовъ обрядъ и ритуалъ не имѣютъ этого заклинательнаго значенія чаръ; они улетучились въ преданіе и поэтическое дѣйствіе, не лишенное изящной торжественности, украшающей важныя минуты и событія жизни, возвышающей ихъ надъ прозаическимъ теченіемъ ежедневности.

Откуда взялось это поразительное различіе, которое теперь, мало по малу, сглаживается, но еще лѣтъ двадцать, тридцать тому назадъ бросалось въ глаза? Произошло ли оно вслѣдствіе вліянія финнской примѣси, или вслѣдствіе внѣшнихъ условій и обстановки западно-русскихъ колоній въ новой родинѣ? Разрѣшеніе этихъ вопросовъ пролило бы яркій свѣтъ на начало и процессъ образованія великорусской вѣтви. Замѣчательно, что въ бывшихъ новгородскихъ колоніяхъ обрядовая сторона народной жизни имѣетъ, кажется, болѣе свѣтлый и поэтическій характеръ; но въ то же время, нельзя сказать, чтобъ у однихъ завѣдомо обрусѣвшихъ финновъ замѣчался тотъ характеръ обрядности, который мы выше приписали великоруссамъ. При теперешнемъ состояніи русской этнографіи, вопросъ такой существенной важности не разрѣшимъ, и для разныхъ предположеній открывается широкое поле. Одно только можно, кажется, вывести съ нѣкоторою вѣроятностью: выселенцы въ Великороссію изъ западной Руси,—смѣшались ли они съ туземцами-финнами или нѣтъ,—переродились въ новой родинѣ. Характеръ ихъ міросозерцанія, ихъ обрядовъ и повѣрій, указываетъ на какой-то перерывъ во внутренней жизни русскаго племени, который можно объяснять и чуждой примѣсью и суровой, негостепріимной страной, въ которой они поселились. Такого перерыва не было у западно-руссовъ, оставшихся на старыхъ мѣстахъ, продолжавшихъ развиваться на томъ же корню, подъ болѣе благопріятными географическими и климатическими условіями.

Отсутствію культуры въ міросозерцаніи древнѣйшихъ великоруссовъ отвѣчало отсутствіе ея и въ ихъ соціальномъ быту. Прямыми источниками для его изученія служатъ опять народные праздники, обычаи, нравы, пословицы; вспомогательнымъ—вся наша исторія до Петра. Ни въ чемъ, можетъ быть, привычка наша перемѣшивать разные обычаи и нравы и выводить изъ этого пестраго матеріала общіе выводы не оказала намъ такой

плохой услуги, какъ въ пониманіи русской исторіи. Наклонность и способность славянскаго племени, въ томъ числѣ и русскихъ, къ общинной и артельной жизни, неподлежитъ сомнѣнію. Въ минуты великихъ общественныхъ бѣдствій и радостей, при всѣхъ чрезвычайныхъ случаяхъ и событіяхъ, эта сторона славянскаго характера всегда выступаетъ у насъ на первый планъ весьма ярко. Другое дѣло ежедневная, будничная жизнь. Основная черта народнаго характера будетъ стремиться выразиться и въ ней; но въ какой степени она проникнетъ собою подробности частнаго и общественнаго обыденнаго быта и въ какихъ именно формахъ выразится, — это уже зависитъ отъ историческаго возраста народа, отъ условій его развитія, отъ тысячи разныхъ обстоятельствъ, въ которыя поставлена народная жизнь. Обстоятельства могутъ задержать, подавить, исказить народный характеръ, и наоборотъ, могутъ способствовать его правильному раскрытію. Какъ въ жизни частнаго человѣка, такъ и въ жизни народа, могутъ выдаваться цѣлыя эпохи, когда основный фондъ его характера какъ будто совсѣмъ исчезаетъ, а на самомъ дѣлѣ только дремлетъ и впослѣдствіи снова выступаетъ наружу. Потому-то, большая ошибка задаваться какимъ-нибудь, хотя бы неоспоримымъ, несомнѣннымъ народнымъ свойствомъ и дѣлать изъ этого посылку, что оно непремѣнно выражалось въ каждую эпоху жизни того народа, даже когда нѣтъ на это никакихъ историческихъ указаній, или когда данные противурѣчатъ такому выводу; большая ошибка, смѣшивать бытъ разныхъ вѣтвей одного и того же народа, и извѣстныя черты, встрѣчаемыя у одной изъ нихъ, переносить на другія.

Въ жизни западной Россіи, уже въ отдаленную эпоху, замѣтно большое движеніе; есть городскія общины, есть какіе-то зачатки феодальныхъ отношеній, есть намеки на аристократическіе элементы. Очень рано появляется дѣлежъ наслѣдства — признакъ развитія начала личности. Такимъ образомъ, въ западно-рускомъ населеніи, общественный бытъ и отношенія представляютъ, въ началѣ исторіи, нѣкоторое разнообразіе и сложность. Слѣды этого сохранились до сихъ поръ въ тамошней семьѣ и общинѣ, особливо въ Малороссіи, чему, конечно, значительно способствовала и послѣдующая исторія.

Совсѣмъ другое находимъ въ Великороссіи. Съ тѣхъ поръ что здѣсь образовалась особая вѣтвь русскаго племени, ни котораго изъ названныхъ выше общественныхъ элементовъ мы въ ней не встрѣчаемъ. Въ основѣ всѣхъ частныхъ и общественныхъ отношеній лежитъ одинъ прототипъ, изъ котораго все выводится, — именно дворъ или домъ, съ домоначальникомъ

во главѣ, съ подчиненными его полной власти чадами и домочадцами. Это, если можно такъ выразиться, древнѣйшая, первобытная и простѣйшая ячейка осѣдлаго общежитія. Этотъ начальный общественный типъ играетъ бóльшую или меньшую роль во всѣхъ мало развитыхъ обществахъ; но нигдѣ онъ не получилъ такого преобладающаго значенія, нигдѣ не удержался въ такой степени на первомъ планѣ во всѣхъ соціальныхъ, частныхъ и публичныхъ отношеніяхъ, какъ у великоруссовъ. Въ крестьянскомъ быту онъ, еще въ очень недавнее время, живо сохранялся въ первоначальномъ видѣ, когда общество и государство уже приняли другія формы. Не говоря о внутреннемъ устройствѣ крестьянской семьи и семейныхъ отношеній, личныхъ и по имуществу, припомнимъ значеніе очага въ народныхъ повѣрьяхъ; безчисленное множество примѣтъ, относящихся къ избѣ, печи, угольямъ; особенные, полуязыческіе обряды, сопровождающіе основаніе новой усадьбы и переходъ въ новую избу, причемъ горящіе уголья играютъ такую важную роль.

Такимъ образомъ, зачатки великорусскаго элемента, лежащаго въ основаніи Московскаго государства и Россійской Имперіи, были, повидимому, вотъ какіе: въ XI или XII вѣкѣ, переселенцы двинулись, разными путями, изъ западной Россіи, на востокъ, въ финнскія земли. Они не принесли съ собой никакой культуры, ни умственной, ни гражданской. Въ новой родинѣ, печальной и суровой, они не нашли ни образованныхъ народовъ, ни даже остатковъ прежде бывшей культуры. Туземцы, финнскія племена, разбросанные на огромномъ пространствѣ нынѣшней Великороссіи, подпали постепенно подъ власть и вліяніе переселенцевъ и, можетъ быть, смѣшались съ ними, всего вѣроятнѣе стали постепенно обрусѣвать, и такимъ образомъ внесли новую кровь, новые элементы въ русское начало, принесенное колонистами съ запада. Подъ вліяніемъ новой почвы, новой обстановки и притока финнской крови, сложилась постепенно новая вѣтвь русскаго племени. По мѣрѣ того, какъ она вырабатывалась и получала свою особую физіономію, подготовлялись элементы для новой государственной формаціи, рѣзко отличавшейся, подобно своей основѣ, отъ всего, виданнаго дотолѣ. На характерѣ великоруссовъ отразилась исторія ихъ происхожденія и постепеннаго образованія; а характеръ этотъ, въ свою очередь, опредѣлилъ особенности гражданскаго и государственнаго строя, который образовался у этого удивительнаго народа. Переселенецъ сталъ на новой почвѣ колонизаторомъ, и распространился постепенно по громадной территоріи. Въ вѣковыхъ трудахъ разселенія образовалась та подвижность, то умѣнье найтись въ трудныхъ обсто-

ятельствахъ, тотъ практическій тактъ въ сношеніяхъ съ инородцами, которыми такъ отличается великороссіянинъ передъ своими соплеменниками. Преобладаніемъ, въ новомъ отечествѣ, надъ всѣми другими племенами объясняется то чувство превосходства надъ инородцами, которое великоруссы глубоко носятъ въ своей душѣ, хотя и не всегда выказываютъ. Не принеся съ собою изъ родины никакой культуры и не найдя ея на новой почвѣ, переселенецъ, посреди тяжкихъ условій, въ которыя былъ поставленъ въ негостепріимномъ климатѣ и въ дикой странѣ, долгое время осужденъ былъ оставаться при грубыхъ умственныхъ и соціальныхъ зачаткахъ первобытнаго человѣка. Трудная, упорная борьба съ природой-мачихой, поглощая всѣ силы, не оставляла ему досуга для высшихъ помысловъ, развила, рядомъ съ суевѣрнымъ фатализмомъ, признакомъ гнетущей внѣшней обстановки, какой-то грубый реализмъ и надолго помѣшала образоваться въ немъ той идеальной сдержкѣ, которая даетъ человѣку точку опоры противъ окружающаго, противъ измѣнчивости обстоятельствъ и случайностей, какъ бы влагаетъ въ него центръ тяжести, поддерживающій равновѣсіе посреди бурь житейскаго моря и въ тоже время служащій складалищемъ опытности и воспоминаній, накопленнаго жизнью умственнаго запаса. Не безъ основанія ставятъ великоруссамъ въ упрекъ большую плутоватость, отсутствіе предусмотрительности, жизнь со дня на день; замѣчаютъ съ изумленіемъ, что у этого народа какъ будто нѣтъ исторической памяти, что величайшія событія и эпохи его исторіи какъ будто пронеслись надъ его головой незамѣтно, не оставя почти никакихъ слѣдовъ въ народныхъ воспоминаніяхъ. Какъ ни различны между собою всѣ эти черты, но онѣ сводятся къ тому же первобытному, непосредственному реализму, котораго источникъ скрывается не въ прирожденныхъ свойствахъ великоруссовъ, а въ полномъ отсутствіи культуры русскихъ массъ, выселившихся первоначально изъ западной Россіи, въ совершенномъ отсутствіи культуры на почвѣ, на которую они пришли и въ тѣхъ внѣшнихъ условіяхъ, въ которыя они были здѣсь поставлены, въ томъ трудѣ, на который были здѣсь обречены въ теченіи столѣтій.

Для полноты этой характеристики великорусскаго элемента необходимо коснуться еще двухъ его особенностей, которыя объясняются сказаннымъ выше и безъ него остаются совершенно непонятными.

Западно-русскіе переселенцы были уже христіанами, когда перешли въ новую родину, и перенесли на финнскую почву церковь восточнаго исповѣданія, со всѣми ея учрежденіями. Не

смотря на то, что языческое міросозерцаніе упорно держалось между колонистами, даже до позднѣйшаго времени, названіе христіанина стало отличительнымъ ихъ признакомъ посреди язычниковъ-туземцевъ и надолго замѣнило сознаніе народности. Русскій и православный, въ народномъ понятіи, одно и тоже; православный, хотя бы и не-русскій по происхожденію, все таки считается русскимъ; природный русскій, но не православной вѣры, не признается за русскаго. И такъ, въ Великороссіи христіанская вѣра восточнаго исповѣданія стала народнымъ знаменемъ, заступала мѣсто народности. Этимъ объясняется огромное политическое значеніе православія въ Великороссіи; въ западной Россіи оно получило его впослѣдствіи, подъ вліяніемъ борьбы съ римскимъ католичествомъ. Хотя, такимъ образомъ, оно играетъ великую роль въ цѣломъ русскомъ племени, однако характеръ его, на западѣ и востокѣ, былъ весьма различенъ, на что, какъ намъ кажется, не обращено еще должнаго вниманія. Въ XVII вѣкѣ, малороссіяне укоряли москалей за чрезмѣрный формализмъ въ дѣлахъ вѣры, за то, что внѣшняя сторона поставлена у нихъ на первомъ планѣ и производитъ непримиримыя вражды и пагубные раздоры между братьями и христіанами. Не разъ слышались, послѣ того, съ разныхъ сторонъ, подобные же укоры, но уже православной вѣрѣ, свидѣтельствующіе о полномъ непониманіи дѣла. Обобщая упреки и относя ихъ къ исповѣданію, теряютъ изъ виду народъ. Христіанство принимается внѣшнимъ или внутреннимъ образомъ, смотря по степени культуры; въ ней, а не въ православіи, должно искать причины различнаго характера, который оно долго имѣло въ восточной и западной Россіи. Пока языческое міросозерцаніе не было вполнѣ отжито великороссіянами, до тѣхъ поръ они не были въ состояніи усвоивать духовное содержаніе христіанства и останавливались преимущественно на его внѣшней, обрядовой сторонѣ, принаровляя христіанское ученіе и истины къ своимъ полуязыческимъ представленіямъ и вѣрованіямъ. Задержанные въ своемъ развитіи на новой почвѣ, западно-русскіе поселенцы, естественно гораздо позднѣе стали доступны внутренней, духовной сторонѣ, православія, чѣмъ ихъ братья, въ первоначальной родинѣ. Флетчеръ, бывшій въ Москвѣ въ концѣ XVI вѣка, прямо называетъ насъ язычниками. Весьма знаменательно, что туземныя ереси и расколы появляются въ Великороссіи не прежде XVII вѣка, и еще въ XVIII вѣкѣ вращаются около однихъ внѣшнихъ, обрядовыхъ и богослужебныхъ предметовъ, глубоко погружены въ церковный формализмъ. Предшествовавшія имъ ереси и секты, частью занесены къ намъ, повидимому, изъ Византіи,

частью, кажется, съ Запада, или, что, можетъ быть, вѣроятнѣе, образовались въ областяхъ (преимущественно въ Псковѣ), принадлежащихъ, по своему происхожденію и степени культуры, къ западно-русскимъ группамъ. Въ западной Россіи, развитіе продолжалось на томъ же корню, на которомъ началось, и потому культура была, сравнительно, выше; вотъ почему и православіе воспринималось здѣсь болѣе и болѣе духовно, что и дало западной Россіи силу бороться съ римскимъ католичествомъ духовнымъ оружіемъ. Въ Великороссіи, православіе, соотвѣтственно ея степени культуры, получило характеръ государственнаго и политическаго учрежденія, подъ покровомъ котораго окрѣпло и выработалось національное сознаніе. Не понимая этого, нельзя понять русской исторіи. А между тѣмъ, еще не такъ давно, люди высокаго образованія, извращая вопросъ, думали, что православіе, отдѣливъ насъ отъ остальнаго образованнаго европейскаго міра, задержало наше развитіе и было главной, если не единственной причиной нашей видимой отсталости въ культурѣ отъ прочихъ народовъ. На самомъ же дѣлѣ оказывается, что мы сильно отстали въ культурѣ отъ Европы потому, что жизнь Великороссіи началась съ азбуки, съ самой первой ступени осѣдлаго быта, едва ли ранѣе XII вѣка, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, въ какихъ когда либо находился другой народъ. Не православіе заражено формализмомъ, а мы восприняли его преимущественно съ формальной, внѣшней, обрядовой стороны, потому что, по степени развитія, были неспособны подняться до внутренняго, духовнаго содержанія христіанства. И при всемъ томъ, православіе оказало Россіи неисчислимыя услуги. Благодаря ему, мы сохранили сознаніе національнаго единства и не сдѣлались добычей другихъ христіанскихъ народовъ, опередившихъ насъ въ образованности. Православіе дало возможность, въ тиши и уединеніи, сложиться и окрѣпнуть славянскому зародышу, заброшенному въ дебри и пустыни, на край свѣта; оно хранило его и оберегало, до тѣхъ поръ, пока изъ этого слабаго зачатка образовалось могучее политическое тѣло, которому не страшны стали внѣшнія борьбы и бури. Будь мы съ самаго начала колонизаціи римскими католиками, или сдѣлайся ими вскорѣ послѣ водворенія на новой почвѣ, мы были бы, роковымъ образомъ, втянуты въ кругъ западно-европейскаго развитія, которое, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, дѣйствовало разлагающимъ образомъ на всѣ славянскія племена, которыхъ коснулось. Послѣдняго термина этой посылки мы не знаемъ: онъ еще впереди. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что славянскія племена не могутъ развиваться, не усвоивши себѣ плодовъ высшей, европейской куль-

туры; но вопросъ вовсе не въ этомъ, а въ томъ, когда, на какой ступени развитія, они могутъ принимать въ себя европейскій элементъ, не теряя своей политической и народной самостоятельности; на это исторія отвѣчаетъ очень категорически, примѣромъ Россіи и прочихъ славянскихъ государствъ и народовъ.

Другое характеристическое явленіе русской жизни, получившее свой особый оттѣнокъ въ Великороссіи, есть склонность къ молодечеству, къ разгулу, къ безграничной свободѣ,—удаль, не знающая ни цѣли, ни предѣла. Профессоръ Соловьевъ очень мѣтко и вѣрно указалъ на огромную роль, которую эта черта, играетъ въ нашей исторіи. Она создала казачество; она наводнила страну разбойничьими шайками; она производила страшные взрывы, потрясавшіе государство, и выступаетъ во всѣхъ нашихъ внутреннихъ смутахъ. Черту эту нельзя объяснить ни административнымъ гнетомъ, ни склонностью къ переходамъ и бродячей жизни, ни частыми разореньями, отучавшими народъ отъ осѣдлости, ни крѣпостнымъ правомъ; всѣ эти обстоятельства, конечно, вызывали наружу указанную черту характера, можетъ быть, усиливали ее, но намъ не объясняютъ, почему она въ насъ есть, почему принимаетъ у насъ такія невиданныя и небывалыя формы. Одинъ изъ ея элементовъ, безспорно,—большія силы, ищущія простора и дѣятельности, и не находившія ихъ въ ежедневной житейской обстановкѣ. Но такія же громадныя силы чувствуются и въ сѣверо-американцѣ. Отчего же онѣ проявляются у него иначе,—въ гражданской дѣятельности, трудѣ, промышленной предпріимчивости? Поэтому-то, мы и думаемъ, что долженъ быть еще другой элементъ, которымъ эта черта нашего характера вполнѣ объясняется. Разгадки опять-таки должно искать въ отсутствіи культуры, къ чему мы безпрестанно должны возвращаться, объясняя многія особенности нашей исторіи и быта. Молодечество, безграничная удаль, разгулъ, стремленіе къ безграничной свободѣ, которая манитъ человѣка изъ гражданской обстановки въ поля и лѣса, на приволье, есть лишь оборотная сторона той внѣшней обрядности, того предохранительнаго и спасительнаго ритуала, которымъ человѣкъ безъ культуры обставляетъ каждый свой шагъ, изъ боязни, чтобъ ему не приключилось какой бѣды. Имъ не руководитъ внутреннее сознаніе, полагающее границы дѣятельности и указывающее способы какъ дѣйствовать; его извнѣ какъ бы опутываетъ обрядъ и обычай, которому онъ подчиняется слѣпо, по привычкѣ, или изъ боязни его нарушить. Натура не особенно сильная сдерживается этой внѣшней уздой; но сила съ ней не-

уживается; она разрываетъ гнетущія ея внѣшнія оковы и, не умѣряемая внутреннимъ содержаніемъ, истощается въ безграничномъ и безпредметномъ разгулѣ. Глубоко проходитъ эта черта чрезъ всю русскую жизнь; безпрестанно отзывается она въ ней. Послушайте разсказы о томъ, какъ кутитъ наемный рекрутъ-охотникъ, до окончательнаго поступленія на службу! Кто не знаетъ и не видалъ своими глазами, какъ человѣкъ, долго жившій порядочно и честно, вдругъ, ни съ того ни съ сего, сбивается съ толку и дѣлается никуда негоднымъ. Сколько у насъ людей, проведя жизнь, чуть-чуть не до старости, за какимъ нибудь дѣломъ, вдругъ, безъ всякой причины, бросаютъ его и начинаютъ фантазировать, въ ущербъ своей дѣятельности и матеріальному положенію. Сколько можно привести другихъ подобныхъ примѣровъ изъ самыхъ различныхъ слоевъ нашего общества и самыхъ разнородныхъ положеній и профессій! Струна казачества въ насъ еще не совсѣмъ заглоха и все еще звучитъ, отъ времени до времени. Въ образованныхъ слояхъ нашего общества, внѣшній формализмъ съ одной стороны, удаль и разгулъ съ другой, переносятся въ сферу мысли и духовной дѣятельности. Нравственная пустота, сила, безъ внутренняго центра тяжести,—вотъ элементы нашего умственнаго казачества. Такъ долго переживаются первобытныя черты, такъ трудно пополняется пробѣлъ духовной, внутренней стороны, завѣщанный отдаленными вѣками.

II.

Указываютъ, какъ на особенность и странность русской исторіи, что въ XI, и даже въ XII вѣкѣ, мы стояли, по образованію, выше современныхъ европейскихъ народовъ; но съ тѣхъ поръ, они развивались далѣе, а у насъ культура, почему-то, начала падать. Причины этого явленія приписываютъ нашествію монголовъ и татарскому игу. Но значеніе ига сильно преувеличивается. Другіе иронически замѣчаютъ, что не будь у насъ татарскаго владычества, не было бы и Московскаго государства. Которое же изъ этихъ двухъ мнѣній справедливо? Было ли татарское иго для насъ зломъ, или благомъ? Нѣтъ сомнѣнія, что татарское владычество было горестнымъ, тяжелымъ и несчастнымъ эпизодомъ русской исторіи; оно насъ раззорило, унизило, сдавило, замедлило, пожалуй, наше развитіе, легло тяжкимъ бременемъ на наши плечи; но напрасно станемъ мы отыскивать слѣдовъ органическаго вліянія дикихъ кочевниковъ на нашу жизнь. Нѣсколько словъ, позаимствованныхъ русскими у татаръ, также

мало доказываютъ такое вліяніе, какъ турецкія слова, вошедшія въ сербское нарѣчіе,—вліяніе на сербовъ турецкаго элемента. Учрежденій у татаръ мы никакихъ не заимствовали, да и трудно было ихъ заимствовать у побѣдителей и господъ, которые правили нами издалека. Словомъ, намъ неизвѣстно ни одного явленія русской жизни, которое бы мы вынуждены были приписать органическому вліянію на нее татарщины, и не объяснялось бы собственнымъ, внутреннимъ развитіемъ западно-русскихъ поселенцевъ на новой почвѣ. Что Московское государство сложилось, благодаря татарамъ,—объ этомъ смѣшно и говорить. Стремленіе къ объединенію Великороссіи появилось очень скоро послѣ начала колонизаціи и безпрестанно проявлялось, подъ самыми различными формами; московскіе князья только воспользовались татарскимъ игомъ, для достиженія той же цѣли, которую имѣли и другіе князья, ихъ предки и современники; а между умѣньемъ воспользоваться обстоятельствами, умѣньемъ, при ихъ помощи, провести планъ, и фактами или условіями, опредѣляющими развитіе исторической жизни, есть огромная разница, которой можно пренебречь остроумія ради, но которую нельзя оставить безъ вниманія, при серьезномъ разрѣшеніи историческаго вопроса.

Причина кажущагося попятнаго движенія нашей культуры лежитъ не въ татарскомъ игѣ, а гораздо глубже. Чтобъ выяснить ее, необходимо хорошенько условиться въ томъ, о чемъ мы хотимъ говорить. Въ Малороссіи, въ сѣверо-западной Россіи, культура нисколько не понизилась. Въ первой, вѣчевое и дружинное начала продолжали развиваться по прежнему; создалась сильная аристократія, съ которой боролись князья. Южно-русскія лѣтописи исполнены высокаго драматическаго интереса, указывающаго на дѣятельную, умственную и нравственную жизнь тамошняго населенія. Такою же полною жизнью продолжала жить и сѣверо-западная Россія, къ которой принадлежала не одна Бѣлоруссія, т. е. кривичи, но и славяне — новгородцы и псковитяне, признаваемые и Шафарикомъ за особую группу. Здѣсь развилась преимущественно муниципальная жизнь, промышленная и торговая дѣятельность, и муниципіи этого края продолжали сильно и быстро развиваться; никакого упадка культуры не замѣтно; напротивъ, видно постепенное ея усиленіе. Быстрое обрусѣніе литовцевъ, покорившихъ западную Россію, тоже говоритъ въ пользу тамошней культуры. Наконецъ, живой интересъ къ вопросамъ вѣры и церкви, религіозныя борьбы, въ особенности съ римскимъ католичествомъ, вызвавшія большое умственное движеніе, создавшія школы и цѣлую духовную литературу, не до-

казываютъ упадка культуры, а, напротивъ, подтверждаютъ, что она пустила здѣсь корни.

И такъ, говорить объ упадкѣ образованности можно только, имѣя въ виду одну Великороссію. Но будетъ ли точно это выраженіе? Основываясь на томъ, что сказано выше, мы думаемъ, что нѣтъ; что культуры здѣсь вовсе не было, и потому упасть она не могла. Насъ вводитъ въ заблужденіе то простое обстоятельство, что, въ самомъ началѣ колонизаціи Великороссіи съ запада, переселенцы принесли съ собою живыя воспоминанія о родинѣ; въ княжескомъ родѣ и высшихъ слояхъ населенія, сначала, поддерживались съ нею связи; очень возможно, что новыя выселенія освѣжали эти воспоминанія, точно также, какъ и частыя перемѣщенія князей и дружинниковъ изъ западной Россіи въ восточную, и обратно. Такимъ образомъ, сначала происходилъ естественный обмѣнъ между западной и восточной Россіей, что и поддерживало, нѣкоторое время, западнорусскій строй жизни на новой почвѣ. Оттого-то мы сперва не видимъ рѣзкаго перехода отъ западной Россіи къ восточной; въ послѣдней, сначала, какъ будто, происходитъ тоже самое, что въ первой; видны тѣ же интересы, тѣ же учрежденія, тѣ же дружины и города съ ихъ вѣчами, таже оживленная жизнь. Но когда связи между обѣими половинами русскаго міра, по немногу, ослабѣваютъ и прекращаются, жизнь Великороссіи, не обновляемая болѣе новыми переселенцами и выходцами изъ западной Россіи, перестаетъ искусственно поддерживаться на одинаковой высотѣ съ послѣдней и приходитъ, мало по малу, въ естественный уровень съ тѣми элементами, которые сложились на мѣстѣ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, оживленное движеніе, характеристическіе образы, поэтическія черты, свидѣтельствующія о томъ, что довольно развитая индивидуальность лежитъ въ основѣ общественности, мало по малу блѣднѣютъ и замираютъ. Лѣтописи становятся сухи и прозрачны, превращаются въ календарь событій; личность дѣятелей стирается за голыми фактами, точно будто замедлился пульсъ общественной жизни. Другого, конечно, и не могло быть, когда первоначальные элементы жизни Великороссіи, которые мы характеризовали выше, мало по малу, начали вступать въ свои права. Грубѣйшій, первобытный реализмъ слагающагося народа, при полномъ отсутствіи благопріятствующихъ культурныхъ условій, постепенно сталъ выдвигаться изъ-подъ временнаго наплыва западно-русской жизни. Слѣдовательно, мнимый упадокъ культуры состоялъ только въ томъ, что дѣйствительная основа жизни Великороссіи стала проступать наружу, изъ-подъ обманчиваго, наноснаго, чуждаго покрова.

Въ высокой степени любопытно и поучительно прослѣдить въ исторіи Великороссіи постепенное развитіе тѣхъ зачатковъ, на которые мы указали выше. Одинъ и тотъ же матеріалъ, — русское племя, — поставленный только въ разныя условія, даетъ, на западѣ и востокѣ Россіи, совершенно различные результаты, вырабатывается въ различныя формы, подъ которыми лишь съ трудомъ можно разглядѣть общее всѣмъ имъ основаніе. Интересъ такого изслѣдованія перестаетъ быть мѣстнымъ, русскимъ, и становится всемірно-историческимъ, когда вспомнимъ, что внутреннимъ ходомъ великорусской жизни поставленъ и разрѣшенъ вопросъ государственнаго существованія, а слѣдовательно, политической независимости и самобытности славянскаго элемента. Исторія показываетъ, что для этого недостаточно было одного ума, личной доблести, талантовъ, въ которыхъ никогда не было недостатка у славянъ: нуженъ былъ цѣлый строй жизни, который выдержалъ бы, въ суровой дисциплинѣ, мягкій, расплывчатый, впечатлительный, женственный славянскій элементъ, до эпохи его исторической возмужалости. Въ Великороссіи онъ отрѣшился отъ остальнаго образованнаго міра и вліяній высшей культуры, и долженъ былъ самъ въ себѣ искать условій государственной жизни, соотвѣтствовавшихъ его историческому возрасту. Онъ и нашелъ ихъ. Изъ своей уединенной, своеобразной и тяжелой жизни онъ вынесъ то, чего прочіе славянскіе народы напрасно искали другими путями.

Постараемся теперь показать, въ общихъ чертахъ, какое вліяніе имѣлъ обрисованный выше характеръ зачатковъ великорусской жизни на все наше послѣдующее развитіе. Культурныя условія этихъ зачатковъ отзываются, какъ основный тонъ, въ цѣломъ ходѣ нашего образованія и гражданскаго быта, даже до настоящаго времени.

Мы сказали выше, что православіе замѣнило намъ вначалѣ сознаніе народности. Отсюда тогдашній государственный и политическій характеръ нашей церкви. Сперва одна она и представляла наше народное единство; церковное единеніе задолго предшествовало государственному, и въ теченіе столѣтій подготовляло его. Переѣзды митрополитовъ изъ Кіева во Владиміръ, а отсюда въ Москву, были столько же государственными, сколько церковными событіями, даже болѣе государственными, чѣмъ церковными. Алексѣй митрополитъ навлекаетъ на себя сѣтованія патріарха за то, что держитъ сторону московскаго князя, въ распряхъ его съ удѣльными. Церковь стоитъ во главѣ народныхъ войнъ противъ татаръ, благословляетъ на подвигъ Дмитрія Донскаго, склоняетъ колеблющагося Ивана III. Во

всѣхъ важнѣйшихъ политическихъ событіяхъ, рѣшавшихъ судьбу нарождающагося государства, церковь играетъ первую роль; она его вскормила, выходила и передала на руки свѣтской государственной власти, когда процессъ образованія политическаго тѣла уже совершился. Не понимая этого высокаго призванія въ судьбахъ Великороссіи, — призванія, опредѣлившагося составными стихіями послѣдней, — нельзя понять характера нашей церкви въ древнѣйшую эпоху великорусской исторіи.

Также значительна была и образовательная роль церкви. Если мы ее недостаточно цѣнимъ, то единственно потому, что не беремъ въ расчетъ среды, на которую ей приходилось дѣйствовать. Изукрашая старинный нашъ бытъ вымыслами, или просто не думая объ немъ вовсе, мы бы хотѣли видѣть въ тогдашней дѣятельности нашей церкви бо̀льшее развитіе нравственныхъ, духовныхъ элементовъ, большее обращеніе къ уму и сердцу людей. Но разсмотрите внимательно памятники: они разрѣшаютъ всѣ недоумѣнія. Церкви приходилось бороться не съ злою волей, или развращеннымъ умомъ, а съ грубѣйшими языческими нравами, съ дикими предразсудками, съ первобытнымъ реализмомъ, при которомъ люди приближались къ звѣрямъ и безсловеснымъ. Борьба эта продолжается чрезъ всю древнюю исторію, мѣстами и до сихъ поръ. Встрѣчаются и теперь кое-гдѣ, въ захолустьяхъ, примѣры невообразимой дикости нравовъ. Имѣя дѣло съ такой средой, церковь должна была вооружиться не проповѣдью, не поученіемъ, а внѣшней дисциплиной, чтобъ сперва, хоть наружно, приблизить этихъ людей къ образу и подобію Божію. Знакомый, хоть сколько нибудь, съ теперешними нравами и обычаями нашего народа не станетъ отрицать, что они еще очень грубы и суевѣрны. Что же было въ древнія времена, и каково было вѣдаться съ ними? Церковь и дѣлала, что могла, прибѣгая къ единственно возможнымъ тогда и самымъ дѣйствительнымъ средствамъ. Прибавимъ къ этому, что личный составъ ея обновлялся, подъ конецъ, большею частью, изъ туземцевъ; слѣдовательно, въ нее, по необходимости, вторгались тѣ же самые элементы, которые она призвана была воспитывать.

Вообще, ходъ нашего образованія, и духовнаго и свѣтскаго, вслѣдствіе всей совокупности условій, при которыхъ возникла жизнь Великороссіи, былъ очень своеобразенъ. Развитіе культуры было чисто внѣшнее; вмѣсто самодѣятельности, видимъ пассивное воспринятіе чужого; меньшинство является проводникомъ этого чужаго въ нашу жизнь, и потому весь культурный процессъ идетъ сверху внизъ, изъ вершинъ общества

въ народныя массы. Припомнимъ, что переселенцы изъ западной Россіи явились въ Великороссію безъ всякой культуры, и слѣдовательно, безъ зачатковъ духовнаго развитія; что новая ихъ родина была точно такая же, и не внесла непосредственно въ ихъ жизнь никакихъ образовательныхъ элементовъ; что за тѣмъ и послѣ, въ продолженіе всей нашей исторіи, односложность нашего быта никогда не нарушалась притокомъ въ нашъ народный составъ чужого племени, или наплывомъ завоевателей; что, наконецъ, въ теченіе столѣтій, всѣ силы Великороссіи были обращены на грубый матеріальный трудъ заселенія дикой страны, между дикими племенами и при самыхъ враждебныхъ человѣку природныхъ условіяхъ. Всѣ эти обстоятельства, вмѣстѣ взятыя, на цѣлые вѣка сдѣлали невозможнымъ развитіе великорусской вѣтви изъ самой себя. Ее невоспитывала среда, въ которой она жила; нравственная и умственная сторона въ ней дремала. Единственнымъ путемъ культуры Великороссіи,—путемъ окольнымъ и чрезвычайно длиннымъ,—было постепенное, такъ сказать, всасываніе въ себя образовательныхъ элементовъ извнѣ, изъ другихъ странъ, болѣе образованныхъ. Наша подражательность, обезьяничанье, наша падкость къ новому и чужому, наша способность принимать всевозможные виды и образы, ставятся намъ въ укоръ; но такая воспріимчивость и впечатлительность, выработанныя въ насъ, правда, до виртуозности, доказываютъ только отсутствіе въ насъ всякаго содержанія и сильную потребность наполнить эту пустоту единственнымъ способомъ, который оставался,—впитываніемъ, вдыханіемъ въ себя образовательныхъ элементовъ извнѣ. Эти внѣшнія вліянія чрезвычайно медленно осѣдали въ народѣ и продолжали жадно восприниматься отовсюду, до тѣхъ поръ, пока почва не напиталась ими и не народилась для самостоятельнаго, нравственнаго и духовнаго развитія.

Отсюда множество явленій въ нашей жизни, на которыя мы теперь горько жалуемся, потому что время ихъ проходитъ. Внѣшній характеръ образованія, раздвоенность общества, отчужденіе высшихъ слоевъ народа отъ низшихъ и высокомѣрное отношеніе первыхъ къ послѣднимъ, посягательство незамѣтнаго меньшинства на обычаи и нравы большинства народа,—все это обусловливалось стремленіемъ грубой среды къ культурѣ. Намъ не нравятся теперь формы, въ которыхъ оно выразилось; но онѣ были такія, а не другія, именно потому, что такова была среда. Иной ходъ образованія, иныя формы стремленія къ нему, для нея были не возможны.

Отсюда же и другая особенность развитія нашей культуры, на которой нельзя не остановиться,—такъ она поразительна. По-

питки меньшинства водворить въ большинствѣ внѣшнія формы образованности, заимствованныя отъ другихъ народовъ, не имѣли и не могли имѣть между собой никакой органической связи, потому что вытекали не изъ хода внутренней жизни, а опредѣлялись внѣшними матеріалами, которые случайно попадались подъ руки и, слѣдовательно, тоже не могли имѣть между собою никакой внутренней связи. Преобразованія на греческій ладъ при Иванѣ III, польскія и литовскія вліянія въ XVII вѣкѣ, западно-европейскія вліянія въ XVIII и въ первой половинѣ XIX вѣка, представляютъ этому обильные примѣры. Нерѣдко страшныя силы поглощаются въ такихъ попыткахъ безслѣдно, цѣлыя направленія вдругъ возникаютъ и вдругъ же исчезаютъ. Существованіе у насъ литературнаго памятника, книги, произведеній искусства, на русскомъ языкѣ и съ кажущейся русской обстановкой, не даетъ еще права заключать, что это продуктъ народной жизни, не доказываетъ, что мысль и направленіе, которыя въ нихъ выражаются, нашли въ странѣ сочувствіе, привились, были распространены; такіе памятники очень часто оказываются передѣлками или переводами съ иностранныхъ образцовъ, дѣломъ прихоти, вкуса, мысли небольшихъ кружковъ, даже отдѣльныхъ личностей; кругъ дѣйствія и вліянія этихъ памятниковъ и произведеній ограничивается, нерѣдко, небольшимъ числомъ любителей, въ лучшемъ случаѣ извѣстнымъ слоемъ общества, составляющимъ незамѣтное меньшинство. Потому-то, разработывая исторію нашей культуры, мы ходимъ на почвѣ весьма шаткой, непредставляющей ничего органическаго. Между несомнѣннымъ фактомъ и средой, въ которой онъ оказывается, не существуетъ необходимой, непосредственной связи, и потому не можетъ быть сдѣлано безошибочной посылки отъ перваго къ послѣдней. Изложите, напримѣръ, весь ходъ русской литературы, отъ начала до конца; разберите и объясните подробно всѣ ея памятники, — и вы все-таки не будете имѣть исторіи развитія русской мысли въ литературѣ: отбросьте наплывной матеріалъ, и въ результатѣ останется, кромѣ природнаго таланта, отрицательное отношеніе къ средѣ и развитіе языка, выработка самостоятельной формы для выраженія будущей самостоятельной мысли. Тоже и во всемъ остальномъ.

Обратимся теперь къ гражданскому и государственному быту Великороссіи: онъ точно также представляетъ своеобразное развитіе зачатковъ, принесенныхъ сюда переселенцами съ запада, поставленныхъ въ условія, о которыхъ мы уже говорили выше.

Первобытный, начальный типъ осѣдлаго общежитія, — домъ

или дворъ, — лежитъ въ основѣ великорусской общественности до самого Петра Великаго. Гдѣ было завоеваніе, или хоть добровольное призваніе чужеземцевъ, тамъ въ жизнь вносится дружинный элементъ, изъ котораго впослѣдствіи развивается аристократія или олигархія. Гдѣ раннія поселенія становятся центрами торговли и промышленности, тамъ развивается, современемъ, муниципальная жизнь, и поселенія обращаются въ государства, на подобіе древнихъ и средневѣковыхъ городскихъ республикъ, съ городскимъ патриціатомъ и чернью. Но гдѣ ни того ни другаго нѣтъ, гдѣ народъ слагается изъ самыхъ первобытныхъ элементовъ, не имѣетъ никакой культуры и не находитъ въ странѣ высшей образованности, которая могла бы имѣть на него непосредственное, ежедневное вліяніе, тамъ формы общежитія могутъ быть только развитіемъ дома или двора, этой первичной соціальной ячейки, общей всѣмъ осѣдлымъ народамъ въ мірѣ. Если никакія внѣшнія обстоятельства не помѣшаютъ ея естественному развитію, напримѣръ, если народъ не обратится въ военную дружину, и не получитъ, вслѣдствіе того, военнаго характера и устройства, то типъ дома или двора, мало по малу, непремѣнно разростется и опредѣлитъ характеръ всей гражданской и государственной жизни.

Такъ и случилось въ Великороссіи. Едва ли есть другая страна въ мірѣ, которая представляла бы такое полное, безпримѣсное и послѣдовательное развитіе типа двора или дома, отъ первыхъ его зачатковъ до высшей ступени; едва ли гдѣ этотъ типъ такъ выносился и вызрѣлъ, какъ въ Великороссіи. У малороссіянъ, въ составныхъ элементахъ общества находимъ присутствіе дружиннаго начала; у сѣверо-западныхъ отраслей русскаго народа, муниципальный элементъ рано началъ играть важную роль. Ничего подобнаго нѣтъ въ Великороссіи, съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь сложилась особая вѣтвь русскаго племени.

Эта характеристическая особенность великорусскаго быта имѣетъ неизмѣримую важность. Ею объясняется безпримѣрная его своеобразность. Благодаря ей, древній бытъ Великороссіи представляетъ небывалую соціальную формацію, которая не можетъ быть обойдена во всемірной исторіи, заносящей на свои страницы всевозможные типы человѣческихъ обществъ; что же касается русской исторіи, то въ ней шагу нельзя ступить, не возвращаясь безпрестанно къ особенностямъ соціальнаго развитія Великороссіи; здѣсь ключъ къ правильному пониманію глубокихъ общественныхъ различій между древней западной и восточной Русью и различныхъ политическихъ судебъ обѣихъ половинъ одного народа, въ теченіе столѣтій; здѣсь, наконецъ, раз-

гадка множества явленій нашего быта, нашего прошедшаго и настоящаго, всего нашего народнаго характера.

Домъ или дворъ, какъ мы уже сказали выше, представляетъ человѣческое общество, поселенное на извѣстномъ мѣстѣ, состоящее изъ членовъ семьи и домочадцевъ и подчиненное власти одного господина, домоначальника. Въ этой соціальной единицѣ заключаются, какъ въ зародышѣ, зачатки всѣхъ послѣдующихъ общественныхъ отношеній: и семья, и рабство, и гражданское общество, и государство.

Развитіе древняго великорусскаго общества и государства, дѣйствительно, представляетъ выдѣленіе и самостоятельное развитіе этихъ зачатковъ. Сначала домъ или дворъ оставался, какъ еще недавно у нашихъ крестьянъ, постоянной единицей, къ которой все пріурочивалось. Отдѣлившійся членъ семьи переставалъ принадлежать къ этой единицѣ и не имѣлъ въ ней никакой доли; только наличные члены дома принадлежали къ нему и участвовали въ немъ. На этой ступени развитія, связи личныя и опредѣляемыя мѣстомъ жительства не различаются. Такъ у нашихъ крестьянъ: сынъ отдѣлившійся отъ семьи, переселившійся въ другое мѣсто, или отданный въ солдаты, и дочь, выданная замужъ,—отрѣзанные ломти, не имѣющіе части въ семейномъ имуществѣ, которое скорѣй принадлежитъ дому, двору, чѣмъ главѣ семейства. Развитіе этой первичной формы общежитія выражается сначала въ томъ, что личныя связи перестаютъ совпадать съ сожительствомъ въ одномъ дворѣ или домѣ и получаютъ самостоятельное значеніе. Съ тѣмъ вмѣстѣ, выдвигается на первый планъ союзъ семьи и родства, независимо отъ мѣста поселенія, причемъ общее достояніе двора или дома обращается, мало по малу, въ личное имущество главы семейства или родоначальника, и послѣ его смерти дѣлится между членами того семейства или рода. Вслѣдъ за тѣмъ, и союзъ свойства получаетъ значеніе и становится основаніемъ прочныхъ личныхъ связей; дочь, выданная замужъ, уже перестаетъ быть оторваннымъ и чуждымъ членомъ семьи: укрѣпленіе личныхъ связей, основанныхъ на родствѣ, дѣлаетъ безразличнымъ, гдѣ она живетъ,—между своими или чужими. По личнымъ связямъ и чужіе дѣлаются своими. Рабы обращаются въ имущество, предметъ гражданскихъ сдѣлокъ.

На этихъ-то простѣйшихъ основаніяхъ построена общественность древней Великороссіи. И частный и государственный бытъ ими проникнуты. Политическая организація удѣльныхъ княжествъ,—если только къ нимъ идетъ это выраженіе,—приводится къ тѣмъ же основаніямъ, по мѣрѣ того, какъ забываются западно-русскія формы, занесенныя во время колонизаціи. Княжеская дру-

жина преобразуется въ княжескій дворъ, который состоитъ изъ князя, членовъ его семьи и дворянъ, слугъ княжихъ. Княжество принадлежитъ князю, есть его наслѣдственный удѣлъ; князь—дѣдичъ и отчичъ княженія. Типъ этотъ лежитъ и въ основаніи Московскаго государства: онъ только раздвинулся, принялъ громадные размѣры. Точно также, какъ прежде князь, такъ теперь московскій государь есть отчичъ и дѣдичъ Московскаго государства. Царскій домъ или дворъ состоитъ изъ членовъ царскаго семейства. Слуги царя или холопи окружаютъ его, нисходя по степенямъ, отъ высшихъ, приближенныхъ, до низшихъ. Прибавляется только къ прежнимъ составнымъ элементамъ двора или дома — народъ «сироты царскія», т. е. состоящіе подъ защитой, охраной и попеченіемъ государя.

Собственно говоря, переходъ отъ удѣльной системы къ государственному единству былъ возвращеніемъ, въ государственной сферѣ, къ первоначальному типу двора или дома. Во время удѣловъ, княжества обратились въ имущество князей, которое они дѣлили между членами своего семейства, покупали, продавали. Съ Дмитрія Донскаго начинаетъ вырабатываться ясное представленіе о государственномъ единствѣ и о единствѣ государственной власти, вслѣдствіе чего часть, достававшаяся великому князю, становится все больше, а части прочихъ князей все меньше. Съ Ивана III, всѣ владѣнія переходятъ въ руки одного государя, а остальнымъ князьямъ достаются ничтожные удѣлы. И такъ, можно сказать, что съ этого времени, въ государственной жизни Великороссіи, начальный типъ дома или двора возстановляется во всей своей первоначальной чистотѣ и остается господствующимъ до Петра Великаго. Если это не вдругъ бросается въ глаза, то причины слѣдуетъ искать въ томъ, что внѣшнія наслоенія, разныя, заимствованныя извнѣ, формы, заслоняютъ отъ насъ дѣйствительную сущность дѣла. Западно-русское представленіе о великомъ князѣ усвоено и Великороссіею; оно занесено сюда переселенцами. Но какъ же различно оно здѣсь и тамъ! Западно-русскій великій князь есть старшій изъ князей, глава княжескаго рода; въ Великороссіи онъ перерождается въ территоріальнаго владѣльца. Великое княженіе, изъ власти, становится областью. При помощи великаго княженія, старшій, великій князь дѣлается матеріально сильнѣе прочихъ князей и это, мало по малу, ведетъ къ объединенію всей Великороссіи, подъ властью великокняжескаго двора или дома. Иванъ III усвоиваетъ туземному, великорусскому типу внѣшнія формы византійской царской власти. Такимъ образомъ, западно-русская форма замѣнилась иною, греческой; но самый

типъ власти, въ сущности, остался тотъ же самый, какимъ былъ и вытекалъ изъ самыхъ основъ великорусской жизни.

Тотъ же самый типъ лежитъ и въ основаніи крѣпостнаго права, которое было лишь однимъ изъ его выраженій. Въ XIX вѣкѣ, крѣпостное право, подъ вліяніемъ европейскихъ экономическихъ воззрѣній и замѣтно усилившагося промышленнаго развитія, начало̀, мѣстами, вырождаться въ отталкивающую, возмутительную эксплуатацію людей изъ барыша; юридическое право на человѣка стало обращать его въ капиталъ, изъ котораго можно и должно, прежде всего, извлекать наибольшій процентъ. Крѣпостное право начало̀-было, такимъ образомъ, обращаться въ рабство, что и ускорило его паденіе. Но въ древней Россіи оно не имѣло этого характера. Оно было только властью, иногда жестокой и суровой, вслѣдствіе грубости тогдашнихъ нравовъ, но не правомъ собственности на человѣка. Крѣпостное право не исключало попечительности о людяхъ, справедливости въ обращеніи съ ними, правильнаго, не слишкомъ тяжелаго опредѣленія ихъ обязанностей и повинностей. Такъ называемыя патріархальныя отношенія между владѣльцами и ихъ крѣпостными вытекали изъ того, что основаніемъ крѣпостнаго права служилъ начальный типъ великорусскаго общественнаго быта, — домъ или дворъ. Такой характеръ сохранило у насъ крѣпостное право, у большинства владѣльцевъ, даже до позднѣйшаго времени, не успѣвъ получить ни строго юридическаго, ни строго экономическаго характера, какъ напримѣръ, въ Польшѣ и западныхъ губерніяхъ.

Говоря о крѣпостномъ правѣ, мы теперь представляемъ себѣ только извѣстныя отношенія частнаго права, упраздненныя на нашихъ глазахъ, и едва подозрѣваемъ, что они были запоздалымъ остаткомъ цѣлаго общественнаго строя, который встарину господствовалъ исключительно въ нашемъ государственномъ и частномъ быту. Княжескіе слуги имѣли сначала вольный переходъ отъ князя къ князю; когда утвердилось московское единодержавіе, такіе переходы запрещались и наказывались, какъ преступленіе. Точно также и крестьяне, сначала, вольно переходили отъ владѣльца къ владѣльцу, а потомъ такіе выходы прекращены. Въ XVII вѣкѣ, строго разграничены между собою разные разряды, «чины», отправлявшіе царскую службу и тягло, съ запрещеніемъ перехода изъ одного разряда въ другой, подъ страхомъ наказанія. Самые, по природѣ своей, свободные промыслы, какъ напр. торговля, подведены подъ тоже самое начало; московскіе купцы обращены на царскую службу и образовали особый служебный разрядъ, къ которому приписывались, принуди-

тельно, торговцы и посадскіе другихъ городовъ, смотря по потребностямъ царской службы, и изъ котораго не было добровольнаго выхода въ другіе разряды. Мало по малу, это начало распространено на всѣ виды царской службы: пушкари и печатники, мастера и рабочіе разнаго рода, приписаны, наслѣдственно, каждый къ своему вѣдомству, безъ права перехода къ другому занятію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, каждый приписанный въ княжеству, частному владѣнію, служебному разряду или вѣдомству, поступалъ подъ полную ихъ власть, судъ и управленіе. Слѣды этого порядка дѣлъ удержались до позднѣйшаго времени, и окончательно отмѣнены лишь въ нынѣшнее царствованіе; сохранились они теперь, и то отчасти только, въ сословіи бѣлаго духовенства. Такое стремленіе каждаго землевладѣнія, каждаго вѣдомства, каждаго особаго управленія, замкнуться въ особую единицу, составить особое цѣлое, съ полною властью надъ принадлежащими къ нему лицами, характеризуетъ великорусскій бытъ въ теченіи всего московскаго періода, и получило полное развитіе, въ малѣйшихъ подробностяхъ гражданской и государственной жизни, въ XVII вѣкѣ. Слѣдовательно, крѣпостное начало было, въ то время, можно сказать, основаніемъ всей нашей общественности, а это начало прямо вытекало изъ первообраза великорусскаго быта, — двора или дома. Потому-то оно и было въ нравахъ. Чадамъ и домочадцамъ, состоящимъ подъ властью господина, по тогдашней терминологіи «государя», казалось очень естественнымъ состоять подъ его «наказаніемъ» (т. е. и наставленіемъ и исправительнымъ взысканіемъ). Эпитетъ «грозный» выражалъ хвалу, по крайней мѣрѣ одобреніе, а никакъ не порицаніе. Не наставлять, не руководить подвластныхъ, не взыскивать съ нихъ, когда они того заслуживали, считалось, въ глазахъ самихъ подвластныхъ, предосудительнымъ признакомъ равнодушія, невниманія. Разсказъ Олеарія о русской женѣ иностранца, которая плакала о томъ, что мужъ никогда не билъ ее, — есть каррикатура, но не злостная выдумка; въ основаніи этого разсказа лежитъ правда, которую ни Олеарій, ни передававшій этотъ случай, не поняли, потому что она лежала совершенно внѣ круга ихъ понятій. Еще на нашей памяти, простолюдинъ, послѣ наказанія, благодарилъ за то, что его учили уму-разуму. Въ старыя времена, это было у насъ, повсемѣстно, дѣломъ самымъ обыкновеннымъ. Факты такого рода, а ихъ можно привести множество, чрезвычайно характеристичны. Они доказываютъ, что древняя великорусская общественность, построенная, снизу до верху, на началѣ двора или дома и проникнутая вытекавшимъ изъ него крѣпостнымъ правомъ, была въ народныхъ нравахъ и

убѣжденіяхъ, поддерживалась не насиліемъ, а сознаніемъ. Теперь намъ становится трудно вдуматься въ этотъ строй жизни, потому что мы изъ него выросли; но въ народныхъ массахъ онъ еще живъ, во взглядѣ на вещи, въ привычкахъ, пословицахъ и преданіяхъ, и пройдетъ еще много, много времени, пока онъ совсѣмъ забудется. Подчиненный власти считалъ себя, въ древней Великороссіи, не рабомъ, не предметомъ промышленной эксплуатаціи, а несовершеннолѣтнимъ, неразумнымъ, малосвѣдущимъ, темнымъ человѣкомъ, котораго надо учить, наставлять, вразумлять и направлять. Оттого и наказаніе считалось мѣрою исправленія, а не дѣломъ каприза, своеволія или жестокости. Такой взглядъ образовался, какъ сказано, по той причинѣ, что крѣпостное право возникло изъ домашней власти и развилось по ея образцу; потому-то именно оно и не было ни строго юридическимъ, ни экономическимъ явленіемъ. Одно глубокое непониманіе дѣла можетъ переносить на этотъ складъ жизни юридическія понятія и измѣрять его послѣдними. Постепенная отмѣна крѣпостныхъ отношеній, составляющая существенный смыслъ нашего внутренняго развитія въ XVIII и XIX вѣкѣ и завершившаяся въ 1861 году, дѣйствительно, а не въ переносномъ смыслѣ, обозначаетъ ступени нашего гражданскаго роста и перехода отъ несовершеннолѣтія къ возмужалости. Многіе удивляются, почему великорусскій крестьянинъ, не смотря на крѣпостную зависимость въ теченіе, безъ малаго, трехъ вѣковъ, нисколько не походилъ на раба. Особенно это поражало иностранцевъ. Но кто вникъ въ характеръ и внутренній смыслъ крѣпостныхъ отношеній, тотъ найдетъ это явленіе очень понятнымъ и естественнымъ.

При изслѣдованіи своеобразнаго быта старинной Великороссіи, самъ собою представляется слѣдующій вопросъ: какъ согласить съ этимъ строемъ жизни, основаннымъ на крѣпостномъ правѣ, общинный бытъ массы великорусскаго населенія, его несомнѣнную способность и привычку къ общинной и артельной жизни? Вопросъ этотъ одинъ изъ труднѣйшихъ, въ особенности потому, что, кажется, никогда еще не былъ правильно поставленъ. У всѣхъ славянскихъ племенъ есть природное расположеніе къ общинной жизни; это фактъ, неподлежащій сомнѣнію. Но какъ оформилась въ исторіи эта общая всѣмъ имъ черта,—это другой вопросъ, котораго никакъ не слѣдуетъ смѣшивать съ первымъ. Между тѣмъ, говоря объ общинномъ бытѣ русскаго народа, мы обыкновенно не различаемъ природной способности, предрасположенія, отъ организаціи, отъ опредѣленной и установившейся формы отношеній, и потому, при обсужденіи этого вопроса, никакъ не мо-

жемъ придти къ точнымъ, положительнымъ результатамъ. Живя вмѣстѣ, имѣя общія дѣла, общія занятія, общіе интересы, люди естественно образуютъ группу, цѣлое общество, особливо при живости характера, общительности и большомъ добродушіи, которыми мы отличаемся. Но всего этого еще мало, чтобъ признать существованіе у насъ общиннаго быта. Такой бытъ предполагаетъ общественное устройство и извѣстный способъ веденія общественныхъ дѣлъ, перешедшій въ обычаи и нравы. Есть ли у насъ общинный бытъ въ этомъ смыслѣ или нѣтъ, сказать очень трудно. Рядомъ съ фактами, несомнѣнно доказывающими его существованіе въ однихъ мѣстностяхъ, приводятся данныя изъ другихъ мѣстностей, доказывающія совершенно противное; нерѣдко такіе противурѣчащіе факты встрѣчаются въ одной и той же мѣстности, и даже не на большомъ разстояніи другъ отъ друга; еще чаще можно замѣтить, что въ одномъ и томъ же обществѣ есть очень развитыя и твердо установившіяся общинныя учрежденія по одной какой нибудь сторонѣ общественной жизни, и полное ихъ отсутствіе—по другой. Послѣднее, можно сказать, фактъ, почти повсемѣстный въ Великороссіи. То же противорѣчіе видимъ и въ пословицахъ, выражающихъ народный взглядъ на общину. Есть пословица: «міръ—великое дѣло»; но есть и другая: «міръ силенъ, какъ волна, и глупъ какъ свинья». Рядомъ съ пословицей: «дружка объ дружкѣ, Богъ обо всѣхъ»;—есть тоже пословица: «моя изба съ краю, ничего не знаю». Всего подробнѣе и точнѣе развиты въ цѣломъ народѣ обычаи, относящіеся къ общественной раскладкѣ всякого рода повинностей, податей, сборовъ, натурой и деньгами, а также къ раздѣлу полей и угодій; всѣ другіе общинные обычаи далеко не такъ повсемѣстны, какъ эти. Изъ всего этого можно, кажется, заключить, что природная наша способность къ общинной жизни, которой никто не отрицаетъ, находится еще въ развитіи и успѣла принять опредѣленныя обычныя формы въ тѣхъ только случаяхъ, когда обстоятельства тому благопріятствовали; но едва ли можно положительно утверждать, что общинный бытъ у насъ уже существуетъ, что онъ уже теперь представляетъ нѣчто развитое, прочно установившееся и выработанное во всѣхъ частяхъ и повсемѣстно.

Правильному разрѣшенію вопроса объ общинномъ бытѣ Великороссіи мѣшаетъ также, какъ намъ кажется, еще и то, что мы въ этомъ отношеніи не достаточно различаемъ разныя эпохи русской исторіи, а это, въ свою очередь, существенно вредитъ правильности нашихъ историческихъ воззрѣній. О внутреннемъ бытѣ великорусскихъ крестьянскихъ и городскихъ обществъ мы имѣемъ

до царствованія Ивана Грознаго, одни только скудныя извѣстія, относящіяся, почти исключительно, лишь къ податямъ, повинностямъ и раскладкамъ. Изъ этихъ свѣдѣній видно, что волости были обременены налогами, что судъ принадлежалъ не имъ, а кормленщикамъ или частнымъ владѣльцамъ. Необыкновенныя усилія употреблялъ Иванъ III, чтобъ обуздать произволъ намѣстниковъ и волостелей. Иванъ IV, въ изданномъ имъ Судебникѣ, усилилъ мѣры, принятыя, въ этомъ отношеніи, Ивановъ III, и даже намѣревался отмѣнить вовсе мѣстныхъ царскихъ правителей, а судъ и полицію передать самимъ обществамъ. Во всемъ этомъ трудно усмотрѣть слѣды сколько нибудь установившейся общинной жизни въ Великороссіи; наоборотъ, изъ этихъ указаній, повидимому, слѣдуетъ, что сельское и городское населеніе жило вполнѣ подъ частнымъ правомъ, или подъ произволомъ княжескихъ слугъ и кормленщиковъ, типъ власти которыхъ былъ тотъ же, что и частныхъ владѣльцевъ. Не надо также забывать, что въ то время еще существовалъ свободный переходъ съ одного мѣста на другое, что на частныхъ земляхъ люди жили по договорамъ съ владѣльцами, и что такіе договоры заключались послѣдними не съ цѣлымъ обществомъ, а съ отдѣльными лицами. При такомъ порядкѣ дѣлъ, едва-ли могла существовать выработанная, самостоятельная жизнь городскихъ и сельскихъ общинъ. Такимъ образомъ, до XVII вѣка, мы не имѣемъ никакихъ извѣстій объ общинной жизни великорусскаго народа, а тѣ свѣдѣнія, которыя дошли до насъ, дѣлаютъ существованіе прочнаго общиннаго быта невѣроятнымъ, и говорятъ скорѣй противъ него, чѣмъ въ его пользу. Въ XVII вѣкѣ, крѣпостное право было въ полномъ цвѣту; оно опредѣлило всю общественную и государственную жизнь, во всѣхъ малѣйшихъ подробностяхъ; слѣдовательно, въ теченіе этого вѣка, менѣе чѣмъ когда-либо прежде, могъ существовать самостоятельный бытъ общинъ; но весьма вѣроятно, что въ этомъ вѣкѣ онъ началъ, мало по малу, слагаться, и именно подъ вліяніемъ крѣпостного начала. Первый его узелъ завязанъ, какъ кажется, налогами, повинностями, вообще тягломъ, которое сельчане и горожане должны были тянуть въ пользу казны. Ей было удобнѣе, проще и вѣрнѣе имѣть дѣло не съ отдѣльными лицами, а съ цѣлымъ городомъ, сотней, слободой, волостью, деревней,—словомъ, съ обществомъ; вслѣдствіе этого, на общество легла обязанность раскладывать подати, повинности и службы. Это должно было сьютить между собою лица, принадлежащія постоянно и наслѣдственно къ одному податному, тягловому обществу, должно было связать ихъ однимъ общимъ дѣломъ, и создать юридическія общинныя, податныя единицы, съ выборными представите-

лями во главѣ. Въ такомъ, кажется, видѣ стала, мало по малу, осуществляться великая мысль Грознаго, брошенная имъ едва-ли не въ разгарѣ кровавой борьбы съ олигархами. За ту же мысль, позднѣе, снова ухватился Петръ Великій, но также безуспѣшно; общинный бытъ тогда не успѣлъ еще выработаться. Много дѣлалось попытокъ въ томъ же смыслѣ и впослѣдствіи, но и онѣ остались безъ результата, пока, наконецъ, уже въ наше время, со всѣхъ сельскихъ обществъ не было снято бремя административной опеки, чѣмъ и положено дѣйствительное основаніе къ развитію сельскаго общиннаго быта.—Въ крестьянствѣ, жившемъ на земляхъ частныхъ владѣльцевъ и впослѣдствіи закрѣпощенномъ за ними, общинное начало появилось едва ли ранѣе XVIII вѣка, и вотъ почему: когда существовала помѣстная система, огромное большинство помѣщиковъ и вотчинниковъ (послѣднихъ, кажется, было очень немного) жили въ своихъ имѣніяхъ и хозяйничали сами, или чрезъ своихъ прикащиковъ и ключниковъ; издѣльное хозяйство, по условіямъ тогдашняго быта, было повсемѣстно; казенныхъ и общественныхъ повинностей и тягостей помѣщичьи и вотчинные крестьяне не несли; въ имѣніяхъ, принадлежавшихъ духовному вѣдомству, а также и тѣмъ изъ придворныхъ чиновъ, которые, по обязанностямъ службы, не могли жить въ своихъ помѣстьяхъ и вотчинахъ, вѣроятно тоже существовало издѣлье и прикащичье управленіе; слѣдовательно, общинный бытъ могъ начать выработываться въ дворянскихъ населенныхъ имѣніяхъ лишь въ XVIII вѣкѣ, когда крѣпостные, приписанные къ этимъ имѣніямъ, были привлечены къ участію въ государственныхъ и земскихъ повинностяхъ, податяхъ, и службахъ, и когда издѣлье отчасти замѣнилъ оброкъ натурою или деньгами.

Все сказанное нами выше объ общинахъ и общинномъ бытѣ, пока, разумѣется, не болѣе, какъ одни догадки и предположенія. Профессоръ Чичеринъ первый указалъ на податное, финансовое, тягловое происхожденіе нашихъ городскихъ и казенныхъ сельскихъ общинъ. Онѣ и доселѣ глубоко запечатлѣны этимъ характеромъ. Что̀ въ ихъ бытѣ принадлежитъ генію славянскаго племени и что̀ исторіи и особеннымъ обстоятельствамъ, посреди которыхъ они развились, — покажетъ будущее; но въ прошедшемъ великорусскаго племени онѣ едва ли имѣли то значеніе, которое имъ нѣкоторые приписываютъ; по крайней мѣрѣ, нашъ древній общинный бытъ ни чѣмъ не заявилъ себя въ ежедневной, будничной жизни, не оставилъ по себѣ слѣда, что было бы непремѣнно, еслибъ онъ развился и игралъ какую нибудь роль въ народной жизни. Другое видимъ мы въ Малороссіи и въ сѣверозападной Россіи, начиная съ отдаленной эпохи; можетъ быть именно это

обстоятельство и вводитъ насъ въ заблужденіе относительно великорусской старины: не различая въ прошедшемъ восточную Россію отъ западной, мы безпрестанно впадаемъ въ ошибки. Въ Великороссіи, общинное начало, какъ мы сказали выше, есть, кажется, сравнительно, явленіе новое; оно развивается и ему видимо предстоитъ будущность въ нашихъ судьбахъ. Городовыя положенія С.-Петербурга, Москвы и Одессы, земскія и крестьянскія сельскія учрежденія указываютъ на вѣроятный исходъ изъ старинной великорусской крѣпостной организаціи, упраздненной въ теченіе XVIII и первой половины XIX вѣка. Но пока это только зародыши будущаго, а не зрѣлый плодъ прошедшаго.

Къ тому же результату приводятъ и другія соображенія. Въ общественномъ строѣ древняго великорусскаго общества не было мѣста для общиннаго быта. Вся организація Великороссіи, въ XVII вѣкѣ,—представляется въ такомъ видѣ: въ частномъ быту,—полновластный глава семейства и дома, и господинъ надъ холопами; въ общественномъ,—значительная часть сельскаго населенія подвластна частнымъ владѣльцамъ и духовенству; весь остальной народъ раздѣленъ на наслѣдственные «чины» или разряды, пріуроченные къ извѣстнымъ надобностямъ царской службы, и находится въ такой же подчиненности своему разряду, какъ помѣщичьи и вотчинные крестьяне своему владѣльцу; въ администраціи—воеводы и разные царскіе слуги, съ такою же точно властью надъ подчиненными имъ городами (ставшими, съ Алексѣя Михайловича, исключительно царскими) и сельскимъ населеніемъ; все государство представляетъ колоссальный домъ или дворъ, подвластный московскому царю, который завѣдываетъ имъ посредствомъ своихъ слугъ. Посреди такой организаціи, куда вставить общинное устройство и бытъ? Подвластные одному владѣльцу или одному чиновнику люди могли жить вмѣстѣ, могли вмѣстѣ, общими силами, тянуть тягло; но образовать органическое общежитіе они не могли: весь складъ этого общественнаго строя исключаетъ общину. Тѣ, которые предполагаютъ и отыскиваютъ въ древней Великороссіи установившійся и развитый общинный бытъ, не достаточно, какъ мы думаемъ, вникаютъ въ историческое призваніе великорусскаго элемента среди другихъ вѣтвей русскаго народа и славянскаго племени. Глубокій смыслъ московскихъ государственныхъ и общественныхъ порядковъ тотъ, что въ нихъ осуществилось государство, въ формахъ, вполнѣ доступныхъ и понятныхъ великорусскому народу. Какъ былъ устроенъ частный бытъ, точно также было устроено и все государственное зданіе. Домашняя дисциплина послужила образцомъ для дисциплины общест-

венной и государственной. Въ царской власти, сложившейся по типу власти домовладыки, русскому народу представилась, въ идеальномъ, преображенномъ видѣ, та же самая власть, которую онъ коротко зналъ изъ ежедневнаго быта, съ которой жилъ и умиралъ. Царь, по представленіямъ великорусскаго народа, есть воплощеніе государства. Чтобъ проникнуть во внутренній смыслъ этого типа, неизвѣстнаго или забытаго у другихъ народовъ, нужно глубоко всмотрѣться въ основаніе великорусскаго быта. Русскій царь, по народнымъ понятіямъ, не начальникъ войска, не избранникъ народа, не глава государства, или представитель административной власти, даже не сентиментальный Landesvater или bon père du peuple, хотя въ двухъ послѣднихъ типахъ и есть кое-что, напоминающее великорусскій идеалъ царя. Царь есть само государство, — идеальное, благотворное, но вмѣстѣ и грозное его выраженіе; онъ превыше всѣхъ, поставленъ внѣ всякихъ сомнѣній и споровъ, и потому неприкосновененъ; потому же онъ и безпристрастенъ ко всѣмъ; всѣ передъ нимъ равны, хотя и неравны между собою. Царь долженъ быть безгрѣшенъ; если народу плохо, виноватъ не онъ, а его слуги; если царское велѣніе тяжело для народа, — значитъ, царя ввели въ заблужденіе; самъ собою онъ не можетъ ничего захотѣть дурного для народа. Девизъ царя: «не боюсь смерти, боюсь грѣха,» и горе народу, когда согрѣшитъ царь, потому что, если «народъ согрѣшитъ — царь замолитъ, а царь согрѣшитъ — народъ не замолитъ.» Совершенно понятно недоумѣніе западныхъ европейцевъ передъ такимъ типомъ государственной власти, ключъ къ которому у нихъ потерянъ. Не зная, что она собою выражаетъ, они были бы готовы подвести ее подъ извѣстный шаблонъ восточныхъ деспотій, еслибъ царская власть не была въ Россіи дѣятельнымъ органомъ развитія и прогресса въ европейскомъ смыслѣ. Въ чемъ же тайна этой всемогущей власти? Какимъ чудомъ она одна остается неподвижной и несокрушимой въ русской жизни, въ теченіе столѣтій, не смотря на внутреннія потрясенія и внѣшнія замѣшательства, и когда все вокругъ нея, но ея же инициативѣ, движется и измѣняется? Это становится понятнымъ только при глубокомъ изученіи внутренняго смысла исторіи Великороссіи. Установленіе ея государственнаго единства, а слѣдовательно и политическаго бытія, совпадаетъ съ судьбами царской власти: вмѣстѣ они появились, окрѣпли, бѣдствовали и спасались отъ бѣдъ. Въ самыя трудныя и тяжкія времена, когда приходилось чуть ли не съизнова начинать политическое существованіе, великорусскій народъ, прежде всего, принимался за возстановленіе царской власти, обезпечивалъ ее себѣ и дѣлилъ съ царемъ радости

и горе. Народъ и царская власть сжились у насъ, какъ Англія съ своимъ парламентомъ; оба учрежденія глубоко національны. Въ этой способности создать себѣ идеалъ государства въ формахъ народныхъ, и потому доступныхъ и понятныхъ каждому, отъ мала до велика, въ умѣньи поддерживать и сохранять, какъ зеницу ока, царскую власть, въ которой этотъ идеалъ выразился, не смотря ни на какія обстоятельства, чрезъ всю исторію, и заключается значеніе Великороссіи посреди другихъ славянскихъ племенъ и народовъ. У всѣхъ славянъ зачатки быта были одни и тѣ же; но вслѣдствіе разныхъ историческихъ условій, въ ихъ жизнь вторглись чуждые элементы, прежде чѣмъ она успѣла сложиться въ государственную форму, отвѣчавшую ихъ народнымъ понятіямъ и историческому возрасту; или же ихъ естественный ростъ, а съ нимъ и равновѣсіе составныхъ общественныхъ стихій, были нарушены. Оттого прочіе славяне и потеряли свою политическую самостоятельность; но въ массахъ народныхъ сохранялся утраченный въ дѣйствительной жизни идеалъ государства и государственной власти. Онъ тянулъ весь русскій народъ къ Великороссіи; онъ покорилъ Москвѣ Новгородъ и Псковъ, присоединилъ къ ней Малороссію, какъ въ наше время влечетъ къ намъ народныя массы въ Западномъ краю и въ самомъ царствѣ Польскомъ. Этого не понимаютъ въ Европѣ и отрицаютъ самый фактъ, стараясь объяснить рядомъ случайностей и минутныхъ обстоятельствъ органическія явленія русской жизни.

Народный характеръ царской власти и великое ея значеніе въ судьбахъ русскаго племени проливаютъ яркій свѣтъ на нѣкоторые эпизоды великорусской исторіи и объясняютъ ихъ иначе, чѣмъ мы привыкли смотрѣть на нихъ до сихъ поръ. Слѣдившіе за успѣхами критической разработки русской исторіи знаютъ, какъ измѣнился, въ послѣднее время, взглядъ на Ивана Грознаго. Увлекшись самыми честными побужденіями, Карамзинъ не понялъ и ошибочно истолковалъ борьбу Грознаго съ вельможествомъ. Послѣ Карамзина старались, въ особенности профессоръ Соловьевъ, исправить эту ошибку, и отчасти въ томъ успѣли. Говоримъ отчасти, потому что выяснена, пока, только психологическая сторона дѣйствій и побужденій Грознаго: объективная, предметная сторона вопроса остается, по прежнему, очень загадочною. Вдумываясь въ ходъ великорусской исторіи, невольно останавливаешься передъ рядомъ событій, начиная съ Ивана Грознаго и оканчивая царствованіемъ Михаила Ѳедоровича. Чувствуется, что за этотъ промежутокъ времени обычная ея нить какъ будто порвана и теряется; что-то необыкновенное начинается при Грозномъ; затѣмъ, крайне натянутое положеніе послѣ

его смерти, при его сынѣ, собственно говоря, при Годуновѣ; послѣ того, — страшныя смуты, посреди которыхъ чуть чуть не погибаетъ государство; его спасаютъ сверхъестественныя усилія всего народа; избраніе Михаила Өедоровича Романова полагаетъ конецъ разгрому, но отголоски и послѣдствія его отзываются долго послѣ, почти чрезъ все царствованіе Михаила. Съ Алексѣя Михаиловича все опять возвращается въ обычную колею, и не смотря на то, что его время совсѣмъ не то, что прежнее, до кровавыхъ расправъ Ивана, видишь однако, что оно есть естественное его продолженіе, что нормальный ходъ великорусской жизни возстановленъ и обратился на старое свое русло. Такимъ образомъ, періодъ времени отъ Ивана IV до царя Алексѣя Михайловича составляетъ одно цѣлое, до сихъ поръ мало разъясненное въ главныхъ своихъ основаніяхъ и пружинахъ. Сравнительно очень богатая литература объ этомъ періодѣ обыкновенно ограничивается промежуткомъ времени между избраніемъ Бориса Годунова и Михаила Өедоровича. Съ точки зрѣнія внѣшнихъ событій это совершенно правильно. Но такъ ли, по внутреннему смыслу событій? Мы не думаемъ. Буря подготовлялась издалека и раскаты ея слышались долго послѣ. Повторяемъ, намъ этотъ эпизодъ является какой-то удивительной, загадочной вставкой въ русскую исторію, и чѣмъ больше уясняются факты, тѣмъ онъ становится, на нашъ взглядъ, темнѣй и непонятнѣй. Сблизьте съ эпохой смутъ фигуру Грознаго, — и она предстанетъ передъ вами въ трагическомъ величіи. Значитъ, однако, не одна кровожадность и подозрительность заставляли его лить токи крови! Онъ чуялъ бѣду и боролся съ ней до истощенія силъ. Прочтите его завѣщаніе, писанное въ половинѣ царствованія: оно исполнено мрачныхъ предчувствій, которыя оправдались послѣдующими событіями. Грозный впервые формулируетъ царскую власть какъ принципъ, возводитъ ее къ единственно-доступному ему, по тому времени, идеалу византійскаго императорства; но и это кажется ему недостаточнымъ: онъ производитъ себя отъ Августа Цезаря, какъ будто для того, чтобъ придать больше авторитета, прочности и силы своей власти. Откуда эти заботы? Неужели Грозному нужно было оправдывать царскую власть чужеземными идеалами и иностраннымъ происхожденіемъ передъ народомъ, который молилъ его возвратиться изъ Александровской слободы въ Москву? Не наступи, вскорѣ послѣ смерти Грознаго, смутное время, мы были бы готовы приписать всю заботу, гнѣвъ, тревогу, опасенія царя его тиранскимъ наклонностямъ; но въ виду послѣдующихъ событій такой приговоръ былъ бы наивенъ и опрометчивъ. Жестокости и казни Грознаго—

дѣло тогдашняго времени, нравовъ, положимъ даже личнаго характера; но сводить ихъ на одни психологическія побужденія, имѣя передъ глазами цѣлый періодъ внутреннихъ смутъ и потрясеній, невозможно. Должны были быть глубокія объективныя причины, вызывавшія Грознаго на страшныя дѣла. Причины эти были, повидимому, слѣдующія. Со времени Ивана III, въ составъ Московскаго государства вошла значительная часть тогдашней западной Россіи,—Новгородъ, Псковъ, города и княжества литовскія. Съ тѣмъ вмѣстѣ долженъ былъ произойти оттуда значительный притокъ въ Великороссію элементовъ, чуждыхъ ея общественному складу, не дававшихъ въ западной Россіи сложиться государству, и столько же враждебныхъ къ нему въ Великороссіи. Эти элементы вошли, главнымъ образомъ, въ составъ царскихъ служебныхъ чиновъ, и, усилившись новыми литовскими и польскими выходцами изъ-за границы, получили, въ царствованіе Грознаго, большое вліяніе. Вспомнимъ роль Глинскихъ, стоявшихъ во главѣ правленія; Бѣльскаго, потомка Гедимина, соискателя литовскаго престола; къ той же категоріи принадлежалъ и знаменитый Курбскій. Къ этимъ элементамъ могли присоединиться старинные великорусскіе удѣльные князья, лишенные владѣній и обратившіеся въ слугъ московскихъ государей; въ то время, московская знать едва ли меньше сочувствовала польскимъ и литовскимъ порядкамъ, чѣмъ впослѣдствіи шведскимъ, французскимъ и англійскимъ. Въ попыткахъ всѣхъ этихъ элементовъ измѣнить, по своему идеалу, государственный строй Великороссіи, внести въ него западно-русскія начала, и слѣдуетъ, какъ намъ кажется, искать ключа къ явленіямъ и событіямъ этой замѣчательной эпохи. Въ лицѣ Грознаго, великорусское государство вступило въ борьбу съ западно-русскими и польскими государственными элементами, вошедшими въ составъ Московскаго государства. Что это не одна догадка, доказываютъ обстоятельства избранія на престолъ Шуйскаго и, если вѣрить Котошихину и псковской лѣтописи,—самого Михаила Ѳедоровича. Флетчеру, черпавшему свои свѣдѣнія, повидимому, въ той средѣ, которая сочувствовала литовскимъ и польскимъ порядкамъ, предсказывали предстоявшій переворотъ. Разсказъ этого иностранца особенно любопытенъ, какъ отголосокъ партій, игравшихъ потомъ большую роль въ событіяхъ смутнаго времени.

Мы не станемъ развивать далѣе нашу мысль, боясь выдти изъ предѣловъ очерка. Позволимъ себѣ только замѣтить, что разработка исторіи Ивана Грознаго, собственно говоря, едва только еще начинается. До сихъ поръ даже неопредѣлено критически достоинство тѣхъ источниковъ, изъ которыхъ почер-

паются свѣдѣнія объ этой эпохѣ; а безъ такой предварительной работы нельзя и приниматься за подобный трудъ. Страсти и происки, разъигравшіеся впослѣдствіи, зачинались уже при Грозномъ и встрѣтились съ нимъ лицомъ къ лицу. Оттого такъ разнорѣчивы сказанія и отзывы о немъ. Чтобъ узнать правду, нужно отличать голосъ враждебныхъ ему элементовъ отъ голоса великорусскаго народа; въ свидѣтельствахъ иностранцевъ,—ихъ хроническое непониманіе нашихъ внутреннихъ дѣлъ, отъ народныхъ сказаній и сужденій, внушенныхъ ихъ личными расчетами, или записанныхъ со словъ той или другой изъ тогдашнихъ партій. Какъ бы мы ни смотрѣли на Ивана Грознаго, царствованіе его, конечно, одно изъ замѣчательнѣйшихъ въ русской исторіи; а мы, даже до сихъ поръ, все больше обращаемъ вниманіе на психологическій характеръ его жестокостей, какъ будто въ нихъ вся сущность дѣла. Не то же ли это самое, что судить о послѣдней американской войнѣ по однимъ ея ужасамъ, о царствованіи Петра по розыскамъ и казнямъ, о нашемъ призваніи въ Польшѣ и Западномъ краѣ по судьбѣ враждебнаго намъ элемента? Смотрѣть такъ на исторію, значитъ заранѣе отказаться отъ пониманія величайшихъ историческихъ эпохъ и событій. Ни въ чемъ наше умственное несовершеннолѣтіе не выказывается такъ осязательно, какъ въ томъ, что мы не только не понимаемъ, но почти не знаемъ царствованія Ивана IV, и даже мало имъ интересуемся, воображая, что, и не изучивъ его, можно понимать русскую исторію; а между тѣмъ, эпоха Грознаго, по своему значенію во внутреннемъ развитіи Великороссіи, есть преддверіе къ эпохѣ Петра, и имѣетъ съ ней глубочайшую связь.

Намъ остается еще, въ заключеніе, сказать нѣсколько словъ о частномъ бытѣ и нравахъ Великороссіи. Они тоже опредѣлялись, и въ общемъ и во всѣхъ подробностяхъ, указанными выше зачатками, лежавшими въ основаніи внутренней ея жизни. Пассивное воспринятіе чужой культуры, безъ собственной производительности; по преимуществу дисциплинарная роль церкви и первобытныя формы государства,—все это свидѣтельствуетъ о первоначальной, грубѣйшей непосредственности людей, о крайнеслабомъ развитіи въ нихъ духовнаго, нравственнаго элемента, который немыслимъ тамъ, гдѣ индивидуальное развитіе еще не начиналось. Это и отражается на частномъ бытѣ и нравахъ, которые описываются самыми мрачными красками, въ туземныхъ источникахъ и въ сказаніяхъ иностранцевъ. Величайшая невоздержность, всякого рода вѣроломство, обманъ, насиліе, воровство, частые грабежи и разбои, шаткость во всемъ, своекорыстіе, плутовство во всѣхъ возможныхъ видахъ,—вотъ въ чемъ,

на разные лады и съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія, упрекается великорусскій людъ всѣхъ общественныхъ разрядовъ и положеній. Тѣ же упреки, съ небольшими варіаціями, слышатся и до сихъ поръ. Странно было бы считать эти пороки русскаго общества прирожденными, и на этомъ основаніи отчаяваться въ возможности ихъ искорененія. Мы страдали и страдаемъ нравственной и духовной неразвитостью; наши пороки — признакъ грубаго, недозрѣлаго, но не старческаго, перезрѣвшаго общества. Его здоровыя силы выражаются въ томъ, что, чувствуя свою несостоятельность, оно крѣпко держится за свой государственный строй, обезпечивающій его политическую цѣлость и независимость. Приписывать первобытнымъ формамъ государственнаго порядка Великороссіи состояніе тогдашняго общества, значитъ извращать вопросъ и видѣть въ слѣдствіи—причину, а въ причинѣ—слѣдствіе. Общество, развивающееся правильно, всегда будетъ имѣть и соотвѣтствующія его историческому возрасту государственныя формы; слѣдовательно, вся сила во внутреннемъ развитіи; оно должно стоять на первомъ планѣ и въ историческомъ изслѣдованіи и въ практической дѣятельности.

Въ этомъ смыслѣ можно также сказать, что частный бытъ и нравы древней Великороссіи представляютъ оборотную сторону быта церковнаго, государственнаго, и культуры, служатъ имъ поясненіемъ и подтвержденіемъ. Это видно во всемъ, на что ни взглянемъ.

Откуда взялась, напримѣръ, затворническая, теремная жизнь великорусскихъ женщинъ высшаго сословія въ XVII вѣкѣ? Не понимая ея связи съ коренными основами великорусской жизни, мы или остаемся въ недоумѣніи передъ этимъ явленіемъ, или приписываемъ его вліянію татарщины. Но оно прямо вытекаетъ изъ основныхъ условій великорусскаго быта. Стоитъ вдуматься въ нашъ народный взглядъ на женщину вообще и жену въ особенности,—взглядъ, выразившійся въ пословицахъ, пѣсняхъ и свадебныхъ обрядахъ,—чтобъ увидѣть ясно, что теремная жизнь женщинъ есть лишь его практическое примѣненіе. Она потому только развилась въ однихъ высшихъ слояхъ стариннаго нашего общества, что прочіе, по своимъ достаткамъ и образу жизни, не могли точно также устроить свой семейный бытъ. Аналогическое явленіе представляетъ почти повсемѣстное единоженство массы бѣднаго магометанскаго народонаселенія, не смотря на дозволеніе Корана имѣть нѣсколько женъ. Только высшіе классы стариннаго московскаго общества могли осуществить идеалъ домашней жизни, который носился передъ цѣлымъ народомъ и обусловливался его основными соціальными элементами.

Возьмемъ другую поразительную черту,—еще весьма недавнюю безличность великорусской массы, отсутствіе, въ огромномъ большинствѣ, ясно опредѣленнаго индивидуальнаго характера, индивидуальной обособленности. И теперь еще, когда эта черта замѣтно сглаживается, она все еще очень замѣтна. Русская народная масса превосходна во всѣхъ отношеніяхъ; а выдѣлится изъ нея человѣкъ,—рѣдко, очень рѣдко, найдешь въ немъ тѣ качества, которыми не налюбуешься въ цѣломъ народѣ. Еще въ началѣ нынѣшняго вѣка, безличность нашихъ народныхъ массъ поражала и изумляла не только иностранцевъ, но даже малороссіянъ, у которыхъ, напротивъ, индивидуальность сильно развита, вслѣдствіе ихъ исторіи и сравнительно высшей степени культуры. Намъ удавалось слышать отъ малороссіянъ, бывавшихъ въ молодости въ Великороссіи и возвратившихся сюда спустя лѣтъ двадцать, что они были удивлены, при вторичномъ пріѣздѣ, перемѣной, замѣченной ими въ простомъ народѣ: по ихъ отзывамъ, прежнее однообразіе и неподвижность физіономіи, прежнее совершенное отсутствіе индивидуальнаго характера, значительно сгладились. Тотъ же фактъ подтверждается усилившимися, особенно въ послѣднее время, раздѣлами крестьянскихъ семействъ. Это явленіе, конечно, объясняется разными другими обстоятельствами и новыми условіями крестьянскаго быта; но ими одними объяснить этого явленія нельзя, потому что оно между самими крестьянами встрѣчаетъ много возраженій,—явный признакъ, что не одна внѣшняя обстановка побуждаетъ сельскій людъ къ семейнымъ раздѣламъ.

Но не однѣ народныя русскія массы безличны. Безличностью и безхарактерностью дышетъ домашняя и общественная жизнь, умственная и всякая дѣятельность, даже образованныхъ слоевъ нашего общества. Живя долго за границей, въ Европѣ, гдѣ индивидуальность опредѣлилась такъ рѣзко и такъ характерно, пріучаешься легко отличать русскихъ, по какой-то неопредѣленности во всемъ,—въ наружности, въ движеніяхъ, въ разговорѣ и въ самыхъ взглядахъ на вещи.

Остановимся еще на одной чертѣ. Въ Великороссіи не было, да и не могло быть другой общественности, кромѣ, такъ сказать, домашней и семейной, или родственной. Ее мы и находимъ здѣсь, въ старину, въ полномъ развитіи. Домъ и дворъ, разросшійся, пустившій отпрыски и вѣтви, — вотъ единственный центръ нашей старинной общественности. Народные обычаи и праздники — живые ея свидѣтели; еще недавніе нравы и обычаи образованныхъ классовъ великорусскаго общества доказываютъ тоже самое, не смотря на указъ объ ассамблеяхъ. Только великія со-

бытія и бѣдствія вызывали тогдашнихъ людей къ совокупной общественной дѣятельности; проходили эти минуты, вступала ежедневная жизнь въ свои права, — и опять старинное русское общество распадалось на свои замкнутые домашніе кружки. Сожительство на однихъ мѣстахъ, многоразличныя точки соприкосновенія между людьми, лишь крайне медленно подготовляли общественную гражданскую жизнь. А между тѣмъ, изъ всѣхъ славянскихъ племенъ, ни одно не одарено такими сильными государственными и политическими инстинктами, какъ великоруссы; ни одно не являло ихъ такъ блистательно, чрезъ длинный рядъ счастливыхъ и тяжелыхъ дней. Это кажущееся противорѣчіе объясняется, какъ нельзя лучше, начальными формами нашего быта, изъ которыхъ мы и до сихъ поръ еще не выработались и не выработаемся, повидимому, весьма долго. Много, и съ разныхъ точекъ зрѣнія, обсуждался у насъ вопросъ о взяточничествѣ, всосавшемся въ нашу плоть и кровь. Тысячи причинъ, и очень основательныхъ, приводятся въ объясненіе, почему оно явилось и чѣмъ поддерживается; но разсуждая объ этой проказѣ, не обращаютъ, кажется, должнаго вниманія на очень любопытный фактъ, что большинство отъявленныхъ взяточниковъ и казнокрадовъ — лучшіе отцы семействъ, образцовые супруги, истинные благодѣтели своихъ родственниковъ, вѣрные и надежные друзья, вообще люди добрые и благотворительные. Чтожъ это показываетъ? Очевидно, всѣ ихъ хорошія стороны сосредоточены только въ домашнемъ, семейномъ быту; только интересы семейные и домашніе составляютъ для нихъ серьезное дѣло; все, что внѣ этого круга, — государство и общество, — являются, въ ихъ глазахъ, чѣмъ-то постороннимъ, внѣшнимъ, чужимъ, до котораго имъ нѣтъ дѣла; до этого рода интересовъ они еще не поднялись; другими словами, въ ихъ сознаніи и ежедневныхъ привычкахъ не выработалась, рядомъ съ домашнимъ бытомъ, среда государства и общества, менѣе непосредственная, болѣе духовная, связующая людей и опредѣляющая ихъ дѣятельность невидимымъ, но оттого не менѣе реальнымъ началомъ общественной пользы и блага. Если вглядѣться глубже въ нашу жизнь, то окажется, что не одни взяточники выражаютъ собою этотъ видъ неразвитости русскаго общества.

III.

Внутренній бытъ Россіи, въ томъ видѣ какъ онъ сложился въ XVII вѣкѣ, представлялъ округленное и законченное цѣлое. Московское государство было азіатской монархіей, въ полномъ

смыслѣ слова. Односложная формація осуждала его на совершенную неподвижность, впредь до покоренія другимъ народомъ, или до внутренняго распаденія, вслѣдствіе собственной дряхлости. Остановись мы на этой точкѣ и не иди далѣе, — трудно было бы сказать, что выиграла Великороссія передъ западной Россіей и прочими славянами, покоренными чужеземному игу, или принявшими исподоволь нравы и языкъ другихъ народовъ, болѣе образованныхъ. Самостоятельность на манеръ персидской или китайской едва ли чѣмъ лучше несамостоятельнаго участія въ жизни другихъ народовъ, которые играютъ роль во всемірной исторіи и общемъ ходѣ культуры.

Но къ концу XVII в. замѣчается въ Московскомъ царствѣ броженіе, какого въ немъ прежде не бывало. Прежнія смуты были вызваны столкновеніемъ, внутри государства, туземныхъ элементовъ съ чуждыми, внесенными извнѣ въ его составъ. Волненія и неустройства, предшествовавшія Петру Великому, были совсѣмъ другого рода. Они свидѣтельствовали о разслабленіи связей, которыми до тѣхъ поръ крѣпко держалось все общество. Появляется хаосъ въ головахъ и въ дѣйствительности. Никто не знаетъ какъ приняться за исправленіе непорядковъ, которые все усиливаются и вырождаются въ бунты, грозящіе опасностью даже цѣлости и единству государственной власти. Видимо, внутреннія, органическія причины колеблютъ государство. И вотъ, посреди этой неурядицы, является Петръ, съ необыкновенной энергіей и жестокостью подавляетъ смуты, преобразуетъ, внѣшнимъ образомъ, всѣ формы быта и придаетъ странѣ наружный видъ европейской монархіи того времени.

Еслибъ реформа остановилась со смертью Петра Великаго, то не могло бы оставаться сомнѣнія въ томъ, что Московское государство принадлежитъ къ азіатской, а не европейской группѣ. Мало ли было броженій и великихъ государей на Востокѣ! Единичныя явленія, сами по себѣ, ничего не значатъ и подтверждаютъ, а не опровергаютъ, общее правило. Внѣшній характеръ петровскаго преобразованія служилъ бы, въ такомъ случаѣ, новымъ доказательствомъ, что мы азіатскій народъ. Но въ томъ то и сила, что дѣло Петра не умерло послѣ него на русской почвѣ; напротивъ того, оно, не смотря на крайне неблагопріятныя обстоятельства, пустило корни и продолжалось почти полтора вѣка, вплоть до нашего времени. Вмѣсто того, чтобъ ослабить Россію, реформа вызвала къ дѣятельности дремавшія въ ней громадныя силы и развила ихъ въ невиданныхъ размѣрахъ. Вотъ почему, нельзя не признать реформы Петра органическимъ явленіемъ великорусской жизни, — явленіемъ, ко-

торое, по своей своеобразности и необычайности требуетъ самаго внимательнаго разсмотрѣнія. Зная судьбы преобразованія въ Россіи, мы не вправѣ говорить съ-высока, съ пренебреженіемъ, о полувосточномъ характерѣ броженія, которое предшествовало эпохѣ Петра, о крутомъ, насильственномъ, внѣшнемъ характерѣ его реформы: все это имѣетъ свое значеніе и свой опредѣленный смыслъ, есть характеристика приготовленія и обстановки событій, которымъ нѣтъ подобныхъ въ исторіи.

Спрашивается: какія внутреннія, органическія причины вызвали переворотъ? Чтобъ правильно разрѣшить этотъ вопросъ, постараемся уяснить себѣ, чѣмъ собственно отличаются направленіе и характеръ нашей внутренней жизни до Петра и послѣ Петра? что представляетъ она въ этомъ отношеніи новаго въ послѣдніе полтора вѣка, сравнительно съ тѣмъ, что было до реформы?

Перемѣна, если въ нее вдуматься хорошенько, поразительна. Наша жизнь усложнилась новымъ факторомъ; въ нее внесенъ европейскій идеалъ, во имя котораго меньшинство русскихъ людей стало расходиться съ окружающей дѣйствительностью, относиться къ ней отрицательно, иногда враждебно, и во всякомъ случаѣ критически и свободно. Каковъ бы ни былъ этотъ идеалъ, но онъ представляетъ новую силу, введенную въ нашу жизнь со времени Петра Великаго. Съ тѣхъ поръ, въ ней выступаетъ на первый планъ личная иниціатива, индивидуальность выдается впередъ изъ народной массы, въ которой она стушевывалась. Древняя русская исторія, по своей простотѣ и правильному развитію, принадлежитъ какъ бы къ области естественной исторіи. Мысль не забѣгаетъ впередъ событій; ее вызываетъ необходимый ходъ вещей; человѣкъ только слѣдуетъ за нимъ, отражаетъ его на себѣ, становится его орудіемъ. Поэтому, нѣтъ и разлада между дѣйствительностью и мыслью, нѣтъ внутреннихъ противорѣчій въ человѣкѣ и обществѣ: все однообразно, односложно и просто. Подумаешь, что не люди дѣлаютъ исторію, а она дѣлается сама собою, безъ всякаго участія человѣка, по своимъ органическимъ, внутреннимъ, непреложнымъ законамъ; человѣка какъ будто нѣтъ вовсе, а дѣйствуютъ одни элементы и силы природы, движимые собственнымъ естествомъ.

Все это измѣнилось съ преобразованіемъ Петра. Точно въ жизнь вошелъ новый дѣятель, призванный всюду и во всемъ произвести разладъ. Въ русскомъ народѣ, односложномъ по своему составу, по складу жизни, по единству соціальнаго типа, выдѣляется цѣлая среда, — образованный классъ, — которая живетъ чужою жизнью, принимаетъ чужіе нравы, мѣняетъ свой языкъ на чужой, прилѣпляется къ идеаламъ, взглядамъ, требованіямъ,

выработаннымъ чужою жизнью. Въ древней Россіи, человѣкъ, отрѣшившійся отъ своего быта, бѣжалъ изъ него вонъ, на просторъ; никакого опредѣленнаго ôбраза гражданскаго и государственнаго существованія онъ не умѣлъ и не могъ противопоставить тому быту, который отрицалъ, и потому мѣнялъ его на лѣса и степи, гдѣ не было никакого устроеннаго человѣческаго общества. Теперь среда, выдѣлившаяся изъ народа, остается посреди его, отрицаетъ установившійся народный бытъ не во имя какой-то безграничной, несуществующей нигдѣ свободы и разгула, а во имя идеала другого, высшаго, лучшаго быта и стремится водворить его въ народной жизни, передѣлать ее по этому идеалу, пересоздать, согласно съ нимъ, обычаи и нравы. Еслибъ такая среда была внесена въ русскую жизнь откуда-нибудь извнѣ, представляла чуждый намъ этнографическій и историческій элементъ, то у нея былъ бы одинъ такой идеалъ; но преобразующая среда возникла у насъ, между нами, и нами же пополнялась; русская голова и русская душа приняла чужіе идеалы, во имя которыхъ передѣлывался нашъ внутренній строй, и потому было множество различныхъ идеаловъ, смотря по времени, по обстоятельствамъ, обстановкѣ и тысячи случайнымъ условіямъ дѣйствовавшихъ лицъ. Отсюда, разладъ во всемъ. Бытъ перестроивался не всегда согласно съ его внутренними требованіями, идеалъ осуществлялся, не всегда отвѣчая условіямъ дѣйствительности. Естественный, нормальный ходъ жизни былъ нарушенъ: мысль то опережала ее, то отъ нея отставала; дѣйствительныя потребности то оставлялись безъ вниманія, потому что не подходили подъ идеалъ, то удовлетворялись не такъ, какъ бы слѣдовало, потому что на нихъ смотрѣли не прямо, а сквозь предвзятую мысль. Появилось множество неестественныхъ сочетаній, причудливыхъ комбинацій въ мысли и въ самыхъ фактахъ; создалась искусственная жизнь, искусственная дѣйствительность, которая, въ свою очередь, вызывала искусственную мысль. Мало по малу, призраки перемѣшались съ дѣйствительностью, иллюзіи съ трезвой мыслью. Возникъ, посреди дѣйствительной жизни, цѣлый міръ фантазій и миражей, и различить ихъ между собою не было силъ. Смѣсь ихъ опутывала человѣка и не выпускала изъ своего заколдованнаго круга. Заманчивая и обольстительная ткань, въ которой ложь вплеталась въ правду, истина въ вымыселъ, ослѣпляла умственное зрѣніе, лишала его даже способности замѣчать между ними разницу.

Теперь эта удивительная эпоха, похожая на арабскую сказку, приходитъ къ концу. На это указываютъ несомнѣнные признаки. Пристрастіе къ иностранному и чужому видимо смѣняется, въ

образованныхъ слояхъ нашего общества, охлажденіемъ къ Европѣ, даже не всегда справедливымъ предъубѣжденіемъ противъ европейскаго; національное чувство ростетъ быстро; идеалы и идеальное направленіе въ рѣшительномъ пренебреженіи, даже больше, чѣмъ бы слѣдовало; мысль становится трезвѣе, получаетъ практическій складъ, обращается къ практическимъ интересамъ; стараются, какъ бы нарочно, окоротить ея полетъ и держаться исключительно въ кругу ближайшихъ, фактическихъ условій дѣйствительности: въ этомъ тоже замѣтна своего рода крайность, съуживающая горизонтъ зрѣнія. Такая перемѣна въ направленіи запечатлѣна духомъ реакціи противъ прежняго; но это обстоятельство именно и доказываетъ, что эпоха, начатая Петромъ Великимъ, уходитъ въ прошедшее.

Что̀ выражала она собою? Возрастъ или степень развитія, черезъ которую проходитъ, въ той или другой формѣ, каждый человѣкъ и каждый народъ. Въ жизни человѣка это называется юностью; въ жизни народовъ — героическимъ періодомъ. Главной движущей пружиной этого возраста является пробудившаяся умственная и нравственная дѣятельность, которая становится самостоятельнымъ органомъ въ судьбахъ человѣка и народа. На первыхъ порахъ, этотъ новый двигатель преисполненъ сознаніемъ своего всемогущества и неудержимо стремится подчинить себѣ все, даже самую природу и ея неизмѣнные законы. Отсюда, въ эту пору жизни, необыкновенное развитіе силъ, рвущихся проявиться наружу, упразднить дѣйствительность какъ она есть и передѣлать ее на другой ладъ, не соображаясь съ тѣмъ, возможно ли это, допускаютъ ли это законы природы. Ясное пониманіе свойства этой силы, ея призванія и назначенія, ея предѣловъ и отношеній къ дѣйствительному міру, наступаетъ позднѣе, и тогда она вступаетъ въ гармоническое сочетаніе съ дѣйствительностью, которой не можетъ побѣдить, изъ разрушительнаго, отрицательнаго элемента становится зиждительнымъ условіемъ осмысленной и правильно развивающейся жизни.

Нашъ героическій вѣкъ опредѣлился особенными обстоятельствами и условіями, въ которыхъ мы находились къ концу XVII вѣка. Если онъ намъ кажется не такимъ привлекательнымъ, какъ бы мы того ожидали отъ героическаго возраста, то это не его вина, а наша: мы стоимъ къ нему слишкомъ близко, теряемся въ деталяхъ и упускаемъ изъ виду цѣлое. Это просто ошибка зрѣнія. Еслибъ мы знали сухую, прозаическую истину о героическомъ періодѣ Греціи, и притомъ съ такою ужасающею подробностью, какъ знаемъ теперь даже Петра, — Богъ знаетъ, показался ли бы намъ этотъ періодъ такимъ поэтическимъ, какимъ мы его

себѣ воображаемъ сквозь легенды и сказанія, въ которыхъ онъ до насъ дошелъ. Отступите подальше и взгляните въ перспективѣ на Петра, на Екатерину II, на Александра I-го, — развѣ это не фигуры героевъ и полубоговъ древности? Съ точки зрѣнія науки и исторической истины, такая близость къ героическому періоду имѣетъ свою очень выгодную сторону: по нашей исторіи мы можемъ прослѣдить, почти шагъ за шагомъ, какъ приготовлялся этотъ періодъ, какіе были его составные элементы, какъ онъ родился изъ нѣдръ старинной русской жизни. Формы его даны прошедшимъ и имъ объясняются, точно также какъ онѣ, въ свою очередь, бросаютъ свѣтъ на предшествовавшій періодъ.

Мы сказали выше, что Московское государство, къ концу XVII вѣка, находилось въ ненормальномъ состояніи. Это отлично обрисовано профессоромъ Соловьевымъ, въ первой главѣ тринадцатаго тома его исторіи. Передъ нами картина разложенія съ одной стороны, а съ другой слышится громкій протестъ противъ внутреннихъ нестроеній, исканіе выхода изъ растущихъ замѣшательствъ. Скрытая, но главная причина болѣзненнаго состоянія общества заключалась въ томъ, что простыя, первобытныя формы, которыми опредѣлялся старинный великорусскій бытъ, оказывались уже недостаточными для возникавшей, болѣе сложной общественности. Начальная соціальная ячейка, дворъ или домъ, и развившееся изъ нея крѣпостное право становились узки и тѣсны для сравнительно болѣе зрѣлаго государственнаго и гражданскаго быта. Къ Московскому государству уже не шли формы вотчины и дѣдины, къ московскому государю — формы домоначальника, отчича и дѣдича: это чувствовали уже Иванъ III и еще болѣе Иванъ Грозный; точно также Ординъ-Нащокинъ, Одоевскій, Голицыны, Матвѣевъ не походили на холопей, а Посошковъ, Исаевъ,—на царскихъ сиротъ. Страшныя, вопіющія злоупотребленія доказывали недостаточность системы управленія, основанной на крѣпостномъ правѣ. Въ обществѣ стала появляться потребность образованія,—признакъ, что духовная жизнь пробуждалась, если не въ цѣлой массѣ народа, то въ нѣкоторой, лучшей ея части. Словомъ все, на что ни взглянемъ, къ чему ни обратимся, показываетъ, что общество и государство уже переросли старыя формы; противорѣчіе между ними и назрѣвающимъ содержаніемъ и было главной причиной внутреннихъ неустройствъ и броженія.

Какой выходъ предстоялъ древней Россіи изъ такого положенія?

Мы не раздѣляемъ фаталистическихъ взглядовъ на исторію

и вовсе не думаемъ, чтобъ можно было, какъ говаривалось прежде на философскомъ жаргонѣ, «конструировать» Петра Великаго, — доказывать, что онъ необходимо долженъ былъ явиться и не могъ не явиться. Такого рода роковой необходимости мы не видимъ ни въ судьбахъ отдѣльнаго лица, ни въ судьбахъ народовъ. Есть въ складѣ и развитіи каждаго организма извѣстныя основныя черты и направленія, которыя съ нимъ рождаются и сопровождаютъ его до могилы: это типическія свойства, которыя могутъ быть исковерканы, обезображены, но не истреблены; они будутъ отзываться и въ своемъ искаженномъ видѣ, въ разныхъ ненормальныхъ явленіяхъ. Есть, далѣе, извѣстныя состоянія или положенія, обусловливаемыя извѣстной ступенью развитія, извѣстными обстоятельствами и обстановкой. Они — сложный продуктъ типическихъ свойствъ, степени развитія, наконецъ внѣшнихъ условій и случайностей, подъ вліяніемъ которыхъ организмъ живетъ. Такія положенія, сами по себѣ, переходчивы и потому могутъ измѣняться кореннымъ образомъ, но не сразу, а постепенно, исподоволь. Они-то и представляютъ ближайшую, непосредственную, живую среду внѣшней исторіи и внѣшнихъ событій. Въ ней возникаютъ явленія самаго разнообразнаго свойства, органическія и случайныя; на нее дѣйствуютъ самыя различныя внѣшнія вліянія, временныя и постоянныя. Глядя на причудливую и пеструю игру безчисленныхъ сочетаній, которыя, вслѣдствіе того, появляются и исчезаютъ въ этой средѣ, какъ въ калейдоскопѣ, мы не можемъ предсказать, какое именно обстоятельство, событіе или случайность измѣнятъ данное положеніе; но если глубоко его знаемъ и хорошо понимаемъ, то можемъ, не дожидаясь совершившихся фактовъ, заранѣе приблизительно опредѣлить, какое будетъ общее направленіе и характеръ предстоящихъ измѣненій, потому что оба указываются положеніемъ и средой, на которую событія и случайности дѣйствуютъ. И такъ, можно, не будучи пророкомъ, предугадывать вообще склонъ, теченіе жизни; изучая историческую эпоху, можно, точно также, указывать на общія черты, опредѣлившія дальнѣйшій ея ходъ; но никакой обыкновенный человѣческій умъ не въ состояніи предсказать дѣятелей, обстоятельства и событія. Когда историкъ пробуетъ «конструировать» лица и обстоятельства, онъ только себя и другихъ вводитъ въ заблужденіе, потому что исторія не есть раскрытіе алгебраической формулы.

Попробуемъ примѣнить эти мысли къ нашей эпохѣ преобразованія, а для того забудемъ на минуту, что былъ Петръ Великій, и ограничимся однимъ тѣмъ, что знаемъ о Московскомъ государствѣ, и, на основаніи только этихъ свѣдѣній, попытаемся

опредѣлить, каковъ могъ быть характеръ и направленіе предстоявшаго ему выхода изъ того положенія, въ какомъ оно находилось въ концѣ XVII вѣка.

При разрѣшеніи этого вопроса, намъ естественно представятся вотъ какія соображенія:

Въ обществахъ съ сложнымъ внутреннимъ составомъ образуются слои, которые, подъ вліяніемъ вѣковой борьбы между собою, смыкаются въ корпораціи, сословія, и вырабатываютъ, каждое, свой идеалъ общественности. Эти идеалы, — взглядъ корпораціи или сословія на то, какъ должно быть устроено общество съ точки зрѣнія того сословія или той корпораціи. Каждая усиливается оспорить у другой власть и вліяніе на ходъ государственныхъ дѣлъ и провести свой идеалъ, свои взгляды. Такимъ образомъ, общество сложнаго состава вырабатываетъ идеалъ новаго порядка дѣлъ изъ себя. Когда существующій порядокъ, построенный по идеалу одной корпораціи, оказывается недостаточнымъ и неудовлетворительнымъ, на смѣну его, изнутри того же самого общества, является другой, выработанный другой корпораціей. Въ какой степени онъ удовлетворяетъ требованіямъ всѣхъ составныхъ элементовъ общества и пользамъ цѣлаго государства, — это другой вопросъ; но довольно, что идеалъ уже готовъ и что онъ родился въ самомъ обществѣ.

Возьмемъ теперь государство съ односложнымъ составомъ, какимъ было Московское. Литовско-польскіе элементы, внесенные въ него, начиная съ Ивана III, имѣли свой идеалъ и пытались водворить его у насъ; но эти элементы истреблены, частью при Грозномъ, частью во время послѣдующихъ смутъ; къ концу XVII вѣка, они совсѣмъ исчезли. За тѣмъ, какъ и прежде, весь внутренній бытъ Московскаго государства былъ, въ XVII вѣкѣ, сверху до низу, построенъ по одному типу или идеалу. Не изъ-чего было образоваться корпораціямъ, сословіямъ, съ особыми стремленіями; ничего подобнаго и не было, а были разряды или «чины» царской службы, правда, отдѣленные другъ отъ друга, но не имѣвшіе внутренней замкнутости и организаціи; оттого, не было между ними никакой борьбы и они не имѣли своихъ корпоративныхъ идеаловъ. Отсюда слѣдуетъ, что когда, въ такомъ обществѣ, вѣковой историческій типъ отживетъ свое время, ему нельзя замѣнить его другимъ идеаломъ, взятымъ изъ нѣдръ собственной жизни, а придется, по необходимости, искать его внѣ себя, у другихъ народовъ.

Далѣе: потребность въ идеалѣ, взятомъ изъ чужой жизни, почувствуютъ сперва только тѣ слои и стороны общества, которыя, вслѣдствіе разныхъ причинъ, важныхъ или неважныхъ,

постоянныхъ или мимолетныхъ и случайныхъ, практически натолкнутся на неудовлетворительность существующаго и необходимость замѣнить его новымъ, чужимъ. Такимъ образомъ, потребность преобразованія всего сильнѣе будетъ чувствоваться, на первыхъ порахъ, меньшинствомъ высшихъ слоевъ общества и въ правительственныхъ сферахъ, которыя болѣе доступны вліянію чужихъ странъ, ближе видятъ и лучше понимаютъ практическій ходъ государственныхъ и административныхъ дѣлъ, чѣмъ остальная масса народа. И такъ, преобразованіе пойдетъ неизбѣжно сверху внизъ, а не снизу вверхъ.

Въ обществѣ неразвитомъ, безъ культуры, съ одними природными наклонностями и инстинктами и внѣшней дисциплиной, чужой идеалъ будетъ представляться со стороны внѣшнихъ его формъ и обстановки, да и вводиться онъ будетъ внѣшнимъ образомъ. Чѣмъ меньше развитія и культуры въ народѣ, тѣмъ онъ полнѣе, безотчетнѣе подчинится вліянію чужого идеала, приметъ его за образецъ себѣ во всемъ.

Когда разъ чужой идеалъ будетъ внесенъ въ жизнь народа, въ ней произойдетъ внутренній разладъ: явится партія нововводителей и партія приверженцевъ стараго порядка. Иностранный образецъ послужитъ такой же закваской для внутренняго развитія односложнаго общества, какою у другихъ народовъ служитъ присутствіе въ ихъ составѣ нѣсколькихъ разнородныхъ элементовъ. Около борьбы между защитниками новаго и стараго сгруппируются умственныя силы страны; эта борьба сдѣлается центромъ и двигателемъ духовнаго развитія; обѣ стороны должны будутъ все подробнѣе, глубже и точнѣе опредѣлять свои взгляды и программы, выяснять свои идеалы. Чѣмъ дальше, тѣмъ эта борьба будетъ становиться шире, обнимать большій кругъ интересовъ, распространится на всѣ стороны жизни. Внутренняя борьба поведетъ къ болѣе точному опредѣленію и усиленію государственнаго единства и центральной власти.

Чужой идеалъ мы могли взять, въ концѣ XVII вѣка, только изъ западной Европы. Это указывалось и внутренними признаками и внѣшними обстоятельствами. Уже съ Ивана III, правительство стало обращаться къ Европѣ за художниками, медиками, войскомъ, мастерами всякаго рода. Нѣкоторые заѣзжіе европейцы попали въ большое довѣріе къ царю Ивану Васильевичу. Число европейскихъ выходцевъ къ намъ все увеличивалось, и при Алексѣѣ Михайловичѣ они считались въ Москвѣ тысячами. Сношенія съ европейскими государствами, начавшіяся тоже съ Ивана III, познакомили высшіе слои тогдашняго нашего общества съ европейскимъ бытомъ и нравами въ

самой Европѣ, на мѣстахъ. Съ Остзейскимъ краемъ, принадлежавшимъ тогда Швеціи, мы находились въ непосредственномъ сосѣдствѣ. Вслѣдствіе всего этого, вліяніе Европы на высшіе слои московскаго общества становилось, въ XVII вѣкѣ, замѣтнымъ. Князю Хворостинину, еще при Михаилѣ Ѳедоровичѣ, стало скучно въ Москвѣ и онъ собирался бѣжать въ Италію, а если можно и дальше; дьякъ Котошихинъ, оевропеившійся русскій, бѣжалъ въ Швецію. Въ книгѣ профессора Соловьева собраны любопытные факты о вліяніи европейскихъ нравовъ и обычаевъ на лучшихъ русскихъ людей передъ эпохой преобразованія. И такъ, путь къ заимствованіямъ изъ Европы былъ уже проложенъ до Петра. Да и откуда же было намъ заимствовать, какъ не оттуда? Византійская имперія уже не существовала; изъ Польши намъ мало что приходилось тогда занимать; притомъ же, тамошніе государственные порядки, приведшіе ее къ упадку, не представляли образца, достойнаго подражанія: весь нашъ государственный и общественный строй былъ совершенно противоположенъ польскому, и къ концу XVII вѣка итоги сводились въ нашу пользу, а не въ пользу поляковъ. Только Европа, съ ея внутреннимъ благоустройствомъ и высокой культурой, могла быть для насъ предметомъ удивленія и служить образцомъ, достойнымъ подражанія.

И такъ, по состоянію Московскаго государства въ концѣ XVII вѣка, можно было предъугадывать, что если ему только предстоитъ обновиться, то такое обновленіе можетъ произойти развѣ вслѣдствіе внѣшнихъ вліяній, всего вѣроятнѣе изъ Европы; что вліяніе ея должно начаться съ высшихъ слоевъ и правительственныхъ сферъ, чрезъ которыя и будетъ проникать въ народъ; что по низкой степени культуры въ Московскомъ государствѣ, вліяніе на него Европы будетъ сперва, конечно, только наружное, вызовется практической потребностью лучшихъ формъ жизни и быта, и уже потомъ, впослѣдствіи, пробудитъ къ самостоятельной дѣятельности живыя силы страны и народа.

Все это можно было предвидѣть и предсказать заранѣе. Такъ и смотрѣли иностранцы, не только въ XVII, а даже еще въ XVI вѣкѣ. Но никто въ мірѣ не могъ предвидѣть и предсказать, что преобразователемъ будетъ прирожденный царь, и что этотъ царь будетъ, вдобавокъ, необыкновенный, великій человѣкъ. Ходу и направленію внутренней жизни Россіи, намѣченному всей нашей исторіей и развитіемъ, онъ придалъ еще свой личный характеръ, наложилъ на нихъ свою печать. Вотъ именно въ этомъ, какъ намъ кажется, и лежитъ источникъ глубокихъ недоразумѣній при всѣхъ сужденіяхъ о Петрѣ Великомъ

и эпохѣ преобразованія. Не различая того, что опредѣлялось обстоятельствами, отъ личнаго дѣйствія Петра, мы, смотря по взгляду на вещи, или считаемъ его творцомъ и создателемъ Россіи, какъ будто до него она вовсе не существовала, или, наоборотъ, видимъ въ преобразованіи горестный результатъ его геніальнаго произвола, неестественный и горькій плодъ его самовластія, неимѣющій ничего общаго съ предъидущимъ ходомъ нашей внутренней жизни. Въ сущности, оба взгляда очень сходны между собою; ни тотъ ни другой не признаетъ никакого самостоятельнаго значенія древней Россіи; оба полагаютъ всю силу, весь смыслъ и успѣхъ преобразованія въ одной личности Петра. Очень понятно, отчего это произошло. Петръ Великій, какъ вѣрно замѣтилъ г. Погодинъ, заслонилъ отъ насъ своей огромной фигурой древнюю Россію. Новое направленіе русской жизни слилось въ нашемъ представленіи съ именемъ Петра, какъ будто въ немъ воплотилось. Видя его вездѣ на первомъ планѣ, неизмѣримо выше всѣхъ сподвижниковъ, главнымъ орудіемъ преобразованія, душой новаго дѣла, мы приписываемъ одной его личной дѣятельности то, что только въ его лицѣ выразилось ярко, выпукло, геніально. Когда новое направленіе проводится неограниченнымъ государемъ и такимъ необыкновеннымъ, какимъ былъ Петръ, невольно забывается естественный ходъ вещей, который подготовилъ его подвигъ и сдѣлалъ событіе неизбѣжнымъ въ той или другой формѣ. Все это очень понятная и естественная ошибка зрѣнія, оптическій обманъ; но нельзя на такой ошибкѣ строить историческую теорію, которая спутываетъ всѣ понятія и дѣлаетъ правильную оцѣнку предъидущей и послѣдующей исторіи рѣшительно невозможною.

Петръ Великій и его эпоха есть начало нашего героическаго вѣка. Не прошло еще и двухъ столѣтій, а величавый, удивительный образъ его сталъ уже облекаться въ миѳическое сказаніе. Не будь у насъ подъ руками несомнѣнныхъ историческихъ свидѣтельствъ, нельзя было бы повѣрить, что передъ нами живое лицо, а не сказочный богатырь. Даже достовѣрная повѣсть о его ранней молодости дышетъ легендой и миѳомъ. Онъ готовится къ своему подвигу, по меткому выраженію профессора Соловьева, не въ старой Россіи, а подлѣ нея, внѣ обычной тогда обстановки царственныхъ дѣтей, между потѣшными, и въ Нѣмецкой слободѣ. Обстоятельства его какъ будто нарочно для того выростили вдали отъ двора, чтобъ поставить въ совершенную независимость отъ той среды и нравовъ, которые онъ призванъ былъ преобразовать. Около него, съ юности, составляется особая атмосфера, чуждая остальному. Грозный тоже уѣзжаетъ на время

изъ Москвы въ Александровскую слободу, но снова возвращается въ центръ старинной русской жизни; Петръ съ дѣтства чуждъ Москвѣ, хотя и находится въ ней, а потомъ оставляетъ ее совсѣмъ, бываетъ въ ней наѣздомъ, изрѣдка, и живетъ въ Петербургѣ, который самъ построилъ на новомъ мѣстѣ. Какая быль больше похожа на сказку?

Петръ Великій, съ головы до ногъ, великорусская натура, великорусская душа. Удивительная живость, подвижность, сметливость; складъ ума практическій, безъ всякой тѣни мечтательности, резонерства, отвлеченности и фразы; находчивость въ бѣдѣ; рядомъ съ тѣмъ, неразборчивость въ средствахъ, для достиженія практическихъ цѣлей; безграничный разгулъ, отсутствіе во всемъ мѣры, — и въ трудѣ, и въ страстяхъ, и въ печали. Кто не узнаетъ въ этихъ чертахъ близкую и родную намъ природу великорусса? Но въ какихъ громадныхъ, ужасающихъ размѣрахъ она въ немъ высказалась! Не смотря ни на какія свидѣтельства, все какъ-то не вѣрится и до сихъ поръ, чтобъ въ самомъ дѣлѣ могъ жить на свѣтѣ такой человѣкъ! Разъ почуявши свое дѣло, свое призваніе, — а до этого онъ дошелъ не черезъ книгу или раздумье, а практикой, опытомъ, — Петръ отдался ему всей душой, всѣмъ помысломъ, безъ колебаній и оглядки, на всю жизнь. Труженикъ, въ благороднѣйшемъ смыслѣ слова, онъ не зналъ устали и только передъ смертью догадался, «коль слабое твореніе есть человѣкъ.» Невозможнаго для него не было; все казалось ему возможнымъ, чего онъ хотѣлъ, а хотѣлъ онъ, ни больше ни меньше, какъ пересоздать Московское царство въ европейскую монархію, съ европейскимъ государственнымъ устройствомъ, администраціей, науками, искусствами, промышленностью, ремеслами, торговлею, сухопутными и морскими силами, даже съ европейской общественностью, нравами и формами, — и разсчитывалъ выполненіе этого плана не на сотни лѣтъ, а на свой вѣкъ, желалъ самъ насладиться плодами своего «насажденія.»

Съ этой стороны, Петръ Великій есть полнѣйшій представитель своей эпохи и ея преобразовательныхъ стремленій. Формы, въ которыхъ они осуществились, принадлежатъ безраздѣльно времени , въ которое онъ жилъ; Петру принадлежитъ необычайная сила, энергія, съ которой велось дѣло, страстность, если можно такъ выразиться, темпераментъ реформы.

О преобразованіяхъ на заграничный ладъ думали и до Петра; кое-что уже было сдѣлано въ этомъ направленіи; но никогда еще, до него, преобразованіе не было возводимо въ принципъ; никто до него не проникался такъ всецѣло идеаломъ европей-

скаго государства и быта; а тѣ, которые проникались имъ, не выдерживали сравненія идеала съ дѣйствительностью, не думали съ нею бороться, чтобъ передѣлать ее, и покидали страну. Петръ внесъ этотъ идеалъ въ русскую жизнь, вступилъ во имя его въ борьбу съ тогдашней дѣйствительностью. Въ этомъ смыслѣ, онъ довершилъ старое время и началъ новое. Разрывъ между стремленіями и дѣйствительностью былъ имъ доведенъ до послѣднихъ предѣловъ, но стремленія получили цѣль, имъ придана сила и власть, цѣли подчинена жизнь и ея условія.

Въ отрицательномъ взглядѣ Петра Великаго на старинный бытъ и нравы, иные подозрѣваютъ нелюбовь его къ Россіи. Но такой упрекъ относится къ разряду тѣхъ странныхъ, удивительныхъ недоразумѣній, которыми преисполнены наши сужденія объ этой эпохѣ. Петръ любилъ Россію по идеалу, который о ней составилъ, различалъ въ ней ту, какою ее засталъ, отъ той, какою желалъ видѣть, и старался приблизить ее къ этому идеальному образу. Можно не одобрять его взгляда, — это другой вопросъ; но какъ подозрѣвать его въ нелюбви къ Россіи, когда онъ посвятилъ всѣ свои силы, весь свой трудъ, всю свою жизнь на то, чтобъ она стала, какой ей слѣдовало быть по его убѣжденію? Нельзя работать неустанно, всю жизнь, безъ вѣры въ дѣло, безъ любви къ нему. Петръ такъ трудился, потому что вѣрилъ въ способность русскаго народа преобразиться въ идеальный образъ, который передъ нимъ носился. Прочтите гнѣвныя его письма къ царевичу Алексѣю Петровичу. О чемъ вся забота? О томъ, чтобъ сохранить «насажденіе и уже нѣкоторое и возращенное» его «бѣдными и прочихъ истинныхъ сыновъ россійскихъ равноревностныхъ трудами.» Въ чемъ главный упрекъ царевичу? Въ томъ, что царевичъ не помогаетъ ему «въ такихъ его несносныхъ печалѣхъ и трудахъ.» «Ты,» пишетъ Петръ царевичу, «ненавидишь дѣлъ моихъ, которыя я, для людей народа своего, не жалѣя здоровья своего, дѣлаю и конечно по мнѣ разорителемъ оныхъ будешь.» Требуя отъ сына исправленія, царь, въ первомъ письмѣ, грозитъ ему лишеніемъ наслѣдства. «И не мни себѣ,» прибавляетъ Петръ, «что одинъ ты у меня сынъ и что я сіе только въ устрастку пишу: во истину (Богу изволыпу) исполню, ибо я за мое отечество и люди живота своего не жалѣлъ и не жалѣю, то како могу тебя непотребнаго пожалѣть? Лучше будь чужой добрый, неже свой непотребный.» Во второмъ письмѣ, царь опять требуетъ отъ сына, чтобъ онъ измѣнился, или пошелъ въ монахи, «ибо безъ сего», прибавляетъ онъ, «духъ мой спокоенъ быть не можетъ, а особливо, что нынѣ мало здоровъ сталъ.» Во всемъ этомъ страшномъ, неслыханномъ дѣлѣ,

Петръ, сколько можно судить по тому, что мы теперь знаемъ, былъ, кажется, обманутъ. Тайная интрига, веденная очень искусно, вооружила его противъ сына, который, повидимому, не былъ умышленнымъ врагомъ отца, а человѣкомъ неспособнымъ и посредственнымъ. Розыскъ и пытка не обнаружили заговора, а только недовольство. Если свѣдѣнія, которыя дошли до насъ, полны, то мучительная смерть царевича Алексѣя лежитъ на душѣ Петра Великаго. Однако, чѣмъ можно было довести Петра до такой крайности? — только внушая ему мысль, что дѣло его попадетъ, послѣ его смерти, въ недостойныя руки и погибнетъ. Изъ-за одной этой мысли, Петръ Великій забываетъ все, даже династическіе интересы, казнитъ сына и провозглашаетъ начало, что царь имѣетъ право назначить по себѣ преемника по духу, а не по плоти, не стѣсняясь потомствомъ. Какъ государственное учрежденіе, этотъ законъ не выдерживаетъ критики и не переживаетъ Петра, но онъ вполнѣ характеризуетъ его личность и взглядъ: все для дѣла, все для государства и Россіи, все должно преклоняться передъ ними, служить только имъ, а не лицу, не личнымъ интересамъ. Самъ онъ служилъ имъ наряду съ другими. Оттого, какая простота въ жизни, въ обращеніи, въ перепискѣ! Ошибки свои, — а кто жъ не ошибается, — Петръ признаетъ, даже въ печатныхъ указахъ, проситъ извиненія въ письмахъ. Дѣло прежде всего, а лицо — даже самъ Петръ — послѣ.

Мысль о коренномъ преобразованіи Россіи по европейскому образцу созрѣла въ Петрѣ Великомъ, повидимому, не вдругъ, а постепенно. Какъ человѣкъ въ высокой степени практическій, Петръ приведенъ былъ къ тому наблюденіями, опытомъ и нуждой. Къ его времени, мы уже вдвигались въ кругъ европейскихъ государствъ и принимали все бо́льшее участіе въ общихъ дѣлахъ Европы. Сама сила вещей вынуждала насъ облечься въ европейскія формы. Давнишняя наша потребность пріобрѣсти Остзейскій край вовлекла насъ въ войну съ Швеціей, а это настоятельно потребовало преобразованія войска по европейскому образцу и созданія флота; этѣ реформы, въ свою очередь, вызывали нововведенія и перемѣны во внутреннемъ бытѣ. Такъ, мало по малу, идеалъ европейской монархіи слился у Петра Великаго съ мыслью о потребностяхъ, нуждахъ и пользахъ Россіи, которыя стояли у него на первомъ планѣ. Полезное, по его мнѣнію, вводилось, не смотря ни на какія препятствія. Что оно не нравилось, еще не доказывало, что оно не хорошо. Мало ли что, замѣчаетъ онъ въ одномъ указѣ, принималось по принужденію, за что потомъ благодарили и что уже принесло плодъ? Вотъ чѣмъ объясняется принудительный характеръ преобразованія. Оно было по необходи-

мости внѣшнее, вводилось съ страстью, возведено въ правительственную систему и излагалось не въ назиданіяхъ и книгахъ, а въ законахъ и правительственныхъ распоряженіяхъ. Какой же могло оно имѣть характеръ, кромѣ принудительнаго? Какъ человѣкъ безгранично убѣжденный въ своемъ дѣлѣ и нетерпѣливый, Петръ дѣйствовалъ круто и жестоко. Одаренный страшной нравственной силой и энергіей, онъ не понималъ слабости, не допускалъ никакихъ уступокъ и сдѣлокъ съ обновляемой средой. Мысль о постепенности внутренняго развитія, о переходныхъ мѣрахъ, была ему вовсе чужда, да и не по тогдашнему времени. Слишкомъ полвѣка спустя послѣ него, во Франціи, точно также, мало заботились о постепенномъ переходѣ отъ стараго къ новому.

Учреждая въ Россіи новые порядки, Петръ выписывалъ изъ-за границы иностранцевъ, давалъ имъ мѣста въ службѣ, водился съ ними, ласкалъ ихъ. Что могло быть естественнѣй? они тогда лучше насъ знали дѣло, и потому Петръ употреблялъ ихъ. Но отсюда упрекъ, будто бы онъ предпочиталъ иностранцевъ русскимъ. Какія же на это доказательства? никакихъ, ни малѣйшихъ. Напротивъ, иностранцы жалуются на Петра Великаго, что онъ ихъ дурно расчитываетъ, не исполняетъ заключенныхъ съ ними условій, старается, при первомъ благовидномъ предлогѣ, отъ нихъ отдѣлаться. Онъ вызываетъ изъ Европы фабрикантовъ, заводчиковъ, мастеровъ, и одно изъ первыхъ съ ними условій, — обучить тому мастерству, фабричному или заводскому дѣлу, русскихъ. За исполненіемъ этого условія строго смотрѣлъ царь и неисполнявшихъ удалялъ изъ Россіи. Въ коллегіяхъ и присутственныхъ мѣстахъ опредѣлялись чиновниками иностранцы и русскіе, — въ равномъ числѣ; первые должны были обучать послѣднихъ европейскимъ административнымъ порядкамъ, и за то получали больше жалованья. Что не пристрастіе именно къ нѣмцамъ или голландцамъ руководило въ этомъ случаѣ Петра, доказывается тѣмъ, что онъ старался, съ тою же цѣлью, вербовать въ службу преимущественно «шрейберовъ цесарской службы», австрійскихъ славянъ, знающихъ новое дѣло, а между тѣмъ говорящихъ на родныхъ намъ языкахъ. На высшихъ военныхъ и административныхъ постахъ, кромѣ Лефорта, не встрѣчаемъ при Петрѣ ни одного иностранца, — всѣ до послѣдняго русскіе. Зная иностранные языки, Петръ писалъ и переписывался почти всегда по-русски.

Другой упрекъ Петру, и самый распространенный, заключается въ томъ, что онъ будто бы нарушилъ преданіе, разорвалъ русскую исторію и русскую жизнь на двѣ, другъ другу

чуждыя и даже враждебныя половины; будто бы, благодаря Петру, мы утратили чувство народности и оттого блуждаемъ теперь, не зная откуда и куда идемъ.

Это обвиненіе относится, разумѣется, къ тому, что Петръ Великій привилъ къ нашей жизни идеалъ европейской монархіи и быта. Но вглядимся въ дѣло поглубже, не принадлежитъ ли и этотъ упрекъ къ числу странныхъ недоразумѣній?

Мы уже сказали, что стремленіе къ Европѣ и практическая необходимость подражать ей, заимствовать отъ нея, появились въ Московскомъ государствѣ за долго до Петра и замѣтно усилились передъ началомъ преобразованія. Значитъ, была уже въ русской жизни наклонность въ эту сторону. Стало быть, Петръ Великій не создалъ направленія, за которое его обвиняютъ; онъ лишь его усилилъ, возвелъ въ систему. Не только онъ не нарушилъ традиціи, а напротивъ, слѣдовалъ преданію московскихъ государей съ Ивана III и особенно съ Ивана Грознаго.

Не должно также забывать слѣдующаго, очень важнаго обстоятельства. Говоря, что Петръ Великій насильственно привилъ русскому народу чужой идеалъ, мы, собственно говоря, сильно преувеличиваемъ. Не только огромное большинство народа осталось совершенно чуждымъ и враждебнымъ этому идеалу, но даже въ высшихъ слояхъ русскаго общества очень, очень немногіе пристали къ нему съ убѣжденіемъ. Борьба между привитымъ чужимъ и своимъ началась, если хотите, даже до Петра; при немъ она стала ярче, продолжалась и послѣ него, продолжается даже и теперь, измѣнивъ только свои формы. Слѣдовательно, никакъ нельзя утверждать, что Петръ убилъ въ насъ чувство народности, лишилъ насъ связи съ прошедшимъ; онъ только внесъ, правильнѣе сказать, только усилилъ элементъ броженія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и развитія въ нашей односложной жизни. Съ его времени яснѣе выступила впередъ внутренняя борьба, которая, въ другихъ формахъ, по другимъ поводамъ, происходитъ у всѣхъ народовъ, играющихъ роль въ исторіи. Гдѣ нѣтъ такой борьбы, тамъ нѣтъ жизни и развитія. Она необходима, чтобъ выяснить народное самосознаніе, вызвать къ дѣятельности народныя силы. Если у насъ возникла теперь потребность отдать себѣ отчетъ въ самихъ себѣ, понять себя, то это благодаря преобразованію, которое началось еще до Петра. И такъ, дѣло реформы не было нарушеніемъ нормальнаго хода нашей жизни, а напротивъ, естественнымъ, необходимыхъ ея продолженіемъ.

Наконецъ, насъ смущаетъ внѣшній, принудительный, характеръ петровской реформы, и изъ него мы выводимъ, что еслибъ

Петръ не вздумалъ такъ круто и насильственно вносить въ нашу жизнь чуждыхъ элементовъ, то они бы вовсе въ нее и не вошли. Но во-первыхъ, европейскіе элементы появились въ Россіи уже до Петра; а потомъ,—взглянемъ поближе, куда приведутъ насъ подобныя разсужденія. Если мы могли обойтись безъ европейской закваски, то значитъ, въ ней не было никакой надобности; стало быть, старинная русская жизнь имѣла уже въ себѣ всѣ необходимыя условія и задатки для дальнѣйшаго, самостоятельнаго развитія. Какимъ же чудомъ одинъ человѣкъ, хотя бы и необыкновенный, геніальный, могъ, всего въ какихъ-нибудь четверть вѣка, сдвинуть цѣлый русскій народъ съ его прямого пути, отклонить его отъ естественнаго, самостоятельнаго развитія, на цѣлые полтораста лѣтъ? Дѣлая упрекъ Петру Великому, мы этимъ какъ будто хотимъ возвысить значеніе древней Россіи, а на самомъ дѣлѣ только вторимъ тѣмъ, которые называютъ Петра творцемъ новой, низводимъ старую Русь на степень историческаго матеріала, до такой степени мягкаго и несамобытнаго, что геніальный человѣкъ могъ вылѣпить изъ него, что ему было угодно. Мы думаемъ, что для объясненія внѣшняго и насильственнаго характера петровской реформы нѣтъ никакой необходимости прибѣгать къ предположеніямъ, изъ которыхъ совсѣмъ не то слѣдуетъ, что они должны доказать. Дѣло, какъ мы сказали выше, объясняется гораздо проще. Въ концѣ XVII вѣка, потребность преобразованія сильно чувствовалась въ Россіи. По односложности нашей жизни и по степени нашего развитія въ XVII вѣкѣ, мы были способны только къ внѣшнему, а не къ внутреннему преобразованію; а всякое внѣшнее дѣйствіе есть, по необходимости, принудительное, насильственное; болѣе или менѣе,—это уже зависитъ отъ обстоятельствъ, характера дѣятелей, времени и нравовъ народа и тому подобныхъ условій. Петръ, по своему личному характеру, провелъ реформу сильно, стремительно, жостко и сурово. Не будемъ же терять изъ виду самого дѣла, изъ-за его случайной обстановки.

Наконецъ, разсуждая о реформѣ и ея послѣдствіяхъ, мы опускаемъ изъ виду, что все образованное меньшинство русскаго общества бросилось въ «прорубленное Петромъ Великимъ окно въ Европу» и протѣснялось туда наперерывъ, неудержимо, съ удивительной энергіей, до нашего времени. Будь направленіе, данное Петромъ нашей жизни, неестественнымъ, оно бы и кончилось съ его смертью, тѣмъ болѣе, что большинство современниковъ смотрѣли подозрительно и враждебно на его нововведенія, а ближайшіе преемники его власти не имѣли ни его генія, ни его силы, ни его взглядовъ. И что же мы видимъ? Не

смотря ни на что, образованное русское меньшинство, съ небывалымъ самоотреченіемъ, бросается на встрѣчу европейскому вліянію и идетъ по этому пути гораздо далѣе Петра Великаго, до отступничества отъ всего родного, до забвенія родины и самаго языка. Неужели можно приписать такое теченіе мыслей, такое направленіе меньшинства русскаго общества, впродолженіи нѣсколькихъ поколѣній, одной подражательности, угодливости, суетности, легкомыслію, или случайности, обратившейся потомъ въ дурную привычку? Безспорно, все это играло большую роль, точно также, какъ и во всякомъ другомъ историческомъ явленіи, рядомъ съ хорошими, участвуютъ и дурныя стороны человѣческой природы. Но вѣдь мы знаемъ, что не одни льстецы и пустые люди шли у насъ по этому пути. Въ сравнительно малочисленномъ слоѣ русскаго общества, который безраздѣльно отдался европейскому вліянію, было много людей талантливыхъ, умовъ глубокихъ и свѣтлыхъ, людей горячо любившихъ родину, искренно искавшихъ правды. Эти люди, отрѣшавшіеся отъ Россіи нерѣдко до забвенія русскаго языка, честно, съ убѣжденіемъ, служили ей мечомъ и перомъ, честно умирали въ битвахъ за ея независимость и достоинство. Такихъ людей было не мало, и мы ихъ еще помнимъ. Они доказываютъ своими дѣлами и жизнью, что реформа на европейскій ладъ при Петрѣ не была случайностью или прихотью, а отвѣчала извѣстной, живой потребности, и потому не была нарушеніемъ естественнаго теченія русской жизни. Намъ теперь она кажется такою потому, что отжила свой вѣкъ. Но прошедшаго нельзя мѣрить настоящимъ. Всему есть свое время и своя мѣрка.

Отъ этихъ общихъ соображеній обратимся къ ближайшимъ, осязательнымъ, практическимъ. Возьмемъ внѣшніе и внутренніе вопросы, которые поднялъ и разрѣшилъ Петръ, и посмотримъ, отклонилъ ли онъ хоть одинъ изъ нихъ отъ его естественнаго, правильнаго теченія, нарушилъ ли онъ, въ этомъ отношеніи, традицію? Самое внимательное изученіе коренныхъ русскихъ вопросовъ того времени докажетъ совершенно противное; мы увидимъ, что всѣ они разрѣшены Петромъ Великимъ въ томъ самомъ смыслѣ и направленіи, въ какомъ ставились передъ преобразованіемъ. Приведемъ въ подтвержденіе нѣсколько примѣровъ.

Говорятъ, Петръ приложилъ послѣднюю печать къ закрѣпощенію народа. Мы не знаемъ, и даже не можемъ догадаться, на чемъ основанъ этотъ упрекъ? Не на томъ ли, что при немъ помѣстный и холопій приказы слиты въ одинъ? Но прослѣдите внимательно законы XVII вѣка: къ концу его, помѣстные крестьяне стали такими же крѣпостными, какъ вотчинные; права

владѣльцевъ на крестьянъ ничѣмъ также не отличались въ это время отъ правъ на холопей. Но допустимъ, что Петръ дѣйствительно сдѣлалъ новый, окончательный шагъ къ слитію этихъ различныхъ разрядовъ несвободныхъ людей въ одинъ: развѣ можно сказать, что онъ разорвалъ преданіе? Подобная мѣра, въ то время, когда все было подведено подъ форму крѣпостного права, не можетъ, ни въ какомъ случаѣ, назваться нововведеніемъ, противнымъ духу старинныхъ учрежденій.

Находятъ, что смѣшеніе помѣстнаго права съ вотчиннымъ показываетъ грубое незнаніе нашего стариннаго юридическаго быта. Но мы хотѣли бы, чтобъ намъ показали, чѣмъ, въ исходѣ XVII вѣка, помѣстья отличались отъ вотчинъ? Такого различія не существовало уже до Петра. Оно удерживалось только по имени.

Назовутъ, можетъ быть, нововведеніемъ, противнымъ духу старины, табель о рангахъ, учрежденіе и устройство сената? Но стоитъ только прослѣдить исторію мѣстничества и постепеннаго упраздненія его, начиная съ Ивана III, чтобъ убѣдиться, что замѣщеніе мѣстъ по годности къ службѣ, а не по роду, было задачею, къ разрѣшенію которой московскіе государи стремились постоянно. Петръ и разрѣшилъ ее въ этомъ смыслѣ.

Преобразованія Петра по духовному вѣдомству были довершеніемъ начатаго при Иванѣ III, особенно при Иванѣ IV, и послѣдующихъ мѣръ, принятыхъ въ теченіе XVII вѣка. Сдѣланное Петромъ по этой части представляетъ весьма послѣдовательное развитіе задуманнаго за долго до него и оконченнаго его преемниками.

Какъ мы уже видѣли, не Петръ сталъ впервые приглашать на службу иностранцевъ; за долго до него начали это дѣлать московскіе государи, уже со временъ Ивана III.

Первое начало регулярнаго войска положено Иваномъ IV, въ учрежденіи стрѣльцовъ. Сообразно съ общимъ характеромъ древней Россіи, они изъ войска обратились въ общественный и вмѣстѣ служебный разрядъ, жили семьями въ особыхъ слободахъ и торговали, отправляя военную службу какъ повинность, подобно казакамъ. Около нихъ возникли новые виды регулярныхъ войскъ, сперва иноземныхъ, потомъ, по образцу ихъ, и русскихъ. Петръ только преобразовалъ эти войска, замѣнивъ ими всѣ бывшіе дотолѣ различные ихъ роды.

Называютъ нововведеніемъ татарскимъ и ненавистнымъ установленіе, при Петрѣ, подушной подати; считаютъ эту мѣру шагомъ назадъ, сравнительно съ стариной, когда существовало посошное тягло, или подать, опредѣлявшаяся по количеству и качеству земли. Но послушайте, что говорятъ современники;

посмотрите, на что народъ жалуется безпрестанно и горько, въ теченіи всего XVII вѣка: его тяготитъ именно раскладка повинностей по землѣ. Земли были обмѣрены, Богъ-знаетъ, какъ. Вслѣдствіе тяжкихъ податей, люди, крестьяне и посадскіе, разбѣгались, а съ оставшихся, часто очень немногихъ числомъ, правили что слѣдовало на основаніи посошной раскладки. При такихъ обстоятельствахъ, введеніе подушнаго налога было благодѣяніемъ, разрѣшеніемъ вопроса, поставленнаго стариной, и притомъ разрѣшеніемъ самымъ разумнымъ въ то время, когда не земля, а рабочая сила имѣла цѣну.

Коллегіальное устройство тоже не было нововведеніемъ. Зародыши его находимъ уже въ устройствѣ приказовъ.

Судъ по формѣ, установленный Петромъ, былъ не что иное, какъ организованный, опредѣленный закономъ старинный судъ судебныхъ приказовъ. Жалобы на безчисленныя, вопіющія дѣла московскихъ судовъ XVII вѣка вызвали не коренное ихъ преобразованіе, а болѣе точное опредѣленіе судебнаго порядка, при чемъ, по возможности, предусмотрѣны и устранены важнѣйшія и обычныя въ то время злоупотребленія. Не вина Петра, что послѣ него—и мы до сихъ поръ не знаемъ, когда именно и какъ—старинный словесный судъ замѣнился письменнымъ.

Важнѣйшее дѣло и забота всего царствованія Петра,—завоеваніе и упроченіе за Россіею балтійскаго побережья, было задумано не имъ, а задолго до него, еще Иваномъ Грознымъ.

Можно привести много другихъ примѣровъ въ доказательство, что и во внѣшнихъ и внутреннихъ дѣлахъ, Петръ Великій продолжалъ начатое его предмѣстниками, шелъ по пути, указанному всей нашей исторіей. Перерыва въ ней никакого при немъ не произошло; только всѣ старинныя, вѣковыя задачи сошлись въ это царствованіе какъ въ одинъ фокусъ, и сильно двинуты къ развязкѣ; дѣло столѣтій сжато и втиснуто въ какіе-нибудь четверть вѣка. Повторяемъ, насъ вводитъ въ заблужденіе темпераментъ преобразованія, оригинальная, своеобразная форма, приданная ей необыкновенной личностью Петра. Вотъ, какъ намъ кажется, существенная и единственная причина всѣхъ нашихъ недоразумѣній.

Говоря это, мы далеки отъ мысли оправдывать каждое дѣйствіе Петра Великаго, каждую принятую имъ мѣру. Во многомъ, онъ, разумѣется, ошибался; многое изъ того, что онъ ввелъ, оказалось несостоятельнымъ еще при его жизни, или послѣ него; за то, другое пережило вѣка и стоитъ до сихъ поръ твердо; многое изъ задуманнаго имъ еще не осуществилось; къ иному, пришедшему въ упадокъ и забытому, можетъ быть, придется еще воро-

титься. Но дѣло вовсе не въ томъ. Существенная сторона вопроса о Петрѣ Великомъ и его эпохѣ заключается не въ критическомъ разборѣ его плановъ и ихъ выполненія, не въ оцѣнкѣ практическаго достоинства его законовъ и распоряженій, а въ опредѣленіи мѣста, занимаемаго петровской реформой въ нашемъ историческомъ развитіи. Мы старались показать, что она есть органическое продолженіе старины, вытекла изъ нея необходимо и естественно, и представляется намъ какимъ-то скачкомъ, потому только, что вводилась у насъ однимъ изъ величайшихъ дѣятелей исторіи, который, своею необыкновенною личностью и дѣлами, затмилъ обыденный ходъ нашей исторической жизни. Возстановить потерянное въ сознаніи преемство внутренняго нашего развитія, указать органическую связь тамъ, гдѣ теперь представляются какъ будто порванные концы исторической нити,— вотъ теперь главная, первая задача русской исторіи. Разрѣшить ее необходимо, не только въ видахъ удовлетворенія исторической любознательности, а для того, чтобъ внести хоть сколько нибудь свѣта и порядка въ нашу мысль, блуждающую въ невѣроятномъ хаосѣ и тьмѣ. Всѣ наши недоразумѣнія, если ихъ разобрать хорошенько, сводятся, мы глубоко въ этомъ убѣждены, къ тѣмъ, которыя скопились около Петра Великаго и его эпохи; а они, повторяемъ, произошли отъ смѣшенія дѣла реформы съ личностью Петра. Преобразованіе, по ходу древней русской жизни, было неизбѣжно, неотвратимо. Не явись Петра, оно приняло бы, вѣроятно, какія-нибудь другія формы, но все-таки, рано или поздно, непремѣнно бы совершилось. Петръ далъ только преобразованію извѣстный видъ, форму, темпераментъ, опредѣлилъ ея ходъ на послѣдующія времена.

Петръ Великій принялъ титулъ императора и окружилъ царскую власть внѣшней обстановкой европейскихъ монархій. Этимъ обозначалось окончательное вступленіе Россіи въ политическую и международную систему Европы. Въ общемъ ходѣ нашей исторіи и преобразованія, эти нововведенія разумѣлись сами собою.

Гораздо важнѣе было новое значеніе, которое Петръ Великій придалъ царской власти внутри государства. Мы замѣтили выше, что съ Алексѣя Михайловича наше внутреннее развитіе, отклоненное отъ своего естественнаго хода приливомъ польско-литовскихъ элементовъ, снова возстановилось. Съ тѣхъ поръ, царская власть является вполнѣ такою же, какой была при Иванѣ III, при Васильѣ Ивановичѣ, при Грозномъ и Годуновѣ, и какая сложилась въ представленіяхъ великорусскаго народа. Петръ Великій

только возводитъ ее въ государственный принципъ, въ идею, освобождаетъ отъ исторически сложившихся и уже обвѣтшавшихъ формъ, которыя напоминали давно отжитый въ государственной сферѣ типъ домоначальника. Принципъ этотъ онъ проводитъ по всѣмъ ступенямъ государственной іерархіи.

Нѣкоторые считаютъ Петра Великаго основателемъ самодержавной власти въ Россіи. Но это ошибка. Самодержавіе родилось съ Великороссіей. Андрей Боголюбскій былъ такой же самодержецъ, какъ Всеволодъ Большое-Гнѣздо, какъ московскіе великіе князья и цари до смутной эпохи. Въ этомъ отношеніи, какъ и всегда, ошибка происходитъ отъ того, что дѣло не различается отъ лица, у котораго оно въ рукахъ, которое его представляетъ и ведетъ. Петръ Великій выражаетъ начало старинной царской власти гораздо рѣзче, опредѣленнѣе и сознательнѣе, чѣмъ всѣ его предшественники (исключая впрочемъ Ивана Грознаго), потому только, что онъ не только царь, но и преобразователь, что въ его лицѣ выразилась и сосредоточилась реформа, что онъ былъ ея двигателемъ и орудіемъ. Борьба необходимо опредѣляетъ точнымъ образомъ принципы, приводитъ къ ясному ихъ сознанію. Иванъ III высказываетъ новгородцамъ опредѣлительно и точно, чего требуетъ отъ нихъ московскій великій князь, въ чемъ сущность его власти; Василій Ивановичъ,—псковичамъ; царь Иванъ Васильевичъ Грозный формулируетъ свою власть въ борьбѣ съ литовско-польской олигархіей; точно также и Петръ Великій, въ борьбѣ съ старинными государственными и общественными порядками въ Россіи, которые началъ преобразовывать, только выражаетъ съ совершенною опредѣлительностью существо царской власти, которая испоконъ вѣка принадлежала русскимъ государямъ.

Но не создавая самодержавія, Петръ придалъ ему своею дѣятельностью, своею личностью, своею жизнью, новый характеръ, и въ этомъ смыслѣ опредѣлилъ весь послѣдующій ходъ нашей исторіи. Преобразованіе, какъ мы сказали выше, возведено имъ въ правительственную систему и вошло съ его времени въ число атрибутовъ верховной власти, вполнѣ согласно съ глубочайшими инстинктами русскаго народа. Служа государству и государственнымъ пользамъ преданнѣе, неутомимѣе, безкорыстнѣе, вѣрнѣе послѣдняго изъ своихъ подданныхъ, Петръ, своими «несносными печалями» и великими дѣлами, вписалъ на вѣки въ нашъ государственный уставъ, что власть есть трудъ, подвигъ, служба Россіи, прежде всѣхъ и больше всѣхъ. Это былъ его завѣтъ и благословеніе потомству, пережившія его арміи и флоты, его «викторіи» и учрежденія, его слабости и ошибки. Оттого,

послѣ Петра, мѣнялись правительственныя системы, направленія, взгляды, темпераменты, а власть осталась непоколебимой чрезъ весь послѣдующій, тяжелый періодъ нашей исторіи. Преобразованіе и служеніе русскому государству и русскому народу осталось ея знаменемъ и до нашихъ дней, когда, повидимому, довершается дѣло Петра, прикладывается послѣдній камень къ его зданію и начинается новый періодъ нашего историческаго существованія.

Что Петръ своимъ лицомъ и своею жизнью укрѣпилъ царскую власть, начавшую-было передъ нимъ колебаться, поднялъ ее и придалъ высокое нравственное и народное значеніе, — въ этомъ его величайшая, безсмертная заслуга передъ Россіей. Наступала пора глубокаго внутренняго перерожденія, когда сильная центральная власть есть для народа вопросъ существованія. Ей предстояло у насъ не только представлять съ достоинствомъ Россію, при внутреннихъ смутахъ, при борьбѣ враждебныхъ другъ другу направленій, при олигархическихъ стремленіяхъ, при революціонныхъ движеніяхъ въ Европѣ, подымавшихъ противъ насъ внѣшнія бури, — но, что было несравненно труднѣе, ей, по цѣлому ходу нашей исторіи, выпадала на долю крайне трудная задача, — продолжать, въ то же самое время, начатое Петромъ Великимъ дѣло внутренняго нашего преобразованія.

Новый періодъ нашей исторіи мы понимаемъ, если возможно, еще менѣе, чѣмъ отношеніе Петра Великаго и его эпохи къ древней Россіи. Европейскія формы, въ которыя снаружи облеклась наша жизнь, спутываютъ всѣ наши мысли и заслоняютъ отъ насѣ дѣйствительность; а она между тѣмъ идетъ своимъ чередомъ, рѣшая одну за другой задачи, поставленныя всей нашей исторіей, и которыхъ истиннаго смысла мы не умѣемъ себѣ объяснить.

Реформа Петра была, какъ мы видѣли, внѣшняя. Онъ перемѣнилъ однѣ лишь наружныя формы нашего внутренняго быта и замѣнилъ ихъ иностранными, что, разумѣется, не могло переродить насъ въ европейцевъ. Эти реформы были только новымъ условіемъ нашей жизни, подъ вліяніемъ котораго она стала исподоволь развиваться далѣе.

Ходъ этого развитія представляетъ высокій, животрепещущій интересъ. На поверхности русскаго общества замѣчается, послѣ Петра, полная безурядица: тысячи стремленій и направленій, проникнутыхъ европейскими задачами и интересами, страхами и надеждами, и не имѣющихъ прямой связи ни съ народною жизнью, ни между собою. Рядомъ съ ними, и въ пестромъ съ ними смѣшеніи, живутъ старинные взгляды, понятія, привычки и

предразсудки, плодъ вѣковой жизни и опытовъ. Тѣ и другіе борятся между собою, но часто уживаются мирно въ одномъ лицѣ. Хаосъ совершенный, приводящій въ отчаяніе, въ которомъ ничего нельзя разобрать.

А между тѣмъ, подъ этой разнохарактерной оболочкой, совершается дѣло исторіи, медленно, въ правильной постепенности. Старинныхъ разрядовъ, служебныхъ и общественныхъ, Петръ едва коснулся и завѣщалъ ихъ новому времени. Никакой внутренней организаціи онъ не могъ имъ дать, потому что она не дается, а вырабатывается самою жизнью. На почвѣ «чиновъ», въ старинномъ смыслѣ слова, и крѣпостного права, исключавшихъ всякую тѣнь органической общественной жизни, нельзя было основать ничего прочнаго. Всякія попытки придать правильный строй нашей общественности, при такой почвѣ, не могли вести ни къ чему. Петръ мѣнялъ нѣсколько разъ учрежденіе городовъ и провинцій, — и все по напрасну. Тѣ же заботы продолжаются и послѣ него, при его преемникахъ и тоже не приводятъ ни къ какимъ существеннымъ, положительнымъ результатамъ.

Такъ продолжается до половины XVIII вѣка. Съ этого времени начинается, съ одной стороны, постепенное упраздненіе крѣпостного начала, съ другой, видны попытки организовать нашъ внутренній бытъ.

Постепенное упраздненіе крѣпостного права и дарованіе гражданскихъ правъ русскому народу совершались, какъ и все движеніе нашей жизни, сверху внизъ, начиная съ высшихъ слоевъ общества и оканчивая низшими, и шло, не прерываясь, до нашего времени. Сперва получили гражданскія права дворянство, духовенство и купечество, потомъ разнородные средніе слои общества, за тѣмъ казенные крестьяне, наконецъ помѣщичьи. Снятіе административной опеки съ государственныхъ крестьянъ, которые, при императорѣ Александрѣ I, были свободными только по имени, и лишь въ послѣдующее царствованіе получили гражданскія права, заключаетъ нынѣ собою этотъ рядъ преобразованій старинной русской жизни.

Несравненно труднѣе было замѣнить прежній крѣпостной строй правильной организаціей, тѣмъ болѣе, что отмѣна крѣпостного права совершилась не вдругъ, а отлагать вопросъ внутренняго устройства, впредь до окончательнаго уничтоженія крѣпостныхъ отношеній, было невозможно.

Петръ III и Екатерина II вводятъ сословную организацію, которую, въ примѣненіи къ городамъ, началъ вводить еще Петръ Великій. Старинные служебные разряды преобразованы въ европей-

скія сословія, старинныя городскія тягловыя общества—въ замкнутыя европейскія муниципіи. Но сословія и городскія корпораціи, выросшія на исторической почвѣ, совершенно различной отъ нашей, не могли у насъ приняться. Наши старинные служебные разряды или чины и тягловыя общества, плодъ нашего односложнаго государственнаго и народнаго состава, не имѣли ничего общаго съ европейскими сословіями и корпораціями, выработавшимися вслѣдствіе долгой внутренней борьбы разнородныхъ составныхъ стихій европейскихъ государствъ. Подъ вліяніемъ новыхъ условій государственнаго быта, бывшіе разряды или чины только разомкнулись, и нѣкоторые изъ нихъ освобождены отъ обязательной службы; множество разрядовъ, старыхъ и новыхъ, съ наслѣдственнымъ служебнымъ характеромъ, продолжали существовать подлѣ сословій, отчасти въ ихъ составѣ, подъ именемъ «званій,» и отмѣнены окончательно лишь въ нынѣшнее царствованіе. Что касается тягловыхъ городскихъ обществъ, то старинная ихъ замкнутость, вытекавшая изъ условій ихъ крѣпостного и служебнаго быта въ XVII вѣкѣ, упразднена цѣлымъ рядомъ постановленій, изданныхъ въ царствованіе Александра I и Николая. Къ нимъ тоже не привилось европейское начало городскихъ корпорацій.

За сословной организаціей, по мѣрѣ распространенія гражданскихъ правъ на всѣ состоянія и званія, появляется общинное, земское устройство. Начало его введено въ наше законодательство въ минувшее царствованіе съ образованіеемъ обществъ государственныхъ крестьянъ и съ изданіемъ новаго с.-петербургскаго городского устройства; но обширное примѣненіе получило оно лишь въ нынѣшнее царствованіе. Теперь общинное устройство узаконено во всѣхъ безъ изъятія крестьянскихъ обществахъ, а изъ городовъ распространено на Москву и Одессу. Введеніемъ земскихъ учрежденій оно сдѣлало важный шагъ впередъ, обнимая теперь уѣзды и губерніи, и въ завѣдываніи мѣстными дѣлами, мѣстными интересами, отчасти замѣнило сословное устройство.

Такимъ образомъ, петровская эпоха была, во всѣхъ отношеніяхъ, приготовленіемъ, при помощи европейскихъ вліяній, къ самостоятельной и сознательной народной жизни. Участіе европейскаго элемента въ нашемъ быту было нужно не для однихъ практическихъ цѣлей, но и для нашего внутренняго развитія. Люди и народы приходятъ къ самосознанію черезъ сравненіе себя съ другими, и чѣмъ предметъ для сравненія лучше, краше, развитѣй, совершеннѣй, тѣмъ полнѣй и глубже человѣкъ и народъ вникаютъ въ самихъ себя, открываютъ въ себѣ неизвѣст-

ныя имъ самимъ, дремлющія въ бездѣйствіи силы. Такому періоду жизни соотвѣтствуетъ пробужденіе и развитіе индивидуальности и выработка формъ для предстоящей дѣятельности. Самостоятельная русская мысль и жизнь, которыя должны наполнить эти готовыя, но пока еще лишенныя содержанія формы, далеко впереди. Образованный слой русскаго общества, за очень рѣдкими исключеніями, продолжаетъ, по старому, питаться чужими мыслями, дѣйствовать по чужимъ образцамъ. Мы до сихъ поръ едва догадываемся, что наши взгляды,—выводы изъ чужой жизни, и добродушно принимаемъ ихъ за результатъ самостоятельнаго нашего развитія. Вотъ гдѣ источникъ нашихъ внутреннихъ противорѣчій и разладицы. Не понимая себя и среды, къ которой принадлежимъ, мы блуждаемъ въ потемкахъ, ходимъ ощупью, куда и какъ случится. Наша умственная и нравственная жизнь, не имѣя еще пока корней у себя дома, не имѣетъ, потому же самому, и никакого центра тяжести, и носится въ воздухѣ; при всемъ блескѣ нашихъ природныхъ способностей, она холодна, безплодна и мертва. Она согрѣется, оживетъ и сдѣлается плодотворной только съ той минуты, когда опустится изъ неопредѣленной шири на русскую почву, прильнетъ къ ней, и будетъ изъ нея питаться. Уравновѣсить умственныя и нравственныя силы съ дѣйствительностью, соединить въ одно гармоническое цѣлое мысль и жизнь можетъ отнынѣ одно только глубокое изученіе самихъ себя въ настоящемъ и прошедшемъ. Другихъ путей нѣтъ и быть не можетъ.

К. Кавелинъ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА.

I. ОБЗОРЪ КНИГЪ И СТАТЕЙ ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ ВЪ 1865 ГОДУ.

(Окончаніе).

Древности. Труды Московскаго Археологическаго Общества. Томъ I.

Въ этомъ замѣчательномъ и весьма полезномъ изданіи помѣщенъ обзоръ книгъ, явившихся въ послѣднее время по археологіи, какъ равно и очеркъ трудовъ, совершенныхъ по части археологическихъ открытій. Ученыя статьи, нашедшія здѣсь мѣсто, отличаются относительною важностію. Таковы: *Диптихъ V вѣка* гр. Уварова; *О вѣчевой степени* г. Иловайскаго; *Примѣры вліянія языка на образованіе народныхъ вѣрованій и обрядовъ* г. Афанасьева, гдѣ разсматриваются слова и выраженія, относящіяся къ понятію связыванія въ соединеніи съ народными обычаями и обрядами, прежде существовавшими и до сихъ поръ существующими. Г. Котляревскій помѣстилъ здѣсь статью: *Металлы въ доисторическую эпоху у племенъ индоевропейскихъ.* Авторъ сначала указываетъ вообще на важность языка какъ археологическаго памятника, потомъ разсматриваетъ каменный вѣкъ и, слѣдуя за датскимъ археологомъ Ворсб, принимаетъ, что въ Европѣ каменныя циклопическія постройки и каменныя орудія нельзя признавать, какъ прежде думали, кельтскими, и вообще приписывать ихъ арійскому племени, что они остатокъ первобытной дикой жизни абориrеновъ, населявшихъ Европу до прихода арійцевъ. Авторъ склоняется къ тому мнѣнію, которое приписываетъ ихъ иберамъ или баскамъ, и видитъ въ языкѣ доказательства, что арійское племя еще до раздѣленія своего на вѣтви было знакомо съ металлами. Оказывается, что санскритское слово *«ayas»*, означавшее въ послѣдствіи желѣзо, прежде означало мѣдь, и съ нимъ родственнй слова, латинское aes и готское ais; а такъ какъ въ санскритѣ слово, означавшее мѣдь, стало

означать желѣзо, то и въ готскомъ изъ слова, означавшаго мѣдь, произведено названіе для желѣза (eisern). Желѣзо вошло въ употребленіе уже по раздѣленіи на вѣтви арійскаго племени. Что касается до названія благородныхъ металловъ, то слова, означающія серебро, явно сходны въ языкахъ арійскаго племени. Названія многихъ металлическихъ орудій и терминовъ кузнечнаго дѣла, сходныя въ языкахъ этого племени, доказываютъ, что оно еще до своего раздробленія на вѣтви было уже осѣдлымъ, а не кочевымъ, и знало земледѣліе. Наибольшую часть бронзовыхъ орудій, встрѣчаемыхъ въ Европѣ, какъ памятники глубокой древности, нѣкоторыя приписывали исключительно кельтамъ; но авторъ находитъ, что они могли принадлежать равномѣрно всѣмъ народамъ одного племени съ кельтами. Другая статья г. Котляревскаго, *Скандинавскій корабль на Руси*, есть образчикъ осуществленія выраженной авторомъ въ началѣ этой статьи потребности изслѣдовать и разъяснить анохронизмы прошедшей жизни въ нашей народной поэзіи, гдѣ воспоминанія прежнихъ разныхъ временъ легли другъ на другѣ и переплелись между собою. Авторъ, разсматривая преимущественно поэтическое описаніе корабля въ извѣстной пѣсни о Соловьѣ Будимировичѣ въ соотношеніи съ другими мѣстами народной поэзіи, гдѣ говорится о кораблѣ, находитъ вліяніе скандинавское и полагаетъ, что вліяніе сѣверныхъ мореходцевъ на русскую жизнь не ограничивалось областью суровой, практической, торговой или военной дѣятельности; оно шло глубже, вторгаясь въ житейскій обиходъ и производя тамъ нѣкоторыя измѣненія и привычки въ новомъ духѣ заморской моды. Мы дозволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній многоуважаемому автору. Онъ указываетъ на то, что русскіе славяне были народъ континентальный и не вели мореходной жизни, а потому не могли сами собой составить истиннаго образа корабля. Но народная поэзія очень часто любитъ не то, что— въ повседневной жизни, а напротивъ то, что отъ ней удалено и съ чѣмъ народъ знакомъ только отчасти, то, что, поэтому, способнѣе принимать въ народномъ воображеніи поэтическую обстановку. Въ пѣсняхъ часто встрѣчаются шелковые поводья, шелковые ковры, золотыя удила, золотыя и серебряныя ведра; однако нельзя сказать, что народъ употреблялъ серебро, золото, шелкъ въ изобиліи въ своей жизни. Хоть море и было удалено отъ общей жизни громады русскаго народа, однако знакомство съ нимъ никогда не прекращалось до того, чтобъ онъ не слышалъ о морѣ и не имѣлъ о немъ никакого представленія. Въ удѣльный періодъ, югъ Россіи не прекращалъ сношеній съ Византіей посредствомъ плаванія по Днѣпру и Черному морю, пока татары не отрѣзали черноморскихъ береговъ; на сѣверѣ, новгородцы вели моремъ торговыя сношенія съ западомъ; потомъ разселившись до Ледовитаго моря, русскіе плавали по немъ. Когда возникъ

Соловецкій монастырь и распространилось къ нему уваженіе — всѣ многочисленныя паломничества къ нему совершались моремъ. На югѣ, воинственные походы запорожцевъ на Черное море были чрезвычайно часты. На юго-востокѣ Россіи, совершались торговыя и военныя плаванія по Каспійскому морю. Бывшіе на морѣ разносили о немъ вѣсти, и эти вѣсти доходили до глубины материка; притомъ же корабль не значитъ исключительно морское судно, но также и рѣчное, а по большимъ рѣкамъ и озерамъ постоянно плавали русскіе въ виду всего своего народа. Авторъ сопоставляетъ эпитеты въ пѣсни о Соловьѣ Будимировичѣ, касающіеся корабля, съ корабельными украшеніями скандинавскими. Но эпитеты эти такого рода, что могли возникнуть безъ всякаго посторонняго вліянія. Напримѣръ:

Корму въ немъ строилъ по гусиному (или по змѣиному)
А носъ въ немъ строилъ по орлиному
Бока взведены по туриному (или по звѣриному).

Въ этихъ образахъ простое уподобленіе предметовъ. Значитъ — корма была вытянутая и напоминала змѣю или гусиную шею, носъ былъ загнутъ и напоминалъ орлиный носъ, а бока выпуклые напоминали бока жирнаго тура, который, какъ извѣстно, водился въ старину на Руси въ изобиліи. Для того, чтобы найти сравненіе въ предметахъ, знакомыхъ народу по жизненной обстановкѣ, не нужно испытывать чужого вліянія. Приданіе кораблю аттрибутовъ животнаго существа, ушей, кудрей, носа, также не ведетъ ни къ какимъ подобнымъ предположеніямъ. Въ народной поэзіи оживотвореніе и даже очеловѣчиваніе бездушныхъ предметовъ оборотъ обыкновенный. Сколько разъ обращаются къ деревьямъ, къ звѣздамъ, къ горамъ, къ вѣтру? Въ одной малороссійской пѣсни казакъ свою «шаблюку» называетъ «панночкою.» Въ животныхъ образахъ, придаваемыхъ кораблю въ пѣсни о Соловьѣ Будимировичѣ, нельзя отыскать даже ничего символическаго, часто служащаго подкладкою народнымъ сравненіямъ и уподобленіямъ. Мы не думаемъ отрицать въ свое время вліянія скандинавовъ на нашу жизнь: безъ сомнѣнія, при частомъ сношеніи, оно было, какъ равно и въ обратномъ смыслѣ, но здѣсь, именно, не видимъ ни даже тѣни его. То обстоятельство, что корабль Соловья Будимировича «приходитъ изъ-за моря отъ славнаго города Леденца отъ царя заморскаго», не побуждаетъ насъ непремѣнно видѣть тутъ Скандинавію. Да и что̀ значитъ эта пѣсенная географія въ нашихъ былинахъ, которыя уже потеряли свой историческій характеръ и перешли въ область сказочнаго эпоса? Въ одномъ мѣстѣ пропоютъ такъ; въ другомъ иначе. Правда, что слова «глухоморье» (лукоморье) и городъ Леденецъ наводятъ насъ на сѣверъ, но дѣйствіе былины происходитъ въ Кіевѣ, и кто намъ поручится, что въ позднѣйшія времена, когда

пѣсня перешла на сѣверъ, здѣсь не произошло сообразнаго ближайшимъ географическимъ понятіямъ народа измѣненія? Вѣдь есть же тутъ соболи якутскіе: ужъ этихъ соболей конечно нельзя признавать скандинавскими! Сверхъ того, намъ кажется, прежде чѣмъ признавать вообще важность скандинавскаго вліянія посредствомъ судоходства, надобно перенестись на практическую почву и рѣшить нѣсколько вопросовъ при этомъ возникающихъ. Варяги-скандинавы плавали по русскимъ рѣкамъ на своихъ морскихъ, или на особыхъ рѣчныхъ судахъ? На тѣхъ судахъ, на которыхъ удобно было плавать по морю, по нашимъ небольшимъ рѣкамъ нельзя плавать; и въ такомъ случаѣ не вѣроятнѣе ли предположить, что варяги пріобрѣтали у туземцевъ суда, на которыхъ могли предпринять путешествіе по рѣкѣ? Но какъ бы то ни было — какъ поступали варяги на волокахъ: всегда ли таскали свои суда съ собою или брали на мѣстѣ готовыя? Намъ кажется, было послѣднее. Коль скоро открывался и утверждался обычаемъ извѣстный путь—къ этому пути неизбѣжно должно было приливать народонаселеніе. Варягамъ выгодно было избавиться отъ лишнихъ трудовъ, и отдавать за то жителямъ часть того, что везли съ собою выторгованнаго или награбленнаго, а жителямъ выгодно было предлагать имъ свои труды и издѣлія. Намъ кажется, что варяги, по русскимъ рѣкамъ, можетъ быть начиная съ Ладоги или съ волховскихъ пороговъ и навѣрное уже съ Новгорода, плыли на русскихъ ладьяхъ. Предстоитъ еще другой вопросъ: варяги-скандинавы первые ли начали плавать по русскимъ рѣкамъ, или жители, обитавшіе на русскомъ материкѣ, прежде были знакомы съ этимъ занятіемъ? По здравому разсудку необходимо принять послѣднее. Такъ какъ вода есть первая потребность для населенія, то первыя поселенія всегда были при изобильныхъ водахъ, что̀ подтверждается и исторіею древнихъ поселеній гдѣ бы то ни было. Вода была естественнымъ и удобнымъ средствомъ сообщенія, и потому судостроеніе—одно изъ самыхъ древнѣйшихъ человѣческихъ искуствъ. Нѣтъ сомнѣнія, что славяне, разсѣясь по пространству русскаго материка, могли совершить это разселеніе только посредствомъ плаванія по рѣкамъ. Тогда рѣки были единственнымъ путемъ: материкъ былъ покрытъ непроходимыми лѣсами и болотами; люди должны были бороться съ арміями медвѣдей и волковъ. Нужда давно должна была научить славянъ дѣлать суда, а умѣя ихъ дѣлать для своихъ рѣкъ, естественно они не могли первоначально научиться этому искуству отъ варяговъ-скандинавовъ, и послѣдніе никакъ не могли явиться цивилизаторами славянъ въ этомъ отношеніи. Единственно, что они могли оставить во время своихъ переходовъ черезъ Россію— это научить славянъ нѣкоторымъ улучшеніямъ въ судостроеніи для морскихъ плаваній. Но пѣсня о Соловьѣ Будимировичѣ только украшаетъ цвѣтами поэзіи корабль, который самъ по себѣ могъ остаться

и въ первобытномъ видѣ, и въ улучшенномъ; изъ нея едва ли можно выжать слѣды дѣйствительныхъ признаковъ улучшенной постройки: судно какъ судно; такъ описано могло быть и варяжское, и славянское и греческое судно.

Статья г. Забѣлина, *Чертомлыцкій курганъ* представляетъ интересныя данныя для исторіи древнѣйшей культуры на русскомъ материкѣ. Г. Забѣлинъ уже нѣсколько лѣтъ работаетъ надъ раскопкою могилъ или кургановъ въ южной Руси, столь богатой этими памятниками глубокой древности. «Нигдѣ — говоритъ г. Забѣлинъ — нельзя встрѣтить такого числа могилъ самой разнообразной величины и конструкціи, какъ на пространствѣ, окружающемъ пороги верстъ 200 или 300 въ квадратѣ. Повидимому, пороги представляли центральную мѣстность древнѣйшаго кочевья сѣверныхъ народовъ. Здѣсь-то Геродотъ помѣщаетъ свой скиѳскій Герросъ, гдѣ совершалось погребеніе скиѳскихъ царей.» Г. Забѣлинъ сомнѣвается, чтобъ всѣ, находящіяся здѣсь могилы, принадлежали одному племени и предполагаетъ, что иныя помнятъ не одно тысячелѣтіе до нашего лѣтосчисленія. Могилы эти различной величины и отличаются между собою отчасти и по фигурѣ; иныя называются въ народѣ острыя — съ конусообразными вершинами; другія — широкія, съ разложистыми боками; иныя — долгія, въ видѣ вала; другія—*рябыя*, когда двѣ и три могилы сошлись въ одну; самыя замѣчательныя могилы называются *толстыя*, съ круглыми боками, которыхъ крутизна, какъ оказалось, поддерживается фундаментомъ или цоколемъ, правильнымъ окладомъ, сложеннымъ при подошвѣ кургана изъ большихъ тесанныхъ и не тесанныхъ камней. Нелегкость привозки этихъ камней, находящихся на далекомъ разстояніи отъ могилъ, побуждаетъ признать эти могилы мѣстомъ погребенія царей, потому что для этого требовалось бы слишкомъ много рукъ, и располагать ими могли только власть и сила. Вообще въ могилахъ всякой фигуры и всякой величины находятся человѣческіе остовы (мертвяки по мѣстному выраженію), погребенные въ разнообразномъ положеніи: иные лежатъ навзничь, другіе на боку, третіе въ сидячемъ положеніи, скорчившись, съ прижатыми къ груди колѣнами и руками. Замѣчательно, что мертвецы похоронены такъ глубоко, какъ гдѣ можно было докопаться до бѣлой глины, изъ чего г. Забѣлинъ правдоподобно замѣчаетъ, что вѣроятно положеніе умершаго на бѣлой глинѣ соединялось съ какимъ нибудь вѣрованіемъ. Въ нѣсколькихъ могилахъ мертвецы иногда лежатъ безъ всякихъ вещей; при другихъ — грубѣйшей работы горшки, при иныхъ бронзовыя и желѣзныя вещи; въ одномъ курганѣ найдено каменное копье и кремневыя стрѣлы — вещи, какъ бы свидѣтельствующія о каменномъ вѣкѣ. Вблизи могилъ встрѣчаются погребенные конные скелеты, что указываетъ на обычай вмѣстѣ съ умершимъ погребать его коней. Иногда встрѣчается одинъ только конскій скелетъ,

а иногда нѣсколько — число доходитъ до одиннадцати. Едва ли это обстоятельство можно признавать исключительно за мѣрило богатства или бѣдности покойника: могли быть и другія условія, напр., могли зарывать именно любимыхъ умершимъ господиномъ коней. Не совсѣмъ ясно, чтó въ статьѣ Чертомлыцкій курганъ называется гробницами, которыя иногда покрыты толстыми досками или кругляками, или же слоемъ хвороста.

Могилы, которыя по внѣшнимъ признакамъ слѣдуетъ считать мѣстомъ погребенія царей, должны, конечно, болѣе другихъ дать археологіи предметовъ вещественнаго богатства, нó почти всѣ онѣ уже разхищены прежде, можетъ быть въ древнѣйшія времена. Расхищенія (сообщаетъ г. Забѣлинъ) производились посредствомъ лазеекъ; входъ въ нихъ былъ обыкновенно у подошвы кургана съ сѣверной стороны, какъ ближайшей къ центру: надобно замѣтить, что сѣверная сторона всегда круче и радіусъ круга съ этой стороны короче. Подземная лазейка велась довольно прямо и вѣрно къ центру, т. е. къ главной гробницѣ.

Какъ образчикъ своихъ постоянныхъ и полезныхъ для археологіи занятій, г. Забѣлинъ описываетъ раскопку одного изъ кургановъ «Чертомлыцкаго», доставившаго болѣе всѣхъ другихъ богатствъ. Это — очень большая могила у истока рѣки Чертомлыка, въ верстахъ двадцати отъ Никополя и почти на такомъ же разстояніи отъ старой Запорожской Сѣчи. Могила эта иногда служила для сторожи запорожцамъ. На верху ея стояла въ ямѣ — «каменная баба», вытесанный изъ камня болванъ, въ мужскомъ нарядѣ, съ головою, уже отшибенною отъ плечъ и снова приставленною.

Г. Забѣлинъ сообщаетъ интересныя и многозначительныя извѣстія о почитаніи этой бабы у мѣстныхъ жителей. Лѣтъ назадъ тому тридцать кто-то свезъ эту бабу къ себѣ въ домъ, чтобы употребить ее на хозяйство; но вся деревня возстала противъ этого и приписала этому поступку случившійся неурожай. Мужикъ долженъ былъ отвезти ее назадъ, поставить на прежнемъ мѣстѣ. Въ послѣдствіи сочинили разсказъ, что когда каменную бабу везли съ вершины кургана во дворъ къ мужику, нужно было десять воловъ, чтобы стащить ее съ мѣста, а когда отвезли ее назадъ — достаточно было одной пары, и та шла легко. Женщины приписывали ей чудесную цѣлительную силу, разсказываютъ, что какая-то мать принесла (?) своего больнóго лихорадкой двѣнадцатилѣтняго сына раннею зарею: помолилась на восходъ солнца, положила передъ бабой гривну грошей и «паляницу [1]).» Сынъ ея послѣ выздоровѣлъ. Въ 1859 году, г. Забѣлинъ осматривалъ въ первый разъ Чертомлыцкую могилу, раннимъ утромъ онъ встрѣтилъ

[1]) Пшеничный хлѣбъ.

тамъ чабана, который разсказывалъ, что баба помогаетъ въ лихорадкахъ и другихъ болѣзняхъ, что люди приносятъ ей деньги и хлѣбъ, нѣкоторые даже слышали отъ ней слова: «покайся що зъмолоду робивъ». Когда начали раскопку и свалили бабу, то въ народѣ пошли суевѣрные толки, и прохожіе снимали шапки, цѣловали низверженный истуканъ. Бабу эту поставили на сосѣдней могилѣ, названной «Долгая», и г. Забѣлинъ видѣлъ, какъ къ ней подошла крестьянка съ ребенкомъ лѣтъ пяти или шести, перекрестилась, поклонилась въ землю, прикладывалась къ ногамъ, къ груди, къ плечамъ и подносила къ нему также прикладываться своего ребенка, потомъ обошла бабу кругомъ, чѣмъ-то поливала и прыскала изъ пузырька, наконецъ повязала бабу около шеи платкомъ и ушла. Одинъ изъ землекоповъ тотчасъ взялъ платокъ себѣ. Это поклоненіе народа древнему болвану, какъ нельзя нагляднѣе, объясняетъ намъ интеллектуальное состояніе всего простого народа въ продолженіи многихъ вѣковъ по принятіи христіанства. Русь по наружности казалась христіанскою; существовали епископскія каѳедры, строились церкви и монастыри, а громада народа продолжала пребывать съ своими древними языческими вѣрованіями и привычками. Это поклоненіе бабѣ можетъ служить однимъ изъ доказательствъ того, какъ для неразвитой человѣческой натуры идолопоклонство составляетъ какъ-бы потребность.

Раскопка Чертомлыцкаго кургана совершена была въ два лѣта. Въ первое лѣто отыскали на глубинѣ 3-хъ сажень конскій уборъ: перержавѣвшія и сварившіяся удила, желѣзныя удила съ двумя стами пятьюдесятью бронзовыхъ баранчиковъ, пуговицъ, пряжекъ, рѣзныхъ запонъ въ видѣ птичьей головы; найдены части шейнаго убора изъ бляхъ, бронзовыя стрѣлки, бронзовый прорѣзной шаръ съ тулкою для надѣванья на древко, бронзовыя маленькія изображенія львовъ, драконовъ и птицъ, золотыя пластинки, бляшки и ленточки со скважинками по краямъ, которыми они, вѣроятно, прикрѣплялись къ ремнямъ, нѣсколько серебряныхъ вещей и нитки перетлѣвшихъ раковинъ. На другой годъ докопались до двухъ небольшихъ гробницъ, гдѣ нашли человѣческіе остовы. У одного на шеѣ нашли серебряный, покрытый листовымъ золотомъ, обручъ, у другого—золотой витой обручъ въ полфунта вѣсомъ. Около обоихъ были бронзовыя стрѣлки. Въ головахъ этихъ покойниковъ были открыты могилы одиннадцати лошадей — пять изъ нихъ съ серебряными и шесть съ золотыми уздечками и сѣдельными нарядами. Уздечные наряды состояли изъ толстаго наносника, изображавшаго бюстъ какого-то животнаго, изъ двухъ большихъ бляхъ съ изображеніемъ птицъ, изъ двухъ массивныхъ пуговицъ, изъ шести большихъ пуговицъ или бляхъ съ ушками. Сѣдельный нарядъ каждаго коня состоитъ изъ четырехъ пластинъ, че-

тырехъ большихъ пуговицъ или бляхъ съ ушками, изъ желѣзной пряжки и серебрянаго кольца, вѣроятно, отъ подпруги.

Съ большимъ трудомъ докопались до главной гробницы, образовывавшей правильный четырехугольникъ. Но оказалось, что она была давно расхищена, даже увидѣли, что кто-то заплатилъ жизнью за свое корыстолюбіе, и скелетъ его въ слояхъ рушенной земли остался во свидѣтельство. Обвалъ подъ землею не далъ похитителямъ вытаскать всего: оставлено было нѣсколько вещицъ. Но къ счастью современной археологіи, расхищавшіе могилу не попали въ четыре побочныя гробницы, которыя были выкопаны, съ обширными въ восемь аршинъ въ квадратѣ подземельями, въ каждомъ изъ четырехъ угловъ главной гробницы и притомъ ниже уровня ея дна аршина на два, такъ что средина этого дна, гдѣ найдены признаки гроба, возвышалась передъ этими подземельями въ видѣ катафалка, до котораго въ пещеры вели покатые спуски. Такое низменное положеніе быть можетъ удержало ихъ отъ расхищенія.

Въ сѣверовосточной изъ этихъ гробницъ найденъ человѣческій остовъ съ бронзовымъ обручемъ на шеѣ; въ правомъ ухѣ у него была серьга; на середнемъ пальцѣ—золотое спиральное кольцо; на лѣвой сторонѣ у пояса былъ ножъ съ костянымъ черенкомъ и у тазовой кости колчанъ стрѣлъ. Обнаружилось, что тутъ были богатыя одежды, развѣшанныя, какъ думаетъ г. Забѣлинъ, въ сводѣ подземелья на желѣзныхъ крючкахъ, которые тутъ же были найдены съ остатками тканей. Одежды сгнили, но остались двѣ тысячи пятьсотъ штукъ мелкихъ золотыхъ украшеній — родъ вѣнчиковъ съ изображеніями драконовъ, львовъ, сфинксовъ, плодовъ, цвѣтовъ, оленей и бляхъ, также съ изображеніями, очевидно указывающими на греческое происхожденіе; нашли нѣсколько синихъ бусъ, бронзовое зеркало, серебряную миску, нѣсколько костяныхъ досчечекъ съ остатками позолоты, по мнѣнію г. Забѣлина, украшавшихъ ларецъ. Въ юго-восточной гробницѣ нашли то же, но въ меньшемъ количествѣ; но въ сѣверо-западной гробницѣ вмѣстѣ съ остатками истлѣвшаго деревяннаго гроба нашли женскій скелетъ съ такимъ уборомъ: на шеѣ золотой массивный гладкій обручъ около фунта вѣсомъ съ изображеніемъ по концамъ львовъ; а въ ушахъ двѣ серьги, состоящія изъ колецъ съ подвѣсками; на лбу золотая чеканная травами пластинка (вѣнчикъ) съ бляшками въ видѣ цвѣтковъ и розетокъ, сходныя съ подобными уборами, найденными въ двухъ описанныхъ подземельяхъ. Около головы и всего корпуса лежали рядомъ четырехъ-угольныя бляшки съ изображеніемъ сидящей женщины и стоящаго передъ ней мальчика съ зеркаломъ въ рукѣ. Рядъ или нитка этихъ бляшекъ простирался выше черепа на восемь вершковъ сгиба его и потомъ опускался до костей рукъ. Безъ сомнѣнія бляшки служили каймою какого нибудь покрова; а съ исподней стороны

на шеѣ еще очень замѣтны остатки весьма тонкой ткани пурпуроваго цвѣта. На кистяхъ рукъ были широкіе, гладкіе, золотые браслеты, а ниже ихъ стеклянныя бусы, а на всѣхъ пальцахъ золотые перстни: на девяти гладкіе, а на одномъ правомъ мизинцѣ съ изображеніемъ летящей птицы. Между костью таза и ребрами найденъ круглый камень въ родѣ картечной пули. Справа подлѣ руки лежало бронзовое зеркало съ металлическою рукоятью. Въ двухъ аршинахъ отъ этого остова найденъ мужской остовъ: съ небольшими браслетами на рукахъ, съ ножемъ и стрѣлами. По всей сѣверной сторонѣ подземелья стояло тринадцать амфоръ, нѣкоторые изъ нихъ были уже раздавлены. Въ углу гробницы нашли серебряный сосудъ въ одинъ аршинъ вышиною и девять вершковъ въ діаметрѣ, греческой работы, съ 20 рельефными вызолоченными изображеніями—сценъ изъ быта скиѳовъ, занятыхъ уходомъ за своими конями. Въ юго-западной гробницѣ найденъ остовъ двухъ воиновъ: у обоихъ на шеѣ по золотому обручу съ изображеніями львовъ при концахъ. У одного на обѣихъ рукахъ золотые браслеты, а у другого на правой рукѣ серебряный; у одного на безъименныхъ пальцахъ по кольцу, у другого на правой рукѣ на среднемъ пальцѣ кольцо; у обоихъ по бронзовому наборному поясу; только у одного найденъ висѣвшій на этомъ поясѣ мечъ съ рукоятью, покрытою золотомъ съ грубыми изображеніями грифона и оленя; у другаго же только перержавѣвшій остатокъ ножа; подлѣ обоихъ колчаны со стрѣлами, но подлѣ перваго еще два копья, а въ головахъ бронзовая чашка.

Вблизи могилы лежалъ большой слой конскихъ костей и черепковъ отъ разбитыхъ глиняныхъ амфоръ. «Очевидно, говоритъ г. Забѣлинъ, это были слѣды справленной здѣсь тризны или поминокъ. Вообще должно замѣтить, что западная мѣстность отъ главной гробницы не только подъ насыпью кургана, но и дальше по степи, служитъ яснымъ доказательствомъ, что здѣсь въ виду царя-покойника, лежавшаго безъ сомнѣнія сюда лицомъ, совершались въ его памятъ тризны и погребались всѣ лица почему либо ему близкія. Кромѣ множества кургановъ, разсѣянныхъ по степи съ этой стороны, должно упомянуть о долгой могилѣ, находящейся въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ этого громаднаго кургана и, по всему вѣроятію, имѣющей къ нему зависимое отношеніе. Но не должно полагать, что и въ ней откроются такія же сокровища, какими былъ такъ богатъ главный курганъ. Здѣсь, безъ сомнѣнія, погребены рабы царя, быть можетъ тѣ, которые, по сказанію Геродота, насильственно погибали въ памятъ царя, во время годовщины его поминовенія». Въ статьѣ г. Забѣлина не ясно — какъ онъ думаетъ: всѣ тѣла, погребенныя въ разныхъ гробницахъ, положены ли были въ одно время или въ различное, и, въ послѣднемъ случаѣ, какого рода сообщеніе производилось со внутренностью насыпи?

При первомъ томѣ «Древностей» издано приложеніе: «*Изслѣдованіе кургановъ Московской губерніи, въ 1863 и 1864 гг., А. Гатцука*». Изслѣдователь, самъ дѣятельно занимавшійся раскопкою кургановъ преимущественно въ Подольскомъ уѣздѣ, замѣчаетъ, что всѣ курганы были въ лѣсахъ, и нижній слой насыпи состоитъ изъ пепла съ углемъ, изъ чего выводитъ, что, вѣроятно, былъ обычай выжигать огнемъ мѣсто какъ для жилья на землѣ, такъ и въ землѣ. Курганы по южной сторонѣ Москвы рѣки отличаются отъ кургановъ сѣверной, что какъ бы указываетъ на разность жившихъ тамъ и здѣсь народовъ. На южной сторонѣ курганы отличаются отъ кургановъ сѣверной — правильною кругловидною формою. Относительно распредѣленія кургановъ южной стороны можно принять два вида: троичное, гдѣ курганы расположены какъ бы по угламъ равносторонняго треугольника, и прямолинейное. Нѣкоторые болѣе возвышены съ крутыми скатами, другіе отлогіе. Наибольшее скопленіе куполовидныхъ кургановъ изслѣдователь встрѣтилъ въ сѣверной части Подольскаго уѣзда въ углу между Москвою-рѣкой и впадающей въ нее Протвою. Г. Гатцукъ раскопалъ двѣ различныя, но весьма близкія по мѣсту, группы кургановъ въ земляхъ сельца Потапова близъ Екатерининской пустыни въ Подольскомъ уѣздѣ. Въ курганахъ найдены остовы мужскіе и женскіе: мужскіе обыкновенно лежатъ на голомъ пеплѣ, въ нѣкоторомъ возвышеніи надъ почвою; женскіе же, напротивъ, лежали на доскахъ и ограждены были со всѣхъ сторонъ досками. Надъ женскими остовами возведены самые высокіе курганы, такъ что наибольшій курганъ всегда можно считать женскимъ. Изъ этого невольно рождается вѣроятное предположеніе, что у народа, который насыпалъ эти курганы, женщина пользовалась предпочтеніемъ. Всѣ остовы ногами лежатъ къ востоку; голова склонена на лѣво; но есть разница въ двухъ группахъ: въ одной ноги протянуты къ сѣверовостоку, въ другой къ юговостоку; въ первой — руки мертвеца вдоль тѣла, а въ другой правая рука на груди, лѣвая на лобковой кости. Г. Гатцукъ справедливо замѣчаетъ, что эти двѣ группы принадлежатъ къ различнымъ временамъ, хотя къ одному и тому же племени, потому что нельзя предположить, чтобы два рода одного и того же племени, живя одновременно, въ четверти версты другъ отъ друга, могли на столько разниться по религіознымъ обрядамъ. При остовахъ найдены разныя вещи, служившія украшеніями, а именно: кольца, серьги, шейныя гривны, браслеты, ожерелья. «Матеріалъ, изъ котораго сдѣланы эти вещи (говоритъ изслѣдователь), одинъ и тотъ же: плохо очищенная мѣдь, бронза и искусственная смѣсь мѣди съ незначительною частью золота (въ одномъ курганѣ 2-й группы), весьма плохое серебро, сердоликъ (изъ бусъ въ ожерельѣ) и прозрачный кварцъ. Желѣза и стекла нѣтъ признаковъ. Оружія — нигдѣ.» Шейный браслетъ и нѣкоторыя кольца — витыя, одинъ перстень рѣ-

шетчатый, другія кольца и ручные браслеты изъ пластинокъ. Серебро въ ушныхъ навѣскахъ: изъ нихъ однѣ походятъ на найденныя во Владимирской губерніи, а другія — на найденныя въ Кіевѣ. Г. Гатцукъ разрывалъ еще одну группу, состоящую изъ девяти кургановъ, близъ села Потапова, и нашелъ, что въ одномъ курганѣ всѣ кости скелета были истреблены звѣрями. Нашего изслѣдователя сильно занимаетъ вопросъ, какому вѣку и племени принадлежатъ эти могилы. Такъ какъ въ курганахъ этихъ встрѣчается серебро, а серебро шло изъ Азіи въ Скандинавію преимущественно черезъ Россію, по крайней мѣрѣ съ VIII вѣка, то г. Гатцукъ предполагаетъ, что это памятники отъ VII до XII вѣка, до эпохи, когда здѣсь взяло верхъ христіанство, но думаетъ, что иные курганы могли быть и позже насыпаны, потому что инородцы и послѣ здѣсь оставались и наблюдали языческіе обряды. Къ такимъ позднѣйшимъ курганамъ, по его мнѣнію, могутъ быть отнесены тѣ, которые разрывалъ Нечаевъ въ 1854 году въ Бронницкомъ уѣздѣ и которыхъ описаніе помѣщено во Временникѣ Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ Т. XXII, стр. 7; тамъ, между другими вещами, найденъ *желѣзный* серпъ. По нашему мнѣнію, эти предположенія очень слабы; если серебро находится въ скиѳскихъ курганахъ, то что же мѣшаетъ курганамъ Московской губерніи быть современниками скиѳскихъ? Равнымъ образомъ и желѣзный серпъ не даетъ повода придвигать эпоху кургановъ Бронницкихъ къ XII и даже XIII вѣку? Что же касается до народа, которому они принадлежали, теперь существуетъ преданіе, что на землѣ этой жили когда-то чуваши, и они-то насыпали эти курганы. Г. Гатцукъ приписываетъ ихъ вообще чудскому или финскому племени, можетъ быть, тому смѣшанному промежуточному, къ которому принадлежатъ вообще наши восточные инородцы. Онъ доказываетъ это сходствомъ построенія этихъ кургановъ и вещей въ нихъ добытыхъ съ курганами и добытыми въ нихъ вещами, въ изслѣдованныхъ курганахъ въ центрѣ чудской мери, близъ Ростовскаго и Клещина озера. Это — говоритъ г. Гатцукъ — подтверждается также сравненіемъ ихъ съ характеромъ украшеній, донынѣ существующихъ у разныхъ отдаленныхъ нашихъ инородцевъ, какъ скудные остатки вкуса какой-то древнѣйшей монголочудской цивилизаціи. Однако — замѣчаетъ онъ — по нѣкоторымъ частнымъ отклоненіямъ въ стилѣ и матеріалѣ вещей подмосковныхъ кургановъ отъ вещей древней мери, можно допустить, что племя, обитавшее на югѣ Москвы рѣки, составляло особую отъ мери племенную единицу.

Безъ сомнѣнія — прибавимъ мы — на это существованіе особой чудской племенной единицы указываетъ намъ самое названіе *москва*, котораго окончаніе явно означаетъ собирательное названіе, употребительное у славянъ для означенія инородческихъ племенъ, какъ

мордва́, мокша́ и литва́. Но еще болѣе убѣждаетъ изслѣдователя въ томъ, что эти остатки принадлежатъ чудскому племени, то, что черепы, найденные въ курганахъ, отличаются продолговатымъ видомъ, который (г. Гатцукъ ссылается на авторитетъ Бэра) составляетъ характеристическій признакъ чудскихъ племенъ. Тѣмъ не менѣе нѣкоторые ученые приписывали эти черепы индоевропейской расѣ. По извѣстію г. Гатцука, правильно и безпристрастно взглянуть на этотъ вопросъ мѣшаетъ многимъ въ Москвѣ такъ называемое славянофильство, которому хочется, во чтобы то ни стало, хотя бы вопреки очевиднымъ доказательствамъ, считать великорусское племя чистѣйшимъ по расѣ славянскимъ племенемъ. Въ особенности раздраженіе въ этомъ вопросѣ стало проявляться со времени появленія и усвоенія въ Европѣ нелѣпыхъ теорій Духинскаго, который съ преувеличеніемъ, какое только могла продиктовать ему національная антипатія, силится доказать, что великоруссы вовсе не славяне, а принадлежатъ къ такъ называемому уральскому племени и до сихъ поръ сохраняютъ неизмѣнно въ своихъ нравахъ и жизни чуждыя европейскимъ племенамъ азіятскія начала. Духинскій и его послѣдователи хотятъ этимъ унизить великоруссовъ, а противники его оскорбляются этимъ. Въ сущности и съ той и съ другой стороны — чистое донъ-кихотство. Происходить отъ какого бы то ни было племени не составляетъ ни стыда ни униженія. Если бы въ великоруссахъ не было и капли славянской крови, Духинскому мало бы отъ этого было выигрыша; все таки выбросить ихъ изъ семьи славянскихъ народовъ было бы невозможно, потому что они говорятъ славянскимъ языкомъ, а съ языкомъ неизбѣжно ведутъ и славянскую жизнь. Съ другой стороны и москвичамъ нечего было бы краснѣть за это. Напротивъ, этой смѣсимости славянскаго племени съ чудскими племенами великорусское племя одолжено многими счастливыми качествами, да и вообще смѣшеніе племенъ въ исторіи способствовало всегда прогрессу человѣчества.

Кажется, кромѣ раскопокъ, сдѣланныхъ г. Гатцукомъ и другими, прежде его занимавшимися тѣмъ же дѣломъ, на пребываніе чудскихъ аборигеновъ въ Великой Россіи и въ томъ числѣ въ Московской губерніи достаточно указываютъ названія урочищъ, рѣкъ, озеръ, горъ, городовъ и проч. Почтенный и ученый профессоръ Бѣляевъ, недавно въ краткомъ извѣстіи о племенахъ, населявшихъ нынѣшнія губерніи московскаго учебнаго округа, хотя и признаетъ, что финско-чудское племя въ древности заселяло эти земли, но думаетъ, что оно перешло отъ своей народности къ славянской очень скоро. Такое мнѣніе не только не подтверждается никакими научными свидѣтельствами, даже противно законамъ человѣческой природы. Безспорно обрусѣніе чудскихъ племенъ, которыя застала здѣсь славянская колонизація, совершилось не только не скоро, но и съ противодѣйствіемъ, какъ все-

гда бываетъ въ такихъ случаяхъ, и, разумѣется, не безъ того, чтобы славянская народность въ этихъ краяхъ не заимствовала бы чего нибудь отъ побѣжденной ею туземной народности, что и отразилось въ языкѣ, нравахъ и характерѣ великорусскаго народа.

«Всѣ формы кургановъ», говоритъ г. Гатцукъ, «безъ сомнѣнія (?), соотвѣтствуютъ жильямъ (домамъ) обитавшихъ здѣсь народовъ, или же одного и того же народа въ разные періоды его развитія, а потому составляютъ предметъ высокой важности при археологическихъ изслѣдованіяхъ. Извѣстно, что въ тотъ періодъ религіознаго развитія, когда господствовало вѣрованіе въ загробную жизнь, какъ *гробовую*, т. е. въ жизнь земную не вполнѣ отрѣшенную отъ земли; могила почиталась жильемъ, домомъ умершаго, которому и клали въ этотъ домъ все то, что нужно ему было въ жизни, даже пищу, откуда въ южнорусскомъ языкѣ названіе гроба—домовина. Естественно, что при такомъ наивномъ понятіи о могилѣ, этимъ жилищамъ мертвыхъ народы старались придавать и внѣшнюю форму (а иногда отчасти и внутреннее расположеніе) своихъ настоящихъ жилищъ. Такимъ образомъ, конусообразные курганы соотвѣтствуютъ формѣ балагановъ, употребляющихся до нынѣ въ южной и восточной Россіи; по выпуклости же своихъ боковъ они похожи на лѣтнее жилье камчадаловъ, чукчей и эскимосовъ. Конусообразные курганы по своей формѣ совершенно подобны также жилищамъ нашей сѣверной чуди, зимнимъ жильямъ племенъ восточной Сибири и полярной Америки.» Догадка важная—но она требуетъ болѣе подробнаго и тщательнаго изслѣдованія. Не слѣдуетъ упускать изъ вида того обстоятельства, что видъ кургановъ въ теченіе долгаго времени могъ измѣниться.

Въ заключеніе, обращая въ своей рѣчи (статья эта есть вмѣстѣ рѣчь, читанная въ обществѣ) вниманіе на важность и обиліе кургановъ въ великой Россіи, г. Гатцукъ приглашаетъ общество принять мѣры къ правильной и неустанной раскопкѣ кургановъ. Мѣры эти г. Гатцукомъ выражены слѣдующимъ образомъ:

«Мы прежде всего обязаны обратиться не черезъ посредство одной лишь публицистики, но порознь къ каждому изъ гг. землевладѣльцевъ съ просьбою: 1) принять подъ свое просвѣщенное покровительство имѣющіяся на ихъ землѣ древнія насыпи и преимущественно сложенные или разложенные камни, опредѣлить ихъ мѣсто, ихъ внѣшній видъ и относительное расположеніе въ группѣ—о чемъ при случаѣ и увѣдомить московское Археологическое общество. 2) Не допускать къ раскопкѣ кургановъ людей не уполномоченныхъ учеными обществами и вообще оберегать ихъ отъ истребленія или порчи. 3) Если же будетъ предстоять почему либо надобность снять ту или другую насыпь, то благоволить извѣстить заранѣе московское Археологическое общество о времени предстоящей съемки или же если уже на-

сыпь снята, то по крайней мѣрѣ доставить свѣдѣнія о томъ, что именно найдено ими при разсыпкѣ насыпи и какого она была объема и формы. Если не всѣ гг. землевладѣльцы удовлетворятъ просьбѣ общества, то, по крайней мѣрѣ, этою просьбою возбудится во всѣхъ ихъ вниманіе къ древнимъ могиламъ и уяснится для многихъ то, что требуется отъ нихъ обществомъ или наукою.»

Мы здѣсь перепечатываемъ эти слова изъ рѣчи г. Гатцука, именно съ цѣлью содѣйствовать видамъ Общества къ распространенію его обращенія къ отечественной публикѣ.

О курганахъ въ Литвѣ и Западной Руси. Археологическія изслѣдованія гр. К. Тышкевича. Вильна.

Авторъ, представивши общій взглядъ на курганы, вспоминаетъ о разныхъ производствахъ этого слова, останавливается надъ объясненіемъ профессора Мухлинскаго, который выводитъ это названіе изъ персидскаго «gur» (могила) (а сложное существительное gurchan — означаетъ домъ могилы), приводитъ разныя причины насыпанія кургановъ, дѣлитъ ихъ для Литвы и западной Руси на пять отдѣловъ, но произвольно; такимъ образомъ, кромѣ тѣхъ, которые служили гробницами, и тѣхъ, гдѣ свалены тѣла убитыхъ на войнѣ, онъ видитъ еще курганы сторожевые, дорожные, поставленные будто бы для означенія пути переходившими народами, и насыпанные въ честь какихъ нибудь лицъ или на память событій. Кромѣ сторожевыхъ, которыхъ много на югѣ и Украйнѣ, существованіе другихъ, сколько можемъ судить, не опирается на несомнѣнныхъ и твердыхъ свидѣтельствахъ и доказательствахъ.

Упомянувши кратко о разныхъ трудахъ по части курганнаго дѣла въ Россіи, авторъ, самъ долго занимавшійся этимъ дѣломъ, сообщаетъ нѣкоторыя замѣчанія, добытыя имъ изъ опыта и наблюденія. Гробовые курганы, въ странѣ ему знакомой, насыпаны изъ земли близкой къ мѣсту сыпки; тѣло клалось на материкѣ и покрывалось слоемъ угля, иногда же оно сожигалось, отчего авторъ думаетъ, что послѣднее дѣлалось въ знакъ особеннаго уваженія.

Мы знаемъ изъ древней лѣтописи, что у кривичей, которые были предками нынѣшнихъ бѣлоруссовъ и населяли ихъ землю, какъ равно и у вятичей, было въ обычаѣ сожигать тѣла и ставить пепелъ по дорогамъ на столбахъ, а не зарывать ихъ подъ насыпные курганы. Поэтому, мы думаемъ, при раскопкѣ и изслѣдованіи кургановъ и содержимаго въ нихъ, слѣдуетъ прежде всего смотрѣть на вѣроятность, что эти курганы принадлежатъ къ племени, жившему здѣсь ранѣе славянъ; авторъ приводитъ нѣсколько примѣровъ изъ сужденій и открытій археологовъ, разсказываетъ о результатахъ своихъ собственныхъ находокъ, но произвольно пріурочиваетъ эти находки то къ славянамъ, то

къ литовцамъ и пускается въ аналогію и сопоставленія; такой способъ передачи археологическихъ извѣстій только сбиваетъ и запутываетъ: слѣдовало бы сперва изложить и представить то, что удалось найти автору, а потомъ уже дѣлать свои выводы; принимать же какъ будто за рѣшенное: кому принадлежать находимые въ курганахъ остатки—нельзя. Изъ вещей, найденныхъ въ могилахъ, которыя авторъ признаетъ литовскими, замѣчательны женскія украшенія, стеклянные бусы разныхъ видовъ, также бусы изъ каменнаго состава, бронзовые браслеты, перстни, кольца, шпильки, ожерелья, серьги, украшенія разнаго рода, ношенныя на груди, также діадемы на головѣ; въ особенности бросаются въ глаза находимыя въ изобиліи бубенчики, которые у литовцевъ имѣли символическое значеніе дѣвическаго цѣломудрія: серебро и золото рѣдко; янтарь попадается больше. Въ примѣръ наиболѣе виднаго женскаго наряда, г. Тышкевичъ изображаетъ найденный имъ женскій остовъ въ курганѣ минской губ. въ имѣніи *Видогоще*. «На головѣ (говоритъ онъ) я нашелъ бронзовый обручь съ нарѣзанною на немъ вокругъ спиральною линіею, насаженный на ременный поясокъ, отъ коего уцѣлѣли одни мелкіе остатки; при немъ на правой сторонѣ головы два небольшихъ бронзовыхъ кольца когда-то прикрѣпленныя къ этому обручу, имѣющія по дюйму въ поперечникѣ, точно также снаружи нарѣзанныя, соединенныя между собою бляшкою изъ того же металла; кольца эти къ сторонѣ головы на полъдюйма съуженныя, расширяясь наружу до ширины одного дюйма, могли составить мѣсто для пропуски части косы, или же для завѣшиванія какой-нибудь легкой ткани въ родѣ нынѣшнихъ свадебныхъ покрывалъ. По лѣвую сторону головы возлѣ уха лежало продолговатое песчаное (?) кольцо въ 1½ дюйма длиной и въ 1 дюймъ шириною, одинъ конецъ острый какъ бы для продѣванія въ отверзтіе, сдѣланное въ ухѣ; это заставляетъ предполагать, что кольцо это долженствовало быть серьгою. На шеѣ лежалъ рядъ синихъ стеклянныхъ бусъ; два бронзовыхъ обруча съ вырѣзанными винтовыми линіями окружали эту шею; подъ ними грудь украшало ожерелье изъ дѣвичьихъ бубенчиковъ, раздѣленныхъ между собою крупными стеклянными бусинами ярко зеленоватаго цвѣта. Бубенчики эти посредствомъ толстой льняной ткани, проходящей внутри бусинъ, прикрѣплены были къ свитымъ спиралью проволокамъ, окружавшимъ нижнюю часть шеи. Ниже на бедрахъ я нашелъ остатки ременнаго пояса, отъ коего, въ извѣстныхъ между собою разстояніяхъ, къ колѣнамъ, опускались четыре пояска въ 13 дюймовъ длиною изъ шерстяной ткани темнаго, нынѣ уже совсѣмъ неопредѣленнаго цвѣта, перехваченные частыми обручиками изъ бронзовой бляхи; каждый изъ этихъ поясковъ оканчивался внизу дѣвическимъ бубенчикомъ. На рукахъ у нея были бронзовые браслеты; на пальцахъ такія же кольца. Какъ браслеты такъ

и кольца не отличаются изящною отдѣлкою. При томъ носились лоскутья льняной ткани, лежащіе кое-гдѣ въ безпорядкѣ».

Мужскіе скелеты не отличаются богатствомъ наряда. При нихъ обыкновенно находятъ желѣзный ножикъ, огниво, иногда пуговицу или бронзовую иглу. У иныхъ встрѣчается желѣзный топоръ, остріе отъ копія, иногда метательнаго, стрѣлы, у пояса и у головы бронзовыя пряжки; иногда пояса ременные были унизаны разноузорными бляшками. Въ гробахъ виднѣются горшки кубышчатой формы, иногда въ головахъ, иногда въ ногахъ, или съ боку покойника, и шарики, которые авторъ считаетъ слезницами (?) Кромѣ могилъ съ металлическими вещами, встрѣчаются остатки глубочайшей древности — каменнаго вѣка. Собственно въ гробахъ вещей каменнаго вѣка находятъ очень рѣдко; но ихъ иногда выпахиваютъ въ поляхъ и выкапываютъ въ лѣсахъ. Орудія каменнаго вѣка, находимыя въ Литвѣ и западной Руси— каменные молоты, клины и сѣкиры; ихъ форма и величина разнообразна. «Есть камни—говоритъ авторъ—немного обтесанные въ форму молотка или сѣкиры, другіе—въ которыхъ начали выбивать дырку и не докончили.»

«Въ весьма богатомъ собраніи каменнаго оружія въ виленскомъ музеѣ есть большіе камни съ выдолбленіями, въ которые аккуратно входятъ и пристаютъ къ нимъ острія каменныхъ сѣкирокъ; изъ чего слѣдуетъ заключить, что тѣ камни служили въ древности орудіемъ для шлифовки упомянутаго оружія. Въ музеѣ нашемъ есть одинъ экземпляръ оселка, сдѣланнаго изъ весьма твердой каменной породы въ видѣ ткаческаго челнока, на который похожіе въ маломъ числѣ хранятся въ королевскомъ музеѣ въ Копенгагенѣ, съ углубленіями образовавшимися отъ глаженья кременныхъ клиновъ. Они употреблялись исключительно для отдѣлки каменнаго метательнаго оружія, а плоская сторона его отдѣлкою своею заставляетъ предполагать, что его носили на ремнѣ или на тесьмѣ. Находятъ у насъ круглыя штуки твердаго камня кругомъ гладкія, которыя плотно входятъ въ отверстія, сдѣланныя въ молоткахъ и свидѣтельствуютъ безспорно, что ихъ употребляли для сглаживанія этихъ отверстій внутри. И у меня въ коллекціи есть немалое количество подобнаго каменнаго оружія и въ томъ числѣ экземпляръ едва начатыхъ обдѣлкою молотовъ; другіе отдѣланы снаружи съ отверстіями, не просверленными еще насквозь; есть также станокъ для ихъ шлифовки и экземпляры цилиндровъ, которыми выглаживались отверстія внутри».—Это мѣсто мы нарочно выписали, потому что считаемъ особенно любопытнымъ видѣть способъ производства первобытнаго искусства человѣческаго. Кромѣ сѣкиръ и молотовъ, въ литовскомъ краѣ находятъ въ землѣ каменныя кружки съ отверстіемъ, очевидно сдѣланнымъ для того, чтобы накладывать ихъ на деревяшки; они, впрочемъ, рѣдки. Трудно отгадать ихъ

значеніе. Что касается до молотовъ, клиновъ и сѣкиръ — они ясно служили оружіемъ, также и домашними орудіями; думаютъ даже, что сѣкирами первоначально земледѣльцы рыли землю, чтобъ посадить въ нее зерно. Бронзоваго оружія не найдено въ Литвѣ и западной Руси, кромѣ топора, который археологъ признаетъ захожимъ съ юга, потому что подобные выкапывались въ окрестностяхъ Зальцбурга. Г. Тышкевичъ останавливается на вопросѣ: какъ отдѣлить бронзовый вѣкъ отъ желѣзнаго, при множествѣ бронзовыхъ вещей, находимыхъ вмѣстѣ съ желѣзными и, слѣдовательно, принадлежащихъ къ позднему времени, когда уже было найдено желѣзо? Онъ приводитъ любопытныя мнѣнія по этому вопросу датскаго археолога Томсона, который, при тщательномъ наблюденіи множества памятниковъ такого рода, вывелъ заключеніе, что бронзы, выкапываемыя вмѣстѣ съ желѣзомъ, и, слѣдовательно, принадлежащія къ желѣзному періоду, бываютъ съ острыми углами, и рисунокъ на нихъ состоитъ всегда изъ прямыхъ линій, образующихъ такія же прямые углы, какими оканчиваются четвероугольники или зубцы, и эти линіи украшены точками, выбитыми или даже сверху начерченными, тогда какъ украшенія чисто бронзовой эпохи, при болѣе удачной и красивой отдѣлкѣ, всегда снабжены рисункомъ, состоящимъ изъ круглыхъ или извилистыхъ линій. Руководствуясь этимъ замѣчаніемъ опытнаго археолога, г. Тышкевичъ обращалъ вниманіе на рисунокъ, украшающій вырытыя въ западномъ краѣ бронзы, и вездѣ находилъ прямыя линіи, соединенныя между собою подъ углами, или связанныя рѣшеткою, изъ чего заключаетъ, что бронзовый вѣкъ не коснулся этого края.

Нельзя не признать особой важности за выкопанными г. Киркоромъ въ Борисовскомъ уѣздѣ въ урочищѣ имѣнія Логойскъ, называемомъ Темныя Крамки и лежащемъ въ Губской пущѣ, въ большомъ курганѣ, при человѣческомъ остовѣ, двумя металлическими чашечками съ четвероугольными отверстіями по краямъ и съ концемъ льняной нитки въ одномъ изъ этихъ отверстій; въ чашечкахъ найдены были «два разной величины прямоугольные металлическіе треугольника съ двумя подвижными петельками при концахъ его катетовъ, и притомъ нѣсколько вещей, въ числѣ которыхъ замѣчательны неразгаданный остатокъ металлическаго слитка и кусокъ жертвеннаго серпа». Г. Тышкевичъ выводитъ, что чашечки эти были вѣсы, а человѣкъ, погребенный въ могилѣ, былъ бронзовыхъ дѣлъ мастеръ или алхимикъ, какъ выражается г. Тышкевичъ, и что, слѣдовательно, бронзовыя вещи, найденныя въ могилахъ, работались внутри края. Предоставляемъ знатокамъ изслѣдовать и оцѣнить справедливость такой догадки.

Г. Тышкевичъ сообщаетъ, что онъ не замѣтилъ, чтобъ мертвецы которыхъ онъ откапывалъ, клались въ опредѣленномъ положеніи относительно странъ свѣта. Были скелеты погребенные въ сидячемъ поло-

женія. Въ нѣкоторыхъ могилахъ видны были остатки досокъ, изъ чего можно заключить, что клали мертвецовъ въ деревянные гробы; а другіе были укрыты плоскими камнями. Женскіе скелеты оказывались ростомъ выше мужскихъ — нѣсколькими дюймами.

Иногда при раскапываніи могилъ археологъ нападалъ на такіе признаки, которые побуждали его предполагать слѣды трагедій древняго міра. Такъ г. Тышкевичъ, вмѣстѣ съ г. Киркоромъ, въ Логойской пущѣ въ урочищѣ Словогоскіе Концы, отыскалъ въ курганѣ остовъ рыцаря съ желѣзнымъ копьемъ и съ сѣкирой у ногъ, и тутъ же у ногъ его стояла въ отвѣсномъ положеніи голова, которую г. Тышкевичъ называетъ головою дѣвицы да еще «молодой.» Она была обращена лицомъ къ ногамъ рыцаря: подъ нею находилось богатое ожерелье изъ бубенчиковъ, а подъ ожерельемъ желѣзный обручъ, больше 2-хъ дюймовъ въ поперечникѣ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ этого кургана былъ другой почти такой же курганъ, и въ немъ отрыли два скелета вмѣстѣ лежавшіе, мужской и женскій. При мущинѣ было желѣзное копье и двѣ бронзовыя пряжки; при женщинѣ бусы и проволочное кольцо. У ногъ мужчины былъ оселокъ; у ногъ женщины — жертвенный горшокъ. «Какая-то тайна» — замѣчаетъ г. Тышкевичъ. «Чтобъ два тѣла вмѣстѣ лежащія могли быть покрыты однимъ курганомъ, они должны были умереть непремѣнно вмѣстѣ, надлежало имъ сдѣлаться жертвою одного удара злополучія. У каждаго изъ нашихъ археологовъ есть на памяти случаи, въ которыхъ онъ открываетъ что нибудь подобное. Когда на одномъ и томъ же кладбищѣ мнѣ попались два такіе гроба, рядомъ лежащіе, невольно приходитъ на мысль, что между ними есть связь, что похороненныя въ немъ лица были дѣйствующими въ какой нибудь несчастной драмѣ, разыгравшейся за многіе вѣка до насъ.»

Г. Тышкевичъ проводитъ параллель между археологическими находками въ Литвѣ и западной Руси съ находками другихъ странъ и усматриваетъ наиболѣе сходства съ чешскими. Что касается до находокъ древностей римскаго времени, которыми онъ самъ занимался, то онъ не видитъ въ нихъ связи съ тѣми, которыя ему удавалось открывать у себя.

По изысканіямъ г. Тышкевича слѣдуетъ отличать отъ могилъ покрытыхъ курганами другого рода могилы, которыя называются *жальниками*; это такія гробницы, гдѣ тѣло хранили безъ всякой утвари и не покрывали курганами. Могилы эти обозначались камнями, положенными вытянутымъ кругомъ, и одинъ изъ камней побольше ставился ребромъ. Г. Тышкевичу кажется, что, «вслѣдствіе какой-то реформы человѣческихъ понятій, людей перестали хоронить въ курганахъ, а система погребенія въ нѣдрахъ земли нагими, безо всякихъ земныхъ украшеній, т. е. въ такомъ видѣ какъ человѣкъ является на свѣтъ —

была принята всѣми.» Трудно допустить, какъ думаютъ нѣкоторые археологи, что въ одно и тоже время могли хоронить такъ и иначе, потому что, если обычай класть вещи въ могилу былъ (какъ, конечно, слѣдуетъ предполагать) соединенъ съ религіозными представленіями о загробной судьбѣ человѣка, то люди, которые стали думать и воображать иначе, не стали бы, особенно при богатствѣ земли, хоронить мертвецовъ рядомъ съ тѣми, которые клали съ своими мертвецами вещи и насыпали надъ ними курганы; а именно случается, что рядомъ съ курганами, въ которыхъ откапываютъ тѣла съ вещами, находятся жальники, гдѣ находятся остовы, безъ всякихъ вещей и украшеній, и не покрытые курганами.

Въ заключеніе, г. Тышкевичъ приводитъ слѣдующее этнографическое извѣстіе о наблюдаемыхъ на его родинѣ обычаяхъ, въ которыхъ онъ видитъ слѣды древнихъ памятниковъ:

«Донынѣ еще крестьяне наши ставятъ надъ могилами памятники по умершимъ, называемые у нихъ прикладинами, состоящіе у болѣе достаточныхъ изъ деревянныхъ клѣтокъ съ крышей на верху, а у бѣднѣйшихъ изъ куска дерева, обдѣланнаго на три грани. Памятники эти, въ каждомъ почти околоткѣ, представляютъ много видоизмѣненій совершенно различающихся другъ отъ друга и по формѣ и по понятіямъ. Въ Свѣнцянскомъ и въ значительной части Вилейскаго уѣзда крестьяне ставятъ свои прикладины, т. е. памятники только умершимъ мужчинамъ; женщины, погребенныя на тѣхъ же кладбищахъ, не получаютъ памятниковъ; но за то, чтобъ почтить ихъ память, остающіяся въ живыхъ родные кладутъ по рѣкамъ, ручьямъ, рвамъ, бродамъ, даже болотамъ, словомъ повсюду, гдѣ только не можетъ ступить нога человѣческая, деревянныя колоды съ вырѣзаннымъ на нихъ крестомъ или буквами, или солнцемъ съ лучами, а чаще всего съ вырѣзанною человѣческою ступнею. Безъ сомнѣнія, памятники этого рода кладутся по дорогамъ, тропинкамъ и по всѣмъ публичнымъ проходамъ съ тою мыслью, что они должны каждому прохожему напоминать покойницу, въ честь коей положена кладь, и чрезъ то самое заставить его вздохнуть ко Всевышнему о душѣ усопшей. На кладбищахъ нынѣшняго Борисовскаго уѣзда, въ западной его части, обычай этотъ не существуетъ; женщинамъ, похороненнымъ на кладбищахъ, равно какъ и мужчинамъ, дѣлаютъ прикладины.

Кирилло-Меѳодіевскій Сборникъ въ память совершившагося тысячелѣтія славянской письменности и христіянства въ Россіи. Изданный по опредѣленію Московскаго Общества любителей русской словесности М. Погодинымъ. Москва.

Сборникъ этотъ начинается двумя очень важными для науки статьями: г. Горскаго (Житіе св. Кирилла и Меѳодія) и архіепископа Фила-

рета (Кириллъ и Меѳодій, славянскіе первоучители). Первая изъ нихъ есть критическое изложеніе содержанія паннонскаго житія, вторая — біографіи славянскихъ апостоловъ и критика извѣстій о ихъ трудахъ. Не лишнею будетъ для удобства пользованія совмѣстная перепечатка этихъ двухъ капитальныхъ изслѣдованій, хотя уже и давно извѣстныхъ ученому міру. За этими изслѣдованіями слѣдуетъ рѣчь, произнесенная г. Погодинымъ въ обществѣ любителей русской словесности. Авторъ ея задаетъ себѣ нѣсколько вопросовъ, на которые и отвѣчаетъ. Первый изъ этихъ вопросовъ: Кто были славянскіе апостолы, греки или славяне по происхожденію? Г. Погодинъ склоняется къ тому, что они скорѣе были славяне, чѣмъ греки. Доказательства у него, по собственному его выраженію, двухъ родовъ: a priori и a posteriori. Болѣе тверды доказательства a priori, изъ которыхъ можно вывести окончательный результатъ, что славянскіе апостолы *могли* быть славянами по происхожденію. Намъ кажется также, что они могли быть скорѣе славяне, чѣмъ греки, на томъ основаніи, что, такъ какъ славянъ въ греческой имперіи было много и нѣкоторые изъ нихъ получали образованіе и достигали значительныхъ мѣстъ, то, когда пришла потребность послать къ славянамъ учителей христіанской вѣры — вѣроятно, нашлись бы для того природные славяне, и прямѣе было бы выбрать учителей изъ нихъ. Впрочемъ — славяне ли по происхожденію или греки были наши апостолы — несомнѣнно, что они какъ солунскіе уроженцы усвоили съ дѣтства славянскій языкъ. Г. Погодина останавливаетъ извѣстіе о томъ, что, бывши въ Крыму, Константинъ-Кирилло увидалъ тамъ Евангеліе и Псалтырь, написанныя русскими письменами, и бесѣдовалъ съ человѣкомъ, который говорилъ русскимъ языкомъ. Еще Шафарика приводило въ недоумѣніе это мѣсто, и онъ объяснялъ его такъ, какъ будто подъ русскимъ переводомъ надо разумѣть готскій переводъ Ульфилы. Г. Погодинъ, напротивъ, думаетъ, что здѣсь дѣйствительно идетъ рѣчь о русско-славянскомъ языкѣ, и полагаетъ, что письмена, употреблявшіяся этими славянами, были *глаголица*, а Константинъ упростилъ ее и произвелъ изъ ней болѣе удобную для писанія грамоту — *кириллицу*. Но если бы дѣйствительно глаголица употреблялась у русскихъ, то, вѣроятно, не исчезла бы и впослѣдствіи безъ слѣда. Какъ могли этого не знать, хотя бы во времена составленія первоначальной лѣтописи нашей? Безспорно, еслибъ была у насъ глаголица, то она не съ разу бы уступила новой грамотѣ. Ученый А. В. Горскій полагаетъ, что это мѣсто въ житіи не болѣе какъ русское дополненіе, сходное съ разсужденіемъ въ Хронографѣ XV вѣка о боговдохновенности русской грамоты, которому г. Погодинъ также приписываетъ авторитетное значеніе. Вслѣдъ за этимъ, г. Погодинъ приводитъ списокъ на всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ «Отче нашъ» и находитъ, что—славяно-церковнаго языка «Отче нашъ» ближе

всего къ нынѣшнему великорусскому. «А если—говоритъ г. Погодинъ— оно ближе всѣхъ къ нынѣшнему, то къ затысячилѣтнему оно было еще ближе, т. е. было почти одно и тоже». Дѣло въ томъ, что приведенный г. Погодинымъ «Отче нашъ» вовсе не великорусскій, а русскій, написанный на книжномъ языкѣ, составленномъ изъ славяноцерковнаго вмѣстѣ съ великорусскимъ, и близость русскаго «Отче нашъ» къ славяноцерковному зависитъ отъ того, что въ русскомъ много словъ цѣликомъ взятыхъ изъ славяноцерковнаго, а совсѣмъ не изъ народнаго великорусскаго. Г. Погодинъ, вспоминая о племенахъ, перечисленныхъ въ лѣтописи, извѣстной подъ именемъ Несторовой, останавливается и спрашиваетъ: которому же племени тогда принадлежало нынѣшнее великорусское нарѣчіе? «Непремѣнно (говоритъ онъ) должны быть между исчисленными племенами великорусское и малорусское. Великоросіянъ, такъ какъ и малоросіянъ, по моему мнѣнію, должно искать подъ какимъ нибудь другимъ именемъ у Нестора. Подъ какимъ же? Я думаю, что поляне, обитатели кіевской страны, тогда еще совершенно отличные своими нравами отъ прочихъ славянскихъ племенъ, поляне, которымъ принадлежатъ богатырскія пѣсни, нынѣ пѣваемыя въ самыхъ отдаленныхъ углахъ Россіи, поляне, которые оставили намъ языкъ свой въ древнихъ лѣтописяхъ, поляне составляли въ древности великорусское племя, распространившееся постепенно по всѣмъ предѣламъ нынѣшней Русской земли, преимущественно послѣ Татаръ.» При этомъ, г. Погодинъ не соглашается съ мнѣніемъ гг. Срезневскаго и Лавровскаго, что въ девятомъ столѣтіи не было раздѣленія на существующія теперь великорусское и малорусское нарѣчія, а что тогда было одно нарѣчіе, которое впослѣдствіи раздѣлялось на два или на три нарѣчія: великорусское, малорусское и бѣлорусское. «Они,» говоритъ г. Погодинъ, «говоря о языкѣ, забываютъ о племени: племя же великорусское и малорусское такъ различны своими характерами, что допустить это различіе только послѣ татаръ нѣтъ никакой возможности; и племена и нарѣчія — древнѣе Татаръ.»

Намъ кажется, что гг. Срезневскій и Лавровскій правы, говоря, что въ древности не было ни великорусскаго, ни малорусскаго нарѣчій, но нельзя согласиться, чтобы въ древности было одно нарѣчіе для всѣхъ. Это противорѣчитъ прямымъ извѣстіямъ лѣтописи и тѣмъ чертамъ, какія представляются намъ въ нравахъ и преданіяхъ народовъ населявшихъ материкъ Россіи. Лѣтописецъ говоритъ: *имяху бо обычаи свои и законъ отецъ своихъ и преданія, кождо свой нравъ.* Съ отличіями въ нравахъ, обычаяхъ, преданіяхъ и законѣ — безъ всякаго сомнѣнія было отличіе и въ рѣчи: иначе и не можетъ быть. Гдѣ рѣчь разная — тамъ и обычаи и нравы разные, и наоборотъ. Слово связано съ жизнію и жизнь со словомъ. Народъ не можетъ потерять своей рѣчи, не измѣнивши обычаевъ, нравовъ и жизни, и не

можетъ отличаться отъ другого народа обычаями, нравами, образомъ жизни, не отличаясь и рѣчью. При огромномъ пространствѣ, при трудности сообщенія, наконецъ при враждѣ, которая была между племенами, не возможно, чтобы не существовало отличія въ нарѣчіяхъ. Ихъ конечно было больше, чѣмъ послѣ. Нарѣчія великорусское, малорусское и бѣлорусское сложились уже послѣ, когда историческія обстоятельства, въ теченіе многихъ вѣковъ, устроили взаимное соединеніе нѣсколькихъ болѣе дробныхъ частей, оставя, впрочемъ, до сихъ поръ нѣкоторые замѣтные слѣды древнѣйшихъ отличій и особенностей. Конечно, въ нарѣчіяхъ, напр. южной Руси, гдѣ сначала возникло русское государство и русская гражданственность, были элементы для малорусскаго нарѣчія, но оно, безъ сомнѣнія, не образовалось въ глубокой древности въ томъ видѣ, въ какомъ мы его теперь видимъ. Что касается до восточныхъ странъ Россіи, гдѣ потомъ мы видимъ господствующимъ нарѣчіе великорусское, то значительная часть этихъ странъ была еще заселена чудскимъ племенемъ, и славяне въ продолженіи многихъ вѣковъ туда подвигались, и смѣшивались съ туземцами, которые теряли свою народность и передѣлывались въ славянъ: такъ—образовалось племя великорусское и нарѣчіе великорусское. Половецкіе набѣги, а потомъ татарское нашествіе заставили съ юга переселяться жителей на сѣверовостокъ; а въ XIV вѣкѣ мы имѣемъ свидѣтельство о значительномъ приливѣ въ Московскую землю южныхъ жителей. По этому нельзя отрицать, что на составъ великорусской народности сильно вліялъ югъ Россіи, и въ великоруссахъ можно видѣть полянъ въ числѣ многихъ другихъ древнихъ народовъ Руси, но, наоборотъ, нельзя назвать полянъ великоруссами. Что касается до книжнаго церковнаго языка, котораго памятники намъ остались, то имъ нельзя руководствоваться, говоря о различіи нарѣчій. У насъ языкъ этотъ былъ самъ по себѣ: языкъ ученый, книжный; ему учились, его знали ученые люди, а народу, или лучше сказать народамъ, которыхъ посылали слушать на немъ въ церквахъ богослуженіе, онъ еще менѣе былъ понятенъ, чѣмъ теперь, также мало, какъ нашъ книжный языкъ, языкъ образованнаго общества, мало понятенъ въ какихъ нибудь сельскихъ захолустьяхъ и Великороссіи и Малороссіи и Бѣлоруссіи.

Г. Погодинъ полагаетъ, что радимичи и вятичи, принадлежавшіе къ роду ляховъ, «было самое малочисленное племя — занимало по Окѣ малое пространство и составляло ничтожный удѣлъ. Они скоро смѣшались съ другими племенами и исчезли.» Но если они смѣшались съ другими, то вѣдь тоже произошло и съ прочими племенами? Имя ихъ перестало съ XII вѣка упоминаться въ лѣтописяхъ; но вѣдь и другихъ народовъ имена перестали упоминаться? Мы знаемъ изъ лѣтописи, что вятичи жили по Окѣ; а развѣ Ока малая рѣка по своему

протяженію? Судя по этому, можно, напротивъ, предположить, что вятичи было самое обширное племя, и въ составѣ великорусской народности играли важнѣйшую роль.

Въ трехъ письмахъ своихъ *«О Кириллѣ и Меѳодіи и тысячелѣтней ихъ годовщинѣ,»* перепечатанныхъ изъ «Дня», А. Ѳ. Гильфердингъ начинаетъ вопросомъ: когда изобрѣтены были славянскія письмена и для какихъ славянъ изобрѣтены были письмена? Г. Гильфердингъ, принимая сказаніе черноризца Храбра, относитъ изобрѣтеніе письменъ къ 855 году, и, слѣдовательно, не по поводу приглашенія изъ Моравіи; онъ доказываетъ, что первая проповѣдь была для славянъ македонскихъ. Онъ поясняетъ, что Брегальница, гдѣ, по Климентову житію, началась проповѣдь славянская, лежитъ въ той части Македоніи, которая византійцами называлась по преимуществу Словиніей; она-то находилась въ управленіи Меѳодія. «Не была-ли», говоритъ г. Гильфердингъ, «тутъ для Кирилла самая близкая, самая лучшая почва для первой попытки славянской письменности и славянскаго богослуженія. Не естественно ли, что именно здѣсь первый, еще скромный, успѣхъ святаго дѣла, начатаго младшимъ братомъ, подъ его глазами побудилъ Меѳодія отказаться отъ свѣтской власти и посвятить себя обращенію славянъ.» Г. Гильфердингъ находитъ, что нарѣчіе македонскихъ славянъ и теперь представляетъ въ живой рѣчи народа тѣ свойства, которыя служатъ отличительными, такъ сказать, діалектическими признаками церковно-славянскаго языка (разумѣется въ древнѣйшихъ памятникахъ) въ ряду вѣтвей славянскихъ.» Авторъ полагаетъ, что, во время своей поѣздки въ Хазарію, славянскій апостолъ проповѣдывалъ тамъ славянамъ, составлявшимъ значительную часть народонаселенія хазарской державы.

Г. Гильфердингъ даже не пренебрегаетъ византійскою легендою, такъ называемымъ анонимомъ Бандури, гдѣ приписывается изобрѣтеніе письменъ именно проповѣди для русскихъ славянъ. Этотъ отрывокъ до сихъ поръ былъ отвергаемъ учеными и опираться на него—значило навлечь на себя упрекъ въ незнаніи дѣла; но г. Гильфердингъ смѣло и справедливо беретъ его подъ свою защиту, признаетъ его знаменательнымъ и хотя считаетъ его легендою, но указываетъ, что эта легенда хранитъ забытые слѣды прошедшаго. Въ этомъ отрывкѣ сохраняются подъ вліяніемъ позднѣйшихъ событій воспоминанія о миссіи Кирилла и Меѳодія въ черноморскія страны, и о томъ, что отъ нихъ непосредственно получили русскіе славяне первые начатки грамотности и христіанства. Въ самомъ дѣлѣ, почему такое пренебреженіе къ этому легендарному разсказу, когда прочія свидѣтельства о Кириллѣ и Меѳодіи не лишены легендарнаго характера? Г. Гильфердингъ находитъ, что крещеніе Аскольда и Дира состоитъ въ прямой связи съ предшествовавшею проповѣдью Кирилла и Меѳодія въ хазарскихъ вла-

дѣніяхъ. Что касается до извѣстія о русскомъ Евангеліи и Псалтырѣ, то г. Гильдердингъ не придаетъ ему важности и достовѣрности. Далѣе, г. Гильфердингъ посвящаетъ свои письма доказательствамъ противъ мысли, распространенной на западѣ и поддержанной Шафарикомъ, будто Кириллъ изобрѣлъ не кирилицу, т. е. не ту азбуку, которую мы теперь называемъ кирилицей, а ту, которая носитъ названіе глаголицы. Г. Гильфердингъ хорошо доказываетъ древность кирилицы и принадлежность ея Кириллу, а равно и опровергаетъ своихъ противниковъ, между прочимъ, замѣчаніемъ, что Кириллу, воспитанному въ нѣдрахъ греческой образованности, не было вовсе необходимости замѣнить странными начертаніями такіе звуки, которыхъ означенія были уже извѣстны славянамъ, жившимъ въ греческой имперіи и знакомымъ болѣе или менѣе съ греческимъ алфавитомъ; напротивъ, кирилловская азбука, съ прибавкою буквъ для означенія такихъ звуковъ, коихъ нѣтъ въ греческомъ языкѣ — практически удачно составлена. Притомъ есть прямое свидѣтельство Храбра, который прямо указываетъ на азбуку, называемую до сихъ поръ кирилицею, какъ на ту именно, которую изобрѣлъ Кириллъ; да у того же Храбра есть намекъ на попытки, бывшія въ его время (т. е. въ началѣ X вѣка) передѣлать кирилловскую азбуку. Устрояютъ еще—говоритъ онъ—письмена для славянъ. «Мнѣ кажется (говоритъ г. Гильфердингъ), что здѣсь намекъ на глаголицу: время, въ которое писалъ Храбръ, совпадаетъ съ вѣроятнѣйшей эпохой ея происхожденія.» Г. Гильфердингъ удачно отвергаетъ мнѣніе, которое приписывало изобрѣтеніе азбуки, называемой теперь кирилицей — св. Клименту, но довольно слабо вооружается противъ важнѣйшаго доказательства въ пользу глаголицы, — свидѣтельства новгородскаго попа Упыря въ томъ, что, переписывая съ глаголицы, онъ называлъ ее кирилицею.

Въ заключеніе, переходя отъ апостоловъ славянскихъ къ славянству, г. Гильфердингъ находитъ, что малоруссы болѣе всѣхъ другихъ народовъ имѣютъ задатковъ выработать въ своей средѣ и внести въ общественное сознаніе русской земли идею славянства. «То, (говоритъ г. Гильфердингъ), въ чемъ малорусское племя отдалилось отъ коренныхъ началъ славянскихъ, уступивъ западнымъ общественнымъ началамъ (большее развитіе въ народѣ начала личности, отсутствіе поземельной общины, бо̀льшая особенность народной жизни и т. п.) служитъ какъ бы переходомъ отъ своеобразнаго славянскаго быта племени великорусскаго къ западноевропейскому быту славянъ западныхъ.» Хотя объ особенностяхъ славянскаго племени писались цѣлыя книги, издавались цѣлые журналы и газеты, но мы все еще не видимъ, отчего то, чему противуполагаются качества, выработанныя малорусскимъ племенемъ, составляетъ коренныя славянскія начала: какъ напр., неразвитіе личности, общее, какъ извѣстно, азіатскимъ наро-

дамъ, и общинность поземельнаго владѣнія — во первыхъ, плодъ изобилія количествомъ и вмѣстѣ худаго качества земли, во вторыхъ, долголѣтней административной поддержки? Тѣмъ не менѣе, мнѣніе г. Гильфердинга вѣрно въ томъ отношеніи, что какъ языкъ, такъ и народныя особенности малорусскаго племени, составляютъ какъ бы средину между востокомъ и западомъ славянскаго міра.

Важна въ ученомъ отношеніи записка о переводѣ Евангелія на славянскомъ языкѣ, сдѣланнымъ св. Кирилломъ и Меѳодіемъ, составленная и читанная въ собраніи общества любителей русской словесности г. Невоструевымъ, гдѣ показывается значительность отличій древняго текста отъ позднѣйшихъ, а также отмѣны, особенности и ошибки Остромирова Евангелія.

Кромѣ всего этого, Кирилло-Меѳодіевскій сборникъ заключаетъ памятники, относящіеся къ богослуженію въ память Кирилла и Меѳодія и дополнительные памятники, касающіеся ихъ біографіи: 1) *Древне-славянскій памятникъ, дополняющій житье славянскихъ апостоловъ*, *г. Григоровича;* 2) *О древнихъ канонахъ св. Кирилла и Меѳодія*, *г. Горскаго;* 3) *Служба св. Кириллу и Меѳодію;* 4) *Сравнительное количество списковъ службы св. Кириллу и Меѳодію, принадлежащихъ г. Григоровичу и Московской Синодальной Библіотекѣ*, *г. Казанскаго;* 5) *Память и похвала св. Кириллу и Меѳодію;* 6) *Слово о перенесеніи св. Климента папы Римскаго (изъ Макаріевскихъ Четиминей);* 7) *Житіе и перенесеніе мощей св. Климента* (италіанская легенда въ русскомъ переводѣ изъ рукописи Румянцевскаго музея съ приложеніемъ латинскаго подлинника; 8) *Кириллъ и Меѳодій — новые источники и ученые труды для исторіи славянскихъ апостоловъ*, *г. Викторова* — критическое изслѣдованіе, котораго не слѣдуетъ опускать при специальномъ занятіи біографіею Кирилла и Меѳодія и при изученіи ея источниковъ. 9) *Варіанты къ службѣ св. Кириллу изъ списковъ московской типографской библіотеки*, *Арсеньева.* Затѣмъ въ сборникѣ есть нѣсколько словъ, написанныхъ по поводу празднованія памяти славянскихъ апостоловъ, и вообще выраженія чувствъ, возбуждаемыхъ размышленіями о значеніи для русскаго просвѣщенія этихъ великихъ мужей.

Воспоминанія кавказскаго офицера 1835 — 36 — 37 и 39 годовъ. Москва.

Книга эта можетъ служить матеріаломъ для исторіи покоренія Кавказа и состоянія покоренныхъ русскимъ оружіемъ горскихъ народовъ. Она написана человѣкомъ, знающимъ дѣло близко, бывшимъ нѣсколько разъ въ схваткахъ съ горцами и въ плѣну у нихъ, и притомъ, владѣющимъ хорошо языкомъ и умѣньемъ разсказывать впечатлѣнія своей боевой жизни.

Учебный атласъ къ русской исторіи составленъ и изданъ по русской исторіи Замысловскимъ. Спб.

Для занимающихся русскою исторіею давно ощутительна потребность такого атласа, который могъ бы служить при чтеніи лѣтописей. Было бы современно и сообразно съ требованіями науки и просвѣщенія, еслибъ какое нибудь *ученое учрежденіе* предприняло составленіе и изданіе такого труда. Предоставляя же это важное дѣло одной дѣятельности частныхъ лицъ, едва ли скоро можно дождаться его исполненія. Настоящее изданіе имѣетъ цѣлью быть только пособіемъ при гимназическомъ обученіи отечественной исторіи.

Матеріалы для историко-географическаго словаря Россіи. Собралъ и издалъ Н. Барсовъ. Вильно.

Упоминаемыя въ лѣтописяхъ и отчасти въ актахъ мѣстности изложены въ азбучномъ порядкѣ съ приведеніемъ буквально изъ источниковъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они встрѣчаются. Авторъ ограничивается половиною XIV вѣка, находя съ того времени переломъ въ жизни нашего отечества. Намъ кажется, если брать эпоху, которая можетъ назваться переломомъ, то скорѣе XVI вѣкъ, когда наступило полное господство государственныхъ началъ; когда на востокѣ окончательно образовалось Московское государство, а на западѣ русскія земли, составлявшія великое княжество Литовское, подчинились Польшѣ.

Древніе памятники письма и языка югозападныхъ славянъ. Трудъ И. Срезневскаго.

Начало катологическаго изложенія не только существующихъ, но существовавшихъ въ свое время памятниковъ, съ учеными объясненіями.

Описаніе Боровицкаго Святодуховскаго монастыря съ его окрестностями.

Кромѣ исторіи самаго монастыря, основаннаго въ половинѣ XVI вѣка, и разсказовъ, касающихся мощей преподобнаго Іакова, есть черты народныхъ обычаевъ и преданій, относящихся къ древнимъ временамъ, и также описанія не лишенныхъ интереса для изученія прошедшей жизни обстоятельствъ построенія города Боровичъ при Екатеринѣ II.

Кавказскій календарь на 1865 годъ.

Помѣщенъ историческій обзоръ Грузіи, гдѣ разсказываются внѣшнія событія исторіи по царствованіямъ, начиная отъ патріархальныхъ временъ до присоединенія къ Россіи.

Учебно-исторический сборникъ по русской исторіи. (Пособіе къ курсу отечественной исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Составилъ А. Добряковъ. Т. I, Отдѣлъ I. Земля и народы предъ началомъ государства (съ картою восточной Европы въ половинѣ IX вѣка). Спб.

Книга эта раздѣлена на два отдѣла: въ первомъ помѣщены статьи, касающіяся собственно свѣдѣній о землѣ, т. е. географіи, во второмъ, о народахъ древней Россіи: славянахъ, литовцахъ, финнахъ, булгарахъ и хазарахъ. Книга очень полезная, но мы позволимъ себѣ сдѣлать издателю слѣдующія замѣчанія: 1) для древней географіи слѣдовало бы помѣстить статей поболѣе; 2) слѣдовало бы коснуться результатовъ, добытыхъ для науки изъ курганныхъ открытій, тѣмъ болѣе, что надлежитъ знакомить юношество съ этимъ важнымъ, въ наше время, источникомъ для древней исторіи и археологіи; 3) такъ какъ издатель допускаетъ цѣликомъ отрывки изъ первоначальныхъ памятниковъ о древнихъ славянахъ, то слѣдовало бы привести многое изъ иностранныхъ писателей, не ограничиваясь собирательною статьею, составленною на основаніи сочиненія г. Макушева: «Сказанія иностранцевъ о бытѣ и нравахъ славянъ», тѣмъ болѣе, что юноши съ большею любознательностью читали бы самые тексты такихъ сказаній, чѣмъ извѣстія о нихъ; 4) кромѣ статей о финнахъ, слѣдовало привести также нравоописательныя и историческія статьи о восточныхъ инородцахъ, которые, какъ извѣстно, не принадлежатъ къ чистымъ финнамъ, а между тѣмъ имѣли громадное вліяніе на судьбу и составъ русской націи; 5) на картѣ, приложенной къ книгѣ, народъ угличи поставленъ выше народа тиверцовъ, тогда какъ положительное извѣстіе нашего древняго лѣтописца говоритъ, что жилища угличей простирались до Дуная; 6) не оттѣняются крымскія греческія колоніи, существовавшія въ древности. Впрочемъ, не смотря на эти недостатки, трудъ г. Добрякова, во всякомъ случаѣ, какъ мы думаемъ, будетъ принятъ съ благодарностью педагогами. (См. о томъ же изданіи въ т. I, отд. IV, стр. 11).

Древности Россійскаго государства. Дополненіе къ III отдѣленію. Русскія старинныя знамена. Соч. Лукіана Яковлева. Москва.

Книга эта состоитъ изъ двухъ частей: первая заключаетъ въ себѣ опытъ историческаго изслѣдованія о старинныхъ знаменахъ, вторая же описаніе знаменъ, служившихъ въ русскихъ войскахъ въ XVI, XVII и частію XVIII вѣкахъ. Книга эта не должна пугать, повидимому, узкою спеціальностію самаго названія. Г. Яковлевъ въ своемъ изслѣдованіи касается многихъ сторонъ военнаго устройства и вообще стариннаго быта, и это дѣлаетъ его сочиненіе занимательнымъ для чте-

нія. Прибавить къ этому слѣдуетъ свѣжесть документовъ отысканныхъ въ архивѣ Оружейной палаты и въ дѣлахъ Разряднаго архива.

Разсказы изъ Русской исторіи. Соч. Ив. Бѣляева, кн. I, изд. 2, Москва.

Про былое на Руси: о Владимірѣ св., о сыновьяхъ его и о монастырѣ Печерскомъ. Соч. К. Бестужева-Рюмина. Спб.

Князь Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ и потомки его Мономаховичи. Соч. К. Бестужева-Рюмина. Спб.

О злыхъ временахъ татарщины и о страшномъ Мамаевомъ побоищѣ. Соч. К. Бестужева-Рюмина. Спб.

Три послѣднія брошюры изданы товариществомъ Общественной Пользы съ цѣлью распространить въ народѣ общедоступное чтеніе изъ русской исторіи. Имя К. Н. Бестужева-Рюмина служитъ достаточнымъ ручательствомъ за успѣхъ подобнаго рода изданія. У насъ рѣдко спеціалисты *посвящаютъ* себя такому труду, и книги для народнаго чтенія, какъ и для дѣтскаго, составляли предметъ, въ большей части случаевъ, одной спекуляціи.

Письма Лазаря Барановича. Черниговъ.

Важный матеріалъ для исторіи Малороссіи, въ особенности же 1668 года, знаменитаго смутами. Письма эти также должны служить источниками при изученіи церковнаго управленія и хода просвѣщенія въ малороссійскомъ краѣ.

Преподобный Іосифъ Волоцкій, церковно-историческое изслѣдованіе придворнаго священника *Н. Л. Б.* Спб.

Историческое описаніе Московскаго Спасоандроніевскаго монастыря. М.

Историческое описаніе Святотроицкой Сергіевской лавры, изд. съ печатнаго изданія въ 1857 г. М.

Архангельскій соборъ въ Московскомъ Кремлѣ, И. Снегирева (съ рисункомъ). III выпускъ русскихъ достопамятностей. М.

Спасъ на Бору въ Московскомъ Кремлѣ, И. Снегирева (съ рисунками). XI выпускъ Русскихъ достопамятностей. М.

Историческое описаніе Московскаго Ставропигіальнаго Донскаго монастыря, И. Забѣлина. Москва.

Кромѣ хорошо составленнаго описанія, достоинство этой книги увеличивается извлеченіями изъ актовъ, хранящихся въ монастырѣ и до сихъ поръ неизвѣстныхъ для науки.

Житіе преподобнаго Евфимія Суздальскаго чудотворца, составлено архимандритомъ Спасо-Евфиміевскаго монастыря. Спб.

Новгородскій сборникъ, издаваемый новгородскимъ статистическимъ комитетомъ. Выпуски второй и третій. Новгородъ.

Здѣсь помѣщены описаніе Валдая и Валдайскаго уѣзда, также города Демьянска и его уѣзда во всѣхъ отношеніяхъ, бѣлозерскія писцовыя книги 1647 года, судебное дѣло при Алексѣѣ Михайловичѣ, былины и пѣсни, записанныя въ Новгородской губерніи.

Исторія вольнаго экономическаго общества, А. Ходнева. Спб.

Памятная книжка Иркутской губерніи на 1865 годъ.

Здѣсь есть историческая статья г. Чудовскаго о покореніе Иркутской губерніи.

Окраины Россіи. Разсказы изъ исторіи борьбы Россіи за обладаніе ими. Москва.

Записки о жизни и службѣ Александра Ильича Бибикова. М.

Артиллерія и артиллеристы въ до-петровской Руси. Спб.

Матеріалы для исторіи инженернаго дѣла въ Россіи. Ласковскаго, часть III. Опытъ изслѣдованія инженернаго искусства, послѣ императора Петра I до императрицы Екатерины II. Спб.

О налогѣ на соль въ Россіи, Г. П. Ѳедченко. М.

Здѣсь есть историческія указанія на бывшую въ Россіи систему управленія соляными припасами и на богатство солянаго промысла въ прежнія времена въ особенности въ XVIII вѣкѣ.

Трутень Новикова (1760—1770), изданіе 3-ье. Ефремова. Спб.

Важный матеріалъ для исторіи умственнаго движенія въ Россіи въ вѣкъ Екатерины II.

Москва. Подробное историческое и археологическое описаніе города. Изданіе А. Мартынова, почетнаго вольнаго общника Императорской Академіи Художествъ. Текстъ составленъ И. М. Снегиревымъ, при сотрудничествѣ самого издателя. Москва.

Чувствуя и сознавая важность значенія Москвы въ отечественной исторіи, составители предприняли собрать и издать обозрѣніе главнѣйшихъ достопамятностей Московскаго Кремля, Китая, Бѣлаго и Землянаго городовъ. Въ первомъ томѣ этого сочиненія помѣщенъ очеркъ исторіи города, а потомъ разсматриваются московскія урочища съ историческими указаніями и свидѣтельствами о нихъ.

По прочтеніи исторіи Москвы остается грустное чувство. Судьба, выпавшая на долю этому городу была не легка и угрюма, хотя славна и многознаменательна, какъ и вообще не въ весельи не въ радости протекла до сихъ поръ многознаменательная жизнь русскаго народа. Въ самомъ дѣлѣ, чтó рѣзче всего бросается въ глаза при чтеніи очерка

исторіи старой столицы? Истребительные пожары, не разъ въ продолженіе какого нибудь дня уносившіе благосостояніе десятковъ тысячъ народа и осуждавшіе многихъ до конца дней волочить непоправимую жизнь нищеты и горести; опустошительныя нашествія враговъ, разорявшія до-тла городъ и поливавшія его почву обильною кровію его дѣтей; циническое пьянство, вызывавшее необходимость учрежденія спеціальныхъ для того (бражныхъ) тюремъ; трупы опившихся, замерзшихъ, и убитыхъ разбойничьими кистенями, свозимые каждое утро у земскаго двора; трупы замученныхъ въ застѣнкахъ, выставляемые на перекресткахъ для сбора подаянія на погребеніе въ убогомъ домѣ; безчисленныя толпы развращенныхъ нищихъ, расплождаемыхъ превратнымъ пониманіемъ христіанскаго человѣколюбія; по временамъ — дикія безсмысленныя возмущенія невѣжественной черни, случайно сбросившей съ себя тяжелую узду повиновенія; Красная площадь съ кнутами, висѣлицами, желѣзными рожнами, на которыхъ торчали отрубленныя головы, съ туловищами, брошенными на съѣденіе собакъ, съ женщинами, зарытыми въ землю по плеча на смерть; страшные «языки» съ закрытыми лицами и съ отверстіями въ покровѣ для глазъ, отъ которыхъ разбѣгались толпы народа, которымъ стоило закричать «слово и дѣло», чтобъ тѣхъ, на кого они укажутъ, потащили въ то ужасное учрежденіе, которое не переставало существовать въ Москвѣ для обереганія власти подъ разными именами: то тайныхъ дѣлъ приказа, то тайной канцеляріи разыскныхъ дѣлъ, наконецъ тайной экспедиціи, гдѣ по извѣстію г. Снѣгирева (стр. LXI) въ послѣднихъ годахъ XVIII вѣка, при Екатеринѣ и Павлѣ, «въ казенкахъ и каменныхъ мѣшкахъ или застѣнкахъ, содержались обличенные, оподозрѣнные и оговоренные люди, въ кандалахъ и колодкахъ нерѣдко съ кляпомъ во рту, гдѣ производились ночью секретныя слѣдствія по доносамъ и уликамъ, особенно о заговорахъ, о дерзкихъ словахъ и поступкахъ, касавшихся до оскорбленія величества; гдѣ розыски и пристрастные допросы сопровождались разными пытками, гдѣ для увѣщанія подсудимыхъ съ одной стороны былъ священникъ, крестъ и евангеліе, а съ другой, для устрашенія, палачъ, плети, кошки и розги; куда не допускались къ арестантамъ ни родные, ни знакомые; гдѣ желѣзныя ворота того замка, охраняемыя сторожами, отворялись только при особенныхъ случаяхъ или рано утромъ, или поздно ночью.» Такую грустную угрюмую картину старинной Москвы представляетъ намъ очеркъ г. Снѣгирева, той Москвы, гдѣ теперь, благодаря перевѣсу европейскихъ началъ надъ старомосковскими, встрѣчаешь такъ много веселаго, дружелюбнаго, гдѣ воспоминанія прошедшаго разукрашиваются лучами славы и доблестей, а мрачныя и тяжелыя подробности отходятъ въ область неумолимой и правдивой, но не всѣмъ доступной, археологіи.

При обозрѣніи урочищъ составители пользовались отчасти уже пре-

жде напечатанными описаніями, каковы напр. Хавскаго, Рубана, Захарова, Лужина, изданными Археографическою коммиссіею актами, отчасти же и неизданными, рукописными источниками, каковы, напр., дѣла патріаршія монастырскаго приказа и духовной дикастеріи, книги царскаго жалованья по церквамъ, дѣла коллегіи экономіи, дѣла архива оружейной палаты, книги московскаго стола и проч. Авторы пользовались кромѣ того чертежемъ Москвы, составленнымъ при Аннѣ Іоанновнѣ архитекторомъ Мичуринымъ, послѣ бывшаго въ столицѣ опустошительнаго пожара.

Московскія урочища разсматриваются сначала въ хронологическомъ ихъ отношеніи, а потомъ по отношенію къ топографіи, этнографіи, исторіи и юридическому быту. Нельзя сказать, чтобы всѣ урочища были вполнѣ объяснены; а тѣ, о которыхъ есть объясненія, не могли подвергнуться другимъ равносильнымъ или болѣе удачнымъ объясненіямъ; вообще послѣ сочиненія, которое теперь передъ нашими глазами, можетъ быть въ томъ же родѣ еще другое очень полезное для науки, но мы думаемъ, что наука русской исторіи и археологіи приметъ и предлагаемый трудъ не иначе какъ съ благодарностью. Рѣшаемся сдѣлать нѣсколько частныхъ замѣчаній: на стр. 117, въ числѣ названій происшедшихъ отъ слова панъ, указывающихъ на то, что въ Москвѣ селились литовцы и поляки и слыли панами, помѣщенъ панскій рядъ въ Китай-городѣ. Намъ кажется, это названіе ни мало не относится ни къ поселеніямъ, ни къ пребыванію поляковъ и литовцевъ въ Москвѣ, а согласно съ названіемъ панскій товаръ, общимъ во всей Россіи и вошедшимъ въ употребленіе едва ли не въ XVIII вѣкѣ вмѣстѣ съ такими словами какъ мѣщане, шляхетство; панъ общеупотребительное слово во всей южной Руси, да и въ Великороссіи давно не безъизвѣстно въ смыслѣ барина; старинное названіе *на козьей бородкѣ*, послѣ измѣнившееся въ названіе *на козьемъ болотѣ*, объясняется такъ, что (стр. 153) тутъ вѣроятно надобно читать на *козьемъ бродѣ*. Нѣтъ; въ Новгородѣ есть церковь Успенія на козьей бородкѣ, и, вѣроятно, слово «козья бородка» встарину имѣло какое нибудь топографическое значеніе, общее въ русской землѣ, котораго смыслъ утратился, также точно какъ смыслъ названія кокуй, которое встрѣчается во множествѣ мѣстностей русскихъ и въ фамильныхъ прозвищахъ; чрезвычайно важно было бы отдѣлить и представить во взаимномъ соотношеніи названія и признаки такихъ урочищъ, которыя встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ съ одинакими названіями; съ особеннымъ удовольствіемъ узнали мы изъ примѣчанія въ настоящей книгѣ (стр. 182), что этимъ именно занимается любитель и знатокъ русской старины Н. В. Шереметевскій. Авторъ указываетъ на существованія многихъ урочищъ иностраннаго происхожденія, свидѣтельствующихъ о близкихъ сношеніяхъ съ Москвою и ея внутреннимъ со-

ставомъ иноплеменниковъ, особенно много относящихся къ вліянію татаръ. Но слѣдовало бы привести по возможности филологическія объясненія такихъ названій, а о тѣхъ, которыхъ нельзя объяснить, сказать это. Намъ не кажется удовлетворительнымъ объясненіе названія урочища кулижки словомъ кулига, означающимъ (въ Архангельской губерніи) то поемные луга, то мѣсто выжженнаго лѣса (Вологодской). Не было ли бы сообразнѣе обратить вниманіе на слово кулигъ, означавшее у поляковъ веселое собраніе гулякъ, которые празднуя святки и масляницу, ѣздили съ шумомъ и гамомъ. Что это славянское слово не чуждо было въ томъ же значеніи русскаго міра, показываетъ слово куликать; кулижки могло быть мѣсто именно такого игрища, точно такъ какъ въ старинной Москвѣ для веселыхъ игрищъ, носившихъ болѣе или менѣе языческій характеръ, и потому неодобряемыхъ строгими блюстителями церковнаго благочестія, выбирались любимыя мѣста за городомъ. Такъ, въ XVII вѣкѣ, патріархъ Филаретъ преслѣдовалъ такія игрища, нашедшія себѣ пріютъ за Ваганьковымъ. Вѣроятно на кулижкахъ было что нибудь подобное. Тогда поговорка «къ чертямъ на кулижки» или на кулички, иначе у чертей на кулижкахъ или на куличкахъ, извѣстная не въ одной Москвѣ, но по всей Россіи, могла легко образоваться подъ вліяніемъ неблаговоленія, какое оказывало благочестіе къ забавамъ такого рода; напротивъ объясненіе этой пословицы, приводимое въ разбираемой книгѣ, будто она произошла подъ воспоминаніемъ о бѣсѣ, котораго выгналъ преподобный Иларіонъ въ XVII вѣкѣ изъ женской богадѣльни, едва ли удовлетворительно: имя преподобнаго Иларіона и его житіе вовсе не такъ популярны въ Россіи, чтобъ событіе, занесенное въ это житіе, могло распространиться, да и никто его не помнитъ и не знаетъ, а поговорка извѣстна вездѣ. Слово «на кулички» сдѣлалось повсюду нарѣчіемъ, означающимъ такую мѣстность, которая лежитъ далеко и неудобна для сообщенія и для связи съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ объ ней говорится.

Отечественныя записки. Журналъ литерат. политич. и ученый. Спб. 24 кн. — Вступительная лекція въ курсъ русской исторіи, читанная въ Санктпетербургскомъ университетѣ 2-го сентября 1865 года К. Безстужевымъ-Рюминымъ.

Новый профессоръ русской исторіи въ Санктпетербургскомъ университетѣ, достопочтенный К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, извѣстный въ литературѣ своими статьями по русской исторіи, указавши различіе между простымъ разсказомъ о прошедшемъ и исторіею, въ смыслѣ науки, обращаетъ вниманіе на свойство человѣка не относиться безразлично къ релизіознымъ, политическимъ и общественнымъ вопросамъ, видитъ въ томъ коренное начало различія во взглядахъ на прошедшее по связи

съ настоящимъ. Приведя нѣсколько примѣровъ такихъ различій, профессоръ подводитъ подъ четыре разряда различныя формы историческаго изложенія, проявляющіяся въ различныхъ соединеніяхъ. «Одни историки имѣютъ цѣлью воспроизвести въ живомъ образѣ то, что было, это — исторія художественная, историческій разсказъ; другіе хотятъ судить дѣятелей прошедшаго,—это исторія субъективная; третьи желаютъ понять прошедшее въ немъ самомъ, — это исторія научная; четвертые ищутъ общаго начала, изъ котораго исходитъ вся дѣятельность рода человѣческаго и этимъ началомъ объясняютъ историческія явленія,—это исторія философская или философія исторіи». Вслѣдъ за тѣмъ г. Бестужевъ исчисляетъ недостатки трехъ (перваго, второго и четвертаго) способовъ, и предпочитаетъ изъ нихъ третій по числу (называя его четвертымъ), подъ именемъ научнаго. Это методъ критическій. Профессоръ находитъ, что это способъ единственно-возможный для университетскаго преподаванія. «Въ строго-научномъ изложеніи на первомъ планѣ стоитъ тщательное и внимательное изученіе источниковъ, сличеніе ихъ между собою, если это возможно, объясненіе этого источника обстоятельствами времени, если не съ чѣмъ его сличить, стараясь опредѣлить степень достовѣрности источника, что иногда бываетъ нужно, даже со сказаніями современниковъ, даже съ оффиціальными актами: многое говорится не такъ, какъ происходило, по различнымъ причинамъ; указать на эти причины, если онѣ могутъ быть найдены, указать на ихъ возможность, если раскрытіе ихъ трудно по недостаткамъ источниковъ — вотъ важная забота при такомъ изложеніи. Въ такомъ изложеніи не только возможны пробѣлы, но даже желательны, если ихъ нечѣмъ пополнить. Можно, конечно, сказать: этого мы не знаемъ, но это могло быть такъ-то и по такимъ-то соображеніямъ. Положимъ, что я считаю варяговъ норманнами, но окончательно въ этомъ не убѣжденъ; тогда я привожу свои соображенія, но не выдавая ихъ достовѣрными, долженъ указать и на другія мнѣнія, если только за этими мнѣніями есть какое либо вѣроятіе. Вообще разборъ чужихъ мнѣній, особенно спорныхъ, составляетъ необходимую принадлежность научнаго изложенія; если дѣло ясно, если иныя мнѣнія не имѣютъ за себя никакого вѣроятія, то слѣдуетъ ограничиться изложеніемъ догматическимъ. Таковъ въ главныхъ чертахъ методъ, котораго я намѣренъ держаться.»

Профессоръ, послѣ того, переходитъ къ содержанію и заявляетъ что «у него на первый планъ должны выступить вѣрованія, учрежденія, бытъ, то, чѣмъ преимущественно характеризуется общество, народъ, а на второй планъ должны отступить лица и вся внѣшняя исторія. Подробныя картины внѣшнихъ событій не дѣло научнаго изложенія исторіи, точно также какъ не его дѣло генеалогія удѣльныхъ князей». Далѣе профессоръ говоритъ, что не станетъ дѣлать

предпочтенія никакой сторонѣ быта, чтобы не впасть въ односторонность. Оставивши въ сторонѣ вопросъ о древнѣйшихъ обитателяхъ въ Россіи, по необработанности этого вопроса, профессоръ обѣщаетъ начать свой курсъ очеркомъ быта древнихъ славянъ, на основаніи домашнихъ и иноземныхъ источниковъ, соединивъ съ нимъ очеркъ инородцевъ, жившихъ въ предѣлахъ древней Руси, и надѣется кончить курсъ перваго года XIV вѣкомъ, когда образовались на сѣверовостокѣ государство Московское, и на западѣ Литовское.

Намъ кажется, всѣ четыре вышеприведенные разряда не только могутъ, но должны быть совмѣстны между собою; въ хорошемъ историческомъ сочиненіи художественное направленіе относится только къ способу изложенія, второй и третій разрядъ къ способу мышленія; первое къ двумъ другимъ относится какъ форма къ содержанію. Что же касается до четвертаго, то это подготовительная работа къ исторіи, а не самая исторія. Художественность есть ясность, зависящая отъ умѣнья поставить каждый предметъ на соотвѣтствующее ему мѣсто, соблюсти послѣдовательность между описываемыми явленіями и взаимную зависимость одного отъ другого, отличать важное отъ неважнаго, найти въ явленіяхъ характеристическую сторону, отыскать въ нихъ связь со временемъ и мѣстностію, сказать о каждомъ явленіи столько, сколько нужно, не примѣшивать къ изложенію того, чего не нужно.

Лишить историческое изложеніе всякого сужденія и нравственнаго взгляда невозможно; гдѣ человѣкъ и его дѣянія, тамъ неизбѣжно является и судъ и нравственная оцѣнка. Конечно, подводить все подъ такія нравственныя воззрѣнія, которыя умѣстны только при обсужденіи нашей современности, иными словами—требовать отъ людей, жившихъ за тысячу лѣтъ до насъ, чтобъ они поступали такъ, какъ мы теперь должны поступать — непростительно и вредно для науки. Но, во первыхъ, есть множество общихъ нравственныхъ основъ, которыя признавались и въ старину такими же, какъ теперь признаются; во вторыхъ, дѣло историка отличать и указать нравственныя убѣжденія протекшихъ временъ и по нимъ судить и нравственно оцѣнивать поступки давно отжившихъ людей. Историкъ, описывая не только характеры личностей, но и учрежденія и формы быта, долженъ же искать ихъ побужденій въ духовной жизни человѣка. Если французы XVIII вѣка, привыкши смотрѣть на Брутовъ и Регуловъ какъ на людей вообще, думали сами обратиться въ грековъ и римлянъ, то въ этомъ слѣдуетъ видѣть ошибки нравственной оцѣнки историческихъ явленій, а необходимость ея въ исторіи все таки остается. Злоупотребленіе не влечетъ уничтоженія того, что можетъ быть злоупотреблено. Если отъ несоблюденія правильности въ топкѣ печей бываетъ угаръ, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы вовсе не нужно было топить печей.

Философскій методъ, также какъ и предыдущій, называется у профессора вреднымъ и не научнымъ. «Заключить, говоритъ онъ, все движеніе историческое въ немногія формулы, найти верховное начало, изъ котораго истекали бы всѣ эти формулы, заранѣе опредѣлить все будущее развитіе—такова горделивая задача философа исторіи.» Здѣсь собственно порицается взятіе на себя болѣе того, сколько мы въ силахъ понести. Но сущность философскаго направленія въ исторіи состоитъ въ томъ, чтобы найти причины и указать послѣдствія явленій, а также и внутреннюю связь между разнородными явленіями и основаніями одинаковыхъ причинъ; верховное же начало, изъ котораго бы истекали всѣ формулы, есть идеалъ, и приближеніе къ нему зависитъ отъ суммы соотношеній между найденными причинами, изъ которыхъ каждая, будучи причиною для другихъ, сама зависитъ отъ высшей причины. Это составляетъ сущность историческаго мышленія. Историкъ не можетъ не мыслить потому уже, что онъ человѣкъ. Какія бы ни проистекали ошибки отъ умствованія, умъ все-таки долженъ работать.

Что касается до критики историческихъ источниковъ, то само собою разумѣется, что прежде всякого историческаго описанія неизбѣжно обратить вниманіе на то, откуда мы получимъ свѣдѣнія о томъ, что излагать хотимъ, и можно ли вѣрить этимъ свѣдѣніямъ, и если встрѣчаются разнорѣчія, то сообразить—что справедливѣе. Безъ этого невозможно приступать ни къ какому историческому изложенію, ни къ какой исторической каѳедрѣ. Это давно уже всѣми признается; по отношенію къ русской исторіи дѣйствительно много остается желать для объясненія и оцѣнки нашихъ осторическихъ источниковъ, какъ туземныхъ, такъ и иностранныхъ; нельзя не согласиться съ многоуважаемымъ профессоромъ, что эта настоящая потребность нашей науки; профессоръ долженъ имѣть въ виду не одну отвлеченную науку, но и тѣхъ людей, которымъ онъ читаетъ, и сообразоваться съ тѣмъ, что нужно этимъ людямъ. Читать единственно объ источникахъ, т. е. о книгахъ, да о рукописяхъ, прекрасно для тѣхъ, которые готовятся быть писателями и профессорами. Но многіе изъ университетскихъ слушателей не желаютъ быть учеными специіалистами, а только образованными и развитыми людьми. Съ университетскихъ скамеекъ они пойдутъ въ общество, жизнь, а не въ библіотеки и не въ архивы, такъ имъ нужно знаніе не только книгъ и рукописей, но и самой прошедшей жизни, которую изъ этихъ книгъ и рукописей обязанъ профессоръ имъ добыть и представить. Это тѣмъ болѣе примѣнительно къ отечественной исторіи, которая всегда, особенно въ наше время, должна быть постоянно въ практическомъ приложеніи у общественнаго дѣятеля. По этому было бы вполнѣ сообразно съ потребностями современнаго воспитанія, если бы въ университетѣ профессоръ отечественной ис-

торіи раздѣлилъ свои лекціи на два отдѣла: въ одномъ читалъ бы критическій разборъ источниковъ, а въ другомъ добытые и приведенные въ порядокъ и ясность и осмысленные результаты критическихъ трудовъ, иначе, самую исторію русскаго народа. Тогда и критическое изслѣдованіе источниковъ имѣло бы смыслъ для слушателей, они видѣли бы, къ чему ведетъ оно. Учрежденія, вѣрованія, бытъ, все, что называютъ внутреннею исторіею, есть само по себѣ археологія: изъ ней данныя должны входить въ исторію въ примѣняемости къ жизненному движенію. Гдѣ нѣтъ движенія, гдѣ не видно ни вызывающихъ побужденій, ни неминуемыхъ послѣдствій, тамъ нѣтъ жизни, нѣтъ и исторіи!

Кромѣ этой вступительной лекціи, въ Отечественныхъ Запискахъ помѣщены (томъ CLIX) статья *О графѣ Канкринѣ и его финансовыя отношенія къ нашему времени*, написанная *Г. С. Муравьевымъ*, по поводу выхода въ свѣтъ Сборника свѣдѣній и матеріаловъ по вѣдомству министерства финансовъ. Авторъ отдаетъ дань уваженія заслугамъ знаменитаго министра, но замѣчаетъ его важные недостатки: онъ не уважалъ ни общественнаго кредита, ни желѣзныхъ дорогъ. Онъ съ искусствомъ поправилъ хожденіе денежныхъ знаковъ и покрылъ дефициты, но несомнѣнно и то, что послѣднее сдѣлано было имъ цѣпью раззорительныхъ для народа средствъ: Канкринъ, какъ извѣстно, покровительствовалъ откупной системѣ.

Непрочны были его средства къ поддержанію цѣнности денежныхъ знаковъ: цѣнность кредитныхъ билетовъ имъ выпущенныхъ, которыми онъ замѣнилъ удачно на нѣкоторое время упадавшія ассигнаціи, въ послѣдствіи поколебалась. Авторъ указываетъ подробно на причины этого важнаго событія.

Въ томѣ CLIX, статья *«О Полонизмѣ въ русской литературѣ тридцатыхъ годовъ.»* Здѣсь преимущественно доказывается между прочимъ, что покойный Сенковскій былъ тайный врагъ Россіи. Въ томѣ CLXIII: статья *«Наполеонъ I и поляки въ 1812 году,»* легко написанный очеркъ событій, гдѣ особенное вниманіе обращается на Польшу; очеркъ этотъ составленъ на основаніи Биньона, походныхъ записокъ артиллериста, и нѣкоторыхъ другихъ общеизвѣстныхъ сочиненій, но авторъ пользовался также нѣкоторыми дѣлами архива военно-топографическаго депо.

Русскій вѣстникъ. Журналъ литературный и политическій. Москва. 12 Книгъ.

Журналъ этотъ, въ 1865 году, былъ особенно богатъ статьями по русской исторіи. Въ февральской книжкѣ помѣщенъ *Вѣнскій конгрессъ*, статья г. профессора *Соловьева*, чрезвычайно любопытная. Здѣсь особое вниманіе обращено на польское дѣло. Всего знаменательнѣе

то обстоятельство, что извѣстные тогдашніе европейскіе дипломаты предотвращали Александра I отъ роковаго устроенія конгрессовки.— Въ февральской и мартовской книжкахъ помѣщенъ г. Иловайскаго *Біографическій очеркъ графа Сиверса*, составленный по извѣстному сочиненію Блюма о Сиверсѣ. — Въ мартовской книжкѣ, статья покойнаго Ешевскаго: *Московскіе масоны восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія*. С. Ешевскій имѣлъ возможность полнаго знакомства съ собраніемъ рукописей, принадлежащихъ теперь Румянцевскому музею. Кромѣ того у него былъ весь архивъ ордена и большое число писемъ, рукописей, масонскихъ знаковъ (всего болѣе 600). Масонское общество въ Россіи было у насъ занесено изъ-за границы, нѣсколько времени состояло въ зависимости извнѣ, а потомъ образовало изъ себя особую (осьмую по числу) провинцію. Любопытны правила теоретическаго градуса соломоновскихъ наукъ въ томъ отношеніи, что даютъ понятію о сущности масонской премудрости; избитыя нравственныя сентенціи облекались въ мистическую одежду и запутывались условными именами и названіями, символическими знаками и темнотою выраженія. Средствами для распространенія масонства были публичныя лекціи, рѣчи въ общественныхъ собраніяхъ, письма и тайныя типографіи, гдѣ печатались книги мистическаго содержанія, которыхъ чтеніе было доступно только посвященнымъ въ масонство.—Въ апрѣлѣ и маѣ, напечатана статья г. Щебальскаго: «*Начало и характеръ Пугачевщины.*» Между прочимъ, г. Щебальскій говоритъ: «Въ глубинѣ того темнаго міра, которымъ такъ мало интересовались въ прошломъ вѣкѣ, въ мірѣ безграмотной массы, невѣдомой для высшихъ общественныхъ слоевъ, сложилась около того времени, которое насъ занимаетъ, какая-то упорная и очень распространенная мысль о томъ, что Петръ III не умеръ, а живъ и ищетъ возвратить себѣ корону и престолъ. Когда Пугачевъ явился царемъ—казаки говорили: хотя почти слышно было, что государь скончался, однако болѣе поговаривали, что онъ живъ.» Какъ это сближаетъ Пугачовщину съ эпохою смутнаго времени! Одна другую разъясняетъ. Въ довершеніе сходства — есть большое подозрѣніе, что и Пугачовъ, какъ первый Димитрій, принялъ свое посланничество въ Польшѣ. Г. Щебальскій, конечно, знаетъ извѣстіе о сношеніяхъ его съ Пулавскимъ, но, какъ видно, мало обращаетъ на это вниманія. Надобно бы изслѣдовать вопросъ о Пугачовѣ именно съ этой стороны. — Въ іюньской книжкѣ помѣщены *Кавказскіе матеріалы для біографіи Ермолова*, сообщенные г. *Ходневымъ*. — Въ іюлѣ и августѣ, двѣ журнальныя статьи г. Ѳеоктистова: *Польскія интриги въ первой четверти нынѣшняго столѣтія*, — написана по поводу вышедшей по французски книги: Alexandre I et le prince Czartoryski; вторая — *Польша послѣ 1815 г.*, написана по поводу выхода въ свѣтъ Pamiętników Koźmiana. — Въ августовской книжкѣ помѣщенъ разсказъ оче-

видца о происшествіяхъ въ новгородской губерніи во время первой холеры, г. Соколова — немаловажный матеріалъ для историка русской народной жизни въ царствованіе Николая I. — Въ сентябрской, г. Тихонравовъ помѣстилъ превосходно составленный разсказъ *О боярынѣ Морозовой*, — извѣстной своими страданьями, упорной раскольницѣ XVII вѣка. — Въ октябрской, *Записки графа Нессельроде*. Мы будемъ еще имѣть случай остановиться на нихъ, когда они будутъ изданы до конца. Пока можно замѣтить, что начало ихъ далеко не соотвѣтствуетъ ожиданіямъ, которыя родятся естественно при мысли о значеніи и роли лица, составлявшаго эти записки.

Журналъ министерства народнаго просвѣщенія. Спб. 12 книгъ.— *М. Сухомлинова, Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи, въ царствованіе императора Александра I.*

Г. Сухомлиновъ, профессоръ русской словесности въ С.-Петербургскомъ университетѣ, оказалъ важную услугу, сложивъ, связавъ и во многомъ освѣтивъ правильнымъ взглядомъ разсѣянныя въ разныхъ архивахъ, запискахъ и сочиненіяхъ русскихъ и иностранныхъ, свѣдѣнія объ учрежденіяхъ, проэктахъ, законоположеніяхъ, касающихся народнаго просвѣщенія въ царствованіе Александра I, а также и о характерѣ дѣятельности лицъ, участвовавшихъ разными способами въ этомъ дѣлѣ, и о движеніи умственнаго труда вообще. Очеркъ этотъ, не смотря на то, что очень и очень многаго желательно для его полноты и разносторонности, долженъ быть прочитанъ каждымъ, кого только занимаетъ отечественная исторія. Настоящая статья г. Сухомлинова обнимаетъ далеко не все царствованіе Александра I, и есть начало цѣльнаго труда [1]). Она подраздѣляется на два неравные по объему отдѣла. Въ первомъ разсматривается дѣятельность главнаго правленія училищъ, во второмъ — дѣятельность университета. Въ обоихъ отдѣлахъ обращается вниманіе на дѣйствующія лица, и это особенно придаетъ статьѣ занимательность и новость.

Колебаніе между свободою мысли и подчиненіемъ религіознымъ, нравственнымъ и политическимъ авторитетамъ, составляетъ существенный признакъ всякого развивающагося общества. Только тамъ, гдѣ нѣтъ никакого движенія впередъ, гдѣ не думаютъ о лучшемъ, — тамъ только нѣтъ никакого колебанія. Россія представляетъ, въ этомъ отношеніи, своеобразное явленіе; Россія опоздала на пути прогресса, и чувствуетъ необходимость догнать другихъ, оттого, въ ея поступательности, являются, какъ отличительные признаки: скорость и широкій захватъ; отсюда и причина частыхъ неудачъ; русскій хочетъ скоро

---

[1]) Въ нынѣшнемъ году этотъ трудъ законченъ въ обширномъ приложеніи къ Журн. М. Н. Пр., и мы будемъ имѣть еще случай говорить о немъ.

выучиться, и многому выучиться; скоро сдѣлать и много сдѣлать, и часто ничему не выучивается, и ничего не дѣлаетъ. Этому помогаетъ укоренившаяся издавна въ характерѣ славянскаго племени порывчатость и увлекаемость. Сообразно этому и неизбѣжное колебаніе поступательныхъ движеній общества съ обратными проявилось у насъ и проявляется съ особенною широтою и рѣзкостью. Вѣкъ Екатерины, какъ обыкновенно кажется, по многимъ внѣшнимъ признакамъ, есть вѣкъ либеральный. Но сама великая государыня не чужда была противорѣчій и колебаній. Она—то призываетъ подданныхъ къ обсужденію нуждъ страны, и обѣщаетъ всѣхъ выслушивать, то за тѣмъ сурово наказываетъ ссылкою мужиковъ, которые осмѣлились подать ей челобитную о своихъ тягостяхъ, то сочиняетъ комедіи, гдѣ громитъ барскій произволъ, то наказываетъ Радищева за подобное осужденіе. Мы не можемъ за то порицать ея поступки. Обстоятельства внутреннія и внѣшнія побуждали ее дѣлать противорѣчія. Извѣстно, что особенно крутой и рѣзкій переворотъ наступилъ, въ концѣ ея царствованія, вслѣдствіе французской революціи. Это было событіе, которое навело паническій страхъ на всѣ власти въ Европѣ. Но гораздо сильнѣе и жестче реакція показалась при императорѣ Павлѣ I. Г. Сухомлиновъ приводитъ изъ нѣмецкой рѣчи московскаго профессора Гейма такой панегирикъ онымъ павловскимъ временамъ, гдѣ восхваляется мудрая прозорливость императора Павла, которую онъ «показалъ въ споспѣшествованіи къ истинному преуспѣянію наукъ чрезъ учрежденіе строгой и бдящей книжной цензуры.» Какого рода было это преуспѣяніе показываетъ слѣдующій, приведенный г. Сухомлиновымъ, указъ: «такъ какъ чрезъ вывозимыя изъ-за границы разныя книги наносится развратъ вѣры, гражданскому закону и благонравію, то отнынѣ повелѣваемъ запретить впускъ изъ-за границы въ государство всякого рода книгъ, на какомъ бы языкѣ онѣ не были безъ изъятія, равномѣрно и музыку.» Но съ восшествіемъ Александра I настала снова либеральная эпоха, отмѣнили запрещеніе ввоза книгъ, распечатали типографіи, дозволили книгопечатаніе, явилось министерство народнаго просвѣщенія и главное правленіе училищъ, переименованное изъ существовавшей при Екатеринѣ II коммисіи. Г. Сухомлиновъ сообщаетъ свѣдѣніе о нѣсколькихъ главныхъ административныхъ дѣятеляхъ той эпохи. На первомъ мѣстѣ стоитъ министръ графъ Завадовскій, малороссъ не только по происхожденію, но и по нраву, характеру и любви къ своей родинѣ. Его товарищемъ былъ извѣстный Михаилъ Никитичъ Муравьевъ, того времени поборникъ свободы, мысли и слова. Оба получили классическое воспитаніе и обработали свою мысль на античной школѣ. За ними слѣдуетъ знаменитая въ царствованіе Александра I тріада, друзья императора: Строгановъ, Новосильцевъ и Чарторыскій. Г. Сухомлиновъ останавливается особенно

на Чарторыскомъ. «Будучи попечителемъ Виленскаго учебнаго округа, онъ дѣлалъ распоряженія, показывающія просвѣщенный взглядъ на потребности современнаго образованія.» Кромѣ многого такого, что онъ раздѣлялъ съ передовыми людьми своего времени, нельзя не обратить вниманія на его извѣстное распоряженіе, чтобъ всякій профессоръ читалъ исторію своей науки и печаталъ свои лекціи.

Съ особеннымъ сочувствіемъ обращается г. Сухомлиновъ къ личности другого поляка, графа Северина Потоцкаго, члена главнаго правленія училищъ и попечителя Харьковскаго университета. Распространеніе науки и образованности было его истиннымъ призваніемъ, дѣломъ его души и убѣжденія. Всѣ отрасли знаній были доступны просвѣщенному вельможѣ, стоящему по образованію на высотѣ, которая живительно дѣйствовала на юный университетъ, ввѣренный его попеченію. Съ неподдѣльнымъ внутреннимъ участіемъ къ дѣлу онъ сообщалъ мысли свои о преподаваніи римской словесности и наукъ историческихъ и заботился объ учрежденіи минералогическаго и другихъ кабинетовъ и собраній, необходимыхъ для изученія естественныхъ наукъ. Искренняя забота объ университетѣ не покидала Потоцкаго во все время его попечительства, гдѣ бы онъ ни былъ, въ собраніи ли иностранныхъ академиковъ, на придворномъ ли балѣ одной изъ блестящихъ европейскихъ столицъ, или въ скромномъ уголкѣ на Украйнѣ, онъ не пропускалъ случая пріобрѣсти новаго дѣятеля для университета и его округа. Приглашая въ Россію иностранныхъ ученыхъ, Потоцкій болѣе всего старался о замѣщеніи каѳедры природными русскими и его труды не оказались напрасными. Благодаря его энергіи, нѣкоторыя каѳедры Харьковскаго университета заняты лицами, принадлежащими къ числу знаменитыхъ профессоровъ русскихъ университетотъ вообще. Не имѣя постояннаго пребыванія въ университетскомъ городѣ, чего не требовалъ и уставъ, Потоцкій являлся во главѣ корпораціи въ важныя минуты университетской жизни, говорилъ рѣчи, исполненныя достоинства и проникнутыя сочувствіемъ къ наукѣ и ея разсаднику, входилъ въ сношенія съ мѣстными жителями, и много содѣйствовалъ водворенію добрыхъ сношеній между университетомъ и обществомъ. Свободный отъ всякого рода предразсудковъ, чуждый сословной исключительности, онъ чуждъ былъ и религіознаго фанатизма; вельможа и католикъ, онъ посѣщалъ хаты сельскихъ учителей и былъ усерднымъ ходатаемъ о лицахъ православнаго духовенства, сколько нибудь послужившихъ дѣлу народнаго образованія. Если бы идеалы были возможны въ дѣйствительной жизни, Потоцкаго можно было бы назвать идеаломъ попечителя, какъ понималось это званіе первымъ уставомъ о русскихъ университетахъ. Попеченіе его объ университетѣ выразилось именно въ тѣхъ формахъ, которыя одни, не стѣсняя и не подавляя университета, содѣйствуютъ

его движенію и процвѣтанію. Не вмѣшиваясь во всѣ части администраціи, не нарушая автономіи, безъ которой университетская жизнь тоже, что тѣло безъ души, Потоцкій былъ достойнымъ вождемъ университета, открывалъ ему способы къ развитію ученой дѣятельности и былъ дѣйствительнымъ представителемъ его въ главномъ правленіи училищъ. Но этотъ счастливый періодъ свободы труда и любви къ распространенію просвѣщенія скоро началъ проходить. Послѣ Завадовскаго былъ министромъ Разумовскій, и, хотя его дѣятельность, какъ министра, была какъ бы продолженіемъ дѣятельности Завадовскаго, но она уже страдала лѣностью. Въ обществѣ (говоритъ г. Сухомлиновъ) уже обнаружились слѣды реакціи; сочувствіе къ университетамъ протестантской Германіи ослабло; стали являться защитники католической системы воспитанія, возвѣщавшіе приближеніе временъ Рунича и Магницкаго. Министру просвѣщенія доказывали, что любовь къ наукамъ и забота о нихъ есть опасная ошибка; что въ учебныхъ заведеніяхъ, которыя съ такими свѣтлыми надеждами учреждаемы были во всѣхъ краяхъ Россіи, завелось скопище полузнаекъ самоувѣренныхъ и заносчивыхъ, легкомысленныхъ поклонниковъ моды, всегда готовыхъ разрушать то, чего они не жалуютъ, то есть все. Замѣчательно, что когда шло дѣло объ учрежденіи Царскосельскаго лицея, Разумовскій послалъ проэктъ его посланнику при петербургскомъ дворѣ извѣстному писателю де-Местру. Этотъ знаменитый писатель совѣтовалъ запретить преподавать естественныя и политическія науки; въ особенности его соблазняло научное объясненіе физическаго образованія и строенія земного шара. «Библіи, говоритъ онъ, совершенно достаточно, чтобы знать, какимъ образомъ произошла вселенная; подъ предлогомъ же различныхъ теорій о происхожденіи міра будутъ наполнять молодыя головы космогоническими бреднями новѣйшаго издѣлія. Уже и теперь ходитъ по рукамъ напечатанная здѣсь брошюра, въ которой говорится, что человѣкъ и обитаемая имъ планета есть продуктъ естественнаго броженія стихій. Этотъ ядъ проникаетъ къ вамъ отовсюду; не открывайте же сами новыхъ ему путей!»

Послѣ Разумовскаго вступилъ въ управленіе Александръ Николаевичъ Голицынъ. По мысли министра Голицына, дѣла министерства народнаго просвѣщенія соединены съ дѣлами всѣхъ вѣроисповѣданій въ одно управленіе подъ названіемъ министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Глава такого министерства находился въ такомъ же отношеніи къ синоду, какъ министръ юстиціи къ сенату. Голицынъ управлялъ министерствомъ въ эпоху священнаго союза, и мѣры, принимаемыя главнымъ правленіемъ училищъ, представляютъ рядъ попытокъ примѣнить основныя начала священнаго союза къ народному воспитанію.

Однимъ изъ первыхъ дѣйствій по министерству было возобновле-

ніе засѣданія главнаго правленія училищъ въ его полномъ составѣ; дѣятельность, прерванная на время, обнаружилась снова, и несомнѣнно она направлена была не столько къ созиданію, сколько къ разрушенію. Времена реакціи наступаютъ; появляются личности Магницкаго, Рунича, Стурдзы и проч.; но г. Сухомлиновъ предоставляетъ разсмотрѣніе этого періода въ подробностяхъ дальнѣйшимъ частямъ своего труда.

Во второй рубрикѣ объ университетахъ, г. Сухомлиновъ ограничивается разсматриваніемъ дѣятельности двухъ университетовъ, Харьковскаго и Казанскаго, въ первый періодъ ихъ основанія.

Наши университеты по предварительнымъ планамъ были плодъ иностранныхъ сужденій и совѣтовъ. Обращались къ разнымъ европейскимъ ученымъ знаменитостямъ, получали умныя замѣчанія и ими руководствовались по большей части. До какой степени эти совѣты могли для Россіи быть односторонни и непримѣнимы, показываетъ проэктъ Крейдемана, который, въ числѣ предметовъ, обязательныхъ для русскихъ студентовъ юридическаго и философскаго соединенныхъ факультетовъ, назначаетъ спеціальную исторію государствъ Германіи и государственное право Германіи.

Приглашали иностранныхъ профессоровъ: такъ, въ Харьковскомъ университетѣ, въ 1805—1809 годахъ, изъ 21—26 профессоровъ и преподавателей русскихъ было 7, а иностранцевъ отъ 14 до 19.

Но Завадовскій смотрѣлъ на пріѣзжихъ иностранцевъ, какъ на временную мѣру, и заранѣе въ самомъ проэктѣ университетовъ была высказана мысль о предпочтеніи преподаванія на языкѣ родномъ. Иностранные профессора приглашались изъ-за границы въ Россію, съ тою же цѣлью, съ какою изъ Россіи за границу посылались молодые люди для приготовленія къ профессорскому званію. Каждый изъ приглашаемыхъ профессоровъ обязывался въ теченіи восьми лѣтъ приготовить не менѣе двухъ преподавателей по своей части изъ природныхъ русскихъ. Г. Сухомлиновъ не объявляетъ, почему въ 1810 году число русскихъ предъ иностранцами увеличилось (русскихъ 17, иностранцевъ 7); въ слѣдующемъ году число иностранцевъ опять увеличилось (русскихъ 10, иностранцевъ 14).

Преподаваніе у иностранцевъ происходило преимущественно на латинскомъ языкѣ. Г. Сухомлиновъ останавливается на біографіи и учено-университетской дѣятельности нѣкоторыхъ профессоровъ Харьковскаго университета: ритора Рижскаго, археолога Успенскаго, математика Осиповскаго, физика Стойковича, и знакомитъ отчасти съ судьбою нѣмца Шада, высланнаго изъ Россіи за вольнодумство и неудовлетворительность требованіямъ русскаго воспитанія. Какъ на отличительную черту направленія того времени можно указать на любовь

къ философіи, очень естественное явленіе при множествѣ тогдашнихъ ученыхъ нѣмцевъ.

Философія, говоритъ г. Сухомлиновъ, преподавалась въ самомъ обширномъ объемѣ; читали логику, метафизику, нравственную философію, психологію, исторію философіи. Въ преподаваніи многихъ наукъ господствовало философское направленіе. О философіи говорили съ восхищеніемъ какъ профессора такъ и студенты первыхъ временъ университетскихъ. Вотъ одинъ профессоръ патологіи и терапіи что говорилъ: «между многими науками по справедливости первое мѣсто можно назначить философіи. Она подаетъ свѣтъ разуму, открываетъ истину и самой волѣ предписываетъ законы. Если деспотизмъ не можетъ терпѣть ее, за то доброму правительству свѣтъ ея всегда любезенъ.» Но, признавая доброе вліяніе философіи, г. Сухомлиновъ замѣчаетъ, что «исключительное господство философскаго направленія грозило вредными послѣдствіями, могло повести къ туманности, къ неопредѣленности, фразерству и неуваженію къ факту.» Противодѣйствіемъ этому направленію явилось реальное направленіе въ математическомъ факультетѣ, руководимое Осиповскимъ, противникомъ Канта, кружившаго тогда всѣмъ головы. Осиповскій указывалъ на невѣжество древнихъ философовъ въ сужденіяхъ о явленіяхъ природы и жаловался, что идутъ по слѣдамъ ихъ; «опять», говоритъ онъ, «начали умствовать о природѣ a priori, и опять начались системы одна страннѣе другой.» Его возмущало то, что множество неосновательныхъ заключеній, изъ коихъ нѣкоторыя перешли и въ европейскія училища, преподаваемы были въ оныхъ какъ законы. Другой отличительный характеръ тогдашняго университетскаго образованія, было уваженіе къ древнимъ языкамъ. Не только на диспутахъ и въ бесѣдахъ, говоритъ г. Сухомлиновъ, но и вообще въ университетѣ, студентамъ совѣтовали вести между собою разговоръ на латинскомъ языкѣ. Но въ тѣ времена трудно было въ провинціяхъ достать изданія древнихъ классиковъ, и это было причиною того, что профессоръ Роммель, въ Харьковѣ, началъ печатать латинскихъ писателей. Г. Сухомлиновъ мало знакомитъ насъ съ тѣмъ, какъ принималось тогдашнимъ молодымъ поколѣніемъ такое классиколюбіе, и какіе плоды оно оказывало на его образованіе въ жизни, но придаетъ важное значеніе тому, что тѣмъ изъ студентовъ, которые готовились къ званію преподавателей, вмѣнено было въ обязанность слушать нѣкоторые изъ предметовъ, не входящихъ въ кругъ ихъ спеціальности. Учители политической экономіи и философіи слушали физику, учители всеобщей исторіи — естественныя науки. «Главнымъ образомъ, говоритъ г. Сухомлиновъ, въ самомъ началѣ XIX вѣка, въ Харьковскомъ университетѣ, высказалась мысль о родствѣ исторической науки съ естественными науками, которая проводится въ трудахъ новѣйшихъ европейскихъ ученыхъ, и съ

такою любовію развивается современною литературою.» Мысль эта, въ то время, была не нова, и едва ли вѣрно, что такіе-то обязаны были слушать то-то. Не въ томъ дѣло, что они слушали, или что они слышали, а въ томъ, что и какъ они усвоивали.

Замѣчательно развитіе литературной дѣятельности въ Харьковѣ, въ сравненіи съ слѣдующимъ временемъ. Съ 1805 до 1815 года, тамъ вышло въ свѣтъ 210 сочиненій, что, по вычисленію г. Сухомлинова, составляетъ почти двѣнадцатую часть всей тогдашней русской литературы.

Университеты, въ то время, были не только мѣстомъ для образованія, но и административными центрами для училищъ округа. Г. Сухомлиновъ находитъ такой порядокъ спасительнымъ для училищъ, и приводитъ одобрительный отзывъ европейскихъ ученыхъ объ этой мѣрѣ. Повидимому, этотъ порядокъ заимствованъ изъ польскаго плана эдукаціонной коммиссіи, гдѣ школы Рѣчи Посполитой поставлены въ зависимость отъ двухъ главныхъ школъ. Университеты посылали, изъ числа своихъ членовъ, по округу визитаторовъ для осмотра и устроенія училищъ. При университетѣ устроенъ былъ училищный комитетъ, избиравшій преподавателей и снабжавшій учебными пособіями. Это было время, когда общественному образованію должно было бороться съ застарѣлыми предразсудками, внушавшими равнодушіе и даже отвращеніе къ училищамъ. Нѣкоторые, даже считаемые образованными людьми, откровенно сознавались, что они хотя и учатъ дѣтей своихъ изъ подражанія, но не видятъ въ томъ существенной пользы. По нашему мнѣнію, они были болѣе правы, чѣмъ можетъ казаться съ перваго взгляда. Они не видали никакого практическаго примѣненія къ жизни тѣхъ знаній, которыя получались воспитаніемъ; и воспитанный въ тогдашнемъ заведеніи человѣкъ не зналъ, куда употребить пріобрѣтенія просвѣщенія въ томъ обществѣ, откуда онъ поступилъ въ школу, и куда судьба его снова возвращала. Много препятствовало еще и то, что дворяне старались имѣть у себя домашнихъ учителей, и боялись отдавать дѣтей въ училища, гдѣ учились дѣти родителей мѣщанскаго и крестьянскаго званія, чтобы они тамъ не усвоили грубыхъ привычекъ и обращенія. Въ восточныхъ провинціяхъ Россіи, принадлежащихъ къ Казанскому округу, нерасположеніе общества къ воспитанію — было сильнѣе. Казанскіе профессора и визитаторы, чтобъ заохотить дворянство отдавать дѣтей въ общественное заведеніе, обѣщали ихъ дѣтямъ такое помѣщеніе, гдѣ бы они не смѣшивались съ дѣтьми простолюдиновъ. Г. Сухомлиновъ сообщаетъ нѣсколько довольно характерныхъ образчиковъ тогдашнихъ школьныхъ нравовъ. Въ университетѣ, между русскими и иностранными профессорами происходили несогласія; русскіе и иностранцы образовывали два враждебныхъ лагеря. «Не всѣ иностранцы», говоритъ г. Сухомлиновъ, «раз-

суждали подобно Генриху Штейну, который отказался отъ предложенія вступить въ русскую службу на всевозможныхъ выгодныхъ условіяхъ, говоря, что онъ уже старъ для того, чтобы выучиться русскому языку и узнать Россію, а по его убѣжденію, безъ знанія страны и ея языка, нельзя быть ей полезнымъ.» Понятно, наплывъ иноземцевъ, незнаніе ими русскаго языка, нравовъ и обычаевъ страны, образовало изъ нихъ, въ глазахъ общества, пришлую колонію, совершенно отличную отъ той среды, въ которой они поселились. Столкновеніе ихъ съ этою средою представляло много забавнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ много печальнаго, имѣвшаго крайне невыгодное вліяніе на ходъ университетскихъ дѣлъ.»

Не станемъ обращать вниманія на разныя забавныя выходки въ родѣ, напримѣръ, такой, что профессоръ древностей, ставши передъ слушателями на кресло, представлялъ олимпійскаго громовержца, вѣроятно оттого, что, не зная по русски, не умѣлъ хорошо объяснить имъ словами того, что нужно было. Важнѣе этого было, напримѣръ, то, что иностранцы стягивались въ довольно плотную массу, и вели интригу противъ русскихъ, добиваясь захватить въ свои руки все управленіе университета и округа. Объ этомъ говоритъ положительно Потоцкій, въ откровенномъ письмѣ на польскомъ языкѣ министру Завадовскому. Непотизмъ открывалъ дорогу людямъ недостойнымъ и неприготовленнымъ. Три иностранные профессора рекомендовали воспитателя, ссылаясь на его прежнюю педагогическую службу, но оказалось, что онъ служилъ по коннозаводству. За русскими профессорами были пороки грубости, крючкотворства и чиноугодничества. «Въ жару совѣтскихъ преній», говоритъ г. Сухомлиновъ, «они ловили разныя выраженія и непремѣнно требовали заносить ихъ въ протоколъ. На протестъ адъюнкта, что онъ также членъ факультета, заслуженный профессоръ счелъ нужнымъ объяснить, въ какомъ смыслѣ адъюнктъ можетъ назваться членомъ, и въ этомъ, неудобномъ для печати, объясненіи поражаетъ смѣсь наивности съ возмутительнымъ цинизмомъ.

Одинъ изъ молодыхъ ученыхъ замѣтилъ недостатокъ въ первоначальномъ устройствѣ совѣта, который, по его мнѣнію, вышедши изъ предѣловъ гимназическаго устава, слишкомъ ограниченъ, чтобы подойти подъ университетскій. Молодому ученому сдѣлано было внушеніе, что если онъ находитъ кругъ совѣта ограниченнымъ и тѣснымъ, то въ его волѣ состоитъ сыскать другой обширнѣйшій. Какъ нѣмцы, такъ и русскіе, не чисты были отъ грѣха корыстолюбія, въ особенности послѣ указа 6 августа 1809 года, по которому никто не могъ быть произведенъ въ чины коллежскаго ассесора и статскаго совѣтника, не представивъ свидѣтельства о томъ, что онъ обучался въ университетѣ наукамъ свойственнымъ гражданской службѣ или не выдержалъ университетскій экзаменъ. «Тогда, говоритъ современникъ,

слова котораго сообщаетъ г. Сухомлиновъ, мы видѣли людей съ сѣдѣющими волосами, покупающихъ книги, будто бы ихъ изучающихъ, и смѣло потомъ идущихъ какъ на торговую казнь; экзаменаторовъ надо имъ было задобрить; люди, извѣстные дотолѣ чистотою нравовъ, безсребренники-профессора, оскверялись взятками; лѣтъ пять это продлилось, пока не приняты были мѣры къ пресѣченію постыднаго торга ученостью.»

Упомянувши о нѣкоторыхъ шалостяхъ студентовъ (не представляющихъ ничего особеннаго) и о правилахъ, которыми университетское начальство удерживало дисциплину между учащимся юношествомъ, г. Сухомлиновъ говоритъ: «правила и предписанія оставались бы мертвою буквою, еслибъ духъ науки, все болѣе и болѣе проникавшій въ нравы молодежи, не пробуждалъ въ ней тѣхъ нравственныхъ началъ, на которыя указывали университетскія постановленія. Чтобы ни говорили о лекціяхъ первыхъ профессоровъ, какими бы красками ни изображали состояніе университетовъ, безспорно то, что много прекрасныхъ задатковъ выносило молодое поколѣніе изъ университетскихъ аудиторій, и что университеты имѣли самое благотворное вліяніе на своихъ питомцевъ.» Г. Сухомлиновъ кончаетъ свою первую статью похвалою университетамъ, выписанною изъ семейной хроники Аксакова.

Остается желать теперь такого очерка просвѣщенія этой эпохѣ, гдѣ бы подробно и ясно было представлено: въ какой степени усвоивалось учащимися тогдашнее просвѣщеніе, какую роль играло оно въ жизни тогдашняго общества, какъ дѣйствовало на нравы его, какъ передѣлывало понятія, какъ боролось съ невѣжествомъ, и какъ терпѣло въ этой борьбѣ, какъ искажалось въ ней; желательно, чтобъ при этомъ были указаны отличія по мѣстностямъ; для этого всего, разумѣется, недостаточно свѣдѣній объ университетахъ, особенно такихъ свѣдѣній, изъ которыхъ не видно, какъ умножалось число слушавшихъ лекціи, и откуда они набирались. Для этого нужно взять кругъ пошире, изслѣдовать и сравнить всѣ заведенія и казенныя и частныя, а также и систему домашняго воспитанія. Заявляя такое требованіе, мы отнюдь не думаемъ ставить г. Сухомлинову въ укоръ того, что не находимъ этого въ его сочиненіи; его трудъ еще не исторія просвѣщенія, а только матеріалы для нея, которыми предстоитъ воспользоваться.

Библіотека для чтенія, журналъ словесн., наукъ и политики.

Въ вышедшихъ нумерахъ этого прекратившагося въ половинѣ года журнала, по русской исторіи напечатаны: *Отрывки изъ исторіи южно-русскаго казачества:* 1) *Начало Уніи:* 2) *Бунты Косинскаго и Наливайка:* 3) *Брестъ-Литовская церковная унія, Н. Костомарова* (№ 1, 2, 3). — *Русское общество отъ кончины Петра до Екатерины, Бѣляева—*

статья замѣчательная. — *Записки о Московіи сэра Джерома Горсея, переводъ съ англійскаго г-жи Бѣлозерской* (неокончено, по случаю прекращенія журнала). — *Экономическое положеніе низшаго класса русскаго общества въ царствованіе Грознаго*, статья, которую не излишне будетъ имѣть въ виду изучающему русскую исторію XVI вѣка. — *Промышленность древней Руси*, *г. Аристова*, гдѣ разсматривается рыболовство и пчеловодство; здѣсь есть дѣльный выводъ о торговлѣ въ Новгородѣ; статья не кончена за прекращеніемъ журнала.

Русское Слово, *учено-литературный журналъ*. 12 книгъ.

Въ этомъ журналѣ постоянно является сотрудникомъ по предмету русской исторіи г. Щаповъ. Въ своей статьѣ: «Историко-этнографическая организація русскаго народонаселенія», онъ, вооружась выводами естествознанія, хочетъ примѣнить ихъ къ человѣческой исторіи, и, посредствомъ ихъ, найти внутреннія причины явленій историческаго быта русскаго народа. Вопреки тѣмъ, которые утверждаютъ единство русской націи, г. Щаповъ находитъ, что русскій народъ недоросъ еще до національнаго единства. Не разбирая въ подробности доводы автора, замѣтимъ, что способы, которые выбираетъ онъ, не кажутся намъ достаточно крѣпкими и основательными. Такимъ образомъ, онъ принимаетъ за исключительность то, что въ сущности не составляетъ ничего исключительнаго и особеннаго въ русской жизни. Напримѣръ, въ тѣхъ взаимныхъ насмѣшкахъ, которыми, какъ извѣстно, жители одной провинціи запечатлѣваютъ отличіе въ бытѣ и характерѣ жителей другой, г. Щаповъ усматриваетъ противоположность западу, и это, по его приговору, происходитъ отъ недостатка развитія идеи національности. Но подобныя явленія существуютъ въ равной степени и на западѣ, и Россію въ этомъ отношеніи нельзя противопоставить западу. Эти явленія отнюдь не маловажны и знаменательны, но не исключительны, и потому не могутъ служить доказательствами недостатка идеи національности. На 7 страницѣ своего сочиненія, г. Щаповъ утверждаетъ, что русская національная организація еще не сложилась окончательно, не развилась до національнаго сознанія, и что въ исторіи русской всегда являлась на первомъ планѣ чисто внѣшняя, географическая, поземельная или земская связь, а не внутренняя, народная, органическая, и русская исторія есть болѣе исторія земства или, по выраженію актовъ, *земли*, чѣмъ исторія соціально-организованной націи. На стр. 17 же, г. Щаповъ говоритъ, что «русское племя окрѣпло въ силахъ, разнообразилось въ національной организаціи, въ смѣшанномъ составѣ своей народности, пріобрѣло и развило въ себѣ физіологическую силу устойчивости и способность видоизмѣнять, претворять въ свою національность всякія иноплеменныя народности.»

Г. Щаповъ здѣсь или противорѣчитъ самому себѣ, или мы не понимаемъ г. Щапова. Авторъ справедливо обращаетъ вниманіе на тѣлесныя особенности племенъ, ищетъ въ нихъ соотвѣтствія съ большею или меньшею способностію къ развитію; но, намъ кажется, г. Щаповъ дѣлаетъ изъ этихъ тѣлесныхъ особенностей какой-то фатумъ, основную причину явленій, что-то въ родѣ того, какъ старые историки, не понимая причинъ событій, говорили: *«судьба такъ опредѣлила»*. Если тѣлесное состояніе имѣетъ вліяніе на нравственное и умственное развитіе, то и послѣднее имѣетъ также вліяніе на тѣлесное устройство. Нельзя приписывать однимъ племенамъ бóльшихъ или меньшихъ способностей на томъ только основаніи, что они *такія* а не *другія племена*; были еще причины, которыя создавали условія, при которыхъ племена являлись съ извѣстными намъ чертами и качествами. Хотя человѣкъ животное и подвергается тѣмъ же условіямъ какъ и животное, но самъ же г. Щаповъ сознаетъ, что человѣкъ безспорно отличенъ отъ животнаго. Пытаясь подводить человѣческую исторію подъ естественные законы, не слѣдуетъ забывать, что свободная *воля* и самоусовершаемость составляютъ естественныя прирожденныя качества человѣческаго существа; поэтому только тогда и будетъ правильно понято соотношеніе человѣческой исторіи съ естественными законами, когда все человѣческое будетъ разсматриваться какъ пребывающее подъ властью такихъ естественныхъ законовъ, которые опредѣляютъ вліяніе качествъ, присущихъ человѣческой природѣ исключительно въ отличіе отъ животныхъ, точно также какъ свойства и жизнь всякого звѣря можно изучить только по тѣмъ качествамъ, какія дала ему природа въ отличіе отъ другихъ звѣрей.

Г. Щаповъ занимается въ своей статьѣ только Сибирью, изслѣдываетъ, какъ русское населеніе обрусило сибирскихъ инородцевъ. Причины тому были разныя: ихъ г. Щаповъ перечисляетъ и разсматриваетъ. Первая заключалась въ брачныхъ соединеніяхъ русскихъ съ инородцами, и, вслѣдствіе этого, произошла особая разновидность великорусскаго народа съ своеобразнымъ европейско-сибирскимъ или великорусско-инородческимъ типмоъ. По выводамъ г. Щапова, европейско-сибирскій типъ русскаго народа, на протяженіи отъ Урала до Тихаго океана, многозначительно и характеристично оразнообразивается въ западной Сибири угро-финскими и татаро-калмыцкими признаками, а въ юговосточной Сибири монголо-бурятскими чертами; въ Якутской же области, главнымъ образомъ, якутскими. Поразительно то, что русскіе, повсюду побѣждая инородцевъ силою своего народнаго элемента и претворяя ихъ въ себя, только въ Якутской области подвергаются противоположной судьбѣ и оякучиваются. Кромѣ смѣшенія черезъ браки, смѣсь русской народности съ инородческими происходитъ посредствомъ приселенія, сосѣдства и сожительства

племенъ. Естественно, чѣмъ русскаго народа селится между инородцами болѣе по количеству, тѣмъ орусѣніе послѣднихъ идетъ успѣшнѣе и скорѣе. Въ Якутской области русскій элементъ уступаетъ туземному, потому что тамъ русскихъ сравнительно мало. Притомъ же тамошній климатъ представляетъ мало благопріятныхъ условій и для земледѣлія и для городской промышленности, а потому русскіе не могутъ дѣйствовать на туземцевъ путемъ передачи имъ своей культуры. Далѣе — принятіе инородцами русской вѣры и вступленіе въ русскую службу, торговыя сношенія, и наконецъ, школы и образованіе являются средствами привлеченія инородцевъ къ слитію съ великорусскимъ племенемъ. Вотъ, какъ разсуждаетъ г. Щаповъ о томъ печальномъ результатѣ, какой выработываетъ иногда исторія русской цивилизаціи въ Сибири: «Мы, русскіе, призванные исторіею и поставленные самою географіею въ непосредственное жизненное, бытовое и, такъ сказать, воспитательное отношеніе къ нимъ для того, чтобы возвести ихъ путемъ общечеловѣческаго интеллектуальнаго развитія на степень высшихъ народностей, больше развратили, испортили и забили ихъ, чѣмъ просвѣтили, и начинаемъ умственное и нравственное преобразованіе этихъ народностей не съ того, съ чего слѣдовало бы начать, начинаемъ съ распространенія суевѣрія, хитрости, обмана, пьянства и болѣзней, а не съ распространенія естествознанія и средствъ къ просвѣщенію.» Намъ кажется, что для нашихъ полудикихъ инородцевъ не нужно придумывать какихъ нибудь неопредѣленныхъ средствъ, предлагаемыхъ авторомъ, и можно довольствоваться тѣмъ, что принято опытомъ: школы грамотности, хорошіе суды и хозяйство распространятъ достаточно цивилизацію, безъ особыхъ курсовъ естествознанія.

Г. Щаповъ рисуетъ умственное состояніе сибирскаго общества и касается языка. Изъ его выводовъ оказывается, что русскій языкъ въ Сибири есть нарѣчіе архангельское, составившееся изъ древняго новгородскаго подъ вліяніемъ угасшей и слившейся съ русскою стихіею заволоцкой чуди, гдѣ на триста провинціальныхъ словъ приходится до пятидесяти финскихъ; перешедши въ Сибирь, это нарѣчіе видоизмѣнилось подъ вліяніемъ языковъ тамошнихъ инородцевъ, обыкновенно заимствуя прежде всего названія предметовъ или занятій, которымъ то или другое племя предано; напримѣръ, отъ звѣроловъ — слова, относящіяся къ охотѣ, отъ рыболововъ — слова, относящіяся къ рыбной ловлѣ. На югѣ Сибири русскій языкъ наполняется бурятскими словами и выраженіями; изъ ста пятидесяти провинціализмовъ забайкальскаго русскаго нарѣчія, отъ семидесяти шести до девяносто словъ монгольскихъ. Судя по этимъ извѣстіямъ, можно подумать, что со временемъ въ Сибири не будетъ русской народности, а образуется особое племя изъ смѣси русскихъ съ инородцами; но это невозможно,

такъ какъ обученіе будетъ на русскомъ языкѣ, и потому русскій языкъ останется, конечно, навсегда языкомъ интеллигенціи.

Другая статья г. Щапова, въ томъ же «Русскомъ Словѣ», «О географическомъ распредѣленіи народонаселенія», сначала обозрѣваетъ климатическія и естествопроизводительныя разности въ Россіи, потомъ излагаетъ древнія занятія русскаго народа: звѣроловство, рыболовство, пчеловодство: все это подтверждается множествомъ выписокъ изъ актовъ и древнихъ извѣстій. Былъ періодъ, когда богатство состояло въ непосредственно натуральныхъ сырыхъ продуктахъ дикаго не культированнаго животнаго царства природы и въ особенности пушныхъ звѣрей. Г. Щаповъ обращаетъ вниманіе на то, что никто въ старину не думалъ изучать природу животнаго міра русской земли, и приводитъ примѣры разныхъ суевѣрныхъ сказаній о животныхъ. Отъ этого суевѣрнаго состоянія не могли развиваться въ русскихъ поселеніяхъ новыя и разнообразныя отрасли зоологической культуры и промышленности. Съ XV в. видно оскудѣніе въ природѣ зоологическихъ богатствъ, и тогда правительство стало ограничивать свободное занятіе зоологическими промыслами. Г. Щаповъ этимъ оскудѣніемъ животныхъ богатствъ и административными стѣсненіями народа въ его звѣроловныхъ и рыболовныхъ промыслахъ объясняетъ умноженіе гулящихъ людей и захребетниковъ. Г. Щаповъ обращаетъ при этомъ вниманіе на Сибирь, какъ ему особенно знакомый край, и представляетъ посредствомъ цифръ ходъ оскудѣнія звѣриныхъ доходовъ.

Православный Собесѣдникъ, издаваемый при Казанской духовной академіи. Казань. 12 книгъ.

Этотъ журналъ, издавна помѣщающій разные памятники древней русской письменности и историческія изслѣдованія, относящіяся къ исторіи древней русской церкви, въ настоящее время напечаталъ *Остенъ*, богословско-полемическое сочиненіе патріарха Іоакима, житіе Никодима Конеозерскаго (XVII в.), со многими характеристическими чертами пустынножительства и борьбы съ бѣсами. Изъ изслѣдованій примѣчательна статья подъ названіемъ: «Борьба христіанства съ язычествомъ.» По мнѣнію автора, которое мы раздѣляемъ, русскіе славяне не выработали себѣ въ язычествѣ понятія о личности высшихъ боговъ; ихъ вѣрованія наиболѣе обращались къ лѣшимъ, домовымъ, русалкамъ, вообще существамъ близкимъ къ семейной и домашней жизни каждаго; отъ того и борьба язычества съ христіанствомъ происходила въ средѣ семейной и домашней жизни, мало проявлялась въ общественной, а потому мало оставила и памяти въ исторіи.

Русскіе долгое время по имени назывались христіанами, ходили въ церковь, исполняли наружные обряды, а въ отправленіяхъ семейной и домашней жизни оставались съ языческими вѣрованіями, обычаями и

понятіями. Такимъ образомъ, долго церковь не могла установить правильнаго брака. Въ простонародіи существовало убѣжденіе, что бракъ церковный существуетъ для князей и бояръ, а на самомъ дѣлѣ происходило умыканіе дѣвицъ, языческія свадьбы съ плесканьемъ, съ пѣснями въ честь Лады, съ обхожденіями вокругъ ракитоваго куста и проч. Мы замѣтимъ автору, что изъ множества примѣровъ, приведенныхъ имъ въ доказательство существованія язычества, не все относится къ русскому народу, но также къ инородцамъ, такъ напр. извѣстіе о волхвахъ, называемыхъ арбуями, въ грамотѣ митрополита Макарія (XVI в.) къ духовенству водской пятины. По замѣчанію автора, въ памятникахъ церковной письменности раннихъ временъ видно болѣе чистое христіанство, чѣмъ впослѣдствіи въ XVI и XVII вѣкѣ; въ послѣднія времена является болѣе суевѣрій, какъ будто вновь воскресало язычество; авторъ объясняетъ это тѣмъ, что впослѣдствіи христіанство болѣе органически вошло въ жизнь народа и въ немъ теряло свою чистоту. Намъ кажется, это обстоятельство объясняется проще: отъ прежняго времени осталось менѣе памятниковъ, чѣмъ отъ послѣдующаго. — Кромѣ этой статьи, въ «Православномъ Собесѣдникѣ» помѣщено сравнительное обозрѣніе типиковъ, или церковныхъ уставовъ, употребляемыхъ въ Россіи. Авторъ объясняетъ, что первый типикъ или уставъ о службѣ и монастырскомъ благочиніи первоначально составленъ преподобнымъ Саввою Освященнымъ въ V вѣкѣ, потомъ подвергался дополненіямъ и измѣненіямъ, особенно послѣ Іоанна Дамаскина, составителя многихъ пѣсенъ духовныхъ, и въ такомъ видѣ перешелъ къ намъ въ XI вѣкѣ. Здѣсь онъ подвергался внѣшнимъ и внутреннимъ измѣненіямъ, которыя и выставлены сравнительно.

Православное Обозрѣніе. Москва. 12 книгъ.

Здѣсь обращаетъ на себя вниманіе по русской исторіи статья (февраль): «Расколъ въ западномъ русскомъ краѣ». Кромѣ статистическихъ данныхъ, есть нѣсколько историческихъ замѣчаній. Раскольники, поселившіеся въ западномъ краѣ, будучи всѣ великороссы, не смѣшиваются съ туземцами, и отъ того они не подпали польскому вліянію. Они относятся къ панству совсѣмъ не такъ какъ туземцы. Замѣчаютъ слѣды древняго стригольничества въ безпоповщинѣ. — Самая интересная историческая статья въ «Православномъ Обозрѣніи», помѣщенная во многихъ нумерахъ сряду—г. Барсова: «Братья Андрей и Семенъ Денисовы.» Со временъ Петра въ расколѣ сдѣлался коренной переворотъ. До того времени между расколомъ и господствующею церковью была борьба на жизнь и смерть: церковь хотѣла заставить всѣхъ принять исправленія; старообрядцы хотѣли уничтожить новшество на Руси. Петръ I подвергъ раскольниковъ двойному окладу и тѣмъ самымъ призналъ ихъ гражданское существованіе. Тогда-то явились братья Дени-

совы, какъ организаторы раскольнической общины. Андрей Денисовъ былъ человѣкъ болѣе холоднаго ума, чѣмъ фанатическаго чувства, отъ того-то и вкралось въ то время въ расколъ фарисейское лицемѣріе. Въ древнемъ обиліи монастырей на сѣверѣ и вообще въ давнемъ развитіи аскетическаго подвижничества, авторъ видитъ причину, почему аскетизмъ, по крайней мѣрѣ наружный, сдѣлался признакомъ поморской общины. Тамъ на дальнемъ сѣверѣ легче всего было раскольничьей общинѣ сдѣлаться безпоповщиной; край былъ малолюденъ, церквей мало, напримѣръ, въ первой половинѣ XVII вѣка на 5,895 верстъ было 35 приходовъ да и то не всѣ съ попами; жители рѣдко посѣщали церкви, инымъ во всю жизнь не приходилось побывать въ церкви, за то строили часовни, гдѣ грамотные простолюдины совершали богослуженіе. Такимъ образомъ, безпоповщина прежде раскола существовала de facto по необходимости, и жители, лишенные священниковъ, привыкли считать церковныя дѣла земскимъ дѣломъ; грамотные мужики пріобрѣтали то вліяніе на народъ, которое принадлежало попамъ, еслибъ послѣднихъ было больше. Сверхъ того въ XVII вѣкѣ, послѣ появленія раскола, на сѣверъ убѣгали гонимые расколоучители, и сѣверные монастыри скоро сдѣлались притономъ преслѣдуемаго раскола. Такимъ образомъ, Денисовъ, организаторъ поморскаго безпоповскаго раскола, нашелъ въ сѣверномъ краѣ подготовленную почву. — Есть еще статья г. Веденяпина: «Законодательство императрицы Елизаветы относительно православнаго духовенства».

Труды Кіевской духовной академіи. Кіевъ. 12 книгъ.

Въ февральской книжкѣ напечатана статья «Мистеріи и комедіи, учителя піитики въ Кіевской академіи іеромонаха Митрофана Довгалевскаго», любопытный памятникъ литературы начала XVIII вѣка. Минуя дѣйства изъ св. писанія съ неизбѣжнымъ Иродомъ, невольно обращается вниманіе на разные того времени типы, изображенные подъ угломъ тогдашняго воззрѣнія. Напр. выходитъ ляхъ-панъ на полеванье (наохоту); его подданные литвины являются къ нему и произносятъ привѣтствіе на своемъ бѣлорусскомъ нарѣчіи. Пану отъ чего то не понравилось это; онъ приказываетъ ихъ отдуть проволочными веревками и при этомъ говоритъ: «Чтó за диво мнѣ, и какая бѣда хлопа забить — убить какъ негоднаго сына!» Литвиновъ высѣкли, а одного забыли высѣчь. Небитый говоритъ:

«Нужъ моспане, и менѣ еще прахварасцѣ, а прахварастивши тà дà дому пусцѣ».

Ляхъ вспоминаетъ, что прежде владѣлъ казаками, чувствуетъ, что страдаетъ его гоноръ, убѣждаетъ своихъ земляковъ напасть на казаковъ. Онъ говоритъ: «когда бы пришли казаки, мы бы ихъ канчуками прогнали въ лѣсъ!» — Казакъ приглашаетъ на помощь москаля;

оба, соединившись вмѣстѣ, даютъ отпоръ ляхамъ. Москаль говоритъ: «што здѣсь ляхи на рубежахъ спаминали, будто ляшенки Украину въ абластяхъ держали. Добро! вотъ накажемъ имъ рубежи кнутами па спинѣ».

Казакъ отвѣчаетъ:

«И добре, земочку, щобъ другій памятовавъ, и дідчій своій дитині заказавъ (т. е. хорошо, землякъ, пусть и другой помнитъ да̀ и своему бѣсовскому дитяти закажетъ!»)

Въ майской книжкѣ Трудовъ помѣщена статья, «Типографія Кіево-печерской лавры», гдѣ изложена исторія этой типографіи съ перечнемъ книгъ тамъ напечатанныхъ.

Помѣщены въ Трудахъ письма Иннокентія Гизеля и письма Өеофана Прокоповича. Послѣднія замѣчательны по оригинальнымъ взглядамъ, служащимъ для характеристики знаменитаго человѣка своего времени. «Можетъ быть, ты слышалъ (писалъ онъ къ нѣкоему Маркевичу), что меня призываютъ для епископства. Эта почесть меня привлекаетъ и прельщаетъ, какъ если бы меня приговорили броснть на съѣденіе дикимъ звѣрямъ. Дѣло въ томъ, что лучшею частью своей души я ненавижу митры, саккосы, жезлы, свѣщники, кадильницы и тому подобныя утѣхи. Прибавь къ тому же весьма жирныхъ и огромныхъ рыбъ.... Я люблю дѣло епископства и желалъ бы быть епископомъ, если бы вмѣсто̂ епископа мнѣ не пришлось быть комедіантомъ». — Помѣщена въ Трудахъ еще біографія Антонія Поссевина, но она не имѣетъ большой важности, потому что у автора не было подъ рукою многихъ, даже легко доступныхъ источниковъ.

Московскія Университетскія Извѣстія. № 3. Курганное племя въ Московской губерніи, Анатолія Богданова.

Авторъ разсматриваетъ, на основаніи краніологическихъ соображеній, черепа, найденныя въ Московской губерніи въ уѣздахъ Московскомъ, Звенигородскомъ, Можайскомъ, Верейскомъ, Подольскомъ, Коломенскомъ, Богородскомъ и Рузскомъ. Замѣчательно, что раскопки происходили также въ серпуховскихъ курганахъ, но тамъ ничего не найдено. Всѣхъ кургановъ раскопано 129. Самые высокіе курганы были въ селѣ Власовѣ Московскаго уѣзда, затѣмъ — курганы въ десяти верстахъ отъ Коломны и у Покрова, Подольскаго уѣзда. Костяки въ нихъ встрѣчаются: въ курганахъ невысокихъ глубиною отъ двухъ до трехъ аршинъ, и въ большихъ отъ четырехъ до шести, измѣряя отъ вершины насыпи. Тѣла клались на материкѣ, и на нихъ насыпали землю, которую брали не подалеку. Въ немногихъ мѣстахъ, однако, попадались костяки, лежащіе выше материка; по объясненію рабочихъ, эти случаи значатъ то, что мертвыхъ хоронили зимою, когда расчистка мѣста была затруднительна; положеніе скелетовъ—головою на за-

падъ, ногами на востокъ, а у тѣхъ, которые лежать выше материка на зимній востокъ. Замѣчательны нѣкоторыя отличительныя странныя обстоятельства, напр., при раскопкѣ одного кургана, при совершенно правильномъ положеніи всѣхъ частей костяка, одна только правая бедренная кость очутилась отодвинутою, обращенная внизъ своей головкой и стоящею почти подъ прямымъ угломъ къ костяку. Въ другой разъ нашли, что нижняя челюсть лежала на груди костяка. Авторъ статьи не допускаетъ, что эти странныя явленія произошли случайно отъ перемѣщенія костей при раскопкѣ, но думаетъ, что мертвецовъ въ такомъ видѣ и хоронили. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Европы также замѣчалось, что члены погребенныхъ въ курганахъ были отдѣлены отъ туловища еще до погребенія. Это однако рѣдкія исключенія; обыкновенно находили скелеты въ цѣлости; руки складываются иногда внизу живота, иногда одна рука положена на животѣ и согнута, а другая вытянута вдоль тѣла, а иногда обѣ вытянуты вдоль тѣла. Вопреки извѣстію г. Гатцука, что женскіе курганы выше мужскихъ, г. Богдановъ находитъ, что иногда мужскіе бываютъ также высоки. Въ курганѣ почти всегда одинъ только скелетъ, рѣдко, однако, бываетъ и два — одинъ мужскій, другой женскій, а иногда женскій и дѣтскій, а въ одномъ курганѣ нашли три скелета: мужскій, женскій и дѣтскій. Въ нѣкоторыхъ курганахъ нашли угли и притомъ въ значительномъ количествѣ, также кости домашнихъ животныхъ частію въ обозженномъ состояніи. Черепы иногда находятъ съ уцѣлѣвшими волосами, и одинъ изъ такихъ череповъ сохранился до того, что можно видѣть, какъ носились серьги, оплетенныя волосами и шнурочками. Между вещами попадались серьги, браслеты, кольца, бусы и бубенчики, которымъ, какъ извѣстно, въ Литвѣ приписывали символъ дѣвства. Найденные на скелетахъ остатки тканей очень грубы; въ одной гробницѣ найдено кожаное платье, лежавшее на кольцахъ у покойника, но формы его нельзя распознать, потому что швы разошлись. Оружія нѣтъ нигдѣ, за то есть что-то въ родѣ ножницъ, какъ будто для стрижки овецъ, и гребни; золота почти нѣтъ; единственное исключеніе — нашли однажды золотой бубенчикъ. Серебро чаще, но еще чаще сплавъ мѣди и желѣза.

Разсмотрѣвши черепа на краніологическихъ основаніяхъ, г. Богдановъ приходитъ къ слѣдующимъ результатамъ:

«Въ VIII—X в. (такъ говоритъ археологія) жило въ Московской губерніи племя, вѣроятно занимавшееся скотоводствомъ и охотою. Племя это обитало по Москвѣ-рѣкѣ и ея притокамъ, и, вѣроятно, одно владѣло всѣми угодьями мѣстности. Если бы было нѣсколько племенъ, то, не говоря уже о томъ, что тогда не было бы единства въ физическомъ строеніи, были бы между племенами ссоры, были бы боевые курганы. Нѣтъ слѣдовъ ранъ на костякахъ. Судя по зубамъ,

большая часть костяковъ принадлежитъ старымъ особамъ, изъ чего можно заключить, что племя это было долговѣчно, и многіе достигали глубокой старости, особенно женщины жили долѣе мужчинъ, какъ можно заключить по числу старыхъ женскихъ скелетовъ. Курганные люди были росту большого: отъ 2 арш. 6 вер. до 2 арш. 8 вер., женщины были также рослы. Судя потому, что на скелетахъ сильно развиты возвышенія въ тѣхъ мѣстахъ, которыя соотвѣтствуютъ прикрѣпленію мускуловъ, видно, что племя это было сильное.»

О наружномъ видѣ ихъ г. Богдановъ замѣчаетъ, что они не были красивы, особенно мужчины, у которыхъ были выдавшіяся челюсти и зубы. Судя по стертымъ зубамъ, можно заключить, что люди эти питались твердою растительною пищею, какъ напримѣръ, кореньями и полуразвареннымъ, а можетъ быть сырымъ, мясомъ, волосы у иныхъ были русые. Племя это жило въ странѣ, которая была лѣсистѣе, чѣмъ теперь, а потому климатъ въ тѣ отдаленныя времена былъ здѣсь холоднѣе и сырѣе; оно занималось охотой, потому что тогда водилось здѣсь много звѣрей; вѣроятно, пушные звѣри, какъ лисицы, бобры, составляли ихъ богатство, которое они промѣнивали на тѣ украшенія, какія теперь отыскиваются въ ихъ гробахъ. Множество дикихъ звѣрей, кабановъ, медвѣдей, волковъ, должно было пріучить ихъ къ постоянной борьбѣ за свое существованіе. Что касается до того, что у нихъ не встрѣчается въ могилахъ оружія, мы, съ своей стороны, не считаемъ этого достаточнымъ основаніемъ думать, чтобъ это племя было кроткое и мирное. Отсутствіе оружія въ могилахъ быть можетъ зависитъ отъ того, что у этого племени не было въ обычаѣ класть его въ могилы съ умершими; даже то обстоятельство, что не встрѣчается боевыхъ кургановъ — не даетъ еще повода заключить о кротости жителей и спокойствіи этого края въ оное время. Послѣ дракъ, родные убитыхъ могли погребать ихъ тогда по одиночкѣ въ курганахъ, а побѣжденныхъ бросать безъ погребенія. Къ какому изъ племенъ можно причислить этихъ людей — г. Богдановъ не берется рѣшить.

Университетскія Извѣстія. Кіевъ. 12 книгъ.

Статья приватъ-доцента Леонтовича «Русская Правда и Литовскій статутъ» написана съ цѣлью показать сходство Русской Правды не только съ литовскимъ статутомъ, но и съ польскими юридическими памятниками, предшествовавшими по времени литовскому статуту. Сочиненіе это можетъ назваться счастливымъ абрисомъ труда, на обработку котораго требуется болѣе широкаго объема и болѣе разносторонняго и глубокаго примѣненія (Февраль — Апрѣль). — Кромѣ этой статьи въ извѣстіяхъ помѣщены статьи студента г. Иконникова: «Кто былъ первый «Самозванецъ»? (Февраль—Мартъ) и «Максимъ Грекъ»

(Іюль—Ноябрь). Послѣднее заключаетъ подробное изложеніе содержанія сочиненій Максима Грека и замѣчаній объ обстоятельствахъ, вызвавшихъ появленіе этихъ сочиненій.

Вѣстникъ Западной Россіи, книжки I, II, III. Вильна.

Первый отдѣлъ этого журнала въ каждой книжкѣ заключаетъ разные старинные акты, относящіеся преимущественно къ исторіи церквей, монастырей, церковнаго управленія и быта. Между прочими замѣчательны: грамата, данная Стефаномъ Баторіемъ іезуитамъ при введеніи ихъ въ Полоцкѣ; подтвердительная грамота Яна Казимира уніатскому духовенству въ 1668 г.; присяга и исповѣданіе вѣры Веніамина Рутскаго при посвященіи его въ санъ митрополита въ 1612 году; акты, относящіеся къ біографіи архимандрита Мельхиседека и его времени, перепечатаны изъ актовъ кіевской коммиссіи. Изъ историческихъ статей помѣщены здѣсь: 1) Польская эмиграція до и во время послѣдняго мятежа, 1831—1863 г. 2) Свѣдѣнія о раскольникахъ Витебской губ. 3) Славяне съ незапамятныхъ временъ.

Кіевлянинъ, газета. Кіевъ.

Въ этой газетѣ есть нѣсколько историческихъ замѣтокъ г. Максимовича и г. Антоновича. Такъ, напр. (№ 23), г. Максимовичъ доказываетъ, что извѣстный Евстафій Ружинскій, который во многихъ южнорусскихъ лѣтописяхъ называется гетманомъ, не носилъ этого названія и былъ подъеводчимъ кіевскимъ.— Любопытна статья г. Антоновича о Даніилѣ Братковскомъ, извѣстномъ въ польской литературѣ своимъ сатирическимъ сочиненіемъ «Świat przejrzany», напечатанномъ въ 1697 году. Братковскій былъ послѣдній борецъ изъ шляхетскаго званія за православную вѣру и за русскую народность въ Польшѣ. Въ 1702 году онъ составилъ заговоръ, написалъ крестьянамъ воззваніе и приглашалъ ихъ дружно возстать противъ панства. Но его схватили прежде чѣмъ онъ успѣлъ что нибудь произвести, судили и казнили въ Луцкѣ отрубленіемъ головы.

Виленскій Вѣстникъ, газета. Вильна.

Въ продолженіи цѣлаго года во многихъ нумерахъ (18—245) тянулась историческая статья «Сѣверозападныя губерніи», гдѣ излагается исторія великаго Литовскаго княжества и его внутреннихъ учрежденій. Въ № 72 помѣщена статья о древнихъ гербахъ литовскихъ. Въ № 57—замѣтка о троицкомъ Слуцкомъ монастырѣ, изъ которой узнаемъ, что тамъ есть портреты четырехъ слуцкихъ князей и гробы супруги князя Януша Радзивила, дочери молдавскаго государя Лупулы, котораго другая дочь была за сыномъ Богдана Хмельницкаго, и княжича Радзивила, отравленнаго, какъ говоритъ преданіе, іезуитами.

Епархіальныя вѣдомости.

Во многихъ епархіяхъ издаются епархіальныя вѣдомости, гдѣ въ теченіи 1865 г. въ неоффиціальной части были помѣщены акты, между прочимъ, статьи, относящіяся къ русской исторіи, археологіи, исторической географіи и этнографіи, преимущественно въ церковной сферѣ. Нѣкоторыя представляютъ изслѣдованія вообще о прошедшихъ событіяхъ въ мѣстныхъ епархіяхъ. — Таковъ рядъ статей г. Суворова въ *вологодскихъ* епархіальныхъ вѣдомостяхъ, относящихся къ исторіи какъ вологодской, такъ и сопредѣльныхъ съ нею новгородской, ростовской и вятской епархій: *О двукратномъ присоединеніи Двины, Ваги и Каргополя къ вологодской епархіи*, которой эти земли были отданы въ вѣдомство царемъ Иваномъ Васильевичемъ въ 1576 году, потомъ при сынѣ его Өедорѣ Ивановичѣ въ 1584 г. были отъ ней отведены къ новгородской епархіи, при вступленіи Михаила Өедоровича, въ 1613 году, опять возвращены были вологодской епархіи вслѣдствіе челобитной вологодскаго владыки, который просилъ отдать ему въ управленіе эти земли во уваженіе тѣхъ раззореній и убытковъ, какія понесла его епархія въ смутное время (№ 6). *О зависимости Сольвычегодска и Устюга отъ ростовской епархіи въ XVI ст.*; и о *Пошехоньѣ* — съ грамотами относящимися до подчиненія этого края и о присоединеніи Яренскаго уѣзда отъ вологодской епархіи къ вятской въ 1676 г. (№ 7). Здѣсь же помѣщены свидѣтельства объ іерархахъ древней пермской и вологодской епархіи (№ 17) и нѣсколько топографическихъ и статистическихъ свѣдѣній о вологодской епархіи, — статья, богатая фактами, гдѣ разсматривается памятникъ конца XVII в.: «Книга окладная церковной десятины 1691 г.» Нельзя безъ особаго уваженія относиться къ почтенной дѣятельности г. Суворова, уже нѣсколько лѣтъ работающаго для археологіи, исторіи и этнографіи Вологодскаго края. — Въ *вятскихъ*, помѣщены матеріалы для исторіи вятской епархіи (№ 18—23). — Въ *подольскихъ* вѣдомостяхъ напечатана «*Львовская русская епархія*, но эта статья заимствована изъ галицкаго сочиненія г. Головацкаго. — Въ *тульскихъ* помѣщены свѣдѣнія, касающіяся до біографіи *Тульскихъ владыкъ* (№№ 4—5). — Въ *иркутскихъ*, почти черезъ весь годъ тянутся очень любопытныя извѣстія, относящіяся до біографіи *св. Иннокентія*, и онѣ заключаютъ характеристическія черты вѣка вообще. — Въ *ярославскихъ*, есть (№№ 10—26) матеріалы для біографіи *Дмитрія Ростовскаго*, и его сочиненія «Розыскъ». — Въ *черниговскихъ* помѣщены письма *Лазаря Борисовича* (15, 23—24). — Въ *подольскихъ*, біографія *уніата Шумлянскаго* взята изъ галицкаго «Слова» (№ 13). Вообще къ исторіи церкви и религіи относятся статьи: въ *вологодскихъ:* «О началѣ и распространеніи христіанства въ предѣлахъ вологодской епархіи»; въ *подольскихъ:* «О первоначальномъ устройствѣ христіанскихъ церквей въ Польшѣ» (№ 7); «Религіозная сторона

жизни нашего народа» (№№ 3, 4, 7, 10); обѣ не важны. — Въ *тамбовскихъ:* «Матеріальное состояніе православнаго духовенства до петровскаго времени» — имѣетъ значеніе какъ сводъ разсѣянныхъ извѣстій (3 и 4). Въ *черниговскихъ, «Кіевскій соборъ* 1691 года марта 1, при Варлаамѣ Ясинскомъ» — статья важная какъ матеріалъ для церковной исторіи. — Въ *кіевскихъ,* останавливаетъ вниманье статья: *«Церковно-археологическія замѣтки».* Авторъ разсуждаетъ: откуда появился осьмиконечный крестъ, и находитъ, что онъ — латинское произведеніе; начало его относитъ онъ къ тому вѣку, когда греческіе императоры, тѣснимые турками, искали союза съ папами. Приступивши къ другому предмету: «О древнемъ иконостасѣ», авторъ доказываетъ, что мы и греки отступили отъ древняго обычая въ устроеніи иконостасовъ. Прежде алтарь отдѣлялся отъ трапезы только колоннами. «Поучительная сама въ себѣ исторія завѣта Божія съ людьми не пресѣкала тогда мысли молящихся и благоразумно была отдалена въ глубь алтаря или стѣны, а всего чаще подъ своды храма, куда любило возносить ее минувшее тысячелѣтіе, одѣвавшее храмы до самыхъ сводовъ мраморными полированными плитами и писавшее на образныхъ небесахъ всѣмъ возможнымъ великолѣпіемъ цвѣтовъ и золота блестѣвшую повѣсть церкви Божьей.» По мнѣнію автора, въ нашихъ древнихъ соборахъ (по крайней мѣрѣ, въ кіевскомъ Софійскомъ) иконостасъ состоялъ изъ сквозной перегородки. «Не для того Ярославъ украшалъ Софійскій соборъ мозаичными иконами, чтобъ скрыть ихъ отъ народа досчатою перегородкою иконостаса; не для чего было писать и фрески на приалтарныхъ стѣнахъ, еслибъ ихъ предполагали закрыть». Тоже можно сказать и о многихъ сѣверныхъ церквахъ нашихъ и особенно о псковскомъ мужскомъ монастырѣ, гдѣ всѣ стѣны и въ томъ числѣ приалтарные столбы покрыты замѣчательными фресками XII вѣка, которыя желательно было бы всѣ отмыть и возстановить въ прежнемъ видѣ. Иконостасы были на задней сторонѣ алтаря, а не на передней, и только ставились на пяльцахъ впереди иконы для поклоненія въ трапезѣ. Авторъ желалъ бы, чтобы ввелся снова старый обычай не закрывать алтаря иконами, отдѣляя его отъ трапезы сквозными рѣшетками и завѣсою задергиваемою, когда слѣдуетъ по чину богослуженія. Отъ такого возвращенія къ православной старинѣ много выиграетъ и благолѣпіе богослуженія и религіозное чувство народа, когда онъ будетъ ближе видѣть совершаемое богослуженіе. Тогда, какъ теперь многіе изъ простого народа остаются въ совершенномъ невѣжествѣ относительно того, что дѣлается въ церкви, куда они приходятъ молиться, видятъ передъ собою одни образа и все свое религіозное чувство сосредоточиваетъ на однихъ образахъ. Есть въ той же статьѣ замѣчаніе о двоякомъ звонѣ въ Россіи, одинъ звонъ великорусскій, другой малорусскій; первый, по мнѣнію автора,

занесенъ изъ Италіи въ XV вѣкѣ (№ 11).—По исторіи ересей и расколовъ есть статья въ *вятскихъ* вѣдомостяхъ о *Богумилахъ* (№№ отъ 2 до 10 включительно), гдѣ изъ богумильства выводится стригольничество, жидовствующая ересь, молоканы, хлысты, скопцы и даже отчасти раскольники. Выводы натянуты, и все основается на отдѣльныхъ, иногда внѣшнихъ, подобіяхъ, а потому эта статья не имѣетъ научнаго достоинства. Въ *черниговскихъ*, въ статьѣ *Новозыбковъ*—есть любопытныя граматы и указы, относящіяся къ мѣстнымъ раскольникамъ въ XVIII вѣкѣ (№ 1). Нельзя пройти безъ вниманія въ тѣхъ же вѣдомостяхъ статей относящихся къ описанію епархіи въ разныхъ отношеніяхъ: 1) *свѣдѣніе о Глуховскомъ уѣздѣ* напечатаны въ нѣсколькихъ нумерахъ начиная со 2-го; и 2) *Мглинъ* (№№ 7, 8, 9, 11, 14, 15, 18, 19, 20 и 22).

Наибольшая часть статей, относящихся къ исторіи и археологіи въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ, приходится на долю церквей, монастырей и мѣстно чтимыхъ иконъ. Въ *вологодскихъ* помѣщены: *Заонежская* пустынь (№ 11); *Матеріалы и Замѣтки:* челобитныя XVII вѣка, относящіяся къ монастырскому быту. Во *владимірскихъ: Владимірскій каѳедральный соборъ* (№№ 1, 2, 3 и 4), котораго основаніе преданіе приписываетъ св. Владиміру; въ *ярославскихъ: Пошехонскій Адріановъ монастырь* (№№ 31, 33, 34 и 35): *Кашинскій*, *Срѣтенскій монастырь* (№№ 42 и 44). Въ *тульскихъ: Тульская церковь*, *Бѣлевскій Спасопреображенскій монастырь*, гдѣ есть между прочимъ грамата боярина Дмитрія Тимоѳеича Трубецкаго въ 1611 г., и нѣсколько чертъ смутнаго времени; *Бѣлевская*, *Жабинская пустынь*, основанная въ 1584 г., и упраздненная въ 1764 году, (отъ 11 до 23 включительно). *Въ литовскихъ*: *Супрасловскій Благовѣщенскій монастырь* съ его уставомъ (№№ 42 и 44); *Изслѣдованіе о построеніи въ Вильнѣ церкви святаго Духа и основаннаго при ней монастыря*, гдѣ доказывается, что это событіе относится къ 1596 году (№ 11); *Замѣтки о древней Синковецкой Церкви*, съ любопытными разсказами (6) о холмской иконѣ Божіей Матери, статья основанная на сочиненіи уніата Суши, издавшаго въ 1684 году сочиненіе Phoenix tertiato redivivus, съ памятникомъ, хранящимся въ церкви, которой приписываютъ глубокую древность. Въ *орловскихъ*: *Священныя древности Воронежскаго Благовѣщенскаго монастыря* (1); *О сѣнской чудотворной иконѣ Божьей Матери* (6), съ извлеченіями изъ неизданныхъ рукописей. Въ *полтавскихъ: Полтавскій Крестовоздвиженскій монастырь*, основанный въ 1650 году (21); *О Лубенскомъ и Мгарскомъ монастырѣ* (№№ 13, 14 и 15), съ очеркомъ жизни св. Аѳанасія. Въ *черниговскихъ: Закрытые монастыри въ Черниговской губерніи*, статья богатая разными историческими, археологическими и біографическими подробностями (№№ 3, 4, 5 и 6). *Въ кіевскихъ: Почаевская лавра* (краткій и неважный очеркъ)

(11); *Сказанія о Мотигорскомъ монастырѣ*, статья М. А. Максимовича. Не смотря на отсутствіе извѣстій объ этомъ монастырѣ въ древнихъ лѣтописяхъ, преданіе приписывало издавно его построеніе Андрею Боголюбскому, что и означено въ синодикѣ 1625 года, принадлежащемъ этому монастырю. Говорили, будто Андрей, когда взялъ изъ Вышгорода икону Божьей Матери, то какъ бы въ очищеніе своего поступка построилъ тамъ монастырскую церковь Спаса Бѣлаго. Погибшій въ Ордѣ князь Михаилъ Всеволодовичъ (1245 г.) числился по синодикамъ въ числѣ ктиторовъ этого монастыря. Съ 1683 года, монастырь былъ войсковымъ запорожскимъ монастыремъ, по неоднократнымъ просьбамъ запорожцевъ и въ томъ числѣ славнаго Ивана Сирка. Съ тѣхъ поръ каждый запорожецъ считалъ долгомъ помолиться въ этомъ монастырѣ, и многіе сѣчевые богатыри здѣсь оканчивали жизнь. Достойно замѣчанія, что въ числѣ благотворителей этого монастыря значится Ирина Соикова, вдова казненнаго въ 1663 году, наказнаго гетмана Якима Соика; она пожертвовала 350 золотыхъ червонцевъ, изъ чего видно, что имѣніе казненныхъ не было до конца разграблено. Какъ можно заключить изъ разсказа лѣтописи очевидца, монастырь упраздненъ въ 1786 году. Разсказываютъ, что упразднившая его Екатерина II въ 1787 году желала посѣтить его зданія, и въ тотъ самый день, когда государыня хотѣла туда пріѣхать, они загорѣлись и погибли до тла. Кромѣ этихъ описаній, въ кіевскихъ же помѣщена статья: *О первыхъ временахъ кіевскаго богоявленскаго братства* (21).

Нельзя не остановить вниманія на одной очень замѣчательной статьѣ въ Кіевскихъ епархіальнымъ вѣдомостяхъ подъ названіемъ: *«Школьные стихотворные опыты въ кіевской духовной академіи 1719—1720 года»*.

Это малороссійскіе стихи противъ ляхолюбія и ляхолюбцевъ, гдѣ рѣчь идетъ отъ лица Малороссіи-матери, скорбящей о томъ, что дѣти ея обращаются къ Польшѣ, усвоиваютъ себѣ обычаи и нравы польскіе, даже уніи желали бы. Не считаемъ нужнымъ и совмѣстнымъ съ предѣлами нашего обзора приводить вполнѣ эти стихотворенія, отсылая любопытствующихъ къ 18 № упомянутыхъ вѣдомостей; укажемъ только на нѣкоторыя, по нашему мнѣнію, самыя характеристическія строки:

Ой не сини ви не діти,
Хощуть мене загубити,
Ляхолюбці, лихолюбці —
Тіи мои, тіи згубці.
Куди пойдешь — ляхівъ хвалють,
Вірнихъ тілько шчо не палють,
Простимъ уши набивають,
Лихомъ-ядомъ заражають,

Безъ хвалъ ляцькихъ нема слова,
Їдять чи пьють — о нихъ мова!

(Не сыны вы мои, не дѣти: они хотятъ погубить меня! ляхолюбцы— лихолюбцы... Они-то мои губители! Куда ни поѣдешь—вездѣ ляховъ восхваляютъ, а вѣрныхъ чуть не жгутъ... набиваютъ простымъ людямъ уши, заражаютъ ихъ лихимъ ядомъ. Слова не скажутъ безъ того, чтобы не похвалить ляховъ; ѣдятъ ли, пьютъ — все о нихъ рѣчь!)

Шчо ляцькое имя вдячно;
Хочь ледащо — те имъ смачно!
Хочуть бути уніати,
Папу въ ногу ціловати;
Зъ ляхомъ весь духъ, вся охота:
То и мудрость, то и цнота!
Тамъ теперь хочуть ціло
Привести умыслъ свій въ діло.
Тиі мене загубити
Мислють — не ви мои діти!

(Ляхское имя отрадно, хоть оно не взрачно, да имъ по вкусу... Хотятъ уніатами сдѣлаться, папу цѣловать въ ногу, съ ляхомъ вся душа ихъ, все желаніе, тамъ и мудрость и доблесть. Теперь они окончательно хотятъ привести въ дѣло свой умыселъ. Они меня хотятъ загубить..... Не вы мои дѣти!)

Сежъ діти, ви глядіте,
Ляхолюбцівъ не любите;
Поти добра намъ не буде,
Поки у насъ тиі люде.
Нехай йдуть на сухий лісъ,
Куды гордий зоветь ихъ бісъ!

(Смотрите же, дѣти, не любите ляхолюбцевъ. До тѣхъ поръ у насъ не будетъ добра, пока есть эти люди. Пусть себѣ идутъ въ сухой лѣсъ, куда зоветъ ихъ бѣсъ гордости!)

Максимовичъ приписываетъ эти стихи Ѳеофану Прокоповичу. Впрочемъ, чьи бы они ни были—этого мы не разбираемъ пока; во всякомъ случаѣ они открываютъ многое. Не смотря на ожесточенную борьбу южной Руси съ Польшею, въ ней все таки оставались долго слѣды прежней цивилизаціи, выработанной въ соединеніи съ Польшею, и они то обращали многихъ назадъ. Это естественно должно было обнаружиться послѣ Мазепы, когда Петръ взялся за Малороссію. Старая польскихъ временъ цивилизація очутилась въ борьбѣ съ преобразованіями Петра, отчасти также какъ въ Великой Россіи противъ преобразовательнаго могущества стала въ оппозицію московская старина, находившая себѣ сосредоточенность въ движеніи раскола. Въ Малороссіи, естественно,

такая оппозиція старыхъ началъ новымъ хотѣла сосредоточиться на Польшѣ, гдѣ былъ источникъ этихъ старыхъ началъ. Изъ приведенныхъ стиховъ видно, что̀ были малороссы, которые дружелюбіе свое къ Польшѣ доводили даже до того, что готовы были признать унію, эту самую унію, которая вызвала ужасную вѣковую борьбу южнорусскаго народа съ Польшею. Это дѣлается понятнымъ, когда мы примемъ во вниманіе, что изъ всѣхъ сословій не только Малороссіи, но и всей Россіи, никто столько не готовъ былъ подавать содѣйствія видамъ Петра Великаго какъ малороссійское высшее духовенство: тѣ, которые возненавидѣли тягость Петровой власти, не любили и своего духовенства, которое стало въ ихъ глазахъ орудіемъ этой власти, и такимъ путемъ могло возникнуть расположеніе даже къ уніи. Борьба старой русскопольской цивилизаціи съ новою, которую проводилъ въ Россію духъ преобразованія, продолжалась въ Малороссіи въ продолженіи всего XVIII вѣка. Очень важно было бы разработать эту сторону нашей исторіи. Только тогда можно будетъ рѣшить, какъ великъ былъ кругъ такихъ ляхолюбцевъ, противъ которыхъ вооружается приведенное стихотвореніе. Соображая однако, что громада народа оставалась совершенно чуждою такого ляхолюбія, и имѣя притомъ много примѣровъ, когда люди, принадлежавшіе къ кругу болѣе образованныхъ малороссіянъ, оказывались съ инымъ духомъ и направленіемъ, мы не думаемъ, чтобъ въ этомъ ляхолюбіи было что нибудь крѣпкое, живучее, способное на какое бы ни было разсчитанное предпріятіе: скорѣе это могли быть не болѣе какъ порывы досады, срывавшіе съ языка такія слова, на которыя можетъ быть не откликнулось бы ни сердце, ни воля тѣхъ, кто ихъ произноситъ. И эти-то слова, пойманныя на лету, возбудили негодованіе малороссійскаго патріота.

Духовный Вѣстникъ. Харьковъ.

Въ № 6-мъ этого ежемѣсячнаго журнала напечатана статья «Состояніе православной церкви въ Венгріи въ XIV — XVIII в. Это сокращеніе изъ нѣмецкой книги Фидлера Beiträge zur Union der Ruthenen; статья эта относится къ венгерскимъ русинамъ, и особенно интересны свѣдѣнія о XVII в., когда вслѣдъ за введеніемъ уніи въ польской Руси послѣдовало присоединеніе русской церкви къ папѣ изъ венгерскихъ русиновъ. Статья легкая: по прочтеніи ея остается желать болѣе полновѣснаго труда по этому вопросу. Само собою разумѣется, что судьба венгерскихъ русиновъ, равно какъ и всѣхъ австрійскихъ, хотя и не состоящихъ подъ властію Россійской Имперіи, всегда будетъ составлять достояніе русской исторіи, въ смыслѣ исторіи русскаго народа, по принадлежности этихъ русиновъ къ южной его вѣтви. Въ 9 нумерѣ есть статья: *«Мѣры русскаго правительства от-*

носительно улучшенія духовенства въ XVII в.,—статья археологическая. Авторъ, кромѣ печатныхъ источниковъ, пользовался рукописнымъ сборникомъ соловецкой библіотеки.

Губернскія вѣдомости за 1865 годъ.

Въ Архангельскихъ—помѣщено (№№ 7, 8): Нѣсколько грамотъ XVII вѣка, (№ 34 и далѣе); Исторія Шенкурскаго монастыря и нѣсколько мѣстныхъ преданій, между прочимъ одно (№ 25) о тальцѣ (ручьѣ) близъ Онеги, куда бросаютъ деньги; на берегу его, говоритъ преданіе, зарытъ какой-то казакъ съ копьемъ (№ 26 и далѣе). Въ Кевролѣ народъ сохраняетъ преданіе о чуди, которая когда-то защищалась отъ новгородцевъ въ своихъ городкахъ, которыхъ слѣды и теперь называютъ городищами.

Во Владимірскихъ—(№ 12): Археологическое и историческое описаніе Суздаля и Гороховца, и (№ 29 и дал.) извлеченіе изъ писцовыхъ книгъ съ 1628 по 1687 (№ 15 и дал.); описаніе владимірскихъ церквей и (№ 14) Боголюбова монастыря, при чемъ занесено народное преданіе, будто убійцы Андрея Боголюбскаго, брошенные въ коробьяхъ въ озеро, и до сихъ поръ носятся по волнамъ.

Въ Вологодскихъ—(№ 5): Извлеченіе изъ одной древней рукописи о первоначаліи монастыря каменскаго; (№ 3), Историческія свѣдѣнія о вологодской епархіи, которыя заимствованы изъ описанія Вологодской губерніи, сдѣланнаго въ 1809 году; (№ 10), Описаніе спасо-прилуцкаго монастыря; (№ 14), Объ основаніи города Кадникова и о его окрестностяхъ. Мѣстное преданіе сохраняетъ память о разбойникѣ Ѳедосѣ, именемъ котораго называется близъ лежащій отъ Кадникова холмъ. Говорятъ, что разбойники на этомъ холмѣ скрыли кладъ и оставили гдѣ-то роспись, съ которою, выполнивши разныя причудливыя условія, можно достать деньги и имущество, зарытое въ Ѳедосовомъ холмѣ. У подошвы Лисьей горы лежитъ огромный камень, который жители города Кадникова и окрестныхъ деревень называютъ каменною бабою и разсказываютъ, что въ нее была обращена одна женщина, возроптавшая на солнце, которое, не смотря на ея просьбу, не дало ей окончить дневную работу.

Въ Волынскихъ—(№№ 5, 6, 7): Описаніе православныхъ монастырей, существующихъ и существовавшихъ на Волыни; (№ 42); Историческое описаніе мѣстечка Полоннаго. Мѣстные жители забыли о глубокой древности этого мѣста и приписываютъ основаніе его казаку Григорію Воронѣ, отъ котораго будто бы произошли на Волыни сперва князья Воронецкіе, а потомъ Вороничи, родъ коихъ и до нынѣ существуетъ; (№ 46), Описаніе Тригорскаго монастыря и его окрестностей; (№ 47), Выпись съ книгъ Кгродскихъ воеводства Кіевскаго.

Въ Воронежскихъ—(№ 7): Исторія частныхъ народныхъ школъ въ

Воронежской губерніи (1787—1855); (№№ 17, 20, 25), Историческое указаніе на мѣстность и народонаселеніе Богучарскаго уѣзда; (№ 29), Историческое указаніе о бывшемъ городѣ Усердѣ; (№ 39) Преданіе о началѣ въ городѣ Воронежѣ праздника «аладей».

Учрежденіе этого праздника преданіе приписываетъ Петру Великому; онъ совпадаетъ съ петровскими, и по своему разгульному характеру противорѣчитъ воздержанію, палагаемому постомъ; историческія свѣдѣнія о рѣкѣ Воронежѣ и варіантъ пѣсни о Голубиной книгѣ.

Въ Вятскихъ—(№ 16): Описаніе города Уржума (№ 21); объ историческихъ достопримѣчательностяхъ села Истобенскаго, къ числу коихъ, между прочимъ, принадлежитъ часовня, устроенная въ память такъ называемыхъ «устюжскихъ и рязанскихъ родителей»; преданіе объ основаніи ея гласитъ слѣдующее: Въ XVII столѣтіи «рязанцы (такъ назывались жители, обитавшіе на томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ часовня), принявъ мирныхъ устюжанъ-колонистовъ за разбойниковъ, завязали съ ними кровопролитіе и избили ихъ; но, увидѣвши свою ошибку, раскаялись и положили на мѣстѣ сраженія построить часовню и въ первую субботу послѣ пасхи поминать убіенныхъ. Это исполняется и до сихъ поръ. Въ синодикѣ записаны: «преставившіеся на брани воины Василій, Патрикій, Ѳедоръ, Іоаннъ, а съ ними седмь тысячъ убіенныхъ;» (№ 54), Замѣтка относительно древностей Вятскаго края, между прочимъ, и о курганахъ; объ инородцахъ сѣверовосточной части Глазовскаго уѣзда; (№ 72), Описаніе городища Марьина Кокошника. По мнѣнію г. Алабина, это городище (близъ рѣки Хлыновки) было первымъ мѣстожительствомъ древнихъ обитателей этой страны, еще до пришествія новгородскихъ колонистовъ, и потомъ мѣстомъ первой новгородской колоніи.

Въ Гродненскихъ—(№ 8 и далѣе): Матеріалы для исторіи древнихъ православныхъ церквей въ Гроднѣ; (№ 15), Замѣтки о Сынковицкой церкви; (№ 30), Очеркъ внутренней и внѣшней торговли древней Литвы; (№ 39), Сборникъ правъ, привилегій, декретовъ, люстрацій, плебисцитовъ и иныхъ документовъ, относящихся до цѣлости границъ, вольностей, прерогативъ и доходовъ города Бѣльска. Составилъ Б. Ярошевичъ, судный писарь города Бѣльска, 1796 г. Содержаніе его очень интересно и чрезвычайно важно для историческаго обзора отношеній литовскопольскаго правительства къ западнорусскому народу. (№ 44), Нѣсколько эпизодовъ изъ послѣдняго мятежа.

Въ Донскихъ—(№ 1): Опись актамъ и запискамъ собраннымъ въ архивахъ: донскомъ, крѣпости св. Димитрія, таганрогскомъ, новохоперскомъ и астраханскомъ; (№ 8), Акты, относящіеся до запрещенія принимать на Дону бѣглыхъ людей (1698—1742 г.); (№ 36), Войсковые

приказы 1744 г.; (№№ 34, 37, 38), Историческія свѣдѣнія о станицахъ Есауловской и Кумылженской.

Въ Иркутскихъ — (№ 7): Описаніе пріѣзда М. М. Сперанскаго въ Иркутскъ, и О происхожденіи хоринскихъ бурятъ.

Въ Кіевскихъ—(№ 12): Описаніе монастырей: Кіево-Братскаго, Богоявленскаго, Николаевскаго; (№№ 22, 23, 27, 29, 33), церквей: св. Андрея Первозваннаго, Трехсвятительской, Срѣтенской, Вознесенской, Георгіевской, Троицкой, Спасской, Печерской, Кіево-подольскихъ приходскихъ; (№ 48), церквей, состоящихъ при казенныхъ заведеніяхъ въ Кіевѣ; нѣкоторыя изъ нихъ замѣчательны по древности или по историческимъ происшествіямъ; (№ 49), римскокатолической приходской церкви; (№ 37), Описаніе остатковъ древности въ Корсуни; объ открытіи фресковъ въ церкви Спаса на Берестовѣ.

Въ Ковенскихъ — О происхожденіи народа литовскаго, и историческія замѣтки о Литвѣ.

Въ Курскихъ—(№ 9): Переписка воеводъ украинныхъ городовъ; консисторскія рѣшенія XVIII вѣка; преданія сельскаго быта. Мѣстныя историческія матеріалы.

Въ Калужскихъ — Поѣздка въ Жиздринской уѣздъ; здѣсь существуетъ преданіе, что въ старину вся мѣстность отъ Жиздры и дальше къ Мещовску составляла *полѣсье*, которое было притономъ разбойниковъ и дикихъ звѣрей, что заставляло мирныхъ жителей закапывать свое имущество въ землю.

Въ Могилевскихъ — Старинный приговоръ могилевскихъ гражданъ на сооруженіе братской церкви; историческая замѣтка о могилевской Николаевской церкви; краткія свѣдѣнія о Мазолевскомъ монастырѣ, близъ Мстиславля. Въ монастырь этотъ, какъ говорятъ, заглядывала унія, но православіе восторжествовало. Замѣчательно, что здѣшняя чудотворная икона балыкинской Божіей Матери почитается въ городѣ Ростовѣ Ярославскомъ.

Въ Нижегородскихъ—Историческій очеркъ Кунавина (Заокской слободы); исторія нижегородской гимназіи; (№ 14) Матеріалы для исторіи нижегородской ярмарки, къ числу которыхъ принадлежитъ: докладъ государю министра внутреннихъ дѣлъ графа Кочубея о построеніи гостиннаго двора и о распорядкѣ макарьевской ярмарки; а также и (№ 15) Записка о построеніи макарьевскаго гостиннаго двора.

Въ Оренбургскихъ—(№ 8): Царскія граматы и челобитная о земляхъ башкира Тарханъ Акинчака Таникѣева XVII вѣка. Интересъ этихъ грамотъ заключается въ указаніи на древнія права башкиръ. Оренбургскіе архивы почти не тронуты. Топографическое обозрѣніе Воскресенской волости (Челябинскаго уѣзда); жители ея считаютъ себя потомками выселенцевъ изъ Тобольской, Пермской и даже Казанской губерній. До 1764 года, т. е., до изданія штатовъ духовныхъ, она

принадлежала тобольскому митрополиту, а въ народѣ до сихъ поръ осталась память о митрополитскихъ экономахъ, жившихъ здѣсь для управленія митрополичьими вотчинами. Земляныя кольцеобразныя насыпи, курганы, по здѣшнему чудскія ямы, чудскія могилы и чудаки, свидѣтельствуютъ, что мѣстность эта была заселена и въ глубокой древности.

Въ Олонецкихъ — (№ 9): Народная легенда про водяниковъ.

Въ Орловскихъ — Матеріалы для исторіи и статистики города Ельца. Нарѣчіе и одежда коренныхъ ельчанъ (кички, занавѣски, поневы) подтверждаютъ мнѣніе, что здѣсь сначала жили финны, а потомъ вятичи. Замѣчательно, что только за рѣкою Сосною начинаютъ появляться курганы, каменныя бабы и другіе памятники доисторической жизни неизвѣстныхъ намъ народовъ.

Въ этихъ матеріалахъ, между прочимъ, помѣщены: историческія свѣдѣнія о Ельцѣ съ древнѣйшимъ временъ и о елецкихъ зданіяхъ.

Въ Пензенскихъ — О городѣ Краснослободскѣ и о его уѣздѣ.

Въ Пермскихъ—Историческія свѣдѣнія объ основаніи города Шадринска; писцовая книга города Чердыни, составленная въ 1624 году писцомъ Кайсаровымъ; историческій очеркъ Воскресенской церкви въ городѣ Соликамскѣ; (№№ 16, 18, 19, 26) Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта; о населеніи пермскихъ земель гг. Строгоновыхъ съ древнѣйшихъ временъ; (№ 33) Историческій очеркъ села Нижне-Чусовскихъ городковъ; (№ 34) Историческія свѣдѣнія о Пыскорскомъ монастырѣ; (№ 22) О заштатномъ городѣ Долматовѣ.

Историческія свѣдѣнія объ этомъ заштатномъ городѣ сообщаются здѣсь на основаніи архивныхъ документовъ; письмо графа Александра Строгонова къ главному пермскому управителю С. Климову.

Въ Полтавскихъ — (№ 10) Матеріалы для исторіи помѣстьевъ въ Полтавской губерніи, въ коихъ помѣщена грамота, пожалованная Петромъ Великимъ роду Кованекъ.

Въ Симбирскихъ — (№ 4) Преданія о Пугачовѣ, сохранившіяся въ городѣ Курмышѣ; (№ 5) Историко-статистическое описаніе села Усолья, и (№ 33) о времени, когда имъ владѣли графы Орловы; (№ 11) Описаніе города Сингилея; (№ 28) Историческія свѣдѣнія объ Успенской подгородной церкви.

Въ Смоленскихъ—(№ 3) Описаніе древней плащаницы, отысканной въ царствѣ Польскомъ. Изъ надписей шитыхъ серебромъ оказалось, что вышита она въ Москвѣ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ въ 1546 году, при митрополитѣ Макаріѣ; (№ 30) выдержки изъ архивныхъ дѣлъ.

Въ Тамбовскихъ — О древностахъ Кадо́ма и его собора.

Въ Тверскихъ—(№ 2): Списокъ святителей, управлявшихъ тверскою епархіею со времени ея учрежденія до 1804 года; (№№ 4, 9) Экстрактъ

писемъ изъ Твери отъ 1 мая 1767 г., въ которыхъ описывается пребываніе въ Твери императрицы Екатерины II; отрывокъ изъ повседневной записки походу ея императорскаго величества Екатерины II въ Казань въ 1767 году; (№ 12) Воспоминаніе о Ходаковскомъ; (№ 36) О зачатіи въ градѣ въ Твери Отроча монастыря; (№ 5) Затмацкій посадъ города Твери въ 1626 году; (№ 6) Южная часть города Твери въ 1626 году; (№ 7) Загородскій посадъ въ 1626 г. Въ Тверской губерніи сохранилась память о Мареѣ Борецкой. Въ народѣ ходитъ преданіе о копѣйкѣ Мареы Посадницы, пожертвованной ею на храмъ Божій, и что будто бы копѣйка эта оказалась угоднѣе Богу тысячей, пожертвованныхъ московскимъ бояриномъ (№ 11, Копѣйка Мареы Посадницы); (№ 30) Память о Мареѣ Борецкой въ селѣ Бѣжицахъ; (№ 10) Остатки старины въ Тверской губерніи, гдѣ, между прочимъ, говорится о какомъ то Мареиномъ портретѣ.

Въ Томскихъ—(№ 1) Легенда кузнецкихъ татаръ о горахъ Мусталъ, Карабуръ, Кизей и Туральгъ; (№ 6) Преданіе алтайцевъ о потопѣ; (№№ 10, 11, 20, 21, 23, 24) Матеріалы для исторіи торговли Сибири; (№№ 17 и 18) О происхожденіи шаманства, раздѣленіи языковъ по преданіямъ алтайскихъ инородцевъ, (№ 31) Преданіе о Тенгерѣ Тедыгечѣ; (№ 35) Акты Томскаго Алексѣевскаго монастыря въ 1698 году.

Въ Уфимскихъ—О древнемъ антиминсѣ, принадлежащемъ Буйницкому монастырю; (№ 40) Чудской городокъ и городьба въ Челябинскомъ уѣздѣ; (№ 42) Документъ на построеніе церкви въ селѣ Долговскомъ въ 1754 г.; (№ 43 и далѣе) Курганы въ приуральскихъ мѣстахъ Оренбургской губерніи.

Въ Черниговскихъ — (№№ 2 и 5) Нѣсколько актовъ (1690, 1729 и 1757 гг.), касающихся до ружнаго содержанія черниговскаго, кіевскаго и нѣжинскаго бѣлаго духовенства; а также универсалъ (1703), освобождающій священническіе дома отъ постою, а церковныхъ причетниковъ отъ «вытаченья провіанта».

ПЕРЕЧЕНЬ КНИГЪ И СТАТЕЙ,

НАПЕЧАТАННЫХЪ ВЪ 1865 ГОДУ НА ИНОСТРАННЫХЪ СЛАВЯНСКИХЪ И ЧУЖЕПЛЕМЕННЫХЪ ЯЗЫКАХЪ, ОТНОСЯЩИХСЯ ДО ИСТОРІИ:

а) *Русской Имперіи и русскаго народа.*

Alexandre I et le prince Czartoryski. Correspondance particulière et conversations, 1801—1813, publiées par le prince Ladislas Czartoryski, avec une introduction, par Charles de Mazade. Paris, 8⁰. (Александръ I. и князь Чарторыскій. Частная переписка и

бесѣды въ 1801—1808 г. Издано кн. Влад. Чарторыскимъ, съ предисловіемъ Шарля де Мазада).

Эта книга въ 311 стр. разгонистой печати заключаетъ сорокъ восемь писемъ, относящихся къ перепискѣ Чарторыскаго съ Александромъ I; изъ нихъ только четыре принадлежатъ Александру I, прочія Чарторыскому, сверхъ того — три письма в. кн. Константина Павловича къ императору Александру, и два — Чарторыскаго къ Константину. Помѣщено описаніе трехъ бесѣдъ съ императоромъ Александромъ въ 1809 и 1810 гг. Главный предметъ писемъ и бесѣдъ—возстановленіе Польши, идея, которой всецѣло посвятилъ себя Чарторыскій. При сличеніи содержанія этой переписки и мемуаровъ съ тѣми документами, въ подлинности которыхъ мы увѣрены, должно сказать, что, еслибы они и были выдуманы или передѣланы, то во всякомъ случаѣ во многомъ совпадаютъ съ истиною. Въ нихъ указываютъ на одну неловкость, а именно, что великій князь Константинъ Павловичъ называется наслѣдникомъ въ то время, какъ онъ не носилъ этого титула.

Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland, herausgegeben von A. Erman. Band. 24. Heft 2. Въ немъ помѣщено: 1) Woher ist das Wort Kremlj (Откуда названіе Кремль?). 2) Zur Waräger Frage (Къ вопросу о варягахъ). 3) Ein Schreiben von Leibnitz an Peter dem Grossen (Письмо Лейбница къ Петру Великому). 4) Statistik der Russischen Juden (Статистика русскихъ евреевъ). 5) Die Mosaikmalerei in Russland (Мозаичная живопись въ Россіи). 6) Die Sprache der Waldtcheremissen (Языкъ лѣсной черемисы). 7) Castrens Koibalische und karagussiche Sprachlehre (Кастрена койбальская и карагосская грамматики). 8) Aus den Memoiren Iermolows (Изъ записокъ Ермолова). 9) Zugabe zu den Artikel: das Wort Schamane, von Schott. (Прибавленіе къ статьѣ Шотта: слово Шаманъ). 10) Historische Bedeutung der Fabeln Krylows (Историческое значеніе басенъ Крылова).

Beaumont-Vassy. Geschichte des Kaisers Nicolaus und der Entwickelung Russlands seit dem Wiener Congress, aus dem französischen). (Бомонъ-Васси, Исторія императора Николая и развитіе Россіи со временъ вѣнскаго конгресса, перев. съ французскаго.)

Beesbardis Kaspar. Der Sprach und Bildungskampf in den Baltischen provinsen Russlands. Bautzen. (Бесбардисъ Каспаръ. Борьба языка и образованности въ балтійскихъ провинціяхъ Россіи. Будишинъ).

Beitzke. Geschichte des Jahres 1815. Berlin. (Бейцке, Исторія 1815 г. Берлинъ).

Bernhardi. Denkwürdigkeiten aus dem Leben des kais. Generals von der Infanterie Karl Friedrich Grafen von Toll. B. 2. Neue vermehrte Ausgabe. Leipzig. 8° (Бернгарди, Достопримѣчательности изъ жизни генерала-отъ-инфантеріи Карла Фридриха графа фонъ Толля, 2 ч. Новое дополненное изданіе. Лейпцигъ).

- **Biblioteka zakładu Ossolińskich,** t. VII. (Библіотека учрежденія Оссолинскихъ т. VII.)

Здѣсь помѣщены, между прочимъ, Ступницкаго статья: о галицкихъ монетахъ, и Стадницкаго: Владиміръ князь Кіевскій и его потомство.

Bienemann. Briefe und Urkunden für Geschichte Livlands von den Jahr. 1558—1562. Band. 1. 1557—1558. Riga. (Биенеманнъ. Письма и документы для исторіи Ливоніи отъ 1558 до 1562 г. Часть I. 1557—1558). 8°.

Въ числѣ изданныхъ документовъ, нѣкоторые поясняютъ исторію вторженія московскихъ войскъ при царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ.

Bogdanowitch. Geschichte des Kriegs 1814 J. in Frankreich und des Sturzes Napoleons. 1866. Leipzig. 8°. Богдановичъ. Исторія войны 1814 г. во Франціи и паденія Наполеона. 1866. Лейпцигъ. Переводъ съ русскаго).

Мы представили выше (Мартъ. 1866. Отд. III, стр. 52), какъ иностранная критика отнеслась къ этому труду.

Bunge. Urkundenbuch Liv- Esth- und Kurländisches nebst Regesten. Band V. Heft 2. Reval. (Бунге, Древности Лиф., Эст. и Курл. и акты. Т. V, вып. 2. Ревель.)

Catalogue d'une collection iconographique polonaise composée des desseins originaux, gravures, xylographies, lithographies, illustrant l'histoire, la geographie, antiquités, costumes, moeurs, armes, meubles, etc. de l'ancienne Pologne, des ses provinces et pays limitrophes. Dresden. (Каталогъ иконографическаго собранія, составленнаго изъ оригинальныхъ картинъ, гравюръ, ксилографическихъ и литографическихъ изображеній, объясняющихъ исторію, географію, древности, уборы, нравы, вооруженія, утварь и проч. древней Польши, ея провинцій и сопредѣльныхъ ей странъ. Дрезденъ).

Correspondance de R. P. Lacordaire et de madame Swietchine, par le comte de Falloux. Paris. (Переписка высокопочтеннаго отца Лакордера и г-жи Свѣчиной, издана графомъ де Фальу. Парижъ).

Demokracya polska na emigracyi. Wyjątki z pism Wiktora Heltmana. Lipsk. 12°. (Польская демократія въ эмиграціи. Отрывки изъ сочиненій Виктора Гельтмана. Лейпцигъ).

Emigracya polska od 1831 do 1863, krótki rys historyczny. Lipsk. (Польская эмиграція съ 1831 по 1863 г., краткій историческій очеркъ. Лейпцигъ).

Эта книжечка въ сто шесть страницъ мелкой печати сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о внутреннемъ составѣ польской эмиграціи за границею и можетъ служить однимъ изъ источниковъ для изученія этого предмета.

Etzel Anton. Die Ostsee und ihre Küstenländer, geographisch, naturwissenschaftlich und historisch geschildert. Neue Ausgabe. Leipzig. 8°. (Этцель Антонъ, Балтійское море и его берега, географически, естествознательно и исторически изображенныя. Новое изданіе. Лейпцигъ).

Ferrand, A. F. C. Les trois démembrements de la Pologne pour faire suite aux révolutions de Pologne de Rulhière. Edit. revue et annotée par Chr. Ostrowski. 3 vol. 12°. Paris. (Ферранъ, Три раздѣла Польши, сочиненіе служащее продолженіемъ «Польскихъ переворотовъ» Рюльера. Изданіе просмотрѣнное и снабженное примѣчаніями Хр. Островскаго. Парижъ).

Grevingk. Das Steinalter der Ostseeprovinzen, Liv- Esth- und Kurland und einiger angrenzenden Landstriche. Dorpat. (Гревингъ. Каменный вѣкъ Остзейскихъ провинцій, Ливоніи, Эстоніи и Курляндіи и прилегающихъ къ нимъ околицъ. Дерптъ).

Любопытныя извѣстія о найденныхъ въ этихъ странахъ орудіяхъ каменнаго вѣка съ учеными выводами и догадками. Книга замѣчательная и важная для изученія глубокой древности русскихъ земель.

Gordon. Ostatnie dni Szamila, powieść historyczna. Lipsk. (Гордонъ. Послѣдніе дни Шамиля, историческое повѣствованіе. Лейпцигъ).

Hervillier. Le B. Iosaphat Kuncewicz. 16°. Paris. (Гервилье, Блаженный Іосафатъ Кунцевичъ. 16°. Парижъ).

Hildebrand. Die Chronik Heinrich von Letten. Berlin. 8°. (Гильдебрандъ, Хроника Генриха Латыша. Берлинъ).

Критическій разборъ свидѣтельствъ о личности лѣтописца и его сочиненіи, и событій, упоминаемыхъ послѣдовательно въ его лѣтописи.

Книга эта, въ 177 стр., будетъ немаловажнымъ пособіемъ при изученіи исторіи остзейскаго края, а также должна приниматься въ соображеніе при изученіи русской исторіи по тѣмъ извѣстіямъ, которыя находятся въ лѣтописи Генриха.

Jansen. Russland und Polen vor 100 Jahren. Frankf. 8⁰. (Янсонъ, Россія и Польша за сто лѣтъ. Франкфуртъ).

Маленькая брошюра въ римскокатолическомъ духѣ. Не имѣетъ особой важности для нашей исторіи.

Janson. Zur Genesis der ersten Theilung Polens. Freiburg. 8⁰. (Янсонъ, О зачаткѣ перваго польскаго раздѣла. Фрейбургъ).

Вспомнивши о первомъ замыслѣ раздѣла Польши въ 1656 году, авторъ изображаетъ упадокъ Польши, подробно описываетъ событія при Станиславѣ Понятовскомъ, предшествовавшія польскому раздѣлу, потомъ описываетъ первый раздѣлъ, руководствуясь актами, напечатанными у Тейлера и Ангеберга, а также у Смита, Германа и другихъ.

Kankrin. Aus den Reisetagebüchern des Grafen Georg Kankrin ehemaligen kaiserl. russ. Finanzminister aus den Jahren 1840—1845. Mit einer Lebensskizze Kankrins nebst Beilagen, herausgegeben von Gr. Kayserling. Braunschweig. 2 t. 8⁰. (Изъ путевыхъ записокъ графа Георга Канкрина, бывшаго императорскаго русскаго министра финансовъ въ 1840—1845 гг. Съ очеркомъ жизни Канкрина, съ двумя приложеніями. Издано гр. Кейзерлингомъ. Брауншвейгъ).

Летучія впечатлѣнія во время поѣздокъ по Европѣ, интересно предпосланныя запискамъ, и біографія.

Kirchlichen und Staatsanzeigen bezüglich des griechisch-lat. Ritus der Ruthenen in Galizien. Lemberg. (Церковныя и государственныя соображенія относительно грекολатинскаго обряда въ Галиціи. Львовъ).

Koch. Die Krim und Odessa. Neue Ausg. Leipz. 8⁰. (Кохъ, Крымъ и Одесса. Лейпцигъ).

Koch. Die kaukasischen Länder und Armenien. Neue Ausg. 8⁰. Leipz. (Кохъ. Кавказскія земли и Арменія. Лейпцигъ).

Kólko domowe. (Домашній кружокъ, журналъ въ Варшавѣ). Станислава Прилenскаго: Deskrypcya wesela Tymosza Chmielnickiego z hospodarówną Wołoską. (Описаніе свадьбы Тимоѳея Хмельницкаго съ дочерью молдавскаго господаря).

De Lanoye. La Sibérie. Paris. (Лануа, Сибирь.)

Lehmann. Die Verteidigung Sebastopols, von Ed. Todleben in einem kurzen kritischen Auszuge. Berlin. 8⁰. (Леманнъ. Оборона Севастополя, Эдуарда Тотлебена, въ критическомъ извлеченіи. Берлинъ).

Leus. La Russie devant la civilisation. Solution générale des questions européennes par la reconstruction integral de la Pologne. 8⁰. Paris. (Лею. Россія предъ судомъ цивилизаціи. Всеобщее разрѣшеніе европейскихъ вопросовъ посредствомъ цѣлостнаго возстановленія Польши. 8⁰. Парижъ.

Болѣе фразъ, чѣмъ дѣла.

Mejoff. V. J. Question de l'émancipation des paysans en Russie. Bibliographie étrangère. St. Petersbourg. (Межовъ. Вопросъ объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи: Иностранная библіографія. Спб.).

Merimée. Les Cosaques d'autrefois. 12⁰. Paris. (Меримэ. Казаки прежняго времени. Парижъ).

Извлеченіе изъ русскихъ сочиненій г. Костомарова «Богданъ Хмельницкій» и «Бунтъ Стеньки Разина».

Mérimée. Der Falsche Demetrius. Episode aus der Geschichte Russlands. Aus dem französisch. von Drugulin. Neue Ausg. 8⁰. Leipzig. (Меримэ. Лжедимитрій. Эпизодъ изъ русской исторіи, переводъ съ французскаго Другулина. Новое изд. Лейпцигъ).

Mierosławski, Ludwig. Historya powstania Polskiego w roku 1830—1831 od epoki, na której opowiadanie swoje zakończył Maurycy Mochnacki z mappą teatra wojny i sześcioma kartami topograficznemi T. III. Paryż. (Лудвикъ Мѣрославскій. Исторія польскаго возстанія въ 1830—1831 г., отъ эпохи, на которой остановился разсказъ Маврикія Мохнацкаго, съ картою театра войны и шестью топографическими картами. 8⁰. Т. III. Парижъ).

Науковый сборникъ. Львовъ. 3 ч.

Археологическія, историческія и этнографико-историческія статьи. Между ними примѣчательны: о Галичѣ г. Петрушевича, о древнемъ русскомъ городѣ Щекотинѣ, Ковшевича, о паннонскихъ ругіяхъ Петрушевича, о народныхъ обрядахъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, о древнемъ дипломатическомъ языкѣ Галицкой Руси Головацкаго.

Nieritz. Die Belagerung von Magdeburg und der Zimmermann von Saardam. Neue Ausg. Leipzig. (Норицъ. Осада Магдебурга и Сардамскій плотникъ. Лейпцигъ).

Nordische Revue. Diplomatische Beziehungen zwischen Oesterreich und Russland seit der ersten Theilung Polens. (III B. 2—3. Heft.) Russland und China. (IV B. 1 H.) (Дипломатическія отношенія между Австріею и Россіею со времени перваго раздѣла Польши. (III ч. 2—3 тетр.). Россія и Китай. (IV ч. 1 тетр.).

Pelz. Geschichte Peters des Grossen. Neue Ausg. Leipzig. (Пельцъ. Исторія Петра Великаго. Нов. изд. Лейпцигъ).

Pichler. A. Geschichte der kirchlichen Trennung zwischen Orient und Occident von den ersten Anfängen bis zur jüngsten Gegenwart. 2 B. 8⁰. München. (Пихлеръ. Исторія церковнаго раздѣленія Востока и Запада съ самаго начала до позднѣйшаго времени. 2 ч. Мюнхенъ.

Сочиненіе добросовѣстное и безпристрастное, что̀ такъ трудно при той вѣковой распрѣ, которая раздѣляетъ религіозный западъ отъ востока. Мы имѣемъ въ виду получить отъ спеціалиста подробный и обстоятельный этюдъ какъ самого предмета, такъ и упомянутаго сочиненія, въ которомъ излагается его исторія.

Pitzipios. Die orientalische Kirche. Geschichtliche Darstellung ihrer Trennung, dann Wiedervereinigung mit der röm. Kirche. Übersetzt in Deutsch. von Heinr. Schiel. Neue Ausg. 8⁰. Wien. (Пиципіосъ. Восточная церковь, историческое изображеніе ея отдѣленія, а впослѣдствіи ея возсоединенія съ римскою церковью. Переведено по нѣмецки Генр. Шилемъ. Новое изд. Вѣна).

Porochine. Nos questions russe. 8⁰. Paris. (В. Порошинъ, Наши русскіе вопросы. Парижъ).

Авторъ, бывшій профессоръ политической экономіи въ здѣшнемъ университетѣ, и уже нѣсколько лѣтъ проживающій за границею, имѣлъ часто случай собственнымъ опытомъ убѣдиться, до какой степени искажается иностранцами все, что относится къ исторіи и современному быту нашего отечества. Желая противодѣйствовать систематическому и умышленному, а иногда просто невѣжественному предубѣжде-

нію иностранцевъ, онъ взялъ на себя трудъ опровергнуть такіе голословные и недоброжелательные отзывы доводами, почерпнутыми изъ своихъ историческихъ и статистическихъ свѣдѣній, какъ спеціалиста. Вотъ причина, побудившая автора издать свои этюды, касающіеся важнѣйшихъ сторонъ нашей государственной и общественной жизни, на французскомъ языкѣ. Надобно отдать полную справедливость ученому автору, что, если патріотизмъ внушилъ ему мысль взяться за перо, то въ своихъ пріемахъ онъ руководился любовью не къ одной родинѣ, но и къ истинѣ, а потому его трудъ можетъ имѣть значеніе и для насъ, его соотечественниковъ. Вопросы объ уничтоженіи крѣпостного права, новомъ судебномъ порядкѣ, однимъ словомъ, все, что насъ продолжаетъ еще занимать, изучены имъ такъ, какъ того можно было ожидать отъ профессора одной изъ политическихъ наукъ, который пользовался среди насъ столь заслуженною репутаціею.

Posselt. Der General und Admiral Franz Lefort, sein Leben und seine Zeit. 8°. T. 1. S.-Petersburg. (Посельтъ. Генералъ и адмиралъ Францъ Лефортъ, его жизнь и его время. 8°. Ч. I. Спб.).

Revue des deux mondes: 1) Deux négociations de la diplomatic européenne en Pologne et Danemark par Jul. Klaczko. (Два сношенія европейской дипломаціи въ Польшѣ и Даніи, Ю. Клачко. №№ 1, 7, 14, 16). 2) La Russie dans le Caucase. La fin de la guerre de Circassie et l'émigration des tribus tscherkesses par Ed. Dulaurien. (Россія на Кавказѣ. Окончанчаніе черкесской войны и переселеніе черкесскихъ племенъ. № 24). 3) Une mission russe en Palestine. (Русская миссія въ Палестинѣ № 21).

Эта послѣдняя статья написана по поводу книги «Aus dem heiligen Lande» Тишендорфа, ѣздившаго по порученію русскаго правительства на востокъ съ археологическою цѣлію.

Revue contemporaine: 1) Le czar Pierre en France 1716, par Ed. Barthelemi. (Царь Петръ во Франціи въ 1716. Эдуарда Бартелеми. № 1). 2) Les derniers progrés de la puissance russe en Asie, par V. Maudin. (Послѣдніе успѣхи русскаго могущества въ Азіи. № 15).

Revue moderne: 1) Saint-Pétersbourg aprés 1815 par M. Lasecznikow. № 1. Nov. 2) La mort de Paul I, par le general S—off, mort du cholera en 1848. (Смерть Павла I, написано генераломъ С—овымъ, умершимъ отъ холеры въ 1848 году. № 1. Dec.).

Russel, W. General Todlebens history of the defence of Sebastopol, 1854—1855. London. (Россель. Оборона Севастополя генераломъ Тодлебеномъ въ 1854—1855 гг. Лондонъ).

Russel, W. Aus dem Feldlager in der Krim. Neue Ausg. 8°. Leipzig. (Россель. Изъ лагерной жизни въ Крыму. Лейпцигъ.)

Schedo-Ferroti. Études sur l'avenir de la Russie. Huitième étude. Que fera t'on de la Pologne? (Этюды о будущности Россіи. 8-й этюдъ. Что сдѣлаютъ съ Польшей.)

Schirren. Die Recesse der Livländischen Landtage aus den Jahren 1681 bis 1711. Dorpat. (Ширрена. Протоколы ливонскихъ земскихъ сеймовъ, отъ 1681 до 1711. Дерптъ).

Важное собраніе для внутренней исторіи края. Есть подробности, объясняющія эпоху завоеванія Ливоніи Россіею при Петрѣ Великомъ.

Schnitzler, Geschichte des Russischen Reichs von der ältesten Zeit bis zum Tode

des Kaisers Nicolaus. In deutsch. Ed. Burckgardt. Leipzig. (Шницлеръ. Исторія русскаго государства отъ древнѣйшихъ временъ до смерти императора Николая. Переводъ съ нѣм. языка Эдуарда Буркгардта).

Schnitzler. Maria Foedorowna née princesse de Wurtemberg-Montbéliard, avant son élevation au trône imperial de Russie 1759—1781. 8°. Halle. (Шницлеръ. Марія Θеодоровна, урожденная принцесса Виртембергъ-Монтбеліардская до ея вступленія на императорскій россійскій престолъ 1759—1781. Галле).

Silbernagel Isidor. Verfassung und gegenwärtiger Bestand sämmtlicher Kirchen des Orients. Eine canonisch-statistische Abhandlung. Landshut. 8°. (Уложеніе и современное состояніе всѣхъ церквей востока. Канонико-статистическое изслѣдованіе. Ландсгутъ.)

Авторъ дѣлитъ церкви на соединенныя и несоединенныя съ римскокатолическими, излагаетъ въ системѣ современное управленіе, раздѣленіе, экономію, состояніе монастырей, руководствуясь разными книгами и статьями. Книга полезная. Стоило бы спеціалистамъ по этому предмету оцѣнить ее критически.

Smitt. Schlüssel zur polnischen Frage. St.-Petersburg. (Смитъ. Ключъ къ польскому вопросу. Спб.)

Solowiew. Geschichte des Falls von Polen, übers. von Spörer. 8°. Gotha. (Соловьевъ. Исторія паденія Польши. Перев. Шперера. Гота).

Stecki. Wołyń pod względem statystycznym, historycznym, i archeologicznym. Lwów. 8°. (Стецкій. Волынь въ статистическомъ, историческомъ и археологическомъ отношеніи. Львовъ.)

Авторъ, очевидно, хорошо знакомый съ краемъ, излагаетъ топографію, этнографію, исторію и современное состояніе культуры Волынской губерніи, останавливается съ подробностями надъ нравами и обычаями, помѣщаетъ много народныхъ пѣсенъ и поэтическихъ произведеній.

Strehlke Ernst. Hartmanns von Heldrungen, Hochmeisters des Deutschen Ordens, Bericht über die Vereinigung des Schwertordens mit dem Deutschen Orden und über die Erwerbung Livlands durch den letzteren. Riga. 8°. (Гартмана фонъ Гельдрунгена, великаго магистра нѣмецкаго ордена, извѣстіе о соединеніи ордена меченосцевъ съ нѣмецкимъ и о пріобрѣтеніи Ливоніи послѣднимъ. Рига.)

Süd-Russland und die fürstlichen Donauländer. Neue Ausg. Leipzig. 8°. (Южная Россія и Дунайскія княжества. Новое изданіе, Лейпцигъ.)

Susza I. Cursus vitae et certamen martyrii B. Iosaphat Kuncewicii Archiep. Polocensis. Editio nova curante I. Martinow. Parisiis. (Суша. Житіе и мученичество блаженнаго Іосафата Кунцевича, архіепископа полоцкаго. Новое изданіе подъ редакціею И. Мартынова. Парижъ.)

Świerzecz. Kongres i Europa. Bruxelles. 8°. (Свѣрщъ. Конгресъ и Европа. Брюссель.)

Szajnocha Karol. Dwa lata dziejów naszych 1646—1648. T. I. Lwow. 8°. (Шайноха Карлъ. Два года нашей исторіи 1646—1848. Т. I. Львовъ.)

Относится къ исторіи возстанія южной Руси противъ Польши, заключаетъ замѣчательный очеркъ состоянія южной Руси въ XVI и XVII вѣкахъ. Сочиненіе это, написанное съ обычнымъ автору талантомъ, достойно особаго вниманія занимающихся русскою исторіею. Но въ немъ недостаточно видны историко-этнографическія особенности и

противоположности южно-русскаго народа и польской націи, въ которыхъ заключались глубокія причины ихъ борьбы.

Winkelmann. Die Capitulationen der esthländischen Ritterschaft und der Stadt Reval nebst deren Confirmazionen. 8°. (Винкельманъ. Капитуляціи эстляндскаго дворянства и города Ревеля съ утвержденіями оныхъ.)

Это собраніе документовъ состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: въ первомъ — относящіеся къ эпохѣ поступленія Эстоніи подъ шведское правительство; во второмъ — дѣла 1710—1712 гг., манифестъ Петра, письмо Меньшикова къ городу Ревелю, капитуляція Ревеля 29 сент. 1710 г. и царское утвержденіе въ 1718 г. капитуляціи эстляндскаго дворянства, привилегіи городу Ревелю и эстляндскому дворянству, 1 марта 1712 г. Въ приложеніи—капитуляція Пернавы, статьи ништадтскаго мира и царская ратификація 9 сентября 1721 г.

Zaleski Bronisl. La vie des steppes kirghizes. Descriptions, recits et contes. Paris. (Залѣскій. Жизнь въ киргизскихъ степяхъ. Описанія, разсказы и повѣствованія. Парижъ.)

б) *Другихъ славянскихъ народовъ.*

Archiv česky čili stare pisemne pamatky české a morawské. Pr. (Архивъ чешскій или древніе письменные памятники чешскіе и моравскіе).

Въ этомъ давно уже и ежегодно выходящемъ изданіи, за 1865 г. помѣщены, между прочимъ, рѣшенія сеймовъ и разныя письма XV в., между ними Георгія Подѣбрада.

Archiv za jugoslovensku povjestnicu kn. VIII. (Архивъ для югославянской исторіи).

Здѣсь помѣщенъ дневникъ Санудо (перв. четв. XVI в.).

Berliner Revue. B. 40. H. 13. Der Slavische Süden und seine Bedeutung; 41 B. H. 4: Nachträge zur polnischen Rewolution; ibid. H. 9: Die Engländer in Polen. (Берлинское обозрѣніе: ч. 40, тетр. 13. Славянскій югъ и его значеніе; часть 41, тетр. 4. Дополнительныя извѣстія о польской революціи, тамъ же тетр. 9. Англичане въ Польшѣ).

Biblioteka Warszawska (Варшавская библіотека, журналъ). A. Przezdzieckiego: Sprawozdanie z czynności wydawnictwa Dzieł Długosza. (Отчетъ о дѣятельности изданія сочиненій Длугоша) № 3. Jul. Bartoszewicza: Tablice historyczne (Историческія таблицы) №№ 4—12 включительно. Lepkowskiego: Wiadomości tyczące się rodziny Długosza i jego samego (Извѣстія, касающіяся семейства Длугоша и его самого). № 4. Woycickiego Kaz.-Wład. Piotr Kmita z Wisnicza (Петръ Кмита изъ Виснича). № 6. Chomętowskiego Władysława: Xiąże Krzysztof Zbaraźski koniuszy koronny. (Князь Христофоръ Збарашскій, коронный конюшій); его же: O autografach króla Stefana Batorego (объ автографахъ Стефана Баторія) №№ 7—9. Wybor Michała Korybuta na króla Polskiego w Warszawie 1669 podług niedrukowanego pamiętnika Jana Krystyana Boineberga (Избраніе Михаила Корибута въ польскіе короли изъ ненапечатанныхъ записокъ Яна Христіана Бойнеберга) № 9.

Časopis Musea kralowství Českeho. (Временникъ музея чешскаго королевства).

Здѣсь помѣщены, между прочимъ: разсужденіе о томъ, въ какомъ періодѣ господствовали Бойи въ нынѣшней Чехіи, земское устройство княжества Троппау и Эгерндорфа въ XV в.

Chłędowski. K. Zygmunt Korybut, szkic historyczny 1820 — 1828 r. Warszawa. (Хлендовскій. Кн. Сигизмундъ Корыбутъ, историческій очеркъ 1420—1428 г. Варшава).

Chomętowski Wład. Dziennik Jana Stanisława Jabłonowskiego z oryginalnego rękopismu biblioteki Krasińskich. Warszawa. (Хоментовскій Влад. Дневникъ Яна Станислава Яблоновскаго изъ оригинальной рукописи библіотеки Красинскихъ. Варшава).

Dmochowsky. Krótki zbiór historyi Polskiej podług najnówszych źródeł. Warsz. (Дмоховскій. Краткое собраніе исторіи польской по новѣйшимъ источникамъ. Варшава).

Gindely Ant. Rudolph II und seine Zeit. 1600 — 1612. Prag. (Гиндели. Рудольфъ II и его время. Прага).

Hus Mistrz Jan. Sebrane spisy české z nejstarszych znanych promenů k wydani upravil Karol Jar. Erben. Sešit 4—7. (Магистръ Янъ Гусъ. Собраніе его чешскихъ писаній, изъ старинныхъ доселѣ извѣстныхъ источниковъ, приготовлялъ къ изданію Карл. Яр. Эрбенъ. Тетради 6—7.

Kierski. Opis statystyczny i historyczny obwodu Bojeckiego. Lwów. 8°. (Кѣрскій. Статистическое и историческое описаніе боецкаго округа. Львовъ).

Knieževnik i časopis za jèzik i poviest hrvatsku i sbrsku i prirodne znanosti 3 ч. Zahreb. (Книжникъ, періодическое изданіе, относящееся къ языку и исторіи хорватской и сербской земли также и естествознанію).

Между прочимъ, статья: «Кроаты въ XV и XVI в.»; и историческія изслѣдованія Рачкаго.

Kolberg. Lud, jego zwyczaje, sposob życia, mowa, podania, przysłowia, obrzędy, gusła, zabawy, pieśni, muzyka i tańce. Serya I. Sandomirskie. 8°. Warszaw. (Кольбергъ. Народъ, его обычаи, образъ жизни, языкъ, преданія, пословицы, обряды, суевѣрія, забавы, пѣсни, музыка и танцы. Серія I. Сандомірскія. Варшава.

Kòlko domowe. (Домашній кружокъ) журналъ въ Варшавѣ. Въ немъ помѣщены въ 1865 г. 1) Г-жи Смигельской: Strój dawnych niewiast polskich (Одежды польскихъ женщинъ въ старину). 2) Dziennik przybycia i bytności króla Stan. Augusta w Puławach. (Дневникъ прибытія и пребыванія Станислава Августа въ Пулавахъ). 3) Emir-Tadr-El-Fachr-Wacław Rzewuski. 4) Стан. Пржиленскаго: Krótka wiadomość o życiu i pismach Jakóba Sobieskiego. (Краткое свѣдѣніе о жизни и сочиненіяхъ Якова Собѣскаго). 5) Его же: Dyariusz wyprawy na Tatary. (Дневникъ похода противъ татаръ). 6) Его же: Szczegóły śmierci królowy Bony. (Подробности кончины королевы Боны).

Krausher. Hystoria żydów w Polsce. Okres piastowski. Warszawa. (Краусгеръ. Исторія евреевъ въ Польшѣ. Періодъ пястовъ. Варшава).

Maciejowski Wacław. Historya prawodawstw słowiańskich. T. V. Warszawa. (Мацѣіовскій Вацлавъ. Исторія славянскихъ законодательствъ. Т. V. Варшава).

Maciejowski Wacław. O Swewach i Słowianach starodawnych Francyi mieszkańcach z krytycznym poglądem na dzieło: La coutume de Nivernois. Nouvelle édition, par Dupin. Warszawa. (Мацѣевскій Вацлавъ. О свевахъ и славянахъ древнихъ обитателяхъ Франціи, съ критическимъ взглядомъ на сочиненіе Дюпена. Обычаи въ Ниверну. Новое изданіе. Варшава).

Małachowski. Zbiór nazwisk szlachty z opisem herbów własnych familiom zostającym w królewstwie polskiem i. W. X. L. Warszawa. (Малаховскій. Собраніе прозваній шляхты съ описаніемъ гербовъ принадлежащихъ фамиліямъ, остающимся въ царствѣ Польскомъ и в. кн. Литовскомъ. Варшава).

Mały Dejepis narodu českeho. Dil. I и II. Praha. (Малая исторія народа чешскаго. Отдѣлъ I и II. Прага).

Miklošič. Lexicon palaeoslovenico - graecolatinum emendatum auctum. Vinbebonae. (Миклошичь. Лексиконъ древнеславянско-греко-латинскій, исправленное и дополненное изданіе. Варшава).

Palacky Franz. Dějiny národu českeho Sešit 12, 13 и 14. (Dil. V. Věk Jahellonsky časť I. Krolovanj Vlad. II. od r. 1471 до 1500 г.). Praha. 8⁰. (Францъ Палацкій. Дѣянія чешскаго народа. Тетради 12, 13 и 14. Отдѣлъ V. Вѣкъ Ягеллоновъ. Часть I. Царствованіе Владислава II отъ 1471 до 1500 г. Прага).

Pamatky archeologické a mistopisné vydávané od archeologickego sboru musea kralovství Českého. Redaktor Žap. 4⁰. (Археологическіе и городоописательные памятники, издаваемые археологическимъ собраніемъ музея королевства чешскаго. Прага).

Perreyve. La Pologne 1772—1865. Paris. (Перрейвъ, Польша отъ 1772 до 1865 г. Парижъ).

Polnische Volkslieder der Oberschlesier. Herausg. von Herman und Fallersleben. (Польскія народныя пѣсни въ Верхней Силезіи изд. Германомъ и Фалерслебеномъ).

Revue des deux mondes. La nationalité serbe d'aprés les chants populaires, par Dora Istria № 2 (Сербская національность по народнымъ пѣснямъ). Récits de l'histoire de Hongrie, par Langsdorf № 9 (Разсказы изъ венгерской жизни).

Revue contemporaine. La Hongrie, son passè et sa situation actuelle № 15. Dec. (Венгрія, ея прошлое и ея настоящее положеніе).

Sacken. Leitfaden zur Kunde des heidnischen Alterthums mit Beziehung auf die oesterreichischen Länder. Wien. (Сакенъ. Руководство къ узнанію языческой древности по отношенію къ австрійскимъ землямъ. Вѣна).

Sadok Barącz. Wolne miasto handlowe Brody. Lwów. (Садокъ Барончъ. Вольный торговый городъ Броды. Львовъ).

Šafářík Pav. Sebrané spisy. Sešit 27, 28, 29, z mappou. Praha. (Шафарикъ Пав., Собраніе сочиненій. Тетради 27, 28, 29, съ карт. Прага). (См. ниже въ «Библіографической корреспонденціи», А, замѣтку о новомъ полномъ изданіи сочиненій Шафарика.)

Sawicki. Żydzi, ich dzieje ze względu na stan obecny polski mieszkańcow wyznania Mojżeszowego. Warszawa. (Савицкаго. Евреи и ихъ исторія съ точки зрѣнія на нынѣшнее состояніе въ Польшѣ жителей Моисеева вѣроисповѣданія. Варшава).

Žap, Českomorawska kronika. Sešit 18—20. Praha. (Жапа [изданіе]. Чешско-моравская хроника. Прага).

БИБЛІОГРАФИЧЕСКАЯ КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ.

А.

Pavla Jos. Šafáříka Sebrané spisy. K vydání upravil Jos. Jireček. Dil I—III. V Praze. 1862—1865.

Въ первыхъ двухъ томахъ этого изданія помѣщены «Славянскія древности». Не много найдется ученыхъ трудовъ, которые заключали бы въ себѣ столько мысли и матеріала, столько живучести и силы, какъ озаглавленное нами произведеніе Шафарика, явившееся впервые

въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія. Въ 1826 году появилась его Исторія литературы славянъ (Geschichte der Slawischen Sprache und Literatur. Ofen.); въ 1837 — Славянскія древности (Starožitnosti Slowanské. V Praze.); въ 1842 — Славянская этнографія (Slowansky národopis. V Praze.), которыя, вмѣстѣ взятыя, составляютъ почти энциклопедію славянства, кромѣ множества статей историко-филологическаго содержанія по всеславянской письменности и исторіи. А между тѣмъ достаточно бы было и одного изъ трехъ приведенныхъ нами капитальныхъ сочиненій для того, чтобы признать за ихъ авторомъ титулъ первокласснаго ученаго, работавшаго не столько для своихъ современниковъ, сколько для будущихъ дѣятелей на поприщѣ славянщины. Шафарикъ сознавалъ это и въ предисловіи къ «Древностямъ» у него вырвалось болѣзненное восклицаніе въ честь Палацкаго и Погодина, поддерживавшихъ его труды. «При составленіи этого труда—обращается онъ къ чешскому и русскому историкамъ — не разъ казалось мнѣ, что я пишу его единственно для васъ, казалось, что единственно вы, читая его, будете раздѣлять мои чувства и мысли». Но Шафарикъ, въ качествѣ славянина, имѣвшій полное право подозрѣвать своихъ сильныхъ современниковъ не только въ равнодушіи, но даже и враждѣ къ себѣ, ошибся въ данномъ случаѣ. За исключеніемъ одного, двухъ голосовъ, всѣ представители науки, все живущее славянство прочитало на трудахъ его печать науки и мысли, и, еще при жизни, имя его произносилось съ благоговѣніемъ. Нѣкоторые труды его переводились на иностранные языки и проливали новый свѣтъ на жизнь восьмидесятимилліоннаго народа. «Народопись» Шафарика уже въ 1849 г. достигла 3-го изданія и была переведена на другія славянскія нарѣчія [1]). Часть «Исторіи литературы» — а именно обзоръ литературы юго-славянской недавно вышелъ въ новомъ исправленномъ и дополненномъ изданіи [2]). «Древности» вышли въ первыхъ двухъ томахъ полнаго собранія сочиненій Шафарика. Нельзя не поблагодарить наслѣдниковъ Шафарика за это полное собраніе его сочиненій, хотя съ другой стороны нельзя не желать отъ нихъ подробной правдивой біографіи великана славянскаго міра. Уже одна корреспонденція такого человѣка бросила бы много свѣта на тогдашнее положеніе славянской науки, которую приводилось созидать Шафарику. А между тѣмъ для біографіи Шафарика еще не собраны самые матеріалы. Поэтому каждый съ благодарностью приметъ указаніе матеріаловъ для славянской науки, хранящихся въ бумагахъ Шафарика,

---

[1]) На русскій языкъ переведена профессоромъ Водянскимъ и помѣщена первоначально въ Москвитянинѣ, а потомъ издана отдѣльно въ 1843 г. Имъ же переведены Древности, въ 5 книгахъ (1848), и нѣсколько отдѣльныхъ статей Шафарика.

[2]) Geschichte der Südslawischen Literatur. Prag. 1864 — 1865.

сдѣланное г. Іречкомъ, редакторомъ озаглавленнаго изданія, а равно и изданія нѣсколькихъ отрывковъ, относящихся къ Древностямъ, не смотря на малочисленность этихъ отрывковъ.

Много предварительныхъ работъ положилъ Шафарикъ въ основаніе своихъ «Древностей». Еще въ 1826 году, въ своей «Исторіи славянскаго языка и литературы», онъ, искусившійся опытомъ, указалъ на трудность поприща славянскаго историка вообще. Много смѣлости, много увѣренности въ своихъ силахъ и правотѣ своихъ стремленій нужно было тому, кто рѣшился напомнить гордымъ аристократамъ человѣчества о правахъ своего племени, о значеніи и роли его въ жизни цѣлаго человѣчества. Съ глубокимъ чувствомъ боли читаются тѣ слова Шафарика, гдѣ онъ говоритъ объ отношеніи къ славянамъ европейскихъ писателей, удостоивавшихъ славянъ своего лестнаго вниманія. «Славянинъ — говоритъ Шафарикъ — берущій въ руки свою исторію, географію, статистику или т. п. сочиненіе, писанное на неславянскомъ языкѣ, долженъ приступать къ чтенію съ неподдѣльнымъ страхомъ и безпокойствомъ, напередъ увѣренный, что тамъ обруганъ, обезчещенъ народъ, къ которому принадлежитъ читатель; двѣ трети сочиненій, упоминающихъ о славянахъ, о всѣхъ вообще или объ отдѣльномъ племени, не содержатъ въ себѣ ничего, кромѣ искаженія и порицанія ихъ національныхъ особенностей. Ни съ однимъ народомъ на землѣ не обращались такъ дурно. Съ тѣхъ поръ, какъ гунны, готы, авары, франки, мадьяры наступали на славянъ, мирно занимавшихся земледѣліемъ и торговлею, — и отчасти разъединили ихъ — ненависть и преслѣдованія переходятъ изъ жизни въ письменные наѣзды и изъ письменныхъ наѣздовъ въ жизнь; и въ писателяхъ изъ сосѣднихъ народовъ въ началѣ XIX столѣтія для славянъ возобновляются сцены бывшія при Карлѣ Великомъ, Генрихѣ Птицеловѣ, Генрихѣ Львѣ, Альбрехтѣ Медвѣдѣ, Арпадѣ и другихъ [1]). — Въ 1828 году, Шафарикъ уже издалъ изслѣдованіе: «Über die Abkunft der Slawen, nach Lorenz Surowiecki» (Ofen). Въ этомъ сочиненіи Шафарикъ, пользуясь книгою Суровецкаго: «Śledzenie początku narodów Słowiańskich» (Warsz. 1824), высказалъ и свое знакомство съ вопросомъ и съ тѣмъ вмѣстѣ всю трудность этого послѣдняго. Въ немъ уже видѣнъ будущій творецъ науки славянскихъ древностей. Онъ не только указалъ и исчерпалъ новые историческіе источники, но и отличился отъ другихъ своими взглядами, побѣдивъ своего противника основательностью своего знанія. Въ предупрежденіе ошибочнаго пониманія своихъ собственныхъ мнѣній онъ во введеніи ясно высказалъ свою точку зрѣнія, признавая съ тѣмъ вмѣстѣ свободу каждаго субъективнаго мнѣнія: «Различіе воззрѣній — говоритъ Шафа-

[1]) Gesch. d. slaw. Sprache u. Literatur. 44.

рикъ — неизбѣжно тамъ, гдѣ исторія не можетъ быть выписана изъ архивныхъ документовъ, но должна быть сначала освобождена отъ хаоса посредствомъ художественной комбинаціи и создана заново. Если бы различіе воззрѣній въ неположительныхъ фактахъ служило даже только къ тому, чтобы, по дальнѣйшемъ и строжайшемъ изыскаціи, то или другое воззрѣніе оказалось вѣрнѣе, то и чрезъ это уже наука много выигрываетъ. Знакомый съ историческими штудіями не скажетъ, что древняя исторія европейскихъ народовъ не пріобрѣла ничего отъ 300 лѣтнихъ трудовъ изслѣдователей. Многое, что ученымъ и ихъ адептамъ казалось совершенствомъ, было позже отброшено, какъ ненужные лѣса, но зданіе всетаки осталось тоже и становилось все прочнѣе, пространнѣе и изящнѣе [1]).

Такой процессъ созрѣванія исторической идеи является уже намъ и у самого Шафарика въ его слѣдующемъ трудѣ, носящемъ широкій титулъ: «Славянскія Древности». Трудность и важность задачи сознательно высказаны Шафарикомъ на первыхъ же страницахъ: «Естественная любовь къ дорогой нашей народности—говоритъ Шафарикъ—расположеніе къ изученію родной исторіи и языка, пламенное желаніе вырвать у забвенія — посредствомъ всесторонняго изслѣдованія и обдуманнаго изложенія нашихъ древностей — происхожденіе и возрастаніе нашего народа, и уяснить, на сколько это возможно, древнѣйшую эпоху жизни и исторіи его, вмѣстѣ съ усильными просьбами нѣкоторыхъ искреннихъ друзей, понудили меня, отбросивъ всякую робость и нерѣшительность, изложить въ порядкѣ, облегчающемъ просмотръ, все найденное и замѣченное въ продолженіи многолѣтняго собиранія и изслѣдованія славянскихъ древностей. Каждый образованный и не чуждый своей народности человѣкъ всѣмъ сердцемъ жаждетъ достовѣрныхъ извѣстій о дорогихъ своихъ предкахъ, а тѣмъ болѣе ученый, проводящій жизнь свою въ занятіяхъ, преимущественно касающихся его народности, т. е. исторіею и языкомъ его народа. Пока будутъ между нами приверженцы языка и народа нашего, всегда будутъ находиться между нами и охотники до такихъ изслѣдованій происхожденія и возростанія славнаго нашего народа и его древностей. Пусть же, — пока не явится у насъ что-нибудь болѣе совершенное въ сферѣ древнѣйшей исторіи, — послужитъ пополненіемъ важнаго пробѣла въ семъ отдѣлѣ знанія и это сочиненіе, цѣль котораго состоитъ въ подробномъ изложеніи всего того, что было найдено и признано достовѣрнымъ другими и нами самими по тщательномъ и критическомъ изслѣдованіи о происхожденіи, первоначальныхъ осѣдлостяхъ, развѣтвленіи, исторіи, характерѣ, промышленности, религіи, управленіи, языкѣ, письменности и искусствахъ первобытнаго славян-

[1]) Über d. Abkunft d. Slawen. S. 4.

скаго народа. Такимъ образомъ, древности наши могли бы быть исторгнуты у забвенія и пренебреженія и сдѣлаться предметомъ храненія какъ всѣхъ любителей исторіи вообще, такъ и нашихъ патріотовъ въ особенности».

Шафарикъ своимъ сочиненіемъ оказалъ большую услугу славянскому міру не только тѣмъ, что онъ объяснилъ, какъ было можно, темную дохристіанскую исторію славянъ, но и тѣми доказательствами, что предки наши были не азіатскою ордою, нахлынувшею въ Европу въ позднѣйшее время, а древнимъ племенемъ, поселившимся въ Европѣ съ незапамятныхъ временъ въ эпоху доисторическую, наравнѣ съ другими древними племенами Европы: нѣмецкимъ, кельтическимъ, литовскимъ и ѳракійскимъ.

По плану Шафарика, «Древности Славянскія» раздѣляются на двѣ части: на «историческую», къ которой онъ относитъ происхожденіе, жилища, развѣтвленіе и исторію славянъ, — и «правоописательную», въ которой разсматриваются характеръ, бытъ, религія, правленіе, языкъ, письменность и искуство древнихъ славянъ. Объ этой послѣдней части въ самомъ началѣ сочиненія, т. е. 1-й части, Шафарикъ говоритъ, что вслѣдствіе различныхъ препятствій она не могла быть приготовлена и издана вмѣстѣ съ первою. — И вотъ чрезъ 30 почти лѣтъ появляется 2-е изданіе «Древностей» и читатель ждетъ поправокъ въ трудѣ, гдѣ неизбѣжно должны были быть недосмотры, уже по громадности задачи, не выполнимой силами одного смертнаго, хотя бы имъ былъ даже самъ Шафарикъ, ждетъ 2-го отдѣла! Но второй отдѣлъ древностей не былъ написанъ геніальнымъ ученымъ. Не переставая трудиться на нивѣ всеславянскаго просвѣщенія, онъ много написалъ съ 1837 года по годъ смерти, но обстоятельства и другія работы по славянщинѣ не дали ему окончить своего монументальнаго труда.

Въ текстѣ новаго изданія не оказалось прибавленій. Только четыре страницы поправокъ къ первой части «Древностей» нашлись въ бумагахъ Шафарика, и одиннадцать страницъ, заключающихъ въ себѣ матеріалъ для второго отдѣла древностей. Мы ниже укажемъ, что заключается въ этомъ бѣдномъ наслѣдіи послѣ перваго капитальнаго историка славянъ, а теперь сообщимъ любопытную программу цѣлаго труда по славянскимъ древностямъ, отъисканную издателями въ бумагахъ Шафарика. Уже эта программа, или планъ изданія, даетъ высокое понятіе объ ея составителѣ, который — сказать мимоходомъ — умѣлъ и выполнять писанныя имъ программы, не въ примѣръ инымъ прочимъ любителямъ програмнаго широковѣщанія. Трудно сказать, когда и кѣмъ будетъ рѣшена вторая половина задачи, предложенной Шафарикомъ, и первую половину которой онъ превосходно выполнилъ еще тридцать лѣтъ тому назадъ. — Мы приводимъ вполнѣ планъ

«Древностей» Шафарика, оставшійся въ его бумагахъ и изданный при второмъ томѣ собранія его сочиненій, какъ дорогой завѣтъ великаго славянина для всѣхъ, кому дорога славянская наука. Вотъ, что предпослали новые издатели трудовъ Шафарика напечатанному ниже плану «Древностей»: «По смерти незабвеннаго автора «Славянскихъ Древностей», мы немедленно просмотрѣли оставшіяся послѣ него бумаги, въ чаяніи найти хоть что-нибудь изъ второго, бытоописательнаго отдѣла «Древностей». Результатъ нашихъ поисковъ не оправдалъ къ сожалѣнію нашего ожиданія. Все, что мы нашли, напечатано въ концѣ этого тома. Шафарикъ, послѣ трехлѣтней утомительной работы, окончилъ историческій отдѣлъ, по напечатаніи котораго для отдохновенія предался другимъ ученымъ трудамъ, между тѣмъ какъ скучная должность цензора отнимала у него время, назначенное для ученыхъ занятій. Все, что намъ извѣстно о его намѣреніяхъ касательно содержанія бытоописательнаго отдѣла, заключается въ слѣдующемъ оригинальномъ распредѣленіи всего сочиненія:

ВВЕДЕНІЕ.

§ Предположеніе и приведеніе въ исполненіе настоящаго труда. § Предѣлы его. § Оригинальные источники. § Постороннія пособія. § Новѣйшія сочиненія, ихъ обзоръ и разборъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Происхожденіе, поселенія, размноженіе, дѣянія древнихъ славянъ.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Происхожденіе славянъ.

§ Вступленіе. § Мѣсто славянъ въ ряду другихъ племенъ и народовъ. § Древность славянъ въ Европѣ. § Первобытныя имена славянъ: винды и сарматы = сербы. § О виндахъ. § О сарматахъ = сербахъ. § Объ иллирахъ и другихъ вѣтвяхъ славянъ. § Новѣйшее всеобщее имя славянъ. § Другія имена отдѣльныхъ славянскихъ народовъ, древнія и новѣйшія. § Заключеніе.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

Поселенія и размноженіе славянъ.

§ Древнѣйшія поселенія славянъ. § Обзоръ всѣхъ древнихъ славянскихъ народовъ. § Позднѣйшія переселенія и колонизація въ V—VI столѣтіяхъ. § Перечисленіе всѣхъ новѣйшихъ племенъ и народовъ славянскихъ.

Статья третья.

Дѣянія древнихъ славянъ.

§ Древнѣйшая исторія славянъ въ Европѣ. § Новѣйшая исторія отъ V—VI столѣтія, а именно: 1) славянъ на Сѣверѣ и Востокѣ, или русскихъ; 2) на Западѣ, или польскихъ, чешскихъ и т. д.; 3) на Югѣ, или болгарскихъ, иллирскихъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Характеръ, бытъ, вѣроисповѣданіе и образъ правленія.

Статья первая.

Особенности внѣшнія и внутреннія.

§ Природные признаки. § Внѣшняя особенность. § Нравы: миролюбіе, мужество и храбрость, добросердечіе, гостепріимство, супружеская вѣрность, многоженство, обхожденіе съ прислугою и др., вѣра, присяга и пр. § Заключеніе. Оцѣнка характера древнихъ славянъ.

Статья вторая.

Жилища, промышленность, торговля.

§ Жилища. § Обзоръ жизни домашней и общественной. § Скотоводство. § Земледѣліе. § Ремесла, искуства. § Торговля. § Мѣры, монеты, деньги. § Пища и напитки. § Одежда. § Игры и увеселенія. § Заключеніе.

Статья третья.

Вѣроисповѣданіе.

§ Понятія славянъ о божествѣ и вѣроисповѣданіи. § Сродство вѣроисповѣданія славянъ съ другими. § Имена боговъ и божковъ.

Обзоръ миѳологіи.

§ Изображеніе боговъ: статуи и т. д. § Священныя урочища: храмы. § Жрецы. § Богослуженіе. § Жертвоприношеніе. § Вопрошаніе и откровеніе боговъ. § Праздничные дни. § Обряды при рожденіи, бракахъ и погребеніи. § Догадка славянъ о безсмертіи. § Заключеніе. Оцѣнка религіи древнихъ славянъ.

Статья четвертая.

Обзоръ правленія и законы.

Отдѣлъ I.

Политическое положеніе древнихъ славянъ.

§ Земля и люди. § Образъ правленія, правители, панство. § Чиновники. § Обыватели: шляхта, нешляхта и т. д. § Духовенство. § Обы-

ванности или служба правительственная. § Доходы, подати. § Оборона страны.

Отдѣлъ II.

Юриспруденція.

§ Юридическія понятія. § Вліяніе иностранныхъ законодательствъ. § Юридическіе порядки и языкъ. § Памятники древняго законодательства.

Отдѣлъ III.

Просвѣщеніе.

§ Всеобщее. § Юридическое.

Отдѣлъ IV.

Судопроизводство, право уголовное и гражданское, судебные порядки.

§ О лицахъ, вещахъ. § Духъ законодательства. § Судьи. § Ходъ суда. § Уголовное право. § Ходъ уголовнаго суда.

Отдѣлъ V.

Родовое право.

§ Супружество. § Родительское право.

Отдѣлъ VI.

О правахъ по обязательствамъ.

§ Вообще. § Условія.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Языкъ, нарѣчія, письмо, искусства.

Статья первая.

Языкъ.

§ Мѣсто его въ ряду другихъ. § Коренное родство съ другими: 1) Кавказскаго племени — съ санскр., греч., лат., нѣм., лит., персид., армянскимъ. 2) Племени скиѳско-монгольскаго. 3) Племени семитическаго. § Позднѣйшее вліяніе славянскаго языка на другіе европейскіе: греч., лат., нѣм., англ., литовск., мадьярск., итальянск., албанск., и т. д. § Позднѣйшее обратное вліяніе языковъ азіятскихъ и европейскихъ на славянскій — татарскаго, мадьярск., болгарск., греч., лат., нѣм., лит. и т. д. § Прирожденный характеръ и особенности славянскаго языка. § Заключеніе.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

Нарѣчія.

§ Вступленіе: всеобщій обзоръ предмета. § Древнее единство славянскаго языка и его позднѣйшее развѣтвленіе. § Полное распредѣленіе славянскихъ нарѣчій. § Оцѣнка. Заключеніе.

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ.

Письмо.

§ Слѣды древняго коренного славянскаго письма. § Усвоеніе письма латинскаго и греческаго. § Открытая Кирилломъ азбука. § Происхожденіе и начало глаголитскихъ буквъ.

СТАТЬЯ ЧЕТВЕРТАЯ.

Искусства и науки.

§ Образованность древнихъ славянъ вообще. § Науки и искусства. § Счетъ. § Лѣтоисчисленіе. § Архитектура. § Ваяніе. § Живопись. § Музыка, танцы. § Поэзія (народныя пѣсни).

СТАТЬЯ ПЯТАЯ.

Памятники древнѣйшей славянщины.

§ Вступленіе. § Отдѣльныя слова. § Крупные отрывки и полныя произведенія. § Заключеніе ко всему сочиненію.

Приложенія.

§ Древнѣйшія классическія мѣста о славянахъ. § Выборъ изъ пѣсенъ съ миѳологическимъ характеромъ.

Отысканныя въ бумагахъ Шафарика поправки и дополненія къ первому отдѣлу Древностей состоятъ въ географическихъ замѣткахъ и въ переводѣ на чешскій языкъ древнѣйшихъ свидѣтельствъ о славянахъ Прокопія, Маврикія и Льва Мудраго. Вслѣдъ за появленіемъ этихъ замѣтокъ, въ концѣ второго тома сочиненій Шафарика, изданы были Войтѣхомъ Шафарикомъ новыя поправки и дополненія къ первому отдѣлу Древностей, во Временникѣ чешскаго музея, за 1864 г. Всѣ онѣ состоятъ въ географическо-историческихъ указаніяхъ, ссылкахъ, вопросахъ, и догадкахъ. Сюда же принадлежатъ и замѣтки Прейса, состоящія изъ географическо-историческихъ соображеній, изданныя непосредственно за поправками Шафарика. Для второго отдѣла Древностей нашлись въ бумагахъ Шафарика слѣдующія замѣтки: а) о письмѣ у славянъ, гдѣ разсматривается этотъ вопросъ по зеле-

ногорской рукописи, по Chronicon Paschale, Vinda-runir, Константину Порфирородному, Мниху Хробру, Дитмару Мерзебургскому, новгородскимъ лѣтописямъ (о дъщькахъ), Никоновской лѣтописи. Эти свѣдѣнія представляютъ не болѣе какъ отдѣльныя замѣтки, матеріалъ для изслѣдованія о письмѣ у славянъ. За ними слѣдуетъ б) Указатель миѳологическихъ именъ, представляющій нижеслѣдующій планъ славянской миѳологіи: I) Богъ. II) Богослуженіе. III) Храмы. IV) Жрецы, жрицы. V) Боги перваго и второго рода, или боги и полубоги. VI) Бѣсы, духи. VII) Богини перваго и второго рода, или богини и полубогини. VIII) Герои. IX) Великаны. X) Стихіи. XI) Деревья и звѣри. XII) Небо и звѣзды. XIII) День и ночь. XIV) Времена года. Особенныя празднества. XV) Вселенная. XVI) Душа. XVII) Смерть. XVIII) Судьба, счастье, блаженство. XIX) Привидѣнія или пугалы. XX) Заклятие. XXI) Чертъ. XXII) Чары. XXIII) Повѣрья. XXIV) Болѣзни.—Подъ каждымъ отдѣломъ Шафарикъ приводитъ въ алфавитномъ порядкѣ миѳическія имена и понятія, встрѣчающіяся у всѣхъ славянъ. Вотъ и все, что напечатано пока издателями въ дополненіе къ древностямъ. Но матеріалъ, заготовленный Шафарикомъ, по всѣмъ отраслямъ славянской науки, былъ громаденъ, какъ то видно изъ предисловія редактора, къ третьему тому сочиненій Шафарика, которое мы приводимъ въ сокращеніи:

«Предлагая обществу собраніе бо̀льшей части сочиненій Шафарика, касающихся славянской науки и написанныхъ на чешскомъ языкѣ, мы заслужимъ — справедливо говоритъ редакторъ изданія — благодарность многихъ, если мимоходомъ упомянемъ обо всемъ, что нашъ великій ученый готовилъ еще, но уже не могъ окончить.

«Научный матеріалъ, найденный въ его бумагахъ, можно смѣло назвать огромнымъ. Каждый изумится, разсматривая это множество матеріала, собраннаго отовсюду, исправленнаго и приведеннаго въ порядокъ. Только гигантское прилежаніе было въ состояніи собрать все это въ одно цѣлое, и все это весьма часто написано рукою Шафарика.

«Рукописи Шафарика начинаются со времени его пребыванія въ Іенскомъ университетѣ. Онѣ могутъ служить неопровержимымъ доказательствомъ того, что еще въ юношескомъ возрастѣ онъ сознавалъ свою задачу.

«Время, прожитое въ Новомъ-Садѣ (1819—1833), онъ употребилъ на изученіе славянской литературы, въ особенности южныхъ ея вѣтвей. Всѣхъ болѣе онъ привязался къ сербской — частью потому, что онъ, живя тогда въ средоточіи сербства, имѣлъ къ этому наиболѣе случаевъ, частью же и потому, что это была еще необработанная почва, при разработкѣ которой много должно было встрѣтиться затрудненій и загадокъ, въ которыя Шафарикъ любилъ вникать, и надъ

которыми онъ думалъ до ихъ разрѣшенія. Вѣроятно, тогда онъ составилъ свое рѣдкое собраніе кирилловскихъ и югославянскихъ старопечатныхъ книгъ и собралъ копіи многихъ грамагъ и другихъ памятниковъ древней письменности, которые онъ издалъ въ 1851 году, какъ «предварительную» часть. Онъ намѣревался сдѣлать доступными ученому міру важнѣйшіе для исторіи и филологіи памятники. Въ изданіи, начатомъ въ 1851 году, послѣ житій Кирилла, Меѳодія и Симеона и образцовъ гражданской письменности, должны были слѣдовать: Родословъ архіепископа Данiила, который остался въ бумагахъ, въ спискахъ съ трехъ главнѣйшихъ рукописей; потомъ, писанныя Дометіаномъ житія св. Симеона и Савы, обширное собраніе сербскихъ грамагъ и пр.

«Издавъ въ 1826 году на нѣмецкомъ языкѣ «Исторію славянскаго языка и литературы по всѣмъ нарѣчіямъ», Шафарикъ въ Новомъ-Садѣ приступилъ къ составленію подробнаго очерка югославянской письменности. Обозрѣніе сербской, хорватско-иллирской и словинской словесности было уже готово въ 1830 году[1]); къ нему, вѣроятно, должно было присоединиться столь же обширное обозрѣніе остальныхъ славянскихъ литературъ. По крайней мѣрѣ, въ послѣдствіи онъ написалъ почешски исторію болгарской литературы, хотя и по другой системѣ, такъ какъ это сочиненіе должно было служить введеніемъ къ собранію старыхъ памятниковъ болгарской письменности, для котораго Шафарикъ приготовлялъ многое, но не успѣлъ докончить. Кромѣ того въ бумагахъ Шафарика находятся, писанные на карточкахъ, каталоги лужицко-сербскихъ и старославянскихъ книгъ и множество замѣтокъ о книгахъ остальныхъ славянскихъ народовъ.

«Въ то же время, какъ онъ приготовлялъ матеріалъ къ объемистому историческому труду по славянской литературѣ, онъ собиралъ и матеріалъ для географіи славянскихъ земель, преимущественно югославянскихъ. Онъ составилъ алфавитный реестръ исторически важныхъ мѣстностей ѳракійскаго полуострова, носящихъ на себѣ славянскій отпечатокъ, и при каждой мѣстности, вмѣстѣ съ выписками изъ источниковъ, указалъ ея надлежащую славянскую форму. Уже этотъ одинъ, даже и неоконченный, трудъ былъ бы достаточенъ для того, чтобъ составителю его снискать почетное имя въ наукѣ, а между тѣмъ у Шафарика это было только пропедевтикою къ инымъ начинаніямъ. Кромѣ того, онъ описалъ въ алфавитномъ порядкѣ жупы, края, племена, епископіи, монастыри и пр. въ Сербіи и Болгаріи, съ краткими извѣстіями о каждомъ изъ этихъ предметовъ; онъ сдѣлалъ многочисленныя выписки о мѣстностяхъ изъ синодиковъ, грамотъ и другихъ старосербскихъ памятниковъ, изъ рѣдчайшихъ сочиненій

---

[1]) Издано подъ заглавіемъ: Geschichte der Südslawichen Literatur. Prag. (1864—65).

по географіи югославянскихъ земель. Онъ поручилъ списать, а частью списалъ и самъ, названія мѣстностей съ русскихъ и польскихъ картъ и привелъ ихъ въ алфавитный порядокъ. Такимъ образомъ составились огромные фоліанты, плодъ трудной многолѣтней работы! Только часть первоначальнаго матеріала осталась не обработанною. Въ бумагахъ Шафарика находятся рукописные каталоги населенныхъ мѣстностей и въ другихъ славянскихъ земляхъ древнѣйшаго и новѣйшаго времени.

«Къ этимъ запасамъ по топографіи онъ присоединилъ впослѣдствіи копію большого словаря, оставшагося послѣ Ходаковскаго.

«Все это и многое иное служило матеріаломъ для славянской этнографіи и этнографической карты славянъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ изъ этихъ матеріаловъ должна была составиться и историческая географія славянскихъ земель. Карты, относящіяся къ этому труду, были уже начаты Шафарикомъ и остались въ его бумагахъ. Результаты такихъ приготовленій — относительно древнѣйшей эпохи, появились впослѣдствіи въ «Древностяхъ». Уже въ Новомъ-Садѣ сдѣланы были приготовленія къ этому труду. Два большіе фоліанта выписокъ свидѣтельствуютъ объ историческихъ штудіяхъ Шафарика, по которымъ предварительныя работы уже видны въ передѣлкѣ книги Суровецкаго «О происхожденіи славянъ». (1828).

Тогда же вырабатывалось у Шафарика и филологическое направленіе, къ которому вело собираніе югославянскихъ памятниковъ; первымъ плодомъ филологическаго направленія было сочиненіе «Serbische Lesekörner» (1833), заключающее въ себѣ историкокритическій очеркъ сербскаго языка, и съ тѣмъ вмѣстѣ научное опроверженіе до той поры существовавшаго мнѣнія, что древнеславянскій языкъ былъ отцомъ всѣхъ нынѣшнихъ славянскихъ нарѣчій.

Переселившись въ Прагу, Шафарикъ посвятилъ всѣ свои силы составленію славянскихъ древностей, оконченныхъ печатаніемъ въ сентябрѣ 1837 года.

Въ этотъ же годъ онъ принялъ должность цензора, которая, при весьма скромномъ вознагражденіи (300 гульденовъ въ годъ), заставляла его все болѣе и болѣе сокращать время, назначенное для ученыхъ работъ. Ко всему этому въ 1842 году присоединились еще работы по должности кустода университетской библіотеки, выполненныя Шафарикомъ чрезвычайно добросовѣстно, не смотря на множество непріятностей.

Тогда, кромѣ «Народописи», изданной въ 1842 году, онъ все свое стараніе приложилъ къ изученію филологіи и древней чешской литературы.

Къ тому времени относится «Старочешская грамматика» (1845) и рядъ статей о сравнительной славянской грамматикѣ, напечатанныхъ

въ журналѣ Чешскаго Музея за 1846—1848 годы и замѣнившихъ по крайней мѣрѣ на время большое сочиненіе о славянскомъ языкѣ, которое готовилъ Шафарикъ. Объ обширности этого сочиненія болѣе всего даетъ понятіе большое собраніе, отчасти приведенныхъ въ порядокъ, матеріаловъ, найденныхъ въ бумагахъ Шафарика. Это—сопоставленіе корней главныхъ славянскихъ нарѣчій, выбранныхъ частью изъ словарей, а частью и изъ другихъ источниковъ. Древнеславянскіе корни взяты изъ глаголиты Клотца и другихъ глаголитскихъ памятниковъ, изъ Нестора и остальныхъ древнерускихъ документовъ, изъ сочиненій Добровскаго, Прейса и Миклошича; болгарскіе — изъ новѣйшихъ сочиненій; сербско-хорватскіе — изъ Габделича, Бѣлостенца, Ямбрешича, Бабукича, Стулли и Вука; славянскіе—изъ Ярника; польскіе — изъ Бандтке; русскіе — изъ словарей и древнихъ памятниковъ. Только чешскіе корни, или скорѣе слова, въ которыхъ всего чище видѣнъ корень, вполнѣ составлены и приведены въ порядокъ.

Къ этому присоединены еще выписки изъ филологическихъ сочиненій всѣхъ знаменитѣйшихъ ученыхъ, туземныхъ и иностранныхъ, что составляетъ нѣсколько почтенныхъ, мелко исписанныхъ томовъ.

Особенно важно собраніе для «патологіи славянскаго языка», т. е. для объясненія явленій, основанныхъ на перемѣнѣ и чередованіи гласныхъ. Результаты, добытые на этомъ поприщѣ, Шафарикъ обнародовалъ до извѣстной степени въ вышеупомянутыхъ филологическихъ статьяхъ [1]).

По окончаніи Древностей, постояннымъ занятіемъ Шафарика сдѣлалась древнѣйшая чешская литература.

По этому отдѣлу знанія онъ напечаталъ въ 1840 году объясненіе древнѣйшихъ чешскихъ памятниковъ, заподозрѣнныхъ Добровскимъ и Копитаромъ, — за которое онъ взялся вмѣстѣ съ Палацкимъ; въ 1840—43, онъ напечаталъ цѣлый рядъ разборовъ старыхъ чешскихъ сочиненій, въ особенности псалтыря, житія Іисуса Христа и Рожмберскаго гомиліара (еванг. св. Матвѣя), въ 1845 — предисловіе къ нѣмецкому переводу Любушина суда и краледворской рукописи, сдѣланному графомъ Туномъ.

Читая древнія сочиненія, онъ дѣлалъ постоянно синтаксическія и лексикографическія выписки, которыхъ нашлось очень много въ его бумагахъ. Назначеніе его президентомъ коммиссіи для составленія юридической славянской терминологіи въ 1849 году заставило его обратиться къ памятникамъ древняго законодательства чешскаго, польскаго, русскаго и югославянскаго. Ему очень понравилась чистота ихъ языка, о чемъ опять свидѣтельствуютъ пространныя выписки.

Чешскія рукописи, недоступныя въ Прагѣ или вообще рѣдкія,

---

[1]) Изданы въ 3-мъ томѣ собранія сочиненій Шафарика.

онъ пріобрѣталъ въ копіи съ огромными жертвами, сравнительно съ его матеріальными средствами. Въ его бумагахъ находятся копіи псалтырей Виттенберскаго, Подѣбрадско-Олешницкаго, Капитульнаго, Клементинскаго, евангеліарія Вѣнскаго, Чтенія зимняго времени изъ библіотеки Нейперковской и т. д.

Точно также поступалъ Шафарикъ и въ отношеніи къ древнеславянскимъ рукописямъ, которыя онъ заставлялъ не только переписывать, но и факсимилировать. Такимъ образомъ онъ переписалъ Полицкій статутъ, глагольскій псалтырь изъ библіотеки Лобковица (1359 года); этотъ послѣдній онъ собственноручно переписалъ латинскими буквами, приготовляя его къ изданію вмѣстѣ съ древнѣйшимъ кирилловскимъ текстомъ, къ чему онъ присовокупилъ множество замѣтокъ о сходствѣ и различіяхъ обѣихъ рецензій; такимъ же образомъ онъ пріобрѣлъ себѣ и нѣкоторыя русско-кирилловскія рукописи и др.

До 1847 года онъ мечталъ объ устройствѣ правильныхъ чтеній по славянской филологіи и литературѣ при Прагскомъ университетѣ, даже началъ объ этомъ переговоры съ Вѣнскимъ правительствомъ. Но при тогдашнемъ положеніи дѣлъ и образѣ мыслей хлопоты Шафарика остались безъ послѣдствій. Только баронъ Пиллерсдорфъ, напрасно пытавшійся заставить Шафарика вступить въ министерство просвѣщенія въ качествѣ совѣтника министерства, взялся за это дѣло удачнѣе. Но Шафарикъ, хотя уже и сдѣлалъ нѣсколько предварительныхъ приготовленій къ профессурѣ, отказался отъ каѳедры и потому, что получалъ должность библіотекаря, и потому, что этимъ отказомъ онъ очищалъ мѣсто для Челяковскаго. Въ его бумагахъ находятся многочисленные матеріалы для всеславянской христоматіи. Не менѣе важны сборники для исторіи чешской литературы, для разбора народныхъ пѣсенъ и т. д.

Послѣ 1848 года, Шафарикъ съ особенною любовью принялся за исторію христіанства у славянъ и за глаголитскую письменность, а отчасти и за труды чешскихъ братьевъ.

Съ 1850 года слѣдуетъ цѣлый рядъ сочиненій о глаголитскомъ письмѣ, о его происхожденіи и распространеніи.

Кромѣ того онъ собиралъ матеріалъ для жизнеописанія славянскихъ апостоловъ и для исторіи письменности, насажденной ими. И тутъ выписки и многочисленныя собранія свидѣтельствуютъ о его штудіяхъ. Къ этому у Шафарика присоединились еще приготовленія къ славянской палеографіи. Все собранное и оставленное имъ не только изъ старославянской, глаголитской и кирилловской письменности, но и изъ другихъ литературъ, послужитъ — Богъ дастъ — основаніемъ для полной палеографической школы.

Чешскіе братья чрезвычайно занимали его. Въ ихъ терпѣніи и твердости онъ находилъ для себя поддержку въ своихъ несчастіяхъ,

въ ихъ нравственномъ направленіи — отголосокъ своихъ убѣжденій и мечтаній, въ ихъ заботливости о языкѣ — образецъ собственныхъ усилій. Этимъ объясняется его уваженіе ко всему, что сохранилось послѣ нихъ, и это видно изъ изумительнаго прилежанія, съ которымъ онъ собственноручно дѣлалъ выписки и даже переписывалъ цѣлыя разсужденія. Всѣхъ дороже и всѣхъ родственнѣе ему по духу былъ Братъ Благославъ. Безъ сомнѣнія, Шафарикъ хотѣлъ со временемъ написать большое сочиненіе именно о немъ, а равно и о Хельчицкомъ, а можетъ быть и объ обществѣ вообще. Въ бумагахъ его нашлось для этого труда много матеріаловъ.

Но все это даетъ только весьма скромное и неполное понятіе о томъ, чего лишилась славянская наука со смертью Шафарика!

«Шафарикъ—говоритъ Іуречекъ въ концѣ своего очерка—хотѣлъ до пятидесятаго года собирать матеріалъ и приготовлять его для работы, а съ пятидесятаго года приняться за постройку. Но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Дожилъ Шафарикъ и до пятидесяти лѣтъ, дождался и положенія, благопріятствовавшаго его планамъ, наконецъ императоръ далъ ему и полную возможность къ ученымъ занятіямъ: но тутъ-то и начались болѣзни, какъ результатъ чрезвычайныхъ занятій наукъ въ молодые годы, — и пріуготовительныя работы, которыя, по довершеніи, дали бы о славянской наукѣ новое непредвидѣнное развитіе, остались великолѣпными обломками».

Остается только пожелать, чтобы издатели сочиненій Шафарика неограничивались однимъ заявленіемъ о трудахъ его, хранящихся въ рукописяхъ, но, повозможности, обнародовали бы ихъ, не смотря на ихъ неоконченность, неполноту, недомолвки. Самыя ошибки такихъ людей, какъ Шафарикъ, по выраженію достойнаго ученаго, дороже иныхъ истинъ.... м. петровскій.

Казань. Май, 1866.

В.

Paul Lacroix (Bibliophile Jacob), Histoire de la vie et du regne de Nicolas I. Empereur de Russie. (Исторія жизни и царствованія Николая I, россійскаго императора).

Дать полное понятіе о трудѣ можно только тогда, когда оно окончено, и потому мы ограничимся на первыхъ порахъ одною замѣткою съ небольшимъ извлеченіемъ изъ новаго труда Поль Лакруа, чтобы читатели могли сами приблизительно судить о его значеніи. Какъ работа иностранца, это сочиненіе имѣетъ для насъ ту особенную важ-

шесть, что оно, по своему языку, предназначено для ознакомленія западной Европы съ цѣлымъ періодомъ нашей новѣйшей исторіи. Личныя отношенія автора къ людямъ той эпохи доставили ему случай внести въ свой трудъ многое, что безъ него могло бы погибнуть. Изъ приведенныхъ мѣстъ читатель самъ легко увидитъ, что Лакруа составляетъ рѣзкое исключеніе изъ вереницы иностранныхъ писателей о Россіи, у которыхъ обыкновенно духъ порицанія преобладаетъ. Порицаніе людей постороннихъ было бы конечно полезною для насъ самихъ критикою, еслибъ было дѣльно и основательно. Но источникъ его большею частію въ желаніи поглумиться, а приправою служатъ корысть, явное невѣдѣніе и недоброхотство [1]).

Сочиненіе Лакруа, «Исторія жизни и царствованія Николая I, россійскаго императора», составитъ шесть или болѣе томовъ. Авторъ этого труда, болѣе извѣстный подъ самодѣльнымъ прозвищемъ Bibliophile Jacob, писатель чрезвычайно даровитый и разнообразный. Многіе пытались уже обработать избранный имъ предметъ; но одни, например Шницлеръ, ограничились біографическимъ отрывкомъ, другіе, какъ Баллейдье, исполнили дѣло слишкомъ бѣгло, неудовлетворительно.

«Царствованіе императора Николая I, говоритъ Лакруа въ самомъ началѣ первой книги, есть одна изъ великихъ эпохъ въ лѣтописяхъ русской земли.» Онъ хочетъ написать «для всѣхъ» исторію царя, котораго дѣла возбуждаютъ его симпатію и удивленіе. Онъ сравниваетъ себя съ Вольтеромъ, написавшимъ «Исторію Россіи при Петрѣ Великомъ», съ похвальною цѣлію, которую Вольтеръ превосходно обозначилъ слѣдующими словами: «La réputation a toujours été comptée parmi les forces véritables des royaumes» т. е. добрая слава въ людяхъ считалась всегда одною изъ главныхъ силъ государства.

Первыми элементами сочиненія Лакруа были совѣты и устныя преданія очевидца графа П. Д. Киселева, къ которымъ присоединились въ послѣдствіи указанія, ученыя пособія и письменные матеріалы барона М. А. Корфа. Заимствуемъ изъ записки барона, составленной по этому случаю, въ видѣ руководства для Лакруа, нѣсколько замѣчательныхъ мѣстъ. Упомянувъ кратко о богатомъ собраніи, въ императорской Публичной Библіотекѣ, всего, что писано на разныхъ языкахъ о Россіи,—собраніи доходящемъ до 30,000 томовъ, между которыми относящихся къ эпохѣ императора Николая болѣе тысячи;—

[1]) Къ числу подобныхъ произведеній должно отнести только-что вышедшую на дняхъ брошюру извѣстнаго историка Франціи Henri Martin, La Russie et l'Europe, о содержаніи которой мы при случаѣ поговоримъ. На первый разъ замѣтимъ, что это ни что иное, какъ дальнѣйшее развитіе извѣстной теоріи Духинскаго, въ сравненіи съ которой сказки Геродота о Скиѳіи могутъ еще показаться истиной. Но что простительно Геродоту, то мало понятно въ историкѣ XIX вѣка.

замѣтивъ притомъ, что иностранныя книги и брошюры почти всѣ исполнены недомолвокъ, погрѣшностей, умышленныхъ искаженій истины, баронъ Корфъ сознается, что и въ отечественной литературѣ нѣтъ ни одного о царѣ Николаѣ сочиненія, которое можно бы было рекомендовать иностранцу. «Краткое начертаніе (le livre-fragment) г. Устрялова писано собственно для русскихъ, а не для иноземныхъ читателей, *что не одно и тоже* (ce qui est fort différent)». За симъ, въ запискѣ похваляется «Полное собраніе законовъ», при помощи котораго можно бы начертать исторію государя и государства, не только въ политическомъ, но и въ нравственномъ отношеніи. «Нужно только *прилежаніе*, для разработки этого богатаго рудника, и, разумѣется, *умѣнье*, для приведенія матеріала въ стройный порядокъ». Рекомендуются еще: Journal de St.-Pétersbourg, Сенатскія вѣдомости, русскія и нѣмецкія Вѣдомости академіи наукъ, ея же мемуары и бюллетени, періодическія изданія разныхъ министерствъ, въ дополненіе всего указывается на академическій календарь. Предъ такимъ embarras des richesses, Лакруа не можетъ скрыть своего разочарованія. «Мнѣ извѣстно, замѣчаетъ онъ очень тонко, существованіе слишкомъ тридцати огромныхъ квартантовъ, наполненныхъ указами императора Николая; но историку, незнающему русскаго языка, это собраніе книгъ можетъ внушить одинъ лишь почтительный страхъ». Лакруа съ особенною признательностію пользовался печатнымъ сочиненіемъ барона Корфа «О вступленіи императора Николая на престолъ», и его же драгоцѣнными рукописными записками, касательно частной жизни государя,—дополняя ихъ свѣдѣніями, которыя удалось ему собрать самому отъ современниковъ, почерпнуть изъ книгъ, писанныхъ иностранцами и частію русскими, изъ партикулярныхъ писемъ и дипломатическихъ бумагъ. Прибавимъ къ чести автора, что важнѣйшіе документы приводятся имъ въ точномъ переводѣ съ подлинниковъ.

Лакруа посѣтилъ Россію вскорѣ послѣ кончины императора, но пребываніе его въ Петербургѣ было непродолжительно; онъ говоритъ: «я видѣлъ своими глазами сцену повѣствуемыхъ событій; скорбный гулъ народа на свѣжей могилѣ царя былъ для меня откровеніемъ и моимъ путеводителемъ въ этой исторіи».

Въ *первомъ* томѣ, много, по нашему, слишкомъ много мѣста занимаютъ разсказы объ императорѣ Александрѣ I. Здѣсь между прочимъ сообщаются нѣкоторыя, на взглядъ мелкія подробности фамильной жизни в. к. Николая Павловича, изъ которыхъ видно, какъ чужда ему была мысль о наслѣдіи престола, какъ невидимо слагались вокругъ его обстоятельства, вручившія ему скипетръ и державу, описываются встрѣченное имъ сопротивленіе и событія 14 декабря. Во *второмъ* томѣ изложены слѣдствіе и судъ надъ виновниками возстанія. Слѣдуетъ потомъ описаніе коронаціи. Война съ Персіею. Тайныя

общества въ Польшѣ и судъ надъ ними. Заступничество за угнетенныхъ грековъ. Переговоры о нихъ съ Портою, предвѣстники новой войны.

Въ этихъ рамахъ, исторія внѣшнихъ событій пересыпана извѣстіями о внутреннихъ дѣлахъ и реформахъ, о состояніи искусствъ, литературы и проч.

Быть можетъ, только отдаленному отъ насъ времени будетъ возможно всесторонне обсудить какъ событія и лица первой половины нынѣшняго столѣтія, такъ и современныя намъ литературныя попытки описать и охарактеризировать ихъ въ общихъ чертахъ и въ въ подробностяхъ. Трудъ Лакруа будетъ со временемъ отнесенъ къ числу источниковъ, вслѣдствіе тѣхъ личныхъ отношеній автора, о которыхъ мы упоминали выше; мы можемъ только ограничиться однимъ извлеченіемъ въ вольномъ переводѣ тѣхъ мѣстъ этого сочиненія, которыя даютъ понятіе о его духѣ и пріемахъ автора.

Въ первыхъ двухъ главахъ, впрочемъ, весьма сжатыхъ, говорится объ эпохѣ дѣтства императора Николая I, слѣдовательно о событіяхъ послѣднихъ мѣсяцевъ правленія Екатерины II, и правленія Павла I, до его смерти. Въ третьей главѣ, авторъ приступаетъ къ главному своему предмету и слѣдующимъ образомъ описываетъ самое первое воспитаніе великихъ князей Николая и Михаила Павловичей, какъ оно совершилось въ первые годы правленія Александра I:

.... «Воспитаніе в. к. Николая и Михаила Павловичей не оказывало сначала желаемыхъ плодовъ. Оба они были слишкомъ рѣзвы, слишкомъ легкомысленны, и трудная грамота какъ-то не давалась ихъ незрѣлому еще уму. — Генералъ Ламсдорфъ, приставленный къ нимъ императрицею Маріею, могъ считать себя по истинѣ счастливымъ, если только былъ не противенъ имъ; но онъ не въ состояніи былъ подчинить ихъ какому нибудь правилу или началу. — Выписанные изъ Германіи ученые: Шторхъ и Аделунгъ, преподавали имъ: первый—политическую экономію, второй—греческій и латинскій языки, безъ большого впрочемъ успѣха.

«Учитель французскаго языка и исторіи, Дюпюжé (Dupuget), швейцарецъ, родомъ изъ Лозанны, имѣлъ болѣе удачи въ своемъ начинаніи. Великіе князья пристрастились къ исторіи, когда наставникъ, слегка коснувшись событій Греціи и Рима, заговорилъ имъ о французской революціи, и живыми, но мрачными красками изобразилъ ея драматическіе ужасы. Они скоро усвоили себѣ языкъ своего учителя и стали свободно на немъ изъясняться. Въ прочихъ наукахъ дѣло шло очень туго».

«И могло ли быть иначе, говаривалъ много лѣтъ спустя Николай Павловичъ, будучи уже императоромъ, одному изъ важнѣйшихъ слугъ

своихъ графу П. Д. Киселеву. «Главный-то дядька нашъ не умѣлъ ни руководить нами, ни внушить намъ любовь къ умственнымъ занятіямъ. За то былъ ворчливъ до крайности и крутъ въ обращеніи: изъ сущихъ пустяковъ придетъ бывало въ бѣшенство, разсыпется бранью, да и ущипнетъ подъ-часъ не на шутку; много толчковъ доставалось отъ него намъ, особенно мнѣ. Мишель, будучи уживчивѣе меня, имѣлъ даръ нравиться этому неугомонному человѣку, который, право, дастъ Богу отвѣтъ за наше жалкое воспитаніе.» — Какъ бы то ни было, в. к. Николай, при всей пылкости своего характера и при видимомъ легкомысліи, одаренъ былъ такою счастливою памятью, что невольно сохранилъ въ ней часть того, что успѣли передать наставники. Свѣдѣнія его были, правда, отрывочны, но очень разнообразны. — Такъ, будучи десятилѣтнимъ ребенкомъ, онъ зналъ уже твердо военную исторію Россіи, и не только зналъ, но и понималъ ее не по лѣтамъ, и объяснялъ отчетливо различныя изъ нея событія. Знакомъ былъ и съ исторіею Франціи, и не могъ довольно наслушаться, когда ему разсказывали — порою превратно и съ большими преувеличеніями — главныя происшествія изъ временъ революціи, всколебавшей недавно всю Европу. Онъ питалъ неодолимое отвращеніе къ кровожаднымъ членамъ конвента, ославленнымъ политическими преступленіями. Чуткая ненависть къ революціонерамъ, къ ихъ убѣжденіямъ и дѣламъ, рано зародившись въ душѣ, еще болѣе укоренилась въ немъ съ лѣтами, силою опыта и размышленія. Напротивъ того, личность Бонапарте его плѣняла. Онъ уважалъ въ немъ не столько великаго полководца, сколько мужа государственнаго, спасителя отечества, и лучшимъ подвигомъ его считалъ возстановленіе порядка среди неистовствъ безначалія. — «Людовикъ XVI не исполнилъ своей обязанности, замѣтилъ онъ однажды г-ну Дюпюже, за то и наказанъ. Слабость не есть благодушіе. Государь не въ правѣ миловать враговъ государства. Король былъ опутанъ заговоромъ, который скрывался предъ нимъ подъ личиною либерализма. Сколько бѣдъ отвратилъ бы онъ отъ своего народа, еслибъ не щадилъ заговорщиковъ!» — В. к. Михаилъ выслушивалъ почтительно разсужденія старшаго брата, и всегда съ нимъ соглашался. — Николай Павловичъ говорилъ бойко и развязно, съ одинаковою легкостію на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. — Оба брата съ молодыхъ лѣтъ охотно предавались гимнастическимъ упражненіямъ: верховой ѣздѣ, фехтованію, танцамъ, стараясь превзойти другъ друга въ успѣхахъ; однакоже превосходство всегда оставалось на сторонѣ старшаго. Онъ былъ не сильнѣе брата, но отличался особенною живостію и гибкостію движеній, благородною своею осанкою. — В. к. Николай Павловичъ не показывалъ отмѣнной склонности къ изящнымъ искусствамъ, хотя очень ловко владѣлъ карандашемъ, а эскизы его и акварели сдѣ-

дали бы честь иному записному художнику. Особенно хорошо удавалась ему каррикатура, и наблюдательный глазъ его, подмѣчалъ немедленно смѣшныя стороны сюжета, на который обращено было его вниманіе: военныя сцены, армейскіе типы, мундиры, лошади выходили у него также весьма отчетливо. Страсть къ военному ремеслу проглядывала даже въ музыкальномъ чувствѣ, которое было ему врожденно. Такъ, еще не зная правилъ контрапункта, онъ сочинялъ уже порядочные марши, и имѣлъ удовольствіе слышать, какъ разыгрывала ихъ музыка измайловскаго полка, котораго онъ былъ командиромъ. Носиться съ сумкою и ружьемъ, размахивать шпагою, бить въ барабанъ: все это были въ немъ признаки воинскаго призванія, которое видимо развивалось и росло такъ сказать вмѣстѣ съ нимъ.

«Едва началъ онъ понимать смыслъ человѣческой рѣчи, какъ величайшимъ наслажденіемъ его стало слушать разсказы о войнахъ и сраженіяхъ. Надо было видѣть, какъ блистали при томъ большіе голубые глаза его, какъ пылъ души озарялъ внезапно нѣжныя черты его лица. Лучшею наградою для него было, когда гувернеръ водилъ его на парадъ. Онъ спѣшилъ туда, не помня себя отъ радости; разъ на Марсовомъ полѣ, онъ не могъ оторваться отъ великолѣпнаго зрѣлища, которое видѣлъ предъ собою, вглядывался въ малѣйшія подробности, и по окончаніи парада тихо возвратился домой, погруженный въ глубокую, неизъяснимую задумчивость.

«Однажды, прибывъ съ августѣйшею своею родительницею въ Царское Село, онъ узналъ, что на завтра полкъ его долженъ занимать внутренніе караулы въ этой императорской резиденціи. Вотъ, онъ встаетъ тихонько на зарѣ и надѣваетъ полную форму. Всѣ спятъ вокругъ. Онъ вышелъ изъ опочивальни, съ ружьемъ на плечѣ, и никѣмъ незамѣченный, пробрался въ покои государя императора. — Дверь кабинета былъ заперта, но при ней не было караула. Такова была воля императора Александра, который говаривалъ, что «лучшая стража его — любовь народа». Николай Павловичъ занялъ постъ, который самъ себѣ назначилъ, и простоялъ добрый часъ неподвижно. Къ счастію, государь вставалъ рано. Каково было его удивленіе, когда онъ увидѣлъ младшаго брата на часахъ у дверей своей комнаты. — «Что ты тутъ дѣлаешь, Николай?» спросилъ онъ, вглядываясь и не вѣря глазамъ своимъ. — «На часахъ у дверей вашего величества», отвѣчалъ великій князь, отдавъ честь ружьемъ. Нашъ полкъ содержитъ караулы во дворцѣ, я выбралъ себѣ первое мѣсто, и заранѣе пришелъ сюда, чтобъ у меня его не отбили».—«Хорошо, братецъ», возразилъ Александръ, едва удерживаясь отъ смѣха. Но что̀ было бы, еслибы подошелъ патруль? Надо знать пароль». — «Ахъ да; *пароль* и *лозунгъ*», подхватилъ великій князь, непріятно очнувшись. «Чтожъ! Я не пропускалъ бы никого, даже Аракчеева, который вездѣ проходитъ». — Съ лѣтами,

Николай Павловичъ становился болѣе и болѣе разсудительнымъ въ любви своей къ военной службѣ. Хорошо понимая, что ему не суждено быть простымъ солдатомъ, онъ хотѣлъ быть способнымъ полководцемъ. Съ этою цѣлію, старался узнать всѣ отрасли военнаго искусства, изучалъ математику, военную съемку, стратегію, тактику. Государь видѣлъ съ удовольствіемъ успѣхи брата въ точныхъ наукахъ, однакоже полагалъ неудобнымъ допущеніе его къ дѣйствительной, подъ знаменами Россіи, службы, прежде достиженія имъ совершенныхъ лѣтъ. — Такимъ образомъ, великія князья продолжали жить въ нѣдрахъ семейства, подъ надзоромъ нѣжной матери, очень рѣдко участвуя въ придворныхъ собраніяхъ и празднествахъ. Генералъ Ламсдорфъ ихъ гувернеръ строго смотрѣлъ за ними, и держалъ ихъ вдалекѣ отъ дѣлъ государственныхъ, въ которыхъ они, по рожденію своему, могли бы принимать близкое участіе. Глухо доходили до нихъ политическія новости; они не читали журналовъ, ихъ оставляли въ невѣдѣніи о совершавшихся въ Европѣ событіяхъ. Для нихъ, современная исторія останавливалась на воцареніи императора Александра. Они, за одно съ русскимъ народомъ, питали неограниченное довѣріе, живую безпредѣльную любовь къ государю, но едвали сколько нибудь знали самыя крупныя черты, ознаменовавшія эпоху его царствованія. — И однакоже, это знаменитое царствованіе могло служить для всѣхъ образцемъ благоразумія, человѣколюбія и великодушія. При восшествіи своемъ на престолъ, Александръ поставилъ себя задачею идти неуклонно, по стопамъ великой Екатерины. Онъ возстановилъ силу закона, уничтожилъ тайную канцелярію, смягчилъ строгость цензуры, возвратилъ права и власть сенату, преобразовалъ коммиссію составленія законовъ, ввелъ неслыханную дотолѣ гласность въ управленіи дѣлъ государственныхъ. Предположивъ себѣ постепенное уничтоженіе тѣлесныхъ наказаній, онъ отмѣнилъ пытку и ограничилъ дѣйствіе конфискаціи. — Постоянно занимала его мысль объ освобожденіи народа. «Ярмо крѣпостного состоянія доселѣ тяготѣетъ надъ крестьянами», писалъ онъ одному изъ своихъ приближенныхъ. Положеніе крѣпостныхъ безотрадно. Я далъ себѣ обѣтъ ограничить это вопіющее зло, и не раздавать людей въ собственное владѣніе.» Онъ желалъ быть любимымъ, и благодушіе, свѣтлая филантропія проявлялись въ словахъ и дѣлахъ его. Простой и скромный образъ жизни предпочиталъ онъ азіятской пышности, и въ обращеніи съ людьми всѣхъ состояній подавалъ примѣръ изящества, вѣжливости и благоволенія. — Особенною заботою его было просвѣщеніе народа. Учреждены вновь четыре университета, умножено число гимназій и элементарныхъ училищъ въ Имперіи. Торговля, промышленность, искусство пользовались его попеченіемъ и покровительствомъ. — Онъ желалъ положить предѣлъ кровавымъ войнамъ въ Европѣ и водворить въ ней миръ, необходи-

мый для общественнаго развитія и успѣховъ цивилизаціи. Взаимное соглашеніе государей казалось ему лучшимъ средствомъ для достиженія этой цѣли. Вслѣдствіе такого убѣжденія, императоръ Александръ отступилъ отъ союза (коалиціи) европейскихъ кабинетовъ, которые безъ малаго десять лѣтъ безуспѣшно ратовали противу заразительныхъ ученій французской революціи, и подписалъ дружественный договоръ съ первымъ консуломъ Бонапарте 8 окт. (26 сент.) 1801 г. Этотъ рѣшительный шагъ былъ предтечею Амьенскаго мира, возбудившаго столько надеждъ и продолжавшагося такъ не долго. — Какъ ни увлекался императоръ Александръ воинскою славою, геніальностію Бонапарте, онъ не могъ однакоже сносить равнодушно самовольныя затѣи новаго своего союзника. Немало содѣйствовало такому его разочарованію вліяніе прусскаго короля Фридриха-Вильгельма III, съ которымъ русскій императоръ сердечно подружился, и который не любилъ французовъ, особенно же враждовалъ къ Наполеону. Когда же послѣдній, возложивъ на себя императорскую корону, сталъ капризно играть судьбою законныхъ государей, тогда образовалась вновь коалиція (8 апрѣля 1805), возъимѣвшая впрочемъ самый плачевный исходъ. Соединенныя арміи, русская и прусская, потерпѣли пораженіе подъ Фридландомъ, и принуждены были, уступить поле сраженіе побѣдителю. Фридрихъ-Вильгельмъ видѣлъ крушеніе королевства и спѣшилъ покинуть свою столицу. Россійскій императоръ не въ состояніи былъ помочь ему. Оба монарха, надъ гробомъ Фридриха Великаго, поклялись другъ другу въ вѣрности, и уступая, повидимому, напору тяжкихъ обстоятельствъ, рѣшились дождаться лучшихъ дней для исполненія благихъ своихъ намѣреній. — Въ іюнѣ 1807 года, императоръ Александръ имѣлъ свиданіе съ императоромъ Наполеономъ посреди Нѣмана, на нарочно устроенномъ для сего паромѣ. Здѣсь заключенъ такъ называемый Тильзитскій миръ. Интерессы Прусской монархіи должны были сильно пострадать. Самъ Александръ принялъ на себя стѣснительное обязательство приступить къ континентальной системѣ, въ случаѣ, еслибъ старанія о заключеніи общаго мира между Франціей и Англіей остались безуспѣшными. — Тильзитскій мирный договоръ былъ весь въ пользу Наполеона. Но при этомъ договорѣ былъ, говорятъ, другой тайный, имѣвшій предметомъ измѣнить политическое равновѣсіе Европы и предоставлявшій Россіи право на нѣкоторыя провинціи Оттоманской Порты. — Тяжело и больно было чувствительному сердцу Александра сознаніе, что онъ ничего не могъ сдѣлать для вѣрнаго своего союзника и лучшаго друга, короля прусскаго. Но онъ могъ, по крайней мѣрѣ, утѣшиться тѣмъ, что, безъ его вмѣшательства, Наполеонъ не оставилъ бы несчастному монарху и тѣни прежней власти; онъ лишилъ бы его престола, а владѣнія его

вошли бы въ составъ Вестфальскаго королевства, назначеннаго одному изъ братьевъ Наполеона.

«Пруссія имѣла тогда, кромѣ Александра, другого ангела-хранителя, въ особѣ королевы Луизы, женщины рѣдкихъ свойствъ, примѣрной матери и супруги. Императрица Елисавета Алексѣевна любила ее какъ сестру родную. Ея красота, граціозность и благодушіе плѣняли взоры, влекли къ ней сердца окружающихъ. Симпатія, которую чувствовалъ къ ней императоръ Александръ, доходила до фанатизма, и еще болѣе усиливала преданность его къ прусскому королю, который пребывалъ неизмѣннымъ въ своихъ чувствахъ и мысляхъ, и мужественно переносилъ постигшія его несчастія.

«Семейныя радости были ему нѣкоторымъ образомъ замѣною и вознагражденіемъ среди тяжкихъ политическихъ утратъ. Король и королева находили неизсякаемый источникъ наслажденія въ любви своей къ старшей дочери принцессѣ Шарлоттѣ, которая подлинно была прекрасна тѣломъ и душею, живое подобіе августѣйшей своей родительницы.

«Однажды, читая трогательное письмо молодой принцессы къ отцу, королева заплакала и сказала: «Добрая, благородная душа! Какъ она любитъ насъ! Какъ пламенно изображаетъ нѣжныя свои чувства! Кто бы подумалъ это, видя ея сдержанную холодную наружность! Надо читать въ ея сердце, чтобъ знать и цѣнить ее. Если Богъ сохранитъ ее намъ, ея будущность должна быть блистательна.»

«Быть можетъ, эти пророческія слова чадолюбивой матери были лишь отголоскомъ мнѣній, которыя случилось ей слышать изъ устъ императора Александра. Государь, пораженный красотою принцессы, царственною ея поступью и осанкою, говаривалъ иногда королевѣ, что дочери ея суждено быть императрицею...»

Въ четвертой главѣ авторъ переходитъ къ эпохѣ эрфуртскаго свиданія:

«Въ Эрфуртѣ (въ 1809 году), Александръ и Наполеонъ, окруженные блестящимъ сонмомъ вѣнценосцевъ и владѣтельныхъ князей, провели восемнадцать дней вмѣстѣ, въ изъявленіяхъ высокаго дружелюбія, въ совѣщаніи о дѣлахъ и обоюдныхъ своихъ интересахъ и замыслахъ. Два властелина Европы дѣлили, такъ-сказать, между собою всемірную державу. Наполеону — западъ; востокъ — русскому царю. Здѣсь написали они сообща письмо къ англійскому королю, склоняя его къ миролюбію и къ принятію человѣчественныхъ мѣръ для успокоенія народовъ и ихъ правителей. Александръ всегда любилъ Францію и французовъ. Во время эрфуртскаго съѣзда, онъ былъ вполнѣ очарованъ политическимъ геніемъ Наполеона, чувствовалъ неодолимое, искреннее къ нему влеченіе. Онъ не скрывалъ этихъ чувствъ

своихъ; онъ предавался имъ безотчетно. Такъ, однажды, въ театрѣ, когда актеръ произнесъ слова:

Пріязнь героя — даръ небесъ!

«Да, я никогда этого такъ живо не сознавалъ!» воскликнулъ онъ невольно, схвативъ и крѣпко сжимая руку Наполеона. Раздались рукоплесканія: партеръ набитъ былъ державными лицами. При всемъ томъ, въ этой дружбѣ не было ничего прочнаго: характеры ихъ были слишкомъ различны, противоположны, несовмѣстимы. Александръ былъ кротокъ и полонъ умѣренности; Наполеонъ — неровенъ нравомъ и крайне заносчивъ. При первомъ случаѣ, связь ихъ должна была рушиться. Временно, она доставила каждому изъ нихъ то, что могла доставить. Наполеонъ, спокойный съ этой стороны, занялся усерднѣе испанскою войною, которая снѣдала его арміи и казну. Александръ боролся разомъ съ Швеціей, Персіей и Турціей. Побѣда осѣнила его знамена, и Великое Княжество Финляндское присоединено къ Имперіи. Но континентальная система, направленная противъ Англіи, въ угожденіе страстной ненависти, ослѣплявшей тогда французскую націю и ея повелителя, эта система, въ которую вовлекли русскаго царя, была противна и вредна торговымъ интересамъ Россіи. Александръ покорился ея условіямъ нехотя, прельстясь надеждою, что тѣмъ ускоритъ возстановленіе всеобщаго мира. Тщетное ожиданіе! Наполеонъ захватилъ между прочимъ владѣнія герцога Ольденбургскаго, свойственника Александра, и готовился посадить на польскій престолъ одного изъ членовъ своей фамиліи...

«Великая армія, подъ начальствомъ Наполеона, перешла Нѣманъ. Русскія войска съ намѣреніемъ отступали. «Да падетъ пораженіе, которымъ грозитъ намъ непріятель, на собственную главу его, сказалъ Александръ обывателямъ древней столицы, и освобожденная Европа превознесетъ хвалою имя русское!» Наполеонъ полагалъ, что будетъ имѣть дѣло съ однимъ лишь войскомъ противника; онъ встрѣтилъ единодушный отпоръ всего народа русскаго. Великіе князья Николай и Михаилъ скорбѣли внутренно, видя, что имъ не даютъ никакого участія въ общемъ патріотическомъ движеніи. Старшему наступилъ уже семнадцатый годъ. Они жаловались императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ на невольное свое бездѣйствіе въ такую эпоху, когда, при заревѣ пылающей Москвы, вся Россія ополчалась на дерзкаго врага отечества. Императрица сказала имъ: «Нетерпѣніе ваше, милыя дѣти, очень понятно и само по себѣ похвально. Но — примолвила она, обращаясь къ в. кн. Николаю Павловичу, — Богъ готовитъ тебѣ иное назначеніе. Въ настоящую минуту, друзья мои, святая Русь имѣетъ довольно защитниковъ.» Эти слова и такой же отказъ императора на вторичную просьбу произвели глубокое впечатлѣніе на в. кн. Николая.

Онъ вдругъ перемѣнился, сталъ степеннѣе обыкновеннаго. Отнынѣ, въ словахъ и дѣлахъ его явилась какая-то холодность, сдержанность, чинная строгость. У него не было молодости: онъ созрѣлъ нечаянно и внезапно. Онъ предался съ бóльшимъ еще усердіемъ учебнымъ своимъ занятіямъ, читалъ и обдумывалъ жизнеописанія великихъ военачальниковъ, перечитывалъ во французскомъ переводѣ «Комментаріи Юлія Цезаря», и такъ пристрастился къ этой книгѣ, что не могъ съ нею разстаться и зналъ ее почти всю наизусть.

....«Не стало «великой арміи»! Польша подпала владычеству Россіи. Императоръ Александръ манифестомъ, даннымъ въ Варшавѣ $^{10}/_{22}$ февраля 1813 года, взывалъ къ монархамъ и народамъ Европы о соединеніи силъ противъ общаго врага, властолюбиваго повелителя французовъ. Этотъ вызовъ принятъ всѣми съ восторгомъ, и Александръ сталъ во главѣ европейской коалиціи, выставившей противъ Наполеона полтора милліона человѣкъ вооруженнаго войска. $^{19}/_{31}$ марта 1814 года, Александръ, предъ самымъ вступленіемъ въ Парижъ, сказалъ депутаціи, высланной жителями ему на встрѣчу, слѣдующія замѣчательныя слова: «Я люблю Францію; желаю воздать ей добромъ за сдѣланное зло. Наполеонъ — единственный врагъ мой. Отъ васъ зависитъ упрочить благосостояніе земли вашей. Изберите себѣ правителя, который обезпечилъ бы ваше и общее всей Европы спокойствіе. Я готовъ въ этомъ вамъ содѣйствовать.» Въѣзжая въ городъ верхомъ, вмѣстѣ съ королемъ прусскимъ, имѣя при себѣ брата своего Константина Павловича и многочисленную свиту, государь встрѣченъ былъ парижанами съ неописанною радостію. Благородный видъ, кроткая улыбка и привѣтливость съ перваго взгляда покорили ему сердца народа, и среди стольких величій и величествъ, всѣ видѣли и хотѣли видѣть только его, *одного его.* Союзные монархи не пожелали занять приготовленные имъ покои въ тюльерійскомъ дворцѣ. Они остановились въ домѣ Таллейрана, который умѣлъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ для приведенія въ исполненіе тайныхъ своихъ замысловъ. Его вліянію на императора Александра должно приписать весь ходъ послѣдующихъ событій. Наполеонъ, которому измѣнили его генералы и высшіе чины государства, устраненъ отъ престола, или, лучше сказать, самъ оставилъ его, въ избѣжаніе напраснаго кровопролитія. Мѣсто его заняли Бурбоны. Сильное національное правительство замѣнено слабымъ и противнымъ народному чувству. Александръ вскорѣ самъ замѣтилъ ошибку, сдѣланную имъ въ угоду англійской политикѣ, когда такъ легко было поладить съ Наполеономъ, оставя ему скипетръ умиротворенной Франціи. Однакожe,

не все еще казалось потеряннымъ: императрица Жозефина и дочь ея Гортензія старались помирить царя съ Наполеономъ, готовившимся отъѣхать на островъ Эльбу. По крайней мѣрѣ, престолъ его могъ остаться его династіи: вслѣдствіе его отреченія, ему наслѣдовалъ бы сынъ его, провозглашенный римскимъ королемъ, или же усыновленный имъ Евгеній Богарнэ. Подобная сдѣлка не заключала въ себѣ ничего несбыточнаго. Александръ былъ исполненъ вниманія, уваженія и симпатіи къ женственнымъ ходатаямъ этой фамиліи. Все это вмѣстѣ взятое сильно тревожило противную партію Бурбоновъ. Она задалась вопросомъ: какъ отвратить невыгодныя послѣдствія? Вопросъ рѣшенъ по желанію: Жозефина умерла *скоропостижно* (?) 29-го мая 1814 года; принцесса Гортензія удалена, и Александръ болѣе не видался съ нею.

«28-го мая, вел. князья Николай и Михаилъ прибыли въ Парижъ и остановились въ томъ же домѣ Таллейрана. Они сопровождали государя въ торжественныхъ выходахъ и церемоніяхъ, были свидѣтелями оказываемыхъ ему безъ числа почестей. Народъ кричалъ: *да здравствуетъ король!* Но восклицанія: *да здравствуетъ Александръ!* были чаще и громче другихъ. Когда Александръ, въ сопровожденіи августѣйшихъ братьевъ своихъ, посѣтилъ монетный дворъ, ему поднесли тутъ же выбитую медаль съ его вензелемъ и съ надписью: *Возстановителю мира въ Европѣ*. Въ публичномъ засѣданіи французской академіи, гдѣ императоръ присутствовалъ вмѣстѣ съ королемъ прусскимъ, произнесены похвальныя слова Петру I и Фридриху II, — самый удобный случай для прославленія ихъ преемниковъ. «Государь! сказалъ Александру академикъ Сюаръ (Suard) послѣ засѣданія, — ваше величество не можете не любить Францію. Здѣсь раздаются вѣнцы заслугамъ и достоинству. Екатерина Великая стяжала безсмертіе въ Россіи; но славу ея возвѣстила Франція».

«Въ Парижѣ в. князья посѣщали съ любопытствомъ разныя заведенія общественныя, посвященныя наукамъ, искусствамъ, благотворительности. Политехническая школа, Домъ инвалидовъ, казармы, госпитали обратили на себя вниманіе Николая Павловича. Вездѣ замѣтны были слѣды зиждительнаго генія Наполеона, который среди безпрерывныхъ войнъ умѣлъ устроить и направить къ лучшему всѣ эти учрежденія. Высокіе посѣтители не могли видѣть безъ состраданія старыхъ изувѣченныхъ воиновъ, толпившихся въ залахъ дома инвалидовъ, и съ своей стороны инвалиды нѣсколько смутились при видѣ русскаго мундира. — «Въ какомъ дѣлѣ были вы ранены? спросилъ съ участіемъ в. князь Николай Павловичъ одного сержанта, который съ трудомъ двигался на костыляхъ и имѣлъ голову изрубленную сабельными ударами.» — «При переправѣ черезъ Березину, отвѣчалъ съ усмѣшкою полуразрушенный воинъ. Казаки обработали меня

какъ видите; да и я, правду сказать, не поберегъ ихъ. Мы вмѣстѣ грянулись съ ними на ледяную землю. Они не встали; я, слава Богу, воротился съ отмороженными ногами. Да и подѣломъ намъ! Зачѣмъ мы шли туда, въ вашу Россію? Чортъ возьми! сторона себя не выдала: войдти легко, а выйдти-то трудненько, развѣ такъ какъ я вышелъ, чтобъ поступить прямо сюда, въ инвалиды.» Эта военная выходка разсмѣшила императора Александра, когда вел. князья разсказали ее его величеству, свидѣтельствуя впрочемъ о замѣченной ими вездѣ глубокой преданности къ Наполеону. Русскій царь пожелалъ видѣть самъ березинскаго сержанта, чтобъ слышать его рѣчи о великой войнѣ 1812 года, и сказать ему, что военно-плѣнные французы, оставшіеся въ Польшѣ и въ Россіи, числомъ до 80,000, скоро возвратятся во Францію. — «То-то будутъ рады! воскликнулъ инвалидъ. Совѣтую вамъ, государь, примолвилъ онъ, дать знать о томъ нашему императору Наполеону. Онъ вамъ спасибо скажетъ.» Александръ спросилъ его, знаетъ ли онъ съ товарищами, что общій миръ наступилъ, и что во Франціи установлено новое правительство? Старый воинъ призадумался. «Да, государь, проговорилъ онъ, понизивъ голосъ. Нечего сказать, не доброе дѣло сдѣлали: наградили королемъ. Что за король, что не умѣетъ верхомъ сѣсть на лошадь! А вмѣсто трехцвѣтнаго знамени намъ дали тряпку! Плохо, плохо! Да не долго этому быть: вѣдь безъ нашего императора Франція сама не-своя!» Эти слова, отголосокъ народныхъ чувствъ и убѣжденій войска въ свою очередь заставили Александра призадуматься. Разсказываютъ, что однажды онъ сказалъ графу Нессельроде, который былъ однимъ изъ виновниковъ низверженія Наполеона и возстановленія Бурбоновъ: «Еслибъ начинать съизнова, я бы этого не сдѣлалъ! Миръ Европы вѣрнѣе съ Наполеономъ на престолѣ, нежели съ Наполеономъ на о. Эльбѣ.» — «Вашему величеству угодно было сдѣлать его императоромъ о. Эльбы, возразилъ тонкій дипломатъ. Я полагаю, что можно бы быть совершенно спокойнымъ, еслибъ островъ Эльба находился гдѣ нибудь на Южномъ Океанѣ».

«Государь удостоилъ посѣтить, между прочимъ, салонъ баронессы Сталь (la baronne de Staël), у которой собиралось самое отборное парижское общество. Хозяйка дома, литературная знаменитость, не могла терпѣть Бонапарте, который нѣкогда принудилъ ее выѣхать изъ Франціи, за смѣлыя, непріязненныя ему рѣчи. Самолюбивая до крайности, она, можетъ быть, слишкомъ преувеличивала важность испытанныхъ ею гоненій и политическое свое мученичество. Она пріѣзжала въ Петербургъ, когда Наполеонъ шелъ войною противъ Россіи, и умная госпожа, въ раздраженномъ воображеніи своемъ, полагала даже, что весь этотъ походъ предпринятъ для того, чтобъ

захватить именно ея особу [1]). Императоръ Александръ принялъ ее въ то время съ большимъ почетомъ, и, конечно, изъ одной любезности сказалъ или предсказалъ, что скоро самъ проводитъ ее во Францію. «Государь! возразила она, чтобъ я могла жить тамъ спокойно, надо чтобъ тиранъ мой заключенъ былъ въ сибирскія пустыни.» — Дѣйствительно, г-жа Сталь возвратилась въ Парижъ, вскорѣ послѣ капитуляціи 30 марта, и это обстоятельство, при другихъ приключеніяхъ ея жизни, еще болѣе утвердило ее въ томъ мнѣніи, что она одарена пророческимъ даромъ въ дѣлахъ политики. Легко представить себѣ, какъ обрадовало ее посѣщеніе царя и великихъ князей, 26 мая, вечеромъ. Тутъ же былъ и прусскій король. «Государь! сказала она вдругъ, безъ околичностей, обратясь къ королю, мы составляемъ здѣсь родъ конгресса. Позвольте мнѣ предложить вашему величеству политическій маріажъ между Россіей и Пруссіей. Принцесса Шарлотта безподобно хороша, а великіе князья милы и образованы какъ нельзя лучше.» Великія князья покраснѣли, услышавъ такой нескромный комплиментъ, а императоръ и король перемигнулись съ многозначительной улыбкой. Быстрые вопросы хозяйки дома вызвали со стороны великаго князя Николая Павловича нѣсколько острыхъ отвѣтовъ. «Довольны ли ваше высочество Франціею и Парижемъ?» спросила она. «Все, что я по наслышкѣ зналъ о Парижѣ, отвѣчалъ онъ съ отмѣнною скромностію и вѣжливостію, оказывается ничтожнымъ въ сравненіи съ тѣмъ, что вижу здѣсь, въ этой счастливой странѣ, въ этой обширной столицѣ, которой не могу надивиться и къ сожалѣнію не успѣю осмотрѣть.» — «Развѣ отъѣздъ вашего высочества такъ близокъ?» — «Во всякомъ случаѣ ближе нежели желалъ бы: не вездѣ найдешь столько любезности какъ въ вашемъ домѣ, баронесса!...» — «Къ счастію, подхватилъ императоръ Александръ, подойдя къ разговаривающимъ, воспоминаніе остается, и можетъ служить нѣкоторымъ утѣшеніемъ.» — Бесѣда переходила съ предмета на предметъ. Г-жа Сталь плѣняла всѣхъ живостію ума и легкой прелестью игривой рѣчи. Въ этомъ обществѣ, гдѣ было столько мыслящихъ государственныхъ людей и дипломатовъ, нельзя было избѣжать разговора о политикѣ. «Да, сказалъ между прочимъ, императоръ Александръ, я очень радъ возстановленію Бурбоновъ: правительство либеральное и конституціонное.» — «Это правительство, замѣтила г-жа Сталь, можно обозначить двумя словами: *король и хартія*. Впрочемъ, есть народы, которые подъ скипетромъ самодержавія пользуются свободою и благоустройствомъ,

---

[1]) Авторъ — бонапартистъ, и потому старается представить въ смѣшномъ видѣ знаменитую дочь Неккера, въ самомъ дѣлѣ испытавшую много дѣйствительныхъ непріятностей и огорченій за свой независимый образъ мыслей. *Ред.*

хотя не имѣютъ конституціи. Въ Россіи напримѣръ...» — Позвольте, прервалъ ее Александръ, я не болѣе какъ счастливый случай [1])...»

«Когда кружокъ гостей сталъ тѣснѣе, баронесса сдѣлала императору конфиденціально, но все же не совсѣмъ кстати, слѣдующій вопросъ: «Полагаете ли ваше высочество, что правленіе Людовика XVIII будетъ благополучно?» — «Король, отвѣчалъ въ раздумьи Александръ, король человѣкъ умный и дальновидный; онъ имѣетъ прекрасныя намѣренія, но окружающіе его... Впрочемъ, изъ всего королевскаго дома только герцогъ Орлеанскій понимаетъ дѣло практически, какъ слѣдуетъ.» Тутъ императоръ замолкъ, какъ будто сожалѣя о сказанномъ, и обратясь къ князю Николаю примолвилъ: «Вы знакомы съ герцогомъ Орлеанскимъ [2]): какъ вы его находите?» — «Я очень дорожу его знакомствомъ, быстро отвѣтилъ великій князь. Онъ человѣкъ достойный и рѣдкаго ума. Впрочемъ, продолжалъ онъ, нельзя судить о людяхъ слишкомъ спѣшно; особенно здѣсь, гдѣ намъ оказываютъ столько ласкъ и привѣта, я, право, не умѣю быть безпристрастнымъ.» — «Мнѣ пріятно видѣть сказалъ императоръ, что и вы отдаете справедливость герцогу Орлеанскому. Прошу напомнить ему мое приглашеніе пріѣхать къ намъ въ Петербургъ.» Великій князь Николай Павловичъ очень коротко сошелся съ герцогомъ, который помѣщался тогда въ своемъ наслѣдственномъ Пале-Роялѣ, и въ свою очередь просилъ великаго князя не оставить его и на будущее время, своимъ дружескимъ посѣщеніемъ: «что же касается поѣздки въ Петербургъ, примолвилъ онъ, то не смотря на искреннее желаніе мое воспользоваться лестнымъ приглашеніемъ его высочества, боюсь, что жена и дѣти не пустятъ меня и не захотятъ со мною разстаться.» — «Семейная жизнь истинное счастье! воскликнулъ, какъ бы невольно, великій князь.» — «Единственное прочное счастіе, подтвердилъ герцогъ Орлеанскій тономъ сердечнаго убѣжденія; я не имѣю иной амбиціи.»

«Эти слова произвели глубокое впечатлѣніе на великаго князя. Онъ позавидовалъ положенію герцога Орлеанскаго, сознавая въ самомъ себѣ всю прелесть подобной «амбиціи» [3])........» В. ПОРОШИНЪ.

Парижъ. Май, 1866.

---

[1]) Государь, въ самомъ дѣлѣ, выразился *условно*, слѣдовательно гораздо скромнѣе. Авторъ сократилъ не совсѣмъ удачно слѣдующее мѣсто изъ записокъ г-жи Сталь: L'Empereur me parla de sa nation et de tout ce qu'elle était capable de devenir. Il m'exprima le désir que tout le monde lui connait d'améliorer l'état des paysans encore soumis à l'esclavage. «Sire, lui dis-je, votre caractère est une constitution pour votre empire et votre consciense en est la garantie.» — «Quand cela serait, me répondit il, je ne serais jamais qu'un accident heureux.» *Dix ans d'exil. Ch. 17.* *Ред.*

[2]) Впослѣдствіи, король французовъ *Луи-Филиппъ.*

[3]) Въ началѣ нынѣшняго года появилось еще одно сочиненіе, о которомъ будетъ кстати здѣсь упомянуть: *K. Th. von Grimm*, Alexandra Feodorowna, Kaiserin von Russland. 2 т. Лейпцигъ. 1866. *Ред.*

III.

Науманнъ, Исторія постепеннаго развитія конституціи въ Швеціи. Стокгольмъ.

Мы вступаемъ теперь въ ту эпоху, когда новое представительство нашей страны (Швеціи) сдѣлалось закономъ, и когда борьба — не скажу, вражда — успокоилась какъ бы какимъ-то чудомъ. Настала совершенная тишина, которая и продолжится, безъ сомнѣнія, до новой Діэты, о которой будетъ не безъинтересно сообщить вамъ впослѣдствіи обстоятельный этюдъ, когда наступитъ самое дѣло.

Во ожиданіи того, позвольте мнѣ указать вамъ на литературный трудъ, заслуживающій полнаго вниманія, и который могъ бы хорошо подготовить всякого, кто желалъ бы понять современные интерессы нашей страны и смыслъ ея послѣднихъ реформъ. Это — замѣчательное сочиненіе юриста Науманна о различныхъ конституціяхъ, чрезъ которыя прошла Швеція послѣдовательно, прежде нежели она достигла современнаго устройства. Чтобы дать общее понятіе объ этомъ трудѣ, я прилагаю при семъ въ французскомъ переводѣ, сдѣланномъ мною подъ руководствомъ самого автора, небольшое введеніе, изъ котораго можно видѣть весь планъ сочиненія.

«Исторія послѣдовательныхъ конституцій Швеціи, пишетъ г. Науманнъ, можетъ быть раздѣлена на 9 большихъ періодовъ, а именно:

«1) Древнѣйшая конституція демократическая и ея окончательное преобразованіе, во время двухвѣковой борьбы христіанства съ язычествомъ, что доводитъ насъ до половины XIII вѣка.

«2) Эпоха королей фамиліи Фолькунговъ, въ которую преобладаютъ чужеземные элементы, и когда магнаты, властители духовные и свѣтскіе въ странѣ, содѣйствуютъ въ началѣ утвержденію королевской власти, съ тѣмъ чтобы позже вступить съ нею въ борьбу; къ концу XIV вѣка (при королѣ Альбрехтѣ) эта власть падаетъ подъ ихъ ударами, между тѣмъ какъ народъ видитъ себя подъ гнетомъ.

«3) Эра уніи (т. е. соединеніе съ Даніею и Норвегіею), когда страна управляется аристократическими конфедераціями, подъ управленіемъ чужеземныхъ королей, и уже начинаютъ возставать противъ притѣснителей, до того момента, когда Густавъ Эриксонъ успѣлъ положить начало новому порядку вещей.

«4) Вѣкъ Густава I и его сыновей, когда цѣлая половина аристократіи, католическіе прелаты, теряютъ свою власть, когда совершается религіозная реформа, тронъ утвержденъ закономъ о наслѣдствѣ; но позже, въ эту же эпоху, и благодаря въ особенности введеніи системы феодовъ, началась борьба свѣтской аристократіи съ королевскою властью, доходящая до 1611, когда королевскій декретъ

Густава II Адольфа распространилъ весьма смѣло власть совѣта, и право издавать законы признано вполнѣ за сословіями, соединенными въ одну Діэту (Riksdag), и за королемъ.

«5) Промежутокъ времени отъ 1611 до 1680 г., когда утвердилась представительная форма правленія, и когда матеріальное могущество и вліяніе дворянства, благодаря расточаемымъ въ ихъ пользу феодамъ, достигли своей апогеи.

«6) Періодъ абсолютизма, отъ 1680 до 1719.

«7) Такъ называемое время свободы (*Frihetstid*), то есть, конституція аристократической республики, съ тѣнью короля; оно ведетъ насъ къ революціи 1772.

«8) Вѣкъ Густава III и его сына, когда королевская власть сначала укрѣпляется, и снова впадаетъ въ абсолютизмъ.

«9) Наконецъ, эпоха, открывающаяся революціею 1809 года [1].»

Л. ТЭНЕНЪ.

Стокгольмъ, 16 мая, 1866.

---

[1]) У насъ обращается очень мало вниманія на исторію и бытъ той страны, которая близка къ намъ по своему географическому положенію, и которая играла въ нашей исторіи большую роль, то какъ врагъ, то какъ предметъ подражанія и заимствованій. Вслѣдствіе рѣдкихъ случаевъ у насъ знакомства съ шведскимъ языкомъ, мы мало знакомы и съ цивилизаціею Швеціи. Желая пополнить этотъ пробѣлъ въ нашей исторической литературѣ, мы пригласили профессора Стокгольмскаго университета г. Л. Тэнена взять на себя ученую корреспонденцію, и надѣемся, при его помощи, по временамъ сообщать нашимъ читателямъ замѣчательнѣйшіе факты изъ науки и жизни въ скандинавскомъ мірѣ. *Ред.*

II. НОВѢЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ.

Изслѣдованія въ области исторической науки находятся всегда въ тѣсной связи съ главнымъ направленіемъ общественнаго духа времени, и нельзя сказать, чтобы наша эпоха была для нихъ благопріятна, особенно если сравнить ее съ эпохою 30 и 40 годовъ. Наше время не выработало изъ своей среды и для своего новаго направленія такихъ вождей исторической науки, какіе являлись въ четвертомъ и пятомъ десяткѣ нынѣшняго столѣтія. Если среди насъ и живутъ еще громкія имена стараго времени, то на нашу долю выпадаетъ только праздновать ихъ пятидесятилѣтніе юбилеи, какъ, напримѣръ, юбилей Ранке, къ которому готовится Германія въ слѣдующемъ году. Среди насъ высказаны смѣло новыя идеи, новые взгляды на методъ историческаго изслѣдованія, на его цѣль и средства, но мы чувствуемъ, что не можемъ ни вполнѣ довѣрять новому направленію, ни оставаться при старомъ. Намъ никто не успѣлъ внушить столько вѣры въ себя, сколько внушали прежніе корифеи исторической науки; мы болѣе боремся, нежели что нибудь создаемъ. Но, быть можетъ, иначе не происходитъ никакой переворотъ ни въ одной наукѣ; нужно промежуточное время, такъ сказать научное «междуцарствіе», чтобы со временемъ снова установились идеи, чтобы добылись вожди, которые повели бы новою дорогою, до новаго столкновенія съ послѣдующими препятствіями и до новыхъ научныхъ междоусобій. И не одна историческая наука находится нынѣ въ такомъ положеніи: тоже совершается и въ области философіи; мы не имѣемъ для себя своего Гегеля или Канта. Тоже можно сказать и о филологіи. Это недостатокъ нашего времени, но вмѣстѣ и его достоинство: мы ушли впередъ на столько, чтобы не довольствоваться прежними идеями, но еще не на столько, чтобы окончательно формулировать новыя убѣжденія и привести себя въ стройную систему. Мы идемъ въ разбросъ, какъ люди, убѣдившіеся, что нужно перемѣнить дорогу, но незнающіе куда слѣдуетъ взять, чтобы дойти до станціи.

Изъ всего сказаннаго въ послѣднее время о методѣ изслѣдованія въ гуманныхъ наукахъ, мы должны указать въ особенности на превосходное предисловіе Тэна, приложенное къ новому изданію его «Этюдовъ» (см. о томъ ниже). Но слова Тэна замѣчательны болѣе, какъ самое краснорѣчивое выраженіе тѣхъ требованій, которыя дѣлаетъ наше время на историческую науку, ожидая отъ примѣненія къ ней пріемовъ

точныхъ наукъ великихъ результатовъ. Впрочемъ, главный вопросъ и у него остается неразрѣшеннымъ: допустивъ справедливость его доводовъ, мы все же должны сознаться, что не имѣемъ еще средствъ итти по указанной имъ дорогѣ, и потому разсужденіе Прево-Парадоля о томъ же предметѣ остается во всей силѣ. Прево-Парадоль, какъ бы въ отвѣтъ на взгляды Тэна, помѣстилъ превосходную статью въ «Journal des Débats» (8 апрѣля, 1866 г.) о вліяніи гуманныхъ наукъ, т. е. литературы въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова, на точныя науки, и, наоборотъ, о вліяніи точныхъ наукъ на науки гуманныя. Надобно отдать справедливость Прево-Парадолю: онъ попалъ въ самый центръ вопроса, занимающаго нашу эпоху, и, какъ показываетъ самое заглавіе статьи, не остался одностороннимъ.

«Точныя науки, говоритъ новый академикъ, имѣютъ свои опредѣленные пріемы изслѣдованія и изложенія; онѣ слѣдуютъ строгимъ и спасительнымъ правиламъ для пріисканія и доказательства истины. Литература представляетъ болѣе свободную обстановку; и это не потому, чтобы нельзя было назвать именемъ правилъ нѣкоторые пріемы, употребляемые постоянно и съ наибольшимъ успѣхомъ въ искусствѣ письма; но эти правила, во всякомъ случаѣ, не больше, какъ обычай; часто люди имѣли успѣхъ, не прибѣгая къ ихъ помощи, а иногда успѣхъ являлся вслѣдствіе даже возстанія противъ ихъ требованія. Между тѣмъ, точныя науки и литература касаются близко другъ друга; это двѣ сопредѣльныя области, находящіяся въ постоянномъ соотношеніи, или подъ вліяніемъ полезнаго обмѣна, или несправедливыхъ вторженій въ область другъ друга. Точныя науки часто прибѣгали къ помощи наукъ гуманныхъ, иногда приходили въ замѣшательство отъ ихъ влiянія, между тѣмъ, какъ часто переносили въ область гуманныхъ наукъ аппараты изслѣдованія и доказательства, неизбѣжныя для успѣха точныхъ наукъ. Разсмотримъ вкратцѣ результаты этого частаго смѣшенія двухъ областей; посмотримъ, какія неудобства и какія выгоды вытекали отъ этихъ двухъ столь различныхъ примѣненій человѣческаго разумѣнія, но одинаково изумительныхъ.

«Духъ словесности, вмѣшиваясь къ дѣло точныхъ наукъ, можетъ дать себя чувствовать двумя способами, которые должно остерегаться смѣшивать, и которые имѣютъ самыя противоположныя послѣдствія: иногда онъ вмѣшивается даже въ воззрѣнія точныхъ наукъ, вліяетъ на направленіе ихъ изслѣдованій, и имѣетъ притязаніе опредѣлить напередъ ихъ результаты; иногда, напротивъ, онъ не имѣетъ другой цѣли, какъ только служить истолкователемъ точныхъ наукъ, объясняетъ и возбуждаетъ изумленіе къ ихъ открытіямъ, дѣлаетъ ихъ доступными, пріятными и полезными и понятными для всѣхъ, благодаря своему дару освѣщать и украшать все, до чего бы онъ ни коснулся.

«Вмѣшательство гуманныхъ наукъ въ самыя воззрѣнія наукъ точ-

ныхъ вносило часто безпорядокъ, не разъ сбивало и замедляло ходъ образованности. Въ обольстительной формѣ поэзіи и подъ почтенною внѣшностью философіи, духъ словесности дѣлалъ обыкновенно самыя ужасныя вторженія въ область точныхъ наукъ.

Прево-Парадоль приводитъ изъ исторіи образованности человѣчества съ самыхъ древнихъ временъ примѣры того, какъ поэтическія и спекулятивныя воззрѣнія долгое время служили препятствіемъ къ успѣху положительнаго знанія, и какъ еще Платонъ хотѣлъ изгнать поэзію изъ царства науки. Если Прево-Парадоль ничего не говоритъ объ историческихъ теоріяхъ, то быть можетъ только потому, что ихъ вмѣшательство въ управленіе человѣческими дѣлами, и часто во вредъ имъ, слишкомъ очевидно, чтобы останавливаться на немъ; и наконецъ, въ своихъ источникахъ, исторія и поэзія встрѣчаются другъ съ другомъ.

Но это одна сторона вопроса: не можемъ ли мы также слишкомъ далеко заходить, вторгаясь, вооруженные пріемами точныхъ наукъ, въ область изслѣдованій человѣческаго духа, которыя мы называемъ гуманными науками? Разсмотрѣвъ на отдѣльныхъ примѣрахъ этотъ случай, Прево-Парадоль приходитъ къ слѣдующему результату, съ которымъ нельзя не согласиться:

«Оставимъ духъ точныхъ наукъ на рубежѣ критики наукъ словесныхъ; не будемъ пытаться объяснить результаты дѣятельности духа, безконечно видоизмѣняющейся и всегда поразительной, такъ, какъ мы объясняемъ однообразную работу пчелы или муравья, ни свободный ростъ души человѣка, безпрестанно потрясаемой и торжественно двигающейся впередъ, какъ мы объясняемъ развитіе растенія, всегда похожаго на себя, рабски прикованнаго къ землѣ и подверженнаго единообразному вліянію воды и воздуха. Если можно справедливо утверждать, что въ этомъ мірѣ нѣтъ дѣйствія безъ причины, и что потому должна существовать, такъ сказать, химія души человѣческой, то по крайней мѣрѣ сознаемся, что здѣсь, на землѣ, мы не имѣемъ ни реторты, въ которой можно было бы помѣстить такую субстанцію, ни пламени, способнаго ее распустить.»

Но, разсуждая такъ, никто, и всѣхъ менѣе Прево-Парадоль, не выведетъ заключенія изъ послѣдняго, что результаты точныхъ наукъ проходятъ безслѣдно для успѣха въ нашемъ гуманномъ развитіи и даже смущаютъ его, приглашая дѣлать слѣпые выводы тамъ, гдѣ наше знаніе остается безпомощнымъ. Если это и случается, то скорѣе оттого, что мы бросаемся въ точныя науки, дѣлаемся ихъ поклонниками, сохраняя въ себѣ всѣ качества, съ которыми думаемъ бороться. Большинство людей, въ особенности у насъ, ратующихъ за положительныя науки и относящихся съ презрѣніемъ къ наукамъ гуманнымъ, остаются поэтами и въ наукахъ точныхъ, т. е. спѣшатъ дѣ-

лать широкіе выводы изъ перваго встрѣтившагося матеріальнаго факта, и считаютъ себя натуралистами, потому только, что говорятъ о матеріальныхъ предметахъ. И именно эти-то вторженія и наѣзды бывшихъ гуманистовъ въ область точныхъ наукъ, о чемъ говоритъ Прево-Парадоль, и принимаются у насъ ошибочно за введеніе метода послѣднихъ въ гуманныя науки. Оставаясь безслѣдно для послѣднихъ, эти вторженія вредятъ и точнымъ наукамъ, которыя для своего успѣха нуждаются въ соотвѣтственномъ развитіи и помощи со стороны гуманныхъ наукъ.

Начавъ съ нынѣшней книги слѣдить за болѣе важными явленіями новѣйшей литературы всеобщей исторіи, мы будемъ ее раздѣлять на два класса, по языкамъ отечественному и иностраннымъ, не потому, чтобы была какая нибудь соразмѣрность между ними, но съ цѣлью имѣть возможность фактически представлять успѣхъ или замедленіе у насъ въ изслѣдованіи общеисторическихъ вопросовъ. При всемъ желаніи редакціи, вмѣстѣ съ каждымъ наименованіемъ новаго сочиненія давать о немъ по возможности подробный отчетъ, она не въ состояніи достигнуть желаемой полноты, по чрезвычайному обилію новыхъ литературныхъ явленій, и потому видитъ себя вынужденною и въ отдѣлѣ всеобщей исторіи, какъ то уже сдѣлано въ отдѣлѣ исторіи отечественной, присоединить перечень тѣхъ книгъ, которыя по чему либо не успѣли быть просмотрѣны редакціею для болѣе подробнаго отчета о ихъ содержаніи.

Вообще, при разборѣ книгъ, а въ особенности иностранныхъ, мы будемъ заботиться о томъ, чтобы прежде всего дать понятіе о содержаніи книги и ея значеніи для тѣхъ, которые желали бы составить по нашему отчету содержаніе о новомъ трудѣ и знать впередъ, чѣмъ онъ можетъ быть полезенъ для лицъ уже знакомыхъ съ тѣми или другими спеціальными вопросами въ наукѣ, и что въ немъ особенно замѣчательно, новость ли источниковъ, или взглядъ, или наконецъ художественная обработка фактовъ.

А) РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ.

Оглядываясь назадъ, на сколько мы были сами свидѣтелями своего времени, мы не можемъ не сознаться, что, въ самый послѣдній періодъ, интерессъ къ всеобщей исторіи у насъ значительно возросъ, но онъ продолжалъ выражаться болѣе въ переводахъ, нежели въ оригинальныхъ трудахъ. Впрочемъ, какое могутъ имѣть значеніе самостоятельные труды по спеціальнымъ вопросамъ французской, нѣмецкой или англійской исторіи въ русской исторической литературѣ? Или, вообще, какое мѣсто должны занимать изслѣдованія по исторіи человѣчества

въ каждой спеціальной литературѣ? Мы полагаемъ, что въ всеобщей исторіи есть, прежде всего, факты, которые, хотя и совершались въ отдаленныя эпохи и среди націй, чуждыхъ намъ въ этнографическомъ отношеніи, но которые тѣмъ не менѣе могутъ быть поставлены на ряду съ фактами отечественной исторіи; принадлежа къ опредѣленному отечеству плотью и духомъ, каждая нація ведетъ исторію своихъ идей изъ общаго отечества всѣмъ народамъ. Въ этомъ смыслѣ, напримѣръ, изслѣдованія по исторіи христіанства, къ какой бы эпохѣ они ни относились, на столько же могутъ быть названы *нашею* исторіею, на сколько они *свои* въ Англіи или во Франціи. Есть много и другихъ точекъ, гдѣ мы стоимъ на одной почвѣ со всѣми образованными народами, и классическій міръ, въ особенности, можетъ интересовать насъ наравнѣ съ прочими новѣйшими европейскими національностями. Далѣе, тѣ эпохи въ исторіи иноземныхъ народовъ, когда въ нихъ совершались великіе перевороты, также входятъ въ число общечеловѣческихъ фактовъ, какъ отчасти потому, что такіе перевороты никогда не проходили безслѣдно въ исторіи прочихъ національностей той же семьи человѣчества, такъ и потому, что въ такихъ эпохахъ мы получаемъ ключъ къ пониманію общихъ законовъ роста народовъ и государствъ, сопровождаемыхъ большими или меньшими потрясеніями. Мы можемъ указать на великія изобрѣтенія и открытія, которыя также не составляютъ исключительной принадлежности той или другой націи. Отказаться отъ интересса къ такимъ сторонамъ всеобщей исторіи, значило бы отвергать свою связь съ общею семьею человѣчества. Одни переводы не достаточно удовлетворяютъ въ этомъ отношеніи, потому что всякое историческое произведеніе носитъ на себѣ болѣе или менѣе мѣстный отпечатокъ, и вызывается весьма важными интерессами для того общества, гдѣ оно явилось, но слишкомъ второстепенными для всякой другой среды. Если предъ нами лежитъ, напримѣръ, исторія французской революціи, написанная французомъ, то не должно забывать, что въ этомъ трудѣ, кромѣ французской революціи, заключена еще исторія извѣстной идеи современнаго общества, которая старается объяснить себя или оправдать исторіею болѣе отдаленнаго времени.

Обращаясь къ самому послѣднему времени, мы должны сознаться, что наша русская литература по всеобщей исторіи стоитъ гораздо ниже того интересса, который, повидимому, слѣдовало бы въ немъ предполагать къ общеисторическимъ сторонамъ жизни другихъ народовъ. Причины тому очевидны: школа у насъ не доставляетъ людей съ прочнымъ филологическимъ образованіемъ, которое необходимо для спеціальныхъ работъ по вопросамъ общечеловѣческаго интересса; это — фактъ, засвидѣтельствованный всѣми единодушно; кромѣ того, между людьми образованными, въ которыхъ всего болѣе можно пред-

полагать интересса къ общеисторическимъ вопросамъ, знаніе новѣйшихъ иностранныхъ языковъ распространено въ такой степени, что они довольствуются иностранными произведеніями, и недовѣрчиво стали бы смотрѣть на свою литературу, которая, впрочемъ, при состояніи общаго образованія у насъ, и можетъ справедливо внушать подозрѣніе. Но что у насъ существуетъ интерессъ къ общеисторическимъ вопросамъ, это доказалъ классическій сборникъ «Пропилеи», имѣвшій большой кругъ читателей. Когда въ послѣдніе годы г. Чацкинъ издавалъ свой «Сборникъ историческихъ очерковъ, В. Пютца», какъ учебное пособіе для учащихся и преподавателей, и захотѣлъ дополнить его оригинальными русскими изслѣдованіями по исторіи Греціи и Рима, то почти только одни «Пропилеи» могли доставить ему русскій контингентъ исторической науки, съ приложеніемъ извлеченій изъ сочиненій лицъ, занимавшихся классическою исторіею: Грановскаго, Кудрявцева, Тихоновича и Ешевскаго.

1) Оригинальныя сочиненія и статьи.

Чтобы собрать сколько нибудь замѣтное число оригинальныхъ трудовъ по всеобщей исторіи у насъ, мы должны будемъ выступить нѣсколько изъ предѣловъ своего періода и захватить болѣе обширный промежутокъ времени.

Въ теченіи 1865 года по настоящее время, наша историческая литература пріобрѣла два изслѣдованія, и оба по классической исторіи:

Критическія изслѣдованія, относящіяся къ древнѣйшему періоду исторіи Сициліи. Сочиненіе для полученія степени магистра всеобщей исторіи кандидатомъ Спб. Университета Ѳедоромъ Соколовымъ. Спб. 1865.

Галлія въ эпоху Кайя Юлія Цезаря. Соч. Александра Георгіевскаго. М. 1865.

Оба сочиненія написаны съ спеціальною цѣлью, чтобы получить ученую степень магистра, что обязывало ихъ носить на себѣ преимущественно строгій характеръ критическихъ изслѣдованій. Оба сочинія касаются главнымъ образомъ этнографическихъ вопросовъ, которые занимаютъ чрезвычайно важное мѣсто въ исторіи древнихъ обществъ.

Книга г. Соколова представляетъ большія достоинства. Добросовѣстное, самостоятельное изученіе источниковъ, живость изложенія и умѣнье придать интерессъ самимъ мелкимъ подробностямъ указываютъ, кажется, именно на тѣ два качества, которыя нужны для возбужденія и поднятія серьезнаго интересса къ исторіи классической древности въ нашихъ аудиторіяхъ или въ нашемъ образованномъ обществѣ. — Мы надѣемся, впрочемъ, что одинъ недостатокъ труда г. Со-

колова, а именно усиленное стремленіе побивать, иногда даже осыпать бранью и древнихъ писателей и новыхъ иностранныхъ ученыхъ, исчезнуть сами собою при большей опытности автора. Этотъ недостатокъ обнаруживается уже въ первой главѣ сочиненія, содержащей взглядъ на источники и весьма обстоятельное обозрѣніе трудовъ по исторіи Сициліи, написанныхъ учеными XVII—XVIII столѣтія. Мы не будемъ защищать отъ насмѣшекъ г. Соколова древнихъ сицилійскихъ ученыхъ, разсказывавшихъ пресерьезно, какъ Церера «женщина сицилійская, законодательница», научила сицилійцевъ воздѣлывать землю и приготовлять хлѣбъ, и сообщавшихъ въ своихъ сочиненіяхъ письма, адресованныя къ Кокалу (баснословному царю сиканскому), или къ Дедалу, въ которыхъ «особы» такого древняго времени говорятъ объ іюлѣ мѣсяцѣ, легіонѣ, циркѣ и проч. и проч. Но нельзя назвать критическими эпитеты, которые придаетъ авторъ знаменитому греку Евгемеру: онъ называетъ его «лгуномъ», говоритъ о его «наглости» и безсовѣстности. Это былъ вполнѣ искренній *раціоналистъ* старавшійся простымъ, разумнымъ образомъ объяснить сверхъестественную и чудесную миѳологію грековъ. Разсказъ о путешествіи на островъ Панхэю, гдѣ онъ нашелъ золотую колонну съ описаніемъ всѣхъ подвиговъ Урана, Крона и Зевса можетъ быть принимаемъ просто за романъ. За серьезную исторію Евгемеръ его, можетъ быть, вовсе не выдавалъ (такъ думаетъ напримѣръ, Нитцшъ и другіе). Глава объ этнографіи древней Сициліи представляетъ нѣкоторыя слабыя стороны. Уже самый методъ, котораго держится авторъ, довольно устарѣлъ, послѣ трудовъ Моммсена, Швеглера и др. Нужно согласиться, что многочисленныя и одна другой противорѣчащія замѣтки и отмѣтки древнихъ не даютъ никакой возможности въ этихъ вопросахъ придти къ твердымъ и положительнымъ выводамъ. Единственное прочное основаніе даетъ здѣсь языкъ, филологическія изслѣдованія объ его составѣ и древнѣйшихъ памятникахъ. На этихъ основаніяхъ, этнографія древней Италіи въ настоящее время достаточно выяснена, и стоитъ такъ твердо, что авторъ могъ бы безопасно пользоваться ея выводами для своей Сициліи, гдѣ это нужно.

Кромѣ недостатковъ проистекающихъ отъ метода, г. Соколовъ дѣлаетъ въ этой главѣ достаточное количество промаховъ, недосмотровъ и ошибокъ, уменьшающихъ значительно цѣну у этой главы.

Въ какой степени методъ, употребляемый здѣсь авторомъ не проченъ — это обнаруживается на первомъ же вопросѣ, къ которому онъ приступаетъ. Источники (не всѣ) различаютъ двѣ народности, населявшія съ древняго времени Сицилію: сикуловъ и сикановъ. Очевидно, что это одно и тоже имя: напрасно г. Соколовъ приводитъ примѣры пруссовъ и руссовъ, Пруссіи и Россіи, въ доказательство, что не слѣдуетъ увлекаться сходствомъ. Здѣсь не сходство, а тожество,

и болѣе подходящимъ примѣромъ были бы: русины и русскіе, пруссаки и пруссы (какъ въ латинскомъ: romanus и romulus, aequanus и aequulus). И однако на счетъ этихъ сикуловъ и сикановъ существуютъ показанія, не только ихъ различающія (очень возможно, что между ними было нѣкоторое племенное отличіе), но даже причисляющія ихъ къ двумъ различнымъ расамъ.

На основаніи этихъ свидѣтельствъ, г. Соколовъ считаетъ сикановъ иберами, а сикуловъ особою вѣтвью итальянскаго племени.

Что касается до иберійскаго происхожденія сикановъ въ противоположность италикамъ-сикуламъ, то доказательства въ пользу его, считающіяся обыкновенно очень сильными (у самого Грота), ослаблены самимъ авторомъ, настойчиво защищающимъ это положеніе. Одно свидѣтельство, которое имѣетъ здѣсь дѣйствительный вѣсъ, есть свидѣтельство Ѳукидида. Оно гласитъ: сиканы называютъ себя автохтонами, но на самомъ дѣлѣ, какъ оказывается по изслѣдованію, суть иберы, и пришли съ рѣки Сикана въ Иберіи. Авторъ диссертаціи обращаетъ вниманіе на слова Ѳукидида: «какъ оказалось по изслѣдованію,» и ставитъ вопросъ: что служило источникомъ для изслѣдованія? Очевидно, не мѣстныя преданія самихъ сикановъ — они говорятъ другое; и не собственныя наблюденія Ѳукидида (хотя есть положительныя извѣстія о томъ, что онъ былъ въ Италіи), и всего менѣе наблюденія надъ языкомъ, потому что на это было бы непремѣнно указано, еслибъ изслѣдованіе сдѣлалъ самъ Ѳукидидъ. Догадку сочинителя, что мнѣніе объ иберійскомъ происхожденіи сикановъ ведетъ свое начало отъ Гекатэя Милетскаго, жившаго во время персидскихъ войнъ, мы считаемъ очень остроумною и вполнѣ идущею къ дѣлу. Нужно только устранить совершенно излишнее и неумѣстное дополненіе, что Гекатэй могъ замѣтить сродство сикановъ съ иберами, такъ какъ «иберы, наемники кароагенянъ, сражались въ его время противъ сицилійскихъ грековъ при Гимерѣ» — излишнее потому, что Гекатэй «мужъ многостранствовавшій», по выраженію древнихъ, раньше этого былъ, по всей вѣроятности, и въ Иберіи и въ Сициліи (такъ думаетъ и К. Мюллеръ), — неумѣстное потому, что Гекатэй именно около этого времени умеръ (по свидѣтельству Свиды), и во всякомъ случаѣ послѣ 480 года не имѣлъ времени написать своихъ сочиненій. Нѣтъ никакихъ основаній очень высоко думать о критическихъ пріемахъ Гекатэя: хотя онъ и писалъ, что греки разсказываютъ много глупостей и лжи, но за то самъ производилъ себя по прямой линіи отъ боговъ, и указывалъ даже степень родства съ ними (въ пятнадцатомъ колѣнѣ). Самъ авторъ диссертаціи считаетъ возможнымъ, что Гекатэй, знавшій или слышавшій о рѣкѣ Сиканѣ (упоминалъ же онъ городъ Сиканъ) — слышавшій безъ сомнѣнія очень глухо и неясно, и положительно знавшій о существованіи сикановъ въ Сициліи, «тотчасъ вывелъ имя и про-

исхожденіе сикановъ отъ этой рѣки.» Нѣтъ ничего легче подобнаго вывода, и ничего обыкновеннѣе не только у древнихъ, но и у новыхъ, даже, какъ увидимъ, у самого г. Соколова (эллины). Другое дѣло, въ какой степени такой выводъ бываетъ твердъ и основателенъ.

Такимъ образомъ, отвѣтственность за иберійское происхожденіе сикановъ падаетъ на Гекатэя, и догадка г. Соколова весьма способна облегчить совѣсть новой критики, посягающей на авторитетъ Өукидида.

Можно только спросить, почему Өукидидъ не хочетъ вѣрить самимъ сиканамъ на счетъ ихъ автохтонизма, и отдаетъ предпочтеніе извѣстію Гекатэя. Жаль, что г. Соколовъ, обратившій вниманіе на «многозначительность» словъ Өукидида не поставилъ этого вопроса, и удивительно, что никто изъ новыхъ изслѣдователей не пришелъ къ объясненію, которое намъ кажется очень близко лежащимъ и очень простымъ. Извѣстно, что автохтонизмъ у грековъ, и особенно у аөинянъ, имѣлъ особенное, даже политическое значеніе. Автохтонизмъ аөинянъ, и только однихъ аөинянъ, въ противоположность другимъ грекамъ — это членъ ихъ политическаго символа вѣры, любимая тема поэтовъ и ораторовъ, желавшихъ польстить своему народу, и доказать исконное право аөинской гегемоніи. Извѣстно, какъ обидѣлись аөиняне предложеніемъ Гелона Сиракузскаго придти къ нимъ на помощь, если они дадутъ ему главное начальство надъ флотомъ. «Къ чему же мы, аөиняне, древнѣйшій народъ въ Греціи, и одни изъ эллиновъ *не переселенцы*» т. е. автохтоны? Геродотъ (I. 56), и самъ Өукидидъ (I. 2) вполнѣ раздѣляютъ этотъ пунктъ національной гордости аөинянъ. Съ него начинаетъ свою знаменитую рѣчь Периклъ (II. 36). Понятно послѣ этого, что Өукидиду притязаніе на такое «благородство» происхожденія со стороны варваровъ сикановъ показалось страннымъ и неумѣстнымъ, и онъ обратился къ другимъ источникамъ для открытія истины.

Что касается до *Филиста*, то его свидѣтельство могло бы дѣйствительно придать новый вѣсъ мнѣнію объ иберизмѣ сикановъ. Но 1) видно, что Филистъ почти буквально повторилъ слова Өукидида: рѣка Сиканъ играетъ опять главную роль. Мы знаемъ, что уже въ древности Филистъ подвергался сильнымъ упрекамъ за свое «обезьянство» предъ Өукидидомъ: очень естественно, что онъ и въ этомъ случаѣ, не подумавъ и не провѣривъ, принялъ слова своего любимаго образца. 2) За то *Тимэй* — также туземный сицилійскій историкъ, «послѣ внимательнаго изслѣдованія» дѣлаетъ упрекъ легкомыслію Филиста, и неизвѣстными намъ, но очевидно очень убѣдительными (такими они показались Діодору Сицилійскому) доказательствами опровергаетъ это мнѣніе. Позднѣйшія свидѣтельства, конечно, имѣютъ уже весьма мало цѣны. Они нисколько не подтверждаютъ, а только по-

вторяютъ пущенное входъ (литературное) мнѣніе объ иберизмѣ сикановъ, заимствуя его то у Θукидида, то у Филиста. Во времена Діонисія и Павзанія не было никакихъ слѣдовъ отдѣльной сиканской народности на полуостровѣ.

Г. Соколовъ не принимаетъ все-таки свидѣтельства Θукидида и Филиста вполнѣ. Онъ не хочетъ — и вполнѣ правъ въ этомъ — допустить, чтобъ сиканы пробрались въ Сицилію изъ Испаніи, и при томъ спасаясь отъ лигуровъ; онъ старается спасти только иберизмъ сикановъ помимо ихъ прибытія изъ Иберіи. Въ какой степени такой пріемъ можетъ быть допущенъ исторической критикой — мы не будемъ говорить. Но во всякомъ случаѣ это ослабляетъ на половину силу доказательства, опирающагося на авторитетъ Θукидида. Въ противоположность литературному существовало народное преданіе, выражавшееся между прочимъ и въ народныхъ миѳахъ у сицилійскихъ грековъ, по которымъ Сиканъ былъ сынъ земли, сынъ одного изъ Циклоповъ и братъ Этны (у Сервія и въ схоліяхъ къ Θеокриту). Оно говорило, что сиканы «автохтоны, т. е. у нихъ не было никакихъ преданій и никакихъ признаковъ, чтобъ они переселились когда нибудь и откуда нибудь въ Сицилію. Г. Соколовъ думаетъ, что легко согласить это преданіе съ иберизмомъ сикановъ, подтвержденнымъ у Тимэя, если принять: «сиканы были иберійцы, и жили съ незапамятныхъ временъ въ Сициліи.» Мы не знаемъ, такъ ли это легко на самомъ дѣлѣ. У древнихъ оба мнѣнія высказываются какъ *противорѣчащія* одно другому, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что еслибъ кто нибудь изъ древнихъ могъ указать только на сходство языка между иберами Испаніи и сиканами, то это было бы принято какъ окончательное уничтоженіе ихъ автохтонизма. Туземные греки Сициліи, знакомые хорошо съ иберами настоящими, ни за что бы не согласились считать сикановъ автохтонами, замѣтивъ въ нихъ какое нибудь сходство, какой нибудь признакъ родства съ жителями Испаніи. Очевидно такихъ признаковъ не было. Точно также не вѣрно приводитъ авторъ свидѣтельство Эфора; вотъ, что сказано у Страбона: «изъ варваровъ Сициліи нѣкоторые были *туземцы*, а другіе приходили съ материка. До сихъ поръ оставались сикулы, *сиканы*, моргеты и нѣкоторые *другіе*, между коими (т. е. этими другими) были и иберы. Эфоръ говоритъ, что эти послѣдніе были по преданію первыми *поселенцами* изъ варваровъ.» Если что очевидно, такъ прежде всего то, что Страбонъ не считалъ ни сикуловъ, ни сикановъ иберами (Эфоръ, повидимому, тоже). Иберы въ Сициліи у него особенный отдѣлъ. Они даже названы поселенцами — такимъ греческимъ словомъ (οἰκιστής), которое обыкновенно означаетъ основателей колоній. Нѣтъ ничего похожаго на то, чтобъ сиканы были иберы и автохтоны въ одно время.

Всего лучше поступить съ сиканами такъ, какъ поступаютъ пори-

щаемые въ диссертаціи римскіе историки, т. е. считать ихъ за одно племя съ сикулами. 1) Это одно и тоже имя; 2) не сохранилось никакихъ слѣдовъ языка иберійскаго ни въ Италіи, ни въ Сициліи, не смотря на то, что сиканы оставались здѣсь тысячи лѣтъ. У В. Гумбольдта указывается нѣсколько словъ какъ будто иберійскихъ. Но В. Гумбольдтъ не думаетъ объ однихъ сиканахъ и одной Сициліи. Онъ отыскиваетъ слѣды иберійской расы по всей Италіи. Такъ далеко г. Соколовъ нейдетъ, и оказывается, что защищать спеціальный иберизмъ сикановъ гораздо труднѣе, чѣмъ кельтійское происхожденіе сикуловъ и сикановъ вмѣстѣ, какъ дѣлаютъ Гротефендъ, Клоцъ и др. Самъ Нибуръ, методу котораго слѣдуетъ диссертація, замѣчаетъ, что и тотъ, кто осторожно, даже боязливо дѣлаетъ выводы изъ сходства народныхъ названій, долженъ признать сикуловъ и сикановъ за одинъ народъ. А о немъ никакъ нельзя сказать, что греческая исторія или исторія Сициліи была для него вещь посторонняя; 3) римскіе историки обыкновенно принимаютъ за одинъ народъ и сикуловъ и сикановъ. Обходиться съ ними такъ легко, какъ это дѣлается въ диссертаціи, нельзя. На своей родной почвѣ они имѣютъ большой вѣсъ. Впрочемъ г. Соколовъ и не споритъ много съ ними. Онъ хочетъ, повидимому, сказать: въ Сициліи сикулы и сиканы могутъ быть одно и тоже, но въ Италіи — нѣтъ; 4) и греческіе писатели не такъ строго различаютъ «оба народа», какъ хочетъ представить диссертація. Тѣ мѣста, гдѣ говорится о приходѣ сикановъ изъ Иберіи, очевидно уже не должны идти въ разсчетъ. Посмотримъ другія мѣста даже у самого Ѳукидида. Оказывается, что въ исторіи сицилійскихъ походовъ упоминается всего *однажды* о сиканахъ: въ диссертаціи сказано, что Ѳукидидъ упоминаетъ о сикулахъ гораздо *чаще*, чѣмъ о другихъ туземцахъ. Замѣчательно притомъ, что тотъ самый городокъ (Иккары), который названъ и у Ѳукидида сиканскимъ — хотя у позднѣйшихъ, за то сицилійскихъ писателей (Нимфодора и Діодора) называется сикульскимъ. Въ другой разъ Ѳукидидъ «повидимому» смѣшиваетъ сикуловъ и сикановъ, хотя, натурально, г. Соколовъ вѣритъ этому не охотно. Указываются два мѣста, гдѣ Діодоръ различаетъ сикановъ отъ сикуловъ, но тутъ же приводится другое, гдѣ они смѣшиваются (стр. 109). Мѣсто это названо единственнымъ. Оно не единственное. Авторъ диссертаціи самъ въ другомъ мѣстѣ доказывалъ смѣшеніе сикановъ съ сикулами у того же Діодора (стр. 94. Діод. IV. 23). Что изъ этого можно вывести? 5) Элланикъ — древній и очень большой авторитетъ, если понять его какъ слѣдуетъ, считаетъ сикуловъ (авзоновъ) и сикановъ (у него элимовъ) за одно и тоже сикульское племя.

Что касается до троянской колоніи и миѳовъ, съ ней связанныхъ, то авторъ диссертаціи написалъ объ этомъ хотя много, но не успѣлъ стать на надлежащую точку зрѣнія. Онъ не замѣтилъ и не обратилъ

вниманія, что у него же самого главнымъ мотивомъ вездѣ является Афродита и ея храмы: кто бы ни былъ троянецъ, пришедшій въ Сицилію, а первое дѣло, которое онъ дѣлаетъ,—это построить храмъ Афродитѣ. Что это значитъ? Очевидно, миѳы о прибытіи троянцевъ придуманы для объясненія уже существовавшаго культа Афродиты, и ея храмовъ. А что этотъ культъ существовалъ въ той части Сициліи, гдѣ были сиканы — это очень хорошо извѣстно. Онъ былъ распространенъ по всѣмъ берегамъ и гаванямъ Средиземнаго моря вслѣдствіе финикійскихъ поселеній (Бёкъ — Метрологическія изслѣдованія, Дункеръ, Швеглеръ и т. д.). Что касается въ частности до ерикинской Афродиты или Венеры, то и самъ авторъ диссертаціи принимаетъ ее за финикійскую Астарту, и считаетъ въ другихъ мѣстахъ существованіе ея культа достаточнымъ указаніемъ на финикійское поселеніе (см. стр. 101 и 104). Почему же не обратилъ онъ вниманія на то, что финикійскія поселенія и культъ Астарты еще крѣпче привязываются къ сѣверозападному углу Сициліи? Миѳы о Геркулесѣ указываютъ на тоже самое. Не подлежитъ сомнѣнію, что Геркулесъ, возвращающійся съ стадами Геріона, есть финикійскій Мелькартъ. Для грековъ это былъ одинъ и тотъ же богъ.

Замѣчаніе автора о невозможности и непозволительности сравненія сикуловъ съ дикарями новозеландскими вполнѣ основательно. Жаль только, что онъ не болѣе, какъ мимоходомъ говоритъ о заимствованіи монетной системы греками у сикуловъ. Фактъ этотъ въ высшей степени важенъ. Извѣстно притомъ, что онъ можетъ быть объясняемъ и нѣсколько иначе. Моммсенъ въ своей исторіи производитъ греческо-сицилійскую монетную систему изъ сношеній грековъ съ Римомъ. Это объясненіе имѣетъ за себя то, что съ другой стороны и у римлянъ встрѣчаются дорійскія названія (т. е. очевидно сицилійскія) для монеты, для нѣкоторыхъ предметовъ торговли и культуры. (Ср. впрочемъ его же «Исторію римской монетной системы».)

Смѣлые моряки финикійскіе, оказавшіе такія услуги человѣчеству, въ первый разъ пробудившіе къ исторической жизни берега Средиземнаго моря, уже въ XII и XI столѣтіи до Р. Х. основавшіе свои колоніи въ Сициліи, Сардиніи и Африкѣ, до сихъ поръ оставившія свои памятники на островахъ названнаго моря (Кипрѣ, Мальтѣ, Гоццо) и громадное культурное значеніе этого народа заслуживали бы большаго вниманія и большей благосклонности, чѣмъ это замѣчается въ диссертаціи. Всю задачу свою въ отношеніи финикійскихъ поселеній въ Сициліи авторъ ограничиваетъ полемикой противъ Моверса, сопровождаемой притомъ странными пріемами. Мы согласны, что у Моверса могутъ быть односторонния и крайнія увлеченія въ пользу спеціальнаго предмета, которымъ онъ занятъ. Но въ сущности въ томъ вопросѣ, о которомъ идетъ дѣло въ диссертаціи, нѣмецкій ученый бо-

лѣе правъ, чѣмъ авторъ диссертаціи, хотя послѣдній выражается иногда очень сильно, и даже заподозриваетъ почтеннаго нѣмца въ томъ, что онъ считаетъ своею обязанностію служить «не истинѣ, а финикійскимъ интересамъ». «Финикійскіе интересы» вполнѣ зависятъ отъ одного мѣста у Ѳукидида. Намъ кажется, что г. Соколовъ (въ оправданіе его нужно прибавить — вслѣдъ за другими почти всѣми намъ извѣстными историками) невѣрно переводитъ именно тѣ слова Ѳукидида, на которыхъ основывается вся его полемика, и которыми онъ побиваетъ Моверса. Если это мѣсто понимать такъ, какъ мы его понимаемъ, то оно будетъ говорить въ пользу финикійскихъ интересовъ, въ пользу Моверса. «Финикіяне жили *вокругъ* всей Сициліи, занимая мысы, выдающіеся въ море, и островки, близкіе къ берегу, для того, чтобъ торговать съ сикулами. А когда *явились* въ большомъ числѣ греки, они оставили бо́льшую часть поселеній и удержались только въ Мотіи, Солоентѣ и Панормѣ близъ эллиновъ.» Такъ переводитъ г. Соколовъ, и на основаніи такого перевода не хочетъ допускать финикійскихъ поселеній болѣе, какъ *по однимъ берегамъ* (это на основаніи слова «вокругъ»), почти ругаясь за это съ Моверсомъ, который находитъ слѣды финикіянъ и внутри Сициліи; на основаніи словъ «когда *явились*», онъ вооружается противъ того, кто осмѣлится предполагать, что не при первомъ *появленіи* грековъ ушли финикіяне въ свой сѣв.-зап. уголъ Сициліи. Но такъ переводить не слѣдуетъ. Мы не можемъ здѣсь пускаться въ филологическія объясненія о значеніи того предлога, отъ котораго зависитъ быть или не быть финикіянамъ внутри Сициліи. Замѣтимъ только, что если переводить также другія мѣста у Геродота и у самого Ѳукидида, то, придется сказать напримѣръ, Ксерксъ, «провелъ много дней *кругомъ* Піеріи» (Герод. VII. 131 Ср. II. 63. IX. 31 и друг.), Камбизъ оставался долго «кругомъ Египта». Аѳинскіе корабли будутъ плавать *кругомъ* Локриды (Ѳукид. II. 26. Ср. I, 5, 14 и друг.). Точно также Ѳукидидъ не говоритъ, что какъ скоро явились греки, то финикіяне тотчасъ же оставили всѣ свои поселенія, кромѣ трехъ названныхъ городовъ: «когда *стали являться* въ большемъ количествѣ эллины, то (финикіяне), оставивъ большую часть своихъ поселеній, держались соединившись въ Мотіи, Солоентѣ и Панормѣ.» Вотъ что говоритъ на самомъ дѣлѣ Ѳукидидъ и отсюда вовсе нельзя заключать, что сейчасъ же, при первомъ появленіи грековъ, были оставлены финикійскія поселенія.

Въ третьей главѣ диссертаціи говорится о древнѣйшихъ сношеніяхъ грековъ съ Сициліею, и представляется изложеніе, очень подробное, миѳовъ, сюда относящихся. Главною цѣлью авторъ ставитъ себѣ доказать, что миѳическія земли Одиссеи, начиная со страны лотофаговъ и кончая Схеріею, существовали только въ воображеніи Гомера. Это общепринятое мнѣніе въ настоящее время, и останавливаться на

немъ намъ нѣтъ нужды. Но — и это главное, зачѣмъ опускаются изъ виду малоазіатскіе греки? Они предшествовали жителямъ собственной Греціи на моряхъ, въ смѣлыхъ торговыхъ предпріятіяхъ. Имъ принадлежитъ основаніе Кумы, которую и Өукидидъ очевидно считаетъ древнѣйшимъ поселеніемъ въ западномъ бассейнѣ Средиземнаго моря. Они дали названіе Іонійскаго моря, которое осталось потомъ за водами Средиземнаго моря между Эпиромъ и Сициліей. На Малую Азію указываетъ также монетная и вѣсовая система древнѣйшихъ поселеній въ Италіи. Исторія алфавита въ Италіи приводитъ къ такимъ результатамъ, что, по мнѣнію Моммсена, начало письма въ Лаціумѣ ближе къ началу египетскаго лѣтосчисленія (къ 1322 году), чѣмъ къ первой олимпіадѣ. А онъ принятъ Италіей отъ грековъ. Наконецъ и самые источники называютъ фокейцевъ, какъ первыхъ грековъ, поселившихся въ Сициліи (Өукидидъ). Если географическій горизонтъ Гомера не простирается далѣе восточнаго бассейна Средиземнаго моря, если о странахъ, лежащихъ на западѣ, онъ имѣетъ только смутное представленіе, и свободно населяетъ ихъ всякими чудовищами и сказочными существами, то еще вопросъ, какія данныя подлежатъ большему сомнѣнію: тѣ, которыя указываютъ на незапамятную древность сношеній между греками и Италіей (съ Сициліей), или тѣ, на основаніи коихъ происхожденіе гомеровыхъ поэмъ относятъ къ половинѣ IX вѣка — къ 850 году, только за сто лѣтъ до появленія греческихъ колоній въ Сициліи? — Если авторъ нами разбираемой книги хочетъ увѣрить насъ, что даже въ VII вѣкѣ греки не знали, гдѣ находится Ливія (Африка), то мы думаемъ, что, вѣря вполнѣ разсказу жителей острова Өиры, онъ показываетъ бо́льшую довѣрчивость и наивность, чѣмъ самъ Геродотъ. По разсказу өирейцевъ дѣйствительно выходитъ, что имъ была неизвѣстна Ливія, но Геродотъ, съ «неподражаемою» прелестью передавшій этотъ разсказъ, очевидно не очень ему довѣряетъ, и вслѣдъ за нимъ приводитъ, какъ передавали исторію своего поселенія сами киринейцы (объ основаніи ихъ колоніи идетъ здѣсь дѣло), и здѣсь уже не видно, чтобъ Ливія была неизвѣстна, скорѣе напротивъ. Притомъ и въ разсказѣ өирейцевъ являются купцы самосскіе, плывущіе въ Испанію (Тартессъ), и очевидно не въ первый разъ, потому что Иберію и Тартессъ *открыли* фокейцы (Герод. I. 168) еще около 700 года (см. у Дункера III, стр. 496).

Четвертая глава, гдѣ говорится о колонизаціи Сициліи греками, написана несравненно лучше, чѣмъ двѣ предъидущія. Мы оставляемъ въ сторонѣ всѣ частныя замѣчанія, которыя можно было бы сдѣлать на нее, и особенно на пятую—послѣднюю, трактующую уже о самыхъ мелкихъ спеціальностяхъ сикульскаго культа. Мы ограничимся изъявленіемъ полнаго несогласія только съ основнымъ, общимъ убѣжденіемъ автора, уже высказаннымъ ранѣе (см. стр. 99), что греки при

своей колонизаціи истребляли туземныхъ жителей или обращали ихъ въ рабство, что никакихъ сикульскихъ элементовъ въ крови и характерѣ сицилійскихъ грековъ находить нельзя, что называть поэтому сикеліотовъ смѣшаннымъ племенемъ не слѣдуетъ (какъ дѣлаетъ Гротъ).

Греки одинъ изъ самыхъ экспансивныхъ народовъ, какихъ только знаетъ исторія. Всемірная исторія не можетъ представить ничего подобнаго той быстротѣ, съ какой умножались и развивались греческія колоніи. Въ короткое сравнительно время была колонизирована Малая Азія, берега Чернаго моря, Сицилія, Италія, сѣверный берегъ Африки; греческія поселенія являются въ Испаніи и южной Галліи. Едва кончилось это движеніе, начинается новое, въ размѣрахъ не менѣе громадныхъ, особенно по своимъ послѣдствіямъ. Въ столѣтіе между сраженіемъ при Иссѣ и второй пунической войной была колонизирована и эллинизирована большая часть Азіи. Сирія сдѣлалась греческой страной, равнымъ образомъ земли по Тигру и Евфрату; изъ Египта греческая цивилизація проникла въ нынѣшнюю Абиссинію—и такъ глубоко, что въ состояніи была удержаться здѣсь со временъ христіанскихъ, и потомъ выдерживать борьбу съ арабской цивилизаціей; греческія поселенія появились въ отдаленной Индіи и держались здѣсь столѣтія послѣ Александра.

Способность и искусство ассимилировать себѣ чуждые элементы принадлежали греческому племени несравненно въ высшей степени, чѣмъ, напримѣръ, нынѣшнимъ англичанамъ, и даже, пожалуй, древнимъ римлянамъ. Ужели это искусство состояло въ томъ, чтобы избивать туземцевъ или обращать ихъ въ рабство?

Быстрый ростъ и пышный цвѣтъ греческихъ колоній объясняется, конечно, той полной свободой, которую тотчасъ же получали колоніи. Греки никогда не думали, что колонія существуетъ ради метрополіи; ни одинъ аѳинскій или коринѳскій гражданинъ не имѣлъ подобнаго взгляда, на который указываютъ извѣстныя слова лорда Чатама предъ началомъ американской войны: «нѣтъ такого бѣднаго нищаго на улицахъ Лондона, который бы не говорилъ: *наши* американскіе подданные.»

Греческая колонія немедленно становилась свободнымъ, живымъ, самостоятельнымъ организмомъ.

Но это, мы думаемъ, не все. Мы думаемъ, что отношенія греческихъ колонистовъ въ большинствѣ случаевъ были дружелюбны къ туземному населенію, что это послѣднее входило въ составъ политій, основанныхъ греками, что, напримѣръ, «въ демосѣ» Сиракузъ и Акраганта было довольно сикульской крови. Мы не можемъ себѣ представить, чтобъ греки пролили такъ много крови, какъ хочетъ возложить на нихъ вмѣстѣ съ другими авторъ диссертаціи. Нужно только

припомнить, что одно время съ колонизаціей Сициліи шла колонизація Италіи, сѣвернаго берега Африки (Киренаики), основана Массилія, занятъ Тартессъ.

Единственный фактическій примѣръ для доказательства своего положенія авторъ диссертаціи беретъ у Нибура: это разсказъ Геродота о томъ, что аѳиняне, переселявшіеся въ Малую Азію, перебили карійцевъ и взяли себѣ ихъ женъ. Первое, т. е. избіеніе, считаетъ онъ общимъ правиломъ, а второе—исключеніемъ: онъ думаетъ, что греки большею частію приходили съ семействами, «склоненъ думать, что основатели Накса, Сиракузъ привезли съ собой женъ и дочерей.»

Едва ли это такъ: въ Киренѣ мы увидимъ противное. Притомъ, самъ Геродотъ, замѣчающій, что «было бы великой глупостью» считать іонянъ Малой Азіи особенно чистокровнымъ народомъ, указываетъ и на другія варварскіе или полу-варварскіе элементы среди ихъ — помимо эллинскаго (CI. 156).

Въ исторіи колонизаціи самой Сициліи встрѣчаются примѣры дружелюбныхъ сдѣлокъ греческихъ пришельцевъ съ туземцами. Князь одной сикульской общины соединяется съ мегарцами, и подъ его предводительствомъ основана Мегара-Гибла (Ѳукид. VI, 4). Ѳеоклъ заключилъ первоначально условіе составить съ сикулами *одну общину* въ Леонтинахъ, и считалъ долгомъ свято хранить это условіе. Если оно было потомъ нарушено, то это ничего особеннаго не доказываетъ. Разсказъ, сохраненный Поливіемъ (XII, 6), точно также служитъ доказательствомъ возможности сдѣлокъ пришельцовъ съ туземцами, для того, чтобъ жить вмѣстѣ. Локрійцы тоже нарушили условіе, на томъ основаніи, которое приведено у Поливія. Очень понятно, что такіе интересные случаи нарушенія клятвъ сохранились и дошли до насъ. Но не всегда же греки при условіяхъ съ сикулами клали землю въ обувь, и головки чесноку на плеча.

Припомнимъ еще одинъ примѣръ, относящійся къ этому же періоду. Повелитель варварскихъ племенъ въ Испаніи около Кадикса, познакомившись съ греками, самъ приглашаетъ ихъ поселиться въ своей сторонѣ (Герод. I, 163). Но самымъ нагляднымъ и лучшимъ образчикомъ хода греческой колонизаціи можетъ служить разсказъ Геродота о первоначальной исторіи Кирены. Мы видимъ здѣсь, что первоначально отправляется въ Ливію очень небольшое число поселенцевъ: у Геродота оно было обозначено, но, къ несчастію, выпало въ рукописяхъ. Впрочемъ, приблизительно опредѣлить его можно на основаніи двухъ пятидесятивесельныхъ судовъ, перевезшихъ колонистовъ. Каждое изъ нихъ долно было помѣщать въ себѣ около 80 человѣкъ (Герод. VII, 184). Эти приблизительно 160 человѣкъ избраны были по жребію изъ всѣхъ частей полуострова, и притомъ такъ, что изъ *двухъ взрослыхъ* братьевъ отправлялся одинъ, слѣдовательно, оди-

ночки оставались дома, а женщинъ, повидимому, совсѣмъ не было. Женились первые, да и послѣдующіе колонисты, очевидно, на туземныхъ жительницахъ. Это видно уже изъ тѣхъ особыхъ обычаевъ, которые, по Геродоту, существовали у женъ киринейскихъ (IV, 186). Пришедши въ незначительномъ числѣ, поселенцы естественно должны были жить въ мирѣ съ туземными ливійскими народцами: и на это есть положительныя указанія (разсказъ о томъ, какъ эти послѣдніе переманили грековъ съ первоначальнаго мѣста ихъ поселенія на другое, гдѣ будто бы было лучше). Только послѣ прибытія новыхъ поселенцевъ, для которыхъ были отняты земли у туземцевъ, послѣдніе сдѣлали попытку возстанія неудачную. Но за то при третьемъ правителѣ колоніи — снова признаки близкихъ отношеній между греками и туземцами. Братья царя, поссорившись съ нимъ, уходятъ и основываютъ городъ Барку при *помощи ливійцевъ*, которыхъ они убѣдили отложиться отъ царя, своего брата. Отсюда война между обѣими сторонами. Въ одномъ сраженіи у киринейцевъ пало семь тысячъ оплитовъ: число это такъ велико, что едва ли въ войскѣ (даже между оплитами, т. е. обыкновенно полноправными, зажиточными гражданами) можно видѣть только настоящихъ природныхъ грековъ. Несогласія, начавшіяся послѣ этого въ самой колоніи, были кончены введеніемъ новаго устройства, по которому вся община раздѣлена на три филы, и первая изъ нихъ состоитъ изъ ѳирэйцевъ и періиковъ, т. е. безъ всякого сомнѣнія туземцевъ (вторая заключаетъ въ себѣ пелопоннесцевъ и критянъ, третья всѣхъ переселенцевъ съ островов). Самыя имена царей Кирены чисто туземныя: Баттъ, Алазиръ или Аладдиръ.

Прибавимъ еще одно соображеніе: огромныя цифры населенія въ греческихъ колоніяхъ Италіи и Сициліи вовсе не говорятъ въ пользу исключительности греческихъ поселенцевъ. Уже въ 409 году Селинунтъ имѣетъ до 25 тысячъ жителей (Діодоръ XIII, 57, 580. Ср. Дункеръ IV, 546). Въ половинѣ шестого столѣтія, Сибарисъ имѣетъ ихъ сто тысячъ и пять тысячъ всадниковъ, между тѣмъ какъ въ самое цвѣтущее время Аѳины имѣли ихъ не болѣе 1,200 (Дунк. IV, 549). Объ Акрагантѣ и Кротонѣ см. у Нибура, который предполагаетъ, по этому, что многіе италики пріобрѣтали право гражданства.

Вопросъ о характерѣ и значеніи греческой колонизаціи, безспорно, одинъ изъ самыхъ любопытныхъ, и его интерессъ увеличивается для насъ тѣмъ болѣе, что въ своей отечественной исторіи мы можемъ сказать, что русскому человѣку пришлось оказать не менѣе важную услугу человѣчеству тѣмъ же даромъ колонизаціи, которымъ отличались греки, и подарить человѣчеству массу новыхъ людей; наши предки на сѣверовостокѣ встрѣтили такихъ же сикуловъ и циклоповъ, съ какими встрѣчались эллины на югозападѣ Европы, и, дѣлая изъ нихъ грековъ, дѣлали въ то же время людей.

Сочиненіе г. Георгіевскаго, какъ мы замѣтили, относится къ той же области изслѣдованій, какъ и диссертація г. Соколова. Вопросъ также этнографическій, а именно, откуда ведутъ свое происхожденіе нынѣшніе французы?

Г. Георгіевскій начинаетъ съ указанія на извѣстную теорію Гизо, который, въ своей «Исторіи цивилизаціи во Франціи», останавливается на анализѣ римской и германской образованности, и тамъ ищетъ ключъ къ объясненію дальнѣйшей судьбы французской націи. Несоглашаясь съ этимъ мнѣніемъ, авторъ приводитъ то мѣсто у новѣйшаго писателя Токвилля (L'ancien regime et la Révolution), гдѣ онъ представляетъ характеристику современныхъ намъ французовъ. «Это—народъ, говоритъ Токвилль, болѣе привязанный къ своему дому и къ своимъ привычкамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе способный все измѣнять и идти на край свѣта, коль скоро онъ вышелъ изъ обычной своей колеи, непокорный по самой своей натурѣ и уживающійся съ произвольнымъ и насильственнымъ правленіемъ одного лица гораздо охотнѣе, чѣмъ съ разумнымъ и свободнымъ правленіемъ лучшихъ гражданъ, никогда не свободный на столько, чтобы нельзя было поработить его, и никогда не порабощаемый такъ, чтобъ онъ не могъ свергнуть съ себя иго, не знающій границы ни въ рабствѣ, ни въ свободѣ, легко водимый на ниточкѣ и неудобоуправляемый, какъ только поданъ ему примѣръ сопротивленія власти, годный на все, но стоящій на высшей степени совершенства только въ военномъ дѣлѣ, — народъ, болѣе преклоняющійся предъ случаемъ, предъ силой, предъ успѣхомъ и блескомъ, чѣмъ предъ истинною славой, болѣе способный къ героизму, чѣмъ къ добродѣтели, къ геніальности, чѣмъ къ здравомыслію, къ составленію колоссальныхъ замысловъ, чѣмъ къ совершенію великихъ предпріятій: самая блестящая и самая опасная нація въ Европѣ, попеременно возбуждающая къ себѣ удивленіе, ненависть, жалость, страхъ, но никогда не равнодушіе.»

Сравнивая слова Токвилля съ древнѣйшими показаніями перваго римскаго писателя, оставившаго обстоятельное описаніе нравовъ и быта галловъ, а именно, Юлія Цезаря, авторъ приходитъ къ заключенію, совершенно справедливому, противъ котораго ничего не говоритъ и Гизо, что нынѣшніе французы суть ни что иное, какъ потомки галловъ. Выводъ не новъ; эта самая идея заключена и въ народномъ сознаніи французовъ, какъ оно выражается въ ихъ эмблемѣ, гальскомъ пѣтухѣ. Въ послѣднее время, правда, на этомъ родствѣ галловъ съ французами, начали особенно настаивать всѣ изслѣдователи, и въ только что вышедшемъ второмъ томѣ «Исторіи Юлія Цезаря» Наполеона III, первая половина котораго посвящена исключительно Галліи и ея описанію географическому и этнографическому, авторъ

съ первыхъ словъ рисуетъ картину галловъ, которая не требуетъ дальнѣйшихъ объясненій:

«Бываютъ народы, существованіе которыхъ обнаруживается въ прошедшемъ не иначе какъ нѣсколькими блистательными появленіями — неопровержимое доказательство нѣкоторой энергіи, остававшейся до того времени неизвѣстною. Въ промежуткахъ, мракъ окутываетъ ихъ исторію, и съ ними случается, какъ съ тѣми волканами, долгое время молчаливыми, и которые были бы сочтены потухшими, если бы, по временамъ, изверженія не являлись свидѣтельствовать объ огнѣ, который тлѣетъ въ ихъ груди. Таковы были галлы.»

Но г. Георгіевскій впадаетъ въ совершенное преувеличеніе, утверждая, какъ бы въ противоположность Гизо, что для надлежащаго понятія исторіи Франціи, «надлежитъ долгое время сидѣть у ихъ колыбели; но *истинною* колыбелью французскаго народа оказывается міръ древнихъ галловъ, до покоренія ихъ Юліемъ Цезаремъ.»

Мы упрекнули бы при этомъ автора, вопервыхъ, въ томъ, что онъ, какъ и г. Соколовъ, во многихъ случаяхъ, для рѣшенія этнографическихъ вопросовъ, слѣдовалъ методу ненадежному, ведущему свое начало изъ эпохи, когда не было другихъ средствъ, какъ только сравнивать описанія нравовъ, обычаевъ, и на основаніи сходства дѣлать заключенія; между тѣмъ какъ одна филологія можетъ съ большею достовѣрностью рѣшать всѣ подобные вопросы; во вторыхъ, самое сходство, приводимое авторомъ, нравовъ и быта галловъ и французовъ, или весьма обще, или весьма несправедливо: нигдѣ не былъ развитъ до такой степени духъ партикуляризма, какъ въ древней Галліи, и ничто такъ не противно нравамъ новѣйшихъ французовъ, какъ духъ партикуляризма. Но самая важная ошибка, по нашему мнѣнію, въ трудѣ г. Георгіевскаго, состоитъ въ томъ, что, говоря о какомъ-то общемъ характерѣ галловъ и общемъ характерѣ французовъ, онъ совершенно упустилъ изъ виду, что между населеніемъ юга Галліи и населеніемъ сѣвера Галліи было огромное различіе еще во времена Цезаря, и оно не изгладилось до сихъ поръ, что, слѣдовательно, и сами галлы, такъ сказать, не походили на себя и представляли большое различіе въ своемъ бытѣ и нравахъ, смотря по мѣстности въ которой жили.

Такова основная идея труда г. Георгіевскаго. Мы не раздѣляемъ ее безусловно съ авторомъ, но должны отдать всю справедливость самому изложенію дѣла, гдѣ онъ описываетъ весьма обстоятельно, пользуясь результатами новѣйшихъ изслѣдованій, религіозныя вѣрованія галловъ, ихъ бытъ семейный, общественный и политическій, съ присоединеніемъ очерка исторіи Галліи до Цезаря и самыхъ войнъ съ Цезаремъ; въ заключеніе излагается судьба Галліи подъ римскимъ владычествомъ. Этотъ послѣдній отдѣлъ имѣетъ цѣлью доказать, что

Галлія, не смотря на господство римлянъ, сохранила всю свою національность, и именно вслѣдствіе того во Франціи выработался феодализмъ и рыцарство. Намъ кажется, какъ ни старъ взглядъ Ж. Б. Вико на происхожденіе феодализма, но онъ и до сихъ поръ не долженъ быть упускаемъ изъ виду, а именно, что корни феодализма лежатъ, такъ сказать, въ общей природѣ всѣхъ человѣческихъ обществъ, и потому напрасно искать его корня въ какой нибудь одной національности.

Говоря о войнахъ Цезаря въ Галліи, авторъ долженъ былъ коснуться военной стороны этого дѣла, описывать осады, средства въ оборонѣ и т. п. Замѣтимъ мимоходомъ, что въ подробностяхъ ему приходилось часто быть не точнымъ въ подобныхъ описаніяхъ; такъ, на стр. 446, при осадѣ Аварика, говорится, что осажденные *зажгли насыпь*, возведенную римлянами; слово *насыпь* показываетъ, что дѣйствіе огня не могло бы имѣть вліянія, откуда бы онъ ни былъ подложенъ, сверху, или снизу; то, что было подожжено галлами, составляло отчасти деревянную постройку, шириною въ 300 футъ и высотою въ 80, что нельзя назвать *насыпью*; притомъ римляне соорудили эту террасу въ 25 дней, а въ такое короткое время было бы невозможно сдѣлать подобную насыпь. Есть нѣкоторыя и географическія неточности: такъ, вездѣ говорится о рѣчкахъ *Лозъ* и Озеренъ, между тѣмъ какъ онѣ называются *Озъ* и Озеренъ. При осадѣ Алезіи, самомъ громкомъ событіи изъ войнъ Цезаря съ Галліею, авторъ, желая, вѣроятно, поддержать свою теорію о происхожденіи рыцарства изъ гальскихъ нравовъ, говоритъ, что Верцингеториксъ, сдавшись римлянамъ добровольно, поступилъ великодушно, но неблагоразумно, и пользуется замѣчаніемъ Моммсена, что вождь галловъ явился тутъ *рыцаремъ*, а не политическимъ дѣятелемъ. Вообще, сдаваться непріятелю не составляетъ отличительной черты рыцарства, но кромѣ того Діонъ-Кассій не оставляетъ мѣста никакимъ догадкамъ по этому случаю, и говоритъ прямо, что «Верцингеториксъ, не будучи ни взятъ, ни раненъ, могъ бѣжать, но сдался проконсулу въ надеждѣ, что прежняя его дружба съ Цезаремъ доставитъ ему прощеніе.» Въ такой надеждѣ нѣтъ уже ничего рыцарскаго.

Къ сочиненіямъ оригинальнымъ ближайшаго къ намъ времени мы должны наконецъ отнести еще двѣ монографіи, одна изъ исторіи Италіи, и другая философскаго содержанія:

Н. Осокина: *Саванарола и Флоренція.* Казань. 1865.

Она явилась еще въ 1863 г. въ Ученыхъ Запискахъ Казанскаго университета, и предъ нами теперь ея второе изданіе отдѣльной книгой. Авторъ избралъ весьма важный моментъ и въ жизни Италіи и въ жизни всего образованнаго человѣчества, а именно, реформацію.

Мы привыкли считать реформацію преимущественно принадлежностью Германіи; но настоящая ея родина — Италія. Къ сожалѣнію, авторъ не довольно еще ясно выражаетъ эту мысль во II главѣ, гдѣ представлено духовное настроеніе Италіи при появленіи Саванаролы; мы даже не нашли ничего о такъ называемой «Ораторіи божественной любви,» которая въ Италіи высказала впервые положительныя реформаціонныя идеи. Потому авторъ долженъ былъ ограничиться одною мыслью о причинахъ реформаціи, а именно, развратомъ католическаго духовенства; но отчего же реформація не остановилась при преемникахъ Льва X, когда римскихъ папъ нельзя было упрекать въ томъ, въ чемъ упрекали Александра VI? Очевидно, причины реформаціи лежали гораздо глубже, и она не могла бы остановиться отъ личнаго исправленія папъ. Самая біографія Саванаролы выполнена авторомъ весьма удачно и картинно; особенно хорошо изложено отношеніе Савонаролы къ папѣ Александру VI до 1497. Въ началѣ монографіи приводится весьма основательно критика прежнихъ сочиненій по этому предмету, какъ старыхъ, такъ и новыхъ. Хотя нельзя не замѣтить, что нашъ авторъ обошелся очень легко съ такимъ произведеніемъ какъ извѣстный трудъ Перрана, по тому же самому предмету, и даже, говоря о его «поклонникахъ», отозвался словами: «въ родѣ Rigault.» Покойный Риго былъ одинъ изъ самыхъ даровитѣйшихъ ученыхъ нашего времени и безспорно лучшій профессоръ въ Collège de France; если бы мы жили въ XVI вѣкѣ, то іезуиты ему, безъ сомнѣнія, приготовили бы участь Саванаролы, но онъ отдѣлался однимъ удаленіемъ изъ Collège de France; ироническая замѣтка автора даетъ невѣрное понятіе о Риго!

В. Герье, *Очеркъ развитія исторической науки.* Москва. 1866.

Авторъ издалъ подъ этимъ заглавіемъ свое введеніе въ курсъ всеобщей исторіи, которымъ онъ открылъ въ прошедшемъ году свой профессорскій карьеръ, хотя, судя по предварительной разработкѣ, которой долженъ былъ требовать столь важный предметъ, справедливѣе было бы сказать, что авторъ на своихъ первыхъ лекціяхъ прочелъ давно и много обдуманный имъ трудъ. Нашей исторической литературѣ давно недоставало [1]) какой нибудь руководительной нити для того, кто хотѣлъ бы имѣть предъ собою общій обзоръ главныхъ фактовъ философіи исторіи. Съ первыхъ словъ авторъ высказалъ мысль, положенную имъ въ основаніе, и которая должна ручаться за безпри-

---

[1]) Сочиненіе М. Стасюлевича: «Опытъ историческаго изложенія главныхъ системъ философіи исторіи» (Спб. 1866), явилось въ свѣтъ почти единовременно съ трудомъ г. Герье о томъ же предметѣ.

страстіе въ изложеніи столь разнообразныхъ и противорѣчащихъ теорій философіи исторіи.

«Для тѣхъ, которые хотятъ заниматься исторіей, говоритъ онъ, особенно важно знакомство съ судьбами этой науки. Изъ этого знакомства они почерпнутъ единственно вѣрный методъ, пригодный для этой науки, то есть *историческій*, и ту обширность взгляда, безпристрастность и внимательность къ чужимъ мнѣніямъ и идеямъ, безъ которыхъ не слѣдуетъ приступать къ изученію прошедшаго. *То, что мы склонны называть ложными взглядами на исторію, никогда не было случайнымъ явленіемъ, и въ самыхъ этихъ заблужденіяхъ мы можемъ найти разумную связь и послѣдовательность.* Каждой эпохѣ въ жизни человѣчества свойственъ особенный взглядъ на исторію; каждая эпоха приступала къ изученію исторіи съ особенными задачами и вопросами; и такъ какъ въ этихъ случаяхъ мѣриломъ истины служитъ внутреннее убѣжденіе, то каждая эпоха удовлетворялась различными отвѣтами.»

Мы полагаемъ съ своей стороны, что именно только съ такими воззрѣніями можно приступать къ изученію судьбы исторической науки, попытку которой — подвести подъ общія формы все разнообразіе совершившагося и открыть однообразные законы различныхъ по времени и мѣсту историческихъ явленій, мы называемъ философіею исторіи.

Самый очеркъ г. Геррье начинается съ римской эпохи: «понятіе о всеобщей исторіи человѣчества въ первый разъ возникло у римлянъ.» Это убѣжденіе заставило автора отложить въ сторону всѣ оріентальныя воззрѣнія на міръ, и въ особенности еврейскія воззрѣнія, которыя такъ сильно воздѣйствовали путемъ религіи на міросозерцаніе новѣйшихъ народовъ.

Въ нѣсколькихъ словахъ авторъ очерчиваетъ главнѣйшія историческія системы римской языческой и древней христіанской эпохи. Не долго останавливается онъ и на средневѣковыхъ формахъ историческихъ воззрѣній, заключившихся дивнымъ поэтическимъ произведеніемъ Данте и католическою философіею Боссюэта.

Съ XVI вѣка, по системѣ г. Геррье, историческія идеи начинаютъ прокладывать себѣ новую дорогу, подъ вліяніемъ политики и наукъ о государствѣ съ одной стороны, и съ другой — подъ вліяніемъ философіи. На первомъ поприщѣ оказали услугу исторической наукѣ Макіавелли, Болингброкъ, въ особенности же французскій юристъ XVI вѣка Боденъ и затмившій его имя Монтескье. Философія обнаружила свое воздѣйствіе на историческія убѣжденія новаго времени въ лицѣ Бэкона, Ж. Б. Вико, на которомъ авторъ къ сожалѣнію останавливается далеко не пропорціонально къ оказаннымъ имъ услугамъ философіи исторіи, и Гердеръ, система котораго изложена весьма обстоятельно и

довольно подробно. Таково содержаніе двухъ первыхъ главъ сочиненія г. Геррье.

Третья глава посвящена исключительно тремъ великимъ дѣятелямъ вообще человѣческой мысли, а именно Канту, Шеллингу и Гегелю.

Въ заключеніе своего труда, авторъ останавливается на разсужденіи о вліяніи, которое могли имѣть различныя системы философіи исторіи вообще на историческую науку. Этотъ трудный и, можно сказать, щекотливый вопросъ, авторъ, по нашему мнѣнію, рѣшилъ весьма счастливо, хотя, кажется, въ дальнѣйшемъ изложеніи, онъ самъ измѣнилъ своему взгляду.

«Чтобы быть справедливымъ въ обсужденіи этого вопроса, говоритъ авторъ, нужно различить *непосредственное* ея вліяніе отъ *косвеннаго* (если мы не ошибаемся, авторъ хотѣлъ сказать: употребленіе отъ злоупотребленія). Непосредственное вліяніе философіи на исторію было вредное, и причину этого не трудно объяснить. Вездѣ, гдѣ, какъ въ искусствѣ или въ философіи, требуются особенныя личныя способности, извѣстное творчество, которое не можетъ быть передано другимъ, подражаніе дѣйствуетъ вредно. Ученики перенимаютъ одни манеры учителя, извѣстные внѣшніе пріемы его, а то, чтó давало ему характеръ оригинальности или стояло въ связи съ другими лучшими свойствами его, у нихъ становится преобладающимъ недостаткомъ.» Ничто не можетъ быть справедливѣе этихъ словъ; авторъ снимаетъ всю отвѣтственность съ Шеллинга за безобразіе его послѣдователей, но не примѣняетъ того же, напр., къ Бёклю.

Мы считаемъ вообще всю эту четвертую главу лучшимъ мѣстомъ во всемъ трудѣ г. Геррье, по умѣнью автора въ одномъ широкомъ взглядѣ обозрѣть всѣ современныя намъ историческія школы и главныхъ ихъ представителей, въ ихъ связи съ различными системами философіи исторіи.

Пятая и послѣдняя глава посвящена исключительно вопросу о попыткѣ возвести исторію на степень положительной науки. Въ краткомъ очеркѣ указавъ на стремленія къ тому Канта и Огюста Конта, авторъ останавливается на главномъ и современномъ намъ представителѣ этого стремленія, а именно на Бёклѣ. Отступая отъ принятаго имъ правила, авторъ, повидимому, возражаетъ противъ Бёкля, имѣя въ виду тѣ заключенія, которыя были выведены его послѣдователями, не употребившими на то столько труда, сколько употребилъ Бёкль для составленія своей системы. Иначе, онъ не отнесъ бы сочиненія Бёкля къ *тенденціознымъ* произведеніямъ. Этого мало сказать о произведеніяхъ, на которыя полагается цѣлая жизнь человѣка. Несравненно вѣрнѣе другое замѣчаніе Геррье, которое онъ приводитъ къ концу своего сочиненія, а именно, что «въ свои мечтанія о прошед-

шемъ и о будущемъ люди всегда вносили свои современныя потребности.» Это обстоятельство снимаетъ значительную долю отвѣтственности съ тѣхъ, которые, хотя и заблуждались, но тѣмъ не менѣе старались отвѣчать на нужды и потребности своихъ современниковъ.

Особенно пріятно намъ привести здѣсь тѣ слова, гдѣ г. Геррье, въ противоположность многимъ занимающимся у насъ исторіею, не считаетъ провѣрку и критику историческаго матеріала альфой и омегой для историка.

«Историкъ, говоритъ онъ, не можетъ ограничиться работой надъ историческимъ матеріаломъ, онъ долженъ къ этому присоединить работу надъ самимъ собою, тщательное воспитаніе самого себя. Исторія въ этомъ отношеніи предъявляетъ совершенно другія требованія, чѣмъ остальныя науки. Отвлеченныя истины математики не могутъ пострадать, если за изслѣдованія ихъ берется грубая и мало развитая натура. Но только многосторонняя и чуткая ко всѣмъ благороднымъ потребностямъ человѣчества натура способна понять исторію съ ея разнообразными цѣлями, и только глубоко нравственная и художественно развитая личность достойна истолковывать и объяснять величественные образы прошедшаго. То, что здѣсь сказано объ историкахъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, относится въ извѣстной мѣрѣ ко всѣмъ занимающимся исторіей. Не въ популярныхъ изложеніяхъ естественныхъ наукъ должны они искать ключа къ разумѣнію исторіи; для успѣховъ исторической науки необходимы два условія— знакомство съ историческимъ матеріаломъ и собственное развитіе. Первое возможно только при надлежащей подготовкѣ, при добросовѣстномъ трудѣ и тщательномъ изученіи источниковъ, главнымъ же средствомъ для достиженія второго должно служить изученіе философіи и искусства.»

Намъ остается пожелать, чтобы въ истинѣ этого увѣрились и тѣ, которые въ исторіи не видятъ ничего другого, кромѣ безконечной разработки матеріаловъ, и условія успѣха принимаютъ за самый успѣхъ.—

Для полноты нашего обзора оригинальныхъ произведеній, явившихся въ послѣднее время время на русскомъ языкѣ, мы помѣстимъ въ заключеніе:

Разсказы о великихъ людяхъ среднихъ и новыхъ временъ. Изд. П. А. Гайдебурова. Спб. 1866.

Авторъ, какъ показываетъ заглавіе, имѣлъ въ виду разсказывать, а не изслѣдовать, и разсказывать «о нѣсколькихъ великихъ людяхъ среднихъ и новыхъ временъ,» съ тѣмъ, чтобы исторіею ихъ личной судьбы привести доказательства изъ прошедшаго, что «чѣмъ невѣжественнѣе было время, тѣмъ больше великіе умы опережали своихъ

современниковъ, тѣмъ жесточе были преслѣдованія и пытки, тѣмъ торжественнѣе они совершались. Чѣмъ просвѣщеннѣе дѣлаются люди, тѣмъ мягче становятся преслѣдованія; великимъ людямъ стараются вредить изъ-за угла, клеветой, заговоромъ, наемнымъ убійцей; тѣмъ сильнѣе въ народѣ становится сочувствіе къ нимъ...»

Трудъ автора можно судить только съ точки зрѣнія выбора лицъ, сдѣланнаго имъ для подтвержденія своей мысли: Абеларъ, Дантъ, Гуссъ, Колумбъ, Рамусъ, Дж. Бруно, Галилей, Вашингтонъ, Петръ Беранже, Авраамъ Линкольнъ. Приведенныя біографіи авторомъ сами доказываютъ, что его выборомъ лицъ болѣе руководилъ случай, или иначе нельзя понять, какимъ образомъ Беранже, имѣвшій, конечно, нѣкоторыя непріятности за свои пѣсни, могъ бы итти рядомъ съ Іоанномъ Гуссомъ, сожженнымъ на кострѣ.—

Намъ остается теперь прослѣдить за историческими самостоятельными изслѣдованіями по всеобщей исторіи, помѣщенными въ нашихъ періодическихъ ученыхъ и литературныхъ изданіяхъ. Здѣсь мы встрѣтимся съ тою же бѣдностью, какъ и въ книжной литературѣ.

Записки *Императорской академіи наукъ.* 1865. 2 т. въ 4 кн.

Въ этомъ спеціально-ученомъ изданіи мы находимъ для себя всего двѣ статьи; хотя ихъ нельзя назвать историческими, въ полномъ смыслѣ этого слова, но онѣ касаются вспомогательныхъ отдѣловъ исторической науки: филологіи и хронологіи.

А. Шлейхеръ помѣстилъ въ 1-й кн. VIII тома: *«Краткій очеркъ доисторической жизни сѣверовосточнаго отдѣла индогерманскихъ языковъ»*. Дѣйствительно, въ исторіи языка скрыты начатки самой жизни народовъ въ ту пору, когда никто не можетъ намъ отвѣтить, откуда явилось то или другое общество, и какія были первыя условія его существованія. Потому такого рода изслѣдованія, хотя они по своимъ пріемамъ чисто-филологическія, имѣютъ однако въ своихъ результатахъ большое значеніе для историка. Не скроемъ при этомъ, что путь изслѣдованій филологическихъ самый скользкій; для доказательства приводимъ способъ, которымъ доказываетъ г. Шлейхеръ, что «нѣмецкія племена раньше славянъ пріобрѣли историческое значеніе». Ученый авторъ говоритъ, что это видно изъ того обстоятельства, что славяне заимствовали у нѣмцевъ многія важныя слова, какъ *князь*, *хлѣбъ*, *стекло*, *пѣня* (врх. нѣм. *kuning;* гот. chlaibs и stikls; англ.-сак. penning). Допустивъ даже справедливость этого, мы должны сдѣлать прямо обратное заключеніе, а именно, что нѣмцы явились позже въ исторіи, нежели славяне, потому что скорѣе побѣжденный вынужденъ заимствовать слова у побѣдителей, нежели наоборотъ. Германцы покорили славянъ и слѣдовательно явились позже. Если въ англійскомъ языкѣ встрѣчаются французскія слова, то неужели изъ этого

слѣдуетъ, что въ Англіи французы пріобрѣли историческое значеніе прежде англо-саксовъ? Далѣе, отчего не могло быть обратнаго явленія, а именно, что въ нѣмецкій языкъ проникли слова славянскія, какъ напримѣръ хлѣбъ, который былъ продуктомъ больше земледѣльческаго быта славянъ, нежели кочевой жизни германцевъ? Встрѣчаемъ же мы въ лагерѣ гунновъ Аттилы *квасъ*, съ которымъ познакомили гунновъ, конечно, славяне, и вмѣстѣ съ предметомъ передали названіе. Наконецъ, наши русскіе филологи едвали найдутъ много общаго между *князь* и *kuning*. Главный результатъ изслѣдованій г. Шлейхера состоитъ въ томъ, что весь сѣверовостокъ Европы заключаетъ въ себѣ три семьи языковъ: славянскую, литовскую и нѣмецкую, происходящія отъ одного корня; изъ нихъ славянскій и литовскій ближе другъ къ другу, чѣмъ къ немѣцкому. Авторъ доказываетъ эти положенія тѣмъ, что «возводитъ славянскій языкъ къ древнѣйшему состоянію звуковъ, которое сохранилось именно въ литовскомъ». Мы не можемъ слѣдовать далѣе за авторомъ, и указываемъ на его трудъ тѣмъ, которые занимаются спеціально вопросами этнографическими. Замѣтимъ въ заключеніе, что вся эта статья служитъ дополненіемъ къ обширному труду автора: Compendium der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. 2 B. Weimar. 1861 — 62.

Точно также другая статья, помѣщенная въ Ученыхъ Запискахъ академіи наукъ, а именно историческое изслѣдованіе: «Михаила Куторги, доктора философіи, почетнаго члена и профессора всеобщей исторіи С.-Петербургскаго университета: *«О днѣ и праздникѣ новаго года у аѳинянъ предъ Пелопоннисскою войною, съ объясненіемъ одной оропской надписи»*. Спб. 1865, — явилось въ дополненіе къ одному мѣсту изъ французскаго сочиненія того же автора: Recherches critiques sur l'histoire de la Grèce pendant la periode des guerres médique (Paris. 1861. in 4⁰), pag. 11 — 27. Какъ показываетъ самое заглавіе, это изслѣдованіе относится къ области хронологіи.

Еще въ 1855 г., за 6 лѣтъ до изданія вышеупомянутыхъ Recherches etc. нѣмецкій ученый Фишеръ издалъ между прочимъ 5 надписей, найденныхъ имъ въ Оропѣ. Это изданіе не было, какъ видно, извѣстно автору «Recherches etc.», между тѣмъ путешествуя по Греціи въ 1860 г., онъ самъ встрѣтился съ ними на дворѣ дома г. Папаригопуло, владѣльца обширнаго помѣстья. Авторъ говоритъ, что онъ снималъ все безъ разбора, не заботясь, было ли то или другое извѣстно, или нѣтъ; возвратившись въ Петербургъ, онъ замѣтилъ, что хотя оропскія надписи и изданы Фишеромъ, но его копія тѣмъ не менѣе не излишня, потому что она отступаетъ нѣсколько отъ списка Фишера. «Правда, замѣчаетъ сначала авторъ, что различіе состоитъ только въ чтеніи двухъ буквъ;» но вскорѣ онъ убѣдился, что «глав-

нѣйшее различіе состоитъ въ чтеніи одной буквы», а наконецъ, увидѣлъ, что «вѣрнѣе говоря, только въ чтеніи черты буквы». Во всякомъ случаѣ, эта черта, по убѣжденію автора, «обладаетъ такою силою, что измѣняетъ весь смыслъ надписи и придаетъ ей значеніе важнаго историческаго памятника». При такомъ значеніи черты, надобно было дѣйствовать осмотрительно: Фишеръ могъ ошибиться, могъ ошибиться и авторъ, а потому необходимо было еще разъ удостовѣриться по подлиннику. Авторъ предпринялъ вторичное путешествіе въ Грецію въ 1861 году: но того камня больше не оказалось на мѣстѣ; сосѣдній съ нимъ камень попалъ на обдѣлку колодца, а камня съ стертою надписью не было видно нигдѣ. Вслѣдствіе того, авторъ (стр. 3) «нашелъ себя вынужденнымъ считать до времени свой списокъ какъ бы не существующимъ и обратиться къ разбору списка Фишера, смотря на него какъ бы на единственный подлинникъ и т. д.»

Вся надпись состоитъ изъ 7 строчекъ, и въ каждой уцѣлѣло по нѣскольку буквъ, по три, четыре, иногда по пяти; но въ первой строчкѣ, и самой важной, на которой основывается все опредѣленіе ея времени, сохранился по серединѣ строки цѣлый слогъ:

.......ΛΟΚ.......

Начало и конецъ строчки предстоитъ возстановить. По догадкѣ Фишера это мѣсто должно читать слѣдующимъ образомъ:

Ἐπὶ Φι)ΛΟΚ(λέους ἄρχοντος, ἐπὶ

Стбитъ справиться теперь въ хронологическихъ таблицахъ, когда жилъ архонтъ Φιλοκλῆς, и время надписи самою собою опредѣлится. Нашъ авторъ замѣчаетъ, что можно было вмѣсто имени *Филоклъ*, поставить *Филократъ*. Это, дѣйствительно, справедливо. Но авторъ отказался отъ своей догадки, чтобы «не слишкомъ возбудить чувство эпиграфовъ, считающихъ не погрѣшимыми свои, однажды постановленныя, правила».

Въ оропской надписи авторъ находитъ во всякомъ случаѣ, былъ-ли архонтомъ Филоклъ или Филократъ, подтвержденіе прежняго своего мнѣнія, что «почти до самой Пелопнисской войны, аѳиняне начинали свой гражданскій годъ зимою», что перенесеніе новолѣтія на мѣсяцъ экатомвэонъ произведено было, по предложенію Метона, въ архонтство Апсевда, 432 до Р. Х.»; до того же времени у аѳинянъ годъ начинался зимою мѣсяцемъ Линэономъ, который впослѣдствіи получилъ названіе Анѳестиріона.

Какъ ни были бы разнообразны доводы археологическіе въ вопросахъ хронологіи, но мы думаемъ, что это дѣло не будетъ основательно разрѣшено до тѣхъ поръ, пока въ греческой хронологіи не будетъ сдѣлано такое же примѣненіе астрономическихъ вычисленій, какое

сдѣлалъ недавно Ле-Веррье для римскаго календаря въ эпоху юліанскаго преобразованія. Нашъ авторъ самъ свидѣтельствуетъ (стр. 36), что въ его вопросѣ «трудности происходятъ не отъ недостатка источниковъ, ибо они весьма изобильны; ни отъ противорѣчія древнихъ свидѣтельствъ, ибо они отличаются ясностію и совершеннымъ согласіемъ; ни, наконецъ, отъ испорченности текстовъ, ибо всѣ также сохранились прекрасно.» Изъ всего этого слѣдуетъ, что историку и археологу тутъ нечего дѣлать другого, какъ привести первый же попавшійся текстъ, такъ какъ «всѣ сохранились прекрасно», и «свидѣтельства отличаются ясностію и совершеннымъ согласіемъ». Ничего послѣ этого не оставалось бы, какъ выдумать затрудненія, чтобы потомъ преодолѣвать ихъ; но и въ этомъ случаѣ, далѣе текста нельзя уйти. А потому мы опасаемся, что и послѣ настоящаго изслѣдованія о днѣ новаго года у аѳинянъ, старая поговорка ad calendas græcas не утратитъ своей силы.

Русскій Вѣстникъ. Январь, февраль и мартъ 1866.

Только въ одной мартовской книгѣ встрѣчается одна монографія, относящаяся къ новѣйшей исторіи, а именно къ Испаніи. Это—статья г. Кустодіева, подъ заглавіемъ: *«Священникъ Мерино. Покушеніе на жизнь испанской королевы въ 1852 году.* Она написана путешественникомъ, присутствовавшимъ въ нынѣшнемъ году на религіозной церемоніи въ воспоминаніе избавленія королевы отъ неминуемой смерти 21 января (2 февраля). Авторъ описываетъ (по источникамъ неуказаннымъ) какъ событіе самаго преступленіе, такъ и процессъ по поводу того, съ большими подробностями.

Отечественныя Записки. Янв.—Апр. 1866.

Помѣщена небольшая статья г. Новицкаго: «Изъ исторіи первобытнаго человѣчества: швейцарскія свайныя постройки». Она составлена по новѣйшимъ извѣстіямъ, печатаннымъ Антикварнымъ обществомъ въ Цюрихѣ. Въ началѣ 30-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, въ Швейцаріи, при убыли воды въ озерахъ, замѣтили слѣды пребыванія человѣка на мѣстахъ, гдѣ было прежде дно; только въ 1854 г. обратили болѣе серьезное вниманіе на этотъ предметъ, а наконецъ убѣдились, что не вода въ древности залила прежнія жилища людей, но люди жили надъ водою, устанавливая свои помѣщенія на сваяхъ. Какъ ни загадочны условія, вынуждавшія древняго европейца, при обиліи земли, селиться на водѣ, во всякомъ случаѣ новое открытіе представляетъ обширное поле для изслѣдованій тѣхъ эпохъ, которые лежатъ далеко за предѣлами исторической памяти. Статья г. Новицкаго знакомитъ съ фактическими результатами новаго открытія Въ этнографическомъ музеѣ Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ можно

видѣть коллекцію предметовъ, найденныхъ въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ.

2) Переводы.

Если самостоятельная литература по всеобщей исторіи доказываетъ весьма ограниченное число дѣятелей у насъ по этому предмету, то въ отношеніи переводной литературы мы не уступаемъ никому, и почти все лучшее по всеобщей исторіи на другихъ языкахъ у насъ появляется также скоро, какъ и во Франціи, и въ Германіи. Переводная литература по всеобщей исторіи служитъ доказательствомъ, что общество въ значительной степени заинтересовано общеисторическими вопросами. Переводы историческихъ книгъ въ послѣднее время или продолжаютъ прежде начатыя изданія или знакомятъ съ вновь выходящими книгами, или необратившими вниманіе въ свое время.

Въ концѣ прошедшаго года продолженъ переводъ съ англійскаго:

Бокль, *Исторія цивилизаціи въ Англіи.* Т. II. Выпускъ 8. Переводъ А. Н. Буйницкаго и Ѳ. Н. Ненарокомова. Спб. 1865. Стр. 185—498.

Восьмой выпускъ второго тома заключаетъ въ себѣ описаніе состоянія Шотландіи отъ XIV до XVII вѣка включительно. Авторъ оставилъ за собою Испанію, страну, которая представила одинъ изъ поразительныхъ примѣровъ быстроты возвышенія и быстроты паденія, что Бокль объясняетъ главнымъ образомъ тѣмъ, что въ Испаніи сдѣлало прогрессъ правительство, а не нація, а въ «такихъ странахъ, замѣчаетъ онъ, всегда въ тотъ моментъ, когда обыкновенно все процвѣтаетъ на поверхности, наибольшая гниль съѣдаетъ корень». Шотландія представляла другого рода аномалію: правительство тамъ не было могущественно, какъ въ Испаніи; сила скорѣе принадлежала массамъ, и тѣмъ не менѣе самая сила массы сдѣлалась источникомъ паденія націи. На это была особенная причина: шотландцы, такъ часто боровшіеся съ своимъ правительствомъ, достигли чрезъ то собственной силы, но послужили орудіемъ духовенству; они боролись для посторонней касты, и, благодаря суевѣрію, сами создали себѣ худшаго изъ властителей, въ пользу католическаго духовенства. По той же причинѣ въ Шотландіи мы видимъ столкновеніе самыхъ смѣлыхъ либеральныхъ идей съ величайшею грубостью массъ, и Шотландія, повидимому, обставленная совершенно иначе, нежели Испанія, пришла къ одному съ нею результату. Объясненіе такой аномаліи и составляетъ задачу Бокля въ послѣдующемъ выпускѣ русскаго перевода его исторіи цивилизаціи въ Англіи.

Другой переводъ, и также съ англійскаго, только что кончился въ прошломъ году:

Д. Л. Мотлей (Джонъ Лотропъ Мотлей), *Исторія Нидерландской революціи и основаніе республики Соединенныхъ Провинцій.* Спб. Т. I. 653 стр. Изд. кн. маг. Яковлева.

Еще въ 1859 г. явился переводъ этого замѣчательнаго труда сѣверо-американскаго историка на французскомъ языкѣ, съ превосходнымъ введеніемъ къ нему, написаннымъ Гизо. Нельзя не пожалѣть, что русскій переводчикъ не присоединилъ къ своему труду этого введенія. Первый томъ содержитъ обширное историческое введеніе автора съ изложеніемъ древней судьбы Нидерландъ до соединенія ихъ съ Испаніею и Германіею и до отреченія Карла V. Двѣ послѣдующія части обнимаютъ кратковременное пребываніе Филиппа II, испанскаго короля, въ Нидерландахъ, и штатгальтерство Маргариты Пармской до 1567 года, когда эдиктъ 24 мая открылъ собою ожесточенную борьбу, и начался терроризмъ.

Особенно любопытно сближеніе труда Мотлея съ анализомъ испанской исторіи у Бокля; то, что Мотлей рисуетъ съ неподражаемымъ искусствомъ и вѣрностію, возводя исторію общества до интереса, какой можетъ имѣть біографія великой личности, у Бокля это объясняется самыми неожиданными сближеніями и глубокимъ анализомъ тѣхъ внутреннихъ законовъ, которые управляли невидимо, на пространствѣ цѣлыхъ столѣтій, дѣйствующими лицами той страшной драмы, которую мы называемъ революціею Нидерландъ.

Второй томъ перевода объявленъ въ печати; все изданіе должно состоять изъ 4 томовъ.

Оба вышеупомянутыя сочиненія имѣютъ у насъ для себя и другихъ переводчиковъ; такъ, сочиненіе Бокля переведено было уже, въ изданіи Н. Тиблена, К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ; и первая часть перваго тома Мотлея, въ переводѣ того же издателя.

А. Каррель, *Исторія контръ-революціи въ Англіи.* Спб. 1866. т. I. стр. 376. Изд. Н. Л. Тиблена.

Издатель предпринялъ сдѣлать переводъ всѣхъ сочиненій извѣстнаго публициста Франціи А. Карреля, въ 3 томахъ, и началъ съ его «Исторіи контръ-революціи въ Англіи»: такъ авторъ называетъ извѣстную эпоху, въ XVII столѣтіи, реставраціи Стюартовъ, Карла II и Іакова II, до низложенія послѣдняго Вильгельмомъ III Оранскимъ. Это было тѣмъ временемъ, которое мы обыкновенно называемъ *реакціею*, и что авторъ назвалъ контръ-революціею, выражая ту мысль, что каждая реакція есть ни что иное, какъ оборотная сторона революціи, контръ-революція, и слѣдовательно должна окончиться также, какъ и всякая революція, установленіемъ законнаго порядка. Хотя по формѣ это сочиненіе чисто историческое, но по своему направленію оно принадлежитъ болѣе къ публицистикѣ: авторъ хотѣлъ на исторіи Англіи доказать при Луи-Филиппѣ, что Франція нуждается въ пере-

воротѣ; какъ извѣстно, Каррель своею публичною дѣятельностью и оппозиціею много сдѣлалъ для февральской революціи, но развязка этой революціи была такова, что авторъ ея убѣдился бы на дѣлѣ, что въ Англіи въ XVII вѣкѣ, послѣ бѣгства Іакова II Стюарта, явился Вильгельмъ III, и это нисколько не помѣшало во Франціи, въ половинѣ XIX вѣка, утвердиться Наполеону III. Если изъ дѣятельности литературной Карреля можно вывести какую нибудь мораль, то вовсе не ту, которая представлялась автору, а именно, что подборъ историческихъ фактовъ въ одной странѣ не есть средство доказать какую нибудь истину въ другомъ государствѣ.

Біографія Карреля, приложенная переводчикомъ къ первому тому, можетъ еще болѣе убѣдить читателя въ справедливости сдѣланнаго нами замѣчанія.

Маколей, *Полное собраніе сочиненій.* Спб. 1866 г. т. XV и XVI. Изд. М. О. Вольфа.

Такъ кончилось обширное изданіе, начавшееся еще въ 1860 году, и которое можно считать однимъ изъ капитальныхъ пріобрѣтеній нашей литературы за все послѣднее время.

Томъ XV содержитъ въ себѣ: 1) собраніе замѣчательныхъ рѣчей Маколея отъ 1830 до 1847 г. самаго разнообразнаго содержанія: о невольничествѣ, о правахъ евреевъ, о литературной собственности, объ Ирландіи, объ англійской литературѣ, о народномъ образованіи и пр., всего 52; 2) мелкія статьи политическаго содержанія, и 3) извѣстная поэма «Виргинія», пѣсня изъ временъ древняго Рима, переведенная на русскій языкъ весьма хорошими стихами.

Маколей не принадлежалъ къ числу блестящихъ ораторовъ Англіи, но его рѣчи отличались всѣми главными достоинствами англійскаго краснорѣчія, трезвымъ, практическимъ взглядомъ на самые отвлеченные предметы, и умѣньемъ поставить вопросъ такъ прямо, что нѣтъ мѣста никакимъ уловкамъ или отклоненіямъ. Это — краснорѣчіе безъ красныхъ словъ. Въ 1846 г. открывается Философскій институтъ въ Эдинбургѣ; приглашенъ Маколей; ему предлагаютъ провозгласить тостъ за англійскую литературу. Это подаетъ ему поводъ провести сравненіе между средневѣковою ученостью и современною образованностью:

«Сравните литературныя познанія великихъ людей XIII вѣка съ тѣмъ, что извѣстно теперь многимъ изъ лицъ, которыя будутъ посѣщать вашу библіотеку. Относительно греческаго языка, ученый XIII вѣка стоитъ положительно на одной ступени съ поверхностнымъ человѣкомъ XIX вѣка. На новыхъ языкахъ не было 600 лѣтъ тому назадъ ни одной книги, какую мы читаемъ теперь. Библіотека нашего ученаго должна была бы состоять изъ однихъ латинскихъ книгъ. Мы предположимъ даже у него обширное и отборное собраніе такихъ

книгъ. Мы дадимъ ему 30, пожалуй 40 рукописей, между которыми найдутся Виргилій, Теренцій, Луканъ, Овидій, большая часть Ливія и Цицерона. Давая ему все это, мы чрезвычайно щедры, потому что, вѣроятнѣе всего, пóлки его были бы установлены трактатами о схоластическомъ богословіи и церковномъ правѣ, очень разумно забытыхъ въ наше время. Но положимъ даже, что онъ владѣлъ всѣми цѣнными произведеніями римской литературы, то и тогда онъ имѣлъ бы гораздо меньше для образованія ума и для умственнаго наслажденія, чѣмъ человѣкъ въ наше время, знающій одинъ англійскій языкъ, и библіотека котораго наполнена лучшими произведеніями англійской литературы. Нашъ великій человѣкъ среднихъ вѣковъ не могъ вообразить ничего подобнаго «Макбéту», «Лиру», или «Генриху». Лучшая ему извѣстная эпическая поэма была далеко ниже «Потеряннаго Рая», и всѣ томы его философовъ не стòили одной страницы изъ «Novum Organon».

«Люди, знающіе одинъ англійскій языкъ, должны, правда, читать «Novum Organon» въ переводѣ; но это-то и напоминаетъ мнѣ одно важное преимущество нашего учрежденія. Такіе люди будутъ имѣть возможность познакомиться здѣсь съ лучшими произведеніями отдаленныхъ вѣковъ и другихъ народовъ. Большая часть того, что стоитъ читать изъ древнихъ писателей, также какъ изъ произведеній Франціи, Италіи, Германіи и Испаніи, переведено на англійскій языкъ. Едва ли возможно, чтобы переводъ великаго произведенія могъ равняться оригиналу. Но хотя мелкіе оттѣнки ускользаютъ, сущность остается. Англичанинъ, не видавшій никогда фресокъ Ватикана, можетъ составить себѣ нѣкоторое понятіе о граціи Рафаеля и энергіи Микель-Анджело по гравюрамъ. Геній Гомера виденъ въ самыхъ дурныхъ переводахъ «Иліады», геній Сервантеса — въ самомъ плохомъ переводѣ «Донъ-Кихота». Не думайте только, что я этимъ хочу удерживать кого нибудь отъ изученія древнихъ или новѣйшихъ языковъ Европы. Вовсе нѣтъ. Я высоко ставлю эти ключи къ знанію, и думаю, что человѣкъ, имѣющій досугъ для занятія, не долженъ успокоиться, пока не знаетъ нѣсколько языковъ. Меня всегда прельщало одно выраженіе Карла V: «Когда я учусь новому языку, мнѣ кажется, что я пріобрѣтаю новую душу». Но я желаю утѣшить тѣхъ, кто не можетъ сдѣлаться лингвистомъ, завѣряя ихъ, что, зная одинъ родной языкъ, они имѣютъ свободный доступъ къ огромнымъ умственнымъ сокровищамъ, которымъ позавидовали бы величайшіе лингвисты временъ Карла V, превосходящимъ тѣ, которыми владѣли Альдъ, Эразмъ и Меланхтонъ.»

Томъ XVI русскаго перевода составляетъ собственно иллюстрированное приложеніе къ изданію, состоящее изъ 200 портретовъ лицъ упоминаемыхъ въ сочиненіяхъ Маколея и составленныхъ по лучшимъ

оригиналамъ. Это приложеніе пріобрѣтено русскимъ издателемъ у издателя нѣмецкаго и исполнено весьма хорошо.

Джонъ Вилльямъ Дреперъ, профессоръ химіи и физіологіи въ Нью-Іоркскомъ университетѣ, *Исторія умственнаго развитія Европы.* Перев. съ англ. А. Н. Пыпина. Т. I и II. Спб. 1866 г. Изд. Бакста.

Тема сочиненія Дрепера колоссальна, но отъ ея выполненія не слѣдуетъ ожидать новаго переизслѣдованія литературныхъ памятниковъ; онъ беретъ факты готовыми, какъ они намъ были всегда извѣстны, и пишетъ грандіозную картину тѣхъ общихъ законовъ, которые вложены въ природу человѣческаго общества и выполняются ею съ такою же точностью, какъ выполняется, напримѣръ, законъ, управляющій движеніемъ небесныхъ тѣлъ. Основная идея Дрепера состоитъ въ томъ, что «жизнь отдѣльнаго человѣка есть миніатюра жизни народа». Хотя авторъ не упоминаетъ о системѣ Вико, но онъ, какъ видно изъ этого положенія, обращается къ ней, и развиваетъ ее съ тою полнотою и послѣдовательностью, какую можно ожидать отъ успѣха опытныхъ наукъ въ наше время. Какъ въ недѣлимомъ человѣкѣ, его ростъ сопровождается прежде всего умственнымъ развитіемъ, обусловленнымъ въ этомъ случаѣ физіологическими успѣхами его тѣла, такъ и умственная исторія Европы должна быть изучаема въ согласіи съ физіологическими принципами.

Другое положеніе Дрепера также повторяетъ второе основоположеніе системы Вико, но подъ иной формой; у Вико, исторія Европы есть точное повтореніе законовъ развитія римскаго общества; Дреперъ избираетъ для того же сравненія греческій міръ, которымъ открывается его первый томъ. И такъ, Европа повторяетъ на себѣ законы развитія Греціи; а Греція слѣдовала тому пути, который проходится каждымъ недѣлимымъ. Отсюда періоды греческой исторіи, которые, слѣдовательно, есть вмѣстѣ и періоды европейской исторіи, а именно: 1) вѣкъ Суевѣрія, 2) вѣкъ Изслѣдованія, 3) вѣкъ Вѣры, 4) вѣкъ Разума, 5) вѣкъ Разрушенія.

Однимъ словомъ, новый трудъ Дрепера относится къ разряду тѣхъ историческихъ системъ, которыя хотятъ того, что было бы весьма желательно, а именно той точности въ исторической наукѣ, какая достигнута другими опытными науками. Но кто сколько нибудь знакомъ съ развитіемъ философіи исторіи, тотъ знаетъ, что этотъ ея «философскій камень» до сихъ поръ всегда разбивался о вопросъ: «а что станется съ свободною волею человѣка, если исторія есть точная наука, т. е. ея предметъ, а именно человѣкъ, въ своихъ дѣйствіяхъ выполняетъ одни непреложные законы?» Обратилъ ли вниманіе Дреперъ на это затрудненіе, или онъ разсѣкъ узелъ, и прямо отказался отъ свободной воли человѣка?

«Восходя до первоначальныхъ законовъ, говоритъ авторъ въ од-

номъ мѣстѣ, утверждая ихъ неизмѣнимость, всеобщность и верховное господство въ управленіи міромъ,—*мы не видимъ въ этомъ однако ничего несовмѣстнаго съ свободою человѣческой воли.* Въ этомъ случаѣ все зависитъ отъ *точки зрѣнія.* Тотъ, кто погрузился въ водоворотъ огромнаго города, видитъ только личныя дѣйствія людей, и, судя по одному своему опыту, онъ долженъ придти къ заключенію, что ходъ человѣческихъ дѣлъ вполнѣ зависитъ отъ произвола человѣческой воли. Но тотъ, кто разсматриваетъ жизнь съ нѣкоторой высоты, не обращаетъ вниманія на преходящія столкновенія, шумъ споровъ не достигаетъ до его ушей. По мѣрѣ того, какъ панорама расширяется предъ нимъ, онъ открываетъ, что значеніе человѣческой воли уменьшается. И если онъ будетъ въ состояніи усвоить себѣ чисто философскую, общую точку зрѣнія, освободиться отъ всѣхъ земныхъ оковъ и вліяній, возвыситься на столько, чтобы быть въ состояніи обозрѣть разомъ весь міръ, тогда его изощренный взоръ нигдѣ не встрѣтитъ слѣдовъ человѣка, его свободной воли и дѣйствій. Въ виду этого неудержимаго стремленія впередъ, этой правильной, какъ движеніе маятника, смѣны дней и ночей, въ виду этихъ ясно очерченныхъ формъ суши и моря, уже не̂ темныхъ и не ясныхъ, а изливающихъ изъ себя планетарный свѣтъ, — что̂ сталось, можетъ быть онъ спроситъ, со всѣми стремленіями и безпокойствами, радостями и агоніей человѣческой жизни? И по мѣрѣ того, какъ онъ теряетъ изъ виду все произвольное и останавливается только на одномъ непреодолимомъ, онъ начинаетъ сомнѣваться въ собственномъ опытѣ; онъ спрашиваетъ себя, неужели это вмѣстилище неумирающей славы можетъ быть ареной человѣческаго произвола, неужели за этимъ величественнымъ, могучимъ и неизмѣннымъ міровымъ движеніемъ можетъ скрываться человѣческая слабость и безсмысліе? А между тѣмъ эти *противоположныя условія* существуютъ совмѣстно: свободная воля и рокъ! произволъ и судьба! Измѣнилась только точка зрѣнія, но какъ много отъ этого зависитъ! Нѣсколько ближе, и мы убѣждаемся въ послѣдовательномъ успѣхѣ человѣческаго изслѣдованія, нѣсколько дальше, и мы осуществляемъ панорамическое видѣніе божества. Справедливо замѣтилъ одинъ индусскій философъ, что человѣкъ, стоящій на берегу рѣки, видитъ только волны, послѣдовательно протекающія мимо него, одна за другою, но кто стоитъ на возвышенности, тотъ обозрѣваетъ всю рѣку, которая представляется ему неподвижною серебристою нитью, извивающеюся среди полей. Первый обладаетъ медленно накопляющимся опытомъ человѣка во времени; второй — непосредственнымъ и всеобъемлющимъ знаніемъ, какъ бы всевѣдѣніемъ Бога.»

Нельзя выразиться точнѣе и опредѣленнѣе относительно такой трудной задачи смотрѣть на историческую науку, какъ на точную, и

вмѣстѣ допускать свободу человѣческой воли и основанную на ней нравственную отвѣтственность за поступки. Но Дреперъ сдѣлалъ болѣе: выводя на сцену индусскаго философа онъ напомнилъ, что его теорія не новость, и что всякая попытка быть точнымъ въ исторіи и допускать вмѣстѣ свободу человѣческой воли, т. е. не быть точнымъ, всегда возвращаетъ насъ къ поэтическо-мистическимъ воззрѣніямъ весьма отдаленнаго отъ насъ времени. Какъ ни противоположны, повидимому, теологическія и физіологическія стремленія, но, нельзя не сознаться что въ самомъ существенномъ вопросѣ философіи исторіи они раздѣляютъ одну и туже участь: одни хотятъ примирить волю человѣка съ міроправленіемъ, другія — съ непреложностью законовъ природы; но ни тѣ, ни другіе не были до сихъ поръ особенно счастливы.

Мы указали точку отправленія системы Дрепера; самъ авторъ выразился опредѣленно относительно главнаго ея пункта; познакомиться съ подробностями предоставляемъ читателю. Русскій переводъ удовлетворитъ его вполнѣ и по вѣрности и по ясности; переводчикъ понималъ всю важность своего труда, который дѣлалъ его посредникомъ между однимъ изъ замѣчательныхъ современныхъ мыслителей и тѣми любознательными читателями, которые не могутъ не интерессоваться новымъ опытомъ вызвать каждаго къ сознанію міровой жизни человѣка.

Минье, *Исторія французской революціи.* Перев. съ 9-го (1865) французск. изданія, подъ редакціею и съ предисловіемъ К. К. Арсеньева. Т. I, 874 стр. Спб. 1866. Изд. Е. Лихачевой и А. Сувориной.

Это сочиненіе не только было хорошо встрѣчено при своемъ появленіи въ 20-хъ годахъ, но и выдержало удачно пробу времени. Послѣднее доказываетъ одно, что авторъ писалъ безъ намѣренія провести какую нибудь идею, занимавшую ту или другую часть его общества, и писалъ съ тою искренностью, которая никогда не теряетъ своей цѣны. Изъ обширной литературы этого вопроса, дѣйствительно, ни одно сочиненіе не удовлетворяетъ въ такой степени, какъ по своему безпристрастью, такъ и по умѣнью соединить съ относительною ограниченностью изложенія большой и живой интерессъ въ подробностяхъ. Мы отдали бы преимущество только одному *Barrau*, Histoire de la révolution française (1789—1791). Par. 1857, — который, какъ писатель позднѣйшій, могъ, при сохраненіи имъ тѣхъ же условій, внести въ свое сочиненіе результаты новѣйшихъ трудовъ и открытій, и *Дальману*, извѣстному нѣмецкому историку французской революціи, сочиненіе котораго отличается большими учеными достоинствами. Издательницы Минье имѣли счастливую мысль дополнить свой переводъ приложеніемъ нѣсколькихъ словъ изъ новѣйшаго сочиненія Эдгара Кине, «Революція.» Вышедшій нынѣ первый томъ перевода останавливается на казни Лудовика XVI, «можетъ быть, говоритъ Минье,

единственнаго государя, который не имѣя никакихъ страстей, не имѣлъ и страсти къ власти, и который соединилъ оба качества, характеризующія хорошихъ королей: страхъ божій и любовь къ народу.»

А. Л. Рохау, *Исторія Франціи отъ низверженія Наполеона I до возстановленія имперіи.* 1814—1852. Переводъ и изданіе А. Н. Пыпина и М. А. Антоновича. 2 тома. Спб. 1866.

Мы имѣли уже случай въ «Библіографическомъ листкѣ» перваго тома нашего журнала объявить о выходѣ этого новаго труда. Это сочиненіе принадлежитъ къ цѣлому ряду, въ которомъ нѣмецкіе ученые Бидерманъ и Гирцель намѣрены вмѣстить лучшія сочиненія по новѣйшей исторіи европейскихъ государствъ. До сихъ поръ изданы: Исторія Италіи—*Рейхлина;* Англіи—*Паули;* Россіи—*Бернгарди*; Австріи — *Шпрингера*, и наконецъ Испаніи — *Баумгартена* (пока одна первая часть, 1865). Гг. Пыпинъ и Антоновичъ обѣщаютъ перевести все это изданіе, и начали съ Рохау. Мы замѣтили уже коротко о достоинствахъ сочиненія Рохау, посвященнаго преимущественно парламентской сторонѣ жизни Франціи, и здѣсь ограничимся повтореніемъ своего отзыва, имѣя въ виду ближе познакомить нашихъ читателей и съ трудомъ Рохау и съ его предметомъ, какъ мы то уже сдѣлали по отношеніи къ исторіи Австріи Шпрингера.

Наполеона III, *Исторія Юлія Цезаря.* Т. II, Спб. 1866. Перев. съ французскаго. Изд. М. О. Вольфа.

Первый томъ, вышедшій въ прошедшемъ году, состоялъ изъ «Предисловія», о которомъ такъ много говорилось, и которое, бывъ перепечатано многими газетами, было прочитано почти всѣми, и двухъ книгъ, о которыхъ говорилось мало, и которыя были прочитаны, вѣроятно, не многими. Книга первая заключала въ себѣ очеркъ римской территоріи и исторіи отъ основанія Рима до Цезаря; вторая книга составляетъ собственно біографію Цезаря отъ самаго его рожденія до конца консульства Цезаря, когда ему было поручено управленіе Галліею, открывшее собою его дѣятельность, какъ полководца, и вмѣстѣ опредѣлившее будущую судьбу Галліи, какъ колыбели нынѣшней Франціи.

Вышедшій на-дняхъ второй томъ состоитъ также изъ двухъ книгъ: третья—посвящена спеціально описанію территоріи Галліи въ физическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ и самыхъ походовъ Цезаря со включеніемъ двухъ его экспедицій въ Британію; наконецъ, четвертая резюмируетъ содержаніе третьей книги, ведя параллельно съ разсказомъ о войнахъ Цезаря въ Галліи изложеніе внутреннихъ событій, совершавшихся въ Римѣ въ отсутствіе Цезаря, и тѣхъ интригъ, которыя привели къ гражданской войнѣ въ ту самую минуту, когда завоеваніе Галліи было окончено. Авторъ останавливается на словахъ Цезаря: «Жребій брошенъ! пойдемъ туда, куда меня зовутъ знаменія боговъ и неправда моихъ непріятелей.» Цезарь переходитъ Рубиконъ, овладѣваетъ Ариминомъ, и гражданская война началась.

Это громкое событіе, рѣшившее участь Рима и міра, приводитъ автора къ слѣдующимъ размышленіямъ, которыми и заключается второй томъ. Такія размышленія не требуютъ особыхъ комментарій, и сами служатъ комментаріемъ къ тому, что долженъ содержать въ себѣ третій томъ и, вѣроятно, послѣдній:

«Истинный виновникъ войны, по словамъ Монтескьё, не тотъ, кто ее объявляетъ, но кто дѣлаетъ ее необходимою. Одинъ человѣкъ, при всемъ своемъ геніи и своемъ могуществѣ, не въ состояніи по собственному произволу поднять народныя волны; но, когда, указанный общественнымъ голосомъ, онъ появляется среди бури, повергающей корабль государства въ опасность, ему одному возможно направить его путь и ввести въ гавань. Такимъ образомъ, Цезарь не былъ возбудителемъ смятенія римскаго общества, онъ сдѣлался только неизбѣжнымъ кормчимъ. Если бы это было иначе, то съ его исчезновеніемъ все пришло бы въ порядокъ; напротивъ, его смерть предала вселенную всѣмъ ужасамъ войны. Европа, Азія, Африка, сдѣлались театромъ кровавой борьбы между прошедшимъ и будущимъ, и римскій міръ обрѣлъ спокойствіе только тогда, когда наслѣдникъ его имени доставилъ торжество его дѣлу. Но Августу было невозможно передѣлать снова работу Цезаря; четырнадцать лѣтъ междоусобной войны истощили силы націи и ослабили характеры; люди, проникнутые великими принципами прошедшаго, умерли; пережившіе успѣли переслужить всѣмъ партіямъ; чтобы имѣть успѣхъ, самому Августу пришлось договариваться съ убійцами его адоптивнаго отца; убѣжденій не было, и міръ, жаждавшій покоя, болѣе не заключалъ въ себѣ элементовъ, которые дозволили бы Цезарю, какъ онъ намѣревался, возстановить республику въ ея прежнемъ блескѣ, ея прежнихъ формахъ, но на основаніи новыхъ началъ.»

Едва ли было бы возможно произнести полное сужденіе о трудѣ, недоведенномъ до конца, и потому мы скажемъ не болѣе того, сколько можно говорить о начатомъ дѣлѣ. До сихъ поръ насъ болѣе всего поражаетъ отсутствіе тѣсной связи между тѣмъ, что написано пока въ четырехъ книгахъ двухъ первыхъ томовъ, и тѣмъ «Предисловіемъ», въ которомъ обратили на себя всеобщее вниманіе два положенія: о таинственной связи, которая существуетъ между людьми, подобными Цезарю, и Провидѣніемъ, и о необходимости изслѣдовать возвышенныя ихъ побужденія, не обращая вниманія на ихъ самомалѣйшія дѣянія. Послѣднее положеніе, конечно, дѣлаетъ различіе между обыкновенною моралью и моралью политическою, разрѣшая нарушеніе первой ради второй, и такимъ образомъ освобождаетъ великаго человѣка отъ нравственной отвѣтственности, которую несутъ на себѣ обыкновенные люди, а слѣдовательно выдѣляетъ ихъ изъ исторіи; первое положеніе ставитъ даже ихъ совершенно внѣ всякаго изслѣдованія, какъ орудія неисповѣдимыхъ путей Провидѣнія. Отношеніе Це-

заря къ Провидѣнію вѣрно, но не болѣе какъ на столько, на сколько оно вѣрно въ отношеніи каждаго послѣдняго человѣка, волосъ котораго не падаетъ безъ воли Провидѣнія; какъ историческій принципъ, примѣняемый исключительно къ отдѣльнымъ личностямъ, вышесказанное положеніе переноситъ насъ въ тѣ отдаленныя языческія времена, когда Минерва избирала своимъ орудіемъ Париса, чтобы достигнуть своихъ цѣлей на Олимпѣ.

Намъ показалось при чтеніи двухъ первыхъ томовъ, что авторъ не остался вѣрнымъ своей философіи тамъ, гдѣ дѣло шло о событіяхъ жизни Цезаря; Цезарь, весьма справедливо и, можетъ быть, противъ воли автора, является дитятею своего времени и своего общества. Вездѣ оказывается, какъ то мы видѣли и въ вышеприведенномъ заключеніи, что Цезарь не заботился объ утвержденіи нравственности тамъ, гдѣ она пала, объ укорененіи убѣжденій, гдѣ они расшатались; нѣтъ, безнравственность осталась та же, убѣжденія колебались по прежнему, но Цезарь съумѣлъ въ этомъ самомъ, повидимому, никуда негодномъ состояніи общества, найти средство къ его упорядоченію или успокоенію; тотъ, кто въ ту эпоху захотѣлъ бы соединить современное ему состояніе общества съ древними принципами, увидѣлъ бы себя въ безвыходномъ положеніи; этого не допускала никакая логика; такое общество, какъ римское, того времени, нуждалось въ новыхъ принципахъ, и Цезарь открылъ эти принципы, а его племянникъ Августъ облекъ ихъ въ плоть. Однимъ словомъ, было найдено средство соединить общественный порядокъ съ извѣстнымъ состояніемъ общественной нравственности, или, какъ выражался Маркъ-Аврелій, «заставить римлянъ позабыть о потерѣ свободы».

Всякій знаетъ причины, почему нельзя было ожидать безстрастнаго отношенія критики къ новой «Исторіи Юлія Цезаря». Если разсматривать «Исторію Юлія Цезаря», какъ средство не только изложить жизнь этого римскаго диктатора, но вмѣстѣ на ней основать комментарій ко всѣмъ переворотамъ, подобнымъ тому перевороту, который совершился въ римскомъ обществѣ, то съ другой стороны и противники воспользовались тѣмъ же пріемомъ, чтобы въ своей критикѣ итти дальше предмета. Но какъ бы то ни было, политическій интересъ «Исторіи Юлія Цезаря», несомнѣненъ, и если каждое произведеніе есть вмѣстѣ и эпизодъ изъ біографіи писателя, то, намъ кажется, что и это произведеніе Наполеона III получитъ современемъ значеніе болѣе нежели исторіи одного только Юлія Цезаря.

Скажемъ нѣсколько словъ о научномъ интерессѣ въ особенности второго тома. Только такой авторъ могъ предпринять столько раскопокъ и назначить столько экспедицій, чтобы разъяснить топографію театра военныхъ дѣйствій Юлія Цезаря въ Галліи. Въ приложеніи, 30 картъ говорятъ объ обширности произведенныхъ работъ. Ле-Веррье

составилъ къ второму тому превосходный календарь къ походамъ Юлія Цезаря, сравнивъ стили до-юліанскій и юліанскій, и сравнительную таблицу нашего часоваго дѣленія сутокъ и римскаго подраздѣленія ночи на стражи. Приложено также подробное описаніе монетъ и медалей того времени. Обращаемъ также особенное вниманіе на этнографическія работы и составленную на ихъ основаніи племенную карту Галліи. Эта сторона дѣлаетъ второй томъ необходимою книгою для всѣхъ, которые занимаются изслѣдованіемъ древняго быта Галліи или изученіемъ комментарій Юлія Цезаря.

Конституціонное начало, *его историческое развитіе и его взаимодѣйствія съ политическимъ и общественнымъ бытомъ государствъ и народовъ. Изд. барономъ Авг. Гакстгаузеномъ.* Перев. съ нѣмецкаго В. Утина и К. Кавелина. Спб. 1866. Съ предисловіемъ переводчиковъ.

Конституція, въ обширномъ смыслѣ этого слова, есть тоже, что тѣлосложеніе для недѣлимаго лица, и потому нѣтъ такого политическаго тѣла, о которомъ можно было бы сказать, что оно не имѣетъ никакого сложенія. Вопросъ можетъ итти только о ростѣ, о дальнѣйшемъ здоровомъ развитіи организма изъ собственныхъ матеріальныхъ и нравственныхъ средствъ. Такимъ образомъ, конституція есть извѣстное историческое состояніе; доказательствомъ тому служитъ судьба всѣхъ конституцій; и въ наше время менѣе, чѣмъ когда нибудь, дозволительно имѣть превратное понятіе объ этомъ предметѣ: разумѣя подъ конституціею что-то внѣшнее, особое отъ жизни народа, полагаютъ, наприм. что есть конституціи, которыя можно считать образцомъ, и другимъ ничего не остается какъ снимать копіи. Между тѣмъ, что же мы видѣли въ послѣднее время? Какъ нарочно, въ одно и тоже время оказалось, что конституціи, принимаемыя нами за образцовыя, оказываются неудовлетворительными даже въ самомъ мѣстѣ своего рожденія, и на нашихъ глазахъ въ послѣднее время, и почти въ послѣдніе дни, вся Европа была занята ревизіями, пересмотромъ конституцій: въ Швеціи, въ Швейцаріи, наконецъ, въ самой Англіи, всѣ были и теперь еще остаются озабоченными тѣмъ, чтобы улучшить то, что считается совершенствомъ. Не явное ли это доказательство, что конституція одного общества не только не годна для другого, но и у себя остается годною на извѣстный періодъ времени. Съ конституціею бываетъ тоже, что и съ одеждою: сюртукъ на одномъ можетъ обратиться на другомъ въ балахонъ или халатъ. Односторонній взглядъ на конституцію долженъ разбиться и о другія аномаліи: въ Швейцаріи, такой строго конституціонной странѣ, существуетъ тѣлесное наказаніе и ограниченіе правъ евреевъ, между тѣмъ какъ все это уничтожено въ государствахъ, о которыхъ мы говоримъ, что они не имѣютъ конституцій.

Желая содѣйствовать къ проясненію столь важнаго предмета, А.

Гакстгаузенъ задумалъ составить сборникъ статей о конституціи и ея порядкахъ, и въ своемъ предисловіи къ оригиналу объяснилъ тѣ средства, которыми онъ полагалъ достигнуть цѣли. Онъ много предварительно путешествовалъ, по Германіи, Австріи, Даніи, Англіи, Франціи, Италіи, особенно присматривался къ быту тѣхъ массъ, которыя лежатъ и своимъ медленнымъ развитіемъ обусловливаютъ ростъ всего организма; этотъ организмъ былъ бы способенъ подняться до небесъ, если бы нужно было повиноваться одной притягательной силѣ солнца, но онъ постоянно нуждается въ заимствованіи соковъ изъ почвы; если притягательная сила свѣта велика, то добываніе соковъ—весьма медленная работа. Г. Гакстгаузенъ посѣтилъ 21 годъ тому назадъ и Россію; однимъ словомъ, онъ видѣлъ самыя разнообразныя тѣлосложенія государствъ, и истина требуетъ замѣтить, что онъ, составляя исключеніе изъ большинства иностранцевъ, отнесся къ намъ даже съ любовью, и не только не бросилъ мрачнаго взгляда на наше будущее, но рѣшился скорѣе сознаться, что этотъ вопросъ ему не по силамъ, чтобы «онъ, не будучи къ тому призванъ, могъ рѣшиться выразить категорически свое мнѣніе объ этомъ предметѣ.» Онъ указываетъ только на задачу, которую пришлось бы ему разрѣшить; мѣрить насъ по масштабу западныхъ государствъ нельзя, потому что мы имѣемъ пока еще весьма различныя назначенія, которыя приходится достигать различными средствами.

Не довѣряя собственнымъ силамъ, г. Гакстгаузенъ поручилъ выполненіе составленной имъ программы лицамъ добросовѣстнымъ, знающимъ свое дѣло, но стоящимъ въ самыхъ противоположныхъ лагеряхъ. Получивъ мнѣніе отъ Бидермана, Гнейста, онъ обратился и къ Козегартену, рѣшительному противнику двухъ первыхъ, и присоединилъ къ нимъ мнѣнія, болѣе нейтральныя, какъ Гельда и Вайца.

Дѣйствительно, вслѣдствіе такого пріема г. Гакстгаузена, его сборникъ представляетъ намъ полную картину процесса между защитниками и противниками извѣстныхъ конституціонныхъ порядковъ.

Не знающіе нѣмецкаго языка на столько, чтобы съ легкостью читать сочиненія подобнаго рода, найдутъ въ вышедшемъ нынѣ русскомъ переводѣ не только весьма отчетливую передачу идей нѣмецкихъ мыслителей, исполненную добросовѣстнѣйшимъ образомъ людьми, спеціально знакомыми съ предметомъ своего перевода, но и предисловіе отъ переводчиковъ, которое впередъ изображаетъ намъ характеры лицъ, трудившихся надъ отдѣльными статьями, ихъ положеніе въ различныхъ партіяхъ, опредѣлявшее ихъ мнѣніе, и безпристрастную оцѣнку значенія высказаннаго ими. —

Къ переводамъ сочиненій, относящихся не прямо къ исторической области, но служащихъ однако весьма важныхъ для нихъ пособіемъ мы отнесемъ:

Г. Гетнера, *Исторія всеобщей литературы XVIII вѣка,* т. II, 428 стр. Французская литература въ XVIII вѣкѣ. Перев. А. Пыпина, изд. Бакста.

Французская литература въ прошедшемъ столѣтіи такъ тѣсно было связана съ политическими событіями, что сочиненія Вольтера, Монтескье, Руссо могутъ быть столько же названы историческими фактами, какъ и книгами. Сочиненіе Гетнера заслужило справедливую извѣстность въ Германіи, и хорошій переводъ его исторіи всеобщей литературы въ XVIII вѣкѣ долженъ быть настольною книгою для каждаго образованнаго человѣка. Въ первомъ томѣ (переведенномъ еще въ 1863 г.) авторъ изложилъ исторію англійской литературы отъ 1670—1770 г.; во второмъ томѣ, исторія французской литературы начинается съ послѣднихъ лѣтъ правленія Лудовика XIV и доходитъ до эпохи революціи.—

Въ послѣдніе годы, у насъ явился періодическій органъ для переводовъ, куда входятъ, какъ составная часть и произведенія исторической литературы. Это —

Заграничный Вѣстникъ. *Журналъ иностранной литературы, науки и жизни.* Изд. М. О. Вольфа, подъ редакціею Аѳанасьева-Чужбинскаго.

До мая мѣсяца вышли три книжки. Въ нихъ, по исторіи, укажемъ на слѣдующіе переводы въ извлеченіи изъ историческихъ сочиненій: 1) *Очеркъ исторіи германскихъ женщинъ,* по Шерру, гдѣ представлена роль въ обществѣ и значеніе женщины въ Германіи, начиная отъ эпохи Карла Великаго до конца прошедшаго столѣтія. 2) *О древнихъ могилахъ и постройкахъ* на сваяхъ, Руд. Вирхова, это — двѣ лекціи, читанныя весьма популярно, какъ то и слѣдовало въ аудиторіи ремесленниковъ. 3) *Іосифъ II,* изъ историческихъ этюдовъ г. Меривaля, статья написанная съ полнымъ сочувствіемъ къ одной изъ замѣчательнѣйшихъ личностей прошедшаго столѣтія.

Мы можемъ назвать представленный нами очеркъ русской литературы по всеобщей исторіи почти совершенно полнымъ относительно появившагo матеріала, какъ оригинальнаго, такъ и переводнаго. Нельзя не согласиться, что, при слабомъ представительствѣ оригинальныхъ произведеній, мы довольно усердно слѣдимъ за важнѣйшими явленіями новѣйшей иностранной литературы и спѣшимъ усвоить себѣ все, что особенно въ ней замѣчательно; хотя и въ этомъ отношеніи мы далеко еще отстаемъ отъ другихъ народовъ, которые, не смотря на богатство собственной литературы, имѣютъ у себя въ переводѣ все, что та же человѣческая мысль произвела лучшаго на другихъ языкахъ. Даже самые богатые народы въ этомъ отношеніи, какъ напримѣръ, англичане, по переводамъ занимаютъ едва ли не первое мѣсто. Весьма желательно было бы, чтобы наши переводчики не ограничи-

вались выборомъ одной текущей литературы и возвращались бы иногда къ тому, что было прежде нами пропущено, но тѣмъ не менѣе имѣетъ, можетъ быть, больше значенія и вѣса, нежели иное новое произведеніе.

в) Иностранная литература всеобщей исторіи.

Въ иностранной литературѣ всеобщей исторіи положеніе составителя хроники несравненно труднѣе, по чрезмѣрному обилію фактовъ, которое происходитъ прежде всего отъ огромнаго числа умовъ, посвящающихъ себя литературному труду, а еще болѣе оттого, что каждая политическая партія, каждая школа, каждое религіозное убѣжденіе желаетъ имѣть свой взглядъ на прошедшее и свою, такъ сказать, всеобщую исторію. Всѣ призываютъ исторію въ свидѣтели и доказательства своей правоты; примѣромъ тому можетъ служить цѣлая литература, которая явилась внезапно на нашихъ глазахъ, для одного Юлія Цезаря.

Намъ остается позаботиться о томъ, чтобы выработать прочную и ясную систему, которая доставила бы возможность со временемъ спеціалистамъ имѣть въ нашемъ журналѣ сколько нибудь полный сводъ всѣхъ важнѣйшихъ литературныхъ фактовъ, а вообще для людей образованныхъ средство къ выбору такихъ историческихъ книгъ для чтенія, которыя могли бы знакомить ихъ или съ новыми воззрѣніями на прошедшее или съ художественнымъ изложеніемъ того, что до сихъ поръ ожидало для себя таланта для обработки.

Мы приняли, на первый разъ, главнѣйшіе языки основаніемъ для раздѣленія своей хроники на отдѣлы, хотя признаемся, что такая система имѣетъ свои неудобства для читателя, который можетъ желать иногда найти, напримѣръ, что̀ явилось въ послѣднее время по такому-то именно вопросу или событію; но группировка по предметамъ не дозволила бы составить понятія о литературной дѣятельности каждой націи въ отдѣльности, и потому представляла бы важное неудобство для историка литературы.

1) Французская литература.

Современная французская историческая литература, по сравненію съ предшествовавшимъ періодомъ Луи-Филиппа, можно сказать, находится въ упадкѣ. За исключеніемъ двухъ, трехъ капитальныхъ произведеній въ родѣ такого труда, какъ «Революція» Эдгара Кине [1]),

---

[1]) Это сочиненіе будетъ разсмотрѣно особо во второмъ отдѣлѣ одного изъ послѣдующихъ томовъ.

масса прочихъ произведеній отличается болѣе или тенденціозностью, или тѣмъ умѣньемъ излагать предметъ ясно, живо и привлекательно, что составляетъ неотъемлемую принадлежность и достоинство французскаго пера.

Мы не ограничились только тѣми произведеніями, которыя вышли въ настоящемъ году, и внесли также тѣ труды, которые явились въ концѣ прошлаго года.

Biographie universelle (Michaud) *ancienne et moderne, ou Histoire, par ordre alphabétique, de la vie politique et privée de tous les hommes qui se sont fait remarquer par leurs écrits, leurs actions, leurs talens, leurs vertus ou leurs crimes.* Nouvelle édition, précédée d'un discours préliminaire de M. Ch. Nodier, continuée jusqu'á nos jours, revue, corrigée et considérablement agmentée d'articles omis et nouveaux; ouvrage rédigé et signé par plus de trois cents collaborateurs français et étrangers. *(Всемірная біографія* (Мишо) древняя и новая, или исторія, въ алфавитномъ порядкѣ, политической и частной жизни всѣхъ, которые ознаменовали себя своими сочиненіями, своими дѣяніями, своими талантами, своими добродѣтелями или пороками. Новое изданіе, предшествуемое введеніемъ Нодье, продолженное до нашего времени, пересмотрѣнное, исправленное и значительно дополненное статьями опущенными или новыми; трудъ веденный и подписанный болѣе, нежели тремя стами сотрудниковъ французскихъ и нѣмецкихъ). 45 томовъ.

Самое оглавленіе указываетъ на то, чѣмъ отличается новое изданіе всемірной біографіи отъ прежняго. Намъ остается только присоединить нѣсколько подробностей въ доказательство того, что объявленіе, сдѣланное новою редакціею этого монументальнаго труда, который можно назвать скорѣе цѣлою библіотекою, нежели книгою, нисколько не преувеличено.

Первое изданіе было задумано и начато въ 1810 г. извѣстнымъ историкомъ Мишо, и окончено въ 1828 г. Съ того времени необходимо было сдѣлать дополненія, и къ 52 томамъ явилось еще 40 томовъ, такъ что все изданіе доходило до 92 томовъ. Въ 1840 годахъ Мишо рѣшился приступить ко второму изданію, которое и явилось теперь окончательно въ числѣ 45 томовъ. Но новое изданіе не было одною редакціонною и типографскою работою. Многія статьи, вслѣдствіе успѣховъ исторической науки, должны были совершенно переработаться: многое, какъ напримѣръ, статья о Наполеонѣ I, написанная въ 1814 г., носила на себѣ печать тѣхъ событій, при которыхъ было писано то или другое. Наконецъ, многого недоставало еще, не смотря на обширныя дополненія. Изъ статей совершенно новыхъ мы указываемъ въ особенности на слѣдующія: *Louis Philippe*, написанное Ребо, *Sir Robert Peel*—Гизо; *Talleyrand* и *Metternich*—Капефига; *Lamennais*—Ренана; *Joseph de Maistre, Law, Malthus*, и *Rossi*—Бодрилльяра, и т. д.

Guizot, Histoire nationale de France. (*Гюз*, Національная исторія Франціи).

До сихъ поръ вышли три тома, которые обѣщаютъ замѣчательный трудъ въ этомъ родѣ. До сихъ поръ мы не имѣли исторіи Франціи, которая удовлетворяла бы на столько читателей по легкости чтенія и вмѣстѣ хорошему выбору предмета, группировкѣ. Исторія Франціи Мартена, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, слишкомъ обширна, чтобъ ее можно было назвать книгою для чтенія; это — монументальная исторія. Исторія Сисмонди весьма устарѣла; наконецъ, трудъ Мишле по этому же предмету, вслѣдствіе самаго способа изложенія, требуетъ отъ читателя весьма близкаго знакомства съ лицами и событіями, на которыя авторъ иногда только намекаетъ.

Ad. Franck, La Philosophie mystique en France à la fin du dix-huitième siècle. Saint-Martin et son maître Martinez Pasqualis. (*Ад. Франкъ*, Мистическая философія во Франціи въ концѣ XVIII вѣка. С. Мартенъ и его наставникъ Мартинецъ Паскалисъ).

Нѣтъ болѣе страннаго сближенія, какъ встрѣча въ одной эпохѣ мистицизма и восемнадцатаго вѣка, въ которомъ царилъ Вольтеръ. Повидимому, одно уничтожаетъ другое, но на дѣлѣ собственно одно ведетъ другое, и матеріализмъ, господствовавшій въ прошедшемъ столѣтіи, противъ своей воли рождалъ въ обществѣ мистицизмъ. Такое заключеніе представляютъ всѣ матеріалистическія эпохи; мы видимъ доказательство того на своемъ времени, богатомъ и великими представителями матеріалистическихъ ученій и медіумами спиритовъ. Ад. Франкъ, извѣстный профессоръ въ Collège de France, избралъ предметомъ своихъ изслѣдованій лицо, которое наиболѣе воплотило въ себѣ мистицизмъ XVIII вѣка; его сочиненіе отличается отъ прочихъ изслѣдованій подобнаго рода тѣмъ, что авторъ, обратившись къ произведеніямъ и перепискѣ С.-Мартена, возстановляетъ предъ нами всю внутреннюю жизнь человѣка; это даетъ возможность каждому видѣть, какъ могло въ душѣ недѣлимаго укорениться подобное направленіе, и какой потребности ея оно отвѣчало.

Taine, Nouveaux Essais de critique et d'histoire. (*Тэнъ*, Новые этюды изъ критики и исторіи). Второе изданіе.

Это собраніе превосходныхъ критическихъ и историческихъ статей Тэна весьма извѣстно, и мы упоминаемъ о его второмъ изданіи, потому что оно обогащено замѣчательнымъ введеніемъ, гдѣ авторъ излагаетъ несравненно съ большею ясностью и положительностью свой методъ и свою систему. Извѣстно, что Тэнъ стремится къ уподобленію метода естественныхъ и гуманныхъ наукъ; но нынѣшній разъ онъ дѣлаетъ огромную уступку своимъ противникамъ, давъ широкое мѣсто человѣческой волѣ въ судьбѣ историческихъ комбинацій. Что бы сказалъ химикъ, если бы матеріалы его работъ, при своихъ со-

единеніяхъ, могли бы выражать то, что въ человѣческихъ комбинаціяхъ мы называемъ свободною волею, наклонностями, чувствами и т. д. Могъ ли бы онъ распоряжаться въ своихъ дѣйствіяхъ съ такою увѣренностью? Между тѣмъ историкъ у Тэна находится именно въ такомъ положеніи. Но при всемъ томъ, нельзя не согласиться съ Тэномъ, что его методъ до нѣкоторой степени возможенъ. «Съ этою цѣлью (т. е. примѣнить къ себѣ методъ естественныхъ наукъ) и въ этомъ смыслѣ, говоритъ Тэнъ, исторія нынѣ видоизмѣняется; только посредствомъ такой работы она можетъ сдѣлаться изъ простого разсказа наукою и излагать законы, изложивъ предварительно факты. Мы замѣчаемъ уже многіе изъ этихъ законовъ, весьма точныя и весьма общія, и которые соотвѣтствуютъ найденнымъ въ наукѣ о живыхъ тѣлахъ. Въ этомъ отношеніи, *философія исторіи повторяетъ какъ въ зеркалѣ философію естественной исторіи.* Натуралисты замѣтили, что различные органы животнаго зависятъ одни отъ другихъ, что, напримѣръ, зубы, желудокъ, ноги, инстинкты и многія данныя видоизмѣняются вмѣстѣ, слѣдуя опредѣленной связи, такъ что измѣненіе въ одномъ влечетъ соотвѣтствующее измѣненіе въ другомъ. Точно также историки замѣчаютъ, что различныя привычки и наклонности недѣлимаго, извѣстной расы, извѣстной эпохи, такъ связаны между собою, что измѣненіе какого нибудь даннаго, наблюденное въ сосѣднемъ недѣлимомъ, въ ближайшей группѣ, въ эпоху предшествующую или послѣдующую, влечетъ за собою пропорціональное видоизмѣненіе всей системы. Натуралисты удостовѣрились, что преувеличенное развитіе одного органа въ животномъ, какъ кангуру или летучая мышь, ведетъ къ обѣднѣнію или уменьшенію соотвѣтственныхъ органовъ. Равнымъ образомъ, историкъ можетъ засвидѣтельствовать, что необыкновенное развитіе какой нибудь способности, какъ нравственныя влеченія у германской расы, или метафизическія или религіозныя влеченія у индусовъ, приводитъ къ ослабленію другихъ способностей въ той же расѣ.» Остановимся на этомъ: уже изъ этихъ двухъ примѣровъ видно, какъ авторъ понимаетъ утверждаемую имъ ассимиляцію наукъ опытныхъ съ науками гуманными, какова исторія.

Jules César, par Rosseuw-Saint-Hilaire. (*Юлій Цезарь*, Россёвъ-Сентъ-Илера).

Р. Сентъ-Илеръ, хотя издалъ этотъ трудъ только въ послѣднее время, но онъ уже не новъ: это — часть его историческаго курса, который онъ читалъ въ Сорбоннѣ еще въ 1844 году, и вторично въ 1863 г., однимъ словомъ до появленія «Исторіи Юлія Цезаря» Наполеона III. Впрочемъ, ничто не препятствовало автору, при послѣдней редакціи своихъ лекцій, принять въ соображеніе другую такую же тему, и возражать не называя никого по имени. С.-Илеръ пріобрѣлъ себѣ уже давно извѣстность превосходною исторіею Испаніи; новый

его трудъ, не столь обширный, какъ предъидущій, представляетъ большія достоинства и по живости изложенія, и по близкому знакомству съ характеромъ описываемой эпохи. Взглядъ С.-Илера на значеніе Ю. Цезаря высказывается прямо въ его сравненіи Цезаря съ Катилиною, который былъ Цезаремъ, но безъ его величія и генія. Авторъ рисуетъ Цезаря постоянно его же словами и идеями: «Я вижу — приводитъ С.-Илеръ слова Цезаря — предъ собою въ государствѣ два тѣла, одно безсильное (сенатъ), съ головою (Цицеронъ), еще болѣе его слабою; другое сильное (народъ), но совсѣмъ безъ головы: итакъ, я буду этою головою!» Обращаясь къ личному характеру Цезаря, С.-Илеръ отличаетъ его отъ Силлы, признаетъ въ немъ добрыя качества, но видитъ въ этой добротѣ извѣстное орудіе, такъ что «нѣтъ средства точно опредѣлить, гдѣ кончается великодушіе, и гдѣ начинается разсчетъ». Особенно замѣчательно у автора то мѣсто, гдѣ онъ разбираетъ «популярность» Цезаря и всѣхъ подобныхъ ему людей, власть которыхъ опирается на suffrage universel. Въ заключеніе, С.-Илеръ подводитъ итоги дѣятельности Цезаря и является моралистомъ: «Цезаря, говоритъ онъ, погубило то, что онъ презиралъ родъ человѣческій, и это губитъ всѣхъ тѣхъ, которые, чтобы слыть великими людьми, считаютъ себя обязанными презирать все, какъ и онъ. Если есть правило безъ исключенія, то вотъ оно: кто презираетъ людей, тотъ самъ заслуживаетъ презрѣнія. Это говоритъ вамъ ваша совѣсть, противъ вашей воли, и когда вы осуждаете весь міръ, вы осуждаете себя. Я знаю, что трудно иногда слишкомъ уважать нашъ бѣдный родъ человѣческій; но всегда легко сожалѣть его... Цезарь не родился злымъ, онъ никогда никого не ненавидѣлъ, но онъ никогда и не любилъ, и, говоря словами Ювенала, у него ничто не билось на лѣвой сторонѣ. Чтó осталось отъ побѣдителя при Фарсалѣ? Образецъ, приводящій въ отчаяніе честолюбцевъ всѣхъ временъ, которые изучаютъ его, но не могутъ сравниться съ нимъ, въ презрѣніи ко всѣмъ законамъ, управляющимъ нравственнымъ міромъ, законамъ неизмѣняемымъ, ибо они еще живутъ, а Цезаря нѣтъ больше!... наконецъ, безсмертный памятникъ, одна великая страница въ исторіи, которую мы, въ нашей слабости, попытались написать, чтобы выставить въ надлежащемъ свѣтѣ нѣкоторыя истины, не признанныя или искаженныя.»

Histoire de Jules César, par l'empereur Napoléon III. Par. 1866. t. II. (*Исторія Юлія Цезаря*, соч. императора Наполеона III. Пар. 1866 г. т. II).

Мы имѣли уже случай сказать о содержаніи этого труда, по поводу перевода его на русскій языкъ (см. выше, стр. 142).

Boissier, Cicеron et ses amis. I vol. (*Боассье*, Цицеронъ и его друзья).

Авторъ избралъ предметомъ своего изслѣдованія ту эпоху, къ которой мы никогда не перестанемъ возвращаться для изученія харак-

теровъ, сдѣлавшихся типическими. Но сочиненіе Боассье не только изслѣдованіе, и изслѣдованіе безпристрастное, т. е. безъ скрытаго намѣренія говорить еще о чемъ нибудь, кромѣ того, что говоритъ авторъ; — оно можетъ быть названо мастерскою реставраціею картины римской общественной и политической жизни въ эпоху паденія республики. Переписка Цицерона служитъ главнымъ матеріаломъ, которымъ авторъ пользуется весьма сознательно и искусно, съ умѣньемъ открывать помыслы, которыми руководился писавшій, и отличать аффектацію отъ истиннаго чувства. Впрочемъ, эпоха Цицерона заключаетъ громадныя богатства для наблюдателя и мыслителя, и вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайныя трудности, при удивительномъ сплетеніи самой утонченной образованности и самого утонченнаго разврата. Въ особенности, самъ Цицеронъ представляетъ своимъ характеромъ трудную задачу для біографа. Его печальный конецъ искупилъ многое въ его жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ воспрепятствовалъ вѣрной оцѣнкѣ. Это — человѣкъ, такъ часто подвизавшійся за истину, и въ то же время писавшій Лентулу: «надобно часто перемѣнять направленіе парусовъ, если желаешь войти въ гавань.» Это — патріотъ, врагъ всякого насильственнаго переворота, и между тѣмъ убійцы Цезаря, поднявъ кинжалы, произносятъ его имя. Боассье отлично выполнилъ свою задачу именно потому, что не избралъ Цицерона, какъ то иногда случается, съ цѣлью сдѣлать его жизнеописаніе орудіемъ для проведенія какихъ нибудь политическихъ идей, а представилъ его тѣмъ, чѣмъ онъ былъ на дѣлѣ, и чѣмъ трудно было не сдѣлаться ему въ обществѣ того времени.

Другой, чрезвычайно удачный и не менѣе замѣчательный, хотя въ иномъ родѣ, типъ въ произведеніи Боассье — это Аттикъ, пережившій спокойно три революціи, лучшій другъ Цицерона и раздѣлившій трапезу съ его убійцами, котораго нельзя даже обвинять за непостоянство въ мнѣніяхъ, именно потому, что онъ во всю свою жизнь не имѣлъ никакого мнѣнія.

Dargaud, Histoire d'Elisabeth d'Angleterre. (Дарго, Исторія Елисаветы Англійской.)

Дарго, недавно умершій, былъ уже прежде извѣстенъ своими спеціальными трудами по исторіи XVI столѣтія, столь богатаго личностями и событіями. Но онъ никогда не отличался талантомъ обозрѣвать цѣлость эпохи, и это послѣднее его сочиненіе, нося на себѣ всѣ слѣды большой эрудиціи подробностей, скорѣе есть собраніе отдѣльныхъ этюдовъ, нежели цѣльная картина всей жизни Елисаветы. Настоящій и послѣдній его трудъ составляетъ продолженіе «Исторіи Маріи Стюартъ». Трудно было ожидать, чтобы тотъ, кто съ такою симпатіею изложилъ несчастную судьбу Маріи Стюартъ, могъ въ то же время быть совершенно безпристрастнымъ біографомъ ея против-

ницы. Но Дарго обошелъ счастливо эту трудность, какъ то видно въ самомъ выборѣ эпиграфомъ словъ Екатерины II о Елисаветѣ Англійской: «Дѣвственница—сомнѣваюсь; женщина—можетъ быть; великая королева — безспорно.» Дарго принадлежалъ къ исторической школѣ Ламартина и былъ его другомъ до самой смерти (онъ умеръ 65 лѣтъ). Всѣ достоинства и недостатки главы этой школы отразились и на его послѣдователѣ, хотя, какъ то всегда случается, достоинство менѣе замѣтно, а недостатки — въ большемъ видѣ.

Ch. de Rémusat, L'Angleterre au dix-huitième siècle. (*Ремюза*, Англія въ XVIII вѣкѣ). Новое изданіе.

Этотъ этюдъ Ремюза давно уже извѣстенъ, и теперь является въ новомъ изданіи. Ремюза въ своей исторіи парламентской жизни Англіи прошедшаго столѣтія даетъ превосходные этюды о главныхъ ея дѣятеляхъ, Болингброкѣ, Вальполѣ, Буркѣ и Фоксѣ; въ особенности замѣчателенъ послѣдній этюдъ. Новое изданіе имѣетъ въ себѣ введеніе, которое было написано въ 1852 году и оставалось до сихъ поръ неизданнымъ. Обыкновенно всѣ пишущіе о парламентской исторіи Англіи, разсматриваютъ Англію, какъ страну, куда нужно отправляться, чтобы изучать и заимствовать начала конституціи, какъ ѣздятъ въ Италію для изученія искусства. Нельзя сказать того же о Ремюза, который остается постоянно справедливымъ и безпристрастнымъ, указывая на то, что въ Англіи поражаетъ не самый конститиституціонный механизмъ, а національный духъ, на которомъ онъ покоится.

Correspondance de Louis XV et du maréchal de Noailles. (Переписка Лудовика XV съ маршаломъ де Ноаль.)

Это изданіе предпринято по распоряженію военнаго министра Рандона, подъ редакціею К. Руссе, который присоединилъ къ тому введеніе. Самая любопытная сторона этой переписки относится къ вопросу о французскихъ колоніяхъ и морской силѣ. Чтобы вполнѣ понять и оцѣнить идеи Ноаля въ XVIII вѣкѣ о предметѣ столь важномъ въ исторической жизни всѣхъ великихъ націй, мы рекомендуемъ предварительно познакомиться съ превосходными новѣйшими изслѣдованіями вообще о колоніяхъ, и въ частности о колонизаціи французской Жюля Дюваля (Les colonies et la politique coloniale de la France. 1864; и L'emigration au dix-neuvième siècle, получившее премію отъ французской академіи). При сравненіи современныхъ идей съ идеями прошедшаго столѣтія невольно поражаешься и ихъ сходствомъ и вмѣстѣ тѣмъ обстоятельствомъ, что такъ давно были уже извѣстны здравыя начала колоніальной политики, и тѣмъ не менѣе въ современной жизни Франціи не только не пользуются ими, но даже совершенно пренебрегаютъ, какъ то доказываютъ алжирскія и мексиканскія дѣла.

Всѣ усилія Ноаля были направлены къ тому, чтобы объяснить своему правительству огромное различіе между колонизаціею страны и ея завоеваніемъ. Въ послѣднемъ отношеніи правительства всегда обнаруживаютъ чрезвычайную силу, и крайнее безсиліе въ первомъ случаѣ. У Дюваля приводятся любопытные примѣры первой колонизаціи французской, бывшей дѣломъ частной иниціативы, и напоминающей нашу русскую древнюю колонизацію. Сцена совершенно перемѣнилась, когда французское правительство взяло на себя колонизацію, и когда все кончалось однимъ завоеваніемъ, которое, переставъ быть кровавымъ, дѣлалось безпрерывною денежною войною и стоило странѣ можетъ быть дороже прежнихъ битвъ. Для людей, спеціально занимающихся колоніальными вопросами, письма Ноаля представятъ много фактовъ для наблюденія и соображенія.

Henri Barbet de Jouy, Les Gemmes et Joyaux de la Couronne. (*Барбе де Жуи,* Геммы и драгоцѣнные камни короны).

Въ исторіи отдаленнаго времени, какъ и въ судебномъ слѣдствіи какого нибудь запутаннаго дѣла, часто играютъ важную роль неодушевленные предметы, которые ведутъ слѣдователя туда, гдѣ не можетъ имъ руководить болѣе точное показаніе. Даже иногда эти безмолвные свидѣтели говорятъ неподкупнѣе и безпристрастнѣе свидѣтелей живыхъ. Въ какомъ нибудь музеѣ, гдѣ собраны массами обломки, остатки культурной жизни прошедшихъ вѣковъ, мы видимъ предъ собою тысячи указаній на обстановку, условія общественности, которыя не вошли въ литературные памятники своего времени. Потому трудъ Барбе де Жуи имѣетъ важное значеніе для исторической науки, доставляя возможность каждому, не посѣщая Лувра, имѣть передъ своими глазами любопытнѣйшіе памятники древней цивилизаціи галло-римской и франкской. Всѣ предметы сняты халькографіей и имѣютъ при себѣ текстъ, въ которомъ съ большою ученостью и съ большимъ знаніемъ дѣла возстановлена по этимъ предметамъ жизнь, нуждавшаяся въ ихъ употребленіи, и историческія событія, связанныя съ ними тѣмъ или другимъ образомъ. Собраніе начинается съ V вѣка мечемъ Хильдерика I, подареннымъ въ XVII вѣкѣ Леопольдомъ I Людовику XIV. Работа рукоятки этого меча составила бы украшеніе наилучшей эпохи искусства; она вычеканена изъ чистаго золота и состояла изъ двухъ птичьихъ головъ съ соединенными шеями, одна изъ нихъ отломана и потеряна. Это изданіе только что началось, и теперь вышелъ въ свѣтъ его первый томъ.

Georges Guiffrey, Lettres inédites de Diane de Poitiers. (*Ж. Гифрей,* Неизданныя письма Діаны Поатье).

Издатель этого любопытнаго документа, изъ XVI столѣтія, предпосылаетъ обширное и интересное введеніе, въ которомъ старается

опровергнуть преданіе объ одномъ изъ самыхъ тяжкихъ обвиненій противъ Діаны Поатье, любовницы короля французскаго Генриха II, а именно, что онъ наслѣдовалъ ее отъ своего отца, Франциска I. Гифрей считаетъ это извѣстіе выдумкою протестантовъ, о которой впрочемъ нельзя не сказать, что она во всякомъ случаѣ правдоподобна, если принять въ соображеніе цѣлость характера лицъ, прикосновенныхъ къ этому дѣлу и общественную мораль того времени. Приложенные три портрета Діаны доказываютъ, по мнѣнію издателя, справедливость замѣчанія Брантома, что Діана не признавала надъ собою власти времени и сохранила красоту до смерти, т. е. до 64 лѣтняго возраста.

Albert de Broglie, L'Eglise et l'Empire au quatrième siècle. T. V et VI. (*Альбертъ де Бролльи*, Церковь и имперія въ четвертомъ вѣкѣ).

Пятый и шестой томъ заключаютъ собою этотъ обширный трудъ, начатый еще въ 1856 году. Первые четыре тома имѣли уже три изданія. Послѣдніе два заключаютъ въ себѣ пространство времени отъ 364 до 395, отъ начала царствованія Валента и до смерти Өеодосія Великаго, когда происходила послѣдняя борьба съ язычествомъ. Личности, выступавшія на сцену въ первыхъ томахъ, какъ Константинъ Великій и Юліанъ, конечно, сообщили имъ большой интересъ; въ послѣднихъ двухъ томахъ приходилось имѣть дѣло съ эпохою, скрывавшею въ себѣ зародышъ внутренняго разложенія церкви; однако и въ эту эпоху еще являются такія личности, какъ св. Василій, св. Амвросій и Өеодосій, и Бролльи имѣлъ случай употребить въ дѣло свой талантъ историческаго изложенія. Но его личныя качества, какъ писателя болѣе склоннаго къ клерикальной партіи, заставляютъ критически относиться къ его критикѣ прошедшихъ временъ и въ такомъ вопросѣ, гдѣ современные интерессы и страсти еще столь сильны, что могутъ спускаться до глубины четвертаго вѣка, чтобы тамъ искать себѣ оправданій.

Athanase Coquerel, Des premières transformations historiques du Christianisme. (*А. Кокерель*, О первыхъ историческихъ преобразованіяхъ христіанства).

Новое изслѣдованіе Кокереля находится въ тѣсной связи съ послѣднимъ движеніемъ, которое произошло въ средѣ французскихъ протестантовъ, и выражаетъ собою направленіе той части ихъ, которая вступила въ борьбу съ ортодоксальнымъ протестантизмомъ. Авторъ выходитъ изъ той точки зрѣнія, что успѣхи времени есть вмѣстѣ и успѣхи въ религіи, и мы остались бы недостойны великихъ именъ реформаторовъ, если бы захотѣли придать имъ неподвижность, забывъ, что и они сами нѣкогда явились вслѣдствіе подвижности идей времени. Изслѣдованію главнаго предмета предпосылается краткій обзоръ всѣхъ древнихъ религій, предшествовавшихъ христіанству.

Ernest Renan, Membre de l'Institut, *Histoire des origines du Christianisme*. Livre deuxième qui comprend depuis la mort de Jésus jusqu'aux grandes missions de saint Paul (33—45): Les Apôtres. Par. 1866. (*Э. Ренана*, члена института, Исторія происхожденія христіанства. Книга вторая, отъ смерти Іисуса до великаго призванія св. Павла (33—45): Апостолы. Пар. 1866.)

Французскіе журналы и газеты уже познакомили нашу публику съ содержаніемъ второй книги «Исторіи происхожденія христіанства» Ренана, служащей продолженіемъ «Жизни Іисуса,» и отчасти успѣли даже представить болѣе или менѣе бѣглый разборъ ея содержанія и критическія замѣтки. Одновременно съ появленіемъ «Апостоловъ,» вышло у насъ ученое и весьма замѣчательное изслѣдованіе нашего соотечественника Д. А. Хвольсона, принадлежащаго къ числу первыхъ знатоковъ еврейской литературы въ цѣлой Европѣ. Какъ ни далекъ предметъ его изслѣдованія [1]) отъ того, что занимало Ренана, но сдѣланныя имъ открытія доставили ему хорошій случай произнести свой судъ надъ критическимъ достоинствомъ послѣдняго произведенія французскаго оріенталиста и вообще надъ всѣми трудами въ томъ же родѣ по этому предмету. Нашъ критикъ имѣлъ въ виду первый уже вышедшій томъ, но, такъ какъ и во второмъ томѣ Ренанъ слѣдуетъ отчасти тѣмъ же путемъ, то будетъ неизлишне привести здѣсь in extenso мнѣніе такого компетентнаго судьи, какъ А. Д. Хвольсонъ. Притомъ его изслѣдованіе, по своей спеціальности, едва ли попадетъ въ руки большинства образованныхъ читателей.

«Не вдаваясь въ подробный разборъ «Жизни Іисуса» Ренана, говоритъ г. Хвольсонъ (стр. 165 и слѣд.), не могу не замѣтить только, что если бы авторъ основательнѣе зналъ евреевъ и ихъ исторію, и преимущественно исторію развитія мозаизма впродолженіи 4—5-ти в. до христіанской эпохи, что совершенно необходимо для подобнаго сочиненія, имѣющаго претензію на строго-историческую критику; ежели бы онъ, затѣмъ, при изложеніи большей части своихъ сочиненій, не руководствовался, сознательно или безсознательно, извѣстными, предвзятыми мнѣніями и религіозными или лучше сказать антирелигіозными стремленіями [2]), — то большая часть его сочиненій, преимущественно же «Жизнь Іисуса,» имѣли бы совершенно иной характеръ и привели бы къ совершенно инымъ историческимъ результатамъ. Онъ не отказалъ бы также еврейскому народу въ его всемірно-историческомъ зна-

---

[1]) Д. А. Хвольсонъ, Восемнадцать еврейскихъ надгробныхъ надписей изъ Крыма. Спб. 1866.

[2]) Я долженъ здѣсь замѣтить, что говорю противъ Ренана только какъ противъ историка, который не долженъ преслѣдовать политическія или религіозныя тенденціи, а передавать только, безъ всякихъ предвзятыхъ мнѣній, результаты, добытые имъ путемъ критическаго изслѣдованія источниковъ. Оспариваніе же религіозныхъ убѣжденій Ренана предоставляю богословамъ.

ченіи, не умалилъ бы его заслугъ въ отношеніи образованія и нравственнаго развитія человѣчества, и не могъ бы не признать, что современная намъ цивилизація есть ни что иное, какъ результатъ объединенія научнаго и эстетическаго направленія грековъ съ духомъ истинной гуманности и высокой нравственности, исходившими изъ Іудеи.

«Упомянувъ о книгѣ Ренана «Жизнь Іисуса», вызвавшей изслѣдованія весьма различныхъ направленій и оттѣнковъ объ этомъ предметѣ, я считаю здѣсь умѣстнымъ подвергнуть разбору точку зрѣнія тѣхъ лицъ, которыя стремились разработать критически жизнь Спасителя. Мы уже сказали, что критическая разработка жизни Іисуса необходимо обусловливается основательнымъ знакомствомъ съ исторіею развитія мозаизма впродолженіи послѣднихъ 4 — 5-ти столѣтій до Р. Х. Какъ ни естественно само собою это условіе, нельзя не посвятить ему нѣсколькихъ словъ, такъ какъ всѣ критики-изслѣдователи жизни Спасителя уклонились отъ этого требованія. Я полагаю, что даже самые строговѣрующіе богословы согласятся съ тѣмъ, что ежели бы Спаситель явился и дѣйствовалъ вмѣсто Палестины, въ Греціи, въ Римѣ, то внѣшняя форма его ученія и дѣятельности была бы, конечно, иная чѣмъ въ Галилеѣ и Іерусалимѣ. Естественно проистекающее изъ этого заключеніе то, что дѣятельность Спасителя получила свой видъ отчасти вслѣдствіе тогдашнихъ религіозныхъ, соціальныхъ и политическихъ мѣстныхъ условій Палестины. Дальнѣйшее заключеніе изъ этого положенія то, что нельзя достигнуть вѣрнаго разумѣнія словъ и дѣйствій Спасителя, а слѣдовательно и апостоловъ, безъ основательнаго и всесторонняго знакомства съ тогдашними религіозными, соціальными и политическими обстоятельствами Палестины, точно также какъ и съ исторіею религіознаго развитія евреевъ впродолженіи столѣтій, непосредственно предшествовавшихъ тому времени. Но кто, спрашивается, изъ прежнихъ и новыхъ критиковъ-біографовъ Іисуса Христа удовлетворилъ, или въ состояніи былъ удовлетворить этимъ требованіямъ? Что можно было бы сказать о біографѣ Цезаря, напр., который имѣлъ бы весьма неясныя и неточныя понятія о всей предшествовавшей и современной этому герою исторіи Рима, безъ основательнаго знакомства съ которою вовсе нельзя понять его дѣятельности и обусловливавшихъ послѣднюю мотивовъ? Оставалось бы, разумѣется, только сожалѣть о такомъ біографѣ, а его книгу предать забвенію. Отъ біографа Цезаря требуется, понятно, чтобы онъ воспользовался всею римскою литературою, соприкасающимися съ римскою исторіею какъ произведеніями грековъ, такъ и съ памятниками всякого рода, для того чтобъ онъ предварительно и вполнѣ освоился съ римскою исторіею до Цезаря и состояніемъ Рима въ его время. Подобныя же требованія мы вправѣ предъявить кри-

тику-біографу Іисуса Христа. Разница въ томъ, что, въ послѣднемъ случаѣ, удовлетвореніе этимъ требованіямъ сопряжено съ гораздо большими затрудненіями, чѣмъ въ первомъ. Въ то время, когда біографъ Цезаря имѣетъ, преимущественно, дѣло съ предшествовавшими этому герою и современными ему политическими и соціальными событіями, стоящими всегда въ жизни народа на первомъ планѣ и бросающимися, такъ сказать, прямо въ глаза,—біографу Спасителя приходится больше всего изслѣдовать внутреннюю религіозную сторону народной жизни, нерѣдко сокрытую и легко ускользающую отъ вниманія наблюдателя.

«Какими источниками пользовались біографы Іисуса Христа при изслѣдованіи политическаго, соціальнаго и религіознаго состоянія Палестины въ вѣка ближайшіе къ нему и въ его время? Источниками для нихъ служили тенденціозныя и соотвѣтственныя обычнымъ понятіямъ греческихъ и римскихъ читателей сочиненія Іосифа Флавія и, отчасти, внѣ Палестины сочиненные апокрифы. Но, какъ-бы чувствуя недостаточность этихъ произведеній для удовлетворенія требованіямъ науки,— сказанные біографы прибѣгаютъ еще, для очистки совѣсти, къ какой нибудь книгѣ, озаглавленной «Horae Hebraicae et Talmudicae». Я долженъ еще разъ прибѣгнуть къ сравненію ихъ съ біографами Цезаря. Что сказали бы о такомъ изъ нихъ, который, вмѣсто вышеприведенныхъ источниковъ, ограничился бы однимъ Евтропіемъ и Флоромъ, какъ единственными источниками для исторіи Рима до и во время Цезаря? Тѣ критики-біографы Спасителя гонятся за жалкими произведеніями Букссторфа, Лейтфута, Шеттгена и т. д. и оставляютъ безъ вниманія живой источникъ, кроющійся въ вавилонскомъ и палестинскомъ талмудахъ и многочисленныхъ древнихъ и новыхъ мидрашахъ! Конечно источники эти для многихъ совершенно недоступны; но, въ такомъ случаѣ, не слѣдовало бы ими пренебрегать, а, подобно Рейхлинамъ, Мирандоламъ и другимъ весьма почтеннымъ ученымъ, пользоваться готовностью и помощью тѣхъ, которые обладаютъ ключемъ къ этимъ источникамъ. Ошибаются тѣ, которые полагаютъ, что при помощи «Lexicon talmudicum» Букссторфа можно обойтись и безъ содѣйствія людей, непосредственно знакомыхъ съ самыми источниками.

«Въ этомъ случаѣ необходимы еще предварительныя работы, для которыхъ недостаточно одного поколѣнія. Вся древняя раввинская литература носитъ на себѣ, нѣкоторымъ образомъ, характеръ перемѣшанныхъ, не приведенныхъ въ порядокъ, собраній протоколовъ ученыхъ засѣданій, бывшихъ впродолженіи почти тысячи лѣтъ въ различныхъ мѣстностяхъ. Здѣсь все перемѣшано: древнее и новое, доброе и худое, дѣйствительное и поддѣльное. Позднѣйшіе собиратели древнихъ преданій и толкованій (талмудисты) не подозрѣвали крою-

щихся въ нихъ источниковъ религіознаго развитія. Они и вообразить себѣ не могли, чтобы древніе учители, считавшіеся столь строго правовѣрными, могли имѣть религіозныя понятія и воззрѣнія отличныя отъ господствовавшихъ въ ихъ время. Поэтому древнія преданія, противорѣчившія религіознымъ понятіямъ, преобладавшимъ во время этихъ собирателей, были, по большей части, перетолкованы ими или переиначены по своему. Тщательная и чрезвычайно тонкая критика должна еще предварительно отличать старое отъ новаго, дѣйствительное отъ поддѣльнаго, существенное отъ несущественнаго. Только послѣ этихъ приготовительныхъ работъ можно приступить къ составленію исторіи развитія мозаизма во время втораго храма и къ изображенію религіозныхъ идей и ученій, господствовавшихъ между евреями въ вѣка ближайшіе времени Іисуса Христа и въ его время. Само собою понятно, что подобная работа не по силамъ тѣмъ, которые, имѣя въ рукахъ лексиконъ Букстофа, съ трудомъ разбираютъ какую нибудь строчку Талмуда. До тѣхъ поръ, пока не будетъ окончена эта работа, пока не будетъ разработана почва, на которой выросло христіанство, немыслимо описаніе «Жизни Іисуса» на строго-научныхъ основаніяхъ. Строго вѣрующіе не нуждаются въ этихъ изслѣдованіяхъ; единственный и совершенно достаточный для нихъ источникъ — это книга новаго завѣта. Но кто прибѣгаетъ къ критикѣ, тотъ долженъ уже руководствоваться всѣми законами строго-исторической критики. Онъ долженъ поступать точно также, какъ поступилъ бы настоящій историкъ, желающій описать жизнь Ѳемистокла, Александра Великаго, Ганнибала или Цезаря. Такой историкъ долженъ предварительно тщательнѣйшимъ образомъ изслѣдовать, по принадлежности, какъ современную, такъ и прошедшую исторію мѣстъ ихъ круга дѣятельности. Точно также біографъ Іисуса Христа, претендующій на критическое достоинство своего труда, долженъ имѣть самое ясное понятіе о религіозномъ, общественномъ и политическомъ состояніи Палестины во время Спасителя и въ ближайшіе къ нему вѣка. Въ настоящее время это для большинства вещь еще невозможная. Но путь къ этому познанію постепенно пролагается еврейскими учеными, а преимущественно Гейгеромъ, котораго сочиненіе «Die Sadducäer und Pharisäer» есть свѣтило научнаго изслѣдованія.»

Приведя мнѣніе знатока о критической сторонѣ сочиненія Ренана и ожидая приговора нашихъ богослововъ о второй книгѣ, какъ то уже было сдѣлано ими въ отношеніи первой, мы ограничимся только тѣмъ историческимъ значеніемъ книги «Апостолы», которое заставляетъ сожалѣть о ея недостаткахъ въ двухъ первыхъ отношеніяхъ.

Во второй книгѣ авторъ обнимаетъ эпоху 12 лѣтъ, отъ крестной смерти Спасителя до начала наибольшей дѣятельности св. апостола Павла, котораго онъ оставляетъ вмѣстѣ съ другими двумя апосто-

лами на томъ моментѣ, когда «они выходятъ изъ Антіохіи тѣми воротами, которые ведутъ въ Селевкію. Въ своей третьей книгѣ, заключаетъ авторъ, я попытаюсь прослѣдить за этими благовѣстителями, на сушѣ и на морѣ, въ тишину и въ бурю, въ худые и счастливые дни. Я тороплюсь пройти эту безпримѣрную эпопею, очертить тѣ безконечныя дороги въ Азіи и въ Европѣ, вдоль по которымъ они сѣяли сѣмена Евангелія, тѣ волны, которыя они переплывали столько разъ и въ столь различныхъ обстоятельствахъ. Великая одиссея христіанства начинается. Уже апостольская лодка натянула свои паруса; задуваетъ вѣтеръ и стремится разнести на своихъ крыльяхъ слова Іисуса.»

Первыя 12 лѣтъ нашей эры, послѣ Воскресенія Христова, были эпохою дальнѣйшаго развитія церкви, ограничивавшейся небольшою общиною вѣрующихъ, которая однако уже смѣло выступила на борьбу съ язычествомъ. Это обстоятельство должно было разширить кругъ изслѣдованій Ренана, и значительная часть второй книги посвящена изложенію состоянія языческаго міра. Ѳта сторона, дѣйствительно, обнаруживаетъ въ авторѣ сильный художественный талантъ, и его описаніе Антіохіи можно привести только въ доказательство идеи, можетъ быть, противоположной тому, что преслѣдуетъ Ренанъ въ другихъ частяхъ своего сочиненія, но тѣмъ не менѣе справедливой. Вотъ картина Антіохіи въ ту минуту, когда въ ней явилось всего два или три человѣка, которые сдѣлали то, чего бы мы не были въ состояніи сдѣлать никакими мѣрами, какими только распоряжается современный человѣкъ.

«Антіохія, говоритъ Ренанъ, «метрополія Востока,» третій городъ въ мірѣ (послѣ Рима и Александріи), сдѣлалась центромъ христіанства въ сѣверной Сиріи. Это былъ городъ больше чѣмъ въ 500,000 жителей, почти равный Парижу, до его послѣднихъ распространеній, резиденція императорскаго легата Сиріи. Антіохія, возведенная съ самаго начала Селевкидами на высшую степень блеска, еще болѣе выиграла отъ римскаго завоеванія. Вообще, Селевкиды опередили римлянъ въ искусствѣ театральныхъ декорацій, въ ихъ примѣненіи къ большимъ городамъ. Храмы, водопроводы, бани, базилики, ни въ чемъ Антіохія не представляла недостатка, и все это считалось принадлежностью большого сирійскаго города той эпохи. Улицы съ колоннадою по краямъ, со статуями на перекресткахъ, представляли въ ней болѣе симметріи и правильности, нежели гдѣ либо. *Корсо*, украшенное четырьмя рядами колоннъ, образуя двѣ крытыя галереи съ широкимъ проходомъ посреди, перерѣзывало городъ мѣстами, на разстояніи 36 стадій (болѣе одного льё). Но Антіохія имѣла не однѣ колоссальныя постройки общественной пользы; она имѣла также и то, чѣмъ рѣдко обладали сирійскія города: образцы греческаго искусства, удивитель-

ныя статуи, классическія произведенія такого совершенства, которымъ не умѣютъ больше подражать. Антіохія, съ самаго основанія, была всецѣло эллинскимъ городомъ. Македоняне страны Антигона и Селевка внесли въ эту мѣстность нижняго Оронта свои живѣйшія воспоминанія, свое богопочитаніе, имена своей родины. Греческая миѳологія устроилась тамъ, какъ дома; въ странѣ показывали множество «священныхъ мѣстъ,» имѣвшихъ отношеніе къ этой миѳологіи. Городъ былъ полонъ знаками почитанія Аполлона и нимфъ. Дафнэ, очаровательное мѣсто, почти въ двухъ часахъ разстоянія отъ города, рождало въ завоевателяхъ самыя веселыя мечты. Это было родъ похищенія, подделки миѳовъ метрополіи, подобной тѣмъ смѣлымъ странствованіямъ, когда первобытныя колѣна заставляли путешествовать съ собою свою Берецинту, свою Арванду, свою Иду, свой Олимпъ. Эти греческія басни составляли состарѣвшуюся религію и едва ли болѣе серьезную, чѣмъ *Овидіевы превращенія*. Древнія религіи страны, особенно на горѣ Кавіѣ, придавали всему этому нѣкоторую важность. Но сирійское легкомысліе, вавилонское шарлатанство, всѣ мерзости Азіи, смѣшавшись другъ съ другомъ на этомъ рубежѣ двухъ міровъ, дѣлали изъ Антіохіи столицу лжи, дно всего гнуснаго.

«Дѣйствительно, рядомъ съ греческимъ населеніемъ, которое, за исключеніемъ Александріи, нигдѣ не было такъ густо, какъ здѣсь, Антіохія считала въ своей средѣ значительное число сирійскихъ туземцевъ, говорившихъ по-сирійски. Эти туземцы составляли чернь, жившую въ предмѣстьяхъ великаго города и въ населенныхъ деревняхъ, образовавшихъ около него на широкомъ пространствѣ пригороды, Карандама, Гизира, Гондигура, Апатэ (имена по большей части сирійскія). Браки между этими сирійцами и греками были обыкновенны; впрочемъ Селевкъ установилъ закономъ, что всякій чужестранецъ, поселившійся въ городѣ, дѣлался гражданиномъ его, и потому Антіохія послѣ трехъ съ половиною столѣтій существованія была однимъ изъ тѣхъ пунктовъ, гдѣ населеніе было самое смѣшанное. Низость души тамъ была ужасающая. Свойство такихъ гнѣздъ нравственнаго разложенія состоитъ именно въ томъ, что въ нихъ всѣ племена уравниваются. Паденіе нѣкоторыхъ левантинскихъ городовъ, управляемыхъ духомъ интриги и преданныхъ въ цѣлости низкимъ и утонченнымъ ухищреніямъ, едва въ состояніи дать намъ понятіе о степени извращенія, которой достигъ человѣкъ въ Антіохіи. Это былъ неслыханный сбродъ крикуновъ, шарлатановъ, мимовъ, магиковъ, кудесниковъ, волшебниковъ, наглыхъ жрецовъ; городъ ристалищъ, игрищъ, плясокъ, процессій, празднествъ, бакханалій; необузданная роскошь, все безуміе Востока, самое болѣзненное суевѣріе, изступленія оргіи. Поочередно, то раболѣпные и неблагодарные, то трусливые и дерзкіе, антіохійцы были совершеннѣйшимъ образчикомъ

толпы, проданной римскимъ цезарямъ, безъ отечества, безъ національности, безъ семейной чести, безъ имени. Громадное *Corso*, пересѣкавшее городъ, было подобно театру, по которому двигались ежедневно волны населенія пустого, легкомысленнаго, измѣнчиваго, мятежнаго, подъ часъ смышленаго, занятаго пѣснями, пародіею, шутками и наглостями всякаго рода. Городъ былъ очень образованъ, но его литература была риторическая. Зрѣлища были странныя: являлись хороводы молодыхъ дѣвицъ, обнаженныхъ, съ простой ленточкой, и принимали участіе во всѣхъ упражненіяхъ; въ знаменитый праздникъ Майюма, толпы куртизанокъ плавали публично въ бассейнахъ, наполненныхъ прозрачною водою. Это было какое-то опъяненіе, сонъ Сарданапала, въ которомъ развертывались въ хаосѣ всѣ страсти, весь развратъ, не исключавшій нѣкоторой утонченности. Эти потоки грязи, вытекая изъ устья Оронта, и идя наводнить собою Римъ, имѣли именно тамъ свой главный источникъ. Двѣсти декуріоновъ занимались устройствомъ торжества и празднествъ. Городское управленіе владѣло обширными общественными имуществами, пользованіе которыми распредѣляли дуумвиры между бѣдными гражданами. Какъ всѣ города удовольствій, Антіохія имѣла грязную чернь, жившую на счетъ общества или грязными ремеслами.

«Красота памятниковъ искусства и безпредѣльныя чары природы не дозволяли этому нравственному самоуниженію выродиться въ совершенное безобразіе и пошлость. Городъ Антіохія живописнѣйшій въ свѣтѣ. Онъ занималъ пространство между Оронтомъ и скатами горы Сильпія, одного изъ отроговъ горы Казія. Ничто не могло сравниться съ изобиліемъ и красою водъ. Стѣна, поднимаясь на заостренныя скалы чудомъ военной архитектуры, опоясывала вершины горъ, и составляла, вмѣстѣ со скалами, на страшной высотѣ, зубчатую корону изумительнаго вида. Такое расположеніе укрѣпленій, соединяя выгоды древнихъ акрополей съ выгодами большихъ замкнутыхъ городовъ, было вообще предпочитаемо намѣстниками Александра, какъ то видно въ Піерійской Селевкіи, въ Эфесѣ, Смирнѣ, въ Ѳессалоникѣ. Это составляло поразительную перспективу. Антіохія имѣла, внутри своихъ стѣнъ, горы, въ 700 ф. высоты, заостренныя скалы, потоки, пропасти, глубокіе рвы, каскады, неприступные гроты; и, посреди этого всего, восхитительные сады. Миртъ, лавръ, вѣчная зелень, самая нѣжная, скалы, усѣянныя гіацинтами, все это дѣлало изъ дикихъ высотъ нависшія площади. Разнообразіе цвѣтовъ, свѣжесть луговъ, краса платановъ, окаймляющихъ берега Оронта, вселяли веселость и какое-то сладостное благоуханіе...

«Между различными колоніями, привлеченными, вслѣдствіе либеральныхъ распоряженій Селевкидовъ, въ столицу Сиріи, колонія евреевъ была самая многочисленная; она была основана при Селевкѣ Ни-

каторѣ и пользовалась тѣми же правами, какъ и колонія грековъ. Хотя евреи имѣли своего этнарха, но ихъ сношенія съ язычниками были весьма часты. Эти сношенія здѣсь, какъ и въ Александріи, часто переходили въ борьбу и нападенія. Съ другой стороны, они представляли случай къ дѣятельной религіозной пропагандѣ. Оффиціальное многобожіе все менѣе и менѣе удовлетворяло серьезные умы, греческая философія и іудаизмъ привлекали къ себѣ всѣхъ, кому казалась недостаточною пустая торжественность язычества. Число ревнителей было значительно. Съ первыхъ дней христіанства, Антіохія доставила іерусалимской церкви одного изъ самыхъ вліятельныхъ лицъ, Николая, бывшаго однимъ изъ діаконовъ. Однимъ словомъ, въ Антіохіи были превосходныя почки, которыя ожидали только луча благодати, чтобы распуститься и принести прекраснѣйшіе плоды, какіе только когда либо были видѣны.»

Какъ важенъ открывающійся за тѣмъ антіохійскій періодъ первобытной христіанской церкви, къ которому Ренанъ долженъ перейти въ послѣдующей книгѣ, достаточно указать на то, что, по свидѣтельству «Дѣяній апостольскихъ (XI, 26)», въ Антіохіи впервые мы стали называться христіанами.

Всѣ отдадутъ справедливость историческому таланту Ренана, его начитанности и богатству свѣдѣній, которыя даютъ ему обширный матеріалъ для художественной переработки; но авторъ, къ сожалѣнію, преслѣдовалъ полемическія цѣли и притомъ именно въ той области, въ которой, по словамъ великаго поэта, есть много такого, что и не снилось древнимъ мудрецамъ. Историческая наука, оскорбляя законныя чувства милліоновъ, и вторгаясь въ ту область, которая ей не принадлежитъ, и въ которой никто не требуетъ отъ нея отвѣта, только теряетъ въ благодѣтельномъ своемъ вліяніи на умы; между тѣмъ какъ она имѣетъ свою законную область, въ которой ей слишкомъ много работы, чтобы брать на себя рѣшать вопросы, даже и счастливое рѣшеніе которыхъ нисколько не измѣнитъ сущности дѣла. Такое описаніе, которое мы прочли для антіохійскаго общества вызываетъ невольно мысль о колоссальномъ и безпримѣрномъ чудѣ, совершившемся въ ту эпоху, когда двумъ, тремъ благовѣстителямъ истины, безъ помощи, безъ власти, пришлось вступить въ борьбу съ населеніемъ въ 500,000 человѣкъ, погрязшимъ въ страшномъ развращеніи нравовъ, и одержать побѣду. Но Ренанъ больше тратитъ свои силы и свою ученость на споръ съ другими фактами, противъ которыхъ можно привести все же одни догадки и говорить: «это, вѣроятно, произошло такимъ образомъ.» Чтобы мы сказали, еслибы историкъ реформаціи употребилъ всю свою громадную ученость на объясненіе одного только факта изъ заключенія Лутера въ Вартбургѣ, и назвалъ бы послѣ того свое изслѣдованіе исторіею происхожденія реформа-

ціи? Такія сочиненія, какъ книга Ренана, имѣютъ, допустимъ, свою силу, но они имѣютъ и свою слабость, и слабости больше, чѣмъ силы. Когда явилась извѣстная «Жизнь Іисуса» Д. Штрауса король прусскій, разсказываютъ, призвалъ знаменитаго богослова Неандера, и спрашивалъ его, какія слѣдуетъ употреблять мѣры, для защиты христіанства отъ такихъ дерзкихъ нападокъ? Неандеръ отвѣчалъ: «Тотъ, кто защитилъ христіанство, когда оно исповѣдывалось двѣнадцатью бѣдными и безсильными людьми, тотъ и теперь не будетъ просить нашей помощи для защиты его дѣла, когда оно исповѣдуется милліонами.» Если Ренанъ думалъ доказать свое, то время докажетъ ему другое, какъ оно доказало многимъ изъ его предшественниковъ, начиная отъ Секста Эмпирика, во II вѣкѣ, и до Д. Штрауса въ наши дни.

Barthélemy St. Hilaire, Mahomet et le Coran. (*Бартелеми Сентъ-Илеръ*, Магометъ и Коранъ.) Въ I томѣ.

Наше время измѣнило свои отношенія къ востоку: мы продолжаемъ съ нимъ ту же борьбу, но другимъ оружіемъ. Всестороннее изслѣдованіе, изученіе нравовъ, быта, историческаго развитія громадной части человѣчества, остающейся особнякомъ, служатъ крестовыми походами современнаго европейца. Въ средніе вѣка особенности восточной жизни могли вызвать въ западномъ европейцѣ жажду крови, въ насъ они возбуждаютъ жажду знанія, и надобно надѣяться, что наука окажетъ болѣе прочныя услуги успѣхамъ европейской цивилизаціи на востокѣ, нежели средневѣковая вражда съ нимъ. — Новый трудъ Сентъ-Илера, французскаго философа и санскритолога, давно уже извѣстнаго своими трудами по древней философіи и исторіи восточныхъ религій, представляетъ важное значеніе по связи съ предшествовавшими трудами этого ученаго, а именно съ его сочиненіемъ: *Bouddha et sa doctrine* (Par. 1859). Изслѣдованія о происхожденіи мусульманства даже до послѣдняго времени носили на себѣ всегда болѣе или менѣе полемическій характеръ. Мало обращали вниманіе на начàла мусульманской религіи въ ихъ связи съ общимъ развитіемъ религіозной оріентальной идеи. Сентъ-Илеръ, подготовленный своимъ трудомъ о «Буддѣ и его ученіи», могъ восполнить этотъ пробѣлъ и дѣйствительно восполнилъ. Мы видимъ тамъ полную картину ученія Саніа-Муни, разслабляющаго всякую живую мысль представленіемъ будущей жизни въ формѣ *Нирваны*, или *nihilisme absolu*, какъ его называетъ авторъ. При сравненіи съ подобнымъ характеромъ восточныхъ воззрѣній, *коранъ* является новою ступенью, прогрессомъ въ жизни оріентальнаго человѣка; на этомъ историческомъ отношеніи идей корана къ идеямъ, преобладавшимъ на востокѣ до него, основанъ его успѣхъ, точно также какъ отношеніе его къ идеямъ европейскимъ обусловливаетъ его дальнѣйшую судьбу.

Сентъ-Илеръ избѣгаетъ той ошибки, которую дѣлаютъ часто изслѣдователи происхожденія древнѣйшихъ религій, стараясь отыскать ключъ къ нимъ въ одной частной жизни ихъ основателей: корни религіи идутъ гораздо глубже, и доказательствомъ тому между прочимъ служитъ даже самое, такъ называемое, религіозное вольнодумство, потрясающее анализомъ частную жизнь того или другого основателя религіи. Частная жизнь, дѣйствительно, является изслѣдованною, какъ бы разоблаченною, а религія остается незыблемою, какъ не покачнулся бы домъ, отъ котораго кто нибудь сцарапнулъ бы ногтемъ песчинку. Что̀ можетъ быть злѣе, ужаснѣе той критики, хотя и не ученой, какой предаются взаимно послѣдователи двухъ религій, при столкновеніи другъ съ другомъ? Чего не услышитъ, напримѣръ, мусульманинъ отъ христіанина, и наоборотъ, по поводу того, что каждый изъ нихъ считаетъ священнымъ, но тѣмъ не менѣе каждый остается при своихъ убѣжденіяхъ. Все это доказываетъ, что необходимость человѣка принадлежать той или другой религіозной идеѣ родилась не вмѣстѣ съ нимъ, но составилась въ теченіе тысячелѣтій. О насъ говорятъ, что мы утратили творчество въ религіи, которымъ такъ отличался древній человѣкъ; справедливѣе было бы сказать, что мы доросли до болѣе опредѣленныхъ и менѣе измѣнчивыхъ идей, которыя дѣлаютъ излишними новыя сочетанія религіозныхъ формъ.

Наконецъ, въ трудѣ Сентъ-Илера должно указать на одно важное преимущество, которое мы рѣдко встрѣчаемъ у историковъ того же предмета: Сентъ-Илеръ освобождаетъ себя отъ невольнаго впечатлѣнія, подъ которымъ находится каждый, когда онъ въ изслѣдованіи характера мусульманства вноситъ наносныя черты, сообщенныя ему духомъ турецкаго племени. Сентъ-Илеръ разсматриваетъ мусульманство въ его связи съ духомъ арабовъ, посреди которыхъ оно родилось.

Ollivier Beauregard, Les divinités égyptiennes, leur origine, leur culte, et son expansion dans le monde. (*Ол. Борегаръ*, Египетскія божества, ихъ происхожденіе, поклоненіе имъ, и распространеніе его въ мірѣ.)

Авторъ, изучая іероглифы, пришелъ къ слѣдующему убѣжденію, выраженіемъ котораго служатъ всѣ его частныя изслѣдованія, а именно, что первообразъ всѣхъ религій заключался въ исторіи египетской образованности. Особенно долго останавливается авторъ на отношеніи мозаизма къ древней религіи Египта, и на посреднической роли, которую играла извѣстная Александрійская школа въ судьбахъ христіанства, стоявшая на почвѣ древняго Египта. Какъ ни смѣлы выводы автора, но ихъ основанія не вполнѣ соотвѣтствуютъ этой смѣлости, хотя тѣмъ не менѣе во многихъ подробностяхъ книга представляетъ большой интересъ для такого важнаго вопроса историче-

ской науки, какъ вопросъ о происхожденіи древнихъ религій, совершенно тожественный съ вопросомъ о происхожденіи древнѣйшей образованности.

Warnier, L'Algerie devant l'Empereur. (*Варнье*, Алжирія въ глазахъ императора.)

Это сочиненіе было вызвано, вмѣстѣ со многими другими, путешествіемъ Наполеона III въ Алжирію, съ цѣлью убѣдиться лично въ необходимой реформѣ этой страны; а потому оно имѣетъ близкое отношеніе къ извѣстному мемуару императора французовъ объ Алжиріи. Даже Варнье раздѣляетъ свой трудъ на столько же главъ и рубрикъ. Для исторической науки это сочиненіе особенно важно въ этнографическомъ отношеніи. Варнье первый обратилъ такое близкое вниманіе на различіе племенное въ населеніи Алжиріи, которое остается у насъ извѣстнымъ подъ общимъ именемъ арабовъ. Между тѣмъ, по вычисленіямъ Варнье, оказывается, что въ Алжиріи арабовъ не болѣе какъ 500,000 на 2,200,000 туземцевъ или берберовъ. — Первые потомки завоевателей, съ нисшею цивилизаціею; берберы — только обараблены, но въ нихъ сохранились преданія римской цивилизаціи, выражающіяся въ превосходствѣ ихъ учрежденій и домашняго быта. Это этнографическое указаніе Варнье можетъ имѣть важное вліяніе на колоніальную политику Франціи, которая до сихъ поръ не дѣлала никакого различія между арабами и берберами.

Dix années d'emigration, souvenirs et correspondance du comte de Neuilles. (*Десять лѣтъ изгнанія*, воспоминанія и переписка графа Нейля).

При всемъ богатствѣ матеріаловъ для исторіи революціи 1789 г., мало источниковъ для ознакомленія съ духомъ старой Франціи, эмигрировавшей въ то время за предѣлы государства. Въ этомъ отношеніи изданныя записки одного изъ такихъ эмигрантовъ графа Нейля представляютъ не мало интересса, давая намъ понятіе о нравахъ, взглядахъ и убѣжденіяхъ эмигрантовъ того времени. Графъ Нейля проводилъ большую часть своего изгнанія въ Голландіи и странствовалъ по Германіи. Для насъ любопытно его описаніе встрѣчи съ Зубовымъ, Екатеринскихъ временъ, и нѣсколько словъ о Суворовѣ, котораго авторъ видѣлъ случайно во время одного изъ своихъ путешествій.

Ch. Daremberg, La médecine dans Homère. (*Дарамберъ*, Медицина у Гомера).

Дарамберъ, профессоръ исторіи медицины въ Collège de France, знакомый въ тоже время съ классическими языками, оказалъ значительную услугу и филологіи и древней исторіи вообще, исполнивъ этотъ трудъ, для котораго филологу всегда не доставало бы знанія медицины, и присоединивъ къ нему глоссарій съ объясненіями гомеровской медицинской терминологіи. Основная идея сочиненія Дарам-

бера, состоитъ въ томъ, что гіератическая медицина, т. е. та эпоха этой науки, когда храмъ Эскулапа замѣнялъ наши клиники, была не самая древняя, что въ Иліадѣ и въ Одиссеѣ обнаружено весьма близкое знакомство съ внутреннимъ устройствомъ человѣческаго организма и съ его свойствами. Уже нѣмецкій ученый Велькеръ обратилъ вниманіе на хирургическія познанія гомеровской эпохи, которыя впрочемъ пріобрѣтались на полѣ сраженія, замѣнявшемъ наши анатомическія театры; Дарамберъ идетъ дальше и находитъ въ Одиссеи, гдѣ преобладаетъ описаніе гражданской и домашней жизни, указанія на то, что въ ту отдаленную эпоху существовали медики, помимо жрецовъ Эскулапа, напоминающіе нашихъ деревенскихъ самородныхъ врачей.

Jules Labarte, Histoire de arts industriels au moyen âge et à l'époque de la rénaissance. (*Лабартъ*, Исторія искусства въ средніе вѣка и въ эпоху возрожденія).

Въ настоящее время вышелъ уже третій томъ этого замѣчательнаго и обширнаго труда. Въ первыхъ двухъ говорится о скульптурѣ и о всемъ, что относится къ ней. Содержаніе третьяго тома составляетъ живопись въ ея трехъ видахъ: на манускриптахъ, на стеклѣ, и на эмали. Авторъ особенно долго останавливается на византійской школѣ, и въ его трудѣ въ первый разъ указана роль, которую занимали византійскіе художники въ исторіи западнаго искусства до самаго паденія Константинополя. Лабартъ первый доказалъ, что живопись на эмали была извѣстна еще древнимъ грекамъ.

La Pléiade françaises, par Marty-Laveaux. (*Марти-Лаво*, Французская Плейяда).

Извѣстный филологъ французскій, Марти-Лаво, предпринялъ издать въ 14 томахъ, подъ заглавіемъ «Французская Плейяда», древнихъ народныхъ французскихъ поэтовъ, какъ Ponsard, Bellay, Belleau, Jodelle, Baïf, Dorat и др. Это весьма важная услуга для филологіи, а вмѣстѣ и для исторіи тѣхъ отдаленныхъ временъ, когда жизнь народная совершенно ускользала отъ хроникёровъ, и оставила единственные слѣды въ произведеніяхъ своихъ любимыхъ поэтовъ. Изданіе снабжено щедро біографическими, литературными и историческими примѣчаніями.

Constantin James, Toilette d'une dame romaine au temps d'Auguste et cosmetiques d'une Parisienne au dix-neuvième siècle. (**К. Джемсъ**, Туалетъ римской матроны временъ Августа и косметическія средства парижанки въ XIX вѣкѣ.)

Это изслѣдованіе имѣетъ на столько же медицинскій характеръ, на сколько и историческій. Авторъ собралъ тщательно изъ древнихъ поэтовъ все, что относится къ мельчайшимъ подробностямъ великосвѣтской жизни знатной римлянки и той части общества, которое называется «полусвѣтомъ». Сближеніе двухъ цивилизацій въ этомъ отношеніи представляетъ много интереснаго, и историкъ можетъ воспользоваться тѣми археологическими объясненіями древней обстановки женскаго туалета, которое могъ сдѣлать авторъ, какъ медикъ.

Kauffmann, Chroniques de Rome, tableau de la société romaine sous le pontificat du Pie IX. (*Кауфманнъ*, Римская хроника, картина римскаго общества при Піѣ IX.)

Въ настоящую минуту, это книга, представляющая чрезвычайный интерессъ для исторіи; впослѣдствіи, она сдѣлается однимъ изъ лучшихъ документовъ историческихъ, служащихъ объясненіемъ причинъ паденія свѣтской власти папъ. Кауфманнъ, извѣстный французскій публицистъ, уважаемый всѣми, провелъ 1864 годъ въ Римѣ и составилъ самую полную и всестороннюю картину этого средневѣковаго острова, гдѣ посторонній наблюдатель не знаетъ чему удивляться: смѣлости ли обмана, или простотѣ обманываемыхъ; но, въ сущности, это непрерывная спекуляція, которую ведутъ съ такимъ искусствомъ, что даже сами жертвы спекуляціи являются какъ бы довольными ею. Все это прикрыто религіею; даже розыгрышъ папской лотереи открывается нѣкоторою религіозной церемоніею. Кто хочетъ получить понятіе о Римѣ, тотъ будетъ вполнѣ удовлетворенъ новою книгою Кауфмана. — **А.**

V-te de Beaumont-Vassy, Les salons de Paris et la société parisienne sous Louis-Philippe I. Paris. 1866, p. 384.

Извѣстный авторъ новѣйшей исторіи Франціи, виконтъ Бомонъ де Васси, какъ бы въ дополненіе къ серьезнымъ страницамъ своей исторіи, напечаталъ приведенное нами сочиненіе «Парижскіе салоны и парижское общество во время Луи-Филиппа». Кто изучалъ исторію французскаго общества, тотъ знаетъ, какъ можетъ быть важно для нея такое сочиненіе. Вся дѣйствующая Франція сосредоточивается въ господствующихъ, модныхъ салонахъ; сюда переносятся всѣ слухи, здѣсь выражается современный духъ, сочувствующій или несогласный съ даннымъ направленіемъ. Привычки, вкусы, обычаи эпохи, тѣсно связываются съ историческими событіями и объясняютъ ихъ иногда лучше, чѣмъ иной добросовѣстный анализъ историка. Многихъ сценъ авторъ былъ личный свидѣтель, другія были ему переданы лицами также очевидцами. Въ истинѣ разсказовъ сомнѣваться трудно, они взяты изъ самаго дѣла. Послѣ революціи 1830 года, только два салона были посѣщаемы въ Парижѣ: салонъ Лафайета и Палерояль. Не долго маститый воинъ былъ первенствующимъ и радушнымъ хозяиномъ въ парижскомъ обществѣ: съ его отставкою опустѣлъ и его домъ. Только родные и искренніе друзья посѣщали генерала, который до тѣхъ поръ былъ окружаемъ всѣмъ цвѣтомъ французской жизни. Воинъ, въ продолженіи сорока лѣтъ бывшій во главѣ всѣхъ революцій и не умѣвшій никогда играть рѣшительной роли, бывалъ окруженъ и серьезными дѣятелями эпохи, Дюпонъ де-Лёромъ, Викторомъ де-Трасси, Кормененомъ, Одилономъ-Барро, Мерилу, Кавеньякомъ, Шателеномъ, и стриженою á la malcontent молодежью, съ заостренною бородкою, открыто высказывавшею свои убѣжденія. Между этою блистательною

свитою красовался Одилонъ-Барро своимъ олимпійскимъ взглядомъ, ироническою улыбкой, въ полной молодости, съ зародышемъ политическаго честолюбія. Когда парламентъ, ревнивый къ исключительной власти «героя двухъ міровъ», поразилъ его въ самое сердце уничтоженіемъ его должности, Лафайетъ былъ оставленъ и всѣми обыкновенными посѣтителями его дома.

Палерояль былъ менѣе посѣщаемъ въ первое время послѣ іюльской революціи, хотя и отличался доступностію. Еще памятенъ былъ тотъ праздникъ, который за нѣсколько дней до революціи, въ іюнѣ, былъ данъ герцогомъ Орлеанскимъ королю Карлу X и королю неаполитанскому Франциску I. Замѣчательны слова Сальванди, сказанныя герцогу Орлеанскому въ двухъ шагахъ отъ королевскаго кресла: «это неаполитанскій праздникъ, потому что мы танцуемъ на волканѣ.» Вотъ подробности этого интереснаго разговора.

— «Я думаю, какъ вы, отвѣчалъ герцогъ Орлеанскій, волканъ существуетъ, но я не уйду. Я не могу упрекать себя въ томъ, чтобы я не старался открыть глаза королю. Но что же дѣлать? Не слушаютъ. Богъ знаетъ, куда это поведетъ?»

— «Очень далеко, по моему убѣжденію; я испытываю глубокую печаль среди этого блестящаго праздника. Я спрашиваю, гдѣ будетъ это блестящее общество, эти счастливые и веселые принцы чрезъ шесть мѣсяцевъ?»

— «Я не знаю, что случится, отвѣчалъ герцогъ, я не знаю, гдѣ они будутъ чрезъ шесть мѣсяцевъ, но я знаю, гдѣ буду я, во всякомъ случаѣ я останусь здѣсь, съ моимъ семействомъ. Довольно для меня быть два раза въ изгнаніи чрезъ ошибки другого, я не увлекусь болѣе. Какая бы ни была опасность, я не двинусь отсюда, я не отдѣлю моей судьбы и моихъ дѣтей отъ моего отечества, это мое неизмѣнное рѣшеніе. Я не скрываю своихъ чувствъ. Въ послѣдній разъ въ Росни я много говорилъ объ этомъ и высказался совершенно. Король неаполитанскій, бывшій съ нами, очень хорошо обсудилъ наше положеніе. Это человѣкъ, такъ надломленный, хотя онъ моложе меня четырьмя годами, имѣетъ много чувствъ. Внѣшнія обстоятельства принуждаютъ его быть неограниченнымъ властелиномъ, но его наклонности другія; онъ сдѣлалъ очень умныя замѣчанія. Впрочемъ, сокрушаясь столько же, какъ вы, о той дорогѣ, которую избираетъ король, я не страшусь, подобно вамъ, за возможные результаты. Во Франціи существуетъ большая любовь къ порядку. Эта Франція, ее не желаютъ понять, удивительная страна. Опытъ революціи у всѣхъ передъ глазами, хотятъ побѣдъ, презираютъ увлеченія. Новая революція не будетъ ни въ чемъ похожа на ту, которую мы видѣли, я въ томъ увѣренъ.»

— «Она могла бы быть революціею 1688 года, отвѣчалъ Саль-

ванди. Когда Англія вышла изъ предѣловъ законности, аристократія оставалась въ ней основаніемъ порядка. Здѣсь же не можетъ быть такъ: небольшое число аристократовъ очень слабо и не соединится съ правительствомъ. Оно, по всему вѣроятію, исчезнетъ, а чистая демократія не въ силахъ что нибудь сдѣлать.»

— «Въ сорокъ лѣтъ міръ измѣнился, вы не берете въ разсчетъ распространеніе образованія, какъ послѣдствія раздѣленія средствъ. Средніе классы не составляютъ всего общества, но только его силу. Ихъ постоянная выгода удерживать порядокъ, и они имѣютъ достаточно силы, чтобы поразить и уничтожить дурныя страсти. Якобинство невозможно, когда большинство владѣетъ.»

— «Но было бы ошибкой, возразилъ Сальванди, считать полную собственность въ числѣ гарантій порядка. Собственность такъ раздѣлена, что находится множество людей, завидующихъ всему высшему и ненавидящихъ всякую власть.»

— «Подумайте, Сальванди, что страна хочетъ только искренняго утвержденія конституціоннаго правленія. Она не требуетъ ничего другого. Все зло произошло отъ невозможности вполнѣ достигнуть всѣхъ результатовъ революціи и хартіи въ особенности. Дурное воспитаніе древняго управленія и очень большое неравенство условій произвели увлеченія революціи. Мы въ другихъ условіяхъ. Клянусь, что съ чувствомъ истинно конституціоннымъ можно вести все къ лучшему. Къ тому же эти принципы я имѣлъ всегда. Укрываясь при дворѣ сицилійскомъ, я былъ побуждаемъ при женитьбѣ къ уступкамъ, но я объявилъ, что мое мнѣніе неизмѣнно, что я воспитаю дѣтей въ этихъ же идеяхъ, что я это сдѣлаю столько же въ ихъ интересахъ, сколько изъ любви къ истинѣ. Главная причина всѣхъ затрудненій въ политикѣ та, что государи въ своей средѣ имѣютъ другія идеи, другія мысли, какъ народъ. Вотъ причина, почему я далъ публичное воспитаніе моимъ сыновьямъ. Я хотѣлъ изъ нихъ сдѣлать въ одно и то же время и гражданъ, и принцовъ, чтобы они не были окружены льстецами, чтобы они не имѣли предъ глазами ничего заслоняющаго, что обыкновенно даетъ придворное воспитаніе, наконецъ, чтобы они не были привязаны своимъ дѣтскимъ вкусомъ къ тому свѣту, который составляетъ отдѣльный міръ, находящій выгоду въ обманѣ ихъ и себя самихъ. Я убѣжденъ, чтобы ни случилось, я останусь доволенъ моимъ образомъ дѣйствій.»

Дальнѣйшая судьба самого Филиппа доказала, правда, его честность и твердость убѣжденій, но вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружила, какъ онъ ошибался въ своихъ разсужденіяхъ. Приведенное нами мѣсто показываетъ, что сочиненіе Бомона-Васси читается съ интересомъ; но оно принадлежитъ къ разряду тѣхъ произведеній, которыя обратятся со

временемъ въ источникъ для исторіи новѣйшаго времени и должны будутъ сами выдержать пробу критики.

Costumes historiques des XVI, XVII, et XVIII siècles, *dessinés par Le Chevalier-Chevignard, gravés par MM. Léopold Flameng, Lallemand, etc. avec un texte historique et descriptif par M. Georges Duplessis de la Bibliothèque impériale.* Ouvrage faisant suite aux Costumes historiques des XII, XIII, XIV et XV siècles, dessinées et gravés par Paul Mercuri et commentés par Camille Bonnard. Paris. 1866. Livraison 1—2.

Цѣль этого изданія чисто археологическая. Планъ начерченъ въ большихъ размѣрахъ. Не только Франція, но и Германія, Англія, Россія, Норвегія, Голландія, Испанія, Италія доставятъ свои матеріалы этому изданію.

Въ первомъ выпускѣ помѣщены два изображенія XVI вѣка: скиптроносца во время Людовика XII (massier sous Louis XII) и нѣмецкаго пикёнера съ поселянкой.

Скиптроносецъ, обыкновенно предшествовавшій королю, канцлеру или ректору въ большихъ церемоніяхъ или процессіяхъ снятъ съ прекрасной миніатюры манускрипта императорской парижской библіотеки, описаннаго подробно г. Брёлемъ въ XV томѣ мемуаровъ общества антикваріевъ въ Пикардіи (Mémoires de la Societé de Antiquaires de Picardie).

Нѣмецкій пикёнеръ представляетъ портного, уговаривающаго поселянку-швею идти съ нимъ въ Норвегію и наживать деньги шитьемъ одежды ландскнехтовъ. Таково содержаніе нѣмецкихъ стиховъ, написанныхъ вверху эстампа Ганса Гульденъ-Мундта, съ котораго изображеніе снято.

Les monastères Bénédictins d'Italie, *souvenir d'un voyage litteraire au dela des Alpes, par Alphonse Dantier.* 1866. Paris. T. I. 524. T. II. 559 in 8⁰.

Авторъ этого сочиненія провелъ свои молодые годы въ бенедиктинскомъ аббатствѣ св. Элоа Нойонскаго, часто бесѣдовалъ съ двумя престарѣлыми монахами этого ордена и слышалъ отъ нихъ различные разсказы, возбуждавшіе любопытство, изъ дѣятельности этого ордена. Тогда же у него зародилась мысль заложить первый камень къ будущему памятнику во славу бенедиктинцевъ. Въ аббатствѣ Монъ-Кассино, предъ гробомъ св. Бенедикта, обрекъ себя авторъ на исторію ордена, явившагося изъ этого мѣста на служеніе человѣчеству. Настоящее сочиненіе предназначено служить введеніемъ къ обширному труду о французскихъ бенедектинцахъ. Авторъ почерпнулъ свой матеріалъ не только въ церквахъ, музеяхъ и библіотекахъ Пизы, Флоренціи, Венеціи, Равенны, Рима и Неаполя, но перерылъ внутренность бенедиктинскихъ аббатствъ. Вмѣстѣ съ Гюллардъ-Бреголемъ, ученымъ издателемъ «Дипломатической исторіи императора Фридриха II», авторъ

изучилъ архивы и собранія манускриптовъ, посѣтилъ городскія памятники и окрестности.

Былъ и другой поводъ у автора къ изданію этого труда. Всеобщее уничтоженіе религіозныхъ ассоціацій въ Италіи виситъ грозою надъ бенедектинскими общинами.

Не желая ускорять похоронъ итальянскихъ бенедиктинцевъ, авторъ однако торопится напечатлѣть ихъ физіономію и видъ ихъ жилищъ, какъ изображеніе лицъ и предметовъ, отходящихъ въ вѣчность. Къ описанію главныхъ аббатствъ, къ быстрому обзору ихъ хроникъ, церквей, библіотекъ, архивовъ присоединены подробности, могущія заинтерессовать историка, артиста, ученаго или антикварія.

При напоминаніи заслугъ и трудовъ ордена, имѣвшаго, дѣйствительно, огромное вліяніе на судьбы запада, авторъ заботился удовлетворить господствующему направленію нашего вѣка — отыскать происхожденіе новѣйшей цивилизаціи.

Содержаніе этого сочиненія слѣдующее: въ I томѣ, 1) аббатство Монъ-Кассино, 2) монашество до св. Бенедикта, 3) постепенное распространеніе монашескаго ордена, 4) легенда о св. Бенедиктѣ, 5) бенедиктинскія правила, 6) происхожденіе и развитіе монастырской общины, 7) аббатъ Дидье, 8) политическое значеніе аббатовъ Монъ-Кассино, 9) упадокъ главнаго монастыря, 10 и 11) наука и литература въ бенедиктинскомъ аббатствѣ, 12) различныя правила, установившіяся на западѣ. Во II томѣ: 13) Боббіо и монастырскія школы въ Италіи, 14) первыя станція изъ путешествія въ Субіакъ, 15) отецъ Стефано, 16) аббатство св. Схоластика, 17) Сакро-Спеко и его стѣнная живопись, 18) клюнійская реформа и монастырь Кава, 19) посѣщеніе Монте-Вержине, 20) Пустынникъ Фраскати и Гротта-Феррата, 21) воспоминанія о Камальдулѣ, 22) Амвросій Камальдулъ и писатели его ордена, 23) три бенедиктинскія хроники, 24) Орденъ св. Бенедикта и итальянскій парламентъ. Кромѣ того, оба тома снабжены, сверхъ многочисленныхъ цитатъ, разными интересными документами древнѣйшаго времени.

Les Guises, Les Valois et Philippe II, *par M. Joseph de Croze.* Paris. 1866. T. I. p. 426. T. II. p. 428.

Корреспонденція герцоговъ Лотарингскихъ, до сихъ поръ еще неизданная, послужила основаніемъ къ составленію этого сочиненія. Она разсѣяна въ императорской библіотекѣ въ большихъ рукописныхъ собраніяхъ Дюпюи, Кольбера, Бетюна, Геньера, въ смѣси Клерамбо и въ собраніи Фонтаньё; въ мемуарахъ герцога Гизо, манускриптѣ, принадлежащемъ библіотекѣ арсенала; въ дорогой коллекціи архивовъ Симанки, составляющихъ часть архивовъ имперіи; въ библіотекахъ и муниципальныхъ архивахъ нѣкоторыхъ городовъ, принимавшихъ дѣя-

тельное участіе въ движеніи лиги. Письма эти представляютъ характеристическія черты и могутъ разъяснить нѣкоторыя драматическія картины великой религіозной борьбы, раздѣлявшей Европу и тревожившей умы и совѣсть людей въ продолженіе почти столѣтія.

На этомъ обширномъ поприщѣ, на которое являлись великіе дѣятели для борьбы и гибели, одна личность преобладаетъ надъ всѣми — Филиппъ II. Его религіозная агитація причинила во Франціи самыя сильныя потрясенія. Его орудіемъ были герцоги Лотаринскіе, въ особенности герцогъ Генрихъ Гизъ и герцогъ Майенскій. Эти послѣдніе соединили въ себѣ идеи, чувства, честолюбіе того времени. Живые участники въ трагическихъ событіяхъ кровавой исторіи, они были на жалованьи у иностранца. Народные трибуны и герои гражданской войны, постыдные куртизаны испанскихъ пословъ Мендозы и Феріи, сообщники ихъ въ заговорѣ противъ домовъ Валоа и Бурбоновъ, — Гизы сдѣлались главою большой католической партіи чрезъ религіозное увлеченіе массъ, свою дѣятельность, храбрость и предпріимчивость, были, одно время, почти королями Франціи, а со времени баррикадъ 1588 г. королями Парижа.

Никто изъ членовъ этого дома не достигъ цѣли, къ которой они стремились. Двѣ самыя блестящія личности этого дома пали на этой опасной дорогѣ страдальцами за свою вѣру и жертвами своей смѣлости. Послѣдній потомокъ мужескаго пола исчезнулъ спустя пятьдесятъ лѣтъ, растративъ въ пустыхъ агитаціяхъ и домогательствахъ неаполитанскаго престола всю силу и рѣшительность, составившую величіе этой фамиліи. Онъ оставилъ сына, который умеръ на пятилѣтнемъ возрастѣ.

Разсказать судьбу герцоговъ Лотаринскихъ на основаніи ихъ собственной переписки въ связи съ политическими замыслами преемника Карла V было цѣлью автора. Филиппъ II съ ихъ помощью возбудилъ во Франціи обширное и сильное возстаніе, опираясь на третье сословіе, снова побѣжденное въ это время королями, и на массу, омрачившую и окровавившую католическое дѣло своими увлеченіями. Герои драмы — люди живые и энергическіе — Гизы обладаютъ горячею душою, безпокойнымъ честолюбіемъ, фантастическими проектами, чувствомъ гордымъ и сильнымъ. Катерина Медичи и Генрихъ III отличаются умомъ, ловкостію, вѣроломствомъ и встрѣчаютъ всюду затрудненія. Филиппъ II проникнутъ медленностью, нерѣшительностію, недовѣріемъ, обѣщаніями, скрытностію. Всѣ эти черты пріобрѣтаютъ новое выраженіе вслѣдствіе того обстоятельства, что авторъ могъ воспользоваться документами, остававшимися до сихъ поръ въ неизвѣстности.

John Forster Kirk. *Histoire de Charles le Téméraire Duc de Bourgogne.* Traduction de l'anglais par Ch. Flor O'squarr. T. I. Par. 1866.

Въ собраніи переводовъ знаменитыхъ современныхъ англійскихъ историковъ на французскомъ языкѣ между сочиненіями Бокля, Грота,

Меривaля, находится и сочиненіе Форстера-Кирка о Карлѣ Смѣломъ. Прескоттъ доставилъ всѣ средства автору къ его превосходному труду. Жизнь Карла Смѣлаго обыкновенно разсматривается, какъ романическій эпизодъ въ европейской исторіи; но, вслѣдствіе послѣднихъ открытій, сдѣланныхъ въ Бельгіи, Швейцаріи, Австріи она представляетъ несравненно болѣе серьезнаго характера, и заставляетъ историка глубже вникнуть въ состояніе общества того времени и вѣрнѣе судить объ его главныхъ дѣятеляхъ. Лѣтопись Филиппа Коммина, живописное описаніе Баранта и привлекательныя картины Вальтера-Скотта могли побудить ученаго къ ревностному изслѣдованію источниковъ и къ серьезнымъ поискамъ въ разныхъ мемуарахъ, изданныхъ королевскими коммиссіями и учеными обществами. Англійскій авторъ съ должною историческою критикою принялся за такой трудъ и исполнилъ его добросовѣстно.

Исторія борьбы средневѣковаго феодализма, воплощеннаго въ герцогѣ Бургундскомъ, и въ королевской власти, имѣвшей представителемъ короля Франціи, составляетъ главное содержаніе разсматриваемаго сочиненія. Соперничество Карла Смѣлаго съ Людовикомъ XI, продолжительная война между ними силою и интригою, на поляхъ битвы и при дворахъ иностранныхъ державъ — вотъ все существенное въ жизни бургундскаго героя. Усиливается ли Людовикъ возвысить свой тронъ на значительную высоту, основать сильное управленіе, соединить въ себѣ самомъ всѣ государственныя власти,—онъ встрѣчаетъ на каждомъ шагу вооруженную фигуру своего высокомѣрнаго соперника. Куда бы ни направилъ Карлъ свои честолюбивые взгляды, какое бы мѣсто онъ ни избралъ для исполненія своихъ отважныхъ плановъ, вездѣ его искусный врагъ хлопочетъ посѣять недовѣріе между его союзниками, стараясь пріобрѣсть себѣ сторонниковъ то золотомъ, то обѣщаніями, противодѣйствуетъ его планамъ, подводитъ мины подъ его ногами, и тайно готовитъ гибель. Одинъ довѣряетъ своей физической силѣ и своему страшному оружію и дѣлается чрезъ то настойчивымъ и дерзкимъ; другой, ловкій и увертливый, наноситъ удары самые тяжелые и скрывается при малѣйшей опасности.

Карлъ Бургундскій родился 10 ноября 1433 г.; въ день рожденія онъ получилъ орденъ Золотого Руна и титулъ графа Шароле. Въ юношескіе годы онъ былъ порученъ синьору Докси, извѣстному по своимъ нравственнымъ достоинствамъ. Сильный характеръ молодого графа доказывалъ, что въ его жилахъ текла кровь его предковъ съ тою же скоростію, нисколько ни уменьшенную годами. Прилежаніе его было замѣчательное; онъ пріобрѣлъ много познаній, какихъ не имѣла большая часть изъ его современниковъ. Латинскіе классики, читаемые имъ и легко понимаемые безъ комментарій, не могли завлечь его умъ, такъ какъ увлекали рыцарскіе романы. Въ нихъ онъ знако-

мился съ идеальными картинами, проникавшими во весь тогдашній образъ жизни, мечталъ о дѣйствительномъ рыцарствѣ и былъ нетерпѣливъ въ своихъ ожиданіяхъ. Восемнадцати лѣтъ онъ ознакомился съ важнѣйшею отраслью тогдашняго обученія: съ верховою ѣздою и умѣньемъ обращаться съ копьемъ. Учителемъ его въ этомъ искусствѣ былъ Іаковъ Лаленъ, очень опытный въ военныхъ упражненіяхъ. Съ нимъ онъ бился на копьяхъ публично въ присутствіи трепещущей матери и веселаго отца. Мать боялась ударовъ, отецъ весело смѣялся и съ удовольствіемъ слѣдилъ за ловкостію и храбростью сына. «Мать, говоритъ хроникёръ, думала объ опасности, отецъ — о чести.» Въ обыкновенныхъ отношеніяхъ съ обществомъ Карлъ былъ любезенъ, но въ тоже время сдержанъ. Онъ смотрѣлъ на пышность и этикетъ, какъ на существенныя условія жизни государей, но мало имѣлъ наклонности къ удовольствіямъ и увлеченіямъ двора своего отца. Впрочемъ, онъ раздѣлялъ самые утонченные вкусы отцовскаго образа жизни и принималъ участіе въ пріятныхъ развлеченіяхъ двора. Онъ былъ ловкій танцоръ и отличный шахматный игрокъ, любилъ музыку, занимался науками и сочинялъ стихи. Роста онъ былъ не много ниже средняго и отличнаго сложенія. Его плечи были широки и полны, его члены мускулисты и тверды. Онъ не зналъ усталости и носилъ свое вооруженіе, какъ будто явился на свѣтъ закованнымъ въ латы. Онъ имѣлъ почти круглое лицо, котораго зеленоватый оттѣнокъ пропускалъ чрезъ себя красныя кровяныя пятна. Волнистая масса густыхъ черныхъ волосъ покрывала его лобъ, но его глаза были небесной ясности; его проницательный взглядъ и выразительный въ минуты страсти горѣлъ зловѣщимъ блескомъ. Звуки его голоса были пріятны и чисты. Природное краснорѣчіе, затрудняемое его порывистымъ темпераментомъ, было также логично, какъ сильно. Осенью 1456 года, во время отсутствія Карла изъ Голландіи, является при брюссельскомъ дворѣ бѣглецъ изъ Франціи. Характеръ его трудно обрисовать. Доступный, сообщительный, любезный, онъ вызываетъ на безграничную преданность и отдается безусловно проницательному взгляду. Но его черты такъ подвижны, выраженія такъ сомнительны и измѣнчивы, что портретъ его останется на долго предметомъ изученія, полнаго сомнѣній. Этотъ бѣглецъ, ищущій убѣжища отъ гнѣва отцовскаго, былъ будущій король Франціи и смертельный врагъ своихъ благодѣтелей — Людовикъ дофинъ.

Не такъ восторженно, не въ такихъ привлекательныхъ формахъ представленъ авторомъ портретъ Людовика XI, но съ тою же теплотою, съ тѣмъ же проникновеніемъ въ натуру человѣка отличенъ въ этой невидной личности государственный правитель. Сильно защищая Филиппа Коммина отъ обвиненій историковъ въ аристократизмѣ, авторъ усвоиваетъ его взглядъ на Людовика, какъ на человѣка, умѣв-

шаго выбирать людей изъ народа, пренебрегавшаго привилегіями рожденія. Онъ постоянно усиливался пріобрѣсть симпатію и содѣйствіе народа, старался слиться съ націею въ одно. Онъ сдѣлалъ первый возваніе къ общественному мнѣнію и создалъ его.

Любопытно слѣдить за этою борьбою двухъ враждебныхъ принциповъ: умирающаго средневѣковаго феодолизма, простого, открытаго, увлекательнаго и въ самомъ своемъ паденіи, и нараждающейся власти защитника народа, представителя божественнаго права на землѣ, гордаго, грознаго и недосягаемаго въ своемъ величіи.

Англійскій историкъ блестящимъ образомъ исполнилъ свою задачу, французскій переводчикъ не ослабилъ значеніе оригинала. Пока еще вышелъ въ переводѣ только первый томъ, кончающійся шестою главою, трактатомъ въ Конфланѣ 1465 года.

Le tribunal révolutionnaire de Paris, ouvrage composé d'après les documents originaux conservés aux archives de l'Empire suivi de la liste complète des personnes qui ont comparu devant le tribunal et enrichi d'une gravure et de fac-simile, par Emile Campardon. T. I p. 560. T. II p. 530 Paris. 1866.

Это второе изданіе исторіи революціоннаго судилища представляетъ богатый источникъ для изслѣдованій самаго страшнаго времени революціи, въ промежуткѣ 26 мѣсяцевъ съ 10 марта 1793 до 31 мая 1795. Авторъ измѣнилъ свой прежній планъ сочиненія, прибавивъ массу документовъ, особенно имъ сгрупированныхъ, изложивъ въ концѣ послѣдней главы статистику всѣхъ рѣшеній, сдѣланныхъ судилищемъ, мѣсяцъ въ мѣсяцъ, отъ начала его перваго засѣданія до его уничтоженія (T. II, p. 217—215). Это даетъ возможность опредѣлить несомнѣнную цифру обвиненій. Въ числѣ документовъ находятся многіе, отличающіеся и особеннымъ значеніемъ, и положительною историческою достовѣрностію.

Изложеніе содержанія каждой главы сочиненія, алфавитный списокъ всѣхъ лицъ, приведенныхъ предъ революціонное судилище, указатель именъ, упоминаемыхъ въ этомъ огромномъ сочиненіи, даютъ возможность дѣлать справки и облегчаютъ изученіе этого обширнаго труда.

Бумаги древняго революціоннаго трибунала, послѣ его уничтоженія 31 мая 1795, порученныя главному секретарю города Парижа, были переданы г-ну Террассу, хранителю юридическаго отдѣла архивовъ въ палатахъ суда. До 1847 г. бумагами этими пользовались при распредѣленіи милліарда, опредѣленнаго Карломъ X на вспомоществованіе эмигрантамъ и тѣмъ семействамъ, которыхъ родственники сдѣлались жертвою революціи. При переводѣ юридическаго отдѣла архивовъ въ отель Субизъ, бумаги революціоннаго трибунала помѣщены туда же, гдѣ и хранятся по настоящее время.

Авторъ исторіи революціоннаго судилища дѣлаетъ строгое различіе между двумя эпохами французской революціи, между 1789 и 1793 годами. «Если взятіе Бастиліи и ночь 4 августа 1789 г. составляютъ факты освобожденія новѣйшей Франціи; революціонный судъ и эшафотъ на революціонной площади представляются самымъ сильнымъ выраженіемъ тираніи.» Франція, по мнѣнію автора, была спасена въ 1793 году не мѣрами строгости, окровавившими столицу и провинціи, а проявленіемъ французской доблести въ войскахъ и тѣми побѣдами, которыя оградили Францію отъ внѣшнихъ враговъ и утвердили ея свободу. «Народъ спасъ Францію; народъ составлялъ ея войско. Какое можно найти отношеніе между этими героическими личностями, сражавшимися для отраженія иностраннаго вторженія и тѣми опасными существами, которыя, оставаясь въ Парижѣ во время войны, участвовали въ революціи тѣмъ, что обагряли ее потоками человѣческой крови? Обыкновенно говорятъ, что они поражали заговорщиковъ,— внимательное чтеніе это исторіи докажетъ противное. Судъ старался исполнить букву закона и примѣнялъ страшное слово «заговорщикъ» къ женщинамъ, дѣтямъ, старцамъ, знатнымъ, священникамъ, правителямъ, которыхъ вся вина состояла въ томъ, что они принадлежали къ классамъ осужденнымъ на смерть, и которые никогда не замышляли ничего противъ республики. Въ числѣ жертвъ были также рабочіе, люди изъ народа, поселяне. При этихъ безполезныхъ смертныхъ приговорахъ обыкновенно обращаютъ вниманіе на обсужденіе преступленія и на совѣсть присяжныхъ. Приговоры революціоннаго судилища едва ли могутъ быть приняты за серьезное обсужденіе, совѣсть же въ присяжныхъ рѣшительно отрицается; они были просто убійцы. Другіе же члены трибунала въ фуфайкѣ и красномъ колпакѣ имѣли своимъ выраженіемъ безобразныя дѣйствія Дюма, Коффенгаля, Фуке, Тенвилля и друг., и ни въ чемъ не уступали присяжнымъ. Таковъ былъ составъ судилища! Касательно же его теорій,—ихъ вовсе не было. Рабское орудіе господствующихъ партій—революціонный судъ подъ вліяніемъ органовъ парижской общины Геберта и Шометта послалъ на эшафотъ жирондистовъ, по слову Робеспьерра и Камилла Демулена, осудилъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя Геберта и Шометта, по слову Сенъ-Жюста и Робеспьера поразилъ Дантона и Камилла Демулена, а 10-го термидора погубилъ Робеспьерра, Сенъ-Жюста, Кутона и ихъ сообщниковъ».

Много любопытныхъ фактовъ заключается въ исторіи Кампардона; изъ 5215 лицъ, приведенныхъ предъ революціонный трибуналъ въ промежутокъ 26 мѣсяцевъ его существованія, 2791 лицо лишено жизни.

Въ началѣ перваго тома гравюра изображаетъ судъ надъ Маріею Антоанеттою; въ началѣ второго тома находятся снимки съ подписей нѣкоторыхъ осужденныхъ лицъ и нѣкоторыхъ членовъ трибунала.

Oeuvres de Robespierre, recueillis et annotées par A. Vermorel. Par. 1866.

Личность Робеспьерра принадлежитъ къ тому разряду людей, о которыхъ составилось два совершенно противоположныя мнѣнія. Одни видятъ въ немъ честолюбца, увлекшагося своимъ успѣхомъ, съ удовольствіемъ упивавшагося кровью враговъ; другіе — чистаго пропагандиста идей революціи, вѣрнаго исполнителя воли народной. Но справедливость историческихъ приговоровъ выростаетъ по мѣрѣ изслѣдованія характера времени и изученія тѣхъ принциповъ, которые руководили людьми въ данную эпоху и вели ихъ къ достиженію идеаловъ. Желая содѣйствовать такому направленію историческаго процесса мысли, А. Верморель предпринялъ издать сочиненія главныхъ дѣйствующихъ лицъ французской революціи: Робеспьерра, Дантона, жирондистовъ, Мирабо, Камилла Демулена, Марата и друг.

Онъ началъ съ сочиненій Робеспьерра. Въ обширномъ введеніи онъ представилъ читателямъ образъ мыслей оратора съ перваго шага его политической дѣятельности, но нигдѣ не высказалъ своего личнаго взгляда. Предъ нами дѣйствуетъ самъ представитель эпохи, мы видимъ его въ умственной борьбѣ съ людьми и событіями и присутствуемъ только при одномъ физическомъ фактѣ — моментѣ смерти. Послѣ такого интереснаго обзора мыслительной дѣятельности этого человѣка слѣдуютъ болѣе подробныя и обработанныя его сочиненія: о свободѣ прессы, о правѣ завѣщаній, объ устройствѣ національной гвардіи, о всеобщей подачѣ голосовъ, объ уничтоженіи смертной казни, о войнѣ, о народномъ образованіи, о собственности, о конституціи, о началахъ политической нравственности, о праздникѣ высшему существу.

Максимиліанъ-Марія-Исидоръ де Робеспьерръ родился въ Аррасѣ 6 мая 1758 г. Дѣдъ его и отецъ были адвокатами въ провинціальномъ совѣтѣ Артоа. Въ метрическомъ свидѣтельствѣ Максимиліана его фамилія пишется нераздѣльно съ частичкою *де* «Деробеспьерръ», въ послѣдствіи времени Максимиліанъ отдѣлялъ эту частицу отъ своей фамиліи, а потомъ и совсѣмъ ее откинулъ. Семи лѣтъ Робеспьеръ потерялъ мать и въ скоромъ времени затѣмъ отца, отправившагося отъ горести путешествовать по Англіи и Германіи и скончавшагося въ Мюнхенѣ. Максимиліанъ былъ старшій изъ двухъ сестеръ и брата. Онъ былъ помѣщенъ въ Аррасское училище, а потомъ по протекціи Конзье, епископа города Арраса, въ училище св. Людовика въ Парижѣ, гдѣ его сотоварищами были Камиллъ Демуленъ и Фреронъ. Окончивъ классическое образованіе, Максимиліанъ сталъ изучать право и работалъ у прокурора Нолліона, у котораго первымъ клеркомъ былъ Бриссо. При выходѣ изъ училища св. Людовика, 19 іюля 1781 г., Робеспьерръ получилъ аттестатъ въ своихъ дарованіяхъ, въ отличномъ поведеніи въ теченіи 12 лѣтъ, въ успѣхахъ, и 600 лив-

ровъ. Онъ сдѣлался адвокатомъ въ Аррасѣ. Епископъ аррасскій Конзье, увлеченный успѣхами молодого адвоката, назначилъ его судьею въ своемъ гражданскомъ и уголовномъ судилищѣ. Не долго находился онъ въ этой должности: принужденный осудить на смерть убійцу, противъ котораго были сильныя обвиненія, онъ мучился угрызеніями совѣсти при одной мысли, что сдѣлался распорядителемъ жизни подобнаго себѣ существа. Съ отчаяніемъ въ сердцѣ онъ воротился домой и на убѣжденіе сестры въ виновности осужденнаго преступника безпрерывно повторялъ: «это правда, онъ преступникъ, но заставить умереть человѣка!» На другой день онъ послалъ къ епископу просьбу объ увольненіи отъ должности судьи и вступилъ въ адвокатуру, въ которой пріобрѣлъ почетное имя. Занятіе его до начала революціи проходили въ исполненіи адвокатскихъ обязанностей и въ трудахъ аррасской академіи, которой онъ былъ самымъ дѣятельнымъ членомъ. Два сочиненія, писанныя для академіи, остались отъ этого времени: Eloge de Gresset и Eloge du président Dupaty. Въ первомъ сочиненіи онъ сильно возстаетъ противъ безбожныхъ и безнравственныхъ писателей, разумѣя подъ ними Вольтера и его школу. Онъ пробовалъ себя и въ сочиненіи стиховъ; поэма «Mouchoir de Prédicateur» доказываетъ его поэтическій талантъ. Трудъ его чисто юридическій «о наказаніяхъ безчестящихъ,» написанный по поводу вопросовъ, предложенныхъ въ 1784 г. Метцкою академіею наукъ, получилъ вторую премію. Первая награда за эту задачу была выдана Лакретеллю старшему, парижскому адвокату. Въ 1789 г. Робеспьерръ былъ директоромъ арраской академіи. Политическая его карьера началась собраніемъ генеральныхъ штатовъ и адрессомъ къ артезіанской націи о необходимости преобразованія въ штатахъ Артоа. Избирательное собраніе третьяго сословія въ городѣ Аррасѣ окончило свои засѣданія 30 марта, далеко за полночь, назначеніемъ 24 депутатовъ второго разряда, въ числѣ которыхъ былъ и Робеспьерръ, принимавшій дѣятельное участіе въ спорахъ этихъ четырехъ дней. При выборѣ въ депутаты третьяго сословія въ генеральные штаты, Робеспьерръ былъ избранъ пятымъ. Осталось свѣдѣніе объ ораторскомъ дебютѣ Робеспьерра въ генеральныхъ штатахъ. Во время споровъ дворянъ и духовенства съ третьимъ сословіемъ объ отдѣльной повѣркѣ выборовъ, архіепископъ д'Э, для отвлеченія общественнаго мнѣнія и соединенія всѣхъ сословій, пришелъ въ залу третьяго сословія сожалѣть о несчастіяхъ народа и приглашалъ общины послать депутатовъ для соглашенія съ депутатами духовенства и дворянства на счетъ способовъ смягчить судьбу бѣдняковъ.

Общины, желавшія сохранить свою твердость, чувствовали западню, но не смѣли открыто отвергнуть предложеніе, боясь уронить себя въ глазахъ толпы. Одинъ изъ депутатовъ началъ говорить и превзошелъ

даже епископа въ сочувствіи къ бѣдному классу, но онъ искусно бросилъ сомнѣніе на чувства духовенства: «идите, сказалъ онъ архіепископу, и передайте вашимъ товарищамъ, что если они сгараютъ нетерпѣніемъ помочь народу, пусть присоединятся въ этой залѣ къ друзьямъ народа, пусть не задерживаютъ нашихъ дѣйствій разсчитанными отсрочками, пусть не употребляютъ ничтожныхъ средствъ, чтобы заставить насъ покинуть рѣшенія, которыя мы предприняли. Скорѣе вы, служители алтаря, достойные подражатели вашего главы, откажитесь отъ окружающаго васъ блеска, который оскорбляетъ бѣдность, усвойте скромность вашего происхожденія, отошлите наглыхъ лакеевъ всюду васъ сопровождающихъ, продайте ваши великолѣпные экипажи и обратите этотъ постыдный излишекъ на пищу для бѣдныхъ.» Со всѣхъ сторонъ спрашивали имя оратора, никто не зналъ его, наконецъ, послѣ нѣсколькихъ повторенныхъ вопросовъ, имя этого человѣка начало передаваться въ залѣ и галереяхъ, имя, три года спустя, заставившее трепетать всю Францію, оно было — Робеспьерръ. Зловѣщій взглядъ этого человѣка никогда не обращался прямо въ лицо, въ глазахъ у него было безпрерывное, невыносимое миганье; съ робостью ребенка принимался онъ за рѣчь и всегда трепеталъ, приближаясь къ каѳедрѣ.

Робеспьерръ былъ такъ бережливъ въ казенныхъ деньгахъ, что не касался никогда вспоможенія, на которое имѣлъ право, какъ членъ конвента. Онъ держалъ себя хорошо, былъ важенъ безъ гордости, его одежда безъ всякой изысканности была чрезвычайно опрятна.

Все это такъ мало предвѣщаетъ ужасъ, который будетъ вскорѣ наводимъ однимъ его именемъ, и для біографа тѣмъ болѣе любопытны документы, по которымъ онъ можетъ прослѣдить поступательное развитіе этой натуры отъ начала до конца жизни Робеспьерра.

La colonne Trajane décrite par W. Froehner, texte accompagné d'une carte de l'ancienne Dacie et illustré par M. Jules Duvaux. Paris. 1865. p. 168.

Колонна Траяна особенно занимала трехъ государей Франціи: Франциска I, Людовика XIV и Наполеона III. Сдѣлать съ нея металлическіе снимки прежде всего желалъ Францискъ, покровитель искусствъ. Знаменитый архитекторъ его — Жакъ Виньоль, удовлетворилъ любопытство короля нѣкоторыми частями колонны, погибшими въ послѣдствіи бесслѣдно въ Фонтенбло, куда онѣ были отвезены. Заказы Людовика XIV находятся теперь во Флоренціи и Лейденѣ и только часть въ луврскомъ дворцѣ. Мысль Наполеона III осуществилась въ электро-металлургической мастерской г. Удри въ Отёнѣ. Съ іюля 1864 г. изображенія Траяновой колонны расположены въ одной изъ залъ Лувра. Описаніе было поручено Фрёнеру; при тѣхъ новыхъ открытіяхъ, которыми располагаетъ въ настоящее время археологія, ему не трудно

было представить совершенно въ новомъ видѣ существовавшія описанія. Въ введеніи изслѣдованы: 1) исторія даковъ до Траяна, 2) Траянъ предъ войною даковъ, 3) войны съ даками, 4) соціальное устройство даковъ, 5) конецъ царствованія Траяна и 6) форумъ Траяна. За введеніемъ слѣдуетъ разъясненіе 124 барельефовъ самой колонны съ отличными рисунками, превосходно характеризующими жизнь II столѣтія. Въ прибавленіи помѣщены 29 надписей, относящихся къ войнамъ съ даками. При расположеніи картинъ замѣчательны не только группы, но даже отдѣльныя изображенія, живо представляющія глазамъ читателя самое замѣчательное изъ общей массы. Въ историческомъ текстѣ авторъ пользовался лучшими новѣйшими сочиненіями изъ нѣмецкой литературы столь богатой спеціальными изслѣдованіями: *Roesler*, Das vorroemische Dacien. Wien, 1864—*Arneth*, die Trajansinschrift in der Nähe des eisernen Thores. Wien, 1856; *Mommsen*, Bulletino romano, 1864 и др. Можно смѣло сказать, что колонна Траяна похищена изъ Рима, но не такъ какъ это предлагалъ послѣ толентинскаго договора республиканскій генералъ Поммерель. Она не воздвигнута на вандомской площади вмѣстѣ со статуею свободы, какъ онъ желалъ того, но, она включена въ прекрасное изданіе съ отлично провѣренной картой и съ хорошо составленнымъ текстомъ.

La vie du nouveau César. Etude historique par Pierre Vesinier, ancien secretaire d'Eugène Sue. Genéve. 1865 p. VIII. 470. 1 Partie. L'Ecrivain, le Publiciste et le Réformateur.

Сочиненіе Везинье не похоже на разные памфлеты, которые писались на эту тему. Одни считали нынѣшняго властелина Франціи человѣкомъ ничтожнымъ, другіе дѣлали изъ него посредственность, обыкновеннаго заговорщика, энтузіаста сѣраго сюртука и маленькой шляпы, мономана императорской идеи, или принимали его за честолюбиваго эгоиста, воспользовавшагося своимъ именемъ и славою прежней имперіи, чтобы очистить себѣ дорогу къ счастію и удовлетворить своимъ страстямъ. Были и такіе, которые спрашивали себя: не проповѣдникъ ли онъ сознательный, упорный, фанатическій — той идеи, которую онъ считалъ справедливою, полезною и неизбѣжною для счастія человѣчества, и къ исполненію которой стремился, не смотря на всѣ препятствія и даже преступленія?

Въ настоящій моментъ успѣха всѣ поклонники совершившагося факта дѣлаютъ изъ него героя, генія, полубога. Авторъ этого сочиненія принялъ на себя трудъ проникнуть тайну чрезъ изученіе настоящаго властителя Франціи, по его сочиненіямъ, во всѣхъ положеніяхъ, которыя онъ прошелъ до настоящаго времени. Въ первой части этого труда разсматриваются всѣ политическія и соціальныя доктрины царственнаго писателя, окрещенныя пышнымъ именемъ «Наполеонов-

скихъ идей.» Строгій анализъ и точная логика коснулись содержанія этихъ идей и выяснили: дѣйствительно ли онѣ служатъ къ преобразованію и спасенію человѣчества? Дѣйствительно ли Наполеонъ I былъ продолжателемъ, наслѣдникомъ, исполнителемъ по завѣщанію идей французской революціи, какъ увѣряетъ его племянникъ?

Или «наполеоновская идея», не основанная на великихъ принципахъ свободы и справедливости, провозглашенныхъ революціею, есть ни что иное, какъ утопія, собраніе утонченностей, ухищреній, софизмовъ, предназначенныхъ возбудить, ослѣпить и обмануть публику для вѣрнаго тріумфа эгоистическаго честолюбія?

Лишена ли «она» всѣхъ условій истины, справедливости, превосходства, которыя однѣ могутъ сообщить ей характеръ, свойственный идеямъ гуманистическимъ, великимъ и безсмертнымъ началамъ высшаго порядка, назначеннымъ управлять обществомъ?

Если же исторія первой и второй имперіи не заключаетъ въ себѣ этихъ животворныхъ элементовъ, то герои наполеоновскихъ преданій суть только возобновители и продолжатели стараго порядка временъ Ришелье и Людовика XIV, съ нѣкоторой только прибавкой—въ опорѣ на волю народа. При рѣшеніи этихъ вопросовъ авторъ старался показать на сколько Людовикъ-Наполеонъ-Бонапарте остался вѣренъ своей теоріи съ того времени, какъ получилъ власть, и какое приложеніе онъ сдѣлалъ въ практикѣ изъ своихъ политическихъ и соціальныхъ доктринъ, проповѣдуемыхъ имъ уже четверть вѣка.

Дѣйствительная заслуга «наполеоновской идеи» выяснена также вполнѣ.

Во второй части авторъ обѣщается указать на средства, употребленныя нынѣшнимъ властелиномъ Франціи для торжества его дѣла и окончить изученіемъ приложенія наполеоновской идеи къ практикѣ со 2 декабря 1851 до настоящаго времени, и указаніемъ, куда эта политика поведетъ Францію и Европу.

La Satire en France ou la Litterature militante au XVI siècle par C. Lenient. Paris. 1866. p. 640.

Въ XVI вѣкѣ, во Франціи, какъ и вездѣ, произошла борьба прошедшаго съ наступавшимъ. Силы къ нападенію выражались въ возрожденіи и реформаціи; за нихъ были смѣлость, вдохновеніе свободы мысли, влеченіе къ неизвѣданному, новое обученіе въ королевской коллегіи, наконецъ соучастіе печати. Силы къ сопротивленію составляли Церковь, Сорбонна, Парламентъ. Всѣ условія науки, права, власти оставались на видъ не нарушенными. Церковь сохраняетъ свои богатства, вліяніе, анаѳемы и костры; она организуетъ двѣ страшныя военныя машины: іезуитовъ и лигу, гораздо болѣе дѣйствительныя, чѣмъ армада Филиппа II.

Сорбонна имѣетъ свою безчисленную милицію изъ докторовъ, регентовъ, школьниковъ, переплетчиковъ, книгопродавцевъ, писцовъ,— ватагу шумную, спорную, рутинерную, по необходимости, безжалостную; она обладаетъ степенями, которыя раздаетъ или отказываетъ, правомъ цензуры сочиненій и авторовъ. Парламентъ, нерѣшительный, но привязанный къ прошедшему, принадлежащій по своему инстинкту, обязанностямъ, преданію, къ партіи угнетенія, имѣетъ за собою двоякое превосходство нравственной власти и физической силы. Его армія секретарей, прокуроровъ, пѣшихъ и конныхъ сержантовъ, съ другими тайными и явными пособіями, составляетъ легальную опору Сорбонны и Церкви для тюрьмы, висѣлицы и костра диссидентовъ.

Такая обстановка представляла отличную почву для тайной борьбы, и оружіемъ слабаго въ XVI стол., какъ и всегда и вездѣ, является сатира. Этой-то литературѣ, выражавшей въ себѣ стремленія новаго времени, и посвятилъ весь свой трудъ французскій ученый Леньянъ. Его новое сочиненіе состоитъ изъ пяти отдѣловъ: философская сатира Эразма, Ульриха Гуттена, Раблé и др.; религіозная — имѣвшая своими представителями кальвинистовъ (Беза), протестантовъ и католиковъ; политическая—направленная противъ Карла V, Франциска I, Екатерины Медичи и др.; литературная, и, наконецъ, артистическая, имѣвшая характеръ религіозный и вмѣстѣ политическій.

Авторъ уже пріобрѣлъ извѣстность своимъ прежнимъ сочиненіемъ La satire en France au moyen âge (Par. 1859); этотъ новый трудъ, служа продолженіемъ прежнихъ его работъ, заключаетъ въ себѣ много указаній, чрезвычайно важныхъ для занимающихся исторіею реформаціи во Франціи. — W. W.

Недостатокъ мѣста принуждаетъ насъ отложить какъ разборъ другихъ произведеній французской литературы нынѣшняго года, такъ и прочіе отдѣлы: нѣмецкій, англійскій и итальянскій, до слѣдующей книги нашего журнала.

(Продолженіе впредь.)

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

«Положимъ даже, что прежній ученый владѣлъ «всѣми цѣнными произведеніями римской литера-«туры, то и тогда онъ имѣлъ бы еще гораздо «меньше для образованія ума и для умственнаго «наслажденія, чѣмъ человѣкъ въ наше время, «знающій одинъ англійскій языкъ, и библіотека «котораго наполнена лучшими произведеніями ан-«глійской литературы.»

Маколей, Рѣчь въ Философ. Инстит. въ Эдинбургѣ, 4 ноября 1846.

Дополненіе къ предъидущей хроникѣ. — Вопросъ о классическомъ обученіи во Франціи. — Децентрализація высшаго преподаванія наукъ, и участіе французскаго министерства народнаго просвѣщенія на всемірной выставкѣ въ Парижѣ 1867 года. — Различіе англійскихъ и французскихъ взглядовъ на народное образованіе и рѣчь Маколея объ этомъ предметѣ. — Особенность этого вопроса у насъ. — Новыя книги педагогическаго содержанія.

Да не подумаетъ кто нибудь, что мы вырвали приведенное нами въ эпиграфѣ мѣсто изъ рѣчи Маколея, съ цѣлью бросить его въ отвѣтъ тѣмъ, которые съ такимъ страшнымъ ожесточеніемъ объявили публично, что «ученая редакція» Вѣстника Европы своимъ взглядомъ на значеніе классическаго образованія старалась, «укореняя сбивчивость понятій, по мѣрѣ силъ содѣйствовать разстройству дѣла, только что начинающаго устроиваться, и хотѣла положить и свой камышекъ на пути нашей педагогіи къ здравымъ началамъ.» Мы объявили разъ, что полемика устраняется нами, въ особенности та полемика, образчикъ которой мы только-что привели, и пріемъ которой состоитъ въ томъ, чтобы взвести на своего противника какое-нибудь чуть не уголовное преступленіе, по поводу спора даже о значеніи латинскаго языка, какъ предмета преподаванія. Подобная полемика доказываетъ только одно, что наши противники не могли не понять про-себя, сколько

было правды въ высказанномъ нами мнѣніи, когда въ отвѣтъ намъ не нашли ничего другого, какъ прибѣгнуть къ *ultima ratio*: съ одной стороны, они намекаютъ, какъ мы видѣли, на то, что редакція умышленно и сознательно старается сбить тѣхъ, которые заботятся о просвѣщеніи нашего отечества; съ другой стороны, далѣе, указываютъ на то, что она, высказывая такое мнѣніе о латинскомъ языкѣ, «была не въ состояніи освободиться отъ чувства робости предъ тѣми корифеями нашего прогресса, которые въ Фохтѣ и Бюхнерѣ видятъ послѣднюю грань умственнаго развитія Европы.» Хотятъ-ли этимъ сказать, что изученіе классическихъ языковъ было бы въ состояніи противодѣйствовать такимъ ученіямъ, какъ ученіе Фохта и Бюхнера? но сами Фохтъ и Бюхнеръ знаютъ латинскій языкъ не хуже нашихъ защитниковъ классицизма. Хотятъ-ли они сказать, что изученіе классическихъ языковъ противодѣйствуетъ вообще безпокойнымъ стремленіямъ ультралибераловъ, но имъ вѣроятно памятно, что въ 1848 году классическіе языки именно были обвинены въ дурномъ педагогическомъ вліяніи, такъ какъ эпоха цвѣтущаго состоянія латинской литературы была вмѣстѣ съ тѣмъ революціонная эпоха, когда не только дѣйствовали Катилины, но и враги ихъ, какъ Цицеронъ, проповѣдывали, что «въ мнѣніяхъ нужно слѣдовать вѣтру»; когда являлись рѣшателями судебъ общественныхъ Бруты и Кассіи, произнесшіе въ минуту своего безобразнаго преступленія такое имя, какъ имя Цицерона. Какая широкая тема для враговъ классицизма, и наши противники знаютъ, что ею пользовались часто! Прочтите, что въ то время говорилось противъ классическихъ языковъ, какъ проводника самыхъ отвлеченныхъ идей, всего болѣе способныхъ возмутить общественное спокойствіе. Нѣтъ сомнѣнія, что такая декламація противъ классическихъ языковъ имѣетъ не болѣе цѣны, какъ и нынѣшняя ихъ защита нашими противниками; все это пишется *ad hoc*, и потому теряетъ свою силу вмѣстѣ съ обстоятельствами, которыми хотятъ воспользоваться. Но вопросы педагогическіе нельзя рѣшать съ точки зрѣнія не-педагогическихъ партій; нѣтъ ничего, чѣмъ нельзя было бы злоупотребить: «Фохтъ и Бюхнеръ», въ этомъ отношеніи, представляютъ тоже удобство, какъ и классическіе языки; извѣстный и вмѣстѣ забавный любитель заговоровъ Рецъ, при Ришельё, старался пропитать себя классическою литературою, и Кола ди Ріенци, заговорщикъ менѣе забавный, воспользовался также своими классическими познаніями. Чтобы представить весь вредъ классическаго обученія, намъ стóитъ только явиться жаркими его защитниками, и тогда нынѣшніе его защитники, забывъ все сказанное имъ о пользѣ классическихъ языковъ, высказали бы противъ нихъ то, что намъ и въ голову не придетъ, а насъ обвинили бы въ подкладываніи не камышковъ, а цѣлыхъ камней.

Мы высказали два мнѣнія: 1) что «Россія должна, какъ Германія, Франція, Англія, быть образованною въ классическомъ отношеніи», и 2) что это можетъ быть достигнуто вовсе не тѣмъ, чтобы все народное образованіе покоилось на изученіи классической литературы. Съ первымъ мнѣніемъ совершенно согласны наши противники; относительно второго мы не намѣрены вести съ ними полемики, и считаемъ долгомъ указать, что ихъ ссылка въ этомъ случаѣ на примѣръ всѣхъ образованныхъ странъ, сдѣлана какъ бы съ намѣреніемъ ввести насъ въ весьма опасное заблужденіе. Особенно они любятъ ссылаться на Англію; но объ Англіи полезнѣе всего послушать Англію. Мы опасались, что наши читатели не замѣтятъ приведеннаго нами извлеченія изъ рѣчи Маколея, сказанной на всю Англію и въ обществѣ образованныхъ ея людей, и не разрѣжутъ выше въ «Литературной Хроникѣ» страницу 138, а потому избрали изъ этой рѣчи эпиграфомъ одно мѣсто. Что скажутъ наши противники въ отвѣтъ на такое мнѣніе, которое въ Англіи выражаютъ Маколеи, будто съ однимъ знаніемъ англійскаго языка въ наше время можно достигнуть такого образованія, какого не достигалъ даже ученый, ограниченный кругомъ одной римской литературы? Мы полагаемъ, что трудно отъ Маколея отдѣлаться однимъ призваніемъ его къ суду за то, что онъ подкладываетъ камышки подъ ходъ англійской образованности. Вотъ, все, что мы желали привести въ отвѣтъ на сдѣланныя намъ обвиненія. Мы сохраняемъ попрежнему желаніе, чтобы въ средѣ нашей являлись, какъ и на западѣ, свѣдущіе проводники классической образованности, и отъ всего сердца жалѣемъ, что люди, обладающіе къ тому средствами, прекратили такое полезное изданіе, какъ Пропилеи, и столь жадно принятое нашею публикою, что требовались новыя изданія; но мы точно также желаемъ, чтобы защитники реальныхъ наукъ не подражали защитникамъ классицизма, и не думали, что въ дѣлѣ важенъ споръ о немъ, а не самое дѣло, и что мы получимъ большую пользу, если противники какой нибудь стороны найдутъ другъ противъ друга хорошую аргументацію. Наши противники полагаютъ, что разсуждать такъ, значитъ «отнестись къ вопросу свысока», и что, будто бы, по нашему мнѣнію, «въ школѣ можно учить *чему угодно*, лишь бы учить хорошо». Безпристрастный читатель самъ видитъ, что мы говорили только объ обученіи классическимъ языкамъ или естественнымъ наукамъ, а не объ обученіи *чему угодно*. Конечно, изъ быта классическихъ народовъ мы узнаемъ, что въ спартанскихъ школахъ учили хорошо красть, точно такъ какъ въ аѳинскихъ школахъ учили хорошо говорить, т. е. такъ, чтобы доказать все, что угодно, но мы были совершенно далеки отъ такой классической педагогики, и весьма ясно опредѣлили выборъ предметовъ обученія двумя областями наукъ, такъ что намёкъ нашихъ противниковъ на одобреніе нами спартанскихъ пред-

метовъ обученія сдѣланъ ими на свой собственный счетъ, который мы не обязаны уплачивать.

Съ вопросомъ о насильственномъ введеніи у насъ латинскаго языка въ такихъ размѣрахъ, въ какихъ нигдѣ это не существуетъ, у насъ поступаютъ также, какъ и со многими другими вопросами, и мы считаемъ не излишнимъ повторить замѣчательныя слова И. Аксакова, сказанныя имъ на прощанье съ читателями «Дня» по этому поводу:

«Дѣло уже не въ лекарствахъ, извнѣ прилагаемыхъ, а дѣло въ возбужденіи самодѣятельности внутренней воли, въ жизненномъ проявленіи нравственныхъ силъ — несомнѣнно присущихъ нашему общественному организму, но гдѣ-то давно и глубоко зарытнхъ, чѣмъ-то тяжелымъ придавленныхъ, чѣмъ-то скованныхъ, бездѣйствующихъ, оцѣпенѣлыхъ. Намъ нечего уже теперь обольщаться быстротой нашего развитія; нечего сваливать вину на правительство или ожидать отъ него такихъ новыхъ реформъ, которыя мигомъ бы поставили насъ на ноги и возвратили намъ здоровье............ Пора бы, кажется, понять, что это все не болѣе, *какъ средства къ жизни*, *ея внѣшнія формы, а не сама жизнь;* что въ томъ-то и состоитъ уродство нашего развитія, что прежде содержанія, являются у насъ формы, въ которыя и втискивается потомъ содержаніе искуственно и насильственно, — а не содержаніе само, свободно и органически, создаетъ себѣ форму. И такъ, казалось бы, по этой дорогѣ и идти дальше некуда. Но близорукимъ политикамъ (прибавимъ: и педагогамъ) нашего общества хочется забрести совсѣмъ въ «тупикъ» (какъ называются улицы, изъ которыхъ нѣтъ выѣзда) и наткнуться лбомъ, въ дѣлѣ нашего строя, на грубый фактъ положительной, упорной воли народныхъ массъ и ихъ историческаго инстинкта — еще до сихъ поръ для насъ загадочнаго, не выясненнаго нашему общественному сознанію. Можетъ быть, таковъ именно и есть путь нашего развитія. Можетъ быть, только истощивши весь свой кошель дешевыхъ готовыхъ образцовъ, «наивѣрнѣйшихъ средствъ», — «самоновѣйшихъ лучшихъ руководствъ», и тому подобныхъ указаній политической науки и опыта чужихъ, западно-европейскихъ народовъ (на который такъ усердно ссылаются наши педагоги) — можетъ быть, только перепробовавши на практикѣ всѣ эти внѣшнія пособія, одно за другимъ, общество наше убѣдится, наконецъ, что средства къ жизни еще не творятъ жизни, что внѣшняя искусственная обстановка еще не въ силахъ, сама по себѣ вдохнуть въ жизнь ту органическую силу творчества, которой именно ей недостаетъ, и недостатокъ которой сказывается въ насъ такимъ тяжелымъ томительнымъ недугомъ. Когда утратилось непосредственное чутье своего прямого прирожденнаго пути, когда мы сбились съ дороги, вся задача въ томъ, чтобъ отыскать эту дорогу, а не въ томъ, чтобы обзавестись конями и экипажемъ», къ числу которыхъ можно отнести

и классическое обученіе, если оно будетъ такъ понимаемо, какъ того хотятъ наши противники.

Насъ хотятъ еще увѣрить, что классическое преподаваніе не составляетъ въ западной Европѣ нималѣйшаго вопроса; но едва ли полезно увѣрять въ томъ, чего нѣтъ. Въ послѣднее время этотъ вопросъ поднимается не у однихъ насъ, и еще недавно вызвалъ пренія не только въ литературѣ, но и въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ Франціи. Явилась новая мысль, которая, какъ и всякая новая мысль, представляетъ большія трудности при ея выполненіи, но тѣмъ не менѣе она замѣчательна. Изъ отчета по министерству народнаго просвѣщенія во Франціи, видно, что тамъ обратили чрезвычайно большое вниманіе на новѣйшіе языки, и министерство съ гордостью указываетъ, что при раздачѣ наградъ по новѣйшимъ языкамъ природные французы одержали верхъ надъ уроженцами Эльзаса, знакомыми съ нѣмецкимъ языкомъ еще въ семействѣ. Но и тамъ многоязычіе явилось страшнымъ поглотителемъ времени. Вслѣдствіе того составленъ проектъ о введеніи сравнительнаго метода преподаванія вообще языковъ въ лицеяхъ, и о соединеніи такимъ образомъ преподаванія латинскаго языка съ новыми романскими языками. Желающіе ближе познакомиться съ этою весьма правильною мыслью могутъ найти подробности въ недавно вышедшей брошюрѣ Каикса, «Вопросъ о преподаваніи языковъ классическихъ и живыхъ» (A. de Cayx de Saint-Aymour, Question de l'enseignement des langues classiques et des langues vivantes. Par. 1866.). Это скорѣе первое, нежели послѣднее слово о новомъ методѣ преподаванія языковъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; но рано или поздно мы всѣ должны будемъ пойти по этой дорогѣ. Конечно, сравнительное языкознаніе находится еще въ области изслѣдованія, но и оно войдетъ въ практику педагогики и окажетъ ему, безъ сомнѣнія, громадную услугу въ самой важной части отрасли нашихъ познаній, а именно въ познаніи языковъ.

Главная наша бѣда въ томъ, что мы съ чрезвычайною любовью занимаемся рѣшеніемъ самыхъ общихъ вопросовъ и капитальныхъ, не обращая вниманія на практическое рѣшеніе частностей; для насъ очень важно рѣшить вопросъ наприм. о высокомъ значеніи классическихъ наукъ или реальныхъ въ теоріи, но какъ идетъ самое преподаваніе тѣхъ или другихъ? — это все равно: если я сторонникъ классицизма, то главное дѣло сдѣлано. Мы ссылаемся на свидѣтельство того же органа, откуда мы выше привели одно мѣсто, и который, дѣйствуя на мѣстѣ, можетъ лучше чѣмъ кто нибудь судить о вѣрности извѣстій сообщенныхъ ему о состояніи, наприм., университета въ концѣ 1865 года, дѣйствующаго въ одномъ съ нимъ городѣ:

Авторъ «Замѣтки о московскомъ университетѣ», этомъ безспорно

первенствующемъ изъ всѣхъ нашихъ ученыхъ преподавательскихъ корпорацій, коснувшись программы для поступленія въ московскій университетъ продолжаетъ такъ:

«По каждому предмету тутъ были указаны и тѣ руководства и источники, изученіе которыхъ обязательно для готовящейся къ вступительному университетскому экзамену молодежи. Росписаніе это, по истинѣ, можно отнести къ числу тѣхъ курьозовъ, которыми такъ богата въ настоящее время русская жизнь во всѣхъ ея сферахъ, не исключая къ сожалѣнію и университетской. Не вступая во все мелочныя подробности, скажемъ только, что курьезность того росписанія проглядываетъ хоть-бы въ слѣдующемъ: тутъ были опущены безъ вниманія многіе важные, болѣе или менѣе капитальные, труды по русской исторіи и словесности, дѣятелей хорошо извѣстныхъ всему русскому читающему міру, и въ тоже время съ какой-то ревнивой кропотливостью собраны самыя мелочныя крохи нашей цѣховой профессорской учености, — статейки, разбросанныя въ журналахъ, мало обращавшихся въ публикѣ и давно прекратившихся, напр. въ «Русской Рѣчи» или въ «Атенеѣ», такъ что молодежь, готовящаяся къ вступительному университетскому экзамену, призывалась, собственно говоря, заниматься разными библіографическими рѣдкостями.

«Позвольте обратить ваше вниманіе еще на нѣсколько диковинокъ, существующихъ въ нашемъ университетскомъ мірѣ; ничего не можетъ быть такъ полезно, какъ гласное обсужденіе, хоть по временамъ, всего того, что происходитъ, въ этомъ нашемъ замкнутомъ, мало для гласности доступномъ, мірѣ, — хотя, собственно говоря, трудно бы еще и указать на другой, по характеру своему болѣе сподручный для общественной критики, предметъ, каково университетское преподаваніе. Въ настоящее время, въ виду совершающейся судебной реформы, юридическій факультетъ, безспорно, пріобрѣтаетъ съ каждымъ днемъ все большее значеніе, — и общество не можетъ равнодушно относиться къ вопросу: каково-то идетъ на немъ преподаваніе въ нашей *alma mater*, въ нашемъ старѣйшемъ, московскомъ университетѣ? Мало утѣшительнаго представитъ стороннему наблюдателю этотъ, въ настоящее время, такъ важный факультетъ — въ современномъ его положеніи. Вотъ какого рода сообщеніями можемъ мы, по этому поводу, подѣлиться съ вами; выводы изъ нихъ невольно досказываются сами собою.

«1) Въ распредѣленіи учебныхъ предметовъ по курсамъ — сообщаютъ намъ — нагляднѣе всего выразилось какое-то невниманіе какъ къ физическому и умственному развитію студентовъ, такъ еще и къ послѣдовательному изложенію всѣхъ преподаваемыхъ предметовъ. На 3-мъ курсѣ положено 30 лекцій *въ недѣлю*, по 5 каждый день, при чемъ собраны во едино всѣ наиглавнѣйшія юридическія науки, а

именно: 1) теорія государственнаго права и русское государственное право, 2) иностранныя законодательства, 3) финансовое право, 4) римское право, 5) гражданское право, 6) уголовное право, 7) судебная медицина и въ заключеніе 2 экзамена въ декабрѣ изъ 8) статистики и 9) политической экономіи.

«На 4-мъ курсѣ, наоборотъ, всего только 4 предмета: гражданское и уголовное судопроизводства, международное и иностранное право (послѣднее читается 3 и 4 к. вмѣстѣ).

«Такимъ образомъ, *3-й курсъ* представляется какъ бы *цѣлымъ юридическимъ факультетомъ*, а остальные курсы *добавочными*, ибо на 1, 2 и 4 курс. *три дня* въ недѣлю остаются свободными отъ лекцій, за неимѣніемъ кѣмъ занять ихъ, такъ какъ все сгруппировано на одномъ 3-мъ курсѣ.

«Послѣдствія подобныхъ распоряженій слишкомъ очевидны, чтобы сказать о нихъ что нибудь. Пунктъ 2-й и самый главный: *какъ читаютъ* гг. профессора лекціи и какое ихъ содержаніе? Говоря объ этомъ, приходится затронуть самую больную струну... Скажемъ только, что чтеніе иныхъ профессоровъ (особенно по двумъ главнымъ предметамъ) составляетъ у насъ какую-то гоньбу на курьерскихъ. Благодаря ихъ поспѣшности, мы въ какую нибудь недѣлю пробѣгаемъ чуть ли не ¼ курса, не слыша при этомъ, почти ничего, собственно относящагося до теоріи права или до историческаго развитія государственныхъ учрежденій. Гг. профессоры сочли за наилучшее читать не самое право, а только библіографію источниковъ для него на французскомъ, англійскомъ, испанскомъ, шведскомъ и т. д. языкахъ. Такъ сдѣлалъ, напр., одинъ профессоръ, перечисливъ, въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ, имена писателей и ихъ сочиненій, касавшихся его предмета, едва не отъ сотворенія міра, до нашего времени. Куда же торопятся гг. профессоры, что гонитъ ихъ такъ безжалостно??

«Протомившись въ университетѣ отъ 8½—2½ часовъ, студентъ, понятно, измученъ физически, а еще болѣе морально; возвратясь домой, станетъ требовать онъ у себя отчета въ проведенномъ на лекціяхъ утрѣ, — роятся въ головѣ Аристотель, Локкъ, Монтескье, Кантъ de bello et pace, аристократія, конвентъ и т. д. и все это безсвязно, безтолково и не осязаемо!...

«Какъ же быть, какъ достигнуть примиренія внутренняго идеала съ дѣйствительностью? отвѣта нѣтъ; а между тѣмъ любознательность, ежеминутно подталкиваемая молодою энергіею, велика и удовлетворенія ей никто не дастъ. Записывать лекціи? но это трудъ и физически тяжелый, и умственно мало полезный, ибо въ лекціяхъ, какъ сказано выше, кромѣ библіографіи и сухой номенклатуры ничего не встрѣтишь. Читать книги самому? Плохо зная иностранные языки (вина не наша), за недостаткомъ времени заниматься ими — невоз

можно. Да и какъ же читать специальныя сочиненія, не имѣя прежде основательныхъ, въ университетѣ пріобрѣтаемыхъ, понятій, въ которыхъ намъ отказываютъ почти всѣ наши профессоры. Остается продовольствоваться записками, да русскими сочиненіями; но и на это, при существующемъ распредѣленіи предметовъ по курсамъ—не хватаетъ времени.

«Возможная ли вещь порядочно познакомиться въ продолженіи 7 мѣсяцевъ академическаго года, съ 9 предметами 3 курса??..

«И бьется студентъ страшнымъ образомъ, то съ тѣмъ, то съ другимъ,—не окончивъ одного, бросается къ другому, а тутъ вдругъ какъ снѣгъ на голову, назначаются въ декабрѣ мѣсяцѣ, т. е. среди разгара академическаго года, экзамены по 1 или 2 предметамъ; все остальное въ сторону, на первый планъ являются занятія къ предстоящему экзамену!.. Прошли декабрьскіе экзамены, остается всего на всего 3 мѣсяца на 7 остальныхъ предметовъ!..

«Вотъ уже нѣсколько лѣтъ къ ряду (какъ это довольно извѣстно всему русскому обществу) наши университеты, а въ томъ числѣ и московскій, переживаютъ какое-то трудное время, бѣдное профессорскими талантами и вообще знаменующее кризисъ русской науки. Истекающій 1865 годъ, какъ видно, не поправилъ дѣла.»

Мы, впрочемъ, только не отстали отъ того, что дѣлается въ жизни университетовъ за границею, а именно во Франціи. Нынѣшній министръ народнаго просвѣщенія во Франціи, г. Дюрюи, напалъ на мысль, что паденіе университетскихъ занятій проистекаетъ именно изъ неудобствъ, какія представляетъ такой городъ, какъ Парижъ, для жизни научной, и что средствомъ къ исправленію дѣла могла бы послужить *децентрализація* высшаго обученія. По крайней мѣрѣ, въ своей рѣчи, 7 апрѣля, 1866, при раздачѣ премій ученымъ обществамъ въ департаментахъ, онъ между прочимъ сказалъ:

«Правительство императора хорошо знаетъ, что литература и наука живутъ свободой, и оно хочетъ, чтобы Парижъ болѣе не заключалъ въ своихъ стѣнахъ всей умственной работы Франціи. Что касается меня, мм. гг., то я не забываю, что люди, сдѣлавшіе честь древней Греціи и міру, не всѣ были изъ Аѳинъ, хотя исторія сгруппировала ихъ всѣхъ около знаменитѣйшаго изъ аѳинянъ; и что Римъ родилъ въ своихъ стѣнахъ одного только великаго писателя, который былъ въ то же время великимъ геніемъ войны и политики (Юлій Цезарь). Я знаю также, что Италія, во времена возрожденія, обязана своею славою тому счастливому обстоятельству, что каждое изъ ея государствъ дало ей великаго историка, или поэта, или ученаго, или художника, и плодоносный посѣвъ не изсякъ, ибо Римъ увѣнчалъ Петрарка въ Капитоліѣ.»

Ораторъ забылъ, что и древняя Греція и средневѣковая Италія представляли совершенно другія отношенія, нежели нынѣшняя Франція, которая такъ много даже содѣйствовала въ послѣднее время Италіи выйти изъ ея средневѣковаго состоянія, которымъ такъ восхищается г. Дюрюи. Во всякомъ случаѣ, онъ полагаетъ, что было бы несравненно лучше разбросать различные факультеты по небольшимъ городамъ Франціи, и тогда преподаваніе исправилось бы само собою. Но ему справедливо возражали, что, если трудно найти хорошихъ профессоровъ для немногихъ центральныхъ факультетовъ, то откуда возьмутся люди на множество отдѣльныхъ факультетовъ; притомъ, можно ли надѣяться, что профессоръ, соглашаясь взять на себя это званіе въ Парижѣ, гдѣ представляется ему столько удобствъ къ ученымъ занятіямъ, согласится для сомнительной пользы учащихся пожертвовать всѣми выгодами необходимыми для него. Но мѣры, задумываемыя г. Дюрюи, доказываютъ только, что въ подобныхъ вопросахъ всего охотнѣе ищутъ причину дурного въ чемъ нибудь далекомъ, и не смотрятъ около себя.

Эта децентрализація высшаго обученія представляетъ ту же цѣну, какъ и другой проектъ г. Дюрюи, обратившійся теперь въ открытый фактъ, а именно, рядомъ съ выставкою произведеній французскихъ рукъ, въ будущемъ 1867 году, будетъ сдѣлана «выставка произведеній французскаго духа». Декабря 1, въ прошломъ году, г. Дюрюи обратился къ коммисару выставки съ письмомъ о мѣстѣ для такой выставки, и 89 и 90 классъ 10 группы теперь назначены для выставки духовныхъ произведеній по министерству народнаго просвѣщенія. Эта идея долго носилась безъ близкаго опредѣленія, но теперь она получила плоть, и мы знаемъ, что на выставку будетъ представлено все, что современное намъ человѣчество произвело за послѣднія 20 лѣтъ въ области: публичнаго права, администраціи, законодательства гражданскаго и уголовнаго, политической экономіи, права народовъ, исторіи, театра, поэзіи и т. д. Присяжные, по тщательномъ обсужденіи произведеній духа различныхъ народовъ, будутъ присуждать преміи. Нѣтъ сомнѣнія, что на такую выставку должны быть допущены различныя хартіи, какъ продуктъ политической жизни народа, и такимъ образомъ на Марсовомъ-Полѣ, въ зданіи ожидаемой выставки, будутъ помѣщены хартіи 1830 года, потомъ конституція 1848 года, и наконецъ, конституція 1852 года, послѣ coup d'état. Присяжнымъ предстоитъ выдать премію одной изъ этихъ конституцій; и такимъ образомъ «выставкѣ» придется въ будущемъ году рѣшить много вопросовъ, до которыхъ неохотно касаются во Франціи. Хотя теперь г. Дюрюи яснѣе высказалъ свой планъ выставки по министерству народнаго просвѣщенія, но всеобщее мнѣніе осталось тоже, а именно, что тамъ, гдѣ страна не служитъ выставкою про-

изведеній духа своей націи, тамъ едвали замѣнять дѣйствительность 89-й и 90-й классъ 10-ой группы выставки на Марсовомъ Полѣ.

Несравненно важнѣе въ распоряженіяхъ министерства народнаго просвѣщенія во Франціи его послѣднія заботы о распространеніи грамотности въ массахъ народа, и большія пренія, по этому поводу, въ законодательномъ корпусѣ, 15 марта, когда дѣло шло о выраженіи императору въ адресѣ желаній страны, чтобы были произведены въ исполненіе его слова: dans le pays du suffrage universel, tout citoyen doit savoir lire et ecrire. Эта истина мотивирована слишкомъ спеціально, и притомъ сами факты доказали, что suffrage universel утверждался въ той странѣ западной Европы, гдѣ наибольшее число безграмотныхъ, но тѣмъ не менѣе, оно весьма важно, помимо своей мнимой связи съ suffrage universel. Это сопряжено съ большими расходами для правительства, говорятъ во Франціи; въ Англіи, совершенно другой складъ ума и нравовъ: тамъ боятся не расходовъ, но того, что правительство, получивъ въ свои руки все народное воспитаніе, повергнетъ тѣмъ въ опасность конституцію страны; во Франціи не могутъ уговорить правительство взять на себя всѣ заботы о народномъ воспитаніи; въ Англіи разсуждаютъ, не опасно ли сосредоточить все воспитаніе въ рукахъ правительства. Въ 1846 году, въ Нижней палатѣ происходили тѣ же пренія, какія были въ нынѣшнемъ году во Франціи. Одинъ изъ членовъ возсталъ противъ увеличенія правительству средствъ распространять образованіе, и вызвалъ тѣмъ знаменитую рѣчь Маколея, въ которой самымъ нагляднымъ образомъ изложена вся сущность этого важнаго вопроса.

Маколей соглашается съ своимъ противникомъ, что относительно воспитанія народнаго и правъ на него правительства существуютъ самыя различныя и противорѣчащія мнѣнія. Но, восклицаетъ ораторъ, всѣ единогласно признаютъ за правительствомъ обязанность заботиться о неприкосновенности лицъ и достоянія всѣхъ членовъ государства.

«Если это несомнѣнно, продолжаетъ онъ, то можно ли отрицать, что образованіе простого народа есть одно изъ лучшихъ средствъ для безопасности нашей жизни и собственности? Пусть *Адамъ Смитъ* отвѣтитъ на этотъ вопросъ вмѣсто меня. Его всегда высокій авторитетъ особенно почтененъ въ этомъ предметѣ, потому что онъ очень не любитъ хлопотливое, вмѣшивающееся во все, правительство. Онъ совѣтовалъ предоставить самимъ себѣ литературу, науки и искусства. Онъ относился не дружелюбно къ духовнымъ установленіямъ. Онъ былъ того мнѣнія, что государство не должно вмѣшиваться въ воспитаніе богатыхъ. Но онъ прямо говоритъ, что необходимо отличать воспитаніе богатаго отъ воспитанія бѣднаго, особенно въ коммерче-

скомъ и высоко-цивилизованномъ обществѣ. Образованіе бѣдныхъ, говоритъ онъ, такое дѣло, въ которомъ сильно заинтересовано государство. Точно такъ же, какъ должностное лицо должно принять мѣры и для уничтоженія нравственныхъ недуговъ, неразлучныхъ съ невѣжествомъ. Пренебреженіе этой обязанностью всегда приведетъ въ опасность общественное спокойствіе. Если вы оставите массу необразованною, вы рискуете произвести страшные безпорядки, вслѣдствіе религіозной вражды. Самые страшные безпорядки! Вотъ собственныя слова *Адама Смита*; и это были пророческія слова. Едва успѣлъ онъ дать это предостереженіе нашимъ правителямъ, какъ пророчество его сбылось, въ такой формѣ, которую никогда не забудутъ. Я говорю объ анти-папистскихъ возмущеніяхъ 1780 г. Едвали можно найти во всей исторіи болѣе сильное доказательство тому, что невѣжество простого народа приводитъ въ опасность собственность и жизнь всѣхъ классовъ. Сотни тысячъ людей бунтуютъ безъ всякой причины, по вызову одного сумасшедшаго человѣка. Въ продолженіе недѣли величайшій и богатѣйшій городъ въ Европѣ находился въ состояніи полной анархіи. Парламентъ осажденъ. Вашъ предшественникъ трясется въ своемъ креслѣ и ждетъ каждую минуту, что злодѣи, шумящіе вокругъ дома, ворвутся въ него. Пэровъ выгоняютъ изъ каретъ. Епископы въ полномъ облаченіи принуждены бѣжать чрезъ крыши домовъ. Капеллы иностранныхъ посланниковъ — эти зданія, освященныя международными законами, — разрушены. Домъ главнаго судьи разнесенъ. Маленькія дѣти перваго министра взяты изъ постелей и положены въ ночныхъ рубашкахъ на столъ конногвардейцевъ — единственное безопасное мѣсто отъ изступленія черни. Тюрьмы открыты. Разбойники, воры, убійцы примыкаютъ къ освободившей ихъ толпѣ. Въ тридцати шести мѣстахъ былъ сразу зажженъ Лондонъ. Потомъ явилось возмездіе. Сосчитайте всѣхъ несчастныхъ, которые были разстрѣляны, повѣшены, которые топились до смерти въ рѣкахъ джина, стекавшихъ съ Гольборнъ-Гилля — и вы найдете, что сраженія были выигрываемы и теряемы съ меньшими жертвами жизней. И какова была причина этого страшнаго несчастія, стоящаго, въ исторіи Лондона, наравнѣ съ сильнѣйшей чумой и сильнѣйшимъ изъ пожаровъ? Причиною было невѣжество населенія, которое въ сосѣдствѣ дворцовъ, театровъ, храмовъ выростало дикимъ и идіотическимъ, подобно любому татуированному племени каннибаловъ въ Новой Зеландіи,—я хотѣлъ даже сказать, подобно стаду скота на Смитфильдскомъ рынкѣ.

«Примѣръ этотъ поразителенъ, но онъ не одинокъ. Той же причинѣ можно приписать бунты Ноттингама; разграбленіе Бристоля; уничтоженіе житницъ въ Кентѣ и разореніе оградъ и строеній въ Валлисѣ. Могли ли случиться такія вещи въ странѣ, въ которой умы

работниковъ облагорожены просвѣщеніемъ, въ которой они пріучены находить удовольствіе въ умственныхъ занятіяхъ, пріучены благоговѣть предъ Создателемъ, пріучены уважать законную власть и вмѣстѣ съ тѣмъ пріучены искать удовлетворенія за дѣйствительныя несправедливости мирными и конституціонными средствами?

«Итакъ, вотъ моя аргументація. Правительство обязано защищать насъ и нашу собственность отъ всякой опасности. Главная опасность для насъ и нашей собственности лежитъ въ невѣжествѣ простого народа. Слѣдовательно, правительство обязано стараться о томъ, чтобы народъ не былъ невѣжественъ.

«Гдѣ же альтернатива? Всюду признаютъ, что тѣми или другими средствами государство обязано защищать насъ и нашу собственность. Если вы отстраняете образованіе, то какія средства останутся? Вы оставляете средства, которыя может оправдать только крайность, средства, которыя страшно навлекаютъ наказанія не только на виновныхъ, но и на невинныхъ, связанныхъ съ виновными. Вы оставляете пушки и штыки, колодки и позорные столбы, целлюлярное заключеніе, экспортацію, казнь. Посмотрите же, каково положеніе дѣла. Мы всѣ согласны, что правительство обязано стремиться къ извѣстной цѣли. Для этого существуетъ только два пути. Первый путь состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать людей умными, добрыми и счастливыми. Другой путь состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать людей подлыми и несчастными. Можно ли колебаться, какой путь слѣдуетъ избрать. Не странно ли и можно ли вообще повѣрить, чтобы благочестивые и добрые люди серьезно проповѣдывали доктрину, что правительство обязано наказывать и вмѣстѣ съ тѣмъ обязано не учить? Мнѣ кажется совершенно яснымъ, что тотъ, кто имѣетъ право вѣшать, имѣетъ право и воспитывать. Можемъ ли мы вспомнить безъ стыда и угрызеній совѣсти, что больше половины несчастныхъ, которые въ наше время были повѣшены въ Ньюгетѣ, могли бы наслаждаться жизнью; что больше половины тѣхъ, которые наполняютъ теперь наши тюрьмы, могли бы быть на свободѣ и хорошо пользоваться этой свободой, что такой адъ, какъ островъ Норфолькъ, былъ бы вовсе не нуженъ, если бы мы издержали на образованіе честныхъ людей половину того, что издерживаемъ на преслѣдованіе и наказаніе мошенниковъ.»

У насъ вопросъ о народномъ образованіи представляетъ одну особенность, которой нельзя замѣтить въ другихъ странахъ. По своему историческому значенію, духовенство всегда и вездѣ являлось самымъ лучшимъ проводникомъ народнаго образованія. Стоя въ постоянномъ соприкосновеніи съ народомъ, научая его словомъ, оно могло легче, чѣмъ кто нибудь, привести свое образовательное значеніе въ систему, т. е. устроить школу и правильное обученіе будущихъ своихъ при-

хожанъ. Нельзя сказать, чтобы наше духовенство въ этомъ отношеніи составляло исключеніе: оно у насъ, какъ и вездѣ, стоитъ по образованію выше массъ; этимъ оно не отличается отъ духовенства другихъ странъ, чтобы ни говорили о немъ; но во-первыхъ, у насъ разстояніе между уровнемъ массъ и сельскаго духовенства вовсе не такъ велико, какъ на западѣ, и во-вторыхъ, что самое важное, наше духовенство допустило развиться надъ собою огромному большинству свѣтскихъ образованныхъ людей, чего нѣтъ въ западной Европѣ; другими словами, оно не шло впередъ вмѣстѣ съ свѣтскимъ обществомъ и должно было понести всѣ выгоды, но также и всѣ невыгоды своего анахронизма. Эти невыгоды относятся не къ одному духовенству, но и къ самому обществу, которое не имѣетъ пастырей изъ своей среды, но изъ какой-то среды чуждой ему во всѣхъ отношеніяхъ.

Послѣдняя перемѣна въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, вслѣдствіе которой къ этому управленію присоединено управленіе духовными училищами, хотя такое присоединеніе только персонально, но тѣмъ не менѣе составитъ, безъ сомнѣнія, эпоху къ судьбѣ семинарій. Таково было всеобщее впечатлѣніе, которое такъ ясно и точно было выражено въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (15 апрѣля); объявивъ о перемѣнѣ министерства, редакція ихъ по этому поводу замѣчаетъ слѣдующее:

«Потребность дать нашимъ духовнымъ учебнымъ заведеніямъ надлежащую, соотвѣтственную ихъ высокому назначенію постановку чувствуется всѣми. Поднять уровень преподаваемаго въ нихъ ученія, къ прискорбію *низко упавшій*, улучшить ихъ матеріальныя средства, съ съ теченіемъ времени крайне оскудѣвшія,—всего этого легче достигнуть при ихъ соединеніи съ свѣтскими учебными заведеніями подъ общимъ высшимъ управленіемъ. Духовныя учебныя заведенія могутъ, конечно, оставаться въ тѣснѣйшей связи съ духовенствомъ и ближайшемъ подчиненіи его іерархіи, *но нѣтъ никакой причины, чтобы, приготовляя къ духовному званію, они были открыты исключительно для дѣтей лицъ, принадлежащихъ къ этому званію, чтобъ они сохраняли и впредь свой кастообразный характеръ, изъ нихъ преимущественно переходящій на все духовное сословіе и отчуждающій его отъ остальнаго общества, къ величайшему ущербу для церкви*. Если вопіющая потребность постепенно освобождать православное духовенство отъ несвойственнаго ему левитизма не подлежитъ сомнѣнію, то удовлетвореніе этой потребности всего легче начать со школъ духовнаго вѣдомства, *открывъ ихъ для лицъ всѣхъ состояній и поставивъ ихъ такъ, чтобъ ихъ не чуждались родители изъ міряня*. Духовныя школы такъ поставленныя, то есть сближенныя въ планѣ преподаванія со свѣтскими, окажутъ серьезную пользу и всему обществу, *и въ особенности самому духовенству*. Богословское образованіе можетъ быть съ успѣ-

хомъ преподаваемо лишь молодымъ людямъ достигшимъ извѣстной степени зрѣлости. Ему должно предшествовать *образованіе общее*, которое должно быть для будущаго богослова не только не ниже, но, если можно, выше чѣмъ для приготовляющихся къ высшему обученію по свѣтскимъ факультетамъ. Нечего скрывать отъ себя, что язва, именуемая нигилизмомъ, начала проникать и въ наши духовныя заведенія, и что въ нихъ она дѣйствуетъ даже съ особеннымъ озлобленіемъ. Нельзя не опасаться, что зло можетъ развиваться далѣе, если не устранится главное условіе для его развитія,—поверхность ученія, раздражающая умъ и вмѣстѣ съ тѣмъ повергающая его въ немощное состояніе, въ совершенную неспособность искать серьезнаго рѣшенія вопросовъ, возбуждаемыхъ въ немъ безъ всякого соотвѣтствія его силамъ. При теперешнемъ положеніи вещей, судьба всего народа зависитъ отъ того, будутъ ли получать его духовные пастыри солидное общее образовоніе, будутъ ли они пользоваться такимъ преподаваніемъ, которое упражняетъ умственныя силы молодыхъ людей и пріучаетъ ихъ къ самодѣятельному труду, а не набиваетъ ихъ головы непереваренными фразами, тѣмъ болѣе надмѣвающими, чѣмъ безотчетнѣе онѣ повторяются.»

Мы полагаемъ, однако, что при всей справедливости вышесказаннаго, нельзя остановиться на этомъ; нельзя дать однимъ свѣтскимъ наукамъ то преимущество, по которому онѣ имѣютъ своими представителями не только людей, пользующихся общимъ образованіемъ, но вмѣстѣ и университетскимъ. Въ прошедшемъ году былъ возбужденъ вопросъ, какимъ образомъ доставить университетамъ средство «искоренить распространяющійся въ обществѣ и литературѣ духъ отрицанія и невѣрія.» Съ этою цѣлью г. профессоръ Сергіевскій произвелъ самое обстоятельное изслѣдованіе, но въ результатѣ котораго оказалось полезнымъ увеличить и распространить преподаваніе богословія въ университетахъ, на томъ основаніи, что наши студенты остаются безсильными въ борьбѣ съ безвѣріемъ «по незнанію тѣхъ аргументовъ, которые слѣдуетъ употребить противъ ученія лжи въ пользу страны.» Но всякій согласится, что свѣтскій студентъ, какъ бы мы не расширяли курсъ богословія, никогда не будетъ имѣть авторитета богослова, и если онъ хорошій и добросовѣстный спеціалистъ по математикѣ или юриспруденціи, то никогда не рискнетъ выйти изъ своей спеціальности, и во всякомъ случаѣ окажетъ плохую услугу своею апологетикою.

Г. Дмитріевъ (профессоръ Московскаго университета) указалъ отчасти на добрую цѣль г. профессора Сергіевскаго и на несоотвѣтственность съ нею избранныхъ имъ средствъ. Но, намъ кажется, что, преслѣдуя неудободостижимую цѣль, г. профессоръ Сергіевскій впалъ даже въ противорѣчіе съ самимъ собою. Понимая весьма справедливо

силу другихъ наукъ, которыя берутъ своею специальностью, онъ выражаетъ еще болѣе справедливо необходимость дать въ университетѣ богословію *равныя права* на научно-богословскую специальность, и вслѣдъ затѣмъ желаетъ прямо противоположнаго: «Но мы скажемъ болѣе, говоритъ онъ: наука богословская *не можетъ быть чуждою* ни одному изъ факультетовъ.» И такъ, въ университетѣ богословіе, какъ и всякая другая наука, должно быть специальнымъ, и въ то же время оно не должно быть чуждымъ ни одному изъ факультетовъ, то есть, оно не должно быть специальною, а общею для всѣхъ наукою. Поставляя себѣ такую задачу, мы очутимся въ безвыходномъ кругу и поставимъ богословіе въ бо́льшую опасность, нежели та, которой оно подвергалось до сихъ поръ. Чрезвычайная ограниченность и поверхностность програмы богословія дѣйствительно служила до сихъ поръ скорѣе соблазномъ; теперь предлагаютъ намъ меньшую ограниченность, но тѣмъ не менѣе ограниченность, а потому результаты будутъ по прежнему отрицательные. Изъ двухъ положеній г. профессора Сергіевскаго мы останавливаемся потому на первомъ, какъ на неоспоримомъ, а именно, что богословіе можетъ и должно быть также специально, какъ и всякая другая наука, а болѣе или менѣе поверхностное позналіе его, которое останется навсегда связаннымъ съ преподаваніемъ богословія во всѣхъ факультетахъ, также вредно, какъ и во всѣхъ другихъ наукахъ. Если же это справедливо, то слѣдуетъ при университетахъ открыть специальные богословскіе факультеты. Это принесетъ пользу студентамъ и другихъ факультетовъ, потому что юристъ, филологъ, медикъ и т. д. въ своей средѣ будутъ имѣть товарищей, специально, какъ и они, посвящающихъ свой трудъ на изученіе богословской науки, и которые найдутъ безчисленное множество случаевъ мѣняться съ своими товарищами тѣми пріобрѣтеніями, которыя они сдѣлали въ своей области. Въ то же время произойдетъ между будущими административными дѣятелями и учеными и будущими пастырями церкви связь въ тѣ самые годы, когда люди такъ охотно сближаются другъ съ другомъ.

Принимая все это въ соображеніе, мы полагали бы болѣе полезнымъ развить до конца мысль г. профессора Сергіевскаго о необходимости специализировать богословіе въ университетѣ, т. е. открыть богословскій факультетъ, уничтоживъ въ то же время преподаваніе богословія въ прочихъ факультетахъ, что нисколько не препятствуетъ студентамъ добровольно посѣщать лекціи богословія и, напротивъ того, можетъ быть еще болѣе привлечетъ къ себѣ слушателей. Пр. Дмитріевъ возражаетъ впередъ противъ этой мысли, указывая на то, что богословскій факультетъ есть принадлежность болѣе протестантскаго общества, но это совершенно несправедливо, такъ какъ въ Европѣ богословскіе факультеты старше по времени протестантства, и въ эпоху

реформаціи протестантство нашло себѣ самыхъ опасныхъ соперниковъ въ университетахъ того времени.

Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ остановиться на весьма важномъ педагогическомъ трудѣ, который вышелъ изъ печати въ послѣднее время. У насъ педагогическія идеи такъ мало еще установились, что такая книга, какъ сочиненіе

Л. Модзалевскаго, Очеркъ исторіи воспитанія и обученія съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ, составленный по Шмидту, Раумеру, и др. Выпускъ первый. Спб., 1866, стр. 334.

весьма кстати явилось въ нашей педагогической литературѣ.

«Приступая къ изданію этой книги, говоритъ авторъ въ своемъ предисловіи, я имѣлъ въ виду: съ одной стороны, распространяющійся у насъ интерессъ къ педагогикѣ, для изученія которой за послѣднее время явилось много каѳедръ или даже особыхъ учрежденій; съ другой стороны — нѣкоторую возможность удовлетворить столь законной потребности, какъ спеціалистовъ, такъ остальнаго образованнаго общества, усвоивъ за нашей литературой на первый разъ хотя то, что есть лучшаго по этой части на западѣ, и именно, у нѣмцевъ, наиболѣе разработавшихъ педагогику, какъ науку, и какъ искусство. Такимъ образомъ, предлагаемая мною книга не имѣетъ ни мало притязанія на самостоятельность, которой болѣе потребуетъ продолженіе ея — «Исторія воспитанія въ Россіи»—на сколько она возможна при существующемъ у насъ матеріалѣ для нея, которымъ я также намѣренъ воспользоваться. При современномъ переходномъ состояніи многихъ наукъ, а въ томъ числѣ и педагогики, историческое ихъ изученіе сдѣлалось единственно возможнымъ, пока не появятся новыя, лучшія системы.»

Въ первомъ выпускѣ, авторъ доводитъ свой предметъ до новаго времени и заключаетъ разборомъ участія въ дѣлѣ школы протестантизма и іезуитовъ.

Въ послѣднее время явилось у насъ и во Франціи два изданія одинаковаго рода, но весьма различнаго внутренняго достоинства. Оба они предприняты съ цѣлью познакомить учащееся юношество съ литературными историческими памятниками старины, что составляетъ вмѣстѣ лучшее средство познакомить съ самымъ историческимъ бытомъ народа, который для древней своей исторіи оставляетъ болѣе слѣдовъ въ своихъ легендахъ и пѣсняхъ, нежели въ письменной литературѣ, которая притомъ принимаетъ въ себя исторію гораздо позже зарожденія обществъ. Мы говоримъ о только-что вышедшемъ второмъ и весьма дополненномъ изданіи труда

Ѳр. Миллера, Хрестоматія къ «Опыту историческаго обозрѣнія русской словесности. Ч. I, вып. I. Отъ древнѣйшихъ временъ до татарщины Спб. 1866.

и о появившемся во Франціи

Le Trésor littéraire de la France, recueil en prose et en vers de morceaux empruntés aux ecrivains les plus renommés et aux personnages les plus remarquables de notre pays, depuis le troizième siècle jusqu'à nos jours, publié par la Société des gens de lettres, sous le patronage du ministre de l'instruction publique, 1-er volume: **Les prosateurs.** *Литературная сокровищница Франціи*, сборникъ въ прозѣ и въ стихахъ отрывковъ, заимствованныхъ у самыхъ извѣстныхъ писателей и замѣчательнѣйшихъ лицъ нашей страны, изданная обществомъ литераторовъ, подъ покровительствомъ министра народнаго просвѣщенія. Томъ I: Прозаики.)

Французскій сборникъ, составленный, повидимому, съ педагогическою цѣлью и изданный съ рѣдкою даже и въ наше время роскошью, имѣетъ въ виду совершенно постороннія цѣли, которыя едва ли могутъ достигаться подобными средствами. «Литературная сокровищница Франціи» напоминаетъ собою ту старую учебную литературу, которую въ прежніе вѣка называли *ad usum Delphini*, *для Дофина*. Длинное заглавіе сборника объясняетъ само его составъ, но выборъ мѣстъ и способъ ихъ изданія напомнилъ одному изъ остроумныхъ французскихъ критиковъ басню Лафонтена, въ которой разсказывается, какъ обезьяна, отъ нечего дѣлать, забавлялась киданіемъ червонцевъ изъ сундука въ прудъ..... Впечатлѣніе сборника на умы учащихся будетъ такъ же кратковременно, какъ и слѣды червонца, зарябившаго поверхность пруда въ баснѣ. Въ этомъ сборникѣ можно напр., найти выбранныя клочки изъ писемъ Мирабо, но неужели этимъ средствомъ можно предохранить юный умъ отъ другихъ впечатлѣній; и развѣ не можетъ явиться другая обезьяна, которая можетъ воспользоваться такимъ педагогическимъ примѣромъ и сдѣлать совершенно иной выборъ, помимо покровительства французскаго министра народнаго просвѣщенія? Такимъ образомъ, во Франціи министерство народнаго просвѣщенія само пускается въ игру съ тѣми, кого осуждаетъ, и дѣлаетъ изъ воспитанія орудіе политики, въ чемъ именно само упрекаетъ людей, которые ему представляются противниками современнаго порядка вещей во Франціи. Неужели администрація, желая уничтожить напримѣръ страсть къ азартнымъ играмъ въ обществѣ, исправила бы дѣло тѣмъ, что сама основала бы у себя картежный домъ? А такая педагогическая мѣра, какой представляется намъ этотъ сборникъ съ его цѣлью увѣрить, напримѣръ, что Мирабо не иначе писалъ, какъ то изображено въ избранномъ отрывкѣ, нисколько не лучше. Такого рода сборники должны потому измѣняться въ своемъ составѣ съ каждою перемѣною въ политикѣ, и въ тоже время терять всякое значеніе, когда въ нихъ проходитъ надобность.

Совершенно другое мы должны сказать о трудѣ г. Миллера для исторіи нашей отечественной литературы и вмѣстѣ ея интеллектуаль-

наго развитія. Особенно полно составленъ имъ отдѣлъ «устной народной словесности», въ ея остаткахъ миѳическо-образцовой поэзіи, миѳическаго эпоса, животнаго эпоса и былеваго эпоса — отдѣлъ самый важный, такъ какъ въ немъ только знакомство съ живыми отголосками той эпохи можетъ дать сколько нибудь понятіе о мірѣ совершенно особенномъ и трудномъ для описанія. «Опытъ историческаго обозрѣнія русской словесности» того же автора служитъ превосходнымъ комментаріемъ къ «Христоматіи», гдѣ разъяснены всѣ важнѣйшіе культурные вопросы нашего древняго общества. Мы убѣждены, что подобнаго рода изданія будутъ имѣть весьма благотворное вліяніе на судьбу науки у насъ въ лицѣ тѣхъ, которые еще въ школѣ познакомятся съ матеріальными богатствами нашей старины; она кажется всегда бѣдною по сравненію съ стариною западныхъ народовъ, но вовсе не потому, чтобы она была сама бѣдна, но бѣдно было до сихъ поръ наше знаніе о ней.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Іюнь. 1866.

Отдаленному историку нашего времени предстоитъ имѣть большую проницательность, чтобы вѣрно опредѣлить характеръ и значеніе переживаемой нами эпохи. Конечно, предъ его глазами будутъ уже лежать результаты всего того, что мы только-что начинаемъ или недавно начали, и того, къ чему мы стремимся различными путями, что составляетъ предметъ нашихъ разнообразныхъ желаній; ему потому будетъ легче рѣшить вопросъ, кто изъ насъ въ эту минуту ошибался, кто приготовлялъ будущность, кто ее замедлялъ. Но при всемъ томъ, трудъ такого историка будетъ не малъ, особенно если онъ захочетъ быть безпристрастнымъ. Какъ онъ отнесется къ нашимъ оптимистамъ и пессимистамъ? Какъ онъ взглянетъ на нашъ страхъ, на наши надежды, на нашу вражду, на наши привязанности? Все это вопросы высокаго интереса, но исторія была бы невозможна, еслибъ современники знали до конца то, что дѣлается ими, и не имѣли бы предъ собою одной вѣчной задачи согласовать свое благо съ благомъ грядущихъ поколѣній. Вѣрно одно, что мы бываемъ часто плохимъ мѣриломъ собственнаго благосостоянія; такова уже природа цѣлаго общества и отдѣльнаго человѣка: сегодняшнее зло, какъ бы оно ни было ничтожно, кажется всегда огромнымъ и трудно выносимымъ по сравненію съ зломъ прожитымъ, хотя бы это послѣднее было несравненно больше; настоящая и вовсе неопасная болѣзнь всегда хуже благополучно прошедшей, даже и весьма тяжкой. Но безъ такой чувствительности къ настоящему злу мы не имѣли бы энергіи для освобожденія себя отъ него. «Никогда не было такъ худо», говоритъ обыкновенно современникъ, какъ бы забывая, что онъ не всегда же и жилъ, чтобы ручаться за справедливость своего сравненія. Между тѣмъ, такъ обыкновенно восклицаютъ самыя честныя натуры, самые благородные общественные дѣятели. Мы всѣ еще помнимъ прощальное слово съ

своими читателями И. С. Аксакова, когда онъ, закрывая свой журналъ къ началу нынѣшняго года, оглянулся назадъ и свелъ счеты за прошедшій годъ. Обозрѣвая это прошедшее, онъ продолжаетъ такъ:

«Кажется экспериментовъ (у насъ) было не мало; мы не бѣдны опытомъ, купили его дорогою цѣною, да и пора уже было бы надоѣсть—бродить ощупью и плутать въ потемкахъ. Едва ли мы не подошли къ самому краю, за который перешагнуть было бы слишкомъ опасно, хотя бы уже потому, что мы слишкомъ бы усложнили свое развитіе и слишкомъ бы далеко оторвались отъ народныхъ историческихъ основъ и преданій. Теперь именно наступило такое время, когда всѣ нужнѣйшія внѣшнія реформы совершены, необходимыя средства — хлѣбъ насущный, нѣкоторая свобода слова — даны; можно было бы, успокоясь покуда на нихъ, оглядѣться назадъ, вникнуть глубже въ свойства нашего внутренняго недуга, неуступающаго покуда никакому врачеванію, и вмѣсто того, чтобъ растрачивать наши силы во-внѣ, обратить ихъ внутрь себя, на работу самопознанія и на подвигъ нравственнаго возрожденія.

«Впрочемъ, можетъ быть многіе изъ нашихъ читателей и не понимаютъ ясно, о какомъ это недугѣ мы говоримъ. Особеннаго недуга они не ощущаютъ, кромѣ того, что финансы плохи, что звонкой монеты нѣтъ, что вся Россія страждетъ безденежьемъ, торговля въ застоѣ, крестьянское благосостояніе упало, и т. д. и т. д. Они полагаютъ даже, что все это произошло отъ болѣе или менѣе не искуснаго управленія, и что отъ администраціи же зависитъ вывести Россію изъ такого затруднительнаго положенія. Они не замѣчаютъ, устремивъ свои взоры на внѣшнія правительственныя распоряженія, что начала, которыми руководится правительство, выработаны и навязаны ему самимъ обществомъ, что даже неуспѣхъ внѣшнихъ правительственныхъ распоряженій состоитъ въ непосредственной связи со всѣмъ нашимъ внутреннимъ, духовнымъ строемъ; что наконецъ правительство вербуетъ своихъ дѣятелей изъ того же критикующаго его общества, и что наше правительство и наша оппозиція въ сущности одно и тоже, поочередно мѣняются ролями, стоятъ на одинакомъ уровнѣ пониманія и вертятся вмѣстѣ въ одномъ общемъ безвыходномъ кругѣ......... Россія преобразуется, Россія развивается; она въ скоромъ времени будетъ, по внѣшности, по каталогу заведеній и учрежденій, болѣе похожа на западную Европу, чѣмъ любая страна, plus européenne que l'Europe. И въ самомъ дѣлѣ, можно было бы обольщаться успѣхомъ реформъ, если бы не обличало насъ одновременное съ ними наше банкрутство во всѣхъ отношеніяхъ; не смотря на всѣ усилія и пособія западной науки и опыта—богатая Русь бѣдна и бѣднѣетъ; обладающая несмѣтными сокровищами серебра и золота, какъ ни одна страна въ мірѣ, она не имѣетъ у себя серебра и золота

ни на одну копѣйку; гордящаяся умомъ и смышленностью своего народа, порождаетъ, большею частью, въ лицѣ своихъ высшихъ общественныхъ представителей—поразительную неспособность, нравственную дряблость и духовную непроизводительность; полная преданій и задатковъ самостоятельнаго политическаго развитія, она жмется, какъ въ тискахъ, въ формахъ ей чуждыхъ, прививаетъ и развиваетъ у себя чужія произрастенія, запуская свою собственную духовную ниву........

«При такомъ положеніи дѣлъ, всего опаснѣе самообольщеніе, всего вреднѣе дешевый внѣшній политическій интерессъ, отвлекающій общество отъ вопросовъ внутреннихъ. Въ этомъ отношеніи послѣдніе два-три года имѣли то дурное вліяніе на такъ называемое образованное общество, что дали его пустотѣ какое-то содержаніе — въ сущности совершенно призрачное. Благодаря нашей патріотической и поющей гимны русскому дворянству публицистикѣ, общество дѣйствительно повѣрило, что оно политически зрѣло, — и упоенное взаимнымъ кажденіемъ своихъ корифеевъ, само не видитъ, какъ оно нравственно пусто, какъ нѣтъ у него никакой почвы, и болтается оно ногами по воздуху. Открылась возможность слыть и самому воображать себя русскимъ, не будучи русскимъ, или будучи имъ лишь только по имени и крови; воображать себя патріотомъ, не расходуясь на это никакимъ новымъ трудомъ мысли, и продолжая воспитывать дѣтей своихъ въ Дрезденѣ или Женевѣ; толковать о государственномъ единствѣ и цѣльности Россіи, посягая на духовную цѣльность русской народности, на русскую общину и міръ, и наконецъ признавать себя расквитавшимся со всѣми своими обязанностями какъ русскаго гражданина, пристроивъ себя подъ аристократическое знамя какой нибудь иноземной политической теоріи. Все это вредно уже потому, что упраздняетъ серьезный трудъ самопознанія, ставитъ на ходули, обольщаетъ лживою надеждою на легкое исцѣленіе, — котораго эти общественные дѣятели, какія бы ни *придумывали* средства, не дадутъ и дать не могутъ: зло не въ отсутствіи средствъ, а въ насъ самихъ, въ нравственныхъ типическихъ условіяхъ нашей среды.

«Таково положеніе дѣлъ въ Россіи. Но унывать нечего. По организму и болѣзнь. Крупна болѣзнь, но за то какъ крупенъ, какъ мощенъ организмъ!»

Пройдутъ десятки, сотни лѣтъ, и эта страница вмѣстѣ съ другими немногими листами обратится въ документъ, и останется свидѣтельствовать о нашемъ времени. Но, мы думаемъ, что прежде всего эта страница будетъ свидѣтельствовать о томъ, что среди насъ жилъ честный человѣкъ, несомнѣнно любившій свою родину; но вмѣстѣ съ тѣмъ историкъ не забудетъ примолвить, что и то общество, среди котораго свободно раздавался такой голосъ, не могло быть опасно

больнымъ. Опасность велика только тогда, когда ее не подозрѣваютъ или стараются увѣрять себя въ добромъ здоровьи.

Послѣднія слова И. С. Аксакова о мощи нашего организма сбылись прежде, нежели онъ могъ думать. Въ жизни общества, какъ и въ жизни отдѣльнаго человѣка, проходятъ длинные, обыкновенные, однообразные дни, и являются внезапно минуты, когда общество, какъ и отдѣльный человѣкъ, чувствуетъ радость жизни и дрожитъ всѣмъ своимъ организмомъ. Такъ было и въ тѣ памятныя для всѣхъ апрѣльскіе дни, когда вся Россія сначала ужасомъ, а потомъ безпредѣльнымъ восторгомъ выразила не одно единство своего государственнаго тѣла, но и единство души. Пораженная сначала внѣшнимъ подобіемъ покушенія у насъ на жизнь того, кому нашъ вѣщій поэтъ [1]) предсказалъ быть «царемъ-человѣкомъ», съ покушеніями, о которыхъ мы читали въ исторіи другихъ странъ и другихъ временъ, Россія бросилась въ храмъ, какъ бы желая повторить евангельское слово: «Господи, прости имъ: не вѣдятъ бо, что творятъ»! Но восторгъ, смѣнившій молитву, долженъ былъ внушить и другую мысль тѣмъ, которые способны прислушиваться къ пульсу народной жизни, и заставилъ ихъ сказать, что изъ нашего организма можно добыть крики ужаса и слезы восторга, но не ядъ преступленія. Такой народъ заслужилъ прошедшее благодѣяніе, и достоинъ новыхъ заботъ и попеченій о его счастьи. Забудемъ же иное сказанное у насъ, что такъ естественно въ минуту тяжкихъ огорченій, и будемъ помнить однѣ молитвы и народныя слезы, которыми народъ такъ краснорѣчиво написалъ самъ свою внутреннюю жизнь за эти послѣдніе пережитые нами мѣсяцы. Все это было такъ живуче, такъ реально, что предъ нимъ остальное исчезаетъ, какъ дымъ; а дымъ, если въ нашемъ обществѣ и явились бы его признаки,—ничего такъ не боится, какъ простора и свободы, въ которомъ ему суждено расходиться безслѣдно.

ЗЕМСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

I.

II. Кругъ дѣятельности земства и ея основы.

Въ первой нашей статьѣ [2]) мы коснулись только одной стороны одного изъ современныхъ нашихъ историческихъ явленій — земскаго самоуправленія.

---

[1]) «Да на чредѣ высокой не забудетъ
«Святѣйшаго изъ званій: *человѣкъ!*» Жуковскій. 17 апр. 1818 г.

[2]) См. мартъ. 1866. Отд. V, стр. 2.

Мы желали тогда выяснить, по возможности, причину появленія, въ нашей гражданской жизни, земскихъ учрежденій въ ихъ настоящей формѣ, и опредѣлить, въ чемъ именно должна была, въ силу данныхъ обстоятельствъ, заключаться ихъ первая задача, какъ она была выполнена первыми выборными отъ земства, и какъ новыя учрежденія были встрѣчены нашимъ обществомъ съ одной стороны, и старымъ порядкомъ и нѣкоторыми недоброжелательными и эгоистическими разсчетами — съ другой.

Теперь, когда уже большая часть губерній имѣли земскія собранія перваго созыва, а многія собирались и вторично, намъ предстоитъ возможность нѣсколько разсмотрѣть самый кругъ дѣятельности земскихъ учрежденій.

Весь кругъ дѣятельности земскаго самоуправленія мы можемъ раздѣлить, на основаніи опредѣленія закона, на три главныя части: 1) народное хозяйство, 2) народное образованіе и 3) народное призрѣніе.

Мы разсмотримъ начавшуюся дѣятельность органовъ земства съ этихъ трехъ сторонъ.

Вступивъ въ отправленіе своихъ обязанностей, земскіе органы должны были прежде всего, какъ на основаніи закона, такъ и на основаніи порядка вещей, приступить къ пріему отъ прежнихъ властей предметовъ земскаго хозяйства. Мы уже сказали, что неудовлетворительное состояніе его и несостоятельность въ этомъ дѣлѣ центральной администраціи не составляло ни для кого тайны. Само правительство убѣдилось въ этой истинѣ и признало ее. Кромѣ того, всѣ интересующіеся земскимъ дѣломъ вѣроятно читали отчеты земскихъ управъ и разныя заявленія гласныхъ въ земскихъ собраніяхъ. Мы также не желаемъ здѣсь никого обвинять и вполнѣ сознаемъ, что иначе и быть не могло. А потому мы и не станемъ рисовать печальной картины того, что уже прошло навсегда. Мы остановимся только, чтобы сказать, на сколько положеніе органовъ земства затруднительно; на сколько осторожно слѣдуетъ относиться къ ихъ начальнымъ дѣйствіямъ, и сколько они требуютъ сочувствія отъ всѣхъ и каждаго, кому только дороги интерессы Россіи.

Земству приходится почти вновь создавать все свое хозяйство. Основы его богатства, промышленность и торговля, во всѣхъ ихъ видахъ, до того слабы и въ такомъ ненормальномъ положеніи, что требуютъ самыхъ серьезныхъ, самыхъ дѣятельныхъ мѣръ къ ихъ правильному устройству. Путей сообщенія, важность которыхъ для народной экономіи всѣмъ понятна, у насъ почти нѣтъ, потому что существующіе не могутъ считаться, до такой степени они плохи и затруднительны. Самый способъ публичнаго передвиженія требуетъ также коренныхъ измѣненій.

Наконецъ, одинъ изъ самыхъ трудныхъ вопросовъ земскаго хозяйства составляютъ натуральныя повинности. Въ настоящемъ ихъ положеніи онѣ въ такой степени неправильно устроены, что составляютъ, особенно въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, почти невыносимую тягость для народа. Наши слова конечно будутъ поняты всѣми, кто близко знакомъ съ этимъ важнымъ предметомъ народной жизни. Оставить натуральныя повинности въ существующемъ положеніи нѣтъ никакой возможности; переводъ же всѣхъ разомъ на повинность денежную, какъ болѣе правильную и уравнительную, встрѣчаетъ большія затрудненія, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, и почти непреодолимыя на первыхъ порахъ. Если земскіе органы успѣютъ сначала по возможности уравнять эту тягость между членами земства, распредѣлить ее болѣе справедливымъ образомъ и такимъ способомъ приготовить и облегчить переводъ на денежную повинность въ будущемъ, болѣе или менѣе близкомъ, смотря по мѣстнымъ обстоятельствамъ, то это будетъ уже одною изъ великихъ заслугъ земскихъ учрежденій, которыхъ этотъ вопросъ вездѣ горячо занимаетъ.

За тѣмъ, на очереди занятій земскихъ учрежденій стоитъ и составленіе смѣтъ и способа раскладокъ земскихъ повинностей.

Всѣмъ серьезнымъ умамъ извѣстно, какую важную роль въ экономіи народовъ играютъ смѣты или бюджеты; всѣмъ извѣстно, что смѣта, въ которой производительные расходы покрывались бы правильными, необременительными доходами, имѣетъ самое счастливое, можно сказать, магическое вліяніе на общее благосостояніе и на экономическіе интересы народа.

Между тѣмъ не должно забывать, что земскія учрежденія вступили въ дѣйствіе въ самое неблагопріятное время въ экономическомъ отношеніи. Поземельная собственность находится въ самомъ трудномъ положеніи. Нѣтъ средствъ уловить въ настоящее время ея доходности, даже приблизительной; а потому нѣтъ возможности и отыскать ея цѣнность. Сельское хозяйство находится въ томъ переходномъ состояніи, которое ставитъ все въ самое неопредѣленное положеніе, въ общій застой. Мы сказали выше, что фабричная производительность и торговля, которыя питаютъ сельское хозяйство, находятся тоже въ страдательномъ положеніи. Изъ этого легко заключить, съ какою осторожностію приходится земскимъ учрежденіямъ составлять свои бюджеты, съ какими затрудненіями имъ приходится бороться. При общей экономической несостоятельности, естественно возникаютъ со всѣхъ сторонъ сомнѣнія и разнаго рода препятствія. Нельзя же задавить собственность налогами и повинностями, если не желаютъ всеобщаго разоренія, недоборовъ и недоимокъ. Кому отъ этого польза? А между тѣмъ необходимо удовлетворить потребностямъ мѣстнымъ и государ-

ственнымъ, которыя возростаютъ съ каждымъ годомъ. Есть надъ чѣмъ призадуматься и потрудиться.

Такимъ образомъ, въ дѣлѣ собственно земскаго хозяйства предстоитъ не мало труда земскимъ учрежденіямъ. Тѣмъ болѣе не мало, что они вступили на новое призваніе большею частію безъ всякихъ положительныхъ данныхъ и безъ систематическихъ свѣдѣній о дѣйствительномъ состояніи хозяйства и силъ земства, и о коренныхъ причинахъ общаго экономическаго разстройства.

Мы всѣ, болѣе или менѣе, знали факты, но, не призванные жизнію къ самодѣятельности или отвлекаемые другими занятіями, относились къ явленіямъ и ихъ истиннымъ причинамъ большею частію поверхностно или отвлеченно; мы мало вдумывались въ «суть» вещей. Кого же винить въ этомъ? Кажется по справедливости, тамъ, гдѣ всѣ виноваты, нѣтъ виновныхъ.

Но прошлое кончено и съ нимъ необходимо такъ или иначе примириться. Настала пора труда серьезнаго, а потому и нескороспѣлаго. Необходимо собирать свѣдѣнія вѣрныя, данныя положительныя, и глубоко ихъ обдумывать, чтобы возможно менѣе ошибиться и возможно менѣе поплатиться въ будущемъ.

Одновременно со всѣми этими работами, земскія учрежденія вездѣ заняты еще пріемомъ старыхъ дѣлъ отъ разныхъ вѣдомствъ. За разборомъ ихъ не мало потрачивается времени, и къ тому совершенно безотрадно. Эти кучи потраченныхъ бумагъ, сдающихся только для соблюденія формальности, проливаютъ одинъ грустный свѣтъ — изъ нихъ почерпаются лишь доказательства, какъ разныя канцеляріи и инстанціи тратили дорогое время, и какъ онѣ безцеремонно обращались съ копѣйками производителей. Другихъ данныхъ здѣсь искать было бы напрасно.

Вмѣстѣ съ этими печальными дѣлами, земству должны быть сданы и всѣ имущества и капиталы, ему принадлежащіе. Но здѣсь земскія учрежденія встрѣчаютъ другого рода затрудненія. Имущества передаются чрезвычайно медленно, а гдѣ уже переданы, то въ такомъ жалкомъ видѣ и состояніи, что часто возникаетъ вопросъ, полезно и выгодно ли для земства принимать такую собственность, которая послужитъ ему въ обремененіе, требуя на первыхъ же порахъ значительныхъ расходовъ для приведенія ихъ въ должный видъ и порядокъ. Этотъ вопросъ тѣмъ болѣе важенъ, что земству хорошо извѣстны его ограниченныя средства.

Что же касается капиталовъ, то, къ крайнему сожалѣнію, ихъ передача до сихъ поръ еще не опредѣлена. Между тѣмъ эти капиталы могли бы значительно облегчить тяжелое положеніе, дозволивъ земству совершить полезные для него обороты, и тѣмъ вывести его на первый случай изъ многихъ затрудненій. Нѣкоторые капиталы,

какъ слышно, не будутъ переданы земству въ полномъ ихъ составѣ, вслѣдствіе нѣкоторыхъ разсчетовъ, которые намъ кажется едва ли правильны и справедливы. Не вдаваясь пока въ подробное обсужденіе этого вопроса, который мы постараемся разъяснить въ послѣдствіи, мы скажемъ только, что этимъ разсчетомъ нарушаются права земства и его интерессы и ослабятся мѣстныя средства земства, а центральныя ничего не выиграютъ; напротивъ, будутъ затруднены. Слѣдовательно, ущербъ общій. Если ходячіе слухи оправдаются, то будущее укажетъ непремѣнно справедливость нашего мнѣнія.

Земскія учрежденія заняты, въ настоящее время также, какъ одной изъ отраслей своего хозяйства, составленіемъ проектовъ страхованія строеній отъ огня и скота отъ падежей. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ страхованіе отъ огня уже введено и получило полное сочувствіе между крестьянами, которые очень хорошо поняли въ этомъ свой интересъ. Страхованіе скота, для извѣстныхъ мѣстностей, составляетъ тоже одинъ изъ жизненныхъ вопросовъ. Мы знаемъ всѣ хорошо, какую роль играетъ скотоводство въ сельскомъ хозяйствѣ, и въ какомъ жалкомъ положеніи оно находится у насъ вообще. Очень желательно, чтобы земство обратило на этотъ предметъ серьезное вниманіе и постаралось бы выработать что либо раціональное и соотвѣтствующее дѣйствительнымъ потребностямъ нашего хозяйства. Этотъ вопросъ гораздо сложнѣе и труднѣе страхованія строеній отъ огня. Но, въ обоихъ случаяхъ, только близкое и тщательное изученіе предметовъ и обстоятельствъ и затѣмъ опытъ могутъ привести къ окончательному устройству.

Земскіе органы не оставили безъ вниманія и вопроса объ устройствѣ земскихъ банковъ. Какъ люди жизни и дѣла, они понимаютъ очень хорошо значеніе кредита въ народной экономіи. Но тутъ они встрѣтили значительныя затрудненія въ настоящемъ нашемъ финансовомъ положеніи, самомъ неблагопріятномъ для кредитныхъ предпріятій. Между тѣмъ потребность въ кредитѣ общая и настоятельная, и потому требуются всѣ усилія, вся энергія, чтобы превозмочь затрудненіе. Мы съ своей стороны думаемъ, что мысли объ учрежденіи у насъ гипотечнаго кредита едва ли принесутъ ожидаемые плоды, и это по многимъ причинамъ, которыхъ мы излагать здѣсь не будемъ. Мы полагаемъ, что намъ гораздо болѣе нуженъ кредитъ земледѣльческій или краткосрочный, т. е. торговый, и въ этомъ случаѣ земскія учрежденія могли бы скорѣе всего осуществить что либо полезное для всѣхъ одинаково; скорѣе всего могли бы удовлетворить общей, можно сказать, жаждѣ въ средствахъ для улучшенія хозяйства. Если бы только земству возвращены были безъ замедленія всѣ тѣ капиталы, которые принадлежатъ ему по праву, и въ полномъ количествѣ,

то мы убѣждены, что земскіе банки не долго бы заставляли себя ожидать, и народная экономія могла бы значительно улучшиться.

Теперь перейдемъ къ занятіямъ земскихъ учрежденій по вопросу о народномъ образованіи. Это, намъ кажется, есть самый жизненный, самый серьезный вопросъ для нашего земства. Народное образованіе есть самое прочное, можно сказать, единственное основаніе, какъ частнаго, такъ и общаго благосостоянія, какъ нравственнаго, такъ и матеріальнаго. Тутъ сомнѣнія быть не можетъ, и этотъ вопросъ понятъ такъ во всѣхъ земскихъ учрежденіяхъ; онъ былъ вездѣ болѣе или менѣе такъ затронутъ.

Но къ несчастію у насъ по этому капитальному предмету до сихъ поръ ничего раціональнаго не было приготовлено. Земство нашло здѣсь, смѣло можно сказать, tabulam rasam.

Первоначальныхъ школъ у насъ нѣтъ; существующихъ мы не считаемъ, потому что результатъ, отъ нихъ полученный, равняется нулю. Между народомъ не только не распространено первоначальное образованіе, но и простая грамотность ничтожна, такъ что объ ней нечего и говорить. Народъ естественно не питаетъ никакого довѣрія къ существующимъ школамъ, и дѣтей своихъ туда не отдаетъ. Дѣйствительныхъ учителей мы не имѣемъ, ихъ приходится еще подготовлять. Вотъ по этимъ-то причинамъ, какъ мы сказали, вопросъ о народномъ образованіи остался пока только затронутымъ въ земскихъ учрежденіяхъ. Мы находимъ, что въ этомъ случаѣ земскія собранія поступили весьма осторожно. Тамъ, гдѣ прошедшее ничего не завѣщало, и гдѣ поэтому приходится все создавать, слѣдуетъ прежде всего добросовѣстно изучить во первыхъ самый предметъ, во вторыхъ условія и обстоятельства мѣста и времени. Тогда только созиданіе будетъ прочно и принесетъ ожидаемые плоды и пользу. Во всякомъ же случаѣ, земскія учрежденія не должны и не могутъ терять изъ вида, что, по вопросу о народномъ образованіи, на нихъ возлагаются большія надежды, и что передъ будущимъ на нихъ лежитъ строгая отвѣтственность.

Въ одномъ изъ слѣдующихъ обозрѣній нашихъ мы постараемся поговорить спеціально и въ возможной подробности объ этомъ предметѣ высшаго интереса для земства.

Относительно народнаго призрѣнія, къ крайнему нашему сожалѣнію, мы не можемъ сказать ничего болѣе утѣшительнаго, какъ и по прочимъ вопросамъ, нами изложеннымъ. Земскія учрежденія заняты и тутъ пока исключительно пріемомъ заведеній, съ ихъ дѣлами, изъ вѣдомства приказовъ общественнаго призрѣнія. Заведенія эти повсемѣстно переходятъ къ земству въ самомъ плачевномъ состояніи и требуютъ немедленно, прежде всего, приведенія ихъ въ порядокъ и должное устройство. Мы не станемъ исчислять всѣхъ этихъ безпо-

рядковъ и разореній; кто желаетъ ознакомиться съ этой печальной стороной, можетъ обратиться къ публикуемымъ отчетамъ мѣстныхъ земскихъ управъ. Скажемъ только, что намъ не пришлось еще слышать, чтобы гдѣ либо приказы общественнаго призрѣнія передали свои заведенія въ томъ порядкѣ, какъ то требуется строгимъ понятіемъ о долгѣ и отвѣтственности.

Но и здѣсь бы земскія учрежденія были облегчены нѣсколько въ своихъ затрудненіяхъ, если бы вмѣстѣ съ заведеніями переданы были, на основаніи закона, и слѣдующіе земству капиталы. Къ несчастію, въ этомъ послѣднемъ случаѣ, происходитъ замедленіе, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, замедленіе, которое ставитъ земскія управы въ безвыходное положеніе и нарушаетъ самые насущные интерессы земства. Безъ матеріальныхъ средствъ земство не можетъ исправить тотчасъ заведеній общественнаго призрѣнія, которыя отъ того приходятъ еще въ худшее состояніе и будутъ требовать въ дальнѣйшемъ времени еще болѣе издержекъ; не получая этихъ средствъ, законно ему принадлежащихъ, земство не можетъ поставить этого важнаго предмета жизни на ту степень, которая необходима для удовлетворенія дѣйствительнымъ пользамъ и нуждамъ мѣстнаго народонаселенія.

Вотъ вообще очеркъ настоящей дѣятельности земскихъ учрежденій. Отсюда видно, съ какими трудностями она сопряжена, какой настойчивости и какой энергіи она требуетъ со стороны тѣхъ, кому довѣрены интерессы земства. Необходимо сказать, по справедливости, что новые дѣятели не унываютъ подъ тяжестію своего призванія: они подкрѣпляются надеждою и вѣрою въ свое дѣло.

И дѣйствительно, въ настоящемъ случаѣ, при нашихъ условіяхъ и нашей обстановкѣ, необходимы надежда и вѣра и тѣ убѣжденія въ значеніи призванія, которыя одни только даютъ непоколебимую силу дѣйствію. Что же другое можетъ поддерживать и укрѣплять этихъ тружениковъ! Они не могутъ ожидать повышеній своего положенія, внѣшнихъ наградъ и тѣхъ различныхъ отличій, которыя обольщаютъ мелкое личное самолюбіе. Для нихъ можетъ быть въ виду одно только призваніе, исполненіе строгого долга въ отношеніи общества и государства и преслѣдованія нуждъ и пользъ всѣхъ и каждаго. Для нихъ предвидится впереди одна только награда — общественное мнѣніе, какъ единственная награда за честное и безкорыстное служеніе интересамъ земли русской.

Мы говоримъ, что довѣренные отъ земства не теряютъ духа; но они и не должны предаваться отчаянію и безнадежности, которыя влекутъ въ апатію и равнодушіе. Тогда все погибнетъ и пенять не на кого будетъ. Какъ бы учрежденія ни были хороши, но все въ нихъ зависитъ отъ людей, преимущественно, отъ того духа, которымъ они

проникнуты; бездарность и равнодушіе могутъ погубить лучшіе зачатки. Если затрудненія представляютъ преграды, то съ другой стороны они способствуютъ къ возмужанію, къ крѣпости духа и зрѣлости ума. Только побѣда надъ затрудненіями составляетъ истинную заслугу. Здѣсь намъ невольно приходитъ на память чудный стихъ Виргилія:

Non aliter quam qui adverso vix flumine bembam,
Remigiis subigit, si brachia forte remisit,
Atque illum in praeceps prono rapit alveas amni.

(Я думаю видѣть кормчаго, который гребетъ противъ волны; если руки его случайно ослабѣютъ, потокъ умчитъ его тотчасъ въ своемъ паденіи).

Но на какой силѣ должны опираться призванные дѣятели земства? Отвѣчаемъ смѣло и съ убѣжденіемъ — на законѣ. По нашему мнѣнію, законность есть сила несокрушимая, внѣ ея все безпорядокъ и анархія, потому что внѣ закона нѣтъ обезпеченія въ гражданской жизни, и народная экономія немыслима. Какъ бы законъ ни былъ составленъ, земскія учрежденія должны ему подчиняться въ своихъ исполненіяхъ, и тогда они будутъ сильны. Выходя изъ этой программы, они найдутъ собственную свою слабость; они не будутъ въ силѣ требовать исполненія закона и въ отношеніи къ нимъ.

Изъ этого, однако, нисколько не слѣдуетъ, чтобы земскія учрежденія не могли стремиться къ улучшенію существующихъ законовъ, которые, какъ правила времени и мѣста, правила условныя, подлежатъ всегда измѣненію, съ измѣніемъ условій жизни. Самъ законъ признаетъ это право за земскими учрежденіями въ правѣ ходатайствъ. Этимъ дорогимъ правомъ земскія учрежденія обязаны пользоваться для выгоды и нуждъ земства, а слѣдовательно и государства, котораго нельзя разумно раздѣлять отъ перваго. Ничего не можетъ быть естественнѣе, какъ требованія уваженія и повиновенія закону, но хотѣть, чтобы законъ никогда не обсуждался — значитъ выходить изъ условій природы. На каждомъ гражданинѣ лежитъ обязанность исполнять велѣнія дѣйствующаго закона; каждому принадлежитъ право содѣйствовать его улучшенію.

За тѣмъ великою опорою для земскихъ органовъ служатъ общественныя силы, гласность и отчетность. Здѣсь нельзя далеко завлекаться и фантазировать; чуткій общественный регуляторъ приводитъ тотчасъ къ дѣйствительности. Здѣсь нельзя скрываться подъ канцелярской тайной и, драпируясь блескомъ внѣшности, втихомолкѣ преслѣдовать маленькіе личные разсчеты. Васъ слышатъ и видятъ, васъ судитъ общественное мнѣніе съ полной свободой. Здѣсь нельзя располагать общественными средствами безъ основаній и безъ толка или

по доброй своей прихоти. Надо на все представить причины, объяснить необходимость и основанiе, получить общественное дозволенiе. Васъ учтутъ и провѣрятъ со всѣхъ сторонъ.

Вотъ та здоровая и правильная почва, на которой стоятъ земскiя учрежденiя; здѣсь ихъ залогъ и сила. Можно смѣло сказать, что если они не получатъ должнаго развитiя, то вся вина въ томъ и отвѣтственность должны пасть на само общество, на недостатокъ въ немъ нравственнаго духа, на неспособность его къ самодѣятельности.

Но этого то мы и не допускаемъ; мы видимъ напротивъ великiе задатки въ нашемъ народѣ, мы вѣруемъ въ его нравственныя силы. Пусть только не мѣшаютъ ихъ правильному, живому и свободному развитiю. Если иногда происходятъ ошибки, или бываютъ молодыя увлеченiя или проявляется неопытность, то все это ничего не доказываетъ несостоятельнаго или опаснаго. Не ошибается только тотъ, кто ничего дѣйствительнаго не дѣлаетъ и ни о чемъ серьезно не мыслитъ. Никогда не увлекается только тотъ, кто отжилъ и потерялъ надежду и вѣру, или лишенъ, по природѣ, теплоты чувства, кто живетъ одними только эгоистичными матерiальными разсчетами. А опытность прiобрѣтается самимъ дѣломъ; никто не можетъ похвалиться, что вошелъ въ жизнь въ полномъ вооруженiи. Лишая общество возможности самодѣйствiя, можно ли требовать отъ него тѣхъ качествъ, которыя даются однимъ только естественнымъ развитiемъ духа. Сравнимъ растенiе тепличное съ тѣмъ, которое живетъ на свободномъ воздухѣ. За первымъ и уходъ и заботы и садовники ученые и прiученые, а второе предоставлено самому себѣ, собственнымъ силамъ. Всѣмъ извѣстно, которое изъ двухъ крѣпче и лучше.

При общемъ обзорѣ дѣятельности земскихъ учрежденiй, необходимо заявить общее ихъ доброе стремленiе избѣгать всѣми силами централизацiи земскихъ дѣлъ въ губернскихъ учрежденiяхъ, чтобы наименѣе стѣснять свободу дѣйствiй уѣздовъ. Намъ кажется, что пока еще нѣтъ возможности съ полною достовѣрностiю сказать, что именно должно образовать земскую единицу: губернiя или уѣздъ. Разрѣшенiя этого весьма важнаго вопроса должно ожидать отъ дальнѣйшаго времени, отъ опыта. Въ настоящее время мы можемъ только сказать, что, вслѣдствiе обширности нашей территорiи и ея административныхъ дѣленiй, мѣстныя условiя уѣздовъ столь различны, что ихъ невозможно подвести подъ одну норму, подъ опасенiемъ нарушенiя интерессовъ этихъ мѣстностей. Намъ кажется, что тутъ необходимы большая осторожность и искусство. Поэтому мы, съ своей стороны, склоняемся къ сохраненiю возможно большей свободы дѣйствiя уѣздныхъ земскихъ учрежденiй, внутри ихъ управленiя.

При этомъ мы не можемъ безъ особеннаго, глубокаго сожалѣнiя смотрѣть на постановленiе закона, въ силу котораго избранные глас-

ные въ члены губернской управы перестаютъ быть членами уѣздныхъ земскихъ собраній. Такимъ образомъ они отрываются, такъ сказать, отъ своей почвы, отъ той среды, которая имѣетъ съ ними непосредственную связь. Мы понимаемъ очень хорошо, что нельзя быть членомъ уѣздной и губернской управъ вмѣстѣ, но признаемся не понимаемъ рѣшительно мотива постановленія, о которомъ говоримъ здѣсь. Не имѣя права принимать участія въ занятіяхъ своихъ уѣздныхъ собраній, члены губернской управы лишаются тѣмъ самымъ способа обновлять свои мысли, провѣрять свои воззрѣнія и дѣйствія съ потребностями мѣстной жизни. Они невольно являются изолированными администраторами и легко могутъ впасть въ отвлечённость, не принести желаемой пользы, а слѣдовательно совершенно безвинно утратить общественное довѣріе. Признаемся откровенно, такое положеніе членовъ губернской управы насъ очень смущаетъ. Мы бы весьма желали, чтобы всѣ губернскія земскія собранія убѣдились въ невыгодѣ такого закона и единодушно ходатайствовали передъ правительствомъ о его измѣненіи. Съ другой стороны, мы увѣрены, что подобное единодушное ходатайство было бы уважено, потому что желаемое измѣненіе не представляетъ ничего невыгоднаго въ государственномъ отношеніи; совершенно напротивъ, какъ то мы старались доказать, и что опровергнуть невозможно.

Наконецъ, мы не можемъ пройти молчаніемъ еще одного изъ самыхъ крупныхъ вопросовъ. Мы желали бы для земскихъ учрежденій возможности не касаться вопросовъ общихъ, соціальныхъ или имѣющихъ общегосударственное значеніе. Задаваясь подобными вопросами, земскіе дѣятели естественно отвлекаются отъ своихъ прямыхъ, мѣстныхъ экономическихъ интерессовъ. Болѣе крупное, обширное значеніе первыхъ поглощаетъ кажущуюся мелочность послѣднихъ, между тѣмъ какъ вся сила земства мѣстнаго въ нихъ, и счастливое разрѣшеніе этихъ маленькихъ задачъ составляетъ все основаніе государственной силы. Но мы вмѣстѣ съ тѣмъ сознаемъ всю трудность, скажемъ болѣе, почти невозможность для земства избѣгать вовсе соприкосновенія съ названными нами вопросами. При нашихъ условіяхъ они слишкомъ близко стоятъ около земскихъ учрежденій. Не имѣя учрежденія, дополняющаго ихъ, учрежденія, гдѣ бы общественныя живыя силы могли принимать участіе въ разрѣшеніи общихъ интересовъ, въ которыхъ сливаются мѣстные, частные, и гдѣ бы мѣстныя частныя выгоды и нужды могли разъяснять общія, земскія учрежденія должны по необходимости увлекаться силой вещей въ тотъ кругъ, который, собственно говоря, стоитъ внѣ ихъ естественныхъ предѣловъ. Скажемъ болѣе, общіе вопросы, по той же самой причинѣ, часто должны будутъ вводиться въ кругъ земскихъ учрежденій, помимо ихъ воли, высшими соображеніями. Таковъ непреложный законъ логики. Н. КРУЗЕ.

II.

ОБЗОРЪ НАЧАЛА ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ГУБЕРНСКИХЪ ЗЕМСКИХЪ СОБРАНІЙ.

Почему нельзя еще дѣлать обзора дѣятельности уѣздныхъ земскихъ собраній?—Какъ «Положеніе» опредѣляетъ область дѣйствія земства? — Какія земство имѣетъ потому расходы? — О натуральныхъ повинностяхъ, и ихъ образцовый учетъ въ Псковской губернской управѣ. — Земскія средства къ покрытію такихъ расходовъ, и необходимость сокращенія послѣднихъ. — Съ чего начать? — Ходатайство по этому вопросу Петербургскаго земскаго собранія. — О другихъ предметахъ сокращенія расходовъ.— О земскихъ капиталахъ. — Раскладка губернскихъ повинностей. — Заключеніе.

Обзоръ дѣятельности первыхъ земскихъ собраній — очеркъ исторіи нараждающагося земства,—конечно, слишкомъ смѣлое названіе для нашей небольшой статьи: для исполненія подобной задачи у насъ нѣтъ ни всѣхъ матеріаловъ, ни близкаго, нагляднаго знакомства съ предметомъ, ни времени. Но тѣмъ не менѣе, сказать что нибудь цѣльное, связное и по возможности полное о земскихъ учрежденіяхъ составляетъ насущную потребность, вполнѣ сознаваемую обществомъ. Земскія учрежденія не прошли безслѣдно: сильнѣе всѣхъ другихъ явленій и реформъ они разбудили спящее общество, и мы вправѣ сказать, что свѣтлыя и темныя стороны земскаго дѣла, его выгоды и невыгоды уже сказались, такъ или иначе, на всѣхъ бывшихъ доселѣ земскихъ собраніяхъ, болѣе нежели въ двухъ-стахъ пунктахъ, разбросанныхъ по цѣлой Россіи; онѣ составляютъ нынѣ предметъ болѣе или менѣе серьезной думы нѣсколькихъ тысячъ земскихъ дѣятелей, сходящихся и въ шумной столицѣ, и среди губернскаго города, и въ уѣздномъ захолустьѣ, гдѣ до сихъ поръ царствовала непробудная, безмолвная и печальная апатія ко всякому общественному дѣлу. На земскія учрежденія болѣе или менѣе обращены глаза всѣхъ русскихъ мыслящихъ людей; но отношеніе различныхъ слоевъ и кружковъ общественныхъ къ новымъ учрежденіямъ такъ разнообразно и частно, такъ противоположно, какъ разнообразны стремленія и убѣжденія этихъ отдѣльныхъ кружковъ, разъединяющихъ незначительный по численному составу слой нашей отечественной интеллигенціи. О земствѣ судитъ большинство по отрывочнымъ фактамъ, по летучимъ газетнымъ листкамъ, по невѣрнымъ слухамъ и извѣстіямъ мѣстныхъ, часто пристрастныхъ корреспондентовъ. Всякій собственнымъ воображеніемъ дорисовываетъ не полную картину, внося въ нее свой личный инстинктъ, то полный преждевременныхъ преувеличенныхъ надеждъ, то неправаго разочарованія, то затаенной, невольно вырывающейся наружу вражды. Мы не станемъ вдаваться въ причины этихъ личныхъ инстинктовъ, характеризующихъ цѣльные, извѣстные кружки

нашего разрозненнаго общества: объ этомъ не разъ уже говорилось, и положеніе партій въ земскомъ дѣлѣ выяснилось вполнѣ осязательно. Наша цѣль—представить по возможности фактическій обзоръ результатовъ, достигнутыхъ *губернскими земскими собраніями.* На первый разъ мы поневолѣ должны ограничиться ими одними. Какъ ни важна дѣятельность уѣздныхъ собраній, которыя служатъ настоящимъ базисомъ земскому дѣлу и во многихъ случаяхъ пошли гораздо далѣе губернскихъ и принесли болѣе существенной, наглядной пользы краю, но мы, за невозможностію собрать необходимые матеріалы по уѣзднымъ собраніямъ, должны пока отказаться отъ невыполнимой задачи. Большинство уѣздныхъ собраній лишено возможности обнародывать свои пренія и постановленія: единственный доступный для нихъ органъ, мѣстныя губернскія вѣдомости, часто или слишкомъ скупы на помѣщеніе уѣздныхъ событій или желаютъ придать своимъ печатнымъ сообщеніямъ такой оттѣнокъ, который дѣлаетъ ихъ излишними и даже невозможными для собранія. Нѣкоторыя губернскія вѣдомости (Новгородскія, Ярославскія, Воронежскія, Рязанскія и не многія другія) помѣстили полный отчетъ о всѣхъ уѣздныхъ собраніяхъ: станемъ надѣяться, что на будущее время мѣстные органы, существующіе исключительно для занесенія мѣстныхъ интересовъ, не пропустятъ съ такимъ дешевымъ невниманіемъ интересы самые важные, первостепенные и дорогіе для всего общества. Печатаніе всѣхъ постановленій земскихъ въ губернскихъ вѣдомостяхъ есть, безъ сомнѣнія, самый легкій, непосредственный и скорый способъ обмѣна разрозненныхъ собраній даже для своей губерніи, безъ этого немыслимо своевременное водвореніе нѣкоторой необходимой цѣльности и однородности ихъ дѣйствій; правительство, допуская полную свободу въ обсужденіи земскими собраніями дѣлъ, предоставленныхъ ихъ разсмотрѣнію, не препятствуетъ печатанію журналовъ ихъ засѣданій съ полнымъ изложеніемъ всего въ нихъ происходившаго. Но, къ сожалѣнію, было высказано, что эти журналы въ полномъ ихъ объемѣ назначаются собственно къ свѣдѣнію и для соображенія гласныхъ; сообщеніе же ихъ вполнѣ публикѣ въ губернскихъ вѣдомостяхъ можетъ быть сопряжено съ существенными неудобствами, такъ какъ въ собраніяхъ могутъ иногда высказываться мнѣнія и соображенія, несогласныя съ видами правительства, и которыя, конечно, не найдутъ своего осуществленія въ постановленіяхъ собраній, а распространять въ массѣ читателей все, что говорилось въ собраніяхъ, нѣтъ ни надобности, ни пользы. А потому разрѣшаются къ напечатанію въ губернскихъ вѣдомостяхъ не полные журналы и протоколы земскихъ собраній, въ формѣ оффиціальныхъ документовъ, или только извлеченіе изъ нихъ въ такомъ объемѣ и видѣ, въ какомъ по личному соображенію начальника губерніи признается оно удобнымъ къ распространенію въ публикѣ. Само

собою разумѣется, что подобное отношеніе къ земскому дѣлу со стороны офиціальной мѣстной прессы не можетъ послужить къ установленію правильныхъ отношеній въ средѣ земскаго дѣла. Необходимо, чтобы публика, т. е. избиратели, знали все, что говорится въ залѣ, гдѣ собираются ея представители: иначе земскіе выборы всегда будутъ основаны на самыхъ невѣрныхъ данныхъ. Если публика сама убѣдится, что представители земства тратятъ свое время въ пустомъ либеральничаніи или заходятъ далѣе, нежели они уполномочены общественнымъ довѣріемъ, то публика или избиратели на слѣдующихъ выборахъ замѣнятъ ихъ людьми болѣе дѣльными и умѣренными. Если же большинству публики, среди которой много отсутствующихъ изъ своей мѣстности, не имѣющихъ возможности лично бывать въ собраніи, недоступны полныя свѣдѣнія объ образѣ дѣйствія ея представителей, то трудно возбудиться живому и надлежащему участію къ земскому дѣлу. Съ этой точки зрѣнія особеннаго вниманія заслуживаютъ предложенія нѣкоторыхъ земствъ (новгородскаго, ярославскаго, костромского и харьковскаго) издавать особые земскіе журналы; но кто знакомъ со всѣми условіями печатанія въ нашихъ провинціяхъ, тотъ пойметъ, что, независимо отъ затрудненій при выборѣ редактора, при условіяхъ съ типографіею и др., могутъ встрѣтиться препятствія совсѣмъ съ другой стороны, которыя земство ни обойти, ни уладить не найдетъ средствъ. Тѣмъ не менѣе всего прискорбнѣе та непроницаемая тайна, которою окружаютъ свои дѣйствія нѣкоторыя, впрочемъ, весьма немногія губернскія собранія. До сихъ поръ нѣтъ никакихъ свѣдѣній о калужскомъ губернскомъ собраніи, 1-мъ пензенскомъ, 2-мъ псковскомъ. Кромѣ мѣстнаго интереса, губернскія собранія представляютъ громадный общественный интересъ: по нимъ можно судить о нравственномъ и экономическомъ уровнѣ данной мѣстности; безъ этихъ мѣстныхъ свѣдѣній мы никогда не получимъ правильнаго понятія о главнѣйшихъ нуждахъ и задачахъ всего нашего обширнаго отечества, безъ этого мы постоянно будемъ судить о Россіи, или обобщая отрывочныя данныя изъ небольшой, знакомой намъ мѣстности, или вымышляя изъ своей головы разныя теоретическія, неприложимыя соображенія. Было бы желательно поэтому, чтобы молчаливыя наши собранія подали о себѣ голосъ, по крайней мѣрѣ въ видахъ общественной пользы: въ этомъ случаѣ болѣе нежели гдѣ нибудь vaut mieux tard, que jamais.

Кругъ вѣдомства земскихъ учрежденій опредѣленъ положеніемъ слѣдующимъ образомъ:

I. Назначеніе, раскладка, взиманіе и расходованіе мѣстныхъ сборовъ, для удовлетворенія земскихъ потребностей губерніи или уѣзда, а равно завѣдываніе капиталами и денежными сборами земства.

II. Раскладка тѣхъ государственныхъ денежныхъ сборовъ, разверстаніе которыхъ по губерніямъ и уѣздамъ возлагается на земскія учрежденія. — До сихъ поръ земскія учрежденія вовсе не участвуютъ въ завѣдываніи государственными денежными сборами; но министрамъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ предоставлено, *при пересмотрѣ устава о земскихъ повинностяхъ*, представить соображенія о предоставленіи новымъ земскимъ учрежденіямъ нѣкоторой доли участія въ мѣстныхъ распоряженіяхъ по выполненію слѣдующихъ государственныхъ повинностей, отчисляемыхъ въ настоящее время прямо по земскимъ смѣтамъ въ государственный земскій сборъ: по почтовой повинности, по устройству тюремъ, содержанію арестантскихъ ротъ и устройству этапныхъ помѣщеній для ссыльныхъ; по нѣкоторымъ потребностямъ воинскаго управленія, какъ-то устройство казармъ, плата за наемъ земель подъ маневры, лагери и пастбище, уплата поверстныхъ денегъ за подводы при передвиженіи войскъ и на плату прогоновъ, въ пособіе расходовъ военнаго и морского министерства, отопленіе и освѣщеніе воинскихъ зданій и училищъ и пр. (Высоч. утв. мнѣніе госуд. сов. 1 января 1864 г. ст. V).

III. Производство выборовъ въ члены и другія должности по земскимъ учрежденіямъ и назначенія суммъ на содержаніе этихъ учрежденій.

IV. Исполненіе возложенныхъ на земство потребностей воинскаго и гражданскаго управленій и участіе въ дѣлахъ о почтовой повинности. — Потребности эти мы перечислимъ ниже, говоря о земскихъ расходахъ, подъ рубрикою повинностей *на содержаніе мѣстной администраціи.*

V. Такъ называемая *дорожная повинность* или устройство и содержаніе принадлежащихъ земству зданій, сооруженій и путей сообщенія, содержимыхъ на счетъ земства.

VI. Мѣры обезпеченія народнаго продовольствія, т. е. завѣдываніе продовольственнымъ капиталомъ и хлѣбными запасными магазинами, что прежде лежало на особой коммиссіи народнаго продовольствія и другихъ учрежденіяхъ. Коммиссія народнаго продовольствія вмѣстѣ съ тѣмъ закрывается.

VII. Завѣдываніе земскими благотворительными заведеніями и прочія мѣры призрѣнія, способы прекращенія нищенства, попеченіе о построеніи церквей. — Обязанности, по общественному призрѣнію, лежавшія на приказахъ общественнаго призрѣнія и больничныхъ совѣтахъ, перешли вслѣдствіе того на земскія учрежденія, а приказы и совѣты закрылись. Вмѣстѣ съ тѣмъ богоугодныя заведенія, завѣдывавшіяся приказами (больницы, богадѣльни, дома умалишенныхъ [1]), и

[1]) Дома смирительные и рабочіе, находившіеся прежде въ завѣдываніи приказовъ общественныхъ призрѣній, переданы въ завѣдываніе земскихъ учрежденій,

пр.), и капиталы, на сей предметъ существовавшія, должны быть переданы, за исключеніемъ столицъ, также земскимъ учрежденіямъ, съ правомъ пополнять недостатокъ расходовъ изъ дополнительныхъ земскихъ сборовъ. На земство же возложены обязанности по оспопрививанію.

VIII. Содѣйствіе къ предупрежденію падежей скота, а также по храненію хлѣбныхъ посѣвовъ и другихъ растеній отъ истребленія саранчею, сусликами и другими вредными насѣкомыми и животными.

IX. Управленіе дѣлами обязательнаго взаимнаго земскаго страхованія имуществъ.

X. Попеченіе о развитіи мѣстной торговли и промышленности.

XI. Участіе, преимущественно въ хозяйственномъ отношеніи и въ предѣлахъ закономъ опредѣленныхъ, въ попеченіи о народномъ образованіи, о народномъ здравіи и о тюрьмахъ. Съ этою цѣлью отъ губернскаго и уѣзднаго земскихъ собраній назначаются по два члена въ мѣстные губернскій и уѣздный училищные совѣты, завѣдывающіе начальными народными училищами. Члены отъ земства, участвуя вмѣстѣ съ другими членами въ дѣлахъ совѣта, обязываются представлять земскимъ собраніямъ ежегодно свѣдѣнія о состояніи народныхъ училищъ въ уѣздѣ или губерніи, въ содержаніи которыхъ участвуетъ земство. (Полож. о нач. народ. училищ. ст. 21).

XII. Представленіе, чрезъ губернское начальство, высшему правительству свѣдѣній и заключеній, по предметамъ, касающимся мѣстныхъ хозяйственныхъ пользъ и нуждъ губерніи или уѣзда, и ходатайство по этимъ предметамъ, а также доставленіе, по требованію высшихъ правительственныхъ учрежденій и начальниковъ губерній свѣдѣній, до земскаго хозяйства относящихся. Къ послѣдней категоріи принадлежало затребованное министромъ внутреннихъ дѣлъ заключеніе отъ земскихъ собраній по вопросу объ охраненіи и сбереженіи частныхъ лѣсовъ.

XIII. Дѣла, которыя будутъ ввѣрены земскимъ учрежденіямъ на основаніи особыхъ уставовъ, положеній или постановленій. Единственное дѣло, особенной важности, ввѣренное на этомъ основаніи земскимъ учрежденіямъ, послѣ уже изданія о нихъ положенія, было избраніе и содержаніе мировыхъ судей.

Такимъ образомъ, кругъ дѣятельности земскихъ учрежденій съ перваго разу представляется весьма широкимъ; но чтобы получить понятіе *о средствахъ*, которыми располагаютъ земскія учрежденія на

какъ учрежденія, относящіяся къ разряду мѣстъ заключенія, а не къ заведеніямъ общественнаго призрѣнія. Управленіе ими оставлено въ вѣдѣніи тѣхъ управленій, которыя завѣдуютъ губернскими и уѣздными тюрьмами. (Цирк. предл. мин. вн. дѣлъ 10 ноября 1865 г. № 170).

первыхъ порахъ, и о способѣ, которымъ всѣ эти земскія потребности, лежавшія и прежде на земствѣ, исполнялись и завѣдывались мѣстною администраціею, мы перечислимъ отдѣльныя статьи расходовъ на ихъ удовлетвореніе, въ томъ видѣ, какъ они вносились въ прежнія смѣты.

Сюда принадлежатъ:

1) *Расходы, собственно по земскому управленію:*

a) Содержаніе бухгалтерскихъ и контрольныхъ чиновниковъ въ казенныхъ палатахъ и уѣздныхъ казначействахъ, для дѣлъ по земскимъ повинностямъ. Размѣръ и порядокъ вознагражденія уѣздныхъ казначействъ опредѣляются земскими собраніями, на основаніи указаній, сообщаемыхъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ министерствомъ финансовъ.

b) Суточное содержаніе чиновникамъ, командируемымъ внутри губерній по дѣламъ земства.

c) Уплата страховыхъ денегъ, при пересылкѣ по почтѣ суммъ, принадлежащихъ земству.

2) *Расходы на содержаніе мѣстной администраціи:*

a) Содержаніе мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій.

b) Расходы, по спеціальному полюбовному размежеванію, какъ-то: содержаніе канцелярій посредническихъ коммиссій, посредниковъ и чиновниковъ при нихъ; суточныя и квартирныя деньги чинамъ межевого корпуса, оставляемымъ на зиму при посредническихъ коммиссіяхъ; содержаніе уполномоченныхъ и особыхъ столовъ при палатахъ государственныхъ имуществъ, пенсіи и единовременныя пособія служащимъ при посредническихъ коммиссіяхъ и при посредникахъ и семействамъ ихъ.

c) Содержаніе областныхъ статистическихъ комитетовъ.

d) Содержаніе подводъ при земскихъ судахъ.

e) Устройство и наемъ домовъ для становыхъ приставовъ и судебныхъ слѣдователей.

f) Содержаніе слѣдственныхъ приставовъ для пресѣченія кражи лошадей и другого рабочаго скота.

g) Наемъ домовъ для рекрутскихъ присутствій.

h) Выписка сенатскихъ и губернскихъ вѣдомостей для земской полиціи и церковныхъ сельскихъ приходовъ.

3) *Расходы по дорожной повинности:*

a) Устройство и содержаніе дорогъ, мостовъ, трубъ, плотинъ, гатей и перевозовъ.

b) Устройство и ремонтъ верстовыхъ столбовъ и столбовъ на границахъ губернскихъ и уѣздныхъ.

c) Прогоны и порціонныя деньги чиновникамъ строительныхъ и дорожныхъ коммиссій, отряжаемымъ по строительнымъ и дорожнымъ дѣламъ мѣстнаго земства.

4) *Расходы на обезпеченіе народнаго продовольствія:*

Содержаніе губернскихъ коммиссій народнаго продовольствія и пенсіи чиновникамъ служившимъ въ нихъ.

5) *Расходы на народное здравіе:*

Расходы по распространенію оспопрививанія.

6) *Частные расходы по нѣкоторымъ губерніямъ:*

a) Содержаніе земскихъ случныхъ конюшень, гдѣ онѣ учреждены, до ихъ упраздненія.

b) Содержаніе классовъ землемѣрія, при гимназіяхъ, гдѣ они открыты.

c) Пособіе нѣкоторымъ городамъ Воронежской, Олонецкой, С.-Петербургской, Пермской и Таврической губерній изъ земскихъ сборовъ на содержаніе полиціи и другіе расходы, по недостатку городскихъ доходовъ.

d) Пособіе Курскому приказу общественнаго призрѣнія на содержаніе въ нѣкоторыхъ городахъ больницъ, плата за домъ подъ больницу въ г. Ялтѣ и ремонтъ больничныхъ домовъ по Тамбовской губерніи.

Выше исчисленныя статьи расходовъ, вносившіяся и прежде въ смѣты о земскихъ повинностяхъ, во многихъ земскихъ раскладкахъ и смѣтахъ отличаются названіемъ повинностей *обязательныхъ*. Новымъ же земскимъ сборомъ, какъ на содержаніе земскихъ управъ, такъ и на расходы, установленные земскими учрежденіями на разные предметы въ силу дарованныхъ имъ правъ, въ законѣ придано названіе *дополнительнаго сбора*. Чтобы представить читателямъ наглядно *отношеніе между прежними обязательными расходами земства и дополнительными*, вновь павшими на него, по раскладкѣ земскихъ учрежденій, мы возьмемъ смѣту Новгородскаго земскаго собранія, пріобрѣтшаго уже повсемѣстную и заслуженную извѣстность своею осмотрительностію, соблюденіемъ уравнительности и образцовою разработкою вопроса о земской раскладкѣ. По дѣйствующей смѣтѣ 1860 года полагалось:

По дорожной повинности:

На содержаніе мостовъ, перевозовъ и исправленіе грунтовыхъ участковъ, отнесенныхъ на губернскій земскій сборъ.	26,337 р.
Прогонныя и порціонныя деньги чиновникамъ строительныхъ коммиссій.	1,000 »
Итого . . .	27,337 р.

По содержанію мѣстнаго управленія:

Содержаніе губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія	11,500 р.	77,400 р.
Содержаніе двухъ членовъ отъ правительства по мировымъ съѣздамъ.	3,000 »	
На содержаніе мировыхъ посредниковъ, кандидатовъ, канцеляріи мировыхъ съѣздовъ и землемѣрамъ въ уѣздахъ	62,900 »	
Содержаніе канцеляріи посреднической коммиссіи	540 р.	7,252 р.
Содержаніе 7 посредниковъ и чиновниковъ при посредникахъ по полюбовному размежеванію.	4,096 »	
Суточныя квартирныя деньги чинамъ межеваго корпуса	324 »	
Содержаніе межеваго стола и 2 уполномоченныхъ по вѣдомству государственныхъ имуществъ.	2,292 »	
Содержаніе губернскаго статистическаго комитета.	2,000 р.	
Содержаніе подводъ при земскихъ судахъ. .	10,669 »	
Устройство и наемъ домовъ для становыхъ приставовъ.	4,608 »	
Выписка сенатскихъ и губернскихъ вѣдомостей для земской полиціи и сельскихъ приходовъ [1]) .	1,995 »	
Итого . . .	103,924 р.	

Расходы собственно по земскому управленію:

Содержаніе бухгалтерскихъ и контрольныхъ чиновниковъ въ казенной палатѣ и казначействѣ.	3,860 р.
Суточное содержаніе чиновниковъ командируемыхъ по дѣламъ земства.	2,000 »
Уплата страховыхъ денегъ	190 »
Итого. . .	6,050 р.

Расходы по народному продовольствію:

Содержаніе губернскихъ коммиссій народнаго продовольствія.	1,660 р.
Расходы на народное здравіе:	
На распространеніе оспопрививанія. . . .	285 »
А всего обязательныхъ расходовъ. .	111,919 р.

Частныхъ расходовъ по Новгородской губерніи нѣтъ.

---

[1]) Среднимъ числомъ расходъ этотъ составляетъ до 2,500 р. сер. на губернію, измѣняясь по численности ея населенія.

Дополнительные губернскіе сборы, назначенные по постановленію земскаго губернскаго собранія и внесенные въ смѣту 1866 года:

На содержаніе губернской управы	23,000 р.
Въ возвратъ издержанныхъ въ 1865 году на мѣры противъ эпидемической возвратной горячки.	1,394 »
На предупредительныя мѣры противъ сибирской язвы въ 1865 г. возвратныхъ	1,947 »
На тотъ же предметъ въ 1866 г.	2,000 »
На вновь открытую женскую гимназію въ Новгородѣ	1,000 »
На пособіе народной читальнѣ.	100 »
Итого. . .	29,442 р.

Разсматривая эту таблицу, мы видимъ, что по земскому хозяйству большинство расходовъ принадлежитъ къ числу самыхъ непроизводительныхъ, на *мѣстную администрацію*, собственно же на хозяйство употребляется весьма мало. Изъ суммы всѣхъ обязательныхъ и дополнительныхъ земскихъ расходовъ по Новгородской губерніи на *прежнюю администрацію*, не говоря о вновь учрежденной земской,— тратится болѣе 73%, а изъ однихъ обязательныхъ расходовъ на администрацію идетъ около 93%. Отсюда видно, что до учрежденія земства, при прежней администраціи собственно на хозяйство, на расходы по путямъ сообщенія, народному здравію и благоустройству въ городахъ и селеніяхъ не дѣлалось ровно ничего или потребности эти исполнялись какимъ либо другимъ способомъ. Этотъ другой способъ были *натуральныя повинности*, цѣнность которыхъ до сихъ поръ остается неопредѣленною. Къ числу натуральныхъ повинностей (кромѣ рекрутской, сюда не причисляемой), исключительно лежащихъ на крестьянахъ, относятся: *подводная повинность*, состоящая въ безплатной дачѣ подводъ чинамъ военнаго и гражданскаго управленія, по распоряженію начальства; *квартирная*, состоящая въ безплатномъ размѣщеніи войскъ по городамъ и селеніямъ и въ устройствѣ для нихъ разныхъ зданій, на мѣстахъ постояннаго квартированія и отводѣ мѣстъ для лагерей и пастбищъ; *дорожная* — въ исправленіи натурою почтовыхъ, торговыхъ и проселочныхъ дорогъ; и *повинность содержанія натурою сотскихъ* или мѣстныхъ полицейскихъ служителей. — Въ «Матеріалахъ податной коммиссіи о земскихъ повинностяхъ» приводятся разнообразныя оцѣночныя свѣдѣнія о стоимости натуральныхъ повинностей,— съ указаніемъ впрочемъ на ихъ невѣрность. Изъ этихъ свѣдѣній видно, что, по даннымъ комитета 1848 г. о земскихъ повинностяхъ, общая цѣнность всѣхъ натуральныхъ повинностей (кромѣ сотскихъ) составляла въ 40-хъ годахъ на душу

61³/₄ к. сер., въ томъ числѣ подводная 23¹/₄, квартирная 26 и дорожная 12¹/₂. По кадастровымъ свѣдѣніямъ, собраннымъ отрядами министерства государственныхъ имуществъ и болѣе точнымъ по мнѣнію податной коммиссіи, цѣнность эта въ 50-хъ годахъ доходила до 75¹/₂ коп.,—въ дѣйствительности же, учрежденія, на которыхъ лежитъ обязанность уравнительнаго распредѣленія натуральныхъ повинностей, до сихъ поръ еще не собрали достаточно полныхъ и вѣрныхъ данныхъ [1]), чтобы опредѣлить въ данной мѣстности дѣйствительную стоимость всей натуральной повинности и отношеніе ея къ денежнымъ земскимъ сборамъ вообще и платимыхъ крестьянами въ частности. Но нѣкоторыя указанія и самая трудность опредѣленія достаточно говорятъ о тяжести натуральныхъ повинностей, которыми отбывались всѣ важнѣйшіе и самыя значительные расходы земства. Изъ записки, читанной въ Харьковскомъ губернскомъ собраніи чл. Данилевскимъ и основанной на оффиціальныхъ свѣдѣніяхъ, помѣщенныхъ въ памятной книжкѣ по Харьковской губерніи, видно, что, до изданія положенія о земскихъ учрежденій, расходъ губернскихъ денежныхъ повинностей составлялъ въ 1862 г. по губерніи 136,260 р., а, по приблизительной оцѣнкѣ, отбываніе натуральныхъ повинностей обходилось ежегодно въ тотъ же періодъ до 376,559 р., т. е. *стоимость натуральныхъ повинностей почти втрое превосходила денежный окладъ на мѣстныя земскія повинности.*

По Костромской губерніи вычислено предсѣдателемъ губернской управы, что по Варнавинскому уѣзду каждый рабочій изъ крестьянъ долженъ исправить натуральною повинностію 1097 кв. саж. дорожнаго полотна, что *положительно невозможно* въ короткое время между полевыми работами и осенью по окончаніи ихъ, въ особенности при неблагопріятной погодѣ. Вслѣдствіе этого, костромское собраніе рѣшило ходатайствовать о допущеніи обязательной ширины дороги на ¹/₃ противъ нынѣ существующей (ст. 524 XII Т. ч. 1 Уст. П. Сообщ.), т. е. исправлять ихъ всего въ 10 сажень ширины. На сколько неуравнительно ложится у насъ на крестьянъ натуральная повинность, — мы можемъ подтвердить слѣдующими данными, извлеченными изъ доклада Самарской губернской управы: по Самарскому уѣзду *подводная повинность* въ разныхъ мѣстностяхъ падаетъ отъ 17 до 1 р. 45 коп. на душу, по Бузулукскому отъ 13 до 66 коп., *постойная* повинность оцѣнивается въ Бузулукскомъ уѣздѣ въ 2,291 р., въ Богурусланскомъ 8,964, и въ одномъ городѣ Самарѣ 54,345. На сколько неправильно и обременительно отбывалась эта повинность, можно судить изъ

---

[1]) Такъ Костромская управа говоритъ, что, за неполнотою, неясностію и отступленіемъ отъ указанной формы при собраніи представленныхъ ей уѣздными управами данныхъ о натуральныхъ повинностяхъ, губернская управа не могла прійти къ правильному заключенію объ обремененіи одного уѣзда сравнительно съ прочими.

слѣдующихъ любопытныхъ данныхъ, представленныхъ 2-му Псковскому собранію.

Чтобы судить о томъ, говорится въ докладѣ, въ какой мѣрѣ натуральная повинность лежитъ на городскихъ и сельскихъ жителяхъ губерніи, достаточно привести цифры стоимости ея, даже по той оцѣнкѣ, которая сдѣлана общимъ присутствіемъ Псковскаго губернскаго комитета о земскихъ повинностяхъ въ проектѣ смѣты на трехлѣтіе съ 1865 года. Тамъ стоимость натуральныхъ повинностей, отбытыхъ жителями Псковской губерніи, исчислена за одинъ годъ на сумму 145,066 руб. 76 коп. Дѣйствительная же ихъ стоимость составила бы гораздо большую цифру. Но если даже принять въ разсчетъ смѣтную цифру стоимости, то и въ такомъ случаѣ она превышаетъ *почти вчетверо* показанную въ томъ же проектѣ смѣты сумму 39,192 руб. 80 коп., исчисленную на ежегодныя постоянныя и временныя губернскія денежныя повинности.

Псковская губернская управа въ особенности занялась въ высшей степени важнымъ дѣломъ *учета натуральныхъ повинностей* и достигла въ этомъ случаѣ блестящихъ результатовъ. Такъ, начатки учета *подводной* повинности, по четыремъ лишь уѣздамъ и только въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, успѣли представить слѣдующіе существенно важные выводы:

По вѣдомости натуральныхъ повинностей отбытыхъ жителями по каждому уѣзду губерніи за минувшее трехлѣтіе до 1865 года, видно, что безплатныхъ подводъ выставлено было по Псковскому уѣзду въ одинъ годъ для земской полиціи и другихъ чиновъ по дѣламъ службы 5,664 подводы; по свѣдѣніямъ же, доставленнымъ мѣстною управою: для тѣхъ же чиновъ потребовалось съ 1 января по 1 ноября 1865 года только 40 подводъ; разница въ одинъ годъ на *5,624 подводы* (!?), только отъ четырехъ управъ; остальныя же четыре доставить ихъ не могли, собственно по причинѣ находимой ими неточности и неполнотѣ переданныхъ мѣстными уѣздными о земскихъ повинностяхъ присутствіями свѣдѣній съ 1 января текущаго года до открытія управъ, а также и потому, что сами они еще не успѣли ввести у себя учетъ этихъ повинностей.

По Островскому уѣзду на одинъ годъ минувшаго трехлѣтія исчислено на тѣхъ же чиновъ 4,026 подводъ; при учетѣ же управы было выставлено въ 1865 году только 25 подводъ, разница на 4,001 подводу; по Новоржевскому уѣзду значится 730 подводъ въ годъ, управою показано въ нынѣшнемъ году 528, разница на 202 подводы. Такимъ образомъ, открывается, что только по тремъ уѣздамъ было выставлено безплатныхъ подводъ въ 1865 году менѣе на 9,827 сравнительно съ числомъ подводъ, исчисленныхъ въ трехлѣтіе, предшествовавшее введенію земскихъ учрежденій. Если оцѣнить каждую подводу

въ одну контрамарку, то и при этой казенной оцѣнкѣ за 9,827 подводъ причиталось бы 7,370 рублей 25 коп., которые представляли уменьшеніе по тремъ уѣздамъ тягости подводной повинности при учетѣ ея управами, впродолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

При сопоставленіи числа подводъ, затребованнаго различными вѣдомствами въ одинъ годъ минувшаго трехлѣтія, нельзя не замѣтить, что по псковскому уѣзду въ одинъ годъ минувшаго трехлѣтія вышло 1,500 подводъ, для войскъ и рекрутскихъ партій, между тѣмъ какъ для земской полиціи и другихъ чиновъ было отправлено въ *то же время* 5,664 подводы, то есть *вчетверо больше.* При настоящемъ же учетѣ подводной повинности, который прежде всѣхъ ввела у себя Псковская уѣздная управа, по тому же уѣзду въ нынѣшемъ году, вмѣсто прежнихъ 1,500 подводъ для войскъ и рекрутскихъ партій, за контрамарки и прогоны приходится въ годъ сокращеніе слишкомъ на 400 подводъ, а вмѣсто 5,664 на ту же потребность вышло только 40 подводъ.

Правила, принятыя Псковскою уѣздною управою по учету подводной повинности, и описаніе билетовъ на взиманіе подводъ, какъ безплатныхъ, такъ и за поверстные прогоны, и контрамарки были напечатаны въ Псковскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ, чтобы ознакомить и прочія уѣздныя управы съ принятымъ ею способомъ веденія учета по этой повинности. Правила эти, по своей простотѣ и цѣлесообразности, заслуживаютъ величайшаго вниманія со стороны всѣхъ земскихъ управъ: нельзя не пожалѣть, что Псковская уѣздная управа не разослала ихъ по всѣмъ земскимъ учрежденіямъ.

Въ заключеніе, мы прилагаемъ слѣдующую любопытную таблицу, взятую нами изъ доклада Псковской губернской управы, гдѣ рѣзко бросается въ глаза вся неуравнительность и отяготительность натуральныхъ повинностей по цѣлой губерніи:

НАЗВАНІЕ УѢЗДОВЪ.	Общая стоимость всѣхъ натуральныхъ повинностей по губерніи въ одинъ годъ трехлѣтія до 1865 г.		Число жителей м. п. въ 1863 году.	Сколько общей стоимости всѣхъ натуральныхъ повинностей по каждому уѣзду причитается за одинъ годъ на одну ревизскую м. п. душу.	Сколько изъ стоимости дорожной повинности по каждому уѣзду причитается за одинъ годъ на одну ревизскую м. п. душу.
				коп.	коп.
Псковскаго	15,877	44	63,585	25	9
Островскаго	15,256	15	47,485	$32\frac{1}{2}$	$10\frac{1}{2}$
Опочецкаго	35,757	20	40,281	$88\frac{3}{4}$	14
Новоржевскаго	12,388	22	34,321	33	$19\frac{3}{4}$
Великолуцкаго	33,210	55	34,615	96	$21\frac{3}{4}$
Торопецкаго	14,821	65	22,112	67	9
Холмскаго	1,906	90	23,332	$8\frac{1}{4}$	$3\frac{1}{9}$
Порховскаго	15,847	90	59,192	27	$14\frac{2}{3}$

Въ виду такой непроизводительности денежныхъ земскихъ повинностей, и обременительности натуральныхъ, съ чего могло и должно было начать свои дѣйствія земство? Очевидно, для него возникалъ прежде всего самый общій, начальный и трудный вопросъ: на какія же суммы будетъ земство хозяйничать? чѣмъ оно пополнитъ всю тяжесть вновь возложенныхъ на него расходовъ? Само собою разумѣется что оно должно прибѣгнуть къ новымъ сборамъ со всѣхъ классовъ,— а ни одинъ изъ нихъ, — по стѣсненному своему положенію, — вынести значительнаго увеличенія повинностей не въ силахъ. Возвращаясь къ новгородской раскладкѣ, мы видимъ, что, не смотря на свою бережливость, на отсутствіе не только излишнихъ и роскошныхъ расходовъ, на отсутствіе даже такихъ, которые само земство признало самыми настоятельными и полезными для губерніи, земство *однихъ дополнительныхъ губернскихъ сборовъ* къ прежнимъ обязательнымъ повинностямъ прибавило около 30,000 р., т. е. около 26½%. Другія земства на этомъ далеко не остановились. Такъ, открывая вторичное Самарское собраніе, предсѣдатель заявилъ, что, по сличеніи смѣтъ на 1864 и 66 годы, оказалось, что текущіе расходы земства слишкомъ на полмилліона превосходятъ прежніе, и что собранію придется «въ нѣкоторыхъ случаяхъ отказаться отъ своихъ прежнихъ предположеній, въ иныхъ уменьшить цифры расхода». Такимъ образомъ, каждый шагъ земства въ улучшеніи своего хозяйства, прежде чѣмъ приноситъ выгоды, является не иначе, какъ въ видѣ новаго налога, а избѣжать улучшеній земство не можетъ, не измѣняя въ то же время своему назначенію, не возбуждая сильнѣйшихъ нареканій, не отрекаясь, съ самаго своего рожденія, отъ всякой будущности. Еслибы земскія учрежденія явились въ пору промышленнаго благосостоянія, когда растетъ богатство народа и новыя потребности мгновенно удовлетворяются ростомъ народныхъ капиталовъ, то такое положеніе только придало бы ему силы и заставило бы его дѣйствительно погрузиться въ ту широкую дѣятельность, которая для него открыта текстомъ положенія. Но современныя наши экономическія условія ни для кого не тайна; всякій новый налогъ, при самомъ производительномъ его употребленіи, для насъ тяжелое бремя: и безъ того на странѣ лежитъ бо̀льшая податная тяга, чѣмъ гдѣ нибудь въ Европѣ...

Какое же первое сознаніе могло пробудиться въ земствѣ, какъ скоро оно вглядѣлось въ цифры своего прежняго и настоящаго бюджета? Сознаніе своей финансовой немощи, невозможности выполнить лежащія на немъ обязанности, по затруднительности общаго финансоваго положенія и скудости своихъ мѣстныхъ средствъ. При такомъ положеніи дѣлъ, совершенно естественно со стороны земства ходатайствовать о предоставленіи ему права замѣнить нѣкоторые, менѣе производительные расходы, перенесенные изъ прежняго устава, новыми,

болѣе необходимыми расходами, вызванными настоящимъ положеніемъ земскаго хозяйства.

Оттого, съ самаго открытія земскихъ учрежденій, мы встрѣчаемъ совокупное ихъ ходатайство объ отмѣнѣ тѣхъ расходовъ, которые возложены были на земство прежними узаконеніями, и которые представляются для него менѣе производительными по своимъ результатамъ; ходатайства эти, не смотря на разрозненность земскихъ собраній возникли вездѣ, per tacitum omnium consensum, какъ отвѣтъ на одинаково сознанные и повсюду присущіе, настоятельные нужды земства.

На первомъ планѣ стоитъ *ходатайство о сокращеніи расходовъ на мировыя учрежденія по введенію въ дѣйствіе положенія о крестьянахъ.* Главнѣйшая задача этихъ учрежденій, — составленіе и утвержденіе грамотъ, — выполнена, а между тѣмъ, не смотря на нѣкоторое сокращеніе, — расходы эти занимаютъ самое видное мѣсто въ земскомъ бюджетѣ и лежатъ на немъ тяжестью не по силамъ, особенно въ виду предстоящихъ расходовъ на мировыхъ судей. По приведенной нами *сокращенной* смѣтѣ расходовъ на мировыя учрежденія въ Новгородской губерніи, они составляютъ *болѣе половины* (54%) всѣхъ земскихъ расходовъ. О тяжести ихъ можно судить по успѣху взиманія,— о чемъ любопытныя данныя сообщены въ нижегородскомъ собраніи: по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ мѣстною администраціею къ 1-му ноября 1865 года слѣдовало собрать по годовому окладу на земскія учрежденія 79,593 р., поступило дѣйствительно 29,894 р., оставалось въ недоимкѣ 50,013 р., всего же числилось въ недоимкѣ этого сбора: за истекшій 1864 годъ 30,974 р., оклада 1-й половины 1865 года 16,059 р., и оклада 2-й половины 38,512 р., въ сложности громадная цифра 85,546 р. И не смотря на то, въ теченіе октября мѣсяца, когда уже должны были начаться взносы за послѣдніе полугодіе,—взносы эти подвигались такъ медленно, что нижегородское губернское присутствіе и многіе изъ посредниковъ не получали 5-й мѣсяцъ никакого содержанія, «за неимѣніемъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, средствъ къ удовлетворенію нуждъ мировыхъ учрежденій». Такое безвыходное положеніе невозможно объяснить одною бездѣятельностію администраціи при взысканіи недоимокъ: очевидно, что плательщики поставлены въ такое положеніе, что съ нихъ взять нечего, и въ одномъ мѣстѣ накопляется въ недоимку одинъ разрядъ сборовъ, и другой въ другомъ. — Стремленіе къ сокращенію расходовъ на мировыя учрежденія со стороны земства еще понятнѣе, потому что эти расходы распредѣляются менѣе равномѣрно нежели другіе. Земли всѣхъ частныхъ владѣльцевъ и крестьянъ всѣхъ наименованій призваны къ участію въ сборахъ на мировыя крестьянскія учрежденія въ равной степени; но для земель казенныхъ и удѣльныхъ законъ допускаетъ особое исключеніе. Указъ сената отъ

31 мая 1865 года (обнародованый 28 іюня) о привлеченіи владѣльцевъ незаселенныхъ земель къ участію въ платежѣ сбора на мировыя учрежденія по крестьянскому дѣлу исключаетъ, впредь до дальнѣйшаго распоряженія, всѣ вообще казенные лѣса и тѣ казенныя земли, которыя состоятъ въ постоянномъ пользованіи поселянъ разныхъ наименованій вѣдомства государственныхъ имуществъ, земли казенныя, освобожденныя отъ повинностей по прежнему уставу (уст. о зем. пов. ст. 55 прим. п. 5); вообще же, до открытія земскихъ учрежденій, незаселенныя земли облагаются сборомъ *вполовину* противъ населенныхъ. Незаселенныя земли удѣльнаго и дворцоваго вѣдомства, по указу отъ 23-го января 1865 г. въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ облагаются только 2% сборомъ съ валового оклада, и за тѣмъ уже подчиняются общей раскладкѣ на мировыя учрежденія.

Такимъ образомъ, по справедливому выраженію гл. Любощинскаго, вопросъ о сокращеніи мировыхъ учрежденій важенъ преимущественно съ экономической стороны, какъ вопросъ *о сбереженіи людей и денегъ.* Расходъ на людей у насъ въ настоящее время чрезвычайно великъ, — ихъ требуютъ учрежденія земскихъ управъ, мировыхъ судей и посредниковъ, такъ что едва ли найдется достаточное число людей свободныхъ, незанятыхъ службою. Точно также содержаніе на счетъ земства вдругъ мировыхъ посредниковъ и мировыхъ судей представляется крайне затруднительнымъ въ то время, когда расходы земства увеличились, и оно не знаетъ, чѣмъ ихъ пополнить.

Поэтому неудивительно, что всѣ губернскія земскія собранія возбудили вопросъ о сокращеніи расходовъ на мировыя учрежденія: всѣ они сошлись въ ходатайствѣ о сокращеніи числа членовъ отъ дворянства и по назначенію отъ правительства въ губернскихъ присутствіяхъ, и объ упраздненіи членовъ отъ правительства при мировыхъ съѣздахъ. Но всего полнѣе и обстоятельнѣе вопросъ этотъ былъ разработанъ въ петербургскомъ земскомъ собраніи, гдѣ составленъ былъ особый комитетъ изъ всѣхъ мировыхъ посредниковъ, присутствовавшихъ въ качествѣ гласныхъ. Голоса въ комитетѣ раздѣлились: большинство предполагало оставить за прежними мировыми учрежденіями дѣла, возникающія изъ поземельныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ, и сообразно тому сократить составъ губернскаго присутствія и число мировыхъ посредниковъ, а также упразднить уѣздные мировые съѣзды и должность члена при нихъ отъ правительства; меньшинство же пришло къ заключенію о необходимости совершеннаго упраздненія должности мировыхъ посредниковъ, съ соотвѣтствующимъ увеличеніемъ числа мировыхъ судей и съ переходомъ дѣлъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія въ мировые съѣзды послѣднихъ. Мнѣніе меньшинства въ петербургскомъ земскомъ собраніи защищалъ г. Лиліенфельдъ.

По его словамъ, меньшинство обратило главнымъ образомъ свое вниманіе на то, что значеніе мировыхъ посредниковъ, при новой обстановкѣ, будетъ иное чѣмъ прежде. При новой обстановкѣ, которая готовится мировымъ судьямъ и съѣздамъ, посредники будутъ заслонены мировыми судьями, въ рукахъ которыхъ сосредоточится нравственное вліяніе на все мѣстное населеніе, съ отдѣленіемъ въ ихъ вѣдомство всей юридической области и косвенно административнаго участія въ управленіи извѣстною мѣстностью. Хотя въ теоріи раздѣленіе власти судебной и административной признается необходимымъ согласно ученію, выработанному французскими философами прошедшихъ столѣтій, но, на практикѣ, принципъ этого раздѣленія проводится только въ высшихъ и среднихъ инстанціяхъ; въ низшихъ инстанціяхъ та и другая власть сливаются. Это доказывается примѣромъ Англіи, Франціи и Германіи. Отдѣлить въ лицѣ мирового судьи власть административную отъ судебной почти невозможно. Нельзя увѣрить крестьянина, что мировой судья, назначающій штрафы, не можетъ вмѣшаться въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ административныя распоряженія въ волости; нельзя пріучить крестьянъ, что мировой судья можетъ осудить волостного старшину, когда онъ совершилъ преступленіе какъ частное лицо, и въ то же время тотъ же судья не имѣетъ никакого права сдѣлать ему указаніе при неправильномъ исполненіи имъ своей обязанности. Какъ бы хорошо ни были разграничены на бумагѣ обязанности мирового судьи и посредника, все-таки на дѣлѣ не обойдется безъ пререканій и столкновеній властей. Крестьяне не будутъ знать, куда обращаться, особенно, если лицо, бывшее мировымъ посредникомъ, будетъ мировымъ судьею. Послѣдствіемъ совмѣстнаго существованія двухъ властей будутъ недоразумѣнія: мировой судья будетъ посылать крестьянина къ посреднику за 150 верстъ, а тотъ, встрѣтивъ сомнѣніе, вернетъ просителя къ судьѣ. Кромѣ того, съ утратою значенія по званію посредника, лица, занимающія эти должности, врядъ ли будутъ имѣть достаточное побужденіе къ продолженію своей дѣятельности въ прежнемъ направленіи. Содержаніе, получаемое посредниками (1,500 рублей въ годъ), не довольно значительно, чтобы вознаграждать дѣятельность людей способныхъ и даровитыхъ, если они не будутъ имѣть къ тому особыхъ побужденій. Мировой посредникъ съ жалованьемъ въ 1,500 р., съ ограниченною дѣятельностью, сдѣлается чѣмъ-то среднимъ между посредникомъ полюбовнаго размежеванія и становымъ приставомъ, такъ какъ становые пристава получаютъ до 2,000 руб. въ годъ, а уѣздный исправникъ до 4,000 руб. Оставшіеся для окончанія черной работы, мировые посредники не будутъ имѣть тѣхъ нравственныхъ побужденій, которыя до сихъ поръ придавали истинную цѣну исполненію обязанностей со стороны большинства мировыхъ посредниковъ.

Оттого предложенія большинства коммиссіи, оставляющаго дѣла по установленію поземельныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами за мировыми посредниками, едвали будутъ имѣть благопріятные практическіе результаты, дѣла эти лучше было бы передать также мировымъ судьямъ. Въ такомъ случаѣ, мировой судья пріобрѣлъ бы, въ глазахъ народа, значеніе мироваго посредника, съ расширенными правами. Такъ на это смотритъ и самъ народъ. Наконецъ, дѣла по завѣдыванію крестьянскимъ общественнымъ управленіемъ требуютъ личнаго съ ними ознакомленія и нравственнаго вліянія на крестьянъ. Собственно по закону посредникъ не долженъ вмѣшиваться въ самоуправленіе крестьянскихъ обществъ. Если подобное вмѣшательство имѣло мѣсто и приносило пользу, то именно какъ нравственное взаимодѣйствіе двухъ сторонъ, близко другъ съ другомъ знакомыхъ и другъ другу полезныхъ. Только тамъ вліяніе посредника на крестьянъ, основанное не на законѣ, оказывалось дѣйствительно полезнымъ и сильнымъ, гдѣ посредникъ близко сходился съ крестьянами, узнавалъ ихъ интересы и лично располагалъ ихъ къ себѣ. Какъ скоро такое нравственное вліяніе прервано, какъ скоро лицо, его заслужившее, замѣнено другимъ, такъ оно оканчивается и нескоро возстановится. Кромѣ того, такое вліяніе требуетъ непремѣнно близкихъ и частыхъ сношеній; если же будетъ одинъ посредникъ на два уѣзда, какъ предполагаетъ большинство коммиссіи, то дѣятельность его въ этомъ отношеніи будетъ основана на канцелярской перепискѣ, и едвали принесетъ пользу. Опасеніе, что мировые судьи, съ передачею имъ дѣлъ отъ мировыхъ посредниковъ, будутъ слишкомъ обременены, устраняется увеличеніемъ числа мировыхъ судей въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ много дѣлъ по мировымъ учрежденіямъ.

Противъ такого слiянія и увеличенія числа мировыхъ судей слышны возраженія въ нѣкоторыхъ сферахъ; говорятъ, что мировые посредники — совсѣмъ отличная инстанція, что они подчинены министерству внутреннихъ дѣлъ, тогда какъ мировые судьи причислены къ министерству юстиціи. Но это распредѣленіе по вѣдомствамъ едвали можетъ служить препятствіемъ къ слiянію этихъ двухъ должностей. Во-первыхъ, министерство внутреннихъ дѣлъ имѣетъ уже своихъ низшихъ агентовъ въ полицейскихъ чиновникахъ: зачѣмъ же ему удерживать двойной комплектъ своихъ агентовъ? а главное, по смыслу закона, мировые посредники вовсе неподчинены министерству внутреннихъ дѣлъ, и, напротивъ, чѣмъ положеніе ихъ было независимѣе, тѣмъ дѣятельность ихъ шла успѣшнѣе. Нѣкоторая зависимость посредниковъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ началась въ послѣднее время, когда дозволено было извѣстныя дѣла по уставнымъ грамотамъ переносить на кассацію этого министерства; но ходъ крестьянскаго дѣла едвали отъ того выигралъ. Если такой порядокъ

будетъ прерванъ и дѣла по уставнымъ грамотамъ, восходившія въ министерство внутреннихъ дѣлъ, играющее по этимъ дѣламъ роль кассаціоннаго учрежденія, будутъ рѣшаемы судебною властью, т. е. мировыми судьями, независимо отъ министра внутреннихъ дѣлъ, то отъ такого порядка вещей скорѣе можно ожидать пользы, нежели вреда. Наконецъ, мнѣніе меньшинства приводитъ къ тому, что уничтожатся съѣзды мировыхъ посредниковъ и губернское присутствіе; причемъ уже не пришлось бы распредѣлять дѣла мировыхъ учрежденій, посредниковъ, судей и съѣздовъ сихъ послѣднихъ на различныя категоріи. Между тѣмъ, въ случаѣ принятія мнѣнія большинства, нѣкоторыя дѣла восходили бы до губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія; другія же рѣшались бы окончательно въ мировыхъ съѣздахъ. Установленіе такихъ категорій потребовало бы измѣненія крестьянскаго положенія, а это неудобно сдѣлать. Поэтому гл. Лиліенфельдъ полагаетъ, что гораздо проще и полезнѣе — или вовсе упразднить мировыя учрежденія чрезъ сліяніе ихъ съ мировымъ судебнымъ институтомъ, или оставить въ прежнемъ видѣ, такъ какъ новое разверстаніе дѣлъ между мировыми судьями и посредниками въ уменьшенномъ числѣ, вмѣсто пользы, скорѣе принесло бы вредъ, производя столкновенія и пререканія между двумя неясно размежеванными властями, а крестьяне не въ состояніи были бы уяснить себѣ кругъ дѣйствій каждой изъ нихъ отдѣльно и безпрестанно ихъ смѣшивали бы между собою.

Собраніе согласилось съ меньшинствомъ коммиссіи и представило свое ходатайство о сокращеніи мировыхъ учрежденій правительству въ слѣдующемъ видѣ:

1) Ходатайствовать предъ правительствомъ о томъ, чтобы дѣла судебно-полицейскія перешли въ вѣдѣніе мировыхъ судей на основаніи судебныхъ уставовъ.

2) Чтобы опредѣленіе способа взысканія оброка, на основаніи положенія 19-го февраля 1861 года, возложено было на мировыхъ судей, а самое взысканіе производилось на общемъ основаніи исполненія судебныхъ рѣшеній.

3) Чтобы дѣла С.-Петербургскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія и настоящихъ мировыхъ съѣздовъ были переданы въ вѣдѣніе мировыхъ съѣздовъ мировыхъ судей.

На сколько извѣстно изъ опубликованныхъ распоряженій министра внутреннихъ дѣлъ по вопросу о сокращеніи расходовъ на мировыя учрежденія, видно, что вопросъ этотъ обсуждался въ главномъ комитетѣ по устройству сельскихъ сословій. Пришелъ ли главный комитетъ къ какимъ нибудь *общимъ* выводамъ, до сихъ поръ неизвѣстно; но частныя мѣры къ сокращенію принимаются въ разныхъ мѣстахъ, вслѣдствіе представляющихся къ тому случаевъ, такъ что вообще

предназначено сохранить на 25,000 душъ крестьянъ только одного посредника. Численный составъ губернскихъ присутствій также сокращается: такъ недавно въ Костромскомъ и Смоленскомъ губернскихъ присутствіяхъ признаны упраздненными не занятыя до сихъ поръ вакансіи членовъ отъ дворянства въ губернскомъ присутствіи, одного по назначенію отъ правительства, а другого по выбору мѣстныхъ помѣщиковъ. Разрѣшеніе общаго вопроса конечно усложняется передачею въ вѣдѣніе мировыхъ учрежденій государственныхъ крестьянъ, не повсемѣстнымъ введеніемъ института мировыхъ судей и недостаткомъ практическихъ указаній объ объемѣ дѣйствій мирового судьи въ предѣлахъ ограниченныхъ новыми судебными уставами. Тѣмъ не менѣе недостатокъ людей и денегъ составляетъ такую существенную причину къ неизбѣжному сокращенію состава прежнихъ мировыхъ учрежденій и расходовъ на нихъ, — что едва ли ходатайство земства въ настоящемъ случаѣ не заслуживаетъ нѣсколько болѣе вниманія, нежели принятіе частныхъ мѣръ, зависящихъ единственно отъ непредвидѣнныхъ случайностей, въ родѣ выбытія членовъ и незамѣщенія ихъ вакансій, тѣмъ болѣе, что случаи упраздненія членовъ отъ правительства при мировыхъ съѣздахъ встрѣчались весьма часто и въ прежнее время, — а сокращеніе числа мировыхъ посредниковъ продолжалось безостановочно, и помимо ходатайствъ земства. Вѣроятно, земскія собранія воспользуются скорымъ окончаніемъ пріема государственныхъ крестьянъ въ вѣдомство мировыхъ посредниковъ, чтобы возобновить съ бо́льшимъ успѣхомъ свое ходатайство.

Расходы по спеціальному размежеванію занимаютъ второе мѣсто въ разрядѣ крупныхъ прежнихъ земскихъ расходовъ и по Новгородской смѣтѣ составляютъ около 7%. Спеціальное полюбовное межеваніе, введенное въ 1836 году, въ 1841 году обращено въ *понудительное*, по которому каждому изъ соучастниковъ, въ случаѣ отказа остальныхъ отъ полюбовнаго соглашенія, — предоставлено обращаться съ требованіемъ отвода къ однимъ мѣстамъ въ судебныя учрежденія. Не смотря на то, случаевъ понудительнаго размежеванія, за исключеніемъ дачъ общихъ у казны и частныхъ владѣльцевъ, гдѣ понудительное межеваніе составляетъ общее правило, — вообще было сравнительно весьма мало, и въ настоящее время остались неразмежеванными преимущественно тѣ дачи, въ которыхъ соглашеніе не могло состояться или по совершенной безполезности отвода къ однимъ мѣстамъ для совладѣльцевъ или по какимъ либо особымъ, мѣстнымъ или личнымъ обстоятельствамъ [1]). Дѣло полюбовнаго размежеванія у

---

[1]) По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ въ «Статистическихъ таблицахъ Россійской Имперіи», спеціальное межеваніе производилось въ 28 губерніяхъ, обнаружено общаго и чрезполоснаго владѣнія дачъ частныхъ лицъ 75,194, а казеннаго вѣдомства 15,334,

насъ въ послѣднее время еще болѣе усложнилось разверзстаніемъ крестьянскихъ угодій съ владѣльческими: въ большинствѣ дачъ, принадлежавшихъ до сихъ поръ въ единственное владѣніе одному лицу, явились въ настоящее время, — черезполосными владѣльцами, — самъ собственникъ и крестьянская община, въ качествѣ тоже собственника или безсмѣннаго, обязательнаго арендатора. Между тѣмъ одно и тоже дѣло полюбовнаго отвода къ однимъ мѣстамъ распредѣлено между двумя отдѣльными вѣдомствами, изъ которыхъ каждое имѣетъ не только своихъ особыхъ завѣдывающихъ лицъ и землемѣровъ, но даже и особыя правила и руководящія узаконенія. Разверстаніе угодій между крестьянами и владѣльцами лежитъ на обязанности мировыхъ посредниковъ и производится частными землемѣрами, безъ свидѣтельствованія плановъ межевымъ вѣдомствомъ, а отводъ всѣхъ другихъ совладѣльцевъ порученъ посредникамъ по спеціальному размежеванію, дѣйствующимъ чрезъ чиновъ межевого корпуса, съ повѣркою и утвержденіемъ плановъ межевою канцеляріею. Очевидно, что совершенное преобразованіе межевой части, — предпринятое у насъ правительствомъ, — должно наконецъ привести къ образованію самостоятельныхъ мѣстныхъ инстанцій для межевого дѣла во всемъ его объемѣ, къ межеванію чрезъ частныхъ землемѣровъ съ упрощеніемъ обрядовъ и формальностей, нынѣ существующихъ и подающихъ поводъ только къ нескончаемой проволочкѣ, жалобамъ и искамъ, вызываемымъ неправильными дѣйствіями землемѣрныхъ чиновъ. Между тѣмъ содержаніе мѣстной администраціи по спеціальному размежеванію (посреднической коммиссіи и посредниковъ), лежавшее до сихъ поръ исключительно *на частной дворянской повинности*, но въ сущности оплачивавшееся бывшимъ крѣпостнымъ населеніемъ, со введеніемъ положенія о земскихъ учрежденіяхъ, перешло въ разрядъ общихъ земскихъ повинностей. На счету же земства осталось и содержаніе учрежденія по размежеванію земель государственныхъ крестьянъ и собственно казенныхъ. (Содержаніе уполномоченныхъ и особаго стола при палатѣ государственныхъ имуществъ.)

Вопросъ о сокращеніи расходовъ по спеціальному межеванію возбудило впервые Костромское 1-е собраніе. Признавая, что въ настоящее время земство тратитъ почти безъ всякой практической пользы на институтъ спеціальнаго межеванія, и что еще въ 1862 г. дворянство ходатайствовало уже объ упраздненіи посредниковъ, оно рѣшило

въ нихъ десятинъ 51,477,105. Согласовано на размежеваніе 57,875 дачъ частныхъ лицъ и 7,224 казенныхъ, въ нихъ земли 38,844,268 дес. Изъ согласованныхъ дачъ размежевано, съ формальнымъ утвержденіемъ межъ, дачъ частныхъ 39,559, казенныхъ 3,774, въ нихъ земли 23,380,034 дес. Оставалось согласить владѣльцевъ на размежеваніе 15,758 дачъ частныхъ и 3,881 казенныхъ, въ нихъ земли 16,717,200 десятинъ. (Стр. 11. примѣч.)

ходатайствовать въ свою очередь «объ упраздненіи не приносящаго должной пользы учрежденія спеціальнаго межеванія, съ передачею дѣлъ, кому правительство признаетъ болѣе удобнымъ». Ходатайство это повторилось точно также во всѣхъ губернскихъ собраніяхъ. Большинство ихъ ходатайствуетъ, чтобы издержки по межеванію казенныхъ земель (содержаніе уполномоченныхъ и особенно стола при палатѣ) приняло на себя министерство государственныхъ имуществъ; вмѣстѣ съ тѣмъ,— признавая посредниковъ по полюбовному размежеванію за учрежденіе, исключительно полезное для однихъ помѣщиковъ,— большинство земскихъ собраній признало полезнымъ возложить ихъ обязанности на уѣздныхъ предводителей дворянства, а потому рѣшило такое предположеніе передать на распоряженіе дворянскихъ собраній, какъ дѣло касающееся лично представителей дворянства, зависящихъ отъ этихъ послѣднихъ собраній?

Исключеніе составляетъ Харьковское губернское собраніе, которое не согласилось на уничтоженіе посредниковъ по полюбовному спеціальному межеванію, и ходатайствуетъ только о сокращеніи числа ихъ съ одиннадцати на три, съ тѣмъ чтобы оставлены были оказавшіеся наиболѣе дѣятельными, но оно также ходатайствуетъ объ упраздненіи уполномоченныхъ отъ казны и особаго межевого стола въ палатѣ.— Вмѣстѣ съ тѣмъ Харьковское собраніе весьма подробно разсмотрѣло вопросъ о размежеваніи, какъ одинъ изъ важнѣйшихъ земскихъ вопросовъ.

Вотъ какъ Харьковское собраніе описываетъ всѣ неудобства настоящаго хода полюбовнаго размежеванія. Всѣ невыгоды землевладѣльцевъ извѣстны и понятны только тѣмъ, кто имѣлъ несчастіе вступать въ сношеніе съ межевыми чинами, но къ числу такихъ несчастныхъ принадлежатъ всѣ, испытавшіе невыгоды чрезполосности. Длинный путь испытаній, ожидающихъ владѣльца при всякой попыткѣ прекратить ее въ своемъ хозяйствѣ, и весь ходъ полюбовнаго размежеванія весьма вѣрно и справедливо представлены въ слѣдующихъ словахъ гл. Костыря (мнѣніе его въ Хар. губ. собр.): «главный поводъ къ жалобамъ землевладѣльцевъ состоитъ въ той продолжительности межевыхъ работъ, которая представляетъ дѣло размежеванія какимъ-то *хроническимъ*, *безконечнымъ*. И дѣйствительно: землемѣры пріѣзжаютъ въ одну и ту же дачу по нѣскольку разъ, и размежеваніе, отвлекающее владѣльца отъ хозяйственныхъ занятій и требующее рабочихъ въ самое дорогое для хозяина время,—все таки не подвигается впередъ. Причиною этого гл. Костырь считаетъ (и совершенно справедливо) отсутствіе контроля надъ техническими дѣйствіями землемѣровъ. Будучи командированы изъ межевого корпуса въ отдаленныя губерніи, они заботятся только о томъ, чтобы въ предоставляемыхъ ими своему начальству перечневыхъ вѣдомостяхъ было

выведено требуемое урочнымъ положеніемъ число размежеванныхъ дачъ и рабочихъ дней; о томъ же, какимъ образомъ исполнено дѣло, правильно или нѣтъ, — они рѣшительно не заботятся; лучшимъ доказательствомъ служитъ громадное накопленіе *ремарочныхъ дѣлъ*, т. е. такихъ, которыя по освидѣтельствованіи оказались неисправными». — «Невольно, говоритъ по тому же предмету предсѣдатель кн. Трубецкой, обращается при этомъ вниманіе на генеральное межеваніе въ Россіи, начатое въ 1765 г. безъ всякой подготовки къ этому дѣлу со стороны владѣльцевъ, безъ достаточнаго числа образованныхъ людей: оно было окончено въ большей части Имперіи въ теченіи 30 лѣтъ, а въ тотъ же періодъ времени, спеціальное межеваніе не достигло еще и половины своего пути, тогда какъ теперь существуютъ у насъ и межевыя учебныя заведенія, и развитіе народное въ эти сто лѣтъ, конечно, подвинулось впередъ все же значительно». Кн. Трубецкой, въ своей запискѣ, особенно распространяется о принудительномъ межеваніи по общимъ дачамъ казны и частныхъ лицъ. Процедура въ этомъ случаѣ еще безконечнѣе. Для частныхъ лицъ существуютъ только полюбовныя сказки, утверждаемыя посредникомъ и уѣзднымъ судомъ; по казеннымъ дачамъ сначала производится съемка на планъ *всей* дачи землемѣромъ вѣдомства государственныхъ имуществъ, причемъ если казнѣ принадлежитъ 10 десятинъ изъ 1,000, то снимается вся 1,000, и за 990 десятинъ взыскивается съ владѣльцевъ за планъ, нужный только для казны, съ котораго имъ и выдается даже копія; потомъ уполномоченнымъ составляется проектъ раздѣла, предъявляемый однимъ казеннымъ крестьянамъ и утверждаемый палатою, и за тѣмъ соглашеніе должно уже происходить въ предѣлахъ этого проекта, отъ котораго палата, конечно, не отступитъ, какъ бы онъ ни былъ невыгоденъ для частныхъ землевладѣльцевъ *). Въ виду этихъ неудобствъ, кн. Трубецкой предлагаетъ ходатайствовать о слѣдующихъ необходимыхъ преобразованіяхъ въ межевой части:

1) Обратить особенное вниманіе на устройство собственно технической части межеванія. Для этого нужно положительно уничтожить существующее до сего времени раздѣленіе землемѣровъ по вѣдомству на казенныхъ и частныхъ, на отвѣтственныхъ и неотвѣтственныхъ; лишь тотъ имѣетъ право быть землемѣромъ, кто выдержитъ на это званіе установленный экзаменъ, и кромѣ того хорошо будетъ знать практическую часть межеванія; далѣе, всякій землемѣръ долженъ

---

*) Намъ лично извѣстны казенныя дачи, въ которыхъ, по плану генеральнаго межеванія, находилось въ числѣ прочихъ угодій лѣсу 500 д. и казнѣ принадлежала во всей дачѣ пятая часть, т. е. лѣсу 100 десятинъ, но въ натурѣ оказывалось лѣсу всего 50 д. Казна требовала свою часть *не меньше* 100 десятинъ лѣсу, и на этомъ основаніи отказывали владѣльцамъ въ утвержденіи полюбовной сказки!?! *Авт.*

быть отвѣтственнымъ лицомъ за свои дѣйствія и подчиняться общему контролю или управленію по технической части межеванія. Управленіе это должно быть сосредоточено въ каждой губерніи или судебномъ округѣ; оно наблюдаетъ за дѣйствіями техниковъ, повѣряетъ ихъ и окончательно утверждаетъ межевые акты.

2) Упростить самый процессъ межеванія, а именно, во всѣхъ дѣлахъ подлежащихъ какъ *судебному*, такъ и *полюбовному* межеванію, приступать прежде всего къ способу, указанному въ ст. 399 — 416 Св. зак. меж., т. е. къ полюбовнымъ разводамъ въ натурѣ, и тѣ участки, которые такимъ образомъ будутъ безспорно утверждены, сейчасъ же утверждать окончательно. Затѣмъ, планы *спорныхъ участковъ* или черезполосности, о выдѣлѣ которыхъ не послѣдуетъ согласія на мѣстѣ, передавать: если споръ возникъ между государственными крестьянами и владѣльцами,—въ окружные суды; а если между одни владѣльцами—мировымъ судьямъ. При разборѣ споровъ судебными мѣстами, слѣдуетъ руководствоваться единственно наличнымъ владѣніемъ, основаннымъ на 10 лѣтней давности (Ук. Прав. Сен. отъ 27 сентября 1863 г. № 1830, о мѣрахъ къ успѣшному производству спеціальнаго межеванія въ Пензенской и другихъ губерніяхъ, и положеніе Черниговской и Полтавской губерній), и затѣмъ приступать къ разсмотрѣнію документовъ только въ тѣхъ крайнихъ случаяхъ, когда давность владѣнія не будетъ положительно доказана при самомъ отводѣ или снятіи на планъ спорнаго участка. Сроки на явку владѣльцевъ и депутатовъ на межу оставить указанные въ 388 и 389 ст. Меж. зак.; этимъ отстранится медленность, могущая произойти чрезъ неявку лицъ къ указанію и отводу своихъ земель, и межеваніе можетъ идти безостановочно. При полюбовномъ размежеваніи владѣльческихъ дачъ, въ случаѣ возникшихъ споровъ, мировой судья, получивъ планъ спорныхъ отводовъ владѣльцевъ,—слѣдовательно, имѣя въ виду желаніе каждаго изъ нихъ, дѣлаетъ на этомъ планѣ проектъ нарѣзокъ, руководствуясь точно также наличнымъ владѣніемъ, и предлагаетъ проектъ тотъ владѣльцамъ; если всѣ они, или нѣсколько изъ нихъ, на проектъ не согласятся, — то дѣло поступаетъ на разсмотрѣніе мирового съѣзда, который дѣлаетъ окончательное постановленіе о томъ, продолжать ли еще мировое соглашеніе или предоставить владѣльцамъ вѣдаться съ судомъ,—въ послѣднемъ случаѣ дѣло со стороны мировыхъ учрежденій считается оконченнымъ и поступаетъ въ судъ не иначе какъ по просьбѣ одного или многихъ владѣльцевъ дачи. Судъ тогда разсматриваетъ предположеніе мирового съѣзда и окончательно утверждаетъ его или дѣлаетъ, смотря по обстоятельствамъ дѣла, измѣненіе въ проектѣ размежеванія и приказываетъ привести его въ исполненіе.

3) Сократить по возможности самое дѣлопроизводство по технической части межеванія, отмѣнивъ совершенно межевыя книги и за-

мѣнивъ ихъ геодезическими описаніями, примѣняясь къ изданнымъ правиламъ для отвода крестьянскихъ земель; составляемые нынѣ въ 4 экземплярахъ участковые планы замѣнить выкопировками съ общихъ плановъ, которые выдавать только желающимъ; отмѣнить существующее нынѣ двоекратное свидѣтельствованіе однихъ и тѣхъ же дѣлъ, уничтожить централизацію по межевому вѣдомству въ Москвѣ, и передать изъ межевой канцеляріи всѣ хранящіеся у ней межевые акты въ мѣстныя губернскія управленія.

4) Межевыя работы по надѣлу землями крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, въ дачахъ, которыя будутъ подлежать размежеванію, примѣняясь къ 112 ст. Пол. о выкупѣ, соединить съ самымъ размежеваніемъ дачъ, предоставивъ крестьянамъ-собственникамъ всѣ права владѣльцевъ, съ тою только разницею, что предположеніе объ отводѣ имъ земель, въ дачахъ какъ размежеванныхъ, такъ и подлежащихъ межеванію, окончательно утверждаются и приводятся въ исполненіе мировыми учрежденіями и судебному разбирательству не подлежатъ. Отграниченіе же земель временно-обязанныхъ крестьянъ оставить на существующемъ нынѣ основаніи.

Вопросъ о межеваніи поднятъ былъ также въ Симбирскомъ губернскомъ собраніи по запискѣ гласнаго Родіонова. Приведенныя въ запискѣ недостатки межевого дѣла тѣ же, какъ и указанные нами выше; мѣры же, предлагаемыя г. Родіоновымъ, заключаются въ слѣдующемъ:

1) Межевая часть должна составлять самостоятельную отрасль государственной администраціи, подъ главнымъ начальствомъ главноуправляющаго межевою частью, а при немъ межевой канцеляріи.

2) Каждый уѣздъ, по межевой части, завѣдуется уѣзднымъ землемѣромъ; онъ постоянно живетъ въ уѣздѣ, отвѣчаетъ за правильность и успѣшность межеванія, дѣло свое на окончательное утвержденіе представляетъ прямо въ межевую канцелярію. По мѣрѣ надобности онъ нанимаетъ вольнонаемныхъ межевщиковъ.

3) Землемѣры при мировыхъ съѣздахъ упраздняются, дѣла ихъ передаются уѣздному землемѣру.

4) Посредники по полюбовному межеванію упраздняются, должность ихъ исполняютъ мировые судьи.

5) Въ случаѣ неуспѣшности соглашенія, въ первый съѣздъ совладѣльцевъ межуемой дачи, назначается чрезъ 3 мѣсяца вторичный, въ случаѣ и за тѣмъ неуспѣха, дѣло немедленно обращается къ судебно-межевому разбирательству.

6) При открытіи дѣйствій окружныхъ судовъ, межевыя дѣла разсматриваются и рѣшаются въ присутствіи и съ содѣйствіемъ мѣстнаго уѣзднаго землемѣра.

7) Общій въ губерніи надзоръ за дѣйствіями уѣздныхъ землемѣровъ поручается двумъ по губерніи губернскимъ по межевой части

ревизорамъ, которые направляютъ дѣло къ надлежащему окончанію, а въ опредѣленныхъ случаяхъ съ своимъ заключеніемъ представляютъ дѣло въ межевую канцелярію.

8) Жалобы на уѣздныхъ землемѣровъ поступаютъ къ губернскимъ по межевой части ревизорамъ, которые направляютъ дѣло къ надлежащему окончанію, а въ опредѣленныхъ случаяхъ съ своимъ заключеніемъ представляютъ дѣло въ межевую канцелярію.

9) Вслѣдствіе крестьянской реформы, особенно въ дачахъ, гдѣ состоялся уже выкупъ крестьянскаго земельнаго надѣла, необходимо снять планы всей дачи, нанести на общемъ планѣ раздѣльныя межи, и за тѣмъ каждой сторонѣ выдать надлежащимъ образомъ утвержденный планъ принадлежащей ей дачи.

10) Такъ какъ въ подобныхъ межевыхъ дѣйствіяхъ, вслѣдствіе выкупныхъ дѣлъ, будутъ имѣть надобность огромное большинство землевладѣльцевъ, то, для облегченія взноса потребной для межеванія суммы собирать ежегодно $1/_{10}$ часть стоимости межеванія, по количеству десятинъ владѣнія, примѣрно всего сбора по 1 коп. сер. съ десятины въ годъ, что въ теченіе 10 лѣтъ составитъ 10 коп. сер. съ десятины. Деньги вносить въ уѣздныя казначейства, подъ отчетъ и распоряженіе губернскихъ управъ. Остатки и сбереженія изъ сихъ суммъ могутъ служить основаніемъ для земскихъ сберегательныхъ кассъ.

Губернское собраніе, выслушавъ эту записку, единогласно постановило передать ее, для предварительной разработки въ губернскую управу.

Особенное значеніе межеваніе имѣетъ для Черниговской и Полтавской губерній, гдѣ оно введено только съ 1860 г. на особыхъ основаніяхъ: тамъ, при существованіи черезполосностей, межеваніе представляется начинаніемъ весьма важнымъ, имѣющимъ характеромъ общеполезнаго *земскаго* дѣла. Поэтому Черниговское земское собраніе отстранило вопросъ о возможности уничтоженія межевыхъ учрежденій, а Полтавское принесло единогласную благодарность предсѣдателю межевой палаты за успѣшный ходъ межеванія. Тѣмъ не менѣе вопросъ о преобразованіи межевой части и сокращеніи на нее издержекъ обратилъ на себя серьезное вниманіе обоихъ собраній. Въ виду предстоящаго преобразованія этихъ учрежденій въ цѣлой Россіи, Черниговское земское собраніе положило: ходатайствовать, предъ высшимъ правительствомъ, о введеніи, при пересмотрѣ положенія о размежеваніи, слѣдующихъ измѣненій:

1) Сократить расходы на межеваніе уменьшеніемъ штатовъ межевыхъ палатъ и коммиссій. Сокращеніе это касается въ особенности сословныхъ депутатовъ въ этихъ учрежденіяхъ, безполезность которыхъ заявлена со стороны многихъ уѣздныхъ собраній и отдѣльныхъ гласныхъ. Въ межевой палатѣ предполагается оставить по одному

члену отъ дворянъ и казаковъ, а въ коммиссіяхъ они замѣняются уполномоченными посредниками, не получающими штатнаго жалованья, а только единовременное вознагражденіе отъ владѣльцевъ дачи, если оно будетъ признано необходимымъ.

2) Поставить межевой палатѣ въ обязанность сообщать губернскому земскому собранію ежегодно подробный отчетъ о результатѣ межевыхъ дѣйствій по губерніи и о денежныхъ издержкахъ, употребленныхъ по размежеванію. Независимо отъ того, допустить со стороны уѣздныхъ собраній избраніе одного или двухъ депутатовъ по межевымъ дѣламъ, которымъ должно быть предоставлено право разсмотрѣнія межевыхъ дѣлъ и наблюденія за межевыми дѣйствіями, внѣ оффиціальнаго вмѣшательства въ какія бы то ни было дѣйствія межевыхъ мѣстъ и лицъ, по отправленію ихъ обязанностей; а также ходатайствовать, чтобы предсѣдатели межевыхъ палатъ и коммиссій избирались земскими собраніями, хотя бы не изъ гласныхъ, съ отнесеніемъ ихъ содержанія на общій со всѣхъ сословій земскій сборъ.

3) Просить правительство, чтобы оно для уничтоженія недоразумѣній и безпорядковъ и исправленія неудовлетворительности хода межевыхъ работъ произвело подробную ревизію межеванія по Черниговской губерніи, въ присутствіи членовъ управъ.

4) Войти въ сношеніе съ межевою палатою, чтобы въ отрубныхъ имѣніяхъ, гдѣ выкупные договоры и акты состоялись, земли, отведенныя крестьянамъ, отмежевались отдѣльно отъ помѣщичьихъ.

Противъ такого постановленія большинства заявлено было нѣсколько отдѣльныхъ мнѣній, изъ которыхъ особеннаго вниманія заслуживаетъ заявленіе 8 губернскихъ гласныхъ *изъ податного сословія*, какъ они сами себя назвали. Они возстаютъ противъ продолженія *обязательнаго межеванія* и находятъ необходимымъ и полезнымъ ходатайствовать предъ правительствомъ объ его уничтоженіи, ограничиваясь однимъ только полюбовнымъ, а если его не послѣдуетъ, то одной простой съемкой на планѣ земель, для приведенія въ извѣстность количества и качества ихъ. По мнѣнію гласныхъ отъ сельскаго сословія, тогда дальнѣйшее существованіе межевой палаты дѣлается совершенно излишнимъ. Замѣчательно, что гласные отъ крестьянъ, въ случаѣ отказа въ ихъ ходатайствѣ, присоединяются къ ходатайству большинства собранія, и особенно настаиваютъ на избраніи предсѣдателя межевыхъ палатъ и коммиссій земскими собраніями, прибавляя, что они съ этимъ во всякомъ случаѣ *согласны*. Для того, чтобы понять смыслъ ходатайства гласныхъ отъ крестьянъ,—необходимо обратить вниманіе на положеніе мелкихъ участковъ при отсутствіи общиннаго владѣнія, замѣняемаго подворнымъ или участковымъ въ губерніяхъ малороссійскихъ и западныхъ. Мелкія полосы, принадлежащія черезполосно совладѣльцамъ одной дачи, должны, при обязательномъ размежеваніи, составить нѣсколько

бо́льшіе отрубные куски, нарѣзываемые въ нѣсколькихъ мѣстахъ каждому владѣльцу отдѣльно. Такимъ образомъ, это межеваніе совершенно сходно съ обязательнымъ отводомъ къ однимъ мѣстамъ всѣхъ домовладѣльцевъ, сообща пользующихся землею при общинномъ владѣніи. Понятно, какая путаница, несогласіе и безконечныя тяжбы должны рождаться при такомъ межеваніи, гдѣ часто мелкія полосы пашенной и сѣнокосной земли рѣзко другъ отъ друга отличаются, и приведеніе ихъ къ одному знаменателю цѣнности, посредствомъ взаимнаго вознагражденія, совершенно немыслимо. Такимъ образомъ, теперешнее черезполосное владѣніе мелкими полосами отдѣльныхъ домохозяевъ въ малороссійскихъ губерніяхъ представляетъ наше великорусское общинное владѣніе, только безъ всякого передѣла и съ постояннымъ правомъ домохозяина на status quo своего владѣнія, до измѣненія его собственнымъ произволомъ владѣльца. Это есть до нѣкоторой степени рѣшеніе общиннаго вопроса, рѣшеніе, по которому мелкая частная земельная собственность распредѣлена уже самымъ правильнымъ и уравнительнымъ способомъ, предоставляя каждому мелкому собственнику равномѣрное участіе *во всѣхъ разрядахъ цѣльной дачи*. Межеваніе стремится разрушить этотъ порядокъ *обязательнымъ введеніемъ отрубныхъ участковъ* на каждаго отдѣльнаго мелкаго собственника, и противъ этого протестуютъ крестьяне. Тотъ же самый протестъ съ особенною силою заявилъ въ коммиссіи г. Туманинъ, и его, вслѣдъ за нимъ, повторило Глуховское уѣздное собраніе. Но не смотря на то, ни коммиссія, ни само губернское собраніе не обратили вниманіе на этотъ важный вопросъ. Между тѣмъ возможность оставаться, по взаимному согласію, въ прежнемъ черезполосномъ владѣніи, возможность, существующая для великороссійскихъ дачниковъ, составляетъ предметъ самыхъ насущныхъ и настоятельныхъ требованій со стороны мелкихъ владѣльцевъ, казаковъ въ малороссійскихъ губерніяхъ и однодворцевъ въ западныхъ. Фактъ этотъ, гдѣ личное землевладѣніе хлопочетъ о сохраненіи черезполосности, поставляемой обыкновенно въ одинъ изъ самыхъ серьезныхъ укоровъ для общиннаго владѣнія,—кромѣ своего практическаго и законодательнаго значенія, представляетъ важный экономическій фактъ, громко свидѣтельствующій противъ извѣстныхъ, вычитанныхъ изъ книжекъ теорій *о несостоятельности нашей общины и о стремленіи членовъ ея къ выходу изъ насильственнаго обязательства*. Въ Полтавскомъ губернскомъ собраніи проектъ сокращенія штатовъ межевыхъ учрежденій (на 5078 руб. ежегодно) представленъ собранію предсѣдателемъ межевой палаты, бывшимъ въ числѣ гласныхъ и принятъ собраніемъ, которое положило ходатайствовать о приведеніи его въ дѣйствіе.

Отвѣта на ходатайство земства въ сокращеніи издержекъ на полюбовное размежеваніе и о преобразованіи межевой части, насколько

извѣстно изъ печатныхъ документовъ по земскому дѣлу, не послѣдовало. Насколько намъ извѣстно изъ частныхъ слуховъ, вопросъ этотъ переданъ министромъ внутреннихъ дѣлъ на заключеніе министра юстиціи, и вѣроятно будетъ разрѣшенъ въ связи съ предположеннымъ общимъ преобразованіемъ межевой части. Мы не сомнѣваемся, что земскія заявленія уважены будутъ высшею администраціею, и что, съ другой стороны, всѣ земскія учрежденія, по примѣру Харьковскаго и Симбирскаго, обратятъ вниманіе на такое важное, государственное дѣло, какъ межеваніе.

Что касается до содержанія классовъ землемѣрія и таксаторскихъ, при гимназіяхъ, то объ уничтоженіи этой статьи расхода возбуждено ходатайство новгородскимъ 1-мъ собраніемъ, а вслѣдъ за нимъ всѣми собраніями, гдѣ это учрежденіе было введено (черниговское, нижегородское, московское, костромское 2-е и др.). Причиною къ подобному ходатайству была совершенная неудача этой административной мѣры. Такъ, по заявленію 13 гласныхъ въ костромскомъ губернскомъ собраніи, содержаніе классовъ землемѣрія при гимназіи стоило земству 20,000 руб.; въ теченіе 4 лѣтъ, кончило курсъ всего 36 человѣкъ, а изъ нихъ только 9 служатъ въ Костромской губерніи, такъ что обученіе каждаго землемѣра вообще стоило болѣе 550 р., а разсчитывая всю сумму на находящихся въ губерніи, приходится на каждаго 2,200 р. Еще неуспѣшнѣе оказались результаты въ Нижегородской губерніи, гдѣ земство употребило въ 6 лѣтъ на воспитаніе 254 воспитанниковъ 30,000 р., но изъ нихъ окончили курсъ только 40, да и тѣ уѣхали на службу въ западный край. Какъ видно изъ отвѣта московской губернской управѣ, управляющій межевымъ корпусомъ объяснилъ, что учрежденіе землемѣро-таксаторскихъ классовъ было мѣрою временною, вызванною настоятельною надобностію въ усиленіи межевыхъ средствъ по случаю крестьянской реформы, и что, за *достиженіемъ нынѣ предназначенной цѣли*, ходатайство земскаго собранія должно быть принято въ уваженіе. Но при этомъ управляющій корпусомъ присовокупилъ, что немедленное закрытіе этихъ классовъ было бы неудобно, такъ какъ въ этомъ случаѣ молодые люди, въ нихъ обучающіеся, а также вновь принятые въ текущемъ учебномъ году, лишились бы средствъ окончить полный курсъ наукъ, и чрезъ это израсходованныя на ихъ обученіе суммы были бы затрачены безъ всякой пользы. Вслѣдствіе этого предположено не закрывать землемѣро-таксаторскихъ классовъ, пока вступившіе въ нихъ ученики не окончатъ полнаго курса ученія, и сообразно съ тѣмъ сократить расходы. Впрочемъ такой исходъ по настоящему вопросу еще гораздо ранѣе указанъ былъ с.-петербургскимъ губернскимъ собраніемъ.

Выписка сенатскихъ и губернскихъ вѣдомостей для полицейскихъ учрежденій и сельскихъ приходовъ была также предметомъ ходатай-

ства объ отмѣнѣ этой статьи расхода: черниговское, полтавское, пензенское, костромское, московское, петербургское, тверское, смоленское и многія другія собранія говорили въ этомъ смыслѣ. Всѣ они выставляютъ причиною, что губернскія вѣдомости совершенно безполезны для сельскихъ приходовъ, тѣмъ болѣе, что онѣ получаются волостными правленіями, а въ приходъ даже большею частію вовсе не доставляются. Но кромѣ того большинство губернскихъ вѣдомостей не представляетъ и никакого интереса, такъ какъ, за исключеніемъ правительственныхъ и мѣстныхъ административныхъ распоряженій, губернскія вѣдомости, какъ извѣстно, вовсе не даютъ мѣстныхъ свѣдѣній, сколько нибудь любопытныхъ и полезныхъ для туземнаго населенія. Самый живой, богатый и для всѣхъ равно необходимый мѣстный матеріалъ — земское дѣло, какъ мы видѣли, не допущенъ въ губернскія вѣдомости со всею полнотою и подробностію, какихъ мѣстные жители вправѣ требовать отъ земскихъ учрежденій и своихъ выборныхъ, земскихъ дѣятелей. Вопросъ этотъ, по несогласію министра финансовъ съ заключеніемъ министра внутреннихъ дѣлъ о возможности прекращенія подобнаго расхода и исключенія этой статьи изъ земскихъ смѣтъ, внесенъ на разрѣшеніе законодательнымъ порядкомъ. Такъ какъ обязательная выписка губернскихъ вѣдомостей для приходовъ есть не что иное какъ вспомоществованіе земства на усиленіе типографскихъ суммъ губернскаго правленія, и какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, на сколько извѣстно, изъявилъ уже свое согласіе на уничтоженіе этого расхода, то, по всей вѣроятности, законодательное его разрѣшеніе послѣдуетъ въ смыслѣ отмѣны этого непроизводительнаго для земства расхода.

Многія изъ земскихъ собраній возбудили еще вопросъ о непроизводительности расходовъ земства на содержаніе мѣстныхъ статистическихъ комитетовъ, но особенное вниманіе обратили въ этомъ случаѣ пренія вторичнаго московскаго собранія, рѣшившаго большинствомъ всѣхъ наличныхъ членовъ противъ одного: «ходатайствовать о прекращеніи отпуска денегъ изъ суммъ земства (2,000 р. ежегодно) на содержаніе теперешняго статистическаго комитета и объ употребленіи ихъ на содержаніе такого же комитета при управѣ.»

Заключеніе собраній сводятся вообще къ 3 главнымъ положеніямъ:

1) Статистическіе комитеты, при теперешнемъ устройствѣ, представляютъ такія невѣрныя данныя, что дальнѣйшее ихъ существованіе оказывается совершенно безполезнымъ.

2) Земскія учрежденія имѣютъ нужду въ полученіи всѣхъ тѣхъ свѣдѣній, которыя собираются статистическими комитетами и должны пріобрѣсти эти свѣдѣнія съ гораздо большею достовѣрностію; а потому существованіе статистическихъ комитетовъ, какъ учрежденія предназначеннаго къ собранію свѣдѣній, получаемыхъ съ большею

достовѣрностію другимъ, также обязательнымъ путемъ, представляется излишнимъ.

3) Если существованіе статистическихъ комитетовъ необходимо для нуждъ самой администраціи, то нѣтъ причины возлагать содержанія ихъ на земскія средства.

Что касается до неудовлетворительности собираемыхъ статистическими комитетами свѣдѣній, то эта истина общеизвѣстная. Въ напечатанной однимъ изъ нашихъ журналовъ статьѣ: «По поводу двухъ вопросовъ затронутыхъ нашимъ земствомъ», — причины этого объясняются слѣдующимъ образомъ: «Правительственные и такъ называемые независимые органы нашей печати согласно свидѣтельствуютъ о полномъ равнодушіи или же крайнемъ недовѣріи всѣхъ слоевъ нашего общества къ мѣстной статистикѣ. Въ то время, какъ однимъ она кажется чуть только не переливаніемъ изъ пустого въ порожнее, по той единственной причинѣ, что такъ приказано, другимъ она является чѣмъ-то въ родѣ зловѣщаго полицейскаго дознанія. Лучшіе присяжные труженики на этомъ поприщѣ нерѣдко совершенно изнемогаютъ передъ этой неодолимой двойной преградой. Статистика для своего научнаго, а не одного только канцелярскаго существованія, неизбѣжно требуетъ двухъ главныхъ условій, помимо которыхъ она обыкновенно превращается въ миѳъ: во первыхъ, чтобы на ея вопросы общество отвѣчало искренно, безъ страха и обмана; а во вторыхъ, чтобы оно слѣдило за ея выводами и практическими результами внимательно, повѣряя первые и соображая вторые».

Но эта причина далеко не единственная. Въ той же статьѣ приводятся слѣдующія слова г. Вернадскаго: «чиновно-бюрократическій элементъ, овладѣвшій въ наиболѣе широкомъ примѣненіи статистикой и располагающій значительными предоставляемыми ему средствами, ввелъ въ нихъ тоже, что и въ каждое производство, подъ его началомъ состоящее, т. е. рутину, ложныя показанія, формальность, замѣняющую часто самое существо дѣла.» Вредъ полной зависимости статистическихъ комитетовъ отъ мѣстной администраціи указанъ былъ и въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». Доказавъ, что единственною рабочею силою въ статистическомъ комитетѣ является его секретарь, эта газета продолжаетъ:

«Наибольшее неудобство теперешнихъ статистическихъ комитетовъ заключается въ томъ, что, будучи учрежденіями губернскими, комитеты не могутъ слѣдить на мѣстѣ за правильностію собиранія свѣдѣній, что сосредоточивается, какъ извѣстно, въ уѣздахъ. Существуй статистическія учрежденія по уѣздамъ, они могли бы указать и на удобнѣйшій способъ для полученія свѣдѣній, провѣрить ихъ и во всякомъ случаѣ не допустить того полнаго произвола, который проявляется именно въ уѣздныхъ инстанціяхъ, такъ какъ, по общимъ

отзывамъ, свѣдѣнія, доставляемыя непосредственно волостями, далеко вѣрнѣе перешедшихъ черезъ руки полиціи. Губернскій же комитетъ долженъ довольствоваться всѣмъ сообщаемымъ ему, какъ фактомъ; прослѣдить происхожденіе доставляемыхъ ему данныхъ онъ можетъ только съ помощію болѣе или менѣе частой ревизіи. Для этого комитетъ могъ бы, время отъ времени, командировать оффиціальное лицо (и, конечно, опять-таки секретаря), чтобы оно на мѣстѣ узнало, откуда заимствуются доставляемыя данныя, и научило, какъ съ ними обращаться. Подобная ревизія хотя бы одного уѣзда въ годъ (конечно, безъ заблаговременнаго предупрежденія) могла бы нѣсколько сдерживать уѣздную фантазію. Но мы не слыхали, чтобы какой либо комитетъ, при всѣхъ своихъ жалобахъ на невѣрность получаемыхъ свѣдѣній, прибѣгнулъ къ этому средству. У комитетовъ нѣтъ для этого денежныхъ средствъ, да и послать некого, такъ какъ секретарь долженъ быть занятъ письменной частью. Притомъ подобная ревизія, по нашимъ іерархическимъ понятіямъ, была бы нѣкоторымъ служебнымъ униженіемъ для полицейскихъ вѣдомствъ, ревизовать которыя могутъ, какъ извѣстно, только лица значительныя. Но самое главное затрудненіе въ томъ, что единственное дѣятельное лицо въ комитетѣ— его секретарь—есть вмѣстѣ съ тѣмъ лицо непосредственно зависимое отъ той же самой власти, отъ которой зависитъ и уѣздная полиція. Еслибъ онъ вздумалъ заявить о необходимости серьезнаго контроля надъ уѣздными управленіями, ему замѣтили бы, что у исправниковъ много работы и поважнѣе статистики. Не забудемъ также, что подобное обличеніе полиціи бросаетъ невыгодную тѣнь на мѣстную администрацію, въ вѣдѣніи которой все, какъ извѣстно, должно обстоять благополучно. Вотъ почему мы думаемъ, что до тѣхъ поръ, пока секретарь комитета будетъ непосредственно зависѣть отъ мѣстной администраціи, онъ не будетъ дѣйствовать самостоятельно».

Такимъ образомъ, если недостатокъ оффиціальной статистики заключается между прочимъ въ административной іерархіи дѣятелей и въ самой испорченности этой среды, вносящей вездѣ, по словамъ г. Вернадскаго «рутину, ложныя показанія и формальность, замѣняющую сущность дѣла,»—то чѣмъ удалить этотъ недостатокъ, какъ не участіемъ земства, до сихъ поръ оказывавшагося свободнымъ отъ чиновничьихъ наклонностей?

Гораздо болѣе спорнымъ представляется другой вопросъ: дѣйствительно ли земство можетъ найти подъ руками всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя необходимы для администраціи и въ настоящее время обязательно доставляются статистическими комитетами? Мы очень рады, что самый удовлетворительный отвѣтъ на этотъ вопросъ мы нашли въ приведенной выше статьѣ, авторъ которой, какъ видно изъ обработки избраннаго вопроса, какъ нельзя лучше знакомъ съ положе-

ніемъ у насъ оффиціальной статистики и можетъ быть вполнѣ компетентнымъ судьею въ этомъ дѣлѣ.

Сравнивая содержаніе XI таблицъ, ежегодно представляемыхъ въ центральный статистическій комитетъ, съ матеріалами имѣющимися въ рукахъ земства, авторъ приходитъ къ заключенію, что всѣ по нимъ данныя сосредоточиваются уже отчасти и теперь въ земствѣ за исключеніемъ статистики населенія. Земство, по прямой своей обязанности, должно собрать свѣдѣнія о скотоводствѣ, числѣ заводовъ и фабрикъ, числѣ ремесленниковъ въ городахъ, числѣ выданныхъ торговыхъ свидѣтельствъ; кромѣ того, оно встрѣтило дѣйствительную необходимость въ возможно исправныхъ и полныхъ свѣдѣніяхъ по поземельной статистикѣ и въ настоящее время обладаетъ уже значительнымъ матеріаломъ по этому предмету.

Далѣе авторъ продолжаетъ:

«Въ настоящее время надъ обсужденіемъ вопроса объ устройствѣ правильной регистраціи поземельной собственности въ Россіи работаетъ *особая специальная коммиссія* при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что веденіе этой регистраціи, выработанной коммиссіей, будетъ поручено земству, въ рукахъ котораго сосредоточится такимъ образомъ вся наша поземельная статистика. Кромѣ того, земство уже въ настоящее время располагаетъ обильными матеріалами по финансовой статистикѣ: оно имѣетъ или по крайней мѣрѣ должно имѣть полныя свѣдѣнія о всѣхъ мѣстныхъ прямыхъ налогахъ (подушная подать, поземельный налогъ, налогъ съ разныхъ свидѣтельствъ и патентовъ, налогъ съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ); въ его рукахъ должны сосредоточиться свѣдѣнія о всѣхъ родахъ натуральныхъ повинностей (квартирной, подводной и дорожной), о расходахъ по поставкѣ рекрутъ и другихъ мѣстныхъ доходахъ и расходахъ; оно безъ затрудненій можетъ собрать свѣдѣнія о частныхъ или сословныхъ повинностяхъ; а имѣя полную возможность и даже потребность получить болѣе или менѣе точный итогъ всѣхъ мѣстныхъ доходовъ и расходовъ на государственныя и земскія повинности, земство каждой губерніи легко можетъ опредѣлить итогъ мѣстныхъ издержекъ на центральное управленіе.»

Что касается до статистики населенія, то, признавая вполнѣ непригодность настоящихъ свѣдѣній по этому отдѣлу, собираемыхъ полиціею по *«глазомѣру и вдохновенію»*, авторъ приходитъ однако же къ заключенію, что въ настоящее время этотъ отдѣлъ по всѣмъ соображеніямъ долженъ оставаться вполнѣ въ рукахъ администраціи. «Все, что, по нашему крайнему разумѣнію, можетъ въ этомъ отношеніи сдѣлать земство, это именно спеціально ознакомиться съ этимъ вопросомъ со стороны, и въ случаѣ если оно современемъ

найдетъ возможность и пользу, ходатайствовать о передачѣ и этого важнѣйшаго отдѣла статистики въ его руки».

Итакъ, справедливость и польза самаго дѣла требуютъ, чтобъ статистическіе комитеты были устроены съ возможностію получать вѣрныя свѣдѣнія по статистикѣ населенія, и какъ эти свѣдѣнія необходимы для администраціи, то чтобы комитеты содержались на средства самого правительства; а за тѣмъ всѣ прочіе отдѣлы могутъ быть переданы земскому статистическому комитету, съ обязанностію доставлять свѣдѣнія о нихъ въ опредѣленные со стороны мѣстной администраціи сроки. Намъ кажется, что таково неизбѣжное, логическое слѣдствіе изъ прекраснаго анализа этого вопроса, со стороны почтеннаго автора статьи. Такъ ли же смотритъ онъ на это дѣло?

«Относительно своей точности и полноты, статистика можетъ только выиграть въ рукахъ земства; гораздо важнѣе другое препятствіе, для перехода статистики на иныя основанія: это именно недостатокъ времени, а можетъ быть и специальной подготовки у дѣятельныхъ людей земства; но и это серьезное препятствіе добрая и сознательная воля можетъ устранить въ значительной степени. Избѣгая всякихъ преждевременныхъ проектовъ по этому предмету, достаточно вспомнить, что на каждую губернію пригодится гласныхъ земства среднимъ числомъ около 400. Если въ настоящее время оффиціальная статистика по крайней мѣрѣ *формально* выполняетъ свои обязанности при трехъ-четырехъ постоянныхъ рабочихъ силахъ (беремъ maximum, которое существуетъ, кажется, только какъ исключеніе), то раздѣленіе этого труда въ размѣрахъ, допускаемыхъ многочисленнымъ составомъ земства, уже само по себѣ достаточная порука лучшихъ успѣховъ этого дѣла на новыхъ его основаніяхъ.»

Но неожиданно авторъ заключаетъ свою статью слѣдующими грустными размышленіями:

«Мы не думаемъ, чтобы земству удобно и легко было немедленно и *оффиціально* принять въ свое вѣдѣніе работы и отвѣтственность теперешнихъ статистическихъ комитетовъ, какъ бы они, въ своемъ общемъ положеніи, мало ни удовлетворяли своему дѣйствительному назначенію. Гораздо съ большимъ удобствомъ и даже можетъ быть съ большею пользою земство могло бы немедленно заняться тщательнымъ и систематическимъ изданіемъ своихъ, уже теперь достаточно накопившихся статистическихъ матеріаловъ; а эти изданія, внѣ всякого сомнѣнія, вызвали бы серьезное вниманіе лучшихъ людей общества и фактически порѣшили бы вопросъ: можетъ ли существовать у насъ съ научнымъ достоинствомъ *земская статистика*? Сознаемся, мы пришли къ этому заключенію неохотно, и весьма желали бы ошибиться въ немъ; но все окружающее насъ внушаетъ такую умѣренность, которая почти граничитъ съ laissez faire, laissez passer!»

Къ чему явилась въ концѣ эта кабалистическая формула, которая въ послѣднее время оправдывала и прикрывала всѣ полумѣры, лѣнивое отталкиваніе самыхъ серьезныхъ вопросовъ, длинное, безконечное продолженіе того, что отжило, что должно уступить мѣсто новому, но что имѣетъ еще свой личный интересъ цѣпляться за насиженное мѣсто всѣми остатками еще не потухшей, дряхлой и безполезной силы? Если можно придать жизнь теперешнимъ безплоднымъ статистическимъ комитетамъ передачею извѣстныхъ отраслей ихъ дѣятельности земскимъ управамъ, то почему этого не сдѣлать оффиціально и не позаботиться въ тоже время о преобразованіи этихъ учрежденій исключительно для цѣлей статистики населенія, на средства самого правительства? За чѣмъ отодвигать земство въ разрядъ такихъ частныхъ дѣятелей, которые, ради собственнаго удовольствія, погружаются въ черную работу собиранія и опубликованія данныхъ, и придавать труду этихъ земскихъ дѣятелей оффиціальное значеніе только административною санкціею, если бы даже эта санкція и состояла только въ благосклонномъ пользованіи трудами земства?

Намъ кажется, что источникъ этого замедленія сліянія административныхъ статистическихъ комитетовъ съ земскими кроется въ той неопредѣленности отношеній, которая существуетъ между земствомъ и администраціею. Думаютъ, что это какія-то двѣ отдѣльныя, независимыя силы, изъ которыхъ каждая отмежевала себѣ отдѣльную самостоятельную область; желаютъ, чтобы силы эти оставались въ мирномъ между собою союзѣ, но не дошли еще до убѣжденія, что обѣ эти силы суть члены одного и того же великаго организма, который называется русскимъ народомъ; что въ этомъ смыслѣ земство на столько же *оффиціально*, на сколько и сама администрація, а администрація на столько же отвѣтственный, служебный органъ, какъ и представительныя земскія учрежденія. Конечно, между администраціею и земствомъ не можетъ существовать однихъ и тѣхъ же іерархическихъ отношеній; но отъ чего же центральная администрація, въ своихъ полезныхъ начинаніяхъ, можетъ разсчитывать менѣе на содѣйствіе земства, чѣмъ на самые низшіе и подчиненные ей органы мѣстной администраціи? Намъ кажется, что при этомъ послѣднемъ предположеніи многіе вопросы уладились бы очень легко, и межеваніе обязанностей между земствомъ и администраціею окончилось бы совершенно полюбовно.

Обращаясь за тѣмъ къ практической сторонѣ вопроса, которую не затронулъ къ сожалѣнію авторъ приводимой статьи, мы полагали бы возможнымъ обусловить собираніе мѣстныхъ статистическихъ свѣдѣній слѣдующимъ образомъ:

Учредить должность губернскаго производителя статистическихъ работъ, съ тѣмъ, чтобы лица для ея замѣщенія указывались губерн-

скимъ земскимъ собраніемъ, но утверждались окончательно центральнымъ статистическимъ комитетомъ. Эти лица непосредственно должны быть подчинены центральному комитету, съ правомъ удаленія отъ должности по его усмотрѣнію, и должны собирать и представлять, куда указано, всѣ мѣстныя статистическія данныя по распоряженію центральнаго комитета. Они же занимаются составленіемъ нужныхъ свѣдѣній по указаніямъ земскихъ учрежденій. Они должны получать содержаніе отъ казны и отъ земства, при чемъ послѣднее имѣетъ право, вслѣдствіе неисполненія его требованій, лишить производителя работъ содержанія и поручить ихъ другому. Статистическій комитетъ, совершенно независимый отъ мѣстной администраціи, составляется, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя губернской земской управы, изъ членовъ мѣстной губернской управы, депутатовъ городскихъ сословій губерніи и духовенства, а также начальниковъ отдѣльныхъ частей мѣстнаго управленія (предсѣдателей казенной палаты, контрольной, государственныхъ имуществъ, удѣльной конторы, директора гимназіи, воинскаго начальника, почтмейстера и пр.). Статистическій комитетъ разсматриваетъ работы, оконченныя дѣлопроизводителемъ, дѣлаетъ о нихъ свое заключеніе и передаетъ его, по принадлежности, центральному комитету или земскимъ учрежденіямъ. Мѣстная администрація имѣетъ право требовать въ указанный ею срокъ отъ дѣлопроизводителя всѣ нужныя свѣдѣнія, въ случаѣ его неаккуратности приносить на него жалобу центральному статистическому комитету. Нѣчто подобное предложено уже было въ Новгородскомъ губернскомъ собраніи коммиссіею, разсматривавшею докладъ о статистическомъ комитетѣ губернской управы, и собраніе поручило одному изъ своихъ членовъ составить, къ будущему засѣданію собранія, проектъ положенія объ устройствѣ губернскаго и уѣздныхъ земскихъ статистическихъ комитетовъ при губернской и уѣздныхъ земскихъ управахъ съ тѣмъ, чтобы, по разсмотрѣніи этого проекта въ собраніи, войти съ ходатайствомъ къ правительству объ его утвержденіи. Такое устройство служитъ ручательствомъ собранія свѣдѣнія однообразныхъ и представляющихъ научное достоинство,—ибо эти условія могутъ быть указаны всего лучше центральнымъ статистическимъ комитетомъ. Между тѣмъ мѣстный контроль земства будетъ служить достаточною гарантіею предъ комитетомъ въ выборѣ мѣстныхъ достойныхъ людей и въ исполненія ими своихъ обязанностей,—и вѣроятно центральный комитетъ не только не отвергнетъ, но приметъ съ признательностію подобную гарантію. А между тѣмъ свѣдѣнія, необходимыя земству и администраціи собираются каждою стороною на свой собственный счетъ, съ необходимымъ сокращеніемъ расходовъ, вслѣдствіе соединенія работъ въ одномъ и томъ же лицѣ.

Въ Черниговскомъ земскомъ собраніи возбужденъ вопросъ: *комитеты общественнаго здравія, оспенный и уѣздныя особыя о земскихъ*

повинностяхъ присутствія, сдавшія свои дѣла въ уѣздныя управы, остаются, впредь до особаго распоряженія, въ своей силѣ; а между тѣмъ этимъ самымъ уѣздныя управы вовсе не устраняются отъ выполненія лежащихъ на нихъ по закону обязанностей; какія отношенія должны существовать между земскими управами и вышеупомянутыми учрежденіями? Вопросъ этотъ повторенъ былъ и во многихъ другихъ собраніяхъ, но опредѣленнаго на него отвѣта со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ мы не встрѣчали въ печатныхъ документахъ. Особые комитеты о земскихъ повинностяхъ, на которые возложено составленіе губернскихъ смѣтъ по *государственнымъ земскимъ сборамъ*, и представленіе этихъ смѣтъ на утвержденіе высшаго правительства, еще находятъ свои оправданія до тѣхъ поръ, пока эта канцелярская работа не передана мѣстнымъ управамъ, что̀ стоило бы гораздо дешевле и дѣлалось бы не съ меньшимъ успѣхомъ. Но существованіе мѣстныхъ комитетовъ общественнаго здравія и оспенныхъ рѣшительно непонятно. Комитеты эти въ уѣздахъ составляются, подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго предводителя дворянства, изъ чиновниковъ (исправника, уѣзднаго врача, чиновника, завѣдующаго волостями, удѣльнаго депутата и пр.) и представителей сословій (городскаго головы, члена отъ духовенства). Въ прежнее время они не дѣлали ровно ничего и никогда не собирались: доказательство тому слишкомъ ярко въ состояніи у насъ медицинской части и оспопрививанія по уѣздамъ. Въ настоящее время, комитеты эти, если бы они и хотѣли, если бы даже составъ ихъ измѣнился введеніемъ мировыхъ посредниковъ и представителей сельскихъ сословій, ничего сдѣлать не въ состояніи, потому что денежныя средства въ рукахъ земства, для котораго соображенія комитетовъ вовсе не обязательны. Комитеты эти стоютъ однакоже денегъ на свое содержаніе, — и, за неимѣніемъ возможности сдѣлать что нибудь полезное, въ случаѣ особеннаго рвенія, могутъ только тормозить дѣло и мѣшать самостоятельному распоряженію земства. Между тѣмъ въ одномъ циркулярѣ, по случаю назначенія отъ всѣхъ почти земскихъ собраній экстренныхъ суммъ на принятіе мѣръ противъ холеры и вообще эпидемій, дѣйствія земства по этому предмету поставлены въ зависимость отъ *соглашенія* его съ мѣстными комитетами.

Такимъ образомъ, изъ ходатайствъ земскихъ учрежденій о сокращеніи непроизводительныхъ расходовъ, самыя главныя, — о прежнихъ мировыхъ учрежденіяхъ и издержкахъ по полюбовному размежеванію, до сего времени остались неудовлетворенными. Сокращеніе послѣдовало только по землемѣро-таксаторскимъ классамъ, существующимъ не по всѣмъ губерніямъ. Было естественно поэтому, что земство

обратило свое главное вниманіе на покрытіе расходовъ съ другой стороны тѣми средствами, которыя до сихъ поръ предназначались правительствомъ на покрытіе извѣстныхъ статей по земскому хозяйству, и которыя, по положенію о земскихъ учрежденіяхъ, должны были къ нимъ отойти. Сюда относятся капиталы, хранившіеся въ правительственныхъ учрежденіяхъ, какъ источникъ покрытія извѣстныхъ расходовъ; а именно:

1. *Капиталы народнаго продовольствія.* По своей значительности они занимаютъ первое мѣсто въ разрядѣ поступающихъ въ вѣдѣніе земства средствъ; капиталовъ этихъ числится въ настоящее время:

КАПИТАЛОВЪ	МИНИСТЕР. В. Д.	МИНИСТЕР. Г. ИМ.	ДЕПАРТ. УДѢЛОВЪ.	ВСЕГО
На лицо въ уѣздныхъ казначействахъ и другихъ мѣстн. учрежденіяхъ .	650,000			
Въ билетахъ кредитныхъ установленій	12.250,000	2.525,000	750,000	16.175,000
Въ ссудахъ.	3.325,000	5.830,000	320,000	9.475,000
Въ недоимкахъ	325,000	25,000	—	350,000
Итого . . .	16.550,000	8.380,000	1.070,000	26.000,000

Документы на капиталы, принадлежащіе временно-обязаннымъ крестьянамъ, хранятся въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, гдѣ ведется имъ счетъ по губерніи; по точному выраженію закона, они составляютъ особую общественную собственность губерніи и не могутъ быть обращены ни на какое другое употребленіе кромѣ народнаго продовольствія. Денежный сборъ на продовольствіе казенныхъ крестьянъ производится въ одно время съ подушнымъ окладомъ и обращается, *безъ раздѣленія на губерніи*, *на составленіе* особаго запаснаго капитала, подъ именемъ *продовольственнаго капитала* государственныхъ крестьянъ, который состоитъ *въ полномъ распоряженіи министерства.* Въ удѣльномъ вѣдомствѣ, въ замѣнъ подушнаго сбора хлѣба и денегъ, для составленія запасовъ продовольствія, существовала въ прежнее время общественная запашка. Изъ собраннаго съ общественной запашки хлѣба узаконенное количество засыпалось въ общественные магазины, за тѣмъ излишки продавались и изъ вырученныхъ денегъ часть (10%) причислялась къ удѣльному капиталу, часть выдавалась въ вознагражденіе лицамъ, участвовавшимъ въ распоряженіяхъ и въ надзорѣ по общественной запашкѣ, а остальныя деньги обра-

щались въ хлѣбный капиталъ, который назначенъ былъ на предметъ продовольствія крестьянъ въ неурожайные годы, на полезныя для нихъ заведенія и другія потребности. Въ настоящее время продовольственный капиталъ удѣльнаго вѣдомства входитъ въ составъ *хозяйственнаго крестьянскаго капитала* и предполагается къ раздачѣ по удѣльнымъ имѣніямъ.

Во время завѣдыванія продовольственными капиталами подлежащими министерствами изъ нихъ сдѣланы были многіе безвозвратные расходы. Такъ по министерству внутреннихъ дѣлъ:

1. Во время неурожая 1845, 1846 и послѣдующихъ годовъ въ западныхъ губерніяхъ, отпущены были, по Высочайшему повелѣнію, въ распоряженіе товарища министра внутреннихъ дѣлъ, командированнаго въ тѣ губерніи, суммы изъ разныхъ источниковъ, для оказанія безвозвратныхъ пособій, и за тѣмъ суммы эти (до 50 т. р. сер.,) по Высочайшему повелѣнію, обращены на продовольственный капиталъ.

2. Въ 1844—1847 годахъ ассигновано было до 5 мил. р. с. изъ продовольственнаго капитала разныхъ губерній, для пособія потерпѣвшимъ отъ неурожая въ западныхъ губерніяхъ; при чемъ на отпущенныя суммы заготовлено было распоряженіемъ министерства внутреннихъ дѣлъ и мѣстнаго начальства до 500,000 четв. По случаю за тѣмъ пониженія цѣнъ, значительная часть хлѣба (до 100,000 четв.) продана была дешевле его стоимости; кромѣ того были утраты хлѣба отъ раструски, наводненія и проч. Общее количество убытковъ простиралось свыше 700.000 р. сер.

3. При вызовѣ отпускныхъ нижнихъ чиновъ на дѣйствительную службу въ 1848 и послѣдующихъ годахъ, Высочайше повелѣно было пособія семействамъ этихъ чиновъ, оставшимся на родинѣ, производить частью изъ сельскихъ запасныхъ магазиновъ, а частью изъ продовольственнаго капитала.

4. По случаю пожара въ 1864 году въ городѣ Симбирскѣ, Высочайше разрѣшено отпустить изъ продовольственнаго капитала, для оказанія безвозвратныхъ пособій погорѣльцамъ, 70.000 р. сер.

5. По Высочайшему повелѣнію, сложены всѣ пени за просрочку и проценты, неуплаченные по ссудамъ изъ продовольственнаго капитала до 2 милліоновъ руб. сер.

6. По Высочайшимъ повелѣніямъ, изъ продовольственнаго капитала разрѣшены расходы на содержаніе нѣкоторыхъ частей хозяйственнаго департамента, что и вносилось въ послѣднее время въ государственную роспись.

7. По Высочайшему повелѣнію, командировки чиновниковъ министерства внутреннихъ дѣлъ, по дѣламъ народнаго продовольствія, обращены на проценты съ этого капитала.

По министерству государственныхъ имуществъ изъ продовольствен-

наго капитала отпускалось: ежегодно на содержаніе министерства государственныхъ имуществъ по штатамъ 10,228 руб., на содержаніе палатъ и окружныхъ управленій по великороссійскимъ губерніямъ 29,227 р., по западнымъ 6,075 р., на содержаніе каждаго центральнаго магазина 3,470 и пр. Кромѣ того въ уплату долговъ за государственныхъ крестьянъ по ссудамъ, произведеннымъ изъ казны на продовольствіе ихъ въ неурожайные годы, перечислено въ 1863 г. изъ продовольственнаго капитала въ государственное казначейство 1,000,000 руб., а въ 1862 сложены всѣ долги государственныхъ крестьянъ западныхъ губерній въ продовольственный капиталъ до 1,568,957 руб. Опытъ показалъ, что собственные продовольственные капиталы губерній, во многихъ случаяхъ, не могли быть достаточными для удовлетворенія мѣстныхъ потребностей. Такимъ образомъ въ 1833, 1844—1847, 1852, 1853 и послѣдующихъ годахъ постоянно дѣлались займы по вѣдомству министерства внутреннихъ дѣлъ, не только изъ капитала народнаго продовольствія другихъ губерній, но и суммъ государственнаго казначейства, сохранной казны и приказовъ общественнаго призрѣнія. Вслѣдствіе того нѣкоторыя западныя губерніи задолжали нѣсколько милліоновъ рублей другимъ губерніямъ. Въ 1863 г. для Пермской, въ 1865 г. для Самарской губерніи требовалось пособіе, далеко превышавшее мѣстныя средства, почему понадобилось сдѣлать заемъ изъ капиталовъ прочихъ губерній. Подобныя соображенія могутъ привести правительство къ необходимости образованія центральнаго продовольственнаго капитала, находящагося въ его распоряженіи. Въ «Сѣверной Почтѣ» помѣщено было, что земскимъ учрежденіямъ, согласно съ размѣромъ указаннымъ закономъ, предполагается передать продовольственнаго капитала по 48 коп. сер. на ревизскую душу *). Количество сельскаго населенія составляетъ 20,914,973 души, слѣдовательно по этому разсчету подлежало бы передачѣ до 10,039,187 руб. Кромѣ того, на томъ же основаніи, могло бы быть передано капитала городскимъ обывателямъ, считая по 1 руб. на каждую ревизскую душу мѣщанъ и другого званія лицъ, подлежавшихъ денежному на продовольствіе сбору, около 1,579,292 руб. Слѣдовательно, общая сумма, подлежащая передачѣ, составила бы 11,618,479 руб. Между тѣмъ, продовольственнаго капитала числится на лицо болѣе 16,176,000 руб., въ ссудахъ и недоимкахъ до 9,825,000 руб., всего же около 26,000,000 руб. Такимъ образомъ, за передачею въ вѣдѣніе земскихъ учрежденій и городскихъ обществъ продовольственнаго капитала, при такомъ

---

*) Въ № 48 «Собранія узаконеній» напечатанъ Указъ Правительствующаго Сената о распредѣленіи капитала народнаго продовольствія. Указъ этотъ во всемъ сходенъ съ помѣщенными въ статьѣ нашего автора предположеніями, за исключеніемъ отдѣленія капитала на городскихъ жителей въ размѣрѣ 52 коп. вмѣсто 1 рубля. — *Ред.*

разсчетѣ, останется для составленія общаго фонда, до 14½ милл. руб. Вѣроятно, причитающаяся земскимъ учрежденіямъ часть поступитъ къ нимъ внесенными въ государственный банкъ безсрочными вкладами продовольственнаго капитала, а долги и недоимки переведутся на общій по Имперіи продовольственный капиталъ, оставляемый въ распоряженіи министерства внутреннихъ дѣлъ.

Такимъ образомъ, съ передачею общественныхъ хлѣбныхъ магазиновъ въ завѣдываніе *сельскихъ* обществъ, съ обращеніемъ части продовольственнаго капитала, въ размѣрѣ 48 коп. на душу, въ распоряженіе *земскихъ* учрежденій, и съ образованіемъ, изъ остальной части его, *общаго по Имперіи* продовольственнаго капитала, съ присоединеніемъ къ нему центральныхъ запасныхъ магазиновъ, народное продовольствіе получитъ прочное основаніе и полное обезпеченіе въ трехъ источникахъ, къ которымъ будутъ прибѣгать въ послѣдовательной постепенности, именно: при мѣстномъ недородѣ хлѣба въ отдѣльныхъ селеніяхъ или волостяхъ, пособія будутъ производиться хлѣбомъ изъ общественныхъ запасовъ; при неурожаѣ во всей губерніи или значительной части оной — изъ губернскаго продовольственнаго капитала, а въ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда мѣстныхъ сельскихъ и губернскихъ средствъ будетъ недостаточно на удовлетвореніе всѣхъ потребностей, на продовольствіе и обсѣмененіе полей, — изъ центральныхъ запасныхъ магазиновъ и общаго по Имперіи продовольственнаго капитала, безъ всякого обремененія государственнаго казначейства.

Тѣмъ не менѣе, передача продовольственнаго капитала въ предназначенномъ размѣрѣ земскимъ учрежденіямъ до сихъ поръ не состоялась, и они лишены возможности устроить не только продовольственную часть въ губерніи, но и воспользоваться оборотомъ этихъ значительныхъ капиталовъ для полезныхъ цѣлей по другимъ отраслямъ земскаго хозяйства. Что же касается до общаго капитала, сосредоточеннаго въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, то остается неизвѣстнымъ, будутъ ли падать на проценты съ этого капитала по прежнему нѣкоторые расходы, предназначенные въ пособіе на содержаніе центральной и мѣстной администраціи?

2. *Капиталы общественнаго призрѣнія*, принадлежавшіе прежде приказамъ.

Они раздѣляются по слѣдующимъ разрядамъ:

I. Собственные капиталы приказа, употребленные на содержаніе благотворительныхъ учрежденій.

II. Капиталы, имѣющіе предназначенное употребленіе на благотворительныя цѣли.

III. Капиталы, составившіеся изъ апелляціонныхъ вкладовъ, которые въ случаѣ неправой апелляціи поступаютъ въ собственность приказовъ.

IV. Капиталы, составившіеся изъ судебныхъ вкладовъ.

V. Капиталы, составившіеся изъ частныхъ вкладовъ.

VI. Капиталы пересылочныхъ суммъ, куда въ нѣкоторыхъ приказахъ перечислены и капиталы предназначенные на благотворительныя цѣли (напр. въ Костромской губерніи суммы, принадлежащія инвалидному дому и образовавшіяся изъ процентовъ съ капитала на содержаніе этого учрежденія).

По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ въ «Трудахъ коммиссіи о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ»:

Къ 1 января 1862 г. въ 55 приказахъ общественнаго призрѣнія (въ томъ числѣ Ярославскомъ домѣ призрѣнія ближняго, который образованъ на одинаковыхъ основаніяхъ съ приказами), состояло капиталовъ, подлежащихъ вѣдѣнію министерства внутреннихъ дѣлъ:

а) *Собственныхъ* . . . . 14,870,664 р. 69½ к.

На этомъ разрядѣ числится еще значительный долгъ государственному банку, за уплаченные имъ проценты на частные вклады, переведенные изъ приказовъ въ 5% банковые и 4% государственные непрерывно доходные билеты, но на самомъ дѣлѣ оставшіеся въ распоряженіи приказовъ; почему, при окончательной ликвидаціи приказовъ, собственный капиталъ ихъ долженъ значительно уменьшиться.

б) *Вкладовъ на предназначенное благотворительное употребленіе* . . . . 3,937,083 р. 58 к.

Изъ оставшихся въ этомъ разрядѣ капиталовъ едва ¼ часть предназначена на надобности приказовъ; остальныя же 3 части употребляются на предметы, внѣ веденія приказовъ состоящіе. При предстоящей ликвидаціи приказовъ и при отдѣленіи причитающихся собственно на ихъ долю капиталовъ, необходимо будетъ, для опредѣленія дѣйствительныхъ средствъ этихъ учрежденій, сдѣлать самый строгій разборъ капиталовъ 2 разряда.

в) *Апелляціонныхъ* . . . . 860,836 р. 31¾ к.

При обращеніи ихъ, въ случаѣ неправой апелляціи, въ собственность приказовъ, они представляютъ возможность дѣйствительнаго приращенія.

Принадлежащіе приказамъ собственные и благотворительные капиталы помѣщены въ фондахъ — 6% билетахъ коммиссіи погашенія долговъ и 4½% облигаціяхъ главнаго общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ: первыхъ приказы имѣютъ на 1,527,572 р., а вторыхъ на 17,000,000 р.

Въ теченіи 1861 г. всѣхъ доходовъ по вѣдомству приказовъ (вознагражденія отъ казны за потерю прибылей отъ прекращенія кредитныхъ операцій, платы за призрѣніе въ заведеніяхъ, пособій отъ городовъ, доходовъ съ оброчныхъ статей, пожертвованій и иныхъ случайныхъ доходовъ) поступило. . . . . . . 3,508,211 р. 66¾ к.

Расходовъ произведено (на содержаніе приказовъ и ихъ заведеній, на постройки и передѣлки въ зданіяхъ, на пособія разнымъ учрежденіямъ и лицамъ) . . . . 3,760,521 р. $31^3/_4$ к.

Въ результатѣ, передержано . . . . , . . 252,309 р. 65 к.

Вопросъ о передачѣ земству капиталовъ общественнаго призрѣнія разрѣшенъ слѣдующимъ образомъ въ циркулярѣ Мин. В. Д. (10 ноября 1855 г. № 170): «съ открытіемъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ земскихъ управъ, мѣстные приказы, встрѣтивъ затрудненія относительно передачи въ управы хранящихся въ нихъ капиталовъ, по случаю неокончанія разсчетовъ съ государственнымъ банкомъ, возбудили о томъ вопросъ. Въ настоящее время не можетъ быть приступлено къ окончательнымъ разсчетамъ съ министромъ финансовъ по капиталамъ, долженствующимъ остаться въ распоряженіи приказовъ, такъ какъ окончательная ликвидація, на основаніи изданныхъ правилъ, имѣетъ быть произведена одновременно по всѣмъ вообще приказамъ; а потому въ губернскія управы должны быть немедленно переданы всѣ находящіеся въ приказѣ капиталы 1, 2, 3 и 6 разрядовъ, какъ наличными деньгами, такъ и заключающіеся въ различныхъ документахъ и фондахъ; — капиталы эти, до ликвидаціи будутъ находится *въ завѣдываніи управъ*, и только по окончаніи ликвидаціи, опредѣлится размѣръ суммъ, долженствующихъ перейти *въ полное распоряженіе* управы; за тѣмъ капиталы 4 и 5 разрядовъ передаются въ мѣстную казенную палату или отдѣленіе государственнаго банка».

Такимъ образомъ, не смотря на то, что до ликвидаціи приказовъ, когда доходы ихъ были значительнѣе, содержаніе подвѣдомственныхъ имъ богоугодныхъ заведеній приносило *убытокъ*, земскія учрежденія принимаютъ прежніе капиталы приказовъ только въ завѣдываніе, — а въ полное свое распоряженіе, послѣ ликвидаціи, земскія учрежденія получатъ безъ сомнѣнія капиталы приказовъ въ значительно уменьшенномъ количествѣ. Между тѣмъ расходы на содержаніе богоугодныхъ заведеній, для приведенія ихъ въ лучшій видъ, — вездѣ возвышены со стороны земства и потому, безъ сомнѣнія, перейдутъ въ новый и довольно обременительный налогъ.

Костромская губернская управа, въ отчетѣ своемъ, приходитъ къ положительному заключенію, что капиталовъ, нынѣ переданныхъ въ распоряженіе земства на содержаніе заведеній общественнаго призрѣнія, недостаточно, и во всякомъ случаѣ необходимо просить, чтобы и капиталы, находящіеся въ оборотѣ по ссудамъ и по другимъ операціямъ всецѣло поступили въ составъ капиталовъ общественнаго призрѣнія. Управа такое заключеніе основываетъ главнымъ образомъ на томъ, что жалованье, производимое врачамъ и смотрителямъ, не удовлетворяетъ даже необходимымъ потребностямъ и должно быть возвышено для пользы самого дѣла; что нѣкоторыя изъ помѣщеній переданы земству въ та-

комъ неудовлетворительномъ состояніи, что требуютъ немедленнаго исправленія и т. п. Между прочимъ, управа замѣчаетъ, что въ домахъ умалишенныхъ, сумасшедшіе только *содержатся*, а не лечатся, ибо никакихъ средствъ къ возвращенію разсудка не принимается и никакихъ принаровленій въ самомъ помѣщеніи не сдѣлано. Впрочемъ, въ «Сѣверной Почтѣ» еще въ началѣ нынѣшняго года помѣщено было извѣстіе, что правительство предназначаетъ къ распредѣленію между всѣми губерніями болѣе 15 милліоновъ капиталовъ, принадлежавшихъ прежнимъ приказамъ общественнаго призрѣнія; со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ приступлено уже къ распредѣленію этихъ капиталовъ между губерніями въ томъ количествѣ, которое можетъ быть признано независящимъ отъ ликвидаціонныхъ счетовъ, не оконченныхъ еще по министерству финансовъ.

3. *Капиталы по обязательному взаимному земскому страхованію.*

Дѣйствующее по вѣдомству министерства государственныхъ имуществъ положеніе о взаимномъ застрахованіи Высочайше утверждено 9 декабря 1858 года. Положеніемъ этимъ установлено обязательное застрахованіе какъ всѣхъ вообще крестьянскихъ домовъ, такъ и общественныхъ зданій въ селеніяхъ, какъ-то: домовъ для помѣщенія волостныхъ и сельскихъ правленій, приходскихъ училищъ, хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ и т. п.

Положеніе о застрахованіи строеній въ удѣльномъ вѣдомствѣ, Высочайше утвержденное 15 декабря 1858 г., почти во всемъ сходно съ дѣйствующимъ въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ.

Послѣ освобожденія временно-обязанныхъ крестьянъ, по Высочайше утвержденному журналу главнаго комитета 1 ноября 1861 г., въ пособіе пострадавшимъ отъ пожаровъ разрѣшено было выдавать не болѣе 45 р. на каждый погорѣвшій дворъ, относя этотъ расходъ на счетъ крестьянскаго капитала, съ тѣмъ, чтобы израсходованная такимъ образомъ сумма, впослѣдствіи, по введеніи взаимнаго застрахованія сельскихъ строеній, была постепенно возвращаема изъ страховыхъ платежей, и тогда же долженъ быть опредѣленъ порядокъ возврата позаимствованныхъ денегъ.

Каковы же были результаты всѣхъ этихъ, дѣйствовавшихъ доселѣ, положеній о взаимномъ страхованіи?

Количество внесенныхъ премій *въ общемъ итогѣ по имперіи* превышало сумму вознагражденія пожарныхъ убытковъ: по вѣдомству государственныхъ имуществъ только въ 1862 году (на сумму 9,083 р. 69 к.) и по вѣдомству удѣловъ въ 1861 году (на 4,483 р. 51½ к.), въ прочіе же годы *постоянно былъ перевѣсъ на сторонѣ пожарныхъ убытковъ;* вслѣдствіе чего *передержка* противъ страховыхъ премій простиралась за четыре года (1861, 1862, 1863 и 1864) по вѣдомству

государственныхъ имуществъ до 1,433,964 р. 30 к., а по вѣдомству удѣловъ за тѣ же четыре года на 240,423 р. 9½ к.

Въ частности по губерніямъ, отношеніе суммы пожарныхъ убытковъ къ суммѣ страховыхъ премій далеко не равномѣрно. По многимъ губерніямъ преміи превышали убытки, и лишь по нѣкоторымъ (преимущественно приволжскимъ губерніямъ), сумма вознагражденій постоянно превышала количество собираемыхъ страховыхъ премій.

Такъ, по *вѣдомству государственныхъ имуществъ* сумма эта за послѣднія пять лѣтъ составляла: а) менѣе 1% съ застрахованныхъ имуществъ (т. е. преміи покрывали вознагражденія) — въ губерніяхъ: Архангельской, Астраханской, Виленской, Витебской, Владимірской, Вологодской, Волынской, Вятской, Гродненской, Екатеринославской, Кіевской, Ковенской, Курляндской, Лифляндской, Минской, Могилевской, Новгородской, Олонецкой, Пермской, Подольской, Полтавской, Псковской, С.-Петербургской, Смоленской, Таврической, Тверской, Тульской, Харьковской, Херсонской, Черниговской, Ярославской и Бессарабской области; б) отъ 1 до 2% (т. е. премій оказывалось недостаточно) — въ губерніяхъ: Воронежской, Калужской, Костромской, Курской, Московской, Орловской, Оренбургской, Самарской и Тамбовской; в) отъ 2 до 3% — въ Казанской, Нижегородской и Рязанской; г) отъ 3 до 4% — въ Пензенской и Саратовской.

По вѣдомству удѣловъ за тотъ же періодъ: а) менѣе 1% — въ губерніяхъ: Архангельской, Вологодской, Владимірской, Вятской, Казанской, Костромской, Новгородской, Пермской, С.-Петербургской и Тверской; б) отъ 1 до 2% — въ Московской, Оренбургской, Орловской, Саратовской и Симбирской; в) отъ 2 до 3% — въ Нижегородской и Самарской.

За тѣмъ, *по вѣдомству государственныхъ имуществъ, передержка противъ премій* простирается по губерніямъ: Владимірской, Воронежской, Казанской, Калужской, Костромской, Курской, Московской, Нижегородской, Орловской, Оренбургской, Пензенской, Рязанской, Самарской, Саратовской, Тамбовской, Тульской, на 2,601,334 руб. 45¾ к., а *избытокъ премій* въ губерніяхъ: Архангельской, Астраханской, Виленской, Витебской, Вологодской, Волынской, Вятской, Гродненской, Екатеринославской, Кіевской, Ковенской, Курляндской, Лифляндской, Минской, Могилевской, Новгородской, Олонецкой, Пермской, Подольской, Полтавской, Псковской, С.-Петербургской, Смоленской, Таврической, Тверской, Харьковской, Херсонской, Черниговской и Ярославской — 1,241,974 руб. 19½ коп.

По вѣдомству удѣловъ выдано пожарныхъ вознагражденій болѣе противъ поступившихъ премій въ губерніяхъ: Московской, Нижегородской, Оренбургской, Орловской, Самарской, Саратовской и Симбирской — 405,283 р. 96½ к., а получено болѣе премій противъ выданныхъ воз-

награжденій въ губерніяхъ: Архангельской, Вологодской, Владимірской, Вятской, Казанской, Костромской, Новгородской, Пермской, С.-Петербургской и Тверской — 164,860 р. 87¼ к.

Передержки по выдачѣ вознагражденій за пожарные убытки противъ поступавшихъ страховыхъ премій пополнялись: по вѣдомству государственныхъ имуществъ — изъ остатковъ отъ общественнаго сбора, а по вѣдомству удѣловъ — изъ хозяйственнаго крестьянскаго капитала.

Въ пособіе временно-обязаннымъ крестьянамъ отпущено было изъ суммъ государственнаго казначейства, по 1 ноября 1865 г., всего 3,312,535 р.; изъ этого числа, на счетъ крестьянскаго капитала отнесено только 1,422,154 р. 16¾ к., остальные же 1,890,380 р. 87¾ к., какъ и отпущенныя послѣ 1 ноября 1865 года въ пособіе временно-обязаннымъ крестьянамъ деньги, считаются израсходованными изъ суммъ государственнаго казначейства, которое ожидаетъ ихъ возврата, такъ какъ всѣ суммы государственнаго казначейства требуются изъ него для удовлетворенія возложенныхъ на казначейство расходовъ. Да и взятые изъ крестьянскаго капитала 1,422,154 рублей 16¾ к. также ожидаются въ этотъ капиталъ для возврата изъ него въ посторонніе источники суммъ, которыя, за недостаткомъ крестьянскаго капитала, употреблены изъ постороннихъ источниковъ на воспособленіе по крестьянскому дѣлу.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что, въ общей сложности, обязательное взаимное страхованіе, *въ размѣрѣ условной стоимости строеній, отплачиваемыхъ страховою преміей въ 1 и* ½%, принесло только убытокъ и породило одни долги, которые должны быть возвращены государственному казначейству; слѣдовательно, никакихъ капиталовъ по этому предмету земству отъ администраціи ожидать нечего.

Такое положеніе капитала, обезпечивающаго страхованіе въ казенныхъ и удѣльныхъ имѣніяхъ и у временно-обязанныхъ крестьянъ, не укрылось отъ вниманія земскихъ собраній. Изъ свѣдѣній, доставленныхъ Нижегородскому губернскому собранію управляющимъ мѣстною палатою, собраніе усмотрѣло, что свѣдѣнія о пожарныхъ убыткахъ и вознагражденіяхъ по вѣдомству государственныхъ имуществъ, ранѣе 1858 г., сгорѣли, а съ 1858 г. по 1864 г. ежегодно вознагражденія за пожарные убытки превышали вносимую крестьянами страховую премію, такъ что за 7 лѣтъ премій поступило всего 196,250 р., а выдано вознагражденія за сгорѣвшія зданія 516,670 р. При этомъ, изъ приложенной таблицы замѣчается, что пожары все годъ отъ году дѣлаются цѣннѣе. При такомъ положеніи дѣлъ, коммиссія, докладывавшая по этому предмету Нижегородскому собранію, нашла, что *страшно* приступить къ взаимному страхованію, потому что оно на дѣлѣ выходитъ *взаимное раззореніе.*

4. Оспенные капиталы.

Образованіе этихъ капиталовъ въ докладѣ Царскосельской уѣздной управы объяснено слѣдующимъ образомъ:

Изъ составленной въ 1865 году секретаремъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества, на основаніи оффиціальныхъ документовъ, исторіи этого Общества видно, что въ 1824 году Обществомъ и нѣкоторыми изъ его членовъ пожертвовано было на распространеніе оспопрививанія 21 тыс., руб. асс., и что, сверхъ того, общество заявило желаніе жертвовать ежегодно изъ своихъ доходовъ по 2 тыс., а бывшій президентъ его Н. С. Мордвиновъ по 1 тыс. руб. асс.

Высочайшимъ указомъ, даннымъ 8 февраля 1825 года на имя бывшаго тогда министромъ финансовъ, повелѣно отпустить Вольному экономическому обществу, на распространеніе оспопрививанія, изъ государственнаго казначейства 25 тыс. руб. асс., изъ которыхъ, по распоряженію общества, 13 тыс. руб. асс. были отправлены въ 26 губернскихъ оспенныхъ комитетовъ, съ тѣмъ, чтобы комитеты, увеличивъ эту сумму добровольными подписками, положили основаніе къ учрежденію въ губерніяхъ *оспенныхъ капиталовъ*.

Въ 1826 году послѣдовало Высочайшее повелѣніе отпускать *изъ земскихъ сборовъ* каждой губерніи въ распоряженіе Вольнаго экономическаго общества, на предметъ оспопрививанія, ежегодно по 1,000 руб. асс. въ теченіе 10 лѣтъ, начиная съ 1827 года; сборъ этотъ въ 1837 году былъ продолженъ еще на 10 лѣтъ, въ томъ же размѣрѣ, а въ 1849 году, онъ продолженъ еще на 10 лѣтъ, съ тѣмъ однакоже, чтобы Вольному экономическому обществу отпускать всего одну треть, т. е. 95 р. сер. съ губерніи, а остальныя 190 руб. обращать въ министерство внутреннихъ дѣлъ, на содержаніе и разъѣзды ревизоровъ для повѣрки на мѣстѣ оспопрививанія.

Такимъ образомъ, составилось 3 разряда оспенныхъ капиталовъ: 1) отпуски изъ суммъ земскаго сбора въ пособіе Вольному экономическому обществу, которые вошли въ составъ собственнаго капитала означеннаго общества, признаннаго его собственностію послѣднимъ Высочайшимъ повелѣніемъ; 2) оспенные капиталы по губерніямъ, состоящіе въ завѣдываніи оспенныхъ мѣстныхъ комитетовъ, и 3) оспенный капиталъ министерства внутреннихъ дѣлъ, образовавшійся изъ отпуска этому министерству ежегодно 285 р. сер. изъ земскихъ сборовъ, на разъѣзды ревизоровъ по оспопрививанію. С.-Петербургское, Московское и другія земства обратили свое вниманіе на послѣдній разрядъ оспенныхъ капиталовъ и ходатайствовали, чтобы ежегодный отпускъ этихъ 285 р. изъ земскихъ сборовъ министерству внутреннихъ дѣлъ былъ прекращенъ. На такое ходатайство Московская губернская управа получила въ отвѣтъ, что отпускъ этихъ 285 р. исходатайствованъ въ 1862 г. министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, съ предназначеніемъ этой

суммы исключительно на разъѣзды ревизоровъ по оспопрививанію. Въ настоящее время общій для всѣхъ губерній вопросъ о способѣ повѣрки оспопрививанія можетъ быть разрѣшенъ лишь при окончательномъ установленіи отношеній губернскихъ врачебныхъ учрежденій къ земству, — и на этомъ основаніи ходатайство московскаго земства объ упраздненіи этого расхода отклонено.

Таково положеніе капиталовъ передаваемыхъ земству, положеніе, которое до сихъ поръ было мало ему извѣстно. Имѣя въ виду, что разсчеты слѣдующихъ земству каждой губерніи капиталовъ продовольственныхъ, общественнаго призрѣнія и страховыхъ зависитъ отъ соглашенія министра внутреннихъ дѣлъ съ министрами финансовъ, государственныхъ имуществъ и удѣловъ; что проценты съ этихъ капиталовъ въ прежнее время, вмѣстѣ съ другими статьями доходовъ, составляли источникъ покрытія расходовъ по подлежащимъ статьямъ мѣстнаго хозяйства, находившагося въ распоряженіи правительства; что никакихъ свѣдѣній о размѣрѣ этихъ капиталовъ земскія учрежденія не получали отъ мѣстной администраціи, въ большей части случаевъ отозвавшейся неимѣніемъ положительныхъ свѣдѣній, — мы легко поймемъ, почему на первомъ планѣ въ программѣ дѣйствія первыхъ земскихъ собраній стоялъ вездѣ вопросъ о приведеніи въ извѣстность имуществъ и капиталовъ земства; почему къ этому вопросу земство относилось съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ и такъ ожидало на него отвѣта. На вторичномъ псковскомъ собраніи, гласный кн. Дундуковъ-Корсаковъ, говорилъ между прочимъ:

«Мы просимъ у правительства возврата тѣхъ суммъ, которыя считаемъ неотъемлемо намъ принадлежащими; администрація затрудняется исполненіемъ нашего ходатайства, отчасти не признавая вполнѣ предъявленнаго нами разсчета, отчасти оставляя совершенно безъ отвѣта нѣкоторыя изъ нашихъ ходатайствъ, какъ, напримѣръ, о возвратѣ 273,000 руб. по постройкѣ динабургскаго шоссе.

«Со времени возбужденія нами этихъ вопросовъ прошло полгода; но та же неизвѣстность покрываетъ дѣло, отъ котораго зависитъ нашъ будущій мѣстный кредитъ, развитіе нашего экономическаго быта, смѣю сказать, даже наша будущая самостоятельность. Невольно приходишь къ мысли, что правительство, при всемъ желаніи удовлетворить тѣмъ требованіямъ земства, которыя оно признаетъ законными, затрудняется въ исполненіи передъ громадностью и запутанностію предстоящихъ ему разсчетовъ по всемъ частямъ нашей имперіи. Значительные расходы, вызванные событіями послѣднихъ лѣтъ, потребность новыхъ издержекъ при совершающемся обновленіи нашей гражданской жизни, и, наконецъ, положительный финансовый кризисъ, переживаемый нами въ настоящее время, достаточно объясняютъ вѣроятіе высказаннаго предположенія и оправдываютъ встрѣчаемыя замедленія въ разрѣшеніи денежныхъ требованій земства.

«Все это настоятельно приводитъ къ изысканію другихъ средствъ ликвидаціи по нашимъ счетамъ, съ тѣмъ же обезпеченіемъ для земства, но съ наименьшимъ затрудненіемъ для самого правительства. Средства эти, по мнѣнію моему, заключаются въ предложеніи правительству передать, вмѣсто причитающихся намъ капиталовъ, земли

и оброчныя статьи государственныхъ имуществъ Псковской губерніи, въ размѣрѣ слѣдующаго намъ отъ правительства денежнаго фонда.

«Оцѣнка имуществъ этихъ можетъ быть опредѣлена капитализаціею получаемаго съ нихъ дохода, или другимъ способомъ указанія ихъ стоимости, по соображенію съ цѣнностью однородныхъ земель и угодій Псковской губерніи.

«Какъ ни нова, какъ ни смѣла можетъ показаться эта мысль съ перваго взгляда, но тѣмъ яснѣе представляется польза и возможность ея осуществленія при подробнѣйшемъ изслѣдованіи этого вопроса.

«Для земства выгоды этой мѣры очевидны и осязательны. Взамѣнъ капитала въ кредитныхъ бумагахъ, цѣнность которыхъ подвержена колебанію биржеваго курса и представляетъ фондъ скорѣе уменьшающійся, чѣмъ могущій увеличиться, земство получитъ капиталъ прочный —*землю*, стоимость которой увеличивается самимъ временемъ, не говоря о томъ приращеніи, которое будетъ послѣдствіемъ живой, разумной земской администраціи.

«Бюрократическая эксплуатація этихъ земель не въ состояніи извлечь изъ нихъ тѣхъ доходовъ и выгодъ, которыя будутъ послѣдствіемъ управленія, ввѣреннаго лицамъ и учрежденіямъ, прямо заинтересованнымъ въ собственномъ дѣлѣ; а контроль всего общества будетъ служить лучшимъ ручательствомъ за сохраненіе и правильное пользованіе имуществами, тогда въ полномъ смыслѣ государственными и народными.»

Предъидущія данныя ставятъ прочно вопросъ на фактической почвѣ: капиталы, передаваемые правительствомъ земству, безъ всякаго сомнѣнія, окажутся недостаточными, чтобы процентами съ нихъ, безъ новыхъ налоговъ покрыть расходы, возложенные на земство новыми его обязанностями. Скорѣйшая передача этихъ капиталовъ имѣетъ для земства одно значеніе: земство—въ своемъ мѣстномъ, опредѣленно ему указанномъ хозяйствѣ,—можетъ, съ полученіемъ ихъ, привести въ ясность свое положеніе или правильнѣе сказать свой недоборъ, а болѣе производительнымъ употребленіемъ этихъ капиталовъ, и слѣдовательно возвышеніемъ получаемыхъ съ нихъ процентовъ, оно въ состояніи будетъ пропорціонально сбавить падающую на него тяжесть этихъ новыхъ налоговъ.

Итакъ, во всякомъ случаѣ, главныя средства земства къ исполненію его обязанностей и къ достиженію полезныхъ цѣлей—не въ сокращеніи непроизводительныхъ расходовъ, не въ передачѣ ему отъ правительства достаточно обезпечивающихъ его капиталовъ; главныя надежды его въ себѣ самомъ, въ тѣхъ новыхъ налогахъ, которыми оно обложитъ себя, и въ тѣхъ новыхъ источникахъ дохода, которые оно съумѣетъ открыть среди общаго безденежья и промышленнаго застоя. Послѣдній источникъ, очевидно, представляетъ мало вѣроятія, за то первый,—налоги и поборы—не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Да не сочтетъ насъ кто-нибудь рѣшительнымъ противникомъ земскихъ налоговъ: мы глубоко убѣждены въ ихъ необходимости, ибо нѣтъ въ мірѣ хозяйства не требующаго расхода и пожертвованій. Но справедливость

этихъ налоговъ предполагаетъ прежде всего и больше всего ихъ уравнительность. А потому земству прежде всего предстоитъ вопросъ о *раскладкѣ*, какъ лучшемъ способѣ осуществленія этой уравнительности. Къ сожалѣнію, мы вовсе не имѣемъ данныхъ, чтобы въ настоящее время представить читателямъ этотъ вопросъ во всей полнотѣ и съ надлежащею ясностію. Между тѣмъ раскладка есть пробный камень дѣятельности земскихъ учрежденій: если единодушіе и отсутствіе сословности сознается собраніемъ на дѣлѣ, а не на словахъ, то собраніе можетъ заявить это на первой порѣ только въ земской раскладкѣ. И дѣйствительно,—гдѣ основанія раскладки сознавались правильно и безобидно, гдѣ высшіе и преобладающіе въ земскихъ собраніяхъ классы заявляли необходимость и способъ осуществленія благоразумныхъ уступокъ, гдѣ они принимали на себя часть тяжести, доселѣ лежавшей безраздѣльно на сельскомъ населеніи,—тамъ собраніе расходилось съ положительными и утѣшительными результатами; тамъ сословія, встрѣчающіяся на первыхъ порахъ съ неловкостію, если не съ недовѣріемъ, примирялись, сдружались и уносили надолго и прочно залогъ объединенія. Русскій народъ полонъ практическаго смысла; его не тронешь бойкою и выспреннею фразой, блестящею, но безслѣдно пропадающею рѣчью; онъ не вѣритъ даже благодушнымъ призывамъ на пожертвованіе изъ чужого достоянія, — онъ вѣритъ искреннему дѣлу облегченія лежащей на немъ тяготы принятіемъ части ея со стороны другихъ сословій, и въ этомъ случаѣ онъ болѣе другого способенъ на великодушіе, на довольство малымъ, на честно и во̀время предложенный раздѣлъ. Мы могли бы указать не на одинъ примѣръ, гдѣ крестьяне, — конечно, въ уѣздныхъ собраніяхъ, — добровольно уменьшали размѣръ повинностей, назначаемыхъ самими землевладѣльцами съ собственныхъ земель. Въ виду этихъ фактовъ, прямое и добросовѣстное распредѣленіе повинностей становится не только возможнымъ, но необходимымъ со стороны передовыхъ дѣятелей собранія, людей ближе знакомыхъ и съ новымъ дѣломъ, и съ современнымъ положеніемъ земскаго хозяйства.

Губернская раскладка, или правильнѣе раскладка губернскихъ сборовъ вообще имѣетъ характеръ раскладки *дополнительной*. Опредѣленіе *основанія* раскладки въ данной мѣстности лежитъ собственно на уѣздномъ собраніи и управѣ. Въ большей части случаевъ губернскія собранія, опредѣляя общую цифру губернскихъ сборовъ, только разсчитывали ее валовыми итогами между уѣздами, предоставляя послѣднимъ право внутренняго распредѣленія этого итога между платящими сословіями на основаніяхъ, выработанныхъ для уѣздной раскладки. Самый поуѣздный разсчетъ, на первыхъ порахъ, при отсутствіи статистическихъ, основывался на приблизительныхъ или фиктивныхъ данныхъ. Большая часть губернскихъ собраній приняла за основа-

ніе разсчета пропорцію числа губернскихъ гласныхъ, назначенныхъ по положенію, на томъ основаніи, что при этомъ назначеніи числа гласныхъ принято было въ разсчетъ число землевладѣльцевъ, количество принадлежащихъ имъ удобныхъ земель, населенность городовъ, число и цѣнность городскихъ недвижимыхъ имуществъ, число волостей, количество сельскаго населенія и пространство угодій, состоящихъ въ надѣлѣ сельскихъ обществъ, т. е. по возможности полный сводъ данныхъ для опредѣленія относительнаго экономическаго значенія извѣстной мѣстности. Другія губернскія собранія (какъ Костромское) основали поуѣздный разсчетъ на относительной населенности уѣздовъ, отправляясь отъ того начала, что цѣнность земли зависитъ въ Россіи отъ населенія или количества обработывающихъ рукъ, и принимая поэтому, что тяжесть падающихъ на уѣздъ земскихъ сборовъ пропорціональна густотѣ населенія. Только вторичныя губернскія собранія, гдѣ опредѣлена была относительная цѣнность всѣхъ облагаемыхъ имуществъ въ каждомъ уѣздѣ (какъ напр., Новгородское), могли опредѣлить этотъ разсчетъ болѣе правильнымъ, процентнымъ отношеніемъ. Для раскладки суммы губернскаго сбора по Новгородской губерніи опредѣленъ по одинаковымъ правиламъ *нормальный чистый доходъ* всѣхъ подлежащихъ обложенію имуществъ по уѣздамъ. Итогъ этого нормальнаго дохода по Новгородской губерніи составилъ 6,167,694 руб., а какъ по смѣтѣ предположено губернскихъ земскихъ расходовъ 103,375 руб., то по каждому уѣзду съ нормальнаго чистаго дохода каждаго разряда имуществъ на покрытіе губернскихъ потребностей отчислено круглымъ числомъ 1,7%.

Что касается до *уѣздныхъ* раскладокъ, отличающихся самымъ прихотливымъ разнообразіемъ, — то обзоръ ихъ по причинамъ нами уже изложеннымъ, не входитъ въ нашу настоящую программу. Мы замѣтимъ только, для связи съ послѣдующимъ, что *общія основанія*, къ которымъ можно свести всѣ группы разнообразныхъ уѣздныхъ раскладокъ,—весьма немногочисленны и притомъ очень обширны, такъ, что они нисколько не исчерпываютъ характеристики тѣхъ многознаменательныхъ частностей, которыя выработались въ короткій періодъ дѣятельности земскихъ учрежденій. Этихъ общихъ основаній мы можемъ представить только *три*, а именно:

1) Вездѣ главною податною единицею является *земля*, что и справедливо, ибо, за исключеніемъ крестьянъ-собственниковъ и временнообязанныхъ платящихъ подушную подать, какъ суррогатъ поземельной, земля не участвуетъ непосредственно въ несеніи государственныхъ повинностей. При распредѣленіи земскаго сбора, вообще принято раздѣленіе земель или по *угодьямъ* (пашенная, сѣнокосная, лѣсная и пр.), съ подраздѣленіемъ ихъ на мѣстности для опредѣленія доходности, или по *густотѣ населенія* съ раздѣленіемъ земель на населенныя и

ненаселенныя на основаніи разныхъ приблизительныхъ или фиктивныхъ разсчетовъ. Какъ для опредѣленія нормальнаго количества населенныхъ земель въ уѣздѣ, такъ и для основанія исчисленія цѣнности и доходности земельныхъ угодій приняты были размѣръ душевыхъ надѣловъ и оцѣнка ихъ по положенію о крестьянахъ. Новгородская губернская управа говоритъ по этому случаю:

«Опредѣленіе цѣнности и нормальнаго дохода съ земель по какимъ либо сельско-хозяйственнымъ соображеніямъ, при настоящемъ переходномъ ненормальномъ положеніи сельскаго хозяйства, совершенно невозможно. Земли въ настоящую минуту почти вовсе не покупаются, цѣнъ на нихъ не существуетъ.» Невозможность такого умозрительнаго опредѣленія цѣны и дохода, нагляднѣе всего доказывается сличеніемъ цѣнъ, опредѣленныхъ въ Новгородской губерніи уѣздными собраніями, которые сдѣлали такое опредѣленіе по различнымъ хозяйственнымъ соображеніямъ и въ одной и той же губерніи вывели цѣны на земли отъ 4 рублей до 49. Между тѣмъ, въ настоящее время, совершается выкупъ земель крестьянами съ пособіемъ казны, и цѣна, получаемая землевладѣльцами за выкупаемыя земли, есть цѣна дѣйствительно существующая. *На выкупъ должно смотрѣть какъ на покупку въ огромномъ размѣрѣ.* Цѣну эту нельзя однако принять въ соображеніе въ томъ размѣрѣ, какъ она опредѣлена, т. е. по номинальной ея цифрѣ, а по дѣйствительной продажной, по курсу. Казна платитъ за крестьянскій надѣлъ свидѣтельствомъ въ 120 руб., по курсу такое свидѣтельство продается по 80%, т. е. отъ 96 до 100 руб. Крестьяне обязаны еще уплатить землевладѣльцу 30 руб., но эта сумма во многихъ случаяхъ, по добровольному соглашенію, или при обязательномъ выкупѣ не выплачивается, въ другихъ случаяхъ, если и уплачивается, то съ такою разсрочкою (не менѣе 10 лѣтъ), что собственно капитальная сумма исчезаетъ и уплачивается съ нее въ продолженіе извѣстнаго числа лѣтъ большіе или меньшіе проценты. Такъ что собственно эти 30 руб. могли бы вовсе не браться въ разсчетъ. Но какъ уплата этихъ процентовъ все таки представляетъ какую-то капитальную цѣнность, то для избѣжанія ошибки и обремененія прочихъ имуществъ слишкомъ низкою оцѣнкою земель, для выраженія стоимости крестьянскаго надѣла, Новгородское собраніе приняло оцѣнку его въ 120 рублей.»

Говоря объ опредѣленіи земель, мы не можемъ не привести справедливаго и уже неоднократно высказаннаго мнѣнія, что за невозможностію у насъ кадастра, сколько-нибудь правильная оцѣнка нашихъ земель можетъ начаться только при прочномъ установленіи поземельнаго кредита. Землевладѣльцы для залога имѣній желаютъ *возможно высшей* оцѣнки, для уплаты земскаго сбора *возможно низшей*: изъ сопоставленія этихъ двухъ крайнихъ оцѣнокъ должна выработаться сред-

ная, ближе подходящая къ истинѣ и одинаково пригодная, какъ для земскихъ учрежденій, такъ и для поземельнаго банка.

2) Въ отношеніе къ другимъ родамъ имуществъ (торговымъ и промышленнымъ заведеніямъ, жилымъ зданіямъ) земскія учрежденія стремятся обратить земскій сборъ въ *подоходную подать* (income taxe). Промышленныя и торговыя заведенія въ городахъ и селеніяхъ облагались земствомъ, не какъ недвижимая собственность, а по *величинѣ оборотовъ*, разсчитывая, по разнымъ фиктивнымъ пріемамъ, размѣръ валового или чистаго съ нихъ дохода. Болѣе рѣшительный шагъ въ этомъ направленіи сдѣлало Мологское земское собраніе, предположивъ, по особымъ мѣстнымъ условіямъ, обложеніе помѣщичьихъ оброковъ, какъ особаго вида имуществъ, связаннаго съ владѣніемъ недвижимою собственностію. Само собою разумѣется, что привлеченіе къ земскимъ сборамъ помѣщичьихъ оброковъ должно повести за собою и обложеніе выкупныхъ свидѣтельствъ, а равно другихъ разрядовъ капиталовъ, принадлежащихъ жителямъ извѣстной мѣстности,— что невозможно безъ нѣкотораго измѣненія условій ценза, основаннаго исключительно на владѣніи недвижимою собственностью.

3) Всѣ земскія собранія признали *свободными* отъ налога сельскія жилыя помѣщенія, какъ неприносящія дохода и въ этомъ смыслѣ не представляющія цѣнности; очень немногія собранія самую незначительную часть земскихъ сборовъ перенесли на городскія жилыя помѣщенія, которыя платятъ довольно обременительный и постоянно возвышаемый сборъ съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ въ государственную казну.

Не останавливаясь далѣе на перечисленіи основаній земскихъ раскладокъ, мы укажемъ на нѣкоторые серьезные вопросы, здѣсь возникшіе и имѣющіе общее и первостепенное значеніе для дальнѣйшаго хода земскихъ учрежденій.

На первомъ планѣ здѣсь стоитъ отступленіе, допущенное администраціею, въ отношеніе къ общимъ основаніямъ земскихъ раскладокъ, указаннымъ въ положеніи. Статья 14 врем. прав. говоритъ: «земли казенныя, удѣльныя и принадлежащія различнымъ учрежденіямъ и обществамъ облагаются поземельнымъ сборомъ на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, какъ и земли частныхъ землевладѣльцевъ.» Раскладка въ земскихъ собраніяхъ производится большинствомъ голосовъ, и слѣдовательно, какой бы процентъ сбора ни назначило большинство гласныхъ для своихъ земель, процентъ этотъ eo ipso обязателенъ для казны и удѣла, которыхъ представители входятъ въ счетъ числа гласныхъ на равныхъ правахъ со всѣми другими. Законъ только требуетъ, что бы раскладка произведена была по цѣнности и доходности земель и не касалась земель, изъятыхъ отъ земскаго сбора (прил. къ 55-й ст.

уст. о зем. нов.). Смыслъ закона ясенъ и простъ, онъ не подлежитъ никакимъ толкованіямъ, не требуетъ никакихъ разъясненій.

Между тѣмъ, вездѣ, гдѣ казенныя и удѣльныя земли были обложены земскими собраніями наравнѣ съ частными, раскладки были опротестованы представителями казенной администраціи и отчасти начальниками губерній, даже по требованію самого министра государственныхъ имуществъ. Основаніе этихъ протестовъ таково.

Въ 1851 году, когда у насъ въ первый разъ введенъ былъ поземельный сборъ, законъ установилъ его съ владѣльческихъ земель *подесятинный*, а съ казенныхъ и удѣльныхъ *подоходный* (по 2 копѣйки съ рубля валового дохода). Законоположеніе это вошло въ дѣйствующій уставъ о земскихъ повинностяхъ (2-й и 3-й пункты § 1 прил. къ ст. 55). Представители администраціи, протестуя противъ земскихъ собраній, полагаютъ, что казна и удѣлъ ни въ какомъ случаѣ не обязаны платить больше 2 к. сер. съ рубля валового дохода, какимъ бы налогомъ ни обложило земское собраніе частныхъ владѣльцевъ. Въ какой степени уравнительно въ прежнее время распредѣлялись налоги между частными лицами, казною и удѣломъ, видно изъ слѣдующаго примѣра. По Костромской губерніи частныя лица, за 504,452 десятины, платили земскихъ сборовъ 22,700 р.; казна, за 1,037,128 дес., всего 2,311, а удѣльное вѣдомство, за 476,902 десятины, 880 р., между тѣмъ какъ земли всѣхъ этихъ трехъ разрядовъ находятся рядомъ и ничѣмъ другъ отъ друга не отличаются. Теперь вопросъ: должна ли закрѣпиться навсегда такая неравномѣрность? Отмѣняетъ ли статья 14-я временныхъ правилъ, какъ позднѣйшій законъ, дѣйствіе 2-го и 3-го пунк. § 1 прил. къ 55-й статьѣ, на которую ссылается начальникъ губерніи? И если этотъ старый законъ не отмѣненъ позднѣйшимъ для казны и удѣла, то остается ли онъ во всей силѣ для частныхъ лицъ, продолжая взимать съ нихъ въ земскій сборъ по установленной тою же 55-й статьею таксѣ отъ ½ до 1½ коп. съ десятины (пункты 3-й и 4-й того же §)?

По одному изъ уѣздныхъ земскихъ собраній, Крестецкому, вопросъ, по протесту начальника губерніи, доходилъ до Правительствующаго сената и разрѣшенъ былъ имъ въ пользу *равномѣрности* обложенія казенныхъ и частныхъ земель. Между тѣмъ изъ «Сѣверной Почты» видно, что вопросъ этотъ внесенъ будетъ на законодательное разсмотрѣніе и подготовляется къ докладу особою коммиссіею. Одно это объявленіе подало уже поводъ большинству Нижегородскаго собранія, — воспользовавшись неопредѣленнымъ, по мнѣнію его, значеніемъ совершенно ясной статьи закона, отложить уравнительное распредѣленіе земскихъ налоговъ на губернія. Но законодательное измѣненіе этой важнѣйшей статьи временныхъ правилъ сдѣлаетъ невозможнымъ дальнѣйшее существованіе земскихъ учрежденій, особенно въ сѣверныхъ губерніяхъ,

гдѣ масса незаселенныхъ земель раздѣлена по ровну между казною и частными владѣльцами, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ казна почти исключительный землевладѣлецъ. Въ этомъ смыслѣ передъ земствомъ лежитъ самый живой, насущный и тяжелый вопросъ, въ которомъ жизнь и смерть земскихъ учрежденій; принявъ на свою обязанность по смѣтамъ извѣстныя издержки и разсчитывая на равномѣрный сборъ съ казенныхъ и частныхъ земель, земство, въ случаѣ какихъ либо изъятій для первыхъ, невольно ставится въ положеніе несостоятельнаго, разззорившагося хозяина. Положенія этого тѣмъ легче избѣжать, что въ случаѣ излишней обременительности земской раскладки по условіямъ казеннаго управленія и хозяйства, земство вѣроятно не откажется взять въ свое завѣдываніе государственныя имущества, обезпечивъ правительству скудный доходъ, въ настоящее время имъ получаемый. Извѣстно, что такіе переговоры начаты уже въ отношеніи къ пахотнымъ землямъ Новоузенскимъ уѣзднымъ собраніемъ, а въ отношеніи къ лѣсамъ Новгородскою губернскою управою. Министерство государственныхъ имуществъ не только не отклонило этихъ предложеній, но съ своей стороны заявило готовность предоставить земству всѣ возможныя льготы и удобства въ оцѣнкѣ земель и введеніи новаго, земскаго хозяйства.

Другой случай, также впослѣдствіи обобщенный, возникъ въ Костромской губерніи по поводу обложенія земскими сборами продаваемыхъ на питейныя заведенія патентовъ. Министерство финансовъ сообщило костромскому земству чрезъ мѣстную казенную палату, а потомъ обобщило свое распоряженіе въ циркулярахъ, печатаемыхъ въ «Указателѣ» министерства, что, на основаніи примѣч. къ 9 ст. врем. прав. для зем. учр., новые дополнительные сборы могутъ быть наложены только на предметы, уже подлежащіе земскимъ повинностямъ, за исключеніемъ ревижскихъ душъ; а какъ по дѣйствующему уставу о земскихъ повинностяхъ питейныя заведенія не подлежатъ сбору въ пользу земства, то обложеніе ихъ такимъ образомъ на *первый годъ* существованія земскихъ учрежденій не имѣетъ законнаго основанія и не можетъ быть признано правильнымъ. Кромѣ того Костромская казенная палата присовокупила, что ею, на основаніи распоряженія министерства, предписано уѣзднымъ казначействамъ, чтобы назначенный на 1866 годъ въ пользу земства сборъ съ питейныхъ заведеній не былъ взыскиваемъ при продажѣ патентовъ на эти заведенія. Костромская губернская управа отвѣчала на такое распоряженіе казенной палатѣ, что принятая ею мѣра не соотвѣтствуетъ духу закона, такъ какъ ни одно учрежденіе не можетъ остановить исполненія закона безъ особаго на то Высочайшаго повелѣнія (54 и 66 ст. т. 1); она не вѣрна и въ самомъ основаніи, ибо указаніе министерства финансовъ на ст. 9 врем. прав. не имѣетъ мѣста, въ отношеніи къ Ко-

стромской губерніи, гдѣ земскія учрежденія уже существують другой годъ; примѣчаніе же къ ст. 9 не дозволяетъ обложить сборомъ предтеты, непоименнованные въ уставѣ о земскихъ повинностяхъ только въ первый годъ; въ самой же 9-й ст. разъяснено, что могутъ быть облагаемы, въ числѣ другихъ предметовъ, торговыя и промышленныя заведенія, слѣдовательно и питейныя. Мѣра эта будетъ имѣть слѣдствіемъ то, что приходъ не покроетъ предположеннаго расхода, и земскія учрежденія принуждены будутъ отказывать правительству въ удовлетвореніи той, или другой законной потребности. Сверхъ того мѣра эта подрываетъ довѣріе къ Высочайше утвержденному положенію о земскихъ учрежденіяхъ, такъ какъ нельзя ручаться, что явное нарушеніе его, допущенное въ настоящемъ случаѣ, не будетъ примѣнено и къ другимъ статьямъ положенія, по усмотрѣнію того, или другаго административнаго учрежденія. Да и казенная палата, по мнѣнію управы, должна бы, прежде своего распоряженія, снестись съ управою, дабы обсудить и обобщить дальнѣйшія дѣйствія; иначе каждое учрежденіе будетъ парализировать законныя дѣйствія другого учрежденія. Такой вредъ отъ сказанной мѣры, какъ въ хозяйственномъ, такъ и въ моральномъ отношеніяхъ, заставляетъ управу представить вышесказанное на усмотрѣніе г-на министра внутреннихъ дѣлъ, какъ руководителя въ дѣлахъ земства и блюстителя правъ земскихъ учрежденій, и просить его содѣйствія къ отмѣненію такого распоряженія.

Послѣдствія распоряженій министра внутреннихъ дѣлъ остались не напечатанными.

II. Въ средѣ самихъ земскихъ собраній возникъ важный вопросъ о взаимномъ отношеніи губернскихъ учрежденій къ уѣзднымъ въ дѣлѣ земской раскладки.

Основная статья положенія, которая опредѣляетъ это взаимное отношеніе губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденій, есть статья 62 пол. зем. учр.; по силѣ этой статьи, къ вѣдомству губернскихъ земскихъ учрежденій *въ особенности* относятся раздѣленіе земскихъ повинностей на губернскія и уѣздныя и перемѣны въ этомъ раздѣленіи. На основаніи статьи, губернское земское собраніе имѣетъ *легально* полное право объявить *всѣ денежные сборы* въ губерніи *губернскими сборами*, какъ это и сдѣлало первое Новгородское собраніе, въ постановленіи отъ 26 марта 1865 г. Въ такомъ случаѣ, губернское собраніе имѣетъ право возложить на губернскую управу составленіе раскладокъ по всѣмъ этимъ сборамъ для всѣхъ уѣздовъ, на основаніи статьи 69, и такое распоряженіе губернскаго собранія будетъ обязательно для уѣздныхъ собраній, по силѣ 66 статьи. Но на фактѣ такая централизація оказывается невозможною. Такъ, Новгородская губернская управа доложила собранію, что большая часть

уѣздныхъ собраній высказалась въ своихъ постановленіяхъ въ пользу отнесенія нѣкоторыхъ денежныхъ повинностей на уѣздный земскій сборъ. Управа, усматривая, что этимъ устраняются опасенія губернскаго собранія обременить уѣзды несоразмѣрнымъ обложеніемъ однихъ въ сравненіи съ другими, нашла возможнымъ теперь же удовлетворить этимъ ходатайствамъ уѣздныхъ собраній, почему и составила докладъ по этому предмету, съ тѣмъ что, если собраніе утвердитъ сдѣланное въ немъ предположеніе, то не вносить въ смѣту губернскихъ расходовъ тѣхъ потребностей, которыя отнесены къ уѣзднымъ, а составить по нимъ отдѣльныя смѣты по уѣздамъ.

Вслѣдствіе этого, второе Новгородское собраніе многія изъ денежныхъ земскихъ повинностей обратило въ уѣздныя. Но само собою разумѣется, что какъ скоро какая либо изъ денежныхъ земскихъ повинностей признана уѣздною со стороны губернскаго собранія, — такъ внутренняя въ уѣздѣ раскладка утверждается самимъ уѣзднымъ собраніемъ и доходитъ до губернскаго собранія только въ случаѣ протеста со стороны начальника губерніи (зем. учр. ст. 94 прав. о зем. роспис. ст. 18). Вообще въ дѣйствіяхъ губернскихъ собраній по раздѣленію повинностей на губернскія и уѣздныя скорѣе замѣтно стремленіе къ децентрализаціи или къ обращенію сколько возможно земскихъ денежныхъ повинностей въ уѣздныя, удовлетворяемыя собственными средствами уѣздовъ. Стремленіе это, — кромѣ того, что оно въ высшей степени справедливо, ибо всякое самоуправленіе есть слѣдствіе и осуществленіе децентрализаціи, — вмѣстѣ съ тѣмъ и совершенно понятно.

Въ губернской раскладкѣ перевѣсъ или большинство всегда останется на сторонѣ уѣздовъ, располагающихъ большимъ количествомъ гласныхъ, т. е. на сторонѣ уѣздовъ болѣе богатыхъ и населенныхъ: имъ всегда будутъ пожертвованы интересы уѣздовъ бѣдныхъ и мало населенныхъ. Или, наоборотъ, большинство бѣдныхъ уѣздовъ всею тяжестью обрушится на меньшинство богатыхъ. Такая неуравнительность губернской раскладки исправляется предоставленіемъ полной автономіи отдѣльнымъ уѣздамъ, при чемъ, разумѣется, каждый изъ нихъ располагаетъ, для удовлетворенія своихъ уѣздныхъ потребностей, только собственными средствами. Но самостоятельность уѣздныхъ земскихъ собраній повела къ безконечному разнообразію раскладокъ, при чемъ иногда большинство наличныхъ сословныхъ представителей, выгораживая своихъ, — сбрасывали всю тяжесть земскихъ сборовъ на неявившихся. Для того, чтобы предупредить подобные частные случаи, и чтобы придать уѣзднымъ раскладкамъ болѣе правильности и однообразія, московское 2 собраніе выразило ту мысль, что губернское собраніе имѣетъ право указать обязательно уѣзднымъ собраніямъ основанія для уѣздныхъ раскладокъ, принятыя имъ для губернскаго сбора.

Мнѣніе главнаго защитника этого мнѣнія въ московскомъ собраніи, гласнаго Кирѣева, состояло въ слѣдующемъ. Ст. 66 пол. зем. учр., — о томъ что губернскія земскія собранія могутъ издавать обязательныя для мѣстныхъ земскихъ учрежденій той же губерніи постановленія, — по мнѣнію г. Кирѣева, даетъ губернскому собранію полное право руководить уѣздными собраніями, дѣлать для нихъ обязательными постановленія не только относительно размѣра дополнительнаго губернскаго сбора, но и относительно всего вообще земскаго сбора по губерніи. Отрицаніе этого права повело бы къ значительнымъ неудобствамъ и прямымъ противорѣчіямъ, ибо уѣздныя собранія, еслибы предоставить имъ вполнѣ и исключительно опредѣленіе основаній раскладки, по всей вѣроятности, придерживались бы на этотъ счетъ весьма различныхъ и несогласныхъ между собою взглядовъ. Другое неудобство заключается въ томъ, что уѣздныя собранія могли бы обложить тѣ или другіе предметы до крайняго предѣла возможности, и это лишило бы губернское собраніе возможности привлечь эти предметы обложенія къ какимъ либо чрезвычайнымъ сборамъ, которые оказались бы необходимыми. Губернское собраніе, говоритъ далѣе г. Кирѣевъ, законъ признаетъ хозяиномъ въ губерніи; но для того, чтобы хозяйничать правильно, необходимо имѣть право распоряжаться производительными силами губерніи, направлять ихъ къ извѣстной цѣли. «Я не противникъ самоуправленія, а напротивъ желаю ему наибольшаго расширенія относительно хозяйственныхъ нуждъ края, но мнѣ кажется, что центръ тяжести этого самоуправленія долженъ находиться въ губернскомъ земскомъ собраніи, имѣющемъ возможность располагать болѣе полными свѣдѣніями, нежели уѣздныя собранія, объ экономическихъ нуждахъ и положеніи губерніи, могущемъ яснѣе видѣть ту общую цѣль, къ которой должно вести хозяйство края; къ тому же я положительно не вѣрю въ возможность какихъ либо столкновеній и недоразумѣній въ этомъ дѣлѣ между губернскимъ и уѣздными собраніями.»

Г. Кирѣевъ, не признавая свое толкованіе основаннымъ на точномъ смыслѣ закона, по мнѣнію его неяснаго, предлагалъ ходатайствовать о разъясненіи въ этомъ смыслѣ 66 статьи. Гг. Наумовъ и Мусинъ-Пушкинъ нашли, что законъ совершенно ясенъ и прямо даетъ губернскому собранію право предписать способъ раскладки уѣзднымъ собраніямъ не только въ отношеніи къ губернскимъ, но и чисто уѣзднымъ земскимъ сборамъ: съ ними согласилось большинство собранія. Мы не знаемъ, какъ примутъ это постановленіе уѣздныя собранія Московской губерніи, но его незаконность и несогласность съ духомъ земскихъ учрежденій очевидны.

Ст. 63-я говоритъ, что «уѣздныя земскія учрежденія завѣдываютъ земскими дѣлами, относящимися до каждаго уѣзда». Чтобы не смѣшать кругъ дѣйствія уѣзднаго собранія съ кругомъ дѣйствій губерн-

скаго, 64-я ст. относитъ нѣкоторые предметы *«въ особенности»* въ вѣдомству уѣздныхъ земскихъ учрежденій. Между этими предметами первое мѣсто занимаетъ «раскладка внутри уѣзда тѣхъ государственныхъ и губернскихъ сборовъ, которыхъ разверстаніе по уѣзду будетъ возложено по закону, или по распоряженію правительства на уѣздныя учрежденія»; другими словами, на уѣздныя учрежденія именно возложена «раскладка уѣзднаго земскаго сбора». Далѣе, правила о земской росписи вездѣ упоминаютъ, что уѣздныя раскладки составляются уѣздными управами и утверждаются уѣздными собраніями. Наконецъ, 16-я ст. временныхъ правилъ для земскихъ учрежденій допускаетъ, въ видѣ исключенія, участіе губернской управы въ раскладкѣ только *губернскаго сбора*. «При раскладкѣ *дополнительнаго губернскаго земскаго сбора* — говоритъ эта статья — губернскія учрежденія принимаютъ въ соображеніе уѣздныя раскладки и заключенія уѣздныхъ собраній; но отъ ихъ усмотрѣнія зависитъ: или распредѣлять сумму губернскаго сбора непосредственно по предметамъ обложенія, или, раздѣливъ оную между уѣздами, раскладку внутри уѣздовъ произвести согласно основаніямъ, принятымъ при уѣздной раскладкѣ». Ясно, что уже одно это исключеніе для губернскаго сбора, прямо поясненное въ законѣ, указываетъ на общее правило невмѣшательства губернскаго собранія въ уѣздную раскладку, до протеста губернатора.

Раскладка, какъ выраженіе экономическихъ отношеній между платящими группами въ извѣстной, данной мѣстности, для составленія уравнительнаго между ними распредѣленія земскихъ тягостей, — по самому своему значенію, есть дѣло мѣстное и можетъ быть съ успѣхомъ составлена только мѣстными жителями, которымъ вполнѣ хорошо извѣстны экономическія отношенія въ опредѣленномъ районѣ. Иначе, раскладка теряетъ характеръ достовѣрности и зависитъ отъ полноты и совершенства бумажныхъ данныхъ. Трудно себѣ представить, чтобы всѣ уѣзды Московской губерніи находились до того въ *совершенно одинаковыхъ* экономическихъ условіяхъ, чтобы для нихъ требовалась непремѣнно одинаковая раскладка? Если различные и несогласные между собою взгляды на раскладки разныхъ уѣздовъ ведутъ «къ прямымъ противорѣчіямъ», то отчего же не поведутъ къ нимъ различные взгляды разныхъ губерній? Но тогда къ чему же, кромѣ прямыхъ противорѣчій, ведетъ право земскихъ собраній составлять раскладки? Удобнѣе составить одну для всей Россіи, т. е. обратиться къ уставу о повинностяхъ, исправивъ его въ чемъ нужно, а изъ губернскихъ учрежденій сдѣлать такія же исполнительныя конторы, какія московское губернское собраніе желаетъ сдѣлать изъ уѣздныхъ.

Кромѣ того, такое стремленіе губернскаго собранія противорѣчитъ всей практикѣ земскихъ учрежденій: самостоятельность уѣздныхъ учрежденій была признана и de jure и de facto: ни одному губернскому собра-

нію не приходило въ голову начальствовать надъ уѣздными собраніями. Когда въ одной губерніи нѣкорыя уѣздныя управы вздумали во всемъ обращаться къ руководству губернской управы, то эта послѣдняя отказалась воспользоваться такимъ лестнымъ положеніемъ. «Замѣтивъ — говоритъ эта губернская управа въ своемъ отчетѣ — что нѣкоторыя уѣздныя управы ставятъ себя въ зависимое, подчиненное отношеніе къ губернской управѣ... и полагая.... что чѣмъ самостоятельнѣе и независимѣе будутъ дѣйствія уѣздныхъ управъ... тѣмъ болѣе принесутъ они пользы, губернская управа долгомъ сочла просить управы обращаться къ ней за разрѣшеніемъ только въ случаяхъ указанныхъ закономъ», и т. д. Такимъ образомъ, до сихъ поръ уѣздныя земскія учрежденія сохраняли вездѣ полную самостоятельность... Московское губернское земское собраніе первое подаетъ примѣръ начальственныхъ притязаній. Оно первое въ кругъ простыхъ, свободныхъ и живыхъ сношеній между земскими учрежденіями, основанными на *равноправности*, вноситъ чиновничью терминологію *обязательныхъ утвержденій*, *предписаній* и пр.

III. Мы уже говорили о тяжести и неуравнительности *натуральныхъ повинностей*. До послѣдняго времени, натуральная повинность лежала исключительно на крестьянахъ и въ этомъ смыслѣ могла быть названа *сословною*. Въ послѣднемъ изданіи Свода законовъ, въ уставѣ о повинностяхъ, вошло Высочайше утвержденное мнѣніе главнаго комитета по устройству сельскихъ сословій, гдѣ возложено *по дорожной повинности* на обязанность частныхъ землевладѣльцевъ, до 1863 г. неучаствовавшихъ въ этой повинности, отпускъ лѣсныхъ матеріаловъ, необходимыхъ для устройства дорогъ. Кромѣ того, проселочныя дороги исправляются крестьянами только въ предѣлахъ ихъ надѣла, слѣдовательно на земляхъ частныхъ владѣльцевъ исправленіе проселочныхъ дорогъ должно производиться на ихъ счетъ. Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ въ этомъ случаѣ указало совсѣмъ новыя основанія распредѣленія натуральныхъ повинностей. Изъ ст. 34 врем. прав. видно прямо: «Уѣздныя собранія, при утвержденіи раскладки натуральныхъ повинностей, *могутъ*, если найдутъ болѣе удобнымъ, освобождать частныхъ уѣздныхъ землевладѣльцевъ, не принадлежащихъ къ составу волостныхъ обществъ, отъ отправленія той или другой натуральной повинности, съ *уравнительною за то замѣною*, возвышеніемъ другихъ натуральныхъ повинностей или денежнаго сбора съ таковыхъ землевладѣльцевъ». Изъ этой статьи видно, что уѣздные землевладѣльцы привлечены къ отбыванію всѣхъ вообще натуральныхъ повинностей, и освобожденіе ихъ можетъ быть допущено только съ уравнительною замѣною. Такимъ образомъ, начало *сословности*, въ смыслѣ привилегій, при взиманіи земскихъ сборовъ, — начало, исключенное изъ положенія о земскихъ учрежденіяхъ, какъ совершенно ему противорѣчащее,—

отмѣнено и въ отношеніи къ натуральнымъ повинностямъ. Правда, вполнѣ ясный смыслъ этой статьи нѣсколько затемняется неопредѣленною ссылкою на прежнія узаконенія, въ ст. 30, гдѣ говорится, что отъ натуральныхъ повинностей изъемлются только *лица*, освобожденныя отъ нихъ по *прямому указанію* закона; но статья эта совершенно непримѣнима къ сословію частныхъ землевладѣльцевъ, ибо иначе 34 статья была бы невозможнымъ и неразрѣшимымъ противорѣчіемъ статьѣ 30. Но, оставляя въ сторонѣ неподлежащій произвольному толкованію смыслъ закона, съ точки зрѣнія самихъ земскихъ учрежденій, вопросъ о замѣнѣ натуральныхъ повинностей денежными не можетъ подавать повода къ недоразумѣніямъ. Если земскія учрежденія признаютъ програмою своей дѣятельности *справедливость* и *уравнительность* — а другой програмы они конечно неимѣютъ, — то оставленіе обременительныхъ натуральныхъ повинностей на сельскомъ населеніи не можетъ для нихъ представляться возможнымъ. Къ чести земскихъ учрежденій должно сказать, что — за исключеніемъ большинства псковскаго губернскаго собранія, — принципъ необходимости замѣненія натуральныхъ повинностей денежными и уравнительнаго распредѣленія ихъ между сословіями, — вездѣ былъ принятъ большинствомъ.

Въ первомъ же самарскомъ собраніи, вопросъ о переложеніи если не всѣхъ, то по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ натуральныхъ повинностей на общій губернскій сборъ, предложилъ гласный отъ землевладѣльцевъ Мухановъ, который предлагалъ собранію поручить губернской управѣ ускорить собраніемъ свѣдѣній о натуральныхъ повинностяхъ и внести на заключеніе уѣздныхъ собраній соображенія свои о переложеніи повинностей подводной и квартирной. Большинство не отнеслось впрочемъ сочувственно къ запискѣ гл. Муханова и осталось при прежнемъ постановленіи, которымъ управѣ поручалось только собраніе подробныхъ свѣдѣній для раздѣленія натуральныхъ повинностей на губернскія и уѣздныя. Въ костромскомъ 1-мъ собраніи, подобное заявленіе сдѣлано было всѣми 8 гласными отъ крестьянъ, въ которомъ они, на основаніи 34 ст. врем. прав., предлагали, для привлеченія къ участію въ натуральныхъ повинностяхъ, «обложить и земли частныхъ владѣльцевъ, тѣмъ болѣе, что въ городахъ Костромской губерніи, торговыя лавки, дома и, словомъ сказать, всѣ строенія безъ исключенія и земли обложены нынѣ по оцѣнкѣ денежнымъ сборомъ». Собраніе, по этому поводу, согласно мнѣнію 5 гласныхъ отъ землевладѣльцевъ, признало, что заявленіе это относится къ натуральной дорожной повинности и не сочло себя, вправѣ—владѣльцевъ земли, *изъятыхъ лично отъ натуральной повинности*, привлекать къ участію въ ней въ бóльшей мѣрѣ противъ опредѣленнаго закономъ (Цирк. мин. вн. д. отъ 17-го января 1863 г.) размѣра, обязывающаго владѣльцевъ отпускать безплатно

лѣсной матеріалъ для поправки дорогъ и мостовъ — и въ силу этого собраніе обязало управу собрать свѣдѣнія о количествѣ потребныхъ для устройства и содержанія мостовъ и гатей лѣсныхъ матеріаловъ, отпускъ которыхъ лежитъ на обязанности частныхъ владѣльцевъ. Гласными отъ крестьянъ вопросъ о натуральныхъ повинностяхъ, въ смыслѣ уравнительнаго ихъ распредѣленія между всѣми сословіями, поднятъ былъ въ полтавскомъ и черниговскомъ губернскихъ собраніяхъ. Мы приводимъ въ подлинникѣ заявленія черниговскихъ гласныхъ, такъ какъ оно пропущено въ печатномъ экземплярѣ засѣданій черниговскаго собранія и помѣщено только въ «Днѣ». По изложеніи жалобы на остерское уѣздное собраніе, которое отвергло съ рѣзкимъ заключеніемъ подобное же заявленіе, представители сельскаго населенія выражаются такимъ образомъ:

«По поводу всего этого, мы, какъ гласные изъ податного сословія, долгомъ и непремѣнною обязанностію своею считаемъ довести объ этомъ до свѣдѣнія почтеннѣйшаго черниговскаго губернскаго земскаго собранія и покорнѣйше просимъ, въ отстраненіе на будущее время подобныхъ недоразумѣній для податного сельскаго населенія весьма жалкихъ и обидныхъ, по причинѣ которыхъ вся тяжесть натуральныхъ повинностей можетъ пасть на одно это, въ сравненіи съ прочими, бѣднѣйшее населеніе; нынѣ же разъяснивши, что 30 ст. врем. прав. (ст. 30: отъ натуральныхъ повинностей изъемлются только лица, освобожденныя по прямому указанію закона), «освобождая отъ этихъ повинностей одни лишь лица, изъятыя отъ нихъ по прямому указанію закона, а находящихся во владѣніи ихъ имуществъ вовсе не касается, которые, по силѣ 29 ст. тѣхъ же правилъ, при раскладкѣ сихъ повинностей непремѣнно должны быть принимаемы въ основаніе» (ст. 29.... для раскладки прочихъ натуральныхъ повинностей принимается количество и производительность земель....); и, по точному разуму 34, 35, 44 и пункта *а* ст. 7-й сихъ же, «облагаемы сказанными повинностями наравнѣ съ имуществами податныхъ сословій, не ожидая переложенія сихъ повинностей въ денежныя»; (ст. 34. Уѣздныя собранія, при утвержденіи раскладки натуральныхъ повинностей, могутъ, если найдутъ болѣе удобнымъ, освобождать частныхъ уѣздныхъ землевладѣльцевъ и принадлежащихъ къ составу волостныхъ обществъ, отъ отправленія той, или другой натуральной повинности, съ уравнительною за то замѣною возвышеніемъ размѣра другихъ натуральныхъ повинностей или денежнаго земскаго сбора съ такихъ землевладѣльцевъ; ст. 35. Уѣздная управа, по утвержденіи раскладокъ, сообщаетъ.... выписки.... волостнымъ учрежденіямъ и частнымъ уѣзднымъ землевладѣльцамъ; ст. 44. Всѣ частныя лица и общества имѣютъ право исполненіе натуральной повинности произвести посредствомъ найма.... Ст. 7. земскія собранія.... могутъ.... а) дать земскимъ управамъ надлежащія наставленія относительно собранія свѣдѣній и составленія, къ будущему созванію собраній, проектовъ, новыхъ смѣтъ и раскладокъ денежныхъ и натуральныхъ повинностей, съ раздѣленіемъ ихъ на губернскія и уѣздныя и съ правильнымъ распредѣленіемъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ повинностей между крестьянами и землевладѣльцами, на точномъ основаніи 167-й ст. общ. пол. о крест.;).... «на основаніи 66 ст. пол.» (Ст. 66. Губернскія земскія собранія могутъ издавать обязательныя для уѣздныхъ земскихъ учрежденій той же губерніи постановленія....) «вмѣнить въ обязанность всѣмъ уѣзднымъ земскимъ учрежденіямъ черниговской губерніи распредѣлять всѣ совершенно натуральныя повинности, уравнительно между всѣми сословіями безъ различія, казаками, крестьянами всѣхъ наименованій, колонистами, мѣщанами-христіанами и евреями, купцами, священно и

церковнослужителями и дворянами, сообразно владѣемому каждымъ имуществу, его цѣнности и доходности, сходному, какъ этого свято требуетъ вышеприведенный законъ. Повергая на благоусмотрѣніе почтеннѣйшаго собранія это заявленіе наше, мы твердо убѣждены, что собраніе, въ средѣ коего есть представители и отъ сельскихъ обществъ, долгъ и искренняя обязанность которыхъ защищать ихъ интересъ, принявъ во вниманіе положеніе податнаго сельскаго населенія и сравнивъ его съ положеніемъ частныхъ землевладѣльцевъ, безъ сомнѣнія болѣе прочнымъ, въ ходатайствѣ нашемъ, весьма основательномъ и законномъ, не откажетъ».

Почтенный корреспондентъ «Дня», передавшій это заявленіе, прибавляетъ:

«Чтеніе этого заявленія произвело смятеніе въ собраніи. Дворяне находили, что оно совершенно неосновательно, такъ какъ, по ихъ словамъ, имущество дворянское не подлежитъ этимъ повинностямъ, — на немъ лежитъ въ замѣнъ усиленный денежный сборъ. Между тѣмъ дворяне не хотѣли отказать на отрѣзъ казакамъ и крестьянамъ, которые основали свое мнѣніе на законѣ, а желали убѣдить ихъ въ томъ, что они неправильно понимаютъ законъ. Подписавшимъ заявленіе говорили мягкимъ, но поучительнымъ тономъ, что слѣдуетъ переложить натуральныя повинности въ денежную, прежде чѣмъ привлекать къ участію въ нихъ лицъ, освобожденныхъ по указанію закона; притомъ, управы должны изыскать болѣе справедливыя основанія для раскладокъ, такъ какъ денежная повинность, составленная изъ переложенія натуральныхъ, образуетъ огромную цифру и если ее разложить по десятинно, — она будетъ невыносимымъ налогомъ для крупныхъ землевладѣльцевъ.

«Со стыдомъ нужно сознаться, что раздавались — правда, очень не многіе — голоса, говорившіе: «стóитъ ли съ ними толковать!»

«Любопытно было смотрѣть на нѣкоторыхъ господъ съ такъ называемыми демократическими тенденціями, которымъ пришлось на этотъ разъ или умолкнуть, или защищать мысль о разложеніи натуральныхъ повинностей на все дворянское сословіе, а въ томъ числѣ и на себя. Они благоразумно предпочли первое.

«Заявленіе казаковъ и крестьянъ не имѣло послѣдствій на этотъ разъ; но мысль, выраженная въ немъ, не угаснетъ, а будетъ, я увѣренъ, постоянно появляться вновь въ земскихъ собраніяхъ. Одна изъ причинъ, по которой весьма полезно присутствіе значительнаго числа представителей сельскаго населенія въ земскихъ собраніяхъ, это именно то, чтобы побуждать «интеллигенцію» собраній къ тому, чтобы она обращала серьезное вниманіе на натуральныя повинности, такъ близко затрогивающія хозяйственные интересы всего сельскаго населенія, и изыскивала средства для разложенія этихъ повинностей на началахъ справедливыхъ и согласныхъ съ духомъ земскихъ учрежденій.»

Въ другихъ собраніяхъ, сочувствіе къ принципу переложенія на-

туральныхъ повинностей высказывалось болѣе дѣятельно: поручено было губернскимъ управамъ собрать свѣдѣнія о натуральныхъ повинностяхъ и представить свои соображенія объ обращеніи ихъ въ денежныя и о болѣе уравнительномъ ихъ распредѣленіи между сословіями.

Что касается до уѣздныхъ собраній, то многія изъ нихъ въ этомъ вопросѣ пошли гораздо далѣе губернскихъ и привели въ исполненіе переводъ на деньги и уравненіе по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ видовъ натуральной повинности (преимущественно дорожной). Сюда относятся всѣ уѣзды Самарской губерніи (кромѣ Богурусланскаго), нѣкоторые Новгородской (Крестецкій), Ярославской, Костромской (Костромской, Нерехтскій) и мн. др. Тѣмъ страннѣе положеніе, которое приняли въ отношеніи къ вопросу о переложеніи натуральной повинности чины мѣстной администраціи. Бо́льшая часть начальниковъ губерній опротестовали постановленія по этому предмету земскихъ учрежденій. Одни (какъ напр. Самарскій губернаторъ) останавливались на самыхъ ничтожныхъ формальностяхъ, напр., что «дѣйствіе составленныхъ на текущій годъ смѣтъ, если бы онѣ и получили утвержденіе, и въ особенности поступленіе опредѣленныхъ на разныя потребности сборовъ, могутъ начаться чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, между тѣмъ, въ поставкѣ подводъ для служебныхъ разъѣздовъ правительственныхъ лицъ будетъ встрѣчаться ежедневная надобность, и потому сельскія общества, не смотря на опредѣленный съ нихъ сборъ, не будутъ въ состояніи избѣжать отправленія повинности натурою;» тогда какъ, по справедливому замѣчанію ревизіонной коммисіи, это обстоятельство не должно бы было останавливать начальника губерніи и совершенно отстраняется принятымъ въ послѣднихъ засѣданіяхъ перваго губернскаго собранія условіемъ считать начало земскаго года со второго полугодія гражданскаго года, что не могло не быть извѣстно Самарскому губернатору, бывшему, въ качествѣ мѣстнаго губернскаго предводителя, предсѣдателемъ перваго Самарскаго собранія. Другіе (какъ Псковской губернаторъ), защищая начало сословности на основаніи прежняго устава о земскихъ повинностяхъ, отрицали самое право земскихъ собраній распредѣлять уравнительно обращенныя въ денежныя натуральныя повинности между частными владѣльцами, будто бы отъ нихъ освобожденными. Такого мнѣнія впрочемъ, кромѣ Псковского губернатора, придерживается большинство Псковского губернскаго собранія и еще одного. Но всего замѣчательнѣе отношеніе къ этому вопросу назначеннаго отъ правительства предсѣдателя второго губернскаго Самарскаго собранія, — извѣстнаго общественнаго дѣятеля Ю. Ф. Самарина. На возраженіе, будто бы уѣзды, перекладывая натуральныя повинности свои на свои же уѣздныя денежныя средства, не выходятъ изъ круга, предоставленнаго ихъ вѣдѣнію, не посягаютъ ни на права, ни средства губернскаго земства, и потому имѣютъ полное основаніе надѣяться, что ни-

кто не будетъ вступаться въ ихъ домашнія распоряженія,—г. предсѣдатель замѣтилъ, что, повидимому, каждый уѣздъ дѣйствительно надѣется разрѣшить трудную задачу переложенія повинностей на деньги, не обременяя сосѣднихъ уѣздовъ; но воздержность, въ настоящую минуту обнаруживаемая, нисколько не ручается за будущее, ибо не подлежитъ никакому сомнѣнію, что какъ только будетъ сдѣлано распредѣленіе переложенныхъ на деньги повинностей на два разряда, губернскія и уѣздныя, — такъ каждый уѣздъ получитъ совершенно законное и неопровержимое основаніе требовать, чтобы вся та часть отбываемыхъ въ границахъ его повинностей, которая признана губернскою, отнесена была на губернскія средства. Нельзя и думать, чтобы имѣя такое основаніе требовать облегченія, какой либо уѣздъ добровольно отрекся отъ своего права, и только тогда каждый уѣздъ на опытѣ почувствуетъ тягость, принятую имъ, не только за себя, но и за другихъ. Во избѣжаніе въ этомъ отношеніи поздняго безплоднаго сожалѣнія и неисправимыхъ ошибокъ, желательно, чтобы каждый уѣздъ не раньше приступалъ къ обложенію самого себя на переложеніе повинностей, какъ получивъ возможность оглянуться, и сообразить тѣ тягости, которыя должны пасть на него, вслѣдствіе такихъ же распоряженій сосѣднихъ уѣздовъ. Поэтому-то законъ и призналъ необходимымъ, чтобы переложенію натуральныхъ повинностей на деньги предшествовало раздѣленіе ихъ на уѣздныя и губернскія.

Итакъ, система замедленія этого въ высшей степени полезнаго и неотложно необходимаго дѣла нашла въ г. Самаринѣ самого краснорѣчиваго и послѣдовательнаго защитника. Но при всемъ томъ, большинствомъ 24 голосовъ противъ 21, собраніе рѣшило, что уѣздныя собранія имѣли право переложить натуральныя повинности на деньги, до раздѣленія ихъ на губернскія и уѣздныя.

Такимъ образомъ, эта трогательная перспектива *«поздняго безплоднаго сожалѣнія и неисправимыхъ ошибокъ»* — не запугала собранія. Совсѣмъ иначе отнесся къ этому вопросу Правительствующій сенатъ, который, — по дошедшему къ нему протесту начальника губерніи по Псковской губерніи, — призналъ за уѣздными собраніями право переложенія уѣздныхъ натуральныхъ повинностей на денежныя. — Какъ бы то ни было, приведеніе въ исполненіе этой важной мѣры, — существующее только какъ исключеніе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, — стоитъ на очереди: лучше пусть сами земскія собранія покончатъ въ своей средѣ вопросъ объ уравнительномъ распредѣленіи натуральныхъ повинностей между отдѣльными группами плательщиковъ, — нежели это уравненіе совершится словомъ закона, въ видѣ краткой, общей статьи, проводящей абсолютное, теоретическое равенство, не останавливающееся ни предъ какими мѣстными соображеніями. Въ первомъ случаѣ, возможны взаимныя уступки и постепенность, во второмъ,

все сглаживается одною буквою закона. Мы не отрицаемъ, что вопросъ этотъ принадлежитъ къ числу самыхъ трудныхъ и сложныхъ, и что одностороннее его рѣшеніе легко можетъ быть отыскано и приведено въ исполненіе. Прежде всего, безусловное переложеніе всѣхъ натуральныхъ повинностей въ денежныя нельзя признать мѣрою вполнѣ раціональною, съ точки зрѣнія самихъ плательщиковъ: иногда отбываніе повинности натурою, особенно для крестьянъ, можетъ оказаться болѣе выгоднымъ, нежели самый умѣренный, замѣняющій ее денежный сборъ. Это отлично разъяснено въ рѣчи гласнаго гр. Шувалова въ Петербургскомъ земскомъ собраніи, которую приведемъ здѣсь въ подлинникѣ:

«Преобразованіе дорожной повинности должно имѣть въ виду двѣ главныя цѣли: одна изъ нихъ есть привлеченіе всѣхъ мѣстныхъ жителей къ исполненію этой повинности, лежавшей до сихъ поръ на крестьянскихъ общинахъ, а другая — дѣйствительное приведеніе нашихъ путей сообщенія въ благоустроенное состояніе, чего не было до сихъ поръ. Въ прежнее время, дороги исправлялись *по волѣ случая*, т. е. въ тѣхъ только мѣстахъ, гдѣ къ этому вынуждаетъ совершенное отсутствіе проѣзда или прибытіе какого нибудь важнаго лица. Правильное земское хозяйство требуетъ, чтобы дороги на всемъ протяженіи были всегда въ надлежащей исправности, и чтобы исправленіе ихъ производилось хозяйственнымъ способомъ, то есть въ самое дешевое время, не отрывая мѣстныхъ жителей отъ ихъ обычныхъ занятій въ самую нужную рабочую пору. Однимъ словомъ, нужно, чтобы дорожная повинность была *опредѣленна и постоянна*: тогда только можно разложить ее съ соблюденіемъ справедливости. Начало справедливости состоитъ въ привлеченіи къ ней, кромѣ сельскихъ обществъ — всѣхъ другихъ мѣстныхъ жителей; для уравненія же между ними этой повинности представляются различные способы. Всего проще переводъ ея на денежную и разверстаніе сообразно съ общими началами уравненія всѣхъ денежныхъ повинностей; но къ осуществленію этого способа представляются важныя препятствія. Денежная повинность во многихъ случаяхъ для крестьянъ представится тяжелѣе и затруднительнѣе натуральной, особенно при правильномъ распредѣленіи послѣдней въ удобное время и на близкомъ разстояніи отъ селеній Отсюда вытекаетъ второй способъ — оставить дорожную повинность на крестьянахъ въ видѣ натуральной и привлечь къ денежной повинности остальныя сословія; но здѣсь опять встрѣчается непреодолимое затрудненіе, потому что невозможно найти сколько нибудь вѣрную пропорцію между исправленіемъ участка натурою поголовно крестьянами и денежною отвѣтственностью лицъ другихъ сословій, сообразно общей цѣнности и доходности отдѣльныхъ имуществъ. Поэтому приходится невольно остановиться на третьемъ способѣ, по которому дорожная повинность остается натуральною для всѣхъ сословій и распредѣляется между взрослыми или рабочими силами, по числу лицъ и количеству лошадей, съ тѣмъ, что желающіе могутъ всегда выкупать лежащую на нихъ долю повинности по опредѣленной заранѣе таксѣ. Способъ этотъ уже существуетъ въ другихъ странахъ и особенно интересенъ для насъ, потому что, кромѣ Англіи, гдѣ дороги строятся частными предпринимателями и оплачиваются сборами съ проѣзжающихъ, вездѣ натуральная дорожная повинность удержалась, и значительная часть сельскаго населенія, не смотря на болѣе благопріятныя чѣмъ у насъ условія и сравнительно лучшее положеніе, не въ состояніи вынести сборовъ по обращенію ея въ денежную и не пользуется предоставленнымъ ей правомъ выкупа.

«Во Франціи до послѣднихъ годовъ прошлаго вѣка дорожная повинность исправлялась почти такъ же какъ и нынѣ въ Россіи, то есть натурою. Отбываніе натурою

этой повинности было прекращено въ 1790 году и замѣнено въ 1791 году поземельнымъ денежнымъ сборомъ. Послѣдствія этой мѣры были самыя неудовлетворительныя. Незначительная только часть сбора уплачивалась, и то съ большими затрудненіями, такъ что пути сообщенія стали совершенно уничтожаться. Тогда Наполеонъ I, будучи еще консуломъ, административнымъ распоряженіемъ, возстановилъ отбываніе дорожной повинности натурою, что и продолжалось во все его царствованіе, но на основаніяхъ самыхъ неопредѣленныхъ и зависѣвшихъ совершенно отъ произвола префектовъ (губернаторовъ). Нѣсколько разъ государственный совѣтъ (Conseil d'État) приступалъ къ составленію закона по этому предмету; но законъ не былъ изданъ, и отбываніе дорожной повинности натурою вторично было уничтожено со вступленіемъ на престолъ Бурбоновъ.

«Снова дороги стали приходить въ самое дурное состояніе; вопросъ о нихъ возбуждался постоянно въ палатахъ, и въ 20-хъ годахъ министръ внутреннихъ дѣлъ передалъ его на разсмотрѣніе губернскихъ земскихъ собраній (Conseils généraux). 55 изъ нихъ просили возстановленія натуральной дорожной повинности съ правомъ выкупа; 4 предложили оставить ея денежною, а 12 представили разнородныя и сложныя предположенія, о которыхъ излишне говорить. Вслѣдствіе того состоялся въ 1824 г. новый законъ, который оставался почти безъ примѣненія, по неопредѣленности своего изложенія и по отсутствію въ немъ обязательнаго характера. Послѣ революціи 1830 года, палаты принялись снова за этотъ вопросъ, который былъ окончательно разрѣшенъ въ 1836 году, обнародованіемъ закона, который и по нынѣ остается дѣйствующимъ во Франціи. Главныя основанія этого закона заключаются въ слѣдующемъ:

«Каждый отецъ семейства или хозяинъ ставитъ за себя, за каждаго члена семейства, служителя и работника отъ 16 лѣтъ по три дня пѣшихъ въ годъ, а за каждую лошадь годную къ употребленію по три дня конныхъ въ годъ. Дни пѣшій и конный замѣняются каждымъ по его желанію извѣстнымъ опредѣленнымъ напередъ для мѣстности денежнымъ взносомъ. Губернское земское собраніе располагаетъ ²/₃ всего сбора; повинность натурою взимается на основаніи урочнаго положенія, причемъ принимается въ соображеніе разстояніе работы отъ мѣста жительства; неимущіе избавлены отъ повинности. Законъ этотъ имѣлъ слѣдующіе результаты: изъ отчета министра внутреннихъ дѣлъ въ 1868 г., видно, что посредствомъ этой натуральной выкупаемой повинности въ 25 лѣтъ было сдѣлано 220,000 верстъ шоссейныхъ дорогъ разныхъ разрядовъ, 140,000 небольшихъ мостовъ или водопроводовъ и 6,000 мостовъ болѣе значительныхъ; что съ 1857 до 1861 года было отбыто натурою на сумму 218,336,125 фран., а деньгами 219, 356, 125 фран., и наконецъ, что изъ 37,510 (въ томъ числѣ Парижъ и другіе города) общинъ (communes), составляющихъ Францію, въ 37,019-ти (съ населеніемъ 30,255,667 д.) существовала въ 1863 г. натуральная дорожная повинность, остальныя же 491 или содержатъ дороги другими средствами, или вовсе не участвуютъ въ содержаніи дорогъ по неимѣнію пригородныхъ земель.

«Необходимо прибавить, что дорожная натуральная повинность, исправляемая нынѣ въ Бельгіи, установлена на тѣхъ же самыхъ почти основаніяхъ закономъ 1841 года.

«Примѣненіе этой системы у насъ могло бы имѣть не менѣе благодѣтельные результаты. Положимъ, — совершенно условно, и только въ видѣ примѣра, что на крестьянское общество разсчитывается натуральная дорожная повинность въ размѣрѣ 1 пѣшаго и 1 коннаго дня на *каждую ревизскую душу*, которая внутри общины разверстывается по опредѣленію сельскаго схода. Тогда въ видахъ справедливаго уравненія, я предложилъ бы считать крестьянское тягло равнымъ *тремъ* ревизскимъ душамъ, вмѣсто 2½, какъ обыкновенно принимается, и этотъ *тяглый* крестьянскій участокъ (т. е. 3 дня пѣшихъ и 3 конныхъ) считать за норму натуральной дорожной

повинности для каждаго личнаго владѣльца имуществомъ. Такимъ образомъ, землевладѣлецъ, т. е. глава семейства или хозяинъ поземельной собственности, долженъ отбыть число конныхъ и пѣшихъ дней за себя и все число живущихъ у него служителей или работниковъ и содержимыхъ имъ лошадей, что и совершенно справедливо, ибо число лошадей и наемныхъ служителей или рабочихъ служитъ до нѣкоторой степени видимымъ масштабомъ поземельнаго его богатства. Лица неимущія и рабочіе сами по себѣ освобождаются отъ участія въ денежной повинности, и она распредѣляется на началахъ болѣе справедливыхъ и менѣе гадательныхъ, нежели настоящая раскладка. Распредѣленную объясненнымъ выше способомъ дорожную натуральную повинность всякому дозволяется обратить въ денежную самому, посредствомъ выкупа натуральной повинности, на него падающей, по заранѣе-опредѣленной таксѣ, соразмѣрно числу причисленныхъ къ нему рабочихъ силъ и годныхъ лошадей.

«Что же касается до подводной повинности, то ее легче уравнять между всѣми жителями на основаніи подобныхъ же соображеній, съ предоставленіемъ права желающимъ отправлять ее натурою или отбывать денежнымъ сборомъ.»

Такимъ образомъ, тамъ, гдѣ не приступлено къ обращенію натуральной повинности прямо въ денежную и гдѣ къ тому встрѣчаются какія либо мѣстныя препятствія,—можно избрать этотъ средній путь—равномѣрное распредѣленіе натуральной повинности между всѣми плательщиками, примѣняясь къ экономическому положенію отдѣльныхъ группъ, съ правомъ выкупа этой повинности желающими. Далѣе,—немедленное разверстаніе всѣхъ натуральныхъ повинностей между лицами до сихъ поръ отъ нихъ освобожденными, — при современномъ разстройствѣ экономическаго быта всѣхъ и каждаго, при отсутствіи не только обыкновенныхъ доходовъ, но средствъ пропитанія въ привычныхъ размѣрахъ,—дѣйствительно представляется сразу слишкомъ затруднительнымъ, но это нисколько не слагаетъ съ земскихъ учрежденій отвѣтственности въ промедленіи. Если разверстаніе повинностей на первыхъ порахъ должно быть отсрочено, то во всякомъ случаѣ необходимо начать его и начать дѣломъ, а не словомъ. Доброе начало есть половина дѣла и легче всего въ этомъ случаѣ поведетъ въ взаимнымъ уступкамъ и соглашеніямъ: на сторонѣ начинающихъ, кромѣ сознанія исполненія своей прямой и существеннѣйшей обязанности,—и практическій успѣхъ въ этомъ дѣлѣ;—откладывающимъ же грозитъ опасность поздняго принужденнаго, не склоняющагося ни на какія уступки разверстанія или словомъ закона, или давленіемъ большинства. Какъ на самый лучшій приступъ къ разверстанію натуральныхъ повинностей, мы не можемъ въ заключеніе не обратить снова вниманія земскихъ учрежденій на дѣятельность Псковской уѣздной управы, по учету неправильно отбываемой натуральной повинности, — дѣятельность, принесшую такіе блестящіе, указанные нами выше результаты!

Какое же общее заключеніе можемъ мы вывести изъ разсмотрѣнныхъ нами данныхъ о *денежныхъ средствахъ* земства? Ходатайства

земства о сокращеніи непроизводительныхъ расходовъ до сихъ поръ не могли еще получить окончательнаго разрѣшенія, и эти непроизводительные расходы продолжають попрежнему поглощать всѣ прежнія средства земскаго бюджета, не оставляя простора для его новыхъ, полезныхъ начинаній. Правительство передало земству извѣстныя отрасли народнаго хозяйства въ то время, когда обыкновенные доходы, на которые велось это хозяйство, оказались недостаточными, и вездѣ дефицитъ административнаго хозяйства покрывался средствами чрезвычайными, не переданными земству. Прежніе капиталы, проценты съ которыхъ служили главнымъ образомъ для содержанія извѣстныхъ учрежденій, переходятъ къ земству въ значительно уменьшенныхъ размѣрахъ, или вовсе, — какъ въ дѣлѣ взаимнаго застрахованія,—капиталовъ не оказывается, а только долги, принимаемыя правительствомъ на себя. Слѣдовательно, во всякомъ случаѣ земство на первыхъ порахъ является только средствомъ возвышенія налоговъ съ населенія,— при чемъ земство силою прежнихъ обстоятельствъ поставлено въ невозможность ни уравнительно распредѣлить ихъ съ самаго начала, ни употребить на такія производительныя затраты, польза которыхъ была бы очевидною для края. Трудное, тревожное состояніе земскихъ учрежденій прекрасно высказано въ извѣстной рѣчи гласнаго Новгородскаго губернскаго собранія, кн. А. И. Васильчикова:

«Мы доживаемъ, мм. гг. послѣдніе дни нашего краткосрочнаго существованія, — бросимъ же испытующій взглядъ на самихъ себя, на наши двадцатидневные посильные труды и постараемся объяснить себѣ ту пользу, которую принесли наши дѣйствія и совѣщанія новгородскому земству. Губернская управа дѣйствительно заслужила (я говорю за себя и выражаю только личныя чувства) нашу глубокую признательность. Она приготовила намъ обильные матеріалы, она разработала ихъ тщательно и добросовѣстно; она представила намъ полный очеркъ нашего хозяйственнаго положенія. Докладъ, представленный губернской управой при открытіи собранія, проекты смѣтъ и раскладокъ, отчетъ о денежныхъ суммахъ, — труды замѣчательные и они останутся прочными памятниками усердія и ревности нашихъ первыхъ дѣятелей по земскому дѣлу.... Но господа! чѣмъ обильнѣе эти матеріалы, чѣмъ добросовѣстнѣе была ихъ разработка, чѣмъ полнѣе этотъ очеркъ, тѣмъ печальнѣе оказывается наше настоящее положеніе. Чтобы избѣгнуть всякихъ увлеченій и преувеличеній, обращаюсь къ цифрамъ. Вотъ балансъ нашихъ земскихъ финансовъ. Къ 10 ноября имѣлось въ наличности около 32 тысячъ рублей, долгу состояло 87 т., ожидалось (я повторяю: ожидалось) разныхъ поступленій, недоимокъ и текущихъ сборовъ 245 тысячъ. Расходы, ассигнованные на 1866 годъ, простираются по губернскимъ и уѣзднымъ смѣтамъ на 405 т. р.; къ этой суммѣ еще прибавится нѣсколько десятковъ тысячъ р. на экстренные расходы по народному здравію, по взаимному страхованію и на содержаніе мировыхъ судей, неменѣе 75,000. И такъ, нашъ бюджетъ, скромный бюджетъ одной губерніи, на повинности денежныя, за исключеніемъ натуральныхъ и государственныхъ повинностей, простирается въ годъ на полмилліона.

«За тѣмъ я перехожу къ другой сторонѣ нашихъ дѣйствій, къ нашимъ распоряженіямъ и мѣропріятіямъ. И тутъ открывается передъ нами длинный, безконечно

длинный рядъ ходатайствъ, представленій, просьбъ и проектовъ. Мы ходатайствуемъ о возвращеніи намъ собственныхъ нашихъ денегъ, безспорно намъ принадлежащихъ, ходатайствуемъ о сокращеніи расходовъ по такимъ предметамъ, которые нами единогласно признаны излишними, но, не смотря на то, остаются для насъ обязательными; наконецъ, ходатайствуемъ, чтобы законъ былъ признанъ закономъ, и чтобы положеніе о земствѣ, Высочайше утвержденное Государемъ Императоромъ, не было истолковываемо отдѣльными вѣдомствами и начальствами, вопреки его смыслу и духу. Вотъ и балансъ нашихъ распорядительныхъ дѣйствій.

«Мы должны смиренно сознаться, что всѣ наши усилія привели насъ къ результатамъ совершенно отрицательнымъ. Наше финансовое положеніе представляетъ намъ крупныя цифры долговъ и недоимокъ; далѣе, въ туманѣ, великолѣпныя ожиданія, еще далѣе, еще выше, въ облакахъ, ожидаемыя разрѣшенія и соглашенія о возвращеніи намъ капиталовъ народнаго продовольствія и общественнаго призрѣнія. Наши распорядительныя дѣйствія ограничиваются ходатайствами, и, на всѣ наши ходатайства, мы до сихъ поръ слышимъ только одинъ краснорѣчивый отвѣтъ — молчаніе!

«Вотъ наше положеніе.

«Впрочемъ, мм. гг., я не полагаю, чтобы мы должны были нынѣ же немедленно и непосредственно приступить къ самоуничтоженію. Мы можемъ, мы должны еще ожидать и надѣяться....

«Но я желалъ объяснить себѣ слѣдующее мое недоумѣніе: еслибы, признавъ невозможнымъ дѣйствовать съ пользою для земства при настоящихъ обстоятельствахъ, и подтвердивъ это заявленіе въ докладахъ управы, въ мнѣніяхъ коммиссій, въ постановленіяхъ собранія, еслибы мы, въ то же время и не смотря на эти гласныя и даже торжественныя заявленія, продолжали наши дѣйствія, самими нами признаваемыя безплодными, то не могло ли бы это внушить мысль, что мы собираемся здѣсь для того только, чтобы налагать на прочихъ жителей тяжкіе налоги и назначать для самихъ себя штатныя содержанія.

«Мысль эта, это подозрѣніе нанесли бы послѣдній ударъ нашему нравственному вліянію; ихъ надо отклонить, и потому я ставлю вопросъ такъ: если на наши ходатайства и представленія не послѣдуетъ удовлетворительныхъ отвѣтовъ, то что̀ будетъ далѣе? Въ постановленіи собранія 7 декабря сказано, что въ такомъ случаѣ мы просимъ губернатора принять на себя распоряженія на счетъ земства. Но я слышалъ объ этомъ комментаріи въ такомъ смыслѣ, что мы только просимъ, что губернаторъ на нашу просьбу можетъ и не согласиться и, съ своей стороны, можетъ просить насъ продолжать нашу службу. Что же будетъ тогда? На этомъ вопросительномъ знакѣ я останавливаюсь.»

Съ тѣхъ поръ многое измѣнилось, — и конечно къ лучшему. Въ отвѣтъ на эту рѣчь, «Сѣверная Почта» замѣчаетъ, что въ 1865 году поступило по земскимъ дѣламъ около 1,800 бумагъ и въ томъ же году послано въ отвѣтъ около 1,400, въ томъ числѣ 133 отзыва по телеграфу. Распоряженіе о сліяніи государственныхъ крестьянъ съ другими сельскими сословіями повсемѣстно приводятся въ исполненіе, распоряженія о передачѣ земству Высочайше присвоенныхъ ему капиталовъ ожидаются, законодательное разрѣшеніе вопроса объ обложеніи казенныхъ земель приготовляется.

«Дѣло устанавливается, заключаетъ оффиціальный органъ, идетъ впередъ и входитъ въ кругъ той правильной дѣятельности, которая предстоитъ земству. Правительство съ особымъ участіемъ и особою

признательностію слѣдитъ за всѣми полезными начинаніями земскихъ учрежденій. Оно содѣйствуетъ и впередъ готово содѣйствовать успѣху этихъ начинаній, и сохраняетъ спокойную и твердую увѣренность въ томъ, что русскія земскія учрежденія достойно исполнятъ свое высокое призваніе къ чести и благу Россіи.» Какъ бы то ни было, пока земство «не войдетъ въ кругъ своей правильной дѣятельности» вслѣдствіе сокращенія непроизводительныхъ расходовъ, дѣйствительнаго пріема всѣхъ предназначаемыхъ ему капиталовъ и собранія необходимыхъ свѣдѣній для составленія уравнительныхъ раскладокъ, его «полезныя начинанія» по всѣмъ отраслямъ ввѣреннаго ему мѣстнаго хозяйства не могутъ быть обширны. Каковы они были на самомъ дѣлѣ, — мы постараемся передать въ слѣдующихъ книжкахъ.

Н. КОЛЮПАНОВЪ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ГЕРМАНІЯ НАКАНУНѢ РАЗРЫВА МЕЖДУ ПРУССІЕЙ И АВСТРІЕЙ *).

Сто лѣтъ тому назадъ, губертсбургскій миръ положилъ конецъ Семилѣтней войнѣ между Австріей и Пруссіей—послѣдней въ ряду междоусобныхъ войнъ, отъ которыхъ такъ тяжело и такъ долго страдала Германія. Попытка габсбургскаго дома сохранить за собою монополію вліянія въ дѣлахъ общегерманскихъ осталась безъ успѣха; смѣлый соперникъ выдержалъ отчаянную борьбу и вышелъ изъ нея равнымъ съ Австріей, если не по силамъ, то по крайней мѣрѣ по притязаніямъ и планамъ. Казалось, что Австрія не подчинится этому результату, что она не захочетъ допустить утвержденія новой, опасной власти. Черезъ пятнадцать лѣтъ послѣ окончанія семилѣтней войны австрійскія и прусскія войска опять стояли другъ противъ друга,—но столкновеніе было предупреждено посредничествомъ Европы. Старалась ли Австрія усилиться на берегахъ Изера или на берегахъ Дуная, хотѣла ли Пруссія укрѣпиться на Рейнѣ или присоединить къ себѣ Данцигъ

---

*) Въ послѣднее время событія пошли вдругъ такъ быстро, что при печатаніи настоящей статьи мы живемъ уже не наканунѣ, а въ самую минуту разрыва. 26 мая, прусскія войска вступили въ австрійскій надѣлъ, въ Голштинію. Но все это нисколько не измѣняетъ источника самаго разрыва, изслѣдованіе чего принялъ на себя авторъ; а въ источникѣ предстоящей войны заключено, безъ сомнѣнія, многое, что будетъ имѣть вліяніе на дальнѣйшій ходъ настоящаго столкновенія. Въ то время какъ прусскія войска вступили въ Голштинію, въ стѣнахъ самого Берлина, на извѣстномъ Дёнгофсплатцѣ, ждутъ вступленія новыхъ членовъ палаты депутатовъ. Намъ предстоитъ быть свидѣтелями двойной борьбы и рѣдкой въ лѣтописяхъ исторіи. — *Ред.*

и Торнъ — все становилось поводомъ къ разногласію между обѣими великими державами, и только французская революція могла предотвратить разрывъ, грозившій нѣсколько разъ въ царствованіе Фридриха-Вильгельма II. Во время секуляризаціи духовныхъ владѣній (1803) нужна была желѣзная рука перваго консула, чтобы раздѣлъ добычи между Пруссіей и Австріей могъ совершиться спокойно и миролюбиво. Какъ только Европа одержала верхъ надъ Наполеономъ, старая вражда пробудилась съ новою силой, и Австрія, еще во время вѣнскихъ переговоровъ, вступила въ союзъ съ Англіей и Франціей противъ Пруссіи и Россіи. На этотъ разъ антагонизмъ продолжался недолго; прекращенный возвращеніемъ Наполеона съ острова Эльбы, онъ не возобновился послѣ Ватерлоо и уступилъ мѣсто, на нѣсколько десятилѣтій, полному единодушію по всѣмъ важнѣйшимъ вопросамъ. Симптомы охлажденія начали появляться вновь только въ сороковыхъ годахъ, при Фридрихѣ-Вильгельмѣ IV; развитіе ихъ было ускорено кризисомъ 1848 года. Взаимное недовѣріе, усиленное до крайности рѣшеніями франкфуртскаго парламента, успѣхами прусскихъ войскъ въ Саксоніи и Баденѣ, событіями въ Гессенъ-Касселѣ и приэльбскихъ герцогствахъ, привело Пруссію и Австрію, въ концѣ 1850 г., на край открытаго разрыва. Ольмюцская сдѣлка возстановила, повидимому, прежній порядокъ вещей; но сѣмена раздраженія, оставленнаго ею въ Пруссіи, были слишкомъ многочисленны и горьки, чтобы дружба между великими державами могла быть продолжительна и чистосердечна. Итальянская война 1859 года показала, какъ мало Австрія можетъ полагаться на поддержку прусскаго правительства. Съ этихъ поръ отношенія между Берлиномъ и Вѣной сохраняютъ натянутый характеръ; по временамъ какъ будто бы совершается сближеніе, но оно лишено всякой прочности и часто содержитъ въ себѣ зародышъ новыхъ распрей. За вопросомъ о союзной реформѣ, составляющимъ предметъ спора въ 1862 — 63 г., слѣдуетъ въ 1864 — 65 г. вопросъ о Шлезвигѣ и Голштиніи, въ послѣднее время опять усложненный вопросомъ о союзной реформѣ. Истощивъ почти всѣ дипломатическія средства къ соглашенію, обѣ стороны готовы прибѣгнуть къ вооруженной силѣ. Опасность междоусобной войны такъ же велика, какъ и осенью 1850 года. Попытаемся опредѣлить ея причины и указать возможныя послѣдствія ея.

Въ колебаніяхъ австро-прусской политики съ 1763 г. не трудно подмѣтить одну общую черту, дѣйствіе одного общаго закона. Великія германскія державы сближаются между собою или тогда, когда младшая изъ нихъ — т. е. Пруссія — соглашается признать надъ собою авторитетъ старѣйшей и руководствоваться указаніями ея; и наоборотъ, обѣ враждуютъ одна съ другою каждый разъ, когда Пруссія, не довольствуясь второстепенною ролью, стремится къ расшире-

нію своихъ предѣловъ, къ увеличенію вліянія своего, къ гегемоніи надъ всей Германіей или хоть надъ нѣкоторыми германскими государствами. Семилѣтняя война была вызвана тѣмъ, что Фридрихъ II усилился на счетъ Австріи, отнявъ у нея Силезію, и старался вырвать изъ рукъ габсбурговъ императорскую корону, а вмѣстѣ съ нею и преобладаніе надъ Германіей. Пока на прусскомъ престолѣ сидѣлъ Фридрихъ Великій, пока преданія его господствовали въ совѣтѣ Фридриха-Вильгельма II, до тѣхъ поръ, какъ мы уже видѣли, согласіе между Пруссіей и Австріей было рѣшительно невозможно. Союзъ германскихъ государей, основанный Фридрихомъ Великимъ въ 1785 г., былъ постояннымъ дамокловымъ мечемъ надъ головою Австріи, постояннымъ напоминаніемъ о томъ, что замышляетъ противъ нея ненавистный «курфирстъ бранденбургскій». Среди потрясеній и бурь, наполняющихъ конецъ XVIII вѣка, союзъ, едва утвердившійся, рушился самъ собою; но воспоминаніе о немъ сохранилось въ умахъ и сдѣлалось замѣтнымъ на вѣнскомъ конгрессѣ. Притязанія Пруссіи на Саксонію были, въ глазахъ Австріи, предвѣстіемъ болѣе обширныхъ плановъ, признакомъ возвращенія къ политикѣ Фридриха II. Военная слава Пруссіи, либеральныя тенденціи ея правительства увеличивали опасность, къ устраненію которой были направлены всѣ усилія Меттерниха. Къ счастію для Австріи, къ несчастію для Германіи, Пруссія сама пошла на встрѣчу австрійскому министру. Въ прусскихъ правительственныхъ сферахъ распространилась паническая боязнь реформъ, слѣпая жажда спокойствія и тишины — и вмѣстѣ съ тѣмъ возникло убѣжденіе, что спокойствіе можетъ быть ограждено только тѣснымъ союзомъ съ Австріей, государствомъ консервативнымъ по преимуществу. Спокойствіе — которому, впрочемъ, ничто серьезно и не угрожало — дѣйствительно не было нарушено; но оно было куплено цѣною неподвижности внутри Германіи, безсилія въ внѣшней политикѣ ея, и быстрой потери того обаянія, которое пріобрѣла Пруссія войною 1813 г. Отказавшись отъ движенія, Пруссія отказалась не только отъ преобладающаго, но даже отъ самостоятельнаго значенія въ дѣлахъ германскихъ, и снизошла на одинъ уровѐнь съ мелкими государствами, во всемъ зависимыми отъ Австріи. Каждый разъ, когда Пруссія и Австрія слѣдуютъ одной и той же политической системѣ, исповѣдуютъ одни и тѣ же политическіе принципы, первое мѣсто въ Германіи естественно должно принадлежать Австріи, потому что на ея сторонѣ и давность господства, и преимущество послѣдовательности, и перевѣсъ матеріальной силы. Возвыситься надъ Австріей Пруссія можетъ только тогда, когда она опирается не на прошедшее, а на будущее, когда она идетъ впередъ, а не старается удержаться на одномъ мѣстѣ, когда она вступаетъ въ союзъ со всѣмъ тѣмъ, что есть прогрессивнаго въ Германіи, противъ всѣхъ элементовъ реакціи

и застоя. Фридрихъ-Вильгельмъ IV сознавалъ эту истину, но сознавалъ ее смутно и неопредѣленно, и не имѣлъ ни достаточно широкихъ взглядовъ, ни достаточно твердой воли, чтобы дѣйствовать сообразно съ нею. Онъ былъ вынужденъ къ уступкамъ, которыхъ не захотѣлъ дать добровольно, и поспѣшилъ взять ихъ назадъ, на сколько это было возможно, какъ только прекратилось внѣшнее давленіе, тяготѣвшее надъ нимъ. При всемъ томъ, франкфуртскій парламентъ избралъ Фридриха-Вильгельма IV, весною 1849 года, въ императоры Германіи. Онъ руководствовался при этомъ тою мыслью, что Пруссія, даже при обстановкѣ неблагопріятной для свободы, представляетъ болѣе залоговъ развитія, чѣмъ Австрія, что съ увеличеніемъ силы увеличится и смѣлость прусскихъ государей, и что германскій народъ, соединенный подъ ихъ рукою, сокрушитъ скорѣе и лёгче мелкихъ притѣснителей своихъ. Фридрихъ-Вильгельмъ IV отказался отъ императорской короны, но не отказался отъ честолюбивыхъ надеждъ, которыя она въ немъ возбудила. Отвергнувъ поддержку народа, онъ сталъ искать поддержки государей; онъ ожидалъ, въ непонятномъ ослѣпленіи своемъ, что они согласятся принять участіе въ дѣлѣ, направленномъ прежде всего противъ ихъ собственной власти. Само собою разумѣется, что это ожиданіе не осуществилось; но пока оно выражалось въ прусской политикѣ, до тѣхъ поръ Австрія слѣдила за нею ревнивымъ и безпокойнымъ взглядомъ, до тѣхъ поръ постоянно грозилъ разрывъ между обѣими великими державами. Примиреніе въ Ольмюцѣ состоялось только тогда, когда Фридрихъ-Вильгельмъ IV, запуганный Россіей, потрясенный цѣлымъ рядомъ неудачъ въ сношеніяхъ своихъ съ сѣверно-германскими государями, окруженный недоброжелательствомъ у себя дома, подчинился Шварценбергу, какъ Фридрихъ-Вильгельмъ III подчинялся Меттерниху. Для Пруссіи опять наступила одновременно эпоха внутренняго застоя и эпоха зависимости отъ Австріи. Принцъ-регентъ (теперь король Вильгельмъ I), вступивъ въ 1858 г., въ управленіе государствомъ, рѣшился положить конецъ и той, и другой. Онъ образовалъ либеральное министерство и сдѣлался покровителемъ національнаго общества (Nationalverein), основаннаго съ цѣлью возстановить въ Германіи прусскую гегемонію. Одно время обѣ части задачи казались нераздѣльными; но соединеніе ихъ продолжалось недолго. Либерализмъ исчезъ изъ прусскихъ правительственныхъ сферъ; осталось только стремленіе къ господству, къ внѣшнему могуществу и славѣ. Эта перемѣна, совершившаяся не вдругъ, а постепенно, заслуживаетъ подробнаго изученія, потому что въ ней заключается ключъ къ настоящему положенію Германіи.

Мы уже сказали, что прусская конституція была дѣломъ обстоятельствъ, а не свободной воли короля. Фридрихъ-Вильгельмъ III обѣщалъ ее въ тяжелую годину народной войны, повторилъ свое обѣ-

щаніе среди тріумфовъ 1814 и 1815 г., — и не исполнилъ его въ двадцать пять лѣтъ, истекшихъ съ тѣхъ поръ до его смерти. Фридрихъ-Вильгельмъ IV, послѣ шестилѣтнихъ колебаній, созвалъ соединенный ландтагъ, эту пародію на законодательное собраніе, и воскликнулъ, при открытіи его: «я никогда не допущу, чтобы листъ бумаги (т. е. конституція) всталъ между мною и подданными моими!» Съ небольшимъ черезъ годъ этотъ листъ бумаги сдѣлался необходимостью, которую долженъ былъ признать и самъ король. Составленіе конституціи было ввѣрено національному собранію; но оно не успѣло еще окончить своей работы, когда Фридрихъ-Вильгельмъ IV, ободренный успѣхами ретроградной партіи во Франціи и побѣдой Виндишгреца надъ вѣнскими инсургентами, распустилъ собраніе и обнародовалъ, собственною властью, конституцію 5-го декабря 1848 г. Дальнѣйшее торжество реакціи — закрытіе франкфурскаго парламента и кремзирскаго сейма въ Австріи, подавленіе возстаній въ Дрезденѣ и на юго-западѣ Германіи — побудило короля къ еще большему ограниченію правъ, только что данныхъ народу. Съ помощью новаго избирательнаго закона, изданнаго, вопреки конституціи, безъ согласія сейма, оппозиція была обезсилена въ обѣихъ палатахъ, и покорное большинство сдѣлало въ конституціонномъ актѣ всѣ измѣненія, какихъ только требовало правительство. Конституція, такимъ образомъ очищенная и исправленная, дѣйствуетъ въ Пруссіи и до сихъ поръ, подъ именемъ конституціи 31-го января 1850 г. Нѣкоторые ея отдѣлы — напримѣръ постановленія о верхней палатѣ — еще разъ подверглись передѣлкѣ, въ смыслѣ крайне неблагопріятномъ для народной свободы. Въ продолженіе цѣлыхъ восьми лѣтъ прусскій сеймъ былъ покорнымъ орудіемъ въ рукахъ министерства, зависѣвшаго, въ свою очередь, отъ партіи немногочисленной, но сильной. Тѣже самые бранденбургскіе дворяне, которыхъ разгромилъ великій курфирстъ и окончательно смирилъ Фридрихъ-Вильгельмъ I, въ средѣ которыхъ Фридрихъ Великій находилъ только послушныхъ офицеровъ для своей арміи, но не помощниковъ для своихъ гражданскихъ реформъ, которые противились преобразовательной дѣятельности Штейна, Шарнгорста, Гарденберга, которые всего меньше способствовали успѣху народной войны 1813 г., всего больше — подавленію благотворныхъ ея послѣдствій, — тѣже самые бранденбургскіе дворяне, мало образованные, исполненные предразсудковъ, раззоренные, привыкшіе жить на счетъ государства, были всемогущими властителями Пруссіи въ послѣдніе годы правленія Фридриха-Вильгельма IV. Эти «лукавые, бездушные, деревянные люди, годные только въ капралы и въ контролеры» (такъ называлъ ихъ Штейнъ лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, — а они съ тѣхъ поръ вовсе не измѣнились, развѣ къ худшему) тяготѣли надъ страною, парализируя всѣ живыя ея силы; и если они не сдѣлали открытой

попытки возстановить феодальный порядокъ вещей, то причину этого слѣдуетъ искать отчасти въ трусливости ихъ, отчасти въ ихъ неумѣньѣ пользоваться своею властью. Принцъ прусскій (наслѣдникъ престола), долго стоявшій во главѣ этой партіи, убѣдился въ неспособности ея возвысить Пруссію передъ лицомъ Германіи и Европы. Облеченный званіемъ регента, онъ немедленно удалилъ министровъ феодальной партія, Мантейфеля и Вестфаллена, и замѣнилъ ихъ умѣренными либералами, людьми изъ старопрусской школы Гарденберга, Гумбольдта и Нибура. Прошедшее принца-регента служитъ ручательствомъ въ томъ, что побудительною причиной этой перемѣны не была искренняя преданность свободѣ, искреннее убѣжденіе въ ея необходимости и пользѣ. Главный защитникъ абсолютизма до 1848 г., изгнанникъ послѣ мартовскихъ дней, побѣдитель баденскихъ инсургентовъ, ревнитель строго-протестанской ортодоксіи и военной дисциплины, не могъ обратиться на старости лѣтъ въ конституціоннаго монарха по образцу Леопольда I или Виктора-Эммануила. Принцъ-регентъ сознавалъ, что достоинство самой королевской власти требуетъ системы болѣе популярной, политики болѣе твердой и энергической; онъ надѣялся найти въ либеральныхъ министрахъ, въ либеральной палатѣ депутатовъ, болѣе надежную точку опоры для вліянія на Германію, для возобновленія плановъ 1849 — 50 г. Онъ думалъ, что страна, лишенная до тѣхъ поръ почти всего, удовольствуется весьма немногимъ, и что правительство прослыветъ прогрессивнымъ, не переставая въ сущности быть полновластнымъ. Задняя мысль принца-регента обнаружилась весьма скоро. Въ 1859 г., пользуясь итальянскою войною, онъ сдѣлалъ попытку пріобрѣсти для Пруссіи первенствующую роль въ командованіи войсками Германскаго Союза; когда эта попытка не удалась, онъ приступилъ къ преобразованію прусской арміи, съ цѣлью увеличить какъ можно больше ея боевую силу. Въ концѣ 1859 г. военнымъ министромъ былъ назначенъ генералъ фонъ-Роонъ, консерваторъ и феодалъ по образу мыслей, — назначенъ именно для того, чтобы провести реорганизацію, задуманную принцемъ-регентомъ. Съ этихъ поръ не трудно было предвидѣть, что спеціальная цѣль стоитъ, для принца-регента, выше общей политической системы, и что въ случаѣ столкновенія между ними, послѣдняя неминуемо будетъ принесена въ жертву первой.

Организація, данная прусскому войску Шарнгорстомъ, Бойеномъ, Гнейзенау и другими героями войны 1813 г., принадлежитъ къ числу лучшихъ созданій этой эпохи, положившей начало всему тому, что есть хорошаго въ современной Пруссіи. Прусская армія, по справедливому выраженію короля Вильгельма, есть *вооруженный прусскій народъ* (das preussische Volk in Waffen). Обязанность военной службы распространяется на всѣхъ, и никто не можетъ отъ нея откупиться; срокъ

службы короче, чѣмъ въ какомъ бы то ни было другомъ европейскомъ государствѣ (кромѣ Швейцаріи) — три года подъ знаменами, два года въ резервѣ. Солдаты, выслужившіе свое время, образуютъ *ландверъ*, раздѣляющійся на два разряда: ландверъ перваго и ландверъ стараго призыва. Съ достиженіемъ извѣстнаго возраста, они перечисляются изъ ландвера въ *ландштурмъ* и остаются въ немъ до тѣхъ поръ, пока въ состояніи носить оружіе. Ландверъ призывается подъ знамена только на случай войны, ландштурмъ предназначается исключительно для обороны государства противъ вторженія непріятелей. Преимущества такой системы не требуютъ поясненій; кратковременная военная служба не обременительна для гражданъ: ландверъ образуетъ собою могущественный резервъ, почти ничего не стоющій государству, армія не составляетъ замкнутаго цѣлаго, отдѣленнаго отъ народа. Но съ точки зрѣнія исключительно военной всѣ эти преимущества обращаются въ недостатки, подлежащіе устраненію или по крайней мѣрѣ исправленію. Кратковременность службы не допускаетъ той артистической выправки, которою блещутъ нѣкоторыя другія европейскія арміи; никакой ландверъ не можетъ замѣнить резерва, всегда готоваго къ возвращенію подъ знамена; замкнутость войска благопріятствуетъ послушанію и дисциплинѣ. На людей, ставящихъ выше всего свою спеціальность, доводы этого рода дѣйствуютъ несравненно сильнѣе, чѣмъ мысль о сбереженіи народныхъ силъ и о народномъ характерѣ войска. Въ прусскихъ военныхъ кружкахъ давно уже слышались голоса, доказывавшіе необходимость приблизить прусское войско къ общему типу европейскихъ постоянныхъ армій; именно въ этомъ и заключалась задача, которую поставилъ себѣ принцъ-регентъ и къ исполненію которой онъ приступилъ съ необыкновеннымъ жаромъ, съ увлеченіемъ, почти страстнымъ. Онъ убѣдилъ самого себя и старался убѣдить другихъ, что реорганизація войска необходима не только для могущества и славы, но и для безопасности, для благосостоянія Пруссіи; онъ видѣлъ въ ней призваніе, возложенное на него самимъ Богомъ, обязанность, отъ которой онъ не въ силахъ и не въ правѣ уклониться. На разсмотрѣніе сейма былъ внесенъ, въ 1860 г., проектъ закона, основныя черты котораго были слѣдующія: увеличеніе числа набираемыхъ ежегодно рекрутъ съ сорока до шестидесяти тысячъ; увеличеніе срока службы въ резервѣ съ двухъ до четырехъ или пяти лѣтъ; увеличеніе числа полковъ и баталіоновъ, такъ чтобы численность постояннаго войска возрасла съ ста сорока до двухъ сотъ тысячъ человѣкъ; ограниченіе роли, принадлежащей ландверу, и почти совершенное исключеніе его изъ состава дѣйствующей арміи. Въ этомъ же смыслѣ былъ составленъ и военный бюджетъ на 1860 годъ.

Большинство палаты депутатовъ состояло въ это время изъ людей той же политической группы, какъ и министерство Шверина - Ауэрс-

вальда; разница между ними заключалась только въ степени зависимости отъ придворныхъ внушеній. Министры, находясь въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ принцемъ-регентомъ, подчинялись, въ большей части случаевъ, его волѣ, хотя бы она и не совпадала съ ихъ образомъ мыслей; въ угоду ему они приняли въ свою среду феодала фонъ-Роона, въ угоду ему они согласились защищать реорганизацію войска, предпринятую мимо нихъ или даже вопреки ихъ желаніямъ и взглядамъ. Палата депутатовъ, болѣе отдаленная отъ двора, была болѣе свободна отъ его вліянія. Она выражала собою общественное мнѣніе страны, едва пробудившееся, но бодрое и нерасположенное къ пассивной роли. События 1848 г. застали прусское общество на довольно высокой степени умственнаго развитія, но безъ подготовки къ дѣятельному участію въ дѣлахъ управленія. Отсюда быстрый упадокъ силъ и вялая покорность обстоятельствамъ, какъ только миновалъ первый порывъ и наступила первая неудача. Сѣмена, уцѣлѣвшія среди бури, упали, однако, на плодотворную почву. Не смотря на несовершенство учрежденій, установленныхъ въ 1850 г., не смотря на стѣсненія, которыми было обставлено практическое примѣненіе ихъ, они ускорили развитіе народа и укрѣпили въ немъ сознаніе правъ, ему принадлежащихъ. Народъ привѣтствовалъ съ восторгомъ первыя мѣры принца-регента — но привѣтствовалъ ихъ именно потому, что онѣ открывали ему доступъ къ политической жизни. Благодарность не мѣшала однако понимать, что въ сущности ему не подарено ничего новаго, а только возвращено незаконно отнятое у него. Палата депутатовъ, избранная подъ вліяніемъ кризиса 1858 г., была далека отъ всякой мысли о систематической оппозиціи правительству; она желала какъ нельзя больше идти съ нимъ рука объ руку, но идти къ постепенному улучшенію государственныхъ учрежденій, къ отмѣнѣ отжившихъ привилегій, къ болѣе производительному употребленію государственныхъ доходовъ. Она мечтала, какъ и принцъ-регентъ, о первенствующей роли въ Германіи, но надѣялась достигнуть ея преимущественно *моральными средствами*, сдѣлавъ изъ Пруссіи образецъ благоустроеннаго и свободнаго государства. Увеличеніе постояннаго войска и ослабленіе ландвера шло прямо въ разрѣзъ съ этими стремленіями палаты депутатовъ. Вмѣсто того, чтобы одобрить правительственный проектъ, она высказала желаніе, чтобы срокъ дѣйствительной службы подъ знаменами былъ сокращенъ съ трехъ лѣтъ на два года. Соглашеніе между взглядами, столь противоположными, казалось невозможнымъ; правительство рѣшилось выиграть время. Проектъ закона о реорганизаціи войска былъ взятъ назадъ, и суммы, нужныя для реорганизаціи, потребованы отъ палаты подъ предлогомъ необходимости удержать войско на военной ногѣ въ виду запутаннаго положенія дѣлъ въ Европѣ. Палата, опасаясь открытаго разрыва съ правительствомъ,

согласилась на это требованіе; тоже самое повторилось и въ 1861 г. Оба раза, впрочемъ, палата заявляла, что смотритъ на этотъ расходъ какъ на мѣру чрезвычайную, временную, и что реорганизація войска можетъ быть облечена въ окончательную постоянную форму не иначе, какъ посредствомъ закона, утвержденнаго сеймомъ. Вопреки этимъ заявленіямъ палаты, министерство дѣйствовало такъ, какъ будто бы реорганизація уже состоялась; назначенія на новыя должности были сдѣланы безъ всякой оговорки, вновь сформированные полки получили знамена изъ рукъ принца-регента. Обстоятельства запутывались все больше и больше; и когда, осенью 1861 г., наступилъ срокъ новыхъ выборовъ въ палату депутатовъ, расположеніе умовъ въ странѣ было уже совершенно другое, чѣмъ три года тому назадъ, при началѣ регентства.

Министерство Шверина - Ауэрсвальда было одушевлено чистосердечнымъ желаніемъ реформъ, но не обладало энергіей, необходимой для осуществленія ихъ. Оно провело нѣкоторыя полезныя мѣры, — напримѣръ, уравненіе дворянскихъ имѣній съ недворянскими въ отношеніи къ платежу поземельнаго налога; но къ другимъ преобразованіямъ, не менѣе необходимымъ, оно не приступало вовсе, или отказывалось отъ нихъ въ виду упорнаго сопротивленія верхней палаты, составленной почти исключительно изъ реакціонеровъ. Чѣмъ дольше оно сохраняло за собою управленіе страною, тѣмъ замѣтнѣе и чаще становились уклоненія его отъ первоначальнаго плана. Оно содержало въ себѣ сильную примѣсь реакціонныхъ элементовъ; министромъ торговли съ самаго начала былъ фонъ-деръ-Гейдтъ, занимавшій это мѣсто и при Мантейфелѣ, министромъ просвѣщенія—піетистъ Бетманнъ-Голльвегъ; военное министерство скоро перешло въ руки Роона; министромъ иностранныхъ дѣлъ, на мѣсто полу-либеральнаго Шлейница, былъ назначенъ вовсе не либеральный Бернсторфъ. Самъ принцъ-регентъ, вступившій на престолъ (въ началѣ 1861 г.) подъ именемъ Вильгельма I-го, возвращался все болѣе и болѣе къ своимъ прежнимъ привычкамъ, къ своему прежнему образу мыслей. Въ странѣ, между тѣмъ, происходило движеніе совершенно противоположное. Печать, освобожденная, если не de jure, то de facto, отъ стѣсненій мантейфельской эпохи, возбуждала въ народѣ интерессъ къ политической жизни; ассоціаціи и собранія всякого рода облегчали единодушное стремленіе къ общимъ цѣлямъ. Демократическая партія, оставившая, въ 1849 г., политическое поприще, вышла изъ своего бездѣйствія, примѣнилась къ новой обстановкѣ и не замедлила пріобрѣсти значительную долю вліянія на умы народа. Ошибки умѣренныхъ либераловъ обратились въ ея пользу; слабость министерства, уступчивость палаты депутатовъ заставили желать другого состава высшихъ государственныхъ учрежденій. Главнымъ двигателемъ агитаціи сдѣлался вопросъ

о реорганизаціи войска, главнымъ лозунгомъ ея—неприкосновенность ландвера и двухлѣтній срокъ дѣйствительной службы. Циркуляры министра внутреннихъ дѣлъ, графа Шверина, увѣщавшіе не избирать людей крайнихъ партій, остались безъ вліянія на избирателей; рѣшительные либералы одержали верхъ надъ умѣренными, и большинство, которымъ до тѣхъ поръ располагало министерство, обратилось въ меньшинство, довольно незначительное.

Возстановить согласіе между министерствомъ и страною было еще весьма не трудно; стоило только отказаться отъ нѣкоторыхъ сторонъ реорганизаціи, особенно антипатичныхъ народу, и доказать на самомъ дѣлѣ, предложеніемъ нѣсколькихъ давно обѣщанныхъ законовъ, что духъ либерализма и прогресса еще не исчезъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. Министерство поступило прямо наоборотъ: оно внесло въ верхнюю палату проектъ закона о новомъ устройствѣ войска, скопированный почти буквально съ проекта 1860 г., а въ нижнюю палату—проектъ закона объ отвѣтственности министровъ, установлявшій, собственно говоря, совершенную безотвѣтственность ихъ. Понятно, что разногласіе между министерствомъ и палатой становилось съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе. Нетрудно было предвидѣть, что расходы на реорганизацію не будутъ, на этотъ разъ, утверждены палатою въ полномъ ихъ объемѣ; а сократить ихъ король не соглашался. Оставалось одно рѣшительное средство. 11 марта 1862 г. король распустилъ палату депутатовъ, выбранную за четыре мѣсяца передъ тѣмъ. Поводомъ, или лучше сказать предлогомъ, къ этой мѣрѣ, послужило рѣшеніе палаты о большей спеціализаціи бюджета, выражавшее, будто бы, недовѣріе къ министерству; настоящею ея причиной была надежда добиться большинства, болѣе покорнаго внушеніямъ свыше. Но какъ достигнуть этой цѣли? Опытъ графа Шверина показалъ, что одними увѣщаніями на избирателей подѣйствовать нельзя; рѣшено было призвать на помощь авторитетъ королевскаго имени, запугать страну картиною опасностей, угрожающихъ королевской власти, и вмѣстѣ съ тѣмъ пустить въ ходъ противъ оппозиціи все могущество бюрократіи, сдѣлавъ чиновниковъ орудіями агитаціи въ пользу правительственныхъ кандидатовъ. Согласиться на такой образъ дѣйствій значило бы, для либеральныхъ министровъ, пойти въ разрѣзъ со всѣмъ своимъ прошедшимъ; они подали въ отставку, и 18 марта образовано было новое министерство, главными лицами котораго были Роонъ и фонъ-деръ-Гейдтъ, консервативные члены прежняго кабинета. Бернсторфъ также остался министромъ; остальныя мѣста были отданы безвѣстнымъ, но благонадежнымъ реакціонерамъ.

Первымъ дѣломъ новаго министерства былъ королевскій указъ 19 марта, провозглашавшій необходимость «воспротивиться вліянію *враж-*

дебныхъ партій, извращающихъ общественное мнѣніе», и призывавшій всѣхъ избирателей, *вѣрныхъ королю и его дому*, къ защитѣ правительства на предстоящихъ выборахъ. Въ оффиціальной газетѣ появилась, въ тотъ же самый день, слѣдующая постановка вопроса, подлежащаго рѣшенію избирателей: *«должна ли правительственная власть остаться въ рукахъ короны, или перейти къ палатѣ депутатовъ?»* До указа 19 марта и комментаріевъ оффиціальной газеты, побѣда оппозиціи означала бы только одно: несогласіе съ министерствомъ по частнымъ вопросамъ, составляющимъ предметъ спора. Послѣ указа 19-го марта она должна была пріобрѣсти значеніе протеста противъ всей правительственной системы, противъ личныхъ взглядовъ и стремленій короля. При такихъ условіяхъ борьба неизбѣжно должна была принять болѣе ожесточенный характеръ и болѣе обширные размѣры; взаимныя уступки — единственное средство къ миролюбивому разрѣшенію дѣла — должны были сдѣлаться несравненно труднѣе, чѣмъ прежде. Торжество министерства должно было привести къ новому порабощенію палаты депутатовъ, торжество либеральной партіи — къ продолжительному кризису, тяжелому и опасному для государства. Результатъ выборовъ былъ самый неожиданный: пораженіе правительства было еще полнѣе, чѣмъ въ 1861 году. Консерваторовъ или феодаловъ осталось въ палатѣ менѣе пятнадцати человѣкъ; умѣренно-либеральная партія понесла чувствительныя потери; прогресисты и рѣшительные либералы (такъ называемый лѣвый центръ) образовали сплошное большинство, единодушное по всѣмъ главнымъ вопросамъ минуты. Ни одинъ изъ министровъ не былъ выбранъ въ депутаты. Правительству оставалось, повидимому, только одно изъ двухъ: или уступить, отказаться отъ системы, осужденной народомъ, или прибѣгнуть къ насильственнымъ, противозаконнымъ мѣрамъ, съ помощью которыхъ можно было бы управлять страною и безъ содѣйствія палаты депутатовъ. Министерство фонъ-деръ-Гейдта избрало средній путь, путь выжиданія и полу-мѣръ, какъ будто бы вопросъ, отъ котораго зависѣла будущность государства, могъ разрѣшиться самъ собою. Оно пыталось успокоить палату, соглашаясь на второстепенныя требованія ея, предпринимая кое-какія маловажныя реформы, — пыталось дѣйствовать устраненіемъ, намекая на возможность чрезвычайныхъ рѣшеній со стороны короны; но всѣ эти попытки, какъ и слѣдовало ожидать, остались безъ успѣха. Взаимное недовѣріе и раздраженіе увеличивалось съ каждымъ днемъ; всѣ чувствовали необходимость сдѣлать шагъ впередъ или назадъ, выйти изъ переходнаго состоянія, положить конецъ мучительной неизвѣстности. Рѣшительная минута настала въ сентябрѣ, когда палата депутатовъ, послѣ долгихъ приготовленій, приступила къ обсужденію военнаго бюджета. Требованіе суммъ, необходимыхъ для реорганизаціи, соединялось

до сихъ поръ съ предложеніемъ закона, опредѣлявшаго основныя начала новаго военнаго устройства; теперь правительство ограничилось первымъ, какъ будто бы до послѣдняго палатѣ не было никакого дѣла. Огромное большинство палаты находило, наоборотъ, что организація арміи, созданная закономъ 1814 г., не можетъ быть измѣнена иначе, какъ закономъ, и что всѣ перемѣны, сдѣланныя въ ней правительствомъ безъ согласія сейма, лишены, поэтому, всякой юридической силы. Нѣкоторыя изъ перемѣнъ, такимъ образомъ произведенныхъ, большинство отвергало безусловно, потому что признавало ихъ безполезными или вредными; другія оно готово было допустить, но съ тѣмъ, чтобы на оставленіе ихъ въ силѣ было испрошено спеціальное согласіе сейма — согласіе, которымъ бы загладилось и покрылось неправильное, преждевременное осуществленіе ихъ. Впредь до этой просьбы большинство не считало себя въ правѣ утвердить ни одной изъ издержекъ, предназначенныхъ на реорганизацію. Меньшинство либеральной партіи смотрѣло на дѣло съ точки зрѣнія болѣе снисходительной, отрицало законность только нѣкоторыхъ отдѣльныхъ дѣйствій военнаго министра и полагало утвердить значительную часть расходовъ на реорганизацію, исключивъ изъ нихъ только тѣ, которые представлялись рѣшительно несовмѣстными со взглядомъ палаты на составъ и устройство прусскаго войска. Пренія о военномъ бюджетѣ доказали, что въ сущности разногласіе между меньшинствомъ и большинствомъ было не слишкомъ сильно, что послѣднее охотно соединилось бы съ первымъ, еслибы только предложенія меньшинства были приняты министерствомъ. Неопредѣленная надежда на соглашеніе, мелькнувшая во время преній, возбудила величайшую радость въ средѣ всѣхъ оттѣнковъ либеральной партіи и разбилась только о непреклонное упорство двора и министерства. Послѣдствіемъ этого упорства было то, что всѣ расходы на реорганизацію войска (около шести милліоновъ талеровъ) были исключены изъ военнаго бюджета; на утвержденіе его въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ составленъ правительствомъ, подали голосъ только *одиннадцать* депутатовъ. Выборъ между уступкой и нарушеніемъ закона сдѣлался неизбѣжнымъ; правительство остановилось на послѣднемъ. Фонъ-деръ-Гейдтъ, не смотря на всю гибкость своихъ политическихъ правилъ, отступилъ передъ открытымъ посягательствомъ на конституцію; онъ вышелъ изъ министерства, вмѣстѣ съ двумя товарищами своими, и первымъ министромъ былъ назначенъ (29 сентября 1862 г.) фонъ-Бисмаркъ, одинъ изъ главныхъ вождей феодальной партіи во время реакціи 1849—51 г.

Программа новаго министра - президента обозначилась довольно ясно уже въ первыхъ объявленіяхъ его передъ палатой депутатовъ. Внутри страны — абсолютизмъ, едва прикрытый маскою конституціи, извнѣ — безпокойное, неразборчивое стремленіе къ территоріальнымъ

пріобрѣтеніямъ и военной славѣ: вотъ главныя черты этой програмы, отчасти исполненной, отчасти исполняемой теперь передъ нашими глазами. Ближайшая цѣль Бисмарка заключалась въ томъ, чтобы провести и поддержать реорганизацію войска, вопреки рѣшенію палаты депутатовъ. Для этого онъ былъ призванъ къ власти, этимъ только онъ могъ упрочить за собою довѣріе и расположеніе короля, пріобрѣсти вліяніе, необходимое для его дальнѣйшихъ плановъ. Средство къ достиженію своей цѣли онъ нашелъ въ знаменитой теоріи *пробѣла*, существующаго, будто бы, въ прусской конституціи. Конституція требуетъ, чтобы всѣ доходы и расходы государства были опредѣляемы впередъ на каждый годъ и вносимы въ бюджетъ, который ежегодно установляется закономъ. О послѣдствіяхъ необлеченія бюджета въ законную форму она не говоритъ ни слова, конечно потому, что составители ея считали такой случай совершенно невозможнымъ. Руководствуясь примѣромъ всѣхъ другихъ конституціонныхъ государствъ, они предполагали, что такъ какъ ежегодное установленіе бюджета безусловно требуется закономъ, а для установленія бюджета необходимо утвержденіе его, во всѣхъ частяхъ, всѣми факторами законодательной власти, то издержки, окончательно отвергнутыя однимъ изъ нихъ, исключаются изъ бюджета, и затѣмъ вступаютъ въ силу только тѣ статьи расходовъ, которыя одобрены какъ короной, такъ и обѣими палатами сейма. Серьезныхъ возраженій противъ этого взгляда, до крайности безспорнаго и простого, не можетъ быть сдѣлано рѣшительно никакихъ; Бисмаркъ противопоставилъ ему очевидный софизмъ, утверждая, что никакое сокращеніе не можетъ быть произведено въ бюджетѣ безъ согласія всѣхъ факторовъ законодательной власти, и что въ тѣхъ случаяхъ, когда не состоялось соглашеніе по *всѣмъ* пунктамъ, не можетъ быть установленъ и самый бюджетъ, а вмѣсто него остается въ дѣйствіи бюджетъ прошедшаго года. Чтобы понять, до какой степени фальшива эта теорія, достаточно припомнить, что бюджетъ установляется только на одинъ годъ, по истеченіи котораго онъ теряетъ, самъ собою, всякую силу и не можетъ больше служить основаніемъ для производства государственныхъ расходовъ. Но что́ значитъ законность для министра, увѣреннаго въ томъ, что на его сторонѣ матеріальная сила? На прямое нарушеніе конституціи едва ли согласился бы король Вильгельмъ, присягнувшій соблюдать ее свято и ненарушимо; гораздо легче было убѣдить его въ правильности *толкованія* конституціи, придуманнаго Бисмаркомъ. Благодаря этому толкованію, благодаря также услужливой верхней палатѣ, отказавшейся утвердить бюджетъ 1862 г. въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ принятъ палатой депутатовъ, правительство могло сохранить въ силѣ бюджетъ 1861 г., въ составъ котораго входили, какъ намъ уже извѣстно, всѣ расходы, необходимые для реорганизаціи. Правда, они были вклю-

чены въ него только въ качествѣ расходовъ *чрезвычайныхъ*; но развѣ это могло остановить государственнаго человѣка, открывшаго теорію «пробѣла»? Вопреки протестамъ палаты депутатовъ, вопреки общественному мнѣнію Пруссіи, Германіи и всей Европы, министерство Бисмарка — министерство продолжавшее называть себя *конституціоннымъ* — стало управлять государствомъ безъ бюджета, установленнаго въ законномъ порядкѣ, и управляетъ такимъ образомъ вплоть до настоящей минуты.

Мы не говорили до сихъ поръ о политикѣ короля Вильгельма по общегерманскому вопросу — не говорили потому, что это была политика бездѣйствія, ни на что не рѣшавшаяся, ни къ чему даже не готовившаяся, ожидавшая всего не отъ самой себя, а отъ случайныхъ обстоятельствъ. Либеральное министерство было одушевлено самыми лучшими намѣреніями, но въ исполненіи ихъ оно было одинаково неискусно какъ внутри, такъ и внѣ Пруссіи. Оно хотѣло покровительствовать законности и свободѣ, гдѣ только ни угрожала имъ опасность въ Германіи — и не съумѣло, въ продолженіе трехъ лѣтъ, настоять на возстановленіи конституціоннаго порядка вещей въ курфиршествѣ Гессенъ-Кассельскомъ. Оно было убѣждено въ необходимости союзной реформы — и не съумѣло найти ни одного средства къ скорѣйшему осуществленію ея. Тѣмъ не менѣе, идея германскаго единства и прусской гегемоніи распространялась довольно быстро въ умахъ народа. Движеніе въ пользу союзной реформы дошло, въ 1862 г., до такой степени, что державы, наиболѣе заинтересованныя въ сохраненіи statu quo — Австрія и южногерманскія государства, — сочли нужнымъ сдѣлать ему по крайней мѣрѣ внѣшнюю уступку. Они предложили поставить рядомъ съ сеймомъ общегерманское законодательное собраніе, составленное изъ *делегатовъ* отъ палатъ каждаго отдѣльнаго государства. Въ виду этого предложенія, Пруссія должна была выйти изъ своей пассивной роли — и дѣйствительно вышла изъ нея, какъ только завѣдываніе иностранными дѣлами перешло въ руки новаго министра-президента. Бисмаркъ не замедлилъ объявить палатѣ, что великіе вопросы могутъ быть разрѣшены только желѣзомъ и кровью, что либерализмъ, умѣстный въ какомъ нибудь Баденѣ или Виртембергѣ, не годится для могущественнаго Прусскаго государства — другими словами, что господство Пруссіи надъ Германіей должно быть упрочено не нравственными средствами, не обаяніемъ свободныхъ учрежденій, а матеріальной силой, предпріимчивостью и смѣлостью. Съ этой точки зрѣнія нѣсколько лишнихъ полковъ и баталіоновъ представлялись пособіемъ болѣе надежнымъ, нежели поддержка палаты депутатовъ, нежели сочувствіе народа; между внѣшней политикой Бисмарка и его образомъ дѣйствій по вопросу о бюджетѣ и о реорганизаціи войска существовала тѣсная, логическая связь, ослабѣв-

мая только въ послѣднее время. За первыми декларацiями Бисмарка послѣдовали другiя мѣры, болѣе рѣшительныя: извѣстная депеша къ австрiйскому министру иностранныхъ дѣлъ, съ совѣтомъ перенести центръ тяжести имперiи изъ Вѣны въ Офенъ, и объявленiе, что въ случаѣ принятiя союзнымъ сеймомъ проекта реформы, предложеннаго южногерманскими государствами, Пруссiя перестанетъ считать себя членомъ германскаго союза. Проектъ, возбудившiй такое сопротивленiе со стороны Пруссiи, былъ отвергнутъ сеймомъ; но въ августѣ 1863 г. императоръ австрiйскiй созвалъ, во Франкфуртѣ на Майнѣ, конгрессъ германскихъ государей, для обсужденiя новаго, болѣе обширнаго плана союзной реформы. Король Вильгельмъ отказался принять участiе въ конгрессѣ и высказался противъ главныхъ началъ австрiйскаго плана, подъ тѣмъ предлогомъ, что роль, предназначаемая Пруссiи при новомъ устройствѣ союза, не соотвѣтствуетъ дѣйствительному значенiю ея въ средѣ германскихъ государствъ. Настоящей причиной отказа была рѣшимость прусскаго правительства не допускать союзной реформы, которая сохраняла бы принципъ взаимнаго равенства, взаимной независимости всѣхъ государствъ, входящихъ въ составъ союза, и не предоставляла бы Пруссiи преобладанiя, de jure и de facto, по крайней мѣрѣ надъ одной половиной Германiи. Высказать свою цѣль прямо и открыто Пруссiя не считала еще своевременнымъ и осторожнымъ; она вступила съ Австрiей въ переговоры о тѣхъ перемѣнахъ, какiя могли бы быть сдѣланы въ австрiйскомъ проектѣ. Неожиданное событiе освободило германскiя державы отъ обязанности вести переговоры, въ безплодности которыхъ онѣ были убѣждены заранѣе; въ ноябрѣ 1863 г. умеръ король датскiй Фридрихъ VII, и всеобщее вниманiе было поглощено шлезвигъ-голштинскимъ вопросомъ.

Положенiе прусскаго правительства было въ это время довольно затруднительное. Законодательная сессiя, продолжавшаяся съ января до мая 1863 г., только усилила раздоръ между министерствомъ и палатой депутатовъ. Къ прежнимъ поводамъ спора прибавилось нѣсколько новыхъ; вражда партiй усложнилась чисто личною враждою между руководящими членами министерства и предводителями либеральной партiи на сеймѣ. Проектъ закона о реорганизацiи войска, представленный палатѣ депутатовъ, былъ повторенiемъ, почти буквальнымъ, прежнихъ проектовъ, давно осужденныхъ общественнымъ мнѣнiемъ; обширная система поправокъ, добросовѣстно выработанная оппозицiей и допускавшая, до извѣстной степени, усиленiе численнаго состава прусской армiи, была оставлена правительствомъ безъ всякого вниманiя. Пренiя объ этомъ законѣ были прерваны отказомъ военнаго министра признать надъ собою, въ какой бы то ни было мѣрѣ, дисциплинарную власть президента палаты. Министерство перестало

являться въ палату; палата обратилась къ королю съ жалобою на министерство. Засѣданія палаты были закрыты, хотя она еще не успѣла не только утвердить, но даже разсмотрѣть до конца бюджетъ на 1863 годъ. Нѣсколько дней спустя было обнародовано королевское повелѣніе, подчинявшее періодическую печать, вопреки конституціи и закону, цѣлой системѣ административныхъ взысканій. Гоненіе на чиновниковъ, сколько-нибудь либеральныхъ, достигло размѣровъ, неслыханныхъ даже во времена Мантейфеля; города были лишены, de facto, права избирать предсѣдателей и членовъ своихъ городскихъ совѣтовъ, потому что изъ числа избранныхъ лицъ правительство утверждало только приверженцевъ своей политической системы; общественныя собранія, дозволенныя закономъ, были разгоняемы полиціей по самому ничтожному поводу или вовсе безъ всякаго повода. Цѣль всѣхъ этихъ репрессивныхъ мѣръ заключалась въ томъ, чтобы стѣснить избирательную свободу и принудить страну къ избранію другихъ, болѣе послушныхъ депутатовъ. Достигнуть этой цѣли правительству не удалось. Новые выборы, произведенные въ октябрѣ 1863 г., опять доставили побѣду либеральной партіи. Правда, число консервативныхъ депутатовъ возрасло болѣе, чѣмъ втрое,—но либеральная партія сохранила за собою огромное большинство, центръ тяжести котораго подвинулся еще болѣе на-лѣво; многіе умѣренные либералы уступили мѣсто рѣшительнымъ прогрессистамъ. Сначала можно было думать, что шлезвигъ-голштинскій вопросъ послужитъ источникомъ новыхъ затрудненій для министерства. Бисмаркъ, въ качествѣ прусскаго уполномоченнаго во Франкфуртѣ на Майнѣ, принималъ дѣятельное участіе въ заключеніи трактата 1852 г., опредѣлившаго порядокъ престолонаслѣдія въ Даніи и упрочившаго связь между нею и приэльбскими герцогствами — а теперь народный голосъ во всей Германіи настойчиво требовалъ уничтоженія этого трактата, отдѣленія герцогствъ отъ Даніи. Самымъ простымъ, повидимому, средствомъ къ освобожденію герцогствъ представлялось признаніе наслѣдственныхъ правъ герцога Аугустенбургскаго на Голштинію и Шлезвигъ — и палата депутатовъ поспѣшила высказаться въ этомъ смыслѣ. Ораторы феодальной партіи защищали права короля датскаго, ссылаясь на трактатъ 1852 г.; деклараціи правительства были менѣе опредѣленны, но и въ нихъ проглядывала готовность соблюсти постановленія трактата. Недовѣряя намѣреніямъ министерства, палата отказала ему въ разрѣшеніи заключить заемъ на сумму 12 милліоновъ талеровъ; она опасалась, что эти деньги будутъ употреблены во вредъ національному дѣлу. Недовѣріе не исчезло даже тогда, когда прусскія войска, вмѣстѣ съ австрійскими, перешли черезъ Эйдеръ и открыли военныя дѣйствія противъ датчанъ (засѣданія палатъ были закрыты за нѣсколько дней передъ тѣмъ, опять до окончанія преній о бюджетѣ):

и это понятно, потому что поводомъ къ начатію войны было выставлено только неисполненіе королемъ датскимъ договорныхъ обязательствъ въ отношеніи къ герцогствамъ, а не недѣйствительность самаго договора. Но по мѣрѣ того какъ война принимала болѣе обширные размѣры, возрастала и надежда Германіи на ея результаты. Взятіе дюппельскихъ укрѣпленій возбудило ожиданія, подтвердившіяся на лондонской конференціи. Великія германскія державы потребовали отъ Даніи отреченія отъ герцогствъ, или по крайней мѣрѣ отъ бо́льшей ихъ части. Данія отказалась исполнить это требованіе; но занятіе острова Альзена и потеря послѣднихъ надеждъ на вмѣшательство Европы принудили короля Христіана IX принять условія великихъ германскихъ державъ. Трактатомъ, заключеннымъ въ Вѣнѣ, въ октябрѣ 1864 г., Голштинія, Шлезвигъ и Лауенбургъ были уступлены Даніей королю прусскому и императору австрійскому. Дальнѣйшая участь герцогствъ была теперь въ рукахъ монарховъ, которымъ они достались по праву сильнаго надъ слабымъ.

Война съ Даніей изъ-за герцогствъ была предпринята Бисмаркомъ преимущественно съ тѣмъ, чтобы отвлечь вниманіе пруссаковъ отъ внутреннихъ дѣлъ страны, чтобы возвысить авторитетъ правительства и войска блескомъ побѣдъ и военной славы. Другихъ плановъ онъ, повидимому, не имѣлъ, по крайней мѣрѣ въ началѣ военныхъ дѣйствій; доказательствомъ этому служитъ то, что на лондонской конференціи Пруссія выражала готовность признать герцога Аугустенбургскаго законнымъ государемъ герцогствъ. Мысль о присоединеніи герцогствъ къ Пруссіи возникла, по всей вѣроятности, только тогда, когда не удался первоначальный разсчетъ Бисмарка — когда сдѣлалось яснымъ, что успѣхъ шлезвигъ-голштинской войны не измѣнилъ народныхъ чувствъ къ прусскому первому-министру. Какъ ни велика была радость, возбужденная въ Пруссіи взятіемъ дюппельскихъ укрѣпленій, переходомъ на островъ Альзенъ, она была не такъ продолжительна и не такъ сильна, чтобы заставить забыть о печальномъ положеніи дѣлъ внутри государства. Вознаградить пруссаковъ за потерю свободы могло — такъ казалось Бисмарку — только существенное приращеніе внѣшняго могущества Пруссіи, только значительное расширеніе ея предѣловъ. Палата депутатовъ, созванная въ январѣ 1865 г., не отступила ни на шагъ отъ своего прежняго образа дѣйствій. Она отвергла законъ о реорганизаціи войска, исключила изъ военнаго бюджета всѣ расходы по реорганизаціи, отказала правительству въ чрезвычайномъ кредитѣ на постройку броненосныхъ судовъ и на укрѣпленіе кильской гавани. Постановляя это послѣднее рѣшеніе, палата руководилась, между прочимъ, тою мыслью, что въ новомъ положеніи герцогствъ нѣтъ ничего прочнаго, что Пруссія владѣетъ ими не одна, а вмѣстѣ съ Австріей, и что суммы, израсходованныя, при

такомъ положеніи дѣлъ, на кильскую гавань, могли бы со временемъ обратиться не въ пользу, а противъ Пруссіи. Не довѣряя вообще министерству Бисмарка, палата не довѣряла и тому, что оно съумѣетъ и захочетъ окончить, какъ слѣдуетъ, шлезвигъ-голштинское дѣло. *Желаніе* окончить его Бисмаркъ поспѣшилъ заявить, какъ только была закрыта сессія сейма. Онъ предпринялъ цѣлый рядъ насильственныхъ мѣръ, общею цѣлью которыхъ было доказать Австріи невозможность дальнѣйшаго совладѣнія герцогствами на прежнихъ условіяхъ, т. е. на условіяхъ полнаго равенства между Австріей и Пруссіей. Результатомъ этихъ мѣръ была возрастающая холодность между великими державами, угрожавшая одно время открытымъ разрывомъ. Гаштейнская конвенція возстановила согласіе, предоставивъ Австріи управленіе Голштиніей, Пруссія — управленіе Шлезвигомъ; но порядокъ вещей, созданный ею, заключалъ въ себѣ съ самаго начала зародышъ новыхъ разногласій. Вопросъ объ окончательной судьбѣ герцогствъ остался неразрѣшеннымъ; Пруссія не скрывала своихъ претензій на полное обладаніе ими, Австрія, согласившись продать Пруссіи свои права на Лауенбургъ, не хотѣла и слышать о дальнѣйшихъ уступкахъ. При такихъ противоположныхъ взглядахъ и интересахъ, въ поводахъ къ взаимнымъ обвиненіямъ и упрекамъ не могло быть недостатка. Пруссія жаловалась на потворство, оказываемое Австріей приверженцамъ герцога Аугустенбургскаго; Австрія протестовала противъ деспотическихъ мѣръ, принимаемыхъ Пруссіей въ Шлезвигѣ. Наступательная роль въ этихъ предварительныхъ стычкахъ принадлежала почти всегда, точно также какъ и лѣтомъ 1865 г., прусскому правительству. Вызывая Австрію на рѣшительную борьбу изъ-за герцогствъ, Бисмаркъ не измѣнялъ ни въ чемъ своего образа дѣйствій внутри государства. Короткая сессія 1866 г. была богаче столкновеніями, чѣмъ всѣ предъидущія, и окончилась поспѣшнымъ закрытіемъ палатъ, едва успѣвшихъ приступить къ своимъ работамъ. Въ концѣ марта, Пруссія начала вооружаться, утверждая, что первый примѣръ вооруженій былъ поданъ Австріей; споръ, возникшій по этому предмету, только подлилъ масла въ огонь, не оправдавъ безусловно въ глазахъ Европы ни той, ни другой изъ спорящихъ сторонъ. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ Пруссія предложила союзному сейму созвать общегерманскій парламентъ, избранный на основаніи законовъ 1848 — 49 г., т. е. посредствомъ всеобщей подачи голосовъ. Само собою разумѣется, что такое предложеніе, исходящее изъ такого источника и заявленное въ такое время, могло содѣйствовать скорѣе усиленію, чѣмъ прекращенію распри. Переговоры съ Франкфуртомъ и Вѣной остались безъ всякихъ послѣдствій; война сдѣлалась неизбѣжной, и все заставляетъ ожидать, что она не ограничится предѣлами Германіи.

Обстоятельства, при которыхъ начинается борьба между великими

германскими державами, не могутъ быть названы благопріятными ни для одной изъ нихъ. Австрія застигнута войною посреди неоконченной еще работы внутренняго государственнаго устройства, посреди неоконченныхъ счетовъ между населеніями, входящими въ составъ имперіи. Нѣмецкія провинціи еще не простили императору манифеста 20 сентября, пріостановившаго дѣйствіе конституціи; въ Богеміи, Моравіи, Иллиріи идетъ ожесточенная борьба между федералистами и централистами, между славянами и нѣмцами; въ Галиціи еще не исчезли слѣды событій 1863—64 г., и не прекратилась вражда между поляками и русинами; Венгрія удовлетворена и успокоена только на половину; Кроація и Далмація колеблются между Вѣной и Пештомъ. Положеніе австрійскихъ финансовъ крайне затруднительно; правительство, еще до начала войны, принуждено прибѣгнуть къ выпуску ассигнацій. Итальянскія войска стоятъ на берегахъ Минчіо и По и ожидаютъ только перваго сигнала, чтобы вторгнуться въ Венеціанскую область. Событія въ Дунайскихъ княжествахъ требуютъ полнаго вниманія, полной свободы дѣйствій со стороны Австріи, угрожая поднять восточный вопросъ, въ разрѣшеніи котораго она заинтересована такъ близко. На помощь Франціи и Россіи она надѣяться не можетъ; второстепенныя германскія государства еще недавно были оскорблены гаштейнской конвенціей и уступкой Лауенбурга. Положимъ, что они забудутъ это оскорбленіе и возстанутъ вмѣстѣ съ Австріей противъ Пруссіи; ожидать дѣятельной поддержки Австрія можетъ во всякомъ случаѣ только отъ южныхъ государствъ Германіи, потому что географическое положеніе сѣверныхъ ставитъ ихъ въ слишкомъ большую зависимость отъ Пруссіи. Пруссія имѣетъ на своей сторонѣ преимущество болѣе однороднаго населенія, болѣе благоустроенныхъ финансовъ; но она страдаетъ отъ послѣдствій долговременной вражды между правительствомъ и сеймомъ, и ее ненавидятъ почти всѣ германскіе государи. Она разсчитываетъ на союзъ съ Италіей; но союзъ этотъ не проченъ, потому что стремленія Италіи и Пруссіи совершенно различны, и первыя могутъ быть удовлетворены гораздо раньше и легче послѣднихъ. Англія и Россія едва ли расположены допустить коренную перемѣну въ устройствѣ германскаго союза; Франція не можетъ отнестись равнодушно къ значительному расширенію прусскихъ предѣловъ. И такъ, шансовъ неудачи весьма много и для той, и для другой стороны; блестящихъ результатовъ въ случаѣ успѣха не можетъ ожидать съ достовѣрностью ни та, ни другая. Для Австріи самое полное торжество будетъ ничѣмъ инымъ, какъ сохраненіемъ statu quo и отсрочкой рѣшительной борьбы до другой, болѣе отдаленной минуты; Пруссія въ виду всеобщихъ опасеній, ею возбуждаемыхъ, едва ли будетъ имѣть возможность широко воспользоваться своей побѣдой. Если бы предметомъ спора между великими германскими державами была только

судьба Голштиніи и Шлезвига, онъ окончился бы непремѣнно взаимными уступками; изъ-за него одного ни Австрія, ни Пруссія, не рискнула бы подвергнуться всѣмъ опасностямъ междоусобной и общеевропейской войны. Пруссія получила бы, можетъ быть, кильскую гавань и извѣстную долю вліянія на управленіе герцогствами, но верховная власть надъ ними была бы отдана герцогу Аугустенбургскому; Австрія удовольствовалась бы денежнымъ вознагражденіемъ. Но мы уже видѣли, что шлезвигъ-голштинскій вопросъ былъ только предлогомъ къ распрѣ, что настоящія ея причины коренятся въ вѣковомъ прошедшемъ Пруссіи и Австріи, въ стремленіи первой занять, второй — удержать за собою господствующую роль въ Германіи. До тѣхъ поръ, пока Пруссія хотѣла достигнуть своей цѣли путемъ медленной пропаганды, посредствомъ полюбовныхъ соглашеній съ государями или неудержимаго тяготѣнія со стороны населеній, — до тѣхъ поръ было возможно сохраненіе мира; но когда она рѣшилась разсѣчь гордіевъ узелъ, когда она возложила всю свою надежду на вооруженную силу, тогда Австріи оставалось только добровольно сойти съ своего мѣста во главѣ германскаго союза — или приготовиться къ открытому сопротивленію. Вступивъ однажды на путь завоеваній, Пруссія не остановилась бы на полъ-дорогѣ; присоединеніе герцогствъ послужило бы для нея основой дальнѣйшихъ, болѣе обширныхъ плановъ. Для Австріи вопросъ о борьбѣ съ Пруссіей представляется, поэтому, только вопросомъ времени. Отложивъ борьбу на нѣсколько лѣтъ, она могла бы укрѣпить свой государственный организмъ, поправить свои финансы, найти союзниковъ между европейскими державами — но Пруссія, между тѣмъ, могла бы сдѣлать шагъ впередъ еще болѣе важный, расширить свои предѣлы, усилить свое вліяніе въ такой же мѣрѣ, въ какой ослабѣло бы вліяніе Австріи, если бы она допустила присоединеніе герцогствъ. Со стороны Пруссіи желаніе ускорить развязку объясняется преимущественно внутреннимъ положеніемъ государства. Правительство, идущее внутри страны на перекоръ требованіямъ народа, можетъ удержаться только посредствомъ внѣшнихъ успѣховъ, посредствомъ побѣдъ и завоеваній. Само собою разумѣется, что, предпринимая войну, оно рискуетъ больше нежели всякое другое; оно знаетъ, что неудача не обойдется ему даромъ — но оно идетъ на встрѣчу опасности, потому что безъ нея паденіе представляется ему еще болѣе близкимъ и вѣроятнымъ. Лишенный всякой твердой опоры, заранѣе увѣренный въ томъ, что новые выборы не измѣнятъ состава палаты депутатовъ, Бисмаркъ долженъ былъ желать войны, какъ единственнаго выхода изъ затрудненій, въ которыя онъ самъ себя поставилъ. Король Вильгельмъ не расположенъ ни по природѣ, ни по убѣжденіямъ своимъ, къ смѣлому предпріятію, нарушающему существующій государственный порядокъ; но оно сдѣлалось для него почти фа-

тальною необходимостью съ тѣхъ поръ, какъ онъ связалъ свою судьбу съ судьбою Бисмарка. Призвавъ къ власти либеральное министерство, онъ могъ бы избѣгнуть войны, безъ всякаго вреда для Пруссіи, для ея достоинства и чести; оставляя Бисмарка во главѣ управленія, онъ обрекаетъ себя на рѣшительный шагъ, послѣдствій котораго онъ ни предвидѣть, ни предупредить не можетъ.

Мы старались изобразить положеніе правительствъ, готовящихся къ войнѣ; но съ какимъ чувствомъ ожидаетъ ея весь германскій народъ? Видитъ ли онъ въ ней начало великой борьбы, которая должна создать германское единство? Расположенъ ли онъ отдать свою поддержку, или по крайней мѣрѣ свое сочувствіе, той сторонѣ, которая вступитъ въ бой во имя этой идеи? Года два тому назадъ можно было думать, что идея германскаго единства, почти забытая послѣ неудачъ 1848 — 49 г., пробудилась вновь съ удвоенною силой, что за нее готово вооружиться, въ данную минуту, если не большинство всего народа, то по крайней мѣрѣ огромное большинство мыслящихъ людей Германіи. Національное общество, основанное съ цѣлью унитарной пропаганды, распространяло все больше и больше кругъ своихъ дѣйствій и начинало проникать даже въ южную Германію, до тѣхъ поръ не хотѣвшую и слышать о прусской гегемоніи. Празднества пѣвцевъ, стрѣлковъ, гимнастовъ проводили въ народъ сознаніе національнаго единства и возбуждали въ немъ потребность единства политическаго. Историки, публицисты, философы проповѣдывали необходимость соединенія, возставали противъ партикуляризма, противъ племенныхъ и областныхъ антипатій, такъ дорого стоившихъ Германіи. Само собою разумѣется, что всего сильнѣе стремленіе къ единству проявлялось въ Пруссіи, потому что она надѣялась играть главную роль при объединеніи Германіи и занять первое мѣсто въ Германіи объединенной. Прусское королевство, составленное изъ разнообразныхъ элементовъ, соединяющее въ себѣ всѣ особенности сѣверогерманской и южногерманской жизни, обнимающее собою и католиковъ, и протестантовъ, и тяжеловѣсныхъ жителей южно-балтійскаго прибрежья, и подвижныхъ уроженцевъ Рейнской провинціи — служитъ самымъ яркимъ доказательствомъ тому, что въ Германіи, какъ и вездѣ, возможно обширное, могущественное и крѣпко сплоченное государство. Съ мыслью о такомъ государствѣ пруссаки сроднились и раньше, и полнѣе, чѣмъ подданные другихъ нѣмецкихъ государей. На ганноверцахъ или брауншвейгцахъ образованіе германской имперіи отозвалось бы прежде всего возвышеніемъ государственныхъ налоговъ; для пруссаковъ оно повлекло бы за собою скорѣе пониженіе ихъ. Пруссія имѣетъ уже теперь огромное войско, строитъ флотъ, воздвигаетъ и поддерживаетъ множество крѣпостей; присоединивъ къ себѣ нѣсколько другихъ владѣній или войдя въ составъ германской имперіи, она могла бы умень

шить, сравнительно, тягость этихъ расходовъ, потому что въ покрытіи ихъ стали бы участвовать населенія, не платящія теперь ничего (напримѣръ на содержаніе флота) или платящія гораздо меньше. Воспоминанія о 1849 г., когда императорская корона была уже почти въ рукахъ гогенцоллернскаго дома, вѣковая вражда къ Австріи, желаніе стоять наряду съ великими европейскими державами и недостатокъ силъ для фактическаго равенства съ ними—все это вмѣстѣ взятое заставляетъ пруссаковъ поклоняться идеѣ германскаго единства, и на все это разсчитывалъ Бисмаркъ, приготовляя свои честолюбивые планы. Онъ былъ увѣренъ, что найдетъ для нихъ поддержку въ пруссакахъ, и не заботился затѣмъ ни о содѣйствіи, ни даже о согласіи германскаго народа. Мы уже видѣли, что палата депутатовъ не оправдала до сихъ поръ ожиданій Бисмарка; нельзя сказать однако, чтобы разсчетъ его оказался совершенно ошибочнымъ. Приманки территоріальныхъ приращеній и военной славы не осталась безъ вліянія на умы пруссаковъ. Либеральная партія не рѣшилась высказаться открыто за внѣшнюю политику Бисмарка, но не рѣшилась также и осудить ее, отказаться отъ всякой солидарности съ нею. Въ концѣ 1863 г. огромное большинство палаты депутатовъ просило короля вступиться за права принца Аугустенбургскаго, *законнаго* государя приэльбскихъ герцогствъ. Заявивъ такимъ образомъ свое мнѣніе по шлезвигъ-голштинскому вопросу, палата должна была настаивать на принятіи его — или объяснить причины, по которымъ она отъ него отступаетъ. Она не сдѣлала ни того, ни другого; она предпочла молчать и предоставить, своимъ молчаніемъ, полную свободу дѣйствій министерству. Почему? Потому что она желаетъ присоединенія герцогствъ, но не хочетъ признаться въ этомъ, чтобы не впасть въ противорѣчіе съ прежнею декларацiей своей, чтобы оградить себя отъ обвиненія въ сообществѣ съ г. Бисмаркомъ. Молчаніе палаты не достигаетъ своей цѣли; оно не снимаетъ съ нея отвѣтственности за дѣйствія, результатъ которыхъ она безмолвно одобряетъ, оно ставитъ ее въ фальшивое отношеніе къ министерству, къ странѣ, ко всей Германіи. Оно отнимаетъ у нея возможность протестовать противъ возмутительнаго деспотизма, которому подчинены *освобожденныя* герцогства, противъ такихъ вопіющихъ и безсмысленныхъ мѣръ, какъ напримѣръ произвольное задержаніе Мая [1]), противъ всей системы управленія Мантейфеля и Цедлица, возбуждающей въ Шлезвигѣ глубокую ненависть къ пруссакамъ. Гаштейнская конвенція, достойная тѣхъ временъ, когда народами торговали какъ стадомъ, вызвала всеобщее негодованіе въ Германіи

[1]) Редактора «Шлезвигъ - Голштинской газеты,» схваченнаго въ Альтонѣ прусскими солдатами и привезеннаго въ прусскій городъ для преданія суду, который однако оправдалъ его.

и въ Европѣ. Комитетъ тридцати шести, учрежденный въ 1863 г. для наблюденія, отъ имени народа, за ходомъ шлезвигъ-голштинскаго дѣла, поспѣшилъ созвать общее собраніе всѣхъ нѣмецкихъ депутатовъ (Abgeordnetentag), чтобы осудить неслыханный образъ дѣйствій руководящихъ германскихъ правительствъ. Прусскіе депутаты, за весьма немногими исключеніями, отказались послѣдовать этому призыву. Ничтожная матеріальная выгода, которую доставляла Пруссіи гаштейнская конвенція (присоединеніе Лауенбурга), перевѣсила въ ихъ глазахъ все нравственное безобразіе этого договора. Они рѣшились оправдать средство изъ-за цѣли, хотя въ данномъ случаѣ цѣль была далеко не такъ важна, чтобы къ ней стоило стремиться какими бы то ни было путями. Съ этихъ поръ прусская либеральная партія сдѣлалась, волей или неволей, соучастницей Бисмарка. Она потеряла, по крайней мѣрѣ отчасти, довѣріе германскаго народа, нисколько не улучшивъ своего положенія внутри государства. Еслибы прусскіе депутаты присоединились, въ октябрѣ прошедшаго года, къ франкфуртскому протесту противъ гаштейнской конвенціи, Бисмаркъ не рѣшился бы, можетъ быть, такъ легко и такъ смѣло на разрывъ съ Австріей и германскимъ союзомъ.

Въ колебаніяхъ прусской палаты депутатовъ отражается съ полною ясностью борьба двухъ чувствъ, одинаково сильныхъ въ большинствѣ прусскихъ либераловъ: любви къ свободѣ и жажды могущества и славы. Люди болѣе послѣдовательные и энергическіе поняли необходимость сдѣлать выборъ между этими двумя чувствами, принести одно изъ нихъ, по крайней мѣрѣ на время, въ жертву другому. Одни остались при томъ убѣжденіи, что свобода — лучшій источникъ силы; другіе рѣшили, на оборотъ, что первая невозможна безъ послѣдней. Одни не хотятъ вѣрить въ успѣхъ предпріятія, основаннаго исключительно на грубой силѣ; другіе смѣются надъ простосердечіемъ тѣхъ, которые надѣются обойтись безъ этого средства. Одни ожидаютъ рѣшенія отъ самого народа,—другіе хотятъ осчастливить народъ независимо отъ его воли. Въ нѣмецкой наукѣ господствуетъ съ нѣкоторыхъ поръ реакція противъ космополитизма—во имя національнаго чувства, противъ радикальныхъ ученій — во имя практическаго смысла, противъ индивидуальной свободы — во имя власти; противъ правъ человѣка — во имя правъ государства. Нѣмецкимъ ученымъ наскучило слыть мечтателями, идеалистами, людьми отвлеченной мысли, а не жизни; они рѣшились подать примѣръ трезваго, дѣловаго отношенія ко всѣмъ вопросамъ государственнаго устройства, — но вступили на этотъ новый путь, не измѣняя своихъ обычныхъ пріемовъ. Они систематизируютъ теперь понятіе о государствѣ, какъ систематизировали прежде понятія о верховной индивидуальной волѣ. Они представляютъ государство какъ нѣчто самостоятельное, существующее ради самого себя

и служащее само себѣ цѣлью (Selbstzweck); они окружаютъ его блестящимъ ореоломъ, передъ которымъ меркнетъ все отдѣльное и частное. Въ руководящемъ началѣ государства, въ правительственной власти, они видятъ силу, укрѣпленіе которой должно быть главною цѣлью всѣхъ общихъ и личныхъ стремленій. Организація власти въ тѣхъ размѣрахъ и на такихъ основахъ, какихъ они для нея желаютъ представляется возможной только въ обширныхъ государствахъ. Понятно, почему ученые этой политической школы принадлежатъ къ числу самыхъ ревностныхъ приверженцевъ германскаго единства. Сознавая какъ нельзя лучше всѣ неудобства, проистекавшія и проистекающія для Германіи изъ государственной раздробленности ея, они считаютъ объединеніе Германіи первымъ, необходимымъ условіемъ для счастія германскаго народа. Они проповѣдуютъ централизацію съ такимъ же жаромъ, съ какимъ возстаютъ противъ нея передовые французскіе мыслители; и тѣ, и другіе хотятъ порядка вещей прямо противоположнаго тому, недостатки котораго имъ слишкомъ хорошо извѣстны. Во главѣ новой школы стоятъ Зибель, Гнейстъ, Блунчли, Трейтшке. Ученіе, выработанное ими, не могло остаться безъ практическихъ послѣдствій. Оно образовало кружокъ людей, убѣжденныхъ въ необходимости *сильныхъ мѣръ* для объединенія Германіи, даже для усиленія Пруссіи, какъ той державы, которая должна сдѣлаться центромъ будущей Германской монархіи,—и считающихъ достиженіе этой цѣли гораздо болѣе важнымъ, чѣмъ развитіе и укрѣпленіе свободныхъ учрежденій. Они готовы соединиться хоть съ Бисмаркомъ, лишь бы только ускорить торжество прусской гегемоніи. Ученики, какъ это часто бываетъ, идутъ дальше своихъ учителей, и намъ самимъ случалось слышать, какъ молодые поклонники Гнейста упрекали его въ непослѣдовательности, по поводу нападеній его на министерство Бисмарка. Число безусловныхъ приверженцевъ новаго ученія еще не велико, но вліяніе его проникаетъ мало по малу во всѣ общественныя сферы. Оно становится замѣтнымъ и въ прусской либеральной журналистикѣ, многіе органы которой (напримѣръ National-Zeitung) не скрываютъ своего сочувствія къ внѣшней политикѣ Бисмарка.

Другая партія, или лучше сказать другая группа — группа людей, отвергающихъ политику насилія и завоеваній — состоитъ не изъ систематическихъ противниковъ единства, не изъ защитниковъ *союза государствъ* (Staatenbund) и франкфуртскаго сейма. Она состоитъ изъ искреннихъ друзей свободы, убѣжденныхъ въ томъ, что если раздробленіе Германіи на множество отдѣльныхъ владѣній и не способствуетъ широкому развитію политической жизни, то еще менѣе способствовало бы ему созданіе одной военно-бюрократической монархіи, по образцу наполеоновской Франціи или Пруссіи г. Бисмарка. Единство Германіи представляется для нихъ только средствомъ, а не цѣлью,—

средствомъ къ устраненію преградъ, стѣсняющихъ теперь личную и общественную свободу, къ увеличенію матеріальнаго благосостоянія, къ усиленію умственнаго движенія въ средѣ германскаго народа. Безъ этихъ условій германское единство было бы, въ ихъ глазахъ, пріобрѣтеніемъ весьма сомнительнаго свойства. Для того, чтобы единая Германія была свободнѣе и счастливѣе Германіи раздробленной, необходимо, во-первыхъ, чтобы государство, соединившее въ себѣ или вокругъ себя всѣ остальныя, обезпечило своимъ новымъ подданнымъ сумму правъ и гарантій болѣе значительную въ сравненіи съ прежней; во-вторыхъ, чтобы соединеніе совершилось полюбовно, съ согласія или по крайней мѣрѣ не прямо противъ воли присоединенныхъ населеній. Покореніе открытой силой всегда почти оставляетъ въ покорителяхъ сѣмена недовѣрія, въ покоренныхъ — сѣмена неудовольствія, препятствующія установленію законнаго порядка и замедляющія развитіе народа. Кто смотритъ на дѣло съ этой точки зрѣнія, тотъ не можетъ держать сторону г. Бисмарка. Присоединеніе къ Пруссіи, управляемой ретрограднымъ министерствомъ, было бы перемѣной къ лучшему развѣ для Мекленбурга и Гессенъ-Касселя; для всѣхъ другихъ государствъ Германіи оно было бы положительнымъ проигрышемъ, на который ни одно изъ нихъ не согласилось бы добровольно (мы говоримъ о населеніяхъ, а не о государяхъ: со стороны послѣднихъ, за самыми немногими исключеніями, добровольное согласіе было бы немыслимо даже при идеально-совершенномъ управленіи Пруссіи). Германское единство имѣетъ противъ себя Австрію, почти всѣ великія негерманскія державы, почти всѣхъ второстепенныхъ германскихъ государей; достигнуть его Пруссія могла бы только съ помощію германскаго народа — но въ настоящую минуту народъ стоитъ не на сторонѣ Пруссіи, а на сторонѣ противниковъ ея. Въ отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствахъ еще силенъ духъ партикуляризма, коренящійся въ исторіи ихъ, искусственно возбуждаемый свыше, поддерживаемый тѣми матеріальными выгодами, которыми пользуются жители этихъ государствъ сравнительно съ пруссаками. Одержать верхъ надъ внѣшними и внутренними врагами, надъ духомъ партикуляризма, надъ инерціей, свойственной массамъ, надъ привязанностью ихъ къ ближайшимъ, непосредственнымъ своимъ интересамъ, стремленіе къ единству могло бы только при обстановкѣ исключительно благопріятной; въ настоящее время оно не имѣетъ почти никакихъ шансовъ успѣха. Неудачный исходъ войны можетъ лишить Пруссію даже той доли вліянія, которая принадлежала ей до сихъ поръ въ дѣлахъ общенѣмецкихъ; въ случаѣ удачи, Пруссія можетъ, пожалуй, сдѣлать нѣсколько территоріальныхъ пріобрѣтеній — но бѣдствія междоусобной войны и раздраженіе, вызванное ею, отстрочатъ и затруднятъ осуществленіе германскаго единства. Вотъ почему въ самой Пруссіи слышно такъ

много голосовъ противъ войны, замышляемой г. Бисмаркомъ. Замолкнутъ ли эти голоса, когда раздастся первый выстрѣлъ на саксонской или силезской границѣ? Устоятъ ли внушенія разсудка противъ воинственнаго увлеченія, которому слишкомъ расположена поддаваться Пруссія? Многое зависитъ, безъ сомнѣнія, отъ результата предстоящихъ выборовъ и отъ образа дѣйствій новой палаты депутатовъ; многое зависитъ и отъ того, когда именно начнутся военныя дѣйствія. Если палата застанетъ войну, какъ фактъ уже совершившійся, остановить ее будетъ очень трудно; въ противномъ случаѣ палата будетъ имѣть возможность предупредить войну, отказавъ правительству въ средствахъ для ея веденія. Война съ Даніей, продолжавшаяся недолго и требовавшая сравнительно небольшихъ усилій, могла быть приведена къ окончанію безъ займовъ и чрезвычайныхъ налоговъ; но для войны съ Австріей конечно не хватитъ запасныхъ суммъ прусскаго казначейства. Рѣшительное veto палаты возвратило бы спокойствіе Германія и нанесло бы, быть можетъ, смертельный ударъ министерству Бисмарка, существованіе котораго такъ тѣсно связано съ вопросомъ о войнѣ или мирѣ.

Судя по нѣкоторымъ признакамъ, самъ Бисмаркъ начинаетъ сознавать свою громадную ошибку и принимать мѣры къ ея исправленію. Онъ предлагаетъ созвать общегерманскій парламентъ, т. е. предоставить народу непосредственное участіе въ рѣшеніи вопросовъ, составляющихъ предметъ спора между великими державами; онъ подаетъ голосъ въ пользу возстановленія демократическаго избирательнаго закона, изданнаго франкфуртскимъ парламентомъ въ 1848 г. Мы нисколько не удивимся, если онъ сдѣлаетъ попытку примиренія съ палатой депутатовъ и попробуетъ возвратиться, по крайней мѣрѣ наружно, къ конституціонному порядку управленія. Удивителенъ, въ нашихъ глазахъ, былъ бы только успѣхъ такихъ попытокъ. Есть превращенія, въ искренность которыхъ невозможно вѣрить; есть поступки, которыхъ не можетъ и не долженъ забывать народъ. Министръ, пренебрегавшій, въ продолженіе четырехъ лѣтъ, свободой и правомъ, неспособенъ стоять во главѣ либеральнаго министерства; но еслибы онъ и былъ къ тому способенъ, предоставленіе ему такой почетной роли было бы слишкомъ явнымъ нарушеніемъ законовъ политической нравственности. Образъ дѣйствій подобный тому, котораго держался г. Бисмаркъ, перестанетъ быть возможнымъ только тогда, когда для государственнаго человѣка, упавшаго такъ низко, будетъ закрытъ всякій путь къ возвышенію, когда прошедшее его будетъ лежать на немъ неизгладимымъ пятномъ, удаляющимъ его навсегда съ политическаго поприща. Званіе либерала доставалось бы слишкомъ легко, еслибы можно было принимать его на себя вслѣдъ за цѣлымъ рядомъ незаконныхъ и насильственныхъ дѣйствій; ретроградная поли-

тика представляла бы слишкомъ много приманокъ, еслибы можно было отказаться отъ нея въ ту минуту, когда она становится невыгодной и неудобной, и все-таки сохранить за собою власть, пріобрѣтенную чрезъ ея посредство. При такой легкости перехода отъ одной системы къ другой, противоположной, политика обратилась бы въ непрерывную цѣпь болѣе или менѣе смѣлыхъ экспериментовъ; въ случаѣ неудачи одного, стоило бы только прибѣгнуть къ другому, потомъ къ третьему или опять къ первому, — и такъ далѣе до безконечности. Преданность извѣстной идеѣ сдѣлалась бы совершенно излишней, твердость убѣжденій — даже стѣснительной для государственнаго человѣка. До такого положенія дѣлъ не дошелъ, къ счастію, ни одинъ изъ европейскихъ народовъ, хотя каждому изъ нихъ случалось переживать минуты близкія къ нему. Въ прусскомъ народѣ слишкомъ сильно развито сознаніе права, чтобы онъ могъ признать въ г. Бисмаркѣ настоящаго руководителя своего на пути къ величію и свободѣ. Изъ той среды, къ которой принадлежитъ г. Бисмаркъ—изъ среды прусскаго юнкертума—не вышло до сихъ поръ еще ни одной реформы, ни одного реформатора; и не г. Бисмарку суждено быть первымъ исключеніемъ изъ этого правила. Ошибочно было бы думать, что онъ возвышается надъ уровнемъ своей партіи; онъ расходится съ нею только въ томъ, что отвергаетъ необходимость союза съ Австріей—но это разногласіе касается не принципа, а способа примѣненія его. Большинство прусскихъ феодаловъ полагаетъ, что торжество консервативныхъ началъ невозможно безъ тѣснаго союза между Пруссіею и Австріею; по мнѣнію Бисмарка, Пруссія можетъ быть консервативна и безъ посторонней поддержки. Справедливо ли это мнѣніе или несправедливо, — слѣдовъ либеральнаго, просвѣщеннаго образа мыслей въ немъ безъ сомнѣнія никто не откроетъ. Во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ Бисмаркъ можетъ быть поставленъ на одну доску съ ганноверскимъ Боррисомъ или гессенкассельскимъ Гассенпфлугомъ, нѣсколько ниже баварскаго фонъ-деръ-Пфордтена или саксонскаго Бейста. Разница между ними заключается преимущественно въ томъ, что онъ дѣйствуетъ въ сферѣ болѣе обширной, располагаетъ средствами болѣе значительными, и производитъ поэтому несравненно больше эффекта и шуму. Представимъ себѣ, что сегоднишній день былъ бы послѣднимъ въ политической карьерѣ г. Бисмарка; какое воспоминаніе сохранилось бы о немъ въ исторіи Пруссіи? Какая реформа осталась бы связанною съ его именемъ? Въ чемъ заключались бы положительные разультаты его дѣятельности? На всѣ эти вопросы возможенъ только одинъ отвѣтъ, крайне неблагопріятный для г. Бисмарка. Онъ не сдѣлалъ рѣшительно ничего не только для государства, но даже для своей партіи; всѣ его мѣры носятъ на себѣ характеръ временной, палліативный, непрочный; онъ не разрѣшилъ ни одного спорнаго вопроса, не примирилъ ни

одного противорѣчія, не измѣнилъ ни одной черты въ государственномъ и общественномъ устройствѣ Пруссіи. Европейская извѣстность, пріобрѣтенная имъ въ короткое время, объясняется его смѣлостью или лучше сказать его дерзостью, его подвижностью и суетливостью, обаяніемъ тайны, въ которую онъ умѣетъ облекать свои планы. Онъ принадлежитъ, вмѣстѣ съ Наполеономъ III, къ числу тѣхъ людей, которымъ всегда приписываютъ гораздо больше, чѣмъ они на самомъ дѣлѣ замышляютъ, въ каждомъ словѣ, въ каждомъ поступкѣ, даже въ молчаніи которыхъ хотятъ видѣть тонкій разсчетъ, глубокую прозорливость. Репутація такихъ людей основывается не столько на дѣйствительныхъ талантахъ или заслугахъ, сколько на воображеніи публики, создающемъ изъ нихъ, еще при ихъ жизни, какихъ-то миѳическихъ героевъ, Несторовъ или Улиссовъ. Репутація, сложившаяся такимъ образомъ, не можетъ быть продолжительна; исторія низведетъ Бисмарка на степень весьма обыкновенныхъ смертныхъ, подобно тому, какъ это уже сдѣлано ею въ отношеніи къ Меттерниху и Таллейрану. Предложеніе созвать общегерманскій парламентъ, въ которомъ поклонники Бисмарка видятъ чуть ли не маккіавельское искусство, доказываетъ по нашему мнѣнію, только одно: что Бисмаркъ не понимаетъ ни народа, ни эпохи, среди которыхъ ему приходится дѣйствовать. Онъ не понимаетъ, что возвратить Пруссіи довѣріе Германіи можетъ только радикальная, существенная перемѣна въ прусской правительственной системѣ, и что уступки чисто формальныя, вынужденныя обстоятельствами, свидѣтельствуютъ развѣ о слабости, а никакъ не о доброй волѣ уступающаго. Только человѣкъ до крайности ослѣпленный можетъ не видѣть той простой истины, что созванію общегерманскаго парламента, со стороны Пруссіи, должно предшествовать примиреніе съ парламентомъ берлинскимъ.

Событія послѣднихъ четырехъ лѣтъ доказываютъ съ полною ясностью, что для блага Пруссіи и всей Германіи, для спокойствія Европы, необходимъ рѣшительный поворотъ въ движеніи прусской государственной жизни. Могучія силы прусскаго народа не должны быть отвлекаемы къ недостижимымъ цѣлямъ личнаго честолюбія; онѣ должны быть обращены въ мирный, производительный трудъ всестороннихъ реформъ, въ которыхъ давно нуждается Пруссія. Занявшись этимъ трудомъ, пруссаки перестанутъ мечтать объ измѣненіи карты Европы; осуществленіе германскаго единства будетъ отложено до тѣхъ поръ, когда оно будетъ возможно безъ кровопролитія и потрясеній. Условіемъ sine qua non для этой перемѣны представляется согласіе между правительствомъ и сеймомъ, — согласіе, основанное не на шаткомъ компромиссѣ, а на удовлетвореніи, добросовѣстномъ и полномъ, всѣхъ законныхъ требованій палаты депутатовъ. Мы видѣли, какъ скромны были эти требованія въ 1862 г.; въ настоящее время они идутъ развѣ

немногимъ дальше. Либеральная партія постарается, безъ сомнѣнія, выговорить себѣ гарантіи, которыя обезпечили бы ее противъ новаго господства фонъ-деръ-Гейдтовъ, Рооновъ и Бисмарковъ; но она удовольствуется, на первый разъ, не слишкомъ многимъ и приступитъ къ дѣлу преобразованій, не настаивая на томъ, чтобы они всѣ были произведены въ одно и тоже время. Къ такимъ же результатамъ можетъ привести Пруссію и неудачная война съ Германіей и Австріей (припомнимъ, что обновленіемъ своимъ въ началѣ XIX вѣка Пруссія была обязана катастрофѣ 1806 г.); но мы еще не теряемъ надежды, что она достигнетъ ихъ безъ жертвъ и бѣдствій междоусобной распри, и что война, угрожающая Германіи, если не будетъ предотвращена, то ее остановитъ, въ самомъ ея началѣ, благоразуміе прусскаго народа.

К. АРСЕНЬЕВЪ.

Всего 722 страницы.

М. Стасюлевичъ.
Издатель и отвѣтственный редакторъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

ГГ. ПОДПИСЧИКАМЪ.

Первый томъ «Вѣстника Европы», вышедшій 9 марта, былъ сданъ въ Газетную Экспедицію С.-Петербургскаго Почтамта на слѣдующій же день для отправки подписавшимся до выхода журнала. Тѣмъ же лицамъ, которыя подписывались позже, Редакція отправляла экземпляры чрезъ Газетную Экспедицію одинъ разъ въ недѣлю и чаще, если накоплялось много требованій. — Только два мѣсяца спустя, начали являться жалобы отъ гг. подписчиковъ, и именно отъ тѣхъ, которые подписались до выхода журнала, на неполученіе ими перваго тома. — Оказалось, что въ первый же день отправленія, и по сдачѣ Редакціею должнаго числа экземпляровъ, большое число ихъ исчезло, но неизвѣстно, какое именно. До сихъ поръ поступило до 12 жалобъ, но есть причины думать, что пропало гораздо большее число экземпляровъ. — Почтамтъ немедленно удовлетворилъ подписчиковъ, предъявившихъ требованія, и доставилъ имъ вторично новые экземпляры, на счетъ виновныхъ въ потерѣ сданныхъ Редакціею книгъ; но за тѣмъ остается неизвѣстнымъ, кто еще изъ гг. подписчиковъ не получилъ своего экземпляра; а потому Редакція покорнѣйше проситъ, по прибытіи этого втораго тома, поспѣшить дать ей знать о неполученіи мартовской книги, по слѣдующему адресу: Спб. Галерная, 20, въ Редакцію журнала «Вѣстникъ Европы».

